
VE RI
TAS

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXVIII.

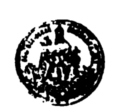
1901.

НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „В. С. Балашевъ и К°", Наб. Фонтанки, д. 95.
1901

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Наша учебная литература.

(*См. 3-ю стр. обложки*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXVIII.

1901.

НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ БЛАГОДАРНОСТИ.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, о пожертвованіи оберъ-камергеромъ двора Его Императорскаго Величества Еммануиломъ Дмитріевичемъ Нарышкинымъ каменнаго зданія въ пользу Тамбовскаго Екатерининскаго учительскаго института, Собственноручно начертать соизволилъ: „Выражаю оберъ-камергеру Нарышкину Мою искреннюю благодарность".

Объявляется Высочайшая благодарность товарищу министра народнаго просвѣщенія, сенатору, тайному совѣтнику Ивану *Мѣщанинову*, за отличные двухмѣсячные труды по управленію министерствомъ во время отсутствія изъ С.-Петербурга министра народн. просвѣщенія.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(8-го сентября 1901 года, № 73). *Назначаются*: ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, магистръ римской словесности, коллежскій совѣтникъ *Брокъ*— директоромъ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, съ 1-го сентября; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ ботаники, коллежскій ассессоръ *Гордягинъ* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ ботаники.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, врачъ клиническаго военнаго госпиталя, докторъ меди-

цины, коллежскій ассессоръ *Тонковъ* профессоромъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, по нормальной анатоміи.

(14-го сентября 1901 года, № 74). *Назначаются*: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, докторъ математики, статскій совѣтникъ *Пташицкій* и Московскаго, докторъ римской словесности, коллежскій совѣтникъ *Покровскій*: первый — сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, по каѳедрѣ чистой математики, а второй—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ классической филологіи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Московской пятой гимназіи, статскій совѣтникъ *Фаминскій* — инспекторомъ студентовъ Императорскаго Московскаго университета; приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, магистръ ботаники, надворный совѣтникъ *Ивановскій*, св. Владиміра, магистръ славянской филологіи *Радченко* и Новороссійскаго, магистръ греческой словесности *Мандесъ* — экстраординарными профессорами: первый — Императорскаго Варшавскаго университета, по каѳедрѣ ботаники, а послѣдніе двое—историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, изъ нихъ: Радченко по церковно-славянскому и русскому языкамъ и по славянскимъ нарѣчіямъ, а Мандесъ по греческой словесности.

Утверждается губернскій секретарь *Ждановъ* — почетнымъ попечителемъ Одесскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ народныхъ училищъ Костромской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Петровскій* и инспекторы студентовъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Карпинскій* и Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Державинъ*, всѣ трое съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Казанскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи *Бораковскій* — съ 1-го января 1900 г.; по Кавказскому учебному округу, воспитатель пансіона Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища *Роменскій* — съ 7-го декабря 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, магистръ финансоваго права, *Горбъ-Ромашкевичъ*—съ 21-го

февраля 1897 г. и Новороссійскаго (исправляющій должность) магистръ философіи, *Казанскій* — съ 16-го мая 1896 г.; по Одесскому учебному округу: учитель Болградской женской гимназіи *Ямболовъ*— съ 5-го іюня 1898 г.; врачи: Одесскаго городского шестикласснаго училища „Ефрусси", *Брусиловскій*—съ 14-го ноября 1895 г.; Елисаветградскаго 1-го одноклассного еврейскаго училища, *Загорскій* (онъ же Шульдинеръ)—съ 3-го февраля 1900 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Витебской гимназіи: *Воскресенскій*—съ 1-го февраля 1901 г. и *Крашенинниковъ*—съ 21-го ноября 1900 г. и Виленскаго учительскаго института, *Монблановъ*—съ 6-го октября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Кубанской области *Минервинъ*—съ 4-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Мухинъ*—съ 15-го іюля 1895 г.; врачъ Сестрженцевича уѣзднаго училища, лѣкарь *Корабевичъ* — съ 16-го декабря 1900 г.; по Императорской публичной библіотекѣ: старшій помощникъ библіотекаря *Чечулинъ* — съ 27-го января 1901 г. и завѣдывающій хозяйственною частью библіотеки *Трескинъ*—съ 18-го января 1901 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: Бердянской гимназіи: *Дидуненко*—съ 14-го февраля 1900 г. и *Мухинъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; учитель-инспекторъ Евпаторійскаго городского трехкласснаго училища *Штейнъ* — съ 1-го іюля 1899 г.; учителя городскихъ четырехклассныхъ училищъ: Александрійскаго, *Сычевъ* — съ 10-го октября 1899 г., Измаильскаго: *Гавриловъ*—съ 22-го августа 1899 г. и *Степанковскій*—съ 19-го марта 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Симферопольской гимназіи *Аретинскій*—съ 1-го марта 1901 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: реальныхъ училищъ: Виленскаго, *Барашковъ* — съ 1-го іюля 1900 г. и Минскаго, *Спасскій*—съ 10-го августа 1900 г. и Виленскаго учительскаго института, *Сучко*—съ 1-го августа 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Минскаго реальнаго училища *Нивроцкій* — съ 24-го февраля 1901 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя: Соликамскаго городского училища, *Богомоловъ* — съ 1-го августа 1896 г., Алапаевскаго городского училища, *Васильевъ* — съ 1-го іюля 1899 г., Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища, *Зворыкинъ*—съ 1-го іюля 1900 г., Красноуфимскаго промышленнаго, *Прикъ* — съ 1-го сентября 1900 г., Бирской инородческой учительской школы, *Лебедевъ* — съ 29-го сентября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Елисаветпольской,

Абуладзе — съ 1-го августа 1899 г., 3-й Тифлисской: *Покровскій* и *Корицкій*, оба — съ 13-го іюня 1900 г., Эриванской, *Храпко* — съ 20-го января 1900 г. и Бакинскаго реальнаго училища, *Кренкель* — съ 1-го августа 1899 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Императорской публичной библіотекѣ, старшій помощникъ библіотекаря *Саитовъ* — съ 29-го сентября 1900 г.; по Одесскому учебному округу: учитель Бердянской женской гимназіи *Рудевичъ*—съ 10-го января 1901 г.; врачъ Ананьевскаго еврейскаго начальнаго училища, *Лихтерманъ* — съ 24-го апрѣля 1899 г.; учителя городскихъ училищъ: Екатеринославскаго 1-го трехкласснаго, *Калинъ*—съ 10-го февраля 1899 г., Измаильскаго четырехкласснаго, *Поляковъ* (онъ же Борисовъ) — съ 1-го августа 1896 г., Одесскаго шестикласснаго „Ефрусси", *Тищенко* — съ 1-го сентября 1900 г. и приготовительнаго класса Павлоградской гимназіи, *Лозановскій* — съ 1-го февраля 1901 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Миргородскаго городского училища, *Притуленко* — съ 1-го августа 1898 г. и приготовительнаго класса Витебской гимназіи, *Шохоль* — съ 11-го сентября 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель инспекторъ Нижнетагильскаго городского училища *Огарковъ* — съ 28-го іюля 1897 г.; учитель Оренбургскаго ремесленнаго училища *Рощинъ*—съ 9-го августа 1898 г.; сверхштатный учитель Орскаго городского училища *Копыринъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; воспитатель Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища *Логиновъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; учитель Нижнетагильскаго городского училища *Катаевъ*—съ 1-го августа 1900 г.; преподаватель Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища *Ошанинъ* — съ 31-го августа 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Кутаисской гимназіи: *Зайцевъ* — съ 22-го февраля 1898 г., реальныхъ училищъ: Ейскаго, *Бардакъ* — съ 29-го августа 1900 г. и Владикавказскаго, *Фуфаевъ*—съ 14-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Аккерманскаго пятикласснаго, *Скляренко* (онъ же Сюда)—съ 1-го августа 1897 г., Луганскаго четырехкласснаго, *Шишкинъ* — съ 16-го августа 1898 г., Одесскаго шестикласснаго, *Олихновичъ* — съ 1-го августа 1895 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кишиневской 1-й гимназіи, *Кисѣевъ* — со 2-го января 1900 г. и домашній учитель Херсонской дирекціи народныхъ училищъ *Фюмель*—съ 30-го января 1900 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Борисовскаго городского училища, *Чабатаре-*

вичъ—съ 1-го августа 1899 г. и Климовичскаго уѣзднаго училища, *Орловскій*—съ 11-го марта 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Орскаго: *Кучеренко*—съ 15-го сентября 1896 г. и *Абраменко* — съ 1-го сентября 1899 г., Нижнетагильскаго (сверхштатный) *Хлѣбниковъ*—съ 16-го ноября 1898 г., Екатеринбургскаго 1-го, *Елисѣевъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; по Кавказскому учебному округу, помощникъ воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи *Терновскій*—съ 21-го января 1899 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Харьковскому учебному округу, почетный смотритель Обоянскаго уѣзднаго училища, Курской губерніи, *Питра*—съ 19-го октября 1894 г.; по Кавказскому учебному округу: письмоводитель Тифлисской 1-й гимназіи *Трифоновъ* — съ 1-го января 1901 г.; помощникъ воспитателя пансіона Эриванской гимназіи *Фотиновъ* — съ 9-го февраля 1896 г. и учитель надзиратель Грозненской горской школы, *Эльдархановъ* — съ 1-го іюля 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу, учитель Алапаевскаго городского училища *Шигаевъ* — съ 16-го сентября 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Императорской публичной библіотекѣ, помощникъ завѣдывающаго читальною залою *Балтромайтисъ* — съ 1-го января 1901 г.; по Одесскому учебному округу, почетный смотритель Евпаторійскаго городского трехкласснаго училища *Бендебери*—съ 1-го января 1901 г.; по Кавказскому учебному округу, учитель Майкопскаго низшаго механико-техническаго училища Императора Александра III, *Лобановскій* — съ 1-го іюля 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, старшій учитель Тамирскаго двухкласснаго училища *Щербаковъ*—съ 6-го іюля 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Одесскому учебному округу: почетный смотритель Славяно-Сербскаго городского двухкласснаго училища *Шейерманъ*—съ 30-го ноября 1899 г.; учителя: Одесскаго Кривобалковскаго № 48 городского приходскаго училища *Дубашевскій* — съ 14-го іюня 1900 г. и Одесскаго народнаго училища при Михайло-Семеновскомъ сиротскомъ домѣ *Панкѣевъ*—съ 23-го сентября 1897 г.; по Виленскому учебному округу: письмоводители: Витебской гимназіи, *Соколовскій* — съ 16-го марта 1901 г., Брестской прогимназіи *Демидовъ* — съ 5-го іюля 1900 г. и Виленскаго реальнаго училища, *Орловъ* — съ 1-го іюня 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу, учитель Оренбургскаго 2-го мужскаго приходскаго училища, *Карповъ* — съ 9-го августа 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: письмоводитель Майкопскаго реальнаго училища, *Якимовскій* — съ

1-го октября 1900 г. и завѣдывающій Троицкимъ станичнымъ училищемъ *Коцаревъ*—съ 7-го сентября 1900 г. и учитель Мужальскаго двухклассного нормальнаго сельскаго училища *Савинъ* — съ 1-го августа 1893 г.; по Варшавскому учебному округу, учитель черченія, рисованія и чистописанія Холмской учительской семинаріи *Ермаковъ*—съ 24-го августа 1892 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ *коллежскаго ассессора:* по Московскому учебному округу; учитель Брянской женской гимназіи *Сысонинъ*—съ 17-го сентября 1894 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: женскихъ гимназій: Маріупольской Маріинской *Александровичъ*—съ 9-го сентября 1896 г.; Одесской, содержимой А. И. Бракенгеймеръ, *Скибицкій* — съ 24-го января 1897 г., Ѳеодосійской мужской, *Бондарь* — съ 13-го января 1897 г., Ѳеодосійскаго учительскаго института, *Бѣлый*—съ 18-го ноября 1896 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Шавельской гимназіи, *Погодицкій*—съ 1-го октября 1896 г., Брестской прогимназіи, *Шигаковъ* — съ 24-го октября 1896 г., Двинскаго реальнаго училища: *Генке*—съ 8-го марта 1897 г. и *Щуровичъ*—съ 21-го апрѣля 1897 г.; по Оренбургскому учебному округу, преподаватель Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Окинчицъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: 2-й Тифлисской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, *Ліозенъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; Елисаветпольской: *Мироновичъ* — съ 16-го сентября 1896 г. и *Сидоровъ* — съ 9-го ноября 1896 г. и Кутаисскаго реальнаго училища, *Сидоренко*—съ 6-го ноября 1895 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Одесскому учебному округу, врачъ Херсонскаго городского пятиклассного училища, *Аршавскій*—съ 14-го февраля 1897 г., по степени лѣкаря; по Оренбургскому учебному округу, воспитатель Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища, *Мандрыка*—съ 1-го іюля 1896 г.; *коллежскаго секретаря*: по Императорской публичной библіотекѣ, младшій помощникъ библіотекаря *Банкъ*—съ 1-го января 1901 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; по Одесскому учебному округу, сверхштатный учитель Симферопольскаго городского пятиклассного училища *Молодцовъ*—съ 1-го августа 1896 г.; по Виленскому учебному округу, учитель Могилевскаго городского училища *Поповъ*—съ 1-го августа 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу, учителя городскихъ училищъ: Соликамскаго, *Рогожинъ*—съ 31-го августа 1891 г. и Златоустовскаго, *Воробьевъ*—съ 14-го октября 1899 г.; по Кавказскому

учебному округу, учитель Эриванской учительской семинаріи, *Халиловъ*—съ 12-го февраля 1897 г.; *коллежскаго регистратора*, по Виленскому учебному округу, учитель искусствъ Могилевскаго городского училища *Рудаковъ*—съ 1-го сентября 1895 г.

Переименовывается въ *коллежскіе секретари*, по Харьковскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Азовской прогимназіи, отставной поручикъ арміи *Мѣшковъ*.

(21-го сентября 1901 года, № 75). *Назначаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Куплеваскій*—ректоромъ того же университета, на четыре года; преподаватель Московской четвертой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Боголѣповъ*—инспекторомъ классовъ женской гимназіи фонъ-Дервизъ въ Москвѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; инспекторъ Оренбургской киргизской учительской школы, статскій совѣтникъ *Галановъ*—директоромъ Уфимскаго реальнаго училища, съ 1-го сентября; директоръ Киржачской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Смирновъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Калужской губерніи, статскій совѣтникъ *Богдановъ*—директорами народныхъ училищъ губерній: первый—Костромской, а второй—Калужской; приватъ-доцентъ и сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины *Линдеманъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра, по каѳедрѣ общей патологіи; инспекторъ Чухломскаго сельско-хозяйственно-ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова, коллежскій ассессоръ *Кирсановъ*—директоромъ Кологривскаго, имени Ѳ. В. Чижова, низшаго сельско-хозяйственно-техническаго училища.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, младшій врачъ Калужскаго мѣстнаго военнаго лазарета, докторъ медицины, коллежскій ассессоръ *Мышъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Томскаго университета, по каѳедрѣ теоретической хирургіи.

Увольняются, согласно прошеніямъ: ректоръ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ философіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лагермаркъ*—отъ первой изъ означенныхъ должностей; почетный попечитель Батумской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназіи, отставной сотникъ *Иловайскій*—отъ занимаемой имъ должности.

Увольняются отъ службы: инспекторъ студентовъ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Филоматитскій*, директоръ С.-Петербургской десятой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Костевъ*, первый согласно прошенію, а второй за выслугою срока, оба съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными, изъ нихъ *Костевъ* съ 1-го сентября; почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, гражданскій инженеръ, статскій совѣтникъ *Сувчинскій*, съ производствомъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, на основаніи п. 2 ст. 792 уст. служб. прав. (св. зак., т. III, изд. 1896 г.), согласно прошенію.

Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, магистръ финансоваго права, *Горбъ-Ромашкевичъ*—съ 21-го февраля 1901 г. и Новороссійскаго (исправляющій должность), магистръ философіи *Казанскій*—съ 16-го мая 1900 г.; по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Покотило* — съ 1-го марта 1901 г.; по Харьковскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ: Харьковской губерніи, *Ординскій*— съ 19-го августа 1900 г., Воронежской губерніи, *Трофимовъ*—съ 8-го апрѣля 1901 г., учителя гимназій: Острогожской, *Коняевъ* — съ 5-го апрѣля 1901 г. и Харьковской 4-й, *Дютруиль* — съ 10-го октября 1899 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Мухинъ* — съ 15-го іюля 1899 г.; по С.-Петербургскому учебному округу: воспитатель при пансіонѣ Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Рейнштейнъ*—съ 1-го января 1900 г.; преподаватели: гимназій: С.-Петербургской 11-й, *Броссе* — съ 27-го февраля 1901 г., Императорской Николаевской Царскосельской, *Александровъ* — съ 1-го августа 1900 г., С.-Петербургскаго 3-го реальнаго училища, *Андрушкевичъ* — съ 27-го апрѣля 1901 г.; врачъ Шлиссельбургскаго трехкласснаго городского училища *Молчановъ*—съ 25-го августа 1899 г.; врачъ С.-Петербургскаго Казанскаго четырехкласснаго городского училища *Фроловъ* — съ 22-го апрѣля 1901 г.; по Харьковскому учебному округу, учитель Новочеркасской гимназіи *Волоткинъ* — съ 1-го ноября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: инспекторъ народныхъ училищъ Читинскаго и Акшинскаго округовъ, Забайкальской области, *Харчевни-*

ковъ—съ 1-го октября 1900 г., учителя: Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, *Бересневъ* — съ 26-го сентября 1900 г., Благовѣщенской гимназіи, *Корсакъ* — съ 6-го января 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели: при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, *Дѣевъ* — съ 9-го октября 1900 г., С.-Петербургской 3-й: *Костинъ* и *Ивановъ*, оба—съ 1-го августа 1900 г., Новгородской, *Лагутко* — съ 28-го августа 1900 г., Петергофской прогимназіи Императора Александра II: *Измайловъ* и *Дурандинъ*, оба — съ 1-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 1-го, *Нейманъ*—съ 26-го августа 1899 года, С.-Петербургскаго 3-го: *Сперанскій* и *Дмитріевъ*, Новгородскаго, *Бакулинъ*, всѣ трое—съ 1-го августа 1900 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, *Зебергъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Харьковской 1-й: *Порошинъ* — съ 27-го сентября 1900 г. и (сверхштатный) *Клюшниковъ* — съ 12-го апрѣля 1898 г., Харьковской 4-й, *Венигъ* — съ 19-го сентября 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: при Бѣлгородскомъ учительскомъ институтѣ *Черняковъ*—съ 1-го мая 1901 г., Нахичеванскаго-на-Дону четырехклассснаго, Донской области, *Губарь*—съ 1-го августа 1899 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны, сверхштатный ассистентъ института, лѣкарь *Выгодскій*—съ 20-го февраля 1899 г.; по С.-Петербургскому учебному округу, сверхштатный преподаватель Архангельской гимназіи *Ѳаддеевъ* — съ 15-го сентября 1899 г.; врачъ С.-Петербургскаго Никольскаго городского училища *Янковичъ*—съ 19-го апрѣля 1894 г.; лаборантъ зоологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Педашенко* — съ 1-го апрѣля 1901 г.; хранитель ботаническаго кабинета того же университета *Рихтеръ* — съ 20-го марта 1901 г.; учитель-инспекторъ Холмскаго городского трехклассснаго училища *Голубцовъ* — съ 22-го февраля 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Лодейнопольскаго двухклассснаго (завѣдывающій) *Яковлевъ*—съ 1-го іюня 1897 г., С.-Петербургскаго Владимірскаго четырехклассснаго (сверхштатный) Сергѣй *Петровъ* — съ 1-го марта 1901 г., С.-Петербургскаго Вознесенскаго четырехклассснаго: Михаилъ *Петровъ* — съ 1-го февраля 1900 г. и *Григорьевъ* — съ 1-го августа 1900 г.; С.-Петербургскаго Рождественскаго четырэхклассснаго, *Лапшинъ-Соколовъ*—съ 23-го ноя-

бря 1900 г.; Ямбургскаго трехкласснаго, *Гавриловъ*—съ 19-го августа 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Голиковъ*—съ 1-го октября 1899 г.; учитель приготовительнаго класса училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ *Оре*—съ 29-го апрѣля 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, исправляющій должность профессора юридическихъ наукъ восточнаго института *Таберіо*—съ 16-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу, учитель-завѣдывающій Олонецкимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ, *Васильевъ* — съ 1-го іюля 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Торопецкаго трехкласснаго, *Лещинскій* — съ 1-го іюля 1899 г.; С.-Петербургскаго Сампсоньевскаго четырехкласснаго, *Одинцовъ*—съ 1-го августа 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ частной гимназіи Гуревича въ С.-Петербургѣ *Троицкій* — съ 1-го октября 1899 г.; учитель приготовительнаго класса Гатчинскаго реальнаго училища имени Императора Александра III *Ревельскій*—съ 1-го іюля 1901 г.; по Харьковскому учебному округу: учитель Ростовскаго-на-Дону городского пятикласснаго училища *Майборода*—съ 22-го февраля 1898 г.; сверхштатный учитель Харьковскаго уѣзднаго училища *Трофимовъ* — съ 25-го января 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Новгородскаго реальнаго училища *Махаевъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Гельсингфорсскаго русскаго народнаго училища, *Рыбаковъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; по Харьковскому учебному округу: учитель Каменскаго окружнаго училища, Донской области, *Задорожній*—съ 30-го сентября 1898 г.; по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Одесской 4-й гимназіи *Тимофѣевъ* — съ 4-го іюля 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу: почетный смотритель Новоладожскаго трехкласснаго городского училища *Смирдинъ* — съ 7-го марта 1901 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Заикинъ*—съ 26-го іюня 1901 г.; письмоводитель С.-Петербургской 5-й гимназіи *Василевскій*—съ 5-го апрѣля 1901 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя: 3-го Воронежскаго городского приходскаго училища, *Михайловскій* — съ 1-го октября 1897 г.; Золотовскаго приходскаго училища, Донской области, *Кіевскій* — съ 1-го сентября 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по С.-Петербургскому учебному округу:

учителя приходскихъ училищъ: Великолуцкаго, *Кужелевъ* — съ 3-го марта 1900 г., Холмскаго Николаевскаго, *Казаковъ* — со 2-го іюня 1901 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Петрозаводскаго ремесленнаго училища *Кацеблинъ* — съ 1-го февраля 1901 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Купянскаго, *Кислинскій*—съ 26-го ноября 1893 г., Изюмскаго, *Любицкій* — съ 26-го августа 1897 г.; учителя: Сальскаго окружнаго училища, Донской области, *Траилинъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и Михайловскаго приходскаго училища, той же области, *Бикадоровъ*—съ 1-го октября 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*: по С.-Петербургскому учебному округу: надворные совѣтники, инспекторы народныхъ училищъ: Архангельской губерніи, *Коноплевъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и Олонецкой губерніи, *Корнаковъ*—съ 1-го октября 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели: Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища, *Кавунъ* — съ 10-го октября 1896 г., Новгородской Николаевской женской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Тарасовъ*—съ 18-го ноября 1896 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя: Харьковской 1-й гимназіи, титулярный совѣтникъ *Плохинскій*—съ 31-го марта 1897 г., женскихъ гимназій: Харьковской женской Д. Д. Оболенской, *Вшетечко* — съ 14-го декабря 1895 г., Таганрогской Маріинской, *Глѣбовъ* — съ 24-го марта 1894 г., Сумской женской гимназіи, *Безсоновъ*—съ 19-го августа 1894 г.; наставникъ Екатерининскаго учительскаго института въ гор. Тамбовѣ, *Комлевъ* — съ 14-го ноября 1896 г.; *титулярнаго совѣтника*: по С.-Петербургскому учебному округу, врачъ Боровичскаго трехклассцаго городского училища *Дикисъ* — съ 11-го декабря 1896 г., по степени лѣкаря; по Харьковскому учебному округу, бывшій штатный ординаторъ при офталмологической клиникѣ Императорскаго Харьковскаго университета *Збандутовъ*—съ 21-го апрѣля 1895 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Владимірскаго четырехклассцаго: *Силинъ*—съ 1-го августа 1896 г. и (сверхштатный) *Лауберъ*—съ 15-го октября 1896 г., С.-Петербургскаго Казанскаго четырехклассцаго: *Гобановъ* — съ 20-го октября 1889 г., Гатчинскаго пятиклассцаго (сверхштатный) *Козыревъ*—съ 23-го октября 1896 г., Кирилловскаго трехклассцаго, *Шастовскій* — съ 1-го іюля 1895 г., Череповецкаго трехклассцаго, *Амосовъ* — съ 1-го іюля 1896 г., Карго-

польскаго трехкласснаго, *Львовъ*—съ 28-го ноября 1896 г., Олонецкаго двухкласснаго, *Дружининскій* — съ 10-го декабря 1896 г.; по Харьковскому учебному округу: учитель чистописанія, черченія и рисованія Екатерининскаго учительскаго института въ гор. Тамбовѣ *Ризниченко*—съ 1-го сентября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Острогожской гимназіи, коллежскій регистраторъ *Дьяковъ*—съ 1-го августа 1896 г.; учитель Богучарскаго Александровскаго городского трехкласснаго училища, Воронежской губерніи *Аванасьевъ*—съ 15-го мая 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: учитель Николаевскаго городского трехкласснаго училища *Пеляничкинъ*—съ 5-го сентября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Читинской гимназіи *Константиновъ* — съ 9-го августа 1897 г.; *губернскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу, бывшій учитель приготовительнаго класса гимназіи, нынѣ учитель Выборгской женской гимназіи *Цвѣтковъ*—съ 1-го іюля 1895 г., по Харьковскому учебному округу, бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ сверхштатный учитель Рыльскаго городского трехкласснаго училища, Курской губерніи, *Поповъ* — съ 27-го мая 1895 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощники учителя: Сольвычегодскаго трехкласснаго городского училища, *Богдановъ* — съ 27-го августа 1891 г., Петрозаводскаго городского трехкласснаго училища, *Борисовъ*—съ 1-го октября 1896 г.; домашніе учителя: *Эбертъ*—съ 20-го февраля 1901 г.; *Тозони*—съ 1-го марта 1901 г. и *Рябчиковъ*—съ 10-го іюня 1901 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, помощникъ учителя Владивостокскаго городского трехкласснаго училища *Щелкуновъ*—съ 1-го января 1897 г.

(29-го сентября 1901 года, № 76). *Назначается* преподаватель, исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургскаго третьяго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Шафрановскій*—директоромъ Гатчинскаго реальнаго училища Имени Императора Александра III.

Увольняется, согласно прошенію, статсъ-секретарь государственнаго совѣта, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ уголовнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сергѣевскій*—отъ должности ординарнаго профессора, съ 1-го сентября.

Увольняются отъ службы: директоръ Преславской учительской семинаріи, магистръ богословія, статскій совѣтникъ *Ждановъ*, согласно прошенію; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петер-

скаго университета, магистръ полицейскаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ведровъ*, съ 9-го сентября, за выслугою срока.

(5-го октября 1901 года, № 77). *Назначается*, директоръ С.-Петербургской прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фарникъ*—директоромъ С.-Петербургской 12-й гимназіи, со 2-го августа.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, преподаватель Рязанской духовной семинаріи, магистръ богословія *Темниковскій*— экстраординарнымъ профессоромъ Демидовскаго юридическаго лицея, по церковному законовѣдѣнію.

Умершій исключается изъ списковъ, товарищъ попечителя Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, въ должности гофмейстера Высочайшаго двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Веневитиновъ*, съ 14-го сентября.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (8-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича при Острогожской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го декабря 1900 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ % съ капитала, пожертвованнаго учителями гор. Острогожска и достигшаго съ наросшими процентами суммы *одной тысячи ста шести* рублей 38 коп., изъ коихъ 1.100 руб. обращены въ 4% государственную ренту и 6 р. 38 к. хранятся въ наличныхъ деньгахъ, учреждается при Острогожской гимназіи одна стипендія Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича въ память посѣщенія 16-го сентября 1897 года города Острогожска Его Высочествомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Острогожской гимназіи и оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора, поступаютъ на плату за ученіе и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для одного изъ бѣдныхъ учениковъ гимназіи, жителя г. Острогожска, православнаго исповѣданія.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки

отъ процентовъ съ сего капитала причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Если со временемъ почему-либо процентовъ съ капитала будетъ недостаточно для платы за право ученія стипендіата, то пользованіе стипендіей прекращается и проценты причисляются къ капиталу до тѣхъ поръ, пока таковой не возрастетъ до надлежащаго размѣра.

§ 6. Право назначенія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Острогожской гимназіи съ согласія городского головы.

§ 7. Въ случаѣ закрытія названной гимназіи стипендіальный капиталъ передается, по усмотрѣнію учебно-окружнаго начальства, высшему въ гор. Острогожскѣ мужскому учебному заведенію вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (14-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Никитича Лаврентьева при Житомірской 1-й гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 г., утверждено г. временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* руб., пожертвованнаго вдовой дѣйствительнаго статскаго совѣтника Іоанной Федоровной Лаврентьевой, учреждается при Житомірской 1-й гимназіи одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Никитича Лаврентьева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Житомірскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Житомірской 1-й гимназіи, составляя неотъемлемую ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, выдаются стипендіату по-полугодно.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендіатомъ можетъ быть ученикъ христіанскаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, отличающійся хорошими успѣхами въ наукахъ и отличнымъ поведеніемъ.

§ 6. Если стипендіатъ будетъ оставленъ на второй годъ въ томъ

же классѣ, то, въ особо уважительныхъ случаяхъ, стипендія, по опредѣленію педагогическаго совѣта, можетъ быть за нимъ сохранена.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу для его увеличенія.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (15-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Владикавказской мужской гимназіи имени почетнаго попечителя сей гимназіи инженера путей сообщенія Михаила Станиславовича Кербедзъ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 г., утверждено г. временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *шесть тысячъ двѣсти* рублей, собраннаго участниками по постройкѣ вѣтвей Владикавказской желѣзной дороги, учреждаются при Владикавказской мужской гимназіи двѣ стипендіи имени почетнаго попечителя сей гимназіи инженера путей сообщенія Михаила Станиславовича Кербедзъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги, хранится во Владикавказскомъ окружномъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ Владикавказской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, употребляются для выдачи стипендій двумъ ученикамъ Владикавказской мужской гимназіи.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, сыновей желѣзнодорожныхъ служащихъ, при жизни самимъ М. С. Кербедзъ, или по его уполномочію педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, а послѣ его смерти названнымъ совѣтомъ.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія Владикавказской гимназіи въ какое-нибудь другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для той же цѣли.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (17-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Стефана Ивановича Ѳомина, бывшаго ученика Новочеркасской мужской гимназіи, при этой гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 г., утверждено г. временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу* рублей, заключающагося въ 4% государственной рентѣ и пожертвованнаго непремѣннымъ членомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій Черкасскаго и Ростовскаго округовъ Иваномъ Константиновичемъ Ѳоминымъ, учреждается при Новочеркасской мужской гимназіи одна стипендія имени бывшаго ученика оной Стефана Ивановича Ѳомина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность Новочеркасской гимназіи и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Новочеркасскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., составляютъ стипендію, которая выдается одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Новочеркасской гимназіи лучшему по поведенію и прилежанію и оказывающему удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, для уплаты за право ученія или въ пособіе на воспитаніе.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Новочеркасской гимназіи, при чемъ объ избранномъ стипендіатѣ ежегодно извѣщается жертвователь или его наслѣдники.

§ 5. Жертвователю или его наслѣдникамъ предоставляется право предложить и своего кандидата на означенную стипендію, но за педагогическимъ совѣтомъ гимназіи удерживается право утвержденія или неутвержденія предложеннаго кандидата.

§ 6. Стипендіатъ избирается только изъ дѣтей дворянъ, потомственныхъ или личныхъ, и изъ крестьянскаго сословія.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ означеннаго капитала присоединяются къ капиталу и по накопленіи обращаются въ государственныя % бумаги, которыя и присоединяются къ основному капиталу, при чемъ стипендія увеличивается соразмѣрно съ суммою процентовъ, получаемыхъ съ капитала.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ особыхъ обязательствъ, кромѣ указанныхъ въ § 3 этого положенія.

5. (17-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Маріи Григорьевой Турчаниновой при Новочеркасской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* рублей, пожертвованнаго дочерью урядника Маріей Григорьевой Турчаниновой и заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, учреждается при Новочеркасской мужской гимназіи одна стипендія имени Маріи Григорьевой Турчаниновой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность Новочеркасской гимназіи и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Новочеркасскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, составляютъ одну стипендію.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Новочеркасской мужской гимназіи.

§ 5. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ изъ числа учениковъ гимназіи бѣднаго состоянія и безъ различія сословія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (20-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Г. И. Любарскаго при Ананьевской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. При Ананьевской мужской гимназіи учреждается одна стипендія имени Георгія Ивановича Любарскаго на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго имъ по духовному завѣщанію капитала въ *четыре тысячи* рублей облигаціями Одесскаго городского кредитнаго общества по нарицательной ихъ цѣнѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $4\frac{1}{2}$% облигаціяхъ Одесскаго городского кредитнаго общества по нарицательной цѣнѣ на 4000 руб., составляетъ неприкосновенную собственность Ананьевской мужской гимназіи и хранится въ означенныхъ облигаціяхъ въ Ананьевскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, впредь до возможности обмѣнять ихъ на 4% государствен-

ную ренту на такую же сумму. Если же курсъ представляемыхъ цѣнныхъ бумагъ не повысится, то недостающая для обмѣна на государственную ренту сумма должна быть пополнена изъ процентовъ съ взносимаго нынѣ капитала.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ 5% сбора по закону 20-го мая 1885 г., выдаются по-полугодно стипендіату на взносъ платы за ученіе, на покупку книгъ, учебныхъ пособій и на другія нужды стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа дѣтей недостаточныхъ дворянъ православнаго исповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Право на пользованіе стипендіею прекращается: а) по выбытіи стипендіата изъ гимназіи; б) въ случаѣ неодобрительнаго его поведенія или неуспѣшности въ наукахъ.

§ 7. Въ случаѣ, если бы стипендія по какимъ-либо причинамъ оставалась не занятою, остатки причисляются къ фонду для образованія новой стипендіи имени того же жертвователя на изложенныхъ выше условіяхъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Ананьевской мужской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго съ тѣмъ же назначеніемъ.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (20-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени дворянки М. И. Кривоносовой и дворянина С. А. Кривоносова при Елисаветградской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *четыре тысячи* рублей, внесеннаго наличными деньгами вѣчнымъ вкладомъ въ Елисаветградское отдѣленіе государственнаго банка, согласно духовному завѣщанію умершей дворянки Маріанны Ивановны Кривоносовой, душеприказчикомъ ея статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Степановичемъ Мигринымъ, учреждаются при Елисаветградской мужской гимназіи двѣ стипендіи—одна имени умершей дворянки Маріанны Ивановны Криво-

носовой, а другая — имени ея умершаго мужа — дворянина Саввы Андреевича Кривоносова.

§ 2. Правомъ на полученіе стипендіи пользуются воспитанники Елисаветградской гимназіи, изъ дворянъ, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 3. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Елисаветградской гимназіи, при соблюденіи пункта 2 настоящаго положенія.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала выдаются по полугодіямъ на руки родителямъ или опекунамъ стипендіатовъ.

§ 5. Могущіе оказаться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала выдаются полностью вновь избранному стипендіату.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Елисаветградской мужской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго для употребленія по назначенію.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

8. (23-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени заслуженнаго преподавателя Виленскаго реальнаго училища, статскаго совѣтника Алексѣя Александровича Полозова, при Виленскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу шестьдесятъ семь* рублей *15* копѣекъ, собраннаго бывшими учениками Виленскаго реальнаго училища, пожелавшими почтить память заслуженнаго преподавателя сего училища, статскаго совѣтника Алексѣя Александровича Полозова, учреждается при Виленскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія его имени.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентѣ на 1000 руб. и въ наличныхъ 67 руб. 15 коп., хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Виленскаго реальнаго училища, и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность названнаго реальнаго училища.

§ 3. Означенная стипендія выдается ученику одного изъ стар-

шихъ классовъ Виленскаго реальнаго училища, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, въ особенности въ физикѣ, безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Виленскаго реальнаго училища.

§ 5. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются по полугодіямъ на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата.

§ 6. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ °/₀ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ сему капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Стипендіатъ лишается стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта реальнаго училища, въ случаѣ его неодобрительнаго поведенія или безуспѣшности безъ уважительныхъ причинъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ закрытія Виленскаго реальнаго училища, стипендіальный капиталъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, въ другое соотвѣтствующее учебное заведеніе г. Вильны, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

9. (24-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго секретаря Михаила Степановича Ижевскаго при Рязанской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *шесть тысячъ* руб., завѣщаннаго Рязанской гимназіи коллежскимъ секретаремъ Михаиломъ Степановичемъ Ижевскимъ, учреждаются при Рязанской гимназіи стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, согласно волѣ завѣщателя, хранится въ Рязанскомъ общественномъ Сергія Живаго банкѣ, какъ вкладъ для приращенія изъ 5°/₀ годовыхъ, впредь до 4-го января 1901 года. Съ 4-го января 1901 года капиталъ въ шесть тысячъ рублей съ могущими образоваться приращеніями передается Рязанской гимназіи и, по обмѣнѣ на государственныя процентныя бумаги, зачисляется въ

спеціальныя средства Рязанской гимназіи, составляя ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5°/о налога, употребляются на взносъ платы за ученіе въ Рязанской гимназіи способныхъ, но бѣдныхъ учениковъ и на учебныя принадлежности для нихъ, если для сего окажется достаточно средствъ.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Рязанской гимназіи.

§ 5. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ на одинъ годъ; совѣту предоставляется право сохранить за избраннымъ стипендіатомъ стипендію и на послѣдующее время, въ случаѣ же неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности избраннаго стипендіата лишить его стипендіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ сему капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

10. (24-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи Евгеніи Пышкиной при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго почетнымъ попечителемъ Новочеркасскаго реальнаго училища А. В. Пышкинымъ капитала, обращеннаго въ 4°/о государственную ренту, на сумму *шесть тысячъ двѣсти* руб., учреждается при названномъ училищѣ, согласно волѣ завѣщателя, стипендія имени его умершей дочери Евгеніи Пышкиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ долженъ храниться въ областномъ казначействѣ, въ г. Новочеркасскѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Новочеркасскаго реальнаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала употребляются на содержаніе избраннаго стипендіата, при чемъ выдача причитающагося количества °/₀ производится ежемѣсячно.

§ 4. Стипендіей пользуется, по избранію педагогическаго совѣта Новочеркасскаго реальнаго училища, одинъ изъ бѣднѣйшихъ и успѣ-

вающихъ учениковъ училища, при чемъ отдаётся преимущество ученикамъ старшихъ классовъ.

§ 5. Въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіата, педагогическому совѣту предоставляется право лишить его стипендіи и избрать другого стипендіата.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ причитающихся процентовъ на стипендіальный капиталъ причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§. 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Новочеркасскаго реальнаго училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе сего послѣдняго съ тѣмъ же назначеніемъ.

11. (5-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника, доктора медицины Василія Васильевича Сутугина при Тверской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *четыре тысячи семьсотъ пятьдесятъ пять* руб. *шестьдесятъ пять* коп., пожертвованнаго вдовою тайнаго совѣтника Александрой Тимоѳеевной Сутугиной, учреждается при Тверской гимназіи одна стипендія имени покойнаго мужа жертвовательницы тайнаго совѣтника В. В. Сутугина.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на сумму 4.700 руб. и въ наличныхъ деньгахъ на 55 руб. 65 коп., хранится въ Тверскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Тверской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіатомъ избирается одинъ изъ учениковъ гимназіи изъ уроженцевъ города Кашина, безъ различія сословій, но православнаго вѣроисповѣданія и, по преимуществу, одинъ изъ лучшихъ учениковъ, поступающихъ въ гимназію изъ Кашинскаго городского училища.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Тверской гимназіи.

§ 5. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала должны быть обращаемы въ %% бумаги, для пріобщенія къ основному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (16-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Ковенской мужской гимназіи В. Г. Кольнера при названной гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *семьсотъ* руб., собраннаго сослуживцами, друзьями и почитателями покойнаго директора Ковенской мужской гимназіи, Василія Григорьевича Кольнера, учреждается при упомянутой гимназіи одна стипендія, коей усвояется наименованіе „стипендія Василія Григорьевича Кольнера“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность Ковенской мужской гимназіи и хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ ея, въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора, составляютъ стипендію, которая выдается одному изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ въ Ковенской гимназіи, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій.

§ 4. Выборъ и назначеніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту названной гимназіи.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время пребыванія своего въ гимназіи, но при неуспѣшности въ наукахъ или неодобрительномъ поведеніи онъ можетъ быть, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, лишенъ стипендіи до окончанія полнаго курса ученія въ гимназіи.

§ 6. Стипендія выдается два раза въ годъ, въ началѣ каждаго полугодія, на руки родителямъ стипендіата, или же лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 7. Могущіе почему-либо образоваться остатки отъ стипендіи присоединяются къ стипендіальному капиталу, съ цѣлью увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Ковенской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ переходитъ въ

это послѣднее съ тѣмъ же назначеніемъ; въ случаѣ же закрытія гимназіи, капиталъ передается въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній Ковенской губерніи, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа.

13. (3-го мая 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго почетнаго члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Дмитріевича Дмитріева при С.-Петербургскомъ первомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* руб., завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ А. Д. Дмитріевымъ, учреждается при С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты и наличныхъ 44 р. 16 к., хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, употребляются на содержаніе одного изъ недостаточныхъ приходящихъ учениковъ училища по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

Примѣчаніе. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ, по отсутствію стипендіата, причисляются къ основному капиталу; излишки же, образующіеся за время пользованія извѣстнымъ ученикомъ означенной стипендіей, остаются въ казначействѣ до окончанія стипендіатомъ курса и выдаются по окончаніи курса ему на руки.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (10-го мая 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Петровича Херувимова, при Самарскомъ обществѣ поощренія образованія.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На собранные по подпискѣ и переданные въ Самарское общество поощренія образованія *одну тысячу двѣсти* (1.200) рублей

учреждается при семъ обществѣ стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. П. Херувимова, для одного изъ учениковъ Самарскаго реальнаго училища Имени Императора Александра Благословеннаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, обращенный въ государственныя процентныя бумаги, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и хранится въ Самарскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

Примѣчаніе. На обязанности правленія общества лежитъ наблюденіе, чтобы процентныя бумаги стипендіальнаго капитала, въ случаѣ выхода ихъ въ тиражъ, замѣнялись немедленно новыми, наиболѣе выгодными.

§ 3. Проценты съ помянутаго стипендіальнаго капитала выдаются ежегодно стипендіату для взноса за право ученія, или въ видѣ пособія, при чемъ эта выдача °/₀°/₀ производится какъ при прохожденіи стипендіатомъ курса наукъ въ названномъ реальномъ училищѣ, такъ и по поступленіи его въ какое-либо высшее учебное заведеніе.

§ 4. Стипендіатъ избирается правленіемъ общества по сношенію съ начальствомъ Самарскаго реальнаго училища.

§ 5. Производство стипендіи прекращается: а) при обнаружившемся дурномъ поведеніи стипендіата, б) съ выбытіемъ стипендіата изъ заведенія, в) при неуспѣшномъ исходѣ годичнаго испытанія стипендіата въ высшемъ учебномъ заведеніи, г) съ полученіемъ семействомъ стипендіата или же имъ самимъ средствъ, достаточныхъ къ продолженію образованія.

§ 6. Въ случаѣ прекращенія дѣйствій Самарскаго общества поощренія образованія стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ Самарское реальное училище Имени Императора Александра Благословеннаго, на которое вмѣстѣ съ симъ и возлагаются обязанности, упомянутыя въ примѣчаніи къ параграфу 2-му сего положенія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (27-го іюля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени основателя и перваго директора Маріупольской Александровской гимназіи Ѳ. А. Хартахая при названной гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Маріупольское земское собраніе, желая почтить двадцатипятилѣтіе существованія Маріупольской Александровской гимназіи, учре-

ждаетъ при названной гимназіи одну стипендію въ *двѣсти* рублей имени основателя и перваго директора гимназіи О. А. Хартахая.

§ 2. Для этой цѣли земство обязывается вносить ежегодно въ смѣту по двѣсти рублей.

§ 3. Стипендіата избираетъ земская управа изъ дѣтей недостаточныхъ жителей Маріупольскаго уѣзда или города Маріуполя и выдаетъ деньги стипендіату на плату за право ученія и его содержаніе до окончанія курса.

§ 4. Объ избранномъ стипендіатѣ управа доводитъ до свѣдѣнія директора гимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (9-го августа 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени почетнаго попечителя Изюмскаго реальнаго училища губернскаго секретаря Алексѣя Евстафьевича Дементьева при названномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *четыре тысячи* руб., пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ Изюмскаго реальнаго училища А. Е. Дементьевымъ, учреждается при названномъ училищѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехъ билетахъ 4% государственной ренты, по 1.000 руб. каждый, хранится въ Изюмскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, употребляются прежде всего на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата, а остатокъ выдается стипендіату на руки по четвертямъ года. Если же стипендіатъ будетъ освобожденъ отъ этой платы педагогическимъ совѣтомъ училища, тогда стипендія выдается ему полностію.

§ 4. Стипендія по постановленію педагогическаго совѣта выдается наиболѣе нуждающемуся ученику училища, способному и успѣвающему въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатъ долженъ быть русскій, православнаго вѣроисповѣданія, изъ мѣстныхъ жителей г. Изюма.

§ 6. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта реальнаго училища, съ соблюденіемъ условій, изложенныхъ въ пп. 4 и 5 сего положенія.

§ 7. Стипендіатъ, оставшійся на второй годъ въ томъ же классѣ вслѣдствіе болѣзни или другихъ уважительныхъ причинъ, не лишается права на полученіе стипендіи и на второй годъ, съ тѣмъ, однако, чтобы это болѣе двухъ разъ за все время пребыванія его въ учебномъ заведеніи не повторялось.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, или выдаются въ пособіе бѣднымъ ученикамъ училища или присоединяются къ основному стипендіальному капиталу.

17. (16-го августа 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени предсѣдателя правленія Херсонскаго общества взаимнаго кредита Сергѣя Ивановича Волохина при Херсонскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи* рублей, отчисленнаго изъ прибылей Херсонскаго общества взаимнаго кредита общимъ собраніемъ членовъ общества, желающихъ засвидѣтельствовать свою признательность предсѣдателю правленія Сергѣю Ивановичу Волохину, за полезную 25-лѣтнюю его дѣятельность на пользу общества и въ память 25-лѣтняго существованія этого общества, учреждается при Херсонскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени С. И. Волохина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, обращенный въ правительственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, хранится въ Херсонскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на уплату за право ученія и выдачу пособія избраннаго стипендіата, могущіе же быть неизрасходованными по какой-либо причинѣ проценты и при-

были капитала присоединяются къ сему послѣднему. для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 4. Стипендія эта выдается бѣднѣйшему ученику Херсонскаго реальнаго училища изъ дѣтей членовъ Херсонскаго общества взаимнаго кредита. хотя бы и выбывшихъ изъ состава послѣдняго, безъ различія вѣроисповѣданія, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Въ случаѣ же, если въ Херсонскомъ реальномъ училищѣ не окажется дѣтей означенныхъ въ этомъ пунктѣ лицъ, то Херсонскому обществу взаимнаго кредита предоставляется право назначать эту стипендію одному изъ учениковъ другого учебнаго заведенія гор. Херсона. удовлетворяющему вышеозначеннымъ условіямъ.

§ 5. Избраніе стипендіата изъ числа лицъ, указанныхъ въ § 4 положенія, при жизни С. И. Волохина, принадлежитъ ему. а послѣ его смерти право это переходитъ къ совѣту Херсонскаго общества взаимнаго кредита.

§ 6. Стипендіатъ можетъ быть лишенъ предоставленной ему стипендіи за малоуспѣшность или неодобрительное поведеніе по распоряженію С. И. Волохина, а послѣ его смерти—совѣта общества взаимнаго кредита. Посему начальство училища по-полугодно сообщаетъ совѣту общества объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата и о состояніи стипендіальнаго капитала.

§ 7. Стипендія выдается начальствомъ реальнаго училища родителямъ, опекунамъ или вообще лицамъ, на попеченіи которыхъ состоитъ избранный стипендіатъ, въ началѣ каждаго учебнаго полугодія изъ процентовъ, полученныхъ за $^1/_2$ года на капиталъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ по отношенію къ Херсонскому обществу взаимнаго кредита.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Херсонскаго реальнаго училища въ другое учебное заведеніе стипендія переходитъ въ это учебное заведеніе, а въ случаѣ закрытія Херсонскаго реальнаго училища—въ одно изъ учебныхъ заведеній г. Херсона.

§ 10. Въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ Херсонскаго общества взаимнаго кредита всѣ права С. И. Волохина и совѣта общества переходятъ къ педагогическому совѣту того учебнаго заведенія, при которомъ будетъ стипендія, при чемъ стипендіатъ избирается вообще изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Опытъ методики элементарнаго курса рисованія съ приложеніемъ статьи объ орнаментѣ. Составилъ *Н. Пріемышевъ*, преподаватель Одесской второй городской женской гимназіи. Одесса. 1900. Стр. IV+150+XXIX+V. Цѣна 1 руб.“—допустить въ библіотеки педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— Книгу: „Общедоступное объясненіе Евангелія въ порядкѣ земной жизни Христа Спасителя. Посвящается православному русскому народу. *М. О.* С.-Пб. 1901. Стр. XVI+436. Цѣна 90 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „*Джемсъ Сёлли*. Очерки по психологіи дѣтства. Переводъ съ англійскаго *Александра Громбаха*. Изданіе К. И. Тихомирова (Педагогическая библіотека). М. 1901. Стр. 456. Цѣна 2 руб. 50 коп.“—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей. По способу Грубе изложилъ *В. Фармаковскій*. Изданіе восьмое, книгопродавца-издателя потомственнаго почетнаго гражданина и кавалера Е. П. Распопова, въ Одессѣ. Одесса. 1898. Стр. 266+II. Цѣна 75 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ коихъ проходится эпизодическій курсъ отечественной исторіи.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. Экономическая библіотека. Подъ общей редакціей *П. Струве*. *Г. Ф. Кнаппъ*. Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ прусской монархіи. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. И. Зака*. С.-Пб. 1900 г. Стр. III+272+I. Цѣна 1 р. 25 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Г. Н. Носовичъ*. Какъ крестьяне изъ людей вольныхъ стали крѣпостными, а затѣмъ снова вольными. (Краткій очеркъ исторіи крѣпостного права). Г. Ревель. 1901 г. Стр. VII+191+I. Цѣна 70 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Сочиненіе: „Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія *Александра фонъ-Гумбольдта*. Переводъ съ нѣмецкаго *Николая Фролова*. Часть I. Изданіе третье. М. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. 1866. Стр. 408. Цѣна 2 руб.—Часть II. Изданіе 3-е. М. 1871. Стр. VI+V+396+X. Цѣна 2 руб."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Приложенія къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, издаваемыя подъ редакціей *Вл. Исаенкова*. Dr. *А. Маттіасъ*. Практическая педагогика для среднихъ учебныхъ заведеній. Переводъ съ нѣмецкаго *Дм. Королькова*, инспектора Московской 4-ой гимназіи. М. 1899. Стр. 346. Цѣна 1 р. 50 к."—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Брошюру: „Приложеніе къ книгѣ упражненій въ греческой этимологіи *Э. Курца* и *В. Феттерлейна*. Стр. 28. С.-Пб. 1901".—одобрить въ качествѣ безплатнаго приложенія къ „Книгѣ упражненій въ греческой этимологіи Э. Курца и В. Феттерлейна".

— Сочиненіе: „Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постояннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Изданіе тридцать пятое. Пересмотрѣнное *К. К. Сентъ-Илеромъ*. Въ двухъ частяхъ. Составилъ *К. Ушинскій*. Часть первая. С.-Пб. 1901. Стр. III+200+74. Цѣна 50 коп.—Часть вторая. Изданіе тридцатое. С.-Пб. 1901. Стр. V+297+103. Цѣна 60 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи названнаго сочиненія статья „Путешествіе по Волгѣ" была тщательно переработана въ соотвѣтствіи съ современными научными данными, и чтобы вообще были приняты во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета.

— Книгу: „*М. Туллій Цицеронъ*. Полное собраніе рѣчей въ русскомъ переводѣ (отчасти *В. А. Алексѣева*, отчасти *Ѳ. Ф. Зѣлинскаго*). Редакція, введенія и примѣчанія *Ѳ. Зѣлинскаго*, профессора С.-Петербургскаго университета. Въ двухъ томахъ. Томъ I (81—63 гг.

до Р. Х.). Изданіе А. Я. Либермана. С.-Пб. 1901. Стр. LXIII+767. Цѣна 10 руб."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Изданіе: „*А. Соколовъ*. Повторительная таблица-конспектъ для обозрѣнія областей Европейской Россіи. (Приложеніе къ 31 изданію „Географіи Россіи"—П. Бѣлоха). М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1898. Цѣна 20 коп."—одобрить въ качествѣ географическаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ III. Общее обозрѣніе Европы и западно-европейскія государства. Составилъ, примѣнительно къ программѣ гимназій и реальныхъ училищъ, преподаватель Кіевскаго реальнаго училища *И. П. Матченко*. Изданіе второе, исправленное. Кіевъ. 1901. Стр. IV+83. Цѣна 40 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Краткій учебникъ географіи *Н. Раевскаго*. Часть I. Описаніе земного шара. Съ 37 политип., 30 таблицами рисунковъ и 3-мя раскрашен. картами. Изданіе девятое. С.-Пб. 1901. Стр. III+55+XX табл. Цѣна 50 коп."—одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Америка. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи *А. Круберомъ*, *С. Григорьевымъ*, *А. Барковымъ* и *С. Чефрановымъ*. Изданіе В. Линда и Д. Байкова. М. 1901. Стр. VII+640. Цѣна 2 р. 25 к."—допустить въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а сверхъ того и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Шведы и норвежцы. *Е. Н. Водовозовой*. Съ 10-ю картинками В. М. Васнецова и др. С.-Пб. 1901. Стр. IV+177. Цѣна 40 к."—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, и для библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Leitfaden für den ersten Unterricht im Deutschen im Anschluss an die Wandbilder von Hölzel. Von *E. Runge*, Lehrerin des Nikolai- und Katharinenstiftes in St. Petersburg. Zweite verbes-

serte Auflage. С.-Пб. 1901. Стр. 166. Цѣна 80 к." — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ классовъ тѣхъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ коихъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Конспектъ русской исторіи. Составилъ *С. Васильковскій*, преподаватель Московскаго реальнаго училища. Изданіе второе, исправленное. Изданіе книжнаго магазина Ѳ. И. Салаева. М. 1879. Стр. VI+132. Цѣна 40 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Львиныя Ночи. Изъ путешествія по Сѣверной Африкѣ Д-ра *А. В. Елисѣева*. С.-Пб. Изданіе П. П. Сойкина. 1900. Стр. 71. Цѣна 50 коп." — одобрить для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возрастовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книги: 1) „Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній. Древняя исторія. Переводъ съ нѣмецкаго. Двѣнадцатое изданіе. Изданіе книжнаго магазина Вл. В. Думнова подъ фирмою наслѣд. брат. Салаевыхъ. М. 1897. Стр. 276. Цѣна 75 коп."—2) „То же (Средняя исторія). Переводъ съ нѣмецкаго. По методѣ Грубе. Десятое изданіе. М. 1897. Стр. 363. Цѣна 1 руб."—3) „То же (Новая исторія). Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе шестое. М. 1897. Стр. 422. Цѣна 1 руб. 25 к." — допустить въ ученическія, младшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги статьи I-го тома ея, касающіяся исторіи древняго Востока и Греціи, были тщательно переработаны въ соотвѣтствіи съ современными данными науки.

— Журналъ: „Литературный Вѣстникъ. Изданіе Русскаго Библіологическаго Общества. Томъ I. С.-Пб. 1901. Выходитъ 8 разъ въ годъ, цѣна за годъ 5 р."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній на весь текущій 1901 годъ.

— Книгу: „Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ редакціей *В. П. Семенова* и подъ общимъ руководствомъ *П. П. Семенова*, Вице-Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и акад. *В. И. Ламанскаго*, Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ третій. Озерная область. Съ 119 политипажами, 37 діаграммами,

картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 8 малыми картами. Составили: *Б. Г. Карповъ.* — *Н. И. Ильинъ.* — *Я. Ф. Ставровскій.* — *В. В. Морачевскій.* — *А. М. Рыкачевъ.* — *Н. А. Соколовъ.* — *А. Н. Успенская.* С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1900. Стр. IX + 456. Цѣна 1 р. 90 к., въ мягкой папкѣ 2 р. 15 к.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ читаленъ.

— Книгу: „Ботаника для реальныхъ училищъ по новой 1895 г. программѣ *Н. Раевскаго*. 4-е изданіе. С.-Пб. 1901. Стр. II+III+195. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства.

— Книгу: „*В. А. Жуковскій*. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изданіе десятое, исправленное и дополненное подъ редакціей *П. А. Ефремова*, Члена корреспондента Императорской Академіи Наукъ и почетнаго члена обществъ: Русскаго Библіологическаго въ С.-Петербургѣ и состоящихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Любителей Россійской Словесности и Московскаго Библіографическаго. Съ приложеніемъ четырехъ портретовъ Жуковскаго, исполненныхъ художественной фототипіей К. А. Фишера. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Глазунова. 1901. Стр. XVI + 1007. Цѣна 2 р. 25 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній министерства и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „*P. Vergilii Maronis* Aeneidos liber V. Латинскій текстъ съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями, составленными *В. Д. Покровскимъ*, преподавателемъ Тифлисской 3-й мужской гимназіи. Тифлисъ. 1901. Стр. II + L + 28 + 153. Цѣна 90 коп.“ — одобрить какъ учебное пособіе для старшихъ классовъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Книгу: „Краткая нѣмецкая грамматика. Составилъ *Ѳ. Кейзеръ*. Пересмотрѣлъ и дополнилъ *Р. Гретманъ*. Часть III. Отдѣлъ II. Упражненія и статьи для перевода съ русскаго на правила синтаксиса. Изданіе десятое. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1900. Стр. V+103+56. Цѣна 50 коп.“ — допустить къ употребленію въ среднихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства съ тѣмъ условіемъ, чтобы словарь къ ней былъ, при слѣдующемъ изданіи, отпечатанъ болѣе крупнымъ шрифтомъ.

— Книгу: „Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. Томъ первый. Печатано подъ редакціей правителя дѣлъ Коммиссіи *И. Н. Халиппы*. Кишиневъ. 1900. Стр. III + 438. Цѣна не означена.“ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ читаленъ.

— Книгу: „За святую обитель. Историческій романъ изъ смутнаго времени. *В. П. Лебедева*. С.-Пб. Изданіе П. П. Сойкина. 1900. Стр. 240. Цѣна 50 к.“—допустить въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, а также и въ безплатныя читальни.

— Книгу: „*И. Н. Захарьинъ* (*Якунинъ*). Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. Часть первая: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣнъ у французовъ.—Письма изъ Италіи.—Дружба съ Жуковскимъ. — Кончина. Часть вторая: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+126+IV+206. Цѣна 1 р. 50 к.“— одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Константинопольское монашество отъ основанія города до кончины патріарха Фотія (330—898 гг.). Извлечено изъ сочиненія Аббата *Марена*. Книга первая. С.-Пб. Изданіе П. П. Сойкина. 1899. Стр. 164.—Книга вторая. 1899. Стр. 176. Цѣна за двѣ части (въ одномъ переплетѣ) 50 коп.“ — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. Образовательная библіотека. Серія 2-я (1898 г.) № 6. *Г. Гиггсъ* (*Henry Giggs*). Физіократы. Французскіе экономисты XVIII вѣка. Шесть лекцій по исторіи политической экономіи (читаны въ Лондонской Экономической Школѣ). Переводъ съ англійскаго *О. Ю. Гофманъ*, подъ редакціей *П. Б. Струве*. С.-Пб. 1899. Стр. 112+II+II. Цѣна 50 коп.“ — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*А. Д. Солодовниковъ*. Законовѣдѣніе. Часть I. (Введеніе, Общая часть, Государственное Право, Вещное Право, Обязательное Право, Наслѣдственное Право). Пособіе для воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ Московской Практической Академіи Коммер-

ческихъ Наукъ. Изданіе второе безъ перемѣнъ. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1897. Стр. IV+218. Цѣна 1 руб."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*В. М. Весленевъ*. Въ странѣ Фараоновъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Съ рисунками. Часть первая. Изданіе А. Д. Карчагина. Калуга. 1901. Стр. XII+166. Цѣна 2 р."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Руководство всеобщей исторіи. (Для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній). Часть первая. Древняя исторія. Составилъ *В. А. Фуксъ*. М. 1884. Стр. XIX+169, Цѣна 75 коп."—2)„ То же. Часть вторая. Средняя исторія. М. 1884. Стр. II+II+110+XXVI. Цѣна 50 коп."—3) „То же. Новая исторія. М. 1884. Стр. II+156+XLI. Цѣна 75 коп."—допустить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этихъ книгъ были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книги: 1) „Одиссея *Гомера*. Пѣснь IX. Объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. Изданіе второе. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмой «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1895. Стр. IV+66. Цѣна 35 коп.". — 2) „Одиссея *Гомера*. Пѣсни IX и X. Объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмой «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1895. Стр. IV+66+66. Цѣна 55 коп."—3) „Иліада *Гомера*. Пѣснь VI и VII. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. Изданіе второе. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмой «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1899. Стр. III+92. Цѣна 50 коп.". — 4) „*А. Кэги*. Сборникъ упражненій къ греческой этимологіи, приспособленный къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ *И. Страховымъ*, преподавателемъ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая и частной гимназіи Ф. И. Креймана. Часть первая. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на ω. Изданіе второе. М. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою «Насл. бр. Салае-

выхъ». 1898. Стр. VIII+141. Цѣна 80 коп.".—5) „То же. Часть вторая. Глаголы на-μι, неправильныя спряженія и главныя правила синтаксиса. М. 1898. Стр. VII+144. Цѣна 80 коп."—6) „Memorabilia *Xenophontis*. Воспоминанія *Ксенофонта* о Сократѣ. Объяснилъ *Я. Левенштейнъ*, инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Изданіе второе, исправленное. М. Изданіе торговаго дома В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1897. Стр. XXIII+76+79. Цѣна 80 коп."—одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для гимназій и прогимназій министерства.

— Книги: 1) „Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ *И. Страховъ*, преподаватель Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая и частной гимназіи Ф. И. Креймана. Изданіе четвертое. М. 1898. Стр. VI+86. Цѣна 50 коп." — 2) „Учебникъ греческаго синтаксиса для гимназій. По Wendt, Griechische Schulgrammatik и другимъ пособіямъ составилъ *Владиміръ Исаенковъ*, бывшій преподаватель древнихъ языковъ въ Москвѣ. Изданіе третье съ измѣненіями. М. 1896. Стр. XII+181. Цѣна 85 коп." — одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для гимназій и прогимназій министерства.

— Изданіе: „Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. (Пособіе для режиссоровъ, театральныхъ дирекцій, драматическихъ артистовъ, драматическихъ школъ, любителей драматическаго искусства). Изданіе Д. М. Мусиной, подъ редакціей *Ю. Э. Озаровскаго*, артиста Императорскихъ С.-Пб. театровъ, преподавателя драматическаго искусства въ Императорскомъ С.-Пб. Театральномъ Училищѣ. Выпускъ I, „Недоросль", комедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. *Фонвизина*. С.-Пб. 1901. Стр. XII+324. Цѣна 6 руб."— одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Элементарная нѣмецкая грамматика. Часть I. Этимологія. Составилъ *К. Крафтъ*. Изданіе шестое. Кіевъ. Изданіе автора. 1902. Стр. VII+169. Цѣна 40 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга эта была переработана, согласно требованіямъ нагляднаго метода.

— Книгу: „Deutsches Lesebuch für die mittleren Unterrichtsanstalten Russlands von *Ernst Westermann*, Oberlehrer der deutschen Sprache. Zweites und drittes Jahr. Zweite Auflage. Riga. Verlag von N. Kymmel. 1901. VIII+174 S. Preis 1 Rubel." — одобрить въ ка-

чествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Способы православно-христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ Закону Божію въ начальной школѣ. Составилъ законоучитель Черниговской женской гимназіи, Каѳедральный Протоіерей *Іоаннъ Платоновъ*. Изданіе пятое. Черниговъ. 1899. Стр. VIII+135. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 55 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для VIII класса женскихъ гимназій министерства.

— Книгу: „Систематическія задачи для низшихъ и среднихъ классовъ. Разсказы, описанія, сравненія, періоды и проч. Составилъ *И. Гавриловъ*, наставникъ-руководитель при гимназіи Историко-Филологическаго Института. Изданіе восьмое, перепечатанное со второго изданія. С.-Пб. 1899. Стр. XI+223. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для ученическихъ, старшаго и средняго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Античные мотивы въ поэзіи Пушкина. *С. Любомудровъ*. Изданіе второе. С.-Пб. 1901. Стр. 69. Цѣна 50 коп.“ — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжки цѣна ея была понижена.

— Книгу: „Элементарный курсъ русской грамматики въ связи съ грамматическими упражненіями и приложеніемъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ. Составилъ учитель приготовительнаго класса СПБ. Перваго Реальнаго Училища *А. Кусовниковъ*. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдн. Бр. Салаевыхъ» въ С.-Пб. и М. 1901. Стр. III+114+II. Цѣна 40 коп.“— допустить въ качествѣ учебнаго руководства для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книги: 1) „Изданія для школъ съ построчнымъ и алфавитнымъ словарями *Ѳ. К. Андерсона*. *Hauff's* Märchen. I. Teil. 3. Auflage. Сказки *Гауфа*. I Часть. 3-е изданіе. С.-Пб. 1901. Стр. 112. Цѣна 40 коп.“—2) „Учебныя пособія *Ѳ. К. Андерсона* по нѣмецкому языку съ построчнымъ и алфавитнымъ словарями. Kinder und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder *Grimm*. 30 Märchen mit vielen Illustrationen. Народныя сказки, собранныя братьями *Гриммъ*. 30 сказокъ со многими иллюстраціями. С.-Пб. 1901. Стр. 129. Цѣна

60 коп."—допустить къ употребленію въ среднихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебныхъ пособій.

— Книгу: „*Е. Воскресенскій*. Литературныя чтенія. Пушкинъ.—Гоголь.—Бѣлинскій. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1901. Стр. 128. Цѣна 45 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи ея статья о Бѣлинскомъ была переработана по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Краткій учебникъ русской грамматики для низшихъ классовъ гимназій и городскихъ училищъ составилъ *Н. Баталинъ*, преподаватель VI Московской гимназіи. Изданіе третье, значительно исправленное по руководству акад. Я. К. Грота. М. 1887. Стр. IV+119. Цѣна 50 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Исторія древняго міра. Составилъ *К. А. Ивановъ*, преподаватель СПБ. Высшихъ Женскихъ Курсовъ, Патріотическаго Института и Пятой гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. Складъ изданія въ «Петербургскомъ Учебномъ Магазинѣ». 1901. Стр. 254. Цѣна 80 коп."—одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ IV классѣ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Вопросы выразительнаго чтенія. *Ю. Э. Озаровскій*. С.-Пб. 1896. Стр. 111+1. Цѣна 1 руб."—2) „*Ю. Э. Озаровскій*, артистъ Императорскихъ СПБ. театровъ, преподаватель Драматическихъ Курсовъ Императорскаго СПБ. Театральнаго Училища, б. Товарищъ Предсѣдателя Кружка любителей художественнаго чтенія и музыки въ С.-Петербургѣ. Вопросы выразительнаго чтенія. Книга II-я. Съ приложеніемъ очерка *Б. В. Варнеке*: «Античная декламація» (Глава изъ исторіи декламаціи). С.-Пб. 1901. Стр. III+152+20. Цѣна 1 р. 30 коп." — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Пособіе при изученіи исторіи русской литературы. Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Біографическій очеркъ. Составилъ *Аркадій Сосницкій*. М. 1899. Стр. 76. Цѣна 25 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Готовое умноженіе и дѣленіе въ таблицахъ на вся-

кую желаемую величину. Составилъ *Өедоръ Езерскій*. II-ое стереотипированное изданіе. Multiplikations- und Divisions- Tabellen bis zu jeder beliebigen Grösse. Entworfen und herausgegeben von *Theodor von Esersky*. Zweite vergrösserte Stereotyp-Ausgabe. Dresden. 1873. Цѣна не обозначена"—одобрить, какъ учебное пособіе, для старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, въ особенности же для отдѣленій коммерческаго, механическаго и техническаго.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: „Коллекція карманныхъ словарей": 1) „Русско-англійскій карманный словарь. Изданіе 1-е. Составилъ *Д. Н. Сеславинъ*. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ и Харьковъ. 1901. Стр. 633 (малаго карманнаго формата). Цѣна 60 коп."—2) „Англійско-русскій карманный словарь. Изданіе 2-е. Составилъ *Э. Гокинсъ*. Южно-Русское Книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ и Харьковъ. 1900. Стр. 741 (малаго карманнаго формата). Цѣна 60 коп."—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, въ качествѣ учебныхъ пособій, а также и въ ученическія библіотеки сихъ заведеній.

— Книгу: „Дополнительныя статьи алгебры, курсъ VII-го класса реальныхъ училищъ. Составлены преподавателемъ Александровскаго Вятскаго реальнаго училища *С. А. Исполатовымъ*. Казань. 1901. Стр. VIII+187. Цѣна 60 коп."—допустить, какъ руководство при прохожденіи математики въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ.

— Книжку: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. *Xavier de Maistre*. Les prisonniers du Caucase et Le lépreux de la cité d'Aoste. *Ксавье де Местръ*. Кавказскіе плѣнники и Аостскій прокаженный. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, сборникомъ словъ и оборотовъ, расположенныхъ въ порядкѣ текста, и алфавитнымъ словаремъ. Обработалъ, въ сотрудничествѣ съ *Н. Л. Леонтьевой* и *М. И. Лазаревскимъ*, *Камиллъ Бенуа*. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1901. Стр. 90 (въ текстѣ) +75 (въ приложеніяхъ). Цѣна (съ прилож.) 40 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для ученическихъ библіотекъ означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Contes et recits tirés des meilleurs auteurs français contemporains recueillis et annotés par *Alexandre Crottet* et *Alexandre Mann*. 8-ème édition. St.-Petersbourg. Librairie A. Zinserling. 1902. V+213 pages. Prix 75 cop."—одобрить въ качествѣ учебнаго посо-

бія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, но съ тѣмъ, чтобы въ каждый экземпляръ книги былъ вклеенъ листокъ съ перечнемъ опечатокъ, и чтобы при слѣдующемъ изданіи книги было обращено вниманіе на корректурную исправность ея.

— Книгу: „Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть первая. Для классовъ третьяго и четвертаго. Составили *Н. А. Шапошниковъ* и *Н. К. Вальцовъ*. Восьмое изданіе. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники брат. Салаевыхъ». М. 1901. Стр. IV+164. Цѣна 70 коп.—Часть вторая. Для классовъ 5-го, 6-го, 7-го и 8-го гимназій и соотвѣтствующихъ классовъ другихъ учебныхъ заведеній. Седьмое изданіе. М. 1900. Стр. IV+191. Цѣна 80 коп."—допустить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы послѣдующее изданіе было значительно улучшено въ типографскомъ отношеніи, и чтобы цѣна 2-ой части была понижена.

— Книжку: „Коллекція Карманныхъ Словарей. Латино-русскій карманный словарь. Изданіе 1-е. Составилъ *Д. И. Ѳомицкій*. Южно-Русское Книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ и Харьковъ. 1899. Стр. IV+585 (малаго карманнаго формата). Цѣна 60 коп."—допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, въ гимназіи и прогимназіи.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*": 1) „*Титъ Ливій*. Книга XXI. Нашествіе Аннибала. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 31 рисункомъ, 2 географическими картами и 2 планами. Объяснилъ *Ѳ. Зѣлинскій*, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Изданіе третье. Часть I: Текстъ. С.-Пб. 1901. Стр. 61.—Часть II: Комментарій. Стр. 166. Цѣна за обѣ части 1 рубль".—2) „*П. Овидій Назонъ*. Избранныя стихотворенія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 56 рисунками и картою звѣзднаго неба. Объяснилъ *И. Нетушилъ*, профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета. Изданіе четвертое, дополненное. Часть I: Текстъ. С.-Пб. 1901. Стр. 96.—Часть II: Комментарій. Стр. 173. Цѣна за обѣ части 1 рубль".—рекомендовать въ качествѣ учебныхъ пособій для гимназій и прогимназій министерства.

Книгу: „*Служивый*. Очерки покоренія Кавказа. Съ рисунками и картами. С.-Пб. 1901. Стр. III+147+I. Цѣна 1 руб. 75 коп."—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, для библіотекъ

учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ, но при этомъ признать желательнымъ, чтобы цѣна книги при слѣдующемъ изданіи ея была понижена.

— Изданіе: „*Н. Ѳ. Арепьевъ*. Путеводитель по окрестностямъ Петербурга. Въ шести выпускахъ, 58 страницъ картъ съ текстомъ. Всѣ карты Путеводителя исправлены по послѣднимъ съемкамъ. Выпускъ I. Путь по Балтійской жел. дорогѣ. Петербургъ—Гатчина. Лигово, Красное село, Дудергофъ, Гатчина, Ропша, Кипень и ихъ окрестности. С.-Пб. 1901. Стр. 16. Цѣна 50 коп.—Выпускъ II. Путь по Балтійской жел. дорогѣ. Петербургъ—Ораніенбаумъ. Лигово, Сергіево, Стрѣльна, Петергофъ, Ораніенбаумъ и ихъ окрестности. Стр. 19. Цѣна 60 коп.—Выпускъ III. Путь по Варшавской и Царскосельской жел. дорогамъ. Александровка, Пулково, Царское село, Павловскъ, Царская Славянка и ихъ окрестности. Стр. 11. Цѣна 50 коп.—Выпускъ IV. Путь по Николаевской жел. дорогѣ и Невѣ. Колпино, Тосно, Усть-Ижора, Вознесенское, Пороги, Ивановское, Островки, Шлиссельбургъ и ихъ окрестности. Стр. 17. Цѣна 50 коп.—Выпускъ V. Путь по Финляндской жел. дорогѣ. Удѣльная, Коломяги, Озерки, Шувалово, Парголово, Левашово, Токсово и ихъ окрестности. Стр. 15. Цѣна 50 коп. — Выпускъ VI. Путь по Приморской жел. дорогѣ. Лахта, Лисій Носъ, Сестрорѣцкъ, Курортъ, Кронштадтъ и ихъ окрестности. Стр. 13. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и въ безплатныя читальни.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „*В. Люстрицкій*, инспекторъ народныхъ училищъ. Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ селѣ Кокшайскѣ въ 1869 году. Иллюстрированный очеркъ, изданный Царевококшайскимъ уѣзднымъ земствомъ о посѣщеніи села Кокшайска Императоромъ Александромъ III. С.-Пб. 1901. Стр. 16.“ — допустить въ учени-

ческія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.

— Брошюру: „Праведная кончина Царя Миротворца и погребеніе Тѣла Его. Стр. 19. Ц. 50 коп. съ пересылкой.“ — допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Родное Слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ І-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія, съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками въ текстѣ. Составилъ *К. Ушинскій*. Изданіе 116-е. С.-Пб. 1899. Стр. 112. Ц. 30 коп.“—допустить къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Изданіе 35-е. Пересмотрѣнное *К. К. Сентъ-Илеромъ*. Въ двухъ частяхъ. Составилъ *К. Ушинскій*. Часть І-я. С.-Пб. 1901. Стр. III + 200 + 74. Ц. 50 коп.—Часть II-я. Изданіе 30-е. С.-Пб. 1901. Стр. V+297+103. Ц. 60 коп.“ — допустить къ классному употребленію въ старшихъ классахъ низшихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ ея изданіи статья „Путешествіе по Волгѣ“ была тщательно переработана въ соотвѣтствіи съ современными научными данными, и чтобы вообще были приняты во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета.

— Брошюры, изданныя Н. С. Аскархановымъ: 1) „*Н. Филипповъ*. Гутенбергъ первый изобрѣтатель книгопечатанія. Съ 7 рисунками. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 35. Ц. 5 коп.“—2) „*Н. Филипповъ*. Робертъ Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 31. Ц. 5 коп.“—3) „Сократъ. Перевелъ съ сокращеніями съ нѣмецкаго *В. Соловьевъ*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 13. Ц. 6 коп.“ — допустить первую — въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую—въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, и третью — въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ пониженія цѣны ея при слѣдующемъ изданіи до 3 коп.

— Книжки: 1) „*В. А. Томскій*. Китай и подвиги русскихъ въ Китаѣ. Чтеніе для войскъ и народа. (Съ рисунками). С.-Пб. 1901. Стр. 68. Ц. 25 коп.“ — 2) „Разсказы изъ русской исторіи. Нашествіе монголовъ на Русь. *М. Н. Ремезова*. Съ рисунками. М. 1901.

Стр. 37. Ц. 10 коп. Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“ — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Дни Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Воспоминаніе очевидца. Мая 1896 года. Вятка. 1899. Стр. 35.“ — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „Исторія еврейскаго народа (библейскій періодъ) съ приложеніемъ географіи и карты Палестины. Составилъ *Б. Л. Сегаль*. Часть I-я. 6-е изданіе. Одесса. 1899. Стр. IX + 215. Ц. 80 коп.“ — 2) „То же (по-библейскій періодъ). Часть 2-я. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Одесса. 1900. Стр. VIII + 268. Ц. 90 коп.“ — допустить къ классному употребленію въ еврейскихъ училищахъ и общихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ евреи обучаются закону своей вѣры, съ тѣмъ, однако, чтобы при слѣдующемъ изданіи означенныхъ книгъ были приняты къ руководству всѣ замѣчанія ученаго комитета.

— Книгу: „Русская литографированная хрестоматія въ чтеніи рукописей различныхъ почерковъ въ народныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Составилъ *Ѳ. Г. Подоба*. Изданіе 9-е, В. В. Думнова. М. 1899. Стр. 98. Ц. 50 коп.“ — допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Курсъ русской грамматики. Составилъ *М. В. Кузинъ*. Часть 1-я. (Этимологія). Изданіе 5-е. Харьковъ. 1899. Стр. 86. Ц. 50 коп. Часть 2-я. (Синтаксисъ). Изданіе 4-е. (Исправленное и дополненное). Харьковъ. 1899. Стр. 39. Ц. 25 коп.“ — допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее его изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета, а равно цѣна ея, нынѣ чрезмѣрно высокая, была понижена по крайней мѣрѣ на 30%.

— Книгу: „Первая книга для чтенія. Пособіе для обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ. Составилъ *С. Граменицкій*. 3-е изданіе. Ташкентъ. 1900. Стр. II+95. Цѣна 30 коп.“ — одобрить для класснаго употребленія въ инородческихъ училищахъ Восточной Россіи и допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ прочихъ мѣстностей Россіи.

— Книгу: „Завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ. Соста-

вила *Вѣра Фромъ*. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 5 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу „Путешествіе во Святую Землю. Вятка. 1900. Стр. 87. Цѣна 30 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*В. В.* Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковнославянскому. 3-е изданіе. М. 1900. Стр. 62+1 ненум. Цѣна 15 коп."—допустить для класснаго употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Сочиненіе: „*Викторъ Гюго*. Соборъ Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). Томъ I. Стр. 248+II. Томъ II. Стр. 224. Томъ III. Стр. 211. Изданіе А. С. Суворина. („Дешевая библіотека" №№ 311—313). С.-Пб. 1890".—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „*А. Преображенскій*. Начальная русская грамматика для городскихъ и сельскихъ народныхъ училищъ. Съ приложеніемъ письменныхъ и устныхъ упражненій. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Изданіе В. В. Думнова. М. 1896. Стр. 81. Цѣна 20 коп."—2) „*Г. Дьяченко* и *А. Преображенскій*. Доброе слово. Для класснаго чтенія въ сельскихъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и въ церковно-приходскихъ школахъ. Книга 1-я. Изданіе 8-е. Иллюстрировано. Изданіе В. В. Думнова. М. 1899. Стр. VIII+170. Цѣна 35 коп. Книга 2-я. Изданіе 6-е. Иллюстрировано. М. 1900. Стр. X+234. Цѣна 45 коп."—первую допустить, а вторую одобрить для класснаго употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Объяснительная записка къ „Доброму слову" (годъ I, II и III), книгѣ для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ народныхъ училищахъ сельскихъ и городскихъ. Составилъ *Г. М. Дьяченко*. М. 1888. Изданіе В. Думнова. Стр. 27. Цѣна 15 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книги: 1) „Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Составилъ *Ард. Ивановъ*. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Москва. 1871. Стр. XII+IV+232. Цѣна 40 коп."—2) „Народное чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Собраніе лучшихъ сказокъ, басенъ, пѣсенъ, загадокъ, отгадокъ, пословицъ и анекдотовъ. Составилъ *А. Семеновъ*. Изданіе 4-е, безъ перемѣнъ. Изданіе книжнаго магазина наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ. М. 1883. Стр. II+119. Цѣна 25 коп." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книжки: 1) „Петръ Великій за границей. *А. А. Кизеветтеръ.* М. 1900. Стр. 24. Цѣна 10 коп.“—2) „Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія. Подъ редакціей проф. *А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтеръ* и *М. В. Довнаръ-Запольскаго.* Монгольское иго. Очеркъ *Т. Лебединскаго.* М. 1900. Стр. 114. Цѣна 15 коп. (Изданіе Д. И. Тимковскаго)“.—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки съ условіемъ исправленія ихъ при слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книжку: „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Шведы и норвежцы. *Е. Н. Водовозовой.* С.-Пб. 1901. Стр. IV+177. Цѣна 40 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Собраніе педагогическихъ сочиненій *Константина Дмитріевича Ушинскаго.* С.-Пб. 1875. Стр. II+624. Ц. 1 р. 50 к.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу *П. Жанэ,* подъ заглавіемъ: „Основные принципы промышленнаго электричества“. Переводъ съ 3-го французскаго изданія *М. Габерцетель* и *Е. Лехачевскаго.* Изданіе переводчиковъ. С.-Пб. 1901 г.—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ техническихъ училищъ, а также для библіотекъ низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *В. Г. Бажаева,* подъ заглавіемъ: „Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи“. Москва. 1900 г. Изданіе *К. И. Тихомирова*—одобрить для библіотекъ сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 10-го сентября 1901 года состоялось открытіе Ермоло-Никольскаго инородческаго для чувашъ казеннаго училища, Стерлитамакскаго уѣзда, при чемъ учащихся въ день открытія поступило 31 человѣкъ, въ томъ числѣ 21 мальчикъ и 10 дѣвочекъ.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА[1]).

II.

Первоначальная организація университета по уставу 1803 года[2]).

Несогласія первыхъ профессоровъ съ кураторами по поводу университетскаго устава. — Подготовительныя работы въ совѣтѣ для новаго устава 1803 года; протестъ кураторовъ; утвержденіе устава. — Работы совѣта надъ составленіемъ „правилъ“ для студентовъ и утвержденіе этихъ правилъ 23-го августа 1803 года.—Главнѣйшія черты университетскаго устава и „правилъ“ для студентовъ 1803 года.—Упраздненіе кураторіума.

1.

„Актъ постановленія“ 12-го декабря 1802 года былъ тѣмъ благодѣтельнымъ и могучимъ толчкомъ, который сразу поставилъ юный Дерптскій университетъ на вѣрную дорогу и обезпечилъ его будущность во внѣшне-административномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Теперь сталъ на очередь вопросъ о внутренней организаціи университета, и нетрудно было предугадать направленіе, въ которомъ послѣдняя должна была совершиться. „Актъ постановленія“ былъ чрез-

---

[1]) *Окончаніе.* См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

[2]) Архивъ Юрьевскаго университета: Organisations-Geschichte der Dörptschen Universität (1802—1803); General-Acta des Curatorii, betreffend die Fundation und Organisation der Universität (1802); General-Protocoll des Universitäts-Conseils. 1803; Das Reglement der Studierenden. V. I. 1802 — 1819. Архивъ департамента народнаго просвѣщенія, № 2237 — 113: Дѣло по рапортамъ попечителя Дерптскаго университета о представленіи на высочайшее утвержденіе сочиненныхъ университетомъ „Правилъ для учащихся“ въ ономъ и „Устава“ для сего университета. 1803—1804. О дополненіяхъ къ штату 1808 года. 1812—1817.

вычайно важнымъ шагомъ молодой университетской корпораціи въ дѣлѣ успѣшной борьбы съ кураторами, назначенными отъ дворянства; этой блестящей побѣдой университетъ всецѣло обязанъ былъ личности Г. Ф. Паррота, съумѣвшаго въ самое короткое время достигнуть, при помощи своего вліянія у императора Александра I, весьма существенныхъ результатовъ на пользу своего любимаго дѣтища.

Дальнѣйшая работа должна была сосредоточиться на выработкѣ внутреннихъ условій жизни университета. И тутъ Парротъ явился главнымъ дѣйствующимъ лицомъ университетской корпораціи, какъ ректоръ и какъ человѣкъ, особенно заинтересованный судьбою новаго учрежденія. На эту работу ушелъ весь 1803 годъ, второй годъ существованія университета, который можно было назвать по преимуществу организаціоннымъ, между тѣмъ какъ первый 1802 годъ носилъ характеръ, такъ сказать, созидательный, и если въ этотъ первый годъ изъ подъ неутомимаго пера Паррота вышелъ въ окончательной редакціи „актъ постановленія“ 12-го декабря 1802 года, то архивныя дѣла университета 1803 года представляютъ массу всякаго рода бумагъ менѣе крупнаго, но во всей своей совокупности, быть можетъ, не менѣе важнаго значенія для университета, вышедшихъ изъ рукъ того же Паррота. Эти безчисленные его проекты, доклады, переписка съ кураторами и попечителемъ и разнаго рода редакціонныя работы дышатъ тѣмъ же творческимъ духомъ и носятъ на себѣ тотъ же отпечатокъ борьбы за независимость университета отъ мѣстныхъ вліяній, какъ и самый „актъ постановленія“.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ университетскомъ уставѣ.

Выше упомянуто было, что кураторы еще въ началѣ 1802 года выработали и напечатали „для собственнаго употребленія университета“ уставъ (Statuten der Kaiserlichen Universität zu Dorpat 1802), въ которомъ старались согласовать „планъ“ 4-го мая 1799 г. съ указомъ 5-го января 1802 года, присоединивъ сюда нѣсколько еще новыхъ статей (всего 118 §§); этотъ проектъ, составленный въ духѣ преобладающаго вліянія кураторовъ на университетъ, представленъ былъ послѣдними къ утвержденію въ сенатъ уже 6-го марта 1802 года, а пока являлся какъ бы неофиціально обязательнымъ, и на него можно найти постоянныя ссылки въ бумагахъ, исходившихъ изъ канцеляріи кураторіума и въ протоколахъ совѣта въ 1802 и 1803 годахъ. Между тѣмъ, въ малочисленной пока средѣ профессоровъ, съѣхавшихся въ Дерптъ и готовившихся приступить къ своей дѣятельности, образовалось довольно единодушное настроеніе противъ

этого проекта, готоваго сдѣлаться закономъ, и вообще противъ политики кураторовъ въ отношеніи университета. Душою этого настроенія былъ Парротъ. 19-го апрѣля 1802 года, за два дня до офиціальнаго открытія университета и, слѣдовательно, еще до организаціи университетскаго совѣта, профессора на одномъ изъ предварительныхъ совѣщаній, бывшихъ въ квартирѣ Паррота, когда ими получено было отъ кураторіума предложеніе принести присягу на службу по выработанной кураторами формулѣ, рѣшили не принимать въ этой формулѣ двухъ пунктовъ: повиновеніе уставу еще не утвержденному и формально имъ неизвѣстному и повиновеніе кураторіуму; профессора отказывались отъ признанія надъ собой иной высшей власти, кромѣ центральной государственной и ея представительницы въ краѣ—губернской. Съ начала II семестра 1802 года совѣтъ сталъ дѣйствовать энергичнѣе противъ отосланнаго для утвержденія проекта. Въ засѣданіи 20-го августа рѣшено было избрать изъ среды совѣта особую комиссію для совмѣстнаго съ кураторіумомъ разсмотрѣнія проекта вновь, а пока поручить профессорамъ Парроту, Мейеру и Балку немедленно войти по этому вопросу съ кураторами въ устные переговоры. Выслушавъ доклады этой депутаціи, вице-кураторъ І. Ф. Унгернъ-Штернбергъ согласился обратиться въ сенатъ съ просьбой не утверждать пока представленнаго проекта. Избранная 3-го сентября комиссія изъ профессоровъ Гецеля (который, въ виду временнаго его отсутствія, замѣщенъ былъ Эверсомъ), Балка, Мютеля и Еше занялась изученіемъ проекта по существу, и когда 18-го сентября ея заключеніе было въ совѣтѣ одобрено, то Парроту и Балку поручено было войти съ кураторіумомъ въ личное соглашеніе. Результатомъ этихъ работъ, въ которыхъ активная роль во всякомъ случаѣ принадлежала совѣту, явились двѣ обширныя записки объ уставѣ, одна отъ совѣта и другая отъ кураторіума, которыми занимался совѣтъ 3-го и 21-го октября. А въ это время Парротъ дѣйствовалъ въ Петербургѣ, и 12-го декабря подписанъ былъ „актъ постановленія", опредѣлившій скромное положеніе кураторовъ въ университетѣ и тѣмъ самымъ давшій совершенно новое положеніе и вопросу объ уставѣ.

Дѣйствительно, еще 24-го декабря 1802 года, на другой день послѣ торжественнаго объявленія объ „актѣ постановленія", Парротъ представилъ кураторіуму о необходимости скорѣйшаго согласованія прежняго проекта съ основами „акта" 12-го декабря, а 29-го декабря 1802 года избрана была въ совѣтѣ комиссія изъ профессоровъ

Паррота, Моргенштерна, Балка, Мютеля и Беллендорфа (въ замѣстители къ двумъ послѣднимъ—Мейера и Эверса) для выработки уже совершенно новаго устава, независимо отъ прежняго проекта, въ духѣ „акта постановленія" и сообразно новымъ матеріальнымъ условіямъ, въ которыя поставленъ университетъ этимъ послѣднимъ. Теперь совѣтъ уже дѣйствовалъ безъ участія кураторіума, вполнѣ самостоятельно и съ большой увѣренностью и энергіей. Насколько твердую почву нашелъ для себя совѣтъ въ „актѣ постановленія", работая надъ уставомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. Назначенный 24-го января 1803 года попечитель Ѳ. И. Клингеръ прислалъ (отъ 10-го февраля 1803 года) въ университетъ „Временныя правила для Дерптскаго университета" (Vorläufige Instructionen für die Universität zu Dorpat), состоявшія изъ 11 §§ и опредѣлявшія главнымъ образомъ формальныя отношенія университета и округа къ попечителю. Между прочимъ, въ § 8 этихъ „правилъ" попечитель ставилъ въ обязанность университету не производить никакихъ сверхштатныхъ расходовъ безъ предварительнаго разрѣшенія попечителя, а равно и директорамъ подвѣдомыхъ университету учебныхъ заведеній—не производить таковыхъ же расходовъ безъ разрѣшенія университетскаго начальства; въ отвѣтъ на это ректоръ Парротъ обратился къ попечителю съ энергическимъ заявленіемъ (отъ 17-го февраля 1803), что упомянутое его требованіе противорѣчитъ 3-му пункту „акта постановленія", предоставляющему университету право самому распоряжаться всѣми своими доходами подъ надзоромъ министра народнаго просвѣщенія; и отъ попечителя не послѣдовало на это никакого возраженія.

Работа надъ выработкой новаго устава ведена была комиссіей настолько успѣшно, что уже въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ въ мартѣ 1803 года совѣтъ могъ заниматься обсужденіемъ составленнаго проекта, а къ 1-му апрѣля изготовлена была окончательная его редакція, принадлежавшая профессору Моргенштерну, и представлена на утвержденіе. Между тѣмъ, кураторы, оставшіеся невольно сторонними зрителями этой работы, попытались сдѣлать послѣдній шагъ къ тому, чтобы удержать ускользавшую у нихъ подъ ногами почву. Лифляндскій представитель дворянства Фитингофъ и эстляндскій Унгернъ-Штернбергъ обратились въ Петербургѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею съ письмомъ (отъ 20-го апрѣля 1803), въ которомъ просили его не допустить утвежденія новаго проекта устава, такъ какъ—говорилось тамъ—„статуты сіи сочинены безъ

вѣдома кураторовъ, дворянство представляющихъ, и посланы будучи въ комиссію народнаго просвѣщенія содѣлались предметомъ справедливаго безпокойства нашихъ провинцій", при чемъ авторы письма просили предоставить имъ принять участіе въ окончательной выработкѣ проекта, и въ особой запискѣ (отъ 6-го мая 1803 года) подробно мотивировали свою просьбу, ссылаясь на прежде дарованныя имъ права и привилегіи. Просьба эта была не только напрасной, но и запоздалой, такъ какъ уже 25-го апрѣля Клингеръ представилъ проектъ устава министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому. Депутатами отъ университета при разсмотрѣніи проекта въ главномъ правленіи училищъ назначены были профессора Парротъ и Глинка [1]). Уставъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новый штатъ университета, разработанный Парротомъ и принятый въ засѣданіи совѣта 29-го декабря 1802 года на сумму 120.000 р., согласно § 1 „акта постановленія", и позднѣе въ Петербургѣ увеличенный прибавкой къ этому 6.000 руб. на управленіе подвѣдомыми университету школами, утверждены были го-

---

[1]) Изъ ненапечатаннаго доселѣ письма Паррота къ проф. Моргенштерну отъ 13-го іюня 1803 года, писаннаго имъ передъ отъѣздомъ изъ Дерпта въ Петербургъ, видно, что и Моргенштернъ хотѣлъ быть участникомъ этой депутаціи, но Парротъ уговорилъ его отъ этого отказаться, ссылаясь на особенныя личныя отношенія свои къ государю, при которыхъ Моргенштерну пришлось бы играть слишкомъ второстепенную роль, а также на свои „деспотическія" наклонности и привычку рѣшать дѣла самолично, отъ чего могли бы возникнуть нежелательныя разногласія его съ Моргенштерномъ, способныя подать въ Петербургѣ поводъ къ истолкованію ихъ въ дурную сторону для университета; наконецъ, послѣ поѣздки Паррота для „акта постановленія" въ Петербургъ единолично, посылка теперь двухъ лицъ могла бы показаться въ Петербургѣ знакомъ недовѣрія къ Парроту университета; Глинку же Парротъ беретъ не какъ равноправнаго участника, а лишь какъ помощника, полезнаго по своему русскому происхожденію и по знакомству съ мѣстными обстоятельствами въ Петербургѣ. Вообще это письмо для характеристики Паррота весьма интересно. Въ другомъ, также ненапечатанномъ, письмѣ къ Моргенштерну, писанномъ уже изъ Петербурга въ іюлѣ 1803 года, Парротъ, между прочимъ, дѣлится съ нимъ впечатлѣньями отъ успѣшнаго хода дѣла. Въ разнаго рода препятствіяхъ и завистливомъ отношеніи къ успѣху дѣла не было недостатка: „Ich habe mehr zu kämpfen, als ich vermuthete, weil man unsre Arbeit zwar mit Beyfall überhaupt, aber mit Neid ansieht"; интересно отношеніе къ этому дѣлу проф. Глинки, какъ его изображаетъ Парротъ: „Glinka sperrt Mund und Nase auf. Das alles klingt ihm nicht russisch. Er sieht wie glücklich wir sind und glaubt es nicht. Er sieht Berge himmelan sich thürmen und zerrinnen—und traut kaum" (Рукопись 6-ки Юрьевскаго университета, изъ собранія Моргенштерна № CCCXLII: Briefe von Gelehrten etc. an Morgenstern 1802—1808, т. 4, стр. 275—278, 305—307).

сударемъ 12-го сентября 1803 года. Парротъ поспѣшилъ въ Дерптъ обрадовать извѣстіемъ объ этомъ важномъ событіи университетъ, и уже 19-го сентября совѣту было доложено какъ о самомъ фактѣ утвержденія устава и штата, такъ и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ теченіе этого дѣла въ его окончательной фазѣ въ Петербургѣ.

Другимъ хотя и не столь важнымъ, какъ уставъ, но тѣсно связаннымъ съ нимъ дѣломъ университетскаго совѣта, выполненнымъ имъ въ 1803 году въ тѣхъ же цѣляхъ внутренней организаціи университета, было составленіе „правилъ" для студентовъ. Упомянутый выше „Reglement der academischen Polizey-Verordnungen", вышедшій изъ канцеляріи кураторіума въ 1802 году, на первыхъ же порахъ оказался неудовлетворительнымъ, и уже 27-го сентября 1802 года совѣтъ поручилъ профессорамъ Мютелю, Еше и Герману войти съ кураторіумомъ въ устные переговоры по вопросу о необходимости переработать студенческія „правила", въ которыхъ многое было неясно или совсѣмъ упущено изъ виду; но вниманіе совѣта, повидимому, отвлечено было отъ этого другими дѣлами, и только 23-го февраля слѣдующаго 1803 года въ совѣтѣ избрана была комиссія изъ профессоровъ Балка, Германа и Еше для составленія проекта новыхъ правилъ. Въ виду изложенныхъ выше, по поводу выработки новаго устава для университета, обстоятельствъ, кураторіумъ уже не вмѣшивался въ дѣло проекта новыхъ правилъ, и послѣднее всецѣло было предоставлено совѣту, который, обсудивъ проектъ комиссіи, постановилъ 7-го марта 1803 года представить его на утвержденіе. Препровождая проектъ этотъ попечителю Клингеру, Парротъ, въ представленіи своемъ отъ 8-го марта 1803 года, писалъ, что при составленіи этихъ правилъ имѣлось въ виду, „чтобы цѣль сихъ постановленій" была соображаема „съ цѣлью общихъ гражданскихъ узаконеній", именно, „что справедливость, спокойствіе и порядокъ оными сохраняемы быть должны"; впрочемъ, онъ полагалъ, что между общими узаконеніями и правилами для студентовъ должно быть положено и различіе: „будучи лишены попеченія и воспитанія родителей и попечителей своихъ, сіи молодые академическіе граждане по справедливости ожидаютъ находить не строгихъ судителей, а мужей, заступающихъ имъ мѣсто родителей и попечителей, и въ случаѣ какого-либо оскорбленія и ограничиванія правъ ихъ, могутъ имѣть прибѣжище къ особенному покровительству, при чемъ должны они быть увѣщеваемы съ тщаніемъ и родительскимъ снисхожденіемъ". Правила эти утвер-

ждены были государемъ 23-го августа 1803 года, и приблизительно черезъ мѣсяцъ, 19-го сентября, Парротъ доложилъ объ этомъ въ совѣтѣ вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ утвержденіи новаго устава и штата.

Два дня спустя послѣ этого засѣданія, 21-го сентября 1803 года, происходило въ „большой аудиторіи" университета торжественное объявленіе о новомъ уставѣ и штатѣ и о „правилахъ для студентовъ", при чемъ Парротъ говорилъ рѣчь какъ по поводу этого событія, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и по поводу передачи ректорства другому лицу, профессору Балку. Тутъ онъ, между прочимъ, такъ изображалъ обстоятельства, предшествовавшія появленію новыхъ университетскихъ законовъ и его сопровождавшія: „Великодушіе Александра дало основаніе нашему университету. Навѣки незабвенный въ лѣтописяхъ просвѣщенія „актъ постановленія" былъ фундаментомъ и главной стѣной того зданія, внутреннее устройство котораго требуетъ еще новыхъ трудовъ. Не было установленій для внутренней организаціи, не было ближайшаго согласованія всѣхъ старыхъ и новыхъ условій жизни этого учрежденія, не было правилъ для студентовъ. Совѣтъ университета получилъ въ высшей степени почетное порученіе, которое могло быть вызвано лишь высочайшимъ довѣріемъ, самому проектировать всѣ эти законы. Главное Правленіе Училищъ въ С.-Петербургѣ, которое во главѣ съ своимъ достойнымъ руководителемъ, на глазахъ самого монарха, неутомимо продолжало свои важные труды, разсмотрѣло эти проекты. Депутація отъ университета имѣла счастіе присутствовать при этомъ разсмотрѣніи въ засѣданіяхъ упомянутой высшей коллегіи для народнаго просвѣщенія. Наконецъ, эта работа была представлена на утвержденіе истинно просвѣщеннаго монарха, и онъ утвердилъ проекты". Въ концѣ онъ говорилъ: „Мой взоръ съ восторгомъ останавливается на очаровательныхъ видахъ для нашего учрежденія, для блага человѣчества. Никогда обстоятельства не складывались столь счастливо, чтобы дать исторіи русскаго просвѣщенія такой быстрый и вѣрный ходъ. Облака, которыя показываются иногда тамъ и тутъ на горизонтѣ новаго школьнаго дѣла, скоро разсѣются. Испытанный патріотизмъ сдѣлаетъ очевиднымъ несостоятельность нѣкоторыхъ пріобрѣтенныхъ правъ и ложныхъ предразсудковъ, и тогда наступитъ спокойствіе" [1]).

---

[1]) *Parrot G. Fr.*, Rede bey Gelegenheit der Publication der Statuten der Universität und der Abgabe des Rectorats am 21 Sep. 1803 gehalten. D. (1803), стр. 7—8. 13.

„Уставъ“ и „правила“ 1803 года, вышедшіе изъ подъ пера частію однихъ и тѣхъ же, частію вполнѣ согласныхъ между собою лицъ, одновременно составленные и прошедшіе цензуру однихъ и тѣхъ же учрежденій въ Дерптѣ и Петербургѣ, естественно, представляютъ собою одно цѣлое, или, точнѣе, „правила“ составляютъ какъ бы органическое дополненіе къ той части устава, которая имѣетъ въ виду внутренній распорядокъ жизни университета.

Что же представляютъ собою эти постановленія, призванныя руководить внутренней жизнью Дерптскаго университета почти на два десятка лѣтъ?

Уставъ Дерптскаго университета 1803 года [1]) съ внѣшней стороны представляетъ довольно обширное произведеніе, заключающееся въ 290 §§, изъ которыхъ, впрочемъ, послѣдніе 11 (§§ 280—290) заняты отдѣльными статьями штата, но и остающіеся 279 §§ представляютъ собою внушительную цифру по сравненію, напримѣръ, съ уставомъ Московскаго университета, утвержденнымъ 5-го ноября 1804 года и заключающимъ въ себѣ только 198 §§ [2]), особенно, если принять въ соображеніе, что въ числѣ этихъ послѣднихъ (§§ 168—177) находятся и постановленія объ училищахъ Московскаго округа, тогда какъ для училищъ Дерптскаго округа были изданы 21-го марта 1804 года особыя „постановленія“, составляющія, вмѣстѣ съ „правилами“ для студентовъ 23-го августа 1803 года, необходимое дополненіе къ уставу университета. Разница эта объясняется, главнымъ образомъ, болѣе детальной разработкой въ уставѣ Дерптскаго университета постановленій „объ университетской судебной расправѣ“ (глава XI, §§ 154—215), а также внесеніемъ особыхъ статей „о благотворительныхъ заведеніяхъ университета“ (глава X, §§ 136—153), заключающихъ въ себѣ постановленія о пенсіяхъ профессоровъ, о стипендіяхъ для студентовъ, о награжденіяхъ медалями за сочиненія, и статей „объ общихъ преимуществахъ университета“ (глава I, §§ 8—19). Распредѣленіе столь обширнаго матеріала по отдѣльнымъ частямъ сдѣлано не вполнѣ систематично: объ однородныхъ предметахъ говорится въ разныхъ мѣстахъ, и нерѣдко различные предметы разсмотрѣны рядомъ. Быть можетъ, на этомъ отразилась та спѣшность, съ которой уставъ былъ составленъ.

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, I, 139—199.

[2]) Тамъ же, I, 295—331.

Въ главнѣйшихъ чертахъ онъ представляетъ собою слѣдующее.

Университетъ „учрежденъ въ Россійской имперіи для общаго блага, въ особенности же для пользы Лифляндской, Курляндской и Финляндской губерній“ (§ 1); онъ состоитъ „подъ главнымъ начальствомъ“ министра народнаго просвѣщенія и „въ особомъ вѣдѣніи попечителя“ (§ 3).

Во внутреннемъ своемъ устройствѣ университетъ имѣетъ право „самъ предрасполагать нужныя перемѣны, каковыя дозволитъ сумма, вообще опредѣленная на его содержаніе“, но для утвержденія этихъ перемѣнъ должно быть испрошено, чрезъ попечителя, согласіе министра народнаго просвѣщенія (§ 4).

Органами внутренняго административнаго распорядка въ университетѣ являются: совѣтъ, правленіе и ректоръ. Университетскій совѣтъ состоитъ лишь изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ, а изъ экстраординарныхъ присутствуетъ въ немъ только одинъ профессоръ правовѣдѣнія въ качествѣ „протосиндика“, съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса; онъ вѣдаетъ, подъ главнымъ надзоромъ ректора, письмоводство совѣта и управляетъ его канцеляріей (§§ 22, 23). Совѣтъ является высшимъ органомъ внутренней университетской администраціи: „представляя собою весь университетъ, управляетъ онымъ, дѣйствуетъ по его правамъ и сіи защищаетъ“ (§ 27); онъ есть высшая инстанція по дѣламъ, восходящимъ отъ факультетовъ, по цензурнымъ дѣламъ и по дѣламъ университетскаго суда, равно какъ ему принадлежитъ и управленіе университетскими доходами (§§ 28—31); совѣтъ собственной властью, безъ представленія высшему начальству, назначаетъ учителей, чиновниковъ и служителей; онъ же вѣдаетъ и всѣми принадлежащими къ университету учебными и другими заведеніями (§§ 36, 44). Что касается профессоровъ, то избраніе ихъ предоставляется совѣту, а утвержденіе, черезъ попечителя, министру народнаго просвѣщенія (§ 32). Правленіе составляетъ ежегодно обновляемый „комитетъ“ совѣта, состоящій изъ ректора и пяти декановъ факультетовъ или „отдѣленій“ и предназначенный „для производства текущихъ дѣлъ“ (§ 47). Правленію ввѣряется веденіе извѣстной части переписки университета съ казенными учрежденіями и частными лицами, расходованіе изъ штатныхъ университетскихъ суммъ до 500 р., „храненіе университетскихъ правъ“, нѣкоторыя стороны управленія подчиненными университету учебными и благотворительными заведеніями, распредѣленіе стипендій, увольненіе въ отпускъ срокомъ до 8 дней (§ 48). Вообще же неопредѣленность компетенціи правленія

по извѣстнымъ статьямъ объясняется зависимостью его отъ совѣта. Ректоръ избирается совѣтомъ изъ ординарныхъ профессоровъ ежегодно въ концѣ мая и утверждается Высочайшей властью черезъ министра народнаго просвѣщенія (§ 32). Онъ есть глава университета и предсѣдатель всѣхъ его административныхъ и судебныхъ органовъ, за исключеніемъ тѣхъ засѣданій совѣта, когда послѣдній является высшей апелляціонной инстанціей по судебнымъ дѣламъ (§ 55); въ случаѣ болѣзни или отлучки по законнымъ причинамъ, ректоръ опредѣляетъ вмѣсто себя замѣстителя („проректора"), за котораго самъ и отвѣчаетъ (§ 64). Смѣняющійся ректоръ слагаетъ свое званіе произнесеніемъ въ торжественномъ собраніи университета соотвѣтствующей рѣчи, а новый ректоръ, принимая на себя званіе, также произноситъ рѣчь (§ 63).

Судебнымъ органомъ по всякимъ дѣламъ, касающимся учащихъ, учащихся и служащихъ въ университетѣ, является въ первой инстанціи ректоръ, во второй — университетскій судъ и въ третьей — университетскій совѣтъ. Окончательныя рѣшенія ректоръ даетъ по проступкамъ, ведущимъ за собою лишь выговоръ или заключеніе подъ стражу до трехъ дней, а также по взысканіямъ до 15 рублей включительно (§ 160). Университетскій судъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ декана юридическаго факультета и синдика, а также двухъ декановъ изъ остальныхъ факультетовъ, избираемыхъ попеременно; протоколъ суда ведется секретаремъ университетскаго совѣта, подъ наблюденіемъ синдика (§ 167); границы безапелляціонныхъ приговоровъ университетскаго суда опредѣляются исками не свыше 50 рублей, штрафами не свыше 25 рублей и заключеніемъ подъ стражу до 14 дней (§ 178); университетскій судъ разсматриваетъ дѣла, касающіяся дисциплины, порядка и благочинія между „университетскими гражданами", денежныхъ взысканій, споровъ объ имуществѣ движимомъ и отчасти недвижимомъ (§§ 52, 171, 188—195), передавая другія дѣла или университетскому совѣту, или общимъ судамъ, гражданскому и уголовному (§§ 185—187). Послѣдней судебной инстанціей въ университетѣ является совѣтъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ однако же не ректоръ, а особое лицо изъ профессоровъ, спеціально на то выбираемое совѣтомъ. Этотъ судъ имѣетъ право безапелляціоннаго рѣшенія: по всѣмъ дѣламъ, касающимся студентовъ; по дѣламъ, искъ по которымъ не превосходитъ 500 рублей; по жалобамъ на ректора, декановъ, профессоровъ, учителей, чиновниковъ и служителей университета; по приговорамъ къ

денежнымъ взысканіямъ не свыше 100 рублей (§ 211). По дѣламъ. не рѣшеннымъ въ университетскихъ инстанціяхъ, жалобы переносятся совѣтомъ въ Правительствующій Сенатъ (§ 213).

Особымъ учрежденіемъ при университетѣ являлся „цензурный комитетъ". Назначеніе его заключалось въ томъ, „чтобы какъ можно болѣе удалить отъ университета все противное нравственности вообще, религіи и правительству" (§ 218); онъ состоялъ изъ ректора и пяти декановъ, сотрудниками которыхъ, въ качествѣ „лекторовъ" подлежащихъ цензурѣ рукописей и книгъ, являлись всѣ профессора и „учители" университета (§ 217). Цензурный комитетъ долженъ былъ заниматься цензурою представленныхъ къ печатанію рукописей и къ допущенію въ обращеніе иностранныхъ книгъ въ районѣ Дерптскаго учебнаго округа (§ 216); но вѣдѣнію его не подлежало все, печатаемое самимъ университетомъ или кѣмъ-либо изъ ординарныхъ его профессоровъ, а равно не подлежали его вѣдѣнію и книги, выписываемыя изъ-за границы какъ для университета, такъ для кого-либо изъ университетскихъ профессоровъ (§§ 219, 226); при разсмотрѣніи же рукописей и книгъ во всѣхъ другихъ случаяхъ поручаются преимущественному вниманію цензуры тѣ изъ нихъ, которыя касаются „вообще или частно до Россійскаго государства" (§ 225).

По канцелярской части, кромѣ упомянутаго уже ранѣе „протосиндика", который, подъ главнымъ надзоромъ ректора, вѣдаетъ письмоводство не только въ совѣтѣ, но и въ правленіи (§ 230). положенъ еще особый „синдикъ", который управляетъ канцелярской частью въ другихъ учрежденіяхъ университета (§§ 228, 235), а также является представителемъ университета и его интересовъ въ различныхъ внѣуниверситетскихъ судебныхъ и иныхъ учрежденіяхъ (§ 232). Письменное дѣлопроизводство ведутъ секретари, которыхъ положено три: одинъ для совѣта, правленія и судебныхъ учрежденій университета, другой при экономическомъ комитетѣ и казначействѣ и третій при цензурѣ и библіотекѣ; они же вѣдаютъ и архивъ (§§ 236, 237).

Въ учебномъ отношеніи, университетъ, оставаясь при четырехъ факультетахъ, получилъ слѣдующую организацію. На *богословскомъ* факультетѣ (или „отдѣленіи") четыре профессора: 1) догматики и богословскаго нравоученія, 2) экзегетики и восточныхъ языковъ, 3) церковной исторіи и богословской словесности и 4) практическаго богословія; вездѣ положены ординатуры. На *юридическомъ* факультетѣ пять профессоровъ: 1) положительнаго, государственнаго и на-

роднаго права, политики, исторіи правъ и юридической словесности; 2) римскаго и нѣмецкаго права по гражданской и уголовной части, 3) лифляндскаго провинціальнаго права и практическаго правовѣдѣнія, 4) эстляндскаго и финляндскаго провинціальнаго права — ординатуры и 5) курляндскаго провинціальнаго права—экстраординатура; этотъ послѣдній профессоръ предназначенъ исправлять должность протосиндика въ совѣтѣ и правленіи; кромѣ того, „въ послѣдствіи времени" обѣщала каѳедра теоретическаго и практическаго россійскаго правовѣдѣнія. На *медицинскомъ* факультетѣ шесть профессоровъ: 1) анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, 2) патологіи, семіотики, терапіи и клиники, 3) діэтетики, врачебнаго веществословія (materiae medicae), врачебной исторіи и врачебной словесности, 4) хирургіи и повивальнаго искусства — ординатуры и 5) скотнаго лѣченія — экстраординатура; кромѣ того, полагался 6) прозекторъ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора. На *философскомъ* факультетѣ тринадцать профессоровъ, распредѣленныхъ по „классамъ" такимъ образомъ: А. Въ физико-математическомъ классѣ: 1) теоретической и практической философіи, 2) чистой и прикладной математики—обѣ ординатуры и, кромѣ того, 3) обсерваторъ, въ званіи экстраординарнаго профессора; В. Въ классѣ естественныхъ наукъ: 1) теоретической и опытной физики, 2) теоретической и опытной химіи, 3) натуральной исторіи вообще и ботаники въ особенности — ординатуры; С. Въ филологическо-историческомъ классѣ: 1) краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, филологіи, эстетики и исторіи словесности и художествъ, 2) россійскаго языка и словесности, 3) всеобщей исторіи, статистики и географіи, 4) исторіи, статистики и географіи россійскаго государства, а въ особенности Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Финляндской губерній — ординатуры; D. Въ технологико-экономическомъ классѣ: 1) экономіи, технологіи и гражданской архитектуры, 2) камеральной науки, финансовъ и торговли—ординатуры и 3) военныхъ наукъ—экстраординатура. Сверхъ того, полагались еще учителя языковъ: 1) россійскаго, 2) нѣмецкаго, 3) латышскаго, 4) эстляндскаго и финляндскаго, 5) французскаго и 6) англійскаго; а также учителя „искусствъ": 1) шталмейстеръ, 2) фехтованія и волтижированія, 3) рисовальнаго искусства и гравированія, 4) музыки, 5) танцованія и 6) плаванія (§§ 83 — 87). Кромѣ того, университетскому совѣту предоставлено было право разрѣшать чтеніе лекцій и „вообще лицамъ, имѣющимъ

университетскія степени" подъ условіемъ представленія ими особой диссертаціи pro venia legendi (§ 91).

Такимъ образомъ, общее число профессоровъ положено 29, учителей 12, между тѣмъ какъ по уставу 1804 года въ Московскомъ университетѣ профессоровъ было 28, а учителей 6; но въ послѣднемъ, кромѣ того, положено 12 адъюнктовъ, которымъ въ Дерптскомъ университетѣ соотвѣтствуетъ неопредѣленное число вольныхъ преподавателей, получившихъ veniam legendi. Что же касается вообще сравненія съ Московскимъ университетомъ, въ которомъ положено было четыре факультета — нравственныхъ и политическихъ наукъ, врачебныхъ или медицинскихъ наукъ, словесныхъ наукъ—то, исключая въ Дерптскомъ университетѣ богословскій факультетъ съ его четырьмя каѳедрами, а въ Московскомъ двѣ каѳедры юридическаго факультета, предназначенныя православному богословію и церковной исторіи—получимъ въ Московскомъ 26, а въ Дерптскомъ 25 каѳедръ; если же каѳедры Дерптскаго университета переставить примѣнительно къ теперешней факультетской схемѣ русскихъ университетовъ, то получится, что для физико-математическихъ и медицинскихъ наукъ и тамъ и тутъ положено одинаковое число каѳедръ (8 и 6), для историко-филологическихъ въ Дерптскомъ 5 и въ Московскомъ 8, а для юридическихъ въ Дерптскомъ 6 и въ Московскомъ 4. Изъ этого видно, что въ общемъ числѣ каѳедръ перевѣсъ одной каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ надъ Московскимъ падаетъ на богословскій факультетъ и, затѣмъ, что медицинскія и физико-математическія каѳедры въ обоихъ университетахъ были представлены численно одинаково, историко-филологическія полнѣе въ Московскомъ, а юридическія—въ Дерптскомъ; впрочемъ, послѣдній выводъ относительно юридическихъ каѳедръ въ Дерптскомъ университетѣ ослабляется и получаетъ условный характеръ въ виду того, что изъ 6 каѳедръ юридическаго факультета по крайней мѣрѣ три, если не четыре, посвящены спеціальнымъ отдѣламъ мѣстнаго права; къ тому же, одна каѳедра лишь обѣщана въ будущемъ, такъ что съ общимъ характеромъ является только одна, первая, каѳедра и отчасти вторая, тогда какъ въ Московскомъ университетѣ дѣло поставлено было въ этомъ отношеніи шире: тамъ именно изъ четырехъ каѳедръ только одна была посвящена русскому праву, а остальныя три—общимъ.

При университетѣ положены были слѣдующія учебно-вспомога-

тельныя учрежденія: при медицинскомъ факультетѣ—анатомическій театръ, медицинскій клиническій институтъ, хирургическій клиническій институтъ, институтъ повивальнаго искусства, собраніе анатомическихъ препаратовъ (§§ 98, 123); при философскомъ факультетѣ—музей искусствъ, натуральный кабинетъ, собраніе физическихъ орудій, химическая лабораторія, собраніе технологическихъ военно-учебныхъ моделей, обсерваторія, ботаническій садъ (§§ 118—122, 124—126); кромѣ того, библіотека (§§ 113—117), а также манежъ, танцовальный залъ и заведеніе для купанья и плаванія (§ 111). Наконецъ, предположено было при философскомъ факультетѣ учредить „Общій учительскій или педагогическій институтъ", на содержаніе воспитанниковъ котораго опредѣлены были особыя денежныя стипендіи (§§ 103—110).

Такъ какъ, согласно „акту постановленія" 12-го декабря 1802 года, предполагалось, что университетъ самъ будетъ управлять дарованными ему 240 лифляндскими гаками земли, то для этой цѣли уставомъ предположено было учрежденіе при университетѣ „Хозяйственнаго комитета", въ которомъ должны быть ректоръ, кураторы со стороны дворянства и особые засѣдатели, по числу кураторовъ, изъ декановъ или профессора экономіи (§ 245); кромѣ того, для управленія доходами университета учреждена „Контора" изъ ректора и двухъ декановъ, засѣдающихъ въ „Комитетѣ" (§ 251), а для храненія наличныхъ денегъ и денежныхъ документовъ — университетское „Казначейство", изъ ректора, одного изъ засѣдающихъ въ „Конторѣ" профессоровъ и секретаря „Хозяйственнаго комитета" (§§ 266—267).

Что касается денежныхъ средствъ, то, какъ уже сказано выше, Дерптскій университетъ получалъ ежегодно 126.000 рублей, на 4000 менѣе Московскаго, на который положено было въ 1804 году 130.000 рублей. Въ частности, по новому штату въ Дерптскомъ университетѣ, сравнительно съ прежнимъ штатомъ, интересны слѣдующія цифры: жалованья ординарнымъ профессорамъ положено было 2.000 р., экстраординарнымъ 1.500 р., учителямъ языковъ по 500 р., но шталмейстеру и учителю рисованія по 900 рублей; на учебно-вспомогательныя учрежденія всего 22.700 р.; вице-кураторъ фигурируетъ тутъ уже только въ качествѣ пенсіонера въ 1.000 руб. (§§ 280—290). Дополненіемъ къ жалованью профессоровъ являлся гонораръ: за полугодичный трехъ-или четырехъ-часовой въ недѣлю курсъ студентъ вносилъ 10 рублей асс.; при большемъ количествѣ часовъ, читаемыхъ профессоромъ, могла увеличиваться и гонорарная

плата, не превышая однако же 15 руб. за одинъ предметъ въ полугодіе (§ 88). Этотъ пунктъ о гонорарѣ отсутствовалъ въ уставѣ 1804 года русскихъ университетовъ и прошелъ въ Петербургѣ не безъ возраженій исключительно благодаря настойчивости Паррота и поддержкѣ со стороны Клингера; въ проектѣ устава Парротъ предлагалъ еще и плату профессорамъ за возведеніе въ ученыя степени, но внесенія этого пункта въ уставъ отстоять ему не удалось [1]), хотя фактически, какъ мы увидимъ дальше, такой видъ дохода практиковался въ Дерптскомъ университетѣ въ описываемый періодъ его существованія.

Изъ 126.000 рублей, положенныхъ на университетъ, 6.000 руб. опредѣлены были на разъѣзды ревизоровъ-профессоровъ для обозрѣнія училищъ и „на другія по сему же предмету издержки" (§ 290). Эта статья указывала на совершенно особую сторону дѣятельности университета по части среднихъ и низшихъ училищъ округа, и такъ какъ въ уставѣ не дано было на этотъ предметъ никакой инструкціи, то въ слѣдующемъ году были изданы утвержденныя 21-го марта 1804 года „Постановленія для Императорскаго Дерптскаго университета относительно до надзиранія училищъ его округа", составляющія существенное дополненіе къ университетскому уставу 1803 года. „Постановленія" эти состоятъ изъ двухъ главъ, изъ которыхъ въ первой говорится „объ обязанностяхъ университета къ училищнымъ его округа заведеніямъ" (§§ 1—18), а во второй „объ университетской училищной комиссіи" (§§ 19—29). Эта училищная комиссія должна была состоять изъ 7 ординарныхъ профессоровъ, со включеніемъ въ ихъ число и ректора, который предсѣдательствуетъ въ ней; на ея обязанности лежало разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, касающихся училищъ округа, но „въ случаяхъ нѣкоторой важности" рѣшеніе это восходило на окончательное сужденіе о томъ совѣта, который, когда почиталъ то нужнымъ, могъ производить ревизію дѣлъ комиссіи (§ 19). На содержаніе учебныхъ заведеній Дерптскаго округа положено было 118.000 рублей [2]).

Дѣятельность свою по новому уставу университетъ началъ въ совѣтѣ 6-го октября; а въ правленіи и въ университетскомъ судѣ 15-го октября 1803 года. Первый годичный актъ по введеніи новаго устава состоялся 12-го декабря 1803 года, на которомъ говорили

[1]) Briefbuch zu Friedrich Max. Klinger, стр. 250, 261, 262.

[2]) Сборникъ постановленій, I, 226—232.

рѣчи: ректоръ Балкъ „Wirkung des Clima's und der Regierungsform auf den Charakter einer Nation" и проф. Моргенштернъ „Charakteristik Johann Winkelmann's"; кромѣ того, проф. Пешманъ читалъ своего сочиненія стихи „Stanzen am Geburtsfest S. K. M. Alexander I". На этомъ актѣ также впервые объявлены были темы на соисканіе наградъ медалями для студентовъ, на что ежегодно ассигновалось по 500 р. согласно §§ 150—153 устава.

Изъ представленнаго обозрѣнія устава Дерптскаго университета 1803 года можно видѣть, какъ далеко ушелъ онъ въ разныхъ отношеніяхъ впередъ на пользу университета сравнительно съ прежнимъ „планомъ" 4-го мая 1799 года. Соотвѣтствующій его задачамъ матеріалъ обнятъ широко и разработанъ довольно подробно. Составленный въ духѣ „акта постановленія", уставъ этотъ совершенно освобождаетъ университетъ отъ власти и вліянія дворянскихъ кураторовъ, которымъ предоставлялось только принимать участіе въ управленіи пожалованными университету гаками, при чемъ даже и эта скромная роль на дѣлѣ свелась совершенно къ нулю, такъ какъ гаками вообще управлять университету не пришлось, и во все послѣдующее время онъ получалъ изъ казны на свое содержаніе наличныя деньги. На мѣсто кураторовъ, полнымъ хозяиномъ университета по новому уставу является совѣтъ, въ денежныхъ дѣлахъ, судебныхъ, въ обученіи и администраціи, связанный лишь формальной зависимостью отъ центральной власти министра народнаго просвѣщенія черезъ посредство попечителя округа. Болѣе чѣмъ удвоенный противъ прежняго штатъ давалъ университету полную возможность идти той широкой дорогой, на которую выводила его счастливая судьба и исключительное благоволеніе къ нему императора Александра I, такъ что выдающійся современный нѣмецкій историкъ, сравнивая положеніе русскихъ университетовъ той эпохи съ западно-европейскими, писалъ: „въ отношеніи матеріальныхъ средствъ русскіе университеты далеко превосходятъ всѣ остальныя высшія школы материка, исключая развѣ Вѣны" [1]).

„Правила для учащихся въ Дерптскомъ университетѣ" 1803 года, утвержденныя, какъ мы видѣли, почти одновременно съ новымъ уставомъ, представляютъ по своему содержанію и духу гораздо менѣе новаго сравнительно съ „Reglement der academischen Polizey-Verordnungen" 1802 года, чѣмъ уставъ относительно предшествовавшаго

[1]) *C. Meiners*, Geschichte der Entstehung und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils. B. IV. Göttingen 1805, стр. 206.

ему „плана“ 1799 года. Причина этого лежала, конечно, въ самомъ характерѣ вопроса о правахъ и обязанностяхъ студентовъ, на который не могъ повліять „актъ постановленія“. Въ смыслѣ распредѣленія матеріала и послѣдовательности частей, „Правила“ 1803 года гораздо удачнѣе „устава“. Они состоятъ изъ введенія и шести главъ. Во введеніи указано на назначеніе этихъ правилъ и на характеръ того положенія, въ которое становится юноша, поступающій въ университетъ; затѣмъ, дается краткое обозрѣніе „отдѣленій“ или факультетовъ и перечисленіе назначенныхъ для пользованія учащимся университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; въ концѣ сообщается о судебныхъ инстанціяхъ университета, объемъ и характеръ дѣятельности которыхъ опредѣлены были въ „уставѣ“. Въ первой главѣ (§§ 1 — 6) говорится объ обязанностяхъ студента при вступленіи его въ университетъ, т. е. о „предварительномъ искусѣ“, имматрикуляціи и другихъ формальностяхъ для полученія права посѣщать лекціи: вторая глава (§§ 7—37), наиболѣе важная по содержанію, трактуетъ объ обязанностяхъ студента къ самому себѣ, къ членамъ и чинамъ университета и къ публикѣ; тутъ, послѣ указанія, что цѣль студента въ университетѣ „состоитъ въ пріобрѣтеніи высшихъ познаній для будущаго своего назначенія въ образованіи себя въ нравственности и знаніи людей, въ пріобрѣтеніи навыка въ надлежащемъ употребленіи свободы своей и управленіи собою“, даются довольно подробныя наставленія о томъ, какъ нужно пользоваться этой свободой въ своей домашней и личной жизни; затѣмъ, какъ относиться къ товарищамъ, профессорамъ и начальству; наконецъ, какъ вести себя относительно непринадлежащихъ къ университету лицъ, въ церкви, въ общественныхъ мѣстахъ и на улицѣ, днемъ или ночью; третья глава (§§ 38 — 44) спеціально посвящена статьямъ о договорахъ, заключенныхъ студентами, и о дѣлаемомъ имъ довѣріи, при чемъ указаны предѣлы денежныхъ исковъ къ студентамъ и крайніе сроки денежнаго довѣрія къ нимъ, при которыхъ посторонніе лица могутъ обращаться къ содѣйствію университетскаго суда; четвертая глава (§§ 45 — 54) трактуетъ о наказаніяхъ, которымъ могутъ подвергаться студенты въ университетѣ за тѣ или иные проступки; въ пятой главѣ (§§ 55 — 57) рѣчь идетъ объ обязанностяхъ студента при оставленіи имъ университета, и, наконецъ, въ шестой (§§ 58—66) говорится о правахъ студента въ отношеніи защиты ихъ со стороны университета и о наградахъ, которыхъ они могутъ быть удостоены въ университетѣ.

Какъ уже сказано отчасти, многія статьи этихъ „Правилъ" напоминаютъ собою соотвѣтствующія части Reglement'а 1802 года, особенно что касается поступленія студентовъ въ университетъ, ихъ быта, дуэлей и денежныхъ обязательствъ.

Мы уже знаемъ, что напряженной дѣятельности Паррота и университетскаго совѣта въ 1802—1803 годахъ, въ результатѣ которой получились „актъ постановленія" и новый уставъ, сопутствовало ослабленіе значенія и власти кураторовъ, завершившееся въ 1803 году полной ликвидаціей этого учрежденія. Тутъ умѣстно упомянуть лишь о весьма немногихъ фактахъ. Изъ трехъ дворянскихъ кураторовъ одинъ, именно фонъ-Гротгусъ, бывшій представителемъ курляндскаго дворянства, уже въ силу упомянутаго выше указа 11 мая 1801 г., вышелъ изъ состава „кураторіума"; затѣмъ, въ 1803 году по прошенію былъ уволенъ отъ кураторства эстляндскій представитель фонъ-Барановъ, и на его мѣсто назначенъ бывшій вице-кураторъ І. Ф. Унгернъ-Штернбергъ, котораго должность уставомъ 1803 года была упразднена, и которому въ силу этого предоставлена была пенсія въ 1000 р. въ годъ; лифляндскій кураторъ графъ Мантейфель 24-го января 1803 года назначенъ былъ попечителемъ въ Казань, но вскорѣ по вступленіи въ должность былъ замѣненъ другимъ лицомъ, а въ качествѣ куратора на его мѣсто былъ назначенъ Фитингофъ, который, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ Унгернъ-Штернбергомъ пытался представительствомъ передъ графомъ В. П. Кочубеемъ помѣшать утвержденію новаго университетскаго устава, но безуспѣшно. Такъ какъ по уставу 1803 года кураторамъ предоставлено было только участіе въ управленіи университетскими землями, а послѣднія никогда не перешли въ фактическое пользованіе университета, то изъ этого вытекала сама собою необходимость для обоихъ кураторовъ оставить университетъ совсѣмъ; фактически это имѣло мѣсто уже въ 1803 г.; оставляя университетъ, вмѣстѣ съ передачею университетскому совѣту архива „кураторіума", оба эти куратора уносили съ собою и послѣднюю надежду дворянства удержать за собою хотя бы долю того могущественнаго вліянія, подъ которымъ идея Дерптскаго университета впервые получила свое осуществленіе при императорѣ Павлѣ I [1]).

Совершенно естественно, что при указанной борьбѣ университетской профессорской корпораціи и особенно Паррота съ кураторами,

---

[1]) *Th. Beise*, назв. соч., стр. 23—24; *M. Rieger*, назв. соч., II, стр. 570—573

отношенія послѣднихъ къ первому, какъ вожаку, носили недоброжелательный и даже враждебный характеръ; не любило Паррота и вообще остзейское дворянство, особенно въ Лифляндіи. На него возводились въ Петербургѣ всякаго рода обвиненія, сыпались доносы въ устной и письменной формѣ, имѣвшіе цѣлію подорвать успѣхъ его дѣятельности на пользу университета, и только особыя личныя отношенія къ государю спасали его отъ послѣдствій этихъ нападокъ; въ нихъ дворяне не останавливались даже передъ обвиненіями политическаго свойства, стараясь выставить Паррота не только вреднымъ дѣятелемъ въ университетѣ, но и опаснымъ демагогомъ, готовымъ поднять мѣстныхъ крестьянъ противъ дворянства; и Парроту приходилось объясняться и оправдываться [1]).

---

[1]) Одно изъ такихъ оправдательныхъ писемъ Паррота къ государю, доселѣ ненапечатанное и писанное изъ Дерпта отъ 16-го апрѣля 1803 года, находится въ собственноручной копіи автора въ числѣ его бумагъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ въ Петербургѣ (26. 2. I. 18). „A peine quatre mois sont écoulés—начинаетъ Парротъ—depuis le 12 décembre doublement cher à nos coeurs, où V. M. J. signa l'acte de la régéneration de notre Université. Après tout de soins voués à cette constitution, Vous aviez, Sire, assurement le droit de regarder la chose comme terminée. La Noblesse du gouvernement de Livonie se place sous un autre point de vue; prévoyant dans nos droits les dangers pour ses prétendus privilèges elle se prépare à des réclamations. Je le sais, Sire, ces reclamations ne sont que ridicules. Nous avons Votre parole sacrée, et j'y crois, et j'y croiral aussi longtemps que je serai capable d'un sentiment honnète. Aussi ce n'est pas la crainte qui me force à prévenir V. M. La crainte ne fut jamais mon foible. Mais on nous attaquera personellement, surtout moi, comme on l'a déjà fait en pleine diète, et si, avant d'être instruit de la vérité, Vous croyez, Sire, devoir me demander une justification de l'Université, alors mon devoir me forcera à Vous offrir le tableau de l'administration de nos cidevant-curateurs, démarche que j'ai evitée jusqu'à ce jour, démarche que j'ai regardée comme ignoble lors de mon séjour à Pétersbourg, démarche qui offriroit au coeur sensible de V. M. la triste nécessité de punir de fautes sur lesquelles il vaut mieux tirer le voile du silence“. И далѣе онъ останавливается на двухъ главнѣйшихъ обвиненіяхъ, которыя выставляютъ противъ него представители дворянства: первое—что онъ, вмѣстѣ со своими ближайшими друзьями, подбираетъ для занятія каѳедръ въ университетѣ посредственныхъ лицъ, чтобы легче удерживать надъ ними свое преобладаніе, а второе—что онъ вмѣшивается своимъ голосомъ въ отношенія крестьянъ къ нимъ, помѣщикамъ. На первый пунктъ Парротъ отвѣчаетъ такъ: „Sire, la commission génerale des écoles, le ministre de l'instruction publique réponderont à cette vile inculpation. On Vous nommera Gaspari, Scherer, Sonntag, Krause, Isenflamm au nombre de nos nominations, hommes respectables qui fairoient honneur à quelque Université qui ce fut; depuis plusieurs mois nous travaillons pour les mathématiques à enle-

Отголоскомъ прежнихъ отношеній дворянства къ Дерптскому университету явилась и попытка курляндскаго дворянства создать ему въ 1803 году соперника въ лицѣ второго университета, который предполагалось открыть въ Митавѣ подъ именемъ „Рыцарской Ака-

ver à Stuttgardt la principale colonne de son Université abolie, ou bien à Helmstädt la fleur de ses professeurs, et nous y réussirons; pour la partie de la jurisprudence, très difficile à completter, nous sommes adressés au fameux Pütter, jugo assurément compétent dans cette partie". Изъ объясненія по второму пункту оказывается, что дворяне недовольны были Парротомъ за отстаиваемую имъ мысль о томъ, чтобы университетское образованіе доступно было не однимъ дворянамъ, но и остальнымъ классамъ общества. Припоминая, что эта самая мысль высказана была уже по поводу основанія университета при Густавѣ Адольфѣ, Парротъ говоритъ: „Vous connoissez, Sire, les droits de l'homme; ils sont gravés dans Votre coeur magnanime. Vous connoissez les devoirs de l'homme en place. Vous êtes notre sublime modèle. Vous jugerez non sur la foi d'autrui, mais d'après Vos propres principes, si nous devons être insensibles aux oppressions du despotisme dans les provinces, dont la culture nous est cenfiée, culture absolument impossible, pour le maitre comme pour l'esclave, tant que les rélations présentes subsisteront". Далѣе онъ говоритъ, что вопроса о крестьянахъ ему пришлось коснуться два раза: первый разъ—въ упомянутой уже нами рѣчи его 1-го августа 1802 года, гдѣ онъ указывалъ молодымъ людямъ, поступившимъ въ студенты, что они обязаны извѣстной признательностью къ тому народу, который своимъ трудомъ обусловливаетъ благосостояніе и досугъ къ занятію науками дворянству; второй разъ упоминаетъ онъ о крестьянствѣ въ приведенной выше рѣчи его по поводу проѣзда государя черезъ Дерптъ 22-го мая 1802 года. Онъ говоритъ, что эта послѣдняя рѣчь доставила ему лучшія минуты въ его жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ навлекла на него и ненависть дворянства: Je me suis chargé de cette haine—прибавляетъ Парротъ—volontairement, après en avoir été menacé par les curateurs quelques instants avant Votre arrivée. Je m'en suis chargé, sans prévoir qu'un jour la providence m'offriroit le plus beau, le plus sublime dédomagement. L'instant étoit sacré; l'humanité le revendiquoit, et j'osai le lui donner, j'osai forcer Votre conseiller intime à Vous recevoir, sinon dignement, au moins d'une manière qui exprimat notre reconnoissance pour l'honneur que Vous nous accordiez. Quelques heures avant Votre arrivée il étoit encore décidé dans le conseil de nos maitres qu'on recevroit le Monarque de la Russie, un froid rapport à la main, sans Lui dire qu'il est le Bienvenu". Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, онъ остерегался говорить о крестьянахъ не только публично, но и въ частной бесѣдѣ: „Du reste j'employe au moins 14 heures par jour à remplir mes devoirs de Recteur et de professeur; les heures de repos et le reste de la soirée sont à ma famile, en sorte que, quand même j'en aurois l'intention, il me seroit impossible de me repandre dans les sociétés pour y précher les principes dont on m'accuse". Это замѣчательное письмо наилучшимъ образомъ рисуетъ ту роль, которую пришлось играть Парроту въ отношеніи къ кураторамъ въ дѣлахъ университета, и тѣ поистинѣ трудныя условія, съ которыми ему надо было считаться.

декія" путемъ обращенія въ нее Митавской гимназіи. По этому дѣлу въ Петербургъ явился, въ качествѣ депутата отъ курляндскаго дворянства, баронъ Корфъ съ прошеніемъ и готовымъ проектомъ. Проектъ этотъ по Высочайшему повелѣнію переданъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе попечителю Клингеру, который и подвергъ его, въ своемъ докладѣ государю, строгой критикѣ какъ со стороны самой идеи учрежденія второго университета въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ и со стороны способовъ его осуществленія. На основаніи этого доклада положена была 7-го марта 1803 года резолюція, которую только и можно было ожидать при тогдашнихъ обстоятельствахъ: „Митавская гимназія должна пребыть въ зависимости отъ Дерптскаго университета" [1]), какъ это естественно вытекало и изъ смысла указа 24-го января 1803 года объ учрежденіи учебныхъ округовъ.

2.

Организація университета по новому уставу: личный составъ факультетовъ и учебно-вспомогательныя учрежденія къ концу 1803 года.

Рядомъ съ работами, имѣвшими цѣлію опредѣленіе основъ для внутренней жизни университета, шла и организація послѣдняго въ отношеніи личнаго состава и тѣхъ учебно-вспомогательныхъ и иныхъ учрежденій, существованіе которыхъ опредѣлено было новымъ уставомъ.

Составъ профессоровъ и преподавателей, приглашавшихся частію изъ Остзейскаго края, а главнымъ образомъ изъ-за границы, къ концу 1803 года представлялся по факультетамъ въ слѣдующемъ видѣ [2]).

На богословскомъ факультетѣ каѳедру догматики и богословскаго нравоученія занялъ д-ръ Лоренцъ Эверсъ (1802—1824), экзегетики и восточныхъ языковъ д-ръ Вильгельмъ-Фридрихъ Гецель (1802—1820), практическаго богословія д-ръ Германъ-Леопольдъ Белендорфъ (1802—1823); четвертая каѳедра, церковной исторіи и богословской словесности, въ виду того, что избранный на нее 6-го февраля 1803 года совѣтомъ университета рижскій оберъ-пасторъ Зонтагъ не оставался и двухъ мѣсяцевъ въ должности профессора, вслѣдствіе открывшейся ему болѣе видной служебной перспективы, была нѣкоторое время

---

[1]) Сборникъ постановленій, I, 28.

[2]) Uebersicht des Zustandes der Universität zu Dorpat vom Januar bis November 1803. Aus den officiellen Berichten der Universität gezogen. *Storch*, Russland unter Alexander dem Ersten, B. II. 208—237.

вакантна, и болѣе или менѣе прочно замѣщена впервые лишь въ декабрѣ 1804 года д-ромъ Іоганномъ Горномъ (1804—1810).

Юридическій факультетъ состоялъ пока изъ двухъ профессоровъ: римскаго и нѣмецкаго права по гражданской и уголовной части Карла-Фридриха Мейера (1802—1817) и лифляндскаго провинціальнаго права и практическаго правовѣдѣнія Іоганна-Людвига Мютеля (1802 — 1812); другія же три каѳедры замѣщены были нѣсколько позднѣе: эстляндскаго и финляндскаго провинціальнаго права Христіаномъ-Даніелемъ Розенмюллеромъ (1803 — 1805) и курляндскаго провинціальнаго права Фридрихомъ-Казиміромъ Клейненбергомъ (1803—1813), а положительнаго государственнаго и народнаго права, политики, исторіи правъ и юридической словесности только въ 1811 году Іоганномъ-Георгомъ Нейманомъ (1811—1814).

На медицинскомъ факультетѣ замѣщены были каѳедры: анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки д-ромъ Генрихомъ-Фридрихомъ Изенфламмомъ (1802 — 1810), патологіи, семіотики, терапіи и клиники д-ромъ Даніелемъ-Георгомъ Балкомъ (1802 — 1817), діэтетики, врачебнаго веществословія, врачебной исторія и врачебной словесности д-ромъ Мартиномъ Эрнестомъ Стиксомъ (1802—1826); остальныя каѳедры нашли себѣ представителей позже: повивальнаго искусства и скотнаго лѣченія въ лицѣ д-ра Христіана-Фридриха Дейча (1804—1833), хирургіи—д-ра Михаила-Эренрейха Кауцмана (1804—1810) [1] и прозектора—Людвига-Эмиля Цихоріуса (1804—1814).

На физико-математическомъ отдѣленіи философскаго факультета были назначены: по каѳедрѣ теоретической и практической философіи д-ръ Готлибъ-Веніаминъ Еше (1802—1839); другая каѳедра, чистой и прикладной математики, была замѣщена нѣсколько позднѣе д-ромъ Іоганномъ-Вильгельмомъ Пфаффомъ (1804—1809); кромѣ того, обсерваторомъ былъ назначенъ въ 1805 году бывшій дотолѣ преподавателемъ математики Христофъ-Фридрихъ Кнорре (1805—1810)

На отдѣленіи естественныхъ наукъ философскаго факультета заняли каѳедры: теоретической и опытной физики — д-ръ Георгъ-Фридрихъ Парротъ (1802—1826), теоретической и опытной химіи—д-ръ Александръ-Николай Шереръ (1802 — 1804), натуральной исторіи

[1]) Въ 1804 году хирургія, соединенная по уставу 1803 года вмѣстѣ съ повивальнымъ искусствомъ, была выдѣлена въ особую каѳедру для ординарнаго профессора, а „скотное лѣченіе" соединено въ одну каѳедру съ повивальнымъ искусствомъ, съ присвоеніемъ и этой каѳедрѣ ординатуры, вмѣсто положенной по уставу для каѳедры „скотнаго лѣченія" экстраординатуры.

вообще и ботаники въ особенности — д-ръ Готтфридъ-Альбертъ Германъ (1802—1809).

На историко-филологическомъ отдѣленіи философскаго факультета каѳедры распредѣлились такъ: краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, филологіи, эстетики и исторіи словесности и художествъ— д-ръ Карлъ-Симонъ Моргенштернъ (1802—1836), россійскаго языка и словесности—Григорій Андреевичъ Глинка (1802—1810), всеобщей исторіи, статистики и географіи — д-ръ Георгъ-Фридрихъ Пешманъ (1802—1812), исторіи, статистики и географіи Россіи, а въ особенности Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Финляндской губерній—д-ръ Адамъ-Христіанъ Гаспари (1803—1809).

На технологико-экономическомъ отдѣленіи философскаго факультета были профессора: экономіи, технологіи и гражданской архитектуры—Іоганнъ-Вильгельмъ Краузе (1803—1828), камеральной науки, финансовъ и торговли — д-ръ Фридрихъ-Эбергардъ Рамбахъ (1803—1826), военныхъ наукъ—маіоръ баронъ Фридрихъ-Готлибъ фонъ-Эльснеръ (1803—1813) [1].

На мѣста учителей языковъ назначены были: русскаго — Іосифъ Елачичъ (1802 — 1804), нѣмецкаго — Карлъ-Фридрихъ Петерсенъ (1802 — 1818), „эстляндскаго и финляндскаго“ — Фридрихъ-Давидъ Ленцъ (1802—1809), французскаго—д-ръ Луи Валле-де-Барръ (1803—1825), англійскаго — д-ръ Веніаминъ Бересфордъ (1803—1806), латышскаго — Отто Розенбергеръ (1803—1847). Учителями искусствъ были: шталмейстеръ, онъ же учитель фехтованія—Юстусъ фонъ-Дауэ (1803—1833), рисованія—Карлъ-Августъ Зенфъ (1803—1838), танцевъ — Людвигъ Шевалье (1803—1816); кромѣ того, механическимъ работамъ обучалъ баронъ Христіанъ-Фридрихъ Веллингъ (1802—1807).

Изъ этого перечня видно, что къ концу 1803 года всего полнѣе и, какъ показало будущее, всего счастливѣе въ качественномъ отношеніи замѣщены были каѳедры философскаго факультета; изъ четырехъ отдѣленій послѣдняго осталось сзади другихъ, въ смыслѣ полноты занятыхъ каѳедръ, физико-математическое. Затѣмъ, довольно

[1]) Изъ перечисленныхъ здѣсь профессоровъ нѣкоторые приглашены были на службу въ Дерптскій университетъ кураторіумомъ, ранѣе 1802 года: Эверсъ, Стиксъ, Парротъ и Пешманъ — въ 1800 году, Белендорфъ и Гецель — въ 1801; кромѣ того, здѣсь не упомянутъ нами профессоръ химіи Ф. Э. Арцтъ, приглашенный въ 1800 году, но преподававшій лишь въ первый двухмѣсячный семестръ 1802 года и неожиданно похищенный затѣмъ смертію въ августѣ того же года.

полно замѣщенъ былъ богословскій факультетъ; медицинскій относительно профессоровъ былъ обезпеченъ лишь на половину, а юридическій—и того менѣе. Впрочемъ, указанные недостатки къ 1805 году были такъ или иначе заполнены, за исключеніемъ одной, и въ педагогическомъ отношеніи весьма важной, каѳедры на юридическомъ факультетѣ, получившей своего представителя лишь девять лѣтъ спустя послѣ открытія университета. Кромѣ того, достойно замѣчанія, что никто изъ профессоровъ юридическаго факультета, впервые назначенныхъ на положенныя тамъ каѳедры, не имѣлъ высшей ученой степени, и большинство изъ нихъ ранѣе были практическіе дѣятели или чиновники, а не ученые спеціалисты.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета при его организаціи, и по важности своего назначенія, и по общему своему характеру, первое мѣсто занимала библіотека. Съ самаго же начала организаціонныхъ работъ возникла мысль обратить для ея помѣщенія развалины католическаго собора св. Діонисія на Домской горѣ. Храмъ этотъ, построенный дерптскимъ епископомъ Германомъ I въ 1223—1230 годахъ, во время послѣдующихъ частыхъ войнъ подвергавшійся непріятельскимъ нападеніямъ и послѣдній разъ пострадавшій отъ пожара въ 1598 году, представлялъ съ того времени величественныя руины средневѣковаго готическаго стиля, стоявшія безъ всякаго употребленія и предоставленныя разрушительному дѣйствію стихій и времени. При основаніи университета основныя части этихъ развалинъ (фундаментъ и стѣны) были однако же настолько прочны, что рѣшено было алтарную часть бывшаго храма, послѣ необходимаго, впрочемъ, весьма капитальнаго ремонта, предоставить для устройства тамъ библіотечнаго помѣщенія. Подготовительныя работы къ ремонту начались еще въ апрѣлѣ 1803 года; на нихъ ушелъ цѣлый годъ, въ виду трудностей, которыми сопровождались вообще первыя постройки университета, при недостаткѣ рабочихъ рукъ и матеріаловъ на мѣстѣ, при высокихъ цѣнахъ и другихъ неудобствахъ, такъ что только въ апрѣлѣ 1804 года приступлено было къ дѣйствительному ремонту будущаго библіотечнаго помѣщенія, которое въ готовомъ видѣ освящено было 15-го сентября 1806 года. Постройкой завѣдывалъ I. В. Краузе. Получилось зданіе въ 116 футовъ длины, 75 ф. ширины и 60 ф. вышины; чтобы наиболѣе выгоднымъ образомъ утилизировать его въ послѣднемъ отношеніи, внутри его устроено было три этажа, вышиною отъ $18^{1}/_{2}$ до 20 ф. каждый, сообщавшіеся между собою одной каменной лѣстницей внѣ собственно библіотечнаго помѣщенія

и нѣсколькими деревянными лѣстницами внутри его. Постройка эта обошлась въ общемъ 43.000 рублей. Главное завѣдываніе библіотекой вручено было до изданія „акта постановленія" 12-го декабря 1802 года вице-куратору, а послѣ того одному изъ профессоровъ, который былъ въ то же время библіотекаремъ; такимъ лицомъ оказался проф. Моргенштернъ, а помощникомъ его по библіотекѣ, съ званіемъ вице-библіотекаря, проф. Пешманъ. Что касается книгъ, то для перваго начала ассигновано было на ихъ покупку 35.000 рублей изъ казны. На эти деньги, а также на положенные по штату 1803 года „на содержаніе и пріумноженіе библіотеки" 5.000 р. ежегодно, сдѣланы были первые книжные заказы по запискамъ наличныхъ профессоровъ, а также куплены были партіи книгъ изъ библіотекъ частныхъ лицъ: Фесслера и Гедике (въ Берлинѣ), Шульце (въ Галле), Голландера и Ленца (въ Ригѣ), Вальтера (въ Ревелѣ). Кромѣ того, уже въ 1802—1803 годахъ въ библіотеку поступило нѣсколько цѣнныхъ пожертвованій, между которыми весьма видное мѣсто занимаетъ собраніе книгъ отъ цесаревича великаго князя Константина Павловича въ количествѣ 680 томовъ различнаго, главнымъ образомъ историческаго, содержанія; также пожертвованія поступили отъ графини Лестокъ (около 300 тт. по статистикѣ, эстетикѣ и беллетристикѣ), отъ д-ра Шульца въ Торнѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. По содержанію книгъ, къ концу 1803 года въ университетской библіотекѣ болѣе или менѣе удовлетворительно были представлены богословіе, медицина, правовѣдѣніе, естественная исторія, физика, отчасти исторія и философія, но гораздо слабѣе—математика, географія, древне-классическая литература, новые языки, всеобщая исторія литературы, изящныя искусства.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при факультетахъ, возникшихъ при организаціи въ 1803 году, всѣ относятся исключительно къ философскому факультету. Благодаря профессору Парроту, занимавшему каѳедру физики, лучше всего съ самаго же начала обставленъ былъ физическій кабинетъ, впрочемъ не во всѣхъ частяхъ науки одинаково: полнѣе всего было собраніе приборовъ для изученія общихъ свойствъ тѣлъ и равновѣсія, тогда какъ электричество и магнетизмъ обставлены были весьма слабо. Для химическаго кабинета были пріобрѣтены лишь самые необходимые приборы. Въ кабинетѣ естественной исторіи находилось уже довольно значительное собраніе минераловъ, составившееся частію изъ пожертвованія цесаревича великаго князя Константина Павловича, частію путемъ покупки отъ

бергграта Фойгта въ Ильменау и профессора Ленца въ Іенѣ; кромѣ того, для пополненія этого собранія рѣшено было устраивать подъ руководствомъ проф. Бермана, во время лѣтнихъ вакацій, экскурсіи по морскому берегу Эстляндіи, при участіи студентовъ; другія части естественной исторіи были представлены въ кабинетѣ очень слабо. Для устройства ботаническаго сада куплена была университетомъ въ іюнѣ 1803 года, на публичномъ аукціонѣ, расположенная въ рижскомъ предмѣстьи часть земли, принадлежавшая ранѣе фонъ-Пистолькорсу, а потому купцу Зеебаху, съ оранжереями и другими постройками за 7.560 р. асс., а въ октябрѣ того же года къ ней присоединенъ былъ еще участокъ, купленный отъ ландрата фонъ-Баранова за 4.000 р.; впрочемъ, въ мартѣ 1806 года для ботаническаго сада назначено подаренное университету Анной-Маріей фонъ-Розенкампфъ другое. болѣе удобное и понынѣ занимаемое имъ, мѣсто, куда переведены были и всѣ обзаведенія, успѣвшія возникнуть въ этотъ короткій промежутокъ времени; прежнее мѣсто продано было университетомъ въ 1809 году въ частныя руки, и часть его занята въ настоящее время садомъ Ремесленнаго Общества, что на Прудовой улицѣ [1]). Наконецъ, для учрежденнаго музея искусствъ къ концу 1803 года пока еще ничего не было на мѣстѣ, но проф. Моргенштернъ вошелъ уже къ этому времени въ сношеніе съ нѣкоторыми лицами заграницей о доставленіи небольшого собранія картинъ, гравюръ, рисунковъ, гипсовыхъ копій съ произведеній античной скульптуры, монетъ и т. п. Для другихъ учрежденій философскаго факультета, предусмотрѣнныхъ уставомъ, начало было положено позднѣе: съ 1804 года стало составляться собраніе техническихъ и военно-учебныхъ моделей, а въ 1807—1810 годахъ построена астрономическая обсерваторія.

Учебно-вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета всѣ возникли позднѣе 1803 года. Медицинская клиника открыла свою дѣятельность въ 1804 году въ наемномъ помѣщеніи. Хирургическая клиника, не имѣя особаго помѣщенія, пользовала съ 1805 года своихъ больныхъ сначала лишь амбулаторно, и только въ слѣдующемъ 1806 году, и то въ наемной квартирѣ, принимала больныхъ для излѣченія у себя на мѣстѣ. Клиника „повивальнаго искусства", начавшая свою дѣятельность въ 1806 году, пользовалась сперва также

---

[1]) *Moritz Willkomm.* Der botanische Garten der Kaiserlichen Universität Dorpat. D. 1873, стр. 1—5.

частнымъ помѣщеніемъ. Въ 1805—1806 годахъ выстроено было для всѣхъ этихъ трехъ клиникъ особое зданіе изъ бывшей казармы на Домской горѣ; впослѣдствіи перестроенное, оно въ настоящее время занято одной медицинской клиникой [1]). Въ 1803—1805 годахъ построено было зданіе анатомическаго театра, гдѣ нашло себѣ помѣщеніе и собраніе анатомическихъ препаратовъ.

Наконецъ, изъ учрежденій, предназначенныхъ для физическаго развитія учащихся, довольно прочное положеніе уже съ самаго начала получилъ манежъ. Въ сущности, онъ началъ свое дѣйствительное существованіе ранѣе самаго университета и какого бы то ни было изъ его учрежденій, основанный благодаря стараніямъ кураторовъ еще въ 1800 году. Въ 1802 году для него построено было спеціальное деревянное зданіе, которое въ 1821 году было замѣнено каменнымъ на томъ же самомъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ главнаго зданія университета.

Въ 1803 году организованъ былъ составъ „училищной комиссіи", въ которую 1-го апрѣля были избраны совѣтомъ, кромѣ ректора Паррота, профессора Моргенштернъ, Мютель, Зонтагъ, Пешманъ, Еше и Балкъ, хотя, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе опредѣленную инструкцію это учрежденіе получило лишь черезъ годъ, когда началъ свои дѣйствія и университетскій цензурный комитетъ [2]).

Къ концу 1803 года ближайшимъ образомъ намѣчена была также и дѣятельность Общаго Учительскаго или Педагогическаго института; именно, директорами его назначены были профессора Моргенштернъ, Еше и Пешманъ, при чемъ главное руководство возложено было на перваго; 21-го ноября 1803 года дирекція эта имѣла первое свое засѣданіе, въ которомъ и положено было принять въ институтъ извѣстное число студентовъ въ качествѣ „семинаристовъ", съ предоставленіемъ имъ установленныхъ стипендій; 5-го декабря институтъ былъ открытъ, но правильныя занятія въ немъ начались лишь съ начала слѣдующаго 1804 года.

До постройки главнаго университетскаго зданія на площади шведской церкви, куда университетъ перешелъ только въ 1809 году, роль его при организаціи университета въ 1803 году выполнялъ съ одной стороны домъ фонъ-Бока, въ которомъ находились аудиторіи и

---

[1]) *L. Aug. Struve.* Historischer Bericht über die Leistungen des medicinischen Klinikums der Kaiserlichen Universität zu Dorpat, von seiner Eröffnung im Jahre 1804 bis zum Schlusse des Jahres 1826. D. 1827, стр. 7—8.

[2]) *Th. Beise*, стр. 32, 37.

помѣщались пока начатки будущихъ университетскихъ коллекцій, а съ другой — такъ называемое впослѣдствіи „старое университетское зданіе" на углу Большой Рыночной и Рыцарской улицъ; оно составляло раньше частную собственность ландмаршала барона Унгернъ-Штернберга и куплено было университетомъ, послѣ смерти владѣльца, съ аукціона 21-го августа 1802 года за 21.000 рублей; впрочемъ, пользованіе этимъ зданіемъ во всемъ его объемѣ началось со стороны университета не ранѣе 1804 года, при чемъ отдѣльныя комнаты его служили то въ видѣ аудиторій, то для офиціальныхъ засѣданій, то для временнаго помѣщенія въ нихъ нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; здѣсь же было нѣсколько квартиръ для служащихъ, и часть помѣщеній отдавалась въ наемъ въ пользу университета.

14-го октября 1803 года составленъ былъ изъ профессоровъ Краузе, Германа, Паррота и Моргенштерна особый комитетъ, принявшій на себя задачу по систематической распланировкѣ Домской горы, по насажденію ея деревьями и кустарниками и вообще по приспособленію ея для прогулокъ какъ лицамъ изъ университетской среды, такъ и остальнымъ жителямъ города.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, организаціонныя работы университета 1802 — 1803 годовъ, представлявшія собою по многимъ частямъ лишь начало; конецъ этой организаціи можно видѣть не ранѣе 1810 года, когда всѣ предначертанныя уставомъ 1803 года стороны университетской жизни получили то или иное фактическое выраженіе.

Е. Пѣтуховъ.

КЪ ВОПРОСУ О СКЛАДНИКАХЪ [1]).

Въ недавно изданномъ Судебникѣ царя Ѳеодора Іоанновича встрѣчаются нѣсколько статей, касающихся любопытнаго института—складничества. Вопросъ о складникахъ въ нашей литературѣ мало разработанъ. Однимъ изъ первыхъ авторовъ, обратившихъ на него вниманіе въ очеркѣ „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ", является госпожа Ефименко. По ея взгляду деревня представляется однимъ поземельнымъ цѣлымъ (*Изслѣд. народн. жизни*, 214), владѣтелемъ котораго былъ кровный родовой союзъ; при раздробленіи союза каждый участникъ его получалъ долю, которая носила идеальный характеръ, являясь правомъ на такую то-часть цѣлаго (220), при чемъ имущество почти никогда не дѣлилось до тла, многое оставалось въ общемъ владѣніи. Это была основная схема, въ которую укладывались всякія поземельныя отношенія. Въ кровную родовую клѣточку деревни разнообразными путями проникали посторонніе элементы, замѣщая союзъ кровнаго родства союзомъ договорнаго характера, союзомъ складства, складничества (стр. 221 и 222), который бывалъ трехъ типовъ: первый—когда складничество проникаетъ въ искусственный семейный союзъ, второй — при покупкѣ посторонними лицами долей деревни,

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка авторъ пользовался преимущественно „Актами Холмогорской и Устюжской епархій", изданными въ XII и XIV томахъ Русской Исторической Библіотеки; въ текстѣ они цитируются указаніемъ лишь на томъ и страницу. Третьимъ томомъ тѣхъ же актовъ еще въ листахъ онъ пользовался изъ библіотеки проф. М. Дьяконова (цитир. А. У. Е. III). Немногія архивныя данныя въ копіяхъ съ переписной книги Хлыновскаго уѣзда 1678 г. и съ грамотъ Коллегіи Экономіи сообщены автору также М. Дьяконовымъ (цитир. съ указаніемъ уѣзда и №).

третій—при нераздѣльномъ пользованіи нѣкоторыми „вопчими“ угодьями.

Г-жа Ефименко складничество выводитъ изъ основнаго понятія о кровномъ родовомъ союзѣ, печищѣ, какъ владѣтелѣ поземельнаго цѣлаго—деревни. Но печище не было единственнымъ источникомъ складничества. Совершенно посторонніе могли сообща заселять и культивировать извѣстный кусокъ земли. На это указываетъ проф. Ключевскій въ ст. „Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краю“: „Иные компаніями, вдвоемъ, втроемъ покупали на Поморьѣ землю и селились на ней“ (*Моск. Ун. Изв.* 1866—67, VII, стр. 546) То же самое подтверждаетъ приведенная ниже грамота на имя Наума Кобеля (Р. И. Б. XIV, 10—13). Да и у г-жи Ефименки находимъ такое мѣсто: „Мы не считаемъ дробленіе двора (т.-е. большой семьи, печища) единственнымъ процессомъ, которымъ шло дифференцированіе“ (стр. 219).

Г-жа Ефименко упоминаетъ рядомъ со складниками и сябровъ, при чемъ между ними не указывается никакой разницы. Вопросъ о сябрахъ нѣсколько иначе освѣщенъ у проф. Лучицкаго въ ст. „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи“ (*Сѣв. Вѣс.* 1889 г., № 2). Проф. Лучицкій говоритъ: основанное на началахъ кровнаго родства, кровнаго союза, сябринство возникаетъ всякій разъ, когда... сводная семья распадалась на свои составныя части, при чемъ происходилъ раздѣлъ родоваго имущества (стр. 37); но подѣлъ сябринный не уничтожалъ общности имущества; земля по прежнему оставалась и послѣ раздѣла въ общемъ владѣніи, считалась общей, носила именно это названіе (стр. 38). Всѣ сябры въ совокупности и каждая отдѣльная семейная группа могли продать въ другія руки либо все право участія въ землѣ, или одну какую-нибудь его долю (стр. 40), но для совершенія купчей требовалось согласіе сябровъ (стр. 41). Среди сябровъ происходили передѣлы вутчицкихъ сябринныхъ частей (стр 42). Итакъ, сябринное землевладѣніе, основанное на кровномъ родствѣ, было особой оригинальной формой землевладѣнія, отличной и отъ чисто общинной и отъ подворной формы (стр. 49).

Проф. Лучицкій сябринство считаетъ основаннымъ на началахъ кровнаго родства. Но это не всегда было такъ. Есть рядъ фактовъ, когда сябрами являются постороннія лица. Напримѣръ, по акту 1602 г. Никифоръ Ивановъ продаетъ пожни и угодья, „а тѣ пожни и угодья... въ сябрѣхъ съ Филимономъ Ѳедоровымъ сыномъ Босого, да съ Емельяномъ съ Котковымъ“ (XIV, 337). Если сябрами являются

и посторонніе, чему примѣръ можно найти даже у проф. Лучицкаго, то, значитъ, сябринство нельзя считать основаннымъ исключительно на началахъ кровнаго родства.

Вопроса о сябрахъ и складникахъ коснулся проф. Лаппо-Данилевскій при разборѣ книги Никитскаго „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1895, № 12). У г. Лаппо-Данилевскаго читаемъ: „Съ извѣстной долей вѣроятія можно предположить, что въ основѣ сябринства и складства лежали первоначально родственныя отношенія (стр. 364). Сябры представляются намъ товариществомъ, которое владѣетъ землею въ одной межѣ. На эту землю сябры имѣютъ, повидимому, одну купную (общую) грамоту; каждый сябръ пользуется, однако, своимъ участкомъ земли, но распоряжаться имъ, помимо всего товарищества, не можетъ. Къ этому же типу очень близко подходили и другіе союзы, извѣстные подъ названіемъ складствъ (стр. 365), однако, съ тѣмъ различіемъ, что сябры владѣли сообща унаслѣдованною ими землею, въ основѣ же складства лежитъ напротивъ, повидимому, обоюдостороннее соглашеніе, направленное на пріобрѣтеніе имущества общими средствами (стр. 367). Дальнѣйшая связь между членами товарищества того или другого типа поддерживалась не только condominium'омъ, которое продолжало оставаться въ силѣ и при раздѣльномъ пользованіи общимъ имуществомъ, но скрѣплялось также общимъ податнымъ бременемъ, падавшимъ на товарищество (стр. 368). Сябры чаще всего встрѣчаются въ древнее время, складники—позднѣе. Если это отношеніе не случайно вызвано скудными свѣдѣніями, то возможно предполагать въ сябрахъ и складникахъ лишь двѣ разновидности или послѣдовательныя стадіи въ развитіи одного и того же явленія“ (стр. 368).

Взглядъ г. Лаппо-Данилевскаго изложенъ, какъ уже было замѣчено, мимоходомъ, при разборѣ книги Никитскаго, поэтому въ немъ только намѣчены нѣкоторые штрихи, помогающіе разобраться въ данномъ вопросѣ, которые, однако, документальныхъ подтвержденій не содержатъ. Кромѣ того мнѣнія его — очень осторожны, вращаются больше въ области предположеній и возможности.

Мимоходомъ же вопроса о складникахъ касается г. П. И. Ивановъ въ ст. „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII в.“ (*Древности*, Труды Арх. Ком. Моск. Археол. Общ. т. I, вып. 3). Описывая распредѣленіе земли въ Кевролъскомъ уѣздѣ, авторъ указываетъ: „въ одномъ дворѣ иногда жили посторонніе—товарищи, складники, согласившіеся сообща владѣть землей и вести хозяйство... иногда со-

обща только владѣли землей. Товарищество продолжалось до опредѣленнаго срока, послѣ котораго складники расходились, дѣля общее имущество точно также, какъ семейное. Нерѣдко товарищество создавалось только съ цѣлью общаго пріобрѣтенія земли (стр. 416). Случалось, что изъ имущества зятя и тестя составлялся складный животъ; откуда и сдѣлки иногда получали названіе складныхъ" (стр. 417). Вотъ рядъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя удалось автору извлечь изъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ по Кеврольскому и Сольвычегодскому уѣздамъ.

Нѣсколько больше свѣдѣній о складникахъ можно найти у г. Рожкова въ его трудѣ: „Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ". По основному взгляду на складниковъ г. Рожковъ примыкаетъ къ мнѣнію г-жи Ефименки, при чемъ отмѣчаетъ, что въ XVI в. весьма часто складники не вели совмѣстно земледѣльческаго хозяйства, а пахали землю, размежевавшись между собою; въ общемъ пользованіи оставались только непахатныя угодья: сѣнокосы, выгоны и лѣса. Однако не была исключеніемъ и совмѣстная разработка полей всѣми складниками; особенно часто встрѣчалась такая форма въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Авторъ приводитъ рядъ фактовъ, подтверждающихъ это (стр. 166—168). Складничество встрѣчается въ Новгородскихъ пятинахъ, какъ и на сѣверѣ, только значительно рѣже: видимо въ западномъ Полѣсьѣ оно вырождалось (стр. 191 и 192). Въ концѣ книги напечатана ради ознакомленія дѣловая грамота сольвычегодскихъ складниковъ (стр. 494).

Болѣе подробное и систематическое изображеніе сябринства и складничества находимъ у проф. Владимірскаго-Буданова (Обзоръ исторіи русскаго права, 3-е изд.). Слову „складникъ" проф. Владимірскій-Будановъ придаетъ два значенія: во-первыхъ, широкое, въ смыслѣ всякаго члена общины, деревни; во-вторыхъ, узкое—въ смыслѣ члена товарищества (стр. 556). Складство въ узкомъ смыслѣ слова, по мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, было двухъ видовъ: первый основанъ на родственныхъ началахъ, когда семья превращается въ товарищество; второй состоитъ изъ постороннихъ элементовъ чисто договорнаго характера (стр. 557). Въ остальномъ проф. Владимірскій-Будановъ близокъ ко взгляду прежнихъ авторовъ.

Если проф. Владимірскій-Будановъ подъ членами общины разумѣетъ просто совладѣльцевъ, то его мнѣніе совершенно правильно; если же онъ слову „община" придаетъ современное значеніе, то онъ не правъ, называя складниками членовъ общины, потому что послѣдней въ XVI и XVII вв. на сѣверѣ не было. Это основательно доказываетъ г-жа

Ефименко (стр. 217, 225 и др.), по взгляду которой владѣніе было не общинное, а долевое; по Сергѣевичу же—подворноучастковое.

Вопросу о складникахъ посвящена часть статьи проф. Сергѣевича „Древности русскаго землевладѣнія" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, №№ 9 и 10). Его взглядъ на складниковъ очень любопытенъ и оригиналенъ. Что такое складникъ? спрашиваетъ проф. Сергѣевичъ. Къ счастью, говоритъ онъ, совершенно удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ документъ, напечатанный въ актахъ Холмогорской епархіи. Изъ него видно, что четыре монастыря написаны тягломъ въ одну сошку, почему и состояли въ складствѣ. Отсюда ясно, что такое складство. Это не складчина для общаго предпріятія, а положеніе въ одну податную единицу (обжу или соху) для исчисленія государственнаго тягла (№ 10, стр. 239—240). Проф. Сергѣевичъ приводитъ еще нѣсколько примѣровъ. „Итакъ, заключаетъ онъ, складники не пріятели, не товарищи общаго предпріятія, а однодеревенцы, земли которыхъ могутъ находиться въ ихъ общемъ владѣніи,... а могутъ быть и раздѣлены; называются они складниками потому, что складываются въ одну обжу, соху, тягло, такъ какъ они однодеревенцы" [1]).

Таковъ взглядъ проф. Сергѣевича на складниковъ. Невольно возникаетъ вопросъ: если складничество опредѣлялось исключительно складствомъ въ тяглѣ, то отчего оно встрѣчается только на сѣверѣ? Такая организація должна была бы покрыть все пространство Руси, но этого не видно. Нѣсколько деревень для несенія тягла соединялись въ волость, гдѣ происходили разрубы государственныхъ податей. Крестьяне различныхъ деревень одной волости въ несеніи тягла были тѣсно связаны между собой, объединены имъ, складывались пропорціонально количеству земельныхъ угодій, чтобы уплатить въ казну извѣстную сумму, падающую на волость; они тоже, съ точки зрѣнія проф. Сергѣевича, должны быть складниками; но и этого не было, что признаетъ и Сергѣевичъ, называя складниками только однодеревенцевъ.

Проф. Сергѣевичъ изъ актовъ Холмогорской епархіи привелъ очень убѣдительный фактъ: четыре монастыря записаны въ одну сошку и несли тягло сообща, въ складствѣ (XIV, стр. 140). Въ какомъ иномъ

---

[1]) На эту черту складства еще раньше указано было г. Лаппо-Данилевскимъ въ указанной его статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895, № 12, стр. 366, пр. 1 и стр. 368.

отношеніи между собой они находились—этого изъ указаннаго документа не видно. Отсюда и заключилъ проф. Сергѣевичъ: тягло сдѣлало ихъ складниками. Но немного выше изъ документа (XIV. стр. 132) узнаемъ, что въ Ненахотскомъ уѣздѣ въ эксплуатаціи этихъ монастырей находился соляной промыселъ, гдѣ у каждаго изъ нихъ былъ дворъ съ извѣстнымъ количествомъ земли. Возможно, что соляной промыселъ у монастырей былъ въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи, общими силами эксплуатировался, или земля не была окончательно раздѣлена, оставались общія угодья, отчего складство въ тяглѣ являлось бы результатомъ общаго совладѣнія. Поэтому рѣшительно утверждать, что только тягло привело четыре монастыря къ складничеству, едва ли возможно. Въ доказательство своего положенія проф. Сергѣевичъ приводитъ еще фактъ. Крестьянинъ Захаръ дѣлилъ въ копнахъ сѣно со складникомъ своимъ Иваномъ, а тотъ сталъ его бить и увѣчить на смерть. Проф. Сергѣевичъ продолжаетъ: они складники. но, конечно, не въ смыслѣ общаго предпріятія, а въ смыслѣ платежа общей подати съ деревни (стр. 241). Складники дѣлятъ копны, потому, очевидно, что они вмѣстѣ косили; проф. же Сергѣевичъ совмѣстную работу, косьбу, почему-то не считаетъ общимъ предпріятіемъ, устраняя этотъ признакъ изъ понятія складничества. Проф. Сергѣевичъ указываетъ еще два факта, но они по нѣкоторой неопредѣленности рѣшающаго значенія при разборѣ даннаго вопроса имѣть не могутъ.

Что складство въ тяглѣ не было единственнымъ существеннымъ признакомъ складничества, на это указываютъ слѣдующіе факты. Въ Котельническомъ оброчномъ стану по переписной книгѣ 1678 г., въ починкѣ, что было займище Фарафонки Бердникова, во дворѣ живетъ нищій слѣпой Гришка Семеновъ вологжанинъ и съ нимъ складникъ бобыль Андрюшка Леонтьевъ. Нищій тягла не несъ, однако у него есть складникъ; очевидно, не тягло было основой даннаго складничества. Вотъ еще примѣръ. Степанъ Михайловъ съ сыномъ порядился половничать въ трети деревни Устюжскаго Троицкаго монастыря; трудъ, орудія обработки—его, сѣмена—монастырскія; всѣ доходныя статьи дѣлятся между половниками и монастыремъ приблизительно пополамъ (XIV, стр. 1135—1139). А государевы дань и оброкъ кому платить? Въ порядной объ этомъ не сказано. Въ аналогичной порядной отъ 1628 г. читаемъ: „въ тѣ срочные лѣта мнѣ Василью не платити никоторыхъ государевыхъ податей“ (XIV, стр. 356; тоже XII, стр. 141). Если же порядчикъ обязуется платить и государевы подати, тогда онъ не половни-

чаетъ, а отдаетъ въ видѣ уплаты за пользованіе землей празгу, нѣсколько алтынъ или рублей, какъ это видно изъ цѣлаго ряда порядныхъ (XIV, стр. 61, 91—115 и 386). Что половникъ самъ не платилъ податей, объ этомъ говоритъ и г-жа Ефименко: хлѣбъ (между половникомъ и владѣльцемъ) дѣлится мѣрою на гумнѣ пополамъ: половина порядчику, половина владѣльцу „на землю и на разрубы" (стр. 289), т.-е. на подати. Итакъ, половникъ Степанъ Михайловъ, какъ видно, государева тягла не несъ, между тѣмъ какъ онъ названъ складникомъ: „а пожня Веретея косить намъ половникомъ со складники вмѣстѣ на себя" (XIV, 1136). Значитъ, нѣкоторыя лица тягла не несли, но назывались складниками, что прямо противорѣчитъ взгляду проф. Сергѣевича, по которому тягло обращало однодеревенцевъ въ складниковъ. Поэтому, мнѣ кажется, что прежнее мнѣніе проф. Сергѣевича по вопросу о складничествѣ является болѣе правильнымъ. „Товарищество, говоритъ онъ, есть соединеніе нѣсколькихъ крестьянъ для общихъ хозяйственныхъ цѣлей: расчистки подъ пашню лѣсныхъ порослей, устройства приспособленій для рыбной ловли и пр. У товариществъ *общая* собственность" (Рус. Юр. Др. т. I, стр. 217).

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что и до сихъ поръ въ нашей литературѣ нѣтъ безспорно вѣрнаго и полнаго взгляда на складничество, какъ по трудности вопроса, такъ и по недостатку источниковъ. Необходимо привлечь для изслѣдованія возможно бóльшій матеріалъ, чтобы попытаться возстановить основныя черты даннаго института.

Обратимся къ памятникамъ и посмотримъ, что значитъ терминъ „складство", „складываться" и т. д.? Въ актахъ Устюж. Еп. въ явкѣ Ѳильки Иванова читаемъ: „сложился я сирота съ нимъ Петромъ: онъ два пуда мѣди, а я положилъ пудъ мѣди, и тою мѣдью промышлять, ковать мѣдное, котлы и мѣденики и всякое мѣдное дѣло" (А. У. Е. III, стр. 274). Значитъ, два ремесленника сложились капиталомъ для общаго предпріятія. Въ тѣхъ же актахъ читаемъ: „братъ мой Никита... увезъ моей Первушкины покупки сала жъ говяжья жъ, что куплено было съ нимъ на складстве, да съ Ѳилиппомъ да зъ Денисомъ Обуховымъ" (тамъ же, стр. 292). Здѣсь нѣсколько человѣкъ сложились и купили на общія средства говяжье сало. Или еще: по купчей пять братьевъ продали Кириллову монастырю двѣ трети црена безъ шестой доли; „а тотъ у насъ цренъ, говорятъ продавцы, въ складствѣ съ Трифономъ Тряхавинымъ да съ Логиномъ Степановымъ" (XIV, стр. 311). И такъ, въ данномъ случаѣ складствомъ называлось совладѣніе промышленными угодіями и, можетъ быть, ихъ совмѣстная раз-

3*

работка. Вотъ еще примѣръ. „Всѣ крестьяне тѣхъ вышеписанныхъ деревень Верхопушемской волости пишемъ себѣ складную полюбовную въ томъ, что... по обѣщанію, благоволеніемъ Божіимъ совѣтъ учинили съ міромъ церковь Божію соружать. И намъ лѣсъ ронить, сколько на кого человѣковъ на посъ они крестьяне приговорятъ, и скалы и тесъ, и подскалники и всякое храмовой лѣсъ намъ крестьяномъ, по чему разрубимъ, бревенъ ли, тесницъ и скалъ везти" (XII, стр. 1127). Въ данномъ случаѣ крестьяне многихъ деревень образуютъ товарищество, чтобы общими силами построить храмъ. Наконецъ терминъ „складываться" примѣняется къ лицамъ, согласившимся вмѣстѣ жить и, конечно, совмѣстнымъ трудомъ обработывать общіе поземельные участки. Такъ въ закладной 1612 г. читаемъ: „заложилъ по складной грамотѣ, что язъ Никита Стафіевъ... складывался съ Ѳедорою съ Ортемьевою дочерью вмѣсто жити" (XIV, стр. 219). Изъ этихъ примѣровъ видно, что терминъ „складство" указываетъ на участіе въ какомъ-либо предпріятіи, будь то ремесло, торговля, промыселъ, постройка храма или совмѣстное веденіе хозяйства.

Лица, вступающія въ складство, договариваются между собой, что и закрѣпляютъ въ особомъ письменномъ актѣ, который носилъ различныя названія: складной памяти, складной полюбовной, складной грамоты, складной записи, одинашной записи. Указанный уже мѣдникъ въ своей явкѣ жалуется, что его товарищъ увезъ у него 10 руб. „по складной памяти" (А. У. Е. III, стр. 274). Крестьяне Верхопушемской волости пишутъ „складную полюбовную" въ томъ, что они рѣшили сообща построить храмъ (XII, стр. 1127). Никита Стафіевъ въ закладной говоритъ: „Заложилъ есми свою землю... да по складной грамотѣ, что язъ складывался съ Ѳедорою" (XIV, стр. 219). Андрей Леонтьевъ продалъ землю „и по складней записѣ, что складная зъ Ѳеодорой" (XII, стр. 91). Болѣе интересна „одинашная" запись складниковъ Пантелея Кошкодавова съ товарищами, по которой они согласились сообща защищать свои владѣнія отъ притязаній Гледенскаго монастыря; подробнѣе этотъ документъ (XIV, стр. 832) будетъ переданъ нѣсколько ниже. Всегда ли писались такія складныя записи— сказать трудно. Можно только утверждать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ при заключеніи договора на какое-либо общее предпріятіе писались грамоты, въ которыхъ указывались какъ общее дѣло, такъ и условія товарищескаго союза.

Изъ имѣющихся свѣдѣній можно видѣть, что складничество особенно широко проникло въ землевладѣніе и солевареніе; въ другихъ

же областяхъ хозяйственной дѣятельности встрѣчается сравнительно рѣдко. Въ предыдущемъ изложеніи я старался показать, что складство созидалось на общемъ предпріятіи и на совладѣніи какимъ-либо имуществомъ. Посмотримъ, какъ же оно возникало и какія формы принимало среди землепашцевъ.

Въ актахъ Х. Е. указывается слѣдующій случай 1618 г.: „бьетъ челомъ Васка Ярополовъ и въ отца своего мѣсто на брата своего и на складника, на Ѳедора Артемьева“ (XIV, стр. 339). По другому акту Алимпій Даниловъ принимаетъ къ себѣ крестьянина Тита, женатаго на его внучкѣ, при чемъ Титъ въ имущество перваго вноситъ четыре рубля; „а жити Титу съ Алимпіемъ вмѣстѣ и пити и ясти вмѣстѣ. Печаловати Титу Алимпіемъ, да женою и поити и кормити, и деревня Титу пахати по Алимпіевыхъ по путямъ и по купчимъ“ (XIV, стр. 344). У г. Иванова со ссылкой на документы читаемъ: зять вноситъ въ дворъ тестя вкладъ, преимущественно движимостью, рѣже землею. Изъ имущества зятя и тестя составлялся складный животъ; откуда и сдѣлки иногда получали названіе складныхъ (*Древ*. Тр. Арх. Ком. т. I, стр. 417). Изъ указанныхъ примѣровъ видно, что складство иногда возникало на родственныхъ началахъ, въ первомъ случаѣ отецъ, сынъ и, вѣроятно, племянникъ называются складниками, въ послѣднихъ дѣдъ и внукъ, тесть и зять складываются имуществомъ и живутъ вмѣстѣ.

Бывали случаи, когда посторонніе соглашались жить вмѣстѣ, какъ бы одной семьей и заниматься общимъ хозяйствомъ, общей обработкой земли. Характерный примѣръ такого складства находимъ у г-жи Ефименки: одинъ крестьянинъ продаетъ другому половину своей деревни. При продажѣ они заключаютъ договоръ складства на десять лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ лѣтъ имъ „пить и ѣсть вмѣстѣ и платье и обувь держать въ тѣ срочныя лѣта изъ вопчего живота, и та намъ своя деревня въ тѣ же срочные лѣта пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за едино и въ промыслы ходить и посылать изъ вопчего живота. А впредь буде по срочныхъ лѣтѣхъ не похотимъ жить вмѣстѣ, и намъ та своя вопчая деревня и что у насъ будетъ скота до срочнаго лѣта раздѣлить по половинамъ на двое и весь свой животъ и всякой житейской запасъ и домъ и слободу раздѣлить межъ собою пополамъ же“. Г-жа Ефименко указываетъ, что обычай такого складничества существуетъ и теперь на сѣверѣ, хотя не очень распространенъ (*Изслѣд. народн. жизни*, стр. 222). Проф. Сергѣевичъ по поводу указаннаго факта замѣчаетъ: въ документѣ ничего не говорится

о складствѣ, это домыслъ автора. Документъ въ томъ видѣ. какъ приведенъ, къ складству вовсе не относится (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, № 10, стр. 242). Но если терминъ „складство“ здѣсь не упомянутъ, то это еще не значитъ, что данный случай къ складству не относится. Два лица сложились своими пожитками, уговорились вмѣстѣ жить, сообща заниматься хозяйствомъ; они, конечно, товарищи, складники, хотя и не названы этимъ именемъ. Указаніе на складниковъ этого вида находимъ въ приведенномъ уже мѣстѣ акта 1612 г.: „азъ (Никита Стафіевъ) складывался съ Ѳедорою съ Ортемьевой дочерью вмѣсто жити“(XIV, стр. 219).

Однимъ изъ важнѣйшихъ путей, которые приводили крестьянъ къ складничеству, является трудность первоначальной разработки угодій. Сѣверныя области представляютъ изъ себя дикій и непривѣтливый край, заросшій лѣсами. Одному часто было не подъ силу основаться здѣсь, стать твердой ногой, рубить, выкорчовывать лѣсъ и заниматься хлѣбопашествомъ. Тѣмъ больше было такихъ препятствій при желаніи разработывать соляныя угодья. Но то, что трудно для одного, могутъ съ бо́льшимъ успѣхомъ совершать нѣсколько лицъ. Для разработки поземельныхъ угодій создаются товарищества, которыя общими усиліями и производятъ трудную работу. О томъ, какъ создавались такія товарищества, находимъ нѣкоторыя указанія въ слѣдующемъ актѣ. Въ 1524 г. великій князь Василій Ивановичъ въ отвѣтъ на челобитную пожаловалъ двинянъ Наумку Кобеля съ товарищами землею. Они били челомъ, что „за Двиною нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ на лѣсу на черномъ... а дворы де и пашни на тѣхъ мѣстѣхъ не бывали отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ, и угодья де къ тѣмъ мѣстомъ не пришли никоторыхъ волостей. И мнѣ бъ Наумка и его товарищовъ пожаловати, велѣти имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистити и лѣсы сѣчи и дворы ставити, и людей къ себѣ звати, да и пашни пахати... и пожни по тѣмъ мѣстомъ чистити“. Въ отвѣтъ на такое челобитье Василій Ивановичъ разрѣшилъ имъ разрабатывать угодья и предоставилъ льготу отъ дани и пошлинъ на 10 лѣтъ (XIV, стр. 10—11). Въ указанномъ случаѣ нѣсколько крестьянъ выпросили у государя пожалованіе на расчистку соляныхъ ключей и культивировку дикаго невоздѣланнаго края и принялись за совмѣстную работу (XIV, стр. 13). Одному выполнить такое предпріятіе очень трудно, а, можетъ быть, прямо таки невозможно; поэтому и составляется компанія, товарищество.

На сѣверѣ земледѣліе требовало болѣе или менѣе постоянной расчистки лѣса. Такое предпріятіе по трудности нерѣдко выполнялось не отдѣльными лицами, а товарищами, складниками. Въ явкѣ 1622 г. читаемъ: „сѣкъ я Бориско со складники своими Лукинскіе деревни новину“ (XIV, стр. 654). Въ явкѣ 1643 г. Иванъ Никитинъ пишетъ: „сѣкъ я сирота съ ними (со складниками) новину вмѣстѣ повытно... и выпрятали вмѣстѣ жъ повытно“ (XIV, стр. 736). Въ явкѣ 1647 г.: „сѣкъ азъ Михейко новину со складники своими“ (XIV, 742). Гледенскій монастырь мирится съ крестьянами Быкокурскаго стана, причемъ выговариваетъ: „въ новину, въ сѣченую, кою новину сѣкъ Иванъ съ племянникомъ и складникомъ, и въ ту новину Ивану не вступатися ни по что“ (XIV, стр. 876). Мысль о томъ, что складничество создавалось на почвѣ хозяйственныхъ работъ, была подмѣчена и хорошо оттѣнена у проф. Сергѣевича въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что товарищество создавалось для общихъ хозяйственныхъ цѣлей: расчистки лѣсныхъ порослей, устройства приспособленій для рыбной ловли и пр. (Рус. Юр. Др. т. I, стр. 217).

Нерѣдко складство возникало на почвѣ договора купли-продажи. Многочисленные акты XVI и XVII в. свидѣтельствуютъ, что сѣверные крестьяне свободно распоряжаются своею землей, отчуждаютъ постороннимъ лицамъ или весь свой участокъ, или извѣстную его долю. Покупка иногда производилась на общія средства товарищей. О такомъ способѣ пріобрѣтенія говоритъ проф. Ключевскій въ приведенномъ уже мѣстѣ: „Иные компаніями, вдвоемъ, втроемъ покупали на Поморьѣ землю и селились на ней“ (*Моск. Универ. Извѣст.*, 1866—67, VII, стр. 546). По акту 1591 г. двое дѣлятъ между собой пожни, „что у насъ куплены у Григорья, да у Ивана Ѳедоровыхъ дѣтей“ (XIV, стр. 309). Изъ дѣльной записи 1611 г. узнаемъ, что нѣсколько крестьянъ „подѣлили есмя межъ собою полюбовно землю свою и купленную землю, что купили у Павла Воробьева“ (Соликам. у. № $\frac{42}{11174}$). Лица, купившія земли на общія средства, конечно, складники.

Не только покупка, но и съемка земель на какой-либо опредѣленный срокъ иногда производилась двумя, тремя лицами, товариществомъ. У проф. Сергѣевича приводится слѣдующій случай: „Деревня Горка. дворъ Исачко Спица да пріятель его Стешко“. Изъ порядныхъ узнаемъ, что такіе товарищи суть выходцы изъ одного и того же мѣста: въ одномъ мѣстѣ родились, а какъ выросли, пошли вмѣстѣ искать счастья и вмѣстѣ сняли деревню (*Журналъ Министерства*

Народнаго Просвѣщенія, 1900, № 10, стр. 238). Эти товарищи, какъ видно, сообща сняли деревню, вмѣстѣ живутъ на одномъ дворѣ и, можетъ быть, ведутъ одно общее хозяйство. Порядчики, половники снимаютъ землю товариществами. Въ переписной книгѣ Хлыновскаго уѣзда отъ 1678 г. въ вотчинахъ Успенскаго монастыря многія деревни сплошь населены половниками, при чемъ нерѣдко встрѣчаются указанія, что у половниковъ во дворахъ живутъ складники (1174—1175). Въ порядной 1684 г. находимъ: „а пожня Веретея косить намъ половникомъ со складники вмѣстѣ на себя“ (XIV, стр. 1136). У половниковъ есть складники, а половники живутъ на чужихъ земляхъ. Это же можно видѣть и изъ другихъ актовъ; въ приходской памяти церковнаго приказчика попа Тимофея читаемъ: „взялъ спаскаго оброку у Безсона Яковлева съ складники“, „у Яфима Петрова съ складники“, „у Евсея Бѣляева съ складники“ (XII, стр. 17—26 и 46). Всѣ указанныя лица живутъ на церковныхъ земляхъ.

На ряду съ фактами, когда товарищество покупаетъ или снимаетъ землю, широко практиковался обычай—вступать въ складство путемъ покупки извѣстной доли земли и угодій. Часто продавалась не реальная доля, а лишь право на извѣстную часть, при чемъ купившему, конечно, предоставлялась возможность требовать раздѣла общей собственности. По купчей начала XVII в. продана Никитѣ Васильеву половина деревни; дальше сказано: „а земля со складникомъ не въ дѣлу, ни пожни“ (Устюж. у. № $\frac{75}{18208}$). Любопытная подробность: крестьянинъ, который только-что купилъ землю, въ документѣ уже названъ складникомъ. Значитъ, по этому акту проданы не опредѣленные участки въ пахотной землѣ и пожняхъ, а идеальная часть, половина деревни. По купчей 1621 г. продается четверть деревни: „а земля со складниками за межами, а дѣловыхъ нѣтъ“ (Устюж. у. № $\frac{129}{18257}$). Г-жа Ефименко приводитъ примѣръ: женщина, наслѣдница своего отца, продаетъ „двѣ доли двора своего и дворища со всѣми хоромы и двѣ доли деревни своей орамыхъ земель и пожень и... угодій..., а треть того двора и дворища и треть тое деревни орамыхъ земель и пажень и угодій не продала“. Нѣсколько ниже читаемъ: каждый могъ продать или заложить свой деревенскій участокъ даже безъ дѣлежа; напримѣръ, продается „деревенскій участокъ треть, что достанется по дѣлу“ или „деревенскій жеребій, что достанется по дѣлу“ (стр. 224). Значитъ, продается извѣстная идеальная доля.

Гораздо болѣе многочисленны случаи, когда часть проданной земли опредѣляется межами, выдѣлена изъ общаго совладѣнія; часть же, въ особенности угодья, при раздѣлѣ которыхъ очень трудно бываетъ соблюсти строгую равномѣрность и справедливость, остаются въ общемъ пользованіи. Напримѣръ: „Денисъ игуменъ, да Нифонтъ старецъ купили есмя у Филиппа Ѳедорова сына, да у Григорья у Борисова сына на Верхней Маткурѣ Климовскіе деревни три жереби половину, Мартемьяновской жеребей земли... да четверть Ѳоминской жеребей съ огородцами, оромую землю и пожни, а въ мыльнѣ половина, въ гуменникѣ половина, а въ овинѣ половина съ осминою... а въ поскотинѣ и въ пожняхъ, во озерахъ и въ истокахъ и во всѣхъ угодьяхъ..., куды топоръ ходилъ и коса и соха и что изстари потягло къ тѣмъ жеребьямъ. А орамая земля со складниками съ Иваномъ да съ Григорьемъ въ раздѣлѣ и за межами, а поскотина и пожни и озера и истоки и всѣ угодья съ складниками вмѣстѣ не въ раздѣлѣ“ (Устюж. у. № $\frac{10}{13188}$). Здѣсь нарочно приведенъ довольно подробно текстъ купчей, чтобы дать представленіе о множествѣ другихъ купчихъ, по тексту очень схожихъ съ этой, при чемъ въ другихъ иногда указывается, какія именно полосы въ различныхъ поляхъ приходятся на продаваемую часть деревни и подробно обозначаются ихъ межи. Такой купчей является купчая 1619 г., по которой одинъ крестьянинъ продаетъ другому свою деревню съ дворомъ, подворной землей и со всѣми хоромами; каждая полоса земли здѣсь подробно указывается и намѣчаются межи, отдѣляющія полосы одного совладѣльца отъ полосъ другого (Устюж. у № $\frac{122}{13250}$). Любопытно то, что здѣсь терминомъ деревня обозначена земля и угодья, тянувшія къ части деревни, которой владѣло, повидимому, 5 человѣкъ. Вотъ еще примѣры. Въ купчей 1625 г. сказано: „а та моя четверть деревни Купреянова и пустошь Обросовская вся пашенная земля съ братіею въ дѣлу и за межами окромя сѣнныхъ покосовъ, а сѣнные покосы вмѣстѣ съ братіею не въ дѣлу“ (Устюж. у. № $\frac{146}{13274}$). Въ купчей того же года проданъ шестой жеребій деревни: „а земля у насъ съ половиною съ одново съ Михайломъ, да съ Лукьяномъ за межами, не въ дѣлу, а пожни вмѣстѣ не въ росписи; а въ другой половинѣ съ Ермолою, да съ Семеномъ, да съ Иваномъ, да съ Шестакомъ за межами и въ дѣлу и въ росписи“ (Устюж. у. № $\frac{148}{13275}$). Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе выраженіе „въ росписи“. Изъ обстоятельствъ купчей видно, что продавецъ имѣлъ часть земли въ общемъ нераз-

дѣльномъ владѣніи съ нѣсколькими складниками, не въ росписи, а другую часть съ другими складниками въ раздѣлѣ и въ росписи, въ которой, вѣроятно, было перечислено, расписано, какіе именно участки и кому должны принадлежать (ср. XIV, стр. 815).

Итакъ, складничество въ землевладѣніи возникало, во-первыхъ, на родственныхъ началахъ, во-вторыхъ — при соглашеніи вмѣстѣ жить и хозяйничать, въ-третьихъ, на почвѣ совмѣстнаго труда и въ-четвертыхъ, при совладѣніи землями.

Складниками были главнымъ образомъ крестьяне-собственники, монастыри, порядчики и половники. Что среди складниковъ были собственники, это видно изъ того, что они свободно распоряжаются своею деревней, жертвуютъ въ монастыри, продаютъ какъ полностью, такъ и по частямъ. Порядчики же сидѣли на владѣльческой землѣ и лично уговаривались съ владѣльцемъ на извѣстный срокъ, послѣ котораго или заключался новый порядъ (XIV, стр. 1135), или же они покидали землю (Ефименко, 280—292). Складниками могли быть не только крестьяне-однодеревенцы, но и крестьяне разныхъ деревень. Въ купчей 1524 г. читаемъ: „азъ Максимъ Ивановъ купилъ деревню Подборьскую и зъ дворомъ, съ овиномъ, и съ пожнями, и съ поскотиною, а поскотина вопчяя съ Мокеевскою деревнею“ (XIV, стр. 803). Разъ у крестьянъ двухъ деревень есть „вопчяя“ земля, то они— складники, хотя въ документѣ такимъ именемъ не названы. Г-жа Ефименко указываетъ, что встрѣчались земли, по преимуществу пожни, находящіяся въ складствѣ между складниками различныхъ деревень (229).

Могло случаться, что общая земля оказывалась у крестьянъ не близкихъ деревень, но болѣе или менѣе отдаленныхъ. На этой почвѣ возникалъ обычай—наѣздомъ пахать землю. При такомъ веденіи хозяйства владѣлецъ, конечно, не могъ зорко смотрѣть за своимъ добромъ и аккуратно выполнять всѣ тѣ сложныя операціи, которыя требуютъ пашенная земля и угодья. Результатомъ этого являлись упущенія, а иногда и полное разстройство хозяйства. Но такъ какъ при совладѣніи интересы одного владѣльца тѣсно были связаны съ интересами другого, то разстройство одного хозяйства могло печально отражаться на благосостояніи другого. Примѣръ такого факта можно видѣть въ слѣдующемъ документѣ. Въ явкѣ Ивана Ѳедотова читаемъ: „владѣлъ онъ Елфимъ нашіе деревни Демидовскіе четвертью обжей и пахалъ наѣздомъ, пріѣзжая изъ Наогородьскіе деревни... огородъ по своему тому повытью не крѣпилъ и то повытьишко запу-

стошилъ, а мнѣ сиротѣ отъ ево насильства чинились протравы многіе и убытки великіе въ протравахъ" (XIV, стр. 770). Чтобы упорядочить это, въ Судебникѣ Ѳедора Ивановича проектировалась статья, касающаяся даннаго вопроса, именно ст. 161: „А хто наездомъ деревню пашет, и ему болше трех годов не пахати наездомъ: либо скупать, либо спродавати с суда и з жеребия; и огород ему по своей выте ставить". По данной статьѣ позволяется пахать наѣздомъ только три года, въ которые владѣлецъ долженъ или скупить всю землю у однодеревенцевъ, складниковъ, или же продать свою долю кому-либо изъ нихъ. Возможный въ данномъ случаѣ споръ между складниками рѣшается „с суда и з жеребия". Это значитъ, что цѣна пашни опредѣляется по приговору добрыхъ людей (ср. ст. 225: „чемъ люди осудятъ добърые"), а жребіемъ рѣшается, кто изъ складниковъ получаетъ право покупки съ условіемъ вести хозяйство на мѣстѣ владѣнія. При этомъ въ назначеные 3 года владѣлецъ, пашущій наѣздомъ, обязывается огораживать свою землю, чтобы совладѣльцы не терпѣли убытка отъ потравъ (ср. XIV, стр. 770).

При продажѣ долей складники имѣли право преимущественной покупки. Ивашко Козминъ жалуется на своего складника: „нынѣ онъ Елфимъ продалъ ту четь обежную бѣломѣсцу Григорью Замятину, а мнѣ сиротѣ того повытья своимъ насильствомъ не продалъ, учинился силенъ и тое цѣны не взялъ" (XIV, стр. 771). То, что складникъ жалобщику, своему прежнему товарищу, не продалъ повытья, послѣдній называетъ насильствомъ, считаетъ неправильнымъ. У г-жи Ефименки читаемъ: крестьянинъ продаетъ другому свою долю пожни, находящейся въ общемъ владѣніи со складниками. При этомъ сообщается, что продажа совершена „съ объявленіемъ складникамъ" и что „у тѣхъ складниковъ денегъ дать за скудностью не было" (230).

Какъ послѣ совмѣстнаго житья складниковъ, такъ и въ другихъ случаяхъ происходили раздѣлы общей земли и угодій, что заносилось въ особые письменные акты, которые носили названія: раздѣльной записи, дѣловой, дѣльной грамоты (XIV, стр. 84, 1188 и др.). Въ закладной 1612 года было упомянуто, что Никита Стафіевъ складывался съ Ѳедорою вмѣстѣ жить, а дальше прибавлено: „дѣловая запись Ѳедорина оставаетца за мной за Никитою" (XIV, стр. 221). По раздѣльной 1591 года Григорій Тимофѣевъ сынъ Хромцовъ, да Кирило Борисовъ сынъ Пирожниковъ раздѣлили между собой общія пожни; указывается, какіе именно участочки достались каждому, при чемъ кое-что осталось въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи (XIV,

стр. 309). По документу 1542 года два крестьянина „подѣлили есмя промежу собою жеребья на холму дворъ, хоромы и подъ дворомъ мѣсто. А изба, овинъ, мѣсто подъ гумномъ, пожни вмѣстѣ у обѣихъ не дѣлены", земля же подъ дворомъ, хоромы, пашенная земля были раздѣлены, при чемъ подробно перечисляются полосы, которыя достались каждому (Устюж. № $\frac{6}{18181}$). Любопытна раздѣльная 1595 г.: „Се·азъ Василій Карповъ да азъ Пятой Титковъ подѣлили есмя промежъ собою, доложа судьи, деревню Бобородинскую по половинамъ. Мнѣ Василью достался дворъ мой старый и со всѣми хоромы до сѣнника до Пятого..., а мнѣ Пятому достался дворъ мой старый со всѣми хоромы. А что стали въ примѣрѣ на Васильевѣ землѣ мои Пятого хоромы сѣнникъ, да сарай, да ворота, ино мнѣ Пятому тѣ свои хоромины снести осеной"; дальше идетъ перечисленіе полосъ, какія достались каждому съ подробнымъ указаніемъ межъ; нѣкоторыя угодья остаются въ нераздѣльномъ пользованіи; въ концѣ сказано: „А ту есмя деревню, дворъ и поля и логи подѣлили по своей любовѣ, а впредь намъ... не передѣливати и съ полосъ другъ друга не сживати. А впредь намъ перепашки земляные не искати. А отъ стороныхъ людей за землю стояти намъ вмѣстѣ" (Устюж. № $\frac{53}{18181}$). Изъ этой раздѣльной видно: 1) каждый имѣлъ особый дворъ и хоромы, что, однако, составляло общую собственность; 2) дѣлятся, но не дотла; 3) часть построекъ одного должна быть снесена съ подворной земли, доставшейся другому; 4) рѣшено не передѣливаться и не искать земляныхъ перепашекъ, и 5) стоять за одно. Въ другой раздѣльной записи уговариваются не передѣливать земли не только имъ самимъ, но и дѣтямъ: „А будетъ изъ насъ изнова который взачнетъ передѣливать, или его дѣти—и на томъ взяти или на его дѣтяхъ счиннаго на государя царя и вел. кн. 10 рублевъ денегъ" (Соликам. № $\frac{49}{11174}$).

Въ Судебникѣ царя Ѳеодора Ивановича есть статья, старающаяся урегулировать отношенія складниковъ при раздѣлѣ—159. Она гласитъ: „А приедетъ в.деревню новой жилецъ и захочетъ земълю делити во въсу землю,—и деревню в полях на волокахъ і во всяких землях и угодья делити, земля и пожни и угодья и путики повытно, по купъчимъ; и где друг друга умирит, туто умеръ взяти безубыточно. А с полос назму не вести. А где умѣритъ подворною землею, противъ тово имати земля любая, где захочетъ, опричь хмелника и садовые земъли". Слѣдующая 160 ст. стоитъ въ связи съ предыдущей и начинается такъ: „А кои складникъ...", значитъ и въ 159

рѣчь идетъ о складникахъ, именно о томъ, что вновь прибывшій жилецъ, если захочетъ, можетъ потребовать раздѣла земель и угодій по купчимъ, при чемъ наземъ на полосахъ остается въ пользу того, кому достанется полоса; подворной земли прибывшему нужно отмѣрить столько же, сколько и у стараго жильца въ любомъ мѣстѣ, кромѣ хмѣльника и садовой земли. Въ данной статьѣ не ясно вотъ что: говорится ли о дѣлежѣ земли, находившейся въ общемъ пользованіи, или же здѣсь идетъ рѣчь о передѣлѣ, котораго въ правѣ требовать новый жилецъ. Проф. Владимірскій-Будановъ видитъ здѣсь передѣлъ, который совершается по требованію новаго жильца, но производится всею общиной (Обзор., стр. 554). Значитъ, проф. Владимірскій-Будановъ относитъ данную статью къ членамъ общины. Но уже было указано, что у насъ на сѣверѣ, гдѣ преимущественно встрѣчается складничество, поземельной общины не было; поэтому и данную статью нужно относить не къ общинникамъ, а къ товарищамъ-складникамъ. Если сопоставить 159 ст. съ тѣмъ, что въ раздѣльныхъ записяхъ совладѣльцы, чтобы оградить себя отъ непріятныхъ хлопотъ, уславливаются не передѣливать земель ни имъ, ни дѣтямъ, а также съ тѣмъ, что въ купчихъ при продажѣ земли, находящейся въ раздѣлѣ, полосы подробно перечисляются, то скорѣе можно склониться къ первому предположенію, именно къ тому, что здѣсь говорится о первоначальномъ раздѣлѣ. Подтвержденіе такого толкованія можно найти у проф. Сергѣевича, по мнѣнію котораго разъ произведенный раздѣлъ потомъ уже не повторялся (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900, № 10, стр. 258).

При раздѣлѣ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя угодья оставались „вопчими“. Угодья, какъ, напримѣръ, выгонъ для скота, рѣки, пруды, межи (дороги) находились въ общемъ пользованіи; относительно же пользованія болѣе важными угодьями, молодями, покосами, существовали особыя правила. Молоди получались такимъ путемъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ посѣва земля, расчищенная изъ-подъ лѣсу, оставляется въ покоѣ: на ней выростали молодые кустья, молоди, которыя считаются общимъ владѣніемъ, вопчими (XIV, стр. 672), такъ какъ каждый складникъ трудился при рубкѣ (на что раньше было указано) или же пріобрѣталъ на нихъ право путемъ покупки. Передъ пашней между складниками происходилъ раздѣлъ молодей. Складники съ ревнивой заботливостью слѣдили за ними, требуя, чтобы безъ дѣлежа молоди не сѣклись, въ противномъ случаѣ протестовали противъ нарушенія своихъ правъ. Въ явкѣ 1616 г. читаемъ: „пашутъ, гос-

пода, тѣ люди пашни и сѣна косятъ и молоди сѣкутъ сильно, съ нами не дѣлятъ по оброку" (XIV, стр. 632). Пономарь Безсонко-Якимовъ жалуется на своего складника, который „кустьи-молоди обсѣкаетъ безъ дѣлу" (XIV, стр. 752). Въ явкѣ іеромонаха Паисія говорится: крестьяне Иванъ да Ѳедотъ „молоди сѣкуть и пашуть и сѣють и хлѣбъ снимають безъ дѣлу" (XIV, стр. 796).

Чтобы урегулировать отношенія складниковъ по вопросу о пользованіи молодями, проектировалось въ Судебникѣ царя Ѳедора Ивановича издать слѣдующее правило: „А у которыхъ селъ и деревен есть молоди, и тѣх молодеи прежних выпашеи и тѣхъ лесовъ складниками меж собя без делу и без жеребия ни сетчи, ни пахати. А кои складникъ без дѣлу молоди высечет и запашет, а иной складникъ не сек, а выт ему такова ж въ хлебе, хоти онъ и ставилъ того ж лесу" (ст. 174). Проф. Владимірскій-Будановъ даетъ этой статьѣ такое толкованіе: „молодыя заросли по прежнимъ пахотнымъ полямъ вновь распахивать могутъ товарищи (члены общины) по соглашенію и раздѣлу; здѣсь хотя употребленъ терминъ складникъ, что означаетъ членъ товарищества (а не общины), но въ данномъ случаѣ этотъ терминъ примѣненъ къ членамъ общины, ибо рѣчь идетъ о селѣ и деревнѣ (Обзоръ, 556). Такое объясненіе, мнѣ кажется, нѣсколько невѣрнымъ, гораздо естественнѣе 174 ст. относить къ складникамъ, какъ участникамъ товарищества. Запрещается же сѣчь молоди безъ дѣлу потому, что часто данный участокъ разрабатывался общими силами складниковъ и находился у нихъ въ нераздѣльномъ совладѣніи, вслѣдствіе чего каждый имѣлъ право на извѣстную часть расчищенной земли. Во второй половинѣ статьи смыслъ такой: если бы какой-либо складникъ высѣкъ молоди безъ дѣлу, то другому въ этой землѣ дать выть, извѣстную долю. Что такая норма взята изъ жизни, это видно изъ раздѣльной 1570 г.: „А хто у насъ складниковъ учнетъ чистить земли не повѣстя другъ друга, и та земля вонче пошла" (XIV, стр. 85). Что же касается чернаго лѣса, то по 175 ст. Судебника Ѳедора Ивановича его можно распахивать всякому безъ дѣлу.

Покосами же пользуются различно. Въ однихъ случаяхъ складники косятъ пожни вмѣстѣ, а затѣмъ уже сѣно дѣлятъ между собой. Напримѣръ. Въ явкѣ 1652 г. читаемъ: „дѣлили мы сироты въ копнахъ сѣно" (XIV, стр. 763). Въ раздѣльной 1595 г. находимъ приписку о раздѣлѣ двумя складниками четырехъ остожьевъ сѣнныхъ покосовъ (Устюж. № $\frac{53}{13181}$). Если у складниковъ въ копнахъ и остожьяхъ

сѣно, значитъ они, не подѣливши луговъ, совмѣстно косили, послѣ чего и принялись дѣлить. Иногда же покосами пользуются погодно. Вкладчикъ монастыря Богданъ Аѳонасьевъ бьетъ челомъ на складника своего: „косимъ мы сѣнные покосы по перемѣнамъ; и онъ сего 149 году косилъ сѣнной покосъ и пашню пахалъ нашу перемѣну" (XII. стр. 218). Въ другомъ актѣ 1671 г. читаемъ: „А тѣ двѣ пожни косимъ со складниками, перемѣняючись погодно" (XII, стр. 431). Въ такомъ же памятникѣ 1674 г. говорится: „и впредь потомужъ со складники косить перемѣною тѣ жъ пожни по годамъ" (XII, стр. 450, 453).

При раздѣлѣ имущества складниковъ подворная земля или дѣлилась, или же оставалась въ нераздѣльномъ пользованіи. Что складники часто жили на одномъ дворѣ, это видно изъ многихъ документовъ (XIV, стр. 128; Устюж. № $\frac{6}{13134}$ и др.; Ивановъ, 416). Случалось. что ихъ было трое. Напримѣръ, въ Котельническомъ оброчномъ стану живутъ во дворѣ: Калинка Яковлевъ, складникъ его Терешка Поликарповъ, третій складникъ въ другой избѣ—Ивашко Козловъ (Переп. кн. 1678 г., 616). Если кому-либо изъ нихъ становилось тѣсно и онъ хотѣлъ бы выселиться съ прежняго двора, поставить новый, то наступали послѣдствія, указанныя въ 160 ст. Судебника Ѳедора Ивановича: „А кои складникъ захочетъ на новое место двор ставить или иную хоромину, и ему поставить отъ далних хоромин въ любом месте. гдѣ похочетъ, хотя на хмелникъ. А отдать ему земъля въ любом месте. гдѣ другои полюбит. А на какову земълю наставитце дворомъ или храминою, такова земъля и отдати, а сверьхъ того по любъве". Складнику позволяется выселиться или выстроить хоромину въ любомъ мѣстѣ, даже на хмѣльникѣ; кромѣ земли подъ постройку еще отводится земля подъ дворъ по соглашенію. по любви. Судебникъ Ѳедора Ивановича по вопросу о пользованіи подворной землей въ другой статьѣ (162) постановляетъ: „А складникъ у складника въ однои деревне наставитце хороминою на подворную землю, и ему земъля очистити, снести хоромина, толко другому на то место что ставити. А будет не ставит ничево на то место, и ему земъля противо того взяти в любомъ мѣсте. Новои приговор". Статья очень не ясно выражена, смыслъ ея трудно уловить [1]). Можно пред-

---

[1]) Проф. Владимірскій-Будановъ относитъ эту статью къ моменту приселенія товарища въ одинъ дворъ; новому складнику, по его объясненію, нужно очистить во дворѣ мѣсто для его зданій; если же онъ не пожелаетъ воспользо-

ложить такое толкованіе. Подворная земля—раздѣлена. Если одинъ складникъ построитъ себѣ хоромину на подворной землѣ другого, то онъ долженъ постройку снести только тогда, когда другому это мѣсто требуется для своихъ собственныхъ построекъ. Если же другой, у кого занята земля, не вздумаетъ на этомъ мѣстѣ обстраиваться, то ему предоставляется право взять земли въ иномъ любомъ мѣстѣ „противо того", т.-е. столько же, сколько у него взято.

Земля и угодья у складниковъ—въ совладѣніи, интересы ихъ взаимно переплетались, каждый старался возможно продуктивнѣе эксплуатировать свое хозяйство. На этой почвѣ между складниками очень часто возникали столкновенія, особенно тогда, когда въ деревню пріѣзжалъ совершенно посторонній, неизвѣстный человѣкъ, пріобрѣтшій себѣ долю покупкой. Часто кто-либо изъ нихъ измѣняетъ межи въ свою пользу (XIV, стр. 556), владѣетъ лишкомъ противъ своей доли (919), насильно вспахиваетъ полосу другого (590), вопчими пашнями старается пользоваться единолично (569, 756), перекашиваетъ за межу (694), увозитъ чужія копны сѣна (333), отнимаетъ путики и озеро (749), пользуется рыбными ловлями безъ дѣлу (752). Въ случаѣ протеста со стороны другого первый настаиваетъ на своемъ, угрожаетъ, бьетъ и увѣчитъ, чтобы силой оставить за собой неправильно захваченное. До насъ дошелъ цѣлый рядъ явокъ, въ которыхъ потерпѣвшіе жалуются на своихъ складниковъ по поводу ихъ притѣсненій и насильствъ (XIV, стр. 570, 572, 580, 590, 601, 612, 664, 677, 691, 695, 714, 726, 769 и др.). Притѣсненіе это проявлялось также и въ увѣчьѣ скота (788). Послѣднее тѣмъ легче можно было сдѣлать, что складники жили на одномъ дворѣ или же были сосѣдями.

Въ Судебникѣ Ѳед. Ив. встрѣчаемъ двѣ статьи, охраняющія домашній скотъ отъ злобы содеревенца, именно ст. 225 и 226. Первая читается: „А хто сусед у суседа в одной деревне какую животину утепет безвинно лошад, или корову, или овцу, или куря, или курицу,

ваться дворовой землею, то можетъ взять землю (для построекъ) въ любомъ мѣстѣ (Обзоръ, 557). Такое толкованіе вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія: проф. Владимірскій-Будановъ говоритъ только о намѣреніи новаго жильца строить хоромы, тогда какъ въ текстѣ, повидимому, идетъ рѣчь о совершившемся фактѣ — „наставитце хороминою". Дальше — допустимъ, что постройки прежняго владѣльца снесены, земля очищена; вторая половина статьи гласитъ: „а будетъ (складникъ) не ставитъ ничево на то место, и ему земля противо того взяти въ любомъ мѣсте". Странно, что складнику, не воспользовавшемуся очищенной изъ подъ построекъ землей, опять предоставляется право выбора. Въ виду указанныхъ недоумѣній, съ толкованіемъ проф. Владимірскаго-Буданова едва ли можно согласиться.

или какую животину ни буди и убиетъ неповинно, извету не положа инымъ складникам, и уличят его в том, и какову он животину убил, такову ему и отдати или цену, чемъ люди осудятъ добърые, да чем тот пожалует, у кого онъ убил. А будет он куря убил петуха, ино на нем взяти сорок алтын, а за курицу две денги". Если сосѣдъ безъ вѣдома хозяина убьетъ безвинно скотину другого, то долженъ ему отдать такую же, или заплатить цѣну, какую присудятъ добрые люди и какую согласится взять хозяинъ. За пѣтуха же и курицу устанавливается такса: за пѣтуха—40 алтынъ, за курицу—2 деньги. Въ оцѣнкѣ пѣтуха—что-то странное [1]). 226 ст. гласитъ: „А хто у ково собаку утепет безвинно дворовую, или гонную, или лешую и уличят его в том, что он убил безвинно,—и на нем взяти за собаку цена, чем государь тое собаки пожалует. А будет он не учнут миритис, и тому, хто собаку убил, стеретчи двора, до каких мест такову же собаку скормит; а в том по немъ порука взяти крепкая, чтобы его тати не покрали, чтоб он стерег двора". Смыслъ статьи ясенъ: за убитую собаку слѣдуетъ заплатить; въ случаѣ несогласія хозяина взять цѣну ея,—тотъ, кто убилъ, долженъ принять на себя ея обязанности—стеречь дворъ хозяина, пока не выкормитъ такую собаку, которая могла бы замѣстить его; службу эту онъ долженъ выполнять аккуратно, чтобы никакой покражи не случилось, въ чемъ и взять крѣпкую поруку.

Иногда разногласія и ссоры между складниками были настолько сильны, что одинъ всѣми силами старался выжить другого, чтобы потомъ безденежно пользоваться его долей. Въ явкѣ 1608 г. Иванко Осетръ жалуется на складника, который „хочетъ (его) безденежно исъ повытья выгонить " (XIV, стр. 583). По явкѣ 1629 г. складникъ похвалялся: „мы де васъ изъ деревни безденежно выживемъ" (XIV, стр. 692, 696).

Несмотря на возникавшія между складниками несогласія, совладѣніе объединяло ихъ по отношенію къ постороннимъ лицамъ. Случалось, что складники владѣли деревней по однимъ и тѣмъ же об-

[1]) Если, судя по сравнительной цѣнѣ на хлѣбъ, считать рубль второй половины XVI вѣка равнымъ нашимъ 25 (*Рожковъ*, Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ, 210), то тогда за пѣтуха по указанной таксѣ пришлось бы заплатить 80 р. Очевидная несообразность. Здѣсь нужно видѣть небрежную ошибку переписчика. Въ текстѣ или 40—совершенно лишнее слово, или же вмѣсто алтынъ нужно поставить „денегъ", но и въ послѣднемъ случаѣ оцѣнка—опять очень высока (5 р.), первое же предположеніе болѣе подходящее (75 к.).

щимъ документамъ, въ особенности, если они пріобрѣли землю на складный капиталъ. Въ памятникѣ 1652 г. говорится: „а у него де Алешки Семенова съ тѣмъ ево складникомъ съ Алешкою Коровинскимъ та деревя Коровина вмѣстѣ вопче за однѣми старыми писмяными крѣпостьми" (XII, стр. 267). Есть примѣры, когда складники дѣйствовали сообща, какъ одно лицо.

Въ 1608 г. четверо, владѣльцы-складники одной деревни, полюбовно пишутъ одинашную запись; до нихъ дошелъ слухъ, что на ихъ вопчую землю привезли государеву грамоту Живоначальные Тронцы зъ Гледена старцы: „и намъ... за ту вопчую землю, опроче тѣхъ полянокъ, на которыхъ рожь сѣяна, противъ старцовъ стояти всѣмъ въ отвѣтѣ вмѣстѣ, а будетъ мы въ томъ дѣлѣ въ опчемъ пошлемъ которово товарыща своего къ Москвѣ, или здѣся на Устюгѣ, дадимъ ему денегъ на издержку" (XIV, стр. 832). Другая одинашная запись 1618 г. выражается еще опредѣленнѣе: „намъ стояти — за одинъ человѣкъ за землю и за воды, и за всякіе угодья, и другъ за друга" (XIV, стр. 834). Изъ указанныхъ документовъ видно, что складники письменнымъ актомъ обязались дѣйствовать единодушно при посягательствѣ на ихъ право владѣнія, рѣшили въ случаѣ надобности послать въ Москву или Устюгъ своего товарища, который былъ бы ихъ представителемъ и отвѣчалъ за всѣхъ, расходы при этомъ нести — всѣмъ.

Въ актѣ 1591 г. совладѣльцы, раздѣливши между собою землю, пишутъ: „А хто у насъ учнеть пожни тѣ отнимати, и намъ стояти вмѣстѣ заодно, а убытка другъ друга не довести" (XIV, стр. 309). Въ 1595 г. двое крестьянъ подѣлили свою деревню, при чемъ добавляютъ: „А отъ стороныхъ людей за землю стоять намъ вмѣстѣ" (Устюж. № $\frac{53}{18181}$). Итакъ складники по вопросамъ, касающимся ихъ общей собственности, хотя бы часть ея и была въ раздѣлѣ, дѣйствуютъ совмѣстно, какъ одно лицо. Результатомъ этого было то, что на судѣ одинъ изъ складниковъ выступалъ истцемъ или отвѣтчикомъ отъ лица всѣхъ. По дѣлу о спорной землѣ: „поскотинномъ выпускѣ и озерѣ" бьетъ челомъ „Лнениковскіе деревни крестьянинъ Якушко Давыдовъ и въ товарищевъ [1]) своихъ мѣсто" (XIV, стр. 816). Всегда

[1]) Здѣсь говорится о складникахъ, во-первыхъ, потому, что словомъ — товарищи иногда замѣняется терминъ „складники" (Акты Ѳед.-Чех. II, № 151; XIV, стр. 845), во-вторыхъ, поскотиннымъ выпускомъ и озеромъ крестьяне пользовались совмѣстно, а такія лица, какъ совладѣльцы, конечно—складники.

ли складники по вопросу о земляхъ и угодьяхъ дѣйствуютъ по отношенію къ постороннимъ, какъ одно лицо — сказать трудно, хотя, какъ было указано, документы свидѣтельствуютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ относительно своихъ земель складники дѣйствуютъ заодно, представляя изъ себя сплоченную единицу.

Такъ какъ складники являются совладѣльцами, то они, если должны нести государственное тягло, несутъ его вмѣстѣ, сообща вносятъ дани и оброки сообразно долѣ владѣнія каждаго. Такимъ образомъ тягло является слѣдствіемъ складничества, а не основой его. Складники не потому называются таковыми, что они складываются въ одну обжу, соху, но потому они и складываются въ тягло, что они совладѣльцы или участники общаго предпріятія.

М. Клочковъ.

ОБЩЕРУССКІЕ ЛѢТОПИСНЫЕ СВОДЫ XIV И XV ВѢКОВЪ [1]).

V.

Источники полихрона 1423 года.

1. Въ послѣдней (IV) главѣ настоящаго изслѣдованія, посвященной изученію источниковъ общерусскаго лѣтописнаго свода, составленнаго въ 1423 году при дворѣ митрополита всея Руси и называвшагося Лѣтописцемъ великимъ русскимъ или Владимирскимъ полихрономъ, мы указали на тѣ лѣтописные своды, которыми воспользовался составитель: это южнорусская, владимирская, новгородская и московская лѣтописи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы привели основанія, заставляющія насъ искать въ числѣ источниковъ Владимирскаго полихрона не только обширные лѣтописные своды, но и рядъ мѣстныхъ лѣтописей, доходившихъ до митрополичьей канцеляріи, быть можетъ, не въ цѣломъ составѣ, а въ видѣ выписокъ, отрывковъ изъ мѣстныхъ лѣтописныхъ сводовъ. Для большаго выясненія выставленнаго нами предположенія о томъ, что въ распоряженіи митрополита находился лѣтописный матеріалъ, собранный со всей Руси, изо всѣхъ областей русской митрополіи, разсмотримъ тѣ мѣстныя по характеру своему записи, которыя вошли въ полихронъ. Напомнимъ при этомъ, что изслѣдованію нашему подлежитъ въ настоящемъ случаѣ только часть полихрона, а именно часть, обнимающая событія 1391—1423 гг., такъ какъ мѣстныя записи до 1390 года могли войти въ полихронъ изъ предшествующей редакціи общерусской лѣтописи, составленной при

[1]) *Продолженіе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ, сентябрь, стр. 90—176 (главы I—II) и ноябрь, стр. 135—200 (главы III—IV).

митрополитѣ Кипріанѣ: выше были указаны основанія для предположенія, что въ 1390 году или около этого времени возникла новая редакція лѣтописца великаго русскаго, основаннаго еще въ началѣ XIV столѣтія при митрополитѣ Петрѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что составитель полихрона 1423 года могъ дополнить нѣкоторыми новыми мѣстными записями и разсказъ о событіяхъ до 1390 года, но отдѣлить въ этомъ разсказѣ то, что восходитъ къ Кипріановской редакціи общерусскаго свода отъ новыхъ наслоеній, вставокъ и добавленій, сдѣланныхъ при Фотіи, пока невозможно, по отсутствію надежныхъ источниковъ для возстановленія состава Кипріановской компиляціи. Въ числѣ памятниковъ, отразившихъ Кипріановскую редакцію общерусскаго свода, мы можемъ указать пока только первую часть Симеоновской лѣтописи (см. о ней выше), доведенную до 1390 года. Но неизвѣстно, насколько полно представленъ митрополичій сводъ (хотя бы въ части отъ 1305 до 1390 г.) въ княжескомъ сводѣ 1390 года, вошедшемъ въ первую часть Симеоновской лѣтописи и легшемъ въ основаніе также Троицкой лѣтописи (доведенной, по свидѣтельству Карамзина, до 1409 года). Отсутствіе въ Симеоновской и Троицкой лѣтописяхъ того или другого событія въ разсказѣ до 1390 года не всегда можетъ служить основаніемъ для утвержденія, что оно не упоминалось въ общерусскомъ сводѣ редакціи 1390 года. Напомнимъ также, что Владимирскій полихронъ 1423 года отразился на всемъ послѣдующемъ русскомъ лѣтописаніи: слѣдовательно, составъ его въ части 1390—1423 гг. возстановляется при сравнительномъ изученіи Воскресенской, Никоновской, Софійской, второй редакціи Новгородской 1-й, Львовской, Новгородской 4-й и нѣкоторыхъ другихъ лѣтописей. Переходимъ къ обзору второго ряда источниковъ полихрона.

2. *Выписки изъ мѣстныхъ лѣтописей.* Мы приведемъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о пользованіи составителемъ полихрона тверскими, нижегородскими, смоленскими, рязанскими и ростовскими записями. Новгородскій и московскій источники полихрона разсмотрѣны выше. О владимирскихъ записяхъ скажемъ ниже потому, что владимирскую лѣтопись за разсматриваемое нами время надо по всей вѣроятности отожествить съ лѣтописью митрополичьею.

Тверскія записи. Подъ 1391 въ полихронѣ читалось о женитьбѣ Юрія Всеволодовича Холмскаго и о вѣнчаніи его тверскимъ епископомъ Арсеніемъ (Никон.), о расширеніи Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ Новаго городка на Волгѣ и о построеніи въ Твери

воротъ у св. Василія (Никон.). Подъ 1394 о поставленіи владыкой Арсеніемъ монастыря на р. Тмакѣ (Никон. и Симеон.), о возобновленіи обветшавшей городской стѣны въ Твери (Никон.). Подъ 1395 о кончинѣ князя Бориса Михаиловича въ Кашинѣ наканунѣ Ильи пророка и погребеніи его въ Твери на память св. Маріи Магдалины (Никон., Симеон., Воскр.); о пожарѣ Новаго городка на Волгѣ, 24-го августа (Никон., Твер., Воскр.). Подъ 1397 о кончинѣ жены Василія Михаиловича Кашинскаго (Никон.). Подъ 1398 о женитьбѣ князя Александра Ивановича, внука Михаила Александровича Тверского на дочери Ѳедора Михаиловича моложскаго (Никон., Симеон., Воскр., Соф. 2-я), о построеніи Михаиломъ тверскимъ каменной церкви въ Новомъ городкѣ (Никон., Симеон., Твер., Соф. 2-я) [1]), о поѣздкѣ князя Ивана Михаиловича въ Литву (Никон., Твер., Воскр., Соф. 2-я). Подъ 1400 о посылкѣ княземъ Иваномъ Михаиловичемъ Ѳедора Гусленя и Константина въ орду за ярлыкомъ на тверское великое княженіе (Никон., Твер.), о княжескихъ усобицахъ въ Тверской области (Никон., Симеон.), о прибытіи Василія Михаиловича кашинскаго въ Тверь [2]) въ годовщину смерти отца (Никон., Симеон.). Подъ 1401 подробное извѣстіе о рожденіи сына у князя Василія Михаиловича отъ второй жены его Анастасіи за недѣлю до Покрова (Никон., Симеон.). Подъ 1402 о кончинѣ князя Ивана Всеволодовича, въ монашествѣ Игнатія, на святой недѣлѣ въ понедѣльникъ и о погребеніи его въ св. Спасѣ (Никон., Симеон., Воскр., Соф. 2-я). Подъ 1403 объ основаніи городка на Опокахъ (Никон., Твер.), о построеніи церкви св. Николы въ Старицѣ вел. кн. Иваномъ Михаиловичемъ (Никон., Твер., Соф. 2-я), о слитіи колокола къ соборной церкви св. Преображенія (Никон., Твер.). Подъ 1404 о возвращеніи въ Тверь изъ Литвы кн. Александра Ивановича (Никон.), о закладкѣ церкви св. Успенія на Тмакѣ (Никон., Воскр.). Подъ 1405 о тверскомъ пожарѣ 13-го сентября, при чемъ сгорѣли сто дворовъ и церковь св. Іоанна Предтечи (Никон.), о смерти Маріи, жены вел. кн. Ивана Михаиловича, 30-го октября (Никон., Воскр.). Подъ 1406 о кончинѣ Евдокіи, матери тверского великаго князя, 1-го ноября (Никон., Воскр., Русск. Вр.), объ освященіи церкви св. Успенія на Тмакѣ (Никон.), о подписаніи церкви св. Михаила

[1]) То же извѣстіе въ Никон. повторяется еще разъ подъ 1398 г.; въ Соф. 2-й оно читается подъ 1396 г.

[2]) Такъ въ Симеон., а въ Никон.: въ Кашинъ.

на Городкѣ (Никон.). Подъ 1407 о кончинѣ князя Дмитрія Еремѣевича и матери его Анастасіи (Никон., Твер.), о поѣздкѣ Юрія Всеволодовича изъ Москвы въ орду (Никон., Твер.), о построеніи колокольни въ Твери (Никон., Твер.), о расширеніи церкви св. Успенія на Тмакѣ (Никон.), объ окончаніи работъ по подписанію церкви св. Михаила на Городкѣ (Никон.). Подъ 1409 о второй женитьбѣ вел. кн. Ивана Михаиловича (Никон., Воскр., Симеон.). Подъ 1410 о кончинѣ епископа Арсенія (Никон., Воскр., Симеон., Новгор. 4-я и др.). Подъ 1411 о поставленіи тверского епископа Антонія 2-го февраля (Никон., Симеон., Супр.), о кончинѣ Евдокіи Дмитріевны, жены вел. кн. Ивана Михаиловича (Никон.). Подъ 1412 о явленіи змія надъ Кашиномъ, 8-го декабря (Никон., Русск. Вр.), о построеніи Иваномъ Михаиловичемъ города на Новоторжскомъ рубежѣ (Никон., Русск. Вр.), о новомъ знаменіи въ городѣ Кашинѣ (Никон.). Подъ 1413 о пожарѣ Городка близъ Твери, 31-го октября (Никон.), о нападеніи Василія Михаиловича съ татарами на Кашинъ (Никон.), о возобновленіи Городка (Никон., Русск. Вр.), о возвращеніи Ивана Михаиловича изъ орды 9-го апрѣля и торжественной его встрѣчѣ (Никон., Твер.), о пожарѣ, истребившемъ всю Тверь (Никон., Твер., Воскр., Сузд.-Акад., Соф., Русск. Вр. и др.). Послѣ этого извѣстія записи о тверскихъ событіяхъ прекращались въ полихронѣ [1]). Можно думать, что выписки изъ Тверской лѣтописи были сообщены митрополиту по той или другой причинѣ только въ части до 1413 года.

Ростовскія записи. Онѣ сравнительно немногочисленны и носятъ исключительно церковный, быть можетъ, точнѣе — епископскій характеръ. Подъ 1395 читаемъ о кончинѣ архіепископа Ѳеодора 28-го ноября (Никон., Воскр., Сузд.-Акад.,, Соф. 2-я). Подъ 1396 о поставленіи епископомъ ростовскимъ Григорія, при чемъ въ полихронѣ перечислялись всѣ предшествующіе ему епископы (Рост., Новгор., 4-я Воскр., Соф. 2-я; въ Никон., Соф. 1-й и др. сокращенно). Подъ 1404 о кончинѣ кн. ростовскаго Александра, 19-го іюня (Соф. 2-я, Сузд.-Акад.), подъ 1405 о кончинѣ кн. Михаила Юрьевича и бывшаго ростовскаго епископа Арсенія (Сузд.-Акад.). Подъ 1407 о кончинѣ Константина Андреевича ростовскаго, 27-го апрѣля (Сузд.-Акад.). Подъ 1408 о пожарѣ Ростова, во время котораго сгорѣла соборная церковь, 24-го іюня (Сузд.-

---

[1]) Извѣстіе 1422 года о заточеніи тверскимъ великимъ княземъ новоторжскаго боярина Кумгана и сына его Ѳомы едва ли не новгородское, ср. его въ Новгор. 4-й лѣтописи.

Акад., Никон., Воскр., Симеон., Соф. 1-я и др.), при этомъ были перечислены всѣ епископы, служившіе въ этомъ соборѣ (ср. Твер.). Подъ 1409 о кончинѣ Андрея Ѳедоровича ростовскаго (Сузд.-Акад.). Подъ 1411 о возобновленіи и освященіи ростовскаго собора (Сузд.-Акад., Воскр., Никон., Соф. 2-я). Подъ 1413 о кончинѣ князя Георгія Андреевича ростовскаго (Сузд.-Акад.). Подъ 1415 о кончинѣ Константина Владимировича ростовскаго (Сузд.-Акад.). Подъ 1416 о кончинѣ архіепископа Григорія, 3-го мая (Никон., Воскр., Твер., Соф. 2-я). Подъ 1418 о поставленіи Діонисія, 12-го іюня (Никон., Воскр., Твер.). — Вѣроятно, изъ Ростовской лѣтописи занесены въ полихронъ и нѣкоторыя ярославскія и костромскія событія: ср. подъ 1411 г. о погребеніи кн. Анны, дочери Семена Васильевича ярославскаго, въ Ярославлѣ, въ монастырѣ св. Спаса, 13-го декабря (Твер.) [1]), подъ 1414 о кончинѣ Дмитрія Романовича ярославскаго, 12-го октября (Твер.), подъ 1413 о пожарѣ Костромы, 30-го іюня (Твер.), подъ 1416 о постройкѣ новаго города Костромы (Сузд.-Акад., Никон.), подъ 1422 о высокой цѣнѣ ржи въ Костромѣ (Никон., Воскр.) и нѣк. др.

Нижегородскія записи. Подъ 1391 годомъ читаемъ о прибытіи Бориса Константиновича изъ орды на великое княженіе (Никон., Воскр.), подъ 1392 объ измѣнѣ нижегородскихъ бояръ вел. кн. Борису Константиновичу и о присоединеніи Нижняго къ Московскому княжеству (Никон., Симеон.). Подъ 1394 о кончинѣ Бориса Константиновича, 6-го мая (Никон., Симеон., Воскр., Новгор. 4-я, Соф. 1-я, Соф. 2-я). Подъ 1396 о нападеніи кн. Семена Дмитріевича на Нижній съ царевичемъ Ентякомъ (Никон., Воскр., Новгор. 4-я и др.). Подъ 1402 о кончинѣ кн. Семена Дмитріевича (Никон., Воскр., Соф. 1-я и др.). Подъ 1406 о бурѣ въ Нижегородской области, лѣтомъ, послѣ Петрова дня (Никон., Воскр., Русск. Вр.). Подъ 1409 о нападеніи татаръ, во время Едигеевой рати, на нижегородскія области (Твер.). Подъ 1411 о боѣ на Лысковѣ (Никон., Твер., Симеон., Русск. Вр.). Подъ 1412 о голодѣ въ Нижнемъ (Никон., Твер., Русск. Вр.). Подъ 1422 о голодѣ въ Нижнемъ, съ указаніемъ на высокую цѣну ржи (Твер., Никон., Соф.-Царск., Воскр., Рост.).

Рязанскія записи. Подъ 1391 о нападеніи татаръ на рязанскую область въ Филиппово говѣніе (Никон.). Подъ 1394 о походѣ Ольга Ивановича къ Любутску и о побѣдѣ его надъ татарами (Никон., Новгор. 4-я, Соф. 1-я, Соф. 2-я). Подъ 1396 о походѣ Ольга на

---

[1]) Ср. *Экземплярскій*, Великіе и удѣльные князья, т. II, с. 91.

Литву и о нападеніи Витовта на рязанское княжество (Никон., Воскр., Новгор. 4-я и др.). Подъ 1398 о прибытіи въ Рязань посла Темиръ-Хози (Никон.). Подъ 1400 о походѣ Ольга Ивановича на Черленый Яръ и о славной его побѣдѣ надъ татарами (Никон.). Подъ 1402 о нападеніи татаръ на рязанскія украины (Никон.), о побѣдѣ Литвы надъ рязанцами у Любутска и о плѣненіи Родослава Ольговича (Никон., Симеон., Воскр., Новгор. 4-я и др.), о кончинѣ Ольга Ивановича, 5-го іюня (Никон., Воскр., Новгор. 1-я, Соф. 2-я, Симеон. и др.) и о вокняженіи Ѳедора Ольговича (Никон.). Подъ 1405 о нападеніи татаръ на рязанскія земли и о побѣдѣ надъ ними Ѳедора Ольговича (Никон.). Подъ 1406 о кончинѣ Евпраксіи, жены Ольга Ивановича (Никон., Воскр., Русск. Вр.). Подъ 1407 о кончинѣ Ѳеогноста, епископа рязанскаго (Никон., Воскр., Соф. 2-я). Подъ 1408 о возвращеніи Ивана Владимировича пронскаго изъ орды и о вокняженіи его въ Пронскѣ, о нападеніи его на Ѳедора Ольговича, битвѣ 1-го іюня, вокняженіи въ Рязани и примиреніи рязанскихъ князей между собою (Никон., Воскр., Соф. 2-я, Симеон.). Подъ 1411 о нападеніи татаръ на Рязань (Никон.). Подъ 1415 о нападеніи татаръ на Елецкую область и взятіи ими Ельца (Никон., Воскр., Соф. 1-я и др.).

Смоленскія записи. Въ Смоленскую лѣтопись заносились и извѣстія о литовскихъ событіяхъ, какъ видно изъ анализа западно-русскихъ историческихъ памятниковъ. Въ полихронѣ подъ 1391 г. читалось о походѣ Витовта на Вильну (Никон.). Подъ 1396 годомъ объ усобицахъ смоленскихъ князей Святославичей, изгнании Юрія Святославича, нападеніи Витовта на Смоленскъ, взятіи имъ города 28-го сентября и водвореніи въ немъ литовскихъ намѣстниковъ Якова Ямонта и Василія Борейкова (Никон., Воскр., Новгор. 4-я и др.). Подъ 1392 объ уступкѣ Ягайломъ Витовту литовскаго княжества (Никон., Новгор. 4-я и др.). Подъ 1394 о нападеніи нѣмцевъ на Вильну и о побѣдѣ Витовта надъ ними (Никон.). Подъ 1396 о казни брянскаго (?) князя Ивана Михаиловича Витовтомъ (Никон.). Подъ 1398 о побѣдѣ Темиръ-Кутлуя надъ Тохтамышемъ и о бѣгствѣ послѣдняго къ Витовту (Никон., Воскр., Соф. 2-я и др.). Подъ 1399 обстоятельное сообщеніе (въ видѣ повѣсти) о побоищѣ на Ворсклѣ между Витовтомъ и Темиръ-Кутлуемъ (Никон., Воскр., Новгор. 4-я, и др.). Подъ 1403 о взятіи Лугвенемъ Вязьмы (Никон., Воскр., Новгор. 4-я, Соф. 1-я и др.). Подъ 1404 о взятіи Витовтомъ Смоленска 26-го іюня (Никон., Воскр., Новгор. 4-я и др.). Подъ 1410 о походѣ Ягайла и Витовта противъ нѣмецкаго ордена (Никон., Воскр.,

Новгор. 4-я и др.). Подъ 1414 о войнѣ Витовта съ нѣмцами (Никон.). Подъ 1415 о пожарѣ Смоленска (Никон., Воскр.). Подъ 1416 о походѣ татаръ на Литву (Никон.). Подъ 1418 о взятіи Дашкомъ Ѳедоровичемъ Острожскимъ Кременца и объ освобожденіи Свидригайла (Никон., Новгор. 4-я, Соф. 1-я, Воскр., Супр. и др.). Подъ 1420 о возвращеніи Свидригайла изъ Венгріи въ Литву (Никон., Воскр., Новгор. 4-я и др.). Подъ 1422 о походѣ Ягайла и Витовта къ Марьину городку (Никон., Воскр. и др.).

Кромѣ этихъ записей, составляющихъ вмѣстѣ съ московскими и новгородскими главное содержаніе полихрона, въ него вошло не мало записей владимирскихъ. Послѣднія возводятся, повидимому, не къ самостоятельной лѣтописи города Владимира, а къ той митрополичьей лѣтописи, которая велась въ Москвѣ или Владимирѣ изъ года въ годъ, подобно епископскимъ лѣтописямъ въ отдѣльныхъ русскихъ епархіяхъ. Мы указывали уже выше, во II главѣ, на рядъ извѣстій, свидѣтельствующихъ о существованіи такой лѣтописи. Вѣроятно, она цѣликомъ перешла въ полихронъ. Къ ней восходятъ извѣстія общецерковнаго характера, какъ напримѣръ все, что касается отпаденія отъ Москвы литовской митрополіи, все относящееся къ дѣятельности митрополитовъ всея Руси, сообщеніе о чудесныхъ явленіяхъ, какъ то Колочской иконы Богоматери въ 1413 г. (Никон., Воскр., Новг. 1-я, Соф. 1-я и др.), знаменія на Похрѣ въ 1407 г. (Никон., Новгор. 4-я, Воскр. и др.); изъ этой же лѣтописи вошелъ въ полихронъ разсказъ о нападеніи на Владимиръ царевича Талыча въ 1411 г. (Никон., Воскр., Соф. 2-я).

Сдѣланное нами обозрѣніе сложнаго состава полихрона въ отношеніи къ мѣстнымъ, областнымъ даннымъ съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ о томъ, что въ распоряженіи его составителя находились матеріалы, собранные изъ разныхъ концовъ Россіи. Присутствіе въ митрополичьей компиляціи записей изъ всѣхъ значительныхъ центровъ того времени исключаетъ возможность предположенія о случайномъ сосредоточеніи лѣтописнаго матеріала въ рукахъ книжнаго любителя или трудолюбиваго начетчика. Весь этотъ матеріалъ собранъ искусственными мѣрами съ цѣлью представить общерусское лѣтописаніе; вотъ почему компиляторъ заноситъ въ свой сводъ не только то, что можетъ представить интересъ для московскаго читателя, но и то, что казалось важнымъ въ областныхъ центрахъ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ то или другое событіе заносилось въ лѣтопись.

3. Въ числѣ источниковъ полихрона были нѣкоторые хронологи-

ческіе сборники. Сопоставленіе вводныхъ статей Тверского сборника съ такими же статьями при Воскресенской лѣтописи, а также при нѣкоторыхъ разрядахъ Новгородской 4-й лѣтописи (ср. Синод. сп. № 154, лѣтопись Аврамки) даетъ основаніе допустить, что въ полихронѣ разсказу о русскихъ событіяхъ былъ предпосланъ краткій обзоръ событій всемірной исторіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что хронографическія статьи въ началѣ лѣтописи Аврамки и Синод. лѣтописи № 154 восходятъ къ одному общему оригиналу: со словъ „и бѣахоу сн҃ве ноевы исшедше ис ковчега“ (П. С. Р. Л., т. XVI, с. 3) эти статьи въ обоихъ названныхъ памятникахъ тожественны между собой. Статьи Тверской лѣтописи значительно отъ нихъ отличаются, но нѣкоторыя общія мѣста позволяютъ думать объ общемъ источникѣ: ср. указанія на день и часъ распятія и воскресенія Іисуса Христа (т. XV, 4 и т. XVI, 30), сходную статью „о пророцѣхъ“ (т. XV, 2 и т. XVI, 30) и др. Имѣя въ виду, что какъ названныя новгородскія лѣтописи, такъ и Тверской сборникъ содержатъ лишь очень краткія извлеченія изъ лѣтописныхъ статей полихрона, мы можемъ заключить, что и хронографическія статьи этихъ памятниковъ составляютъ не больше, какъ краткое извлеченіе изъ той *обширной хронографической компиляціи*, которая входила въ составъ того же полихрона. Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ, что нѣкоторыя статьи какъ Тверского сборника, такъ и лѣтописи Аврамки могутъ быть возведены къ Еллинскому лѣтописцу. Подъ понятіемъ Еллинскаго лѣтописца я разумѣю не тотъ или другой дошедшій до насъ видъ этого памятника, а тотъ общій оригиналъ, который всѣ они предполагаютъ: этотъ ихъ оригиналъ содержалъ въ себѣ между прочимъ библейскія книги, выписки изъ Амартола и Малалы, а также нѣсколько вставокъ изъ другихъ источниковъ [1]).

Можно съ увѣренностью сказать, что почти весь текстъ хронографическихъ статей лѣтописи Аврамки, начиная съ разсказа о Ноевыхъ сыновьяхъ, восходитъ къ Амартолу: ср. о смерти Арона, отца Авраама, у Амартола по изд. Муральта, с. 64—65, о сыновьяхъ Іакова с. 79, о созданіи іерусалимскаго храма с. 133—134, о времени основанія Византіи с. 174, о пророкахъ с. 179, о плѣненіи Іерусалима с. 281—282 и т. д. На то, что текстъ Амартола попалъ въ предполагаемую лѣтописью Аврамки компиляцію временъ митр. Фотія

---

[1]) Ср. въ *Визант. Вр.* за 1899 г. статью „Древнеболгарская энциклопедія X вѣка“.

изъ Еллинскаго лѣтописца указываетъ, напримѣръ, такое чтеніе, какъ „Улемородахъ и Женевиладь", передающее чтеніе Еллинскаго лѣтописца: „Улемородахъ иже и Евиладъ" (у Амартола Εὐΐλαδ Οὐλεμαροδάχ, 194). Но въ текстъ, восходящій къ Амартолу, сдѣланъ рядъ вставокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ несомнѣнно къ Малалѣ и указываютъ такимъ образомъ опять-таки на Еллинскій лѣтописецъ: ср. замѣтку „Іосифъ глаголетъ въ архелогіи пръвѣмъ словесѣ" (с. 5) съ ссылками Малалы на Іосифа: „ὡς καὶ ὁ Ἰώσιππος ὁ σοφώτατος συνεγράψατο ἐν τῷ δευτέρῳ τῆς ἀρχαιολογίας αὐτοῦ" (I кн., изд. Истринымъ), „καθὼς Ἰώσηπος ἐν τῇ ἀρχαιολογίᾳ ἐξέθετο" (III кн. по Боннскому изд.). Другія вставки заимствованы изъ Толковой Палеи: сюда относится перечисленіе народовъ, пошедшихъ отъ Сима, Хама и Іафета (с. 7—8, ср. въ особенности русскія названія племенъ Іафетовыхъ). Изъ нея же вставленъ апокрифъ о погребеніи Авеля, при чемъ въ Синод. № 154 предъ этой вставкой заглавіе: ѿ ѡчеи палеиныхъ. Ясно, что подъ Очами Палейными разумѣется Палея Толковая. Повѣсть объ отпаденіи латынянъ заимствована изъ Еллинскаго лѣтописца (ср. ее во второмъ видѣ или во второй редакціи этого памятника). Но списанія честнѣйшаго хартофилака и протосингела Никиты о Латынѣхъ (ср. у А. С. Павлова въ Отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 223 и сл.) въ Еллинскомъ лѣтописцѣ не было и оно попало такимъ образомъ въ полихронъ изъ другого источника. Статья „А се бытіе родомъ отъ Адама и до Христова рождества" составлена подъ вліяніемъ апокрифическаго житія Богородицы, сочиненнаго монахомъ Епифаніемъ и вошедшаго въ Еллинскій лѣтописецъ (ср. Поповъ, Обзоръ хронографовъ, т. I, с. 84) [1]). Разсказъ о благовѣщеніи въ хронографѣ Тверского сборника заимствованъ изъ Хожденія игумена Даніила, а именно изъ главы о Назаретѣ; оттуда же взяты свѣдѣнія о Іорданѣ и Содомскомъ морѣ (глава о Лаврѣ св. Саввы). Разсказъ о плѣненіи и смерти Клеопатры восходитъ къ Малалѣ и т. д.

Мы не можемъ продолжать здѣсь изслѣдованія объ источникахъ разбираемыхъ хронографическихъ компиляцій. Ограничиваемся здѣсь общимъ указаніемъ на то, что эти компиляціи приводятъ насъ къ возстановленію весьма сложнаго по составу своему хронографа, тѣсно связаннаго съ полихрономъ. Общерусской лѣтописи предшествовала

[1]) Ср. напр. „Матфанъ жречь имѣяше 3 дщери: Саломія (чит. Марію), Совви, Анну, и посягну Саломія (чит. Марія) въ Вифлеомъ, и роди Саломію, бабу Господню" и текстъ, изданный Порфиріевымъ въ 52-мъ т. Сборн. Отд. русск. яз. и слов., с. 297.

всемірная хроника, составленная главнымъ образомъ на основаніи Еллинскаго лѣтописца, но дополненная весьма обильными вставками изъ разнообразныхъ источниковъ. Если это предположеніе наше вѣрно, то передъ нами представляется возможность утверждать, что Пахоміевъ хронографъ имѣлъ на Руси предшественника въ хронографѣ митрополичьяго свода. Пахомій, какъ мы видѣли (въ гл. II), заимствовалъ разсказъ о русскихъ событіяхъ изъ Фотіевой компиляціи; изъ нея же онъ могъ извлечь мысль о всемірной хроникѣ. Но исполненіе этой мысли привело его къ самостоятельному использованію Еллинскаго лѣтописца и другихъ источниковъ, положенныхъ въ основаніе его труда.

Съ хронографическими статьями были соединены различныя статьи хронографическаго характера, относящіяся къ русской исторіи. Большинство ихъ было, повидимому, составлено для полихрона и представляло выборку изъ различныхъ историческихъ данныхъ. Сюда относится, напримѣръ, статья „А се князи Русьстии“, извѣстная по Комиссіонному списку Новгородской 1-й лѣтописи, по лѣтописи Аврамки, по нѣкоторымъ спискамъ хронографа, по Синод. сп. № 154, по Супр. списку Западно-русской лѣтописи и др. Послѣднее событіе, занесенное въ эту статью, или правильнѣе приписанное къ ней, — это смерть сына в. кн. Василія Дмитріевича — Ивана Васильевича, случившаяся въ 1417 году. Но сама статья едва ли не составлена во времена Ивана Даниловича. За Иваномъ Даниловичемъ указана смерть Ивана Васильевича: ясно, что прибавка сдѣлана до 1425 года, т.-е. до кончины Василія Дмитріевича. Вспомнимъ, что полихронъ составленъ въ 1423 году. Слова „и тогды минуло великому князю Ивану Даниьевичю 100 лѣтъ и 8“ должны быть повидимому поставлены въ связь съ извѣстіемъ, записаннымъ за ними, о томъ, что въ 6824 году Иванъ Даниловичъ принялъ къ себѣ въ Москву митрополита Петра: не понять ли эти слова такъ, что съ этого именно времени (т.-е. съ 1316 г.) по настоящее время, т.-е. по время составленія полихрона, прошло 108 лѣтъ, откуда бы слѣдовало, что полихронъ составленъ въ 1424 году?—Къ полихрону же восходитъ статья „Кто колико лѣтъ княжилъ“; она, какъ мы уже видѣли, оканчивается (ср. Новгор. 1-ю лѣтопись) словами: „Турлаковѣ рати безъ трехъ 100 лѣтъ минуло, коли Володимиръ взяли“; но Турлакова рать имѣла мѣсто въ 1327 году; слѣдовательно, приведенная выкладка составлена черезъ 97 лѣтъ послѣ этого года, а именно въ 1424 году. Въ томъ же полихронѣ помѣщены были родословныя великихъ князей: родословная, помѣщенная въ Комиссіонномъ спискѣ

Новгородской 1-й лѣтописи, оканчивается сыновьями Василія Дмитріевича, при чемъ Василій Васильевичъ не названъ великимъ княземъ: ясно, что она составлена послѣ 1415 г. (года рожденія Василія Васильевича) и до 1425 г. (когда онъ сдѣлался великимъ княземъ). Въ полихронѣ же перечислялись іерархи русской церкви: перечень митрополитовъ, занесенный въ Новгородскую лѣтопись, какъ это видно изъ Новороссійскаго списка Новгородской 4-й лѣтописи, оканчивался Фотіемъ. Въ Комиссіонномъ спискѣ Новгородской 1-й прибавленъ еще Герасимъ. Списокъ новгородскихъ владыкъ оканчивался Симеономъ, названнымъ уже покойнымъ: онъ умеръ въ 1421 году, а его преемникъ Евѳимій поставленъ въ 1424 году. Таблица русскихъ іерарховъ перешла въ обосложненномъ и дополненномъ видѣ въ Никоновскую и Симеоновскую лѣтописи. Для митрополичьяго же свода составленъ списокъ русскимъ градомъ дальнимъ и ближнимъ: онъ сохранился при Новгородской 4-й лѣтописи и при Комиссіонномъ спискѣ Новгородской 1-й, и перешелъ также въ Воскресенскую и Никоновскую лѣтописи. Быть можетъ, полихронъ не ограничивался родословіемъ однихъ московскихъ великихъ князей, а давалъ также свѣдѣнія о другихъ русскихъ князьяхъ: Смоленскихъ (ср. краткій перечень ихъ въ Воскресенской лѣтописи, VII, 239), Рязанскихъ (ср. тамъ же VII, 241), Тверскихъ (тамъ же, VII, 245), Литовскихъ (тамъ же, VII, 253), Суздальскихъ (ср. краткій перечень ихъ въ Комиссіонномъ спискѣ Новгородской 1-й, с. 437) и др.

4. Опредѣленіе того, какія *произведенія духовной литературы* вошли въ составъ полихрона, затруднительно, по указанной уже зависимости его отъ болѣе древнихъ редакцій общерусской лѣтописи. Но анализъ его въ части отъ 1390 до 1423 годовъ открываетъ рядъ памятниковъ, несомнѣнно находившихся въ распоряженіи составителя Фотіевой компиляціи. Такъ между прочимъ въ нее была внесена „Повѣсть о чудесномъ избавленіи Москвы отъ Темиръ-Аксака". Въ первоначальномъ своемъ видѣ она сохранилась въ Тверскомъ сборникѣ, въ Львовской и Софійской 2-й лѣтописяхъ; въ Ростовскую, Воскресенскую и въ списокъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи она вошла въ сокращенномъ и подновленномъ видѣ [1]); Никоновская лѣтопись

[1]) Къ числу подновленій относится то мѣсто, гдѣ говорится, что икона Божіей Матери Владимирской была тогда же поставлена въ Успенскомъ соборѣ „на деснѣй странѣ, идѣже и донынѣ стоитъ". Вставка эта сдѣлана, очевидно, послѣ 1480 года, когда Владимирская икона была вторично, и на этотъ разъ уже навсегда, перенесена въ Москву.

держится первоначальной редакціи, но подновляетъ ее по своему. Эта повѣсть послужила Пахомію при переработкѣ разсказа о Темиръ-Аксакѣ, находившагося въ житіи деспота Стефана Лазаревича; въ хронографѣ, составленномъ Пахоміемъ въ 1442 году подъ непосредственнымъ вліяніемъ полихрона, появилась такимъ образомъ та особая редакція повѣсти, которая отразилась между прочимъ въ Русскомъ Временникѣ, Степенной книгѣ, лицевомъ спискѣ Никоновской лѣтописи и др. Время составленія повѣсти опредѣляется, какъ кажется, тѣмъ, что она писана современникомъ, а на современника указываютъ обороты, подобные слѣдующимъ: „его же иногда въ вѣстѣхъ слышахомъ далече суща подъ востоки солнечными", „мы же востахомъ и прости быхомъ, онъ же заиде и исчезе, мы же ожихомъ и цѣли быхомъ". Отмѣтимъ еще, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ представленъ въ этой повѣсти митрополитъ Кипріанъ: если вмѣсто „понудихъ сія писанія предати во славу имени Господа нашего Іисуса Христа", въ концѣ повѣсти (ср. Твер., Соф. 2), въ оригиналѣ не читалось „понудихся", то это „понудихъ" едва ли не сказано отъ лица высшаго духовнаго лица и всего вѣроятнѣе отъ митрополита Фотія. Мы видѣли выше, что въ полихронъ вошла обширная повѣсть о нашествіи Едигея, повѣсть, составленная во Владимирѣ при дворѣ митрополита (находившемся въ этомъ городѣ во время осады Москвы): повѣсть эта сохранилась въ наименѣе искаженномъ видѣ въ Симеоновской лѣтописи, въ сильной же переработкѣ она внесена въ Никоновскую и отдѣльными вставками отразилась въ Тверскомъ сборникѣ. Подъ 1413 г. въ полихронѣ читалась повѣсть о явленіи Колочской Божіей Матери: ср. Никон., Русск. Вр. Воскр., Соф. 2-ю, хронографъ, а также краткія извѣстія въ Новгор. 1-й, Новгор. 4-й, Соф. 1-й и др. Подъ 1415—1417 гг. разсказъ объ отпаденіи Литвы отъ кіевской митрополіи восходитъ, быть можетъ, къ особой повѣсти, составленной по распоряженію митрополита Фотія, включившаго въ нее и свое посланіе противъ Цамблака: ср. разсказъ о поставленіи митрополита Григорія въ Никон. (подъ 1414 и 1416 гг.), Русск. Вр., Воскр., Соф. 1-й, Новгор. 1-й и др. Подъ 1395 годомъ въ полихронъ, какъ можно заключать изъ Новгородской 4-й лѣтописи, было включено сказаніе дьяка Александра о путешествіи его въ Царьградъ, о святыняхъ цареградскихъ. Происхожденіе Александра неизвѣстно, но основаній считать его новгородцемъ мы не имѣемъ: а потому нахожденіе его сказанія только въ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи (ср. IV, 357 — 358) не можетъ свидѣтельствовать про-

тивъ включенія его въ составъ полихрона. Нѣкоторыя произведенія, вошедшія въ Фотіеву компиляцію, носятъ ясные слѣды мѣстнаго происхожденія: сюда относится, напримѣръ, повѣсть о битвѣ при Ворсклѣ, о побѣдѣ Темиръ-Кутлуя надъ Витовтомъ въ 1399 году, которая, быть можетъ, дошла до митрополичьяго свода отдѣльно отъ выписокъ изъ Смоленской лѣтописи; западно-русское происхожденіе повѣсти доказывается обстоятельнымъ перечисленіемъ павшихъ съ литовской стороны князей. Подъ тѣмъ же 1399 годомъ внесено было въ полихронъ житіе вел. кн. Михаила Александровича тверского и при томъ повидимому вслѣдъ за разсказомъ о кончинѣ этого князя, восходящимъ къ Тверской лѣтописи. Житіе Михаила Александровича (оканчивавшееся, особымъ отъ лѣтописнаго, описаніемъ его смерти) было составлено, какъ мы предположили выше (см. конецъ II главы), послѣ 1410 года по распоряженію тверского епископа Антонія. Присутствіе этого житія въ полихронѣ доказывается не только Никоновскою и Симеоновскою лѣтописями [1]), но и Новгородскою 4-ю, сохранившею предисловіе къ этому житію и помѣстившею ее передъ другимъ (лѣтописнымъ) разсказомъ о кончинѣ Михаила Александровича (ср. IV, 359: начало лѣтописнаго разсказа, со словъ „По Госпожинѣ дни"). Такимъ образомъ въ полихронѣ о кончинѣ Михаила Александровича было два разсказа: одинъ лѣтописный, а другой житійный. Вотъ причина, почему большинство лѣтописныхъ сводовъ, ограничившись лѣтописнымъ разсказомъ (весьма впрочемъ обстоятельнымъ), оставляло въ сторонѣ Михаилово житіе. Подъ 1409 годомъ въ полихронѣ находилась повѣсть о преставленіи Арсенія епископа тверского: изъ Новгородской 4-й лѣтописи видно, что повѣсти этой предшествовало вступленіе (ср. IV, пр. b) [2]); отсюда можно заключить, что повѣсть эта была особымъ отъ Тверской лѣтописи сочиненіемъ; быть можетъ, она составляла часть житія Арсенія, цѣликомъ или въ извлеченіи внесеннаго такимъ образомъ въ полихронъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ части до 1390 года внесено было въ текстъ полихрона нѣсколько повѣстей и сказаній, неизвѣстныхъ

---

[1]) Въ Симеоновской начало житія опущено; разсказъ начинается съ обновленія Михаиломъ соборной церкви. Въ Никоновской же начало житія помѣщено за сообщеніемъ объ этомъ обновленіи и за краткимъ извѣстіемъ о его кончинѣ (ср. XI, 175). Едва ли не тотъ же порядокъ наблюдался въ полихронѣ.

[2]) Въ лѣтописи Аврамки повѣсть изъ лѣтописнаго текста попала въ конецъ сборника.

еще составителю компиляціи временъ Кипріана. Сюда относится прежде всего нѣсколько большихъ сказаній, относящихся къ событіямъ княженія Дмитрія Ивановича. Объ отсутствіи ихъ въ обще-русской лѣтописи, доведенной до 1390 года, свидѣтельствуютъ какъ Троицкая, такъ и Симеоновская лѣтописи. Таково, во-первыхъ, сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ: въ Симеоновской (а также, судя по отсутствію ссылокъ на нее у Карамзина, въ Троицкой) объ этомъ событіи содержится краткое сообщеніе, имѣющее всѣ черты первоначальной записи, а не позднѣйшаго сокращенія; принявъ во вниманіе, что тѣ же лѣтописи внесли въ свой составъ безъ сокращеній такія произведенія, какъ повѣсть о Митяѣ, житіе митрополита Алексія подъ 1377, сказаніе объ основаніи Высокаго монастыря подъ 1374 г. и друг., мы съ полною увѣренностью заключаемъ, что подробнаго сказанія о донскомъ побоищѣ еще не было въ главномъ источникѣ протографа этихъ лѣтописей, т.-е. въ обще-русской лѣтописи 1390 года. Слѣдовательно, сказаніе „О побоищѣ иже на Дону, и о томъ какъ князь великій бился съ ордою" внесено въ лѣтописный сводъ впервые въ 1423 году, хотя по всей вѣроятности составлено еще въ XIV столѣтіи. Наиболѣе близко къ первоначальной редакціи (а слѣдовательно, къ редакціи полихрона) сказаніе это сохранилось въ Новгородской 4-й, Софійскихъ 1-й и 2-й, а также Ростовской Архивской лѣтописяхъ; съ значительными сокращеніями оно вошло въ Воскресенскую, напротивъ въ распространенномъ и подновленномъ видѣ въ Никоновскую. Помѣщенная почти вслѣдъ за этимъ сказаніемъ повѣсть о взятіи Москвы Тохтамышемъ (1382 г.) принадлежитъ, быть можетъ, тому же автору, который потрудился надъ сказаніемъ: въ обоихъ произведеніяхъ выступаетъ личность сочинителя, говорящаго о себѣ въ первомъ лицѣ. Въ Симеоновской (и Троицкой) повѣсти этой нѣтъ, о взятіи Москвы сообщается въ краткомъ, хотя и достаточно обстоятельномъ разсказѣ [1]); первоначальная редакція ея лучше всего сохранилась въ Новгородской 4-й, Софійской и Ростовской Архивской; съ нѣкоторыми (впрочемъ, весьма немногими сокращеніями) она вошла въ Воскресенскую; въ измѣненномъ и подновленномъ видѣ мы находимъ ее въ Никоновской. Подъ 1389 годомъ въ полихронѣ, по единогласному свидѣтельству Новгородской 4-й, Софійскихъ, Воскре-

[1]) Любопытно, что Симеон. и Троицкая (Ист. Госуд. Росс., т. V, пр. 100) опредѣляютъ сумму денегъ, потраченную на уборку труповъ въ оставленной Тохтамышемъ въ Москвѣ, вдвое меньшею, чѣмъ сказаніе: въ сказаніи 300 рублей (Новгор. 4-я Рост. Воскр. и др.), въ Симеон. и Троицкой—150 р.

сенской, Никоновской лѣтописей, было помѣщено обширное „Слово о житіи и о преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича, царя Рускаго". Его не было въ компиляціи 1390 года: ср. отсутствіе его въ Симеоновской и Троицкой лѣтописяхъ. Полнѣе всего это любопытное въ многихъ отношеніяхъ произведеніе дошло въ Новгородской 4-й лѣтописи [1]); въ Софійскія и Воскресенскую оно вошло съ пропускомъ одного обширнаго мѣста (ср. въ Новгородской 4-й отъ словъ „пчелы ничимъ же хужшу ему быти разумѣю" до „Кому уподоблю"). Въ Ростовской это слово сокращено еще больше. Въ Никоновской (безъ рисунковъ) оно подверглось съ одной стороны сокращенію, а съ другой вставкѣ духовной грамоты Дмитрія Донского.

Оставляемъ открытымъ вопросъ о другихъ произведеніяхъ духовной литературы, внесенныхъ въ полихронъ въ части до 1390: въ виду недостаточности данныхъ о сводѣ 1390 года, мы не можемъ пока съ увѣренностью отдѣлить позднѣйшихъ вставокъ, сдѣланныхъ въ 1423 году, отъ вставокъ, восходящихъ къ компиляціи временъ митрополита Кипріана.

5. Въ составъ полихрона вошло нѣсколько *грамотъ* и *посланій*. Въ части отъ 1390 до 1423 года отмѣтимъ: духовную митрополита Кипріана, помѣщенную подъ 1407 годомъ послѣ сообщенія о его смерти. Въ полномъ видѣ эта духовная читается въ Никоновской и Новгородской 4-й, въ неполномъ, съ опущеніемъ философской приписки къ грамотѣ, въ Софійской 1-й, Воскресенской, Симеоновской, Софійской 2-й. Замѣчательно, что во всѣхъ названныхъ лѣтописяхъ, кромѣ Софійской 1-й и Новгородской 4-й, имѣется замѣтка о томъ, что эта духовная читается и надъ прочими митрополитами при ихъ погребеніи: ясно, что замѣтка эта не старше второй половины XV вѣка; отсутствіе же ея въ полихронѣ доказывается обѣими упомянутыми лѣтописями. Подъ 1417 въ полихронѣ читалось посланіе митрополита Фотія къ христіанамъ на Кіевъ о митрополитѣ Григоріи Цамблакѣ: ср. Новгор. 4-ю, Соф. 1-ю, Соф. 2-ю (сокращ.), Рост.-Архив. (сокращ.), Воскр. (сокращ.). Подъ 1416 годомъ — другое посланіе того же митрополита о томъ же Цамблакѣ (Никон., XI, 230). Передъ нимъ находилось соборное опредѣленіе епископовъ, поставившихъ Цамблака (Никон., XI, 227—230): грамота эта извѣстна и въ подлинникѣ, напечатанномъ въ „Актахъ, относящихся къ исторіи

[1]) Въ IV т. П. С. Р. Л. (с. 349—357) оно напечатано, къ сожалѣнію, съ однимъ большимъ пропускомъ.

Западной Россіи", т. I, № 24. Судя по Новгор. 4-й и Никоновской, подъ 1418 г. въ полихронъ была вставлена поучительная грамота новгородскаго владыки Симеона псковичамъ. Тѣ же двѣ лѣтописи указываютъ, что въ полихронѣ читалась и грамота Едигея къ вел. кн. Василію Дмитріевичу, написанная въ 1409 году (ср. Собр. Гос. Гр. и Д. II). Ясныхъ указаній, какія грамоты и посланія, помѣщенныя до 1390, восходятъ къ Фотіевой компиляціи, а какія находились уже въ Кипріановой 1390 года, у насъ нѣтъ. Такъ остается открытымъ вопросъ, кто изъ этихъ двухъ митрополитовъ включилъ въ общерусскую лѣтопись „Посланіе Новгор. архіеп. Василія Тверскому владыкѣ Ѳеодору" о земномъ раѣ (ср. подъ 1347 въ Соф. 1-й и 2-й, Воскр.): оно стало извѣстно митрополиту по новгородскому владычнему своду, какъ это можно заключить изъ нахожденія его въ новгородскомъ Лѣтописцѣ церквамъ Божіимъ. Изъ владычняго же свода новгородскаго перешло въ полихронъ знаменитое „Рукописаніе Магнуша" (1352 г. Соф. 1-я и 2-я, Воскр., Никон.; ср. Лѣтописецъ церквамъ Божіимъ).

6. Нѣкоторые изъ *юридическихъ актовъ и памятниковъ*, вошедшихъ въ полихронъ, представляютъ особенный интересъ по тѣмъ хронологическимъ соображеніямъ, которыя ими вызываются. Остановлюсь сначала на статьѣ, содержащей перечень епископій русской митрополіи: ея церковно-юридическій характеръ опредѣляется тѣмъ, что число епископій, распредѣленіе ихъ составляли предметъ обязательныхъ для русской церкви постановленій Константинопольскаго патріархата. Въ нашихъ лѣтописяхъ (говоримъ о тѣхъ, которыя составлены до XVI вѣка) перечень епископій является въ двухъ видахъ: 1) въ спискахъ Новгородской 1-й лѣтописи (во всѣхъ, кромѣ Синодальнаго) этотъ перечень помѣщается подъ 989 годомъ, вслѣдъ за перечнемъ новгородскихъ архіепископовъ; епископій названо 12: Кіевская митрополія, Новгородская архіепископія, епископіи Черниговская, Переяславская, Бѣлгородская, Володимирская, Юрьевская, Ростовская, Полоцкая, Смоленская, Тверская, Рязанская; въ Комиссіонномъ спискѣ за этимъ стоитъ цифра 22 (ср. ниже)[1]); 2) въ Новгородской 4-й, Софійской 1-й и 2-й, Рост.-Архивской подъ 887 годомъ, подъ заглавіемъ „Бывшу уставу царемъ Львомъ Премудрымъ,

[1]) Въ томъ особомъ разрядѣ списковъ Новгор. 4-й, который мы выше назвали третьею редакціей этой лѣтописи (она составлена между 1448 и 1453 гг., ср. въ I главѣ, стр. 99—100), Смоленская епископія опущена, а вмѣсто того за Рязанской приписана Брянская.

како имуть чинъ престольми митрополіямъ церквамъ, подлежащія патріарху Константинопольскому", помѣщенъ перечень 84 митрополій, 30 архіепископій греческой церкви, а вслѣдъ затѣмъ, послѣ словъ „А се епискупи, елици суть въ мірѣ семъ, въ Руси", перечень 22 русскихъ епископій: митрополія Кіевская, архіепископія Великаго Новагорода, епископіи: Черниговская, Переяславская, Бѣлгородская, Владимирская, Галицкая, Юріевская, Перемышльская, Луцкая, Холмская, Туровская, Ростовская, Полотская, Смоленская, Тверская, Рязанская, Суздальская, Сарская, Коломенская, Самборская, Пермская. Судя по лѣтописнымъ спискамъ, гдѣ встрѣчается этотъ второй перечень, онъ восходитъ къ полихрону, къ общерусской компиляціи 1423 года. Но сначала остановимся на первомъ перечнѣ. Къ какому моменту жизни русской церкви онъ относится? Сравнительно со вторымъ спискомъ, въ немъ недостаетъ между прочимъ епископій Галичской митрополіи, учрежденной, какъ извѣстно, въ началѣ XIV вѣка, послѣ переселенія Кіевскаго митрополита во Владимиръ (ср. Голубинскій, Ист. русск. церкви, II, 2, 96—97). Въ составъ этой митрополіи входили епископіи: Галичская, Перемышльская, Владимиро-Волынская, Луцкая, Туровская и Холмская. Галичская митрополія, согласно указанію перечня подчиненныхъ Константинопольскому патріарху епископскихъ каѳедръ, надписаннаго именемъ Андроника Палеолога, отдѣлилась отъ Русской митрополіи въ 1303 году [1]); въ 1347 году состоялось постановленіе о присоединеніи Галичской митрополіи къ Кіевской [2]), хотя и до этого года Галичская митрополія нѣсколько разъ закрывалась для того, чтобы затѣмъ снова открыться [3]). Слѣдовательно, первый перечень русскихъ епископій относится ко времени 1303—1347 гг. Въ немъ не названо двухъ епископій, существовавшихъ въ началѣ XIV вѣка: Сарайской и Суздальской. Но первая изъ нихъ (учреждена въ 1261 г.), вѣроятно, была соединена съ Переяславской (южный Переяславль) [4]), а вторая во время составленія перечня не успѣла еще, повидимому, обособиться отъ Владимирской епископіи (первымъ суздальскимъ епископомъ былъ едва ли не Наѳанаилъ, поставленный въ 1347 г.) [5]).

---

[1]) Ср. *Павловъ*, Русск. ист. библ. VI, Приложенія, стр. 15, прим.

[2]) Тамъ же; *Голубинскій*, Ист. русск. церкви, II, 2, 158.

[3]) *Голубинскій*, 125, 157.

[4]) Ср. Воскр. подъ 1269: постави митрополитъ епископомъ Ѳеогноста Русскому Переяславлю и Сараю (VII, 169).

[5]) Что до Коломенской епископіи, то учрежденіе ея относится, повидимому, къ серединѣ XIV вѣка.

Отсюда можно также заключить, что первый перечень епископій относится къ началу XIV вѣка. Не стоитъ ли это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что онъ попалъ въ Новгородскую лѣтопись изъ древнѣйшей редакціи общерусской лѣтописи, составленной, какъ мы видѣли, по распоряженію митрополита Петра? Во всякомъ случаѣ достойно вниманія и то обстоятельство, что списокъ новгородскихъ архіепископовъ, помѣщенный передъ сводомъ въ Новгородской 4-й лѣтописи, прерывается на Давыдѣ (отъ 1307 до 1324 г.) [1]), а перечень митрополитовъ, какъ въ Новгородской 4-й лѣтописи, такъ и въ Симеоновской, сохранилъ слѣды того, что оканчивался именемъ Петра митрополита: послѣ его имени въ Новгородской 4-й помѣщено его поученіе тверскому князю Дмитрію Михайловичу, а въ Симеоновской приведенъ 6816 годъ. Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ ο существованіи лѣтописнаго свода, составленнаго въ первой четверти XIV столѣтія, послѣ 1308 года, а о такомъ сводѣ, бывшемъ первою попыткою составить общерусскій сводъ, имѣется свидѣтельство въ Лаврентьевской лѣтописи, доведенной до 1304 года. Второй перечень могъ быть внесенъ въ митрополичій сводъ или Кипріаномъ въ 1390 году, или Фотіемъ въ 1423. Считаю болѣе вѣроятнымъ, что послѣднимъ, по слѣдующимъ основаніямъ. Онъ былъ помѣщенъ въ полихронѣ подъ 887 годомъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ этимъ годомъ сдѣлано отступленіе отъ лѣтописнаго характера вставкою хронологической выкладки, читавшейся въ древнихъ редакціяхъ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 852 годомъ. Эта выкладка, измѣненная и дополненная сравнительно съ первоначальнымъ ея видомъ, содержитъ указаніе на то, что заимствована изъ того южнорусскаго (черниговскаго) лѣтописнаго свода, о которомъ мы говорили выше, въ главѣ IV: отмѣтимъ здѣсь, что послѣдними названными въ выкладкѣ событіями являются взятіе Кіева 1203 года и Калковскій бой 1223 года. Южнорусскій лѣтописный сводъ, какъ мы видѣли, содержалъ нѣсколько дополненій хронографическаго характера, начиная съ краткихъ данныхъ о царствованіи византійскихъ императоровъ и кончая повѣстью о взятіи Царяграда крестоносцами. Подъ вліяніемъ хронографическаго матеріала, а именно Никифорова лѣтописца, прерывавшагося на царствованіи Леона и помѣщавшаго вслѣдъ за извѣстіемъ о его смерти хронографическую таблицу (συνάγονται τὰ ἔτη οὕτως ὡς ὑποτέτακται), составитель свода помѣстилъ свою таблицу точно

---

[1]) Тоже въ Воскр. (VII, 239).

также вслѣдъ за сообщеніемъ о царствованіи Леона, т.-е. подъ 6395 (887) годомъ („вкупѣ же и си лѣта сбираются", ср. Новгор. 4-ю, Софійскую, Никоновскую) [1]), заимствовавъ бо́льшую часть ея изъ таблицы, читавшейся подъ 852 годомъ. Но южнорусскимъ лѣтописнымъ сводомъ воспользовался, какъ мы указывали въ IV главѣ, составитель полихрона 1423 года, а не составитель Кипріановской компиляціи: памятники, находившіеся подъ вліяніемъ этой компиляціи, какъ-то Симеоновская и Троицкая лѣтописи, не отразили совсѣмъ этого южнорусскаго лѣтописнаго свода. Отсюда дѣлаемъ заключеніе, что присоединеніе къ хронологической таблицѣ 6395 года еще новой статьи—перечня епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху, перечня, озаглавленнаго именемъ императора Леона, принадлежитъ составителю полихрона. Первая часть перечня—митрополіи и архіепископіи греческой церкви—довольно точно передаетъ текстъ устава Леона Мудраго [2]), отступая отъ него, во-первыхъ, тѣмъ, что называетъ Милитъ, Силиврію и Апръ митрополіями, а не архіепископіями, вслѣдствіе чего число митрополій равно не 80, какъ въ первоначальномъ текстѣ устава, а 83 (даже 84, такъ какъ Лаодикія повторена два раза), во-вторыхъ, тѣмъ, что опускаетъ семь послѣднихъ названій архіепископій, которыхъ оказывается такимъ образомъ не 39, а 32. Что касается перечня русскихъ епископій, то онъ едва ли восходитъ къ греческому источнику (ср. подобный перечень, изданный подъ Notit. 3 у Parthey). Вѣроятнѣе думать, что онъ заимствованъ изъ „Чина избранія и поставленія въ епископы", къ которому былъ присоединенъ списокъ русскихъ епископій. На это указываетъ то обстоятельство, что, какъ въ Софійской 1-й, такъ и въ Новгородской 4-й передъ этимъ спискомъ приводятся некстати слѣдующія слова: „и тако мало пресвященный нашь господинъ и владыка, митрополитъ кіевскый и всея руси, имрк., и еже о немъ божественый и священный съборъ призывають твоея святыни на епискупьство богоспасенаго града". Эти слова, кромѣ первыхъ трехъ, буквально читаются въ изданномъ Павловымъ въ VI т. Русск. Ист. библ. текстѣ „Устава благовѣстія", входящаго въ составъ названнаго Чина (см. столб. 445). Ясно, что они попали въ полихронъ по ошибкѣ вмѣстѣ съ тою или другою сосѣднею съ ними статьей, всего же вѣроятнѣе

---

[1]) Въ Соф. 1-й опущено извѣстіе о царствованіи Леона, но хронологическая таблица сохранилась.

[2]) Ср. его по изданію Parthey въ Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatuum, Berol. 1866.

вмѣстѣ съ перечнемъ русскихъ епископій, которому было вполнѣ у мѣста находиться въ „Чинѣ избранія и поставленія въ епископы". При этомъ открывается еще слѣдующая любопытная подробность: памятникъ, о которомъ мы говоримъ, былъ конечно давно извѣстенъ на Руси, но подвергся при митр. Фотіи новому пересмотру и редакціоннымъ измѣненіямъ (ср. внесеніе въ исповѣданіе вѣры новопоставляемаго епископа обѣщанія не принимать иного митрополита, кромѣ присланнаго изъ Царяграда) [1]). Время этого пересмотра опредѣляется 6931 (1423) годомъ, выставленнымъ въ спискѣ этого Чина по рукописи Ундольскаго № 1 (ср. соображенія А. С. Павлова въ Русск. Ист. Библ. VI, 438). Полихронъ, какъ мы видѣли, составлялся въ канцеляріи митрополита въ то же самое время: естественно, что онъ могъ позаимствовать изъ „Чина" разсматриваемый перечень епископій [2]). Другимъ основаніемъ для того, чтобы признать перечень, попавшій въ полихронъ, составленнымъ при Фотіи, а не при Кипріанѣ, можетъ служить и то обстоятельство, что въ немъ нѣтъ Звенигородской епархіи, между тѣмъ какъ при митр. Кипріанѣ эта епископія была занята Даніиломъ, упоминаемымъ въ лѣтописи подъ 1388 и 1392 гг. [3]).

Изъ другихъ юридическихъ актовъ, внесенныхъ въ полихронъ, отмѣтимъ: Русскую Правду и нѣкоторые церковные законодательные памятники (ср. Новоросс. сп., Новгор. 4-ю, Соф. 1-ю и 2-ю подъ 1019 годомъ, Комисс. сп. Новгор. 1-й лѣтописи въ приложеніяхъ). Русская Правда внесена въ общерусскую лѣтопись и при томъ, по всей вѣроятности, въ дополнительныя къ ней статьи изъ юридической компиляціи, подобной той, которая дошла до насъ въ спискѣ XIV вѣка въ сборникѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Мусину-Пушкину и изданномъ Дубенскимъ во II т. Русск. Достоп. Въ этомъ сборникѣ, кромѣ „Русской Правды", находился Судебникъ царя Константина (Русск. Дост., II, 143), Уставъ св. Владимира (ср. Русск. Дост., т. II, с. II, прим.), Уставъ церковный Ярослава, Уставъ о мостахъ (Русск. Дост.,

---

[1]) *Голубинскій*, Ист. русск. церкви, I, 2, 409.

[2]) Будущіе изслѣдователи обратятъ, конечно, ближайшее вниманіе на связь полихрона, и въ особенности разсмотрѣнныхъ выше хронографическихъ статей его, съ сборникомъ Ундольскаго № 1. Быть можетъ, протографъ этого сборника содержалъ весь тотъ хронографическій матеріалъ, который въ отрывкахъ дошелъ до насъ въ спискѣ Тверской лѣт., лѣтописи Аврамки и др. Ср. описаніе этого сборника въ изд. Рум. Музея, „Славяно-русскія рукописи" В. М. Ундольскаго.

[3]) Относительно Самборской епископіи ср. соображенія Голубинскаго (Ист. русск. церкви, I, 1, 670): но врядъ ли возможно допустить, что Самборская епархія сочинена переписчиками.

II, 287): всѣ эти памятники внесены были въ полихронъ вслѣдъ за „Русской Правдой“. Быть можетъ, тамъ находились еще нѣкоторыя статьи, заимствованныя изъ того же сборника. Имѣемъ основаніе думать, что редакція сборника была такъ сказать офиціальная, при чемъ она относилась къ 1402 году, ко временамъ митр. Кипріана. Вслѣдъ за церковными уставами Владимира и Ярослава, сохранившимися, впрочемъ, только въ двухъ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи [1]) (ср. VI, 82—86), имѣется приписка, свидѣтельствующая о написаніи этихъ уставовъ по распоряженію вел. кн. Василія Дмитріевича и митр. Кипріана, нашедшихъ ихъ въ старомъ Номоканонѣ, 11-го ноября 6911 (1402) г. Всего вѣроятнѣе, что названные уставы вписаны въ юридическій сборникъ указаннаго содержанія и что этотъ сборникъ послужилъ источникомъ полихрона.

Дополнительныя статьи полихрона точнѣе всего отразились въ Комиссіонномъ спискѣ Новгородской 1-й лѣтописи: мы имѣли случай видѣть это и выше. Вотъ почему признаемъ, что редакція „Русской Правды“ по Комиссіонному списку (изд. 463—475) ближе, чѣмъ редакція Софійскихъ лѣтописей, къ изводу этого памятника въ полихронѣ [2]). Редакція того свода, отъ котораго пошли Софійская и Новгородская 4-я лѣтописи, внесла въ Русскую Правду рядъ статей о прибыли скота и еще нѣкоторыя дополненія и измѣненія. Едва ли они не сдѣланы на основаніи того списка „Русской Правды“, который находился въ Новгородскомъ владычнемъ сводѣ: подъ вліяніемъ его же или точнѣе основанной на немъ Новгородской лѣтописи составитель свода 1448 года перенесъ Русскую Правду изъ дополнительныхъ статей въ лѣтописный разсказъ 1019 года. А на то, что „Русская Правда“ издавна была включена въ Новгородскій владычній сводъ, указываетъ то обстоятельство, что она читается въ древнѣйшихъ редакціяхъ Новгородской 1-й лѣтописи (списки Комиссіонный, Академическій, Толстовскій) подъ 1016 годомъ. По всей вѣроятности, первая, древнѣйшая редакція „Русской Правды“ была включена въ Новгородскій владычній сводъ вскорѣ послѣ появленія самаго памятника: въ этомъ древнѣйшемъ своемъ видѣ редакція владычняго свода попала въ древнюю Новгородскую лѣтопись, составленную въ

---

[1]) Они находятся и въ прибавленіяхъ къ Комиссіонному списку Новгородской 1-й, но безъ приписки 1402 года, вѣроятно, опущенной.

[2]) О спискахъ Русской Правды см. изслѣдованіе Сергѣевича въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1899 г. (январь, с. 1—41).

XIV вѣкѣ (протографъ редакціи, представленной перечисленными выше списками); въ обосложненномъ вставками и дополненіями видѣ редакція владычняго свода вошла въ Новгородскую лѣтопись, доведенную до 1428 г. и составленную, повидимому, тогда же (ср. выше, гл. I и IV). Изъ этой лѣтописи 1428 года эти вставки и дополненія вошли въ составъ свода 1448 года, лежащаго въ основаніи Софійскихъ и Новгородской 4-й лѣтописей. Полихронъ стоялъ такимъ образомъ въ сторонѣ отъ редакцій „Русской Правды" Новгородскаго владычняго свода, слѣдуя тому тексту, который сталъ достояніемъ сборниковъ церковнаго права.

7. *Произведенія народной словесности*, разумѣя подъ ними историческія былины и пѣсни, проникшія въ позднѣйшіе московскіе своды, могутъ быть открыты уже въ полихронѣ. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь, въ разсказъ о Калкскомъ побоищѣ, была вставлена фраза: „и Олександръ Поповичь ту же убіенъ бысть съ инѣмк семіюдесять храбрыхъ" (ср. Соф. 1-ю и 2-ю, Новгор. 4-ю, Воскр., Рост.-Архив., Акад.-Užд., Тверск. Хроногр. 1512 г. и др.). На всѣхъ перечисленныхъ памятникахъ, кромѣ впрочемъ хронографа, отразился, какъ мы указывали выше, сводъ 1448 года, составленный на основаніи полихрона. Тѣмъ важнѣе присутствіе этого извѣстія въ хронографѣ Пахомія (ср. не только редакцію 1512, но также Русск. Вр., который, впрочемъ, подвергся вліянію одной изъ Софійскихъ лѣтописей), а также—и при томъ въ распространенномъ видѣ—въ Никоновской лѣтописи („и Александра Поповичя, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязаничя Златаго пояса, и седмьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побіени быша гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи наша отъ Татаръ"). Думаю, что Торопъ и Добрыня Златой поясъ попали въ Никоновскую изъ полихрона же. Основываюсь на слѣдующихъ соображеніяхъ. Въ III главѣ настоящаго изслѣдованія указано, что текстъ Тверского сборника въ части отъ 1078 до 1255 года представляетъ соединеніе Новгородской 1-й лѣтописи съ сокращенною редакціей Владимирскаго полихрона. Подъ 1237 г. находимъ въ этомъ сборникѣ предисловіе къ разсказу о нашествіи Батыя, которое, въ виду указанныхъ соображеній, возводимъ къ полихрону (П. С. Р. Л. XV, 365—366). Въ этомъ предисловіи читаемъ между прочимъ: „но Кіевстіи людіе на Калкахъ съ великымъ княземь Мьстиславомъ Романовичомъ, и съ инѣми 10-ю князи и съ 72-ю храбрыми костію тамо падоша". Замѣтимъ 72, а не 70: ясно, что полихронъ говоритъ подъ

1224 годомъ не о 70 только богатыряхъ, но и еще о двухъ, а именно, согласно Никоновской, о Торопѣ и Добрынѣ Златомъ поясѣ [1]).

Объ этихъ богатыряхъ въ Тверскомъ сборникѣ упоминается еще въ двухъ мѣстахъ: подъ 1216 годомъ, въ описаніи Липицкой битвы, читаемъ: „у князя же у Костантина тогда бяше въ полку два человѣка храбрыхь, Олешка поповничь и человѣкъ его Торопь, и Тимоня Золотой поясъ" (П. С. Р. Л. XV, 323), а подъ 1224, передъ разсказомъ о Калкской битвѣ, въ этомъ сборникѣ помѣщена обстоятельная повѣсть о подвигахъ ростовскаго жителя Александра Поповича, имѣвшаго слугу Торопа, при чемъ повторено, что Александръ, Торопъ и Тимоня Золотой поясъ были въ войскѣ Константина Всеволодовича во время его битвы съ Юріемъ Всеволодовичемъ (XV, 336—338). Мнѣ кажется, что вся повѣсть объ Александрѣ Поповичѣ восходитъ къ полихрону, куда она попала съ тѣми же вводными словами, которыми она сопровождается въ Тверскомъ сборникѣ: „имѣяхуть же и дружину многу и храбру, и тою величающеся, отъ нихже о единомъ въспомянемъ здѣ, *описаніа напъзие*". Дѣйствительно, извѣстіе о погибели богатырей на Калкахъ, по общему свидѣтельству лѣтописей, находившееся въ полихронѣ, предполагаетъ, что лицу, его записавшему, была доступна болѣе обширная повѣсть о нихъ; Никоновская же лѣтопись прямо указываетъ на то, что въ полихронѣ о богатыряхъ, погибшихъ при Калкахъ, говорилось подробнѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ. Составителю полихрона естественно было включить въ свой сводъ весь разсказъ о богатыряхъ, оказавшійся въ его распоряженіи. Разумѣется, нельзя не предвидѣть возраженія въ пользу того, что повѣсть о богатыряхъ занесена въ лѣтопись составителемъ Тверского сборника: она носитъ мѣстный, ростовскій характеръ (ср. „съзываетъ ихь къ себѣ въ городъ, обрытъ подъ Гремячимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ стоитъ пустъ" и др.), между тѣмъ составитель сборника самъ себя называетъ ростовскимъ поселяниномъ; ему скорѣе, чѣмъ кому другому, могло сдѣлаться доступно мѣстное, ростовское преданіе о богатыряхъ. Но не забудемъ, что въ Тверскомъ сборникѣ есть ссылка на письменный источникъ („описаніе"): такой источникъ могъ быть

---

[1]) Слѣдовательно, сообщеніе подъ 1224 г. о богатыряхъ, павшихъ при Калкахъ, попало въ Тверскую не изъ полихрона, а изъ Софійской 1-й, остававшейся и въ части 1078—1255 дополнительнымъ источникомъ сводчика (Ср. выше, главу III, с. 143).

одинаково доступенъ жителю ростовской веси и сводчику, работавшему въ митрополичьей канцеляріи. Быть можетъ, кое-что въ дошедшемъ до насъ текстѣ повѣсти вставлено составителемъ Тверского сборника, но прямыхъ указаній на то, что онъ не нашелъ его въ своемъ лѣтописномъ источникѣ, не найдемъ: такъ приведенныя выше слова „иже и нынѣ той сопъ стоитъ пустъ“, а также находящіяся выше „яхже костей накладены могыли великы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Усіи“ могутъ быть вставками ростовца, составившаго Тверской сборникъ, или точнѣе, какъ указано выше, сводъ 1534 года, въ первой половинѣ своей вошедшій въ этотъ сборникъ. Въ первоначальной редакціи повѣсти читалось, конечно, Тимоня Золотой поясъ; измѣненіе же его въ Добрыню сдѣлано уже составителемъ Никоновской лѣтописи [1]). Никоновская лѣтопись, съ одной стороны, Степенная книга, съ другой, свидѣтельствуютъ о томъ, что полихронъ упоминалъ еще о нѣкоторыхъ богатыряхъ Владимирова цикла. Такъ, подъ 1000 годомъ мы читаемъ въ Никон. о побѣдѣ Александра Поповича надъ *половцами*, подошедшими подъ Кіевъ подъ предводительствомъ какого-то Володаря; Владимиръ въ награду за побѣду возложилъ на него золотую гривну и сдѣлалъ его своимъ вельможей (то же въ Степ. I, 168). Подъ тѣмъ же годомъ сообщается о кончинѣ Рагдая Удалого, который одинъ выходилъ на триста воиновъ (то же въ Степ. I, 168: Рагданъ Удалый). Подъ 1101 Никон. повѣствуетъ о новой побѣдѣ Александра Поповича и Яна Усмошевца надъ печенѣгами, при чемъ взяты были въ плѣнъ князь Родманъ и три его сына (то же въ Степ. I, 169). Весьма замѣчательно, что въ маргинальныхъ припискахъ, сопровождающихъ въ Новоіерусалимскомъ Воскресенскомъ спискѣ текстъ Софійской 2-й лѣтописи, читается то же извѣстіе о побѣдѣ Александра Поповича и Яна и о плѣненіи Родмана (ср. Софійскій Временникъ, изд. Строева, I, 93). Не имѣемъ основаній предполагать, что оно заимствовано изъ Никоновской лѣтописи, такъ какъ тѣмъ же почеркомъ, какъ приписка о богатыряхъ, внесена замѣтка о написаніи въ 1095 году въ Смоленскѣ книги Діоптры: этой замѣтки нѣтъ въ Никоновской (а въ Тверскомъ сборникѣ она ошибочно перенесена подъ 1128 годъ). Подъ 1004 читаемъ въ Никоновской о нападеніи печенѣговъ на Бѣлгородъ и объ отступленіи ихъ при слухѣ о посланныхъ про-

[1]) См. объ этой повѣсти у *Халанскаго*, Великорусскія былины Кіевскаго цикла, с. 58 и сл., а также с. 42.

тивъ нихъ Владиміромъ—Александрѣ Поповичѣ и Янѣ Усмошевцѣ; подъ тѣмъ же годомъ записана смерть Андриха Добрянкова храбраго (упоминается и въ Степ. I, 168). Трудно сомнѣваться, чтобы всѣ эти извѣстія, восходящія къ полихрону, не были осколками какого-нибудь произведенія народнаго эпоса. Другое подобное же произведеніе занесено было въ болѣе цѣльномъ видѣ опять-таки всего вѣроятнѣе, что въ полихронъ, подъ 1148 годомъ, а именно о богатырскомъ подвигѣ Деміана Куденевича (ср. Никон. IX, 177—178) [1]), названнаго при этомъ богатыремъ и пріуроченнаго къ южному Переяславлю. Весьма вѣроятнымъ представляется мнѣ объясненіе проф. Халанскаго вставки, сдѣланной въ Никон. лѣтописи подъ 1136 годомъ, въ разсказѣ о битвѣ Ярополка Владиміровича Кіевскаго съ половцами на Супоѣ: здѣсь, во-первыхъ, говорится объ множествѣ мужей сильныхъ и храбрыхъ, убитыхъ половцами, при чемъ тысяцкій Давыдъ Яруновичъ получаетъ эпитетъ храбраго; во-вторыхъ, вставлено противъ древняго текста (Лавр. и Ипат.) *три* имени: славнаго богатыря Ивана Данилова, Даміана Няньки и Данилы, названнаго Тугковичемъ, между тѣмъ какъ лѣтописецъ придалъ это отчество Станиславу доброму [2]). Вставка эта свидѣтельствуетъ о знакомствѣ московскаго сводчика съ былиной, пріуроченной ко времени названной битвы. Надо думать, что она принадлежитъ составителю Никоновской лѣтописи (ея нѣтъ въ Новгор. 4-й и Соф. 1-й), но основаніе могло быть дано полихрономъ, занесшимъ на свои страницы пересказъ и этой былины. Удачное объясненіе, предложенное Халанскимъ вставкѣ подъ 1136 годомъ, возможно распространить и на рядъ другихъ однородныхъ вставокъ. Такъ, напримѣръ, вставки подъ 1146 годомъ о союзникѣ Святослава Ольговича, половецкомъ князѣ Емгазѣ (Никон. IX, 170), подъ 1155 о союзникахъ Изяслава Давыдовича и Глѣба Юрьевича, половецкихъ князьяхъ Чемгурѣ, Бердебекѣ и Темирѣ (Никон. IX, 200), о боярахъ, плѣненныхъ половцами вмѣстѣ со Святославомъ Всеволодовичемъ—Романѣ Судиславичѣ и Добрынѣ Ѳедоровичѣ въ 1155-мъ же году (Никон., IX, 201), подъ 1166 объ убіеніи половцами двухъ богатырей, Андрея Жирославича и брата его Шварна (Никон.), свидѣтельствуютъ, быть можетъ, о существованіи былинъ, передававшихъ воспоминанія о княжескихъ смутахъ середины XII столѣтія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Никоновской лѣтописи отра-

[1]) Ср. *Халанскій*, с. 50 и сл.

[2]) *Халанскій*, с. 43 и сл.; *В. Миллеръ*, Очерки русской народной словесности, стр. 350 и сл.

зились рязанскія былины: извѣстія о крещеніи въ Рязани половецкаго князя Амурата (Никон. подъ 1132), объ убіеніи въ Рязани тысяцкаго Ивана Андреевича Долгаго (тамъ же, подъ 1135), объ убіеніи въ Рязани „въ загонѣ богатыря Печенѣжскаго" Темирьхози (тамъ же, подъ 1135) и нѣк. др. какъ будто прямо выхвачены изъ какой-нибудь былины и пріурочены къ лѣтописному разсказу. Высказанныя выше соображенія о присутствіи въ полихронѣ произведеній народнаго эпоса, пересказовъ былинъ, заставляютъ меня признать, что часть подобныхъ вставокъ Никоновской лѣтописи могла быть основана на текстѣ общерусскаго лѣтописнаго свода 1423 года.

8. Мы не упомянули еще объ одномъ источникѣ полихрона, однородномъ съ нѣкоторыми изъ указанныхъ выше, но стоящемъ особнякомъ по самому своему характеру: разумѣемъ повѣсть о крещеніи Руси, отразившуюся въ Никоновской и Степенной книгѣ. Изъ этой повѣсти попали, напр., поученіе Корсунскаго епископа (IX, 54 и 56), извѣстіе о первомъ русскомъ митрополитѣ Михаилѣ (IX. 57), разсказъ о проповѣди Марка Македонянина среди болгаръ (IX, 58), сообщеніе о крещеніи Новгорода и Ростова и о присылкѣ изъ Греціи шести епископовъ (IX, 64), о кончинѣ Михаила митрополита (IX, 64), о заключеніи въ темницу митрополитомъ Леономъ Андріана скопца (IX, 68) и т. д. Всѣ эти мѣста Никоновской и тожественные съ ними отрывки Степенной книги носятъ на себѣ отпечатокъ позднѣйшаго сочинительства, но вопросъ сводится къ тому, не были ли они извѣстны во времена Фотія, не включены ли они въ Фотіевъ полихронъ. Утвердительный отвѣтъ подсказывается именемъ митроп. Михаила. Не сомнѣваюсь, что полихронъ называлъ перваго русскаго митрополита не Леономъ, а Михаиломъ. Во-первыхъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Пахоміевъ Хронографъ (сост. въ 1442 году), который подъ 988 годомъ называетъ Михаила первымъ русскимъ митрополитомъ; если даже признать это мѣсто, въ редакціи Хронографа 1512 года [1]), вставкой или измѣненіемъ противъ древняго оригинала, все же придется допустить, что извѣстіе о митрополитѣ Михаилѣ старше того времени, когда составлялись Никоновская лѣтопись и Степенная книга. Во-вторыхъ, въ перечняхъ митрополитовъ, восходящихъ къ полихрону, первымъ митрополитомъ названъ Михаилъ. Сюда относится прежде всего перечень, находящійся въ Симеоновской лѣтописи, гдѣ первыми митрополитами названы Михаилъ, Леонтій, Іоаннъ и сход-

---

[1]) Ср. *Поповъ*, Изборникъ, с. 9.

ный съ нимъ перечень Никоновской лѣтописи; вліяніе полихрона отразилось также на Новгородской 4-й и Комиссіономъ спискѣ Новгородской 1-й, которые имѣютъ перечень митрополитовъ въ своихъ дополнительныхъ статьяхъ, но здѣсь на первомъ мѣстѣ Леонтій, а Михаилъ и Іоаннъ названы уже вслѣдъ за нимъ. Это обстоятельство особенно ясно свидѣтельствуетъ, что имена Михаила и Іоанна попали въ перечень изъ полихрона. Дѣло въ томъ, что въ основаніи перечня этихъ новгородскихъ лѣтописей середины XV в. лежитъ тотъ древній перечень, который находимъ въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ 989 годомъ, т.-е. тамъ же, гдѣ читается перечень русскихъ епископій, переносящій насъ въ начало XIV в. Въ перечнѣ митрополитовъ (доведенномъ до Герасима Смоленскаго) первымъ названъ Ѳеопемптъ, за нимъ Иларіонъ, Георгій и т. д.—Леонтія, Михаила и Іоанна совсѣмъ нѣтъ и это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, а по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, и въ общерусской лѣтописи начала XIV в., не упоминались совсѣмъ имена этихъ трехъ митрополитовъ. Составитель свода 1448 года, откуда пошли Новгородская 4-я и Софійская 1-я лѣтописи, нашелъ въ полихронѣ, съ одной стороны, перечень съ именами Михаила, Леонтія, Іоанна, а съ другой — церковно-юридическіе акты, гдѣ первымъ митрополитомъ названъ былъ Леонтій: ср. въ предисловіи къ Правилу законну о церковныхъ людехъ и о десятинахъ и т. д. (Новгор. 1-я, 449), а также въ церковномъ уставѣ Владимира (тамъ же, 452) [1]. Это послѣднее обстоятельство и побудило его, во-первыхъ, вставить имя Леона подъ 991 годомъ (взя у Фотія патріарха у Царьградскаго перваго [2]) митрополита Кіеву Леона, Соф. 1-я, П. С. Р. Л. V, 121); во-вторыхъ, произвести перестановку въ самомъ перечнѣ и поставить Леонтія ранѣе Михаила и Іоанна. Итакъ, сопоставленіе свода 1448 года (Софійская 1-я и Новгородская 4-я) съ лежащимъ въ основаніи его текстомъ Новгородской 1-й лѣтописи, гдѣ нѣтъ ни Леонтія, ни Михаила, ни Іоанна, свидѣтельствуетъ о томъ, что эти три имени заимствованы сводчикомъ изъ второго его источника, а этимъ вторымъ источникомъ, согласно предыдущему, могъ быть только полихронъ 1423 года.

---

[1]) Се азъ князь великый Володимеръ... взяхъ прьвааго митрополита Леона на Киевъ и на всю Русь, ср. также въ прибавл. къ Соф. 1-й (П. С. Р. Л. VI, 82).

[2]) Весьма замѣчательно, что списки Карамз. и Оболенскаго, которые, какъ мы видѣли, свѣрили свой текстъ съ полихрономъ, поправили слово „перваго" на „единаго".

Вопросъ о томъ, откуда составитель полихрона почерпнулъ свои свѣдѣнія о первомъ нашемъ митрополитѣ Михаилѣ, а также и другой возможный вопросъ, не создалась ли легенда о Михаилѣ на книжной почвѣ путемъ литературныхъ соображеній и гаданій[1]), оставляемъ открытымъ. Но считаемъ вѣроятнымъ допустить существованіе особой отъ полихрона и болѣе древней, чѣмъ онъ, повѣсти, гдѣ изложены были тѣ подробности о русскомъ крещеніи, которыя дошли до насъ путемъ полихрона (Никон. лѣтопись, Степ. книга, быть можетъ, также Густынская лѣтопись). Такая повѣсть могла составиться гораздо раньше Фотія, при дворѣ митрополита: сочинитель ея могъ воспользоваться какими-нибудь хранившимися въ митрополіи документами. Въ числѣ подобныхъ документовъ могла быть та грамота митрополита Михаила (скончавшагося въ 1147 г.), о которой упоминаетъ Ипатьевская лѣтопись: „мы взяли отъ Михаила отъ митрополита рукописаніе, яко не достоитъ намъ безъ митрополита въ святѣй Софіи служити", говорятъ епископы, собравшіеся въ Кіевѣ по случаю поставленія митрополита Климента. Не послужила ли эта грамота основаніемъ для предположенія, что Михаилъ былъ первымъ Кіевскимъ митрополитомъ? Равнымъ образомъ въ митрополіи могли храниться записи о нѣкоторыхъ знатныхъ новокрещенцахъ: ср. въ Никон. подъ 988 г. о крещеніи печенѣжскаго князя Метигая, подъ 991 о крещеніи печенѣжскаго же князя Кучюга, подъ 990 о крещеніи четырехъ болгарскихъ князей и т. д. Быть можетъ, сочинителю повѣсти были доступны и нѣкоторыя записи опредѣленій митрополитовъ: изъ такихъ записей могло быть извлечено извѣстіе о заключеніи въ темницу инока Адріана-скопца (ср. подъ 1123 сообщеніе Никоновской лѣтописи о заключеніи въ темницу злого еретика Дмитрія).

Этими краткими замѣчаніями мы закончимъ обзоръ источниковъ полихрона 1423 года. Основная мысль настоящаго изслѣдованія заключается въ предположеніи существованія общерусскихъ митрополичьихъ сводовъ, смѣнявшихъ другъ друга, начиная съ первой четверти XIV ст., и завершившихся составленіемъ полихрона въ 1423 году, т.-е. незадолго до раздѣленія русской церкви въ серединѣ XV ст. Если, по внимательной провѣркѣ, такое предположеніе окажется достаточнымъ для объясненія сложной исторіи нашего лѣтописанія, если, такимъ

[1]) Ср. *Голубинскій*, Исторія русской церкви; *Павловъ* въ Чт. Общ. Нестора лѣтописца.

образомъ, исходными точками при изученіи дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ будутъ *общерусскія* лѣтописи временъ митрополитовъ Петра, Кипріана и Фотія, то выясненіе источниковъ этихъ компиляцій станетъ предметомъ подробной и тщательной разработки для изслѣдователей нашей лѣтописи и другихъ тѣсно съ нею связанныхъ отдѣловъ древней письменности. Не теряемъ надежды вернуться впослѣдствіи, при бо̀льшемъ выясненіи предмета, къ изученію поставленныхъ здѣсь вопросовъ.

А. Шахматовъ.

ОБЪ ОСНОВНОМЪ ТЕКСТѢ И ПОЗДНѢЙШЕЙ ПЕРЕРАБОТКѢ КОМЕДІИ ШЕКСПИРА „ТРОИЛЪ И КРЕССИДА“.

(Переводъ съ рукописи).

I.

Когда мы смотримъ на длинный рядъ Шекспировскихъ драмъ, то мы видимъ, что онѣ сами собою распадаются на два большихъ отдѣла. Первый отдѣлъ доходитъ до Гамлета и заключаетъ въ себѣ Юлія Цезаря. Въ этомъ періодѣ поэтъ слѣдуетъ канонамъ древняго искусства. Счастливая или трагическая развязка у него зависитъ отъ счастливаго стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ или отъ борьбы изображенныхъ имъ лицъ съ какою-нибудь внѣшнею силою. Его искусство есть искусство древнихъ греческихъ поэтовъ. Внѣшняя сила можетъ лежать въ обстоятельствахъ, въ которыя поставлены дѣйствующія лица, какъ, напримѣръ, въ Ромео и Джуліэттѣ. Или же она можетъ являться развязкою борьбы между несовмѣстимыми характерами, соединяющимися, какъ то дѣлаютъ Брутъ и Кассій, для достиженія общей цѣли. Въ Гамлетѣ же и въ позднѣйшихъ драмахъ счастливая или трагическая развязка зависитъ отъ борьбы между негармонирующими элементами въ душѣ самого героя драмы. Въ этомъ взглядѣ на свое искусство великій поэтъ предвосхитилъ слова Гёте: „Zwei Menschen wohnen, ach! in meiner Brust“. Но многіе никогда не доходятъ до сознанія двухъ природъ, заключающихся въ нихъ самихъ. Въ извѣстномъ возрастѣ они входятъ въ колею, по которой ѣдутъ до конца жизни. Къ нимъ не приложимо слово „развитіе“ въ обыкновенномъ его смыслѣ. Но человѣкъ, способный къ развитію, въ полномъ смыслѣ этого слова, раньше или позже начинаетъ созна-

вать негармонирующіе элементы въ своей природѣ. Золотыя грезы юности разбиваются въ прахъ при первомъ столкновеніи съ грозною дѣйствительностью жизни. Нашъ поэтъ беретъ Гамлета въ эту самую пору. Въ сознаніи Гамлета пробужденіе желанія отомстить за убійство отца и безчестіе матери является внутреннею, непреодолимою, невидимою силою.

„Haste me to know it that I, with wings as swift
As meditation, or the thoughts of love
May sweep to my revenge".

Передъ нимъ открывается рядъ ужасныхъ разоблаченій. Офелія, при всей своей боязливости и безсиліи, кажется ему въ союзѣ съ своимъ отцомъ и Клавдіемъ противъ него. Лебезящій, интригующій характеръ Полонія вполнѣ ему выясняется. Его мать представляется ему низкою женщиной; товарищи его дѣтства, Розенкранцъ и Гильденштернъ, оказываются измѣнниками. Весь его міръ лежитъ разбитый у его ногъ. Онъ простираетъ на все человѣчество ту ненависть и то презрѣніе, которое онъ испытываетъ по отношенію къ своимъ врагамъ. Въ силу особаго закона природы, его чувства теряютъ въ интенсивности то, что онѣ выигрываютъ въ ширинѣ, и его стремленіе дѣйствовать ослабѣваетъ. Онъ теряетъ изъ вида свое намѣреніе отомстить своему дядѣ, когда онъ видитъ, что Клавдій представляетъ собою лишь одинъ фазисъ всеобщей низости человѣчества. Онъ, конечно, не сознаетъ происшедшей въ немъ перемѣны и возмущается своею слабостью. Онъ припоминаетъ выпавшій ему случай отомстить Клавдію, когда онъ засталъ его на колѣняхъ, за молитвою,—случай, которымъ онъ пренебрегъ. Причину этого онъ находитъ въ совѣсти.

„Thus conscience does make cowards of us all;
And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought".

Но не совѣсть является помѣхою его мести. Помѣхою оказывается его склонность къ обобщенію, ослабляющая его стремленіе къ дѣятельности. Потокъ его мысли сворачиваетъ въ сторону. Онъ обѣщаетъ стать Тимономъ Аѳинскимъ; онъ раздѣляетъ его безсиліе въ выборѣ отдѣльныхъ лицъ, на которыхъ изливаетъ свою ненависть, и въ концѣ концовъ обязанъ своею местью случайности. Случайности, правда, но такой, какая раньше или позже должна была произойти, ибо его импульсъ къ мести былъ лишь временно парализованъ, а не

уничтоженъ; борьба въ немъ все еще кипѣла и могла прекратиться лишь съ его собственнымъ уничтоженіемъ. Въ лицѣ Гамлета поэтъ изобразилъ борьбу, происходившую въ немъ самомъ. Эта борьба являлась результатомъ того, что по-нѣмецки называется „der Bruch",— переломъ, наступающій, когда у человѣка открываются глаза и онъ видитъ какъ зло, царящее въ мірѣ, такъ и свою собственную немощь въ борьбѣ съ нимъ. Единство бытія у поэта нарушено. Мы видимъ это единство еще нетронутымъ въ свѣтлыхъ комедіяхъ второго періода (отъ 1596 до 1603 г.) „As You Like It", „Much Ado about Nothing" и „Twelfth Night". Въ нихъ и слѣда нѣтъ того состоянія ума, которое привело къ созданію Гамлета. Въ драмѣ „Все хорошо, что кончается хорошо" звучитъ болѣе серьезная нота, а въ „Юліѣ Цезарѣ" встрѣчаются иные изъ тѣхъ молніеподобныхъ проблесковъ пониманія людей, которыми отличается „Гамлетъ". Хорошимъ примѣромъ этого является обращенный къ Антонію отзывъ Цезаря о Кассіи: „Yond Cassius has a lean and hungry look" etc. Но искусство этихъ драмъ есть все-таки искусство античное. Дѣйствующія лица являются главнымъ образомъ контрастами или взаимными дополненіями. Солнце все еще озаряетъ свѣтлый и счастливый міръ и надвигающаяся на горизонтѣ гроза едва-едва замѣтна. Въ „Гамлетѣ" гроза уже разразилась. Поэтъ вступилъ въ битву жизни въ качествѣ борца. Но онъ не совсѣмъ еще понимаетъ, съ кѣмъ онъ бьется и ради чего онъ старается. Сознаніе этого приходитъ къ нему лишь постепенно. Въ „Measure for Measure" (1604—1605 г.) мы находимъ проблескъ этого сознанія въ словахъ герцога (актъ III, явл. 2) „One that above all other strifes contended especially to know himself". Такой же проблескъ встрѣчается въ „Королѣ Лирѣ" въ словахъ Эдгара (актъ V, явл. 2) „Ripeness is all", которыя позаимствовалъ у него Гёте, сказавшій: „Reif sein ist alles".

Макбетъ есть результатъ того же умственнаго настроенія, какъ Лиръ. Отъ начала драмы до конца третьяго акта господствуетъ тотъ же духъ борьбы, какъ и въ драмахъ третьяго періода, но четвертый и пятый акты написаны въ гораздо болѣе умѣренномъ тонѣ. Это есть тонъ четвертаго періода, когда поэтъ пишетъ уже не какъ участникъ въ битвѣ жизни, а какъ зритель. Въ драмахъ четвертаго періода встрѣчается духъ мира и покоя, представляющійся сильнымъ контрастомъ бурному характеру великихъ трагедій. Эта серія начинается „Периклом". Сюжетами ихъ являются соединеніе долго разлученныхъ членовъ одной семьи, примиреніе разошедшихся друзей,

возстановленіе семейнаго счастья, почти разрушеннаго ударами судьбы, какъ въ Периклѣ, или вмѣшательствомъ враждебнаго элемента, какъ напримѣръ,—королевы въ Цимбелинѣ и враговъ Проспера въ Бурѣ, или, наконецъ, игрою какой-нибудь выдающейся страсти, какъ ревность и недовѣріе Леонта въ Зимней сказкѣ. Эти драмы показываютъ, какъ въ четвертомъ своемъ періодѣ Шекспиръ относился къ проблемамъ жизни съ положительной стороны. Но есть и отрицательная сторона картины. „Антоній и Клеопатра“ показываетъ намъ опасности и наказаніе, слѣдующія за нарушеніе самыхъ священныхъ человѣческихъ узъ. Въ Коріоланѣ мы видимъ наказаніе, ожидающее того, кто дерзаетъ быть самъ себѣ закономъ, кто, для достиженія личныхъ цѣлей, вступаетъ въ союзъ съ врагами своего отечества, для его гибели. Борьба между любовью къ матери и ненавистью къ своей родинѣ является для него роковою. Онъ приноситъ себя въ жертву, потому что его любовь къ матери и благоговѣніе передъ нею преодолѣваютъ его ненависть.

Такимъ образомъ, передъ нами является такая же рѣзкая граница между драмами третьяго и четвертаго періодовъ, какъ и между яснымъ, безоблачнымъ небомъ второго періода и темнотою и бурею третьяго. Правда, мы мало знаемъ о внѣшней жизни Шекспира, но и этого малаго довольно, чтобы можно было разгадать нѣкоторыя изъ причинъ этихъ перемѣнъ въ искусствѣ нашего поэта. Мы знаемъ, что благодарность привязывала его къ графу Саутгэмптону. Въ Генрихѣ V онъ дѣлаетъ отступленіе, чтобы сказать комплиментъ графу Эссексу, тогда находившемуся въ Ирландіи, откуда онъ долженъ былъ принести „мятежный духъ мечемъ пронзенный“. Преслѣдуемая королевою Елизаветою, канцлеромъ лордомъ Берлеемъ (умершимъ въ 1598 г.) и его сыномъ (впослѣдствіи графъ Солсбери) скупая политика „моренія войны голодомъ“, заключавшаяся въ лишеніи генераловъ средствъ для энергичнаго ея веденія, возбудила чувство глубокаго недовольства не только между молодыми аристократами, какъ Эссексъ, Саутгэмптонъ и Пемброкъ, но и въ народѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы рука ея тяжело ложилась на страну. Всей мелочности, низости, жадности, злобѣ, которыя составляли противовѣсъ ея великимъ качествамъ, былъ данъ полный просторъ для дѣйствія. Когда она скончалась, въ мартѣ 1603 года, весь народъ испыталъ чувство облегченія. Въ теченіе этого-то мрачнаго періода графъ Эссексъ и задумалъ удалить отъ власти ненавистныхъ министровъ и заставить королеву принять другую поли-

таку. Неудовольствіе правленіемъ Елизаветы было такъ глубоко, что онъ разсчитывалъ, что народъ тотчасъ же приметъ его сторону. Онъ пользовался популярностью во всѣхъ слояхъ населенія. Нѣкоторые изъ его мелкихъ агентовъ устроили представленіе Шекспировской драмы „Ричардъ II“ наканунѣ возстанія Эссекса. Нельзя допустить, чтобы ее играли въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее теперь имѣемъ. Она навѣрно была измѣнена такъ, чтобы показать опасность положенія дѣлъ, когда государь является простою куклою въ рукахъ злонамѣренной партіи. Елизавета, однако, поняла направленіе драмы, какъ это видно изъ ея замѣчанія французскому посланнику: „Вы знаете, вѣдь Ричардъ II — это я“. Такимъ образомъ казалось, что все благопріятствуетъ Эссексу. Но его попытка завершилась жалкою неудачею, и 25-го февраля 1601 г. онъ сложилъ голову на плахѣ на Тауэръ-гиллѣ. Саутгэмптонъ былъ заключенъ въ Лондонскую башню, и его, повидимому, ожидала та же судьба. Пемброкъ былъ отставленъ отъ двора. По всему тону Шекспировскихъ драмъ ясно, что его симпатіи въ этомъ періодѣ были на сторонѣ Эссекса. Жалкая деморализація несчастнаго графа на судѣ, его дикія обвиненія своей сестры, леди Ричъ, и многихъ своихъ друзей въ томъ, что они его подстрекали къ мятежу, должны были произвести глубокое впечатлѣніе на поэта, два года передъ тѣмъ сравнившаго его съ Генрихомъ V. Что это было такъ, тому мы имѣемъ доказательство въ самомъ „Гамлетѣ“, который, какъ уже ясно доказано (Галпиномъ въ статьѣ о драмѣ Лилли „Эндиміонъ“, въ трудахъ стараго Шекспировскаго общества), является передѣлкою старой датской повѣсти, излагавшей исторію отца Эссекса, Вальтера, который былъ отравленъ графомъ Лейчестеромъ (Leicester), дабы избѣгнуть разоблаченій, которыя были бы роковыми для временщика, если бы его жертва могла потребовать отъ него удовлетворенія за обольщеніе жены его Летиціи въ то самое время, когда временщикъ, повидимому, могъ надѣяться на бракъ съ Елизаветою. Это объясненіе, если и не даетъ намъ полнаго ключа къ „Гамлету“, то во всякомъ случаѣ освѣщаетъ намъ причины, побудившія поэта перейти отъ свѣтлой комедіи къ мрачной трагедіи. Эссексъ, несчастный сынъ Вальтера Деверё (Devereux) и его жены Летиціи („маленькій западный цвѣтокъ“, упомянутый въ драмѣ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“) является оригиналомъ Гамлета, поскольку онъ взятъ изъ другихъ источниковъ, помимо души самого поэта. Шекспиру мрачная атмосфера послѣднихъ дней Елизаветы послужила побужденіемъ писать трагедіи, и онъ развилъ

духъ „Гамлета“ въ рядѣ могучихъ твореній: Отелло, Мѣра за мѣру (трагедія во всемъ кромѣ развязки), Лиръ, Макбетъ. Можно было бы предположить, что не было границъ силамъ поэта, способнаго на подобное творчество. Ибо онъ, повидимому, вполнѣ владѣетъ своимъ искусствомъ. По его собственнымъ словамъ, въ лицѣ Гамлета онъ въ самомъ потокѣ, бурѣ и вихрѣ страсти пріобрѣлъ и произвелъ умѣренность, которая сдѣлала его рѣчь гладкою. А все-таки, въ Лирѣ какъ часто онъ рискуетъ забыть эту умѣренность. Даже больше, мы смѣло можемъ сказать, что въ той, единственно - ужасной сценѣ ослѣпленія Глостера онъ дѣйствительно ее забылъ. Звѣрскій гнѣвъ Корнвалля можетъ только дѣйствовать отталкивающе, а то, что отталкиваетъ, никогда не можетъ быть предметомъ искусства, несмотря на проповѣдь нашихъ современныхъ декадентовъ. Лиръ былъ поворотнымъ пунктомъ для нашего поэта въ его трагическомъ періодѣ. Человѣческія силы не могли идти дальше. Поэтъ дошелъ до границъ своихъ силъ, и затѣмъ началась реакція. Первые признаки этой реакціи мы встрѣчаемъ въ самомъ Лирѣ. Заключеніе этой великой трагедіи своею спокойною красотою представляетъ удивительный контрастъ силѣ и страсти остальной ея части. У самого Лира передъ смертью уже истощилась большая часть той ужасающей страстной энергіи, которая владѣла имъ вплоть до смерти Корделіи. Заключительная сцена Лира, подобно двумъ послѣднимъ актамъ Макбета, говоритъ о наступающей перемѣнѣ въ стилѣ поэта. Но онъ самъ повидимому не сознавалъ этого до 1607 г. Два драматическихъ отрывка и одна законченная, но короткая драма заполняютъ промежутокъ между третьимъ и четвертымъ періодами. Первый отрывокъ — Троилъ и Крессида, который и составитъ предметъ предлагаемаго изслѣдованія; второй же — Тимонъ Аѳинскій. И тотъ и другой находятся на границѣ между третьимъ періодомъ и четвертымъ. Короткая драма,—Периклъ, находится въ предѣлахъ четвертаго періода и является первымъ его произведеніемъ. Все вышесказанное необходимо для того, чтобы понять, какимъ образомъ Шекспиръ могъ оставлять драмы въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ оставилъ Троила и Крессиду и Тимона Аѳинскаго. Онѣ носятъ явные слѣды той реакціи, которая неминуемо слѣдуетъ за всякимъ большимъ напряженіемъ силъ, и съ этой-то точки зрѣнія ихъ и слѣдуетъ разсматривать. Затрудненія, представляемыя Перикломъ, уже разъяснены. Въ настоящей статьѣ предлагается попытка разрѣшить затрудненія, представляемыя

Троиломъ и Крессидой, а въ будущемъ надѣемся предложить посильное объясненіе Тимона Аѳинскаго.

Хронологическій порядокъ позднѣйшихъ драмъ третьяго періода и драмъ промежуточныхъ, повидимому, таковъ: Мѣра за Мѣру, Король Лиръ, Макбетъ, Троилъ и Крессида, Тимонъ Аѳинскій и Периклъ. Поэтъ, повидимому, сначала и не почувствовалъ, что въ Лирѣ онъ достигъ поворотнаго пункта въ своемъ искусствѣ. Но Макбетъ долженъ былъ еще яснѣе подсказать ему грозящую перемѣну. Около 1606 года онъ взялся за раннюю драму съ намѣреніемъ ее передѣлать. Къ любовной интригѣ Троила и Крессиды онъ прибавилъ образы Улисса, Нестора, Агамемнона, Терсита, Ахилла, Аякса и другихъ греческихъ вождей. Но доведя дѣло до конца третьяго акта, онъ его бросилъ и взялся за Тимона Аѳинскаго. Эту драму онъ также оставилъ въ неоконченномъ видѣ, хотя онъ и написалъ ея окончаніе, и затѣмъ, въ 1607 году, взялся за Перикла. Домашнее событіе въ семействѣ Шекспира, именно бракъ его старшей дочери Сусанны, навѣрно побудило его въ 1607 году вернуться въ Стратфордъ. Мы ничего не знаемъ изъ другихъ источниковъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это посѣщеніе. Но его послѣдующія драмы, начиная отъ Перикла, даютъ совершенно опредѣленныя указанія. Послѣ написанія Гамлета любовь перестала играть выдающуюся роль въ драмахъ Шекспира, а начиная съ Перикла, въ нихъ выступаетъ совсѣмъ новый женскій типъ. Исключеніемъ въ четвертомъ періодѣ является одна Клеопатра. Въ сказаніяхъ о Маринѣ и о Мирандѣ любовь отца къ дочери и дочери къ отцу заслоняетъ собою любовь мужчины и женщины. Трудно себѣ представить болѣе полный переворотъ въ стилѣ. Нельзя также представить себѣ, чтобы бракъ любимой дочери поэта съ докторомъ Голлемъ изъ Стратфорда могъ остаться безъ вліянія на этотъ послѣдній фазисъ его развитія. Онъ сталъ писать о томъ, что съ тѣхъ поръ наполняло его мысли,—о семейномъ единеніи, о примиреніи, о прощеніи. Съ этой точки зрѣнія переходныя звенья отъ третьяго къ четвертому періоду должны представлять для насъ особый интересъ. Мы можемъ на основаніи анализа этихъ пьесъ придти къ выводу, что, напримѣръ, крикъ смертельной боли, вырвавшійся у короля Лира: „O, that way madness lies; let me shun that" (Лиръ, актъ III, сцена 4, стр. 21) исходилъ изъ сердца самого автора. Если намъ удастся разгадать смыслъ этихъ словъ, то въ нашихъ рукахъ очутится ключъ къ великой борьбѣ, происходившей въ душѣ поэта въ періодѣ написанія имъ его великихъ трагедій.

II.

Въ Троилѣ и Крессидѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ эта драма у насъ имѣется, встрѣчается сплетеніе трехъ интригъ. Во-первыхъ, любовная интрига, по стилю своему принадлежащая къ эпохѣ Ромео и Джуліэтты. Во-вторыхъ, мы имѣемъ такъ называемую „Улиссовскую" интригу, прибавленную поэтомъ около 1606 года, такъ какъ она связана намеками съ Королемъ Лиромъ, а въ-третьихъ, является сказаніе о Гекторѣ, позже прибавленное (по нашему предположенію) Джономъ Марстономъ, современникомъ Шекспира, подобно тому, какъ Периклъ былъ дополненъ въ 1607 году Джорджемъ Вилькинсомъ и Вильямомъ Роли. Прологъ, равно какъ и эпилогъ, принадлежатъ Марстону. Источникъ любовной интриги пьесы встрѣчается у Чосера и въ средневѣковыхъ легендахъ объ осадѣ Трои, подвергшихся новой обработкѣ и въ литературѣ XVI вѣка. Въ своемъ сказаніи объ Улиссѣ Шекспиръ могъ пользоваться Чапмановскимъ переводомъ Иліады Гомера, около семи пѣсенъ котораго были окончены въ 1598 году. Отсюда онъ взялъ образъ Терсита. Между тѣмъ, Марстонъ пользовался сборникомъ Какстона („Recuyell" of Caston) въ качествѣ источника, вслѣдствіе чего онъ противорѣчитъ Шекспиру, какъ въ раннемъ, такъ и въ позднемъ періодѣ послѣдняго. Ибо, встрѣтивъ въ своемъ источникѣ указаніе на шестимѣсячное перемиріе, онъ вводитъ его въ драму, не сообразивъ, что Шекспиръ говоритъ о войнѣ, продолжающейся въ теченіе всей драмы. Возникающая отсюда путаница будетъ отмѣчена своевременно при разборѣ драмы. Къ раннему Шекспировскому періоду слѣдуетъ отнести слѣдующія мѣста:

актъ	I	сцена	1, до стиха 107
„	II	„	2, вся
„	III	„	1, вся
„	III	„	2, вся
„	IV	„	2, вся
„	IV	„	3, вся
„	IV	„	4, стихи 1—111
„	IV	„	5, стихи 277—293 (впослѣдствіи Шекспиромъ измѣнены).
„	V	„	2, вся
„	V	„	3, стихи 97—103 (первоначальное окончаніе драмы).

Къ нимъ Шекспиръ прибавилъ въ 1606 году или около этого времени:

актъ I сцена 3, до стиха 212 и стихи 310—392
„ II „ 1, до стиха 182
„ II „ 3, вся
„ III „ 3, вся

По нашему предположенію:

Марстону принадлежатъ слѣдующія мѣста:

актъ I сцена 1, стихи 108—119
„ I „ 3, стихи 212—310
„ II „ 1, стихи 134—141
„ II „ 2, вся
„ IV „ 1, вся
„ IV „ 4, стихи 111—150
„ IV „ 5, вся (кромѣ стиховъ 278—293, которые можетъ быть представляютъ раннюю работу Шекспира, (послѣдствіи подправленную).
„ V сцена 1, вся
„ V „ 3, стихи 1—97.
„ V „ 4, и остальная часть пятаго акта.

Здѣсь такимъ образомъ отнесено къ ранней работѣ Шекспира около 1100 стиховъ, къ позднѣйшей его работѣ около 740, а Марстону приписано почти что 1200 стиховъ.

Разборъ драмы покажетъ намъ основанія для такого раздѣленія. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ о Марстонѣ.

Этотъ поэтъ родился, вѣроятно, въ 1575 году, такъ какъ онъ поступилъ въ университетъ 4-го февраля 1591 (1592) года, шестнадцати лѣтъ отъ роду. Мать его была дочь Андрея Гуарси, итальянскаго врача. Онъ былъ женатъ на Мери, дочери Вильяма Вилькса, капеллана Якова I. Его литературная карьера была непродолжительна. Она началась въ 1598 году, когда онъ издалъ свое „Scourge of Villany" („Бичъ злодѣйства"), и продолжалась не болѣе восьми лѣтъ, такъ какъ послѣ 1606 года мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ его авторской дѣятельности. Подобно Даборну и нѣкоторымъ другимъ своимъ современникамъ онъ сдѣлался священникомъ. Умеръ же онъ въ 1634 году. Главнымъ событіемъ въ его жизни является знамени-

тая литературная распря, происшедшая между нимъ и Деккеромъ съ одной стороны и Бенъ Джонсономъ съ другой, въ началѣ XVII столѣтія. Распря эта хорошо описана докторомъ Смоллемъ (Small) въ трактатѣ, озаглавленномъ „The Stage Quarrel" (220 pp. [1]) („Ссора драматурговъ"), въ которомъ любознательный читатель найдетъ богатый запасъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ памятномъ событіи. Ранній стиль Марстона отличался надутостью и напыщенностью. У него было большое пристрастіе къ пышнымъ, звучнымъ, ничего не выражающимъ словамъ. Джонсонъ такъ рѣзко раскритиковалъ его любовь къ страннымъ словамъ, что послѣ 1601 года Марстонъ тотчасъ же измѣнилъ свой слогъ. Но до самаго конца онъ сохранилъ его скрытую склонность къ грязи и пышности, которыми отличались его произведенія. Въ раннихъ произведеніяхъ и въ послѣднихъ семи сценахъ Троила и Крессиды онъ даетъ такую же волю этой склонности, какъ и въ своихъ раннихъ сатирахъ. Эта особенность, вмѣстѣ съ многочисленностью риѳмъ, достаточна для опредѣленія его доли въ Троилѣ и Крессидѣ, особенно въ связи съ другими признаками, указывающими на его участіе въ этой драмѣ. Въ прологѣ къ ней онъ сразу выдаетъ себя выходкою противъ Джонсона, который въ своей драмѣ „Poetaster" выводитъ въ прологѣ вооруженныхъ дѣйствующихъ лицъ. Если же въ прологѣ къ Троилу и Крессидѣ есть какое-нибудь значеніе, то оно должно относиться къ этому [2]) „вооруженному прологу" и „хорошо обоснованной увѣренности".

And hither am I come
A prologue armed, but not in confidence
Of author's pen or actor's voice, but suited
In like conditions as our argument.
. . . .
Like or find fault, do as your pleasures are:
Now good or bad, tis but the chance of war.

Этотъ тонъ напускной скромности, очевидно, предназначенъ служить упрекомъ Джонсону за самоувѣренность и подчеркиваніе своей личности. Что такой упрекъ Джонсону является болѣе естественнымъ со стороны Марстона, чѣмъ со стороны Шекспира, a priori вѣроятно.

[1]) Forschungen zur Englischen Sprache und Litteratur (Heft I) Breslau, Verlag von M. H. Marcus. 1899.

[2]) „И вотъ сюда пришелъ я, прологъ вооруженный,—но не перомъ автора или голосомъ актера, но подъ стать содержанію нашей драмы... Хвалите или критикуйте, поступайте какъ вамъ нравится: хорошо ли, худо ли,—то будетъ лишь счастіемъ войны".

Если же мы найдемъ такой же упрекъ въ драмѣ, несомнѣнно принадлежащей Марстону, то нашъ выводъ о принадлежности даннаго мѣста Марстону станетъ вполнѣ безспорнымъ. Такой намекъ мы встрѣчаемъ въ эпилогѣ къ первой части Марстоновской драмы—„Антоніо и Меллида". Галливель (Halliwell) относитъ эту драму къ 1602 г.; Смоллъ (Small) относитъ ее къ 1599, что, вѣроятно, справедливо относительно самой драмы. Но прологи и эпилоги часто измѣнялись, что и было въ данномъ случаѣ, такъ какъ прологъ Марстона содержитъ намекъ на уже цитированный прологъ Джонсона, относящійся къ 1601 г.

Этотъ тонъ крайней напускной скромности, какъ въ Троилѣ и Крессидѣ, такъ и въ Антоніи и Меллидѣ, очевидно, направленъ противъ Джонсона. Высказываемый упрекъ не имѣлъ бы смысла со стороны Шекспира, который и не участвовалъ въ ссорѣ съ Джонсономъ, но умѣстенъ со стороны Марстона, бывшаго зачинщикомъ въ этой распрѣ: противники помирились и потомъ вновь разсорились, такъ что выходка противъ Джонсона со стороны Марстона являлась вполнѣ естественной. Такія выраженія какъ „the princes orgulous" (надменные князья) вполнѣ въ духѣ Марстона, но не Шекспира. Также названія шести воротъ Трои: Dardan, Tymbria, Helias, Chetas, Troien и Antenorides, подобное накопленію собственныхъ именъ въ устахъ Агамемнона (актъ V, сц. 5), чисто марстоновская характеристика. Эти имена всѣ находятся въ „Recuyell" Какстона (Caxton) и почти съ тѣмъ же правописаніемъ. Такимъ образомъ участіе Марстона сразу выдаетъ себя. Но мы не знаемъ, писалъ ли онъ когда-либо для „королевской" труппы (King's men). Въ одномъ случаѣ она его обидѣла, и быть можетъ дали ему заказъ, чтобы вознаградить его за это. Послѣ „The Stage Quarrel", какъ уже сказано, Марстонъ и Джонсонъ помирились. Въ періодѣ этого примиренія первый посвятилъ Джонсону свою драму „The Malcontent", изданную въ 1604 г. Въ введеніи къ ней, написанномъ Уебстеромъ, мы находимъ любопытный отрывокъ изъ лѣтописи сцены.

Королевская труппа играла „The Malcontent", драму Марстона, измѣненную Уебстеромъ (Webster), изъ мести за присвоеніе „дѣтьми св. Павла" одной изъ ихъ драмъ „Ieronimo".

Королевская труппа можетъ быть сознавала себя виноватою, наказавъ Марстона за вину, совершенную его труппою, и въ видѣ вознагражденія дала ему шекспировскую драму для передѣлки. Въ 1607 г. Шекспиръ, какъ можно предположить, былъ въ отсутствіи, въ Стратфордѣ-на-Авонѣ. Какъ уже сказано, въ этомъ году его дочь

Сусанна вышла замужъ за доктора Холля (Hall). Вѣроятно, послѣднія пять драмъ Шекспира (а съ Периклюмъ—послѣднія шесть) были написаны вдали отъ столичнаго шума. Онѣ такъ же полны картинами и звуками природы, какъ и его юношескія произведенія. Другое соображеніе дѣлаетъ это обстоятельство еще болѣе вѣроятнымъ. Труппа, къ которой онъ принадлежалъ, нашла нужнымъ пригласить другого поэта. Мы не знаемъ, когда Бомонтъ и Флетчеръ начали писать для королевской труппы, но судя по намеку на Клевскую войну въ драмѣ „The Scornful Lady" (1608 г.), это слѣдуетъ отнести ко времени, когда происходила эта война. Великій поэтъ уже болѣе не былъ офиціальнымъ драматургомъ труппы. Изъ присутствія работы второго автора въ трехъ драмахъ 1606 и 1607 гг. мы можемъ заключить, что труппа подыскивала подходящаго преемника Шекспиру, пока онъ все еще для нея писалъ, прежде чѣмъ она окончательно остановилась на Бомонтѣ и Флетчерѣ.

Актъ 1, сцена 1 принадлежитъ раннему шекспировскому періоду. Первый стихъ: „Call here my varlet; I'll unarm again" показываетъ, что Троилъ рѣшился не выходить па поле брани. Но такъ какъ во второй сценѣ онъ изображается возвращающимся съ другими троянскими героями, то явилась необходимость выяснить это противорѣчіе. Для этого Марстонъ прибавилъ 12 стиховъ, въ которыхъ Эней убѣждаетъ Троила измѣнить рѣшеніе. Но, освобождаясь отъ одного противорѣчія, онъ впадаетъ въ другое. Эней говоритъ, что Парисъ вернулся домой раненнымъ. Но въ сценѣ 2, стихъ 230, Парисъ возвращается невредимый, какъ замѣчаетъ Пандаръ: „Who said he came hurt home to-day? He's not hurt". Гекторъ также возвращается съ поля битвы во второй сценѣ, а въ третьей Эней приноситъ отъ него вызовъ грекамъ, при чемъ говоритъ:

„We have, great Agamemnon, here in Troy
A prince called Hector,—Priam is his father
Who in this dull and long continued truce
Is rusty grown".

Въ первыхъ двухъ сценахъ идетъ война, а въ третьей мы узнаемъ, что было скучное и продолжительное перемиріе. Можно ли предположить, что при пересмотрѣ драмы Шекспиръ впалъ бы въ такое рѣзкое противорѣчіе?

Не приписать ли намъ это противорѣчіе автору пролога, который пользовался Какстономъ въ качествѣ источника и у него нашелъ указаніе на шестимѣсячное перемиріе, которое онъ и ввелъ въ драму?

Это, очевидно, является единственнымъ возможнымъ объясненіемъ даннаго затрудненія.

За исключеніемъ двѣнадцати стиховъ, вставленныхъ въ концѣ первой сцены, она, равно какъ и вторая сцена, очевидно, принадлежитъ Шекспиру и притомъ къ раннему его періоду. Его языкъ выдаетъ его. Напримѣръ, сцена 1, стихи 37, 38:

„I have, as when the sun doth light a storm,
Buried this sigh in wrinkle of a smile“.

Этотъ образъ позаимствованъ Марстономъ въ „Антоніо и Меллида“, I сц. стр. 10 въ изданіи Halliwell'a.

„Could not the fretting sea
Have rolled me up in wrinkles of his browe?“

Въ позднѣйшей работѣ Шекспира мы находимъ тотъ же образъ въ Цимбелинѣ, актъ III, сцена 2, стихъ 52.

Нельзя подобрать двѣ картины, лучше характеризующія раннюю и позднюю работы Шекспира, чѣмъ эти. Но разница въ пріемахъ творчества проглядываетъ не въ нихъ однѣхъ; все, что говоритъ Троилъ, отзывается юностью, и неоспоримымъ свидѣтельствомъ этой юности являются послѣдніе семь стиховъ шекспировской части этой сцены:

„Tell me, Apollo, for thy Daphne's love
What Cressid is, what Pandar, and what we?
Her bed is India; there she lies, a pearl:
Between our Ilium and where she resides,
Let it be called the wild and wandering flood,
Ourself the merchant and this sailing Pandar
Our doultful hope, our convoy and our bark“.

Эти стихи ясно указываютъ на періодъ „Romeo and Juliet“ и „The Two Gentlemen of Verona“. Валентинъ въ послѣдней драмѣ имѣетъ много общаго съ Троиломъ. Тѣ же искренность, простота и постоянство, та же неловкость, соединенная съ глубиною чувства, являются и въ томъ, и въ другомъ: Валентинъ ломаетъ голову, чтобы написать неуклюжіе стихи, а Троилъ смотритъ съ завистью на ловкость и умѣнье молодыхъ грековъ. Описаніе Аякса, данное Александромъ Крессидѣ, когда проходятъ мимо троянцы, иными считается намекомъ на Джонсона. Но въ немъ нѣтъ ничего подобнаго. Джонсонъ былъ неизвѣстенъ, когда эта часть драмы (относящаяся приблизительно къ 1594 г.) была написана. Да и самое это мѣсто нисколько

къ нему не подходитъ, и слушатели, конечно, никогда и не подумали бы отнести его къ нему. Сдѣланный Марстономъ въ прологѣ намекъ на самоувѣренность и подчеркиваніе своей личности, проявленныя Джонсономъ, сразу былъ понятенъ, но въ Александрѣ не играютъ выдающейся роли тѣ черты въ характерѣ Джонсона, которыя становились мишенью для его враговъ, а именно надменность и нетерпимость по отношенію къ своимъ соперникамъ.

Нѣтъ, безспорно, Аяксъ не изображаетъ собою Джонсона. Разговоръ между Пандаромъ и Крессидою можно сравнить только съ разговоромъ между Еленою и Пароллемъ въ начальной сценѣ „All's Well that Ends Well". Есть оттѣнокъ грубости въ многихъ изъ раннихъ созданій Шекспира. Въ Генрихѣ VI она сказывается въ страсти къ бранчливости, которою обуреваемы женскія дѣйствующія лица, въ пріемахъ ухаживанія Ричарда за Анною, во всемъ образѣ Адріаны въ „Комедіи ошибокъ", въ пріемахъ, которыми укрощается строптивая. Къ числу этихъ созданій принадлежитъ и Крессида. Въ томъ видѣ, какъ она тутъ изображена, она не можетъ принадлежать къ какому-либо иному періоду, какъ къ первому. Всѣ черты, связывающія эту сцену съ Шекспиромъ, указываютъ на ранній его періодъ. О рукѣ Елены Пандаръ замѣчаетъ „Indeed she has a marvellous white hand, I must confess", а Крессида отвѣчаетъ: „Without the rack", напоминая намъ Бассаніо и Порцію передъ шкатулками. Когда Пандаръ говоритъ, что Кассандра смѣялась, Крессида замѣчаетъ: „But there was more temperate fire under the pot of her eyes: did her eyes run over too?" Подобные забавные образы мы встрѣчаемъ въ изобиліи во второй сценѣ перваго акта „Венеціанскаго купца", въ разговорѣ между Порціей и Нериссой.

Такіе образы впервые появляются въ твореніяхъ Лилли, у котораго Шекспиръ ихъ и позаимствовалъ. Они встрѣчаются въ изобиліи также и въ драмахъ Марстона. Имѣется и другой намекъ на „All's Well that Ends Well" въ словахъ Крессиды: „Ay, a minced man: and then to be baked with no date in the pie, for then the man's date's out". Въ „All's Well that Ends Well" у Пароля встрѣчается тотъ же самый образъ. „Your date is better in your pie and your porridge than in your cheek". Монологъ Крессиды въ концѣ этой сцены слѣдуетъ сравнить съ монологомъ Елены въ концѣ первой сцены „All's Well". Оба они написаны риемованными стихами и имъ обоимъ присуща извѣстная напускная неясность, вродѣ той, которая вскорѣ послѣ того вошла въ моду съ легкой руки Гонгоры. Послѣ второй

сцены идетъ сцена позднѣйшаго Шекспировскаго періода, со вставкою Марстона. Второй актъ всецѣло передѣланъ и не носитъ и слѣда первоначальной драмы. Но мы снова встрѣчаемся съ любовной интригой въ первой сценѣ третьяго акта. Тутъ Пандаръ говоритъ, что Крессида ужасно влюблена во что-то, принадлежащее Еленѣ, которая отвѣчаетъ, что отдастъ его Крессидѣ, если только это не Парисъ. Пандаръ отвѣчаетъ, что это не онъ „for they two are twain", на что Елена возражаетъ: „Falling in after falling out may make them three". Это было позаимствовано Марстономъ въ его драмѣ „The Dutch Courtesan" (изданіе Halliwell, стр. 164):

„Then thus and thus, so Hymen should begin
Sometimes a falling out proves falling in".

Стихъ въ пѣснѣ Пандара:

„Doth turn oh! oh! to ha! ha! he!

цитированъ въ драмѣ Турнера „The Atheist's Tragedy" (изданіе Pearson'a, стр. 57):

Damville: „Here's a sweet comedy
T begins with O
Dolentis and concludes with ha! ha! he!"

Изъ устъ Париса мы узнаемъ, что въ этотъ день на поле битвы вышли всѣ троянскіе богатыри. Парисъ также хотѣлъ идти съ ними, но Елена не соглашалась на это.

И Троилъ, который въ первомъ стихѣ драмы заявилъ о своемъ намѣреніи остаться дома, тутъ, въ третьемъ актѣ и въ другомъ случаѣ, также исполнилъ это намѣреніе. Елена говоритъ: „He hangs the lip at something". Въ этотъ вечеръ влюбленные встрѣчаются въ домѣ Пандара. Эта встрѣча является сюжетомъ второй сцены III акта. По своему тону эта сцена еще болѣе юношескаго характера, чѣмъ начальная. Особенно этимъ отличаются рѣчи Троила. Вообще, указанная сцена представляетъ черты чувственности въ значательно большей степени, чѣмъ въ остальныхъ *драмахъ* Шекспира.

Пандаръ говоритъ о Крессидѣ: „She does so blush and fetches her wind so short as if she were frayed with a sprite" (см. „Troil. t. Cress.", ст. 37).

Это мѣсто напоминаетъ настроеніе Бассаніо, когда онъ сдѣлалъ удачный выборъ („Венеціанскій купецъ", актъ III, сцена 2, стихъ 177).

Тутъ въ одномъ только стихѣ 178 кроется чувственный смыслъ,

между тѣмъ какъ Троилъ останавливается на чувственной сторонѣ съ наслажденіемъ и нетерпѣніемъ. Порція выражаетъ свою радость по случаю исполненія ея желаній съ большимъ жаромъ, но безъ всякаго слѣда чувственности (актъ III, сц. 2, стихъ 108).

Сравнивъ эти мѣста, мы не можемъ не придти къ заключенію, что изящно разработанная сцена въ „Венеціанскомъ купцѣ" есть болѣе поздняя изъ нихъ. Крессида, когда она взволнована, какъ говоритъ Пандаръ, умѣетъ сдерживаться, ибо она разыгрываетъ свою собственную маленькую комедію съ Троиломъ, признаваясь въ любви и притворяясь сконфуженной (актъ III, сц. 2, стихъ 125).

Слова же Порціи льются прямо изъ сердца. Ея волненіе совершенно разсѣиваетъ ея мысли. Но въ нихъ нѣтъ и слѣда чувственности. А Крессида играетъ роль и учитъ своего любовника, какъ вести себя. Въ „All's Well that Ends Well" есть намекъ на это мѣсто (см. актъ II, сц. 1, стихъ 100). Lafeu говоритъ: „I am Cressida's uncle that dare leave two together". Это мѣсто относится къ ранней части драмы. Встрѣчается также параллель извѣстному мѣсту въ „Twelfth Night", въ актѣ III, сц. 2, ст. 165.

Вся сцена такъ ясно написана въ характерѣ ранняго Шекспировскаго періода, что мы съ увѣренностью можемъ на ней основывать свои доводы. Влюбленные очерчены рѣзко и сильно, но охарактеризованы въ манерѣ ранней эпохи нашего поэта, скорѣе контрастомъ между искренностью и постоянствомъ Троила и легкомысліемъ изворотливой въ словахъ Крессиды, чѣмъ силою борющихся въ человѣкѣ страстей. Слѣдующая сцена изъ ранней Шекспировской драмы есть вторая сцена IV акта, въ которой мы встрѣчаемъ отголосокъ Ромео и Джуліетты:

„O Cressida, but that the busy day
Waked by the lark hath roused the ribald crows
And dreaming night will hide our joys no longer
I would not from you".

А слѣдующее мѣсто по характеру образовъ напоминаетъ Венеціанскаго купца:

Крессида: „Night hath been too brief".
Троилъ: „Beshrew the witch, with venomous wights she stays
As tediously as hell, but flies the grasps of love
With wings more momentary swift than thought".

Это мѣсто слѣдуетъ сравнить съ метафорами Граціано въ актѣ II, сц. 6 „Венеціанскаго купца". Намекъ на генія въ четвертой сценѣ

того же акта, стихъ 52, встрѣчается въ „Юліѣ Цезарѣ“, въ „Комедіи ошибокъ“ (актъ V, стихъ 383) и въ другихъ драмахъ.

Стихъ 58: „A woful Cressid' mongst the merry Greeks“ напоминаетъ актъ I, сц. 2, гдѣ Крессида говоритъ о Еленѣ: „Then she's a merry Greek indeed“.

Слѣдующее за тѣмъ мѣсто изъ Шекспировской драмы — актъ V, сц. 2, разговоръ Діомеда съ Крессидой написанъ въ раннемъ Шекспировскомъ стилѣ (ср. въ особенности монологъ Крессиды, стихи 107—112), но замѣчанія Троила, Улисса и Терсита прибавлены послѣ, хотя намъ еще не вполнѣ ясно: Марстономъ ли или Шекспиромъ.

Судя, однако, по словамъ Терсита, я думаю, что прибавленія сдѣланы Марстономъ. Въ слѣдующей сценѣ мы имѣемъ уже окончаніе драмы, какъ она первоначально распланирована Шекспиромъ (стихи 96 до конца—всего 16 стиховъ).

Такимъ образомъ мы видимъ, что часть драмы, отнесенная къ ранней Шекспировской работѣ, стоитъ въ связи съ драмами его молодыхъ лѣтъ. Вся характеристика дѣйствующихъ лицъ и особенности образнаго языка указываютъ на принадлежность драмы къ сравнительно раннему періоду. Драма упомянута какъ игранная труппою „the Lord Chamberlain's men“ въ 1602 г. Когда была сдѣлана эта запись, драма въ настоящемъ своемъ видѣ, очевидно, еще не существовала, а театральная ссора между Джонсономъ съ одной стороны и Марстономъ и Деккеромъ съ другой, уже прекратилась. Прегрѣшеніямъ нашихъ современныхъ издателей противъ Шекспира нѣтъ числа, и наша драма пострадала отъ нихъ въ сильной мѣрѣ. Они самовольно и безъ всякаго предупрежденія исключили изъ текста два стиха, которые въ фоліантѣ составляютъ первоначальное заключеніе драмы. Эти два стиха имѣютъ для насъ первостепенную важность, такъ какъ они доказываютъ, что безспорно тутъ-то и было первоначальное окончаніе. Послѣ словъ Троила: „But edifies another with her deeds“ въ фоліантѣ стоитъ: *Пандаръ*: „Why but heare you“. Троилъ отвѣчаетъ:

„Hence brother lackie ignomie and shame
Pursue thy life and live aye with thy name“.

Марстонъ поправилъ эти стихи и перенесъ ихъ въ актъ V, сц. 10, гдѣ они являются въ слѣдующемъ видѣ:

„Hence broker, lackie, ignomy and shame
Pursue thy life and live aye with thy name“.

Переходъ отъ „brother lackie“ къ „broker lackie“ доказываетъ,

что въ рукахъ у Марстона былъ экземпляръ первоначальной драмы и что онъ замѣтилъ ошибку „brother" вмѣсто „broker".

Однимъ изъ сильнѣйшихъ для насъ доводовъ является фактъ, который мы устанавливаемъ, а именно—что Шекспировскую драму дали другому автору для *окончанія*. Что до сихъ поръ не было замѣчено, это то, что бахвальство и напыщенность послѣднихъ семи сценъ, которыя побудили многихъ авторитетовъ признать эти сцены не Шекспировскими, присутствуютъ не въ нихъ однѣхъ, но и въ другихъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ Марстону. Гекторъ въ полномъ несогласіи съ приписаннымъ ему характеромъ хвастается напыщеннымъ языкомъ. Тѣмъ же грѣшатъ и Эней съ Діомедомъ, какъ мы увидимъ дальше. Если мы допустимъ присутствіе въ пятомъ актѣ работы второго автора, чего нельзя намъ избѣгнуть, то придется допустить его наличность и въ первыхъ четырехъ. Прежде чѣмъ покончить съ раннею Шекспировскою частью драмы, необходимо привести еще одинъ важный фактъ.

Повсюду въ ней мы встрѣчаемъ форму „Ilium" (названіе Трои), какъ писалъ Марло. Но въ работѣ другого автора мы вездѣ встрѣчаемъ форму „Ilion", и гдѣ только попадается эта форма, сцена оказывается позаимствованною у Какстона. Этой перемѣнѣ формы слѣдуетъ приписать большую важность въ рядѣ доказательствъ участія второго автора въ драмѣ. Всякій знакомый съ изслѣдованіями подобнаго рода знаетъ, что такія разницы не только въ формахъ, но и въ произношеніи собственныхъ именъ послужили орудіемъ для выдѣленія работы Флетчера изъ длиннаго ряда драмъ и для рѣшенія задачи, прежде считавшейся неразрѣшимою, — именно для отдѣленія соотвѣтственныхъ долей Бомонта, Флетчера и Массинджера отъ работы другихъ участниковъ въ этой серіи.

Что до сихъ поръ удалось доказать, это то, что выше разобранная часть драмы написана Шекспиромъ въ раннемъ его періодѣ. Она вѣроятно написана ранѣе Ромео и Джуліэтты. Теперь наша задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы доказать, что позже, вѣроятно около 1606 г., онъ взялся за передѣлку драмы и довелъ эту передѣлку до конца третьяго акта. Мы уже указали, на сколько языкъ и образность любовной интриги въ этой драмѣ соотвѣтствуютъ таковымъ же сторонамъ раннихъ драмъ Шекспира. Богатый мыслью языкъ Улиссовской фабулы и стремительность образовъ, переливающихся другъ въ друга съ головокружительной быстротою, также ярко характеризуютъ конецъ третьяго Шекспировскаго періода.

Актъ I, сцена 3 есть первая изъ этихъ позднѣйшихъ Шекспировскихъ сценъ. Ничего нельзя найти болѣе характернаго для Шекспира въ великихъ его трагедіяхъ, какъ слѣдующія слова Агамемнона въ началѣ этой сцены:

„Checks and disasters
Grow in the veins of actions highest reared,
As knots by the conflux of meeting sap
Infect the sound pine and divert his grain
Tortive and errant from his course of growth".

Невозможно не замѣтить разницы между этой картиной и картинами ранняго періода нашего поэта. Послѣднія пластичны и прозрачны, предназначены для глаза. Эта же картина наполнена мыслью въ высшей степени. Ибо тутъ мы не представляемъ себѣ великія дѣянія въ видѣ высокихъ сосенъ, въ которыхъ сучья сворачиваютъ волокна съ пути ихъ роста. Поэтъ уже болѣе не переводитъ свои мысли въ образы, изъ которыхъ намъ приходится дѣлать обратный выводъ о его мысляхъ, но какъ бы электрическимъ токомъ направляетъ послѣднія прямо въ насъ, безъ сложнаго механизма картины. Поэзія его стала менѣе картинною и болѣе драматическою. Никто не можетъ ни на одну минуту приписать такое мѣсто, какъ вышеприведенное, кому-либо другому кромѣ Шекспира, и при томъ Шекспира въ самомъ зрѣломъ періодѣ его развитія. Въ своемъ раннемъ періодѣ онъ остановился бы на помѣхахъ и бѣдствіяхъ, которымъ подвержено всякое героическое дѣяніе, какъ на подобіи сучьевъ у высокой сосны, которые сворачиваютъ волокна съ пути ихъ роста, и разработалъ бы эту картину во всѣхъ подробностяхъ.

Несторъ прерываетъ Агамемнона примѣненіемъ его словъ. Коріоланъ (актъ IV, сцена 1, стихъ 6) напоминаетъ своей матери, Волумніи, о томъ, что она, бывало, говорила ему:

„You were used
To say, extremity was the trier of spirits,
That common chances common men could bear;
That when the sea was calm all boats alike
Showed mastership in floating".

Слово „breese" въ вышеприведенномъ мѣстѣ встрѣчается также въ „Antony and Cleopatra" (актъ III, сцена 10):

„The breese upon her like a cow in gune
Hoist sails and flies".

Такія олицетворенія какъ „the ruffian Boreas" и „makes flexible the knees of knotted oaks" являются особенно характерными чертами поздней Шекспировской работы, то-есть Шекспира эпохи Гамлета или позже. У Марстона встрѣчается олицетвореніе подобное первому, прежде приписанное Шекспиру (актъ II, сцена 2):

„The seas and winds, old wranglers, took a truce".

Но Марстонъ употребляетъ олицетворенія такъ же смѣло, какъ и самъ Шекспиръ. Его олицетворенія, однако, носятъ болѣе комичный характеръ и немного у него такихъ, которыя можно бы смѣшать съ позднѣйшими Шекспировскими. Въ стихѣ 73 этой сцены мы встрѣчаемъ намекъ, единственный въ своемъ родѣ, на „Satiromastix" Деккера: „When rank Thersites opes his mastic jaws". Это мѣсто приводилось какъ доказательство, что Шекспиръ принималъ участіе въ вышеупомянутой театральной ссорѣ. На мой взглядъ оно скорѣе доказываетъ, что онъ такого участія не принималъ. Другого намека на нее нигдѣ у него не встрѣчается.

Рѣчь Улисса, слѣдующая за рѣчью Нестора, стоитъ въ тѣсной связи съ рѣчами Глостера и Эдмунда въ Лирѣ. актъ I, сцена 2. Всю эту рѣчь, слишкомъ длинную для цитированія, слѣдуетъ сравнить съ Лиромъ, начиная отъ словъ „but when the planets" до словъ „And the rude son should strike the father dead". Соотвѣтствующее мѣсто въ Лирѣ находится въ актѣ I, сцена 2, отъ стиха 112, въ особенности же „And the bond cracked between son and father". Эти два мѣста слѣдуетъ сравнивать не столько со стороны параллелизма въ выраженіяхъ, сколько какъ исходящія изъ одной и той же системы жизненной философіи. Слова Эдмунда являются словно прямымъ отвѣтомъ Улиссу. Онъ говоритъ:

„This is the excellent foppery of the world, that, when we are sick in fortune — often the surfeit of our own behaviour, — we make guilty of our disasters the sun, the moon and the stars, as if were villains by necessity, fools by heavenly compulsion". Марстонъ прибавилъ риемованное окончаніе къ рѣчи Улисса:

„To end a tale of length
Troy in our weakness stands, not in her strength".

Что это есть прибавленіе, явствуетъ изъ того, что оно лишь водянистое повтореніе только что сказаннаго Улиссомъ:

„And 'tis this fever that keeps Troy on foot
Not her own sinews".

Говорящій вслѣдъ за тѣмъ Несторъ подхватываетъ не слово „weakness", употребленное Марстономъ, а слово „fever":

„Most wisely has Ulysses here discovered
The fever whereof all our power is sick".

Тогда Агамемнонъ спрашиваетъ:

„The nature of the sickness found, Ulysses,
What is the remedy"?

Но Марстонъ не удовлетворился вливаніемъ этой капли воды въ Шекспировское вино. Слова отъ „What trumpet? Look, Menelaus" до „exeunt all but Ulysess and Nestor" (стихи 212 до 310, содержащіе вызовъ Гектора) принадлежатъ ему, какъ будетъ доказано при разборѣ его части драмы. Побужденіемъ Марстону вставить эти 98 стиховъ, вѣроятно, послужило то, что въ словахъ Улисса (стихи 321—323) онъ нашелъ намекъ на вызовъ, сдѣланный Гекторомъ, и не могъ воздержаться отъ искушенія распространиться о принесеніи вызова Энеемъ. Дальше мы увидимъ, что въ языкѣ этой вставки нѣтъ ничего Шекспировскаго. Въ концѣ сцены и акта встрѣчаются два риемованныхъ куплета:

„But, hit or miss,
Our project's life this shape of sense assumes:
Ajax employed plucks down Achilles' plumes".

и

„Two curs shall tame each other; pride alone
Must tarre the mastiffs on as 'twere their bone".

Эти два случая не такіе вопіющіе, какъ ранѣе приведенный въ концѣ рѣчи Улисса. Но первый изъ нихъ возбуждаетъ подозрѣніе потому, что снова повторяетъ разъ уже выраженную мысль. Второй же подозрителенъ по своей тривіальности. Правда, Шекспиръ пользуется риемами по временамъ даже и въ четвертомъ своемъ періодѣ. Но онъ пользуется ими скудно, и мы обыкновенно сразу видимъ, почему онъ ихъ употребилъ. Въ данномъ же случаѣ Несторъ и Улиссъ уже вполнѣ высказались и не нуждаются въ тривіальномъ, побрякивающемъ риемованномъ привѣскѣ. Второй актъ начинается сценой между Аяксомъ и Терситомъ, въ которой первый бьетъ второго, пока ему не мѣшаетъ появленіе Ахилла и Патрокла. Тутъ нѣтъ тѣхъ проблесковъ Шекспировскаго генія, которые обыкновенно озаряютъ его юмористическія сцены. У Терсита иногда бываютъ проблески

остроумія, но въ общемъ онъ только бранчливъ и циниченъ, особенно подъ конецъ драмы. Онъ говоритъ Ахиллу (стихъ 108): „A great deal of your wit, too, lies in your sinews, or else there be liars". Есть параллельное мѣсто въ драмѣ Марстона „The Dutch Courtesan" (изданіе Halliwell'a, томъ II, стр. 129), гдѣ Кокльдемой говоритъ Фревилю: „Much à your worship's brayne lyes in your calves". Драма Марстона вышла въ свѣтъ въ 1605 г. Такимъ образомъ исключается всякая мысль о томъ, что онъ могъ позаимствовать эту остроту изъ Троила и Крессиды. Въ общемъ также вѣроятно, что эта сцена написана имъ, какъ и Шекспиромъ. Во всякомъ случаѣ руку Марстона можно прослѣдить отъ стиха 132 до конца сцены и во всей второй сценѣ акта II. Актъ II, сц. 3, начинается размышленіями Терсита объ испытанныхъ имъ побояхъ. Такъ какъ остальная часть сцены написана Шекспиромъ, то вѣроятно и эта часть принадлежитъ ему же. Встрѣчается намекъ на сцену ссоры въ Юліѣ Цезарѣ. Несторъ говоритъ: „What moves Ajax thus to bay at him". Съ другой стороны Терситъ говоритъ: „Now the dry serpigo on the subject!" Слово „serpigo" встрѣчается у Марстона въ его драмахъ „The Fawn" (стр. 78), „The Malcontent" (стр. 230) и „The Dutch Courtesan" (стр. 128). Слова Агамемнона: „Your mind is the clearer, Ajax" имѣютъ ту же связь, какъ и слова Ахилла въ концѣ акта III. Слова: „He that is proud eats up himself: pride is his own glass, his own trumpet, his own chronicle and whatever praises itself but in the deed devours the deed in the praise" носятъ на себѣ несомнѣнную печать позднѣйшей Шекспировской работы, что становится еще болѣе яснымъ изъ нижеслѣдующихъ ссылокъ:

Антоній и Клеопатра, актъ III, сц. 13, стихъ 199:

„When valour preys on reason
It eats the sword it fights with".

Коріоланъ, актъ IV, сц. 3, стихъ 50:

„Anger's my meat, I sup upon myself
And so shall starve with feeding".

Антоній и Клеопатра, актъ II, сц. 2, ст. 241:

„Other women cloy
The appetites they feed; but she makes hungry
Where most she satisfies".

Периклъ, актъ V, сц. 1:

„In pace another Juno

Who starves the ears she feeds and makes them hungry
The more she gives them speech".

Объ Аяксѣ Несторъ говоритъ (стихъ 242): „He is not emulous as Achilles is". Тутъ есть параллель Юлію Цезарю. Слова Улисса: „The hart Achilles keeps thicket" принадлежитъ къ группѣ охотничьихъ и сокольничьихъ выраженій, очень часто встрѣчающихся у Шекспира. Онѣ чрезвычайно обстоятельно и интересно разобраны въ недавно изданной книгѣ: „The Diary of Master William Silence" by the Right Hon D. H. Madden, Vice-Chancellor of the University of Dublin, изданіе фирмы „Longmans, Green and C°, 39 Paternoster Row London", 1897.

Прежде чѣмъ покончить съ этой сценой, слѣдуетъ замѣтить, что слова Терсита въ мѣстѣ, которое онъ называетъ своею молитвою (начало сцены): „I have said my prayers and devil Envy say Amen" приводились въ подтвержденіе того, что Шекспиръ будто бы намекалъ на Прологъ Джонсона. Они, однако, такъ же мало относятся къ Джонсону, какъ и Апемантова молитва передъ обѣдомъ въ Тимонѣ Аѳинскомъ. Завистливость Терсита упоминается и Ахилломъ и Патрокломъ. Какъ Шекспиръ, такъ и Марстонъ выставляютъ зависть характерной его чертой. Да и въ другихъ мѣстахъ Терситъ никогда не стѣсняется сознаваться въ своихъ дурныхъ качествахъ. Нѣтъ и слѣда какого-либо намека на Джонсона.

Слѣдующее мѣсто поздней Шекспировской работы—актъ III, сц. 3. Сперва я колебался относительно принадлежности первыхъ 37 стиховъ, но наконецъ пришелъ къ заключенію, что они принадлежатъ Шекспиру. Слова Калхаса:

„You have a Trojan prisoner, called Antenor
Yesterday took"

указываютъ на продолженіе военныхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ Марстонъ говоритъ о шести-мѣсячномъ перемиріи, предшествовавшемъ вызову Гектора. Если осталась какая-либо связь между сценами первой и третьей, то „вчера" означаетъ день, въ который Пандаръ посѣтилъ Париса, чтобы просить его извиниться передъ Пріамомъ за отсутствіе Троила на ужинѣ. Въ этотъ день и Парисъ и Троилъ не участвовали въ битвѣ. Единоборство должно произойти на другой день, два дня послѣ плѣненія Антенора. Въ стихѣ 41 мы имѣемъ чрезвычайно интересное мѣсто, не оставляющее ни малѣйшаго сомнѣнія, что Троилъ и Крессида переработана уже послѣ Короля Лира.

Совѣтъ Улисса греческимъ вождямъ какъ относиться къ Ахиллу: „Lay negligent and loose regard upon him“, буквально то же самое, что говоритъ Гонерилья Освальду объ обхожденіи съ Лиромъ (актъ I, сц. 2, ст. 12):

„Put on what weary negligence you please,
You and your fellows“.

Въ этой сценѣ встрѣчается еще нѣсколько мѣстъ характерной Шекспировской работы поздняго періода. Улиссъ входитъ, читая книгу. Сравни Гамлета, актъ II, сц. 2, стихъ 170 и далѣе. Затѣмъ стихъ 145 „Time hath, my lord, a wallet at his back

„Wherein he puts alms for oblivion“.

Этотъ образъ, подобно многимъ другимъ Шекспировскимъ, очевидно, взятъ изъ книги эмблемъ.

Слѣдующее мѣсто даетъ намъ случай еще разъ сравнить образы, употребляемые Шекспиромъ и Марстономъ. Говоря о провидѣніи, кроющемся въ состояніи бдительности, Улиссъ замѣчаетъ, что оно:

„Keeps place with thought and almost, like the gods,
Does thoughts unveil in their dumb cradles“.

„Keep place with“ — сокольничье выраженіе, означающее „держаться на одной высотѣ“. Образъ Марстона (т. I вышеназваннаго изданія, стр. 74):

„Stroke not the head
Of infant speech till it be duly born“.

Едва ли можно смѣшать такой образъ съ Шекспировскимъ. Очень характерно также и обращеніе Патрокла къ Ахиллесу (стихъ 222). Ли Хунтъ (Leigh Hunt) привелъ это мѣсто въ качествѣ иллюстраціи къ его опредѣленіямъ „фантазіи и воображенія“.

Затѣмъ (стихъ 237) Ахиллесъ говоритъ:

„I have a woman's longing
An appetite that I am sick withal
To see great Hector in his weeds of peace“.

Это желаніе опять упоминается въ актѣ IV, сц. 5, ст. 153. Въ заключительныхъ словахъ Ахиллеса встрѣчается намекъ на Укрощеніе Строптивой. Онъ говоритъ:

„My mind is troubled like a fountain stirred,
And I myself see not the bottom of it“.

Въ Укрощеніи Строптивой (актъ V, ст. 2, ст. 142):

„A woman stirred is like a fountain troubled“.

Послѣдній стихъ Улиссовой рѣчи (ст. 214):

„The fool slides o'er the ice that you should break“

относится къ случаю, упомянутому въ „Nest-of Ninnies“ Арнима (стран. 37, 38).

Halliwell Phillips упоминаетъ три изданія книги Арнима „Nest of Ninnies“ (1600, 1605, и 1608 гг.), въ каждомъ изъ которыхъ вышеприведенный разсказъ является почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Отсюда нельзя де вывести заключенія о годѣ, къ которому принадлежитъ позднѣйшая работа Шекспира надъ этой драмой. Если онъ не узналъ о вышеназванномъ случаѣ въ разговорѣ, то, вѣроятно, онъ его прочелъ въ изданіи 1605 года. Арнимъ былъ еще живъ и игралъ на сценѣ въ 1611 г. Онъ умеръ, вѣроятно, между 1611 и 1615 гг. Послѣ оставленія службы у лорда Чандоса въ 1602 г., онъ, вѣроятно, вступилъ въ труппу Lord Chamberlain'a. Имя его встрѣчается на предпослѣднемъ мѣстѣ въ спискѣ актеровъ Королевской труппы въ 1603 г.

Акт. III, сц. 3 безусловно принадлежитъ Шекспиру, а также, вѣроятно, и сцена между Терситомъ, Ахилломъ и Патрокломъ. Въ ней встрѣчается намекъ на Юлія Цезаря. Терситъ говоритъ объ Аяксѣ: „he bites his lip as who would say: „There were wit in this head an'twould out'. and so there is, but it lies as coldly in him as fire in a flint, which will not show without knocking“.

Съ актомъ III кончается позднѣйшая работа Шекспира надъ этой драмой. Быть можетъ, онъ набросалъ также и роль Терсита въ четвертомъ актѣ и вставочныя замѣчанія Троила и Улисса во второй сценѣ пятаго акта. Но для этого у насъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Вся же остальная часть драмы принадлежитъ Марстону.

Уже выяснено, что онъ написалъ прологъ; была также рѣчь о двѣнадцати стихахъ, вставленныхъ имъ въ концѣ акта I, сц. 1, и о путаницѣ, происшедшей отъ этой вставки. Также было отмѣчено, что стихи 213 — 310 въ актѣ I, сц. 3 вставлены Марстономъ, при чемъ цитировано мѣсто о долгомъ и скучномъ перемиріи. Остается теперь доказать, что слогъ болѣе Марстоновскій, чѣмъ Шекспировскій. Пока у Марстона подъ рукой имѣется для руководства позднѣйшая Шекспировская работа, онъ не особенно еще

поддается своей наклонности къ напыщенности. Сравни обращеніе Энея къ своему трубачу въ стихѣ 58 съ обращеніемъ Аякса къ своему трубачу передъ единоборствомъ съ Гекторомъ. Эней говоритъ:

„Trumpet, blow loud,
Send thy brass voice through all these lazy tents;
And every Greek of mettle, let him know
What Troy means fairly shall be spoke aloud".

Это уже олицетворенная скромность въ сравненіи съ вторымъ мѣстомъ. Въ этой вставкѣ Марстона встрѣчается не менѣе 14 риемъ, между тѣмъ какъ въ двухъ мѣстахъ позднѣйшей Шекспировской работы совсѣмъ нѣтъ, по моему мнѣнію, риемъ; во всякомъ же случаѣ онѣ встрѣчаются лишь въ концѣ.

Совсѣмъ въ духѣ Марстона, подъ сильнымъ вліяніемъ Шекспира, является слѣдующее мѣсто:

„That loves his mistress more than in confession
With truant vows to her own lips he loves,
And dare avow her beauty and her worth
In other arms than hers".

Такой образъ Шекспиръ могъ бы употребить въ періодѣ драмы „Love's Labor's Lost", но едва ли въ 1606 г.

Далѣе Несторъ говоритъ: „I'll hide my silver beard in a gold beaver". Эти мѣста, вмѣстѣ съ 14 риемованными стихами и позаимствованнымъ у Какстона упоминаніемъ о шестимѣсячномъ перемиріи, указываютъ, что эта вставка принадлежитъ не Шекспиру.

Слѣдующая сцена, съ которой намъ приходится имѣть дѣло — актъ II, сц. 2. За неимѣніемъ достаточныхъ доказательствъ намъ пришлось оставить вопросъ о первой сценѣ акта II нерѣшеннымъ. Но тутъ все совершенно ясно принадлежитъ Марстону. Въ стихѣ 109 встрѣчается форма „Ilion"; во всѣхъ 213 стихахъ этой сцены имѣется всего восемь риемъ, число очень не большое для Марстона, но слишкомъ большое для конца третьяго Шекспировскаго періода. Стихъ:

„The seas and winds, old wranglers, took a truce"

былъ уже цитированъ. Марстонъ подражаетъ Марло въ прославленіи Троиломъ красоты Елены:

„He brought a Grecian queen whose youth and freshness
Wrinkles Apollo's"

и

„She is a pearl
Whose price hath launched aboye a thousand ships
And turned crowned Kings to merchants".

Первое мѣсто имѣетъ безспорное сходство съ картиной, ранѣе приведенной изъ „Antonio and Mellida" — „in wrinkle of his brow", но въ части „Histriomastix", написанной Марстономъ мы встрѣчаемъ еще болѣе близкую параллель ему въ мѣстѣ характерномъ для Марстона. Это-то и есть тонъ свойственный Марстону, пока онъ слѣдуетъ своимъ собственнымъ инстинктамъ. Онъ былъ способенъ на лучшее, но оно таилось въ немъ, какъ искра въ кремнѣ; оно не показывалось безъ удара, какъ сказалъ Терситъ объ остроуміи Аякса. Джонсонъ далъ ему необходимый толчекъ, и Марстонъ сразу занялъ свое надлежащее мѣсто,—очень приличное, если и не изъ первыхъ,— среди современниковъ Шекспира. Мѣсто изъ Марло, которое было у Марстона на умѣ, когда онъ написалъ второе извлеченіе, встрѣчается въ Фаустѣ, актъ V, сц. 3:

„Was this the face that launched a thousand ships
And burnt the topless towers of Ilium"!

Начиная со стиха 165, мы имѣемъ мѣсто, вызвавшее у остроумныхъ бэконіанцевъ вопль торжества. Въ обсужденіи троянцами вопроса о возвращеніи Елены и прекращеніи войны Парисъ и Троилъ стоятъ на томъ, чтобы ея не выдавать. Гекторъ такъ основательно разбиваетъ ихъ слабые доводы, что мы воображаемъ, что онъ говоритъ серьезно. Вотъ его слова:

„Paris and Troilus, you have both said well
And on the cause and question now in hand
Have glozed, but superficially; not much
Unlike young men whom Aristotle thought
Unfit to hear moral philosophy".

Это мѣсто цѣликомъ взято изъ Бэконовскаго „Advancement of Learning", книга вторая, изданная въ 1605 г., гдѣ мѣсто это встрѣчается въ слѣдующемъ видѣ: „Is not the opinion of Aristotle worthy to be regarded where he saith that young men are not fit auditors of moral philosophy". Что же можетъ быть яснѣе этого!.. Ясно, что тутъ Бэконъ выглядываетъ изъ подъ Шекспировской маски и показывается своимъ восторженнымъ почитателямъ девятнадцатаго столѣтія въ роли автора безсмертныхъ драмъ, приписываемыхъ другому. „Великій" Донелли, съ своею великою криптограммою, значитъ, не

былъ уличенный поддѣлыватель, но, какъ полагалъ умилявшійся передъ нимъ Э. Борманъ, былъ достоинъ подражанія во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и цѣны его книги (слѣдуетъ замѣтить — очень значительной). Что же теперь скажутъ всѣ эти господа, когда становится яснымъ, какъ бѣлый день, что тутъ не Бэконъ сбрасываетъ на мгновеніе маску Шекспира, а просто Марстонъ въ образѣ Терсита смѣется надъ ихъ глупостью. Но бэконіанца не такъ-то легко сконфузить. Допуская, что мѣсто это написано Марстономъ, онъ просто перемѣнитъ имена и скажетъ: „тутъ на мгновеніе Бэконъ сбросилъ маску Марстона". Да онъ и долженъ прибѣгнуть къ этому пріему, такъ какъ у Марстона встрѣчается другое Аристотелевское мѣсто во второй части „Antonio and Mellida". На стр. 112 перваго тома мы читаемъ: „I have read Aristotle's Problems which saith (!) that woman receiveth perfection by the man". Мы могли бы удовлетвориться этимъ мѣстомъ въ качествѣ новаго звена въ цѣпи доказательствъ того, что Марстонъ написалъ часть Троила и Крессиды. Но бэконіанцамъ слѣдуетъ еще больше поработать. Они должны перечитать всего Бэкона, пока не найдутъ этого второго мѣста, и тогда они могутъ торжествующе провозгласить, что Бэконъ написалъ не только всѣ Шекспировскія драмы, но и всѣ Марстоновскія.

Относительно этой сцены (актъ II, сц. 2) я имѣю добавить только то, что Гекторъ является здѣсь въ почти совершенно непонятномъ освѣщеніи. Онъ говоритъ такъ энергично въ пользу выдачи Елены и прекращенія войны, что мы не сомнѣваемся въ его искренности. Въ сравненіи съ его словами доводы Троила и Париса кажутся рѣчами поверхностныхъ юношей. Каково же наше изумленіе, когда къ концу сцены мы находимъ, что онъ все время „пускалъ фейерверкъ", что онъ человѣкъ еще болѣе поверхностный, чѣмъ его младшіе братья. Что изъ-за нелѣпаго испано-французскаго понятія о чести онъ согласенъ, чтобы тысячи невзгодъ, обременявшихъ его родину, продолжали ее обременять, потому что онъ придерживается мнѣнія своего брата-верхогляда Троила и, выражаясь словами послѣдняго:

„would not lose
So rich advantage of a promised glory
As smiles upon the forehead of this action
For the wide world's revenue".

Его не остановитъ даже гибель родины и династіи. Какое слабое заключеніе! Читая эту сцену, мы какъ будто видимъ лицо Терсита— Марстона, насмѣхающееся надъ нашимъ разочарованіемъ и отвраще-

ніемъ. Но предстоитъ нѣчто еще худшее. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что такое представляетъ собою самая плохая работа Марстона, я посовѣтовалъ бы моимъ читателямъ прочесть въ драмѣ „Antonio and Mellida“ описаніе убійства невиннаго ребенка Джуліо Антоніемъ, искренно влюбленнымъ въ сестру своей жертвы. Позже я приведу отсюда цитату, такъ какъ она необходима для освѣщенія единоборства Гектора съ Аяксомъ.

Слѣдующая сцена, съ которою намъ приходится имѣть дѣло — актъ IV сц. 1. Въ стихѣ 11 встрѣчается новый намекъ на перемиріе. Эней говоритъ: „During all question of the gentle truce“. Хвастливыя рѣчи Діомеда и Энея, когда они говорятъ, какъ поступятъ другъ съ другомъ при слѣдующей встрѣчѣ на полѣ битвы,—отличаются тономъ совсѣмъ Марстоновскимъ, но абсолютно не Шекспировскимъ. Діомедъ объявляетъ свое намѣреніе охотиться на Энея, а Эней отвѣчаетъ: „And thou shalt hunt a lion that will fly with his face backward“. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„By Venus' hand I swear
No man alive can love in such a sort
The thing he means to kill more excellently“.

А Діомедъ говоритъ:

„We sympathise, gove, let Aeneas live,
If to my sword his fate be not the glory,
A thousand complete courses of the sun,
But in mine emulous honour let him die,
With every joint a wound and that to — morrow“.

Верхоглядъ же Парисъ замѣчаетъ:

„This is the most despiteful gentle greeting,
The noblest hateful love, that e'er I heard of“.

Это напоминаетъ слова Клеандра въ драмѣ Массинджера „The Lovers' Progress“, актъ I, сц. 2, послѣ того какъ Олинда объявила, что любитъ Кларанже и Лидіана одинаково и не можетъ сдѣлать выбора между ними:

„The strangest love I ever heard“.

Можно ли приписать такую эквилибристику Шекспиру? Въ трехъ мѣстахъ въ этой сценѣ Марстонъ, по свойственнымъ ему пріемамъ, впадаетъ въ риемы.

Слѣдующая, принадлежащая Марстону сцена — актъ IV, сц. 4,

начиная отъ выхода на сцену Энея. Въ стихѣ 11 Марстонъ заявляетъ о себѣ употребленіемъ формы „Ilion". Шесть риемованныхъ стиховъ разбросаны по этой сценѣ, не считая заключительнаго куплета. Слѣдующая сцена также, на нашъ взглядъ, принадлежитъ Марстону. Когда мы говорили объ актѣ I, сц. 3, было обращено вниманіе на сравнительно скромный тонъ Энея въ приказѣ, данномъ своему трубачу. Сравните это мѣсто со слѣдующими трескучими фразами:

Agamemnon: „Give with thy trumpet a loud note to Troy,
Thou dreadful Ajax: that the appalled air
May pierce the head of the great combatant
And hale him hither".
Ajax: „Thou trumpet, there's my purse.
Now crack thy lungs, and split thy brazen pipe:
Blow villain, till thy sphered bias cheek
Outswell the colic of puffed Aquilon
Come, stretch thy chest and let thy eyes spout blood
Thou blow'st for Hector".

Пока у Марстона подъ рукой есть, для руководства, работа Шекспира, онъ не впадаетъ въ какую-либо особенную напыщенность, но когда его болѣе уже не поддерживаетъ рука послѣдняго, онъ снова впадаетъ въ свой прежній тонъ.

Въ словахъ Улисса, при видѣ приближающагося Діомеда, предполагаютъ намекъ на походку актера, игравшаго роль послѣдняго:

„He rises on the toe; that spirit of his
In aspiration lifts him from the earth".

Когда Діомедъ входитъ съ Крессидой, наступаетъ извѣстная сцена цѣлованія. Она написана преимущественно риемами и представляетъ собою лучшую работу Марстона. Въ стихѣ 112 мы опять встрѣчаемъ форму „Ilion". Данная Улиссомъ характеристика Троила соотвѣтствуетъ тому, что позже Троилъ говоритъ Гектору въ актѣ IV, сц. 3, ст. 37. Улиссъ говоритъ о Троилѣ:

„But he, in heat of action
Is more vindicative than jealous love".

Троилъ говоритъ Гектору:

„Brother, you have a vice of mercy in you
Which better fits a lion than a man".

Мы раньше уже видѣли, какъ Гекторъ произноситъ крикливую рѣчь. Теперь же, въ своемъ обращеніи къ Аяксу (ст. 124) онъ впадаетъ въ тотъ же хвастливый тонъ, какъ и Эней съ Діомедомъ.

Онъ говоритъ Аяксу:

„Were thy commixtion Greek and Trojan so
That thou couldst say this hand is Grecian all,
And this is Trojan, the sinews of this leg
All Greek, and this all Troy; my mother's blood
Runs on the dexter cheek and this sinister
Bounds in my father's, by jove multipotent
Thou shouldst not bear from me a Greekish member
Wherein my sword had not incision made
Of our rank feud".

И этого-то хвастуна Эней прямо называетъ скромнымъ (сц. 5, стихи 77 — 86)! Мысль объ отдѣленіи членовъ Аякса, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца, отъ членовъ, унаслѣдованныхъ отъ матери, встрѣчается у Марстона въ „Antonio and Mellida", стр. 110. У Антоніо находится въ рукахъ Джуліо, сынъ его врага Піеро, и онъ рѣшается его убить:

„O that I knew which joint, which side, which limb,
Were father all and had no mother in't,
That I might rip it vein by vein and carve revenge
In bleeding races; but since'tis mixt together
Have at adventure, pell-mell, no reverse".

Въ противоположность Гектору, онъ убиваетъ несчастнаго мальчика, брата любимой имъ Мелиды, въ одной изъ самыхъ гнусныхъ сценъ нашей старой драмы.

Въ стихѣ 152 мы находимъ:

„Great Achilles
Doth long to see unarm'd the valiant Hector".

Это желаніе Ахилла видѣть Гектора было уже упомянуто въ разборѣ Шекспировской работы подъ конецъ третьяго акта.—Форма „Ilion" опять встрѣчается въ ст. 216.

Въ стихахъ 230—260 мы находимъ такое же безсмысленное хвастовство со стороны Ахилла, какъ и ранѣе въ устахъ Энея, Діомеда и Гектора. На этотъ разъ Гекторъ начинаетъ сознавать глупость своего бахвальства, такъ какъ говоритъ (ст. 257):

„You wisest Grecians, pardon me this brag;
His (i. e. Achilles') insolence draws folly from my lips,
But I'll endeavour deeds to match these words".

Послѣдніе 18 стиховъ, въ которыхъ Троилъ проситъ Улисса указать ему мѣстопребываніе Калхаса, можетъ быть, принадлежатъ ранней Шекспировской части. Они напоминаютъ его манеру. Напримѣръ:

„There Diomed doth feast with him to-night:
Who neither looks upon the heaven nor earth
But gives all gaze and bent of amorous view
On the fair Cressid".

Но опредѣленныхъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе этого предположенія не имѣется.

Склонность къ трескучимъ фразамъ, которая такъ бурно проявилась въ актѣ IV, выражается еще сильнѣе въ актѣ V. Терситъ становится просто грязнымъ, ругающимся циникомъ. Остроуміе его исчезло. Ахиллъ, который въ актѣ II, сц. 3, называетъ его „my cheese", „my digestion", теперь не находитъ для него лучшаго названія какъ „thou core of envy", „thou crusty batch of nature", а Патроклъ называетъ его „thou damnable box of envy". Сдѣланный имъ намекъ, когда онъ называетъ Патрокла „male varlet" Ахилла, если бы принадлежалъ Шекспиру, то былъ бы единственнымъ намекомъ во всѣхъ его твореніяхъ на противоестественный порокъ, который такъ свободно комментировался его современниками. Флей (Fleay) высказалъ предположеніе, что въ актѣ V, сц. 2, разговоръ между Діомедомъ и Крессидой можетъ быть ранней Шекспировской работой, а замѣчанія слушателей прибавлены позже. Впечатлѣніе ранней Шекспировской работы производятъ заключительные риемованные стихи Крессиды. Въ слѣдующей сценѣ съ Гекторомъ опять дѣлается припадокъ бахвальства (актъ V, сц. 3, ст. 92):

„Go in and cheer the town; we'll forth and fight
Do deeds worth praise and tell you them at night".

Какъ ранѣе уже указано, стихи 97 и проч. до конца этой сцены составляютъ первоначальное заключеніе этой драмы. Послѣ этого все принадлежитъ Марстону. Подъ его перомъ Терситъ становится все болѣе и болѣе отвратительнымъ, Гекторъ смѣшнѣе, а Ахиллъ презрѣннѣе, между тѣмъ какъ хвастливый Аяксъ „реветъ громче своей же трубы". Онъ „outswells the colic of puffed Aquilon", выкрикивая вызовъ Троилу, убившему одного изъ его друзей. Агамемнонъ же совершенно утрачиваетъ слѣды присущаго ему достоинства, см. актъ V, сц. 5.

Эти 17 звучныхъ именъ вмѣстѣ съ именами въ прологѣ взяты

непосредственно у Какстона (Деліусъ неправильно говоритъ, что онѣ взяты у Лидгэта). Онѣ находятся въ полной гармоніи съ напыщенностью Марстона. Для него безразлично, что тутъ мы впервые узнаемъ о большинствѣ изъ нихъ.

Въ шестой сценѣ Ахиллъ, при встрѣчѣ съ Гекторомъ говоритъ:

„Now do I see thee, ha! have at thee Hector".

Гекторъ, уставшій отъ боя, говоритъ: „Pause, if thou wilt". Ахиллъ объявляетъ, что онъ презираетъ любезность гордаго троянца, которую онъ однако принимаетъ. Гекторъ, нагнавъ и умертвивъ роскошно вооруженнаго грека, вкладываетъ мечъ въ ножны, со словами:

„Now is my day's work done, I'll take good breath,
Rest sword, thou hast thy fill of blood and death".

Между тѣмъ Ахиллъ созвалъ своихъ Мирмидоновъ, съ которыми онъ и возвращается. Онъ приказываетъ имъ окружить Гектора и пронзить его своимъ оружіемъ. Гекторъ замѣчаетъ: „I am unarmed, forego this vantage, Greek". Но, по приказанію Ахилла, Мирмидоны убиваютъ Гектора и затѣмъ громко кричатъ, что его убилъ Ахиллъ. Можетъ быть, именно изъ-за этой сцены большинство шекспиристовъ отказывалось видѣть руку Шекспира дальше третьей сцены пятаго акта. Ахиллъ здѣсь ведетъ себя такъ низко, что вполнѣ заслуживаетъ упрекъ Троила: „Thou great—sized coward". Единственное выдержанное лицо въ этихъ заключительныхъ сценахъ есть Троилъ. Выше было приведено два глупыхъ куплета изъ роли Гектора. Послѣ смерти Гектора въ роли Ахилла встрѣчается куплетъ еще болѣе безвкусный и смѣшной, если только это возможно,—актъ V, сц. 8, стихи 19—20:

„My half-supped sword, that frankly would have fed
Pleased with this dainty bit thus goes to bed".

Въ Макбетѣ (актъ V, сц. 7) Макдуффъ говоритъ:

„Either thou, Macbeth,
Or else my sword with an unbattered edge
I sheathe again, undeeded".

Вообще эти сцены производятъ впечатлѣніе полнаго упадка. Что, однако, до сихъ поръ не было замѣчено, это то, что явные симптомы этого упадка появляются въ марстоновскихъ частяхъ первыхъ актовъ. Марстонъ могъ бы прекрасно сказать словами собственнаго его Піеро во второй части „Antonio and Mellida":

„I scarce can coop triumphant vengeance up
From breaking forth in braggart passion".

Но, къ несчастію, въ данномъ случаѣ „хвастливою страстностью" прорвалась не одна только „торжествующая месть".

Если отбросить, какъ предлагаютъ всѣ первостепенные авторитеты, послѣднія семь сценъ драмы, то намъ необходимо будетъ выбросить также все, что имѣетъ своимъ источникомъ Какстона. Если бы у насъ имѣлось изданіе, подобное изданію Перикла, выпущенному „New Shakspere Society", съ исключеніемъ всѣхъ постороннихъ прибавокъ, вышеприведенныя свидѣтельства и доводы имѣли бы гораздо болѣе вѣса. Марстонъ заслуживаетъ, чтобы его лучше знали. Очень хорошая статья о немъ появилась въ 1899 г. въ изданіи покойнаго профессора Кельбинга (Kölbing) — „Forschungen zur Englischen Sprache und Litteratur", Heft I. „The Stage Quarrel between Ben Jonson and the so-called Poetasters", by Roscoe Addison Small.

Въ „Englische Studien" Кельбинга имѣются также двѣ очень полезныя статьи о Марстонѣ (т. XX, Heft 3 и т. XXI, Heft 1). Эти статьи вышли на нѣмецкомъ языкѣ, книга же Small'а на англійскомъ.

Годомъ написанія Троила и Крессиды я опредѣлилъ 1606 годъ.

Драма эта написана ранѣе Цимбелина, такъ какъ въ послѣдней драмѣ мы встрѣчаемъ слова:

„Thersites' body is as good as Ajax:
When neither is alive".

Ссылка на Аристотеля, взятая изъ Бэконовскаго „Advancement of Learning", изданнаго въ 1605 г., даетъ намъ другую дату опредѣленія времени написанія Троила и Крессиды. Можно замѣтить, что та же ссылка встрѣчается въ „Валентиніанѣ" Флетчера, актъ I, сц. 1, написанномъ до 1619 г.:

„And, as the tutor to great Alexander
Would say, a young man should not dare to read
His moral books till after five and twenty".

„Троилъ и Крессида" дважды издана in quarto въ 1609 г.

Такъ какъ въ Периклѣ (1607 г.) появилась большая перемѣна въ метрической системѣ Шекспира, не наблюдающаяся въ Троилѣ и Крессидѣ, то намъ можетъ быть позволено отнести послѣднюю драму къ 1606 г. Перемѣна въ метрикѣ, усматриваемая въ Периклѣ, заключается въ введеніи стиховъ, оканчивающихся вспомогательнымъ глаголомъ, стоящимъ въ связи съ главнымъ глаголомъ въ слѣдующемъ стихѣ

или оканчивающихся членомъ, или мѣстоименіемъ (легкое окончаніе) или предлогомъ или союзомъ (слабое окончаніе). Единственное различіе между метрикою Шекспира въ 1606 г. и метрикою Марстона заключается въ пристрастіи послѣдняго къ риѳмамъ, разбросаннымъ среди его бѣлыхъ стиховъ. Въ драмѣ „Malcontent“ мы встрѣчаемъ 136 риѳмованныхъ стиховъ такимъ образомъ разбросанныхъ. Метрическое изслѣдованіе Троила и Крессиды, если только мы не раздѣлимъ драму на три части—ранней Шекспировской, поздней—Шекспировской и Марстоновской работы, не привело бы ни къ чему. Но есть одна сцена, въ которой мы имѣемъ поздняго Шекспира вмѣстѣ съ Марстономъ—актъ I, сц. 3. Въ первыхъ 212 стихахъ мы встрѣчаемъ 37 стиховъ съ добавочнымъ конечнымъ слогомъ (17%) и 40 стиховъ „enjambé“ (19%), что вполнѣ соотвѣтствуетъ процентнымъ отношеніямъ въ Шекспировскихъ трагедіяхъ. Если мы примемъ въ расчетъ заключительный куплетъ Улиссовой рѣчи, у насъ получится нѣсколько менѣе 1% риѳмъ. Стихи 213—310 (98 стиховъ), которые для удобства можно принять за сто, содержатъ 14 съ добавочнымъ заключительнымъ слогомъ и три „enjambé“. Но въ нихъ встрѣчается не менѣе 14 риѳмованныхъ стиховъ. Метрика здѣсь, очевидно, носитъ совсѣмъ другой характеръ. Въ остальныхъ 80 стихахъ этой сцены у Шекспира оказывается 11 добавочныхъ заключительныхъ стиховъ и 11 „enjambé“. Четыре риѳмованныхъ куплета я считаю вставками. Въ актѣ II, сц. 2 у Марстона 213 стиховъ, изъ коихъ имѣется 46 съ добавочнымъ слогомъ и 36 „enjambé“. Но опять-таки тутъ есть 10 риѳмованныхъ стиховъ. Очевидно, значитъ, что по отношенію къ метрикѣ единственный вѣрный критерій для раздѣленія работы двухъ авторовъ состоитъ въ риѳмахъ, которыми Марстонъ пользуется въ изобиліи, а Шекспиръ, въ третьемъ своемъ періодѣ— лишь скудно.

Риѳмы не представляютъ критерія для отдѣленія ранней работы Шекспира отъ Марстоновской. Но къ счастью источникъ, которымъ пользовался послѣдній, вполнѣ достаточенъ, чтобы выдать его участье. Шекспиръ Какстономъ не пользуется. Гдѣ только мы встрѣчаемъ позаимствованіе изъ послѣдняго, мы можемъ быть увѣрены, что сцена, или, по крайней мѣрѣ, данное мѣсто принадлежитъ Марстону. Предположеніе, сдѣланное въ особенности по отношенію къ сценѣ цѣлованія, что Шекспиръ нарочно написалъ ее риѳмами, въ манерѣ своего перваго періода и что онъ заставляетъ Троила употреблять Ромеовскіе образы потому, что такіе образы были необходимы для ха-

рактеристики любви между Троиломъ и Крессидой, совершенно лишено основанія. Ни одинъ поэтъ, рисуя картину любви, не отступаетъ къ болѣе раннему періоду своего развитія для того, чтобы изобразить эту страсть такъ, какъ онъ сдѣлалъ бы это за много лѣтъ раньше. Также не станетъ онъ для этого мѣнять своей метрики. Бѣлые стихи—это такой инструментъ, который въ рукахъ Шекспира способенъ былъ выразить безконечное разнообразіе тона. Онъ не нуждался въ побрякивающихъ риемахъ для выраженія того, что онъ могъ сказать по меньшей мѣрѣ такъ же хорошо безъ ихъ содѣйствія, такъ что мы можемъ съ увѣренностью сказать, что гдѣ въ нашей драмѣ такія риемы встрѣчаются въ изобиліи въ сценѣ, относящейся къ позднему періоду (какъ, напримѣръ, въ сценѣ цѣлованія), авторомъ ея былъ не Шекспиръ, а Марстонъ.

Интересное свидѣтельство, что любовная интрига этой драмы была хорошо извѣстна задолго до появленія какого-либо изданія *in-quarto*, встрѣчается въ драмѣ „Westward Ho!“ въ части, принадлежащей Деккеру, актъ V, сц. 3:

> „No remedy, trusty Troilus, and it grieves me as
> much that you'll want your false Cressida
> to night, for here's no Sir Pandarus to usher you into
> your chamber“.

„Westward Ho!“ появилась на сценѣ въ Рождество 1604 г. До выхода въ свѣтъ изданій in-quarto въ 1609 г. не имѣется никакого намека на какую-либо часть нашей драмы, кромѣ любовной интриги, что мы можемъ съ основаніемъ счесть вѣскимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что Гекторовская интрига, равно какъ и Улиссовская, являются позднѣйшими дополненіями.

Р. Бойль.

ИДЕЙНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ XI ВѢКА [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Теократическіе идеалы Карла Великаго и мѣры для ихъ осуществленія.

Основанное на взаимныхъ услугахъ и обоюдной выгодѣ тѣсное сближеніе между франкскимъ королемъ и апостольскими намѣстниками удовлетворяло насущнымъ потребностямъ и жизненнымъ интересамъ обѣихъ сторонъ, а потому должно было выдержать испытанія и пережить превратности, порождаемыя смѣною историческихъ дѣятелей и круговоротомъ событій. Вдобавокъ, предусмотрительность папской политики заранѣе связала [2]) преемниковъ Пипина тѣми же обязательствами, какія принялъ на себя основатель новой династіи франкскихъ королей. Ранняя же кончина Карломана сосредоточила управленіе въ рукахъ одного Карла и тѣмъ самымъ предотвратила пагубныя послѣдствія вражды между братьями и произведеннаго ихъ отцомъ раздѣла, ясно показавшаго, что варварскія воззрѣнія взяли верхъ надъ государственными понятіями, насаждаемыми Римомъ.

Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ смерти Пипина, вершителемъ судебъ обширной державы и главнымъ распорядителемъ ея мощныхъ силъ сдѣлался юный государь, которому было суждено оставить неизгладимый слѣдъ въ жизни европейскихъ народовъ. Передъ нимъ стояли трудныя и неотложныя задачи: онъ долженъ былъ закончить

---

[1]) *Продолженіе.* См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

[2]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* октябрь 1901 г., стр. 261. Codex Carolinus, № 44, p. 559; № 46, p. 561, № 45, p. 562, № 55, p. 580.

начатое Пипиномъ дѣло объединенія германскихъ народовъ подъ своимъ скипетромъ, построить изъ этихъ разрозненныхъ частей зданіе имперіи, скрѣпивъ ихъ цементомъ общей культуры, просвѣщенія и вѣрованій, присоединить къ своимъ владѣніямъ романскія земли, какъ живые родники государственности и образованности, и насадить въ дебряхъ Германіи начала своеобразной романизаціи. Наряду съ этимъ необходимо было упорядочить внутреннюю жизнь современнаго общества, поставить ее въ согласіе съ требованіями религіи и распространить свѣтъ христіанскаго вѣроученія въ средѣ свирѣпыхъ и неукротимыхъ язычниковъ. Надо было достойнымъ образомъ завершить подвигъ Бонифація и вокругъ общаго духовнаго сосредоточія собрать всѣ силы запада въ противовѣсъ какъ мусульманскому востоку, такъ и византійскому міру.

Эти унаслѣдованныя отъ прошлаго задачи были разрѣшены Карломъ потому, что онъ выступилъ носителемъ опредѣленныхъ, прочныхъ и устойчивыхъ идеаловъ, поднявшихъ его надъ мелкими запросами другихъ современныхъ владѣтелей и придавшихъ его дѣятельности всемірно-историческое значеніе. Накопленныя предками грубыя, матерьяльныя силы были затрачены имъ для осуществленія великихъ завѣтовъ христіанской монархіи, для водворенія на землѣ обѣтованнаго царства Божьяго. Если папство, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, является хранителемъ идеальныхъ построеній бл. Августина, то Карлу принадлежитъ попытка придать имъ внѣшній обликъ, отлить ихъ въ матерьяльныя формы въ видѣ міровой державы, проникнутой стремленіемъ осуществить величавые замыслы иппонскаго епископа.

По неоспоримому свидѣтельству очевидца [1]), раздѣлявшаго труды Карла, онъ постоянно и съ любовью перечитывалъ наиболѣе зрѣлое твореніе бл. Августина, сводъ долголѣтнихъ наблюденій и размышленій „о градѣ божьемъ“. Преклоненіе передъ ученостью отца церкви сказывается и въ желаніи Карла имѣть между своими сподвижниками „двѣнадцать Августиновъ и Іеронимовъ“ [2]).

Опираясь на эти данныя, новѣйшіе изслѣдователи отводятъ видное мѣсто вліянію Августина на Карла [3]) и его дѣятельность, но

---

[1]) *Einhardi* Vita Karoli Magni, c. 24, p. 456. M. G. SS. T. II.

[2]) *Monachi Sangallensis*. Gesta Karoli Lib. I. c. 9. p. 734. M. G. SS. T. II.

[3]) *Kctterer*, Karl der Grosse und die Kirche. München und Leipzig 1898. p. 124 ss. *Dahn*, Die Könige der Germanen. B. VIII Sechste Abtheilung. Leipzig 1900. p. 235.

доселѣ еще не было сдѣлано попытки найти ея руководящее начало въ стремленіи его водворить въ своихъ владѣніяхъ единство, миръ и правду, три основныхъ признака Божьяго царства на землѣ [1]).

При внимательномъ изученіи памятниковъ выясняется съ несомнѣнной точностью, что чрезъ все его законодательство красною нитью проходитъ попытка добиться желанной цѣли, насадивъ „святую правду“ [2]), единство [3]) и вѣчный миръ [4]). Онъ предписываетъ „слѣдовать каноническимъ установленіямъ и стремиться къ миротворящему единству, дабы удостоиться получить радости вѣчнаго мира“ [5]). Его указы требуютъ [6]), „чтобы повсюду между епископами, аббатами, графами, судьями и всѣми людьми, какъ высокаго, такъ и низкаго званія, были миръ, согласіе и единодушіе, ибо ничто не угодно Богу безъ мира“. Онъ считаетъ и титулуетъ себя „вѣнчаннымъ Богомъ великимъ миротворцемъ“ [7]). Его посланцы должны возвѣщать „правду императора“ [8]), „разыскивать и исполнять правду“ „государя, церквей, вдовъ, сиротъ, малолѣтнихъ и остальныхъ людей“ [9]).

Такимъ образомъ, августиновское правило [10]), требующее „воздавать каждому должное“, становится душою законодательства Карла, отстаивающаго „правду“ всякаго изъ своихъ подданныхъ: цѣлый рядъ особыхъ предписаній направленъ къ охраненію „правды“ „короля“ [11]), „королевскихъ вассаловъ“ [12]), „церкви“ [13]), „св. Петра“ [14]), „вдовъ“ [15]),

[1]) См. главу первую, стр. 6 сл.

[2]) Capit. № 38, p. 109.

[3]) Cap. № 124, p. 246.

[4]) Cap. № 22, p. 53. Ср. № 64, c. 10 p. 153.

[5]) Cap. № 22, c. 60 p. 57.

[6]) Cap. № 35, c. 31 p. 103. № 22, c. 62 p. 58.

[7]) Cap. № 45, p. 126; № 75, p. 168; № 76, p. 169; № 77, p. 170; № 103, p. 211; № 125 p. 246.

[8]) Cap. № 33, c. 31, p. 97; № 34, c. 16, p. 101; № 35, c. 55, p. 104. Ср. Annales Laureshamenses p. 38—39.

[9]) Cap. № 34, c. 19, p. 101; № 35, c. 59, p. 104. Ср. № 44, c. 19, p. 125; № 82, c. 2, p. 184; № 89, c. 5, p. 189.

[10]) Augustini De civitate Dei Lib. XIX c. 21, p. 390: Justitia ea virtus est, quae sua cuique distribuit, повторено почти дословно Libri Carolini Lib. IV c. 27, p. 1244: „justitia, quae unicuique suum tribuit“

[11]) Cap. № 44, c. 3 p. 122.

[12]) Cap. № 90, c. 13, p. 191; № 10, c. 10, p. 210.

[13]) Cap. № 34, c. 17, p. 110; № 42, c. 3, p. 119; № 44, c. 2, p. 122; № 59, c. 2, p. 146; № 85, c. 2, p. 184; № 90, c. 1, p. 190; № 102, c. 4, p. 209.

[14]) Cap. № 45, c. 15, p. 129.

[15]) Cap. № 34, c. 19, p. 101; № 35, c. 59, p. 104; № 44, c. 2, p. 122; № 69, c. 3,

„сиротъ“ [1]), „бѣдныхъ“ [2]), „странно-пріимныхъ домовъ“ [3]), „малолѣтнихъ“ [4]), „маломочныхъ“ [5]) и „всѣхъ остальныхъ“ [6]).

„Правда“ отожествляется современниками съ правомъ, а потому Карлъ Великій обратилъ особое стараніе на приведеніе въ извѣстность, для руководства при разбирательствахъ, точныхъ записей правовыхъ воззрѣній различныхъ народовъ, входившихъ въ составъ его державы, и пополненіе пробѣловъ ихъ варварскихъ „правдъ“. Несмотря на то, что далеко не всѣ памятники законодательной дѣятельности Карла сохранились до нашего времени, научное изслѣдованіе располагаетъ достаточными доказательствами въ пользу этой мысли: уцѣлѣли данныя о прибавленіи къ законамъ салическихъ и рипуарскихъ франковъ [7]) и баваровъ [8]); возникновеніе „правдъ“ франковъ хамавовъ [9]), англовъ и вериновъ [10]), фризовъ [11]) и тюрингцевъ [12]) относится къ 802 году, когда императоръ повелѣлъ начертать „права всѣхъ народовъ, бывшихъ подъ его властью, но не имѣвшихъ писанныхъ законовъ“ [13]). Современники также подмѣтили, что Карлъ „каждому даровалъ свой законъ, дабы всѣ люди, богатые и бѣдные, имѣли правду въ царствѣ его“ [14]). Дѣйствительно, не только были оставлены въ силѣ „римскіе законы“ [15]), но почти каждая область получила свой законъ: такъ, до нашего времени дошли наказы для

p. 158; № 85, c. 2, p. 184; № 90, c. 1, p. 190; № 91, c. 5, p. 192; № 94, c. 1, p. 198; № 102, c. 4, p. 209. Cp. № 89, c. 7, p. 189.

[1]) Cap. № 34, c. 19, p. 101; № 35, c. 59, p. 104; № 44, c. 2, p. 122; № 69, c. 3, p. 158; № 85, c. 2, p. 184; № 89, c. 7, p. 189; № 90, c. 1, p. 190; № 91, c. 5, p. 192; № 94, c. 1, p. 198; № 102, c. 4, p. 209.

[2]) Cap. № 80, c. 2, p. 176; № 89, c. 7, p. 189; № 94, c. 1, p. 198; № 102, c. 4, p. 209.

[3]) Cap. № 94, c. 2, p. 198.

[4]) Cap. № 34, c. 19, p. 101; № 35, c. 59, p. 104; № 44, c. 2, p. 122.

[5]) Cap. № 69, c. 3, p. 158; № 180, c. 2, p. 176; № 90, c. 1, p. 190.

[6]) Cap. № 85, c. 2, p. 184; № 94, c. 2, p. 198; № 102, c. 4, p. 209.

[7]) Cap. № 41, p. 117—118. Cp. Einhardi Vita Karoli Magni. c. 29, p. 458.

[8]) Cap. № 68, p. 157—8. Cp. № 69, p. 158—159.

[9]) *Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, p. 245. Leipzig. 1894.

[10]) Ibid., p. 244. *Brunner*, Deutsche Rechts geschichte I, p. 352.

[11]) Ibid., p. 242 *Brunner*, p. 344.

[12]) Ibid., 244. *Brunner*, p. 352.

[13]) *Einhardi* Vita Karoli Magni c. 29, p. 458.

[14]) Annales Laureshamenses p. 39. Cp. Cap. № 39, p. 113; № 77, p. 170.

[15]) Capitul., № 58, p. 145; № 77, p. 170, № 98, p. 204. Cp. № 105, p. 218—219.

Аквитаніи [1]), лангобардовъ [2]), Италіи [3]) и Саксоніи [4]) и предписанія, какъ должны жить испанцы [5]). Евреи въ своихъ тяжбахъ съ соотечественниками судились по своимъ законамъ [6]); каждый міряниъ долженъ былъ знать и понимать свой законъ [7]).

Не изъ однихъ только источниковъ народныхъ правовыхъ воззрѣній [8]) черпалъ Карлъ свои постановленія, направленныя къ устроенію вождел̃енной правды. Съ большою охотою онъ пользовался каноническими предписаніями [9]), къ которымъ относился съ благоговѣніемъ и уваженіемъ. Онъ получилъ отъ папы Адріана сборникъ каноновъ [10]), принятыхъ римскою церковью, и положилъ ихъ въ основу своихъ предписаній [11]), такъ какъ надпись на сборникѣ утверждала, что соблюдающій эти постановленія никогда не уклонится отъ закона [12]). По свидѣтельству лоршской лѣтописи [13]), Карлъ приказалъ прочитать на соборѣ 802 года всѣ каноны, принятые соборомъ, и постановленія папъ и повелѣлъ духовенству жить по указаніямъ каноновъ и исправлять сообразно ихъ авторитету всякій проступокъ какъ клириковъ, такъ и мірянъ. Это показаніе подтверждается наказомъ „государевымъ посланцамъ“ (отъ начала 802 года), предписавшимъ епископамъ и священникамъ жить по канонамъ и учить остальныхъ проводить жизнь такимъ же образомъ [14]). Всѣмъ священнослужителямъ Карлъ вмѣняетъ въ обязанность знать [15]) и понимать [16]) ка-

---

[1]) Cap. № 24, p. 65.

[2]) Cap. № 89, p. 189; № 105, p. 218 s.

[3]) Cap. № 91, p. 191; № 96, p. 202; № 98, p. 204; № 99, p. 206; № 101, p. 208; № 105, p. 215.

[4]) Cap. № 26, p. 68—70; № 27, p. 71—72; № 70, p. 160. Ansegisi Capitularium appendices, p. 449.

[5]) Cap. № 39, p. 111 и 113.

[6]) Cap. № 131, c. 6, p. 259.

[7]) Cap. № 116. c. 11, p. 235; № 57, p. 144.

[8]) Cap. № 22, c. 63, p. 58.

[9]) Cap. № 37, p. 108 s. № 118, p. 231; № 22, p. 53 s.

[10]) *Abel*, Jahrbücher des Fränkischen Reiches unter Karl dem Grossen. B. I, p. 137; n. 1. Berlin 1866. ср. Migne, T. 98, p. 74.

[11]) Cap. № 22, p. 54 ss.

[12]) Poet. latini aevi carolini T. I, p. 90. Cp. Bouquet, T. V p. 403.

[13]) Annales Laureshamenses p. 39.

[14]) Cap. № 33, c. 10, p. 93. Cp. № 34, c. 2, p. 100; № 35, c. 27, p. 103; № 116, c. 9, p. 234; № 118, c. 4, p. 236.

[15]) Cap. № 35, c. 25, p. 103; № 38, c. 10, p. 110; № 116, c. 2, p. 234; № 119, c. 4, p. 237.

[16]) Cap. № 34, c. 2, p. 100; № 35, c. 27, p. 103; № 38, c. 10, p. 110; № 116, c. 2, p. 234; № 119, c. 4, p. 237.

ноническія постановленія и выполнять ихъ [1]). Аббаты и аббатиссы должны были прилежно изучать и соблюдать каноны [2]).

Въ свою очередь самъ Карлъ постоянно ссылается на св. каноны [3]), и они являются высшимъ авторитетомъ въ его распоряженіяхъ, направленныхъ на устраненіе различныхъ нестроеній въ жизни духовенства. Они должны служить мѣриломъ для упорядоченія взаимныхъ отношеній церковниковъ, опредѣленія ихъ возраста и качества [4]), условій низложенія [5]), власти епископовъ надъ церковными имуществами [6]), способовъ расходованія церковныхъ доходовъ и приношеній вѣрныхъ [7]). Опираясь на каноны, Карлъ воспрещаетъ духовенству охоту и непристойныя развлеченія [8]), ростовщичество [9]), ношеніе оружія [10]), поборы епископовъ во время объѣзда епархіи [11]), общество женщинъ и совмѣстную жизнь съ ними [12]); на основаніи каноническихъ постановленій клирикамъ предписывается посѣщеніе соборовъ [13]), производится судъ надъ непокорными клириками [14]) и назначается кара [15]). Кругъ воздѣйствія каноновъ распространяется и на міранъ: при судебныхъ разбирательствахъ предписывается соблюдать каноническія постановленія о свидѣтельскихъ показаніяхъ [16]); законъ назначаетъ наказаніе, по канонамъ, за клятвопреступленіе [17]) и ростъ [18]). Совершившій уголовное преступленіе долженъ, сообразно канонамъ, принести всенародное покаяніе [19]). По убѣжденію Карла,

[1]) Cap. № 34, c. 2, p. 100; № 35, c. 32, p. 103; c. 34, p. 103. Ср. № 124, p. 246.
[2]) Cap. № 35, c. 32, p. 103; № 33, c. 10, p. 93.
[3]) Cap. № 20, c. 4, p. 47; № 20, c. 2, p. 47; № 28, c. 30, p. 77; № 43, p. 121; № 84, c. 4, p. 182; № 91, c. 2, p. 191; № 92, c. 3—4, p. 195.
[4]) Cap. № 47, c. 2, p. 133.
[5]) Cap. № 47, c. 13, p. 133.
[6]) Cap. № 84, c. 6, p. 182.
[7]) Cap. № 92—3, c. 7. p. 195; № 78, c. 12, p. 174.
[8]) Cap. № 92—3, c. 6, p. 195.
[9]) Cap. № 120, c. 2, p. 237.
[10]) Cap. № 123, c. 3, p. 243.
[11]) Cap. № 92 - 3, c. 5, p. 195.
[12]) Cap. № 120, c. 2, p. 237, № 123, c. 1, p. 243.
[13]) Cap. № 119, c. 12, p. 237.
[14]) Cap. № 119, c. 12, p. 237.
[15]) Cap. № 100, c. 2, p. 208.
[16]) Cap. № 28, c. 45, p. 77.
[17]) Cap. № 100, c. 4, p. 208.
[18]) Cap. № 120, c. 2, p. 237.
[19]) Cap. № 78, c. 25, p. 179.

и папѣ надлежитъ „постоянно слѣдовать уставамъ св. отцовъ и повсюду придерживаться ненарушимыхъ каноническихъ предписаній“ [1]). Карлъ даже поручаетъ Ангильберту увѣщевать папу Льва „нарочито соблюдать св. каноны“ [2]).

Но признавая апостольскаго намѣстника обязаннымъ исполнять каноны, Карлъ вовсе не умалялъ значенія римскаго епископа, такъ какъ „церковь св. Петра“ пользовалась въ его глазахъ исключительнымъ авторитетомъ и служила разсадникомъ не только правильнаго вѣроученія, но и богослужебныхъ обрядовъ.

Такъ въ своемъ посланіи противъ постановленій второго Никейскаго собора, извѣстномъ подъ именемъ „Каролингскихъ книгъ“, Карлъ утверждаетъ [3]), что „римская церковь поставлена Богомъ во главѣ всѣхъ остальныхъ церквей и къ ней вѣрующіе должны обращаться за совѣтомъ, такъ какъ черпать доказательства можно только изъ тѣхъ писаній, кои признаны ею каноническими, принимать можно ученія только тѣхъ учителей, кои получили одобреніе римскихъ первосвященниковъ“.

По мнѣнію составителей этого важнаго памятника „Римская церковь поставлена во главѣ остальныхъ, не въ силу какихъ-либо соборныхъ постановленій, но имѣетъ первенство по словамъ самого Господа: „ты еси Петръ“. Для укрѣпленія ея авторитета къ ключарю царства небеснаго присоединенъ Павелъ, коему врученъ „ключъ къ открытію законныхъ словесъ“. Обращеніе св. Іеронима къ папѣ Дамазу служитъ доказательствомъ необходимости прибѣгать къ ея помощи для укрѣпленія вѣры. „Не имѣя ни пятенъ, ни изъяновъ, она сокрушаетъ чудовищныя главы ересей и укрѣпляетъ въ вѣрѣ умы вѣрныхъ“.

Самъ Карлъ гордится [4]) тѣмъ, что „франкская церковь никогда не отступала отъ святого и почтеннаго общенія съ римской, но по ея апостольскому наставленію постоянно принимала ея дары. Незначительное уклоненіе, не противное вѣрѣ, въ совершеніи богослуженія было устранено заботами Пипина, дабы не былъ отличенъ чинъ пѣснопѣній у имѣющихъ одинаковый пылъ вѣры, дабы были соединены славнымъ преданіемъ одинаковаго напѣва соединенные чтеніемъ одного и того же св. закона, дабы не отдѣляло различіе богослужеб-

---

1) Epistolae Carolinae № 10. Jaffe, IV p. 356.
2) Ibid, № 9, p. 353.
3) Libri Carolini I, c. 6, p. 1020; Migne, T. 98.
4) Libri Carolini I, c. 6, p. 1021.

ныхъ обрядовъ тѣхъ, кого связываетъ набожная преданность къ единой вѣрѣ". Равнымъ образомъ, Карлъ видитъ свою особую заслугу въ томъ, что церкви въ его краяхъ, не слѣдующія въ напѣвѣ римскимъ преданіямъ приняли ихъ теперь: „не только провинціи всѣхъ Галлій, не только Германія и Италія, но даже саксы и нѣкіе народы сѣверныхъ краевъ, съ божьей помощью, обращены нами къ основамъ истинной вѣры и заботятся во всемъ слѣдовать примѣру престола св. Петра, такъ какъ желаютъ прійти туда, гдѣ онъ пребываетъ ключаремъ" [1]).

Признавая нормою римскій образецъ, Карлъ, дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ распоряженій требовалъ усвоенія римскаго напѣва [2]), чина римскаго богослуженія [3]) и римскихъ обычаевъ [4]), даже ношенія римской обуви духовенствомъ своего государства [5]). Въ этомъ стремленіи къ единству, даже внѣшнему, Карлъ заходилъ очень далеко и не щадилъ мѣстныхъ особенностей въ церквахъ, насчитывающихъ вѣка самостоятельнаго существованія и прославленныхъ св. отцами, занимавшими въ нихъ епископскіе престолы: онъ безпощадно предавалъ огню мѣстные богослужебные памятники ради насажденія „римскихъ обычаевъ" [6]), сдѣлавшихся предметомъ подражанія [7]) для франкскихъ епископовъ.

Въ затруднительныхъ случаяхъ Карлъ неоднократно обращается къ св. римской церкви, наученной апостольскимъ преданіемъ, за справками по вопросамъ вѣроученія [8]), получаетъ отъ нея богослужебныя книги [9]), передаетъ ей окончательное рѣшеніе сложныхъ вопросовъ [10]), заявляетъ во всеуслышаніе, что приступаетъ къ иско-

---

[1]) Libri Carolini I, c. 6, p. 1021 — 22. Cp. Monachi Sangalensis I, c. 10, p. 735.

[2]) Cap. № 22, c. 80, p. 61; № 30, p. 80. Ausegisi Capitularium Lib. I, c. 74, p. 404; № 43, c. 2, p. 121; № 116, c. 7, p. 234; № 88, c. 2, p. 110.

[3]) Cap. № 116, c. 7, и c. 4, p. 234, № 117; c. 9—10, p. 235. Chronicon Moissiacense p. 306.

[4]) Cap. № 112, c. 42—48, p. 230; № 38, c. 2, p. 110. Крещеніе № 84, c. 5, p. 182; № 36, c. 10, p. 109; № 119, c. 10, p. 237; № 122, p. 241; № 23, c. 23, p. 64.

[5]) Cap. № 28, c. 24, p. 64. Cp., однако, *Einhardi* Vita Karoli c. 23, p. 456. Alcvini № 184, p. 309 „cappam Romano more consutam".

[6]) Landulfi Lib. I, c. 4, p. 69.

[7]) *Pauli*, Gesta episcoporum Mettensium, p. 268.

[8]) Caroli Magni Epistolae № 6, p. 901. Migne, T. 98. Cap. № 28, p. 73.

[9]) Codex Carolinus № 89, p. 626 „Liber sacramentorum S. Gregorii".

[10]) Cap № 28, c. 8, p. 75. *Alcvini* Epistol. № 100, p. 145. Codex Carolinus № 67, p. 595.

ренію церковныхъ нестроеній „по увѣщанію апостольскаго престола“ [1]).

Когда обстоятельства не позволяли выполнить каноническія нормы въ полной ихъ неприкосновенности, у апостольскаго престола испрашивалось разрѣшеніе отъ подчиненія ихъ требованіямъ: „ради пользы церковной“ папа Адріанъ позволилъ Карлу держать при себѣ Ангильрамна Мецскаго и Гильдебольда Кельнскаго“ [2]).

Но, отводя папству очень высокое мѣсто, Карлъ придаетъ его обязанностямъ чисто духовный отпечатокъ. Такъ, онъ пишетъ [3]) папѣ Льву III: „Ваше дѣло—воздѣвъ, подобно Моисею, руки къ Господу помогать нашему воинству, дабы, при вашемъ ходатайствѣ, народъ христіанскій, руководимый Богомъ, повсюду постоянно побѣждалъ враговъ Его святого имени и имя Господа нашего Іисуса Христа славилось во всемъ мірѣ“.

Стало быть, по своимъ воззрѣніямъ на приматъ римскаго епископа Карлъ походилъ на своего излюбленнаго руководителя, бл. Августина [4]).

Такое же сродство замѣчается между представленіями Карла о своихъ собственныхъ правахъ и обязанностяхъ и ученіемъ Иппонскаго епископа о роли императоровъ въ церкви Христовой.

Карлъ на первый планъ выдвигаетъ свои обязанности передъ церковью. Онъ самъ считаетъ [5]) своимъ дѣломъ—„съ божьей помощью, оружіемъ защищать повсюду святую Христову церковь извнѣ отъ набѣговъ язычниковъ и опустошеній невѣрныхъ и укрѣплять ее внутри признаніемъ каѳолической вѣры“. Та же мысль ясно высказывается въ его постоянномъ титулѣ: уже первое его законодательное распоряженіе называетъ его [6]) „набожнымъ защитникомъ и во всемъ помощникомъ святой церкви“. На закатѣ своихъ дней престарѣлый императоръ всенародно увѣщаетъ [7]) своего сына: „прежде всего любить и бояться Бога, хранить Его завѣты во всемъ, управлять церквами божьими и *защищать ихъ отъ дурныхъ людей*“.

---

[1]) Cap. № 19, p. 44. Libri Carolini L. I, c. 6, p. 1021.

[2]) Cap. № 28, c. 55, p. 78.

[3]) Epistolae Carolinae № 10, p. 356. Jaffe T. IV.

[4]) См. главу первую стр. 9—10.

[5]) Epistolae Carolinae № 10, p. 356; Jaffe T. IV.

[6]) Cap. № 19, p. 44. Cp. № 22, p. 53, defensor s. eccesiae; Epistolae Carolinae № 7, p. 351, № 9, p. 353.

[7]) Thegani Vita Hludowici c. 6, p. 591.

Карлъ считаетъ предметомъ своихъ заботъ постоянное улучшеніе положенія „своихъ церквей“ [1]), такъ какъ полагаетъ [2]), что ему „свыше ввѣрено управленіе церковью среди бурныхъ волнъ вѣка сего“. Въ виду этого онъ признаетъ [3]) для себя необходимымъ всѣми силами стараться защитить и возвысить ее, дабы удостоиться отъ Христа названія „добраго и вѣрнаго раба“. Карлъ вдохновляется [4]) примѣромъ библейскаго царя „св. Іосіи“ и стремится „исправить ошибки, устранить лишнее и поощрить правильное“.

Слѣдуя блаженному Августину [5]), франкскій король былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что получилъ власть свою отъ Бога, и принялъ титулъ „божіей милостью“ [6]). Онъ постоянно называетъ себя „королемъ по божьему милосердію“ [7]), „вѣнчаннымъ Богомъ“ [8]) и „опирающимся на божественную помощь“ [9]). И это не простыя слова, а глубочайшее вѣрованіе и непререкаемое убѣжденіе Карла и его современниковъ. То онъ замѣчаетъ [10]) милость царя-Христа, „преизобилующую на насъ и на нашемъ народѣ“, и спѣшитъ не только поблагодарить Его всѣмъ сердцемъ и устами, но и „вознести Ему хвалу упражненіемъ въ добрыхъ дѣлахъ, дабы Онъ, оказавъ нашему царству столько почести, удостоилъ сохранить на вѣки своей защитой насъ и наше государство“. То онъ напоминаетъ [11]) „всѣмъ вѣрнымъ святой божьей церкви и нашимъ“, что „божественная милость

---

[1]) Cap. № 30, p. 80.

[2]) Libri Carolini praef., p. 1002.

[3]) Libri Carolini praef., p. 1002.

[4]) Cap. № 22, p. 53—54.

[5]) См. главу первую стр. 7—8. Augustini De civitate Dei Lib. V. c. 19, p. 229—230.

[6]) Cap. № 22, p. 53; № 29, p. 79; № 19, p. 44. Epistolae Carolinae № 3. p. 348; № 6, p. 349; № 7, p. 351; № 8, p. 352; № 9, p. 353; № 10, p. 354; № 11, p. 357; № 17. p. 371; „divina largiente gratia“ № 40, p. 415.

[7]) Cap. № 22, p. 53; № 45, p. 126; № 75, p. 168; № 76, p. 169; № 103, p. 211; № 122, p. 241; № 125, p. 246. Epistolae Carolinae № 19, p. 374; № 24, p. 387; № 25, p. 388; № 27, p. 390; № 31, p. 401; № 32, p. 402; № 35, p. 409.

[8]) Cap. № 75, p. 168; № 76, p. 169; № 77, p. 170; № 122, p. 241; № 124, p. 245; № 125, 246. Epistolae Carolinae № 27, p. 391; № 31, p. 401; № 32, p. 402; № 35, p. 409; № 21, p. 379; № 24, p. 387; № 25, p. 388; „divino nutu coronatus“ № 98, p. 204; № 103, p. 211.

[9]) Cap., № 30, p. 80. Epistolae Carolinae № 18, p. 372. „Christi fretus auxilio № 16, p. 369.

[10]) Cap. № 22, p. 53.

[11]) Cap. № 45, p. 126—127.

по своему милосердію благословила его тремя сыновьями". То онъ отождествляетъ волю Бога и свое повелѣніе [1]).

Увѣренность въ постоянномъ вмѣшательствѣ Бога въ земныя дѣла была основой средневѣковаго міровоззрѣнія, а потому теократическія представленія находили самое широкое распространеніе [2]) и клали своеобразный отпечатокъ на пониманіе обязанностей королей.

Современники Карла раздѣляли его убѣжденіе въ божественныхъ полномочіяхъ его власти. Такъ, его знаменитый сподвижникъ по насажденію наукъ въ предѣлахъ франкскаго государства, Алквинъ [3]), служащій наилучшимъ показателемъ учености того времени [4]), считаетъ Карла особымъ избранникомъ божьимъ: „установленная Богомъ императорская власть возвышена только для того, чтобы стоять во главѣ народа и приносить ему пользу; отъ Бога же дается Его избраннымъ могущество и мудрость, могущество для усмиренія гордыхъ и защиты смиренныхъ отъ нечестивыхъ, мудрость для управленія и поученія подданныхъ". „Обоими этими дарами, святой императоръ, божественная благодать почтила васъ несравненно болѣе, чѣмъ вашихъ предшественниковъ по сану и званію" [5]). „Въ опасныя времена и послѣдніе дни міра Богъ всемилостивѣйше даровалъ народу христіанскому столь благочестиваго, разумнаго и справедливаго правителя и защитника, который долженъ приложить всѣ старанія для исправленія дурного и укрѣпленія правильнаго и возвышенія святого, равно какъ попытаться, радуясь распространенію имени Господа Бога вышняго по многимъ землямъ, зажечь на окраинѣ міра свѣточь каѳолической вѣры" [6]). „По волѣ Всевышняго Карлъ царствуетъ и управляетъ градомъ вѣчнаго мира, построеннымъ драгоцѣнною кровью Христовой" [7]). Карлъ, какъ защитникъ и управитель церквей Христовыхъ, долженъ однихъ увѣщать, другихъ наказывая исправлять, третьихъ наставлять въ наукѣ жизни, дабы, сдѣлавшись всѣмъ для всѣхъ, „во славѣ явиться передъ лицомъ Господа" [8]). Алквинъ призываетъ [9])

---

1) Cap. № 46, p. 131.

2) *Dahn*, Die Könige der Germanen. B. VIII. Sechste Abtheilung p. 310 ss.

3) Обычное начертаніе „Алкуинъ" неправильно: см. M. G. H. Epistolarum. T. IV, p. 1.

4) *Werner*, Alcuin und sein Jahrhundert. Wien 1881.

5) Alcvini, № 257. p. 414.

6) Alcvini № 121, p. 176. Ср. № 178, p. 294. Объ обязанностяхъ правителей см. № 188, p. 315 и № 16, p. 44; № 18, p. 49.

7) Alcvini, № 198, p. 327.

8) Alcvini, № 136, p. 209.

9) Alcvini. № 148, p. 241.

„избраннаго Богомъ мужа, воина Христова, сына Божьяго, на защиту невѣсты Господа Бога, отданной ему Богомъ для управленія и сохраненія". „Божественная власть вооружила Карла двумя мечами, какъ удивительнымъ и особеннымъ даромъ божьимъ, ибо онъ съ пламеннымъ рвеніемъ старается защитить церкви Христовы отъ опустошеній язычниковъ и очистить отъ ученій невѣрныхъ" [1]). Онъ подобенъ Давиду, возвышенному Богомъ въ царя народа избраннаго и „возлюбленному Богомъ, ибо его десница потрясаетъ мечемъ въ торжествующей мощи, а уста звучатъ трубою каѳолической проповѣди [2]): псалмопѣвецъ также былъ проповѣдникомъ закона божьяго въ своемъ народѣ и покорялъ побѣдоносньмъ мечемъ окрестные народы". Это уподобленіе становится обычнымъ [3]), и въ кружкѣ сподвижниковъ Карла онъ слыветъ Давидомъ [4]).

Въ глазахъ Павла Діакона [5]) Карлъ также является „распространителемъ и защитникомъ христіанской вѣры". Павлинъ Аквилейскій передаетъ ему на окончательное рѣшеніе постановленія помѣстнаго собора [6]), такъ какъ видитъ [7]) въ Карлѣ ревностнѣйшаго насадителя православной вѣры, изъ любви къ Христу сражающагося съ видимыми врагами церкви [8]).

Смарагдъ въ своемъ руководствѣ, написанномъ для малолѣтняго Людовика и посвященномъ Карлу Великому [9]), вмѣняетъ въ обязанность короля исправлять всѣ церковныя нестроенія, такъ какъ онъ имѣетъ санъ намѣстника Христова [10]). Теодульфъ воспѣваетъ Карла, правящаго церковью, клиромъ и народомъ [11]). Максенцій Акви-

---

[1]) Cap. № 171, p. 282. Ср. № 98, p. 137. (Epistolae Carolinae, № 10, p. 356), № 202, p. 386.

[2]) Cap. № 41, p. 84.

[3]) Cap. № 177, 292, № 178, p. 294, № 118, p. № 178; № 121, p. 176; № 126, p. 185; № 136, p. 205; № 143, p. 224; № 148, p. 237; № 149, p. 242; № 155, p. 250; № 162, p. 260; № 163, p. 263; № 164, p. 266; № 170, p. 279; № 171, p. 281; № 172, p. 284; № 174, p. 288; № 192, p. 318; № 198, p. 327; № 211, p. 352; № 216 p. 360; № 229, p. 372; № 231, p. 375; № 238, p. 383; № 261, p. 418; № 307, p. 466.

[4]) Neues Archiv, B. XVII, p. 399.

[5]) Epistolae variorum Carolo Magno regnante scriptae, № 13, p. 510.

[6]) Ibid., № 15, p. 517.

[7]) Ibid., № 17, p. 523.

[8]) Ibid., № 18a, p. 525.

[9]) Ibid., № 23, p. 533.

[10]) Smaragdi Via regia c. 18, p. 958. Migne, T. 102.

[11]) Poetae latini aevi Carolini. Carmen, № 32, p. 269.

лейскій объясняетъ чинъ крещенія [1]) „благочестивѣйшему и христіаннѣйшему, Богомъ вѣнчанному миротворцу“. Лейдрадъ Ліонскій, выполнивъ порученіе Карла, даетъ „священной“ особѣ императора подробный отчетъ [2]) о мѣропріятіяхъ, произведенныхъ въ ліонской церкви.

Сохранились увѣщанія различныхъ пастырей, обращенныя къ Карлу и ярко очерчивающія кругъ его обязанностей по представленіямъ современниковъ. Такъ, невѣдомый священнослужитель Катаульфъ [3]), тотчасъ послѣ побѣды Карла надъ лангобардами, обратился къ нему съ посланіемъ, дошедшимъ до насъ, къ сожалѣнію, далеко не въ исправномъ видѣ. Здѣсь указывается восемь признаковъ особой милости божьей къ молодому франкскому государю, первородному сыну короля, вступившему въ золотой, императорскій Римъ и получившему Италію отъ Царя царей вмѣстѣ съ франкской державой вопреки ковнямъ устраненнаго Богомъ брата [4]). Карлъ, возвышенный на славу царства Европы, получитъ еще больше, если будетъ постоянно помнить со страхомъ и любовью о Богѣ, такъ какъ является Его намѣстникомъ, охраняющимъ и управляющимъ всѣмъ и дающимъ отвѣтъ въ день судный. Катаульфъ намѣчаетъ, что долженъ дѣлать Карлъ для еще большаго своего возвышенія, сообразно указаніямъ каноновъ и закону всего христіанства: 1) имѣть въ рукахъ своихъ законъ божій и читать его во всѣ дни живота своего, дабы быть столь же свѣдущимъ въ божественной мудрости и мірскихъ наукахъ, какъ Давидъ, Соломонъ и другіе цари; 2) не допускать продажи христіанъ язычникамъ; 3) превыше всего украсить и одѣть невѣсту Христову, т.-е. упрочить церковныя привилегіи; 4) управлять жизнью монаховъ, монахинь и канониковъ при содѣйствіи духовныхъ пастырей, но не мірянъ и 5) поддерживать станъ божій восемью столпами царей праведныхъ [5]). „И ты будешь царемъ, если рачительно сохра-

---

[1]) Epistolae variorum Carolo Magno regnante scriptae, № 27, p. 537, ср. № 28, p. 539.

[2]) Ibid., № 30, p. 542s.

[3]) Epistolae variorum Carolo Magno regnante scriptae, № 7, p. 502 s.

[4]) Пертцъ и Дюммлеръ принимаютъ чтеніе Deus transtulit illum de regno ad *alterum*, но оно не даетъ точнаго смысла; Яффе, Epistolae carolinae, № 1, p. 337, дополняетъ Franco (rum) три буквы „*rum*“ рукописи. Но и эта поправка не соотвѣтствуетъ общему смыслу мѣста.

[5]) In his, attende diligenter, prima est veritas in rebus regalibus; secunda pacientia in omni negotio; tertia largitas in muneribus; quarta persuadibilitas in verbis; quinta malorum correptio et districtio; sexta bonorum elevatio et exopta-

нишь столпы сіи и благословится царство твое со днями твоими, съ женою и дѣтьми. И будетъ тогда спокойствіе воздуха и стихій, плодородіе земли и моря во всемъ, рождающемся въ нихъ, и будешь счастливо господствовать надъ многими народами и падутъ недруги твои передъ лицомъ твоимъ. Наоборотъ, глаголетъ святой Патрикъ, за неправду царя постигнетъ его несчастье, настанетъ раздоръ съ женою и дѣтьми, гладъ въ народахъ, моръ, неплодородіе земли, плоды моря и земли поражены будутъ разными невзгодами, и будетъ онъ побѣжденъ врагами своими и изгнанъ изъ царства".

Катаульфъ напоминаетъ Карлу о недавнихъ примѣрахъ Вайфара и Дезидерія, равно какъ о библейскихъ царяхъ, Ровоамѣ, Ахазѣ, Ахавѣ и другихъ, „творившихъ злое передъ Господомъ и не ходившихъ по заповѣдямъ Его". Чтобъ избѣжать ихъ участи, Карлъ долженъ послать людей богобоязненныхъ по городамъ и обителямъ всего царства своего для возобновленія законовъ и ниспроверженія несправедливостей, при чемъ мѣриломъ должнаго являются каноны [1]) и предназначенный для всего міра римскій законъ, откуда нашъ авторъ черпаетъ рядъ болѣе подробныхъ указаній, сохранившихся, къ сожалѣнію, въ искаженномъ и неполномъ видѣ.

Павлинъ Аквилейскій, одинъ изъ наиболѣе видныхъ сподвижниковъ Карла, съ еще большей обстоятельностью перечисляетъ [2]) средства къ „возвышенію" святой церкви: „потребно тебѣ, почитаемый князь, упражнять епископовъ въ изслѣдованіи св. писанія и здоровомъ и трезвомъ ученіи, весь клиръ въ благочиніи, всѣхъ вообще во святости, вельможъ въ совѣтѣ, судей въ правдѣ, воиновъ въ умѣніи ратномъ, высшихъ въ смиреніи, низшихъ въ повиновеніи, всѣхъ вообще въ благоразуміи, правдѣ, храбрости, умѣренности, мирѣ и согласіи".

Такимъ образомъ, на правителя государствомъ возлагаются чисто нравственныя задачи; онъ является воспитателемъ своего народа, содѣйствующимъ развитію особыхъ доблестей въ каждомъ изъ его слоевъ. Свѣтская власть занимаетъ служебное положеніе, такъ какъ въ каждомъ изъ своихъ распоряженій должна стремиться къ возвышенію церкви, отданной ей, однако, въ управленіе. Получается своеобразное сочетаніе правъ и обязанностей, осуществленіе коихъ на

---

tio; septima levitas tributi in populo; octava aequitas judici inter divitem et pauperem. Ibid., p. 508.

[1]) Cp., ibid., № 8, p. 505.

[2]) Epistolae variorum Carolo Magno regnante scriptae, № 18, c. p. 527.

дѣлѣ должно было представить огромныя трудности, такъ какъ одно и то же лицо было и господиномъ и слугою. Только глубокая вѣра въ домостроительство божье, только признаніе въ королѣ орудія божественной воли давали возможность найти примиреніе этого противорѣчія въ завѣтахъ бл. Августина и его ученіи объ императорѣ, какъ органѣ теократіи.

Необходимо также отмѣтить, что въ глазахъ современниковъ франки оказываются избраннымъ народомъ новаго завѣта, и это ихъ убѣжденіе ясно и неоспоримо засвидѣтельствовано прологомъ къ ихъ національному судебнику, салической правдѣ [1]). Папы, высшій авторитетъ для западно-христіанскаго міра, поддерживаютъ созданіе мѣстнаго тщеславія и внушаютъ „любезному Богу воинству франковъ“ [2]), что именно къ нимъ относятся вѣщія слова князя апостоловъ, св. Петра [3]): „вы родъ священный, царственное священство, народъ избранія“, „благословенный Господомъ Богомъ Израиля“. „Радуйтесь и веселитесь“, обращается папа Павелъ къ клиру, инокамъ и вельможамъ „возлюбленнаго Христомъ и покровительствуемаго Богомъ царства франковъ“, „ибо имена ваши и королей вашихъ запечатлѣны на небесахъ и велика мзда ваша передъ Богомъ и ангелами Его: въ князѣ бо апостоловъ, блаженнѣйшемъ Петрѣ, коему Искупитель нашъ даровалъ власть вязать и разрѣшать грѣхи на небѣ и на землѣ, вы пріобрѣли себѣ покровителя“. Другими словами, папы приводятъ новое доказательство, для всѣхъ очевидное и непреложное, въ подкрѣпленіе взглядовъ, возникшихъ еще въ меровингскую эпоху. Принаравливаясь къ слагающимся феодальнымъ отношеніямъ, папы называютъ [4]) франковъ „вассалами св. Петра“, ибо, „по обѣтованію, полученному отъ Господа и Искупителя нашего, изъ всѣхъ народовъ поднебесной франки предпочтительно являются его собственностью“ [5]).

Само собою понятно, что повелитель избраннаго народа занимаетъ въ глазахъ папы положеніе, выдѣляющее его изъ среды другихъ со-

---

[1]) Ср. также Monachi Sangallensis Gesta Caroli, Lib. I, c. 1, p. 731.

[2]) Codex Carolinus, № 61, p. 589. Cp. № 58, p. 584, № 59, p. 584.

[3]) Codex Carolinus, № 39, p. 552. Cp. № 45, p. 561, № 8, p. 496—497; № 60, p. 586.

[4]) Codex Carolinus, № 60, p. 586. Cp. Epistolae langobardicae collectae № 21, p. 715.

[5]) Codex Carolinus, № 10, p. 502, cp. ibid., p. 503.

временныхъ владѣтелей. Такъ папа Адріанъ проводитъ въ посланіи [1]) къ франкскому королю убѣжденіе въ томъ, что „еще блаженный царь Давидъ, пророкъ, исполненный Духа Святого, воспѣлъ благоволеніе Карла къ святой церкви блаженнаго Петра, князя апостоловъ". Слѣдовательно, Карлъ является предназначеннымъ отъ вѣка защитникомъ римской церкви.

Но не одни древнія обѣтованія связываютъ дѣятельность франкскаго государя съ „главою христіанства": надъ Карломъ тяготѣютъ уже извѣстныя намъ обязательства, легшія въ основу союза между апостольскимъ престоломъ и династіей Пипина, союза, сдѣлавшаго враговъ св. Петра „несомнѣнными врагами" франковъ и ихъ королей [2]). Не только возвращеніе св. Петру его достоянія, не только защита его отъ лангобардовъ, но и охрана отъ всѣхъ враговъ считается долгомъ Карла, обѣщавшаго [3]) осуществить „*полностью*" „правду св. божіей церкви и работать надъ ея возвышеніемъ". И не только папы понимали такъ прямую обязанность Карла: онъ самъ у гроба апостоловъ засвидѣтельствовалъ [4]), что „не желаніе пріобрѣсти золото, жемчугъ, серебро, земли [5]) или вассаловъ заставило его предпринять столь трудный походъ вмѣстѣ съ покровительствуемымъ Богомъ воинствомъ франковъ, но исключительно стремленіе добиться выполненія правды св. Петра, завершить возвышеніе св. божьей церкви и умножить безопасность папы". Попеченіе и защита церкви св. Петра представляется Карлу наслѣдственнымъ долгомъ его рода: онъ предписываетъ тремъ своимъ сыновьямъ защищать отъ враговъ „правду ея", „какъ нѣкогда принялъ на себя эту обязанность дѣдъ и отецъ нашъ" [6]).

Такимъ образомъ, семейныя преданія, закрѣпленныя впечатлѣніями отрочества, совпавшаго съ переломомъ въ жизни отца и освященнаго полученнымъ отъ папы помазаніемъ, шли рука объ руку съ взглядами, вынесенными изъ чтенія произведеній отцовъ церкви и окрѣпшими подъ вліяніемъ окружающихъ: самый воздухъ вокругъ Карла съ первыхъ шаговъ его сознательной жизни былъ пропитанъ теокра-

---

[1]) Codex Carolinus, № 68, p. 597.

[2]) Codex Carolinus, № 29, p. 534; № 45, p. 562; № 75, p. 606.

[3]) Codex Carolinus, № 44, p. 559.

[4]) Codex Carolinus, № 56, p. 581.

[5]) Изданія даютъ чтеніе „litteras", неумѣстное въ подобномъ сочетаніи. Поправка „terras" принадлежитъ Абелю. Ibid.

[6]) Capit. № 45, c. 15, p. 129.

тическими представленіями, вошедшими въ его плоть и кровь и властно требующими своего осуществленія подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности и грозной кары за неисполненный долгъ.

Глубоко проникнутый сознаніемъ своихъ обязанностей передъ церковью и ввѣреннымъ ему свыше народомъ, Карлъ не зналъ разлада между убѣжденіями и поступками: онъ ясно представлялъ свою жизненную задачу, безъ колебаній затратилъ свою огромную духовную мощь на ея разрѣшеніе; ему совершенно чужды мучительная борьба и сомнѣнія въ правильности своихъ воззрѣній, въ непреложности ихъ устоевъ, разъѣдающія душу и подрывающія силы тѣхъ людей, чья голова постоянно перерабатываетъ собственныя думы и сковываетъ волю долгими размышленіями. Поэтому дѣятельность Карла отличается стремительностью и постоянствомъ направленія. Теократическіе идеалы дали ему совершенно опредѣленную, выработанную даже въ подробностяхъ, программу, и ему оставалось уничтожить всѣ преграды и препятствія, стоящія на пути къ ея осуществленію, насадить и закрѣпить на самыхъ различныхъ поприщахъ соотвѣтствующія своимъ цѣлямъ и видамъ представленія.

Излюбленными средствами, при помощи которыхъ Карлъ думалъ водворить усвоенные имъ идеалы бл. Августина, были принужденіе и убѣжденіе. Стало быть, онъ пользуется тѣмъ самымъ оружіемъ, которымъ Иппонскій епископъ боролся со врагами церковнаго мира и единства.

Такъ какъ Карлъ является не только носителемъ опредѣленныхъ идеаловъ, но и неустаннымъ борцомъ за ихъ осуществленіе, то его дѣятельность во многихъ отношеніяхъ подготовляетъ почву для послѣдующаго развитія, а потому нуждается въ, сравнительно, болѣе обстоятельномъ разсмотрѣніи, какъ первая попытка сплотить народы запада въ единое цѣлое, скованное общей властью и одинаковымъ исповѣданіемъ вѣры.

Добиваясь объединенія подъ своимъ скипетромъ западно-христіанскихъ народовъ и отражая нападенія безпокойныхъ сосѣдей, Карлъ большую часть своего управленія провелъ въ войнахъ [1]), закончившихся почти удвоеніемъ объема франкской державы [2]). Наиболѣе характерными изъ его боевыхъ предпріятій являются походы про-

---

[1]) *Einhardi*, Vita Caroli Magni, c. 5—14, p. 445—450 даетъ краткое обозрѣніе войнъ Карла.

[2]) Ibid., c. 15, p. 450.

тивъ лангобардовъ, аваровъ и саксовъ. Они съ особой ясностью показываютъ, когда христіанскій государь былъ обязанъ прибѣгнуть къ кровавой расправѣ ради достиженія высшихъ цѣлей.

Столкновеніе съ лангобардами было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ заключеннаго съ папствомъ союза. Постоянныя недоразумѣнія и вѣчныя жалобы апостольскихъ намѣстниковъ на нарушеніе лангобардами „правдъ св. Петра" [1]) вызвали вмѣшательство „защитника римской церкви", такъ какъ попытка связать родственными узами франкскихъ королей съ лангобардскими [2]) закончилась плачевной неудачей, еще болѣе обострившей ихъ взаимныя отношенія. Папство не могло допустить подобнаго сближенія, и Стефанъ III выступилъ съ посланіемъ, способнымъ глубоко смутить душу средневѣковаго человѣка [3]). Высшій духовный авторитетъ запада возсталъ противъ брака представителей преславнаго народа франковъ, стоящаго выше всѣхъ племенъ, и отрасли столь сіятельнаго и знатнѣйшаго царскаго рода съ дочерью вѣроломныхъ и зловонныхъ лангобардовъ, родоначальниковъ прокаженныхъ. Папа напоминаетъ, что благодаря женщинѣ, соблазненной дьяволомъ, были нарушены заповѣди божьи, а браки съ иноплеменницами вводили въ тяжкія прегрѣшенія многихъ могущественныхъ людей. Помазанные св. елеемъ сыновья Пипина освящены небеснымъ благословеніемъ, а потому въ особенности должны избѣгать подобныхъ укоризнъ и оставаться вѣрными супругами женъ, полученныхъ по приказанію своего родителя [4]), который обязался передъ папой Стефаномъ не „разводиться съ государыней родительницей вашей". Вдобавокъ, клятвопреступные лангобарды постоянно нападаютъ на церковь Божью и являются очевидными врагами римскихъ епископовъ, а Карлъ и его братъ обѣщали св. Петру быть друзьями его друзей и врагами его враговъ. Сыновьямъ надлежитъ слѣдовать примѣру отца и не дерзать поступать вопреки апо-

---

[1]) Codex Carolinus № 44, p. 559—560.

[2]) Vita Adalhardi, c. 7, p. 525, *Einhardi*, Vita Karoli, c. 18, p. 452.

[3]) Codex Carolinus, № 45, p. 560 s.

[4]) Обыкновенно думаютъ, что папа впалъ въ грубую ошибку, и признаютъ Карла не женатымъ до брака съ дочерью Дезидерія. Но подобное заблужденіе немыслимо для хорошо освѣдомленнаго папы въ письмѣ къ заинтересованнымъ лицамъ. Вдобавокъ, памятники знаютъ имя первой „жены" Карла. Gesta episcoporum Mettensium, p. 265. *Einhardi*, Vita Karoli, c. 20, p. 454. Annales Laurissenses minores, c. 24, p. 119. Церковныя представленія о бракѣ очень медленно прививались у германцевъ, а папа считаетъ сожительницу Карла его женой.

стольскимъ завѣтамъ и желанію апостольскаго намѣстника: Пипинъ обѣщалъ за дѣтей своихъ быть вѣрнымъ св. церкви и повиноваться всѣмъ первосвященникамъ апостольскаго престола. Эти обѣщанія были неоднократно подтверждаемы обоими франкскими королями, нынѣ собирающимися попрать ихъ. Папа заклинаетъ, отъ имени апостола Петра, Богомъ истиннымъ и живымъ, страшнымъ судомъ, божественными таинствами и мощами св. Петра не вступать въ брачныя узы съ лангобардами, но выполнить свои прежнія обѣщанія.

Стефанъ прибѣгнулъ къ крайне своеобразному средству для увеличенія впечатлѣнія отъ своихъ просьбъ и заклинаній: онъ положилъ свое письмо передъ отправленіемъ на гробницу св. Петра и совершилъ надъ нимъ безкровную жертву, грозя за неисполненіе анаѳемой въ силу полномочій св. Петра, отчужденіемъ отъ царства Божьяго и преданіемъ вѣчному огню съ дьяволомъ и другими нечестивцами, тогда какъ соблюденіе увѣщаній сулило небесное благословеніе, вѣчныя радости съ Богомъ и святыми Его.

Немыслимо, чтобы подобное посланіе не задѣло самыхъ чувствительныхъ струнъ въ душѣ благочестиваго и набожнаго Карла, и онъ рѣшается на разводъ [1]), несмотря на недовольство матери и другихъ сторонниковъ сближенія съ лангобардами.

Карлъ не замедлилъ выполненіемъ и остальныхъ просьбъ папы: съ сильнымъ войскомъ онъ спустился на равнины По и уничтожилъ послѣдній пріютъ недовольныхъ франковъ, положивъ конецъ самостоятельности Лангобардскаго государства, послѣ того какъ рядъ попытокъ закончить дѣло миромъ разбился о непреклонность Дезидерія [2]). Жители Сполето были приняты папой въ подданство св. Петру и св. римской церкви [3]); судьба же остальныхъ владѣній лангобардовъ получила свое разрѣшеніе во время пребыванія Карла въ Римѣ.

Папа устроилъ ему торжественную встрѣчу, какъ „экзарху или патрицію" [4]). Но „поставленный Богомъ король франковъ и римскій патрицій" направился пѣшкомъ къ св. Апостолу, облобызалъ всѣ ступени лѣстницы храма св. Петра, на верху которой ждалъ его римскій первосвященникъ, и просилъ Адріана разрѣшить ему всту-

---

[1]) *Einhardi*, Vita Karoli, c. 18, p. 453. Vita Adalhardi, c. 7, p. 525. Monachi Sangallensis Lib. II, c. 17, p. 759.

[2]) Liber Pontificalis, № 97, p. 494—495.

[3]) Ibid., p. 496, c. 32—33.

[4]) Ibid., c. 36, p. 497.

пить въ Римъ ради исполненія обѣта и молитвы въ различныхъ церквахъ. На пасху Карлу былъ открытъ доступъ къ святынямъ вѣчнаго города цѣною возобновленія дарственной Пипина; грамату, скрѣпленную подписью христіаннѣйшаго короля, всѣхъ епископовъ, аббатовъ, герцоговъ и графовъ, предварительно положили на алтарь св. Петра, потомъ на его раку и, обязавшись страшной клятвой, передали святому Петру и его святѣйшему намѣстнику. Копіи, подобно дарственной, были изготовлены франкскимъ капелланомъ и нотаріемъ: одну изъ нихъ Карлъ собственноручно [1]) положилъ въ евангеліе, лежащее для лобзаній вѣрующихъ на мощахъ св. Петра; другую, списанную въ папской канцеляріи, Карлъ взялъ съ собою [2]).

Эти обстоятельства исключали возможность позднѣйшихъ измѣненій и прибавленій какъ въ подлинникѣ, такъ и въ спискахъ, къ сожалѣнію до насъ не дошедшихъ.

Трудно съ полной увѣренностью судить о размѣрахъ владѣній св. Петра [3]). Несомнѣнно, что франкскій король старался выполнить принятыя обязательства самымъ точнымъ образомъ, но, сдѣлавшись ближайшимъ сосѣдомъ римской епархіи, онъ сталъ къ Риму въ иныя отношенія, чѣмъ его отецъ. Правда, союзъ съ папствомъ нѣсколько видоизмѣнилъ свой характеръ, и варварская точка зрѣнія проглядываетъ въ иныхъ мѣропріятіяхъ [4]) Карла, считавшаго себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію подаренными апостолу Петру владѣніями. Папство, исходя изъ другихъ воззрѣній, постоянно отстаивало свои права [5]), но какъ болѣе слабая сторона, дѣлало фактически уступки.

Такимъ образомъ, предпріятіе, предпринятое „ради пользы св.

---

[1]) По выраженію папы „praesentaliter manibus tuis offeruisti Dei Apostolo promissionem". Codex Carolinus, № 55, p. 579; № 57, p. 583.

[2]) Liber pontificalis, № 97, c. 41—43, p. 498.

[3]) Подробности: *Hamel*, Untersuchungen zur älteren Territorialgeschichte des Kirchenstaates. Göttingen. 1899. p. 26 ss.

[4]) Равеннскій экзархатъ, подаренный Петру, находится въ управленіи архіепископа, очевидно, какъ бенефиція, до самой его смерти, когда переходитъ къ папѣ. Codex Carolinus, № 49, p. 568; № 55, p. 579—580; № 54, p. 577; № 81, p. 614; № 86, p. 622. Ср. уступку герцогу Райнальду Тусціи и протестъ папы, № 58, p. 583—584.

[5]) Codex Carolinus, № 49, p. 568; № 50, p. 570; № 51, p. 573; № 54, p. 577; № 55, p. 579; № 56, p. 581; № 60, p. 587; № 61, p. 588; № 62, p. 590; № 68, p. 597—8; № 69, p. 599; № 70, p. 600; № 71, p. 601; № 72, p. 602; № 75, p. 606; № 79, p. 611; № 80, p. 613; № 82, p. 616; № 84, p. 619; № 86, p. 622; № 94, p. 635.

Петра", привело въ довольно спутанный видъ счеты союзниковъ. Паденіе же лангобардскаго королевства сдѣлало римскій престолъ самымъ сильнымъ владѣтелемъ Италіи и повело къ увеличенію владѣній св. Петра [1]), полному пользованію которыми составляло помѣху смѣшеніе римскихъ и варварскихъ понятій. Защитникъ римской церкви, уничтоживъ ея опасныхъ враговъ, сталъ къ ней въ положеніе, занятое тысячами подобныхъ защитниковъ церквей во франкскомъ государствѣ [2]), хотя и думалъ, что свято исполняетъ свой долгъ. Такимъ образомъ подготовилась почва для безконечныхъ препирательствъ между преемниками Карла и намѣстниками апостоловъ, постоянно возобновляющими свои правовыя притязанія.

Стало быть, выполненіе одной изъ главныхъ обязанностей королевской власти — защиты римской церкви, не привело къ прочнымъ и стойкимъ порядкамъ въ силу столкновенія государственныхъ понятій и варварскихъ представленій о собственности.

Второе крупное усиліе стать на высоту задачъ христіанскаго правителя король сдѣлалъ, пытаясь распространить свѣтъ истиннаго вѣроученія между свирѣпыми саксами. Пограничная борьба съ ними велась уже очень давно [4]), но Карлъ придалъ ей характеръ проповѣди христіанства желѣзнымъ языкомъ [5]).

Уже при Пипинѣ побѣжденные саксы принимали крещеніе [6]) и вынуждены были открыть доступъ проповѣдникамъ христіанства въ свои предѣлы [7]), но огромное ихъ большинство стойко придерживалось языческихъ вѣрованій [8]), а потому „преданный всегда Богу, Карлъ, будучи христіаннѣйшимъ, сталъ раздумывать, какъ пріобрѣсти для Христа этотъ народъ. По совѣту рабовъ божьихъ, онъ собралъ большое воинство и, призвавъ имя Христово, вступилъ въ саксонскіе предѣлы вмѣстѣ со всѣми епископами, аббатами, священниками и всѣми православными насадителями вѣры, дабы связанное отъ начала міра узами демоновъ племя, увѣровавъ въ святое ученіе, надѣло на

---

1) *Einhardi*, Vita Karoli, c. 6, p. 446.
2) Ср. Codex Carolinus, № 85, p. 622; № 92, p. 629 s.
3) Codex Carolinus, № 94, p. 632 s.
4) *Einhardi*, Vita Karoli, c. 7, p. 446.
5) Translatio Sancti Liborii, c. 5, p. 151, M. G. SS. T. IV.
6) Annales Mettenses an. 748, p. 330.
7) Annales Mettenses an. 753, p. 331.
8) *Rudolfi*, Translatio S. Alexandri, c. 3, p. 675. Vita S. Sturmi. c. 22, p. 376. *Einhardi*, Vita Karoli, c. 7, p. 446.

себя кроткое и пріятное иго Христово. Частью войнами, частью увѣщаніями, частью подарками онъ обратилъ въ вѣру Христову большую часть этого народа и вскорѣ раздѣлилъ его область на епархіи, давъ рабамъ Господа власть учить и крестить" [1]).

Но христіанство въ дѣйствительности легло тяжелымъ бременемъ на саксовъ, и даже другъ Карла Алквинъ приписывалъ [2]) ихъ возстанія невыносимому гнету непривычныхъ десятинъ въ пользу церкви и смертной казни „за самые незначительные проступки" [3]), назначенной извѣстнымъ [4]) капитуляріемъ Карла. Только церковное убѣжище и добровольная исповѣдь замѣняли смерть покаяніемъ [5]).

Какъ извѣстно, понадобилось тридцать три года безпощадной борьбы [6]), чтобъ сломить сопротивленіе саксовъ, не получившихъ въ свои сердца отъ насилій устоевъ вѣры христіанской [7]). Карлъ былъ вынужденъ смягчить [8]) суровость своихъ предписаній и искать поддержки въ саксонской знати. Дававшее ему совѣты папство [9]) торжествовало его побѣду [10]). Несмотря на сохранившіяся въ Саксоніи языческія суевѣрія [11]), обращеніе саксовъ въ христіанство вмѣнялось въ особую заслугу Карлу: его уподобляли апостоламъ [12]) и Іоанну Крестителю [13]). Во всякомъ случаѣ, здѣсь успѣхъ увѣнчалъ стремленія Карла, и предѣлы земного царствія божьяго раздвинулись въ ущербъ языческому міру.

Карлъ придалъ характеръ религіозной борьбы и своему походу противъ аваровъ, признаваемому величайшимъ изъ его боевыхъ предпріятій за исключеніемъ саксонской войны [14]). Авары поплатились за свою поддержку „возстаніямъ саксовъ противъ Бога, короля и христіанъ", равно какъ мятежнымъ стремленіямъ Тассилона бавар-

---

[1]) Vita s. Sturmi, c. 22, p. 376.
[2]) Alcvini Epistolae, № 107, p. 154, № 111, p. 161.
[3]) Alcvini, № 111, p. 161.
[4]) Capitularia, № 26. p. 68—70.
[5]) Ibid., c. 2, p. 68; c. 14, p. 69.
[6]) *Einhardi*, Vita Karoli, c. 7, p. 446.
[7]) *Alcvini*, № 113, p. 164.
[8]) Cap., № 27, p. 71, c. 6, p. 72, cp. Alcvini, № 110, p. 157 s.
[9]) Codex Carolinus, № 77, p. 609.
[10]) Codex Carolinus, № 76, p. 607—608.
[11]) Capitularia, № 107, p. 222, № 108, p. 223.
[12]) Poeta Saxfo, p. 279. M. G. SS. T. I.
[13]) Annales Petaviani, a. 777, p. 16, M. G. SS. T. III.
[14]) *Einhardi*, Vita Karoli, c. 13, p. 449.

скаго [1]). Эти свирѣпые язычники относились съ „чрезмѣрной и невыносимой злобой къ св. церкви и народу христіанскому“; попытка „добиться правды“ при помощи посольства не удалась [2]), и Карлъ рѣшилъ отомстить имъ войною [3]). Послѣ трехдневныхъ моленій на границѣ о побѣдѣ и воздаяніи аварамъ [4]), по совѣту святителей, было предписано всѣмъ, или воздержаться отъ употребленія вина и мяса, или жертвовать ежедневно опредѣленное количество денегъ; всѣ должны были раздавать милостыню; каждый клирикъ ежедневно обязанъ былъ служить обѣдню, а свѣдующіе духовные ежедневно пѣть по пятидесяти псалмовъ [5]) и ходить босикомъ во время молебствій. Только послѣ этой подготовки аварамъ была объявлена война [6]). „И устрашилъ ихъ Господь, такъ какъ Христосъ руководилъ народомъ своимъ [7]). Они не оказали почти никакого сопротивленія, и франки съ богатой добычей и безъ потерь возвратились въ свои предѣлы [8]), разграбивъ, опустошивъ и предавъ огню аварскіе поселки“ [9]).

Слѣдствіемъ этого похода было появленіе пословъ одного изъ аварскихъ князьковъ съ заявленіемъ о передачѣ Карлу своихъ земель и готовности принять христіанство по его распоряженію [10]).

Въ то же время при помощи славянъ былъ нанесенъ аварамъ рѣшительный ударъ, и огромная, накопленная вѣками добыча сдѣлала франковъ изъ бѣдняковъ богачами [11]). Карлъ, получивъ сокровища древнихъ царей, часть отправилъ въ Римъ на храмъ св. апостоловъ; остальное было раздѣлено между вельможами, клириками, мірянами-вассалами [12]); не были забыты епископства, монастыри и бѣдные [13]).

---

[1]) Annales Laureshamenses, p. 35.
[2]) Annales Laurissenses an. 788, p. 172. Annales Einhardi, an. 788, p. 173.
[3]) Annales Laurissenses, an. 791, p. 176.
[4]) Annales Einhardi, an. 791, p. 177.
[5]) Caroli Magni epistolae, № 20, p. 528. Annales Laurissenses, an. 791. p. 176; Annales Eingardi, an. 791, p. 177.
[6]) Epistolae Karoli Magni, № 20, p. 528.
[7]) Einhardi Annales, an. 791, p. 177.
[8]) Annales Laurissenses, an. 791, p. 176; Annales Laureshamenses, an. 791 p. 34.
[9]) *Einhardi*, Vita Karoli, c. 13, p. 450; Einhardi Annales, p. 177; Annales Laureshamenses, p. 34; Annales Petaviani, p. 17.
[10]) Annales Laureshamenses, p. 34; *Einhardi*, Vita Karoli, c. 13, p. 450.
[11]) Annales Laurissenses p. 180, an. 795.
[12]) *Einhardi*, Vita Caroli, c. 13, p. 450. Annales Laurissenses, p. 182, an. 796.
[13]) Annales Laurissenses, p. 182.

Господу Богу, раздаятелю всѣхъ благъ, были вознесены благодарственныя молитвы [1]).

Сила аваровъ была сломлена окончательно, и Карлу оставалось пріобщить ихъ къ сонму христіанскихъ народовъ. Изъявившій уже покорность аварскій ханъ прибылъ въ Ахенъ и былъ торжественно крещенъ вмѣстѣ съ всѣми своими спутниками [2]), при чемъ Карлъ былъ его воспреемникомъ [3]). По принесеніи клятвеннаго обязательства соблюдать принятую вѣру, щедро одаренный ханъ возвратился на родину, но вскорѣ отпалъ отъ христіанства [4]).

Аварское царство было охвачено смутами, существенно облегчившими рѣшительный ударъ, нанесенный ему сыномъ Карла Пипиномъ [5]), опустошившимъ и разрушившимъ столицу язычниковъ до такой степени, что на ея мѣстѣ исчезъ послѣдній признакъ человѣческаго жилища [6]).

Эта побѣда произвела сильное впечатлѣніе на умы современниковъ: „Богъ послалъ на помощь Пипину св. Петра, князя апостоловъ, и даровалъ побѣду православному государю надъ языческимъ народомъ" [7]). Послѣ „чудесной побѣды" надъ аварами, они отправили къ Карлу пословъ, „обѣщая мирное подчиненіе и принятіе христіанской вѣры" [8]). Въ боевомъ станѣ на берегахъ Дуная были собраны епископы довершить свершенное мечемъ дѣло [9]) и разрѣшить обрядовые вопросы, связанные съ „крещеніемъ народа тупого, неразумнаго и невѣжественнаго".

Въ виду малочисленности священниковъ и трудности раскрытія таинствъ столь варварскому племени были сдѣланы нѣкоторыя послабленія. Павлинъ аквилейскій [10]) и Арнонъ зальцбургскій [11]) были

---

[1]) Annales Laureshamenses, p. 36. Monachi Sangallensis Lib. II, c. I, p. 668.

[2]) Annales Laurissenses, p. 182; Annales Laureshamenses, p. 36.

[3]) Annales Einhardi, p. 183; Annales Laurissenses, p. 182; Annales Laureshamenses, p. 36.

[4]) Annales Maximiniani, p. 22, M. G. SS. T. XIII.

[5]) Annales Einhardi, p. 183.

[6]) Annales Laureshamenses, p. 37, an. 796; Annales Laurissenses, p. 182; Annales Einhardi, p. 183. Carmen de Pippini regis victoria Avarica. Appendix ad vitam Karoli Magni, 32—33.

[7]) *Einhardi*, Vita Karoli, c. 13, p. 450.

[8]) Carmen de Pippini regis victoria Avarca, p. 32—33.

[9]) Alcvini, № 68, editio Jaffe Bibliotheca rerum germanicarum, T. VI, p. 312.

[10]) Alcvini, № 99, p. 143.

[11]) Alcvini, № 99, p. 143.

главными дѣятелями на этой нивѣ [1]). Алкуинъ ликовалъ [2]) въ виду обращенія на стезю истины столькихъ народовъ, но совѣтовалъ придерживаться указаній блаженнаго Августина при принятіи язычниковъ въ лоно христіанской церкви и не повторять ошибокъ, сдѣланныхъ въ Саксоніи. Теодульфъ [3]), въ свою очередь, воспѣлъ смиреніе дикихъ аваровъ, готовыхъ служить Христу и призванныхъ къ Нему десницею Карла.

Побѣды этого государя объяснялись современниками, какъ божественная награда за обращеніе въ христіанство всѣхъ побѣжденныхъ имъ [4]). Потомство также останавливало особое вниманіе на этой сторонѣ дѣятельности Карла, признавая, что „онъ былъ сильнымъ борцомъ и истиннымъ апостоломъ въ распространеніи вѣры христіанской и обращеніи языческихъ народовъ, какъ свидѣтельствуютъ саксы, фризы, вестфалы, испанцы и авары, которыхъ онъ словомъ и мечемъ обратилъ въ вѣру каѳолическую“ [5]).

Такъ Карлъ, исполняя долгъ поставленнаго Богомъ правителя, защищаетъ и расширяетъ предѣлы христіанскаго міра силою своего оружія. Слѣдовательно, онъ прибѣгаетъ къ мечу въ тѣхъ случаяхъ, когда война, по бл. Августину [6]), является вполнѣ законною и справедливою. Даже при ея веденіи онъ придерживается опредѣленныхъ нормъ, стараясь предварительно добиться возстановленія правды путемъ переговоровъ и объявляя противнику о началѣ непріязненныхъ дѣйствій. Стало быть, и на боевомъ поприщѣ Карлъ не забываетъ завѣтовъ своего великаго вдохновителя.

Помимо заботъ о безопасности „св. церкви“ отъ внѣшнихъ враговъ и распространенія христіанства среди язычниковъ на Карлѣ лежитъ, какъ извѣстно [7]), попеченіе о внутреннемъ мирѣ, сохраненіи единства и чистоты вѣры [8]). Тутъ его главными противниками оказываются всякаго рода еретики, съ которыми онъ вступаетъ въ непримиримую борьбу.

---

[1]) Conversio Bagoariorum et Carantanorum, M. G. SS. T. XI, c. 6, p. 9. Alcvini, № 107, p. 153, № 112, p. 162.

[2]) Alcvini, № 110, p. 157 s. Ср. № 111, p. 160, № 184, p. 309.

[3]) Theodolfi Carm., 25, p. 484.

[4]) Translatio S. Viti, c. 4, p. 577. M. G. SS. T. II.

[5]) Diploma Frederici I, imperatoris, Migne. T. 98, p. 1861.

[6]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900 г., № 3. *А. Вязигинъ*. Международное право въ средніе вѣка. Спб. 1900, стр. 10 сл.

[7]) См. стр. 125.

[8]) Alcvini Ep., № 7, p. 32.

Ея характеръ съ достаточной яркостью обрисовывается при разсмотрѣніи важнѣйшихъ мѣропріятій Карла, направленныхъ къ установленію обязательнаго для всѣхъ истинно вѣрующихъ рѣшенія чисто догматическихъ вопросовъ.

Само собою понятно, что Карлъ совершенно далекъ отъ мысли о провѣркѣ и самостоятельной разработкѣ догматовъ: онъ ограничивается возстановленіемъ уже давно выработаннаго и сложившагося вѣроученія и обыкновенно черпаетъ доводы изъ богатой сокровищницы древнецерковной литературы [1]). Да и общій культурный уровень франковъ представлялъ чрезвычайно неблагопріятную почву для возникновенія самостоятельныхъ еретическихъ броженій [2]). Поэтому Карлу приходилось бороться съ „иноземными заблужденіями" при помощи „франкской учености".

Важнѣйшія изъ этихъ заблужденій обязаны своимъ возникновеніемъ столкновенію христіанскихъ идей съ мусульманскимъ міромъ. Его чистое единобожіе подняло вопросъ о согласованіи единства и троичности Божества и установленіи извѣстныхъ отношеній между лицами св. Троицы, равно какъ объ упорядоченіи почитанія святыхъ и священныхъ изображеній.

Люди запада соприкоснулись съ мусульманами въ Испаніи, и изъ этой отдаленной и обособленной страны еретическія мысли проникли въ франкскіе предѣлы, откуда были отправлены проповѣдники на Пиринейскій полуостровъ [3]) для поддержанія единства.

Въ испанской церкви оказался цѣлый рядъ уклоненій отъ вѣроученія, исповѣдуемаго римской церковью и служащаго образцомъ для всѣхъ блюдущихъ единство церковное. Разномысліе распространялось на время празднованія Пасхи [4]); „нѣкоторые испанцы признавали грубой и необразованной деревенщиной тѣхъ, кто отказывался употреблять въ пищу кровь мелкаго скота или свиней и удавленину" [5]); „другіе вѣрили въ предопредѣленіе" [6]); „многіе, считая себя православными, имѣли общеніе съ евреями и некрещенными язычниками, не признавали оскверненіемъ для себя ѣсть и пить съ ними и даже

---

[1]) Epistolae Caroli, № 6, p. 900. Migne, T. 98.
[2]) Ср. *Hauck*, Kirchengeschichte Deutschlands, Th. II, p. 250. Leipzig. 1890.
[3]) Codex Carolinus, № 95, p. 637.
[4]) Codex Carolinus, № 95, p. 640—641; № 96, p. 645.
[5]) Codex Carolinus, № 95, p. 641—642; № 96, p. 646.
[6]) Codex Carolinus, № 95, p. 642; № 96, p. 646.

отдавали языческому народу своихъ дочерей"[1]); римскій обычай поститься по субботамъ встрѣчалъ упорныя возраженія[2]). „Кромѣ этихъ и другихъ поводовъ" къ столкновенію[3]) съ общераспространенными въ римской церкви воззрѣніями и порядками, испанцы обратили на себя вниманіе ревнителей и блюстителей чистоты вѣроученія своими спорами о Троицѣ: одинъ священникъ, по имени Мигецій, утверждалъ, что Богъ трижды воплощался: какъ Отецъ—въ лицѣ Давида, какъ Сынъ—въ Іисусѣ, какъ Духъ Св.—въ апостолѣ Павлѣ[4]).

Повидимому, это былъ не совсѣмъ нормальный человѣкъ[5]), заслуживающій упоминанія только потому, что въ его взглядахъ отразилось мнѣніе, сдѣлавшееся краеугольнымъ камнемъ для непримиримыхъ папистовъ. Мигецій училъ[6]), что только Римъ является каѳолическою церковью, къ которой исключительно относятся извѣстныя слова Спасителя: „ты еси Петръ"; Римъ—новый Іерусалимъ, сошедшій съ неба на глазахъ Іоанна, и жилище Христа; всѣ святители римской церкви—святы и безупречны, „такъ какъ въ нее не можетъ войти ничто замаранное, или творящее гнусности и ложь". Къ невѣрнымъ и грѣшникамъ Мигецій относился съ крайней нетерпимостью и отказывался раздѣлять съ ними трапезу[7]). Отъ священнослужителей онъ требовалъ святой жизни[8]), повидимому, ставя въ связь съ ихъ личными качествами дѣйственную силу таинствъ.

Мигецій имѣлъ много сторонниковъ[9]), и поднятый имъ шумъ вызвалъ страстныя обличенія Элипанда Толедскаго, который въ пылу спора съ этою „бѣшеной собакой" самъ обнаружилъ свою нетвердость въ вѣрѣ и сдѣлался однимъ изъ виновниковъ возникновенія адопціанской ереси[10]), надолго приковавшей къ себѣ вниманіе тогдашнихъ знатоковъ богословія и подавшей Карлу ближайшій поводъ вмѣшаться въ рѣшеніе чисто церковныхъ, догматическихъ вопросовъ.

Элипандъ[11]) призналъ Іисуса Христа сыномъ божьимъ по усыно-

---

1) Codex Carolinus, № 95, p. 643; № 97, p. 646—647.
2) Codex Carolinus, № 97, p. 648.
3) Codex Carolinus, № 95, p. 643; № 96, p. 647.
4) Elipandi epistola ad Migetium c. 3. Migne, T. 96, p. 860,
5) Elipandi epistola Migne, T. 101, c. 17, p. 1330.
6) Elipandi Epistola № 1, c. 12, p. 866—867. Migne T. 96.
7) Ibid., c. 11, p. 865—866.
8) Ibid., c. 10, p. 864.
9) Ibid., c. 5, p. 863; ср. c. 2, p. 859.
10) *Hefele*, Concilien-Geschichte B. III, p. 642 s.
11) Codex Carolinus № 95, p. 637.

вленію [1]), подобно Моисею, и попытался обосновать свою точку зрѣнія. Онъ нашелъ единомышленниковъ и противниковъ своихъ воззрѣній. Завязался оживленный обмѣнъ мыслей въ ходившихъ по рукамъ посланіяхъ. Страсти разгорѣлись съ неукротимою силою; посыпались обвиненія въ ереси противниковъ и требованія принятія противъ нихъ карательныхъ мѣръ; доводы, почерпнутые изъ св. Писанія и твореній св. отцовъ, перемѣшивались съ бранными выходками и личными нападеніями. Архіепископъ Толедскій, глава Испанской церкви, былъ глубоко возмущенъ [2]) противорѣчіемъ своихъ собственныхъ овецъ и отстаивалъ мѣстныя особенности и обряды, въ которыхъ видѣлъ доказательство своей правоты [3]).

Стало быть, въ адопціанствѣ можно видѣть одно изъ проявленій того духа разложенія единой церкви на національныя, который привелъ уже къ образованію монофизитства, несторіанства и другихъ мѣстныхъ пониманій христіанства,—попытокъ сдѣлать доступными его таинства ограниченному уму человѣка.

Папа, получивъ свѣдѣнія о заблужденіи Элипанда, сталъ на стражу общецерковнаго ученія [4]) и увѣщалъ испанскихъ епископовъ защищать ученіе истинной вѣры, полученное нѣкогда отъ святой, каѳолической и апостольской римской церкви и не уклоняться отъ ея предписаній даже въ мелочахъ, „ибо никому изъ епископовъ нельзя не знать св. каноны или совершать противное отческимъ правиламъ“ [5]).

Карлъ, въ свою очередь, не замедлилъ выступить противъ ереси, внѣдрившейся уже въ предѣлы его государства. Какъ и подобало православному государю, онъ прибѣгнулъ къ содѣйствію собора, созваннаго подъ его предсѣдательствомъ въ Регенсбургѣ [6]) и состоявшаго изъ множества „святителей Христовыхъ, сошедшихся изъ различныхъ частей христіанской имперіи“. Ученіе, противное воззрѣніямъ древней каѳолической церкви, было осуждено; его ярый поборникъ, епископъ Феликсъ Ургельскій, вызванный къ королю и уличенный въ

[1]) Annales Einhardi an. 792, p. 179. Annales Laureshamenses p. 86. Cap. № 28, p. 73.

[2]) Heterii et Sancti Beati ad Elipandum epistola, Lib. I, c. 43. Migne T. 96, p. 918.

[3]) *Hauck*, II, p. 256 s.

[4]) Codex Carolinus, № 95, p. 636 s.

[5]) Codex Carolinus, № 95, p. 648.

[6]) Annales Einhardi an. 792, p. 179. Annales Laurissenses, p. 178. Harduini, T. IV, p. 927.

своихъ заблужденіяхъ, раскаялся въ нихъ передъ лицомъ собора и предалъ вмѣстѣ съ нимъ анаѳемѣ называющихъ Іисуса Христа по плоти усыновленнымъ сыномъ божьимъ [1]); еретическія сочиненія, во избѣжаніе соблазна, были преданы огню [2]).

Осужденный епископъ былъ отправленъ Карломъ въ Римъ съ цѣлью придать рѣшенію помѣстнаго собора вселенскій авторитетъ. Адріанъ самъ взялъ на себя окончательное обращеніе Феликса и побудилъ его въ темницѣ написать опровérженіе своихъ прежнихъ посланій, „предать ученіе адопціанъ анаѳемѣ и признать Господа нашего Іисуса Христа истиннымъ и собственнымъ Сыномъ божьимъ" [3]).

Папа постарался придать самую торжественную обстановку отреченію: православное сочиненіе Феликса было положено сначала на св. Тайны, и на нихъ заблуждавшійся епископъ поклялся „впредь такъ вѣровать и учить" и возобновилъ клятву на мощахъ св. Петра.

Но возвратившись въ свой епископскій городъ, Феликсъ вернулся и къ прежнимъ мыслямъ [4]). Вскорѣ онъ бѣжалъ подъ защиту мусульманъ и выступилъ съ перомъ въ рукахъ противъ церковнаго ученія. Осужденіе ереси не убило мужества въ рядахъ ея сторонниковъ; Элипандъ обратился съ письмомъ [5]) къ самому Карлу, увѣщалъ его отказаться отъ заблужденія и, слѣдуя примѣру св. Петра, измѣнить свое мнѣніе на лучшее, не прибѣгать къ насилію противъ адопціанъ, но изгнать изъ своего государства ученіе ихъ противниковъ. Одновременно Элипандъ отправилъ къ епископамъ Галліи, Аквитаніи и Австразіи обширный сводъ доказательствъ въ подкрѣпленіе своего ученія съ просьбой довести ихъ до свѣдѣнія Карла и поддержать миръ съ испанской церковью.

Повелитель франковъ продолжалъ по прежнему идти рука объ руку съ римской церковью и поспѣшилъ переслать папѣ посланіе Элипанда [6]). Тогда Адріанъ прислалъ легатовъ на созванный Карломъ соборъ во Франкфуртѣ [7]), являющійся однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ церковной жизни Запада и наиболѣе яркимъ доказатель-

---

[1]) Annales Fuldenses, p. 350, M. G. SS. T. I.

[2]) Annales Maximiniani, M. G. SS. T. XIII, p. 22.

[3]) Harduini, IV, p. 927—928.

[4]) Poeta Saxo, p. 249. Alcvini Epist, № 23, p. 60.

[5]) Elipandi Epistola № 3, Migne, T. 96, p. 867—869.

[6]) Jaffe, № 2482, p. 305.

[7]) Annales Laurissenses, p. 180, an. 794. Annales Einhardi, p. 181, Chronicon Moissiacense, p. 300—301. Annales Laureshamenses, p. 36.

ствомъ присвоенія Карломъ правъ и преимуществъ христіанскихъ императоровъ еще до принятія императорскаго титула.

На соборъ, въ силу апостольскаго авторитета и приказанія государя [1]), прибыли епископы различныхъ областей его державы и были приглашены ученые изъ Британіи, что подало поводъ современникамъ смотрѣть на франкфуртское собраніе, какъ на представителя вселенской церкви. Предсѣдательствовалъ на немъ, подобно своимъ римско-византійскимъ образцамъ, Карлъ, повелѣвшій, по открытіи засѣданій, прочитать посланіе Элипанда.

„Владыка земли" сразу открылъ свою точку зрѣнія, назвавъ испанское ученіе „глупымъ заблужденіемъ" и признавъ необходимымъ его искорененіе, хотя оно распространено только на самой окраинѣ государства. Это заявленіе опредѣлило задачу собора, отцамъ коего было предоставлено выразить свое мнѣніе по поводу поднятаго вопроса и представить его королю.

Элипандъ не нашелъ въ Франкфуртѣ ни одного защитника. Павлинъ Аквилейскій [2]) и итальянскіе епископы составили опроверженіе адопціанства на основаніи свидѣтельствъ св. писанія [3]), тогда какъ франкскіе святители избрали своей опорой сочиненія св. отцовъ [4]).

Такимъ образомъ, Карлъ подвергъ ересь самому всестороннему разсмотрѣнію; всѣ доводы ея сторонниковъ были тщательно разсмотрѣны [5]), и соборъ единогласно постановилъ искоренить вполнѣ это заблужденіе изъ св. церкви [6]). Его виновники въ случаѣ упорства исключались изъ лона церковнаго. Та же кара тяготѣла надъ всякимъ, кто примкнулъ бы къ нимъ послѣ соборнаго осужденія.

Въ свою очередь, папа, за которымъ былъ оставленъ окончательный приговоръ [7]), въ особомъ посланіи [8]) обличилъ еретиковъ, назначилъ покаяніе для обратившихся, а „упорныхъ съ великою скорбью связалъ узами вѣчной анаеемы", разрѣшивъ молиться объ ихъ обращеніи на стезю истины.

Имѣя за собой столь внушительное большинство, Карлъ отвѣ-

[1]) Capitularia, № 28, p. 73.
[2]) Paulini Libellus sacrosyllabus. Migne T. 99, c. 1, p. 153.
[3]) Libellus sacrosyllabus, p. 151—166. Migne, T. 99.
[4]) Harduini, T. IV, p. 882—896.
[5]) Epistolae Caroli Magni, № 6, p. 903—4; Migne, T. 98.
[6]) Cap., № 28, p. 73; Chronicon Moissiacense, p. 301.
[7]) Libellus sacrosyllabus, c. 13, p. 165.
[8]) Harduini, T. IV, p. 865—872.

тилъ [1]) испанскому меньшинству призывомъ къ мирному объединенію и сохраненію чистоты вѣры, равно какъ приглашеніемъ избѣгать пагубной гордыни, придерживаться св. отцовъ, изучать ихъ писанія, вѣрить ихъ ученію, не уклоняясь ни направо, ни налѣво. Карлъ обращался къ еретикамъ въ очень мягкихъ и даже сердечныхъ выраженіяхъ, но рѣшительно сталъ на сторону ученія апостольскаго престола. Указавъ, что просьба еретиковъ о разслѣдованіи имъ исполнена [2]), Карлъ ставилъ [3]) оказаніе помощи противъ угнетеній невѣрныхъ въ ближайшую зависимость отъ присоединенія испанцевъ къ вселенской церкви: если же они не одумаются послѣ увѣщаній апостольскаго престола и соборнаго единодушія, то онъ будетъ считать ихъ еретиками и не осмѣлится имѣть съ ними какое-либо общеніе.

Какъ бы предвидя дальнѣйшую литературную борьбу съ еретиками, Карлъ выдвигаетъ [4]) знаменитаго своею ученостью Алквина, уже пытавшагося „отвратить отъ новшествъ“ Феликса своимъ посланіемъ [5]). Но Феликсъ не остался въ долгу и отстаивалъ свои взгляды въ трактатѣ, доставленномъ Карлу [6]). Въ свою очередь, Алквинъ не замедлилъ новымъ опроверженіемъ [7]), которое также отправилъ къ королю, по его приказанію [8]), съ просьбой о провѣркѣ выдвинутыхъ доводовъ близкими Карлу лицами [9]).

Франкскій король одобрилъ трудъ Алквина и снова искалъ поддержки у апостольскаго престола: новый соборъ, созванный по его совѣту въ Римѣ папой Львомъ, опровергъ мнѣніе Феликса „не насиліемъ, но доводами истины“ [10]).

Такъ Карлъ сдѣлался сосредоточеніемъ борьбы съ ересью. Онъ

---

[1]) Caroli Magni Epistolae, № 6, p. 889—906; Migne, T. 98.

[2]) Ibid., p. 902.

[3]) Ibid., p. 904—905.

[4]) Cap., № 28, p. 78, c. 56.

[5]) Alcvini Ep., № 23, p. 60—65.

[6]) Alcvini, № 202, p. 335.

[7]) Beati Alcvini adversus Felicis haeresin libellus. Migne, T. 101, p. 87—120. Подробности объ этой полемикѣ см. *Werner*, Alcvin und sein Jahrhundert, p. 54 ss. Hauck, II, p. 269 s. *Limborgh* Alcuinus als bestrijder van net adoptionisme, Gröningen. 1901.

[8]) Alcvini, № 202, p. 335.

[9]) Alcvini, № 172, p. 284; Ср. № 203, p. 336 s. Ср. № 171, p. 282; № 149, p. 243.

[10]) Alcvini, № 199, p. 329.

нанесъ ей новый и притомъ рѣшительный ударъ такимъ же мирнымъ орудіемъ, какимъ сражался до сихъ поръ. Видя, что полемика затягивается и не приводитъ распрю къ концу, онъ рѣшилъ поставить противниковъ лицомъ къ лицу и завершить дѣло диспутомъ въ своемъ присутствіи. Феликсъ далъ клятвенное обѣщаніе явиться на защиту своего мнѣнія [1]), прибылъ въ Ахенъ и послѣ продолжительнаго диспута съ Алквиномъ призналъ себя побѣжденнымъ [2]) и отправилъ своей паствѣ извѣщеніе о своемъ обращеніи [3]). Но искренность его осталась подъ сильнымъ подозрѣніемъ, и онъ былъ вскорѣ посаженъ въ монастырь [4]), подъ надзоръ архіепископа ліонскаго Лейдрада, которому Карлъ поручилъ вмѣстѣ съ другими уполномоченными [5]) „уничтожить и загасить неправильнѣйшія утвержденія".

Но Элипандъ Толедскій, подъ защитою мусульманскихъ стрѣлъ, оставался непоколебимымъ поборникомъ своихъ убѣжденій и продолжалъ борьбу: Алквинъ преувеличилъ силу своей учености и своего краснорѣчія; его посланіе [6]) къ примасу испанской церкви удостоилось такого яростнаго отпора, что англо-саксонскій ученый заговорилъ въ свою очередь языкомъ оскорбленной гордости, а не христіанскаго братолюбія [7]).

Напрасно окрыленный побѣдой надъ Феликсомъ Алквинъ изливалъ свой гнѣвъ и показывалъ свою ученость, напрасно, по приказанію Карла, Павлинъ Аквилейскій выступилъ его соратникомъ [8]), адопціанство продолжало существовать еще долгіе годы въ Испаніи [9]). Но энергичная дѣятельность Карла, безъ особо крутыхъ мѣръ, положила предѣлъ его распространенію внѣ пиринейскаго полуострова и не позволила народамъ Запада отпасть отъ единства вселенской церкви.

Тутъ „защитникъ православной вѣры" оказался на высотѣ своего положенія и предупредилъ расчлененіе западно-европейскаго міра въ

---

[1]) Alcvini, № 198, p. 320; № 194, p. 822; ср. № 199, p. 329.

[2]) Alcvini, № 207, p. 344. Adversus Elipandum Lib. I, c. 16, p. 251—252. Migne T. 101. Vita Alchwini, c. 10, p. 190; M. G. ss. T. XV.

[3]) Alcvini, № 199, p. 329—330.

[4]) Alcvini, № 207, p. 345; № 208, p. 346.

[5]) Alcvini, № 200, p. 330; № 207, p. 345.

[6]) Alcvini, № 166, p. 268—274.

[7]) Alcvini № 182, p. 301—307. Ср. № 183, p. 307—8 и Adversus Elipandi Libri IV, Migne, T. 101, p. 243—300.

[8]) Epistolae variorum Carolo regnante scriptae, № 17, p. 523 s. Alcvini, № 208, p. 346.

[9]) Hauck, II, p. 276.

вѣроисповѣдномъ отношеніи, которое, какъ показываетъ судьба даже болѣе культурнаго Востока, грозило обострить національныя особенности и привести къ паденію единую церковь и единое государство.

Однако Карлъ былъ въ большомъ обольщеніи по поводу франкской учености, справившейся, и то не вполнѣ, съ заблужденіемъ, возникшимъ въ провинціальномъ уголкѣ Запада. Опираясь на своихъ ученыхъ, франкскій король выступилъ съ обличеніями не только противъ Восточной церкви, но и, косвеннымъ образомъ, противъ Рима, благодаря чему попалъ въ крайне затруднительное положеніе и пошатнулъ свой союзъ съ папствомъ.

Ближайшій поводъ къ этому столкновенію подалъ второй Никейскій соборъ, возстановившій, какъ извѣстно, иконопочитаніе на Востокѣ. На этомъ соборѣ присутствовали папскіе легаты; посланіе папы Адріана послужило для него „глазомъ, направившимъ церковь на путь истинный"; онъ торжественно объявилъ о возстановленіи единства и осудилъ распрю, терзавшую столько лѣтъ христіанскій міръ. Востокъ и Западъ дружески протянули руки другъ другу и приняли общее исповѣданіе [1]), подтвердивъ ученіе, переданное св. отцами.

Неожиданное препятствіе осуществленію исконнаго идеала возникло со стороны могущественнаго франкскаго короля.

Получивъ еще не скрѣпленные Адріаномъ акты собора, повелитель избраннаго народа и защитникъ чистоты церковнаго ученія почувствовалъ себя жестоко уязвленнымъ въ своей гордости: соборъ, на коемъ не было представителей франкской церкви, былъ объявленъ вселенскимъ; императоры Византіи передъ лицомъ всего міра выступали въ качествѣ органа теократіи, т.-е. заслоняли собой положеніе Карла; женщина играла главную роль, тогда какъ съ божьимъ помазанникомъ не соблаговолили даже посовѣтоваться. Надо было напомнить о своемъ существованіи; надо было показать надменнымъ грекамъ, что вселенская церковь имѣетъ представителей и внѣ предѣловъ ихъ владѣній, что франкскіе ученые способны возвысить свой собственный голосъ и обличить промахи кичливыхъ византійцевъ, дерзнувшихъ напасть на ученіе, раздѣляемое франкской церковью [2]).

Таково настроеніе, обусловившее возникновеніе пресловутыхъ „Libri Carolini", къ сожалѣнію дошедшихъ до насъ далеко не въ исправномъ

[1]) Подробности у *Hefele*, III, p. 441 ss. *Langen*, Geschichte der römischen Kirche von Leo I bis Nicolaus I, p. 748 ss.

[2]) Libri Carolini Lib. II, c. 12, p. 1077; Migne, T. 98.

видѣ [1]). Здѣсь Карлъ выступаетъ руководителемъ восточной церкви, съ цѣлью наставить ее въ истинномъ вѣроученіи и спасти отъ еретическихъ заблужденій: онъ рѣшительно возстаетъ противъ постановленій никейскаго собора и почитанія иконъ, считая себя вынужденнымъ взяться за перо, „дабы безсильный и безоружный врагъ, пришедшій съ Востока, былъ пораженъ на Западѣ" приведенными Карломъ мнѣніями св. отцовъ [2]).

Доводы византійцевъ въ защиту иконопочитанія представляются ему совершенно непригоднымъ оружіемъ [3]), и онъ торжествуетъ легкую и блестящую побѣду надъ своими „глупыми и невѣжественными" противниками. Какъ истые знатоки писанія и св. отцовъ, сотрудники Карла подчеркиваютъ ошибки византійцевъ и наставляютъ ихъ на путь истинный, поучая логически и методически разбирать данныя.

Учителя восточной церкви не признаются достаточнымъ авторитетомъ [4]). Критическій духъ, дѣйствительно, сказывается во многихъ мѣткихъ замѣчаніяхъ авторовъ „Каролингскихъ книгъ": они усиленно совѣтуютъ, напримѣръ, памятовать завѣтъ Апостола и все изслѣдовать, не довѣряя слѣпо разсказамъ о чудесахъ [5]); они объявляютъ, слѣдуя авторитету Геласія, апокрифомъ разсказъ о перепискѣ Іисуса Христа съ Авгаремъ, такъ какъ объ этомъ нѣтъ упоминанія въ Евангеліи [6]).

Съ особой рѣзкостью Карлъ нападаетъ на положеніе, присвоенное византійскимъ императоромъ въ церкви, и даже не удостаиваетъ его должнаго титула, называя просто „королемъ".

Но все построеніе сотрудниковъ Карла покоится на ложномъ основаніи: введенные въ заблужденіе невѣрнымъ переводомъ, они опровергаютъ ученіе, осужденное соборомъ, и напрасно тратятъ заряды своей учености. Въ свою очередь, они впадаютъ въ грубыя ошибки [7]), свидѣтельствующія о довольно слабомъ уровнѣ свѣдѣній.

Такимъ образомъ, этотъ любопытный памятникъ не оправдываетъ притязаній его составителей, но ярко отражаетъ намѣреніе Карла отстоять значеніе Запада противъ притязаній Востока на первенство

---

1) *Hefele*, III, p. 694 ss.
2) Libri Carolini praefatio, p. 1005.
3) Ibid. Lib. IV, c. 25, p. 1241.
4) Ibid. Lib. IV, c. 5, p. 1191; Lib. IV, c. 16, p. 1146; Lib. II, c. 17, p. 1082.
5) Lib. III, c. 25, p. 1167; Lib. IV, c. 11, p. 1203.
6) Lib. IV, c. 10, p. 1202.
7) Hefele III, p. 699 s.

и служитъ доказательствомъ, что мысль о принятіи императорскаго титула зрѣла въ тайникахъ его души еще до 800 года. Но ему не удается обосновать самостоятельность управляемой имъ церкви, такъ какъ мѣриломъ [1]) правовѣрія для него служитъ ученіе Рима, стоящаго во главѣ остальныхъ апостольскихъ церквей—высшаго авторитета, по бл. Августину въ вопросахъ вѣры.

Слѣдовательно, Востокъ имѣлъ вполнѣ вѣское основаніе считаться только съ папой, который притязалъ на честь быть главнымъ виновникомъ какъ созванія никейскаго собора, такъ и его рѣшеній [2]). Вдобавокъ, Адріанъ признавалъ византійскаго императора владыкою Рима и объяснялъ ему объединеніе варварскихъ народовъ Запада Карломъ, какъ слѣдствіе „повиновенія увѣщаніямъ и выполненія во всемъ желаній“ римскаго епископа [3]).

Франкскій государь, какъ вѣрный сынъ римской церкви, отправилъ свои критическія замѣчанія на акты никейскаго собора, отвергнутаго подвластнымъ ему духовенствомъ во Франкфуртѣ [4]), къ папѣ Адріану „для исправленія по его авторитетному приговору“ [5]).

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать, но далеко не соотвѣтствовалъ точкѣ зрѣнія Карла: папа далъ ему очень хорошій урокъ и взялъ на себя защиту никейскаго собора. Въ своемъ обширномъ посланіи [6]) Адріанъ бьетъ Карла его стремленіемъ отожествить истинное вѣроученіе съ исповѣданіемъ римской церкви и показываетъ ему, что никейскій соборъ проводитъ взгляды, искони присущіе намѣстникамъ св. Петра. Шагъ за шагомъ, доводъ за доводомъ разбираетъ папа нападенія Карла и показываетъ ихъ несостоятельность съ точки зрѣнія римской церкви.

Воодушевленный мыслью о тяжелой отвѣтственности своей въ день судный, Адріанъ выражаетъ радость по поводу обращенія многихъ тысячъ христіанъ, спасшихся изъ бездны еретическихъ заблужденій, и считаетъ своей обязанностью признать исповѣданіе восточнаго собора. Какъ умный и тонкій политикъ папа не обрушивается на Карла съ громами проклятій за его заблужденіе, но выражаетъ

[1]) Libri Carolini Cap. 6, p. 1019—1022.
[2]) Migne, 98, p. 1291.
[3]) Jaffe I, № 2448; Migne, T. 96, p. 1215, ss.
[4]) Cap., № 28, p. 73—74.
[5]) Conventus parisiensis. Migne, T. 98, p. 1300.
[6]) Epistola Adriani papae ad beatum Carolum regem de imaginibus. Migne, T. 98, p. 1247—1292.

твердую увѣренность въ томъ, что „дурные и невѣрные люди" не поколеблятъ твердости Карла въ православной вѣрѣ и онъ „по прежнему будетъ любить и хранить ученіе своей духовной матери—святой каѳолической и апостольской римской церкви" [1]).

Такъ Карлъ попалъ въ своего рода заколдованный кругъ, для выхода изъ коего онъ долженъ былъ, вопреки своимъ вѣрованіямъ, отважиться на прямой, открытый, разрывъ съ Римомъ. Ожиданія папы оправдались, и франкскій государь, несмотря на утвержденія новѣйшихъ изслѣдователей [2]), ничѣмъ не обнаружилъ упорства: вопросъ о почитаніи иконъ сходитъ совершенно съ очереди, и до конца жизни Карлъ не повторяетъ своихъ нападеній на византійцевъ по этому поводу.

Папа воспользовался случаемъ, чтобъ показать „римскому патрицію", что всѣ вообще свѣтскіе владѣтели несутъ одинаковыя обязанности передъ апостольскимъ престоломъ, такъ какъ выразилъ намѣреніе признать византійскаго императора еретикомъ за его упорное нежеланіе возвратить отобранныя иконоборцами владѣнія римской церкви и возстановить предѣлы ея епархіи: „ибо если повсюду церкви христіанскія неприкосновенно владѣютъ своими областями, то тѣмъ болѣе должны оставаться ненарушимыми во всѣхъ отношеніяхъ владѣльческія права св. апостольской и каѳолической римской церкви, главы всѣхъ Божьихъ церквей" [3]).

Апостольскій престолъ лишь примѣнялся къ обстоятельствамъ и щадилъ могущественнаго своего защитника, тогда какъ менѣе сильные владѣтели должны были извѣдать всю тяжесть зависимаго положенія свѣтской власти. Тотъ же папа Адріанъ говоритъ инымъ языкомъ съ князьками Британіи, куда отправляетъ своихъ легатовъ „для возобновленія и укрѣпленія каѳолической вѣры" [4]). Устранивъ длинный рядъ нестроеній и языческихъ уклоненій, легаты на помѣстномъ соборѣ [5]), въ присутствіи посла Карла, обязали [6]) королей и князей творить правду, повиноваться епископамъ и почитать церковь; самое избраніе королей должно было производиться священниками и народными старѣйшинами.

---

[1]) Migne, T. 98, p. 1292.

[2]) Hauck II, p. 296—8, совершенно произвольно измѣняетъ послѣдовательность событій, чтобъ выставить Карла дѣйствующимъ наперекоръ увѣщаніямъ папы.

[3]) Migne, T. 98, p. 1292.

[4]) Jaffe I, p. 301.

[5]) Bibliotheca rerum germanicarum, B. VI, p. 155.

[6]) Alcvini, № 3, p. 20.

Стало быть, апостольскій престолъ зоркимъ окомъ слѣдилъ за положеніемъ духовенства въ различныхъ странахъ Запада и работалъ дѣятельно надъ ихъ подчиненіемъ св. Петру. Карлу временно отводилось вліяніе, но только до тѣхъ поръ, пока онъ не выходилъ изъ рамокъ общепринятаго вѣроученія и построеній, изъ него вытекавшихъ. Папство отказало ему въ своей поддержкѣ, когда онъ противопоставилъ византійской надменности варварскую кичливость и чванство. Оно не могло пойти противъ своего защитника и прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, но достаточно ясно указало ему нелѣпость его затѣи.

Нельзя сказать, что бóльшая удача выпала на долю Карла, когда онъ еще разъ высказался по чисто догматическому вопросу, разное рѣшеніе котораго служило впослѣдствіи столько разъ камнемъ преткновенія для возстановленія церковнаго мира между Востокомъ и Западомъ.

Уже въ Libri Carolini Карлъ нападаетъ [1]) на ученіе патріарха Тарасія „объ исхожденіи Духа святого отъ Отца черезъ Сына, а не „и отъ Сына", „какъ вѣритъ и исповѣдуетъ вся вообще церковь". Папа Адріанъ взялъ на себя трудъ показать Карлу [2]), что исповѣданіе Тарасія „не измышлено имъ самимъ, а повторяетъ ученіе св. отцовъ". Однако „апостольскій престолъ" не осудилъ мнѣніе, коренящееся въ Августиновскихъ воззрѣніяхъ на Троицу [3]) и распространенное на западѣ. Для варварской пытливости вопросъ остался открытымъ, и Карлъ, стремившійся осуществить идеалъ правовѣрія, прибѣгнулъ для разрѣшенія своихъ недоумѣній къ главному столпу западной учености—Алквину, который всецѣло стоялъ, какъ богословъ, на точкѣ зрѣнія Августина [4]).

Въ особомъ трактатѣ [5]), написанномъ по просьбѣ Карла, Алквинъ обосновываетъ свидѣтельствами св. писанія и отцовъ ученіе объ исхожденіи св. Духа „и отъ Сына". Другой выдающійся писатель каролингской эпохи—Павлинъ Аквилейскій, еще раньше также по-

---

[1]) Libri Carolini Lib III, c. 3, p. 1117. Ср. c. 8, p. 1149.

[2]) Migne, T. 98, p. 1249—1252.

[3]) *Langen*. Geschichte der römischen Kirche von Leo I bis Nicolaus I, p. 789; 761.

[4]) *Werner*. Alcvin und sein Jahrhundert, p. 159. Ср. также. Alcvini, № 19, p. 53; № 23, p. 63; № 166, p. 270; № 201, p. 334; № 203, p. 339; № 268, p. 427; № 100, p. 146; № 163, p. 265; № 307, p. 468—469; № 309, p. 474.

[5]) Libellus de processione Spiritus Sancti Migne, T. 101, p. 64—82.

пытался отстоять правильность этого исповѣданія: на помѣстномъ соборѣ [1]) онъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что никейскій символъ по причинѣ своей краткости, неправильно понимается людьми простыми и неучеными, а потому надлежитъ, не прибавляя и не убавляя ничего, изложить его ученіе. Въ этомъ изложеніи [2]) находитъ мѣсто и „filioque".

Такимъ образомъ, франкскіе богословы думали [3]), что исповѣдываемое ими ученіе оправдывается святоотческими писаніями и не противорѣчитъ соборнымъ постановленіямъ, уклоненіе отъ коихъ, какъ напоминалъ Адріанъ Карлу [4]), навлекало на отступниковъ анаѳему.

Но остававшаяся рознь въ ученіи, касавшемся одной изъ глубочайшихъ тайнъ христіанской вѣры, рано или поздно должна была сказаться въ открытомъ столкновеніи, такъ какъ единство исповѣданія должно было составлять существенный признакъ вселенской церкви. Обѣ стороны не могли, съ точки зрѣнія людей того времени, быть правыми и только одна изъ нихъ придерживалась истины. Вопросъ о правотѣ вспыхнулъ на той почвѣ, которая и по нынѣ является поприщемъ для постоянныхъ состязаній между восточной и западной церквами.

Священное для всѣхъ христіанъ мѣсто жизни и страданій Спасителя равно было дорого и византійцамъ и народамъ запада. Карлъ, какъ присяжный покровитель христіанъ [5]), не упускалъ изъ виду Палестины [6]) и воспользовался дружественными связями съ халифомъ для упорядоченія положенія святыхъ мѣстъ, уступленныхъ ему мусульманскимъ повелителемъ [7]). Іерусалимскій патріархъ прислалъ франкскому государю ключи отъ св. Гроба, города Іерусалима и горы Сіона вмѣстѣ съ городскимъ знаменемъ [8]). Стало быть, символически власть Карла была признана главою іерусалимской церкви.

На Масличной горѣ пріютился монастырь западныхъ монаховъ,

---

[1]) Harduini T. IV, p. 847 s.

[2]) Symbolum fidei Harduini IV, p. 855—866.

[3]) Appendix ad Alcvini epistolos, № 3, p. 490—491.

[4]) Migne, T. 98, p. 1253.

[5]) *Einhardi.* Vita Karoli, c. 27, p. 457.

[6]) Annales Einhardi, p. 187; p. 194. Annales Laurissenses, p. 186. Vita Karoli, c. 27, p. 457. Alcvini, № 214, p. 359; Annales Nordhumb. p. 156 M. G. S. T. XIII. Annales Maximian. Ibid., p. 23.

[7]) Vita Karoli, c. 16, p. 451.

[8]) Annales Laurisenses, p. 188; Annales Einhardi, p. 189; chronicon Moissiacense, p. 305.

которые были обвинены греками въ ереси за неправильное ученіе объ исхожденіи св. Духа. Монахи, какъ „находящіяся вдали овцы папы, коему ввѣренъ весь міръ“, обратились въ Римъ [1]), ссылаясь на примѣръ Карла, въ придворной капеллѣ котораго символъ пѣли съ оспариваемой греками прибавкой, и на данныя имъ Карломъ книги. Признавая ученіе римской церкви правильнымъ, иноки просили папу, въ виду настойчивости грековъ, высказаться по спорному вопросу и довести до свѣдѣнія Карла объ ихъ ссылкѣ на принятый при его дворѣ символъ, называемый греками еретическимъ.

Папа Левъ III переслалъ посланіе монаховъ Карлу, присовокупивъ, что отправилъ въ обитель на Масличной горѣ символъ истинной и незапятнанной вѣры, принятый римской церковью [2]).

Естественно, что Карлъ почувствовалъ себя уязвленнымъ: защитникъ чистоты вѣры превратился, благодаря греческой дерзости, въ насадителя ереси. Снова представители франкской учености должны были дать отпоръ: по порученію Карла, Теодульфъ Орлеанскій составляетъ трактатъ [3]) въ защиту франкскаго правовѣрія. Ахенскій соборъ высказывается за filioque, какъ показываетъ посланіе, написанное папѣ отъ имени Карла аббатомъ Смарагдомъ [4]).

Левъ вынужденъ былъ высказаться по существу. Онъ одобрилъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа „и отъ Сына“, но не сдѣланную прибавку въ символѣ, ибо въ Римѣ хранятъ его безъ добавленій, хотя бы и потребныхъ для спасенія души. Папа *посовѣтовалъ* и при дворѣ Карла пѣть символъ въ неприкосновенномъ видѣ; тогда и другія церкви послѣдуютъ этому примѣру, и соблазнъ будетъ устраненъ [5]).

Въ назиданіе же безчисленныхъ богомольцевъ Левъ приказалъ на серебряныхъ доскахъ начертать символъ безъ filioque на греческомъ и латинскомъ языкахъ и выставилъ на видномъ мѣстѣ въ храмѣ св. Апостоловъ [6]).

Обычай, принятый во франкскихъ церквахъ, продолжалъ существовать, такъ какъ апостольскій престолъ не только не обнаружилъ должной настойчивости и рачительной заботы объ искорененіи допущеннаго отступленія, но даже выразилъ по существу полное согласіе

---

[1]) Epistolae Carolinae, № 22, p. 382—385.
[2]) Epistolae Carolinae, № 23, p. 386.
[3]) Migne, T. 105, p. 239—276.
[4]) Migne, T. 98, p. 923—929.
[5]) Harduini, T. IV, p. 972—973.
[6]) Liber pontificalis II, p. 26 и 46, n. 110.

и одобреніе. Политическія соображенія, нежеланіе оттолкнуть отъ себя ни западъ, ни востокъ, объясняютъ довольно двойственную игру папы. По примѣру своихъ предшественниковъ [1]) онъ надѣется на постепенное торжество истины, но жестоко ошибается въ своихъ расчетахъ и искусственнымъ поддержаніемъ единства и мира между Востокомъ и Западомъ только откладываетъ рѣшительное столкновеніе и даетъ укорениться сдѣланной прибавкѣ.

Наоборотъ, Карлъ отстаиваетъ свои вѣрованія и имѣетъ всѣ основанія считать себя правымъ послѣ одобренія высшаго церковнаго авторитета. Франкскій государь, а не римскій епископъ является главнымъ виновникомъ увеличенія той догматической пропасти, которая, не будучи заполнена своевременно, стала зіять все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, въ XI вѣкѣ не раздѣлила окончательно обѣ половины христіанскаго міра.

Приведенныя данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Карлъ, подобно византійскимъ самодержцамъ, вопреки мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, вмѣшивался въ рѣшеніе чисто догматическихъ вопросовъ и доводилъ свою самостоятельность до принятія на себя обязанности блюстителя чистоты вѣры даже апостольскаго престола: Карлъ прилагаетъ попеченіе объ искорененіи симоніи не только въ своихъ исконныхъ владѣніяхъ [2]), но и въ Италіи, гдѣ она процвѣтала по донесенію королевскихъ посланцовъ [3]). Широкое распространеніе этой ереси, „во многихъ мѣстахъ позорно пятнавшей святое тѣло церкви", подмѣчено и Алквиномъ, ставшимъ уже на точку зрѣнія публицистовъ XI вѣка: онъ видитъ корень симоніи въ мірскихъ сановникахъ и думаетъ, что вѣтви ея распространяются на церковниковъ и, все болѣе и болѣе разростаясь, почти доползаютъ до апостольскаго престола, несмотря на осужденіе вѣчной анаѳемой св. Петра [4]). Уже по мнѣнію Алквина [5]), продающій санъ церковный повиненъ въ грѣхѣ Іуды, ибо Христосъ и церковь представляютъ единое тѣло.

Другое явленіе, общее съ нестроеніями XI вѣка, засвидѣтельство-

---

[1]) См. главу первую, стр. 30, пр. 4.

[2]) Cap. № 22, c. 21—22, p. 55. Ср. № 14, c. 24, p. 37.

[3]) Codex Carolinus, № 94, p. 634; Epistolae Carolinae, № 9, p. 353; Alcvini, № 92, p. 136.

[4]) Alcvini, № 258, p. 416.

[5]) Alcvini, № 48, p. 92—93.

вано папой Адріаномъ, который сѣтуетъ [1]) на то, что въ Италіи покупщики церковныхъ должностей расточаютъ не только золото и серебро, но и *земли* церковныя, передавая ихъ въ пользованіе продавцамъ. Такъ назрѣваютъ условія, черезъ нѣсколько столѣтій приведшія къ всеобщему движенію противъ захвата церковнаго достоянія.

Признавая наличность зла, папа защищается [2]) отъ подозрѣній, тяготѣвшихъ надъ апостольскимъ престоломъ, ссылкою на обычаи римской церкви, исключающіе возможность посвященія симониста и отстаивающіе избраніе пастырей клиромъ и народомъ [3]). Въ то же время Адріанъ даетъ Карлу понять неумѣстность его разслѣдованій: римскій епископъ судитъ всѣхъ, но никто не имѣетъ права пересматривать приговоры римскаго престола, хотя онъ можетъ отмѣнить любое рѣшеніе, ибо *забота о всей церкви* лежитъ на *единой каѳедрѣ* св. Петра [4]).

Однако, Карлъ оказался вѣренъ себѣ и поручилъ своему посланцу: „наиприлежнѣйше посовѣтовать преемнику Адріана, папѣ Льву искоренить симонову ересь“ [5]).

Стало быть, „защитникъ божьей церкви“, какъ и его отдаленные преемники, натолкнулся на безпорядки, свившіе гнѣздо у подножія апостольскаго престола, который стойко отстаиваетъ свои права на неподсудность и заботу обо всей церкви.

Происходитъ, такимъ образомъ, столкновеніе правъ и обязанностей обоихъ правителей земного града божьяго, еще не разграничившихъ кругъ своихъ дѣйствій. Обѣ стороны не доводятъ еще дѣло до рѣшительнаго выясненія своихъ правъ, но уже намѣчаютъ положеніе, выходъ изъ котораго потребуетъ отъ ихъ преемниковъ упорной и продолжительной борьбы. Пока оба органа средневѣковой теократіи сохраняютъ обликъ единства и избѣгаютъ крутыхъ мѣръ, способныхъ его нарушить, хотя ни на волосъ не уступаютъ въ своихъ полномочіяхъ.

Для Карла, несмотря на неоднократное противодѣйствіе Адріана, считавшаго себя призваннымъ управлять ввѣреннымъ ему Богомъ, всѣмъ христіанскимъ народомъ, мысль о низложеніи папы является

---

[1]) Codex Carolinus, № 94, p. 634.
[2]) Codex Carolinus, № 94, p. 634.
[3]) Cp. Liber diurnus, № 74, p. 74.
[4]) Codex Carolinus, № 94, p. 634.
[5]) Epistolae Carolinae, № 19, p. 353.

„нечестивѣйшей“, и онъ гонитъ ее прочь [1]), разсыпаясь въ увѣреніяхъ уваженія и дружбы передъ намѣстникомъ Петра. Въ свою очередь, папа глубоко убѣжденъ въ своей неприкосновенности, ибо не избранъ людьми, но предназначенъ, по Евангелію, самимъ Христомъ, а потому не боится ничего и непрестанно проповѣдуетъ царямъ и народамъ словеса истины и жизни [2]).

Несомнѣнно, что изъ этихъ двухъ возвѣстителей истины Карлъ сдѣлалъ гораздо болѣе для распространенія христіанскихъ завѣтовъ и поддержанія чистоты вѣры, какъ онъ ее понималъ.

Онъ оставилъ послѣ себя вѣчную и неизгладимую память своими заботами приблизить народъ къ самому источнику богопознанія и поднять общій уровень просвѣщенія [3]). При этомъ онъ преслѣдуетъ не тѣ „просвѣтительныя цѣли“, которыя навязываютъ ему новѣйшіе изслѣдователи, а отводитъ, какъ истый сынъ средневѣковья „наукѣ“ чисто служебное положеніе, руководясь простыми практическими соображеніями. Онъ замѣчаетъ, что „многіе, желая хорошо просить Бога о чемъ-либо, просятъ дурно, благодаря неисправленнымъ книгамъ“ [4]). Онъ находитъ въ увѣдомленіяхъ изъ многихъ монастырей о непрестанныхъ молитвахъ за государя „хорошія чувства и неотесанныя рѣчи, такъ какъ необразованный языкъ не въ состояніи передать то, что внушаетъ набожная преданность“. Видимо, Карлъ опасается [5]), что эти мольбы останутся неуслышанными на небѣ, а потому принимаетъ рѣшительныя мѣры: онъ предписываетъ [7]) обителямъ и общежитіямъ церковниковъ заняться воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей не только простого званія, но и свободныхъ. Онъ слѣдилъ за исправностью богослужебныхъ книгъ, возложивъ ихъ повѣрку на извѣстнаго историка лангобардовъ, Павла Дьякона, утвердилъ своею властію выбранныя имъ чтенія на весь годъ и разослалъ ихъ по епархіямъ для ежедневнаго употребленія [8]).

---

[1]) Codex Carolinus, № 92. p. 629.

[2]) Codex Carolinus, № 92, p. 630.

[3]) Подробности въ обстоятельной книгѣ *Преображенскаго* Восточныя и Западныя школы во времена Карла Великаго. С.-Пб. 1881. *Specht*, Geschichte des Unterrichtswesens in Deutschland. 1885.

[4]) Cap. № 22, c. 72, p. 60.

[5]) Cap. № 29, p. 79.

[6]) Cp. № 124, p. 245.

[7]) Cap. № 22, c. 72, p. 60.

[8]) Cap. № 30, p. 80—81. Подробности: *Wiegand* Das Homiliarium Karls des Grossen auf seine ursprüngliche Gestalt hin untersucht. Leipzig, 1897, p. 68s.

Забота объ исправленіи книгъ не покидала Карла даже въ послѣдніе дни его жизни, когда онъ „превосходно исправилъ вмѣстѣ съ греками и сирійцами четыре евангелія" [1]). По порученію же Карла Ветхій и Новый Завѣтъ были исправлены Алквиномъ [2]).

Естественно, что насажденіе истиннаго вѣроученія въ сердцахъ народа возможно только при дѣятельномъ содѣйствіи пастырей, стоящихъ на высотѣ своего призванія. Отсюда проистекаютъ попеченія Карла объ образованности духовенства [3]). Онъ требовалъ отъ священниковъ значительныхъ свѣдѣній [4]) и настаивалъ на проповѣди, какъ наилучшемъ средствѣ для проведенія въ народъ правильныхъ понятій [5]). Увѣщанія его посланцевъ какъ нельзя болѣе и по внѣшности, и по содержанію, походятъ на назидательныя проповѣди [6]), произносимыя отъ его имени. Желая облегчить усвоеніе истинъ вѣроученія, онъ издаетъ предписаніе, требующее всеобщаго и обязательнаго обученія [7]), остающагося недостигнутымъ во многихъ странахъ спустя даже тысячу съ лишкомъ лѣтъ.

Карлъ не задавался цѣлью сдѣлать свой народъ „просвѣщеннымъ", но ставилъ себѣ болѣе опредѣленныя и вполнѣ разрѣшимыя задачи: онъ требовалъ, чтобъ всѣ его подданные знали основанія христіанской вѣры; согласно постановленію Кареагенскаго собора, онъ предписывалъ [8]): „прежде всего, чтобъ проповѣдывалась прилежно всѣмъ вѣра въ св. Троицу, воплощеніе Христово, Его страданія, воскресеніе и восшествіе на небеса". Молитва Господня и символъ вѣры должны быть объяснены всѣмъ [9]) и весь народъ христіанскій обязанъ знать ихъ на память [10]), подъ страхомъ подвергнуться за незнаніе

---

[1]) Thegani Vita Hludovici, c. 7, p. 592.

[2]) Cp. Cap. № 80, p. 80. Alcvini, № 195, p. 328.

[3]) Epistolae Carolinae, № 16, p. 369—370. Cap. № 29, p. 79; № 30, p. 80.

[4]) Cap. № 116, p. 234; № 117, p. 235; № 119, p. 236—237; № 22, c. 70, p. 59; № 38, p. 109—110.

[5]) Cap. № 122, p. 241; № 120, c. 1, p. 237; № 36, c. 4, p. 106; № 22, c. 61, p. 58; c. 82, p. 61—62; № 64, c. 6, p. 153; № 65, c. 2, p. 154; № 72, c. 3, p. 162; № 78, c. 14, p. 174; № 81, c. 15, p. 179; № 123, c. 12, p. 244; № 125, p. 246—7.

[6]) Cap. № 121, p. 239—240.

[7]) Cap. № 116, c. 12, p. 235.

[8]) Cap. № 22, c. 32, p. 56.

[9]) Cap. № 28, c. 33, p. 77; № 35, c. 29, p. 103; № 36, c. 5, p. 106.

[10]) Cap. № 35, c. 30, p. 103; № 38, c. 13, p. 110; № 60, c. 2, p. 147; № 120, c. 3, p. 238; № 122, p. 241; № 130, c. 2, p. 257. Невыполнившіе этого предписанія не могли быть воспріемниками. № 38, c. 14, p. 110. Cp. № 78, c. 18, p. 174.

бичеванію и пить только воду до полнаго изученія; добиваясь, чтобъ каждый понималъ, о чемъ проситъ Бога [1]), Карлъ возстаетъ [2]) противъ вѣрованія, будто молиться Богу можно только на трехъ языкахъ.

До насъ дошли отъ этого времени проповѣди [3]) и толкованія [4]) молитвы Господней и символа, изложенныя на народномъ нарѣчіи, равно какъ переводъ проповѣди Августина [5]), посвященной раскрытію той мысли, что Петръ, „первый изъ апостоловъ, знаменуетъ собою церковь". Но проникновеніе въ народную среду начатковъ вѣроученія сопровождалось приспособленіемъ ихъ къ варварскимъ понятіямъ. Знанію молитвы Господней на латинскомъ и варварскомъ языкахъ приписывалась спасительная сила, какъ языческимъ заклинаніямъ [6]), и оно представлялось необходимымъ условіемъ отпущенія грѣховъ.

Такимъ образомъ, изученіе вѣроученія имѣло принудительный характеръ, и не удовлетвореніе запросовъ души человѣческой, а чисто практическія соображенія стояли на первомъ мѣстѣ.

Тѣ же цѣли преслѣдовало распоряженіе объ обязательномъ посѣщеніи богослуженія [7]) въ праздничные дни, когда священники были обязаны пояснять народу Евангеліе [8]). Ежегодно епископы должны были [9]) объѣзжать свои епархіи, поучать народъ и бороться съ языческими суевѣріями при содѣйствіи графовъ [10]). Королевскіе указы предписываютъ соблюдать посты [11]), ибо „кто больше воздерживается, тотъ получитъ большую награду" [12]), почитать праздники [13]), хранить воскресный покой [14]), молиться днемъ и ночью, въ опредѣленные часы

---

[1]) Cap. № 35, c. 29, p. 103; № 122, p. 242.

[2]) Cap. № 28, c. 52, p. 78.

[3]) *Müllenhoff und Scherer*, Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII—XII Jahrhundert. Berlin 1873. № 54, p. 157—8.

[4]) Ibid., № 55, p. 158—159; № 56, p. 159—163; № 57, p. 164.

[5]) Ibid., № 60, p. 170—173. Образцомъ проповѣдей того времени можетъ послужить приписываемая Августину Homilia de sacrilegiis. См. *Caspari* Eine Augustin fälschlich beilegte „Homilia de sacriligiis". Christiania. 1886.

[6]) Ibid., № 54, p. 158; № 56, p. 161; Cap. № 177, c. 2, p. 363.

[7]) Cap. № 23, c. 25, p. 64.

[8]) Cap. № 36, c. 4, p. 106.

[9]) Cap. № 19, c. 7, p. 45; № 77, c. 1, p. 170; № 78, c. 16, p. 174.

[10]) Cap. № 19, c. 6, p. 45.

[11]) Cap. № 19, c. 11, p. 46; № 22, c. 48, p. 57; № 35, c. 28, p. 103; № 84, c. 2, p. 182.

[12]) Cap. № 112, c. 5, p. 227.

[13]) Cap. № 81, c. 10, p. 179.

[14]) Cap. № 22, c. 15, p. 55; c. 81, p. 61; № 35, c. 46. p. 104; № 59, c. 11, p. 146;

по звону колокола [1]), умѣть пѣть „Господи помилуй" [2]), платить исправно десятину [3]), быть гостепріимными [4]), творить милостыню, имѣющую, по Августину, великую искупительную силу [5]) и соблюдать заповѣди [6]).

Подданнымъ Карла вмѣняется указами въ обязанность молиться за государя [7]), достойно принимать св. причастіе [8]), оставаться до конца богослуженія [9]), прилежать къ молитвѣ [10]), совершать покаяніе [11]), налагаемое сообразно покаяннымъ канонамъ, въ случаѣ болѣзни призывать священника для помазанія св. елеемъ [12]), исправлять себя и своихъ [13]); для отвращенія бѣдствій должно совершать молебствія [14]) и держать особые посты, оказывать помощь нуждающимся [15]), жить другъ съ другомъ въ мирѣ [16]).

На основаніи доводовъ, почерпнутыхъ изъ св. писанія, законъ воспрещаетъ питать ненависть [17]), угнетять ближняго, или причинять ему какое-либо зло [18]), призываетъ всѣхъ жить по волѣ Бога [19]) и

№ 61, с. 8, р. 149; № 62, с. 18, р. 150; № 63, с. 13, р. 152; № 83, с. 1—2, р. 161.

1) Сар. № 36, с. 8, р. 106; ср. № 120, с. 5, р. 238.

2) Сар. № 112, с. 34, р. 229: „discant Kyrieleyson clamare non rustice".

3) Сар. № 20, с. 7, р. 48; № 24, с. 11, р. 65; № 26, с. 17, р. 69; № 28, с. 25, р. 76; № 32, с. 6, р. 88; № 34, с. 17, р. 101; № 36, с. 6, р. 106; № 42, с. 8, р. 119; № 53, с. 7, р. 140; № 59, с. 2, р. 146; № 78, с. 7, р. 174; № 83, с. 8, р. 182; № 84, с. 7, р. 182; № 87, с. 3, р. 186; № 92, с. 11, р. 195; № 93, с. 8, р. 197; № 97, р. 203; № 112, с. 13, р. 228.

4) Сар. № 22, с. 75, р. 60; № 28, с. 35, р. 87; № 33, с. 27, р. 96; № 57, с. 1, р. 144; № 120, с. 8, р. 238.

5) Сар. № 112, с. 4, р. 226—7; ср. № 64, с. 5, р. 153; с. 18, р. 154; № 124, р. 245; № 127, р. 249.

6) Сар. № 22, с. 66, р. 59; с. 67—69, р. 59.

7) Сар. № 19, с. 13, р. 46; № 36, с. 1, р. 106; № 118, с. 2, р. 236.

8) Сар. № 38, с. 15, р. 110; по воскресеньямъ № 81, с. 1, р. 182.

9) Сар. № 47, с. 23, р. 133.

10) Сар. № 84, с. 8, р. 182.

11) Сар. № 81, с. 20, р. 179; № 36, с. 21, р. 107.

12) Сар. № 81, с. 17, р. 179; № 36, с. 22, р. 107.

13) Сар. № 65, с. 5, р. 145.

14) Сар. № 44, с. 4, р. 122—3; № 124, р. 245; № 127, р. 249.

15) Сар. № 54, с. 1, р. 141; № 71, с. 2, р. 161; № 62, с. 24, р. 151.

16) Сар. № 28, с. 50, р. 78; № 64, с. 10, р. 150; с. 20, р. 154; № 78, с. 9, р. 174, № 99, с. 2, р. 206; № 102, с. 5, р. 209; № 53, с. 1, р. 140; № 85, с. 31, р. 108.

17) Сар. № 22, с. 66, р. 59.

18) Сар. № 59, с. 9, р. 146.

19) Сар. № 33, с. 14, р. 94; № 46, с. 1, р. 131.

сообразно приказаніямъ государя, выполнять обязанности вѣрующаго [1]).

Нравственно-религіозныя соображенія обусловливаютъ борьбу съ клятвопреступленіями, лжесвидѣтельствомъ [2]) и распутствомъ [3]), виновные въ коихъ подвергались и духовной, и свѣтской карѣ. По особому распоряженію присягу и свидѣтельство должно произносить натощакъ [4]). Законодательныя постановленія предписываютъ избѣгать всѣхъ пороковъ и пьянства [5]), при чемъ высшіе должны „подавать примѣръ доброй трезвости" [6]); воспрещается припуждать къ пьянству другихъ [7]).

Цѣлый рядъ мѣръ Карла направленъ противъ роста и несправедливой прибыли [8]), осужденныхъ и великимъ авторитетомъ Августина [9]). Законъ обуздываетъ алчность [10]), наставляетъ въ нестяжаніи [11]), преслѣдуетъ торговый обманъ [12]), требуетъ „установленныхъ закономъ божьимъ точныхъ мѣръ и вѣсовъ" [13]), побуждаетъ продавать по „справедливымъ цѣнамъ" [14]).

Указы Карла внушаютъ [15]) его подданнымъ, что каждый христіанинъ состоитъ на службѣ у Бога и увѣщаютъ всѣхъ прославлять своими дѣлами Небеснаго Отца [16]). Таинство крещенія разсматривалось [17])

---

[1]) Cap. № 71, c. 7—8, p. 161; № 72, c. 2, p. 162.

[2]) Cap. № 52, c. 4, p. 139; № 35, c. 39, p. 104.

[3]) Cap. № 56, c. 3, p. 143; № 19, c. 10, p. 45; № 33, c. 33, p. 97; ср. № 20, c. 5, p. 48.

[4]) Cap. № 61, c. 6, p. 148.

[5]) Cap. № 65, c. 4, p. 154; № 23, c. 26, p. 64; № 36, c. 14, p. 107.

[6]) Cap. № 64, c. 7, p. 153.

[7]) Cap. № 40, c. 16, p. 116.

[8]) Cap. № 22, c. 5, p. 54; № 105, c. 17, p. 219; № 123, c. 14, c. 16, p. 244; № 46, c. 11, p. 132; № 84, c. 14, p. 183; № 112, c. 10, p. 227. Ср. запрещеніе продавать урожай на корню № 63, c. 12, p. 152.

[9]) См. выписку изъ его твореній, Alcvini, № 3, c. 17, p. 26.

[10]) Cap. № 22, c. 33, p. 56; c. 66, p. 59; № 28, c. 34, p. 77; № 46, c. 14, p. 132

[11]) Cap. № 46, c. 15—18, p. 132; № 71, c. 3, p. 161.

[12]) Cap. № 55, c. 2, p. 142.

[13]) Cap. № 22, c. 74, p. 60; № 78, c. 13, p. 174; № 35, c. 44, p. 104; № 37, c. 19, p. 108.

[14]) Cap. № 28, c. 4, p. 74; № 52, c. 5, p. 140; № 55, c. 3, p. 142; № 59, c. 10, p. 146; № 88, c. 2, p. 187. Ср. *Garnier*, De l'idée du juste prix chez les théologiens et canonistes du moyen âge. Paris. 1900.

[15]) Cap. № 33, c. 3, p. 92; c. 40, p. 98; № 54, c. 8, p. 141; № 60, c. 4, p. 147.

[16]) Cap. № 64, c. 8, p. 153.

[17]) Cap. № 72, c. 9, p. 163; № 107, p. 222.

какъ своего рода принятіе присяги на вѣрность завѣтамъ Небеснаго Владыки и влекло за собою отказъ отъ совершенія дѣяній, угодныхъ князю міра сего.

Естественно, что служители божьи должны являться живымъ примѣромъ [1]); ихъ слово не должно расходиться съ дѣломъ [2]). Отсюда заботы правительства о поднятіи нравственнаго уровня духовенства [3]), коему воспрещается пролитіе крови [4]), охота [5]), посѣщеніе кабаковъ [6]), взиманіе платы за крещеніе и причащеніе [7]); нарушавшіе эти предписанія и недостойные пастыри удалялись отъ служенія [8]).

Въ силу этихъ распоряженій памятники законодательной дѣятельности Карла сильно походятъ на проповѣди и увѣщанія, вдохновляемыя предписаніями соборовъ и твореніями св. отцовъ. Указы обыкновенно обильно приправлены выписками изъ св. писанія и каноническихъ сборниковъ. Характерное смѣшеніе грѣха и преступленія явственно показываетъ, что идея обособленнаго отъ церкви, свѣтскаго государства совершенно чужда законодателю. Онъ знаетъ церковь, какъ сообщество вѣрующихъ, ввѣренныхъ ему Богомъ для управленія.

Обязанности подданныхъ совпадаютъ съ обязанностями христіанина, а государь оказывается воспитателемъ, назидающимъ народы въ вѣрѣ истинной. Съ полнымъ основаніемъ современники [9]) подмѣтили, что Карлъ „имѣлъ о вѣрѣ православной бóльшее попеченіе, чѣмъ всѣ бывшіе до него христіанскіе императоры, побуждаемые набожностью и божественнымъ усердіемъ, каковы Константинъ, Ѳеодосій Великій, Маркіанъ и Юстиніанъ. Всѣ они стремились освободить народъ христіанскій отъ пятна всякаго заблужденія, и авторитетъ правителя утверждалъ опредѣленія вдохновленныхъ свыше святителей Господнихъ". „Карлъ превосходитъ ихъ своими заслугами и познаніями, подражая примѣру св. Давида": „онъ былъ по вѣрѣ

---

[1]) Cap. № 71, c. 10, p. 161; № 78, c. 26, p. 175; № 120, c. 2, p. 237; № 38, c. 5, p. 110.

[2]) Cap. № 72, c. 4—6, p. 163.

[3]) Cap. № 22, c. 72, p. 59—60.

[4]) Cap. № 19, c. 2, p. 45; cp. № 35, c. 27, p. 103.

[5]) Cap. № 19, c. 2, p. 45; № 33, c. 19, p. 95; № 113, c. 7, p. 231.

[6]) Cap. № 22, c. 14, p. 55; № 28, c. 19, p. 76; № 35, c. 4, p. 102; № 36, c. 19, p. 107; № 112, c. 24, p. 228; № 123, c. 4, p. 243.

[7]) Cap. № 123, c. 5, p. 248.

[8]) Cap. № 19, c. 15, p. 46.

[9]) Cap. № 126, p. 247.

православенъ, царь по власти, святитель по проповѣди, судья по справедливости, философъ по научнымъ занятіямъ" [1]). Онъ выполнялъ обязанности правителя; творилъ правду, возобновлялъ храмы, исправлялъ народъ, отводилъ должное отдѣльнымъ лицамъ и санамъ, защищалъ угнетенныхъ, утѣшалъ странниковъ и указывалъ повсюду всѣмъ путь къ небесной жизни" [2]). На немъ лежали *охрана христіанской имперіи*, защита вѣры православной и внушеніе всѣмъ правилъ правды [3]). Онъ былъ „охранитель имуществъ, каратель злодѣяній, раздаватель почестей. Все, что онъ дѣлалъ, происходило по волѣ Бога" [4]). Онъ удовлетворялъ, такимъ образомъ, идеальнымъ представленіямъ современниковъ о государѣ и приближался по своей дѣятельности къ идеалу христіанскаго самодержца, неизгладимыми чертами нарисованному въ безсмертныхъ твореніяхъ бл. Августина, такъ какъ извлекалъ изъ „Града божьяго" непосредственныя указанія для руководства [5]).

Благодаря всей своей дѣятельности Карлъ занялъ совершенно исключительное положеніе среди другихъ современныхъ владѣтелей. „Ему былъ ввѣренъ для управленія божественной милостью міръ христіанской имперіи" [6]). Его государство слыветъ „христіанской имперіей" [7]). Его оружіе расширяетъ предѣлы „христіанской имперіи" [8]). Онъ былъ покровителемъ главы міра—Рима [9]), гдѣ его власть существенно усилилась, что символически было признано папой Львомъ, приславшимъ Карлу знамя вѣчнаго города [10]).

Вся церковь должна была, по мнѣнію современника, возносить благодарственное моленіе всемогущему Богу, ибо Онъ всемилостивѣйше даровалъ въ эти опасныя и *послѣднія* времена народу христіанскому правителя и защитника, который стремится всѣми усиліями исправить дурное и укрѣпить правильное, возвысить святое, рас-

---

[1]) Alcvini Adv. Elipand., I, c. 16, p. 251, Migne, T. 101.
[2]) Alcvini, № 177, p. 293.
[3]) Alcvini, № 177, p. 292.
[4]) Poetae latini aevi carolini, I, p. 523.
[5]) Alcvini, № 178, p. 294.
[6]) Alcvini, № 148, p. 241. Ср. № 172, p. 292.
[7]) Alcvini, № 185, p. 310; № 200, p. 331.
[8]) Alcvini, № 202, p. 336.
[9]) Poetae latini aevi carolini, I p. 258.
[10]) Annales Laurissenses p. 182. Annales Einhardi, p. 183.

пространять имя Господа Бога Вышняго по обширнымъ областямъ и возжечь свѣточъ вѣры православной на окраинахъ міра [1]).

Слѣдовательно, еще до принятія вѣнца императорскаго Карлъ пользовался чисто императорской властью и его сторонники и сотрудники желали, чтобъ Господь милостивый даровалъ ему вѣчное спасеніе и *санъ императорскій* [2]).

Уже небывалое могущество и обширность владѣній выдѣляли его изъ ряда современныхъ владѣтелей и создавали ему право на соотвѣтствующій титулъ [3]). Но у единой имперіи христіанской могъ быть только одинъ императоръ, а высшій титулъ для христіанскаго властелина уже цѣлые вѣка былъ достояніемъ повелителей новаго Рима. Карлъ могъ только мечтать о славѣ Константина и другихъ христіанскихъ владыкъ. Отсюда въ его отношенія къ Византійскимъ самодержцамъ закрадывается доля зависти, сказывающаяся въ чисто мелочныхъ придиркахъ и желаніи унизить ихъ: они занимали, совершенно неправильно съ точки зрѣнія сподвижниковъ Карла, вполнѣ неподобающее имъ мѣсто, и оскорбленная гордость людей запада требовала признанія ихъ еретиками. Еретикъ, конечно, не могъ быть главою христіанской имперіи, и тогда Карлъ приближался къ достиженію завѣтной цѣли.

Прошло, однако, еще нѣсколько лѣтъ послѣ выраженія Западомъ разсмотрѣннаго выше протеста противъ владычества Востока, когда обстоятельства сложились въ высшей степени благопріятно для Карла.

Средневѣковье постоянно ожидало конца міра, и самое распространеніе христіанства даже на его окраины считалось признакомъ приближенія послѣднихъ временъ. Какъ извѣстно, уже въ письмахъ Алквина высказывается мысль объ ихъ наступленіи. По убѣжденію же христіанскихъ писателей [4]) римская имперія должна была существовать до второго пришествія и паденіе ея могущества предвѣщало появленіе антихриста.

Но какъ разъ къ 800 году разыгрались событія, поразившія вниманіе современниковъ и внушившія имъ тревожныя опасенія и ожиданія. Римскій императоръ былъ низложенъ женщиной, занявшей престолъ единой міровой христіанской державы. Этого мало: папа

---

[1]) Alcvini, № 121, p. 176.

[2]) Alcvini, № 170, p. 279, decus imperii.

[3]) Monachi Sangallensis, Lib. I, c. 26, p. 743.

[4]) *Döllinger*, Akademische Vorträge. B. III. München, 1891, p. 106. *Kampers*, Die deutsche Kaiseridee in Prophetie und Sage. München, 1896, p. 11 ss.

Левъ III, схваченный своими римскими противниками, былъ подвергнутъ оскорбленіямъ [1]), изувѣченъ и объявленъ недостойнымъ занимать „престолъ такой святости".

Такіе крупные перевороты, по мнѣнію современниковъ, не предвѣщали ничего добраго и требовали немедленнаго принятія рѣшительныхъ мѣръ, къ которымъ былъ способенъ прибѣгнуть съ успѣхомъ одинъ только Карлъ.

Общее настроеніе превосходно выражено въ посланіи къ нему престарѣлаго его сподвижника — Алквина: „доселѣ выше всего въ мірѣ стояли три сана: апостольское величіе, управляющее престоломъ св. Петра, князя апостоловъ, въ качествѣ его намѣстника, но по Вашей добротѣ я узналъ, что произошло съ управителемъ вышеупомянутаго престола; второе мѣсто занимаетъ санъ императорскій и свѣтская мощь второго Рима, но молва уже повсюду разгласила, какъ безсовѣстно былъ низложенъ не чужими, а присными и согражданами повелитель этой имперіи. На третьемъ мѣстѣ стоитъ санъ царскій, дарованный Вамъ, въ качествѣ управителя народа христіанскаго, промысломъ Господа нашего Іисуса Христа. Этотъ санъ стоитъ выше остальныхъ по могуществу, больше славится мудростью и выдается по достоинству государства. Стало быть, именно на тебѣ одномъ почіетъ все благо церквей Христовыхъ. Ты каратель преступленій, утѣшитель скорбящихъ, вождь заблуждающихся и возвышеніе добрыхъ. Развѣ въ Римѣ, гдѣ нѣкогда болѣе всего процвѣтало благочестіе, не произошли событія, служащія примѣромъ крайняго нечестія. Настали времена опасныя, предсказанныя нѣкогда самой Истиной. Никоимъ образомъ нельзя пренебрегать заботой о головѣ, ибо легче перенести болѣзнь ногъ, чѣмъ головы".

На этомъ основаніи Алквинъ призываетъ Карла, поглощеннаго борьбой съ саксами, заключить миръ съ этимъ нечестивымъ народомъ и ради пріобрѣтенія малаго не потерять большаго [2]). Долгъ избранника божьяго призывалъ Карла ко вмѣшательству въ римскія дѣла и упорядоченію вопроса о преемникѣ Константина VI, тогда какъ бездѣятельность подвергала опасности весь христіанскій миръ. Принятое обязательство защищать апостольскій престолъ отъ всякаго

---

[1]) *Simson*, Jahrbücher des Fränkischen Reiches unter Karl dem Grossen. Excurs I, Ueber die Misshandlung Pabst Leos III, p. 583—587.

[2]) Alcvini, № 174, p. 288—289. Ср. № 177, p. 292—293.

врага также настойчиво требовало оказанія помощи, о которой взывалъ папа, прибывшій по вызову Карла въ Германію [1]).

Молва гласила о его чудесномъ исцѣленіи и избавленіи изъ рукъ враговъ и окружала первосвященника ореоломъ невиннаго мученика [2]). Какъ верховный блюститель правды, Карлъ долженъ вступиться за такое поруганіе апостольскаго намѣстника, но, именно желая дѣйствовать согласно требованіямъ той же правды, онъ не можетъ не разсмотрѣть возводимыя на Льва обвиненія. Его противники, очевидно, впали въ тяжкій грѣхъ и совершили вопіющее преступленіе, но безукоризнененъ ли самъ папа, достоинъ ли онъ возсѣдать на апостольскомъ престолѣ?

Оказывая Льву, какъ носителю почетнаго и святого сана, должное уваженіе и почетный пріемъ, Карлъ не спѣшитъ немедленнымъ, личнымъ вмѣшательствомъ въ римскія дѣла: онъ собираетъ необходимыя свѣдѣнія и подготовляетъ шагъ, смутившій благочестивую душу Алквина. Рѣчь идетъ о судѣ надъ папой.

Согласно варварскимъ обычаямъ, отъ него требовалась очистительная клятва въ опроверженіе возводимыхъ на него обвиненій. Глава франкскихъ ученыхъ противопоставляетъ варварской каноническую точку зрѣнія. Онъ указываетъ [3]) на каноны бл. Сильвестра, требующіе для обвиненія святителя явки въ судъ со стороны обвиненія не менѣе 72 свидѣтелей безукоризненнаго поведенія. Онъ ссылается на другіе каноны, признающіе за апостольскимъ престоломъ судебную власть, но отвергающіе возможность суда надъ нимъ. Онъ спрашиваетъ, какой пастырь въ церкви Христовой можетъ быть неприкосновеннымъ, разъ падетъ тотъ, кто является главой Христовыхъ церквей?

Алквинъ самымъ рѣшительнымъ образомъ подготовляетъ умы [4]) въ пользу папы ради авторитета св. престола и чистоты каѳолической вѣры и готовится принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ противниками папы, которому предполагаетъ отправить свои соображенія и выписки изъ каноническихъ постановленій, пригодныя для отклоненія очистительной клятвы.

Повидимому, при дворѣ франкскаго государя столкнулись сторонники преобладанія свѣтской власти надъ святителями и приверженцы

---

[1]) Liber pontificalis II, p. 5. Annales Einhardi, p. 187.

[2]) Liber pontificalis II, p. 4—5. Alcvini, № 178, p. 295. Ср. пр. на стр. 71.

[3]) Alcvini, № 179, p. 297.

[4]) Alcvini, № 212, p. 352—353.

каноническихъ идеаловъ. Карлу совѣтовали даже склонить Льва къ добровольному отказу отъ папской тіары и вступленію въ какой-либо монастырь, что равносильно было бы признанію справедливости обвиненій и клало бы неизгладимое пятно на апостольскій престолъ. Однако, Левъ, встрѣтя поддержку въ франкскихъ епископахъ, не обнаружилъ готовности доставить торжество своимъ врагамъ.

Да и Карлъ, преклонявшійся передъ римской церковью, не былъ склоненъ нанести ей столь тяжкій ударъ. Принятый съ почетомъ папа былъ отправленъ въ Римъ вмѣстѣ съ королевскими посланцами для возстановленія его на престолѣ св. Петра [1]). Но эта мѣра была слѣдствіемъ тайнаго соглашенія между Львомъ и защитникомъ римской церкви [2]). Сохранилось позднее свидѣтельство, будто папа обѣщалъ Карлу выполнить его желаніе и возложить на него императорскую діадему за помощь противъ враговъ [3]). Положеніе папы было крайне затруднительно, такъ какъ его враги имѣли нѣкоторыя основанія для своихъ обвиненій [4]); не даромъ Алквинъ поспѣшилъ, во избѣжаніе соблазна, сжечь полученное имъ отъ одного изъ королевскихъ посланцовъ посланіе, касавшееся „нравовъ апостольскаго намѣстника". Нѣтъ ничего удивительнаго, если папа, натолкнувшись и въ Германіи на противодѣйствіе части карловыхъ приближенныхъ, принялъ мѣры для привлеченія на свою сторону самого государя, посуливъ ему осуществленіе всѣхъ самыхъ честолюбивыхъ и завѣтныхъ мечтаній. По крайней мѣрѣ, дальнѣйшія событія показываютъ, что обѣ стороны выполняли заключенный въ Падерборнѣ договоръ.

Водворивъ миръ въ Германіи [5]), Карлъ отправляется въ Римъ въ сопровожденіи многочисленныхъ епископовъ и свѣтскихъ вельможъ. Положеніе папы оставалось непрочнымъ; надъ нимъ продолжали тяготѣть прежнія обвиненія. Источники прямо указываютъ, что итальянскій походъ Карла былъ вызванъ дѣломъ папы Льва [6]).

---

[1]) Annales Einhardi p. 187. Liber pontificalis II, p. 6.

[2]) Alcvini № 181, p. 299.

[3]) Johannes Diaconus Gesta episcoporum Neapolitanensium, c. 48, p. 428.

[4]) Alcvini № 184, p. 309. Ср. № 159, p. 258.

[5]) Chronicon Moissiacense p. 304. Epistolae № 20, p. 378. Einhardi c. 28, p. 458. Einhardi Annales p. 189. Annales Laurissenses p. 188. Грамота Карла Migne, T. 97, p. 1021—1022. Chronicon Moissiacense p. 304.

[6]) Annales Laureshamenses p. 88; Liber pontificalis II, p. 7; Chronicon Moissiacense p. 304.

Послѣ торжественной встрѣчи, уже служащей, по своей пышности, предзнаменованіемъ наступающихъ событій, Карлъ приступилъ къ упорядоченію положенія св. церкви, созвавъ многолюдный соборъ изъ представителей франкскаго и римскаго духовенства, вельможъ и народа [1]). На соборъ были приведены обвинители Льва, но они не были поддержаны ни однимъ свидѣтелемъ [2]), такъ какъ никто не захотѣлъ выступить въ пользу выставленныхъ ими обвиненій. Тѣмъ не менѣе необходимо было закончить дѣло опредѣленнымъ приговоромъ. Сохранилось указаніе, что отцы собора, раздѣляя уже извѣстные взгляды Алквина, заявили, что не дерзаютъ судить апостольскій престолъ, главу всѣхъ божьихъ церквей, признаютъ себя подсудными апостольскому намѣстнику, тогда какъ онъ, по древнему обычаю, не подлежитъ ничьему суду, и готовы оказать каноническое повиновеніе рѣшенію, принятому самимъ первосвященникомъ [3]). Папа выразилъ полную готовность очиститься отъ ложныхъ обвиненій, слѣдуя по стопамъ своихъ предшественниковъ [4]).

Источники съ рѣдкимъ единодушіемъ сообщаютъ [5]), что папа добровольно рѣшился произнести очистительную клятву [6]). Въ свою очередь, Левъ съ особой выразительностью подчеркнулъ свою „добрую волю“ и предусмотрительно оговорилъ, что его примѣръ не имѣетъ значенія нормы, связующей и другихъ; папа закончилъ свою присягу такими знаменательными словами: „не осужденный и не вынужденный, я поступаю такъ лишь во избѣжаніе подозрѣній, а не потому, чтобы этого требовали каноны“.

Очевидно, указанія знатоковъ каноническихъ постановленій, вдохновляемыхъ Алквиномъ, оказали свое воздѣйствіе, и идея неподсудности папъ была провозглашена даже въ такіе темные и мрачные для нихъ дни.

Карлъ вышелъ изъ затруднительнаго положенія, въ какое его поставили взведенныя на Льва обвиненія. Онъ не могъ допустить до

---

[1]) Annales Laureshamenses, p. 38.

[2]) Annales Laurissenses, p. 188; Chronicon Moissiacense, p. 304. Annales Fuldenses p. 352.

[3]) Liber pontificalis, II, p. 7.

[4]) Папа Пелагій I принесъ очистительную клятву въ 555 г. Jaffe, Regesta p. 125.

[5]) Liber pontificalis, II, p. 7. — Chronicon Moissiacense, p. 304—305. Annales Laureshamenses, p. 38.

[6]) См. ея текстъ въ Epistolae Carolinae, № 20, p. 378—379.

осужденія апостольскаго намѣстника, не причиняя тѣмъ самымъ огромный соблазнъ: папа, спасенный особой благодатью св. Петра, нашелъ сильныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ, которые своими ссылками на требованія каноновъ доказали Карлу грѣховность суда надъ первосвященникомъ; но при наличности неопровергнутыхъ обвиненій Левъ утрачивалъ извѣстную долю своего нравственнаго авторитета. Очищенный же отъ тяжкихъ подозрѣній, онъ вновь поднимался на надлежащую высоту и могъ служить развитію дальнѣйшихъ плановъ Карла, которому предстояло рѣшить второй вопросъ первостепенной важности: *на томъ же соборѣ* [1]), который занимался дѣломъ Льва, папа, святители и остальной народъ христіанскій признали необходимымъ провозгласить Карла императоромъ. Они основывались на прекращеніи имперіи у грековъ, допустившихъ женщину занять императорскій престолъ, и исходили изъ опасенія подвергнуться насмѣшкамъ язычниковъ, если бы у христіанъ былъ упраздненъ титулъ императорскій.

Карлъ представлялся божьимъ избранникомъ, которому Всемогущій Богъ отдалъ уже Римъ, „мать имперіи, столицу цезарей и императоровъ", равно какъ престолы въ Италіи, Галліи и Германіи. „Поэтому отцамъ собора и всему народу христіанскому казалось справедливымъ, чтобы Карлъ, съ помощью божіей и сообразно просьбамъ всего народа христіанскаго, имѣлъ и надлежащій титулъ". Карлъ не пожелалъ отвергнуть ихъ просьбы и смиренно подчинился волѣ Бога. Но это рѣшеніе, очевидно, было лишь предварительнымъ, такъ какъ единый христіанскій міръ въ императорѣ видѣлъ общаго главу, и для осуществленія завѣтной мечты о водвореніи единства необходимо было считаться съ голосомъ всѣхъ христіанъ. Карлъ имѣлъ основанія надѣяться, что сдѣлается ихъ общепризнаннымъ повелителемъ. Какъ разъ въ эти дни онъ получилъ символическіе знаки провозглашенія его защитникомъ главной христіанской святыни—Гроба Господня [2]). Кромѣ того, онъ велъ переговоры и съ Константинополемъ [3]), откуда прибыли послы съ просьбою принять императорскій титулъ и сдѣлаться общимъ государемъ Востока и Запада.

---

[1]) Annales Laureshamenses, p. 38. Chronicon Moissiacense, p. 305. Отголоски этого событія см. Vita Willehadi, c. 5, p. 381. M. G. SS. T. II. Helmoldi Chronica Slavorum Lib. I, c. 3, p. 14.

[2]) Annales Laurissenses, p. 188. Annales Einhardi, p. 189.

[3]) Annales Nordhumbranenses, p. 156.

Но событія приняли далеко не желательный для Карла оборотъ, когда папа на Рождество 800 г. неожиданно [1]) возложилъ на его главу императорскую корону [2]), совершилъ помазаніе св. елеемъ [3]) и палъ передъ нимъ ницъ [4]), какъ передъ своимъ державнымъ повелителемъ. Принятіе титула помимо византійцевъ внушило Карлу опасенія, что „у грековъ вспыхнетъ зависть и они устроятъ козни франкскому государству“ [5]). Другими словами, Карлъ былъ недоволенъ услужливой готовностью папы, который спуталъ его расчеты на полученіе вѣнца Константина, Юстиніана и другихъ повелителей *всѣхъ* христіанъ. Этимъ недовольствомъ объясняется сохраненное Эйгардомъ заявленіе Карла, что даже въ такой большой праздникъ, какъ Рождество, онъ не пошелъ бы въ храмъ, если бы зналъ о намѣреніи папы [6]).

Левъ III постарался придать своему поступку характеръ боговдохновенности и выступилъ орудіемъ Провидѣнія, возвеличившаго своего избранника [7]). Но привѣтствія новому повелителю со стороны римскаго народа, единогласно возгласившаго: „Карлу-Августу, Богомъ вѣнчанному, великому миротворцу, римскому императору — жизнь и побѣда“, показываютъ, что чинъ вѣнчанія былъ выработанъ и разученъ заранѣе. Самъ Карлъ принималъ участіе въ его разработкѣ, такъ какъ Алквинъ свидѣтельствуетъ, что помазаніе сына новаго императора въ короли, совершенное папой [8]) вслѣдъ за возложеніемъ на голову Карла императорской короны, произошло „съ согласія сіятельнѣйшаго государя Давида“ [9]). Заранѣе должны быть приготовлены и тѣ щедрые подарки, которые были розданы Карломъ различ-

---

[1]) Annales Maxim., p. 28.

[2]) Liber pontificalis, T. II, p. 7. Annales Laureshamenses, p. 38.

[3]) Liber pontificalis, T. II, p. 7.

[4]) Annales Laurissenses, p. 188. Annales Einhardi, p. 189.

[5]) Vita Karoli, c. 28, p. 458.

[6]) Vita Karoli Magni, c. 28, p. 458. Poeta Saxo, V p. 622. Принятый въ текстѣ порядокъ событій примиряетъ разногласіе источниковъ, породившее разнообразіе мнѣній новѣйшихъ изслѣдователей. См. *Sickel*, Die Kaiserwahl Karls des Grossen. Eine rechtsgeschichtliche Erörterung. M. d. J. f. O. G. B. XX, p. 1—38. *Sickel*, Die Kaiserkrönungen von Karl bis Berengar. H. Z. B. 46, p. 1—37.

[7]) Annales Laurissenses, p. 188.

[8]) Liber pontificalis, II, p. 7.

[9]) Alcvini, № 217, p. 360—1.

нымъ римскимъ церквамъ [1]). Все это показываетъ, что событіе подготовлялись исподволь, и только поспѣшность папы ускорила его теченіе.

Спрашивается, чѣмъ руководился Левъ въ своемъ поведеніи, было ли оно плодомъ внезапнаго порыва или вполнѣ обдуманнымъ шагомъ идущаго къ намѣченной цѣли человѣка. Трудно отвѣтить съ неоспоримой точностью на поставленный вопросъ, такъ какъ источники не раскрываютъ побужденій папы [2]). Необходимо, однако, имѣть въ виду, что для папства далеко не былъ безразличенъ самый способъ полученія Карломъ императорскаго вѣнца. Оно должно было постараться въ данномъ случаѣ поразить воображеніе современниковъ, выступивъ источникомъ высшей на землѣ власти, и предотвратить сближеніе между Востокомъ и Западомъ, сулившее папѣ утрату занятаго съ такимъ трудомъ положенія. Грядущія событія показали, насколько предусмотрителенъ былъ папа, возложившій собственными руками корону міра. Отнынѣ папское помазаніе становится необходимымъ условіемъ для законнаго пріобрѣтенія императорскаго сана. Предшественники Льва возвели Пипина въ королевское достоинство, теперь папа создалъ основаніе для притязаній на раздачу вѣнца императорамъ. Символы, игравшіе такую роль въ средніе вѣка, ставили получающаго въ зависимость отъ дающаго, и не даромъ Наполеонъ самъ возложилъ на себя корону.

Принятіе титула императорскаго повлекло за собою отказъ отъ сана патриція [3]), такъ какъ императоръ не могъ быть собственнымъ замѣстителемъ и собственною властью могъ распоряжаться въ вѣчномъ городѣ. Первой мѣрой новаго повелителя было наказаніе противниковъ Льва [4]). Такъ, возстановивъ внѣшній признакъ единства христіанскаго міра, Карлъ принимается за насажденіе правды. Источники отмѣчаютъ, что во все время своего пребыванія въ Италіи Карлъ работаетъ надъ водвореніемъ правды и мира [5]). По возвращеніи въ Германію въ интересахъ той же правды и мира императоръ приводитъ своихъ подданныхъ, начиная съ 12 лѣтъ, къ присягѣ [6]), разсылаетъ

---

[1]) Liber pontificalis, II, p. 7—8.

[2]) *Sackur*, Ein römischer Majestätsprocess und die Kaiserkrönung Karls des Grossen, H. Z. B. 56. 1901 (послѣдняя неудачная догадка).

[3]) Annales Laurissenses, p. 188.

[4]) Annales Einhardi, p. 189. Liber pontificalis, II, p. 8.

[5]) Annales Laureshamenses „justitias et pacem faciendo".

[6]) Cap., № 33, c. 2—9, p. 92, c. 39, p. 98.

своихъ посланцовъ творить правду всему народу [1]), созываетъ въ Ахенѣ соборъ, который требуетъ соблюденія закона, каноновъ и уставовъ [2]).

Но Карлъ не можетъ примириться съ мыслью о разрывѣ съ греками, уничтожавшемъ единство христіанскаго міра, и въ своихъ заботахъ о водвореніи въ своихъ владѣніяхъ существенныхъ признаковъ божескаго царства старается возстановить добрыя отношенія къ Византіи [3]) и лелеетъ мечту о вступленіи въ бракъ съ Ириною, чтобъ „объединить Востокъ и Западъ".

Въ это время Карлъ былъ на высотѣ своей силы и славы и обнаружилъ съ достаточной ясностью, какіе идеалы обусловливаютъ его дѣятельность и придаютъ ей всемірно-историческое значеніе. Онъ явилъ западу образецъ христіанскаго государя среднихъ вѣковъ, свято служащаго интересамъ земного царствія божьяго и руководящагося не мимолетными соображеніями о временныхъ выгодахъ, но требованіями установленнаго Богомъ закона. Принятіе императорскаго титула является завершеніемъ честолюбивыхъ мечтаній, не чуждыхъ всякому историческому дѣятелю. Карлъ достигъ на землѣ всего для себя и съ удвоенной энергіей работаетъ теперь на благо своихъ народовъ. Да и всѣмъ христіанамъ лучше было имѣть своимъ главою могущественнаго государя, передъ силой котораго должны были преклоняться иновѣрцы. Преемникъ Константина VI выше державъ побѣдное знамя воинствующей церкви, чѣмъ его предшественникъ. Много блеска, много славы выпало на долю Карла. Его держава поражала современниковъ своими размѣрами; его власть надъ церковниками, его вмѣшательство въ рѣшеніе догматическихъ вопросовъ, предсѣдательство на соборахъ, вліяніе на замѣщеніе епископскихъ каѳедръ—все это показывало, что Карлъ добился крупныхъ успѣховъ на пути къ водворенію теократіи при посредствѣ могущественнаго свѣтскаго государя. Занимаемое имъ положеніе служило мѣриломъ притязаній его преемниковъ. Но все держалось на его личной энергіи и властной волѣ. Стеченіе длиннаго ряда благопріятныхъ условій сдѣлало его въ глазахъ народовъ запада божьимъ избранникомъ, призваннымъ осуществить древнія предсказанія. Вѣрованія современниковъ придавали мощь начинаніямъ Карла, вдохновляли его и заставляли рабо-

[1]) Annales Laureshamenses, p. 38—39. Poeta Saxo, V, p. 596.
[2]) Chronicon Moissiacense, p. 306. Annales Laureshamenses, p. 39.
[3]) Einhardi Annales, p. 190. Theophanes Chronographus, p. 737.

тать надъ созданіемъ обѣтованной, единой Римской имперіи, охватывающей весь христіанскій міръ. Нельзя отказать въ величіи этому замыслу, доказывающему живучесть идей, властвующихъ надъ душами цѣлой цѣпи поколѣній. Никогда этотъ исконный идеалъ не былъ такъ близокъ къ своему осуществленію, какъ въ дни великаго франкскаго государя. Послѣдующія превратности показали, однако, всю непрочность воздвигнутаго имъ зданія, такъ быстро рухнувшаго послѣ смерти могущественнаго владыки.

Эта быстрота паденія карловой монархіи заставляетъ, для правильнаго пониманія послѣдующаго развитія, поискать причины ея въ дѣятельности самого Карла, въ степени соотвѣтствія его идеаловъ силамъ и средствамъ его подвластныхъ, въ экономическихъ условіяхъ тогдашняго строя и общественныхъ сочетаніяхъ, не поддающихся вліянію отдѣльной личности, какъ бы геніальна она ни была.

А. Вязигинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„РОССІАДА“ ХЕРАСКОВА.

II.

Въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* этого года я указалъ, что Херасковъ, несомнѣнно, былъ знакомъ съ „Исторіей о Казанскомъ царствѣ“. Можно предполагать не безъ основанія, что онъ пользовался и Царственной книгой, и Степенной [1]) и, можетъ быть, Курбскимъ [2]).

Послѣ этого едва ли возможно сказать, что Херасковъ „не зналъ исторіи“, какъ это утверждалъ П. Строевъ, почти сто лѣтъ тому назадъ, и какъ, повидимому, склоненъ былъ думать А. Галаховъ [3]).

Было указано не разъ, почему Херасковъ придавалъ огромное значеніе взятію Казани. Съ своей стороны, я обратилъ бы вниманіе на источники, которыми пользовался или могъ пользоваться Херас-

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, январь 1901, стр. 11, 13—14; см. Царств. кн.: „*Саканьской лѣсъ*“, с. 252 и „Россіяда“ (1-е изд.), с. 182 (=„Россіада“ изд. 1895 г., с. 125).

[2]) См. „Россіяда“, с. 266 (=„Россіада“, с. 248). Ср. Сочиненія кн. А. М. Курбскаго, изд. 3-е, с. 24—25.

[3]) „Современный наблюдатель россійской словесности“ 1815 г., ч. I, № 1. „Письма о русской словесности. О Россіядѣ, поэмѣ Г. Хераскова. (Письмо къ дѣвицѣ Д.)“. Стр. 14 и пр. на с. 16.—Въ изданіи „Россіады“ 1895 г. статья Строева перепечатана неудовлетворительно: пропуски, а примѣчаніе Строева на с. 16 почему-то внесено въ текстъ. Впрочемъ, издатель какъ бы оговорилъ свою погрѣшность: „Изъ статьи «Соврем. Наблюд.» 1815“. (Стр. 269).—Но отчего бы не перепечатать какъ слѣдуетъ? — *А. Галаховъ.* Исторія рус. словесности. Изд. 3-е. М. 1894. Т. I, отд. 2, стр. 198.

См. еще указанныя Строевымъ мѣста: „Современный Наблюдатель“, стр. 15. „Россіяда“, с. 21, 25 (=„Россіада“ изд. 1895, с. 25, 29).

ковъ. А эти источники, „Исторія о Казанскомъ царствѣ", Царственная книга, Степенная книга, говорятъ о покореніи Казани съ восторгомъ, для современнаго читателя даже не вполнѣ понятнымъ. Что восторгъ тутъ не слѣдствіе „доброcловія", не риторическое украшеніе, можно заключить изъ народныхъ пѣсенъ. Не отсюда ли и взглядъ Хераскова на покореніе Казани, какъ на событіе первостепенной важности?

Если это такъ, то едва ли самъ Херасковъ видѣлъ искаженіе исторіи въ стихахъ:

„Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость побѣжденну,
Движенье древнихъ войскъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ временъ, спокойствія начало
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло".

Конечно, нельзя отрицать нѣкоторой приподнятости тона, но вѣдь это была „*Россіада*": „пѣть" иначе и нельзя было.

Высказанное предположеніе о взглядѣ Хераскова, мнѣ кажется, подтверждаютъ и отличія въ изданіяхъ „Россіады". „Самымъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ незнанія Херасковымъ Русской Исторіи", говоритъ Строевъ, „служитъ собственное его предисловіе къ Россіядѣ, напримѣръ: Горе тому Россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія Казанскаго царства! Надобно перейти мыслями въ тѣ страшныя времена, когда Россія порабощена была татарскому игу—надобно вообразить набѣги и наглости ордынцовъ, внутрь нашего отечества чинимые—представить себѣ Князей Россійскихъ, раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго самовластія царей казанскихъ—видѣть правителей татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденнымъ, и даже кумировъ своихъ въ самую Москву присылающихъ для поклоненія имъ Князей обладающихъ", и проч. *Россіяда* М. 1807 въ типогр. Паном. пред. стр. XVII". („Современ. Наблюдатель", пр. на с. 16).

Дѣйствительно, смѣшеніе историческихъ событій здѣсь очевидное, но *приведенныхъ строкъ* предисловія *ни въ первомъ, ни во второмъ изданіи „Россіяды" нѣтъ*. Мы ихъ видимъ лишь въ 3-мъ; именно въ этомъ изданіи прибавленъ „Взглядъ на эпическія поэмы", гдѣ читаемъ и указанныя слова Хераскова.

Почему же такое добавленіе? Мнѣ кажется, отвѣтъ на это намъ

даетъ самъ Строевъ: онъ находитъ предметъ поэмы, взятіе Казани, не достаточно высокимъ для поэмы [1]). Можно думать, что мнѣніе Строева въ этомъ отношеніи не было исключеніемъ.

Твореніе Хераскова, повидимому, не избѣжало „критики“. Во „Взглядѣ на эпическія поэмы“ читаемъ:

„Для тѣхъ сіе пишу, которые думаютъ, будто эпическая Поэма похвальною пѣснію быть должна... Горе тому Россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину, и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ задушенія Казанскаго царства!..

Знаю, что моя Поэма далеко отстоитъ отъ Эпическихъ Поэмъ въ мірѣ извѣстныхъ; знаю, что въ ней есть немалыя погрѣшности, слабости, несовершенства; что многое въ ней подвержено благоразумной критикѣ, но не плевеламъ головъ поврежденныхъ—но кто изъ писателей избѣжалъ критики? и кто написалъ совершенное твореніе въ мірѣ?“ („Творенія М. Хераскова, вновь исправленныя и дополненныя. Часть I“. Стр. XV, XVI, XVII). Итакъ, вотъ, повидимому, причины измѣненій въ 3-емъ изданіи „Россіады“.

Справедливость требуетъ сказать, что не всѣ и современники Хераскова были довольны „перемѣнами и поправками“ въ 3-мъ изданіи [2]).

---

[1]) „Главное достоинство Поэмы состоитъ въ высокости ея предмета. Это найдете вы во всѣхъ главныхъ стихотворцахъ... Херасковъ намѣренъ пѣть разрушеніе Казани. Предметъ сей можетъ ли быть великимъ? Всякой, нѣсколько знающій исторію Россіи, скажетъ противное. Казань никогда не находилась на такой степени величія, чтобы могла быть страшною для Россіи. Она даже нѣсколько разъ получала Царей отъ руки Россійскихъ Самодержцевъ. Въ этомъ согласенъ и самъ Херасковъ:

Колико кратъ они (Казанцы) покорствомъ миръ купили
И клятву, данную Россіи, преступили?
Пѣс. ст. (*Такъ*).

Іоаннъ, наскучивъ частыми ея возмущеніями, рѣшился покорить ее, и успѣхъ увѣнчалъ его желаніе. Теперь скажите, милостивая государыня: покореніе Казани имѣло ли сильное вліяніе на Россію, и достоитъ ли сей предметъ такого пышнаго начала: — (приведены первыя 6 стиховъ „Россіяды“). — Отъ какихъ варваровъ свободилась Россія? чью власть она попрала? и почему именно началась въ Россіи заря спокойствія? Казань взята. Это столь же обыкновенное произшествіе, какъ на прим. паденіе Польскаго Королевства, отторженіе отъ Швеціи Финляндіи; но развѣ сіи оба произшествія могутъ быть предметами Поэмы“. „Современный Наблюдатель“, с. 12—14.

[2]) См. „Эпическія творенія М. М. Хераскова. Часть первая: Россіяда. Чес-

Почему Херасковъ не избралъ сверженія ига татарскаго предметомъ поэмы, объ этомъ онъ самъ говоритъ. („Россіяда". „Историческое предисловіе", стр. 3.=„Россіада" изд. 1895, стр. 1—2). Мнѣ лично думается, что разрушеніе Казани, какъ тема для поэмы, во-первыхъ, представляла, съ другой стороны, и то удобство, что имѣло нѣсколько цѣлыхъ сказаній, въ которыя входили и „анекдоты", преданія древности—и все это далеко не лишенное интереса и для творца поэмы XVIII вѣка. Во-вторыхъ, быть можетъ, на выборѣ темы отразился нѣкоторымъ образомъ несомнѣнный интересъ къ исторіи Казани великаго трудолюбца, дѣятельность котораго еще мало изслѣдована,—я говорю о Г. Ф. Миллерѣ [1]). Онъ въ 1765 г. былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ Воспитательнаго дома въ Москвѣ [2]). Херасковъ съ 1763 г. былъ директоромъ Московскаго университета.

Г. Кунцевичъ.

менскій бой.—Москва. Въ Университетской типографіи. 1820". „Отъ издателя" (А. Ширяева) стр. V—VI.

[1]) Рукописи Миллера, касающіяся Казани, есть въ Московскомъ главномъ архивѣ м. и. д., см., напр., *Кн. Н. В. Голицынъ*, „Портфели Г. Ф. Миллера". М. 1899. Стр. 22, 105, 122. См. Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Ак. Н., т. V (1900), кн. 3: *Г. Кунцевичъ*, „Печатное изданіе Исторіи о Казанскомъ царствѣ". Стр. 996—1006. *Его же*, „Исторія о Казанскомъ царствѣ. (Ея списки)". Спб. 1901. (Оттискъ изъ „Сборника" Ак. Н., т. 69, № 2). Стр. 107—116. Есть рукописи Миллера, собственноручно писанныя, съ замѣтками о Казани, и въ библіотекѣ Ак. Н., см. напр. рук. шифра 16. 3. 11.

[2]) Умеръ Миллеръ, какъ извѣстно, въ 1783 г.

КЪ РОДОСЛОВІЮ ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ.

V.

Въ предъидущей статьѣ [1]) я подвергъ изслѣдованію родственныя отношенія боярина Петра Никитича Шереметева, умершаго въ 1609 году.

Перехожу къ старшему его сыну, боярину Ивану Петровичу. Иванъ Петровичъ (кол. IX, 19), во иноцѣхъ Іона схимникъ, родился около 1586 г. [2]) и умеръ 8-го іюля [3]) 1647 г.

Женатъ онъ былъ два раза: 1) на Маріи Елеазаровнѣ Вылузгиной, и 2) на Мареѣ Васильевнѣ Нагой, рожденной кж. Веригиной-Волконской.

Въ бракъ съ Вылузгиною Иванъ Петровичъ вступилъ, вѣроятно, въ 1610 г. Въ этомъ году его теща, вдова Степанида Вылузгина, дала ему село Уборы [4]). Скончалась Марія Елеазаровна Шереметева, думать должно, 1-го марта 1637 г., такъ какъ сохранилась запись, что „145 года, марта 2-го, въ церкви Зачатія св. Анны, что въ

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1901 г., № 10.

[2]) См. нашу статью въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1901 г., отд. отт. стр. 10.

[3]) Такъ говорится въ текстѣ исторіи Рода (III, 357), что согласно съ надгробною его надписью; въ Родословіи ошибочно показано 8-го іюня.

[4]) *Р. Ш.* II, 390 и III, 35. *Холмогоровъ*. Истор. свѣд. о церквахъ, II, 102. Въ 1613 г. онъ показанъ владѣльцемъ приданой вотчины въ 310 чет. *Барсуковъ*. Докладная выписка о вотчинахъ и помѣстьяхъ. М. 1895, стр. 5. О Вылузгинѣ въ исторіи Рода (II, 390) сообщается, что „*при царѣ Борисѣ* былъ думный дьякъ Елизаръ Вылузгинъ, ѣздившій, *въ 1591 году*, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, въ Угличъ, на слѣдствіе по дѣлу царевича Димитрія". Да развѣ въ 1591 году царствовалъ Борисъ Годуновъ?

Китаѣ, въ Углу, отпѣвалъ св. патріархъ по женѣ Ивана Петровича Шереметева" [1]).

Вторая жена Ивана Петровича, рожденная кж. Марѳа Васильевна Волконская, была съ іюля 1631 г. [2]) за Богданомъ (Степаномъ) Михаиловичемъ Нагимъ, который умеръ на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ 21-го іюля 1633 г. [3]). Марѳа Васильевна Шереметева пережила своего второго мужа и упоминается въ его завѣщаніи.

У Ивана Петровича, какъ показано въ Родословіи, было четверо дѣтей [4]). По словамъ исторіи Рода (III, 191 и VII, 265—266) родились они: сынъ Василій и дочь Анна, отъ перваго брака, а сыновья Никита и Матвѣй, отъ второго.

Это едва ли вѣрно.

Второй сынъ Ивана Петровича, Никита, рожденъ былъ отъ перваго брака. Два на это доказательства.

По боярской книгѣ 1646 года, числилось за Иваномъ Петровичемъ, между прочимъ, сельцо Іевлевское, Царево тожъ, Корзенева стана, Московскаго уѣзда, съ деревнями (Р. Ш. II, 368). Эту вотчину отказалъ онъ сыну Никитѣ, при чемъ въ духовномъ завѣщаніи назвалъ ее „матери ево приданою вотчиною" (III, 360), а это село принадлежало ранѣе, какъ видно изъ писцовой книги 157³/₄ г. [5]), дьяку Елеазару Даниловичу Вылузгину, дочь котораго, Марія, была, что уже сказано, первою женою Ивана Петровича.

Далѣе: Никита Ивановичъ въ первый разъ упоминается на стольничьей службѣ въ 1651 г. (Р. Ш. III, 192), а такъ какъ въ исторіи Рода (III, 192 и 193 и IV, пр. 218) неоднократно указывается, что въ стольники жаловались не ранѣе 15 лѣтъ, то онъ родился не позже 1636 года, первая же супруга Ивана Петровича скончалась въ 1637 г.

Третій сынъ Ивана Петровича, Матвѣй, умеръ въ 1644 г. младенцемъ (III, 291). Это не отмѣчено въ Родословіи, хотя при дру-

---

[1]) *Забѣлинъ.* Сбор. матер. для исторіи Москвы. М. 1884, I, 360. У Ивана Петровича былъ свой дворъ на Никольской улицѣ. Р. Ш. III, 359.

[2]) Р. И. Б. III, 882 и 886.

[3]) Кн. *Лобановъ*, II, 3; Двор. Разр. II, 348. Сестра ея, кж. Марія Васильевна, была въ замужествѣ за Павломъ Степановичемъ Сомовымъ.

[4]) Однако, въ текстѣ исторіи (II, 390) говорится, что у него было трое дѣтей.

[5]) Писц. кн. I, 248; ср. Холмогоровъ, V, 102. Отъ Вылузгиной же получалъ Иванъ Петровичъ село Бузаево, Сѣтунскаго стана. Р. Ш. III, 97.

гихъ членахъ рода, скончавшихся въ младенчествѣ, таковыя отмѣтки дѣлаются [1]).

Затѣмъ, какъ уже упомянуто, у Ивана Васильевича показана одна только дочь, Анна. Между тѣмъ, имѣющіеся въ VII книгѣ „Рода Шереметевыхъ" матеріалы доказываютъ, что у него были двѣ дочери, носившія одно и то же имя Анны.

Дядя Ивана Петровича, извѣстный бояринъ Өедоръ Ивановичъ, имѣлъ дочь, Евдокію Өедоровну, бывшую съ 10-го февраля 1622 г. въ замужествѣ за кн. Одоевскимъ и умершую 21-го сентября 1671 г. Незадолго до кончины, составила она духовное завѣщаніе, въ которомъ написала всѣхъ наличныхъ родственниковъ и свойственниковъ. Этотъ отдѣлъ акта представляетъ, по словамъ автора исторіи (VII, 343), наибольшій интересъ, служа провѣркой родословныхъ росписей не только князей Одоевскихъ, но и другихъ фамилій, состоявшихъ съ ними въ родствѣ или свойствѣ, а именно: Шереметевыхъ и князей Троекуровыхъ, Куракиныхъ и Воротынскихъ [2]).

Дѣйствительно, завѣщаніе княгини весьма интересно. Оно послужитъ намъ не только для провѣрки, но, что важнѣе, для дополненія Родословія Шереметевыхъ.

Завѣщаніе княгини Одоевской изложено систематично. Сначала именуетъ она родныхъ своихъ по мужу, князей Одоевскихъ и ихъ сродниковъ; затѣмъ родныхъ по отцу, Шереметевыхъ и, наконецъ, князя Троекурова, котораго называетъ братомъ [3]), и членовъ его семьи.

Отдѣлъ ея духовной, касающійся Шереметевыхъ, изложенъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Племянниковъ своихъ, боярина Петра Васильевича (большого) Шереметева (кол. X, 29) да жену его Анну Өедоровну, да Никиту Ивановича Шереметева (кол. X, 27) да жену его Евдокію Өедоровну, да внука своего Петра Васильевича (меньшого) Шереметева (кол. XI, 32) да жену его, племянника своего Василія Борисовича Шереметева (кол. X, 31) жену, Прасковью Васильевну, да дочь ея, Евфимію Васильевну (кол. XI), *племянницу свою, боярина Ивана Ивановича Салтыкова жену, Анну Ивановну, да сестру ея, дѣвицу*

[1]) См., напримѣръ, №№ 111, 119 и 121.

[2]) Для облегченія чтенія духовнаго завѣщанія княг. Одоевской, авторъ исторіи Рода принялъ на себя трудъ составленія особой родословной таблицы, приложенной имъ къ стр. 343 книги VII исторіи.

[3]) Онъ приходился ей братомъ троюроднымъ, по ея бабкѣ, кж. Доминѣ Михаиловнѣ Троекуровой, женѣ Ивана Васильевича меньшаго Шереметева.

Анну Ивановну (кол. X), племянника своего, Матвѣя Васильевича Шереметева (кол. X, 80) жену Анастасію Ѳедоровну...

При имени Анны Ивановны Салтыковой, включенной княгинею Одоевскою въ рядъ членовъ рода Шереметевыхъ, авторъ исторіи Рода дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Родовая фамилія жены боярина Ивана Ивановича Салтыкова († 1670), Анны Ивановны, неизвѣстна, а потому она и одноименная сестра ея, *по невозможности* опредѣлить, съ какой стороны было у нихъ родство съ княгиней Евдокіей Ѳедоровной Одоевской, въ приложенную (т.-е. спеціально имъ же составленную, для облегченія чтенія завѣщанія) родословную не внесены".

Но именно изъ приведенной выдержки изъ завѣщанія княгини Одоевской и открывается родовая фамилія жены Ивана Ивановича Салтыкова. Вѣдь племянница княгини Одоевской, дочь Ивана Петровича Шереметева, дѣвица Анна Ивановна, значится въ Родословіи Шереметевыхъ (кол. X), какъ уже говорено было выше. Если же завѣщаніе княгини Одоевской называетъ жену Ивана Ивановича Салтыкова ея сестрою, то это доказываетъ, что у Ивана Петровича Шереметева были двѣ дочери: Анна, вступившая въ бракъ съ бояриномъ Салтыковымъ, и другая дочь, также Анна, оставшаяся дѣвицею.

Иванъ Ивановичъ Салтыковъ упоминается на службѣ еще въ 1615 году, воеводою въ Ельцѣ; въ 1642—1647 гг. былъ воеводою въ Тобольскѣ, гдѣ его смѣнилъ Василій Борисовичъ Шереметевъ (племянникъ Ивана Петровича); пожалованъ въ бояре 29-го сентября 1645 г. и умеръ 13-го октября 1670 года [1]).

Жена его, Анна Ивановна, пережила мужа и умерла не ранѣе 1679 года [2]).

Хотя фактъ, что дочь Ивана Петровича, Анна Ивановна, была замужемъ за Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ, очевиденъ, но, для документальнаго его подтвержденія, привожу выписку изъ дѣлъ помѣстнаго приказа.

1647 (158) года ноября въ 3 день билъ челомъ царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи Ивашка Салтыковъ:

[1]) Кн. Разр. I, 79; С. И. Б. X, 314; Двор. Разр. III, 18; Древ. Рос. Вивл. XX, 122. Въ Матер. для исторіи Москвы, I, 258, встрѣчается слѣдующая запись: 179 г. октября 14-го ходилъ св. патріархъ въ Чудовъ монастырь, на погребеніе боярина Ивана Ивановича Салтыкова и роздано поручной милостыни нищимъ рубль.

[2]) Холмогоровъ, Истор. свѣд. о церквахъ, VIII, 121.

вотчинка, государь, у меня, холопа твоего, въ Галицкомъ уѣздѣ въ Парфеньевской Окологородной волости, Остроконской трети, что далъ мнѣ бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ за дочерью своею въ приданое, и та, государь, вотчинка, по се число въ книги не записана потому, государь, что я, холопъ твой, былъ на твоей государевѣ службѣ въ Тобольску и для того записать не успѣлъ. Милосердый государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи пожалуй меня, холопа своего; вели, государь, ту мою галицкую приданую вотчинку въ книги записать. Царь государь смилуйся!

Списокъ съ даной слово въ слово:

Се язъ, бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ, далъ есми зятю своему, Ивану Ивановичу Салтыкову, за дочерью своею Анною Ивановною, въ приданые, вотчину свою выслуженную государево царево и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи жалованье въ Галицкомъ уѣздѣ въ Парфеньевской Окологородной волости, Острогонской трети, деревню Нечаевъ Починокъ, да деревню Сватилову, да деревню Секерину, деревню Спицыно, да починокъ Гришинъ, починокъ Меншиковъ и всего въ выслуженной вотчинѣ четыре деревни да два починка, а въ нихъ 48 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, пашни паханые 160 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ. Да въ томъ же Галицкомъ уѣздѣ, въ Парфеньевской Окологородной волости, въ Остраханской трети, въ купленной вотчинѣ деревня Якимовъ Починокъ, деревня Кутазова и всего двѣ деревни, а въ нихъ 16 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, пашни паханые сто сорокъ чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, и обоево въ выслуженной и въ покупной вотчинѣ въ живущемъ шесть деревень да два починка, а пашни паханые триста чети въ полѣ, а въ дву по томужъ, 64 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ. А тѣ мои вотчины, опричь сей даной, иному никому не отданы и не продапы и не заложены ни у кого ни въ чемъ, ни въ какихъ крѣпостяхъ не написаны и по душѣ въ монастырь ни къ приходной церквѣ ни по комъ не отданы; а будетъ у него, Ивана, съ моею дочерью будутъ дѣти, или будетъ жива да бездѣтна, и мнѣ Ивану и женѣ моей и дѣтемъ моимъ и братье моей и ихъ дѣтямъ и роду моему и племяни въ тѣ вотчины не вступатца, а владѣть тѣми вотчинами зятю моему Ивану Ивановичу да женѣ ево и ихъ дѣтямъ, которые у нихъ будутъ впредь, а кто у Ивана въ тѣ мои вотчины учнетъ вступатца по какой крѣпости не буди и мнѣ, Ивану, и женѣ моей и дѣтемъ тѣ вотчины Ивану Ивановичу ото всякихъ крѣпостей очищать. А на то послуси: Агафонъ Патрекеевъ да Сергѣй Ме-

лентьевъ да Григорей Квашнинъ. А даную писалъ Ивановскіе пл-о щади подьячей Гарасимъ Лукинъ лѣта 7147 году мая въ 10 день. Назади у подлинной даной писано: къ сей даной бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ руку приложилъ.

158 года августа въ 13 день, по государеву указу, будетъ нѣтъ спору, записать та вотчина за бояриномъ Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ въ записные вотчиные книги, а пошлины записать въ приходъ.

Того же года августа 19 дня боярину Ивану Ивановичу Салтыкову выдана на приданую вотчину послушная грамота [1]).

Приведенною данною опредѣляется время вступленія въ бракъ Анны Ивановны Шереметевой съ Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ—май 1639 г.

Анна Ивановна Шереметева была второю супругою Ивана Ивановича Салтыкова. На комъ онъ былъ женатъ первымъ бракомъ, мнѣ неизвѣстно, но фактъ, что онъ былъ женатъ дважды, явствуетъ изъ того, что „по дачѣ 1672 (7180) г. іюня въ 3 день, дано стольнику Льву Иванову Салтыкову отца его боярина Иваново помѣстье Ивановича Салтыкова, что было дано въ пожить *мачихѣ его*, Львовой, боярынѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ Закудемскомъ стану, въ деревнѣ Юркинѣ, да въ деревнѣ Черемиской съ пустошами, а въ нихъ по дачамъ 154 и 162 годовъ написано пашни 127 четвертей“ [2]).

Сынъ Ивана Ивановича, стольникъ Левъ Ивановичъ Салтыковъ, женатъ былъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Погожей [3]). Дочь ихъ, Анна Львовна, вышла за князя Петра Григорьевича Щербатова († 1704 г.) [4]), сынъ котораго, князь Николай Петровичъ Щербатовъ, женился впослѣдствіи на Аннѣ Васильевнѣ Шереметевой (кол. XII).

Д. Кобеко.

---

[1]) Выписано изъ дѣлъ Помѣстнаго приказа „Вотчинной записки“ столбецъ 18224.

[2]) Выписано изъ дѣла Вотчинной коллегіи, по г. Нижнему Новгороду, старыхъ лѣтъ, кн. 30, дѣло № 20, л. 448 об.

[3]) Кн. *Лобановъ* II, 106. Указъ 21-го ноября 1678 г. въ П. С. З. I, № 563.

[4]) *Холмогоровъ*, VIII, 121.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. А. Васильевъ. **Византія и Арабы. Политическія отношенія Византіи и Арабовъ за время Аморійской династіи. С.-Пб. 1900. (XII+210+183).**

Если арабовѣдѣніе и въ западной ученой литературѣ все еще не завоевало себѣ подобающаго ему мѣста, все еще не находитъ достаточнаго числа работниковъ въ этой области, то тѣмъ болѣе оно стоитъ на низкой степени развитія у насъ. Тогда какъ среди иностранцевъ можно насчитать десятки громкихъ именъ, которыя пользуются вполнѣ заслуженною репутаціею знатоковъ-изслѣдователей историческихъ судебъ мусульманскаго міра,—у насъ эта цифра гораздо болѣе скромная. Тѣмъ не менѣе и въ Россіи эта область все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ. Арабовѣдѣніе у насъ считаетъ своимъ главою академика барона В. Р. Розена, почти всѣ остальные арабисты такъ или иначе вышли изъ его школы или находятся подъ очевиднымъ его вліяніемъ. Эта область знанія и у насъ обѣщаетъ свой расцвѣтъ и своихъ дѣятелей.

Диссертація А. А. Васильева подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, представленная въ историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета для соисканія ученой степени магистра всеобщей исторіи, служитъ тому хорошимъ примѣромъ. Молодой ученый первоначально изучалъ восточные языки и подавалъ барону Розену надежды сдѣлаться современемъ хорошимъ арабистомъ; однако потомъ онъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ и, сдѣлавшись ученикомъ академика В. Гр. Васильевскаго, предался съ особенною любовію занятіямъ Византійскою исторіею и преимущественно тою ея стороною, которая касается взаимныхъ отношеній между Визан-

тіею и Халифатомъ. Такимъ образомъ, авторъ разбираемой диссертаціи, унаслѣдовавъ любовь къ арабовѣдѣнію и къ византиновѣдѣнію отъ такихъ славныхъ учителей, сочеталъ въ себѣ такія двѣ области знанія, совмѣстность которыхъ служитъ надежнымъ мѣриломъ солидности изслѣдованія. Русскіе арабисты, доселѣ пользовавшіеся иностранными изслѣдованіями по Византійской исторіи, должны теперь привѣтствовать эту книгу какъ вполнѣ самостоятельный русскій трудъ, касающійся исторіи взаимныхъ отношеній между исламомъ и „Румомъ"; византинисты, доселѣ руководствовавшіеся главнымъ образомъ трудомъ Вейля „Geschichte der Chalifen", должны теперь радоваться, что получили возможность читать въ самостоятельномъ русскомъ изслѣдованіи исторію взаимоотношеній между названными имперіями. Для тѣхъ и другихъ книга г. Васильева должна служить цѣнностью, заслуживающею полнаго уваженія.

Диссертація состоитъ изъ двухъ частей—собственно исторической (обзора событій 820—867 гг.) и приложеній. Историческая часть, послѣ вступленія, состоитъ въ свою очередь изъ трехъ главъ, обнимающихъ царствованія трехъ императоровъ Аморійской династіи—Михаила II Травла (Косноязычнаго), Ѳеофила и Михаила III Пьяницы. Здѣсь разсматривается главнымъ образомъ военная исторія обоихъ народовъ—грековъ и арабовъ—на Востокѣ, въ Малой Азіи, и на Западѣ, въ Сициліи и Италіи. Вторая часть, состоящая изъ пяти приложеній, содержитъ въ себѣ, *во-первыхъ*, переводъ арабскихъ хроникъ на русскомъ языкѣ. Сюда относятся: Ибн-Котейба, Белазори, Якуби (IX вѣка), Табари, Масуди, Ріяд-ан-Нуфусъ (X вѣка), Кембриджская хроника, Ибн-Мискавейхъ (XI вѣка), Ибн-ал-Асиръ, анонимъ де Гуе (Goeje), Ибн-Адари (XIII вѣка), Нувеири (XIV вѣка) и нѣсколько позднѣйшихъ арабскихъ пересказовъ; *во-вторыхъ*, изслѣдованія: объ Іоаннѣ Грамматикѣ, о его посольствѣ къ арабамъ и о времени поставленія его во вселенскаго патріарха; *въ-третьихъ*, о годѣ возстановленія православія; *въ-четвертыхъ*, о хронологіи константинопольскихъ патріарховъ съ 815 по 867 годъ, и наконецъ, *въ-пятыхъ*, дается хронологія византійско-арабскихъ отношеній за время Аморійской династіи. Книга заканчивается двумя указателями—личныхъ именъ и мѣстныхъ названій.

„Достоинства этого труда, говорили мы ранѣе [1]), не подлежатъ никакому сомнѣнію. Авторъ, вообще говоря, счастливо сочеталъ зна-

---

[1]) „Литературный Вѣстникъ", I (1901), стр. 207—208.

ніе арабской литературы съ литературою византійскою и далъ очеркъ отношеній между двумя народами, какого русская литература доселѣ еще не представляла. Полнота извѣстій, хорошее знакомство и съ западными хрониками, большая начитанность въ современной западной ученой литературѣ по данному вопросу и тщательность въ пріуроченіи событій къ тому или другому году—основныя достоинства этого почтеннаго изслѣдованія".

Что касается до его недостатковъ, то ихъ въ общемъ, къ вящшему удовольствію, немного. На нѣкоторые изъ нихъ мы и позволимъ себѣ указать [1]).

Заявивъ, что Аморійская династія дала Византіи трехъ императоровъ (стр. 15) и заключивъ ее такимъ образомъ въ рамки 820—867 годовъ, авторъ, безъ сомнѣнія, держится стараго взгляда въ изученіи Византійской исторіи. По этому взгляду, со смертію императора Михаила III пресѣклась Аморійская династія, которую смѣнила династія Македонская. Но въ послѣднее время уже раздаются голоса, протестующіе противъ исторической вѣрности такого положенія. И съ этимъ нельзя не считаться. Императоръ Левъ Мудрый или Философъ, обыкновенно признаваемый сыномъ императора Василія Македонянина, былъ въ дѣйствительности сыномъ Михаила III, и стало быть Аморійская династія окончила свои дни не въ 867 году, а продолжала жить и царствовать, съ нѣкоторыми перерывами, до половины XI вѣка. И то, что доселѣ относили на долю Македонской династіи,—дѣла императора Льва Мудраго, Константина Багрянороднаго и др., должно быть отнесено на счетъ не армянской, а греческой же крови Аморійскаго дома. Но пока этотъ взглядъ еще не утвердился въ

---

[1]) *Неясности, неловкости и неправильности оборотовъ рѣчи*: „арабскій элементъ оставался позади не арабовъ" (стр. 9), восьмой вселенскій соборъ (стр. 19), братъ Николай (стр. 31) (инокъ Николай приходился Ѳеодору Студиту не братомъ, а дальнимъ родственникомъ, братомъ же онъ могъ быть названъ лишь на языкѣ иноческомъ); „Ѳома, сильно надѣющійся (надѣявшійся?) на численность своего войска, началъ сраженіе" (стр. 35), „Арсакій отправился къ Іоанникію, живущему (жившему?) въ горахъ Олимпа" (стр. пр. 143), Никифоръ, продолжатель (преемникъ?) патр. Меѳодія (стр. пр. 150); *неправильность написанія*: стратегъ (стратигъ?), стр. 22, 28 и пр., патрицій (патрикій?), стр. 25, 108 и пр., Киварріотская (Киверріотская?) ѳема, стр. 52, 154, А. Куникъ и Е. Куникъ, стр. пр. 171; *неточность въ выраженіяхъ*: Никита Пафлагонянинъ—современникъ патр. Игнатія (стр. 149); *недостаточность осторожности*: импер. Ѳеофилъ женился въ 830 г.; въ слѣдующемъ 831 году онъ выдалъ свою уже пятую дочь Марію замужъ за Алексѣя Муселе (стр. 90, 109).

наукѣ, а равно въ виду того, что старое положеніе было офиціально принято самою Византіею, А. А. Васильевъ, конечно, имѣлъ право стоять на старой точкѣ зрѣнія.

Затѣмъ авторъ пишетъ (стр. 163), что около 845 года императрица Θеодора для поправленія сицилійскихъ военныхъ дѣлъ отправила на островъ Сицилію войско изъ далекой восточной *Харсіанской* θемы, но оно было разбито. Основной греческій текстъ Кембриджской хроники гласитъ: ἐγένετο ὁ πόλεμος τοῦ Χαρζανίτι (стр. 82, ср. 163), въ латинскомъ переводѣ съ перевода арабскаго читается: proelium inter Moslemios et al-Chazarianitas [1]), Амари вновь переводитъ съ арабскаго: Harzamitah (стр. 163) или Kharz nita [2]). Не знакомые съ языкомъ, мы съ почтеніемъ относимся къ этимъ чтеніямъ и догадкамъ оріенталистовъ, но не можемъ побороть въ себѣ духа нѣкотораго противорѣчія. Старые переводчики читали Alchazarianitas въ смыслѣ „жители castri Ennae", т.-е. жители Кастроджованни, Амари допустилъ, что это—Χαρσιανίται, и нашъ молодой ученый замѣчаетъ: послѣднее очень вѣроятно (стр. 163). Намъ напротивъ кажется мало вѣроятно: 1) Харсіанская θема называлась Χαρσιανόν и войска, квартировавшія въ ней, назывались Χαρσιανοί (а не Χαρσιανίται); 2) византійскія хроники не говорятъ намъ объ экспедиціи Харсіанскихъ солдатъ въ Сицилію въ указанное время и 3) невѣроятно, чтобы грекъ (Кембриджская хроника—на греческомъ языкѣ) могъ написать Χαρζανίτι вмѣсто обычнаго Χαρσιανοί (и даже Χαρσιανίται [3]). Догадка Муратори осталась такимъ образомъ неопровергнутою; и мы можемъ если не вполнѣ довѣрять ей, то по крайней мѣрѣ не опускать ея изъ вида, какъ это дѣлаетъ авторъ. Замѣтимъ также, что упомянуть о сицилійской крѣпости въ данномъ мѣстѣ Кембриджской хроники было бы вполнѣ умѣстно: сраженіе арабовъ происходило у Бутеры, очень недалеко отъ Кастроджованни. При изложеніи арабскихъ кампаній въ Сициліи авторъ не обратилъ вниманія, что морскіе набѣги мусульманъ совершались болѣе или менѣе послѣдовательно: обыкновенно арабскій флотъ, выйдя изъ Палермо, направлялся къ восточнымъ берегамъ Сициліи, спускался на югъ и затѣмъ сухопутное войско возвращалось снова въ Палермо, пересѣкая островъ съ юга-востока на сѣверо-западъ. Имѣя

---

[1]) *Muratori*. Rerum Italicarum scriptores. Mediolani, 1725, I, 2, p. 245.

[2]) *M. Amari*. Storia dei musulmani di Sicilia. Firenze, 1854, I. 316.

[3]) Неувѣренность Амари въ правотѣ своей конъектуры видна уже изъ того, что онъ готовъ допустить возможность перевода и „Херсониты", но находитъ эту конъектуру менѣе основательной.

это въ виду, авторъ на пространствѣ, напримѣръ, десяти лѣтъ (843—853) могъ бы замѣтить только пять экспедицій: 1) 843—845 гг.: Палермо-Мессина-Модика-Бутера-Алимена (?); 2) 846—848 гг.: Палермо-Лентини... 3) 848—849 гг.: Палермо... Рагуза...; 4) 849—850 гг.: Палермо ...Кастроджованни; 5) 851—853 гг.: Палермо... Кальтавультуро-Катанія, Сиракузы, Ното, Рагуза-Бутера-Кастроджовани. Можно, конечно, спорить противъ такого построенія, но нельзя не признать, что при такомъ взглядѣ работа автора значительно выиграла бы въ идейности и стройности содержанія.

Житійная литература не нашла въ диссертаціи радушнаго пріюта. Такъ, напримѣръ, оставлены безъ вниманія: Константина Акрополита похвала св. Варвару, изъ которой видно, что слѣдствіемъ занятія арабами о. Крита (стр. 49) и покоренія Сициліи было насильственное выселеніе грековъ изъ Никополя и Навпакта, что арабы подходили къ Амбракіи (города будто бы Этоліи) и Драгомѣсту (Δραγαμεστός) [1]; Петра Аргосскаго похвальное слово св. Аѳанасію Меѳонскому, въ которомъ живо изображено нашествіе на Сицилію арабовъ 827 года и въ которомъ говорится о выселеніи вслѣдствіе этого грековъ изъ Сициліи въ Грецію [2]). Къ тому же приблизительно времени можетъ быть отнесено содержаніе одного чуда св. Николая, не сохранившагося въ основномъ греческомъ текстѣ, но извѣстнаго лишь въ пересказѣ Никифора Каллиста: изъ него, между прочимъ, видно, что Катана въ описываемое время вела торговыя сношенія съ Ѳракіею [3]). При изложеніи событій 838 года и въ частности взятія сарацинами г. Аморія мы не встрѣчаемъ у автора упоминанія и оцѣнки любопытнаго свѣдѣнія изъ житія св. Евстратія: когда сарацины осадили этотъ городъ, то среди грековъ господствовало убѣжденіе, что городъ выдержитъ осаду [4]). Это убѣжденіе раздѣляли и греческіе монахи, всегда страстно относившіеся ко всякимъ политическимъ злобамъ дня.

Но особенно жалко, что А. А. Васильевъ не затронулъ извѣстія византійскаго писателя Никиты Пафлагонянина о томъ, что во дни императора Ѳеофила островъ Липара (къ сѣверу отъ Сициліи) былъ завоеванъ арабами, слѣдствіемъ чего было перенесеніе мощей апостола Варѳоломея съ острова Липары въ городъ Беневентъ. И само-

---

[1]) Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα I. 405—420.

[2]) *Mai-Cozza-Luzi*. Nova Patrum bibliotheca, IX. 3 (1888) p. 31—51; лат переводъ въ AA. SS. Boll. январь II. 1125—1130.

[3]) Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα IV. 363—364.

[4]) Ibid. IV. 367—400.

по себѣ это событіе интересно, но получаетъ еще большее значеніе потому, что оно упомянуто такимъ писателемъ, какъ Никита, историческая цѣнность показаній котораго въ послѣднее время сдѣлалась предметомъ горячихъ споровъ между академикомъ В. Гр. Васильевскимъ и А. И. Пападопуло-Керамевсомъ. Необходимо было снова затронуть этотъ вопросъ и во всякомъ случаѣ оцѣнить это свидѣтельство. То, что опущено авторомъ, попробуемъ мы восполнить въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Никита, разсказавъ исторію появленія мощей апостола на Липарскихъ островахъ, продолжаетъ такимъ образомъ: „По прошествіи очень многихъ лѣтъ, въ послѣднія времена, *во дни царя Θеофила*, крѣпость, въ которой лежалъ святой апостолъ, за умноженіе беззаконій нашихъ была взята агарянами и весь островъ Липара сталъ необитаемъ. Тогда властитель города Беневента, узнавъ объ апостольскихъ чудесахъ, движимый горячею вѣрою къ святому, пригласивъ нѣкоторыхъ людей-мореходовъ изъ города Амальфи, поручилъ (имъ) отправиться и привести къ нему оное многоцѣнное сокровище, что и было“ [1]). Свѣдѣнія объ ап. Варθоломеѣ Никита Пафлагонскій почерпнулъ главнымъ образомъ изъ слова св. Θеодора Студита, въ настоящее время уже не существующаго въ подлинникѣ. Но во второй половинѣ IX столѣтія оно еще было распространено по крайней мѣрѣ въ Константинополѣ. Анастасій, аббатъ и библіотекарь римскаго престола, въ бытность свою въ Константинополѣ имѣлъ возможность читать это слово по гречески, и такъ какъ чудеса святыхъ римскихъ или имѣвшія мѣсто въ Италіи особенно интересовали его (ср. его переводъ слова Константина Философа объ обрѣтеніи мощей въ Крыму св. Климента Римскаго), трудолюбивый посланецъ около 877 г. [2]) перевелъ слово Θеодора Студита на латинскій языкъ и препроводилъ его въ такомъ видѣ къ Беневентскому епископу Айону при письмѣ, въ которомъ Анастасій, дополняя свидѣтельство св. Θеодора, разсказываетъ о перенесеніи мощей св. Варθоломея изъ Липары въ Беневентъ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ нашедшіе сарацины опустошили и разграбили вышеназванный островъ (Липару) и, набросившись на могилу апостола, разсѣяли его кости по разнымъ мѣстамъ. Когда

---

[1]) *Fr. Combefis.* Bibliothecae graecorum patrum auctarium novissimum. Parisiis 1672, I. 400=*Migne.* Patrologia Graeca, t. CV col. 217: ἐν ταῖς ἡμέραις Θεοφίλου τοῦ βασιλέως τοῦ φρουρίου—ὑπὸ τῶν Ἀγαρηνῶν συλληφθέντος καὶ πάσης τῆς νήσου Λιπάρας ἀοικήτου διαμεινάσης.

[2]) *Hergenröther.* Photius, II. 239.

они вскорѣ ушли, тотъ же апостолъ Божій, явившись во снѣ одному греческому монаху, который состоялъ стражемъ той церкви, сказалъ ему: „встань, собери мои кости, которыя разсѣяны". Тотъ ему отвѣтилъ: „зачѣмъ собирать твои кости, или какую честь мы должны тебѣ оказывать, когда ты попустилъ насъ и народъ тотъ быть уничтоженными со стороны поганыхъ, и нисколько не помогъ намъ?" Но тотъ сказалъ: „Въ теченіе долгаго промежутка лѣтъ я молилъ Господа за сей народъ, и посему моими молитвами они стали нынѣ въ безопасности,—смилостивился всемогущій Богъ; но такъ какъ зло народа умножилось и неправедность его возросла чрезмѣрно, то поэтому онъ и погибаетъ. Ты только встань и собери, какъ я сказалъ, мои кости, и тщательно схорони ихъ, какъ я тебѣ повелю". Тотъ монахъ сказалъ ему: „А какимъ образомъ я могу найти ихъ,—я, который не знаю, гдѣ онѣ разсѣяны?" Апостолъ говоритъ ему: „иди ночью для сбора ихъ, и что ты увидишь блестящимъ подобно огню, то ты подыми, ибо это суть поистинѣ мои кости". Тотъ, тотчасъ поднявшись, направился къ мѣсту и нашелъ, какъ сказалъ апостолъ, увѣренно собралъ ихъ и спрятанныя въ мѣстечкѣ тщательно схоронилъ и ушелъ, оставивъ тамъ своего товарища. И когда для наблюденія за сарацинами пришли туда суда лангобардовъ, то по внушенію Божію они находящагося тамъ монаха и тѣло святаго апостола взяли и ушли. Нашедшіе же сарацины окружили тотъ корабль, въ которомъ везлось святое тѣло апостола, такъ что не было никакой надежды на спасеніе. Тогда явился густѣйшій мракъ передъ сарацинскими кораблями, такъ что они не знали, куда идти. И такимъ образомъ тотъ корабль былъ освобожденъ. Когда они еще шли въ море, божественная милость апостола, заступничествомъ его, спасла одного изъ моряковъ корабля того отъ тяжелой болѣзни. Выйдя же на землю, они съ великою честію принесли святое тѣло апостола въ Беневентъ и положили его въ алтарѣ, *въ 809-мъ году* отъ воплощенія Господа, мѣсяца октября въ 25 день" [1]). Итакъ Анастасій Библіотекарь пріурочиваетъ занятіе сарацинами о. Липары и перенесеніе мощей апостола къ опредѣленному и точному времени—къ 25 октября 809 года; позднѣйшій греческій писатель, Никита Пафлагонянинъ, также съ опредѣленностью относитъ это событіе ко временамъ императора Θеофила (829—842), и это второе указаніе принято въ русской агіологической

---

[1]) *L. D'Achery,* Spicilegium sive collatio veterum aliquot scriptorum, qui in Galliae bibliothecis delituerant. Parisiis 1723, II. 126=*Migne,* Patrologia latina, t. CXXIX. col. 729—736: anno octingentesimo nono.

наукѣ [1]). Если бы мы сказали, что Никита, какъ позднѣйшій писатель, долженъ имѣть второстепенное значеніе въ этомъ вопросѣ, нежели болѣе ранній—Анастасій, то этимъ еще не исчерпаемъ всего вопроса [2]). Въ самомъ дѣлѣ, и сейчасъ приведенное извѣстіе Анастасія нуждается въ поясненіи. Приведя цѣликомъ слово св. Ѳеодора Студита объ апостолѣ Варѳоломеѣ, онъ разсказываетъ далѣе исторію 809-го года. Но вѣдь Ѳеодоръ Студитъ жилъ въ это же самое и позднѣйшее время, и если онъ спеціально писалъ объ апостолѣ, то безъ сомнѣнія онъ могъ знать, какая судьба постигла мощи. А между тѣмъ Ѳеодоръ ничего объ этомъ не знаетъ, и умолчаніе его набрасываетъ тѣнь подозрѣнія на свидѣтельство Анастасія. Однако въ защиту Анастасія слѣдуетъ сказать слѣдующее: такой умный, образованный и ученый человѣкъ, какимъ былъ библіотекарь и аббатъ св. Марцелла, не могъ пользоваться темными источниками и несерьезными слухами; онъ всегда прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ лицамъ, которыя были очень близко знакомы съ дѣломъ и заслуживали полнаго довѣрія. Напримѣръ, въ вопросѣ о мощахъ св. Климента онъ лично бесѣдовалъ съ Константиномъ философомъ и кромѣ того бесѣдовалъ со Смирнскимъ митрополитомъ Митрофаномъ, какъ лично бывшимъ въ Крыму. Совершенно неизвѣстно, кто могъ сообщить ему свѣдѣніе о перенесеніи мощей апостола, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, если такимъ лицомъ былъ кто-нибудь изъ греческихъ епископовъ съ о. Сициліи. Но если Анастасій пользовался разсказами изъ византійскихъ рукъ, то тѣмъ болѣе Никита Пафлагонянинъ записалъ слухъ изъ устъ грековъ. Такимъ образомъ казалось бы, что въ самой Византіи уже въ IX — X вѣкахъ существовало большое разногласіе на счетъ времени перенесенія мощей. Но такъ какъ обѣ версіи ставятъ нашествіе сарацинъ на Липару основнымъ мотивомъ перенесенія, то, очевидно, нужно прежде всего точно установить время и обстоятельства липарской экспедиціи. Ибн-ал-Асиръ пишетъ объ этомъ довольно неопредѣленно (стр. 98): (въ 836 г. арабскій) „флотъ отправился *къ островамъ, овладѣлъ большой добычею*, завоевалъ нѣсколько городовъ и крѣпостей и возвратился невредимымъ". Ибн-Адари выражается еще менѣе опредѣленно (стр. 118): „мусульмане взяли крѣпость и много укрѣпленныхъ пунктовъ". Г. Васильевъ,

---

[1]) Арх. *Сергій*, Полный мѣсяцесловъ Востока, изд. 1, II. 2, стр. 256; изд. 2, II. 2, стр. 338.

[2]) Въ болѣе ранней рецензіи на книгу г. Васильева мы поспѣшно замѣтили: „Никита, повидимому, ошибся".

основываясь на этихъ текстахъ, пишетъ (стр. 112): и въ 836 г. арабскій флотъ подъ начальствомъ Фадл-ибн- Якуба грабилъ *близъ лежащіе острова, по всей вѣроятности Эолійскіе*, завоевалъ нѣсколько крѣпостей, въ томъ числѣ, какъ кажется, Тиндаро (на сѣверѣ Сициліи). и вернулся въ Палермо". Наиболѣе близкими островами къ Сициліи служатъ въ сѣверной ея части дѣйствительно острова Липарскіе или Эолійскіе: Филикуди (Phoenicussa), Аликуди (Ericussa), Салина (Strongyle), Даттало (Euonymus), Панарія (Didyme), Липари (Lipara) и Вулкано (Thermessa). Положимъ, что если бы успѣхи арабовъ здѣсь были особенно выдающимися, какъ разсказываютъ греки (Липара отъ нашествія и занятія его сарацинами обезлюдѣлъ), то арабскіе хронисты несомнѣнно выразились бы болѣе опредѣленно; положимъ, что несоотвѣтствіе тона арабскихъ лѣтописцевъ въ разсказѣ о нашествіи мусульманъ на „острова" и грековъ въ разсказѣ о занятіи сарацинами Липары служитъ нѣкоторымъ препятствіемъ къ отожествленію „островов" Ибн-ал-Асира съ „Липарою" Никиты Пафлагонянина, однако, все-таки есть возможность предполагать, что арабы въ 836 г. нападали вообще на одинъ изъ Эолійскихъ островов. До Византіи дошелъ слухъ, что мусульмане напали на острова Липарскіе или островъ Липару, и Никита, вѣря народной молвѣ, записалъ это событіе въ свою проповѣдь. Такимъ образомъ мы имѣемъ два свидѣтельства двухъ позднихъ современниковъ объ одномъ и томъ же событіи и останавливаемся въ недоумѣніи, видя въ нихъ большую хронологическую разницу—лѣтъ въ тридцать. Прежде чѣмъ одно показаніе отвергнуть, а другое принять, нужно внимательно разсмотрѣть, не есть ли дата одного изъ двухъ свидѣтельствъ результатъ какого-либо недоразумѣнія. Намъ кажется, что путь къ примиренію обоихъ свидѣтельствъ возможенъ. Анастасій слышалъ этотъ разсказъ несомнѣнно отъ грековъ; византійцы, положимъ, говорили ему, что мощи апостола были перенесены съ острова Липары въ Беневентъ на седьмомъ году царствованія императора Никифора. Но съ 800 г. западные писатели уже не интересуются именами византійскихъ царей (у нихъ явился уже свой императоръ), поэтому Анастасій могъ перевести византійскую дату: τῷ ἑβδόμῳ ἔτει τῆς βασιλείας Никифора въ видѣ: anno ab incarnatione Domini octingentesimo nono (802 + 7 = 809). Но замѣчательно, что и дата арабскихъ хронистовъ 836 можетъ быть разложена на два слагаемыя, изъ которыхъ одно будетъ цифрою года вступленія на престолъ Өеофила, а другое такою же цифрою года его царствованія (829+7=836). Отсюда ясно, что

греки какъ Анастасію, такъ и Никитѣ говорили, что завоеваніе острова Липары случилось въ 7-й годъ царствованія — Никифора (Анастасій) или Ѳеофила (Никита). Но такъ какъ относительно времени царя Никифора Геника нѣтъ никакого извѣстія о занятіи арабами острова Липары, то намъ представляется совершенно яснымъ lapsus memoriae или calami Анастасія: выслушавъ отъ грековъ: τῷ ἑβδόμῳ ἔτει τῆς βασιλείας Θεοφίλου, библіотекарь спутался при переложеніи византійской даты на общепринятую на западѣ: вмѣсто того, чтобы считать съ начала царствованія *Ѳеофила* (съ 829, 829 + 7 = 836), онъ началъ отсчитывать съ начала царствованія *Никифора* (съ 802, 802 + 7 = 809). Если Беневентскій епископъ Айонъ былъ человѣкъ свѣдущій и книжный, какимъ онъ намъ представляется, то можно судить, какой сумбуръ получился въ его головѣ при чтеніи заключительныхъ строкъ Анастасіева письма! Такое событіе, какъ перенесеніе мощей апостола въ его епископскій городъ Беневентъ, имѣвшее мѣсто всего за 40 лѣтъ передъ тѣмъ, должно было быть ему хорошо извѣстно или памятно, — и вдругъ изъ Константинополя ему преподносятъ, что это событіе случилось не за 40, а за 70 лѣтъ передъ тѣмъ! Догадался ли Айонъ, что тутъ со стороны Анастасія произошла ошибка, или повѣрилъ извѣстію этого многоученаго аббата (мы думаемъ первое), сказать опредѣленно мы не можемъ; но очевидно теперь, что послѣ небольшой, сдѣланной нами, попытки истолкованія текста и извѣстіе Анастасія вполнѣ согласуется съ замѣткою Никиты Пафлагонянина, единогласно свидѣтельствуя, что завоеваніе Липары и перенесеніе мощей ап. Варѳоломея въ городъ Беневентъ случилось на *седьмомъ* году царствованія *Ѳеофила*, въ 836 году [1]), и память этого перенесенія въ Беневентъ была установлена 25-го октября. Никита записалъ объ этомъ событіи какъ лѣтописецъ, т.-е. передалъ самую сущность факта, напротивъ Анастасій изложилъ это извѣстіе во всей неприкосновенности народной молвы, какъ думали тогда византійцы и какъ они могли выразиться и письменно. Такимъ образомъ могли вообще сказать, что Никита сообщаетъ точныя данныя, подтверждаемыя посторонними свидѣтельствами и не подлежащія стало быть никакому сомнѣнію. Мысль В. Гр. Васильевскаго о цѣнности показаній Никиты получаетъ теперь новое сильное доказательство.

---

[1]) Русскіе агіологи (арх. *Сергій*, II, 2, стр. 338) относятъ это событіе къ 839 году.

Наконецъ еще одно небольшое замѣчаніе. При вопросѣ о павликіанской ереси и ея главныхъ вождяхъ: Карбеасѣ (+ 863), Хризохирѣ и другихъ лицахъ, авторъ довольно кратокъ какъ бы по недостатку свѣдѣній о нихъ [1]). Но недостатокъ этотъ легко могъ бы быть восполненъ, если бы А. А. Васильевъ не упустилъ изъ вида исторіи Петра Сицилійца. Родомъ съ острова Сициліи, Петръ довольно долго жилъ въ Константинополѣ и затѣмъ ѣздилъ при императорѣ Василіи Македонянинѣ посломъ въ глубь Малой Азіи—къ армянамъ. Онъ хорошо зналъ арабовъ и говоритъ о нихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Что главный центръ павликіанства, Тефрика (Дивириги), былъ основанъ Карбеасомъ, видно изъ Табари (стр. пр. 55): „вошли въ область *Тефрики, города Карбіаса*". Нашъ авторъ не счелъ нужнымъ остановиться на этомъ свидѣтельствѣ, быть можетъ потому, что арабское выраженіе не совсѣмъ еще опредѣленно. Но вотъ Петръ Сициліецъ говоритъ о томъ же прямо и положительно: ὁ οὖν Καρβέας, μὴ χωρουμένου αὐτοῦ ἐν τῷ Ἀργαοῦ, ἐλθεῖν καὶ κτίσαι τὴν Τιβρικὴν καὶ αὐτῇ κατοικῆσαι [2]). Равнымъ образомъ личность Хризохира въ книгѣ совершенно не выяснена. Петръ Сициліецъ и здѣсь помогъ бы автору глубже взглянуть на дѣло: оказывается (col. 1304), что Хризохиръ приходился племянникомъ и зятемъ Карбеасу (Χρυσοχέρις ὁ ἀνεψιὸς καὶ γαμβρὸς αὐτοῦ), — отсюда становится вполнѣ понятной тѣсная связь между этими вождями ереси.

Закрывая книгу г. Васильева, мы еще разъ должны сказать, что не смотря на нѣсколько недостатковъ и пробѣловъ диссертація является все-таки очень крупнымъ явленіемъ въ нашей ученой литературѣ, да и па западѣ несомнѣнно будетъ отмѣчена какъ солидный вкладъ въ византійско-арабскую литературу. Отнынѣ русскій ученый рядомъ съ работою Вейля непремѣнно долженъ будетъ совѣщаться и съ разсмотрѣннымъ сочиненіемъ А. А. Васильева.

Хр. Лопаревъ.

---

[1]) Стр. 179, пр. 53, 182, 183, 184, пр. 55, 195, пр. 56, 202, пр. 55.
[2]) *Migne*, Patr. gr., t. CIV, col. 1301.

Л. Гумпловичъ. Основы соціологіи. Изданіе О. Н. Поповой. Переводъ подъ ред. прив.-доц. *В. М. Гессенъ.* С.-Пб. 1899, 1—360 стр. Ц. 1 р. 30 коп.

Свою книгу „Основы соціологіи" проф. Гумпловичъ начинаетъ обзоромъ исторіи соціологіи. Тутъ онъ останавливается на основныхъ идеяхъ О. Конта, Кетле, Г. Спенсера, Гольбаха, Шеффле, Лиліенфельда, де-Роберти, Бастіана, Липперта. Моля, Штейна, Гнейста, Кэри, Поста и говоритъ о значеніи для соціологіи философіи исторіи, исторіи культуры, антропологіи и этнографіи. Изложеніе воззрѣній разныхъ писателей сопровождается нерѣдко весьма мѣткой критикой. Такъ Гумпловичъ основательно упрекаетъ О. Конта за то, что послѣдній, вопреки своему воззрѣнію на задачи соціологіи, оставилъ путь объективной науки и вступилъ на путь соціальной политики, совершенно правильно возстаетъ противъ отожествленія соціологіи съ біологіей, какъ это дѣлаютъ О. Контъ, Шеффле и Лиліенфельдъ и т. п. Отправную точку зрѣнія предшествовавшихъ соціологовъ, которые смотрятъ на человѣчество какъ на единство, онъ находитъ неправильной. Истиннымъ основателемъ соціологіи, по мнѣнію Гумпловича, является Г. Спенсеръ, примѣнившій правильный позитивный методъ къ изслѣдованію соціологическихъ явленій и обогатившій науку цѣнными выводами. Рядомъ съ нимъ нашъ авторъ ставитъ Бастіана, который хочетъ быть психологомъ народовъ, хочетъ раскрыть „идеи народовъ" (стр. 30) и стремится объяснить соціальныя явленія, исходя изъ человѣческихъ идей (стр. 33). Но и тотъ и другой не чужды, по мнѣнію Гумпловича, крупныхъ ошибокъ. Дѣлая оцѣнку того, что сдѣлано въ области соціологіи ея виднѣйшими представителями, авторъ разсматриваемой книги постепенно раскрываетъ свои воззрѣнія, которыя и развиваетъ болѣе подробно въ послѣдующемъ изложеніи. Дѣйствительно за очеркомъ исторіи соціологіи слѣдуетъ установленіе основаній и основныхъ понятій соціологія (стр. 82—163), разсмотрѣніе соціальныхъ элементовъ и ихъ соединеній (стр. 164—259), анализъ роли индивида и объясненіе соціально-психическихъ явленій (260—334), наконецъ, обзоръ исторіи человѣчества какъ жизни рода (335—350).

Сущность воззрѣній Гумпловича по этимъ вопросамъ сводится къ слѣдующему.

Гумпловичъ — послѣдователь монизма (97 стр.). Онъ считаетъ единственно вѣрной ту реалистическую точку зрѣнія, которая соединяетъ идеализмъ и матеріализмъ (стр. 31). Въ индивидѣ онъ отрицаетъ

свободу воли и самоопредѣленіе (96 стр.), признавая несомнѣнной истиной, „что и „духъ человѣка" подлежитъ физическимъ законамъ, что возникающіе въ индивидѣ душевныя явленія не что иное, какъ продуктъ матеріи, какъ слѣдствіе физическихъ законовъ" (97 стр.). Единственная и исключительная задача соціологіи—развитіе выводовъ монизма въ соціальной области (ibid.), или болѣе точно задача соціологіи состоитъ въ томъ, чтобы „отыскать во всѣхъ... столь различныхъ процессахъ соціальнаго развитія соціальные законы, дѣйствующіе въ нихъ и управляющіе ими, объяснить все это пестрое разнообразіе соціальнаго развитія изъ дѣйствій *простѣйшихъ силъ*, свести къ одному знаменателю безчисленныя образованія соціальнаго процесса" (стр. 117), и представить „человѣческую исторію какъ естественный процессъ" (стр. 360). Въ ряду соціальныхъ наукъ „соціологіи предстоитъ задача указать связь всѣхъ этихъ наукъ на ихъ общей почвѣ и отношеніе къ этой почвѣ каждой изъ нихъ" (128 стр.). Такимъ образомъ, говоря яснѣе и проще, соціологія призвана изслѣдовать соціальныя явленія и вывести ихъ законы. Но что такое соціальныя явленія и соціальные законы?

Явленія окружающаго насъ міра, по мнѣнію Гумпловича, правильнѣе всего раздѣлить на 3 группы — явленія физическія, духовныя и соціальныя (стр. 86). „Подъ соціальными явленіями мы понимаемъ, говоритъ нашъ авторъ, отношенія, возникающія изъ взаимодѣйствія человѣческихъ группъ и общеній" (стр. 113). „Но, кромѣ соціальныхъ отношеній, существующихъ между соціальными элементами и образовавшимися изъ нихъ общеніями, возникаютъ, путемъ взаимодѣйствія и вліянія ихъ на индивидуальный умъ, соціально-психическія явленія, какъ языкъ, нравы, религія, право и т. д.". Всѣ эти явленія входятъ въ область соціологіи (стр. 113).

„Субстратомъ всѣхъ соціальныхъ явленій является человѣческій родъ". Отсюда „предметомъ, научнымъ объектомъ соціологіи можно назвать человѣчество. Ясно, что правильное или ложное пониманіе естественно исторической природы человѣчества должно имѣть рѣшающее вліяніе на характеръ соціологіи, на ея удачи и неудачи". До сихъ поръ вся соціальная наука въ этомъ отношеніи допускала очень грубую ошибку: „всякое соціальное изслѣдованіе понимало до сихъ поръ подъ человѣчествомъ генеалогически единый родъ и предполагало его единое происхожденіе, а существующее разнообразіе расъ и типовъ оно считало разъединеніемъ первоначально единаго, развѣтвленіями отпрысковъ одного и того же ствола" (стр. 114). Эта

коренная ошибка рождала цѣлый рядъ ошибокъ въ направленіи и выводахъ соціологіи. Чтобы этого избѣжать, должно „принять во вниманіе не только *множественное* (vielheitlich) происхожденіе, но и *многообразное* развитіе различныхъ, какъ координированныхъ, такъ и субъординированныхъ соціальныхъ группъ; мы должны твердо усвоить законъ, что каждая соціальная группа, въ силу инертности, пребываетъ въ данномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока вліяніе другой группы (и это вліяніе мы называемъ соціальнымъ κατ' ἐξοχήν) не переведетъ ее въ другое".

„Другими словами, каждое измѣненіе въ состояніи соціальной группы должно всегда имѣть *достаточное соціальное основаніе*, и этимъ основаніемъ является всегда вліяніе со стороны другой соціальной группы". (115 стр.) Итакъ исходнымъ моментомъ всѣхъ соціальныхъ изслѣдованій слѣдуетъ признать первоначальное множество разнородныхъ этническихъ элементовъ (129 стр.).

Опредѣливъ такимъ образомъ, что такое соціальное явленіе и каковъ его субстратъ, Гумпловичъ переходитъ къ уясненію понятія соціальнаго закона, управляющаго этими явленіями.

„Существуютъ, говоритъ онъ, общіе законы, одинаково господствующіе въ физической, духовной и соціальной области. Отъ ихъ познанія зависитъ научная допустимость соціологіи; только доказательство ихъ существованія и значенія можетъ дать почву соціологіи, какъ наукѣ" (99 стр.). Но при этомъ Гумпловичъ замѣчаетъ: „мы не станемъ, подобно своимъ предшественникамъ, обобщать органическіе законы жизни, принадлежащіе исключительно къ области физической природы, не станемъ распространять ихъ на спеціальныя области психическихъ и спеціальныхъ явленій". „Мы можемъ и должны искать наши общіе законы въ сферѣ модальностей бытія всего сущаго и удовлетвориться тѣмъ, что въ найденныхъ здѣсь законахъ мы имѣемъ ключъ, который, по выраженію Бастіана, открываетъ всѣ двери" (100 стр.). Къ числу такихъ всеобщихъ законовъ принадлежатъ: законъ причинности, законъ развитія, законъ правильности развитія, законъ періодичности, законъ сложности, взаимодѣйствіе разнороднаго, всеобщая цѣлесообразность, тожество силъ, тожество процессовъ, законъ параллелизма (100—110 стр.), законъ инертности (стр. 115).

„Задача соціологіи состоитъ въ томъ, чтобъ указать примѣнимость общихъ законовъ къ соціальнымъ явленіямъ, чтобъ указать далѣе, какія именно соціальныя отношенія и формы создаются въ соціальной

области этими общими законами, и какіе особые *соціальные законы* и нормы для соціальной области возникаютъ изъ общихъ законовъ" (112 стр.). Въ частности „соціальный законъ, по Гумпловичу, означаетъ предполагаемую норму, къ которой сводятся конкретные процессы въ соціальной области и сообразно съ которой воздѣйствуютъ другъ на друга и развиваются соціальные элементы, т.-е. сингенетическія группы" (150 стр.). „Только законы, открытые въ чисто соціальной области, т.-е. тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ различныхъ человѣческихъ группъ другъ къ другу, мы называемъ соціальными законами; законы же, относящіеся къ области, говоря словами Бастіана, „общественнаго творчества мысли", правильнѣе всего назвать законами соціально-психическими" (стр. 163). „Общая характерная черта свойственна всѣмъ соціальнымъ законамъ (впрочемъ и всѣмъ общимъ законамъ): всѣ они объясняютъ развитіе (das Werden) явленій, но никогда не объясняютъ ихъ перваго возникновенія, ихъ начала" (стр. 117—118).

Установивъ основанія и основныя понятія соціологіи, Гумпловичъ переходитъ къ анализу соціальныхъ элементовъ и ихъ соединеній. Простѣйшимъ первичнымъ соціальнымъ элементомъ у него является орда, подъ которой онъ понимаетъ „такую группу людей, которая основана на простѣйшихъ животно - человѣческихъ инстинктахъ" (стр. 166) и не является результатомъ соціальныхъ переворотовъ. Жизнь такой орды опредѣляется простѣйшими естественными инстинктами и потребностями — голодомъ, жаждой и половымъ влеченіемъ (стр. 167).

Первоначальной формой половыхъ отношеній въ ордѣ была общность женъ — съ вытекающей отсюда материнской семьей, гинекократіей и материнскимъ правомъ (167—168 стр.). Первоначальная гинекократія всюду перешла въ андрократію черезъ бракъ путемъ похищеній женщинъ чужой орды (169 стр.) (хищническій бракъ). Это въ свою очередь приводитъ къ усложненію отношеній между двумя разнородными этническими группами и къ ихъ сліянію (171 стр.). Такой процессъ этническихъ сліяній ускоряется еще другими факторами—организаціей господства и всѣми правовыми институтами, обусловленными ею. Кромѣ похищеній женщинъ поводомъ къ столкновеніямъ между разноплеменными ордами было—похищеніе имущества, покореніе чужихъ ордъ и занятіе ихъ земли (172 стр.). Но особенное значеніе въ дѣлѣ развитія соціальной жизни имѣло возникновеніе института поземельной собственности. Онъ появился одновре-

менно съ господствомъ одной группы надъ другой, какъ средство поддержать это господство (178 стр.). „Поземельная собственность есть правовое отношеніе, которое необходимо предполагаетъ извѣстную организацію господства и основанную на ней извѣстную правовую охрану“ (177 стр.). Но, продолжаетъ далѣе Гумпловичъ, „коллективная собственность“, принадлежащая примитивной ордѣ на занятую или заселенную ею землю, является не настоящею собственностью, а только фактическимъ общественнымъ пользованіемъ землей. Ибо „собственнымъ“ (eigen) является лишь то, что „особо принадлежитъ“ (eignet) индивиду (177), (а почему „собственное“ не можетъ „особо принадлежать“ ордѣ, не объяснено). Частная же поземельная собственность появляется тамъ, гдѣ одна орда покоряетъ другую (178 стр.). Явная натяжка и софизмъ, допущенные Гумпловичемъ для того только, чтобъ спасти предвзятую теорію объ установленіи недвижимой собственности путемъ покоренія одной орды другою!

„Возникнувъ съ первой организаціей господства и благодаря ей, она (частная собств.), по словамъ Гумпловича, въ началѣ составляетъ ея единственное содержаніе, ея высшую цѣль. Эта первая организація господства, въ которой на ряду съ частной собственностью достигаетъ все большаго и большаго развитія отцовская семья, отцовское право и отцовская власть, есть зерно государства. Пока эта организація господства распространяется на племя, ведущее кочевой образъ жизни, бродящее съ мѣста на мѣсто, пока ни господа, ни рабы не имѣютъ постояннаго мѣстожительства, мы еще не называемъ ее государствомъ. Это названіе мы даемъ только той организаціи, которая охватываетъ народъ, имѣющій прочную осѣдлость, осуществляющій, въ отличіе отъ другихъ спеціальныхъ общеній и подобныхъ организацій, территоріальное верховенство надъ занятой имъ территоріей“ (стр. 178).

Итакъ бываютъ такія организаціи *господства*, объемлющія даже цѣлыя племена, въ которыхъ имѣются *господа*, *рабы*, *частная собственность*, *отцовское право* и *отцовская власть*, но которыя тѣмъ не менѣе не являются государствами, а лишь „зернами государства“. Слѣдовательно, *и господство, и отношеніе между господами и рабами, и частная собственность, и отцовская власть и право могутъ существовать въ быту до-государственномъ*. Очевидно также, что не всякое господство ведетъ къ образованію государства, а лишь то, которое связано съ прочной осѣдлостью народа, имѣющаго свою тер-

риторію. Территорія такимъ образомъ является однимъ изъ существенныхъ признаковъ государства. Замѣтимъ все это.

Послѣ характеристики жизни и развитія первичнаго соціальнаго элемента—орды Гумпловичъ переходитъ къ уясненію происхожденія государства, его природы, задачъ и процессовъ развитія.

Какъ своимъ возникновеніемъ, такъ и развитіемъ государство обязано закономѣрному дѣйствію соціальныхъ элементовъ (178 стр.). „Первое дѣйствіе состоитъ въ порабощеніи одной соціальной группы другою, въ организаціи господства одной группы надъ другою. При этомъ господствующая группа является всегда меньшинствомъ, восполняющимъ свою недостаточную численность перевѣсомъ военной дисциплины и умственнымъ превосходствомъ" (стр. 179). Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ вноситъ поправку къ этому объясненію происхожденія государства и говоритъ: „наряду съ первообразнымъ возникновеніемъ государства путемъ порабощенія и подчиненія, можетъ быть, *какъ рѣдкое исключеніе* имѣло мѣсто вторичное возникновеніе его путемъ мирнаго процесса, создающаго полное отдѣленіе и обособленность болѣе сильныхъ элементовъ народа отъ нуждающихся въ ихъ защитѣ болѣе слабыхъ" (220 стр.).

Приведенныя положенія вызываютъ рядъ недоумѣній. Такъ, почему побѣждаетъ *всегда меньшинство*, авторъ не объясняетъ, а въ дальнѣйшемъ изложеніи къ тому же онъ себѣ и противорѣчитъ, говоря, что „никогда и нигдѣ государства не возникали иначе, какъ черезъ порабощеніе чужихъ племенъ однимъ или *нѣсколькими союзными и объединенными племенами*" (184 стр.). Затѣмъ несовсѣмъ ясна разница между первичнымъ и вторичнымъ возникновеніемъ государства. Во всякомъ случаѣ допускается два пути образованія государства, для различенія которыхъ употребляются едва ли удачные термины.

Но какъ бы ни происходило основаніе государства, какъ только оно образовано, „мы можемъ наблюдать въ немъ двойную жизнь" — съ одной стороны коллективную дѣятельность государства, какъ единаго соціальнаго образованія, а съ другой — стремленія и дѣйствія, совершаемыя внутри его, его соціальными элементами.

Коллективная дѣятельность государства направляется на осуществленіе задачъ внѣшней его жизни — оборона, нападеніе, увеличеніе территоріи, — соціальныя дѣйствія внутри государства возникаютъ между отдѣльными его соціальными элементами естественно

изъ взаимнаго положенія, занимаемаго ими въ государствѣ (179 стр.). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ первоисточникъ дѣятельности—забота о жизни. Отсюда рождается стремленіе къ власти какъ у господствующихъ, такъ и у подчиненныхъ классовъ. Къ этимъ простѣйшимъ стремленіямъ присоединяется различіе мѣстныхъ и національныхъ условій, сообщающее индивидуальную окраску исторіи отдѣльныхъ государствъ.

Останавливаясь затѣмъ на опредѣленіи существенныхъ признаковъ, свойственныхъ всѣмъ государствамъ, Гумпловичъ находитъ такихъ признаковъ два—первый господство однихъ надъ другими, именно меньшинства надъ большинствомъ, составлявшее первоначально единственную цѣль основанія государства, вслѣдствіе чего государство опредѣляется какъ организація господства меньшинства надъ большинствомъ, второй—этническая разнородность господствующихъ и подвластныхъ, претворяющаяся впослѣдствіи въ національное единство (стр. 182—185). Побудительнымъ стимуломъ къ установленію господства однихъ надъ другими служитъ „забота о жизни (186 стр.) или, что то же, забота объ удовлетвореніи разнообразныхъ потребностей“. Господство однихъ надъ другими даетъ возможность обезпечить пользованіе необходимыми услугами. Господство и повиновеніе поддерживаются мирнымъ и постояннымъ порядкомъ, который создаетъ обычай, нравы и право (188 стр.). Враждебное столкновеніе разнородныхъ соціальныхъ элементовъ неравной силы составляетъ первое условіе правообразованія; ибо порядокъ, установленный силой однихъ и слабостью другихъ превращается въ правовой порядокъ. „Каждое право есть ничто иное, какъ упорядоченное неравенство“. „Право возникаетъ только въ государствѣ; государство же есть организація неравенства, а право есть выраженіе, норма, которой фиксируется это неравенство“ (189 стр.). Такой организаціей труда государство осуществляетъ свою цѣль, „если только можно говорить о задачѣ и цѣли тамъ, гдѣ всецѣло господствуютъ слѣпыя силы“ (192 стр.). Тутъ Гумпловичъ допускаетъ цѣлый рядъ противорѣчій и ошибокъ. Право у него здѣсь возникаетъ *только въ государствѣ* (раньше онъ допускалъ право и въ догосударственномъ быту); затѣмъ далеко не всегда право является упорядоченнымъ неравенствомъ (напримѣръ, равныя сословныя или общественныя права членовъ одного и того же сословія или извѣстной единицы самоуправленія), а слѣдовательно и государство не является исключительно и всегда организаціей неравенства.

Далѣе Гумпловичъ переходитъ къ разсмотрѣнію государства какъ

организаціи хозяйства. „Мотивъ, повторяетъ онъ, къ основанію примитивнѣйшаго государственнаго строя былъ *экономическимъ*". „Этотъ мотивъ" „находится въ постоянномъ дѣйствіи" „и не только ведетъ къ основанію первоначальныхъ организацій господства, но безпрестанно поддерживаетъ ихъ *развитіе*". „Всегда и всюду экономическіе мотивы являются причиной всякаго соціальнаго движенія, обусловливаютъ все государственное и соціальное развитіе" (192 стр.). Государственная организація создаетъ связь между сильнѣйшимъ и слабѣйшимъ соціальными элементами на почвѣ мирнаго правоваго порядка, но борьба между ними продолжается. Предметомъ борьбы является обладаніе властью и правами, а ея средствами—благосостояніе и просвѣщеніе. Здѣсь снова нельзя не обратить вниманія на ошибочность воззрѣній Гумпловича. Безспорно экономическимъ мотивамъ принадлежитъ выдающаяся роль въ государственномъ и соціальномъ развитіи, но объяснять *„все"* это развитіе только экономическими мотивами,—разумѣется, крайность. Самъ Гумпловичъ, противорѣча себѣ, нѣсколько далѣе говоритъ, что „матеріальныя потребности создаютъ среднее сословіе; потребности *совершенно иного характера*" („необходимость отправленія культа") привели къ образованію другого сословія (духовенства), „которому суждено оказать впослѣдствіи могучее вліяніе на развитіе государственнаго строя" (210 стр.). Но продолжимъ изложеніе мыслей, высказанныхъ въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Соціальная борьба, происходящая между различными группами населенія въ государствѣ, постепенно все болѣе и болѣе осложняется по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ экономическаго развитія и историческихъ фактовъ разростается число разнообразныхъ классовъ и сословій (201 стр.). „Явленіе образованія сословій можно свести на такой всеобщій (не соціальный ли?) законъ: каждая всеобщая и, слѣдовательно, соціальная потребность создаетъ лицъ, ее удовлетворяющихъ, вслѣдствіе чего на почвѣ каждой соціальной потребности возникаетъ сословіе" (212 стр.), или иными словами „развитіе сословій идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей" (213 стр.). Замѣтимъ при этомъ, что Гумпловичъ не выдерживаетъ послѣдовательно различія между классомъ и сословіемъ, употребляя эти термины одинъ вмѣсто другого.

Процессъ образованія сословій и классовъ идетъ двоякимъ путемъ—первообразнымъ (первоначальнымъ, первичнымъ) и эволюціоннымъ. Первообразно возникаютъ сословія изъ разныхъ этническихъ

элементовъ, эволюціонно они образуются изъ существующихъ уже въ государствѣ сословій путемъ дифференціаціи послѣднихъ подъ вліяніемъ дифференціаціи занятій (220 стр.). Къ средствамъ сохраненія сословіями и классами ихъ относительной силы и значенія принадлежитъ обладаніе мертвымъ имуществомъ; привычка, рождающая порядокъ, обычай и право, наконецъ, нравственныя связи, соединяющія людей одного и того же языка и религіи (206—207 стр.).

„Совокупность возникшихъ въ государствѣ соціальныхъ группъ, общеній, классовъ и сословій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и воздѣйствіи другъ на друга принято называть, въ противоположность государству, обществомъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, общество не есть нѣчто обособленное отъ государства, а то же государство, только разсматриваемое съ иной точки зрѣнія. Но въ болѣе узкомъ и спеціальномъ смыслѣ обществомъ называется каждая отдѣльная изъ такихъ группъ, сосредоточенная вокругъ какого-нибудь общаго интереса или нѣсколькихъ общихъ интересовъ“ (221—222 стр.).

Авторъ предлагаетъ употреблять понятіе общества въ послѣднемъ смыслѣ (225 стр.). Но какія же связи соединяютъ людей въ общество? Гумпловичъ представляетъ цѣлую схему обобществляющихъ моментовъ, различая ихъ по принципу, на которомъ они основаны, и по продолжительности ихъ дѣйствія.

Съ первой точки зрѣнія онъ намѣчаетъ три рода обобществляющихъ моментовъ: матеріальные, экономическіе и нравственные. Къ матеріальнымъ относится общее мѣстопребываніе, совмѣстная общественная жизнь, общее происхожденіе, родство; къ экономическимъ— одинаковое имущество, одинаковая профессія; къ нравственнымъ — общій языкъ, религія, наука, искусство, національность, случайная одинаковость судьбы. Большая часть обобществляющихъ моментовъ можетъ быть разсмотрѣна еще съ точки зрѣнія продолжительности ихъ дѣйствія и слѣдовательно степени вліянія на установленіе общественныхъ связей (231 стр.). Чѣмъ болѣе возрастаетъ число общихъ интересовъ, чѣмъ совершеннѣе организація и дисциплина отдѣльнаго общественнаго класса, тѣмъ болѣе его сила и значеніе въ соціальной борьбѣ (235 стр.). Каждый классъ поэтому стремится организоваться и получить въ формѣ права признаніе достигнутаго имъ положенія по отношенію къ другимъ классамъ, а пріобрѣтенное право дѣлается основаніемъ для дальнѣйшихъ стремленій, которыя приводятъ къ борьбѣ между классами. Способъ и характеръ борьбы разли-

ченъ въ зависимости отъ положенія общественнаго класса, его силы и характера орудій борьбы. При этомъ общество дѣйствуетъ всегда безъ ошибокъ, несмотря на возможность ошибокъ индивидовъ. Это происходитъ потому, что общество „не соображаетъ и не выбираетъ, но слѣдуетъ естественно законнымъ и непобѣдимымъ влеченіямъ своихъ интересовъ“ (238 стр.). Сильнѣйшую позицію въ государствѣ занимаетъ то общество, которое при организаціи пріобрѣло уже право законодательства. Понятно поэтому, что пріобрѣтеніе этого права является главнѣйшимъ стремленіемъ тѣхъ общественныхъ классовъ, у которыхъ его еще нѣтъ (240 стр.). Опорой въ соціальной борьбѣ для подвластныхъ, безсильныхъ классовъ, не участвующихъ въ законодательствѣ, является сила правовыхъ идей (245 стр.). Она создаетъ фанатизмъ массъ и эмансипаціонная борьба приводитъ къ успѣху. Идеи равенства и свободы осуществляются. Но затѣмъ онѣ разбиваются о грубую дѣйствительность, дающую почву для дальнѣйшей борьбы и развитія. „Такъ проходитъ въ области соціальной борьбы круговоротъ развитія отъ свободы и равенства анархической орды чрезъ силу и неравенство, чрезъ право и законъ къ свободѣ и равенству революціи, къ разрушающей государство анархіи, а отъ этого шаткаго состоянія снова къ силѣ и господству реакціи и реставраціи, затѣмъ къ новому развитію, и такъ дальше, до безконечности“ (247 стр.). Но каковъ же нравственный характеръ соціальной борьбы?

„Надъ дѣйствіями дикихъ ордъ, говоритъ Гумпловичъ, обществъ и государствъ царитъ слѣпой законъ природы“ (243 стр.).

Крупнѣйшія изъ соціальныхъ единицъ — государства постоянно стремятся къ увеличенію власти и территоріи, короче могущества, и это естественное ихъ стремленіе прекращается только съ разрушеніемъ самого государства (247—255 стр.).

Государству присуща творческая сила. „Каждый государственный строй создаетъ культуру и каждая культура превращается съ помощью самодѣятельныхъ нравственныхъ агентовъ (языкъ, религія, обычай, право) въ самостоятельную національность“. Поэтому „наряду съ возникновеніемъ множества государствъ, возникаетъ и множество національностей“ (255 стр.). Съ другой стороны „всегда существовали государства со смѣшаннымъ національнымъ составомъ, какъ необходимый результатъ историческаго процесса, никогда не останавливающагося и прокладывающаго себѣ путь чрезъ существующее къ новому и новому“ (256 стр.). Таковы основныя поло-

женія, высказанныя проф. Гумпловичемъ относительно возникновенія, путей развитія и роли различныхъ соціальныхъ элементовъ и ихъ соединеній.

Далѣе (гл. IV) Гумпловичъ переходитъ къ изученію индивида и соціально-психическихъ явленій и прежде всего останавливается на рѣшеніи вопроса о томъ, гдѣ искать источника всего соціальнаго развитія. „Пониманіе соціологическихъ явленій до сихъ поръ колеблется между двумя крайностями: индивидуализмомъ и его противоположнымъ полюсомъ коллективизмомъ". Въ то время какъ одни источника всего соціологическаго развитія и стимула всѣхъ человѣческихъ поступковъ искали въ индивидѣ, его эгоизмѣ и личныхъ интересахъ, другіе признавали такое значеніе за альтруизмомъ и обществомъ. По мнѣнію Гумпловича, „источникомъ нашихъ дѣйствій и стимуломъ ихъ является и эгоизмъ, и чувство симпатіи, или вѣрнѣе не является ни эгоизмъ, ни чувство симпатіи, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ моментовъ не служитъ единственнымъ источникомъ". „Но стоитъ прибавить къ каждому изъ этихъ двухъ словъ прилагательное „общественный"... „и мы найдемъ тотъ средній путь, который просмотрѣли до сихъ поръ всѣ соціальныя философскія системы. Не личный эгоизмъ является стимуломъ соціологическаго развитія, а эгоизмъ общественный" и „соціальная симпатія" (261 стр.). „Въ общественномъ эгоизмѣ заключена общественная симпатія, а общественная симпатія есть общественный эгоизмъ. Мы называемъ совокупность этихъ обоихъ чувствъ сингенизмомъ (syngenismus) и въ ней находимъ стимулъ всего соціальнаго развитія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ключъ къ его пониманію" (268 стр.). Такое воззрѣніе Гумпловича находится въ логической связи съ его взглядомъ на роль личности въ исторіи соціальнаго развитія. „Истина, говоритъ Гумпловичъ, въ томъ, что соціальный міръ съ самаго начала всегда и всюду *движется только группами, группами приступаетъ къ дѣятельности, группами борется и стремится впередъ*" (268 стр.). А потому *„въ гармоническомъ взаимодѣйствіи соціальныхъ группъ лежитъ единственно возможное рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, по скольку оно вообще возможно"* (ibid.).

„Величайшая ошибка, продолжаетъ нашъ авторъ, индивидуалистической психологіи заключается въ предположеніи, будто мыслитъ человѣкъ". „Въ человѣкѣ мыслитъ совсѣмъ не онъ, но его соціальная группа; источникъ его мыслей лежитъ совсѣмъ не въ немъ, но въ соціальной средѣ, въ которой онъ живетъ, въ соціальной ат-

мосферѣ, которой онъ дышетъ“ (264 стр.). Но тутъ же Гумпловичъ, впадая въ противорѣчіе съ только что приведенными положеніями, заявляетъ, что „въ зрѣломъ возрастѣ только рѣдкому уму удается эмансипироваться отъ этой духовной среды настолько, чтобы впредь *самостоятельно* мыслить; *вполнѣ* же никто не можетъ отрѣшиться отъ своей среды“ (265 стр.). Послѣ этого отступленія въ дальнѣйшемъ изложеніи мы снова находимъ развитіе основнаго тезиса. „Идеи и воззрѣнія создаетъ соціальная жизнь“ (274 стр.), а потому идеи и воззрѣнія индивидовъ столь же разнообразны, какъ разнообразны тѣ соціальныя группы, къ которымъ послѣдніе принадлежатъ (277 стр.). Такимъ образомъ индивидъ исчезаетъ въ своей группѣ, которая его создаетъ. Но соціальная группа создаетъ не только идеи и чувства индивида; она создаетъ и то, что мы называемъ моралью. Мораль же есть не что иное, какъ „*внѣдренное соціальной группой въ духъ ея членовъ убѣжденіе въ пристойности образа жизни, къ которому они принуждаются самою же группой*“ (283—284 стр.).

Легко усмотрѣть слабыя стороны этого опредѣленія морали. Оно охватываетъ и безразличные съ точки зрѣнія морали обычаи и нравы. Элементъ внѣшняго принужденія, о которомъ говорится въ опредѣленіи чуждъ морали. Наконецъ, изъ того же опредѣленія вытекаетъ, что моральныхъ кодексовъ можетъ существовать одновременно столько, сколько соціальныхъ группъ. „Мораль — не созданіе резонирующаго человѣческаго разума, не явленіе, созданное сознательно человѣческимъ разумомъ и волей,—она, какъ и всѣ общественныя учрежденія—продуктъ естественнаго развитія“ (287 стр.). Для обоснованія морали человѣкъ прибѣгаетъ къ миѳу. „Его любовь къ миѳологіи создаетъ Бога, который является въ пламени, среди блеска и грома для того, чтобы дать законодателю скрижали закона, на которыхъ стоятъ слова: не убій!“ (292 стр.). Такимъ образомъ „вымыселъ и истина сплавляются воедино“ (293 стр.) и „такой характерной особенностью всякая человѣческая мораль обладаетъ съ давнихъ поръ и до нашихъ дней“ (292 стр.). Между тѣмъ „познаніе природы, естествознаніе въ своемъ истинномъ объемѣ, обнимающемъ всѣ стороны человѣческой жизни, есть единственный и необходимый базисъ всякой морали и всякой этики, какъ науки“. „Безъ естествознанія нѣтъ морали и поэтому мораль стоитъ на низкой ступени развитія тамъ, гдѣ естествознаніе находится въ пренебреженіи, и тѣмъ выше и чище мораль, чѣмъ выше прогрессъ въ познаніи жизни природы. Понять это очень просто. Природа имѣетъ всѣ тѣ свойства, которыя

восточный монотеизмъ приписываетъ своему Богу, — вездѣсущность и всемогущество, такъ какъ, въ сущности, понятіе Бога есть, можетъ быть, только безсознательный и поэтическій, а позднѣе непонятный и неясный символъ природы" (297 стр.). „Во всемъ, естественно возникшемъ, согласномъ съ природой, заключается вѣчное, прочное и неизмѣнное основаніе всякой этики и морали; этическіе же и моральные поступки есть не что иное, какъ примѣненіе масштаба естественной тенденціи, веленія природы къ жизненнымъ явленіямъ" (298 стр.).

Мораль измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ соціальной жизни. „Новая форма жизни, читаемъ на 285 стр., вырабатываетъ новую мораль. Изъ этой новой морали... съ развитіемъ и усовершенствованіемъ политическаго строя возникаетъ право, т. е. установленная и провозглашенная политическая норма, за нарушеніе которой установлено наказаніе и кара". Поэтому между правомъ и моралью существуетъ генетическое различіе, поскольку первое есть продуктъ столкновенія различныхъ соціальныхъ элементовъ, а послѣдняя продуктъ отношенія между простымъ соціальнымъ элементомъ и индивидомъ.

„Право возникаетъ всегда и всюду только въ соціальномъ соединеніи, хотя бы и въ самомъ простомъ; необходимымъ предположеніемъ права является организація господства; мораль возникаетъ уже въ примитивнѣйшемъ соціальномъ элементѣ, въ примитивнѣйшемъ племени, въ ордѣ" (285 стр.). Но „въ примитивной ордѣ... совсѣмъ нѣтъ права" (300 стр.). Здѣсь обычай является формой, регулирующей жизнь (ibid.). Право всегда создается столкновеніемъ неравныхъ соціальныхъ элементовъ, и отсюда вытекаетъ, что всякое право носитъ на себѣ печать своего происхожденія.

„Нѣтъ ни одного права, которое не было бы выраженіемъ неравенства, такъ какъ всякое право есть компромиссъ между неравными соціальными элементами, первоначально *принудительно* осуществленное примиреніе противоположныхъ интересовъ, получающее санкцію новаго обычая только путемъ практики и привычки" (301—302 стр.). Ясно поэтому, что „право можетъ возникнуть и мыслимо только въ государствѣ. Внѣ государства нѣтъ права" (303 стр.).

„Для людей нѣтъ никакого другого выбора, кромѣ государства съ его неизбѣжными несвободой и неравенствомъ, или анархіей.

Въ первомъ есть много неизбѣжнаго зла, но, съ другой стороны, оно содѣйствуетъ и охраняетъ величайшія блага, которыя могутъ

быть достояніемъ человѣка на землѣ. Анархія же есть возведеніе неизбѣжнаго въ государствѣ зла въ зло безпредѣльное; въ то же время она не можетъ доставить самаго ничтожнаго изъ государственныхъ благъ" (304 стр.).

Должны быть, по мнѣнію Гумпловича, признаны ложными системы „естественнаго права", которое яко бы существуетъ и дѣйствуетъ независимо отъ государства, „внѣ его и надъ нимъ" (303 стр.), и въ частности попытка вывести право изъ справедливости и чувства справедливости (305 стр.).

Дѣло въ томъ, что, какъ думаетъ Гумпловичъ, „только фактъ права, какъ оно создалось въ государствѣ, воспитываетъ въ насъ идею справедливости; идея справедливости образуется, благодаря праву, и наша воспріимчивость къ ней, наше ощущеніе справедливости, наше чувство справедливости не имѣетъ никакого другого источника" (305 стр.). Вмѣстѣ съ гуманизаціей и измѣненіемъ правового порядка измѣняется и совершенствуется отвлеченная отъ него идея справедливости (307 стр.). Такимъ образомъ выходитъ, что идея справедливости слѣдуетъ за правомъ, а не наоборотъ.

Аналогичныя отношенія существуютъ и между правомъ и моралью. Есть мораль, какъ указано было раньше, предшествующая праву, и и есть мораль, вновь создаваемая правомъ (308 стр.). Послѣдняя имѣетъ мѣсто только въ сложномъ соціальномъ тѣлѣ. Въ сложномъ соціальномъ тѣлѣ простые его элементы, имѣющіе каждый свою мораль, первоначально объединяются правомъ, которое даетъ толчекъ къ созданію новой общей морали. „Старая мораль соціальныхъ элементовъ необходимо должна подчиниться этой новой" (309 стр.). Но съ другой стороны „мы часто замѣчаемъ, говоритъ Гумпловичъ, какъ подгнившее право уносится могучимъ потокомъ „общественной морали", созданной фактами и требованіями жизни. Такимъ образомъ „давно уже требуемое фактами и отношеніями новое право,—право, вошедшее уже въ моральное сознаніе,—находитъ себѣ выраженіе и признаніе въ законѣ" (312 стр.). Таковы разнообразныя явленія соціальной жизни. Надъ всѣми ими царитъ роковая соціальная необходимость, создающая ихъ развитіе и властвующая надъ индивидуальными стремленіями. „Уничтожить эту необходимость, задержать ея дѣйствіе не во власти человѣка" (320 стр.). Только въ области техники, науки и искусства человѣческая свобода празднуетъ великій тріумфъ (333 стр.).

Въ заключительной главѣ Гумпловичъ подводитъ итогъ своему

изслѣдованію и отчасти повторяетъ уже сказанное раньше. Онъ приходитъ къ необходимости „признать закономѣрность въ развитіи соціальныхъ образованій и скованность личности этими послѣдними“ (стр. 342). Это закономѣрное развитіе проходитъ извѣстный круговоротъ, ясно проявляющійся въ жизни государствъ. „Причины такого круговоротнаго движенія“ надо искать „въ естественныхъ, экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ жизни народовъ“ (345 стр.). Но, читаемъ далѣе, „нѣтъ никакого прогресса и не можетъ быть ничего существенно новаго въ сферѣ умственной жизни“ (348 стр.)— парадоксъ, опровергаемый самимъ авторомъ, незамѣчающимъ впрочемъ этого. Наконецъ, заключаетъ Гумпловичъ, „альфа и омега соціологіи. ея высшая истина и ея послѣднее слово — *человѣческая исторія, какъ естественный процессъ*“ (360 стр.).

Таково вкратцѣ содержаніе разсматриваемой книги. Я умышленно представилъ ходъ мыслей автора въ принятомъ имъ порядкѣ и почти всегда его собственными словами. Не трудно показать и видѣть, что рядомъ съ такъ сказать общими мѣстами, не дающими ничего новаго, въ книгѣ г. Гумпловича высказанъ цѣлый рядъ взглядовъ весьма спорныхъ, другъ другу противорѣчащихъ. нерѣдко парадоксальныхъ или просто ошибочныхъ и при томъ по кореннымъ изъ затрагиваемыхъ имъ проблемъ. Достаточно сверхъ сказаннаго раньше отмѣтить, что Гумпловичъ смѣшиваетъ соціальный законъ, злоупотребляя этимъ терминомъ, съ условіями развитія соціальныхъ явленій (напримѣръ, онъ говоритъ о законѣ сложности, взаимодѣйствія разнороднаго), настаиваетъ на существованіи организацій господства и права только въ государствѣ и въ то же самое время допускаетъ возможность и того и другого и въ до-государственномъ быту, возникновеніе и развитіе государства объясняетъ побѣдой и порабощеніемъ одной соціальной группы надъ другою, но также признаетъ возможность (въ видѣ, правда, рѣдкаго исключенія) возникновенія его путемъ мирнаго процесса, относительно морали (недостатки опредѣленія которой отмѣчены раньше) думаетъ, что она иногда предшествуетъ праву, а иногда, напротивъ, создается подъ вліяніемъ права, идею справедливости выводитъ изъ факта права, а не на оборотъ, отрицаетъ свободу, самоопредѣленіе личности (кромѣ области техники, науки и искусства) и подчиняетъ ее группѣ, но рядомъ съ этимъ и допускаетъ такую свободу, отвергаетъ прогрессъ и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о выработкѣ новой морали подъ вліяніемъ новыхъ формъ жизни, объ измѣненіи и постепенномъ совершенствованіи правового порядка и идеи справед-

ливости, о великомъ тріумфѣ человѣка въ области техники, науки и искусства и т. п. Наконецъ, нельзя не указать и на то, что въ разсматриваемой книгѣ попадается немало рѣзкихъ выходокъ по вопросамъ религіи (см. стр. 36, 41 — 42, 127, 168, 292 — 293, 297, 357), частью приведенныхъ мною раньше.

Всѣ отмѣченные промахи, на мой взглядъ, сильно понижаютъ значеніе этой бойко написанной и хорошо переведенной книги.

И. Ивановскій.

Н. Суворовъ, профессоръ церковнаго права въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву. Изданіе второе, значительно дополненное и исправленное. Москва. 1900 г. VIII+351 стр.

Первое изданіе труда проф. Суворова вышло въ 1892 г. [1]). Во второе изданіе авторъ не внесъ существенныхъ измѣненій, но пересмотрѣлъ его и провѣрилъ свои взгляды отъ начала до конца; оно является какъ бы продуманнымъ и написаннымъ вновь. Какъ въ первомъ изданіи, изслѣдованіе проф. Суворова по внутреннему содержанію распадается на двѣ части. Первая посвящена общему ученію о юридическомъ лицѣ, вторая—римскому положительному праву.

Обратимся къ первой половинѣ.

Изложенію собственнаго взгляда на существо юридическаго лица авторъ предпосылаетъ полный, можно сказать, исчерпывающій обзоръ нѣмецкой, французской и итальянской литературы XIX столѣтія по этому вопросу. Въ него авторъ включаетъ не только сочиненія, посвященныя пандектному праву, но съ большимъ вниманіемъ разбираетъ всѣ теоріи, вызванныя новыми юридическими явленіями—литературу германскаго права и новѣйшихъ кодексовъ. Это историческое изысканіе можно назвать прямо-таки подвигомъ. Не говоря уже объ огромномъ собранномъ матеріалѣ, авторъ разбираетъ безъ малаго 40 теорій, изложенныхъ очень пространно, иногда на протяженіи нѣсколькихъ томовъ (теоріи Гирке, Джорджи и т. д.); компактное изложеніе этихъ теорій представляетъ большія трудности. Многія изъ нихъ, можетъ быть, не совсѣмъ понятныя, даже ихъ творцами изложены сбивчиво, противорѣчиво и до нельзя туманно, такъ что внести поря-

[1]) Рецензіи на это изданіе были помѣщены въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1892 г., стр. 680 (г. Базанова) и въ Журн. Гражд. и Угол. Права 1893 г., V кн., стр. 129 (г. М. Г.).

докъ въ этотъ хаосъ, подчеркнуть вездѣ важнѣйшее, прослѣдить преемственность и филіацію идей—задача очень нелегкая и неблагодарная. и она мастерски разрѣшена проф. Суворовымъ. Въ этомъ обзорѣ не обойдено ни одно сколько-либо выдающееся сочиненіе, и его можно пополнить только немногими, вышедшими въ свѣтъ одновременно съ трудомъ проф. Суворова; но всѣ эти изслѣдованія ничего новаго не даютъ.

Въ интересной книгѣ Mamelok'a „Die juristische Person im internationalen Privatrecht", Zürich 1900, общему ученію о юридическомъ лицѣ почти не отведено мѣста; немного самостоятельныхъ мыслей содержитъ изслѣдованіе Achille Mestre „Les personnes morales et le problème de leur responsabilité pénale. Paris, 1899", въ которомъ авторъ склоняется къ доктринѣ германистовъ. Болѣе самостоятельное и оригинальное воззрѣніе на существо новѣйшихъ частноправовыхъ, преимущественно промышленныхъ союзовъ съ юридическою личностью высказалъ Max Schwabe въ брошюрѣ „Die juristische Person und das Mitgliedschaftsrecht. Basel 1900". Понятіе юридическаго лица ему представляется пустымъ звукомъ, и онъ пытается замѣнить его новымъ — именно понятіемъ права сочленства—Mitgliedschaftsrecht. Вступая въ такое правоотношеніе, лицо получаетъ права противъ всѣхъ сочленовъ той же корпораціи и обязывается наравнѣ съ ними; сумма же такихъ отдѣльныхъ правоотношеній представляется единствомъ, являющимся объектомъ взысканія для кредиторовъ.

Наконецъ, оригинальную, но совершенно не выдерживающую критики теорію выставилъ Xenocrates Combothecra въ сочиненіи: „La conception juridique de l'état". Paris 1899, стр. 69 и слѣд. (Короче она изложена въ его рецензіи на сочиненіе проф. Michoud въ Revue générale de droit, fascicule I, 1900). Въ понятіи личности,—слѣдовательно и правоспособности—необходимо, по его мнѣнію, различать личность абстрактную и конкретную. Первая состоитъ изъ трехъ элементовъ: изъ способностей активныхъ пріобрѣтать права, пользоваться и распоряжаться ими и пассивныхъ (обязываться и т. д.). Эти элементы могутъ быть сосредоточены въ одной конкретной личности—человѣкѣ, и могутъ быть соединены порознь каждая съ другимъ носителемъ, такъ что только сумма ихъ даетъ абстрактную правоспособность — „личность" (напримѣръ, опекунъ и опекаемый). Самый важный элементъ — способность пріобрѣтать права и обязываться; поэтому носителя ея Конботектра называетъ maître-sujet. Если въ данномъ случаѣ maître-sujet есть человѣческій индивидъ, то

такая личность называется физической, если же „maître-sujet“ состоитъ изъ нѣсколькихъ вещей или животныхъ, или нѣсколькихъ вещей и животныхъ, или нѣсколькихъ человѣческихъ индивидовъ, то мы называемъ такую личность юридическою (стр. 72). Вотъ исходя изъ такой основной точки зрѣнія, Конботекра старается создать новую теорію и объясненіе для юридическаго лица; нѣтъ надобности разбирать ее подробнѣе.

Въ этихъ разнообразныхъ теоріяхъ можно различить два крайнихъ направленія. Нѣкоторые изслѣдователи, преимущественно романисты, отрицательно относятся къ понятію юридическаго лица и признаютъ за нимъ скорѣе только терминологическое значеніе. Поэтому „конструировать“ юридическое лицо означаетъ для нихъ—упразднить это понятіе, замѣнивъ его другимъ, признаваемымъ ими первоначальнымъ и такъ сказать достойнымъ существованія. Такова теорія фикціи, правъ безъ субъекта, имущества, предназначеннаго для опредѣленной цѣли. При такомъ воззрѣніи не представляетъ интереса вопросъ о внутреннемъ строеніи юридическаго лица и его органовъ, и имъ опредѣляются всѣ частности ученія. Напротивъ, германисты признаютъ правоспособность юридическихъ лицъ за такой же элементарный фактъ, какъ и правоспособность человѣка, и всѣ усилія направляютъ къ тому, чтобы выяснить внутреннее строеніе ихъ и правоотношенія. Къ этому, болѣе современному и разумному воззрѣнію склоняется и проф. Суворовъ. Юридическія лица, по его опредѣленію (стр. 173), „суть общественныя организаціи, какъ организованныя соединенія людей въ одно цѣлое для преслѣдованія цѣлей, выходящихъ за предѣлы индивидуальной сферы“. Такое соединеніе можно безъ всякихъ колебаній называть „организмомъ“ (стр. 174), и для представленія такого единства не требуется никакой фикціи и вымысла, такъ какъ наше представленіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такую организацію должно признать волеспособной, ибо только такимъ образомъ можно поставить волевыя рѣшенія, управляющія жизнью юридическаго лица, во внутреннюю связь съ организаціей его, видѣть въ этихъ волевыхъ рѣшеніяхъ продуктъ дѣятельности самой организаціи (стр. 179).

Въ этомъ составѣ юридическаго лица надо различать „тѣхъ, кто образуетъ волю, чья воля есть воля юридическаго лица“, отъ органовъ въ точномъ и собственномъ смыслѣ, которые лишь исполняютъ волю (стр. 176). Такая самостоятельная воля признается авторомъ не только за корпораціями, но и за институтами, учрежденіями, въ

противоположность взгляду изслѣдователей, которые за волю института признаютъ волю учредителя. Авторъ справедливо не проводитъ рѣзкой границы между этими двумя видами юридическихъ лицъ, между такъ называемыми корпораціями и институтами: иногда затруднительно отнести данную общественную организацію къ той или иной группѣ, и въ историческомъ процессѣ многія изъ нихъ мѣняли свой характеръ. Къ тому же и управленіе дѣлами корпораціи ведется такимъ же порядкомъ, какъ и управленіе дѣлами институтовъ (стр. 171). Различіе же между этими двумя видами юридическихъ лицъ авторъ полагаетъ найти въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, институты учреждаются для „достиженія постоянной цѣли, требующей непрерывающагося достиженія, про которую никогда нельзя сказать, что она достигнута и исчерпана". Этотъ признакъ едва ли можно признать достаточно существеннымъ, не говоря уже о томъ, что онъ страдаетъ неопредѣленностью;. цѣль наживы столь же вѣчна и неисчерпаема, какъ и цѣль благотворенія, а in concreto можно легко себѣ представить благотворительное общество — институтъ съ временнымъ назначеніемъ и очень долговѣчное промышленное общество—корпорацію. Впрочемъ, самъ авторъ придаетъ бо̀льшее значеніе второму признаку, именно: различію во внутреннемъ строеніи тѣхъ и другихъ; — въ корпораціяхъ кромѣ органовъ администраціи есть члены общества, изъ которыхъ каждый имѣетъ право и возможность проявить свои права (стр. 184), чего нѣтъ въ институтахъ (сравн. также стр. 207 — 208). Субъектомъ правоотношеній такой организаціи, въ частности субъектомъ права собственности, авторъ признаетъ наличную организацію даннаго общества или института. Наконецъ, авторъ признаетъ существованіе „своеобразнаго общественнаго права", которымъ регулируются внутреннія отношенія юридическаго лица; но въ противоположность Гирке онъ не относитъ его къ частному праву, а признаетъ его своеобразною вѣтвью права, занимающей середину между публичнымъ и частнымъ правами (стр. 156 и слѣд.).

Съ точки зрѣнія этого общественнаго права авторъ объясняетъ главнѣйшіе моменты юридическаго лица—возникновеніе его (значеніе санкціи государства) и своеобразный характеръ правоотношеній членовъ корпораціи и ея органовъ (стр. 147, 156).

Такова въ общихъ чертахъ теорія проф. Суворова. Если разсматривать юридическое лицо какъ организмъ, нѣчто живое, не фиктивное,—такое воззрѣніе пріобрѣтаетъ нынѣ все больше и больше

сторонниковъ,—то теорія эта представляется логически послѣдовательною и ясною. Но одинъ пунктъ ученія проф. Суворова требуетъ поправки [1]). Именно авторъ утверждаетъ, что субъектомъ гражданскихъ правъ, въ частности права собственности юридическаго лица является его наличная организація (стр. 185). Въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на аналогію съ ограниченною собственностью владѣльца заповѣднаго имущества и римскаго heres fideiciarius до выдачи фидеикомисса.

Для того чтобы провести послѣдовательно эту конструкцію, необходимо внести въ общепринятое опредѣленіе собственности еще большія измѣненія, чѣмъ этого требуетъ авторъ, такія измѣненія, что отъ самого понятія ничего не останется. Въ самомъ дѣлѣ, въ какой бы мѣрѣ мы ни упразднили представленіе о дискреціонной власти собственника, какъ бы ни ограничивали его—какіе нибудь-составные элементы этого права должны же у него остаться, иначе такое право нельзя назвать собственностью. А между тѣмъ, если принять конструкцію автора, то такое положеніе дѣла, когда у „собственника" не остается ничего, получается въ примѣненіи къ институтамъ. Именно, по его опредѣленію (стр. 185), выгоды институтнаго управленія обращаются исключительно въ пользу дестинаторовъ, непричастныхъ организаціи, члены же организаціи суть должностныя лица, дѣятельность которыхъ обращена на интересы этихъ самихъ дестинаторовъ. Такимъ образомъ собственникъ—организація не имѣетъ ни права распоряженія, ни права пользованія и по смыслу института лишенъ ихъ на всегда. Можно ли, не вызывая недоразумѣнія, остатокъ назвать правомъ собственности? Такія же затрудненія встрѣчаются и при проведеніи этой конструкціи примѣнительно ко многимъ видамъ корпораціи публично-правоваго характера. Въ виду этого, такая формулировка представляется слишкомъ общею, нуждающеюся въ каждомъ данномъ случаѣ въ ближайшемъ объясненіи — именно необходимо указать, какія правомочія предоставлены „собственнику" и въ чемъ онъ ограниченъ и въ виду чьихъ интересовъ.

Правильнѣе было бы признать, что отношенія, гдѣ субъектомъ являются юридическія лица, суть отношенія своеобразныя. Онѣ аналогичны соотвѣтствующимъ по содержанію отношеніямъ общегражданскаго права, расчитаннаго на субъектовъ физическихъ лицъ, но съ ними не тожественны. Структура же ихъ можетъ быть выяснена

---

[1]) На это указывали рецензенты перваго изданія.

только путемъ анализа уставовъ и учредительныхъ актовъ даннаго юридическаго лица, а непризнаніе своеобразной природы ихъ служило и служитъ источникомъ многихъ недоразумѣній и ошибокъ.

Вторая половина изслѣдованія проф. Суворова посвящена изложенію положительнаго римскаго права.

Въ первой главѣ книги авторъ разбираетъ вопросъ, какъ конструировать ученіе о юридическихъ лицахъ въ римскомъ правѣ, признавать ли ихъ фингированными субъектами права или нѣтъ? Авторъ склоняется въ пользу второй альтернативы; доказываетъ онъ свою мысль тѣмъ, что прототипомъ всѣхъ юридическихъ лицъ римскаго права послужили городскія муниципальныя общины, и эта персонификація ихъ не нуждается ни въ какой фикціи; „субъектомъ права остался городъ же, городское общество въ его политической организаціи, только онъ для области частнаго права поставленъ въ положеніе частнаго лица" (стр. 17).

Впослѣдствіи такою же частно-правовой личностью были надѣлены различнаго рода союзы лицъ, коллегіи религіозныя и вольные союзы—ассоціаціи. Организація сихъ послѣднихъ является копіей съ организаціи городской; такимъ образомъ „юридическая личность — это организованный союзъ гражданъ и членовъ коллегіи" (стр. 28). Такое рѣшеніе вопроса съ точки зрѣнія современной юриспруденціи нельзя не признать правильнымъ. Но такіе же современные взгляды авторъ, повидимому (стр. 24—25), полагаетъ найти и у римскихъ юристовъ. Едва ли это такъ. Нѣтъ прямыхъ свѣдѣній о томъ, какъ они теоретически объясняли себѣ правоспособность муниципій, колоній и т. д., едва ли вообще они размышляли надъ этимъ вопросомъ, и если бы и задумались, то простымъ путемъ вышли бы изъ затрудненія — признали бы, что онѣ ихъ считаютъ человѣкомъ, то-есть прибѣгли бы къ помощи фикціи. Нѣкоторые намеки на это есть и въ источникахъ (хотя бы fr. 22 D. 46. 1. personae vice fungitur sicuti municipium). Впрочемъ въ другихъ мѣстахъ авторъ косвенно признаетъ, что римскіе юристы не избѣгали фикціи. Онъ признаетъ, что классическая юриспруденція при олицетвореніи лежачаго наслѣдства прибѣгала къ помощи фикціи, то-есть лицо, не существующее въ дѣйствительности, мыслило какъ существующее, въ періодъ времени между delatio и aditio hereditatis (стр. 42); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не считаетъ возможнымъ отрицать, „что hereditas jacens есть своеобразное юридическое лицо, такъ какъ это значило бы идти противъ ясныхъ выраженій источниковъ, которые явственно ста-

вать наслѣдство въ рядъ олицетвореній какъ municipium“ (стр. 247). Такимъ образомъ, если считать, какъ дѣлаетъ авторъ, что въ источникахъ лежачее наслѣдство признается юридическимъ лицомъ путемъ фикціи, то столь же фиктивно признаются личностями и всѣ прочія, ибо въ источникахъ различія между тѣмъ и другими не дѣлается.

Разумѣется, такое воззрѣніе не обязательно для современнаго юриста. Лежачее наслѣдство, какой бы теоріи ни придерживаться, нельзя признать юридическимъ лицомъ. Отъ всѣхъ видовъ послѣдняго оно отличается въ двухъ существенныхъ пунктахъ: во-первыхъ, правоспособность признается за извѣстными соціальными явленіями только для того, чтобы сдѣлать ихъ причастными гражданскому обороту. Поэтому у всякаго юридическаго лица есть органы (представители), безъ которыхъ оно существовать не можетъ. А у лежачаго наслѣдства нѣтъ органовъ. Рабы не органы его, ибо они вещь; нельзя считать органомъ и curator hereditatis, ибо онъ не всегда назначается, а если назначается, то спеціально и получаетъ спеціальное полномочіе [1]). Во-вторыхъ, если признавать юридическое лицо фикціей, то это значитъ, что за юридическими лицами признается въ извѣстныхъ предѣлахъ правоспособность человѣка, и эта правоспособность абстрактна; за ними признается личность „вообще“, а не личность того или другого человѣка—Ивана или Петра. За лежачимъ же наслѣдствомъ признается не личность вообще, а личность конкретнаго человѣка, именно личность наслѣдодателя. Въ этомъ смыслѣ лежачее наслѣдство такой же пріемъ конструкціи, какъ fictio legis Corneliae, какъ фикція при Публиціевомъ искѣ. Его легко избѣжать, и безъ него обходятся многія правовыя системы, напримѣръ русская (Суворовъ, стр. 206), а безъ категоріи юридическаго лица ни одна система обойтись не можетъ. Но въ виду того, что римскіе юристы отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что такое persona hereditatis jacentis, что это persona defuncti, намъ представляется невозможнымъ подводить лежачее наслѣдство подъ одну категорію съ юридическими лицами, какъ бы источники ни выражались и въ какую бы связь ни ставили ихъ.

Въ остальныхъ четырехъ главахъ проф. Суворовъ подробно разбираетъ строеніе юридическихъ лицъ въ римскомъ правѣ (виды ихъ, возникновеніе, право и дѣеспособность, прекращеніе). Въ краткомъ

---

[1]) Иллюстраціей этому можетъ служить казусъ, приведенный у *Ihering*, Civilrechtsfälle. 6-е изд., стр. 5 (№ 2).

обзорѣ нельзя передать богатое содержаніе этой части труда его. Особенно интересны отдѣлы, посвященные возникновенію коллегіи (стр. 250), отвѣтственности за деликты (стр. 291), прекращенію юридическаго лица (см. особенно стр. 329) и многіе другіе. Авторъ собралъ во едино все, что даютъ скудные въ общемъ источники и богатая контроверзами литература.

Начинающаго юриста книга проф. Суворова вводитъ in medias res ученія о юридическомъ лицѣ и служитъ ему надежнымъ проводникомъ въ дебряхъ этого ученія; спеціалисту она даетъ много цѣнныхъ и оригинальныхъ мыслей по общимъ и по детальнымъ вопросамъ. Авторъ не увлекается мишурнымъ блескомъ парадоксальныхъ теорій, его выводы отличаются умѣренностью и обоснованностью. Книга проф. Суворова занимаетъ видное мѣсто въ литературѣ разбираемаго имъ вопроса.

Баронъ А. Нольде.

Н. Овсяный (дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества). — Болгарія и болгары. Съ картой Балканскаго полуострова. Издано при содѣйствіи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба. С.-Пб., 1900. 365 стр.

Вѣковая связь съ родственной Болгаріей уже давно стала выражаться у насъ въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій, посвященныхъ изученію ея; интересъ къ судьбѣ княжества, обязаннаго своей свободой главнымъ образомъ Россіи, все увеличивается, и мы уже можемъ отмѣтить достаточное число трудовъ, въ которыхъ трактуется о прошломъ и настоящемъ Болгаріи. Но труды эти по преимуществу спеціальнаго характера, въ нихъ обыкновенно берутся для изслѣдованія какіе-либо отдѣльные историческіе или литературные моменты, общей же картины болгарской жизни въ нихъ мы почти не находимъ; между тѣмъ это весьма важно и необходимо. Постоянныя поѣздки нашихъ ученыхъ въ Болгарію для ея изученія, все крѣпнущія торговыя сношенія—вызываютъ потребность ко всестороннему знакомству со страной, такъ какъ отъ такого знакомства въ значительной степени долженъ зависѣть успѣхъ даннаго предпріятія, и, быть можетъ, не одно изъ нихъ не было доведено до благопріятнаго конца, именно, вслѣдствіе отсутствія руководствъ, трудовъ и изслѣдованій, посвященныхъ такому разсмотрѣнію Болгаріи. Желающему познакомиться съ Болга-

ріей для выясненія вопросовъ, какъ она управляется, въ какомъ положеніи находится въ ней дѣло просвѣщенія, и представить себѣ ходъ новѣйшей ея исторіи, т.-е. — ходъ ея освобожденія и путь, по которому она пошла и идетъ въ самостоятельной жизни, приходилось обыкновенно обращаться ко многимъ сочиненіямъ. Труды К. Иречка („Исторія Болгаріи", Das Fürstenthum Bulgarien, Cesty po Bulgarsku [1]), Матвѣева (Болгарія послѣ берлинскаго конгресса), Бендерева, Д. Георгіевскаго и др., а также труды въ родѣ изданія, предпринятаго А. Дюрастелемъ — Annuaire international de la Bulgarie [2])—все труды въ высшей степени основательные, серьезные и цѣнные, но они требуютъ уже спеціальнаго изученія.

Г. Овсяный задался цѣлью дать въ своей книгѣ всестороннее описаніе Болгаріи, а также представить ея дѣйствительное положеніе какъ въ отношеніи государственной, такъ и духовной жизни. Для выполненія этой задачи онъ раздѣлилъ свою книгу на отдѣлы: А) географическій обзоръ; Б) историческій очеркъ; В) статистика и этнографія; Г) литература, наука и искусство; Д) вооруженныя силы, а въ приложеніи коснулся положенія Македоніи и помѣстилъ тексты: а) санъ-стефанскаго прелиминарнаго договора и б) берлинскаго мирнаго договора.

Такого рода планъ работы требовалъ отъ автора изученія многихъ трудовъ; онъ долженъ былъ познакомиться съ сочиненіями по самымъ спеціальнымъ вопросамъ, а также не разъ обращаться къ непосредственному изученію извѣстныхъ отдѣловъ на мѣстѣ — въ Болгаріи, которую онъ хорошо знаетъ, какъ человѣкъ, служившій въ 1878 году на югѣ ея окружнымъ начальникомъ, а кромѣ того, и спеціально посѣтившій ее во время своей работы. Личное и непосредственное изученіе страны путемъ собиранія на мѣстѣ матеріала и сказалось весьма выгодно въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены описанію промышленности, торговли, путей сообщенія, финансовъ—въ отдѣлѣ статистики и вооруженныхъ силъ княжества. Приводимыя здѣсь данныя по полнотѣ своей являются единственными на русскомъ языкѣ и даютъ большую цѣну и значеніе труду г. Овсянаго, такъ какъ знакомятъ съ этими вопросами очень обстоятельно. Здѣсь не оставлена безъ

---

[1]) Изъ нихъ только первое переведено на русскій языкъ; два послѣднія появились уже въ болгарскомъ переводѣ, съ очень дѣльными примѣчаніями переводчиковъ Ек. Каравеловой и С. Аргирова (Пловдивъ, 1899).

[2]) Это изданіе было предпринято на двухъ языкахъ (болгарск. и французск.); въ 1897 г. въ Софіи вышелъ лишь томъ на 1898 г. Больше не было.

вниманія ни одна сторона, не забытъ ни одинъ вопросъ, а потому мы ясно изъ книги г. Овсянаго видимъ, въ какомъ положеніи находится и матеріальное благосостояніе страны, а также и ея военныя силы.

Причины общеизвѣстнаго денежнаго кризиса молодого княжества цифровыми данными выяснены основательно и точно; значеніе налоговъ (въ общемъ очень тяжелыхъ и большихъ) опредѣлено съ полнымъ знаніемъ экономическаго положенія страны; въ виду всего этого собранныя авторомъ данныя и ихъ освѣщеніе въ высшей степени поучительны и, быть можетъ, окажутся полезными даже и для тѣхъ, кому въ Болгаріи приходится вѣдать финансы и распоряжаться судьбами ея капиталовъ.

Цѣлый рядъ таблицъ въ этомъ отдѣлѣ составленъ на основаніи матеріала, заимствованнаго изъ данныхъ болгарскаго статистическаго бюро, которое справедливо пользуется извѣстностью вполнѣ солиднаго учрежденія. Такого же характера и почерпнутыя авторомъ, главнымъ образомъ, путемъ личнаго знакомства данныя о болгарской арміи; здѣсь въ историческомъ очеркѣ дано послѣдовательное обозрѣніе формированія болгарскаго военнаго сословія, представляющаго изъ себя во многихъ отношеніяхъ дѣйствительную и значительную силу со всѣми задатками для дальнѣйшаго развитія и совершенствованія. Географическій же обзоръ княжества сдѣланъ очень кратко и занимаетъ всего 19 страницъ; объ этомъ нельзя не пожалѣть; напрасно также авторъ не внесъ, по примѣру К. Иречка, обстоятельнаго геологическаго очерка Болгаріи, а о животномъ и растительномъ мірѣ ограничился лишь немногими замѣчаніями. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія по этимъ вопросамъ значительно бы увеличили цѣнность книги.

На стр. 23—100 г. Овсяный въ своей книгѣ помѣстилъ историческій очеркъ Болгаріи; въ этомъ очеркѣ онъ разсматриваетъ судьбы болгаръ съ самыхъ древнихъ временъ, при чемъ послѣ сравнительно сжатаго, но довольно точнаго описанія положенія болгаръ до завоеванія турками и такого же изложенія ихъ судьбы подъ игомъ,—останавливается болѣе обстоятельно надъ выясненіемъ проблесковъ народнаго самосознанія у болгаръ, касается учрежденія экзархата, отмѣчаетъ различнаго рода революціонныя движенія въ Болгаріи, передаетъ ходъ дѣла освобожденія Болгаріи и первоначальнаго ея устройства и, такимъ образомъ, слѣдя шагъ за шагомъ, — доводитъ свой историческій очеркъ до самаго послѣдняго времени, не опуская даже такихъ темныхъ моментовъ, какъ регентство Стамбулова.

Для древней и средней исторіи у автора были такія серьезныя пособія, какъ сочиненія Гильфердинга, Дринова, Успенскаго, Иречка, Соколова, Голубинскаго, которымъ онъ и слѣдуетъ въ своемъ изложеніи; для періодовъ же новаго и новѣйшаго ему приходилось собирать матеріалъ самостоятельно — по различнымъ періодическимъ изданіямъ и изъ разнообразныхъ отдѣльныхъ статей, при чемъ для выясненія положенія болгарскихъ дѣлъ въ послѣдніе моменты правленія Баттенберга онъ пользовался, между прочимъ, и записками барона Н. А. Каульбарса о командированіи его въ Болгарію.

Въ общемъ очеркъ получился весьма любопытный, интересный, поучительный, и за него нужно быть признательнымъ автору, такъ какъ онъ облегчаетъ задачу ознакомленія съ новѣйшей исторіей Болгаріи. Далеко не безполезны и тѣ свѣдѣнія, которыя авторъ приводитъ въ своей книгѣ о новѣйшей болгарской литературѣ и журналистикѣ (стр. 225 и слѣд.). Начало такъ называемаго болгарскаго возрожденія и его развитіе вмѣстѣ съ развитіемъ болгарскаго просвѣщенія — полны интереса и представляются весьма любопытнымъ, но детальное описаніе этой эпохи еще отсутствуетъ, исторія ея пока не написана; это объясняется, конечно, прежде всего тѣмъ, что многіе матеріалы еще остаются недоступными для изслѣдованія, такъ какъ они разсѣяны въ библіотекахъ и архивахъ различныхъ городовъ, гдѣ шла подготовительная работа освободительнаго движенія болгаръ [1]). Это задача очень нелегкая, а потому и можно удовлетвориться описаніемъ данной эпохи у г. Овсянаго, имѣвшаго въ виду лишь общій очеркъ, но все же и онъ могъ уже нѣкоторые моменты освѣтить болѣе подробно, хотя бы приведеніемъ библіографическихъ указаній на существующія книги и статьи.

Такъ, пользуясь статьей Н. Барсова „Тридцатилѣтіе дѣятельности

---

[1]) Позволю себѣ замѣтить здѣсь, что въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернаторства находится по данному вопросу не мало любопытныхъ и интересныхъ дѣлъ, которыя могутъ послужить матеріаломъ для изученія названной эпохи. Назову нѣкоторыя изъ нихъ: „*О поселеніи славянъ въ Россіи*“ (дѣло 1808 г.); „*О поселеніи болгарскихъ колонистовъ*“ (дѣло 1804 года); „*О болгарахъ задунайскихъ переселенцахъ*“ (дѣло 1818 г.); „*О болгарахъ и Румелійцахъ, перешедшихъ изъ турецкихъ владѣній для водворенія въ Россіи*“ (нѣсколько дѣлъ 1830, 1833 г.г.); „*О дозволеніи принимать въ одесскія учебныя заведенія болгаръ*“ (дѣло 1840 г.); „*О замыслахъ болгаръ возстановить свою независимость*“ (нѣсколько дѣлъ 1842 года; отчасти использованныхъ уже мной въ статьѣ — „Материали за историята по възраждането на българския народъ“ — Пловдивъ, 1900).

одесскаго-болгарскаго настоятельства (съ 1854—1884) и матеріалы для исторіи освобожденія Болгаріи" (Одесса, 1895), можно подробнѣе изобразить дѣятельность переселившихся въ Россію болгаръ на пользу своей родины, а также дать не мало любопытныхъ указаній и для характеристики такого выдающагося дѣятеля, какъ Н. Хр. Палаузовъ [1]). Для дѣятельности Априлова необходимо имѣть въ виду слѣдующія книги и статьи: „Габровско-то училище и неговы-тѣ пьрвы попечители" (Цариградъ, 1866) [2]), статьи И. Д. Шишманова—„Първата срѣща на Априлова—съ Венелина"; его же статьи, посвященныя вообще болгарскому возрожденію (въ журналѣ „Български Прегледъ", 1897, кп. VIII и др.); не должны быть оставлены безъ вниманія статьи Мурзакевича (напримѣръ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1838 г. № 4) и Срезневскаго — „Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи," — работа цѣнная библіографическими указаніями и мн. др. Интересныя свѣдѣнія для болѣе точной характеристики болгарской періодической печати можно почерпнуть изъ статьи г. К—ва въ *Вѣстникѣ Европы* за 1900 годъ, № 2. Г. К—въ, долго живущій въ одномъ изъ большихъ городовъ Болгаріи (русскій по происхожденію), съ полнымъ вниманіемъ изучилъ положеніе періодической печати въ Болгаріи и прослѣдилъ ея историческое развитіе, а потому его заключенія о рѣзкомъ различіи въ направленіи и тонѣ болгарскихъ газетъ эпохи возрожденія и нынѣшнихъ—весьма любопытны и характерны. Въ настоящее время газетъ въ Болгаріи выходитъ очень много, но главная цѣль ихъ—служеніе узко-партійнымъ интересамъ, основное стремленіе—всѣми силами унизить, осрамить противника; для этого пускаются въ ходъ самые безстыдные способы, а о просвѣтительномъ служеніи на пользу народу уже нѣтъ въ нихъ и помину; тенденціи и теоріи старыхъ болгарскихъ газетчиковъ и журналистовъ, какъ Фотиновъ, П. Славейковъ и др., уже отошли, къ сожалѣнію, въ область преданія.

Замѣчаніе г. Овсянаго о недостаточной обработкѣ болгарскаго литературнаго языка, а также о слабыхъ устояхъ болгарскаго правописанія необходимо дополнить ссылкой на труды въ этой области

---

[1]) О немъ см. еще *П. Казанскій*,—Н. Хр. Палаузовъ (біографическая замѣтка). С.-Пб. 1899. Работой П. Барсова авторъ, повидимому, пользовался въ „Изв.. Спб. Сл. Благ. Общ." за 1887 г.

[2]) Много любопытныхъ данныхъ находится и въ „Юбилеенъ сборникъ по случай 25-годишната отъ първия випускъ на Габровската Априловска гимназия" (Пловдивъ, 1900).

спеціальной комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія; изданіе министерства (результаты трудовъ ея)—„Упжтване за общо правописание“ (София, 1899) заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ въ немъ кратко, но вполнѣ основательно изложены главнѣйшіе принципы болѣе научно обоснованнаго болгарскаго правописанія.

Списокъ немногочисленныхъ произведеній болгарской драматической литературы можно пополнить указаніемъ на сочиненіе И. Миларова—„*Апостолъ*“, трагедия въ петъ дѣйствия изъ българската революционна епоха прѣди освобождението (София 1899); заслуживаетъ гораздо большаго вниманія изъ поэтовъ новаго времени безвременно погибшій (онъ былъ убитъ)—*А. Константиновъ*, произведеніе котораго „*Бай-Ганю*“ пользуется вполнѣ искренной любовью у болгарской читающей публики, которая цѣнитъ въ немъ правдивое изображеніе жизни новѣйшаго общества болгарскаго [1]).

Отдѣлъ книги г. Овсянаго, въ которомъ трактуется о литературѣ, наукѣ и искусствѣ,—заканчивается замѣчаніемъ объ археологическихъ раскопкахъ въ Болгаріи, которыхъ въ *серьезномъ* значеніи слова въ княжествѣ еще пока и не было. Авторъ правъ, ожидая отъ раскопокъ въ Терновѣ богатыхъ результатовъ, но нужно желать, чтобы раскопки эти начались поскорѣе; тамъ многое уже утратилось, быть можетъ, навсегда, а еще недавно, какъ то сообщалъ намъ мѣстный любитель старины В. Беронъ [2]), *надъ землей* во многихъ мѣстахъ *трапезицы* и *циссара* были видны остатки построекъ...

Надѣяться на близкую разработку мѣстной старины болгарскими учеными, конечно, трудно, а потому должно съ радостью привѣтствовать предпринятые въ этомъ направленіи труды академика Ѳ. И. Успенскаго, который произвелъ уже не мало раскопокъ и изыска-

---

[1]) Характерное это произведеніе А. Константинова, насколько мнѣ извѣстно, все еще на русскій языкъ вполнѣ не переведено. Извѣстная мнѣ попытка познакомить русскихъ читателей съ „Бай-Ганю“ одесской газеты *Южное Обозрѣніе* не можетъ быть признана удачной (см. эту газету за 1899—1900 гг.).

[2]) Авторъ сочиненія „Археологически и исторически изслѣдования“ (1887 г.) д-ръ В. Беронъ не мало трудился надъ разработкой вопроса объ организаціи въ Терновѣ археологическаго общества, но эта симпатичная идея, къ сожалѣнію, не осуществилась; былъ даже напечатанъ уставъ общества. У г. Берона среди многихъ любопытныхъ матеріаловъ хранятся сдѣланные имъ въ 1853—1855 годахъ снимки съ изображеній на бывшихъ тогда остаткахъ стѣнъ на трапезицѣ и гиссарѣ, гдѣ нынѣ высшей властью въ Болгаріи предоставлено право веденія раскопокъ нѣкоторымъ, кажется, французскимъ археологамъ, работа которыхъ исполняется путемъ и способами, повидамому, мало преслѣдующими научныя цѣли.

ній въ очень интересныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстахъ Болгаріи (напр. въ Абобѣ, въ Терновѣ и проч.) и собралъ много важнаго и цѣннаго матеріала, который, конечно, и будетъ соотвѣтствующимъ образомъ изданъ [1]).

Въ приложеніи къ своей книгѣ г. Овсяный помѣстилъ краткій очеркъ о Македоніи, который весьма умѣстенъ, въ виду настоящаго интереса къ положенію этой области, и договоры—санъ-стефанскій, прелиминарный и берлинскій мирный; появленіе этихъ документовъ въ общедоступномъ изданіи весьма важно, такъ какъ въ нихъ заключается немало интересныхъ и поучительныхъ матеріаловъ; очень кстати было бы вмѣстѣ съ этими договорами напечатать и текстъ конституціи княжества болгарскаго въ ея первичномъ видѣ; этотъ любопытный памятникъ въ 1879 году былъ изданъ по-русски (въ Болгаріи), и подлинный текстъ его прекрасно бы иллюстрировалъ передачу содержанія, которое г. Овсяный приводитъ на стр. 105 и слѣд.

Карта Балканскаго полуострова при книгѣ г. Овсянаго должна быть признана вполнѣ хорошей.

Книга г. Овсянаго весьма полезна, и ей можно пожелать широкаго распространенія среди русской читающей публики, которой давно уже нужно имѣть подъ руками доступныя и хорошо составленныя руководства къ изученію прошлаго и настоящаго славянъ; она, вѣроятно, заинтересуетъ и болгаръ, а потому нужно ожидать въ скоромъ времени появленія второго изданія, въ которомъ авторъ, конечно, сдѣлаетъ дополненія и поправки библіографическаго характера.

М. Г. Попруженко.

Kants Briefwechsel. Band I u. II. Berlin. 1900 (Gesammelte Schriften. Band 10 u. 11).

Усиленіе національнаго самосознанія вызвало одинъ безспорно хорошій результатъ: любовь къ прошлому своего народа, уваженіе къ героямъ, дѣйствовавшимъ на различныхъ поприщахъ, въ томъ числѣ и на полѣ мысли. Благодаря этому уваженію къ прошлому, стали по-

[1]) Ср. „Отчетъ о дѣятельности Русск. Арх. Инст. въ Константинополѣ за 1899 г.“. (Извѣстія института, т. VI, в. 2—3, стр. 437 и др.); здѣсь пока кратко объ изысканіяхъ въ Абобѣ.

являться національныя изданія поэтовъ и философовъ, достойныя генія тѣхъ писателей, именами коихъ по праву гордится извѣстный народъ. Такъ итальянцы, наконецъ, издали латинскія сочиненія своего философа Джордано Бруно, французы начали издавать сочиненія Декарта, и изданіе, судя по вышедшимъ томамъ, будетъ достойно этого великаго ума; Императорская Академія Наукъ начала издавать сочиненія Пушкина. Наконецъ и нѣмцы, по иниціативѣ неутомимаго академика Дильтея, принялись за изданіе сочиненій того мыслителя, который, по всей вѣроятности, наиболѣе полно выражаетъ особенности нѣмецкаго генія. Берлинская Академія Наукъ въ особой комиссіи обсудила планъ изданія сочиненій Канта и рѣшила изданіе раздѣлить на четыре отдѣла: сочиненія, письма, посмертныя сочиненія и, въ-четвертыхъ, замѣтки и лекціи.

Все изданіе будетъ занимать около 25 томовъ. Пока вышли въ свѣтъ 10 и 11-ый томы, содержащіе переписку Канта съ 1747 по 1794 годъ. Редакція этихъ томовъ принадлежитъ Рудольфу Рейке, лицу, стяжавшему себѣ почетную извѣстность благодаря трудамъ о Кантѣ.

Это изданіе идетъ на встрѣчу дѣйствительной потребности; за послѣднюю четверть 19-го столѣтія сдѣлано столько для изученія Канта, сочиненія его изучены съ такою филологической акрибіей, что изданіе, въ которое вошли бы всѣ результаты научныхъ изслѣдованій, стало необходимымъ. Изученіе Канта приняло въ Германіи характеръ какого-то культа; отъ него ждутъ обновленія сбившейся съ пути философіи, и Канту посвящаются не только сотни монографій, но и особый журналъ (*Kantstudien*, выходящій уже 6-ой годъ), подобно журналамъ, спеціально посвященнымъ изученію Шекспира, Данте, Гете.

Два тома переписки Канта, лежащіе передъ нами, изданы съ возможною тщательностью: помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ не только письма самого Канта, но также и полученныя имъ письма. Во второй категоріи писемъ, конечно, много неинтереснаго, и на первый взглядъ напечатаніе ихъ представляется излишнимъ, но при внимательномъ чтеніи получается такая картина умственной жизни, центромъ которой былъ Кантъ [1]), что приходится благодарить издателей,

---

[1]) Стихотвореніе Клавдіана къ веронскому старцу относится вполнѣ и къ Канту: Felix, qui patriis aevum transegit in agris ipsa domus puerum quem videt, ipsa senem.

за то, что они не опустили даже. повидимому, самыхъ ничтожныхъ записочекъ.

Въ первомъ томѣ помѣщены письма, относящіяся къ 1747 по 1788 гг. Всѣхъ писемъ 320. Нѣкоторыя изъ нихъ впервые появляются въ печати; многія не имѣютъ философскаго интереса, но не лишены значенія для характеристики Канта, представляя новыя біографическія данныя. Любопытно, напримѣръ, прочесть, что Кантъ получалъ за печатный листъ „Критики чистаго разума“ 4 талера отъ издателя Гарткноха, который, сверхъ того, прислалъ философу подарокъ—фунтъ „хорошаго чаю“. За листъ „Критики силы сужденія“ Кантъ получалъ уже 6 талеровъ. По отпечатаніи „Пролегоменъ“ издатель послалъ Канту въ подарокъ боченочекъ икры, а за „Критику практическаго разума“—„хорьковый мѣхъ на бекешу и пару куропатокъ“. Доброта и обходительность Канта ярко обнаруживаются въ его перепискѣ: сколько хлопотъ доставилъ ему, напримѣръ, молодой и нѣсколько назойливый господинъ, по имени Плессингъ, человѣкъ неуравновѣшенный, старавшійся сблизиться съ олимпійцемъ Гете, но не достигшій своей цѣли. Гете призналъ въ немъ человѣка, хотя и нелишеннаго таланта, но графомана (schreibselig beredt) съ несимпатичными свойствами характера. Кантъ, напротивъ, въ теченіе долгаго времени выполняетъ порученія Плессинга, оказываетъ ему матеріальную и нравственную помощь, пока, наконецъ, и его терпѣніе не истощилось; указанная черта характера обнаруживается и въ сношеніяхъ Канта съ родными. Братъ Канта, Іоганъ Генрихъ, былъ одновременно съ Иммануиломъ въ университетѣ, по окончаніи коего занялъ мѣсто домашняго учителя, потомъ учителя въ Митавской гимназіи, наконецъ, пастора въ Альтраденѣ (въ Курляндіи); тамъ онъ обзавелся семьей и окончательно укрѣпился. 10-го октября 1898 года умерла послѣдняя представительница рода, Эмма Кантъ, правнучка философа, и оставила Митавскому музею нѣсколько вещицъ, принадлежавшихъ Канту, и инвентарь имущества философа, составленный 12-го февраля 1804 года [1]). Изъ этого инвентаря видно, какой скромный образъ жизни велъ Кантъ; нѣсколько серебряныхъ ложекъ, серебряные часы, да нѣсколько табакерокъ изъ папье-маше—вотъ всѣ предметы роскоши (если ихъ можно такъ назвать), которые остались послѣ его смерти, не считая книгъ, завѣщанныхъ профессору Гензихену. Благодаря от-

[1]) Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst und Jahresberichte des kurländischen Provinzialmuseums aus d. Jahre 1900. Mitau. 1901.

сутствію потребности въ роскоши, Кантъ, несмотря на незначительный гонораръ и жалованье, успѣлъ скопить большую для того времени сумму денегъ, а именно 21.539 тал. и 33 гроша, считая въ этомъ числѣ и деньги (3.370 талеровъ), вырученныя за продажу дома Канта. Деньги Кантъ завѣщалъ своимъ родственникамъ и старику-служителю. Въ Кенигсбергѣ жили свойственники Канта, два брата сапожника Крёнертъ; имъ-то, а также дѣтямъ его брата Іоганна и достались деньги и вещи философа, которыя были ими куплены на аукціонѣ 12-го марта 1804 года за 507 талеровъ. Кантъ неоднократно помогалъ своимъ родственникамъ, и не только имъ однимъ.

Одну любопытную подробность изъ жизни Канта опубликовалъ недавно проф. Варда [1]). Оказывается, что Кантъ, будучи студентомъ и сильно нуждаясь, добывалъ себѣ средства къ жизни не только частными уроками, но и игрою на билліардѣ, а также игрою въ l'hombre. Кто можетъ себѣ представить автора категорическаго императива, играющаго на билліардѣ, или въ карты, ради интереса? Невольно припоминаемъ „миѳологіи“ Гейне:

„Aber tief muss uns empören
Was wir von der Leda lesen“.

Письмо № 24 отъ нѣкоей *Якоби* рисуетъ намъ Канта въ чуждой ему средѣ. Г-жа Якоби пишетъ, что она съ своею подругою напрасно прождала его въ саду, и проситъ его придти къ ней на слѣдующій день, обѣщая, что ея „часы будутъ заведены“. Это таинственное замѣчаніе касается извѣстнаго изреченія Канта—любителя остротъ [2]),—что женщины иногда обладаютъ ученостью, но ихъ ученость напоминаетъ незаведенные часы.

Обращаюсь отъ писемъ біографическаго характера къ письмамъ, представляющимъ философскій интересъ.

Писемъ, относящихся къ юнымъ годамъ жизни Канта, вовсе не сохранилось. Первое письмо Канта помѣчено 23-го августа 1749 года. Начиная съ 1760 года, времени увлеченія Канта опытными науками, попадается бóльшее количество писемъ. Въ 1770 году Кантъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ въ Кенигсбергѣ и успѣлъ отклонить два приглашенія университетовъ Эрлангенскаго и Іенскаго.

---

[1]) Самой статьи проф. Варда я не видѣлъ и заимствую эту черту изъ жизни Канта изъ № 276 нѣмецкихъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“.

[2]) См. *Minden*. D. Humor Kants im Verkehr und in seinen Schriften. Dresden. 1892. 8°.

Извѣстность Канта постепенно возросла и интересъ писемъ увеличился. Переписка съ Марк. Герцомъ, имѣющая такое значеніе, была по большей части уже извѣстна раньше, но нѣкоторыя письма впервые появляются въ печати, напримѣръ, № 153. Интересна переписка съ Лафатеромъ, а также и съ Гаманомъ. Большое количество писемъ относится къ филантропину; идеями, положенными въ основу этого учрежденія, Кантъ, какъ извѣстно, одно время очень увлекался. Наибольшій интересъ представляетъ переписка съ И. Шульцемъ (въ особенности письмо 318), съ К. Г. Шюцомъ (№ 214), К. Л. Рейнгольдомъ (№ 285), К. Гарве (№ 187), М. Мендельсономъ и др.

Второй томъ переписки охватываетъ шесть лѣтъ, отъ 1789 по 1794 годъ и содержитъ въ себѣ 291 письмо. Характерная особенность переписки этого времени объясняется тѣмъ, что Кантъ успѣлъ пріобрѣсти всемірную славу, почему многіе корреспонденты Канта выражаютъ лишь свой восторгъ, или почтительно просятъ принять свои произведенія: такія письма не требовали по существу отвѣта философа. Распространеніе идей Канта, особенно касающихся нравственности и религіи, естественно должно было вызвать въ нѣкоторыхъ кругахъ тревогу, и вотъ характернымъ въ этомъ отношеніи является письмо нѣкоего доктора медицины Колленбуша (№ 612): „Милый мой профессоръ“, пишетъ Колленбушъ, „разумная вѣра Канта есть вѣра, лишенная всякой надежды. Мораль Канта—мораль, лишенная всякой любви. Возникаетъ вопросъ: чѣмъ же отличается вѣра дьяволовъ отъ вѣры господина Канта,—и чѣмъ отличается нравственность чертей отъ нравственности господина проф. Канта?“ Вотъ и все письмо, во всей его красѣ! Но и теоретическая часть трансцендентальной философіи вызывала недоразумѣнія, часто непріятныя для автора,—къ этой категоріи относятся многочисленныя письма, вызванныя непониманіемъ проф. Эбергарда критической философіи; по этому поводу написаны письма Канта къ Шюцу и Рейнгольду, отпечатанныя впервые цѣликомъ. Переписка Канта съ талантливымъ Сал. Маймономъ производитъ на читателя невыгодное для Маймона впечатлѣніе. Къ числу наиболѣе интересныхъ принадлежатъ письма Кизеветтера, автора учебника логики. Письма Кизеветтера содержатъ много сообщеній изъ придворной жизни Берлина. Кизеветтеръ былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ дѣтей министра Шуленбурга (окончившаго жизнь самоубійствомъ) и давалъ уроки прусскимъ принцессамъ, почему могъ имѣть свѣдѣнія, въ публику не проникавшія. Письмо Канта къ Косману интересно, ибо устанавливаетъ точное раз-

граниченіе между понятіемъ а пріори и понятіемъ врожденной идеи. Интересъ представляетъ и переписка съ Бекомъ, Бутервегомъ, Якоби, Мелліномъ (авторомъ философскаго словаря), Фихте, Боровскимъ (первымъ біографомъ Канта), криминалистомъ Клейномъ, Ребергомъ и др.

Такимъ образомъ второй томъ—весьма цѣнный подарокъ Берлинской академіи всѣмъ почитателямъ Канта и его философіи. Несмотря, однако, на всю тщательность, съ которой дѣйствуетъ Рудольфъ Рейке, на все стараніе достичь полноты, ему все-же придется выпустить добавленія, ибо уже теперь опубликованы письма, не нашедшія себѣ мѣста въ академическомъ изданіи и появившіяся на свѣтъ, вѣроятно, по поводу этого изданія. Укажу, напримѣръ, на письмо Канта [1]) къ Абр. Якову Пенцелю, касающееся мистическаго значенія чиселъ 7 и 9. Пенцель не менѣе любопытенъ, чѣмъ самое письмо: онъ долгое время былъ домашнимъ учителемъ въ Германіи, Россіи и Италіи, нѣкоторое время доцентомъ въ Іенѣ. Циникъ по воззрѣніямъ, пьяница, но весьма ученый и страстный любитель книгъ, онъ умеръ въ 1818 году, завѣщавъ свое тѣло анатомическому музею, свои рукописи и книги—академической библіотекѣ, свои носки и платки—женскому обществу, а свои долги—великому герцогу Веймарскому. Познакомился Пенцель съ Кантомъ слѣдующимъ образомъ: для пополненія своихъ географическихъ познаній, доказательствомъ коихъ служитъ его переводъ Страбона, Пенцель счелъ необходимымъ изучить русскій, латышскій и польскій языки и побывать на сѣверѣ; не имѣя однако средствъ, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ отдать себя во власть прусскаго вербовщика-офицера; такимъ путемъ онъ въ 1775 году попалъ изъ Нюрнберга въ Кенигсбергъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе офицеровъ; они-то и помогли ему сдѣлаться редакторомъ „Кенигсбергской газеты". Въ 1778 году онъ покинулъ Кенигсбергъ и почему-то переѣхалъ въ Варшаву.

Указанное письмо Канта отъ 12-го августа 1777 года обнаруживаетъ въ немъ необыкновенную начитанность и въ области мистики чиселъ; однако, если бы Кантъ зналъ о существованіи книги Петра Бунга Numerorum mysteria, Paris 1618, то онъ могъ бы избавить себя отъ необходимости самостоятельныхъ изысканій въ этой области.

Мы начали съ упоминанія о національномъ чувствѣ, имъ же и кончимъ. Жаль, что редакторъ не обозначилъ подъ каждымъ пись-

[1]) Опубликовано въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung за 1900 г., № 44.

момъ мѣсто его нахожденія: если бы онъ это сдѣлалъ, то русскій читатель могъ бы гордиться тѣмъ, что письмо Канта № 520 принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Э. Радловъ.

Книжныя новости.

Н. Ѳ. Арепьевъ. Путеводитель по окрестностямъ Петербурга. Въ шести выпускахъ, 58 страницъ картъ съ текстомъ. Всѣ карты Путеводителя исправлены по послѣднимъ съемкамъ. 1) Выпускъ I. Путь по Балтійской желѣзной дорогѣ. Петербургъ—Гатчина. Лигово, Красное Село, Дудергофъ, Гатчина, Ропша, Кипень и ихъ окрестности. С.-Пб. 1901. Стр. 16. Цѣна 50 коп. 2) Выпускъ II. Путь по Балтійской желѣзной дорогѣ. Петербургъ—Ораніенбаумъ. Лигово, Сергіево, Стрѣльна, Петергофъ, Ораніенбаумъ и ихъ окрестности. С.-Пб. 1901. Стр. 19. Цѣна 50 коп. 3) Выпускъ III. Путь по Варшавской и Царскосельской желѣзнымъ дорогамъ. Александровка, Пулково, Царское Село, Павловскъ, Царская Славянка и ихъ окрестности. С.-Пб. 1901. Стр. 11. Цѣна 50 коп. 4) Выпускъ IV. Путь по Николаевской желѣзной дорогѣ и Невѣ. Колпино, Тосно, Усть-Ижора, Вознесенское, Пороги, Ивановское, Островки, Шлиссельбургъ и ихъ окрестности. С.-Пб. 1901. Стр. 17. Цѣна 50 коп. 5) Выпускъ V. Путь по Финляндской желѣзной дорогѣ. Удѣльная, Коломяги, Озерки, Шувалово, Парголово, Левашово, Токсово и ихъ окрестности. С.-Пб. 1901. Стр. 13. Цѣна 50 коп. 6) Выпускъ VI. Путь по Приморской желѣзной дорогѣ. Лахта, Лисій Носъ, Сестрорѣцкъ, Курортъ, Кронштадтъ и ихъ окрестности. С.-Пб. 1901. Стр. 13. Цѣна 50 коп.

Каждый выпускъ состоитъ изъ текста и картъ. Съ самаго начала въ каждомъ выпускѣ помѣщается карта общая, обнимающая пространство приблизительно на 40 верстъ отъ Петербурга, въ масштабѣ 10 верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Кромѣ того, къ каждому выпуску прилагаются карты отдѣльныхъ, болѣе мелкихъ районовъ въ масштабѣ 1 версты въ дюймѣ. Такимъ образомъ въ первый выпускъ вошли спеціальныя карты окрестностей Лигова, Краснаго Села, Ропши, Гатчины; во второй выпускъ—3 карты, именно: Лигова, Стрѣльны и Ораніенбаума; въ третій выпускъ—3 карты: Пулкова, Царскаго Села и Павловска; въ четвертый—4 карты: Колпина, Тосны, верхняго теченія рѣки Невы и Шлиссельбурга; въ пятый—3 карты: Удѣльной, Парголова и Токсова; въ шестой—4 карты: Лахты, пути по Приморской желѣзной дорогѣ до Сестрорѣцка, Сестрорѣцка и Кронштадта. Бо́льшая часть спеціальныхъ картъ помѣщаются на одной страницѣ, а нѣкоторыя на двухъ. Всѣ карты раскрашены въ нѣсколько тоновъ и, вообще, ихъ надо назвать многоговорящими, такъ какъ на нихъ находится много картографическихъ знаковъ; такъ, напримѣръ, обозначается лѣсъ мокрый, сухой, просѣка; точно также луговыя мѣста, мокрыя, чистыя, съ кустарникомъ, кочковатыя, болота торфяныя, проходимыя и непроходимыя; также обозначаются особыми знаками города и въ нихъ—дома, церкви, часовни,

почтовыя станціи, телеграфъ, верстовые столбы, мосты, маяки, вѣтряныя мельницы, фабрики, заводы, кладбища и т. д. Карты въ общемъ выполнены хорошо, бо́льшею частью наглядно и читаются легко. Упрекъ имъ можно сдѣлать только въ неравномѣрности или въ несоотвѣтствіи наносимыхъ названій и ихъ важности; такъ, напримѣръ, на картѣ Петергофа не отмѣчена дача принца Ольденбургскаго, а вмѣсто нея внесенъ павильонъ или купальня, принадлежащая принцу Ольденбургскому; или на картѣ Парголова поименовываются дачи генеральши Лебедевой, купца Бушина, лицъ, повидимому, ничѣмъ неизвѣстныхъ. Общая карта не можетъ быть названа четкою по причинѣ мелкаго, часто неразборчиваго шрифта въ названіяхъ. На этой же картѣ встрѣчаются разные недосмотры; такъ, напримѣръ, рѣка Сестра не доведена до конца, не нанесенъ Морской каналъ, Галерная гавань обозначена, но названія нѣтъ; село Мартышкино названо Картышкино. Въ текстѣ каждой книжки содержится описаніе только наиболѣе достопримѣчательныхъ мѣстностей; выборъ такихъ мѣстностей за незначительнымъ исключеніемъ сдѣланъ правильно. Характеръ описаній выбранной мѣстности, общій съ путеводителями, въ нихъ входятъ: указанія на удобные пути сообщенія, историческія справки о мѣстности, достопримѣчательности, какъ-то: дворцы, церкви, парки, фабрики, заводы и другія промышленныя учрежденія, иногда съ статистическими данными. Мѣстами сообщаются нѣкоторые геологическіе факты и не опущены наиболѣе замѣчательныя почвенныя обнаженія въ трехъ мѣстностяхъ.

Со стороны точности сообщаемыхъ свѣдѣній не всѣ книжки нужно признать равнозначащими.

На выпуски 1-й, 4-й, 5-й и 6-й экскурсантъ можетъ положиться, такъ какъ свѣдѣнія, сообщаемыя ими въ текстѣ, вообще вѣрны; 2-й же и 3-й выпуски, въ которыхъ описываются наиболѣе замѣчательныя изъ окрестностей Петербурга, требуютъ значительныхъ исправленій.

Для примѣра укажемъ на слѣдующее: во 2-мъ выпускѣ:

На стр. 10 говорится, что Сергіевская Троицкая пустынь „дала Россіи нѣсколько выдающихся іерарховъ и витій, напримѣръ, московскій митрополитъ Платонъ и другіе". Это мѣсто можетъ быть отнесено только къ описанію Свято-Троицкой Сергіевой лавры. На стр. 11 говорится, что въ Преображенской церкви въ Стрѣльнѣ находятся отнятые у шведовъ серебряныя литавры и колоколъ; но литавры взяты изъ церкви, а колоколъ возвращенъ при Императорѣ Александрѣ III шведамъ. На той же страницѣ говорится, что въ Стрѣльнѣ есть пароходная пристань; но таковой уже давно нѣтъ. На стр. 14 говорится, что Монплезиръ въ Петергофѣ напоминаетъ Саардамскій домикъ. Но, судя по распространеннымъ рисункамъ Саардамскаго дома, никакого сходства нѣтъ. Ниже же говорится, что Петръ Великій приказалъ архитектору Леблону построить Нагорный дворецъ въ Петергофѣ въ 1711 году. Но изъ документальныхъ описаній Петергофа извѣстно, что Леблонъ былъ вызванъ въ 1715 г., и тогда же началась постройка Нагорнаго дворца. На стр. 18 поименовывается Бобыльская деревня у Петергофа, а Собственная дача Его Величества не названа, хотя на планѣ она и есть.

Въ 3-мъ выпускѣ: стр. 7. Ростральная колонна Орлову Чесменскому въ

Царскомъ Селѣ на водѣ, а не на островѣ. Стр. 10. „Противъ Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ—гора Парнассъ, театръ, оранжерея и Китайская деревня". Все это далеко отъ дворца. Тамъ же утверждается, что въ царскосельскомъ арсеналѣ хранятся до сихъ поръ всѣ достопримѣчательности, тогда какъ уже лѣтъ 10 онъ переведенъ въ Петербургъ. Арсеналъ же названъ Монбижу. Но въ самой достовѣрной „Исторіи Села Царскаго" Яковкина названіе Монбижу или Монбежъ относится къ охотничьему дому Императрицы Елисаветы, на мѣстѣ котораго позднѣе было воздвигнуто зданіе арсенала. Всюду вмѣсто Баблово пишется Боблово. Стр. 11. При перечнѣ достопримѣчательностей Павловска опущенъ Никсъ и т. д.

Въ этихъ же книжкахъ мѣстами текстъ изложенъ очень спѣшно. Такъ, напримѣръ, на стр. 18, во второй книжкѣ, выходитъ, что Петръ III предъ воцареніемъ Екатерины II былъ великимъ княземъ, а не императоромъ. На стр. 6 въ 3-мъ выпускѣ нѣкоторыя достопримѣчательности Царскаго Села по тексту можно приписать Императрицѣ Елисаветѣ вмѣсто Екатерины II.

Ѳ. Е. Пактовскій, преподаватель Казанскаго реальнаго училища. Къ вопросу объ учебникахъ по русскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній. Казань. 1901. 8°, 36 стр.—Брошюра казанскаго преподавателя представляетъ собой подробный и обстоятельный разборъ недавно вышедшей книжки проф. Будде „Учебникъ грамматики русскаго языка, Казань, 1900". Весьма не лишены значенія тѣ общія соображенія, которыя предпосылаетъ своему разбору авторъ,—о желаемомъ характерѣ постановки въ средней школѣ преподаванія русскаго языка и чтенія учениками произведеній русскихъ классиковъ.

Планъ г. Пскова. Составилъ на основаніи лѣтописи, актовъ и старинныхъ чертежей и плановъ 1581, 1694, 1740, 1778, 1821, 1859 и 1896 гг. дѣйствительный членъ Псковскаго Археологическаго Общества *Ѳ. А. Ушаковъ* (съ приложеніемъ „Описанія" къ плану: Псковъ. 1901, стр. 15).

Этотъ планъ представляетъ собою интереснѣйшій опытъ пріуроченія древнѣйшихъ топографическихъ данныхъ къ точной картѣ города Пскова. Въ основу работы положенъ планъ Пскова 1740 года; на него нанесены псковскія укрѣпленія, зданія и урочища, указываемыя лѣтописями и актами для различныхъ періодовъ существованія Пскова. Работа требовала не только техническаго умѣнія, но и историческаго знанія и способности къ самостоятельнымъ разысканіямъ въ области псковской археологіи. Выполнено дѣло прекрасно. Можно оспаривать нѣкоторыя мнѣнія автора (о томъ, напримѣръ, что такое „Перши" и что считать „старымъ Застѣньемъ"); но нельзя не признать, что авторъ далъ полезнѣйшее пособіе для исторіи Пскова. За него ему будутъ одинаково признательны и учащіеся, и ученые, и любители мѣстной старины. Слѣдуетъ желать возможно большаго распространенія этому труду.

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIV, № 4. Апрѣль 1901. (XXXIII—XXXV+351—468 стр.). Съ 1 табл. gr. 8°. Цѣна 1 руб.=2 Mk. 50 Pf.

2) Томъ XIV, № 5. Май 1901. (XXXVII—LXV+469—537 стр.; заглавіе и оглавленіе къ XIV-му тому). Съ 2 таблицами, gr. 8°.Цѣна по 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

3) Э. А. *Вольтеръ*. Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи, матеріалъ для историко-этнографической географіи края. (1+7+317 стр.), gr. 8°. Цѣна 3 р.=7 Mk. 50 Pf.

4) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). T. XI, № 6. *C. Méreschkowsky*. Etudes sur l'endochrome des diatomées. I Partie. Avec 7 planches. (1+10 стр.), 4°. Цѣна 1 р. 60 к.=4 Mk.

5) Томъ XI, № 7. *Н. Ѳ. Кащенко*. Скелетъ мамонта со слѣдами употребленія нѣкоторыхъ частей тѣла этого животнаго въ пищу современныхъ ему человѣкомъ. Съ 8 таблицами (1+60 стр.). 4°. Цѣна 1 р. 60 к.=4 Mk.

6) Томъ XI, № 8. *Е. А. Гейнцъ*. Указатель статей по метеорологіи и земному магнетизму, напечатанныхъ въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ и Николаевской главной физической обсерваторіи съ 1894—1900 г. включительно (1+III+39 стр.). 4°. Цѣна 1 р. 20 коп.=3 Mk.

7) Томъ XI, № 9. *J. Sykora*. Observations sur l'aurore boréale effectuées pendant l'hivernage 1899—1900 et l'expédition russe à Konstantinovka, Spitzberg. I. Sur la photographie spectre de l'aurore boréale. Avec 1 planche. (1+7 стр.). 4°. Цѣна 60 к.=1 Mk. 50 Pf.

8) Томъ XI, № 10. *А. Ковалевскій*. Процессъ оплодотворенія Haementeria costata. *Müller*. Съ 1 таблицей (1+19 стр.). 4°. Цѣна 85 к.=2 Mk.

9) Ежегодникъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ (Annuaire du Musée Zoologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg). 1901. T. VI, № 1. Съ картою, 3 клише и 8 таблицъ (164 стр). 8°. Цѣна 1 р. 60 к.=4 Mk.

10) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1900. Т. VI, книжка 1-я. Съ одной таблицей. (358 стр.). 8°. Цѣна 1 руб. 50 коп.

11) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ LXVII. Съ двумя таблицами. 8°. Цѣна 3 р.

12) Томъ LXVIII. Съ двумя таблицами. 8°. Цѣна 3 р.

13) Празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея Николаевской главной физической обсерваторіи 1-го апрѣля 1899 г. (IV+142 стр.) gr. 8°.

14) Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій (Versuch eines Wörterbuches der

Türk-Dialecte). *В. В. Радловъ.* Выпускъ 14-й. III томъ, выпускъ 2-й (321—640 столбцовъ), gr. 8°. Цѣна 1 руб. =2 Mk. 50 Pf.

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр. у Дворцоваго моста) продажа академическихъ изданій производится за наличныя деньги, съ уступкою 25%. *Наложеннымъ платежомъ книги не высылаются.* Иногородніе покупатели уступкою не пользуются, но пересылку книгъ Академія беретъ на свой счетъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ 1901 г.

— *Харузинъ, Николай.* Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное подъ редакціей *В.* и *А. Харузиныхъ.* Выпускъ I. 1) Часть общая. 2) Матеріальная культура. С.-Пб. 1901. 243 стр. Цѣна 1-го вып. въ отдѣльной продажѣ 2 р.

— *Петрушевскій, Дмитрій.* Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. Часть вторая. Москва 1901. VIII+367 стр.

— *Вольтеръ, Э. А.* Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи, какъ матеріалъ для историко-этнографической географіи края. С.-Пб. 1901. 315 стр. Цѣна 3 р.

— *Ковалевскій, А.* Процессъ оплодотворенія у Haementeria Costata Müller. (съ одной таблицей). С.-Пб. 1901. 19 стр. Цѣна 80 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI. № 10).

— *Кащенко, Н. Ѳ.* Скелетъ мамонта со слѣдами употребленія нѣкоторыхъ частей тѣла этого животнаго въ пищу современнымъ ему человѣкомъ. С.-Пб. 1901. 60 стр. Цѣна 1 р. 60 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI. № 7).

— *Гейнцъ, Е. А.* Указатель статей по метеорологіи и земному магнетизму, напечатанныхъ въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ и Николаевской главной физической обсерваторіи съ 1894 по 1900 г. включительно. С.-Пб. 1901. 39 стр. Цѣна 1 р. 20 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI. № 8).

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIV. № 4. 1901. Апрѣль. С.-Пб. 1901. XXXIII—XXXV+350—468 стр.

— *Sykora, J.* Observations sur l'aurore boréale effectuées pendant l'hivernage 1899—1900 de l'expédition russe a Konstantinovka, Spitzberg. I. Sur la photographie du spectre de l'aurore boréale. Avec 1 planche. С.-Пб. 1901. 7 стр. Цѣна 60 коп.

— *Mereschkowsky, C.* Etudes sur l'endochrome des diatomées. I partie. Avec 7 planches. С.-Пб. 1901. 40 стр. Цѣна 1 р. 60 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI. № 6).

— *Finot, L.* Rastrapâlaparipṛcchâ. С.-Пб. 1901. XVI+69 стр. Цѣна 80 к. (Bibliotheca Buddhica. II).

— *Богородицкій, В. А.* Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Казань 1901. 313 стр. Цѣна 2 р.

— *Его же.* Діалектологическія замѣтки. III. Говоръ крестьянъ села „Сушки", Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. 11 стр.

— Отчетъ С.-Петербургскаго Общества грамотности за 1896—1900 гг. С.-Пб. 1901. 46 стр.

— Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціею *В. К. Трутовскаго.* Томъ девятнадцатый. Вып. I съ 13 цинкографическими таблицами и 1 рис. въ текстѣ. 60 + 36 + 44 стр. Вып. II съ 12 цинкографическими таблицами и 10 рис. въ текстѣ. 105+37—75+17—37 стр. Москва 1901.

— Отчетъ о состояніи училища при реформатскихъ церквахъ за 1900—1901 г. С.-Пб. 1901. 58 стр.

— Отчетъ о состояніи и дѣятельности Пермской городской общественной библіотеки за 1900 г. Пермь 1901. 38 стр.

— *Мельгуновъ, С.* Арабы и Магометъ. Изданіе *Н. М. К.* Москва 1901. 96 стр. Цѣна 10 к.

— *Его же.* Карлъ Великій. Изданіе *Н. М. К.* Москва 1901. 71 стр. Цѣна 10 к.

— *Ивановъ, Н.* О русской словесности, какъ учебномъ предметѣ въ гимназіяхъ. Варшава 1901. 30 стр. (Оттискъ изъ журнала „Русскій Филологическій Вѣстникъ").

— Отчетъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1900 г. Кіевъ 1901. 228 + 83 + 51 + 88+20 + 20 + 100 + 100 + 8 стр.

— *Goffe, E.* Object lessons in english for beginners. С.-Пб. 1901. 153 стр.

— *Карѣевъ, Н.* Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. VIII+346 стр. Цѣна 1 р. 30 коп.

— *Его же.* Идеалы общаго образованія. С.-Пб. 1901. VIII + 158 стр. Цѣна 50 коп.

— *Корелинъ, М. С.* Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ-Ефронъ". С.-Пб. 1901. 158 стр. Цѣна 75 коп. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціей *Н. И. Карѣева* и *И. В. Лучицкаго*).

— *Гротъ, Я. К.* Труды. IV. Изъ русской исторіи. Изслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890). Изданы подъ редакціей проф. *К. Я. Грота.* С.-Пб. 1901. VI+768 стр. Цѣна 3 руб.

— Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Издаваемыя подъ редакціей секретаря общества. Томъ XXXVII. 1901. Выпускъ III. С.-Пб. 1901. Отъ 164 до 232 стр.

— Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ шестьдесятъ седьмой. С.-Пб. 1901. LXVI+162+48+XXV+63+49+121+341+8 стр. Цѣна 3 р. Томъ шестьдесятъ восьмой С.-Пб. 1901. 66+II+151+52+174+346+48+35 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

— *Зеленинъ, Д.* Международный языкъ науки и культурныхъ сношеній. Москва 1901. 17 стр. Цѣна 25 коп.

— Научно-литературный сборникъ. Періодическое изданіе „Галицко-русской матицы“ подъ редакціей *Б. А. Дѣдицкаго.* 1901. Тома перваго книга первая. Львовъ 1901. 104+72+XXIII стр.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Дополненія къ курсу алгебры, требуемыя программами конкурсныхъ экзаменовъ. Составилъ *П. Шмулевичъ* (З. К.), инженеръ Путей Сообщенія. Складъ изданія у автора: С.-Петербургъ. Ямская ул., д. № 46, кв. № 30. С.-Петербургъ, 1901. Страницъ VIII+246. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Книга эта, предназначенная служить учебнымъ пособіемъ лицамъ, держащимъ конкурсныя испытанія для поступленія въ высшіе спеціальные инженерные и техническіе институты, заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи по алгебрѣ: 1) Нѣкоторыя предложенія о дѣлимости многочленовъ. 2) О нахожденіи квадратныхъ корней съ точностью до единицы изъ даннаго числа. 3) Вычисленіе квадратныхъ корней съ данною степенью точности. 4) О корняхъ степени r положительнаго числа A. 5) Основанія ученія о предѣлахъ. 6) Понятіе о корнѣ r-ой степени числа A, если это число не имѣетъ соизмѣримаго корня. 7) Несоизмѣримыя числа. 8) Дѣйствія надъ несоизмѣримыми числами. 9) Уничтоженіе радикаловъ въ знаменателяхъ дробей. 10) Свойства выраженія a^x. 11) Понятіе о выраженіи a^x при x несоизмѣримомъ. 12) Логариѳмы. 13) О безконечно убывающихъ геометрическихъ прогрессіяхъ. 14) Теорія соединеній. 15) Возрастаніе коэфиціентовъ бинома Ньютона до середины разложенія. 16) Непрерывныя дроби. 17) Теоремы о равносильности уравненій. 18) Изслѣдованіе корней квадратнаго уравненія, если коэфиціенты его стремятся къ нулю. 19) Мнимыя и комплексныя числа. 20) Биквадратныя уравненія. 21) Возвратныя уравненія. 22) Двучленныя уравненія. 23 и 24) Квадратныя уравненія съ двумя неизвѣстными. 25) Неопредѣ-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

ленныя уравненія. 26) О наиболѣе употребительныхъ искусственныхъ пріемахъ рѣшенія уравненій степени выше второй.

Составитель книги въ своемъ предисловіи дѣлаетъ замѣчаніе, что въ программахъ конкурсныхъ испытаній нигдѣ и ничего не упоминается о предѣлахъ, между тѣмъ какъ помѣщенные въ программѣ вопросы, указанные выше подъ номерами 6, 7, 8, 11, необходимо требуютъ предварительнаго ознакомленія съ основаніями ученія о предѣлахъ. Въ виду этого составитель и ввелъ въ свою книгу эту главу. Въ этой главѣ на стр. 29-й, послѣ совершенно правильнаго опредѣленія понятій и безконечно-малыхъ и безконечно-большихъ величинъ, онъ говоритъ слѣдующее:

„Также ничего общаго не имѣетъ понятіе о безконечно-большой величинѣ съ абсолютной безконечностью, взятой въ обыденномъ смыслѣ".

„Абсолютная безконечность исключаетъ всякое представленіе о величинѣ, исключаетъ всякую идею ограниченія и потому никакимъ образомъ не можетъ быть предметомъ математическаго изслѣдованія".

„Такъ, напримѣръ, если въ дроби $\frac{1}{2-x}$ перемѣнное число x принимаетъ безчисленный рядъ значеній, все болѣе и болѣе приближающихся къ 2, но никогда не достигающихъ 2, то величина дроби все время увеличивается и дробь эта становится безконечно-большою; если же x дѣлается равнымъ 2, то величина дроби $\frac{1}{2-x}$ не имѣетъ никакого смысла и математическому изслѣдованію подлежать не можетъ".

Все это разсужденіе, по нашему мнѣнію, представляется излишнимъ и ничего не разъясняющимъ, въ особенности для учащагося.

Точно также нельзя признать удачною слѣдующую фразу на стр. 162: „Выраженія этого вида (т.-е. мнимыя величины) совершенно не заключаютъ въ себѣ идеи объ измѣреніи и сравненіи величинъ; оно не представляетъ никакой величины, это есть только фикція, *позволяющая обобщать алгебраическія дѣйствія*".

Терминъ *комплексъ*, вводимый составителемъ на стр. 164 и слѣд. вмѣсто словъ: *комплексное число*, имѣетъ въ математикѣ иное значеніе, независимое отъ понятія о комплексномъ числѣ, а потому введеніе этого термина въ разсматриваемую теперь книгу представляется неумѣстнымъ.

1) О преподаваніи новыхъ языковъ въ коммерческихъ и реальныхъ училищахъ *П. И. Нея*, преподавателя нѣмецкаго языка въ училищахъ: Кіевскомъ коммерческомъ, Кіевскомъ реальномъ св. Екатерины и въ Торговыхъ классахъ имени *Н. А. Терещенко*. Кіевъ. 1901. Стр. 61. Цѣна не обозначена.

2) Märchen und Erzählungen moderner deutscher Schriftsteller. Russische Schulausgabe für mittlere Klassen von *P. Ney*. Preis gebunden 75 Kop. Kiew. 1900. Стр. 268.

1) Выше поименованная брошюра г. Нея состоитъ изъ двухъ частей: первая заключаетъ въ себѣ краткую исторію развитія, какъ заграницею, въ особенности въ Германіи, такъ и у насъ, въ Россіи, такъ называемаго новаго, натуральнаго или естественнаго метода въ примѣненіи къ преподаванію новыхъ иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ;—вторая часть представляетъ собою краткій рефератъ того же автора о IX съѣздѣ неофилологовъ, происходившемъ съ 4-го по 7-ое іюня 1900 года въ городѣ Лейпцигѣ.

Обѣ части представляютъ немалый интересъ, въ особенности въ настоящее время, не только для всѣхъ преподавателей новыхъ иностранныхъ языковъ, но, безъ сомнѣнія, и для всѣхъ педагоговъ, со вниманіемъ относящихся къ новой школьной реформѣ.

Въ первой части брошюры, кромѣ уже указанной выше краткой исторіи натуральнаго метода, сдѣлавшагося, какъ извѣстно, нынѣ обязательнымъ при преподаваніи новыхъ языковъ въ низшихъ классахъ нашей средней школы, мы находимъ и много довольно дѣльныхъ методическихъ указаній и хорошихъ совѣтовъ, которые могли бы безспорно принести нѣкоторую пользу многимъ изъ нашихъ преподавателей новыхъ языковъ, еще мало знакомыхъ съ этимъ методомъ.

Во второй части вкратцѣ излагаются взгляды и мнѣнія о названномъ методѣ самыхъ извѣстныхъ въ настоящее время его представителей, какъ, напримѣръ, Гамбургскаго профессора гимназіи Вендта, директора Кассельской гимназіи Квиля, профессоровъ Гартмана изъ Лейпцига и Клинггардта изъ Рендсбурга, и въ особенности директора Вальтера изъ Франкфурта на Майнѣ, завѣдующаго такъ называемой „Образцовой школой“ (Musterschule) въ названномъ городѣ.

Хотя слѣдуетъ сказать, что многія изъ высказанныхъ названными педагогами мнѣній нельзя признать уже вполнѣ доказанными и безспорными, но тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что ознакомленіе съ ними нашихъ русскихъ неофилологовъ было бы весьма полезно для лучшаго

пониманія новаго метода и вообще для болѣе цѣлесообразной постановки преподаванія новыхъ языковъ въ нашей школѣ.

2) Что касается второй изъ вышепоименованныхъ книжекъ: „Märchen und Erzählungen moderner deutscher Schriftsteller“, то я не могу не согласиться съ мнѣніемъ г. Нея, что при преподаваніи новыхъ иностранныхъ языковъ по натуральному методу, какъ впрочемъ уже и раньше, когда этому методу еще не было дано мѣста въ нашей средней школѣ, въ особенности въ среднихъ и высшихъ ея классахъ, преподаватели этихъ предметовъ, дѣйствительно, сильно нуждались и теперь еще нуждаются, при своемъ преподаваніи, въ образцовыхъ сочиненіяхъ, написанныхъ на хорошемъ *современномъ* языкѣ.

Рекомендованные нѣмецкіе, а въ особенности французскіе классики со своимъ возвышеннымъ и чисто архаическимъ слогомъ, какъ правильно замѣчаетъ г. Ней, мало даютъ подходящаго матеріала для усвоенія того языка, который въ настоящее время употребляется образованными людьми въ Германіи и Франціи.

Въ виду сказаннаго нельзя не привѣтствовать книжку г. Нея, какъ одну изъ первыхъ попытокъ устранить вышеуказанный недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ при преподаваніи нѣмецкаго языка, относящихся къ *образцовой современной* литературѣ и хорошо приспособленныхъ къ употребленію въ школѣ.

Книжка г. Нея заключаетъ въ себѣ 16 прозаическихъ статей и 24 небольшихъ стихотворенія. Выборъ этихъ статей можно считать вполнѣ удачнымъ; большинство ихъ принадлежитъ перу хорошо извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, какъ, напримѣръ, O. Wildermuth, T. Storm. H. Seidel, E. von Wildenbruch, K. Baumann, R. von Volkmann; между ними находится и статья графа H. Moltke, подъ заглавіемъ „Peterhof“, заслуживающая особеннаго вниманія. Къ числу авторовъ вышеуказанныхъ 24 стихотвореній принадлежатъ между прочимъ и Göthe, Schiller, Uhland, Fr. Rückert, Chamisso, Eichendorf, J. Kerner, Lenau и другіе.

Всѣ эти статьи и стихотворенія интересны и доступны пониманію учениковъ средней школы. Только одну изъ нихъ, а именно третью, подъ заглавіемъ: „Durch Sturm und Schnee“, въ виду трудности языка, которымъ она написана, отчасти и ради слишкомъ грустнаго ея содержанія, мы совѣтовали бы автору въ слѣдующихъ изданіяхъ исключить. Словарь составленъ вполнѣ удовлетворительно; внѣшняя сторона книжки безукоризненна.

Dr. А. Маттіасъ. Практическая педагогика для среднихъ учебныхъ заведеній. Переводъ съ нѣмецкаго *Дм. Королькова*, инспектора Московской 4-й гимназіи. Приложенія къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, издаваемыя подъ редакціей Вл. Исаенкова. Москва. 1899. Стр. 344. 8°. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга г. Маттіаса составляетъ часть извѣстнаго сочиненія Handbuch der Erziehungs-und Unterrichtslehre für höhere Schulen, издаваемаго А. Баумейстеромъ. Dr. А. Маттіасъ весьма опытный педагогъ, и совѣтами его поэтому отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать. Хотя книга имѣетъ въ виду нѣмецкихъ читателей и написана на основаніи опыта, почерпнутаго изъ нѣмецкихъ школъ, однако многіе замѣчанія и совѣты г. Маттіаса носятъ характеръ общій и пригодны для всякаго педагога. Переводчикъ въ предисловіи (стр. 1 — 23) изложилъ содержаніе книги г. Маттіаса и далъ оцѣнку ея. „Предлагаемая практическая педагогика“, говоритъ переводчикъ, „является результатомъ не только значительнаго личнаго опыта, но и глубокаго изученія педагогической литературы до новѣйшихъ педагогическихъ теченій включительно. Авторъ отличается широтою и объективностію взглядовъ и свободенъ отъ увлеченій какою-либо одной системою или теоріей; съ другой стороны, онъ не затрудняется высказывать своихъ убѣжденій тамъ, гдѣ они идутъ въ разрѣзъ съ распространенными воззрѣніями и укоренившейся педагогической практикой. Изложеніе книги отличается популярностію и носитъ общедоступный характеръ... Мы думаемъ поэтому, что при бѣдности нашей педагогической литературы, переводъ предлагаемой практической педагогики можетъ принести извѣстную пользу русской средней школѣ“. Съ этимъ мнѣніемъ согласится всякій, кто внимательно прочтетъ книгу.

Что касается русскаго перевода, то онъ вполнѣ удовлетворителенъ, хотя въ немъ встрѣчаются нѣкоторыя неловкости, напримѣръ на стр. 284 говорится о „фальшивой надменности“, какъ будто бы бываетъ надменность не фальшивая. На стр. 52 читаемъ: „Вотъ что я хотѣлъ бы сказать въ общихъ чертахъ о достоинствахъ и недостаткахъ учителей съ точки зрѣнія развитія сердца“. Такъ какъ автору никто не мѣшалъ высказать свою мысль и онъ дѣйствительно ее высказалъ, то слово „бы“ здѣсь излишне. На той же страницѣ Schlichte Religiosität переведено—скромная религіозность. Слово „скромный“ здѣсь поставлено неудачно. На стр. 56 слова Amtlicher Character des Lehrers переведено „должностной характеръ учителя“. Слово „Character“ употребляется у нѣмцевъ въ значеніи гораздо болѣе

широкомъ, чѣмъ то допускается русскимъ языкомъ, напримѣръ, въ прописномъ листкѣ каждаго отеля имѣется рубрика „Character“ и пріѣзжему предлагается въ этой рубрикѣ указать званіе или должность. Въ данномъ случаѣ слѣдовало сказать „учитель какъ должностное лицо“. На стр. 74-й говорится о „спекулятивномъ естествознаніи“, когда отлично можно было сказать „умозрительное естествознаніе“. Такихъ мелкихъ неловкостей мы замѣтили довольно много, но это не мѣшаетъ признать въ общемъ переводъ удовлетворительнымъ.

В. Соколовъ. Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе книжнаго магазина *В. Думнова*, подъ фирмою: „Наслѣдники бр. Салаевыхъ“. Часть I (для низшихъ классовъ). Изданіе восьмое. М. 1901. XIV + 464 in 8°. Цѣна 1 руб. — Часть II (для среднихъ классовъ). Изданіе пятое. М. 1901. VIII + 585. Цѣна 1 р. 50 коп.

Главнымъ отличіемъ хрестоматіи г. В. Соколова отъ подобныхъ же изданій Поливанова, Козьмина и др. служитъ удачное освѣженіе обычнаго матеріала хрестоматій,—который повторенъ весь, сообразно программамъ министерства,—отрывками изъ лучшихъ произведеній новѣйшей литературы. Таковы, напримѣръ, отрывки изъ сочиненій Достоевскаго (46, 92), Т. Пассекъ (16, 30, 42, 69, 72, 95, 123, 138, 292), дневникъ А. В. Никитенка (108, 114, 127, 133), Е. Маркова (65), Кайгородова (62, 107, 116 etc.), В. Сиповскаго (87, 99, 445), Буслаева (45, 77 etc.), М. П. Соловьева (430—433), зоолога Богданова (66, 274, 281, 337) въ прозаическомъ отдѣлѣ, и стихотворенія: К. Р., Плещеева, Пальмина (185), Данилевскаго и др. Какъ-то странно при этомъ подборѣ извѣстныхъ именъ звучатъ фамиліи историка А. Шуфъ (48, 70, 75, 78—четыре отрывка), извѣстнаго лишь спеціалистамъ, С. Меча (249) или М. Мостовскаго (461). Почему отсутствуютъ имена Авенаріуса, А. В. Круглова, А. Е. Разина, Чистякова, Толычевой и другихъ новѣйшихъ дѣтскихъ писателей, разъ составитель рѣшилъ освѣжить обычный матеріалъ элементарной хрестоматіи? Наконецъ, если авторъ допускаетъ кое-что и изъ иностранной литературы, то невольно подумаешь о пропускѣ имени Андерсена, да пожалуй и Круммахера, котораго притчи недавно еще появились въ хорошемъ русскомъ переводѣ. Но гораздо важнѣе по нашему другой недостатокъ хрестоматіи: въ ней отсутствуютъ образцы русской народной рѣчи; если для элементарнаго чтенія трудны былины, то подходящій матеріалъ можно было выбрать изъ побывальщинъ, сказокъ, пѣсенъ и т. д.

Хрестоматія г. В. Соколова, II часть, въ четвертомъ изданіи удостоилась одобренія комитета и все, что сказано о первой части, можно примѣнить и ко II-й. Главная заслуга составителя въ томъ, что, повторяя весь, такъ сказать, програмный матеріалъ хрестоматіи, онъ освѣжаетъ его добавочными статьями изъ произведеній новѣйшей литературы.

Во вторую часть внесены отрывки изъ сочиненій П. И. Мельникова, В. Кривенка, Ф. Арсеньева, К. Случевскаго, Гаршина, К. Р., Фета, Плещеева и др.

Какъ образцы научной прозы даны выборки изъ сочиненій С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Т. Н. Грановскаго, Д. А. Милютина, К. П. Побѣдоносцева (125), Я. К. Грота (113, 403) и т. д.

Но намъ совершенно непонятно, почему сюда помѣщены устарѣлыя и далеко не блестящія имена, напримѣръ, пр. Бабста (46, 127, 372), П. Мельгунова (28, 67, 73), И. Снегирева (3, 123), покойнаго М. И. Пыляева (93) и даже Д. И. Иловайскаго (135) и Порфирьева (136). А какіе чудные отрывки для этой же цѣли можно было взять у Ешевскаго, Бестужева-Рюмина, Шевырева, В. Боткина, Кони и др. Отсутствуютъ и имена Лѣскова, Кавелина, Кохановской, Якушкина, этнографа, не уступающаго Фл. Арсеньеву. Въ стихотворномъ отдѣлѣ намъ кажется излишнимъ слишкомъ большой наборъ басенъ и включеніе въ ихъ число довольно таки слабыхъ произведеній Акима Нахимова и пропускъ произведеній Л. Мея, Н. Огарева, И. Аксакова, А. Жемчужникова, Е. Баратынскаго, Щербины и И. С. Тургенева. Въ общемъ, II часть хрестоматіи нѣсколько уступаетъ первой.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНІЕ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

(Изъ отчета академика И. И. Янжулъ).

Еще въ 1899 году г. министръ народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о студенческихъ волненіяхъ того года высказалъ опредѣленныя мысли о необходимости развитія практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ. Въ томъ же году тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ принялъ для выполненія этой идеи соотвѣтствующія мѣры: въ особомъ циркулярѣ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ онъ сдѣлалъ по этому поводу распоряженіе и исходатайствовалъ необходимыя для усиленія практическихъ занятій средства. Въ нынѣшнемъ, наконецъ, 1901 году министерство разослало циркулярнымъ путемъ по всѣмъ университетамъ вопросные пункты съ цѣлью ознакомиться съ результатами выше означеннаго распоряженія и содѣйствовать наилучшей постановкѣ практическихъ занятій въ университетахъ, особенно на юридическихъ факультетахъ.

Первоначально наша печать относилась довольно безучастно къ этому вопросу университетской жизни, какъ казалось, второстепеннаго значенія; но съ нынѣшняго лѣта начинаются усиленные толки pro и contra: рядомъ съ сторонниками развитія практическихъ занятій въ университетскомъ преподаваніи и спеціально юридическомъ появилось немалое число и противниковъ. Значительное предубѣжденіе противъ принимаемыхъ мѣръ и большое незнакомство съ поло-

женіемъ вопроса о практическихъ занятіяхъ въ иностранныхъ государствахъ, служащихъ намъ образцомъ въ дѣлѣ образованія, а равно и незнакомство, въ сущности, съ истинными намѣреніями министерства въ данномъ случаѣ, являются, нѣтъ сомнѣнія, главными причинами многихъ странныхъ сужденій въ нашей печати по этому вопросу.

Даже изъ среды профессорскихъ кружковъ, которые должны бы быть наиболѣе освѣдомлены по данному вопросу, высказывается иногда удивительное, ни на чемъ неоснованное опасеніе о предполагаемой замѣнѣ, будто бы, лекцій или лекціонной системы преподаванія, нынѣ вездѣ принятой, всецѣло системой практическихъ занятій. Сберегая мѣсто и время, ограничимся лишь немногими примѣрами.

Въ то время какъ рѣчь можетъ быть единственно о прибавкѣ на юридическомъ факультетѣ нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю практическихъ упражненій, что уже давно сдѣлано болѣе или менѣе на остальныхъ факультетахъ, проф. Романовичъ-Славатинскій, напримѣръ, въ своей статьѣ („Россія" отъ 29-го іюня 1901 г.) съ тенденціознымъ названіемъ „Лекціи или практическія занятія?" борется усердно съ плодомъ собственной фантазіи, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ лекціи предназначены къ отмѣнѣ или уничтоженію!!? Далѣе, практическія занятія онъ отожествляетъ, почему-то, съ практическимъ духомъ американцевъ и американскихъ университетовъ, въ которыхъ, будто бы, лекціонная система низведена на послѣдній планъ, уступая мѣсто практическимъ занятіямъ. Практическій духъ-де нашего времени перенесъ американскія воззрѣнія на задачи университета въ старую Европу, и такимъ образомъ, будто бы, началась агитація противъ лекціонной системы и въ пользу всяческихъ видовъ семинарій и практическихъ занятій. Этому вліянію поддался, будто бы, покойный министръ народнаго просвѣщенія, желая ослабить лекціонную систему и дать перевѣсъ практическимъ занятіямъ!! [1]). Къ этому

[1]) Какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ американскими университетами, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ съ утвержденіями кіевскаго профессора, и американскіе университеты не только не выдумали, напримѣръ, семинарій и практическихъ занятій, но заимствовали ихъ большей частью изъ Германіи, оттуда и вышелъ, можно сказать, весь цвѣтъ наилучшихъ профессоровъ американскихъ университетовъ. Подобно намъ большинство университетскихъ преподавателей Америки — бывшіе питомцы германскихъ университетовъ. См. напримѣръ, на русскомъ языкѣ недавно вышедшую книгу: Иностранные университеты. Вып. III, изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ подъ ред. Богдановича, а также С.-Пб. Вѣд. № 226, 19-го августа 1901 года.

кіевскій профессоръ прибавляетъ еще болѣе неосновательное предположеніе, что другою цѣлью министерства при этой мѣрѣ было: „избѣгнуть накопленія студентовъ въ аудиторіяхъ излюбленныхъ профессоровъ" (!!?). Въ результатѣ г. Романовичъ-Славатинскій выражаетъ упованіе, что „традиціонная лекціонная система одолѣетъ и спасетъ русскій университетъ отъ извращенія его въ политехникумъ" (!!).

Еще страннѣе статья г. Левитскаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 209 отъ 31-го іюля 1901 года): „Къ вопросу о лекціонной системѣ и практическихъ занятіяхъ въ нашихъ университетахъ". Содержаніе ея представляетъ собой удивительную смѣсь совершенно вѣрныхъ замѣчаній съ неосновательными предположеніями и ложными утвержденіями, при *полномъ*, въ то же время, *незнакомствѣ* съ положеніемъ даннаго вопроса, какъ у насъ, такъ и заграницей. Такъ, г. Левитскій предполагаетъ, что, будто бы, лекціонная система признана у насъ устарѣлой, почему и желаютъ-де ее замѣнить практическими занятіями; на защиту первой онъ рѣшительно выступаетъ въ своей статьѣ. Желаніе министерства распространить и упрочить практическія занятія въ университетахъ онъ стремится объяснить пониженіемъ научнаго и моральнаго уровня настоящаго профессорскаго персонала, многихъ представителей котораго онъ обзываетъ „ремесленниками": къ нимъ молодежь перестала-де ходить на лекціи, и вотъ эти-то профессора — „замѣстители" (по его выраженію) съ пустующими аудиторіями и стремятся, будто бы, въ своихъ интересахъ замѣнить лекціи практическими занятіями, превращая университеты въ „фабрики для приготовленія анилиновыхъ красокъ, лака и древеснаго спирта или въ канцеляріи окружныхъ судовъ и другія присутственныя мѣста" (!!?). Г. Левитскій при этомъ совершенно серьезно, повидимому, думаетъ, что заграницей никакихъ сомнѣній по этому вопросу не возникаетъ, и что лекціонная система одна царитъ въ тамошнихъ университетахъ! Ссылаясь на заграницу, онъ борется съ несуществующимъ противникомъ и въ результатѣ, конечно, торжествуетъ, утверждая, что такъ какъ заграницей никто не думаетъ мѣнять лекціонную систему на практическія занятія (что совершенно вѣрно), то и намъ-де, очевидно, не настало время вводить практическія занятія въ добавленіе къ лекціямъ (?!).

Несомнѣнно, что всѣ подобные толки, мнѣнія и заключенія, какъ они часто ни поспѣшны, тѣмъ не менѣе производятъ впечатлѣніе, принимаются нашей публикой на вѣру, а потому вызываютъ необхо-

димость разобраться въ сообщаемыхъ фактахъ и прежде всего убѣдиться, насколько имѣютъ основанія всѣ подобныя утвержденія и ссылки на отрицательный будто бы опытъ въ отношеніи практическихъ занятій въ другихъ государствахъ Европы, болѣе насъ ушедшихъ впередъ въ дѣлѣ просвѣщенія и спеціально университетскаго образованія!??

Практическія занятія, какъ средство пополненія и наилучшаго усвоенія университетскихъ чтеній, а также изученія практической, дѣловой стороны юриспруденціи и, наконецъ, какъ педагогическій пріемъ, пріучающій студентовъ къ мышленію и научной работѣ, отнюдь, разумѣется, не являются чѣмъ-либо новымъ одинаково и у насъ и заграницей. Какъ многія другія идеи, мысль о важности и необходимости дополненія чтеній различными самостоятельными, *активными занятіями* слушателей возродилась въ наше время послѣ того, какъ встрѣчалась и гораздо раньше, еще во второй половинѣ XVIII вѣка. Тогда, однако, были причины, мѣшавшія ея достаточно широкому и прочному развитію. Вслѣдствіе недостатка и дороговизны въ прежніе времена научныхъ книгъ и руководствъ (столь обильныхъ нынѣ въ западной литературѣ) учащейся молодежи XVIII и начала XIX вѣка не откуда было усвоить знанія иначе, какъ путемъ слушанія и записыванія лекцій со словъ профессоровъ, а потому живое слово профессора было вполнѣ незамѣнимо не по формѣ только, но и по содержанію.

Нашъ знаменитый юристъ, казанскій профессоръ Мейеръ написалъ почти 50 лѣтъ тому назадъ по вопросу о практическихъ занятіяхъ цѣлую книжку, до сихъ поръ сохранившую полную цѣну и важность: „О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія" (Казань 1855). Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ авторъ не только разработываетъ доводы въ пользу необходимости для юристовъ практическихъ занятій въ самомъ широкомъ смыслѣ, но и сообщаетъ рядъ попытокъ въ этомъ направленіи у насъ и заграницей. Такъ, по его словамъ, еще въ 1799 г. явилось сочиненіе извѣстнаго юриста Геннера („Grundsätze der juristischen Praxis"), представляющее юридическую практику составною частью всей науки права и пытающееся ее систематизировать. Тогда же, по словамъ Мейера, сочиненіе г. Геннера послужило ему руководствомъ для разсчитаннаго на годъ преподаванія юридической практики, съ которой онъ соединилъ упражненія своихъ слушателей. Въ XIX вѣкѣ эта учебная юридическая практика сохранила въ Германіи свое зна-

ченіе, какъ говоритъ Мейеръ, хотя въ университетахъ и не получала должнаго развитія. Мейеръ приводитъ указанія нѣмецкихъ сочиненій по этому вопросу и рядъ попытокъ для устройства практическихъ занятій для студентовъ, въ томъ числѣ профессора Геппъ по уголовному праву въ Тюбингенскомъ университетѣ.

У насъ въ Россіи, по даннымъ, сообщаемымъ Мейеромъ, попытки по введенію практическихъ занятій въ университетское юридическое преподаваніе производятся почти единовременно съ Германіей. Такъ, въ Московскомъ университетѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка встрѣчается рядъ опытовъ въ этомъ родѣ: напримѣръ, Ланггансъ въ 1788 году имѣлъ классъ практической юриспруденціи, для которой издалъ спеціальный юридическій словарь; другой преподаватель—Захарій Горюшкинъ, знакомилъ въ Москвѣ своихъ слушателей, какъ съ правомъ, такъ и съ судопроизводствомъ, заставляя ихъ рѣшать юридическіе случаи; преемникъ Горюшкина, проф. Сандуновъ продолжалъ его дѣятельность въ данномъ отношеніи, нѣсколько измѣнивши самый характеръ практическихъ занятій. Уставъ университета Св. Владиміра, по словамъ Мейера, не ограничился даже учебными практическими занятіями, а создалъ для студентовъ непосредственное участіе въ производствѣ дѣлъ. Точно также въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, при учрежденіи его въ 1835 году, введена была обязательно юридическая практика, возлагавшаяся на особаго преподавателя. Какъ въ Московскомъ, такъ и въ Казанскомъ университетѣ въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка вновь встрѣчаются попытки отдѣльныхъ лицъ изъ преподавателей юридическаго факультета къ устройству практическихъ занятій, къ ознакомленію слушателей съ судебной практикой. Мало того, для этой цѣли, какъ приводитъ Мейеръ, повидимому, даже спеціально подготовлялись извѣстныя лица, на которыхъ и возлагалось веденіе практическихъ занятій на юридическомъ факультетѣ, и юридическая практика во времена самого Мейера преподавалась въ Казанскомъ университетѣ на 4-мъ курсѣ юридическаго разряда, какъ назывался факультетъ, въ теченіе цѣлыхъ семи часовъ въ недѣлю [1]).

Во вторую половину XIX вѣка въ вопросѣ о практическихъ занятіяхъ повсюду наступило затишье. Отдѣльные профессора, правда, устраивали семинаріи, побуждая своихъ слушателей самостоятельно заниматься и участвовать въ нихъ, производили собесѣдованія по

[1]) См. Д. Мейера „О значеніи практики", стр. 44 и далѣе.

разнымъ научнымъ вопросамъ, знакомили съ памятниками и источниками права, занимаясь такъ называемой эгзегетикой, и наконецъ спеціалисты уголовнаго и гражданскаго права разбирали съ слушателями или въ ихъ присутствіи судебныя дѣла, рѣшали различные казусы и пріучали студентовъ къ обращенію и пользованію юридическими кодексами и разными практическими пособіями...

Но все это было скорѣе случайнымъ и исключительнымъ явленіемъ; и только съ восьмидесятыхъ годовъ во многихъ странахъ Европы замѣчается рѣзкій поворотъ въ смыслѣ какъ бы возрожденія и усиленія значенія практическихъ занятій, при чемъ, однако, для Россіи въ это время новымъ тормазомъ для развитія практическихъ занятій явился университетскій уставъ 1884 года съ его системой гонорара.

Первый толчокъ къ возрожденію практическихъ занятій у юристовъ дало въ Германіи, напримѣръ, общее недовольство слабой подготовкой юристовъ къ практической жизни и дѣятельности. Въ Германіи, такъ же часто какъ и у насъ, указываютъ на слишкомъ абстрактный характеръ всего университетскаго образованія. Молодые люди, оканчивающіе курсъ на юридическомъ факультетѣ, оказываются совершенно безпомощными на первыхъ же шагахъ своей судебной или административной дѣятельности не только по недостатку соотвѣтственныхъ знаній, но и по полному неумѣнію самостоятельно мыслить или работать или примѣнять пріобрѣтенныя свѣдѣнія къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ.

Проявленію въ восьмидесятыхъ годахъ этого недовольства наличнымъ юридическимъ образованіемъ содѣйствовалъ въ Европѣ примѣръ другихъ университетскихъ факультетовъ, которые гораздо раньше позаботились о практическихъ пріемахъ преподаванія, и открывая лабораторіи, устраивая кабинеты, семинаріи и собесѣдованія, путемъ опыта пришли къ убѣжденію, что это единственно правильный путь къ тому, чтобы, нисколько не уменьшая высокаго значенія лекціонной системы преподаванія, выработать изъ слушателей искусныхъ врачей, свѣдущихъ натуралистовъ и математиковъ, знающихъ филологовъ и историковъ и вообще опытныхъ и самостоятельныхъ работниковъ въ области всѣхъ научныхъ дисциплинъ. Еще въ XVIII вѣкѣ лабораторіи и многіе кабинеты (напримѣръ, физическіе), существующіе нынѣ повсюду, при всякомъ самомъ бѣдномъ университетѣ, отсутствовали даже въ университетахъ первостепенныхъ. Припомнимъ изъ русскихъ условій разсказъ знаменитаго Пирогова о томъ, что въ его время въ Московскомъ университетѣ профессоръ

анатоміи еще долженъ былъ прибѣгать къ вырѣзыванію фигуръ изъ рѣпы и брюквы, вмѣсто изученія науки на трупѣ!! Въ настоящее время такое положеніе вещей представляется намъ страннымъ и немыслимымъ, но современемъ такимъ же страннымъ будетъ казаться и отсутствіе кабинетовъ юридическихъ, экономическихъ и статистическихъ, напримѣръ, которые до сихъ поръ не имѣютъ мѣста во многихъ европейскихъ университетахъ.

Такимъ образомъ, естественнымъ путемъ дошла очередь до сознанія необходимости болѣе практическаго характера преподаванія, по образцу другихъ предметовъ, и юридическихъ наукъ въ университетахъ.

Этому способствовала самая сложность настоящей государственной жизни, разнообразіе ея функцій и дифференціація занятій ея служащихъ. Не надо забывать, что если юридическое образованіе съ одной стороны имѣетъ своей задачей выработать и подготовить просто образованныхъ людей, освѣдомленныхъ спеціально по данной области человѣческихъ знаній, то съ другой стороны оно преслѣдуетъ чисто профессіональныя цѣли, удовлетворяя потребности государства въ чиновникахъ, юристахъ и администраторахъ, которые при общемъ развитіи и образованіи должны обладать спеціальной подготовкой въ разныхъ видахъ права и умѣть свои знанія примѣнять къ практикѣ.

Необходимость въ спеціальной подготовкѣ дѣятелей для государственной службы создала повсюду въ Европѣ такъ называемые государственные экзамены, приноровленные къ разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Но во многихъ случаяхъ опытъ показалъ, что эти экзамены, равно какъ и университетскіе, одни, сами по себѣ, далеко не гарантировали государству необходимыхъ для его органовъ знаній и способностей; между прочимъ отдѣльнымъ лицамъ было затруднительно пріобрѣсти многія свѣдѣнія, необходимыя на государственной или общественной службѣ при существующемъ въ университетахъ распредѣленіи наукъ по факультетамъ или отдѣленіямъ. По этой причинѣ государство вынуждено было прибѣгнуть къ нѣкоторымъ реформамъ въ университетахъ, дабы согласовать наилучшимъ образомъ свои задачи управленія съ организаціей университетскаго преподаванія. И вотъ, съ одной стороны самое распредѣленіе наукъ на факультеты подвергается существеннымъ въ этомъ смыслѣ измѣненіямъ, напримѣръ, устраивались прежде факультеты камеральные, представлявшіе смѣсь юридическаго съ естественнымъ,

а нынѣ устраиваются такъ называемые Staatswissenschaftliche или Staatswirthschaftliche Facultäten (напримѣръ, въ Мюнхенѣ, Тюбингенѣ и др.), гдѣ, наряду съ юридическими знаніями, читается сельское хозяйство, ботаника, геодезія и прочія науки, очень нужныя многимъ чиновникамъ, но отнюдь не необходимыя для образованнаго человѣка или юриста вообще.

Съ другой стороны, кромѣ этой перемѣны въ самомъ распредѣленіи университетскаго преподаванія въ Европѣ, мы видимъ въ концѣ послѣдней четверти XIX вѣка, какъ уже говорили, и сильное поднятіе значенія практическихъ занятій въ университетахъ рядомъ и даже какъ необходимое обязательное дополненіе къ лекціонной системѣ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ, въ Пруссіи, какъ условіе допущенія аспирантовъ на судебныя и административныя должности путемъ испытанія государственной комиссіей *требуется* въ томъ или иномъ размѣрѣ, кромѣ слушанія въ университетѣ извѣстныхъ наукъ, *и участіе въ практическихъ занятіяхъ*. Такимъ образомъ государство вынудило университеты, которые сами объ этомъ раньше не заботились, къ устройству и правильному веденію разныхъ видовъ практическихъ занятій — семинарій, конверсаторій, репетиторій и, наконецъ, письменныхъ работъ. Помимо всѣхъ вышеописанныхъ мотивовъ, подобныя занятія явились и какъ новый контрольный аппаратъ за обученіемъ студента и подготовкой его къ избранной имъ профессіи. Въ Россіи для кандидатовъ на судебныя должности также устраиваются въ нѣкоторыхъ городахъ при судѣ особыя чтенія и практическія упражненія безъ строго опредѣленной, однако, организаціи [1]). Наконецъ въ другихъ странахъ, напримѣръ, Франціи, помимо подобныхъ случайныхъ учрежденій, устраиваются спеціальныя даже практическія школы, которыя представляютъ собою какъ бы непосредственное дополненіе къ юридическимъ факультетамъ, занимая студентовъ исключительно практикой и подготовляя ихъ къ адвокатскому стажу, магистратурѣ, судебной дѣятельности и пр.

Вмѣстѣ или точнѣе единовременно съ указанными нововведеніями слѣдовало и измѣненіе въ общественномъ мнѣніи по отношенію къ самому характеру преподаванія юридическихъ наукъ. Долго, нѣтъ сомнѣнія, въ Германіи значительнымъ препятствіемъ къ распростране-

[1]) Въ Петербургѣ, напримѣръ, существуетъ своего рода юридическій семинарій для помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

нію практическихъ занятій являлась существующая система гонорара. Какъ извѣстно, въ германскихъ университетахъ безплатными являются изъ лекцій только такъ называемыя publice; остальныя же читались privatim и вознаграждались гонораромъ со стороны слушателей. Практическія занятія на юридическихъ факультетахъ такъ называемыя по нѣмецки Praktische Uebungen, practica, выдвинутыя государствомъ какъ необходимыя и обязательныя, въ большинствѣ университетовъ (Пруссія, Баденъ, Баварія и пр.), по обычаю, обратно съ другими факультетами, нерѣдко безплатны, а потому профессора и не были заинтересованы въ ихъ распространеніи. Въ настоящее время, когда началась уже реформа замѣны гонорара государственнымъ вознагражденіемъ, отпадаетъ такимъ образомъ и эта послѣдняя причина, задерживающая дальнѣйшее развтіе въ германскихъ университетахъ практическихъ занятій. Остается, можетъ быть, лишь для нѣкоторыхъ лицъ университетскаго персонала одна задержка чисто психологическаго свойства: при непосредственныхъ и частыхъ сношеніяхъ со студентами—неопытный или малосвѣдущій преподаватель боится сконфузиться или сробѣть подъ градомъ разнообразныхъ и часто нелегкихъ вопросовъ пытливой молодежи... Несомнѣнно, это послѣднее обстоятельство также задерживаетъ повсюду развитіе практическихъ занятій.

Новый германскій гражданскій кодексъ 1896 г., вступившій въ силу съ 1-го января 1900 г. и вновь какъ бы объединившій Германію, косвенно такъ же способствовалъ упроченію и развитію въ нѣмецкихъ университетахъ практическихъ занятій у юристовъ. Какъ извѣстно, на Эйзенахскомъ съѣздѣ 23-го марта 1896 г. нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ, на коемъ присутствовало 65 ординарныхъ профессоровъ-юристовъ со всей Германіи, было постановлено между прочимъ (третья резолюція) въ будущемъ преподаваніи права „центръ тяжести преподаванія сосредоточить на экзегезѣ или толкованіи источниковъ“, т.-е., другими словами, симъ упрочиваются и выдвигаются на первое мѣсто практическія занятія по юридическимъ дисциплинамъ, что, разумѣется, не могло, какъ мы и увидимъ дальше, не отразиться немедленно и на самомъ дѣйствующемъ законодательствѣ о государственныхъ экзаменахъ и на общихъ воззрѣніяхъ всего германскаго общества по данному предмету [1]).

Изъ современныхъ критиковъ въ Германіи стараго исключительно

---

[1]) См. *Emil Friedberg*, Die künftige Gestaltung des deutschen Rechtsstudiums nach den Beschlüssen der Eisenacher Konferenz. Leipzig. 1896.

лекціоннаго метода преподаванія и горячихъ защитниковъ расширенія также практическихъ занятій выступаетъ въ настоящее время извѣстный юристъ, профессоръ Грейфсвальдскаго университета Ernst Bernheim. Въ своихъ брошюрахъ и рѣчахъ онъ горячо ратуетъ за необходимость коренного измѣненія постановки преподаванія въ германскихъ университетахъ въ смыслѣ преданія ему болѣе практическаго характера, усиленія различнаго рода обязательныхъ практическихъ занятій. Онъ горько жалуется почти на тѣ же недостатки нѣмецкаго студенчества, которые часто ставятся въ упрекъ нашему: слабое посѣщеніе лекцій и плохое занятіе наукой. Значительная часть времени нѣмецкаго студента уходитъ вовсе не на дѣло, а на забавы и попойки въ кнейпахъ корпорацій и разныхъ кружковъ или организацій...

Очень много времени пройдетъ послѣ начала семестра, прежде чѣмъ профессоръ найдетъ свою аудиторію наполненной, какъ бы онъ ни былъ извѣстенъ и какой бы популярностью ни пользовался, а къ концу семестра число слушателей опять сокращается до минимума.

Въ большихъ университетахъ, говоритъ Бернгеймъ, гдѣ число слушателей насчитывается многими сотнями, слабое посѣщеніе студентами лекцій мало замѣтно, но зато оно рѣзко сказывается въ небольшихъ по размѣрамъ университетахъ, какихъ много въ Германіи, и гдѣ часто встрѣчаются, однако, между профессорами ученыя звѣзды первой величины. „Если бы ангелъ сошелъ съ неба", говорилъ однажды такой извѣстный ученый Бернгейму, „то и онъ не измѣнилъ бы у насъ дѣла къ лучшему!" По этому поводу онъ приводитъ другой поразительный примѣръ: ученый столь обширной европейской извѣстности, какъ знаменитый Іерингъ, очень часто читалъ, будто бы, свои лекціи въ Геттингенѣ почти передъ пустыми скамейками потому только, что при всемъ остроуміи и удобопонятности его превосходныхъ чтеній онъ излагалъ ихъ слишкомъ быстро, такъ что слушатели не поспѣвали ихъ записывать; нѣмецкій же студентъ, заплативши за privatim, считаетъ себя въ правѣ записывать лекціи и вынуждаетъ многихъ профессоровъ, какъ извѣстно, прямо диктовать ихъ...

Очень долго въ университетахъ, говоритъ Бернгеймъ, господствовалъ пассивный характеръ преподаванія, но запросы времени должны измѣнить и условія университетскаго обученія: если уже въ среднихъ и низшихъ школахъ все болѣе цѣнится мыслительная дѣятельность, самостоятельная наблюдательность учениковъ, то тѣмъ болѣе развитіе этихъ качествъ требуется отъ человѣка почти взрослаго, посвящающаго себя высшему образованію. Единственнымъ для того спо-

собомъ, которымъ университетъ можетъ прямо воздѣйствовать на своихъ питомцевъ, является, по мнѣнію Бернгейма, именно развитіе практическихъ занятій, хотя бы отчасти на счетъ несоотвѣтственно большого числа всевозможныхъ чтеній на юридическомъ факультетѣ. Бернгеймъ предлагаетъ нѣсколько сократить послѣднія и расширить первыя, какъ въ формѣ семинарій, такъ и собесѣдованій и другихъ пріемовъ, сообразуясь съ степенью развитія слушателей и количествомъ времени нахожденія ихъ въ университетѣ.

Практическія занятія, по мнѣнію Бернгейма, не только пріучаютъ студента къ научному мышленію, но обогащаютъ его и въ чисто фактическомъ отношеніи, ибо даютъ поводъ многое перечитать и услышать, чего иначе онъ въ теченіе своего курса не узналъ бы, или на что не обратилъ бы вниманія. „Вообще научить наблюдать, мыслить и умственно работать является основнымъ принципомъ образованія, и въ стѣнахъ университета это получаетъ надлежащее и единственное до сихъ поръ осуществленіе именно въ формѣ семинарій и разнаго вида практическихъ занятій“ [1]).

Большинство студентовъ, по его мнѣнію, въ началѣ не въ состояніи даже опредѣлить, что въ прочитанномъ ими юридическомъ источникѣ, напримѣръ, является важнымъ для ихъ темы или задачи; многіе не въ состояніи даже изложить содержаніе прочитанной ими страницы вкратцѣ такъ, чтобы главная идея выступала на первый планъ; лишь немногіе студенты могутъ изъ ясно даже поставленныхъ посылокъ съ точностью сдѣлать надлежащій выводъ, еще рѣже настолько развиты, чтобы изъ даннаго содержанія самимъ составить надлежащій силлогизмъ и большею частью крайне неумѣло, ощупью приближаются къ существенному пункту разсужденія. Поэтому для новичковъ Бернгеймъ считаетъ невозможнымъ устройство практическихъ занятій прямо въ формѣ семинарій: для нихъ необходимы, какъ онъ называетъ „просеминаріи“, т.-е. разнаго рода практическія занятія главнымъ образомъ въ видѣ упражненія въ правильномъ процессѣ мышленія и дидактическихъ пріемахъ (собесѣдованіе, толкованіе источниковъ, экзегетика, пересказъ прочитанныхъ книгъ и маленькіе рефераты по отдѣльнымъ нетруднымъ вопросамъ). То, чему обыкновенно студентъ учится, слушая съ каѳедры, должно здѣсь въ подобныхъ работахъ, пріобрѣтаться

[1]) См. Der Universitätsunterricht und die Erfordernisse der Gegenwart von *Ernst Bernheim* (Professor an der Universität in Greifswald), Berlin 1898. Стр. 34 и др.

обрѣтаться и усвоиваться путемъ взаимнаго обмѣна мыслей между профессоромъ (или его помощникомъ) и слушателемъ. Подобныя упражненія должны имѣть чисто пропедевтическій характеръ: толкуются источники, писатели, авторы, приводятся комментаріи на важнѣйшіе пункты источниковъ, разбираются нѣкоторые спорные вопросы, сначала простые, потомъ болѣе сложные, анализируются цѣлые отдѣлы науки и перестраиваются на основаніи источниковъ. Такъ пріучаются студенты постепенно къ самостоятельному мышленію и работѣ и, „кто же можетъ отрицать", спрашиваетъ Бернгеймъ, „что одинъ часъ такого труда практическихъ занятій гораздо плодотворнѣе для студента, нежели многіе часы пассивнаго слушанія даже хорошо и ясно изложенныхъ лекцій?"

Въ заключеніи Бернгеймъ предлагаетъ, какъ упоминалось о томъ раньше, сократить количество такъ называемыхъ „приватныхъ" чтеній въ сложности отъ 3 до 6 часовъ въ недѣлю, замѣняя ихъ болѣе краткими чтеніями, въ которыхъ профессоръ намѣчаетъ главные пункты для оріентировки въ данномъ вопросѣ (Orientierungsvorlesungen), немногіе же выигранные часы идутъ на практическія занятія разныхъ видовъ, постепенно приноравливаясь къ степени развитія и знаній студента, кончая настоящими серьезными семинаріями, демонстраціями и экскурсіями соотвѣтствующаго рода для юристовъ и писаньемъ маленькихъ диссертацій или короткихъ изслѣдованій. Занятія эти Бернгеймъ предполагаетъ *безусловно обязательными и необходимыми* не только для государственнаго экзамена, какъ это отчасти уже сдѣлано нынѣ, но и для докторскаго экзамена, для котораго пока еще практическія занятія въ Германіи не требуются.

Въ другомъ своемъ позднѣйшемъ трудѣ—ректорской рѣчи, произнесенной 15-го мая 1899 года на актѣ Грейфсвальдскаго университета („Опасное положеніе нашихъ нѣмецкихъ университетовъ"), Бернгеймъ опять возвращается къ той же мысли о практическихъ занятіяхъ и настоятельно пропагандируетъ ее. „Университетъ имѣетъ въ Германіи двѣ цѣли: во-первыхъ, выпускать научно подготовленныхъ людей, во-вторыхъ, давать отечеству необходимыхъ слугъ и профессіональныхъ дѣятелей въ видѣ врачей, учителей, юристовъ и т. д..."— Удачное разрѣшеніе этихъ двухъ цѣлей, безъ ущерба каждой изъ нихъ, и составляетъ, по мнѣнію ректора Бернгейма, *главную педагогическую проблему современнаго университета*. „Основательное и удачное разрѣшеніе этой двойной задачи нѣмецкіе университеты могутъ преподнести какъ даръ юному двадцатому столѣтію, и этотъ даръ заклю-

чается въ созданіи и распространеніи практическихъ занятій и семинарій"... „Принципъ стараго университета состоялъ въ сообщеніи питомцамъ готоваго научнаго матеріала въ формѣ лекцій, но нынѣ выдвигается и получаетъ гораздо большее значеніе новый принципъ преподаванія, который заключается въ семинаріяхъ и общемъ стремленіи во всѣхъ высшихъ школахъ, а отчасти и иныхъ, выучить ученика самостоятельно работать" [1]).

Мнѣнія Бернгейма находятъ въ Германіи не мало союзниковъ, что сказывается какъ въ литературѣ, такъ и въ дѣйствіяхъ законодательства.

Еще раньше Бернгейма выступилъ съ пропагандой практическихъ занятій въ Германіи D-r Hans Schmidkunz. Въ статьѣ своей „Практика въ университетскомъ образованіи", помѣщенной въ извѣстномъ нѣмецкомъ журналѣ „Akademische Revue" 1894 года [2]), онъ разбираетъ причины поднятія вопроса о практическихъ занятіяхъ за послѣднее время и прежде всего находитъ ихъ въ недовольствѣ и упрекахъ публики на исключительно теоретическій характеръ въ университетскомъ преподаваніи... Но жизнь постепенно измѣняетъ этотъ характеръ, удовлетворяя требованіямъ общественнаго мнѣнія. Опытныя науки въ широкой степени получаютъ разныя практическія учрежденія, хотя относительно недавно еще, въ серединѣ XVIII вѣка встрѣчались университеты безъ химическихъ лабораторій и физическихъ кабинетовъ. Всего болѣе отстали нынѣ въ этомъ отношеніи юридическіе факультеты: въ то время, какъ профессора медицинскаго факультета большей частью практики, профессора-юристы—чистые теоретики, а потому и преподаваніе у нихъ исключительно абстрактное, безъ всякаго отношенія къ практикѣ. Тогда какъ прежде, говоритъ Шмидкунцъ, очень рѣдко въ Германіи судьи и адвокаты были профессорами, теперь это явленіе встрѣчается все чаще и чаще, и запросъ времени вызываетъ какъ въ университетахъ, такъ и въ юридическихъ обществахъ разнаго рода чтенія и занятія практическаго характера. Напримѣръ, въ Берлинѣ проф. Adolf Stölzel въ зимній семестръ 1893—1894 г. читалъ курсъ: Schulung für civilistische Praxis, unter Benutzung gerichtlicher Actenstücke; точно также въ Бер-

---

[1]) Festreden d. Universität Greifswald № 8. „Die gefärhdete Stellung unserer deutschen Universitäten". Rede zum Antritt des Rectorats d. Univ. in Greifswald am 15 Mai 1899 von *Ernst Bernheim*.

[2]) „Die Praxis im Universitätsunterricht" von D-r *Hans Schmidkunz*. „Akad. Revue". 1894. Heft I.

линскомъ Gesellschaft für vergleichende Rechts- und Staatswissenschaft былъ спеціальный докладъ весною 1893 года: Die Ausbildung der Juristen in den verschiedenen Culturstaaten и т. д. [1]).

Еще раньше, впрочемъ, обоихъ упомянутыхъ ученыхъ выступилъ въ пользу практическихъ занятій проф. Haupt, также какъ и Бернгеймъ, Грейфсвальдскаго университета. Главная мысль его книжки „Plus ultra" по этому предмету сводится къ тому, что центръ тяжести научнаго образованія въ университетѣ лежитъ вовсе не въ сообщеніи лишь знаній, но въ воспитаніи умѣнья правильно и широко пользоваться научными методами работы; а для этого, по мнѣнію Гаупта, единственнымъ средствомъ является преобразованіе университетскаго и спеціально юридическаго преподаванія въ смыслѣ большого развитія *практическихъ занятій: на нихъ и долженъ быть постепенно перенесенъ*, по его мнѣнію, *центръ тяжести университетскаго преподаванія* [2]).

Посмотримъ теперь, что же дѣлается государственной властью въ этомъ смыслѣ именно въ Германіи, у которой мы такъ много заимствуемъ по университетскому образованію! На первомъ планѣ среди германскихъ государствъ стоитъ, конечно, Пруссія, въ которой правительственная власть раньше всего и обратила вниманіе на неудовлетворительный, слишкомъ отвлеченный и пассивный характеръ юридическаго образованія въ университетахъ.

Еще 2-го іюня 1890 года послѣдовало распоряженіе прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, требующее для такъ называемаго Referendarexamen, кромѣ слушанія общихъ курсовъ всѣхъ юридическихъ наукъ, также обязательнаго посѣщенія практическихъ занятій и исполненія письменныхъ работъ въ университетѣ: послѣднія, потомъ, и представляются на государственномъ экзаменѣ [3]). Такимъ образомъ практическія занятія на юридическомъ факультетѣ сдѣлались необходимостью въ университетахъ Пруссіи.

Далѣе, 18-го января 1897 года послѣдовало новое дополнитель-

---

[1]) То, что семь лѣтъ тому назадъ казалось Шмидкунцу исключительнымъ явленіемъ, заслуживающимъ вниманія, сдѣлалось теперь всеобщимъ явленіемъ и, какъ мы увидимъ ниже, чтеніе лекцій практическаго характера для юристовъ и практическія упражненія разнаго рода являются нынѣ какъ въ Берлинскомъ, такъ и въ другихъ германскихъ университетахъ общимъ, каждогоднимъ правиломъ, а не исключеніемъ, удивлявшимъ Шмидкунца.

[2]) Plus ultra. Zur Universitätsfrage, von *Erich Haupt*, Prof. in Greifswald. Halle, 1887.

[3]) См. Vorbereitung u. Berufswahl der Juristen. Ein Handbuch für Rechtskandidaten etc. in Preussen von *D-r jur. Hein*. Berlin, 1895.

ное распоряженіе того же министерства (конечно, опять по соглашенію съ министерствомъ юстиціи), коимъ болѣе точно указываются, между прочимъ, предметы и условія практическихъ занятій, въ томъ числѣ практическія занятія по гражданскому праву въ первой половинѣ пребыванія студента въ университетѣ, а по гражданскому процессу во второй—являются во всякомъ случаѣ обязательными, помимо выбора самого студента.

Доминирующая роль Пруссіи въ Германской имперіи не могла не сказаться, конечно, и въ этомъ вопросѣ, и другія нѣмецкія государства поспѣшили въ томъ или иномъ видѣ узаконить въ своихъ университетахъ и упрочить положеніе практическихъ занятій для юридическихъ факультетовъ. Тѣмъ не менѣе германскія государства до сихъ поръ еще представляютъ изъ себя довольно пеструю картину въ смыслѣ организаціи практическихъ занятій, хотя замѣтно стремленіе выработать постепенно единство и въ этомъ отношеніи. Комиссія рейхстага отъ 17-го мая 1898 года посвящаетъ свои труды этому вопросу, и со вступленіемъ въ силу общаго гражданскаго кодекса въ Германіи кладется, утверждаютъ юристы, и основаніе введенію въ скоромъ времени общихъ для всѣхъ частей союза государственныхъ испытаній и обязательныхъ, какъ подготовка къ нимъ, практическихъ занятій въ университетахъ. Такъ по закону 14-го апрѣля 1898 г. въ Имперскихъ областяхъ, т.-е. въ Эльзасъ-Лотарингіи, всякій кандидатъ на государственную службу допускается къ первому экзамену только въ томъ случаѣ, если въ дни своего студенчества участвовалъ, по меньшей мѣрѣ, одинъ семестръ въ экзегетическихъ упражненіяхъ на источникахъ римскаго права, на двухъ занятіяхъ по нѣмецкому гражданскому праву и одному—по гражданскому процессу. Изъ этихъ 4 практическихъ занятій, по крайней мѣрѣ, одно должно приходиться на первую половину времени пребыванія въ университетѣ. Кромѣ экзегетики римскаго права кандидатъ долженъ представить свидѣтельство, подписанное лицомъ, руководившимъ занятіями, о своемъ дѣятельномъ и успѣшномъ въ нихъ участіи, а также свои письменныя работы (рефераты), между прочими также и по уголовному праву [1]). По закону, дѣйствующему, напримѣръ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ (законъ 1893 года съ нѣкоторыми послѣдующими передѣлками), студенты-юристы въ университетахъ,

[1]) См. Vorschriften über die juristischen Prüfungen und die Vorbereitung zum höheren Justizdienste in *Elsass-Lothringen*. Strassburg i. E. 1900, стр. 5.

желающіе быть допущенными къ государственному испытанію, помимо всѣхъ указанныхъ въ текстѣ закона предметовъ слушанія юридическаго факультета (включая сюда также политическую экономію и финансы изъ философскаго), *обязаны въ теченіе по меньшей мѣрѣ двухъ семестровъ, по выслушаніи соотвѣтствующихъ наукъ, участвовать въ практическихъ упражненіяхъ или юридическихъ семинаріяхъ въ университетѣ*, и между этими предметами обязательно должно быть гражданское право. Первоначально распоряженіе Баденскаго министерства народнаго просвѣщенія сдѣлало обязательнымъ посѣщеніе практическихъ занятій лишь на одномъ семестрѣ, а затѣмъ распространило его на два. Выборъ прочихъ предметовъ для практическихъ занятій, кромѣ гражданскаго права и процесса, предоставленъ на волю слушателей [1]). Точно также по закону 6-го іюля 1899 г., дѣйствующему въ Баваріи, кандидаты на государственную службу, помимо слушанія теоретическихъ курсовъ въ университетѣ и самостоятельной работы на дому, *обязаны* посѣщать тамъ практическія занятія, исполнять письменныя работы и представить къ экзамену свидѣтельства отъ руководителей университетскихъ практическихъ занятій о своемъ прилежаніи и дѣятельномъ участіи въ этихъ занятіяхъ. Между прочимъ обязательны изъ практическихъ занятій, кромѣ гражданскаго права и процесса, экзегетическія упражненія по римскому праву, знакомство и умѣнье понимать и толковать, по крайней мѣрѣ, болѣе легкіе образцы текста источниковъ римскаго и, если возможно, стараго нѣмецкаго права [2]).

Перейдемъ, однако, къ главному матеріалу для нашего изложенія, который лучше всего даетъ отвѣтъ, въ какихъ размѣрахъ ведутся въ Германіи практическія занятія на юридическомъ факультетѣ [3]). Первое мѣсто, конечно, занимаетъ Берлинскій университетъ, какъ по числу преподавателей (428), такъ и студентовъ (12.139). Богато обставленный всѣми научными пособіями, онъ и на юридическомъ факультетѣ имѣетъ весьма развитую и выработанную систему практи-

---

[1]) См. Die Vorschriften über die Ausbildung der Juristen in *Baden* auf Grund der Landesherrlichen Verordnung von 17 November 1899 etc. erläutert von *Dr Hermann Bleicher*. Karlsruhe, 1900.

[2]) См. Die Prüfungsvorschriften für Juristen in *Bayern*. München. 2 Auflage, hrsg. von einem praktischen Juristen. 1899.

[3]) Матеріалъ этотъ состоитъ въ общемъ для всѣхъ германскихъ университетовъ календарѣ или справочной книгѣ и для отдѣльныхъ университетовъ, кромѣ того, въ соотвѣтствующихъ подлинныхъ расписаніяхъ лекцій.

ческихъ занятій. Изъ 31 преподавателя на этомъ факультетѣ, согласно университетскому календарю за лѣтній семестръ 1901 года, *лишь восемь человѣкъ не вели практическихъ занятій*: остальные же 23 преподавателя вели не только по одному, но даже по нѣсколько параллельныхъ занятій того или иного вида. Къ чисто юридическимъ наукамъ слѣдуетъ еще причислить и науки экономическія, которыя, какъ извѣстно, вездѣ въ Германіи отнесены на философскій факультетъ (за исключеніемъ тѣхъ университетовъ, гдѣ существуетъ особый административный факультетъ): такой семинарій подъ именемъ „семинарій наукъ государственныхъ и статистики" велся тамъ пятью профессорами (Вагнеръ, Шмоллеръ, Мейценъ, Бёккъ и Зерингъ), такъ что всего, слѣдовательно, къ услугамъ студентовъ-юристовъ было 28 курсовъ практическаго характера, и руководителями многихъ занятій были лица первостепенной европейской извѣстности [1]).

Приведемъ нѣкоторыя подробности и болѣе громкія имена изъ новѣйшаго расписанія лекцій въ Берлинѣ на текущій семестръ.

По исторіи и догмѣ римскаго права практическія занятія на юридическомъ факультетѣ Берлинскаго университета будутъ вести въ настоящій зимній семестръ проф.: Seckel, Pernice [2]), v. Seeler, Kübler и Kipp; по исторіи нѣмецкаго права—проф. Brunner, Zeumer и Wolf; по торговому и вексельному праву—проф. Kohler, Gierke и Burchard; по гражданскому праву—Kohler, Kipp, Dernburg, Seckel, Wolf, Schollmeyer, Heymann, Dickel; по церковному—Kahl и Fürstenau; по государственному праву и наукѣ объ управленіи—проф. Hübler, Preuss, Bornhack, Lass, Aegidi; по уголовному праву—проф. Liszt, Bornhack, Heilborn и Goldschmidt; по уголовному процессу—Heilborn, по гражданскому процессу—Schollmeyer, Dickel и Schwartz. Кромѣ того, по наукамъ государственнымъ, экономическимъ и камеральнымъ практическія занятія *ведутся* этотъ семестръ *семью преподавателями*; вообще же, не смотря на безплатное, въ большинствѣ случаевъ, веденіе practica, на нѣкоторыхъ берлинскихъ профессоровъ падаетъ по два и даже по три вида разныхъ практическихъ занятій и по разнымъ предметамъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ Берлинскомъ университетѣ, какъ правильно организованныя и снабженныя всѣми научными пособіями учрежденія, существуетъ цѣлый рядъ семинарій

[1]) См. Deutscher Universitäts-Kalender, herausgegeben von Prof. D-r *Ascherson*. Berlin. Sommer-Semester 1901.

[2]) Только что умеръ.

съ собственными библіотеками и помѣщеніями, а нѣкоторые даже и періодическими изданіями подъ руководствомъ профессоровъ: такъ, напримѣръ, юридическій семинарій для римскаго и каноническаго права подъ руководствомъ проф. Pernice и Hübler, семинарій для нѣмецкаго права подъ руководствомъ проф. Brunner и Gierke (библіотекаремъ въ этомъ послѣднемъ семинаріи состоитъ проф. Zeumer), семинаріи по уголовному праву подъ руководствомъ профессора von Liszt (съ особымъ изданіемъ) и семинарій, какъ было упомянуто выше, по государственнымъ наукамъ и статистикѣ подъ руководствомъ пяти профессоровъ.

Въ другомъ извѣстномъ прусскомъ университетѣ—*Галле* изъ 12 профессоровъ юридическаго факультета 9 ведутъ практическія занятія.

Наконецъ, въ третьемъ прусскомъ университетѣ—въ *Бреславлѣ*, на юридическомъ факультетѣ изъ 14 профессоровъ 11 ведутъ практическія занятія [1]).

Но и внѣ Пруссіи, въ другихъ государствахъ Германіи, несмотря на разницу въ правилахъ о государственныхъ экзаменахъ и обязательныхъ для нихъ практическихъ занятіяхъ, мы видимъ въ сущности ту же самую картину: тѣ же практическія занятія въ университетѣ играютъ серьезную роль и занимаютъ почетное мѣсто.

Такъ, въ *Гейдельбергѣ*, изъ 15 профессоровъ и иныхъ преподавателей 8 человѣкъ ведутъ постоянно практическія занятія чисто на юридическомъ факультетѣ. Кромѣ того, по государственнымъ и камеральнымъ наукамъ па философскомъ факультетѣ ихъ ведутъ еще 3 профессора—Ratgen, Leser и Jellinek: итого, слѣдовательно, для юристовъ представляется къ выбору цѣлыхъ 11 практическихъ занятій тѣмъ болѣе, что по дѣйствующему Баденскому закону о государственныхъ экзаменахъ не только наука о народномъ хозяйствѣ и финансы обязательны для юристовъ, но и сверхъ того, каждый юристъ на одномъ изъ первыхъ трехъ семестровъ не менѣе 4 часовъ въ недѣлю долженъ прослушать, по выбору, одинъ изъ предметовъ философскаго факультета.

Лейпцигъ. Согласно расписанію чтеній и практическихъ занятій на зимній семестръ $190^1/_2$ года, на юридическомъ факультетѣ суще-

---

[1]) Всюду имѣется въ виду лѣтній семестръ 1901 года и матеріаломъ для сообщаемыхъ данныхъ служитъ Университетскій календарь кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ я пользовался подлинными Verzeichniss der Vorlesungen и гдѣ это спеціально указано.

ствуетъ 18 разныхъ практическихъ занятій, причемъ сюда не входятъ соединенные семинаріи по государственнымъ наукамъ, которые ведутся профессорами: Bücher, Eulenburg, Plenge, Fricker и отдѣльно профессоромъ Stieda.

Въ *Іенѣ* на юридическомъ факультетѣ *всѣ преподаватели*, кромѣ двоихъ, ведутъ семинаріи или иныя практическія занятія.

Въ *Тюбингенѣ* юридическій факультетъ раздѣляется на чисто юридическій, въ которомъ *всѣ профессора*, кромѣ одного, ведутъ практическія занятія, и факультетъ государственныхъ наукъ, Staatswissenschaftliche Facultät, на которомъ опять-таки всѣ профессора, кромѣ двухъ, имѣютъ семинаріи.

Въ *Геттингенѣ* изъ 11 профессоровъ юридическаго факультета практическія занятія ведутъ 9 человѣкъ.

Въ *Мюнхенѣ* на юридическомъ факультетѣ изъ 14 профессоровъ ведутъ занятія 8, и на факультетѣ государственнаго хозяйства (Staatswirthschaftliche Facultät) изъ 12—5.

Въ *Грейфсвальдѣ всѣ ординарные профессора* юридическаго факультета ведутъ практическія занятія, связанныя съ письменными работами студентовъ.

Наконецъ, на юридическомъ факультетѣ небольшого университета въ *Ростокѣ всѣ, рѣшительно, преподаватели ведутъ практическія занятія* по тѣмъ или инымъ отраслямъ знанія.

Этихъ краткихъ указаній и справки о цѣломъ рядѣ германскихъ университетовъ, я полагаю, достаточно, чтобы удостовѣриться, что практическія занятія получили во всѣхъ государствахъ Германіи болѣе или менѣе прочное право на существованіе и не только не возбуждаютъ какихъ-либо подозрѣній о стремленіи поколебать достоинство научнаго преподаванія или принизить его (что, какъ мы видѣли въ началѣ статьи, имѣетъ мѣсто у насъ, въ нашей печати), но повсюду съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ большее число сторонниковъ, требующихъ ихъ расширенія и увеличенія, какъ мы это уже знаемъ на примѣрѣ Бернгейма, Гаупта и др. Чѣмъ меньше, при этомъ, размѣры университета, тѣмъ, видно, большее количество наличныхъ преподавателей ведутъ семинаріи [1]).

---

[1]) Для характеристики популярности практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ Германіи см. оригинальный планъ проф. Георга Фроммгольда въ Deutsche Juristen-Zeitung, 1900, № 21 объ основаніи спеціальныхъ при университетахъ „*юридическихъ клиникъ*" съ цѣлью педагогической (практическихъ упражненій для учащейся молодежи) и цѣлью благотворительной (доставленія

Виды и формы практическихъ занятій въ Германіи въ общемъ тѣ же, какія встрѣчаются въ настоящее время для отдѣльныхъ лицъ и у насъ въ Россіи; они же нами были частью названы выше: для начинающихъ это—интерпретація или толкованіе текстовъ или источниковъ въ такихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, римское право или исторія нѣмецкаго права, несложные рефераты по поводу прочитанныхъ книгъ и разборы ихъ съ помощью профессора; для болѣе зрѣлыхъ и подготовленныхъ уже студентовъ, наконецъ, семинаріи въ формѣ письменныхъ сочиненій, на вопросъ свободно избранный или предложенный профессоромъ и обсужденіе написаннаго сочиненія въ кругу товарищей и подъ руководствомъ того же профессора.

Но лучше всего описываетъ семинаріи, понынѣ существующіе въ Германіи, профессоръ Берлинскаго университета Эккъ; онъ дѣлитъ ихъ по главной цѣли и ею обусловленной организаціи преподаванія на слѣдующія три группы:

Первая группа предназначена быть питомникомъ (Pflanzstätte) для будущихъ ученыхъ. Такъ какъ члены подобнаго семинарія. говорится, напримѣръ, въ уставѣ Берлинскаго семинарія, должны быть подготовлены къ самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, то здѣсь принимается въ соображеніе лишь небольшое избранное число участниковъ.

Второе, совершенно противуположное направленіе, по словамъ Экка, преслѣдуютъ тѣ семинаріи, которые даютъ возможность студентамъ заучить и упрочить то, что они слышали на лекціяхъ. Такъ какъ эта возможность должна быть широко предоставлена большому числу лицъ, то и семинаріи эти должны быть открываемы подъ именемъ ли conversatoria или repetitoria или praktika всякому являющемуся студенту. Въ то время какъ въ семинаріяхъ перваго рода или первой группы берутся источники болѣе отдаленные отъ курса и обсуждаются вопросы спеціальнаго характера, въ семинаріяхъ второй группы студенту ставятся вопросы, вызывающіе отвѣты на основаніи изученнаго имъ на лекціяхъ; на томъ же основаніи онъ получаетъ задачи на письменныя работы, которыя затѣмъ профессоръ подвергаетъ обсужденію.

бѣднымъ безплатныхъ юридическихъ совѣтовъ). Проф. Страсбургскаго университета Ленель въ той же газетѣ (1901, № 3) выступилъ съ рѣзкой, но не совсѣмъ удачной критикой, противъ этого во всякомъ случаѣ симпатичнаго и осуществимаго проекта.

Наконецъ, между тѣми двумя описанными направленіями, говоритъ Эккъ, середину составляетъ третья форма семинарія, которую онъ считаетъ за наиболѣе удачную. При этой формѣ, по словамъ профессора, главной задачей является личное вдохновеніе и длительное побужденіе избраннаго числа студентовъ къ расширенію и углубленію ихъ умственной работы за предѣлы средней мѣрки и притомъ не въ одномъ только опредѣленномъ, но въ разныхъ направленіяхъ. Здѣсь каждому отдѣльному участнику можетъ быть задана, согласно его склонностямъ и способностямъ, или работа болѣе теоретическаго характера, или практическаго, историческая или догматическая; при разсмотрѣніи и устномъ обсужденіи такой работы лица, руководящія семинаріемъ, получаютъ возможность сдѣлать оцѣнку индивидуальности автора и указать ему его слабыя стороны. Такъ какъ каждый изъ участниковъ долженъ подготовляться и къ обсужденію работы другихъ, то онъ имѣетъ случай черезъ это изучить многія области знанія гораздо подробнѣе и основательнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ бы при отсутствіи семинарія, и въ этомъ, между прочимъ, заключается ихъ большая выгода и значеніе сравнительно, разумѣетъ профессоръ, съ лекціоннымъ методомъ преподаванія [1]).

Всѣ лица, сколько-нибудь знакомыя съ положеніемъ вопроса о семинаріяхъ и другихъ практическихъ занятіяхъ въ Германіи, кромѣ всего сказаннаго, единогласно свидѣтельствуютъ о высокомъ нравственномъ вліяніи ихъ, ведущемъ въ силу постояннаго непосредственнаго соприкосновенія профессоровъ съ ихъ слушателями къ сближенію этихъ двухъ сторонъ и къ благодѣтельному воздѣйствію первыхъ какъ въ научномъ отношенія, такъ и въ моральномъ [2]). Между про-

---

[1]) См. „Juristische Seminare“ von *Prof. Eck.* Статья въ „Deutsche Juristen-Zeitung“ 1896, № 18, а также: „Akademische Revue“, München, II. Jahrg., 10-tes Heft, Juli, 1896.

[2]) См. по этому поводу корреспонденцію изъ Берлина въ газетѣ „Россія“ о тамошнемъ университетскомъ семинаріи по государственнымъ наукамъ, нами упомянутомъ. Вотъ что говоритъ авторъ корреспонденціи, видимо хорошо освѣдомленный о дѣлѣ: „Въ академически-образованной нѣмецкой молодежи семинаріи играютъ громадную образовательно-воспитательную роль. Они развиваютъ и дисциплинируютъ умъ и сердце учащихся юношей, вырабатываютъ изъ нихъ самостоятельныхъ работниковъ, воспитываютъ волю и характеръ, а также способность говорить публично на трибунѣ, сближаютъ съ профессорами и создаютъ между ними и студенчествомъ добрыя товарищескія, вполнѣ здоровыя отношенія“. „Россія“ отъ 26-го августа 1901 года. См. въ той же „Россія“ отъ 10-го августа 1901 г. статью на ту же тему: „Сближеніе“.

чимъ замѣчательной чертой практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ Германіи является то обстоятельство, что ихъ ведутъ не одни лишь юные члены факультета (напримѣръ, приватъ-доценты), а чаще всего старѣйшіе члены, преимущественно ординарные профессора, которые считаютъ, слѣдовательно, это дѣло своей важной обязанностью и въ дѣйствительности еще руководятъ и объединяютъ дѣятельность и своихъ младшихъ товарищей, а не сваливаютъ все дѣло на нихъ, и, мало того, въ семинаріяхъ всегда отвѣтственнымъ лицомъ является непремѣнно кто-либо изъ ординарныхъ профессоровъ.

Но все на свѣтѣ имѣетъ, конечно, обратную сторону. Усиленное влеченіе къ практическимъ занятіямъ, если имъ приносится въ жертву преподаваніе теоріи, можетъ привести, конечно, къ ущербу для общаго строя преподаванія, какъ это неоднократно подтверждалось опытомъ другихъ факультетовъ, напримѣръ медицинскаго [1]). Въ этомъ смыслѣ въ нынѣшнемъ году, въ извѣстномъ университетскомъ журналѣ „Hochschulnachrichten" сдѣланы нѣкоторыя указанія на необходимость ограничить практическія занятія извѣстнымъ предѣломъ въ смыслѣ числа часовъ [2])

Точно также намъ извѣстно въ Баваріи недавнее распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы студенты юристы, въ интересахъ ихъ теоретической подготовки, одновременно не записывались на юридическомъ факультетѣ болѣе чѣмъ на два вида практическихъ занятій [3]). Этотъ самый случай лучше всего указываетъ намъ именно, какъ прочно установились въ Германіи юридическія практическія занятія, если государство, недавно лишь поощрявшее своими мѣрами ихъ введеніе, находитъ уже нужнымъ, въ общенаучныхъ интересахъ, противодѣйствовать крайнему увлеченію ими. Вообще въ Германіи въ послѣднее время практическія занятія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ получили такое широкое развитіе, что сплошь и

[1]) Намъ извѣстно по этому поводу заявленіе Московскаго профессора Л. З. Мороховца зимою настоящаго года.

[2]) „*Hochschulnachrichten*" herausgegeben von D-r *Paul von Salvisberg*. XI. Jahrg. № 7. Heft 127. April 1901. Статья проф. *Bar*: „Die neue Entwickelung des Rechts-Studiums".

[3]) Вошло въ законъ 6-го іюля 1899 г.: кромѣ экзегетическихъ упражненій (по римскому и нѣмецкому праву) студенту рекомендуется въ Баваріи начиная со второго семестра посѣщать практическія занятія каждый семестръ лишь по одному предмету, если это занятіе связано съ письменными работами (т.-е., реферативная система). См. „Die Prüfungsvorschriften für Juristen in Bayern". München. 1899, стр. 28.

рядомъ подъ словомъ „чтеніе" (Vorlesung) одинаково понимаются какъ лекціи, такъ и всякаго рода практическія упражненія. Для образца приводимъ объявленіе въ одной нѣмецкой газетѣ отъ Akademie für Social- und Handelswissenschaften zu Frankfurt a/Main („Berliner Tageblatt" 3 Aug. 1901). Въ примѣчаніи къ проекту говорится: „Unter Vorlesungen werden allgemein sowohl Vorträge, als auch mündliche und schriftliche Uebungen verstanden".

Практическія занятія на юридическихъ факультетахъ, получившія въ Германіи такое значительное развитіе за послѣднія пятнадцать лѣтъ, являются необходимой системой преподаванія также и въ другихъ странахъ Европы. Даже Японія, недавно устроившая по европейскому образцу юридическій факультетъ въ Токіо частью съ помощью призванія европейскихъ профессоровъ (преимущественно нѣмецкихъ), сдѣлала практическія занятія необходимымъ дополненіемъ къ чтенію, предоставивши ихъ на свободный выборъ профессоровъ.

Въ Бельгіи въ одинъ годъ съ указаннымъ выше закономъ Пруссіи, именно съ 1890 года, въ силу распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 10-го апрѣля, организованы спеціальныя практическія занятія для юристовъ въ университетахъ Гента, Ліэжа и въ свободныхъ университетахъ Брюсселя и Лувэна.

Въ Голландіи, при университетахъ Утрехтъ, Гронингенъ и Амстердамъ учреждены особые практическіе курсы для подготовки нотаріусовъ. Сверхъ того тамъ же существующія полуофиціальныя общества или кружки между студентами подъ руководствомъ профессоровъ имѣютъ назначеніе практически знакомить студентовъ съ юриспруденціей и пріучать ихъ публично говорить (debating clubs, по образцу Англіи); профессора являются предсѣдателями и руководителями въ засѣданіяхъ такихъ кружковъ.

У ближайшей сосѣдки Германіи—Австро-Венгріи практическія занятія на юридическихъ факультетахъ занимаютъ такое же почетное мѣсто; и точно также, если въ большихъ университетахъ нѣтъ надобности всѣмъ профессорамъ посвящать свой трудъ практическимъ занятіямъ и достаточно соблюдать въ этомъ нѣкоторую очередь, то, наоборотъ, въ университетахъ небольшихъ размѣровъ, гдѣ мало научныхъ силъ, большинство профессоровъ принуждено постоянно, не ограничиваясь чтеніями, работать въ разныхъ семинаріяхъ и другихъ практическихъ упражненіяхъ. Такъ въ Вѣнѣ (по университетскому календарю на лѣтній семестръ 1901—1902 года) на факультетѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ изъ 22 профессоровъ 14 ведутъ занятія; но

если включить сюда и приватъ-доцентовъ, то пропорція ведущихъ практическія занятія будетъ значительно меньше, а именно — изъ 36—17 чел., тогда какъ въ Грацѣ изъ 14 университетскихъ преподавателей практическія занятія ведутъ 7, а въ Черновицахъ изъ 8—7.

Въ швейцарскихъ университетахъ практическія занятія для юристовъ такъ же распространены, какъ и въ Германіи: при Цюрихскомъ университетѣ, напримѣръ, подъ общимъ названіе Staatswissenschaftliches Seminar на зимній семестръ 1901—1902 года обозначено 9 различныхъ практическихъ занятій разнаго наименованія и по различнымъ наукамъ („Exegetische Uebungen", „Praktika und Repetitorium", „Volkswirthschaftliche u. Statistische Uebungen", „Besprechungen wichtiger Probleme" и т. д.). Всего изъ 11 человѣкъ преподавателей въ Цюрихѣ на факультетѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ 6 человѣкъ [1]) ведутъ практическія занятія [2]). Въ Бернскомъ университетѣ изъ 16 профессоровъ и доцентовъ юридическаго факультета 10 ведутъ практическія занятія.

Совершенно особую исторію имѣютъ практическія занятія для юристовъ во Франціи. Весьма долго французскіе университеты отличались абстрактностью преподаванія, и въ Германіи студентъ работалъ гораздо практичнѣе, нежели тамъ: питомцы университета во Франціи были долго только слушателями или посѣтителями, а не студентами въ истинномъ смыслѣ. Лишь за послѣднія пятнадцать, много двадцать лѣтъ французское университетское преподаваніе измѣнило

---

[1]) По личному заявленію мнѣ одного изъ преподавателей Цюрихскаго университета г. Гольдштейна, обыкновенно большее число лицъ въ Цюрихѣ занимается практическими занятіями и указанная цифра (6) нѣсколько мала на этотъ семестръ.

[2]) Практическія занятія настолько успѣли привиться въ Цюрихскомъ университетѣ, что умѣнье ихъ вести прямо требуется и ставится въ счетъ преподавателю, ищущему каѳедру въ университетѣ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно судить по слѣдующему характерному факту: на собраніи такъ называемаго цюрихскаго Schulsynode въ Pfäffikon 19-го сентября 1898 года ректоръ Цюрихскаго университета Лангъ такъ констатировалъ условія выбора преподавателей въ высшія учебныя заведенія:

„На первомъ планѣ принимаются во вниманіе, конечно, научныя способности претендента, доказанныя самостоятельными изслѣдованіями, но затѣмъ также и *способность учить не только путемъ чтеній или лекцій, но и путемъ семинарныхъ или практическихъ занятій.* Для многихъ отраслей университетскаго преподаванія ученость, т.-е. обладаніе большимъ запасомъ знанія, отступаетъ даже на второй планъ...".

См. „Hochschulnachrichten" IX. Jahrg. № 3, December 1898. Heft 91. Стр. 52.

свой характеръ и дѣлается постепенно болѣе практическимъ. Публичныя чтенія, играющія столь важную роль во французскихъ университетахъ, ведутся, однако, только ординарными профессорами и занимаютъ лишь небольшую часть ихъ дѣятельности: главная же ихъ забота состоитъ все въ болѣе и болѣе разнообразномъ видѣ занятій со студентами; что же касается до экстраординарныхъ профессоровъ, такъ называемыхъ maître de conférence, chargé de cours и т. д., то они даже исключительно занимаются въ настоящее время студентами, и надо полагать поэтому, что скоро и во французскихъ университетахъ, на подобіе германскихъ, практическія занятія для юристовъ получатъ гораздо большее значеніе, нежели имѣли донынѣ [1]).

Указанная причина исключительно теоретической постановки французскаго университетскаго преподаванія привела за собой, въ силу запросовъ жизни, новую форму разрѣшенія вопроса о необходимости практическихъ занятій для юристовъ, а именно: рядомъ съ университетами или, точнѣе, юридическими факультетами во Франціи давно ужъ возникаютъ спеціальные юридическіе практическіе курсы и школы, которыя и приняли на себя обязанность пополнить сказанный недостатокъ университетскаго преподаванія, т.-е. знакомить студентовъ-юристовъ съ практикой ихъ будущей профессіи. Такъ, во всѣхъ почти большихъ городахъ Франціи организованы на частныя средства подобные курсы для молодыхъ юристовъ — будущихъ адвокатовъ и судей. Кромѣ того, такъ называемыя нотаріальныя камеры въ нѣкоторыхъ пунктахъ страны завели особые курсы для юристовъ, которые хотятъ посвятить себя нотаріальному дѣлу. Въ Парижѣ существуютъ подобные курсы на соединенныя частныя средства нотаріусовъ.

Еще слишкомъ 50 лѣтъ тому назадъ въ городѣ Бордо одинъ нотаріусъ завѣщалъ средства на основаніе спеціальной практической или профессіональной школы, и она была основана подъ именемъ „L'école de notariat de Bordeaux". Эта школа положила основаніе болѣе правильной, хотя въ то же время и оригинальной постановки вопроса о практическихъ занятіяхъ для юристовъ во Франціи, а именно: въ томъ самомъ 1890 году, который играетъ такую важную роль въ исторіи практическихъ занятій во всей Европѣ, по соединенной инициативѣ юридическаго факультета Бордосскаго университета,

---

[1]) См. *Louis Liard*: „L'enseignement supérieur en France", а также: „Die französischen Hochschulen seit der Revolution" von Prof. *H. Schoen*. München (Akademischer Verlag) 1896.

совѣта присяжныхъ, магистратуры и прочихъ представителей суда къ старой нотаріальной школѣ прибавлено новое отдѣленіе подъ именемъ „L'école professionelle des avoués et magistrats"; и съ тѣхъ поръ существуетъ во Франціи оригинальное учебное заведеніе подъ общимъ названіемъ: „L'école pratique de droit de Bordeaux" съ двумя отдѣленіями [1]). Школа эта, по выраженію ея директора на послѣднемъ торжественномъ актѣ, имѣетъ такое же отношеніе къ юридическому факультету, какъ мастерскія и лабораторіи къ политехникуму: она даетъ французскимъ юристамъ то, чего имъ недостаетъ или, по крайней мѣрѣ, недоставало до послѣдняго времени въ университетахъ — основательное знакомство со всею практикою. Учениками ея являются по большей части или студенты юридическаго факультета, которые такимъ образомъ единовременно слушаютъ въ университетѣ и въ école pratique de droit, или лица, уже окончившія юридическое образованіе. Въ виду перваго контингента слушателей, вѣроятно, большая часть лекцій, по крайней мѣрѣ, на отдѣлѣ нотаріальномъ, отнесены или на вечернее - отъ 5 до 6, или на раннее время — отъ 8 до 9 ч. утра, чтобы дать возможность, очевидно, соединить посѣщеніе обоихъ заведеній. Студенты практической школы, подъ руководствомъ опытныхъ, лучшихъ юристовъ города Бордо, посѣщаютъ суды, бюро и камеры и обязательно исполняютъ цѣлый рядъ письменныхъ работъ. Каждому студенту приходится ихъ исполнить, въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ школѣ, не менѣе 60-ти на темы, точно переименованныя въ программѣ. Сюда относится составленіе всевозможныхъ юридическихъ актовъ или дѣйствій. Бордо, одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ Франціи, имѣетъ высшій апелляціонный судъ, до 30 нотаріальныхъ конторъ и нѣсколько другихъ административныхъ и юридическихъ учрежденій, почему является очень удобнымъ пунктомъ для объясненнаго знакомства студентовъ практической школы со всякой юридической практикой.

Студенты подлежатъ въ своихъ занятіяхъ извѣстному контролю и подвергаются экзаменамъ, изъ коихъ *2 обязательныхъ* для каждаго слушателя и 2 условныхъ или *факультативныхъ*. Лишь лица, прошедшія оба рода испытанія (а на послѣднемъ, кромѣ профессоровъ школы, присутствуютъ также обязательно представители нотаріата, суда и магистратуры), получаютъ дипломъ объ окончаніи курса; прошедшія

---

[1]) Ecole pratique de droit de Bordeaux. L'enseignement du droit au point de vue pratique et professionel. Discours par *M. H. Campana*. Bordeaux. 1901.

лишь обязательный экзаменъ довольствуются простымъ свидѣтельствомъ о слушаніи курса [1].

Само собой разумѣется, что въ различныхъ странахъ Европы, при различной организація государственныхъ экзаменовъ, а равно и требованій отъ образованныхъ юристовъ, должны различаться необходимо и внѣшнія условія устройства практическихъ занятій при юридическихъ факультетахъ. Такъ, въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Германіи практическія занятія, какъ было объяснено раньше, фактически обязательны въ силу правилъ государственнаго экзамена; никто не напоминаетъ студенту, положимъ Берлинскаго университета, что для него обязательно посѣщать такія-то практическія занятія, но онъ самъ вынужденъ объ этомъ заблаговременно позаботиться, иначе въ будущемъ его не допустятъ къ государственному экзамену на референдарія; въ Берлинѣ и нѣкоторыхъ другихъ прусскихъ университетахъ практическія занятія очень часто безвозмездны, по крайней мѣрѣ для юристовъ. Напротивъ, въ другихъ государствахъ практическія занятія вполнѣ свободны и большей частью платны, какъ и лекціи; затѣмъ во Франціи, гдѣ эти занятія, какъ было объяснено, встрѣчаются въ формѣ спеціальныхъ курсовъ практики или практическихъ школъ, они оплачиваются даже очень дорого; напримѣръ, отдѣленіе нотаріальное вышеописанной Бордосской школы взимаетъ со студентовъ по 400 франковъ въ годъ и фактически, если не юридически, занятіе въ такой школѣ обязательно для аспиранта на судебную должность, ибо облегчаетъ и ускоряетъ переходный періодъ его служебной карьеры. Наконецъ, въ большинствѣ государствъ, начиная съ Германіи, правительственная власть никакой серьезной матерьяльной помощи практическимъ занятіямъ на юридическомъ факультетѣ не оказываетъ, и они большей частью содержатся, гдѣ требуются особые расходы (напр. семинаріи), на средства, собираемыя съ участниковъ, а иногда на пожертвованія; университеты же даютъ семинаріямъ готовое помѣщеніе. Обязанности какъ руководителей, такъ и библіотекарей семинаріевъ, гдѣ они существуютъ, обычно исполняются профессорами безвозмездно.

Подводя итоги ко всему нами до сихъ поръ сказанному о роли и значеніи практическихъ занятій въ юридическомъ образованіи Западной

---

[1]) Ecole pratique de droit de Bordeaux. Distribution des prix de l'Ecole de Notariat. Rentrée de l'école professionelle des avoués, avocats et magistrats. Bordeaux, 1900.

Европы, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя и позволяемъ себѣ выразить въ настоящихъ краткихъ тезисахъ:

1) Повсюду въ Европѣ за послѣднія 10, 15 лѣтъ одинаково замѣчается всеобщее стремленіе въ смыслѣ усиленія и распространенія практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ или рядомъ съ ними (какъ во Франціи). Такимъ образомъ Россія, усиливая и распространяя практическія занятія для своихъ юристовъ съ 1899 года, лишь слѣдуетъ общему теченію и примѣру всей Европы. Поэтому данное стремленіе нашего министерства народнаго просвѣщенія вовсе не вызывается, какъ въ нашей печати, повидимому, наклонны думать, какими-либо спеціальными русскими причинами или особыми условіями общественной или государственной жизни: *Россія* въ данномъ случаѣ дѣлаетъ въ юридическомъ образованіи и *должна дѣлать то же, что дѣлается во всей Европѣ и указуется всеобщимъ опытомъ.*

2) Это стремленіе къ расширенію и упроченію повсюду практическихъ занятій, по отзывамъ спеціальной литературы и свѣдущихъ лицъ разныхъ странъ, вызывается слѣдующими главнѣйшими причинами:

а) потребностью времени—сложностью и разнообразіемъ занятій юриста, чему прежнее пассивное преподаваніе (лекціонный методъ) удовлетворить всецѣло уже не можетъ;

б) недостаточностью или неудовлетворительностью существующаго контрольнаго аппарата (экзамена—какъ университетскаго, такъ и государственнаго) и неудовлетворительнымъ посѣщеніемъ лекцій;

в) недостаточной подготовкой студентовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ;

г) интересами самихъ учащихся, ибо только путемъ практическихъ занятій они могутъ наилучшимъ образомъ усвоить содержаніе читанныхъ лекцій и обезпечить себѣ успѣхъ при провѣркѣ или контролѣ.

3) Практика (понимая подъ нею всякаго рода практическія занятія) не должна мѣшать теоріи, но, напротивъ, наилучшимъ образомъ содѣйствовать какъ усвоенію прослушанныхъ лекцій, такъ и накопленію знаній.

4) Практика, развивая сознательное отношеніе къ наукѣ, пріучаетъ студента мыслить и научно работать.

5) Практика является наилучшимъ и едва ли не единственно возможнымъ путемъ къ развитію желательнаго общенія, сближенія и болѣе сердечнаго отношенія двухъ сторонъ—учащихъ и учащихся

въ университетѣ, чему одно лишь формальное чтеніе и слушаніе лекцій отнюдь не содѣйствуетъ [1]).

---

[1]) По моей просьбѣ профессоръ Цюрихскаго университета д-ръ Гольштейнъ обратился этой осенью къ своимъ слушателямъ-участникамъ семинарія съ вопросомъ о ихъ мнѣніи относительно значенія практическихъ занятій. По той части вопроса, которая касается сближенія профессоровъ со студентами, получился рядъ слѣдующихъ интересныхъ мнѣній, которыя мы здѣсь и приводимъ:

Отзывъ Готфрида *Мюллеръ*, stud. rer. cam.:

„Обоюдныя обсужденія и дебаты въ тѣсномъ кругу семинаріи создаютъ многія точки соприкосновенія между преподавателемъ и студентами, къ выгодѣ и пользѣ обѣихъ сторонъ; для студентовъ польза эта выражается уже въ томъ, что ихъ работы тотчасъ же подвергаются поправкѣ, и они такимъ образомъ воспитываются въ строгой самокритикѣ. И не только для содержанія работъ полезно участіе въ семинаріи, но и для внѣшней формы ихъ. Пріучаешься устно выражать свои мысли въ точныхъ, благородныхъ выраженіяхъ; склонность молодежи, недостаточность доказательствъ замѣнять рѣзкой формой, на которую вліяютъ часто ходячія хлесткія слова, сдерживается присутствіемъ профессора, который вноситъ при случаѣ свои поправки. Преподающій становится ближе къ своимъ слушателямъ, онъ знакомится съ ихъ индивидуальными способностями и можетъ затѣмъ, на основаніи своихъ наблюденій, вѣрнѣе указывать каждому данному студенту путь, по которому онъ долженъ идти въ своей работѣ. Сужденіе относительно прилежанія, дарованія и познаній отдѣльнаго студента—вещи очень важныя при рѣшеніи вопроса о допущеніи къ экзамену—въ главныхъ чертахъ составляется профессоромъ, нѣтъ сомнѣнія, на основаніи опыта и наблюденій въ семинаріяхъ".

Мнѣніе Людовика *Кеессель*, cand. jur. publ. et rer. cam.

„Благопріятное воздѣйствіе семинарій въ смыслѣ сближенія между студентами и профессорами является неоспоримымъ, когда для каждаго участника сдѣлано обязательнымъ представленіе, въ теченіе семестра, письменной работы, ибо послѣдняя даетъ невольный поводъ къ тому, чтобъ вступить въ личныя сношенія съ руководителемъ семинаріи, прося у него совѣта и указаній для работы и ища руководства и опоры въ его болѣе зрѣлыхъ сужденіяхъ и глубокомъ научномъ опытѣ".

Отзывъ Феодора *Бернета*, cand. rer. cam.:

„Безъ семинарій (которымъ въ этомъ отношеніи соотвѣтствуютъ лабораторіи, клиники и т. п. студента-медика) общеніе сколько-нибудь близкое между профессорами и студентами возможно лишь для весьма ничтожнаго числа слушателей, а именно для лицъ, готовящихся къ учебнымъ степенямъ. Семинаріи же по необходимости приводятъ студента въ соприкосновеніе съ профессоромъ, сначала чисто внѣшнее, можетъ быть, но которое легко обращается въ весьма дружескія, сердечныя отношенія, если только на это есть данныя въ характерѣ и расположеніи обѣихъ сторонъ".

Мнѣніе г-жи Амаліи *Липшюсъ*, cand. rer. cam:

„Вслѣдствіе совмѣстной работы семинаріи возникаетъ сближеніе между профессорами и студентами; профессоръ, къ которому студентъ обращается за со-

Наконецъ въ настоящее время спеціально для нашего отечества, для Россіи, гдѣ только что совершилась великая реформа средней школы, между предметами которой поставлено „законовѣдѣніе", существуетъ еще одна спеціальная причина для распространенія и упроченія практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ. Для гимназій понадобится нынѣ значительное число юристовъ педагоговъ, и никогда нельзя разсчитывать ихъ выработать для столь сложнаго и труднаго для воспріятія юныхъ слушателей предмета путемъ одного лишь пассивнаго слушанія лекцій на юридическомъ факультетѣ или чтенія книгъ. Чтобы сдѣлать „законовѣдѣніе" нагляднымъ, удобопонятнымъ и живымъ предметомъ, учитель его долженъ самъ соотвѣтственно усвоить этотъ предметъ, и вотъ тутъ-то является незамѣнимой именно система хорошо организованныхъ практическихъ занятій!! Позволимъ себѣ, вмѣсто дальнѣйшихъ разсужденій, привести слова извѣстнаго Казанскаго проф. Мейера, написанныя почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но сохранившія полную силу и для нашего времени:

„Правительство устройствомъ юридическихъ факультетовъ преслѣдуетъ, конечно, и практическую цѣль образованія юристовъ преподавателей: но если ученіе сихъ послѣднихъ должно быть дѣйствительно благодѣтельнымъ для учащихся и сопутствовать имъ въ дальнѣйшемъ поприщѣ, а не быть брошеннымъ на рубежѣ его, то и оно должно быть проникнуто знакомствомъ съ практикою, которая, такимъ образомъ, никакъ не можетъ считаться лишнею для учителя права. Слѣдовательно, въ большей части случаевъ нельзя пренебрегать умѣньемъ примѣнять юридическое знаніе, а напротивъ должно дорожить имъ, такъ какъ безъ него само знаніе считается для жизни безплоднымъ. Смѣло можно сказать, что при устраненіи практической стороны въ образованіи юридическомъ, самая обширная и стройная чисто теоретическая система обращается въ великолѣпную фантасмагорію, которая именно тѣмъ опаснѣе для дѣла цивилизаціи, чѣмъ величавѣе размѣры системы, ибо съ одной стороны кажется, что все сдѣлано, чтобы просвѣтить будущаго юриста и создать изъ него надежное орудіе правосудія, дѣятельнаго вѣщателя непреложныхъ юридическихъ истинъ, съ другой стороны усматриваютъ, что всѣ

вѣтомъ, у котораго онъ проситъ разрѣшенія сомнѣній, тѣмъ самымъ становится истиннымъ руководителемъ студентовъ въ ихъ научныхъ занятіяхъ. Сближеніе и довѣріе поддерживаются въ значительной мѣрѣ еще и обоюдными экскурсіями, предпринимаемыми въ научныхъ цѣляхъ".

умственныя и нравственныя сокровища, которыми щедрою рукою надѣлила его наука въ напутствіе на практическое поприще, на первыхъ же порахъ разсыпаются и новобранецъ-практикъ остается развѣ при нѣсколькихъ громкихъ фразахъ, при довольно высокомъ мнѣніи о себѣ и довольно низкомъ о другихъ и вынужденъ за самымъ скуднымъ руководствомъ и наученіемъ обращаться къ пошлой рутинѣ и скрѣпя сердце принимать отъ нея милостыню" [1])...

Въ заключеніе обратимъ вниманіе и на то немаловажное (для будущихъ, напримѣръ, судебныхъ дѣятелей) обстоятельство, что у насъ въ огромномъ большинствѣ никто не пріучается хорошо говорить, и что нашъ студентъ не имѣетъ ни случая, ни руководства для развитія этого важнаго качества, кромѣ опять-таки практическихъ занятій и семинарій тамъ, гдѣ они устроены и хорошо ведутся. Нельзя, по этому поводу, не согласиться съ справедливымъ утвержденіемъ „Юридической Газеты" (см. „С.-Пет. Вѣд." № 229 отъ 24-го августа 1901 г.): „Наука красиво и звучно говорить вовсе не преподается въ нашихъ университетахъ [2])... Между тѣмъ искусство владѣть роднымъ языкомъ не только на письмѣ, но и въ рѣчахъ должно непремѣнно войти въ програму преподаванія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нельзя забывать, что самые выдающіеся ораторы не родились краснорѣчивыми, а сдѣлались таковыми только послѣ упорнаго труда надъ выработкою своей рѣчи и пріемовъ говорить публично. Если бы въ университетахъ на юридическихъ факультетахъ существовали обязательныя практическія упражненія въ произнесеніи рѣчей на заданныя темы и происходили бы примѣрныя судебныя пренія съ распредѣленіемъ между студентами ролей прокуроровъ, защитниковъ и председателей, то навѣрное въ нашихъ судахъ приходилось бы чаще встрѣчать такихъ юристовъ, которые обладаютъ умѣніемъ красиво и ясно выражать свои мысли"...

Попытки подобнаго знакомства съ судебной практикой у насъ уже дѣлались, и намъ извѣстны многіе случаи такого примѣрнаго судоговоренія, на памяти еще живыхъ людей, напримѣръ въ Московскомъ и Казанскомъ университетахъ; но не отрицая значенія этихъ подражаній судебнымъ состязаніямъ, устраиваемыхъ между студен-

---

[1]) О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія. *Дмитрія Мейера*. Казань, 1855.

[2]) Насколько намъ извѣстно, лишь въ Московскомъ университетѣ читается желающимъ такъ назыв. „искусство выразительнаго чтенія и произнесенія" проф. И. А. Булдинымъ.

тами-юристами, нельзя, однако, упускать изъ вида, что отъ нихъ получается лишь второстепенная польза, главнымъ образомъ именно въ смыслѣ упражненія въ ораторскомъ искусствѣ и привычки говорить публично. Другіе же разнообразные виды практическихъ занятій, нынѣ уже встрѣчаемые одинаково и заграницей и у насъ (толкованіе источниковъ, обсужденіе казусовъ и, главное, семинаріи), имѣютъ, конечно, неизмѣримо высшее значеніе и должны дать при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, по свидѣтельству всѣхъ свѣдущихъ лицъ, еще болѣе важные и цѣнные результаты не только для выработки одного внѣшняго умѣнья юристовъ складно выражать свои мысли, но и для улучшенія качества всей ихъ умственной жизни и профессіональной работы. Эти практическія занятія должны выучить студентовъ мыслить и работать, обогащать себя новыми знаніями и вообще болѣе плодотворно проводить время своего пребыванія въ университетѣ, нежели они дѣлаютъ это нынѣ по всеобщему признанію какъ у насъ, такъ отчасти и заграницей.

Иванъ Янжулъ.

Гейдельбергъ,
16/3 сентября 1901 года.

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1900 ГОДУ.

Среди многочисленныхъ конгрессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ прошломъ году въ Парижѣ и пріуроченныхъ къ Всемірной Парижской Выставкѣ однимъ изъ наиболѣе удавшихся является геологическій конгрессъ, въ которомъ приняло участіе около тысячи членовъ [1]). Засѣданія конгресса продолжались 12 дней (отъ $\frac{3}{16}$ до $\frac{14}{27}$ августа) и происходили въ особомъ большомъ зданіи, называемомъ „Palais des congrès", выстроенномъ спеціально для засѣданій и выставокъ различныхъ конгрессовъ на площади Альмы (Place de l'Alma), входящей въ обширную территорію, занятую выставкой.

Офиціальное открытіе геологическаго конгресса послѣдовало $\frac{3}{16}$ августа въ 4 часа дня подъ предсѣдательствомъ г. Legues, мини-

---

[1]) Наибольшее количество подписавшихся на геологическій конгрессъ приходится на Францію—около 400, затѣмъ слѣдуютъ Германія—около 120, С.-А. Соединенные-Штаты и Россія—около 60 изъ каждой; изъ Австро-Венгріи, Италіи и Великобританіи и Бельгіи было около 40 представителей изъ каждой; менѣе 20 геологовъ было изъ Швейцаріи, Эльзасъ-Лотарингіи и Румыніи. Каждая изъ слѣдующихъ странъ: Канада, Швеція съ Норвегіей, Испанія, Португалія, Алжиръ съ Тунисомъ, Нидерланды имѣли менѣе 10 представителей; представителей же всѣхъ остальныхъ странъ было отъ 1 до 5 изъ каждой (Аргентина, Австралія, Болгарія, Бразилія, Данія, Египетъ, Колумбія, Мексика, Монако, Сербія, Ю. Африк. Республики, Японія).

Изъ Россіи присутствовали на конгрессѣ слѣдующія лица: Карпинскій и Чернышевъ (Акад. Наукъ и Геолог. Комит.), Михальскій (Геолог. Комит.), Мушкетовъ (Горн. инст.), Каракашъ и Сущинскій (С.Пб. универс.), Порре (С.-Пб.), Павловъ и Вернадскій (Моск. универс.), Павлова и Цвѣтаева (Москва), Левинсонъ-Лессингъ (Юрьев. универс.), Ласкаревъ (Новорос. универс.), Пятницкій (Харьк. универс.), Ивановъ (Иркутскъ), Фегреусъ и Лебедевъ (Баку).

стра народнаго просвѣщенія французской республики. Засѣданіе было открыто слѣдующею рѣчью [1]) президента послѣдняго конгресса въ С.-Петербургѣ академика А. П. Карпинскаго:

„Отдавая дань справедливаго восхищенія этой страной, считаю лучшимъ своимъ долгомъ и удовольствіемъ привѣтствовать всѣхъ присутствующихъ здѣсь собратьевъ и выразить отъ имени этого многочисленнаго и ученаго собранія нашу глубокую признательность организаторамъ настоящаго геологическаго конгресса, нашимъ знаменитымъ коллегамъ, господамъ Альберту Годри, Мишель-Леви, Марселю Бертрану, Шарлю Барроа и другимъ.

Проходя по улицамъ этого великолѣпнаго города, мы видимъ часто надписи, въ которыхъ слово „братство" красуется какъ національный девизъ французовъ. Это прекрасное слово можетъ служить также международнымъ девизомъ для людей науки.

Если подчасъ въ работахъ историческихъ и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ политическихъ наукъ бываетъ трудно избѣжать вліянія посторонняго, ненаучнаго, то наши методы въ наукахъ положительныхъ даютъ мѣсто лишь абсолютной истинѣ; истинной наукѣ чужды національные предразсудки.

Какую искреннюю радость возбуждаютъ во всемъ свѣтѣ великія открытія, независимо отъ національности ученаго, который ихъ сдѣлалъ; и какое высокое и всеобщее уваженіе привлекаютъ имена великихъ ученыхъ, къ какой бы странѣ они ни принадлежали! И часто случалось, что люди науки пріобрѣтали заслуженную славу сначала внѣ своего отечества. Кромѣ того извѣстно, что иногда научныя изслѣдованія авторовъ встрѣчаютъ болѣе строгую и менѣе справедливую критику въ своемъ отечествѣ, чѣмъ въ иностранной литературѣ.

Необходимость братски работать создала конгрессы для международныхъ ученыхъ собратьевъ; и эта необходимость, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ по поводу предъидущей геологической сессіи, служитъ причиною ежегоднаго увеличенія числа нашихъ адептовъ.

Истинные ученые являются сторонниками истины во всѣхъ ея проявленіяхъ, а слѣдовательно, и справедливости.

Собравшись сюда для нашихъ спеціальныхъ ученыхъ цѣлей, мы можемъ считать себя счастливыми, что одновременно мы выполняемъ болѣе возвышенную цѣль, клонящуюся къ утвержденію всеобщаго

---

[1]) Офиціальнымъ языкомъ, по обыкновенію, былъ французскій.

братства. Развѣ не является особеннымъ свидѣтельствомъ симпатіи французскихъ геологовъ къ своимъ иностраннымъ коллегамъ то обстоятельство, что въ теченіе короткаго періода существованія геологическихъ конгрессовъ они предлагаютъ свое гостепріимство во второй разъ!

Организація геологическаго конгресса, какъ намъ извѣстно по опыту, представляетъ такія затрудненія, что можно удивляться рѣшимости нашихъ хозяевъ взять на себя еще разъ бремя такого труда.

Я не могу воздержаться, чтобы не выразить еще разъ нашу глубокую благодарность организаторамъ конгресса — французскимъ геологамъ".

Затѣмъ А. П. Карпинскій даетъ слово профессору Годри, который читаетъ привѣтственную телеграмму Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, почетнаго президента минувшаго VII геологическаго конгресса въ С.-Петербургѣ, и выражаетъ отъ имени всѣхъ собравшихся здѣсь геологовъ глубокую благодарность Его Высочеству за Его столь высокое благоволеніе къ конгрессу.

Послѣ прочтенія списка членовъ бюро конгресса, избранныхъ совѣтомъ конгресса въ засѣданіи того же дня, академикъ Карпинскій предложилъ собранію утвердить предложенныхъ совѣтомъ членовъ бюро и въ качествѣ президента—проф. Альберта Годри.

Послѣ продолжительныхъ рукоплесканій предсѣдательское мѣсто занялъ новый президентъ, маститый проф. Годри, произнесшій длинную рѣчь, въ которой привѣтствовалъ пріѣзжихъ геологовъ отъ имени своихъ французскихъ коллегъ.

Упомянувъ о томъ, что смерть похитила болѣе половины членовъ совѣта I-го геологическаго конгресса въ Парижѣ въ 1878 г., проф. Годри перечислилъ имена славнѣйшихъ геологовъ, скончавшихся послѣ С.-Петербургскаго конгресса а именно: генерала Тилло, столь же извѣстнаго геодезиста-географа, какъ и геолога; проф. Гошкорна (Hauchecorne)—редактора геологической карты Европы; Жаннеттаза (Jannettaz) — секретаря I-го геологическаго конгресса; почтеннаго старца Джемса Голля (James Hall), американскаго палеонтолога, который, не смотря на свой 85 лѣтній возрастъ, не только принималъ участіе въ засѣданіяхъ VII геологическаго конгресса въ С.-Петербургѣ, но участвовалъ даже въ экскурсіи на Уралъ; и наконецъ, американскаго ученаго Марша (Marsh), открывшаго замѣчательную ископаемую

3*

фауну крупныхъ позвоночныхъ и передавшаго свою богатѣйшую коллекцію въ даръ своему отечеству.

По предложенію президента память почившихъ ученыхъ была почтена вставаніемъ.

Указавъ на ту общую для всѣхъ геологовъ цѣль, направленную къ распознанію тайнъ происхожденія нашего міра, и все болѣе укрѣпляющіяся узы единенія геологовъ благодаря періодическимъ встрѣчамъ на конгрессахъ, почтенный президентъ указалъ и на то, что кромѣ единенія и дружбы конгрессы даютъ несомнѣнные научные результаты. „Конгрессы подготовляютъ рѣшеніе наиболѣе трудныхъ вопросовъ; ими положено начало соглашенію относительно изображенія и номенклатуры различныхъ геологическихъ формацій. На геологическихъ картахъ для обозначенія опредѣленныхъ формацій употребляются во всѣхъ странахъ одинаковыя краски, такъ что всякій можетъ понимать такую карту, не прибѣгая къ объясненіямъ красокъ и знаковъ. Главнѣйшія геологическія подраздѣленія уже установлены, но еще вопросъ, будетъ ли желательно идти далѣе въ геологической классификаціи, или же придерживаться мнѣнія ученаго Prestwich'а, сказавшаго на Лондонскомъ конгрессѣ: *„нужно стараться не ограничивать наше знаніе слишкомъ узкими рамками, которыя, вмѣсто развитія, могутъ задержать его успѣхи. Эти рамки должны быть достаточно эластичными, для того чтобы приноравливаться къ быстрому развитію, которое нужно ждать отъ геологіи“*.

На конгрессѣ въ Болоньѣ вами были предложены правила для палеонтологической номенклатуры; въ особенности же, желая уменьшить число названій видовъ, было тогда вами сказано: *Видъ можетъ представлять извѣстное количество измѣненій, связанныхъ между собою во времени и въ пространствѣ... Эти измѣненія будутъ обозначаться, въ случаѣ необходимости, третьимъ терминомъ, сообразно съ даннымъ случаемъ, словами: „разновидность, мутація или форма“*. Этому совѣту послѣдовали и онъ исполнился.

Вами было выражено нѣсколько желаній. Такъ, на конгрессѣ въ С.-Петербургѣ было высказано желаніе о введеніи въ курсъ старшихъ классовъ гимназій въ различныхъ государствахъ преподаванія геологіи и палеонтологіи. Французское правительство приняло ваше желаніе. Вы оказали большую услугу геологіи и палеонтологіи въ нашемъ отечествѣ. Надо надѣяться, что и другія ваши желанія, внушенныя исключительно пользой знанія, будутъ также услышаны.

Вамъ будетъ предложено поддержать вашимъ высокимъ автори-

тетомъ идею воспроизведенія посредствомъ фотографій на отдѣльныхъ листкахъ изображеній впервые описанныхъ типовъ палеонтологическихъ видовъ. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ собратьевъ нашихъ будетъ предложено вамъ учредить постоянный комитетъ для производства изслѣдованій, требующихъ продолжительной работы. Этотъ проектъ мнѣ кажется полезнымъ; нашъ конгрессъ, подобно нѣкоторымъ средневѣковымъ монастырямъ, обратится въ постоянное учрежденіе, производящее, если надо, въ продолженіи цѣлаго столѣтія, такія изслѣдованія, для выполненія которыхъ недостаточна краткая жизнь одного человѣка. Люди всѣхъ національностей соединятся для изысканія научной истины: это вотъ и является прекраснымъ образцомъ интернаціонализма.

Геологія, которая охватываетъ собою изученіе какъ органической, такъ и неорганической природы всѣхъ эпохъ, въ настоящее время настолько развилась, что каждый изъ ея отдѣловъ требуетъ особаго спеціалиста; поэтому предлагается раздѣлить засѣданія конгресса на слѣдующія четыре секціи:

1) Секція общей геологіи и тектоники,
2) Секція минералогіи и петрографіи,
3) Секція прикладной геологіи и гидрологіи,
4) Секція стратиграфіи и палеонтологіи".

Послѣ рѣчи президента генеральный секретарь конгресса г. Barrois, проф. Лилльскаго университета, сообщилъ программу конгресса и довелъ до свѣдѣнія конгрессистовъ, что 43 французскихъ геолога взяли на себя трудъ какъ руководительства экскурсіями, такъ и составленія путеводителя (Livret-guide), который былъ разосланъ членамъ еще до начала конгресса. Тридцать различныхъ экскурсій частью до конгресса, частью же послѣ него, сгруппированы такимъ образомъ, чтобы каждый могъ при желаніи и по своему выбору участвовать послѣдовательно въ четырехъ изъ нихъ и совершить такимъ образомъ восьминедневную поѣздку по Франціи или объѣхать ее въ два мѣсяца. Согласно выраженному на Петербургскомъ конгрессѣ желанію, организаціоннымъ комитетомъ назначены двѣ серіи экскурсій: въ первыхъ общихъ—могутъ принять участіе всѣ желающіе любители-геологи, вторыя же спеціальныя предоставлены только для ограниченнаго количества спеціалистовъ. Кромѣ того успѣху изданія книжки-путеводителя, а также организаціи экскурсій весьма много посодѣйствовала матеріальная помощь частныхъ жертвователей и различныхъ частныхъ горныхъ и промышленныхъ обществъ, а также

общества шести желѣзныхъ дорогъ, предоставившихъ членамъ конгресса льготный проѣздъ (со скидкою 50°/o) по принадлежащимъ имъ дорогамъ [1]).

Доклады различныхъ комиссій, избранныхъ на предъидущихъ конгрессахъ, послужатъ, сказалъ генеральный секретарь, естественною основою преній на засѣданіяхъ. Эти комиссіи были дѣятельны и потрудились не безъ успѣха, какъ это видно изъ представленныхъ конгрессу мемуаровъ предсѣдателей комиссій: профессора Renevier по геологической номенклатурѣ, проф. Richter—по ледникамъ, проф. Becke—по международному журналу по петрографіи и проф. Michel Lévy—по петрографіи. Кромѣ этихъ предметовъ на обсужденіе конгресса предложено нѣсколько другихъ вопросовъ, представляющихъ общій интересъ, а также предлагаются членамъ конгресса уже напечатанныя комитетомъ и представляющія также общій интересъ сообщенія слѣдующихъ лицъ:

Знаменитаго англійскаго геолога A. Geikie: О международномъ содѣйствіи геологическимъ изслѣдованіямъ.

Chamberlin: О развитіи дѣла геологическихъ конгрессовъ.

Huddleston: О восточной окраинѣ сѣверной части атлантическаго бассейна.

Matthew: О наиболѣе древней палеозойской фаунѣ.

Oehlert: Опубликованіе посредствомъ фотографической репродукціи типовъ ископаемыхъ формъ, описанныхъ и изображенныхъ прежде.

Salomon: Образецъ номенклатуры метаморфизованныхъ въ контактѣ горныхъ породъ.

Walcott: О до-кембрійскихъ отложеніяхъ съ ископаемыми остатками.

Weinschenk: Динамометаморфизмъ и піезокристаллизація.

Затѣмъ доводится до свѣдѣнія членовъ конгресса слѣдующее распредѣленіе занятій: четыре дня (17-го, 18-го, 21-го и 23-го августа) посвящаются засѣданіямъ четырехъ вышеупомянутыхъ секцій; одно засѣданіе предназначается для докладовъ, сопровождающихся проекціонными иллюстраціями на экранѣ; остальные же два дня предназначены для общихъ собраній, на которыхъ предсѣдатели секцій представятъ на утвержденіе конгресса доклады комиссій, а также будутъ читаться сообщенія, имѣющія общій интересъ.

---

[1]) Въ Россіи члены геологическаго конгресса пользовались безплатнымъ проѣздомъ по всѣмъ дорогамъ и во всѣхъ направленіяхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Кромѣ того, конгрессу предстоитъ назначить премію имени Спендіарова, учрежденную отцомъ молодого геолога, скоропостижно скончавшагося во время конгресса въ С.-Петербургѣ.

Въ заключеніе г. министръ народнаго просвѣщенія французской республики привѣтствуетъ отъ имени французскаго правительства геологовъ, собравшихся въ Парижѣ со всѣхъ концовъ свѣта. Опредѣливъ въ своей краснорѣчивой рѣчи роль геологіи и различныхъ отраслей относящихся къ ней знаній, г. министръ указываетъ на пользу конгрессовъ, которые оказываютъ услугу всемірному знанію и которые способствуютъ болѣе довѣрчивымъ и болѣе легкимъ международнымъ отношеніямъ.

„Si tous les hommes éminents des différents pays du monde se pouvaient bien connaître, l'opinion des différents pays serait garantie contre bien des entraînements fâcheux, contre bien des malentendus regretables. Les savants qui accourent de tous les points du monde pour s'entretenir de science pure font en même temps de bonne politique".

На засѣданіяхъ вышеупомянутыхъ секцій было сдѣлано много весьма интересныхъ докладовъ, краткое содержаніе которыхъ приводимъ.

На первомъ засѣданіи *секціи общей геологіи и тектоники*, происходившемъ 17-го августа подъ предсѣдательствомъ англійскаго геолога A. Geikie, послѣ избранія коммиссіи для осуществленія упомянутаго уже нами предложенія Geikie „О международномъ сотрудничествѣ въ геологическихъ изслѣдованіяхъ", были заслушаны слѣдующія научныя сообщенія. Проф. Дублинскаго университета J. Joli сдѣлалъ слѣдующія 4 сообщенія: 1) *Опредѣленіе возраста земли на основаніи количества содержащагося въ морѣ натрія.*—Авторъ указываетъ, что натрій въ океанахъ получается главнымъ образомъ изъ горныхъ породъ вслѣдствіе процессовъ растворенія. По его вычисленіямъ оказалось, что необходимъ былъ періодъ времени отъ 90 до 100 милліоновъ лѣтъ, чтобы воды, протекающія въ условіяхъ подобныхъ современнымъ, могли доставить океану то количество натрія, которое содержится въ немъ въ настоящее время.

2) *Объ опытахъ относительно денудаціи, производимой прѣсною и соленою водою.*— Опыты производились въ продолженіи 3—4 мѣсяцевъ надъ базальтомъ, полевымъ шпатомъ, роговой обманкой и обсидіаномъ.

Количество веществъ, растворенныхъ морской водой оказалось отъ 2 до 14 разъ болѣе растворенныхъ прѣсной водою при одинаковыхъ условіяхъ, при чемъ не принимались въ расчетъ щелочи и магнезія, находящіяся въ растворѣ въ морской водѣ; поэтому растворяющая способность морской воды выразится еще рѣзче.

3) *Порядокъ образованія силикатовъ въ вулканическихъ породахъ.*— Опредѣляя вновь точки плавленія кварца и главныхъ породообразующихъ силикатовъ, авторъ убѣдился, что эти точки плавленія—ниже допускаемыхъ до сихъ поръ. Разница оказалась менѣе значительной для силикатовъ менѣе богатыхъ кремнеземомъ, чѣмъ для содержащихъ его въ большомъ количествѣ. Докладчикъ приходитъ къ заключенію, что эти точки плавленія находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ порядкомъ уплотненія силикатовъ въ горныхъ породахъ.

Аномаліи въ порядкѣ образованія, явленіе внутре-теллурическаго роста, а также непостоянство магмы (основной массы) могутъ быть объяснены различною степенью устойчивости силикатовъ, подвергнутыхъ продолжительному нагрѣванію. Авторъ полагаетъ, что частичная кристаллизація расплавленнаго кварца происходитъ при температурѣ, спускающейся отъ 1,200° до 900° С.

4) *Внутренній механизмъ образованія морскихъ осадковъ.*—Авторъ указываетъ, что образованіе осадковъ растворенныхъ солей подчиняется приблизительно тѣмъ же законамъ и представляетъ тѣ же явленія, какія заключаются при осажденіи коллоидныхъ веществъ. Это объясняется электро-химическими причинами, что подтверждается и опытомъ. Докладчикъ заканчиваетъ свое сообщеніе примѣненіемъ своихъ наблюденій къ геологіи.

Извѣстный французскій геологъ проф. Lapparent сдѣлалъ сообщеніе „*О границахъ между геологическими ярусами*".—Часто возобновляемые между геологами споры о границахъ между ярусами происходятъ вообще вслѣдствіе различной оцѣнки значенія приводимыхъ въ доказательство фактовъ. Одни основываются на палеонтологической непрерывности, паблюдаемой ими между двумя слоями, другіе указываютъ на несогласное пластованіе тѣхъ же слоевъ въ другихъ пунктахъ. Когда согласное пластованіе происходитъ въ областяхъ синклинальныхъ, гдѣ отложеніе осадковъ, повидимому, происходило безпрерывно, то такое пластованіе, казалось бы, не можетъ служить указаніемъ для того или другого рѣшенія; такъ какъ геологическія границы могутъ быть опредѣлены только на основаніи мѣстныхъ слу-

чаевъ, болѣе или менѣе важныхъ, но не могущихъ въ общемъ воспроизвести условія морской среды, продолжавшейся цѣлые вѣка.

Поэтому проф. Лаппаранъ полагаетъ, что для вопроса объ опредѣленіи этихъ границъ особенно вѣскія данныя должны представлять тѣ страны, гдѣ границы материка подверглись въ соотвѣтствующія эпохи наиболѣе глубокимъ измѣненіямъ. Хотя онъ и убѣдился при составленіи новаго изданія своего учебника геологіи въ трудности примѣненія такого метода, тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что необходимо слѣдовать этому методу и что, если синклинальныя области и представляютъ важныя данныя о правильной послѣдовательности формъ головоногихъ моллюсковъ, то все же эти области безпрерывнаго осажденія осадковъ не могутъ представить данныхъ для подраздѣленій или опредѣленій датъ геологической исторіи.

Проф. Marcel Bertrand замѣчаетъ на это, что для возстановленія границъ между ярусами примѣняется, за отсутствіемъ другого способа, правило пріоритета, и онъ полагаетъ, что изслѣдованіе этого пріоритета могло бы быть однимъ изъ полезныхъ трудовъ конгресса.

Проф. A. Gaudry полагаетъ, что слѣдуетъ ждать многаго отъ успѣховъ палеонтологическихъ изслѣдованій. Вѣдь разграниченіе ярусовъ будетъ сдѣлано на основаніи различныхъ стадій эволюціи живыхъ существъ. Палеонтологамъ, занимавшимся изученіемъ млекопитающихъ извѣстно, какое значеніе имѣютъ эти животныя для опредѣленія возраста третичныхъ слоевъ.

Парижскій проф. Stanislas Meunier сдѣлалъ сообщеніе „*о подземной денудаціи*".—Въ очень многихъ мѣстностяхъ результатомъ выщелачиванія извести изъ почвы явилось послѣдовательное образованіе слоевъ осадковъ, изъ которыхъ новѣйшими являются залегающіе наиболѣе глубоко.

Одинъ геологическій разрѣзъ въ окрестностяхъ Mortagne представляетъ такого рода образованіе, толщею болѣе 20 метровъ. Слои отложившіеся подъ землей изобилуютъ содержаніемъ минераловъ, какъ продуктовъ позднѣйшаго выдѣленія, а кремнистыя створки раковинъ перемѣшаны тамъ съ зернами кварца; поэтому нахожденіе ихъ часто вводило геологовъ въ заблужденіе относительно происхожденія слоевъ.

Однимъ изъ интересныхъ для геолога образованій подземнаго отложенія осадковъ является континентальная фація образованій всѣхъ эпохъ. Многіе слои щебня и песка, слои фосфоритовыхъ желва-

ковъ и бонебеды должны считаться продуктами подземнаго осажденія. Лабораторные опыты дали возможность воспроизвести образованіе такого рода слоевъ со всѣми ихъ особенностями.

Проф. Bleicher (изъ Нанси) сообщилъ *„о денудаціи Вогезскихъ горъ“*.—Продолжительныя (болѣе 30 лѣтъ) изслѣдованія обоихъ склоновъ Вогезовъ позволяютъ автору въ настоящее время резюмировать и представить въ видѣ схематической карты результаты его изслѣдованій о распредѣленіи элементовъ разрушенія этого хребта какъ на лотарингскомъ склонѣ, такъ и въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ бассейномъ Соны. Изучая шагъ за шагомъ различныя образованія, можно возстановить картину состоянія лотарингскаго плато въ эпоху до четвертичную. Оно представляло собою область, изрѣзанную проточными водами и покрытую наносами.

На второмъ засѣданіи той же секціи былъ прочтенъ докладъ о трудахъ комиссіи по изслѣдованію глетчеровъ.

Затѣмъ г. Arktowski, принимавшій участіе въ бельгійской антарктической полярной экспедиціи, сдѣлалъ сообщеніе о ледникахъ южнаго полюса и ихъ распространеніи; сообщеніе это сопровождалось демонстраціей многочисленныхъ діапозитивовъ.

Проф. Richter указалъ на важное значеніе наблюденій бельгійской экспедиціи для изученія ледниковыхъ явленій. Онъ прибавилъ, что ученый A. Amberg наблюдалъ уже на Шпицбергенѣ ледники, оканчивающіеся на берегу, при чемъ снѣгъ не былъ превращенъ въ ледъ; слѣдовательно, айсберги состоятъ не изъ льда, какъ въ Гренландіи, а изъ снѣга.

На первомъ засѣданіи секціи *стратиграфіи и палеонтологіи* 18-го августа, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго мюнхенскаго проф. Циттеля (Zittel), собранію былъ представленъ *докладъ международной комиссіи по выработкѣ стратиграфической номенклатуры*, вызвавшій оживленныя пренія. Этотъ вопросъ объ однообразіи геологической номенклатуры имѣетъ столь существенное значеніе и является настолько интереснымъ, что фигурировалъ уже на первомъ геологическомъ конгрессѣ въ 1878 г. и переходилъ по наслѣдству къ послѣдующимъ. Поэтому считаю умѣстнымъ привести здѣсь краткій историческій очеркъ развитія этого вопроса.

Вопросъ о совмѣстной международной работѣ для достиженія единообразія въ геологической классификаціи былъ возбужденъ первымъ геологическимъ конгрессомъ въ Парижѣ въ 1878 году, и тогда же были избраны три комиссіи, которымъ было поручено конгрессомъ приготовить къ слѣдующему конгрессу

проекты: 1) единообразія въ международныхъ геологическихъ обозначеніяхъ, 2) единообразія въ номенклатурѣ и 3) правила для руководствованія при номенклатурѣ видовъ.

На второмъ конгрессѣ въ Болоньѣ въ 1881 году были разсмотрѣны доклады вышеназванныхъ трехъ комиссій и были положены основанія для составленія *международной геологической карты Европы*; составленіе ея было поручено международному комитету, во главѣ котораго были избраны берлинскіе профессора Beyrich и Hochecorne.

На этомъ же конгрессѣ былъ рѣшенъ въ принципѣ вопросъ о *международной гаммѣ красокъ* для обозначенія на картахъ геологическихъ образованій и тутъ же были намѣчены слѣдующія условныя краски:

для третичныхъ	образованій	желтая.
„ мѣловыхъ	„	зеленая.
„ юрскихъ	„	свѣтло-синяя.
„ лейасовыхъ	„	темно-синяя.
„ тріасовыхъ	„	фіолетовая.
„ каменноугольныхъ	„	сѣрая.
„ девонскихъ	„	коричневая.
„ силурійскихъ и кембрійскихъ	„	зеленовато-синяя.
„ архейскихъ	„	розовая.
„ изверженныхъ породъ	„	красная.

Для подраздѣленій системы были предложены обозначенія посредствомъ штриховки и нюансовъ тѣхъ же красокъ. Затѣмъ были предложены также буквенныя и цифровыя обозначенія для различныхъ системъ и ихъ подраздѣленій.

Что касается номенклатуры, то конгрессомъ были установлены слѣдующіе принципы:

1) Слово „*формація*", выражающее собою понятіе о способѣ происхожденія, а не о времени, не должно быть употребляемо въ качествѣ синонима *отложенія* или *яруса*. Но оно можетъ быть употребляемо, напримѣръ, для слѣдующихъ опредѣленій: гранитовая формація, известковая формація, морская формація, прѣсноводная формація и проч.

2) Элементы земной коры представляютъ собою минеральныя массы, которыя могутъ быть разсматриваемы съ трехъ точекъ зрѣнія:

a) разсматриваемыя съ точки зрѣнія ихъ природы и состава, они именуются „*породами*" (Roches).

b) съ точки зрѣнія ихъ происхожденія или способа образованія—„формаціями" (Formations).

c) наконецъ, съ точки зрѣнія ихъ возраста или стратиграфической послѣдовательности—„отложеніями" (Terrains).

Слово Terrain должно сохранить общій смыслъ и не примѣняться къ тому или другому порядку подраздѣленія.

Для іерархическаго подраздѣленія геологическихъ „отложеній" или „временъ", конгрессъ предложилъ 5 порядковъ подраздѣленій, подчиненныхъ одинъ другому, и избралъ слѣдующіе термины для обозначенія этихъ подраздѣленій,

имѣющихъ различное значеніе, съ точки зрѣнія хронологической или стратиграфической:

Порядокъ подраздѣленій.		Термины хронологическіе.	Термины стратиграфическіе.
1-й	порядокъ	Эра	Группа
2-й	"	Періодъ	Система
3-й	"	Эпоха	Серія
4-й	"	Вѣкъ	Ярусъ
5-й	"	Фаза (?)	Слой

Терминъ „Фаза" былъ предложенъ многими, но собственно не былъ принятъ. На слѣдующемъ конгрессѣ въ Берлинѣ въ 1885 году была дополнена вышеуказанная международная гамма красокъ и былъ возбужденъ рядъ вопросовъ относительно стратиграфическихъ границъ и номенклатуры.

Въ 1888 году на конгрессѣ въ Лондонѣ хотя и были затронуты многіе вопросы о номенклатурѣ и геологической классификаціи, но конгрессъ умышленно воздержался отъ какихъ-либо постановленій и рѣшеній по этимъ вопросамъ.

На конгрессѣ въ Вашингтонѣ въ 1891 г. эти вопросы вовсе не возбуждались.

Въ 1894 году конгрессъ въ Цюрихѣ ограничился только сообщеніями и преніями по тѣмъ же вопросамъ и предоставилъ рѣшеніе ихъ особымъ комиссіямъ.

Болѣе дѣятельнымъ и рѣшительнымъ оказался въ этомъ отношеніи конгрессъ 1897 года въ С.-Петербургѣ, дебатировавшій эти вопросы и сдѣлавшій слѣдующія постановленія относительно стратиграфической классификаціи:

1) „Конгрессъ полагаетъ, что слѣдуетъ оставаться на почвѣ историческаго метода, стараясь сдѣлать его болѣе и болѣе естественнымъ".

2) „Совѣтъ конгресса уполномочивается избрать комиссію для изученія принциповъ классификаціи въ смыслѣ вышеуказаннаго 1-го постановленія".

3) „Введеніе новаго стратиграфическаго термина въ международную номенклатуру должно быть основано на вполнѣ опредѣленной научной необходимости, мотивированной обстоятельными доводами. Всякое новое названіе должно сопровождаться точной характеристикой,—какъ батрологической, такъ и палеонтологической,—отложеній, къ которымъ оно относится; вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно основываться на данныхъ, наблюдаемыхъ не на одномъ только разрѣзѣ, а на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи".

4) „Названія, примѣняемыя къ какому-либо геологическому образованію (terrains) въ опредѣленномъ смыслѣ, не могутъ быть употребляемы въ другомъ смыслѣ".

5) „Дата публикаціи опредѣляетъ пріоритетъ стратиграфическихъ названій, данныхъ для одной и той же серіи слоевъ".

6) „Для мелкихъ стратиграфическихъ подраздѣленій, палеонтологически достаточно охарактеризованныхъ, въ случаѣ созданія новыхъ названій, является предпочтительнымъ основываться на ихъ наиболѣе существенныхъ палеонтологическихъ особенностяхъ. Употребленіе географическихъ или дру-

рихъ названій можетъ быть допущено только для отдѣловъ извѣстнаго значенія, заключающихъ нѣсколько палеонтологическихъ горизонтовъ [1]), или въ томъ случаѣ, если отложеніе не можетъ быть охарактеризовано палеонтологически.

7) „Названія, плохо составленныя этимологически, подлежатъ исправленію, но безъ изъятія ихъ изъ научнаго обихода".

Назначенная совѣтомъ С.-Петербургскаго конгресса комиссія подъ предсѣдательствомъ проф. Renevier собралась въ слѣдующемъ году въ Берлинѣ, гдѣ и занималась рѣшеніемъ предложенныхъ конгрессомъ вопросовъ. Докладъ этой международной комиссіи по стратиграфической классификаціи былъ предметомъ разсмотрѣнія на засѣданіи секціи палеонтологіи и состоялъ изъ нижеслѣдующихъ пунктовъ:

1) 1-й пунктъ, заключавшій предложеніе комиссіи сдѣлать въ вышеуказанномъ 6-мъ постановленіи конгресса маленькое добавленіе, а именно послѣ словъ *„палеонтологическихъ горизонтовъ"* для большей точности прибавить слово „т.-е. ярусовъ",—былъ принятъ секціей безъ возраженій.

2) Также былъ принятъ и 2-й пунктъ доклада, гласившій слѣдующее: „Было бы желательно при подраздѣленіи системъ, для которыхъ не существуетъ употребительныхъ названій, какъ напримѣръ, Доггеръ, Лейасъ и проч., ввести выраженія: Paléo... Méso... Néo...

NB. Префиксъ Paléo... можетъ быть замѣщенъ для сокращенія префиксомъ Eo...., напримѣръ, Eocrétacique.

„Если терминъ, данный для совокупности слоевъ, долженъ быть ограниченъ для обозначенія только части данныхъ слоевъ, то онъ можетъ быть сохраненъ только для слоевъ наилучше охарактеризованныхъ палеонтологически и соотвѣтственно первоначальному опредѣленію".

3) Относительно нѣкоторыхъ вопросовъ общаго характера, изложенныхъ въ 3-мъ пунктѣ, секція присоединилась къ мнѣнію комиссіи, а именно: a) полагаетъ неудобнымъ въ данное время заняться опредѣленіемъ стратиграфическихъ границъ, согласно предложенію геолога Williams'a; b) выработанный геологами Lohest и Forir проектъ цифроваго обозначенія отложеній, секція, согласно съ заключеніемъ комиссіи, предоставляетъ личной инициативѣ; c) соглашается съ мнѣніемъ комиссіи, предлагающей по возможности избѣгать введенія новыхъ названій.

4) Пунктъ 4-й, наиболѣе существенный и вызвавшій оживленный

---

[1]) См. далѣе постановленіе комиссіи.

обмѣнъ мнѣній на секціи, заключалъ въ себѣ основы номенклатуры пяти порядковъ подраздѣленій, допущенныхъ Болонскимъ конгрессомъ и разсмотрѣнныхъ комиссіей съ хронологической точки зрѣнія.

a) *Подраздѣленія 1-го порядка.*—Эры.

Принимая эти большія группы, комиссія предлагаетъ обозначать ихъ въ международной классификаціи употребительными терминами: палеозойская, мезозойская и кайнозойская (эра) и выключить термины первичная, вторичная, третичная (эра).

b) *Подраздѣленія 2-го порядка.*—Періоды=системы.

Палеонтологическій характеръ системъ (періодовъ) долженъ указывать на органическую эволюцію, характеризующуюся особенно изученіемъ морскихъ животныхъ.

Для того, чтобы какой-либо отдѣлъ могъ быть возведенъ въ систему, необходимо, чтобы послѣдовательность фаунъ въ немъ поддавалась хорошо выраженнымъ подраздѣленіямъ.

Согласно съ этими принципами комиссія предлагаетъ допускать въ качествѣ подраздѣленій 2-го порядка—системы, числомъ 12, предоставляя, однако, нѣкоторый просторъ для авторовъ, желающихъ установить большее или меньшее число ихъ.

Палеозойская эра могла бы быть раздѣлена на 4 періода: кембрійскій, силурійскій, девонскій и каменноугольный. Комиссія не высказывается о своевременности допущенія пятаго пермскаго періода.

Мезозойская эра подраздѣляется на три періода: тріасовый, юрскій и мѣловой, но считается возможнымъ допустить 4 періода, выдѣливъ, напримѣръ, лейасъ изъ юрской системы въ самостоятельный періодъ.

Кайнозойская эра могла бы дѣлиться на два періода: третичный и современный.

По поводу этихъ предложеній комиссіи проф. Годри заявилъ, что, по его мнѣнію, комиссія отдаетъ слишкомъ большое предпочтеніе для характеристики системъ (періодовъ) изученію морскихъ организмовъ, между тѣмъ какъ въ этомъ отношеніи особенную услугу можетъ оказывать изученіе наземныхъ животныхъ, напримѣръ, млекопитающихъ—для опредѣленія возраста третичныхъ отложеній. Кромѣ того, онъ высказался за сохраненіе терминовъ для обозначенія эръ: первичная, вторичная и третичная. Эти заявленія были поддержаны также

профессорами Gosselet и M. Bertrand, высказавшимися также противъ догматизаціи науки.

c) *Подраздѣленіе 3-го порядка.—Эпохи=серіи.*

Періоды раздѣляются на эпохи, обозначающіяся префиксами Eo.... Méso.... Néo.... предъ названіемъ періода, напримѣръ, Eodevon, Eolias и проч.

Проф. Годри высказываетъ по этому поводу желаніе, чтобы геологическія названія были по возможности простыми и понятными.

d) Подраздѣленіе 4-го порядка.—Вѣка=ярусы.

Комиссія полагаетъ, что подраздѣленія этого порядка имѣютъ мѣстное значеніе и не являются необходимыми въ международной классификаціи. Они могутъ обозначаться названіемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они являются наиболѣе типичными, напримѣръ, портландскій, бартонскій ярусы и пр.

e) Наконецъ, самыми мелкими подраздѣленіями являются фазы (зоны), которыя характеризуются какою-либо руководящею ископаемою формою, напримѣръ, зона Amaltheus margaritatus, зона Productus horridus и т. п.

Докладъ комиссіи былъ принятъ и одобренъ собраніемъ, вмѣстѣ съ тѣми замѣчаніями, которыя были сдѣланы по этому поводу.

Послѣ доклада стратиграфической комиссіи были сдѣланы слѣдующія сообщенія:

Проф. Scott (изъ Нью-Джерсея) сообщилъ о *геологіи Патагоніи*, гдѣ наблюдается слѣдующая послѣдовательность слоевъ: a) отложенія гольта, заключающія такія формы аммонитовъ, которыя указываютъ на полное сходство съ одновременной фауною гольта южной Африки; b) затѣмъ слѣдуетъ ярусъ магеланскій, соотвѣтствующій по возрасту эоцену или олигоцену; c) ярусъ патагонскій, обильный ископаемыми, весьма родственными съ ископаемыми міоцена Австраліи и Новой Зеландіи; d) слои санта-круца [1]), относящіеся къ прѣсноводнымъ образованіямъ міоцена съ фауною млекопитающихъ, болѣе сходною съ соотвѣтствующею фауною южной Африки, чѣмъ сѣв. Америки; e) наконецъ, слои мыса Fairweather—пліоценоваго возраста.

2) Проф. Raulin (изъ Бордо) сдѣлалъ сообщеніе о *третичныхъ отложеніяхъ Аквитаніи и ихъ классификаціи.* Третичныя отложенія этого бассейна являются въ западной части морскими, въ сред-

[1]) Эти слои, по мнѣнію проф. Deperet, относятся къ олигоценовымъ. Профессоръ же Zittel считаетъ ихъ либо олигоценовыми, либо міоценовыми.

ней части—смѣшанными, а въ восточной — прѣсноводными. Докладчикъ параллелизировалъ эти отложенія съ отложеніями Парижскаго бассейна.

3) C. Eug. Bertrand (проф. ботаники въ Лиллѣ) сообщилъ *объ ископаемыхъ угляхъ.*

Докладчикъ изслѣдовалъ два типа горючихъ веществъ, называемыхъ въ промышленной техникѣ богхедами и битуминозными сланцами. Первые образованы водорослями, накопленіе которыхъ произошло быстро и одновременно (въ одинъ сезонъ), такъ какъ не замѣчается ни перерыва въ отложеніи, ни распространенія разложенія въ сосѣдствѣ съ капролитами. Процессъ окаменѣнія происходилъ въ присутствіи веществъ битуминозныхъ. Битуминозные сланцы представляютъ накопленія бураго студеня, образовавшіяся въ тѣхъ же условіяхъ, что и богхеды; но вышеназванныя вещества въ нихъ составляютъ только незначительную часть. Эти угли представляютъ общее основаніе, въ которомъ образуются другіе органическіе угли. При преобладаніи водорослей образуются богхеды, преобладаніе споръ обусловливаетъ образованіе угля со спорами, а при преобладаніи капролитовъ образуется животный уголь. Во всѣхъ типахъ углей докладчикъ указываетъ присутствіе этихъ различныхъ признаковъ.

4) Проф. Grand' Eury (изъ Парижа): *О стебляхъ, отпустившихъ корни въ угленосныхъ отложеніяхъ.*

Авторъ указалъ, что стебли съ корнями жили тамъ, гдѣ они найдены, что растенія, участвовавшія въ образованіи угля, представляли собою болотныя растенія, развившія корни въ водѣ. Основываясь на примѣрахъ выпусканія корней стебля на висячихъ и лежачихъ бокахъ пластовъ, а также въ промежуткахъ между двумя угольными пластами, докладчикъ говоритъ, что эти пласты вообще образовались вслѣдствіе слабаго проникація болотъ, окружающихъ угленосные бассейны въ эти послѣдніе. То же самое относится къ слоямъ бураго угля. Словомъ, получались торфяныя образованія всѣхъ геологическихъ эпохъ; осталась только эта перенесенная часть, которая могла покрыть болото и которая сохранилась такимъ образомъ.

Что касается механизма образованія угленосныхъ бассейновъ, то докладчикъ говоритъ, что такъ какъ укоренившіяся стебли встрѣчаются безъ всякой правильности на всемъ протяженіи и на всякой глубинѣ, то изъ этого можно заключить, что бассейнъ углублялся во время своего образованія вслѣдствіе то медленныхъ, то быстрыхъ колебаній.

Наконецъ, касательно способа заполненія бассейна, онъ замѣчаетъ, что смѣны ярусовъ обозначаются смѣною состава и величины горныхъ породъ, которыя указываютъ на существованіе большихъ орогеническихъ колебаній во время образованія бассейна.

Во второмъ засѣданіи той же секціи было сдѣлано много сообщеній; краткое содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ мы приведемъ въ дальнѣйшихъ строкахъ.

1) Американскій геологъ Osborn представилъ собранію цѣлую серію фотографій, иллюстрирующихъ работы по раскопкамъ остатковъ крупныхъ ископаемыхъ позвоночныхъ, а также изображенія уже собранныхъ скелетовъ этихъ животныхъ, хранящихся въ Американскомъ естественно-историческомъ музеѣ (American Museum of natural History).

Затѣмъ г. Osborn сдѣлалъ сообщеніе о *соотношеніи между фауною млекопитающихъ и геологическими ярусами третичныхъ отложеній Европы и Америки*. На основаніи сравненія изслѣдованій европейскихъ и американскихъ геологовъ, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что палеонтологическія и стратиграфическія данныя (особенно при сравненіи эоценовыхъ отложеній) для обѣихъ частей свѣта являются весьма сходными, что ходъ развитія былъ параллеленъ, если не вполнѣ тожественъ и что въ Америкѣ можно допустить подраздѣленія третичныхъ отложеній на тѣ же ярусы, какъ и въ Европѣ.

2) Французскій проф. Ficheur (изъ Алжира) представилъ 3-е изданіе *геологической карты Алжира* въ масштабѣ $\frac{1}{800.000}$, восполнившей существовавшіе раньше пробѣлы, а также съ тѣми измѣненіями, которыя явились результатомъ новыхъ изслѣдованій. Измѣненія эти коснулись главнымъ образомъ отложеній древнѣе юрскихъ и отложеній третичныхъ.

3) Г. Flamand сообщилъ о *геологіи юга Алжира (возвышенныя плоскогорья и горы Ксуръ) и областей Сахары*. Изъ описанія докладчика явствуетъ, что самыми древними отложеніями здѣсь являются отложенія пермскаго возраста, подстилающія собою юрскія; эти послѣднія выражены всѣми тремя отдѣлами и покрываются мѣловыми образованіями, за которыми слѣдуютъ третичныя, начинающіяся олигоценовыми и заканчивающіяся пліоценовыми.

3) Проф. Douvillé (изъ Парижа) сдѣлалъ сообщеніе о *юрскихъ отложеніяхъ Мадагаскара*. Юрскія отложенія, выраженныя довольно

полно, являются очень сходными съ соотвѣтственными отложеніями нѣмецкихъ колоній въ восточной Африкѣ, которыя тянутся чрезъ владѣнія Сомали въ Абиссинію. Докладчикъ находитъ также сходство ихъ съ провинціей Кёчъ (Cutch) и со слоями съ остатками растеній Индіи.

4) Другое сообщеніе того же докладчика было о *геологическихъ результатахъ изслѣдованій де Моргана въ Персіи* (*1889—1899*). De Morgan изслѣдовалъ хребетъ Эльбурса, область между Кашаномъ и Испаганью, между Испаганью и Дизфуломъ и страну Бактіаровъ. Собранныя имъ и опредѣленныя проф. Donvillé окаменѣлости относятся большею частью къ ярусамъ, начиная отъ каменноугольной и кончая датскимъ ярусомъ мѣловой системы. Докладчикъ изслѣдовалъ вновь такъ называемыя лофтузіи (Loftusia), гигантскія корненожки, которыя были найдены Морганомъ вмѣстѣ съ радіолитами и бирадіолитами изъ мѣловыхъ отложеній, вѣроятно сантонскаго возраста. Эти корненожки причислялись ошибочно къ альвеолинамъ, съ которыми онѣ сходны по формѣ, но теперь ихъ надо отнести къ группѣ исключительно мѣловыхъ формъ спироциклинидъ (Spirocyclinidés), установленной проф. Munier-Chalmas.

5) Проф. Zeiller (изъ Парижа) сдѣлалъ сообщеніе объ *ископаемыхъ растеніяхъ Тонкина*. Изученіе многочисленныхъ отпечатковъ растеній изъ минеральныхъ горючихъ веществъ нижняго Тонкина показало докладчику, что тонкинская ископаемая флора состоитъ изъ смѣси видовъ, тожественныхъ съ видами рётскаго яруса Европы, и видовъ индійскихъ, изъ которыхъ одни пермо-тріасовые, а другіе лейасовые; авторъ относитъ слои съ этими растеніями къ рётскому возрасту. Въ верхнемъ Тонкинѣ среди залежей горючихъ веществъ въ Yen-Baï найдены Salvinia, листья пальмъ и двусѣмянодольныхъ растеній, весьма напоминающихъ современныя формы; въ виду нахожденія тамъ же раковинъ Paludina, очень близкихъ къ раковинамъ левантійскаго яруса Европы, авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что эти отложенія относятся къ верхне-третичнымъ.

6) Проф. Malaise (изъ Gambloux—въ Бельгіи) сообщилъ о *кембрійскихъ и силурійскихъ отложеніяхъ Бельгіи*. Перечисливъ найденныя въ кембрійскихъ образованіяхъ Арденнъ окаменѣлости, авторъ сообщилъ, что онъ нашелъ въ дрѣвнихъ аспидныхъ сланцахъ Брабанта два вида Oldhamia, именно O. radiata и O. antiqua, характерные для кембрійскихъ отложеній. Затѣмъ докладчикъ перечислилъ тѣ ярусы силурійской системы, которые можно было установить благодаря найденной имъ богатой фаунѣ.

7) T. Oehlert (изъ Лаваля—во Франціи) представилъ на усмотрѣніе собранія весьма важный проектъ *основанія международнаго изданія, предназначеннаго, для воспроизведенія описанныхъ раньше ископаемыхъ типовъ и видовъ.* Это изданіе имѣетъ цѣлью воспроизведеніе на отдѣльныхъ таблицахъ (fiche) точнымъ образомъ первоначальнаго рисунка типа или самый типъ, если таковой существуетъ, вмѣстѣ съ оригинальнымъ первоначальнымъ діагнозомъ. Г. Oehlert полагаетъ, что это изданіе явится полезнымъ дополненіемъ къ библіографическимъ указателямъ, такъ какъ дастъ не только указаніе источника, но и самый документъ, на который указатели ссылаются. Послѣ нѣкоторыхъ сдѣланныхъ по поводу проекта замѣчаній и разъясненій были поставлены слѣдующіе вопросы: 1) Полезно ли переизданіе типовъ древнихъ видовъ? 2) Представляется ли практичнымъ способъ изданія на отдѣльныхъ листкахъ или таблицахъ? 3) Нельзя ли избрать международную комиссію для окончательной разработки и представленія его къ будущему конгрессу въ Вѣнѣ?

По предложенію предсѣдателя секціи вопросы эти переданы на разсмотрѣніе совѣта.

8) Геологъ W. F. Hume отъ своего имени и отъ имени гг. Barrow и Beadnell сдѣлалъ сообщеніе о *долинахъ разрыва* (*Rift-Valleys*) *Синая.* Продольныя долины восточнаго Синая представляютъ собою трещины параллельныя заливу Акаба. Здѣсь наблюдается пять такихъ параллельныхъ другъ другу долинъ; осадочныя образованія опустились по крайней мѣрѣ на 400 метровъ, окруженныя съ обѣихъ сторонъ гранитовыми породами. Это значительное тектоническое перемѣщеніе и является причиною этихъ большихъ трещинъ—долинъ. Можно подмѣтить три главныя системы: одна, параллельная заливу Акаба, простирается, повидимому, чрезъ сѣверную часть Аравіи; другая, параллельная Суэцкому заливу, обусловливаетъ собою нѣсколько долинъ западнаго Синая; наконецъ, третья поперечная, которая не можетъ быть точно доказана, но по своимъ общимъ признакамъ вполнѣ сходна съ прочими.

Въ слѣдующемъ сообщеніи г. Hume познакомилъ собраніе съ результатами изслѣдованій *долинъ восточнаго Синая.* Главная цѣпь Синайскихъ горъ въ Эт-Тхебтъ не совпадаетъ съ линіей водораздѣла, отстоящей обыкновенно на небольшомъ разстояніи къ востоку. Главная цѣпь между Эт-Тхебтъ и Расъ-Могаммедъ также не совпадаетъ съ водораздѣльной линіей, находящейся здѣсь западнѣе. Главная система южнаго полуострова образована длинными хребтами, направляющимися

съ с. з.—ю. в. Къ востоку отъ Фершъ-Шейкъ-эль-Арабъ, поперечная система тянется съ запада на востокъ по заливу Акаба. Къ сѣверу отъ этого хребта простирается сѣверная область въ видѣ плато въ 1200 метровъ высотою, въ южной части котораго часто встрѣчаются бугры и пески. Долины представляются въ видѣ глубокихъ и узкихъ впадинъ съ очень крутыми склонами. Къ югу отъ поперечнаго хребта долины направляются къ югу-востоку, а къ сѣверу—имѣютъ направленіе сѣверо-восточное. Существенныя черты южнаго Синая обязаны скорѣе явленіямъ дислокаціи, чѣмъ размыву. Трещины простираются въ трехъ направленіяхъ, и отъ этого зависитъ общее строеніе данной мѣстности.

Въ третьемъ докладѣ г. Hume отъ своего имени и отъ имени г. Barrow познакомилъ собраніе съ *геологіей восточной пустыни Египта*. При изслѣдованіи аравійской пустыни между Джебель-Харибомъ и Іено-Госсеиромъ, эти геологи встрѣтили метаморфическія, вулканическія и осадочныя породы. Метаморфическія породы оказались древнѣе вулканическихъ. Сначала идутъ гнейсы, затѣмъ сланцы, за которыми слѣдуютъ граувакки, діабазы и долериты. Проявленіе вулканической дѣятельности началось въ періодъ образованія граувакъ. Но главная масса долеритовъ и андезитовъ является моложе (аспидныхъ) сланцевъ. Эти породы покрыты, и часто прорѣзаны, кварцевыми діоритами, сѣрыми гранитами, часто гнейсовыми. Надъ вулканическими породами, прорѣзая ихъ, возвышаются массы краснаго гранита, прорѣзанныя въ свою очередь дейками діабаза. Всѣ эти метаморфическія и вулканическія породы выравнены размывающимъ дѣйствіемъ моря, и на ихъ размытой поверхности покоится такъ называемый нубійскій песчаникъ, относящійся къ сантонскому ярусу мѣловой системы. Мѣловые известняки (нижняго сенонскаго яруса) покрываютъ песчаникъ и выражены тремя фаціями. Эоценовые слои, подраздѣляемые по ихъ литологическому характеру на двѣ группы, верхнюю известковую и нижнюю глинистую, являются весьма однообразными. Олигоценовыя отложенія, повидимому, отсутствуютъ. Міоценовые слои развиты на западномъ берегу Суэцкаго залива. Пліоценъ, повидимому, представляетъ собою эпоху колебаній земной коры, обусловившую образованіе холмовъ Краснаго моря. Къ этому періоду относятся конгломераты долины и известняки Вади-Куэна. Плейстоценъ ознаменовался здѣсь отступаніемъ моря и различными дислокаціонными явленіями. Коралловые рифы были приподняты для образованія, напримѣръ, цѣпи горъ Эсхъ, параллельной Суэцкому заливу.

Вѣроятно, эти перемѣщенія сопровождались постепеннымъ переходомъ бывшаго дождливаго режима къ современному пустынному режиму.

Остальныя сообщенія за позднимъ временемъ были перенесены на засѣданіе общаго собранія.

Первое засѣданіе секціи *минералогіи и петрографіи* 17-го августа подъ предсѣдательствомъ нѣмецкаго проф. Циркеля (Zirkel) было посвящено разсмотрѣнію доклада международной комиссіи по петрографіи, представившей къ одобренію конгресса слѣдующія предложенія:

1) *Имя автора должно всегда сопровождать названіе горной породы, какъ это практикуется въ зоологіи и ботаникѣ.*

2) *Конгрессу предлагается назначить международную комиссію, которой было бы поручено изданіе списка новыхъ названій горныхъ породъ вмѣстѣ съ ихъ описаніемъ по возможности обстоятельнымъ, съ ихъ химическимъ анализомъ и, въ случаѣ надобности, съ рисунками, изображающими ихъ структуру. Это изданіе должно быть печатаемо въ отчетахъ международныхъ конгрессовъ.*

3) *Желательно прежде всего упорядочить номенклатуру изверженныхъ горныхъ породъ, въ которой особенно ощутительно сказывается отсутствіе единообразія. Различные авторы придаютъ различное значеніе и смыслъ одному и тому же названію, и, наоборотъ, различныя наименованія употребляются для обозначенія одной и той же горной породы, одной и той же группы породъ или одной и той же структуры. Всѣ затрудненія въ существующей номенклатурѣ могутъ и должны быть устранены, по крайней мѣрѣ для большихъ группъ.*

4) *Характеристика большихъ группъ (напр. семействъ) должна основываться на минералогическомъ составѣ, подкрѣпляемомъ химическимъ составомъ и структурою.*

5) *Большія группы могутъ быть установлены уже въ настоящее время, не стѣсняя дальнѣйшаго развитія классификаціи и подраздѣленія этихъ группъ.*

6) *Желательно обозначить главные типы структуры спеціальными названіями.*

7) *Необходимо избѣгать употребленія одного и того же наименованія (термина) въ различныхъ значеніяхъ.*

8) *Должно избѣгать по возможности употребленія и созданія различныхъ терминовъ для обозначенія одного и того же понятія, одной и той же горной породы или одной и той же группы породъ.*

9) *Необходимо избѣгать по возможности для обозначенія новыхъ*

горныхъ породъ употребленія предшествовавшихъ названій, придавая имъ новый смыслъ, расширяя или съуживая ихъ значеніе.

Всѣ эти предложенія комиссіи были приняты собраніемъ.

Затѣмъ секціей было постановлено напечатать въ трудахъ конгресса петрографическій лексиконъ, составленный проф. Левинсономъ-Лессингомъ и переведенный на французскій языкъ проф. Ch. Barrois.

На второмъ засѣданіи той же секціи 21-го августа были произведены выборы нѣсколькихъ геологовъ въ международную петрографическую комиссію, подъ предсѣдательствомъ проф. Циркеля. Рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ объ изданіи международнаго журнала по петрографіи, въ которомъ будутъ помѣщаться небольшія резюме вышедшихъ въ свѣтъ новыхъ работъ, а также и оригинальныя статьи. но весьма краткія. Затѣмъ были заслушаны сообщенія слѣдующихъ лицъ:

1) Проф. Sacco (изъ Турина)—„*Опытъ общей классификаціи горныхъ породъ*", съ точки зрѣнія чисто дидактической. Такъ какъ горныя породы представляютъ собою соединенія, а не отдѣльныя единицы, какъ единицы біологическія и минералогическія, то является болѣе предпочтительнымъ группировать ихъ въ семейства, основываясь особенно на ихъ химическомъ составѣ, являющемся основнымъ характеромъ и по большей части независимымъ отъ минералогическаго состава, возраста и способа образованія. Докладчикъ представилъ затѣмъ эту свою классификацію, которая появится въ трудахъ конгресса.

2) Секретаремъ конгресса была представлена замѣтка г. W. Salomon (изъ Гейдельберга) объ „*Опытѣ номенклатуры метаморфическихъ горныхъ породъ*", которая была издана комитетомъ и роздана членамъ конгресса.

3) Проф. Weinschek (изъ Мюнхена) представилъ замѣтку, также напечатанную комитетомъ конгресса, „*О динамо-метаморфизмѣ и піезокристаллизаціи*" и сдѣлалъ сообщеніе „*объ образованіи графита*". Залежи графита на островѣ Цейлонѣ, а также въ Пассау (Баварія) и въ Богеміи указываютъ, что этотъ минералъ не является первичнымъ въ горныхъ породахъ, которыя его заключаютъ, но что онъ былъ доставленъ сюда „неорганическими агентами" подъ вліяніемъ вулканическихъ агентовъ.

Фумароллы, содержащія главнымъ образомъ угольный ангидридъ, углеводороды и ціанистыя соединенія металловъ, отложили съ одной стороны графитъ, а съ другой окиси желѣза, титана и марганца,

разрушая данную горную породу. Съ другой стороны, залежи графитовъ въ Альпахъ являются результатомъ метаморфизма каменныхъ углей вслѣдствіе контакта съ гранитами. Слѣдовательно, въ томъ и въ другомъ случаѣ оказывается, что графитъ не обязанъ своимъ происхожденіемъ столь древнимъ организмамъ, какъ предполагало большинство авторовъ.

4) Секретарь конгресса прочелъ сообщеніе г-на Hague (изъ Вашингтона) „*О третичныхъ вулканахъ Absaroka-Range*". Эта гористая мѣстность образована почти исключительно изверженными третичными горными породами (толщею болѣе 1800 метровъ), прорѣзанными интрузивными гранитоидными горными породами (граниты, діориты и проч.), изверженіе которыхъ является современнымъ уже орогеническимъ колебаніямъ, которыя приподняли эту мѣстность.

5) Sabatini (изъ Рима) сдѣлалъ сообщеніе о современномъ положеніи дѣла по изученію вулкановъ центральной Италіи.

Секція *прикладной геологіи* имѣла также два засѣданія подъ предсѣдательствомъ г. Шмейссера (Schmeisser), директора Берлинской Горной Академіи.

На первомъ засѣданіи 18-го августа проф. Mourlon (изъ Брюсселя) сдѣлалъ сообщеніе о *новыхъ задачахъ бельгійской геологіи*, дающихъ важные результаты какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи.

Проф. Gosselet (изъ Лилля) сообщилъ о *соленыхъ водахъ, встрѣчающихся въ водоносныхъ горизонтахъ Франціи*. Въ каменноугольныхъ слояхъ воды насыщены хлористымъ натріемъ, между тѣмъ какъ въ каменноугольномъ известнякѣ, онѣ хотя и содержатъ еще натрій, но являются сѣрно- и углекислыми. Эти содержащія натрій воды встрѣчаются также въ мѣловыхъ и даже третичныхъ осадкахъ. Было предложено нѣсколько гипотезъ для объясненія происхожденія ихъ. Такъ, полагали, что онѣ являются результатомъ прониканія въ почву морской воды, или же считали ихъ подземными водами, содержащимися въ тѣхъ частяхъ почвы, которыя не были еще выщелочены водами верхняго горизонта. Однако существованіе соленыхъ водоносныхъ горизонтовъ выше уровня моря дѣлаетъ обѣ эти гипотезы мало вѣроятными.

Г. Stirrup заявилъ, что въ окрестностяхъ Манчестера въ долинахъ имѣется нѣсколько красиленъ, при которыхъ вырытъ въ гравіѣ въ разстояніи нѣсколькихъ метровъ другъ отъ друга рядъ колодцевъ,

дающихъ то прѣсную, то соленую воду. Для этого, по его мнѣнію, не приложимо объясненіе, данное проф. Gosselet.

Г. Marboutin сообщилъ, что онъ для надобностей обсерваторіи въ Montsouris начертилъ кривыя одинаковыхъ гидротиметрическихъ градусовъ. Затѣмъ онъ занялся опредѣленіемъ скорости теченія подземныхъ водъ и нанесеніемъ изохроно-хроматическихъ кривыхъ. Для опредѣленія этихъ кривыхъ имъ примѣненъ слѣдующій новый и интересный методъ, позволяющій прослѣдить водоносный горизонтъ, не причиняя никакого безпокойства населенію, а именно: онъ наливалъ нѣкоторое количество слабаго флуоресценна, присутствіе котораго въ водѣ онъ опредѣлялъ затѣмъ посредствомъ флуороскопа съ большою точностью. Сравнивая эти обѣ серіи кривыхъ, можно видѣть, что болѣе высокіе гидротиметрическіе градусы находятся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода стоячая.

Van der Veur (изъ Willemstad) сдѣлалъ сообщеніе объ *увеличеніи площади Нидерландскаго королевства посредствомъ осушенія залива Зейдеръ-зее.* — Въ настоящее время находятся на разсмотрѣніи большіе проекты сооруженія гигантской плотины, благодаря которой было бы возможно отвоевать у моря 200.000 гектаровъ новыхъ земель, 4.000 фермъ для государства, имѣть прѣсную воду въ Амстердамѣ и въ Иссельскомъ озерѣ, и все это—безъ неудобства для общественнаго здравія. Въ заключеніи докладчикъ выражаетъ благодарность иностранной прессѣ за ея содѣйствіе этому грандіозному проекту мирнаго завоеванія обширной территоріи.

Президентъ выражаетъ отъ имени собранія пожеланіе успѣшнаго осуществленія этого проекта.

Затѣмъ г. Thevenin прочелъ сообщеніе г. Фабра о *нагорныхъ равнинахъ Верхнихъ Пиренеевъ и о дюнахъ Гасконіи.* — По мнѣнію автора оба явленія размыванія предгорій и прибрежныхъ наносовъ въ одномъ и томъ же бассейнѣ не могутъ быть независимыми, но ни одна изъ предложенныхъ до сихъ поръ теорій для объясненія образованія гасконскихъ дюнъ не представляется ему достаточно удовлетворительной. Авторъ склоненъ считать дюнный песокъ скорѣе результатомъ подземныхъ наносовъ, чѣмъ морскихъ размывовъ.

Сильныя абразіи, которымъ подвергались и теперь еще подвергаются при-пиренейскія нагорныя равнины, играютъ, по его мнѣнію, главную роль въ образованіи этихъ песчаныхъ прибрежій. Различіе возраста дюнъ можно считать прибрежнымъ отраженіемъ многочисленности пиренейскихъ ледниковыхъ періодовъ. Авторъ приходитъ къ

заключенію, что облѣсеніе пустошей Ланнемезана послужитъ не только къ защитѣ равнины Арманьяка отъ наводненій, но и къ замедленію процесса постояннаго занесенія пескомъ гасконскаго берега.

На второмъ засѣданіи этой же секціи 23-го августа были сдѣланы слѣдующія сообщенія: проф. Van den Broeck,—о *прикладной геологіи.* Докладчикъ началъ съ изложенія краткаго историческаго очерка развитія практическаго направленія въ геологическихъ изслѣдованіяхъ, при чемъ замѣтилъ, что это направленіе не столь ново, какъ многіе полагаютъ. Еще Констанъ Прево (Constant Prévost), первый учредитель французскаго геологическаго общества, имѣлъ въ виду, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ различные документы, настолько расширить практическую геологію, что его друзья и товарищи принуждены были съ самыхъ первыхъ шаговъ особенно настаивать на томъ, чтобы не обратить только что возрождающееся общество въ нѣчто, въ родѣ научнаго, техническаго и коммерческаго вѣдомства.

Если въ 1830 году это предложеніе о необходимости прикладнаго направленія геологіи не получило практическаго осуществленія, то только потому, что еще не наступило время и потому, что проницательный, слишкомъ ревностный предвозвѣстникъ жилъ на $^3/_4$ вѣка раньше. Причина же та, что первоначально фаза изслѣдованій чисто научныхъ должна предшествовать періоду приложеній ихъ. Это—та фаза естественнаго развитія и распространенія геологіи, которая сначала должна заняться исключительно подробнымъ изученіемъ мѣстныхъ отложеній. Было бы прискорбно, во время этого періода нормальнаго развитія геологическаго изученія какой-либо мѣстности, отвлечь эти дѣятельныя силы, которыя необходимы для чисто научныхъ изслѣдованій.

Быстрые успѣхи геологическихъ знаній наблюдаются особенно въ мѣстностяхъ промышленныхъ и тамъ, гдѣ разрабатываются минеральныя богатства; это объясняется легко многочисленностью общественныхъ и частныхъ разработокъ, при которыхъ раскапывается и прорѣзывается различнымъ образомъ почва и подпочва данныхъ мѣстностей. Блистательнымъ примѣромъ этому можетъ служить Сѣверный департаментъ, куда счастливый случай привлекъ въ 1865 году одного изъ преданнѣйшихъ учениковъ Констана Прево проф. Gosselet, который имѣлъ возможность, съ самаго дня пріѣзда своего въ эту мѣстность, наиболѣе приспособленную для этого, осуществить съ послѣдовательностью и энергіей въ различныхъ направленіяхъ програму, намѣченную его знаменитымъ учителемъ. Тѣ же самыя благопріятныя условія облегчили задачу бельгійскихъ геологовъ, которые уже въ

1851 году имѣли, благодаря А. Дюмону, замѣчательныя геологическія карты въ масштабѣ $^{1}/_{160000}$. Въ Бельгіи уже съ давнихъ поръ пользуются прекрасными топографическими основами въ масштабѣ $^{1}/_{20000}$, которыя представляютъ для детальныхъ геологическихъ работъ драгоцѣнную основу, облегчающую геологическую съемку въ большомъ масштабѣ. Если къ этимъ вещественнымъ преимуществамъ прибавить разнообразіе составныхъ частей почвы, а также многочисленныя и различныя минеральныя богатства Бельгіи, и если, наконецъ, представить себѣ безчисленныя работы по изслѣдованію и эксплоатаціи, которымъ они положили начало, то легко будетъ понять, что бельгійскіе геологи раньше многихъ другихъ пришли къ тому, чтобы дѣятельно заняться прикладной геологіей.

Отмѣтивъ ту роль и совмѣстную дѣятельность въ этомъ направленіи двухъ обществъ: Геологическаго общества Бельгіи въ Ліежѣ и бельгійскаго геологическаго въ Брюсселѣ, докладчикъ указалъ на значеніе и интересъ этихъ работъ по прикладной геологіи, которыя, въ такой странѣ, гдѣ мѣстная геологія достигла періода расцвѣта детальныхъ съемокъ и изслѣдованій, не только не находятся въ оппозиціи съ научнымъ прогрессомъ, но напротивъ представляютъ собою могущественный двигатель прогресса.

Г. Kunz (изъ Нью-Іорка) сдѣлалъ сообщеніе объ *успѣхахъ добычи драгоцѣнныхъ камней въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ*. Докладчикъ обратилъ вниманіе собранія на находки многочисленныхъ интересныхъ минераловъ, на геологическія данныя, необходимыя для поисковъ драгоцѣнныхъ камней и на сдѣланныя уже многими американскими геологами изслѣдованія для опредѣленія залежи алмазовъ, найденныхъ въ Висконсинѣ и имѣющихся, какъ полагали, въ области Лабрадора и Джемсъ-Бей. На составленной докладчикомъ геологической картѣ отмѣчены 24 мѣстности въ трехъ различныхъ областяхъ. Турмалинъ, сапфиръ, бирюза и другіе драгоцѣнные камни отмѣчены на этой картѣ. Въ 1899 году было добыто драгоцѣнныхъ камней на сумму въ одинъ милліонъ франковъ.

Г. Leon Janet сдѣлалъ сообщеніе о *каптажѣ и охранѣ источниковъ годной для питья воды*. Каптажъ такого источника имѣетъ главною цѣлью предохранить его отъ загрязненія, могущаго произойти въ сосѣдствѣ съ мѣстомъ выхода его и особенно на томъ протяженіи, которое вода проходитъ между водоноснымъ слоемъ и дневною поверхностью почвы. Правильный каптажъ источника состоитъ вообще въ томъ, чтобы отыскать воду въ геологическомъ залеганіи

посредствомъ колодцевъ, буровыхъ скважинъ или галлерей, не принимая въ соображеніе пункта естественнаго выхода.

Охрана источника воды для питья имѣетъ цѣлью избѣжать загрязненія воды подземнаго водоноснаго горизонта въ томъ мѣстѣ, гдѣ она покидаетъ свое геологическое мѣсто, чтобы выйти на поверхность земли.

При охранѣ необходимо сначала приблизительно опредѣлить периметръ питанія источника, т.-е. поясъ, въ которомъ каждая падающая на поверхность земли молекула воды можетъ оказаться въ пунктѣ выхода источника.

Затѣмъ необходимо изучить способъ всасыванія воды въ этомъ периметрѣ питанія либо посредствомъ маленькихъ струекъ, либо при паденіи потока воды въ ямы.

Наблюденіе надъ распредѣленіемъ ниспадающей въ яму воды въ горизонтальной плоскости и надъ сообщеніемъ ямы съ источникомъ могутъ быть произведены при помощи красящихъ веществъ, какъ напримѣръ, флуоресцеина, составляя такъ называемыя изохроно-хроматическія кривыя, проходящія чрезъ тѣ точки, куда красящее вещество доходитъ въ опредѣленный промежутокъ времени.

Опасность сообщенія между источникомъ и ямой опредѣляется посредствомъ безвредныхъ микро-организмовъ, не находящихся въ источникахъ, и аналогичнымъ измѣреніемъ количества главныхъ патогенныхъ бактерій. Помочь горю можно тѣмъ, что слѣдуетъ воспрепятствовать вливаться водѣ въ ямы, признанныя опасными.

Проф. de-Launay (изъ Парижа) изложилъ нѣкоторыя соображенія о *преподаваніи практической геологіи.* Въ настоящее время происходитъ поворотъ мнѣній въ пользу прикладной геологіи, соотвѣтствующій, очевидно, и желанію и необходимости. Практическая геологія можетъ быть преподаваема научно самымъ основательнымъ образомъ; но она можетъ также преподаваться, на что и обращаетъ особое вниманіе докладчикъ, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чтобы дать возможность публикѣ, не обладающей спеціальными знаніями. пользоваться результатами геологіи. Для достиженія сего было бы, можетъ быть, необходимо присоединить — къ обыкновенному преподаванію научной геологіи, которая основывается, главнымъ образомъ, на точномъ опредѣленіи возраста геологическихъ отложеній — практическое преподаваніе, при которомъ можно было бы обойтись безъ этихъ трудныхъ опредѣленій, чтобы лучше изучить физическую, химическую и минералогическую природу отложеній, явленія дислокаціи и склад-

чатости и проч. Это и попытался г. de-Launay осуществить въ своемъ краткомъ учебникѣ, который долженъ скоро выйти въ свѣтъ и въ которомъ имъ разсмотрѣны общія свѣдѣнія по практической геологіи, полезныя для всякихъ спеціальностей, а также примѣненія ихъ къ инженерному дѣлу, земледѣлію, къ развѣдкамъ полезныхъ ископаемыхъ, каптажу минеральныхъ теплыхъ источниковъ и къ топографіи.

Г. Mourlon полагаетъ, что, быть можетъ, существуетъ нѣкоторая двусмысленность въ томъ, что нужно подразумѣвать подъ понятіемъ „*прикладная геологія*". По его мнѣнію она является синонимомъ *детальной геологіи*. Если въ химіи, напримѣръ, чистая наука не извлекаетъ пользы отъ ея примѣненій, то обратное имѣетъ мѣсто въ геологіи, которая столь обязана прикладной сторонѣ дѣла и отъ которой зависитъ теперь дальнѣйшее развитіе ея примѣненій. Въ виду того, что гг. члены конгресса собрались сюда на конгрессъ, для того чтобы согласиться относительно требованій ихъ науки, то съ этой точки зрѣнія позволительно задать вопросъ: что произойдетъ, когда, напримѣръ, работы по съемкѣ картъ, которыя клонятся уже къ концу въ нѣкоторыхъ мелкихъ странахъ, какъ Бельгія, закончатся и не будутъ уже тамъ служить стимуломъ научнаго движенія? Конечно, должны быть составлены такія карты, которыя могли бы воспользоваться всѣми интересными для геологіи работами, но для достиженія этого необходимо спеціальное учрежденіе, которое привело бы въ порядокъ всѣ доказанные факты и достигнутые результаты. Бельгійское геологическое учрежденіе стремится къ тому, чтобы оказать въ этомъ отношеніи услугу, а также обратиться въ практическую школу, выпускающую „геологовъ-совѣтниковъ" во всѣ страны, на подобіе того, какъ нѣкоторые институты приготовляютъ электротехниковъ во Франціи, Германіи, Бельгіи.

Г. Boursault (изъ Парижа) считаетъ необходимымъ расширить практическое преподаваніе геологіи даже лицами, не геологами по спеціальности, но подъ контролемъ и руководствомъ спеціалистовъ. По его мнѣнію, особенно слѣдуетъ увеличить число колодцевъ и буровыхъ скважинъ; но весьма часто въ этихъ данныхъ, драгоцѣнныхъ для стратиграфовъ, отсутствуютъ свѣдѣнія, необходимыя для гидрогеолога, именно объ *уровнѣ воды*, безъ котораго невозможно обозначить кривыя піезометрической поверхности водоноснаго горизонта.

Засѣданія Совѣта. Что касается *засѣданій совѣта* геологическаго конгресса, то таковыхъ было семь. На первомъ засѣданіи былъ прочитанъ списокъ делегатовъ и избраны предсѣдатели четырехъ секцій.

На второмъ засѣданіи былъ установленъ 15-минутный срокъ для сообщеній на засѣданіяхъ. Затѣмъ академикомъ Карпинскимъ былъ представленъ совѣту докладъ русской комиссіи относительно международной преміи имени Спендіарова и проектъ правилъ присужденія этой преміи.

Третье засѣданіе было посвящено этому же докладу, и послѣ различныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ по его поводу, была принята слѣдующая редакція: 1) Присужденіе преміи конгрессомъ должно быть основано на заключеніи комиссіи, избираемой совѣтомъ въ каждую сессію, для присужденія этой преміи въ слѣдующую сессію. Число членовъ означенной комиссіи опредѣляется каждый разъ совѣтомъ. 2) Представляемыя на конкурсъ ученыя работы должны быть отсылаемы главному секретарю послѣдняго конгресса по крайней мѣрѣ въ двухъ экземплярахъ. 3) Преимущественное право для полученія преміи принадлежитъ работамъ, посвященнымъ темамъ, предложеннымъ конгрессомъ. 4) Если работы этой категоріи не окажутся достойными преміи, то конгрессу предоставляется избрать, по предложенію комиссіи, изъ работъ, опубликованныхъ въ продолженіи предыдущаго пятилѣтія, такія, которыя будутъ признаны наиболѣе важными по ихъ научному значенію.

По предложенію академика Карпинскаго совѣтъ рѣшилъ присудить премію въ текущемъ году, и въ видѣ исключенія и только для данной сессіи принялъ на себя обязанности комиссіи по присужденіи преміи. По произведенной предварительной закрытой баллотировкѣ лауреатомъ преміи по большинству голосовъ оказался академикъ Карпинскій, который, поблагодаривъ совѣтъ, просилъ, чтобы была произведена новая баллотировка и чтобы премія не была присуждена президенту предшествовавшаго конгресса.

На четвертомъ засѣданіи академикъ Карпинскій снова отклоняетъ присужденную ему премію и проситъ, чтобы эта премія была присуждена другому лицу. Тѣмъ не менѣе совѣтъ единогласно постановилъ присудить премію академику Карпинскому, директору русскаго геологическаго комитета.

Поблагодаривъ за присужденіе преміи, А. П. Карпинскій обратился къ совѣту съ предложеніемъ — принять эту сумму денегъ для при-

сужденія ея молодому французскому геологу или другому лицу на слѣдующей сессіи.

Проф. Bertrand настаивалъ, чтобы премія была присуждена въ настоящемъ году. Президентъ конгресса предложилъ русскому геологическому комитету назначить премію молодому русскому геологу. Карпинскій проситъ, чтобы премія была назначена совѣтомъ и чтобы избранникомъ былъ молодой французскій геологъ. Проф. Годри заявилъ, что французскіе геологи не могутъ принять для самихъ себя предлагаемое русскими учеными преимущество [1]).

На пятомъ засѣданіи совѣта проф. Tietze отъ имени Австро-Венгерскаго правительства и геологовъ приглашаетъ конгрессъ собраться на 9-ю сессію въ Вѣнѣ; при чемъ заявилъ, что уже образованъ организаціонный комитетъ съ проф. Зюссомъ (Suess) въ качествѣ президента и проф. Tietze въ качествѣ главнаго секретаря.

Предложеніе Tietze было принято совѣтомъ единогласно.

Затѣмъ совѣтомъ были разсмотрѣны практическія заключенія рѣчи, произнесенной проф. Archibald Geikie на первомъ общемъ собраніи. Первое предложеніе этого ученаго, формулированное слѣдующимъ образомъ, было принято единогласно: *конгрессъ полагаетъ, что слѣдуетъ установить большее единообразіе въ изслѣдованіяхъ береговыхъ линій сѣвернаго полушарія*. Для достиженія этого совѣтъ предлагаетъ назначить международную *комиссію береговыхъ линій*, подъ предсѣдательствомъ проф. Geikie. Въ эту комиссію вошли представители Англіи, Канады, Россіи, С.-А. Соединенныхъ-Штатовъ, Швеціи, Норвегіи и Франціи.

Относительно второго предложенія того же ученаго о *международномъ сотрудничествѣ (содѣйствіи) въ геологическихъ изслѣдованіяхъ*, совѣтъ считаетъ необходимымъ, по порученію конгресса, избрать также комиссію, на разсмотрѣніе которой будутъ поставлены слѣдующіе вопросы: 1) въ какихъ отрасляхъ геологическихъ изслѣдованій наиболѣе желательно международное сотрудничество? 2) Каковы наилучшія средства для обезпеченія единообразія метода въ изслѣдованіяхъ? Съ одной стороны слѣдуетъ, конечно, чтобы результаты изслѣдованій, производящихся въ различныхъ странахъ, могли быть сравниваемыми и согласованными между собою, но съ другой стороны слѣдуетъ предоставить ученымъ различныхъ странъ полную свободу въ ходѣ дѣла и въ опубликованіи результатовъ.

[1]) Впослѣдствіи, уже послѣ окончанія конгресса, эта премія была присуждена португальскому геологу П. Шоффа (P. Choffat).

Расходы, вызванные изслѣдованіями по указанію комиссіи, не должны обременять конгрессъ, но должны ложиться на тѣ страны, гдѣ будутъ предприняты данныя изслѣдованія. Комиссія можетъ по своему усмотрѣнію увеличить число членовъ и должна представить докладъ къ слѣдующему конгрессу.

Предложенные совѣтомъ члены этой комиссіи были избраны на слѣдующемъ засѣданіи совѣта.

Затѣмъ А. П. Карпинскій сообщилъ, что С.-Петербургскій конгрессъ единогласно выразилъ пожеланіе о введеніи во всѣхъ странахъ преподаванія геологіи въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Это желаніе, по заявленію проф. Gaudry, уже осуществлено во Франціи. Въ Россіи, гдѣ различныя свѣдѣнія по геологіи входятъ въ курсъ физической географіи, космографіи и проч., въ настоящее время образована комиссія, которая занята вопросами о реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ эту комиссію, по ходатайству бюро конгресса, передано г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ предложеніе конгресса. Проф. Stefanescu (изъ Бухареста) заявилъ, что желаніе конгресса вполнѣ осуществлено въ Румыніи, гдѣ преподаваніе геологіи введено во всѣхъ школахъ.

На слѣдующемъ засѣданіи совѣта, согласно предложенію г. Oehlert, была избрана комиссія, которой поручено разсмотрѣть проектъ г. Oehlert'a, объ изданіи вновь фотографій типичныхъ формъ ископаемыхъ видовъ и подготовить осуществленіе этого проекта въ слѣдующую сессію въ 1903 году.

Въ виду высказаннаго большинствомъ членовъ конгресса желанія назначить ближайшую сессію (послѣ Вѣны) въ Скандинавіи, совѣтъ постановилъ:

„*Большинство членовъ конгресса выражаетъ желаніе, чтобы мѣстомъ ближайшей сессіи конгресса была Скандинавія* (*Швеція, Норвегія, Данія*)“.

На послѣднемъ своемъ засѣданіи совѣтъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „*На бюро настоящаго конгресса возлагается выполненіе постановленій конгресса впредь до слѣдующей сессіи конгресса*“.

На общемъ заключительномъ собраніи президентъ конгресса заявилъ, что докладъ международной стратиграфической комиссіи былъ принятъ только съ условіемъ принятія и сдѣланныхъ по поводу этого

замѣчаній, а потому онъ выражаетъ желаніе, чтобы это условіе фигурировало въ постановленіи собранія. Это предложеніе было собраніемъ принято.

Проф. *Tietse* (изъ Вѣны) передано собранію отъ имени Австро-Венгерскаго правительства приглашеніе организовать слѣдующую IX-ю секцію международныхъ геологическихъ конгрессовъ въ 1903 году въ Вѣнѣ. Онъ сообщилъ о томъ, какія подготовительныя работы уже выполнены и какія геологическія экскурсіи будутъ предложены членамъ конгресса.

Приглашеніе Австро-Венгерскаго правительства было единогласно принято.

Затѣмъ былъ сдѣланъ рядъ научныхъ сообщеній.

Проф. Ch. Barrois резюмировалъ замѣтку г. Walcott о до-кембрійскихъ отложеніяхъ съ окаменѣлостями, при чемъ заявилъ, что этотъ ученый выразилъ сомнѣніе въ существованіи организмовъ, описанныхъ г. Cayeux, изъ до-кембрійскихъ образованій Бретани.

По этому поводу гг. Rothpletz, Renard и другіе заявили, что они разсматривали микроскопическіе шлифы до-кембрійскихъ горныхъ породъ Бретани, изготовленные г. Cayeux, и могли убѣдиться въ существованіи въ нихъ радіолярій и спикулей морскихъ губокъ.

Проф. Павловъ (изъ Москвы) сдѣлалъ сообщеніе о *сравненіи портландскаго яруса Россіи и Булоннэ (Boulonnais)*. Изученіе классическихъ разрѣзовъ юрскихъ отложеній въ Булоннэ и разрѣзовъ у Городищъ на Волгѣ показало докладчику, что въ обѣихъ мѣстностяхъ наблюдается одна и та же послѣдовательность зонъ съ аммонитами.

Въ другомъ своемъ сообщеніи о *нѣкоторыхъ способахъ, могущихъ содѣйствовать выработкѣ генетической классификаціи окаменѣлостей* проф. Павловъ замѣтилъ, что, несмотря на большую распространенность эволюціонныхъ идей и ту роль, которую онѣ играютъ въ нашихъ зоологическихъ и палеонтологическихъ изслѣдованіяхъ, классификація живыхъ и ископаемыхъ организмовъ остается всегда вѣрной таксономическимъ терминамъ, происшедшимъ въ иную эпоху развитія науки, подъ вліяніемъ совершенно иныхъ взглядовъ. Поэтому, быть можетъ, было бы благоразумнѣе сохранить за терминами *родъ* и *видъ*, употребляемыми въ первоначальномъ Линнеевскомъ смыслѣ, чисто морфологическое значеніе, и пользоваться другими терминами для выраженія генетическихъ соотношеній формъ.

Что касается способовъ, которые могутъ быть примѣняемы при

опредѣленія генетическихъ законовъ между различными группами, докладчикъ обращаетъ вниманіе на тѣ ошибки, которыя могутъ произойти при допущеніи того взгляда, что въ молодомъ возрастѣ того или другого ископаемаго организма имѣются указанія признаковъ ихъ предковъ. По его наблюденіямъ надъ аммонитами оказывается, что признаки предковъ выражаются не на внутреннихъ завиткахъ раковины, но на наружныхъ завиткахъ, соотвѣтствуя состоянію вырожденія. Во многихъ изслѣдованныхъ докладчикомъ случаяхъ молодые завитки аммонитовъ представляли не признаки прошлаго, а будущаго; слѣдовательно, они соотвѣтствуютъ не атавической фазѣ, а фазѣ будущаго.

Докладчикъ настаиваетъ на важности этого наблюденія при изслѣдованіи послѣдовательности органическихъ формъ на землѣ.

Проф. Van den Broeck (изъ Брюсселя) сдѣлалъ сообщеніе о знаменитыхъ *отложеніяхъ Берниссарта* (въ Бельгіи), въ которыхъ открыта была богатая фауна позвоночныхъ животныхъ и среди нихъ множество крупныхъ игуанодоновъ. Возрастъ этихъ наземныхъ отложеній Берниссарта съ игуанодонами, относимыхъ къ вельдскому ярусу, до сихъ поръ не могъ быть точно опредѣленъ стратиграфически въ виду существованія большого стратиграфическаго пробѣла между этими отложеніями и залегающими внизу осадочными образованіями. Обратившись къ помощи палеонтологіи, докладчикъ имѣлъ возможность добыть неожиданные результаты. Положивъ въ основу своего изученія изслѣдованіе степени эволюціи различныхъ типовъ позвоночныхъ животныхъ: динозавровъ, крокодиловъ, амфибій, черепахъ и рыбъ, составляющихъ собою фауну Берниссартскаго мѣсторожденія,— а также флоры, авторъ пришелъ къ слѣдующимъ совершенно точнымъ выводамъ: 1) знаменитое Берниссартское мѣсторожденіе относится къ серіи юрскихъ, а не мѣловыхъ образованій; 2) фауна Берниссарта по своимъ характернымъ признакамъ является болѣе древней, чѣмъ фауна горизонта гастингскихъ песковъ или нижняго вельдскаго яруса и 3) повидимому эта фауна вполнѣ соотвѣтствуетъ типичной фаунѣ пурбекскаго яруса.

Г. Guébhard (изъ Ниццы) сдѣлалъ сообщеніе о *тектоническихъ явленіяхъ въ Приморскихъ Альпахъ.*

Г. *Grenier* представилъ отъ имени отсутствующихъ гг. Lohest и Forir сообщеніе о *цифровомъ методѣ обозначенія различныхъ геологическихъ образованій* и заявилъ, что въ этомъ сообщеніи имѣется возраженіе на критику сухого преподаванія классификацій, сдѣлан-

ную проф. Launay на второмъ засѣданіи секціи прикладной геологіи [1]). Столь расхваливаемая г. Launay программа слово въ слово тожественна съ тою программою, которой придерживается проф. Lohest съ самаго начала своей профессорской дѣятельности.

Проф. Stanislas Meunier сдѣлалъ сообщеніе *о строеніи диллювія Сены*.

А. П. Карпинскимъ былъ представленъ докладъ объ учрежденіи „Международнаго плавучаго Института". Вопросъ этотъ, поднятый проф. Андрусовымъ (изъ Юрьева), былъ принятъ въ принципѣ конгрессомъ на прошлой сессіи. Въ виду невозможности осуществить этотъ проектъ въ настоящее время, по причинѣ его сложности и необходимости значительныхъ затратъ, совѣтъ постановилъ передать разсмотрѣніе предложенія проф. Андрусова въ „Комиссію усовершенствованія дѣла конгрессовъ", которая будетъ назначена въ слѣдующемъ засѣданіи.

Судя по тонкому строенію диллювія докладчикъ полагаетъ, противно прежнимъ взглядамъ, что воды, продуктомъ отложеній которыхъ является этотъ диллювій, никогда не представляли собою потоковъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія докладчикъ приводитъ подробное описаніе изслѣдованныхъ имъ геологическихъ разрѣзовъ и демонстрируетъ небольшой аппаратъ, посредствомъ котораго можно воспроизвести различныя фазы образованія диллювія.

Главный секретарь излагаетъ вкратцѣ содержаніе рукописи г. Hull о *приокеаническихъ террасахъ и долинахъ западныхъ рѣкъ Европы*.

Въ замѣткѣ автора резюмируются послѣднія изслѣдованія приокеаническихъ долинъ и физическія черты Западной Европы. Авторъ указываетъ на континентальныя плато съ пологими склонами, изрытыми продолженіемъ современныхъ большихъ рѣкъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что эти отложенія вышли изъ воды въ не очень отдаленную эпоху и что это перемѣщеніе уровня имѣло вліяніе на ледниковый періодъ.

Г. Martel (изъ Парижа) резюмируетъ *общіе геологическіе и гидрологическіе результаты подземныхъ развѣдокъ*, предпринятыхъ имъ съ 1888 года во Франціи и за границей, новыми способами, особенно примѣненіемъ телефона; эти развѣдки съ тѣхъ поръ получили сильное распространеніе и вызвали различныя открытія.

Г. Dollfus (изъ Парижа) сообщилъ *о послѣднихъ геологическихъ*

[1]) См. стр. 59.

явленіяхъ въ бассейнахъ Сены и Луары. Изучая „озеро" известняковъ Боса (Beauce), образующее широкую горизонтальную плоскость, онъ замѣтилъ, что известняки изломаны сбросами (въ направленіи W. S.) уже съ начала міоценовой эпохи; стало быть, въ этотъ періодъ произошло поднятіе центральнаго плато. Это событіе повлекло за собою появленіе обширныхъ гранитовыхъ песчаныхъ аллювіальныхъ образованій, названныхъ песками Солонь (sables de la Sologne) и спускающихся, занимая обширное пространство, отъ области Allier къ области Сены и распространяющихся далѣе къ Ламаншу у Гавра. Эти образованія представляютъ собою нижній міоценъ; они прекратились съ появленіемъ моря фалёней средняго міоцена, которое простиралось далѣе, вслѣдствіе продолжительнаго опусканія центральной части бретонской до-кембрійской оси. Море фалёней захватило гранитовую Луару и отклонило ея прежнее теченіе въ Сену. Затѣмъ бассейнъ Сены претерпѣлъ поперечную складчатость съ востока на западъ, море фалёней отступило за Майнъ и началась эпоха верхняго міоцена. Пласты восточнаго міоцена несогласно лежатъ на пластахъ средняго міоцена и занимаютъ на западѣ различную площадь, спускаясь отъ Cotentin въ бассейнъ Rennes, Nantes и простираясь къ Vendée. Авторъ обозначаетъ этотъ верхній міоценъ именемъ *Redonien*.

Пліоценовыя образованія занимаютъ въ дѣйствительности только очень маленькое пространство, проникая въ видѣ нѣсколькихъ фіордовъ въ Бретань и Нормандію.

Затѣмъ, послѣ краткой рѣчи проф. Павлова, выразившаго отъ имени иностранцевъ благодарность организаторамъ этого конгресса и французскимъ коллегамъ, президентъ конгресса проф. Gaudry, обратился къ собранію съ теплою заключительной рѣчью, въ которой, поблагодаривъ проф. Павлова за его добрыя слова, высказалъ увѣренность, что члены конгресса найдутъ во всѣхъ частяхъ Франціи столь же гостепріимный и сердечный пріемъ, какъ и въ Парижѣ.

Указавъ на плодотворность занятій конгресса, президентъ выразилъ сердечную благодарность главному секретарю г. Ch. Barrois секретарямъ гг. Cayeux и Thevenin, казначею г. Carez и всѣмъ гг. руководителямъ экскурсій, и объявилъ восьмую сессію международнаго геологическаго конгресса закрытою.

Н. Каракашъ.

М. И. СУХОМЛИНОВЪ.

(некрологъ) [1].

Собравшись въ первый разъ послѣ лѣтнихъ каникулъ этого года, Академія должна начать свои занятія подъ впечатлѣніемъ горестной утраты, постигшей ее въ лицѣ одного изъ старѣйшихъ ея членовъ, Михаила Ивановича Сухомлинова: 8-го іюля онъ скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни. Зловѣщее теченіе его болѣзни обнаружилось еще нынѣшней весной, но это нисколько не ослабило того чувства неожиданности, которое было вызвано извѣстіемъ о его смерти: Михаилъ Ивановичъ часто болѣлъ въ послѣднее время, но благополучно переносилъ жестокіе приступы недуга, и оправившись отъ него, онъ казался намъ помолодѣвшимъ. Въ его ослабѣвшемъ тѣлѣ жилъ бодрый духъ: бодрость этого духа укрѣпляла его немощную плоть и не позволяла намъ думать о возможности близкой смерти. Три года тому назадъ Михаилъ Ивановичъ перенесъ опасную операцію, тяжкая болѣзнь сопровождалась полнымъ упадкомъ физическихъ силъ; но его не оставляли ни на минуту силы духовныя: онъ усиленно работалъ надъ дѣломъ, глубоко въ то время его захватившимъ; онъ всецѣло отдался тогда осуществленію давно взлелѣянной мечты, проведенію завѣтной и прочувствованной идеи. Эта мечта, эта идея—польза и слава нашей Академіи, высшаго разсадника русскаго просвѣщенія, на служеніе которому М. И. Сухомлиновъ отдалъ всю свою пятидесятилѣтнюю учено-литературную дѣятельность. Въ 1898 году, по случаю приближавшагося юбилея Пуш-

---

[1]) Читанъ въ Общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 1-го сентября 1901 года.

кина, возникла мысль расширить дѣятельность Второго Отдѣленія Академіи и поставить ее въ ближайшую связь съ живымъ теченіемъ современной литературы. То или другое направленіе этого вопроса должно было неминуемо отразиться на дальнѣйшей судьбѣ Отдѣленія. М. И. Сухомлиновъ, сдѣлавшійся предсѣдателемъ въ началѣ этого же года, понялъ всю важность переживаемой нашимъ ученымъ учрежденіемъ минуты и напрягъ всѣ свои силы къ тому, чтобы не пострадали научные интересы этой части Академіи и не измѣнился самый характеръ ея дѣятельности. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Отдѣленіе, какъ учрежденіе научное, поставлено теперь на должную высоту, въ смыслѣ увеличенія числа его членовъ, а также усиленія его матеріальныхъ средствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ Отдѣленія вошелъ разрядъ изящной словесности, имѣющій право принимать въ свою среду, въ качествѣ почетныхъ академиковъ, выдающихся дѣятелей литературы. Будущее Отдѣленія представлялось въ самомъ радужномъ свѣтѣ, и въ значительной степени оно было обязано этимъ своему покойному предсѣдателю. Заслуга М. И. Сухомлинова въ этомъ отношеніи очевидна для членовъ Отдѣленія; среди нихъ она найдетъ, конечно, полную и справедливую оцѣнку. Но мы видимъ въ расширеніи и обновленіи дѣятельности Второго Отдѣленія заслугу М. И. Сухомлинова и передъ всей Академіей, такъ какъ для нея не можетъ быть безразличнымъ успѣхъ и процвѣтаніе одной изъ составныхъ ея частей. Имя Сухомлинова будетъ всегда связано со всей Академіей и не только вслѣдствіе его плодотворной, хотя и кратковременной, дѣятельности въ качествѣ предсѣдательствующаго Отдѣленія русскаго языка и словесности: съ 1872 года, т.-е., съ самаго избранія въ члены Академіи, занятія М. И. Сухомлинова сосредоточиваются, главнымъ образомъ, вокругъ прошлаго обѣихъ русскихъ академій. Исторія Петровской академіи наукъ и основанной Екатериною II Россійской академіи—вотъ центры, избранные Сухомлиновымъ въ его историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ. Учрежденіемъ первой изъ этихъ академій было, по словамъ Сухомлинова, предоставлено наукѣ право гражданства въ русскомъ обществѣ. Академія должна была служить не исключительно для примѣненія науки къ насущнымъ, матеріальнымъ потребностямъ, но также для того, чтобы расширять область знанія новыми изслѣдованіями и открытіями. „Въ этомъ сознаніи правъ науки—говорилъ Сухомлиновъ—заключался вѣрный залогъ для ея водворенія въ Россіи. Чѣмъ выше стоитъ наука, тѣмъ разумнѣе и плодотворнѣе ея примѣненіе; чѣмъ обшир-

нѣе знанія людей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія, тѣмъ сильнѣе вліяніе ихъ просвѣтительной дѣятельности". Учрежденіе Россійской академіи было отвѣтомъ на литературныя требованія тогдашней эпохи: встрѣченная живымъ сочувствіемъ образованнаго общества, увидѣвшаго въ ней осуществленіе давнишней мечты нашихъ писателей, эта академія тѣснѣйшимъ образомъ связана своею болѣе чѣмъ полувѣковою дѣятельностью съ судьбами русскаго просвѣщенія, а черезъ это и со всѣми движеніями общественной жизни конца восемнадцатаго и первой половины девятнадцатаго столѣтія. Идеи, положенныя въ основаніе обоихъ учрежденій, слившихся въ 1841 году въ одно цѣлое, дѣятельность живыхъ силъ обѣихъ академій, труды, предпринятые академіями при совокупномъ участіи ихъ членовъ, исторія русской науки и русской общественности—вотъ что составляло предметъ изслѣдованія и всесторонней оцѣнки М. И. Сухомлинова. Вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ то историческое основаніе, на которомъ созрѣла его любовь къ Академіи,—и эта любовь его была дѣятельна: объ этомъ свидѣтельствуетъ вся его жизнь, посвященная нашему учрежденію. Результатомъ работъ Сухомлинова надъ исторіей нашей Академіи явились не только восьмитомная исторія Россійской академіи (1874—1888 гг.), не только изданные въ десяти томахъ матеріалы, извлеченные изъ архива конференціи, но и цѣлый рядъ монографій и изслѣдованій въ области литературы двухъ послѣднихъ столѣтій. Исторія Академіи—это только часть исторіи русскаго просвѣщенія, разработкѣ которой Сухомлиновъ отдается съ начала шестидесятыхъ годовъ. Но исторія нашего просвѣщенія начинается съ исторіи нашихъ высшихъ ученыхъ учрежденій: рядомъ съ академіями возникаютъ университеты; ихъ учрежденіе напоминаетъ нѣкоторыя черты изъ исторіи Академіи наукъ въ первое время ея существованія. „Какъ ни кажется убѣдительною мысль,—говоритъ Сухомлиновъ,—что университеты и академіи должны служить вѣнцомъ, а не началомъ просвѣтительной дѣятельности, при болѣе глубокомъ изученіи дѣла открывается, что система, принятая при Александрѣ I, заключаетъ въ себѣ не кажущійся, а дѣйствительный и прочный залогъ дальнѣйшаго движенія образованности въ Россіи". Съ этой точки зрѣнія Сухомлиновымъ и разсматриваются первые шаги въ исторіи нашихъ академій и университетовъ. Время императора Александра I ознаменовано не только кореннымъ преобразованіемъ нашего государственнаго механизма и основаніемъ того строя, который въ существенныхъ чертахъ своихъ сохранился до нашихъ дней, но также и возникно-

веніемъ цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій. Вотъ причина, почему историкъ русскаго просвѣщенія постоянно возвращался въ своихъ занятіяхъ къ этой важной эпохѣ, организовавшей наше просвѣщеніе. Въ длинномъ рядѣ статей, помѣщавшихся сначала въ повременныхъ изданіяхъ, а потомъ собранныхъ въ одно цѣлое, М. И. Сухомлиновъ изложилъ исторію возникновенія главнаго правленія училищъ, университетовъ, министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, ученаго комитета, цензурныхъ учрежденій, а также исторію первыхъ годовъ жизни — годовъ испытаній—Петербургскаго, Казанскаго и Харьковскаго университетовъ. Широкая постановка вопросовъ дѣлаетъ Сухомлинова историкомъ какъ этихъ учрежденій, такъ и всей эпохи Александра I: онъ посвящаетъ обширную монографію его воспитателю Лагарпу, основываясь при этомъ на первоисточникахъ, доступныхъ только заграницей; дѣлаетъ экскурсы въ область исторіи западной Европы, политическія событія которой неотразимо вліяли на наше просвѣщеніе; изслѣдуетъ всесторонне происхожденіе и развитіе реакціи въ послѣдніе годы царствованія Александра I; даетъ характеристики не только самого императора, но и всѣхъ главныхъ его сподвижниковъ. Съ этою центральною для его изслѣдованій эпохою Сухомлиновъ ставитъ въ связь изученіе выдающихся общественныхъ явленій предшествующаго и послѣдующаго времени: его одинаково занимаютъ Новиковъ и Радищевъ—эти предвѣстники того свѣжаго весенняго воздуха, которымъ повѣяло въ первые годы девятнадцатаго столѣтія и въ литературѣ и въ жизни (Изсл. и ст. II, 305); онъ изучаетъ Пушкина, Гоголя, кн. Вяземскаго, Полевого—этихъ дѣятелей другой эпохи, когда литература подпала подъ усиленный надзоръ и когда единственное противъ нея спасеніе видѣли въ цензурѣ, этой неутомимой спутницѣ литературы, связанной съ нею неразрывными узами (Изсл. и ст. II, 460). Своими изслѣдованіями о славянофилахъ Сухомлиновъ расчищаетъ путь къ исторіи новѣйшей литературы. „При обозрѣніи внутренней исторіи Россіи девятнадцатаго столѣтія, когда наступитъ время для подобнаго труда,—замѣчаетъ Сухомлиновъ, — историкъ не можетъ не остановиться на судьбѣ и значеніи славянофильства въ нашей литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ“. Самъ онъ не рѣшился или не успѣлъ приняться за подобный трудъ; тѣмъ не менѣе и вторая половина XIX ст. освѣщена имъ въ нѣкоторыхъ блестящихъ этюдахъ и замѣткахъ. Особенное вниманіе останавливаетъ его очеркъ „И. С. Тургеневъ“, вышедшій въ 1884 г.: здѣсь дана

тонкая и весьма обстоятельная характеристика великаго писателя. Еще недавно изъ-подъ пера нашего историка литературы вышелъ очеркъ поэтическаго творчества А. Н. Майкова. Вниманіе М. И. Сухомлинова устремилось въ другую сторону: по порученію Академіи онъ взялъ на себя въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ изданіе сочиненій Ломоносова. Одно имя Ломоносова много говорило историку Академіи. Сухомлинову принадлежитъ заслуга точнаго изданія — теперь уже бо́льшей половины сочиненій нашего русскаго академика. Одновременно съ изданіемъ шло изслѣдованіе; лишь частью оно отразилось въ обширныхъ къ нему примѣчаніяхъ, полныхъ живѣйшаго интереса комментаріяхъ, но главнымъ образомъ оно должно было войти въ біографію Ломоносова, задуманную его ученымъ издателемъ. До послѣднихъ дней своей жизни Михаилъ Ивановичъ не оставлялъ своей работы надъ Ломоносовымъ и торопился съ печатаніемъ уже пятаго тома, теперь почти совсѣмъ уже оконченнаго.

Въ этой краткой рѣчи мы не хотимъ представить очерка ученой дѣятельности Михаила Ивановича. Еще слишкомъ свѣжа могила, слишкомъ сильно чувство скорби, чтобы говорить сейчасъ о заслугахъ покойнаго передъ русской наукой. Мы оставили въ сторонѣ его замѣчательные труды по исторіи древней нашей литературы, его классическое изслѣдованіе о русской лѣтописи, его образцовое изданіе и глубокій анализъ сочиненій Кирилла Туровскаго, его вклады въ исторію нашей повѣсти. Мы вспомнили только то, что ближе всего касается насъ, какъ членовъ того ученаго учрежденія, которое въ М. И. Сухомлиновѣ нашло историка для своего прошедшаго, дѣятеля для своего настоящаго, памятнаго и въ будущемъ. Мы вспомнили объ этомъ потому, что живое, полное любви и самоотверженія отношеніе Михаила Ивановича къ той высокой дѣтельности, къ которой онъ былъ призванъ, выдвигало не личный его интересъ, не тотъ или другой относящійся къ нему, къ его занятіямъ, частный вопросъ, а выдвигало всегда общее дѣло. Наша мысль о Сухомлиновѣ слишкомъ тѣсно сплелась съ мыслью объ академическомъ дѣлѣ, о дорогомъ для всѣхъ учрежденіи, чтобы не связать въ настоящую минуту судьбу, предстоящую Второму Отдѣленію Академіи, съ понесенною нами утратой: эта утрата заслоняетъ будущее Отдѣленія, которое еще такъ недавно представлялось намъ свѣтлымъ и полнымъ всякихъ надеждъ. Но Михаилъ Ивановичъ открылъ намъ новые источники, гдѣ мы всегда почерпнемъ необходимыя намъ нравственныя силы:—эти источники заключаются въ живомъ общеніи съ современ-

ною общественною жизнью, представленною въ лицѣ лучшихъ писателей, вошедшихъ въ нашу среду; они заключаются и въ томъ общеніи съ наростающими молодыми учеными силами, которыя, благодаря стараніямъ М. И. Сухомлинова, могутъ найти теперь въ Академіи нравственную и матеріальную поддержку. Вотъ мысль, способная примирить насъ съ тяжкой утратой; Сухомлиновъ умеръ, но не умретъ никогда его дѣло.

А. Шахматовъ.

А. Н. ЛЬВОВЪ.

(некрологъ).

11-го августа 1901 года, въ Гатчинѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался извѣстный русскій архивистъ Аполлинарій Николаевичъ Львовъ.

А. Н. Львовъ, сынъ протоіерея, родился въ сентябрѣ 1848 года въ Новгородѣ и образованіе получилъ послѣдовательно въ Новгородскомъ духовномъ училищѣ, Новгородской духовной семинаріи и С.-Петербургской духовной академіи; въ послѣдней въ 1873 году онъ окончилъ курсъ кандидатомъ богословія. Нѣкоторое время по окончаніи курса онъ былъ преподавателемъ исторіи въ Московской 6-ой гимназіи и въ Московской же практической академіи. Въ 1880 году онъ поступилъ слушателемъ въ Археологическій институтъ; въ 1881 году началъ службу въ архивѣ Святѣйшаго Синода; въ 1882 году окончилъ курсъ въ Археологическомъ институтѣ (съ серебряною медалью); въ 1883 году былъ назначенъ помощникомъ начальника, а въ 1889 году начальникомъ Синодальнаго архива. Въ этомъ архивѣ протекла вся его послѣдующая служебная дѣятельность.

Лекціи въ Археологическомъ институтѣ и произведенный, по порученію директора института Н. В. Калачова, разборъ архивовъ С.-Петербургской городской думы и упраздненной Оренбургской генералъ-губернаторской канцеляріи показали А. Н. Львову всю важность архивнаго дѣла и заставили сосредоточить на немъ все свое вниманіе.

Въ 1890 году, на Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, А. Н. Львовъ прочиталъ рефератъ о печальномъ состояніи нашихъ архи-

новъ и о необходимости упорядочить архивное дѣло въ Россіи. „Архивы горятъ, сообщалъ референтъ, архивы расхищаются, гніютъ, исчезаютъ безслѣдно, наконецъ уничтожаются на законномъ основаніи разными комиссіями подъ видомъ дѣлъ *ненужныхъ*". Вотъ, напримѣръ, богатѣйшій архивъ Московской духовной консисторіи. Онъ „расположенъ частію въ сыромъ, тѣсномъ и темномъ подвалѣ, находящемся подъ зданіемъ консисторіи, частію же въ надворномъ каретномъ сараѣ, не имѣющемъ ни оконъ, ни выходныхъ дверей... Въ этомъ сараѣ есть чердакъ, наполненный дѣлами исключительно за прошлое столѣтіе... Дѣла эти сохраняются въ большей или меньшей цѣлости, благодаря съ одной стороны отсутствію безопаснаго хода на чердакъ, а съ другой—толстому слою земляной и иной коры, которою отъ времени покрылись эти дѣла. Въ одномъ изъ угловъ чердака мнѣ удалось открыть два большихъ деревянныхъ ящика, наполненныхъ сотнями столбцевъ XVII вѣка. Одинъ изъ этихъ ящиковъ, находясь подъ дырявой крышей, совершенно сгнилъ со всѣмъ содержимымъ".

„Если съѣздъ, продолжалъ референтъ, раздѣляетъ высказанныя (имъ) воззрѣнія на теперешнее печальное состояніе нашихъ архивовъ, то не признаетъ ли онъ возможнымъ возбудить предъ правительствомъ ходатайство о пересмотрѣ всего нашего законодательства объ архивахъ и о приведеніи его въ болѣе соотвѣтствующее положеніе тому значенію, которое имѣютъ наши архивы, и тѣмъ научно-практическимъ запросамъ, которые нынѣ имъ предъявляются". Вслѣдствіе этого реферата А. Н. Львова Археологическій съѣздъ постановилъ просить Археологическій институтъ войти отъ имени съѣзда съ ходатайствомъ предъ правительствомъ по этому предмету, что и было исполнено институтомъ. Къ сожалѣнію, никакихъ цѣнныхъ результатовъ отъ этого ходатайства не получилось.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ концѣ 1896 года, А. Н. Львовъ напечаталъ для небольшаго кружка своихъ знакомыхъ (на правахъ рукописи) небольшую записку подъ заглавіемъ: „Нуженъ ли Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ и какой именно", и здѣсь вновь обратилъ вниманіе на одну изъ нуждъ нашего архивнаго дѣла. Основатель института Н. В. Калачовъ, „какъ человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь исключительно архивному дѣлу, глубоко и искренно убѣжденный въ его важности и значеніи для правильнаго развитія и роста научной, общественной и государственной жизни, естественно, и въ постановкѣ института далъ преобладающее значеніе архивнымъ инте-

ресамъ". По убѣжденію Калачова, „задача института—дать нашимъ архивамъ, правительственнымъ, общественнымъ, частнымъ, такихъ знатоковъ хранящихся въ нихъ рукописей, съ помощію которыхъ эти послѣднія не только могли бы быть приведены во всеобщую извѣстность, но также болѣе или менѣе отчетливо описаны и даже хотя отчасти разработаны". А. Н. Львовъ находилъ, что Археологическій институтъ послѣ смерти Калачова уклонился отъ поставленной ему послѣднимъ задачи и пересталъ преслѣдовать разработку архивныхъ вопросовъ и подготовленіе опытныхъ архивистовъ, сдѣлавшись учебнымъ заведеніемъ съ задачами обще-археологическими, въ которомъ архивнымъ вопросамъ и интересамъ отводится если не меньшее мѣсто, то и никакъ не большее, чѣмъ другимъ. А. Н. Львовъ счелъ возможнымъ высказаться за то, что намъ нуженъ Археологическій институтъ „съ задачами не обще-археологическими, а преимущественно архивными". Эта записка А. Н. Львова, отъ которой потомъ онъ пожалуй бы и отказался, также не привела ни къ какимъ результатамъ.

Въ 1899 году, на Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, А. Н. Львовъ выступилъ съ рефератомъ о русскомъ законодательствѣ по архивному дѣлу. Онъ отмѣтилъ, что „у насъ нѣтъ одного общаго архивнаго кодекса, проводящаго въ архивномъ дѣлѣ опредѣленные принципы, необходимые для опредѣленной правильной постановки этого дѣла. Наше архивное законодательство развивалось постепенно, по разнымъ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ, и въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ проводились тѣ или другія начала, болѣе необходимыя и соотвѣтствующія данному частному случаю, безъ всякой заботы о согласованіи послѣдующихъ правилъ съ предъидущими и о томъ, чтобы они пріобрѣтали общій руководственный характеръ". Всестороннее знакомство съ правилами, которыми руководятся разные архивы, „приведетъ каждаго къ убѣжденію, что наше архивное законодательство неполно, далеко не обнимаетъ всѣхъ сторонъ архивнаго дѣла и даже одни статьи прямо противорѣчатъ другимъ". „При такомъ печальномъ положеніи нашего архивнаго законодательства, заключилъ референтъ, не дающаго никакой надежды на улучшеніе и въ будущемъ архивнаго дѣла въ Россіи, необходимо возобновить предъ правительствомъ ходатайство о коренной реформѣ нашего архивнаго дѣла. Для этого... считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующее предложеніе: не благоугодно ли будетъ съѣзду избрать особую комиссію, которой и поручить выработать тѣ основанія, на которыхъ могли бы быть устроены у насъ архивы, какъ учрежденія и сохраняющія, и разрабатывающія

находящіеся въ нихъ матеріалы для цѣлей государственныхъ, общественныхъ и научныхъ".

Археологическій съѣздъ вполнѣ согласился съ референтомъ и избралъ комиссію для формулировки ходатайства о нуждахъ архивнаго дѣла и желаніяхъ различныхъ архивныхъ учрежденій.

А. Н. Львовъ долгое время смотрѣлъ на архивное дѣло какъ на нѣчто болѣе важное, чѣмъ археологія. Въ запискѣ объ Археологическомъ институтѣ, выдержки изъ которой сдѣланы выше, онъ высказалъ желаніе преобразованія института изъ обще-археологическаго въ спеціально-архивное учрежденіе, ссылаясь (не вполнѣ основательно) на слова Калачова. Но постепенное ознакомленіе съ вещественными памятниками старины и ихъ храненіемъ въ церквахъ, монастыряхъ и т. п. привело его въ послѣдніе годы его жизни къ иному взгляду.

Въ 1899 году онъ напечаталъ (на правахъ рукописи) обширную записку „О мѣрахъ къ сохраненію и разработкѣ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, находящихся въ духовномъ вѣдомствѣ", посвященную имъ уже обще-археологическимъ интересамъ. „Вещественные и письменные памятники, пишетъ онъ здѣсь, относящіеся до исторіи Россіи вообще и исторіи русской церкви въ особенности, сосредоточены у насъ главнымъ образомъ въ монастыряхъ, церквахъ и другихъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства". Не смотря на выдающееся значеніе этихъ памятниковъ, „нельзя сказать, чтобы они охранялись и разрабатывались согласно ихъ историческому значенію. Всѣмъ болѣе или менѣе интересующимся русскою стариною извѣстны многіе печальные случаи уничтоженія и расхищенія разныхъ церковныхъ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ. Всѣ многочисленные общественные и частные музеи и коллекціи, переполненные иконами, иконостасами, церковною утварью, облаченіями, богослужебными книгами и прочими церковными принадлежностями, наглядно свидѣтельствуютъ, что церкви не сохранили своего исконнаго достоянія. Но и тѣ древніе вещественные и письменные памятники, которые еще остались теперь въ монастыряхъ, церквахъ и другихъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства, охраняются настолько случайно, что не представляется достаточной увѣренности непремѣнной ихъ сохранности въ будущемъ" (стр. 2).

Указавъ затѣмъ на вопіющіе случаи уничтоженія древностей и на мѣры, принимавшіяся въ разное время въ духовномъ вѣдомствѣ для охраны принадлежащей этому вѣдомству старины, А. Н. Львовъ предлагаетъ слѣдующее: Въ виду несомнѣннаго пробужденія въ на-

шей провинціи археологическаго интереса, „было бы вполнѣ возможно образовать постепенно въ каждой епархіи, по примѣру губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, при духовныхъ семинаріяхъ епархіальные церковно-археологическіе комитеты, которые имѣли бы своею задачею наблюденіе, изученіе, регистрированіе и по возможности научное изслѣдованіе вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ своей епархіи. Для возбужденія же большаго археологическаго интереса и способовъ изученія мѣстныхъ памятниковъ старины среди мѣстнаго общества и главнымъ образомъ среди духовныхъ воспитанниковъ, „при комитетахъ обязательно должны быть образованы церковно-археологическіе музеи или древлехранилища по примѣру тѣхъ, которые уже и существуютъ при нѣкоторыхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Для охраненія же и разработки письменныхъ памятниковъ епархіи должны быть открываемы означенными комитетами, по мѣрѣ возможности и надобности, епархіальные историческіе архивы, въ которыхъ сосредоточивались бы всѣ офиціальные и частные письменные памятники епархіи, какъ историческаго, такъ и археографическаго характера" (стр. 26).

„Чтобы осуществить эту задачу, по возможности во всѣхъ епархіяхъ и притомъ въ непродолжительномъ времени, чтобы дѣятельность епархіальныхъ комитетовъ имѣла одинъ общій характеръ и направленіе, чтобы они могли имѣть необходимую для нихъ — особенно на первыхъ порахъ—поддержку и указанія во всѣхъ отношеніяхъ. для этого должно быть центральное учрежденіе, обладающее и полною научною компетенціею, и могущее въ потребныхъ случаяхъ оказать нужную поддержку тѣмъ или другимъ начинаніямъ епархіальныхъ комитетовъ. Съ этою цѣлью при Святѣйшемъ Синодѣ должна быть организована изъ представителей разныхъ отраслей археологическихъ знаній и, можетъ быть, подъ предсѣдательствомъ одного изъ присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ іерарховъ, особая церковно-археологическая комиссія" (стр. 28).

Хлопоты по приведенію въ исполненіе изложеннаго въ запискѣ проекта хотя отчасти и увѣнчались успѣхомъ, но доставили А. Н. Львову много непріятностей и, кажется, въ значительной степени повліяли на ходъ его болѣзни. Теперь, безъ А. Н. Львова, этотъ проектъ будетъ, вѣроятно, преданъ забвенію...

А. Н. Львовъ былъ не только архивистомъ-теоретикомъ. Благодаря его заботамъ и ходатайствамъ, Синодальный архивъ сдѣлся однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ русскихъ архивовъ и получилъ тотъ

вполнѣ ученый характеръ, который ему необходимъ. Въ частности въ немъ былъ приведенъ въ порядокъ и описанъ важный архивъ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, провѣренъ архивный матеріалъ и т. п. Обширное собраніе рукописей XIV—XVIII вѣковъ, находящееся при архивѣ, было приведено въ извѣстность и къ его описанію были приняты мѣры. Сверхъ того, архивъ получилъ и прекрасное, свѣтлое, просторное помѣщеніе; въ немъ было устроено электрическое освѣщеніе и сдѣлано все, чтобы занимающіеся могли имѣть всѣ нужныя удобства. Наконецъ, архивъ получилъ новые штаты, хотя и скромные, тѣмъ не менѣе много отличающіеся, и въ выгодную, конечно, сторону, отъ старыхъ. Всѣ, кто занимался въ архивѣ или его библіотекѣ, находили себѣ со стороны А. Н. Львова и его сослуживцевъ самый любезный пріемъ и всевозможное содѣйствіе.

Вотъ перечень извѣстныхъ намъ трудовъ А. Н Львова, или относящихся къ архивовѣдѣнію и археологіи, или основанныхъ на архивныхъ матеріалахъ.

Архивныя данныя по дѣлу преосвященнаго Павла Конюшкевича, митрополита Тобольскаго. Христіанское Чтеніе 1891 г., т. II.

Попытка Петра I къ распространенію среди русскаго народа сельско-хозяйственныхъ знаній. Чтенія Московскаго Общества Ист. и др. 1892 г., кн. I. (Читано въ Археологическомъ институтѣ).

Краткія историческія свѣдѣнія объ учрежденіи въ Сѣверной Америкѣ православной миссіи, объ основаніи Кадьякской епархіи и о дѣятельности тамъ первыхъ миссіонеровъ. Церковныя Вѣдомости 1894 г., №№ 38—39 (и отдѣльно, С.-Пб. 1894).

Абиссинія и православный Востокъ въ прошломъ столѣтіи. Историческій Вѣстникъ 1895 г., № 8.

Неразъясненный эпизодъ изъ царствованія императора Петра II. Тамъ же, 1896 г., №. 7.

Государственный преступникъ Н. Бобрищевъ-Пушкинъ въ монастыряхъ Западной Сибири. Тамъ же, № 8.

Къ исторіи внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. С.-Пб. Духовный Вѣстникъ 1896 г., №№ 15, 17, 20.

Историческая справка (о днѣ учрежденія Святѣйшаго Синода). Прибавленія къ Церковнымъ Вѣдомостямъ 1896 г., № 6.

О печальномъ состояніи нашихъ архивовъ, преимущественно гу-

бернскихъ, и о необходимости упорядоченія всего архивнаго дѣла въ Россіи. Труды восьмого Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. III.

Нуженъ ли Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ и какой именно. (С.-Пб. 1896 г.).

Правительственныя мѣропріятія въ прошломъ столѣтіи относительно лицъ, не бывшихъ у исповѣди. С.-Пб. Духовный Вѣстникъ 1897 г. №№ 38—40.

Описаніе дѣлъ и документовъ архива Святѣйшаго Правительствующаго Синода, т. V. С.-Пб. 1897 г. (Объ этомъ изданіи статья А. Н. Львова въ Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ 1898 г., № 7).

О мѣрахъ къ сохраненію и разработкѣ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, находящихся въ духовномъ вѣдомствѣ (безъ имени автора, С.-Пб. 1899 г.; читано въ засѣданіи Археологической комиссіи Московскаго археологическаго общества 7-го апрѣля 1899 г.).

Существующія нынѣ и желательныя въ будущемъ мѣры къ охраненію и разработкѣ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, сосредоточенныхъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Церковныя Вѣдомости 1900 г., № 90.

Сто лѣтъ назадъ. По поводу столѣтняго юбилея семинарій: Пермской, Саратовской (въ Пензѣ), Оренбургской (въ Уфѣ). Странникъ 1900 г., № 11.

Русское законодательство объ архивахъ. Труды XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, т. II (и отдѣльно, М. 1900 г.).

Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету (съ 1812 г. по 1867 г.), изданныя съ біографическими свѣдѣніями и объяснительными примѣчаніями. С.-Пб. 1900 г. (отд. оттискъ изъ Христ. Чтенія).

Архивы духовнаго вѣдомства и другихъ, содержащіе въ себѣ матеріалы по исторіи русской церкви. Православная богословская энциклопедія, изд. профессоромъ А. П. Лопухинымъ, т. II. С.-Пб. 1901 г.

Черты былой жизни семинаріи. Отчетъ С.-Петербургскаго Общества вспомоществованія нуждающимся питомцамъ Новгородской духовной семинаріи за 1900 г. С.-Пб. 1901.

Сверхъ того, А. Н. Львову принадлежатъ: біографія с.-петербургскаго митрополита Исидора, въ біографическомъ словарѣ Император-

скаго Русскаго историческаго общества; рефератъ объ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ, читанный на IX Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ, но не напечатанный (См. „Труды“ этого съѣзда, т. II, протоколы, стр. 81—82), и сборникъ писемъ митрополита Гавріила къ разнымъ лицамъ, съ объяснительными примѣчаніями (имѣетъ появиться въ московскихъ *Чтеніяхъ*).

А. Соболевскій.

И. П. КОРНИЛОВЪ.

(некрологъ).

2-го іюля въ Петергофѣ, не доживъ лишь двухъ мѣсяцевъ безъ нѣсколькихъ дней до 90 лѣтъ, скончался Иванъ Петровичъ Корниловъ.

И. П. Корниловъ происходилъ изъ стариннаго Костромского дворянскаго рода, который далъ не мало людей выдающихся. Знаменитый севастопольскій герой В. А. Корниловъ былъ родственникомъ Ивана Петровича; отецъ Ивана Петровича былъ сподвижникомъ Суворова, и Суворовъ очень высоко цѣнилъ его выдающуюся храбрость. его твердый характеръ и благородство; близнецъ-братъ Ивана Петровича, Аркадій, убитый въ 1845 г. въ экспедиціи на Дарго, былъ, судя по оставшимся отъ него письмамъ, замѣчательно одаренный, высокой и чистой души человѣкъ; мать Ивана Петровича была чрезвычайно сердечная, любящая женщина; дѣти вспоминали о ней не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ.

И. П. Корниловъ родился 28-го августа 1811 г.; онъ учился въ Пажескомъ Его Величества Корпусѣ, въ 1830 г. произведенъ въ прапорщики въ л.-гв. Измайловскій полкъ и въ 1830—1831 гг. участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ и былъ при штурмѣ Варшавы. Въ 1843 г. онъ былъ назначенъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній; съ 1847 по 1851 г. служилъ при управленіи войсками въ Восточной Сибири, въ 1851 г. назначенъ старшимъ членомъ Межевой канцеляріи, въ 1857 г. инспекторомъ казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа; 2-го декабря 1859 г. назначенъ былъ помощникомъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа, 3-го февраля 1864 г.—попечителемъ Виленскаго

учебнаго округа; 13-го марта 1868 г. членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ производствомъ въ тайные совѣтники; 23-го января 1871 г. назначенъ почетнымъ опекуномъ, 24-го марта 1885 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ послѣдній періодъ своей служебной дѣятельности Иванъ Петровичъ завѣдывалъ около 20 лѣтъ Гатчинскимъ Сиротскимъ институтомъ, неоднократно исполнялъ должность товарища министра народнаго просвѣщенія; нѣсколько лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ Славянскаго благотворительнаго общества и постоянно занимался учеными и публицистическими трудами. Изъ числа ихъ назовемъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ 1783 — 1804 г.“, томы 1 — 3; четвертый томъ приготовленъ Иваномъ Петровичемъ для печати; „Памяти графа М. Н. Муравьева. Къ исторіи Виленскаго учебнаго округа за 1863 — 1868 года“ (Спб. 1898), „Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ“ (Спб. 1901), „Очеркъ исторіи русской школы, ея современное состояніе и на какихъ незыблемыхъ началахъ она должна быть утверждена“ (Спб. 1901); много статей Ивана Петровича разсѣяно въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Во всякое свое дѣло Ивана Петровичъ вносилъ свѣтлый умъ и прекрасное, чуткое ко всему доброму, отзывчивое сердце; но главное дѣло его жизни, дѣло, которое дало ему полное право на благодарность русскаго общества и на почетное мѣсто среди дѣятелей на поприщѣ русскаго просвѣщенія — это его труды по управленію Виленскимъ учебнымъ округомъ. Онъ призванъ былъ къ этому дѣлу по личному выбору М. Н. Муравьева, который зналъ Ивана Петровича по его службѣ въ межевомъ вѣдомствѣ. Мятежъ былъ подавленъ [1]); вліяніе латино-польской интеллигенціи, враждебной мѣстнымъ православно-русскимъ началамъ, сломлено; польскій языкъ и польская литература были запрещены. Необходимо было возбудить и поощрять въ краѣ дѣятельность русской мысли и слова, необходимо было это, по словамъ самого И. П. Корнилова, „для нравственнаго автори-

---

[1]) Отсюда и до новаго абзаца мы приводимъ выдержки изъ писемъ Ив. П. Корнилова къ И. Д. Делянову и архіеп. Ярославскому Нилу — см. „Русское дѣло“, 36, 85, 146—147 и др.; см. еще IX — X. Эта книга, а также формуляръ Ив. П. Корнилова и изданный въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ очеркъ: „Ивану Петровичу Корнилову на память о днѣ 22-го сентября 1890 года“ послужили главными источниками для составленія предлагаемаго некролога.

тета нашего, для достоинства русскаго имени, наконецъ, для очевиднаго доказательства, что здѣшній край дѣйствительно русскій, а не польскій"; „нечего намъ вооружаться, говоритъ онъ, противъ полонизма войсками, пушками, полиціей тайною и явною. Польская интеллигенція не уступитъ своего мѣста физической силѣ; она можетъ уступить только другой интеллигенціи, болѣе здравой и симпатичной и охотнѣе принимаемой народомъ. Однѣ лишь административныя да военныя мѣры возбуждаютъ только протестъ и озлобленіе и даже усиливаютъ неуваженіе, вражду и ненависть. Какъ нарочно, въ Сѣверо-Западномъ краѣ мы являемся полякамъ во всей грозѣ физической силы и во всей немощи нравственной... Нельзя намъ только отмалчиваться или отдѣлываться денежными штрафами, арестами, ссылками и конфискаціями". И. П. Корниловъ „видѣлъ въ виленскомъ учебномъ округѣ не только правительственное учрежденіе для управленія народными школами и учебнымъ дѣломъ, но также признавалъ въ немъ и сильное орудіе русскаго общества для культурной борьбы съ мѣстнымъ польскимъ обществомъ и для возстановленія на русско-литовской землѣ русской культурной жизни". „За неимѣніемъ въ краѣ мѣстнаго русскаго дворянства и русскихъ культурныхъ силъ, виленскій учебный округъ по необходимости долженъ былъ проявить эти силы". „Во что бы то ни стало—присутствіе русской культурной жизни непремѣнно должно было проявиться на западной русской землѣ. Надо было торжественно засвидѣтельствовать, что русская духовная сила, русская мысль и чувство еще не замерли, не заглушены окончательно и что они еще живы и сильны"; Иванъ Петровичъ признавалъ необходимымъ „вести, конечно въ духовной сферѣ, рѣшительную, открытую, наступательную войну противъ всего, что враждебно Россіи"; онъ находилъ необходимымъ, чтобы русскій языкъ и русская вѣра перестали „называться хлопскими, варварскими", чтобы „русскаго языка не стыдились, а польскимъ не щеголяли". Первое мѣсто, по убѣжденію Ивана Петровича, должны были занять нравственныя мѣры; „русское образованіе сильнѣе русскаго штыка", писалъ онъ. Въ другомъ письмѣ, сравнивая положеніе великорусскаго племени подъ татарскимъ игомъ и бѣлорусскаго въ Польшѣ, онъ говоритъ: „польское, жидовское иго въ тысячу разъ ужаснѣе; дикари не касались ни религіи, ни быта народнаго; поляки и жиды—мелкіе, домашніе, ежеминутные и неотступные деспоты; каждая деревня, каждая изба, каждая бѣдная рабская семья имѣли своего пана, своего эконома, арендатора, корчмаря; поляки не давали мужику покоя, гнали

его на барщину, оскорбляли, сѣкли безъ милосердія, звали его быдломъ и вмѣстѣ съ фанатическими ксендзами, стремясь ополячить народъ и оторвать западныя области отъ Россіи, ругались надъ хлопской вѣрой, принуждали къ католичеству и унін. Жиды держали народъ въ кабалѣ и вымогали его трудовую копейку. Наше дѣло— сдерживать эти пришлые, чуждые элементы, отстранить отъ народа враждебные и заѣдающіе его элементы, возстановлять права многострадальнаго русскаго народа, задавленнаго злѣйшимъ крѣпостнымъ рабствомъ, нравственно возвышать народъ въ сознаніи православія и единокровной связи съ общимъ отечествомъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Иванъ Петровичъ находитъ, что „дѣло, которымъ правительство руководитъ въ западномъ краѣ, требуетъ не физической силы, но нравственнаго вліянія; войску здѣсь нечего дѣлать".

Съ такими идеями приступилъ Иванъ Петровичъ Корниловъ къ дѣятельности въ Виленскомъ округѣ. Онъ явился борцомъ за русскую идею; онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ служеніе національной идеѣ. Но это служеніе у Корнилова было не тѣмъ національизмомъ, который внушаетъ угнетать не свою національность, давить чужихъ, жить на ихъ счетъ, отрывая у другихъ средства, которыя обращаются потомъ на матеріальную пользу исключительно своему народу; у Корнилова не было угнетающаго, возбуждающаго борьбу національизма; не къ тому, чтобы ухудшать положеніе другихъ, направлено было служеніе Корнилова національной русской идеѣ, а къ тому, чтобы работать на пользу своего народа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ нравственнымъ долгомъ не закрывать глазъ и не бездѣйствовать, если кто-либо, подъ шумъ громкихъ фразъ и подъ прикрытіемъ служенія болѣе высокимъ идеямъ, на дѣлѣ безцеремонно преслѣдуетъ цѣли, совершенно несогласныя съ тѣмъ, что провозглашается, и очень часто—по духу своему именно самыя узкія націоналистическія. Въ своей дѣятельности какъ попечитель и впослѣдствіи, во всей своей публицистической дѣятельности — Иванъ Петровичъ твердо руководился такими именно идеями, идеями, которыя, по нашему убѣжденію, суть единственно правильныя и обязательныя для русскаго человѣка въ положеніи, какое занималъ Корниловъ. Онъ и достигъ немалыхъ результатовъ и — что особенно дорого — онъ умѣлъ достичь этихъ результатовъ самыми мягкими пріемами. Онъ находилъ эти пріемы, потому что въ дѣятельности своей онъ инстинктивно осуществлялъ завѣтъ того святителя, который училъ: любите людей и ненавидьте только злыя дѣла ихъ. Именно такъ и поступалъ Иванъ Петровичъ:

онъ преслѣдовалъ направленіе — но никогда не человѣка; у него всякій встрѣчалъ одинаково для всѣхъ и всегда ровное, удивительно сердечное, простое отношеніе; одного только не терпѣлъ Иванъ Петровичъ, одно только заставляло его сразу вспыхивать гнѣвомъ — это подыскивающееся низкопоклонство...

Предъ вступленіемъ Ивана Петровича въ должность попечителя существовало предположеніе изъ двадцати съ лишкомъ гимназій округа оставить только по одной въ каждомъ губернскомъ городѣ, а остальныя закрыть и освободившіяся средства обратить на развитіе низшихъ народныхъ училищъ; основаніемъ для такой мѣры выставлялось то, что гимназіи эти даютъ возможность мѣстному мелкому дворянству занимать впослѣдствіи мѣста на государственной службѣ и черезъ это улучшать свое положеніе въ мѣстномъ обществѣ; средства, которыя освободились бы отъ закрытія гимназій, предполагалось обратить на развитіе народнаго образованія. И. П. Корниловъ не сочувствовалъ этому плану въ его цѣломъ. Онъ находилъ—и совершенно справедливо, конечно,—что въ виду сосѣдства округа съ остзейскими губерніями и съ Пруссіей, гдѣ среднее образованіе чрезвычайно развито, необходимо и у насъ по возможности развивать его, а никакъ не сокращать. Поэтому онъ настоялъ на сохраненіи всѣхъ гимназій—онъ видѣлъ въ нихъ „лучшее средство для поднятія въ краѣ русской культуры"; онъ и сдѣлалъ ихъ дѣйствительными разсадниками русскаго вліянія изъ разсадниковъ вліянія польскаго, какими онѣ были раньше. Онъ объѣзжалъ постоянно свой округъ, внимательно знакомился съ составомъ преподавателей, всѣхъ ободрялъ, поддерживалъ и непремѣнно выдвигалъ всякаго, сколько-нибудь выдающагося по трудолюбію или способностямъ преподавателя. Иванъ Петровичъ засталъ округъ съ такимъ составомъ преподавателей, что не менѣе трехъ четвертей всего числа были поляками и католиками; въ скоромъ времени онъ совершенно измѣнилъ эти численныя отношенія и достигъ этого безъ всякихъ крутыхъ мѣръ. Немедленно уволены были только немногіе преподаватели, несомнѣнно доказавшіе свою склонность къ политической пропагандѣ; изъ остальныхъ же часть были уволены по выслугѣ срока, часть по заботамъ Ивана Петровича получили другія мѣста въ томъ же округѣ или учительскія мѣста въ другихъ округахъ. Иванъ Петровичъ представлялъ и въ министерство, и генералъ-губернатору, что есть изъ числа поляковъ прекрасные, безупречные преподаватели, но что положеніе ихъ тяжелое, потому что мѣстное общество не скрываетъ своего нерасположенія къ нимъ; такимъ были

предложены соотвѣтственныя мѣста въ другихъ округахъ. На освобождавшіяся должности Иванъ Петровичъ успѣлъ привлечь преподавателей изъ чисто русскихъ людей, устроивши имъ весьма удовлетворительное положеніе въ смыслѣ матеріальномъ и служебномъ. Какъ онъ относился къ прибывавшимъ на служеніе въ его округъ, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ; одному изъ приглашенныхъ имъ на службу изъ Москвы Иванъ Петровичъ отвелъ квартиру въ казенномъ помѣщеніи, увѣривъ получившаго, что это квартира казенная, а самъ платилъ за нее изъ собственныхъ средствъ...

Сохранивши всѣ гимназіи, Иванъ Петровичъ очень много сдѣлалъ и для народнаго образованія; онъ умѣлъ представить всю важность расходовъ на него и умѣлъ испрашивать средства. Въ четырехлѣтнее управленіе свое округомъ онъ основалъ нѣсколько новыхъ дирекцій народныхъ училищъ и создалъ такую сѣть народныхъ училищъ, что она почти не сдѣлалась гуще въ теченіе слѣдующихъ 30 лѣтъ. Принявши округъ съ 389 народными училищами, Иванъ Петровичъ оставилъ въ немъ народныхъ училищъ болѣе 1500; онъ умѣлъ достичь того, что волостные сходы самыхъ захолустныхъ волостей постановляли приговоры объ учрежденіи училищъ — такимъ путемъ возникло до 130 школъ въ мѣстностяхъ Ковенской губерніи, съ населеніемъ сплошь католическимъ. Иванъ Петровичъ достигалъ этого тѣмъ, что созданныя школы онъ окружалъ неусыпными, неистощимыми въ изобрѣтательности, попеченіями. Онъ создалъ по своему округу 158 книжныхъ складовъ, гдѣ всегда имѣлись въ достаточномъ количествѣ книги, картинки изъ священной исторіи, крестики, образки. Онъ умѣлъ получить отъ правительства безвозмездно нѣсколько десятковъ тысячъ книгъ для раздачи народу; умѣлъ вызвать отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя учрежденія на пожертвованія книгами; онъ заказалъ спеціально въ Синодальной типографіи самое дешевое изданіе Евангелія; при немъ было издано до 20 различныхъ книгъ для народа, приноровленныхъ къ понятіямъ и интересамъ мѣстнаго крестьянства; изъ нихъ „Книга для чтенія“ распространена была въ 40.000 экземплярахъ. Народныя училища своего округа Иванъ Петровичъ умѣлъ снабдить хорошими учителями; и имъ онъ устраивалъ сравнительно очень хорошее матеріальное положеніе; но этого, конечно, было мало для того, чтобы привлечь людей и поддержать ихъ въ работѣ; Иванъ Петровичъ умѣлъ сдѣлать и то, безъ чего нельзя было бы найдти людей. Онъ вступилъ въ личную переписку съ выдающимися публицистами того времени:

Катковымъ, Погодинымъ, Кояловичемъ, Аксаковымъ, сообщалъ имъ факты и данныя для того, чтобы они печатно говорили о дѣйствительныхъ нуждахъ края; онъ обратился съ письмами ко всѣмъ почти архіереямъ, прося ихъ, чтобы они содѣйствовали поступленію молодыхъ семинаристовъ и бывшихъ учениковъ духовныхъ училищъ на службу въ виленскій округъ; они и явились, почти изъ всѣхъ русскихъ духовныхъ семинарій... Не легка была ихъ жизнь и работа, иногда среди населенія почти не понимавшаго по-русски, забитаго, недовѣрчиваго, но они работали, и въ каждую тяжелую минуту они находили по крайней мѣрѣ нравственную поддержку у своего попечителя, который принималъ каждаго сельскаго учителя такъ же просто и такъ же сердечно, какъ и какого-нибудь важнаго чиновника изъ Петербурга и какъ своего добраго пріятеля... Иванъ Петровичъ умѣлъ воодушевлять на работу своихъ молодыхъ помощниковъ; между прочимъ онъ устроилъ командировки наиболѣе изъ нихъ способныхъ для описанія и частью срисовыванія памятниковъ православной старины въ краѣ; эти описанія, не претендовавшія на ученый характеръ, вполнѣ удовлетворяли той цѣли, съ какою были предприняты — знакомить мѣстное населеніе съ прошлымъ области; они были тогда же помѣщаемы въ календаряхъ для народа и другихъ изданіяхъ виленскаго учебнаго округа. Чтобы обезпечить округъ контингентомъ подготовленныхъ преподавателей, Иванъ Петровичъ устроилъ учительскую семинарію въ Молодечнѣ—первую въ Россіи по времени учрежденія. Много работъ наконецъ положилъ Иванъ Петровичъ на созданіе и развитіе въ округѣ обученія дѣвочекъ. И въ этомъ онъ успѣлъ; преданную дѣлу помощницу встрѣтилъ онъ въ этой работѣ въ лицѣ Ю. А. Кулиной, которая была преподавательницей въ первой женской рукодѣльной школѣ въ Вильнѣ; супругъ Ю. А. Кулиной — В. П. Кулинъ, впослѣдствіи директоръ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, былъ тогда окружнымъ инспекторомъ виленскаго округа и однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ Ивана Петровича.

Такова была дѣятельность Ивана Петровича на поприщѣ народнаго образованія. Сдѣлавши столько на этомъ поприщѣ, такъ усиленно и непрерывно на немъ работая, онъ не оставлялъ безъ вниманія и другихъ средствъ, которыя могли вести къ ясно поставленной имъ цѣли—къ поднятію въ краѣ русской культуры. Онъ мечталъ объ основаніи въ Вильнѣ православной духовной академіи—но это предположеніе его не осуществилось. Онъ успѣлъ, за то, создать въ Вильнѣ коммиссію для разбора древнихъ актовъ, которая вскорѣ за-

няла одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобнаго рода провинціальныхъ учрежденій; онъ основалъ въ Вильнѣ публичную библіотеку и собралъ въ нее до 200.000 томовъ; тутъ собрано было много книгъ изъ конфискованныхъ библіотекъ, но много было и пожертвовано и пріобрѣтено покупкой; на покупку И. П. Корниловъ въ теченіе 1867 и 1868 гг. исходатайствовалъ до 14.000 рублей, т.-е. приблизительно треть того, что въ теченіе двухъ лѣтъ употреблялось (до 1896 года) Императорскою Публичною Библіотекою; при библіотекѣ создано было отдѣленіе рукописей, въ которое тогда же поступили многія рукописи замѣчательной древности и высокой исторической цѣнности— какъ-то: отрывки харатейнаго Евангелія XI вѣка съ записями на нихъ кн. Константина Ивановича Острожскаго — листки такъ называемаго Туровскаго евангелія—неизвѣстная до того времени западнорусская лѣтопись, такъ называемая лѣтопись Авраамка, Супрасльская лѣтопись, долгое время считавшаяся потерянною и пр. — всѣ эти и еще нѣкоторыя другія замѣчательныя рукописи были открыты при тѣхъ поѣздкахъ учителей, о которыхъ мы выше сказали. Иванъ Петровичъ обогатилъ и улучшилъ мѣстный музей, который до того времени заключалъ въ себѣ предметы болѣе чѣмъ сомнительнаго происхожденія и предназначенные служить мѣстнымъ латино-польскимъ интересамъ—такъ, напримѣръ, самъ предсѣдатель музея, гр. Тышкевичъ, на вопросъ о подлинности „зрительной трубы Ѳ. Костюшки, переданной имъ подъ Мацѣевичами генералу Понятовскому“—какъ значилась труба по каталогу музея—заявилъ, что „эта труба принята въ музей подъ именемъ Костюшкиной для того, чтобы придать болѣе рельефности коллекціи замѣчательныхъ предметовъ“. И. П. Корниловъ открылъ въ Вильнѣ живописную и рисовальную школу, которая дѣйствовала очень успѣшно; наконецъ, онъ открылъ въ Вильнѣ Сѣверо-западное отдѣленіе Императорскаго Русскаго географическаго общества.

Таковы были внѣшніе результаты трудовъ Ивана Петровича Корнилова въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Близкій сотрудникъ его, Н. Н. Новиковъ, въ день празднованія шестидесятилѣтія служебной дѣятельности Ивана Петровича съ полнымъ правомъ сказалъ, что перечисленіе всего, сдѣланнаго на этомъ посту Иваномъ Петровичемъ въ четыре года, можетъ казаться невѣроподобнымъ. Столько дѣла могло быть выполнено только благодаря по истинѣ непостижимой неутомимости Ивана Петровича и въ самой работѣ и въ отысканіи все новыхъ способовъ проводить и осуществлять свои идеи. Личная

работа его не прекращалась цѣлый день; ночные часы и нерѣдко вся ночь уходили на дѣловую переписку... Т. И. Филипповъ свидѣтельствуетъ, что учебныя заведенія, ввѣренныя Корнилову, были „единственнымъ цвѣтущимъ оазисомъ среди мрачной и голой пустыни тогдашняго учебнаго вѣдомства"...

Тайна этихъ успѣховъ объясняется личностью Ивана Петровича—прежде всего, его беззавѣтною, горячею любовью къ своему дѣлу, которая одушевляла его такъ, какъ рѣдко бываетъ одушевленъ ею человѣкъ; затѣмъ — его удивительною сердечностью, его способностью живо интересоваться всѣмъ, что касается окружающихъ его людей, способностью входить въ ихъ нужды и поддерживать своею энергіею и любовью и ихъ слабѣющую временами энергію; наконецъ, объясняется это и удивительною бодростью и крѣпостью Ивана Петровича, благодаря которой онъ не только могъ удивительно много работать, не только дожилъ до глубокой старости, но до послѣднихъ, можно сказать, дней сохранилъ ясность и свѣжесть ума и чуткость сердца. Онъ никогда не жилъ только въ прошломъ, что составляетъ обыкновенно печальный удѣлъ слабѣющей старости; онъ всегда жилъ интересомъ современности, онъ ясно понималъ запросы и интересы дня, хотя, разумѣется, оцѣнивалъ ихъ вполнѣ самостоятельно, не поддаваясь какимъ-либо моднымъ вѣяніямъ или настроеніямъ минуты. Года три тому назадъ я бесѣдовалъ съ нимъ по одному изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ того времени и былъ просто пораженъ тою точностью, съ какою передавалъ Иванъ Петровичъ цѣлый рядъ фактовъ, случившихся въ самое недавнее предъ тѣмъ время, тою ясностью, съ какою онъ судилъ обо всемъ совершившемся, а всего болѣе—тѣмъ духомъ любви, которымъ проникнуто было каждое его сужденіе... До послѣднихъ дней Иванъ Петровичъ интересовался текущею жизнью и особенно — вопросами воспитанія и образованія: за нѣсколько дней до смерти онъ продиктовалъ нѣсколько статей, которыя были напечатаны уже послѣ его кончины.

Иванъ Петровичъ Корниловъ умеръ, почти вступивъ въ десятый десятокъ лѣтъ жизни. Онъ зналъ глубокую старость, но дряхлости онъ не зналъ; жизнь его была долгая, дѣятельная и—по истинѣ — прекрасная и поучительная.

Н. Чечулинъ.

EXEGETICA.

X. De Pandaro venatore Homerico et de capra aegagro.

W. E. Gladstone in Studiis Homericis, ab A. Schustero in breviorem formam contractis p. 64 negat Homerum mentionem facere venationum apud Troianos, quamquam circa Idam montem habitent, neque Dianae ut venatricis apud eos deae. At sunt Troiani venatores, Scamandrius, Strophii filius, et Pandarus. Illum Homerus Il. l. V v. 49 αἵμονα θήρης dicit et

ἐσθλὸν θηρητῆρα· δίδαξε γὰρ Ἄρτεμις αὐτὴ
βάλλειν ἄγρια πάντα, τά τε τρέφει οὔρεσιν ὕλη.
ἀλλ' οὔ οἱ τότε γε χραῖσμ' Ἄρτεμις ἰοχέαιρα
οὐδὲ ἐκηβολίαι, ᾗσιν τὸ πρίν γ' ἐκέκαστο.

Pandarus autem, Lycaonis filius, ipse quoque τόξων εὖ εἰδώς, ut est l. V v. 245, quamquam a patre admonitus, ut cum curru ad bellum proficisceretur, veritus, ne in tanta bellatorum multitudine equos suos pabulum deficeret, solo arcu armatus Troiam se contulerat. Regnabat autem Zeleae; iussu enim Minervae, ut est l. IIII v. 103 et 121, re bene gesta occisoque Menelao se hecatomben esse sacrificaturum vovet reversum ἱερὸν εἰς ἄστυ Ζελείης, quod oppidum ad Aesepum fluvium erat situm; cum Minerva eum reperiret, stipabant eum, ut est v. 90,

κρατεραὶ στίχες ἀσπιστάων
λαῶν, οἵ οἱ ἕποντο ἀπ' Αἰσήποιο ῥοάων.

Atque consentit cum his auctor catalogi navium v. 826 sqq. Minus autem videtur consentire ipse Pandarus, cum Diomedem illo vulnere confectum iri gloriatur l. V v. 104,

εἰ ἐτεόν με
ὦρσεν ἄναξ Διὸς υἱὸς ἀπορνύμενον Λυκίηθεν,

minus Aeneas, qui eum ad fortiter pugnandum accensurus v. 171 sic alloquitur:

Πάνδαρε, ποῦ τοι τόξον ἰδὲ πτερόεντες ὀιστοὶ
καὶ κλέος; ᾧ οὔ τίς τοι ἐρίζεται ἐνθάδε γ' ἀνήρ
οὐδέ τις ἐν Λυκίῃ σέο γ' εὔχεται εἶναι ἀμείνων.

Quae cum dissentire atque repugnare viderentur, veteres quidam fuerunt, qui nullo negotio ad consensionem concentumque revocari posse rati dicerent. Zeleam ipsam quoque sitam esse in Lycia, quam ut distinguerent a Sarpedonis et Glauci patria, Lycia nimirum Ξάνθῳ ἔπι δινήεντι sita, ut est l. V v. 479, appellarunt Troicam. *Aristarchus* enim ad l. IIII v. 101 ὅτι, inquit, ἀπὸ τῆς Τρωικῆς Λυκίας, ἐξ ἧς ἐστι Πάνδαρος, ad l. V v. 173 apposuit διπλῆν, ὅτι τὴν Τρωικὴν Λυκίαν λέγει, ad v. 105 ὅτι τῆς Τρωικῆς Λυκίας. Eodem consilio *Strabo* l. XII c. 4, § 6, p. 565 Λυκίην τὴν ὑπὸ Πανδάρῳ dicit, sed ex hoc idem, audacior Aristarcho, novi aliquid effici vult; Lycios enim appellat comites Pandari et incolas Zeleae c. 1, § 7, p. 565 et l. XIII, c. 1, § 33, p. 596 atque sic appellari eos ab Homero affirmat § 9, p. 586 τούτους ἐκάλει καὶ Λυκίους, § 7, p. 585: οἱ ὑπὸ Πανδάρῳ Λύκιοι, οὓς καὶ αὐτοὺς καλεῖ Τρῶας. Qua in re eum in errorem esse delapsum manifestum est; nullo enim loco Homerus Pandari socios appellat Lycios.

Ipse enim Pandarus si non l. V v. 102, ubi Diomede vulnerato

ὄρνυσθε, inquit, Τρῶες μεγάθυμοι, κέντορες ἵππων

— hoc enim loco fieri potest ut omnes Troianos alloquatur—at certe v. 200, ubi pater, inquit,

ἵπποισίν μ' ἐκέλευσε καὶ ἅρμασιν ἐμβεβαῶτα
ἀρχεύειν Τρώεσσι,

et v. 210

ὅτε Ἴλιον εἰς ἐρατεινὴν
ἡγεόμην Τρώεσσι, φέρων χάριν Ἕκτορι δίῳ,

socios suos Troianos appellat.

Aristonicus enim quosdam tradit, ignaros, ὅτι λέγονται καὶ οἱ ὑπὸ Πάνδαρον (attende, non addi Λύκιοι) Τρῶες, scribendum putasse ἡγεό-

μην, Τρώεσσι φέρων χάριν ἱπποδάμοισιν. Consequens est quod legitur in navium catalogo v. 824 sqq.

οἳ δὲ Ζέλειαν ἔναιον ὑπαὶ πόδα νείατον Ἴδης,
Τρῶες, τῶν αὖτ' ἦρχε Λυκάονος ἀγλαὸς υἱός.

Sicut enim cum Dardani Troum nomine contineantur, Euphorbus et Tros appellatur et Dardanus l. XVI v. 807 et XVII v. 80, ita Pandarus quoque et Zeleae incolae, ut recte dicat Strabo l. X, p. 453 et XIIII, p. 574 λέγει μὲν γὰρ καὶ κοινῶς ἅπαντας Τρῶας τοὺς συμπολεμήσαντας αὐτοῖς...., ἀλλ' οὐ δήπου Τροίας ἐροῦμεν νὴ Δία καὶ τὴν Παφλαγονίαν οὐδὲ τὴν Καρίαν ἢ τὴν ὅμορον αὐτῇ Λυδίαν. Neque minus recte apud Stephanum Byz. s. v. Κτημένη legitur: πόλις Θετταλίας... ἧς τοὺς πολίτας Ὅμηρος Δόλοπάς φησιν, ὡς Σίντιας τῆς Λήμνου καὶ Τρῶας τῆς Ἰλίου καὶ Ζελείας sqq.

Adeo autem illam rei rationem Strabo exploratam habet, ut duplices fuisse Lycios dicat l. XII, c. 8, § 4, p. 572, quos unius eiusdemque originis esse suspicatur: οἱ διττοὶ Λύκιοι τοῦ αὐτοῦ γένους ὑπόνοιαν παρέχουσιν, ἢ τῶν Τρωικῶν ἢ τῶν πρὸς Καρίᾳ τοὺς ἑτέρους ἀποικισάντων. Quem *Plutarchus* secutus est; in libello enim qui inscribitur De virtutibus mulierum c. 9 Amisodarum ait, ὃν Ἰσάραν Λύκιοι καλοῦσιν, ἥκειν ἐκ τῆς περὶ Ζέλειαν ἀποικίας Λυκίων.

Arrianus quoque Strabonis de Lyciis Zeleae sententiam secutus est in Bithynicis (fragm. 68 in Fragm. Hist. Gr. Muell. vol. III, p. 599). Quem Eustathius ad Il. l. II v. 824 memoriae prodit haec scripsisse: Ζέλεια ἡ καὶ Λυκία, καὶ ὁ Ἀπόλλων ἐπὶ τῇδε τῇ Λυκίᾳ Λύκιος· διὸ καὶ Πανδάρου πατὴρ Λυκάων, οὐ πόρρω τοῦ τοιούτου ἔθνους πεσόντος τοῦ ὀνόματος· καὶ Λυκογενεῖ Ἀπόλλωνι ἐκεῖνος εὔχεται τῷ ἐπιχωρίῳ. In libro autem de expeditione Alexandri I, c. 12, § 8 breviter Zeleae et c. 17, § 2 eius oppidi incolarum mentionem facit.

Eustathius denique Strabone, ut fieri solet, audacior asseverat ad l. IIII v. 103 et V v. 173, sicut Lyciam μικράν, ita Zeleam antiquitus μικρὰν Τροίαν appellari solitam esse, ad l. II v. 824, Pandari cives, inquit, οὐ μόνον Ζελειῶται, ἀλλὰ καὶ Τρῶες, ἤδη δὲ καὶ Λύκιοι. τριωνυμία οὖν ἐθνικὴ καὶ ἐνταῦθα, ὡς καὶ ἐπὶ τῶν Μυρμιδόνων προείρηται. Idem commentariis ad Dionysii v. 857 διττοί, inquit, οἱ Λύκιοι, ὡς καὶ Ὁμήρῳ δοκεῖ, οἱ μὲν Τρωικοί, καθὰ καὶ ὁ γεωγράφος φησίν, οἱ δὲ πρὸς τῇ Καρίᾳ. Ἄδηλον δὲ πότεροι τοὺς ἑτέρους ἀπῴκισαν. Cum igitur neque ante Aristarchum ulla fieri videatur duplicis Lyciae mentio neque post eum nisi ab eis, qui tantam auctoritatem sequebantur, qua re

ille commotus ad illam ἀπορίαν solvendam hanc viam putaverit ineundam, non est difficile coniectura assequi. Nempe duplici Phrygia; adnotat enim ad l. II v. 862 οὗτοι δὲ τῆς μικρᾶς εἰσι Φρυγίας. Haec autem dudum erat nota; nam μεγάλη Φρυγία est apud Xenophontem Instit. Cyri l. VII, c. 4, § 6 et VIII, c. 6, § 7, ἡ πρὸς Ἑλλησπόντῳ l. II, c. 1, § 5, Φρύγες ἀμφότεροι autem l. I, c. 5, § 3 et VI, c. 2, § 10.

Unus *Stephanus* Byz. breviter Ζέλεια, inquit, πόλις Τρῳάδος neque s. v. Λυκία quidquam dicit de duplici Lycia.

Quod denique Strabo de colonia Lyciorum in Troadem, ut ait, deducta fingit, id rebus certe ea aetate, quam historia complectimur, gestis non comprobatur, si quidem recte J. J. Bachofen in libro qui inscribitur Das lykische Volk und seine Bedeutung für die Entwicklung des Alterthums, edito a. MDCCCLXII, p. 20 negat proprium fuisse Lyciorum iuventutis peregre abire ad novas sedes quaerendas.

Aristarchi autem Strabonisque sententia non solum eis placuit, qui quid Homerus de orbe terrarum senserit descripserunt, ut A. G. Schlegelio in Commentatione de geographia Homerica, primum edita a. MDCCLXXXVII, tum in Opusculis latine scriptis ab Ed. Boeckingio a. MDCCCXLVIII editis, sed etiam omnium fere, qui Homeri carmen explicarunt, assensum consecuta est.

Unus Carolus Fellows, homo de Lycia pervestiganda, sicut omnes sciunt, optime meritus, in libro qui inscribitur Travels and researches in Asia minor, more particularly in the province of Lycia, Londini a. MDCCCLII emisso a pag. usque 413 illam quaestionem ita solvendam putavit, ut diceret, poetam in errorem quendam inductum Τλώς, oppidum Lyciae, et vocem Τρώς inter se commiscuisse, Pandarum regem fuisse Lyciae septentrionalis, Sarpedonem meridionalis. Quam sententiam comprobavit P. A. Paley popularis eius in commentario Iliadis a. MDCCCLXVI emisso (ad l. II v. 824, V v. 200 et 211).

Mihi autem res aliter se habere videtur. Audeo dicere, Pandarum in ipsa Lycia ad Xanthum flumen sita fuisse. Quod argumentis ex animalium natura sumptis comprobare conabor.

Confecerat quondam αἶγα ἄγριον. Est enim l. IIII v. 105 sqq.:

αὐτίκ' ἐσύλα τόξον ἐΰξοον ἰξάλου αἰγὸς
ἀγρίου, ὅν ῥά ποτ' αὐτὸς ὑπὸ στέρνοιο τυχήσας
πέτρης ἐκβαίνοντα, δεδεγμένος ἐν προδοκῇσιν,
βεβλήκει πρὸς στῆθος· ὁ δ' ὕπτιος ἔμπεσε πέτρῃ.
τοῦ κέρα ἐκ κεφαλῆς ἑκκαιδεκάδωρα πεφύκει.

Primum igitur, quaenam sit haec fera, docendum. Qua de re quantopere quidam errarint, exemplo sit Fr. H. Bothe. Hic enim ad hunc locum adnotat intellegendam esse capram aegagrum, quam eandem se putare ac caprum ammonem Linnaei, ovem musimon, capram Sibiricam, caprovem Argali, quod animal magnis cornibus praeditum hodie non solum in rupibus Caucasi et Sibiriae Africaeque septentrionalis, sed etiam in insulis Corsica et Sardinia inveniatur. Qua in re eum vera cum falsissimis, capras cum ovibus confudisse quivis videt. Nunc per investigatores naturae et terrarum speculatores dudum melius edocti, quae sit haec fera, certo scimus. Praeterea nuper O. Keller in illo libro qui inscribitur Thiere des classischen Alterthums in culturgeschichtlicher Beziehung, Oenoponti a. MDCCCLXXXVII edito, omnis generis doctrina insigni, quidquid de hac re non modo litterarum, sed etiam artis antiquae monumentis continetur, admirabili diligentia et subtilitate amplexus est. Quocum multis in rebus, de quibus sum disserturus, consentire me lubentissime vidi; si in nonnullis ex mea disputatione quae efficiuntur diversa sunt ab huius sententia, pace id fiat hominis doctissimi atque de hac disciplina optime meriti. St. Fellneri quoque commentationem de arcu Homerico, quae Annalibus gymnasiorum Austriacorum a. MDCCCXCV inest a p. 193 usque ad p. 208, priusquam meam absolverem, cognovi; cui magna laus debetur, quod primus usitatam de arcu Pandarico sententiam falsam esse evicit recteque de eo sensit.

Licet autem inter physicos, quae ratio intercedat inter varia vel genera vel species horum animalium, nondum satis conveniat, cum variae sint species forma atque moribus non ita inter se diversae, tamen universo generi auctore Gmelino a viris doctis nomen e Babrii fab. CII v. 9 assumptum caprae aegagro impositum est.

Quorum una species eaque notissima est capra vel aegagrus ibex Alpinus, quem unum Plinius novit Nat. Hist. l. VIII, c. 54, § 124, de quo luculentis verbis Fr. de Tschudi disputat in libro, qui inscribitur Tierleben der Alpenwelt, nuper etiam Fr. C. Keller in Dombrovscii Encyclopaedia omnium, quae ad culturam silvarum et ad venationes pertinent disciplinarum vol. VII p. 346 sqq.

Altera species est aegagrus vel aegoceros Pyrenaicus s. Hispanicus, cuius mores et vitam R. Brehm describit in Alfredi fratris libro qui inscribitur Tierleben vol. III ed. tertiae, p. 185 sqq.

Deinde ex reliquis, neque enim omnes enumerandos puto, commemorandi aegagrus Caucasicus, aegagrus Pallasii, aegagrus Sibiricus.

Quorum imagines ad verum exprimendas curavit et divulgavit G. Radde in libro qui inscribitur Museum Caucasicum quod Tiflisi est, vol. I emisso a. MDCCCIC. Hi aegagri omnes suis quisque continentur finibus neque usquam alibi ibex Alpinus invenitur nisi in Alpibus, Pyrenaicus nisi in Hispania, Caucasicus nisi in Caucaso. Nullo igitur pacto fieri potest, ut pellis, quam Eumaeus possidet Od. l. XIV v. 50, ibicis fuerit, ut Ameis, Buchholz (p. 163), Koerner (p. 48) arbitrantur. Neque magis hic αἴξ ἄγριος esse potest Caucasicus, quae aliorum sententia est, ut Friedreichii.

Unice igitur verum est, illum, quem Pandarus confecit, αἶγα ἄγριον aliam esse aegagrorum speciem, capram aegagrum, quem Persae pâzan, physici vocabulo Persico pâzahr, quod idem valet atque remedium contra venenum, corrupto usi bezoarticum vocant vel Asiaticum. Haec enim caprarum ferarum species ab eis, quas supra dixi, ea maxime re differt, quod sedes eius latissime patent. Invenitur enim per totam Asiam quam nunc minorem vel citeriorem appellant montesque Taurum et Antitaurum. per Armeniam et Caucasum usque ad terras trans mare Hyrcanum sitas et Parapanisum. Quam primus ex huius aetatis hominibus doctis Paulus de Tchichatschov denuo videtur quasi detexisse, qui cum ossa et cornua eius a. MDCCCXXXXVI Fr. Brandtio illustrissimo Academiae Petropolitanae socio ad praecepta artis examinanda misisset, in altera parte libri qui inscribitur Asie mineure. Description physique, statistique et archéologique de cette contrée, Parisiis emissa a. MDCCCLVI a p. 669 usque ad 688 de hac fera disseruit. In Cilicia eandem venatus mores eius describit Th. Kotschy primum in Actis societatis zoologicae et botanicae Vindobonensis a. MDCCCLVI emissis vol. IV, p. 201 sqq., deinde in Annalibus geographicis a C. Neumanno eodem anno editis p. 121 sqq., denique in libro qui inscribitur Reise in den cilicischen Taurus ueber Tarsus a. MDCCCLIII Gothae emisso quinque annis post hoc iter confectum p. 94, 196, 216, 261. In Phrygia magna venationes aegagrorum nuper descripsit E. N. Buxton, homo Anglus, in libro qui inscribitur Short stalks, edito Londini iterum a. MDCCCXCIII. In Pamphylia Lyciae confini, ad quam τὰ Σόλυμα montes pertinent, non procul a monte Massicyte, quem Strabo commemorat l. XIIII, c. 379, p. 666, C. G. Danford, ipse quoque homo Anglus et indefessus doctusque venator, cum huic venationi operam dedisset, accuratissime de hac aegagrorum specie disseruit in Actis societatis zoologicae Londinensis, quae Anglice inscribuntur Proceedings of the scientific meetings of the Zoological

Society of London for the year 1875, p. 458—468; for 1877, p. 271; P. L. Sclater ib. a. 1886 p. 315 cum tabula XXXI. In ipsa autem Lycia inveniri hunc aegagrum E. Petersen et F. de Luschan referunt in insigni illo libro qui inscribitur Reisen in Lycien, Milyas und Kibyratis vol. II a. MDCCCLXXXVIIII emisso p. 215 sqq.; esse enim ibi gentem quandam sine certis sedibus passim vagantem, qui Turcice Iürüki vocentur, peritissimi aegagrorum venandorum, quorum e cornibus fabricatis instrumentis ad signa danda aptis utantur. De eisdem copiose atque accurate in Encyclopaedia quam supra commemoravimus vol. VIII, emisso a. MDCCCLXXXXIIII, a p. 452 usque ad 457 disserit G. Radde, qui intra viginti tres annos fere sexaginta huius generis feras se confecisse ait. De capris denique feris, quae in quibusdam Graeciae insulis sunt, et de ratione, quae inter has et reliquas caprarum aegagrorum species intercedat, doctissime disputat L. de Lorenz-Libernau in libro qui inscribitur Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Hercegowina, herausgegeben vom Bosnisch-hercegowinischen Landesmuseum in Sarajewo, vol. VI Vindobonae emisso a. MDCCCLXXXXVIIII a p. 851 usque ad 887. Huic quoque commentationi variarum caprarum imagines pulcherrime depictae additae sunt.

Proponamus ante oculos imaginem aegagri, quae in Buxtonis libro est.

Sicut autem apud Babrium fab. XXXXV caprae ferae, in quas caprarius incidit,

> οὐκ ἔμειναν, ἀλλ' ὀρῶν ἀβοσκήτων
> ἀνέμβατον δρομῶνα ποσσὶν ἠρεύνων,

ita certissima rerum fide nititur, omnibus huius generis feris hoc esse praecipuum a natura datum, ut in altissimis montium iugis rupibusque aditu paene carentibus degant. Neque ullam dubitationem, quin hoc verum sit, afferre potest, quod Danford ait cognosse se in locis oppido Pamphyliae quod nunc Adratschan vocatur, ad sinum qui ab Attalia oppido nomen traxit, sito vicinis, ubi montes non sint nimis alti, hanc feram interdum usque ad oram maritimam descendere; nam idem dicit p. 462, in praeruptis illis montibus summum cacumen, quod Turcae nunc Akdagh appellent, unde scilicet illae caprae decurrunt, ad altitudinem decem millium passuum attolli. Descendere praeterea ait aestate fere solas feminas catulosque, hieme omnes sese recipere in montes duo millia passuum altos vel altiores. Is autem, quem Pandarus confecit, mas erat.

Eadem fere locorum natura est, ubi Buxton venandi causa versatus est. Montes enim, qui medii fere sunt inter Colossas et Celaenas oppida, quamquam minus sunt alti, tamen non procul absunt ab eis, quos W. I. Hamilton in libro qui inscribitur Itinera per Asiam suscepta vol. I p. 458 ed. german. ait magna esse altitudine; nunc ML metra altos esse scimus. Qui quam sint saxosi, imagines eorum locorum pulcherrime pictae demonstrant, quas libro suo interposuit p. 196, 209, 214. Memorabilis autem res est, ibi aegagros inveniri, cum per vallem, quae sub montibus illis est, nunc via ferrata sit.

Aegagrum autem illum cum Pandarus ferit, Homerus facit πέτρης ἐκβαίνοντα, ut veri simile sit rem inter alta saxa gestam esse. L. enim XV v. 271 sqq. eadem est rerum conditio; legitur enim

> οἳ δ' ὥστ' ἢ ἔλαφον κεραὸν ἢ ἄγριον αἶγα
> ἐσσεύαντο κύνες τε καὶ ἀνέρες ἀγροιῶται·
> τὸν μέν τ' ἠλίβατος πέτρη καὶ δάσκιος ὕλη
> εἰρύσατ', οὐδ' ἄρα τέ σφι κιχήμεναι αἴσιμον ἦεν,

τὸν μὲν autem ad unum aegagrum pertinere arbitror, cum vix fieri possit, ut quae vocabulo καὶ coniuncta sunt, ita dirimantur, ut πέτρη ad hunc, δάσκιος ὕλη ad cervum referatur. Contraria res est Hesiodi Scut. v. 407 αἰγὸς ὀρεσσινόμου ἢ ἀγροτέρης ἐλάφοιο, πίονος, ἥν τ' ἐδάμασσε

κτλ., hoc enim ad unam cervam pertinet, quae gravi vulnere icta tamen effugit longeque ab eo loco, ubi venator eam percussit, moritur. Quintus quoque Smyrnaeus Posthom. l. XI v. 483 ὃ δ' ἐκ πύργοιο, inquit, κατήριπεν, εὖτ' ἀπὸ πέτρης ἄγριον αἶγα βάλῃσιν ἀνὴρ στονόεντι βελέμνῳ. Ceterum ex illo loco discimus ad aegagros venandos veteres canibus quoque uti solitos esse, cuius rei Argus quoque Ulixeus documento est, de quo infra dicetur.

A Zelea autem, quod oppidum fere LXXX stadia a proximo mari, quo Aesepus se effundit, distare Strabo dicit l. XIII, c. 1, § 10, alti montes procul absunt. Ei enim, quos οἳ μὲν τὰ ἐν Πειρωσσῷ ὄρη φασὶν ἃ ἔχουσιν οἱ Κυζικηνοὶ τῇ Ζελείᾳ προσεχῆ, ἐν οἷς βασιλικὴ θήρα κατεσκεύαστο τοῖς Λυδοῖς, καὶ Πέρσαις ὕστερον, sicut Strabo dicit § 17, p. 589, ob id ipsum altitudine insignes fuisse non possunt idemque § 45, p. 608 Demetrii Scepsii verba affert, qui τὰ τῆς Ζελείας πεδία καὶ ὀροπέδια καλῶς γεωργούμενα commemorat. Hac autem aetate Sperling itinere Cyzicum atque in vallem Aesepi facto, quod in C. Neumanni Annalibus geographicis vol. VIIII, p. 1 sqq. describit, auctor est eos montes, in quorum radicibus Zelea sita sit, satis quidem ubique esse declives, sed ne hic quidem altos eos esse dicit. Peregre igitur Pandaro proficiscendum erat, si tantae praedae cupidus erat.

Sed O. Keller duo adfert testimonia, quibus fuisse antiquissima aetate aegagros in Troade probetur, alterum miri cuiusdam antiquitatis monumenti, alterum litterarum. Monet enim figuris quibusdam, uni ex magno numero verticillorum a Schliemanno in ipso loco, ubi Troia erat, effossorum, qui in libro qui inscribitur Ilios numero 1883 notatus est, insculptis significari hominem, cervum cervamque et aegagrum. At ut omittam, illa animalium lineamenta adeo infabre et paene pueriliter esse facta, ut Schliemanno ipsi tres cervi esse visi sint, tamen si aliquid inde licet conicere, mihi quidem permissum sit rem aliter interpretari. Veri enim quam maxime videtur simile, hominis figura opificem imperitum significare voluisse venatorem, sublatis eius manibus, telum in illas feras emissurum. Quae si recte ponimus, quid praeter hominem et feras desiderari putemus? Videlicet canem. Neque infitias iverim, quae e capite tertii animalis sursum ductae sunt lineae, eis cornua aegagri posse significari. Sed tanta videtur necessitas canem adesse, ut rudem hac quoque in re artem accusare malim, qua factum est, ut aurium caninarum longitudo nimia esset. Atque vult Xenophon Cyneg. l. IV, c. 1 canis venatici τὰ ὦτα μακρά, λεπτά, ψιλὰ ὄπισθεν esse. Accedit, quod cauda ea, qua tertium illud animal

insigne est, ab aegagro abhorret atque canem potius decet; idem enim Xenophon esse canes ait, quae venantes συνάγουσι τὰ ὦτα καὶ ἐπισκυθρωπάσασαι διὰ τοῦ ἴχνους σχάσασαι τὴν οὐρὰν καὶ φράξασαι διατρέχουσιν.

Neque magis aegagros in Troade fuisse documento sunt minutissimae animalium imagines in Novo quod dicunt Ilio a Schliemanno repertae, quas p. 691 et 692 vides, si quidem sunt aegagrorum, nam ne punctulo quidem addito barba significatur. Sed hae imagines non minus e longinquo advectae esse possunt, quam musivum illud opus, quod aegagri imaginem habet (apud Kellerum p. 45), Halicarnassi repertum; neque enim dubium esse potest, quin neque in agro Halicarnassensi neque in locis prope hunc sitis unquam aegagri inventi sint.

Nicandri autem alterum est testimonium. Qui quae Theriacon v. 668 sqq. docet—nam Alexipharmacon v. 36 sqq. huc non pertinent—haec Eutecnius his verbis interpretatur. Alcibius quidam, inquit, περὶ τὸ Φαλάκραιον ὄρος καὶ Κρύμνην καὶ Γράσον, ἅπερ ἐστὶν ἄπεδα χωρία τῆς Τροίας, ἐκυνηγέτει φιλοχωρῶν· ἐνταῦθα λειμῶνα δείκνυσθαι τοῦ δουρείου ἵππου· κυνηγετοῦντος δ' οὖν αὐτοῦ καὶ ἐπικελεύοντος τὴν Λάκαιναν (apud Nicandrum est 'Αμυκλαίαν) ἐλθεῖν κύνα κατ' αἰγὸς ἀγρίου, προελθούσης ὀλίγον τῆς κυνὸς, καὶ κατὰ στίβον ἐρχομένης ἧς μετῄει θήρας, ἡ Λάκαινα παίεται ὑπ' ἐχίδνης. Hoc testimonium Nicandri, qui vereor ut omnium, de quibus scribit, rerum peritus fuerit, vel ob hanc causam fide non esse dignum apparet, quod aegagri—nam ita recte Eutecnius Nicandri αἶγα interpretatur—venationem in campestribus locis fieri dicit, ubi dammae vel cervi vel dorcades inveniuntur, non aegagri.

Quam proxime igitur fieri potest ad veritatem accedere mihi videtur, si quis neget unquam in Troade a quoquam aegagrum interfici potuisse.

Fortasse dixerit quispiam, antiquissimis illis temporibus cum hae ferae minus peterentur ab hominibus minusque inculti agri essent, homines eis minus fuisse periculosos propiusque eas ad eorum domicilia venisse. At Homeri aetate iam ad id redacta erat res, ut nusquam nisi in insula remotissima et prorsus inculta essent, sicut est Od. VIIII v. 117

(νῆσος) ὑλήεσσ'· ἐν δ' αἶγες ἀπειρέσιαι γεγάασιν
ἄγριαι· οὐ μὲν γὰρ πάτος ἀνθρώπων ἀπερύκει,
οὐδέ μιν εἰσοιχνεῦσι κυνηγέται, οἵ τε καθ' ὕλην
ἄλγεα πάσχουσιν κορυφὰς ὀρέων ἐφέποντες.

In ipsam igitur Lyciam ut proficisceretur, contendo Pandarum ve-

nandi studio adductum esse. Neve quis miretur, tam longum iter eum suscepisse, et Bellerophontis meminerit, a Proeto Ephyrae rege, Lyciae regis cuiusdam genero, pulsi atque eodem profecti, sicut est Il. l. VI v. 152 sqq., et nihil esse tam arduum, quod homines non audeant, cum illa cupiditate rapiuntur et trahuntur. Neque fabulam narrabit, sed rem si non veram, at veri quam maxime similem, si quis dixerit, iuvenem eum domi reliquisse coniugem teneram. Alios enim, sicut Sarpedonem l. V v. 480 et 688 et Hectorem l. VI v. 365 domi manet ἄλοχός τε φίλη καὶ νήπιος υἱός, Pandarus autem sperat l. V v. 218 reversum se visurum esse

πατρίδ' ἐμὴν ἄλοχόν τε καὶ ὑψερεφὲς μέγα δῶμα,

Hyperenoris similis, occisi a Menelao, qui οὐδ' ἧς ἥβης, inquit, ἀπόνητο l. XVII v. 25 et οὐδέ ἕ φημι πόδεσσί γε οἷσι κιόντα εὐφρῆναι ἄλοχόν τε φίλην κεδνούς τε τοκῆας. Quod Euphorbus confirmat v. 36 dicens: χήρωσας δὲ γυναῖκα μυχῷ θαλάμοιο νέοιο, ἀρητὸν δὲ τοκεῦσι γόον καὶ πένθος ἔθηκας. Pandarus autem aliquamdiu in Lycia commoratus ibique arte venandi atque sagittandi tantam adeptus laudem, ut Troiae quoque in summam gloriam eum venisse Aeneas testaretur et Sthenelus l. V, v. 173 et 245, cum Apollinis, ut arbitrabatur, instinctu ad bellum Troianum proficisci constituisset, Zeleam reversus adeo arti suae confidebat, ut equis, quibus idem maxime delectabatur, domi relictis uno cum arcu Troiam demigraret.

Cum igitur Homerus neque ipse Pandarum vel socios eius appellet Lycios neque Pandarum suos hoc nomine faciat alloquentem, consequitur, ut l. IIII v. 197, ubi legitur

ὅν τιν' ὀιστεύσας ἔβαλεν τόξων εὖ εἰδὼς
Τρώων ἢ Λυκίων,

et l. VI v. 78, ubi

Αἰνεία τε καὶ Ἕκτορ, ἐπεὶ πόνος ὔμμι μάλιστα
Τρώων καὶ Λυκίων ἐγκέκλιται,

Lycii Sarpedonis et Glauci, ut principes ἐπικούρων, quibus Homerus manifesto priores defert partes, sint intellegendi. Neque minus dubium, quin Hectoris versus

Τρῶες καὶ Λύκιοι καὶ Δάρδανοι ἀγχιμαχηταί

eosdem spectet, non socios Pandari, praesertim cum ter oratio quae

ab hoc versu incipit, convertatur ad Troianos et Lycios — Τρωσί τε καὶ Λυκίοισιν ἐκέκλετο—, l. XI v. 285, l. XV v. 424, 485, ter l. VIII v. 172, l. XIII v. 149, l. XVII v. 183 unos Troianos— Τρώεσσιν ἐκέκλετο. Duobus enim nominibus Troianorum et sociorum addit nomen Dardanorum, quippe quos antiquiorem urbem Troia incolentes, sicut est l. XX v. 216, in praecipuo honore habeat. Itaque non nisi ordine nominum hic versus differt ab illo

κέκλυτέ μευ, Τρῶες καὶ Δάρδανοι ἠδ' ἐπίκουροι,

qui est l. III v. 456, l. VII v. 348 et 368, l. VIII v. 497.

Ita demum recte intellegitur, qua de causa Minerva Pandarum moneat v. 101 εὔχεο Ἀπόλλωνι λυκηγενεῖ, hic illi obsequatur v. 119; hunc enim praesidem Lyciae deum in eadem terra sibi propitium expertus Zeleae quoque venerabatur sacra faciendo; neque Zelea unus ex illis locis erat, ubi Servius ad Vergilii Aen. l. III v. 85 tradit hostias non esse caedi solitas, sed consuetudinem fuisse deum sollennitate precum venerari. Quem cum apud Homerum Graeci precantur, ut Teucer et Meriones l. XXIII v. 863 et 872, is aut ἄναξ appellatur aut ἑκηβόλος Ἀπόλλων. Conf. Arrian. de ven. c. XXXV.

Hoc quoque nunc demum illustratur, quod Strabo memoriae prodidit l. XIIII, c. 3, § 5, p. 665. Pinaris enim, quod unum ex maximis Lyciae oppidis erat in radicibus Cragi montis altissimi situm, Pandaro ait etiamtum cultum tribui. Quod autem addit τυχὸν ἴσως ὁμώνυμος τῷ Τρωικῷ, καὶ γὰρ τοῦτον ἐκ Λυκίας φασίν, nos quidem, qua ratione in errorem sit inductus, scimus neque ad ullam homonymiae ratiunculam confugere necesse est.

Nunc denique spero sublatam esse illam διαφωνίαν miramque duarum nationum homonymarum in eodem poemate coniunctionem, de qua G. Christ acute sane disserit Actorum Academiae Monacensis vol. II a pag. 158 usque ad 171, a. MDCCCLXXXI emisso et Prolegomenis ad Iliadem tribus annis post editis p. 49 sq. Neque enim duplices in Iliade inveniri Lycios demonstrasse me spero neque miror, quod Diomedes l. VI v. 123 negat se antea vidisse in proelio Glaucum. Huius enim rei eadem est ratio quae τειχοσκοπίας.

Species autem quasdam caprarum ferarum cum corporum tum maxime cornuum amplitudine aliquanto inferiorum Asiaticis et antiquis temporibus generarunt et nunc generant Creta et Samothracia insulae. Atque in Creta quidem iam fabula illa docemur Iovem infantem a fera capra nutritum esse; deinde est testimonium Aristotelis Hist.

An. l. VIIII, c. 6, § 42, quem Cicero in libro De Nat. Deor. II c. 50 § 126 et alii sequuntur. Quorum naturam nostra aetate diligentissimi viri Erhard et Lorenz descripserunt, ille pilorum colore a ceteris diverso commotus eos aegagros pictos, hic capras aegagros Cretenses appellandos censuit. Huius generis gregem in vivario suo prope oppidum, quod olim Fanum S. Viti ad flumen, nunc Fiume appellatur, ali a B. Whitehead, homine nobili Anglo, auctor est Lorenz, qui abhinc quatuor annis eos, numero sedecim, vidit. De Cretensibus aegagris putaverim Homerum audivisse, cum Odysseae l. VIIII v. 154 insulam illam neque longe a Cyclopibus neque prope distantem, silvis obsitam, plenam esse diceret innumeris feris capris.

Idem illa rerum naturae peritia et scientia, quae ubique elucet, destitutus esse videretur, si hanc insulam planam esse diceret. Neque enim fieri potest ut caprae ferae in campestribus locis unquam inventae sint, qua de causa Aristarchi λάχεια melius est quam Zenodoti ἐλάχεια Od. l. VIIII v. 116 et l. X v. 509, neque parva eadem potest dici, cum prata inesse terramque ad vineas et ad arandum aptam poeta dicat v. 132 sqq. Immo vero celsam eam esse et asperam et res ipsa docet et Apollonius Rhodius. Qui Argonauticorum l. II v. 695 Homerum imitatus οἳ δ' ἀνὰ νῆσον, inquit, ἐδίνεον ἐξερέοντες. εἴ κέ τιν' ἢ κεμάδων ἢ ἀγροτέρων ἐσίδοιεν αἰγῶν, οἷά τε πολλὰ βαθείῃ βόσκεται ὕλῃ· τοῖσι δὲ Λητοΐδης ἄγρην πόρεν, hanc autem insulam recte dicit αἰπήεσσαν v. 721, sicut Homeri exemplo usus ἐρημαίην v. 672. Etiam hymni in Apollinem v. 197, ubi Diana οὔτ' αἰσχρὴ οὔτ' ἐλάχεια, sed μάλα μεγάλη τε ἰδεῖν καὶ εἶδος ἀγητή dicitur, ἐλάχεια idem esse potest atque 'horrida'.

De Samothraciis autem capris reliquum est ut pauca dicam coniecturae I. G. Schneideri immerito oblivione obrutae memoriam redintegraturus. Legitur enim Varronis Rerum Rusticarum l. II, c. 1, § 5: 'etiam nunc in locis multis genera pecudum ferarum sunt aliquot, ab ovibus, ut in Phrygia, ubi greges videntur conplures, in Samothrace caprarum, quas latine rotas appellant. sunt enim in Italia circa Fiscellum et Tetricam montes multae'. Haec enim est eius sententia, homines de summo vivendi gradu paullatim descendisse ad secundum pastoricium, deinde ad tertium, agri culturam, sed ex duobus gradibus superioribus multa retinuisse, exemplisque utitur feris ovibus et capris; capras feras illa aetate superesse in Samothracia et Italia. Expectaveris igitur, Varronem dicturum esse, quo nomine Graeco utantur, Latine enim capras feras eas nominari ipse dicit. Immo vero

addit latinum nomen. Hanc rem cum alii viri docti admirati sunt, tum I. G. Schneider, qui in Scriptorum Rei Rusticae Veterum Latinorum vol. I, p. 2, p. 392 negans intellegi posse, 'quomodo caprae illae fando tantum notae Romanis scriptoribus latine potuerint appellari, et rotae quidem, Varronem scripsisse putavit 'quas strepsicerotas appellant'. Atque hoc quidem unice verum puto, quamquam vir doctissimus atque sagacissimus statim in errorem delapsus est, cum dicat hoc genus ovis vulgari maius differre ab eo etiam cornibus erectis, intortis seu contortis, habitare montosa Cretae, insularum Archipelagi, Hungariae Wallachiaeque usque ad Austriam. Nam de capris agitur, non de ovibus. Samothraciae autem στρεψικέρωτες rectissime poterant appellari. Cum enim nunc quoque in montibus huius insulae ad altitudinem MDC metrorum sese attollentibus inveniantur atque complures vel vivae vel interfectae Athenas essent allatae, hoc certo potuit definiri, eas et pilorum colore et forma cornuum simillimas esse eis, quae in Gerontia insula inveniuntur, cuius rei auctor est Krueper apud Lorenzum p. 859. Quodsi contemplcris cornua sexennis maris, quorum imago apud eundem est p. 855, et alterius, cuius imago p. 860, eandem fere speciem praebentia, non dubitabis confiteri, aptissimam esse hanc illarum caprarum appellationem. Alii quoque strepsiceroti eadem convenit, quem addacem ab Africa appellari Plinius dicit Nat. Hist. l. XI, c. 37, § 124 (coll. VIII, c. 53, § 214), cuius cornua erecta rugarumque ambitu contorta et in leve fastigium exacuta dicit, ut lyras decorent.

Deli quoque feras capras fuisse viri docti putant. Est enim in Anthologia Palatina (VI, 121) Callimachi epigramma (LXIII ed. O. Schneideri) hoc:

Κυνθιάδες, θαρσεῖτε· τὰ γὰρ τοῦ Κρητὸς Ἐχέμμα
κεῖται ἐν Ὀρτυγίῃ τόξα παρ' Ἀρτέμιδι,
οἷς ὑμέων ἐκένωσεν ὄρος μέγα· νῦν δὲ πέπαυται,
αἶγες, ἐπεὶ σπονδὰς ἡ θεὸς εἰργάσατο.

At hic poetae umbratici lusus est. Cum enim Echemmas Cretensis sit, in montibus Cretae insulae eum in capris venandis versatum esse apparet; cum arcum Dianae dedicatum dicit nunc quiescere, sicut Simonides in epigrammate, quod est Anthol. Pal. VI, c. 2, vel sicut Catullus c. IV de phaselo, qui 'nunc recondita senet quiete seque dedicat tibi, gemelle Castor et gemelle Castoris',—vide Ulixis quoque παῦσαι τόξον Od. l. XXI, v. 279—ne quid timeant ab eo, hortatur ca-

pras in Cynthio Deli monte pascentes, quas sub Apollinis tutela esse dicit hymno II v. 50:

οὐδέ κεν αἶγες
δεύοιντο βρεφέων ἐνιμηλάδες, ᾗσιν Ἀπόλλων
βοσκομένῃς ὀφθαλμὸν ἐπήγαγεν.

Ὑμέων autem dicit, quod domesticae, quae Deli pascuntur, et ferae, quae magno in monte Cretae sunt, uno tamen quasi genere continentur. Denique quis unquam crediderit, in monte Cynthio, qui cum CVI tantum metra altus sit, ὄρος μέγα non potuit appellari, Callimachi aetate feras capras fuisse, quis in insula tanta undique convenientium frequentia insigni, tanta religione praedita quemquam vel feras vel domesticas capras venatum esse et interfecisse? Ubi ne canes quidem alere licuisse Strabo auctor est l. X, c. 5, § 5, p. 486.

Deinde O. Keller ex eo, quod in Rhodo atque in Cypro multae ferarum caprarum imagines in monumentis antiquitatis expressae sunt repertae, recte colligit, in his quoque insulis antiquitus illas feras fuisse. In Rhodo L. Ross quoque auctor est in libro de itineribus per insulas Graecas factis vol. III, p. 106, se tres vidisse capras efferatas.

Rursus cum nunc quoque in nonnullis aliis Graeciae insulis eaedem inveniantur, viri docti non sine veritatis specie opinantur eas iam antiquitus ibidem fuisse. Atque primum quidem breviter commemorabo eas insulas, de quibus quod meliorem scientiam consecuti sumus, cum Erhardo, tum maxime Lorenzo et auctoribus, quibus hic usus est, debemus. Inveniuntur autem in Gerontia, una e numero Sporadum, quae nunc Giura appellatur, et in Antimelo, una e Cycladibus, quae nunc Erimomilos, unde L. Ross imaginem caprae aegagri lapidi incisam Melum translatam ibique repertam divulgavit libri quem supra diximus p. 21, 24. De his cum testes locupletes Lorenz habuerit C. Reiserum et J. Knotekum, qui ad id ipsum in Gerontiam et Antimelon profecti erant, ut naturam harum ferarum perscrutarentur, eas quidem, quae in Antimelo sunt, ad similitudinem Cretensium proxime docet accedere, illas et feris et domesticis capris, quae aestate pastum eodem transvectae sint, usas esse parentibus. Idem auctoritatem K. G. Fiedleri secutus in Scyro et in Polyaego insula, quae nunc Polinos vocatur, Erhardi in Gyaro, quae nunc Gioura dicitur, refert feras capras esse a domesticis oriundas, ab eodem tradi, feras esse in Icaro, quae nunc Nicaria, in Peparetho, quae nunc Scopelos vocatur, in Naxo. Cum igitur

tam late pateant fines, ut ita dicam, harum ferarum ὀρεσκῴων, ut est Od. l. VIIII v. 155, non videtur dubium quin ad capras sit referendum vocabulum αἰγίλιψ, quod est Il. l. VIIII v. 15, XVI v. 4, XIII v. 63, II v. 633, cuius altera pars fortasse pertinet ad illud λίπτω, ἐπιθυμῶ, unde λελιμμένος ortum est Aesch. Sept. v. 355 et 380, ut sit: 'quae a capris peti solet'; nescio quomodo in cogitationem venit illud Varronis, hominis satis ieiuni, gregibus caprinis rupes et silvas ad pabulandum cordi esse Rer. rust. l. II, c. 10, § 3.

Denique cum Homeri certe aetate ferae caprae in Ithaca nullo modo esse potuerint, mirum videtur, unde Eumaeus pellem illam acceperit, mirum, quo Argum canem Ulixis αἶγας ἐπ' ἀγροτέρας iuvenes, inter quos scilicet ipse Ulixes erat, educere soliti sint, ut est Od. l. XVII v. 294. Venit in mentem, in eiusdem generis insulas parvas, cultoribus vacuas, cum necopinato incidi in ea, quae O. Reiser apud Lorenzum p. 883 refert. Cum enim in Oxea insula commoraretur, se audisse ait ab incolis eius, patrum memoria ibi quoque capras fuisse efferatas, sed eas ab Ithacensibus huc transvectis ad internecionem esse redactas. Neque longe absunt a regno Ulixis hae insulae ὀξεῖαι, quas Strabo l. VIII, c. 3 § 26 easdem esse putat quas Homerus θοάς appellat Od. l. XV v. 299 et πάσας λυπρὰς καὶ τρηχείας dicit. Itaque hac quoque in re mos patrius ad hoc usque saeculum videtur mansisse.

Sicut autem Eumaeo illa pellis straguli vice fungitur, ita F. Knotek auctor est (apud Lorenzum p. 857), Gerontiae insulae incolas pellibus ad caseum ovillum asservandum uti, Radde (p. 457), in Svanetia vinum in illis asservari, Kotschy (p. 205), Cilices utros saccosque e pellibus aestate detractis conficere, eisdem quamvis acriter olentibus innitentes genibus ut Mohammedi religionis cultores precationes facere.

C. Boner, homo Anglus venandi studiosissimus, qui in libro qui inscribitur Thiere der Waldes, Lipsiae a MDCLXII edito, de Homero agit ut venatore (p. 191—203), hunc poetam ait in describendis quibusdam feris, apris, cervis, leonibus moribusque earum, cum impetus in eas fiant, adeo accurate versari adeoque omnia ad verum exprimere, ut naturam ferarum diligentissime observasse et optime cognosse videatur. Quod exemplis e multis carminibus Iliadis sumptis comprobat eandemque veritatem esse demonstrat per totum poema epicum. Quin etiam ex ea re colligit, illud unius hominis ingenio esse fictum. Cuius rei licet non satis manifesta sit fides, tamen quae de veritate Homeri dicit, verissima esse haec quoque documento sunt, quae de Pandaro narrat.

Hic enim aegagro insidiatur δεδεγμένος ἐν προδοχῇσιν. Solent autem aegagri prima luce in altiora montium ascendere et cum sol occidit, in inaccessas rupes regionis saltuosae redire ibique noctem degere. Id quidem Tschudi, Radde, Brehm tradunt. In Cilicia, ubi in ea regione montana versantur, quae silvis vestita in altitudinem MMMMCCCC pedum supra mare attollitur indeque montes Alpibus similes supereminent, Kotschy auctor est morem esse eorum, ante solis occasum e cubilibus, ubi delituerint, altiora petere, ortu solis in saxa saltuum vix pervia reverti, ut interdiu in umbra quiescant. Pasti cum de cacuminibus montium in saltus deproperent, alioquin ad omnia pavidissimos interdum impavide ad venatorem in margine silvae constitutum accedere, ut feriendi potestas sit. Sed cavendum, ne forte eum aut odorentur aut exaudiant, id quod facile fieri possit, cum omnia eius generis animalia ut auditu acerrimo, ita sagacissimo odoratu sint. Et hac quidem de re omnes consentiunt, qui harum rerum periti sunt. E Knoteki sententia aegagri oculorum atque aurium acie paene superant antilopas rupicapras, cautione et calliditate pares sunt, enitendi per saxa arte multo superiores. Deinde una et consentiens omnium vox est, nisi venator adverso utatur vento et in superiore loco, quam fera, constiterit, nunquam illam ad teli coniectum venire. Accidisse Kotschy narrat, ut venatorem trecentis passibus distantem odorarentur. Itaque monet, ne quis gravetur complures dies nequicquam summos obire montes; quosdam venatores feram decennem secutos post summos quinque dierum labores non assecutos esse quod voluissent; quamquam sex adultos mares conspexissent, tamen eis non contigisse, ut tam prope accederent, ut eos ferire possent. Sed paene semper venatores quosdam indigenas reperiri, qui ea loca sciant, ubi aegagri commeare soleant vel bibendi vel terrae gustu salsae delambendae causa. Atque est haec salis aviditas adeo harum ferarum propria, ut minime mireris quod legitur apud scholiastas ad l. IIII v. 105: ἰξάλου, τοῦ ἰχνουμένου ἐπὶ τοὺς ἅλας.

Itaque Pandarus quoque multum et temporis et operae in loco ad insidias apto inveniendo consumpsisse putandus est. Ceterum similis eius est Hercules Theocriteus, qui Id. XXV, v. 227 dicit:

αὐτὰρ ἐγὼ θάμνοισιν ἄφαρ σκιεροῖσιν ἐκρύφθην
ἐν τρίβῳ ὑλήεντι δεδεγμένος ὁππόθ' ἵκοιτο (λέων).

Ferit autem ille aegagrum ὑπὸ στέρνοιο πρὸς στῆθος. Vocabulo στέρνον, quod ut frequens est apud Homerum et poetas epicos tragicos-

que, ita apud alios raro invenitur, de hominibus Homerus fere eandem sententiam subicit, quam vocabulo στῆθος, ut l. XIII, v. 282 ἐν δέ τέ οἱ κραδίη μεγάλα στέρνοισι πατάσσει et l. VII, v. 216 θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι πατάσσει, l. IV, v. 528 βάλε δουρὶ στέρνον ὑπὲρ μαζοῖο et l. VIII, v. 121 βάλε στῆθος παρὰ μαζόν, l. V, v. 40 στρεφθέντι μεταφρένῳ ἐν δόρυ πῆξεν ὤμων μεσσηγύς, διὰ δὲ στήθεσφιν ἔλασσεν et l. XV, v. 541 βάλε δ' ὦμον ὄπισθεν· αἰχμὴ δὲ στέρνοιο διέσσυτο.

Equorum autem στέρνα commemorantur l. XXIII, v. 365 ὑπὸ δὲ στέρνοισι κονίη ἵστατ' ἀειρομένη, et v. 507 πολὺς δ' ἀνεκήκιεν ἱδρὼς ἵππων ἔκ τε λόφων καὶ ἀπὸ στέρνοιο χαμᾶζε, ovium Od. l. VIIII, v. 443 ὥς οἱ ὑπ' εἰροπόκων ὀίων στέρνοισι δέδεντο socii Ulixis. Cum autem v. 433 Ulixes dicat λασίην ὑπὸ γαστέρ' ἐλυσθεὶς κείμην, Duentzer inde colligit, στέρνον idem esse quod γαστέρα. Sed hoc quidem manifestum est, στέρνον esse partem στήθους. Στῆθος enim latius patere inde apparet, quod Aristoteles, apud quem στέρνον uno tantum loco invenitur, Problem. p. 905, eo quem supra diximus loco τὸ στῆθος quadrupedum dicit τὸ μεταξὺ τῶν ἐμπροσθίων σκελῶν. Quodsi consideraveris, Homerum solere dicere, χαλκὸν ἐπὶ στήθεσσι βαλών l. V, v. 317 et 346, στήθεϊ δ' ἐν δόρυ πῆξε l. X, v. 650, ἰὸν ἐνὶ στήθεσσι βαλοῦσα Od. l. XX, v. 62, Il. l. XIII, v. 438 στῆθος μέσον οὔτασε δουρί, l. XV, v. 280 βάλε χερμαδίῳ πρὸς στῆθος, v. 420 κατὰ στῆθος βάλε δουρί, v. 523 στῆθος μέσον οὔτασε, l. XXI, v. 424 πρὸς στήθεα χειρὶ παχείῃ ἤλασε, Od. l. XXII, 286 βεβλήκει πρὸς στῆθος, sed l. XV, 542 αἰχμὴ δὲ στέρνοιο διέσσυτο, ea pars pectoris, quae extra est, ab Homero στῆθος, ea, quae intus est et primis costis circumscribitur, στέρνον vel στέρνα dici recte videbitur. Neque repugnat, quod legitur l. V, v. 41, 57, VIII, v. 259, XI, v. 448 στρεφθέντι μεταφρένῳ ἐν δόρυ πῆξεν ὤμων μεσσηγύς, διὰ δὲ στήθεσφιν ἔλασσεν (conf. Od. l. XXII, v. 93), nam hic telum a tergo coniectum totum pectus dicitur percutere, neque l. XXII, v. 284, ubi Hector οὐ μέν μοι φεύγοντι μεταφρένῳ ἐν δόρυ πήξεις, ἀλλ' ἰθὺς μεμαῶτα διὰ στήθεσφιν ἔλασσον dicit. Quod supra diximus, confirmari videtur his locis: l. XVIII, v. 31 et 57 χερσὶ δὲ πᾶσαι στήθεα πεπλήγοντο et Od. XX, v. 17 στῆθος δὲ πλήξας, Il. l. XVIII, v. 414 ἀπομόργνυ στήθεα, l. XVIIII, v. 285 χερσὶ δ' ἄμυσσεν στήθεα, XXIII, v. 727 ἐπὶ στήθεσσι κάππεσε, ubi de exteriore pectoris parte agitur; in his poeta nunquam utitur vocabulo στέρνον. Confirmatur denique hac quae apud Oribasium est (ed. Darembergii vol. III, p. 408), definitione: στέρνα (hominis) καὶ πλευραὶ καὶ τῆς ῥάχεως οἱ κατὰ νῶτον σφόνδυλοι τὰ τοῦ θώρακός ἐστιν ὀστᾶ. Plinius quoque Nat. Hist. l. XI, c. 37, § 207 'pectus',

inquit, 'hoc est ossa, praecordiis et vitalibus natura circumdedit, at ventri, quem necesse erat increscere, ademit. Nulli animalium circa ventrem ossa'. Itaque minus recte arbitror Ch. Darembergium in libello qui inscribitur La médecine dans Homère, Parisiis a. MDCCCLXV edito p. 47 dicere, στῆθος significare toute la circonférence de la cage thoracique, στέρνον autem anteriorem eius partem. Itaque ὑπὸ στέρνοιο, ut ὑπὸ πτέρυγος l. XXIII, v. 875, est 'in ima parte ossium pectoris', πρὸς στῆθος 'adverso pectore icto'. Comparari hac quoque in re potest Apollonius Rhodius Homeri imitator, qui Argon. l. III, v. 279 Amorem inducit ἀβλῆτα ἰὸν e pharetra promentem, quae Medeae ἐνεδαίετο νέρθεν ὑπὸ κραδίῃ, ut est v. 286.

Manifestum igitur est, ὑπὸ στέρνοιο nullo modo significare posse neque 'sub ventre', ut Duentzer vult, quod absurdum est, neque 'in inferiore parte ventris', ut Ameis, uterque scilicet ratus, Pandarum in inferiore loco constitutum ferae in superiore stantis ventrem percussisse. Sed uterque oblitus est demonstrare, quo modo haec concinnari possint cum verbis Homeri, qui adversum pectus percussum esse dicit. Neque magis sciebant, si vulnus esset in ventre acceptum, feram vix fuisse morituram. Omnes enim consentiunt, aegagros, licet non tanta in eis sit vitalitas, quanta in rupicapris, tamen vivacissimos esse. Atque Brehm ipsis pulmonibus transverberatis ait eos aufugere in altissima montium, quo nemo eos sequi possit, Knotek, nisi percussus aegagrus statim moriatur, fere nunquam venatorem eo potiturum esse, raro enim in eum locum, quo enisus ex vulnere moriatur, eum posse sequi. Pandarus autem cum feram ita percuteret, ut statim moreretur, sine dubio cor eius sagitta transfixit.

Hoc enim laesum illico mortem afferre iam Plinius scit Nat. H. l. XI, c. 37, § 182, 184. Nostri re diligentius explorata ima vel latiore parte cordis percussa, de qua est apud Pollucem II, p. 218 ἡ βάσις τῆς καρδίας καλεῖται κεφαλή, grandes venas nervosque discindi neque ullo alio ictu citius mortem afferri docent, ut E. de Dombrowski in libro qui inscribitur Die hohe Jagd, Berolini emisso a. MDCCCIC, p. 119, Wurm ib. p. 49 et 115 adnotationibus, F. de Raesfeld in libro, eodem anno ibidem foras dato p. 332 et 335. Hoc quoque eidem experti docent, si cor sit percussum, feram non quidem semper, sed tamen saepe magno saltu dato resupinam humi cadere. Cum autem ea pars corporis quadrupedum multo angustior sit, quam hominum, id quod iam Aristoteles animadvertit, cum de part. anim. l. IV, c. 10, § 110 dicat τὸ στῆθος... τοῖς τετράποσι διὰ τὴν ἐπὶ τὸ πρόσθιον τῶν κώ-

λων ἔκτασιν ἐν τῷ πορεύεσθαι στενόν ἐστι, repetitque Plinius Nat. Hist. l. XI, c. 37, § 207, eidem hanc corporis partem ut telo petant, eis tantum suadent, qui certo ictu semper destinata se ferire sibi conscii sint neque nimis longe a fera distent.

Apud Theocritum Id. XXV, v. 237 Hercules medium pectus leonis frustra ferit, dicit enim

μεσσηγὺς δ' ἔβαλον στηθέων, ὅθι πνεύμονος ἕδρη.
ἀλλ' οὐδ' ὣς ὑπὸ βύρσαν ἔδυ πολυώδυνος ἰός.

Sub corde autem pulmonem esse Plinius auctor est Nat. Hist. l. XI, c. 37, § 188.

Quamvis autem diversa sit humani corporis compages atque ceterorum animalium, tamen hominis quoque cum pectus feritur, aut cor transfigi aut pulmonem aut iecur docent hi loci: Il. l. XIII, v. 438 στῆθος μέσον οὔτασι δουρί et v. 442 δόρυ δ' ἐν κραδίῃ ἐπεπήγει, l. IV, v. 528 βάλε δουρὶ στέρνον ὑπὲρ μάζοιο, πάγη δ' ἐν πνεύμονι χαλκός, Od. VIIII, v. 301 οὐτάμεναι πρὸς στῆθος, ὅθι φρένες ἧπαρ ἔχουσιν et l. XXII, v. 82 ἰὸν ἀποπροϊεὶς βάλλε στῆθος παρὰ μαζόν, ἐν δέ οἱ ἥπατι πῆξε θοὸν βέλος. Sed plerumque cum adverso corpore icto vel parte aliqua corporis, velut capite l. XV, v. 534, umero l. XVI, v. 289, brachio, Od. XVIII, v. 396, pectore Il. l. VII, v. 145 et XI, v. 144, vel scuto l. XV, v. 646, Homerus dicit bellantes ὑπτίους πεσεῖν vel καταπεσεῖν vel οὔδει ἐρεισθῆναι, hoc unice efficitur ictus gravitate. Supini etiam cadunt Thoon l. XIII, v. 548, a tergo ictus, et Aretus, l. XVII, v. 523, qui adverso vulnere accepto temere aliquantulum progressus cadit sicut bos.

Od. l. XIII, v. 50 αἴξ ἄγριος appellatur ἰονθάς, quod sine dubio idem valet quod 'barbatus', quo nomine aegagrus in Caucaso monte Rossice nuncupatur (borodâtsh). Atque est insigne aegagrorum Asiaticorum tam marium quam interdum feminarum, quo manifesto ab ibicibus reliquisque aegagris differunt, longa nigraque barba. Decennis enim cuiusdam maris barba quartam partem metri quod nunc dicunt longa erat, quinque annos nati sedecim centesimas, ut est apud Lorenzum p. 872.

Non minus mira iam veteribus visa est longitudo cornuum huius aegagri, quae ἑκκαιδεκάδωρα Homerus dicit. Nam δῶρον, ut legitur apud scholiastas, est idem quod ὁ παλαιστής, ὅ ἐστιν ἔκτασις τῶν τῆς χειρὸς τεσσάρων δακτύλων, et Vitruvius l. II, c. 3 'doron', inquit 'Graeci appellant palmum', l. III, c. 1 'palmus habet digitos quatuor et

est quarta pars pedis'. Itaque fuerunt qui arbitrarentur, hanc esse longitudinem non unius cuiusque cornus, sed alterius ad alterum additi. Quod ut refelleret, Alexander Cotyaeensis memoriae prodidit Deli esse dicata cornua ἀπὸ τῆς ἐρυθρᾶς θαλάσσης κριοῦ μὲν δίπηχυ καὶ δακτύλων ὀκτώ, τράγου δὲ πηχῶν δύο καὶ σπιθαμῆς. Haec autem cornua cum Delum essent allata a mari rubro quod Herodotus vel Ἐρυθρὴν θάλασσαν vel κόλπον Ἀραβικὸν appellat, sicut H. Stein docet ad l. I, c. 1, sine dubio fuit capra aegagrus cognomine Beden, qui in Arabia quam Petraeam appellant invenitur. Neque vero nobis hoc testimonio quamvis memoria digno opus est. Si enim Homeri aetate δῶρον sumimus idem valuisse quod postea, utrumque cornu aegagri Pandarici paene singula metra et quartum metri partem longum erat. Id quod non est incredibile. Licet enim paulo minora sint, quae Lorenz dimensus est, cornua capri decennis (p. 872), tamen Danford auctor est (p. 464) esse in Museo Britannico cornua singula metra et vicenas binas centesimas longa, homines autem illa Asiae loca incolentes testari se non raro invenisse sesquialterum metrum longa, Lydekker, vir doctus, cuius in his rebus summa est auctoritas, testatur, sicut est apud Buxtonum p. 194 adn., esse cornua, quorum longitudo singula metra et tricenas ternas centesimas aequet. Itaque minus placet illa δῶρα ad nodos referre, quibus ut ibicis ita aegagri quoque cornua insignia sunt, praesertim cum Radde neget e nodorum numero aetatem horum animalium posse aestimari, nam in provectioribus aetate inferiores nodos saepe attritu prorsus evanescere (p. 454).

Cornua autem aegagri a Pandaro confecti, ut est v. 110,

ἀσκήσας κεραοξόος ἤραρε τέκτων,
πᾶν δ' εὖ λειήνας χρυσέην ἐπέθηκε κορώνην.

Quae cum alii, tum ipse H. Bluemner in libro qui inscribitur Technologie und Terminologie der Gewerbe vol. II, p. 358 ita intellexerunt, ut tornatorem arcum esse fabricatum putarent ex solis aegagri cornibus inter se coniunctis. Sed St. Fellner necessarie demonstravit hac ratione fieri non posse, ut adeo flexibilis sit arcus, ut eo uti quisquam possit; sed arcui e ligno quodam flexibili confecto ab utraque parte singula cornua insuper fuisse affixa ornamenti gratia. Nam aegagro quoque cornua cava esse et in mucrone demum concreta, sicut omnibus praeter cervos Plinius auctor est Nat. Hist. l. XI, c. 37, § 127. Post Fellnerum alius vir doctus, de Luschan, cum alio loco, tum in Actis societatis, ut nunc dicitur, anthropologiam, ethnologiam

et origines gentium spectantis a. MDCCCIC, p. 230 sqq. copiosa commentatione demonstravit, ad arcum, qui ex solis cornibus inter se coniunctis sit confectus, tendendum vires humanas non suppetere, machinis ad hoc opus esse. Atque Fellneri quidem sententia unice vera mihi esse videtur; hoc monuerim, errare, si quis existimet Homeri aetate tales arcus in omnium usu fuisse. Unus eo utebatur Pandarus.

At Simian poetam et Philostratum maiorem homines docti proferunt testes, quorum auctoritate arcus ex aegagrorum cornibus confici solitos esse demonstretur. Est enim in Anthologiae Palatinae libro VI, c. 113 hoc:

Πρόσθε μὲν ἀγραύλοιο δασύτριχος ἰξάλου αἰγὸς
δοιὸν ἐπὶ χλωροῖς ἐστεφόμην πετάλοις·
νῦν δέ με Νικομάχῳ κεραοξόος ἥρμοσε τέκτων
ἐντανύσας ἕλικος καρτερὰ νεῦρα βοός.

At enim hic mehercule est arcus Pandaricus: ab Homero poeta et grammaticus mutuatus est ἰξάλου αἰγός. κεραοξόος ἥρμοσε τέκτων, ἕλικος, καρτερὰ τόξα (l. VIII, v. 279), νεῦρα βοός (l. III, v. 122 βόεια), minus apte ἀγραύλοιο, quod apud Homerum bovis est proprium et bubulci (Il. l. XVIII v. 162), caprae ferae vix esse potest.

Sed quid est illud ἐπεστεφόμην, quod et ipsum poeta ex Homerico κρητῆρας ἐπεστέψαντο ποτοῖο Il. l. I v. 470 mutuatus est? Et Fr. Duebner quidem recte haec intellegere ait unum R. Ungerum, qui cornutos illos silvarum incolas — quo in numero scilicet aegagros quoque esse putat — discurrendo dicat inter arbores et frutices vel ludendo cornibus decutere folia saepius haerentia ipsis (in Annalibus Antiquitatum editis a Bergkio et Caesare a. MDCCCXLIII fasc. 74, p. 585). Quod ut comprobet, Unger primum affert Plinium, sed minus recte; hic enim de re longe diversa loquitur, nam Nat. Hist. l. VIII, c. 32 § 117 cervos ait cornua increscentia durare solis vapore ad arbores subinde experientes. Captique iam sunt, inquit, hedera in cornibus viridante ex attritu arborum, ut in aliquo ligno teneris, dum experiuntur, innata. Qui hac quoque in re auctore utitur Aristotele, qui Hist. An. l. VIIII, c. 5, § 38 postquam dixit ὅταν δὲ μηκέτι κονῶσι πρὸς τὰ δένδρα κνώμενα αὐτά, § 39 ἤδη δ' εἴληπται, inquit, ἀχαίνης ἔλαφος—sed quae species cervorum haec sit, incertum — ἐπὶ τῶν κεράτων ἔχων κιττὸν πολὺν πεφυκότα χλωρὸν, ὡς ἁπαλῶν ὄντων τῶν κεράτων ἐμφύντα ὥσπερ ἐν ξύλῳ χλωρῷ. Sed re vera idem fere, quod Unger vult, testantur Aelianus Nat. an. l. XII, c. 18, qui auctor est De-

mocritum narrare: ἤδη δέ τινα—i. e. κέρατα ἐλάφων — καὶ κλάδοις περισχεθέντα καὶ ἐμποδίζοντα εἰς τὸν ὠκὺν δρόμον ὑπὸ ῥώμης τὸ θηρίον ὠθούμενον ἀπήραξε, et Eustathius, nescio quis, qui ad Hexaëm. p. 36 feram quandam, quam ἀνθόλοπα nominat, ait gigni in campis per quos Euphrates fluat, hanc cornua longa habere serrarum similia eisque altas desecare arbores. Quando autem sitit, inquit, ad flumen accedit et παίζει ταῖς ἐρικίναις· λεπτόκλωνοι δὲ ὑπάρχουσαι ἐμπλέκονται αὐτοῦ περὶ τὰ κέρατα. Tum clamorem illam tollere, venatores venire atque capere et conficere. De qua re Goettling disputavit in indice librorum annalibus qui Isis inscribuntur addito (a. MDCCCXXIII fas. 2 p. 128); idem oblitus est animadvertere id quod manifestum est haec omnia fabulosa esse. Vix autem illa Ungeri rem explicandi ratio rerum naturae consentanea est: vix enim ulla folia haerere diu possunt in reduncis aegagri cornibus. Horum quae sit interdum consuetudo, Buxton docet: narrat enim se vidisse rem ad percutiendum venatoris animum aptam, aegagrum mane quasi corporis exercendi causa demissis humi cornibus ramos fruticis ferientem et folia decutientem: fenum illum ait facere p. 215; id quod ante oculos proposuit pictura post p. 208 libro inserta. Itaque haerere folia non possunt nisi in ramosis cornibus, velut cervorum. Simian igitur credo naturae animalium vel minus peritum vel neglegentem suo periculo ad aegagrum cornua non amittentem transtulisse, quae de cervis narrat Aristoteles, neque in arcum deo cuidam dedicatum illud carmen composuisse, sed ingenii venditandi doctrinaeque ostentandae causa lusisse illo Homeri loco abusum. Eadem consuetudo est in aliis eiusdem poetae epigrammatis, in quibus Homericis vocabulis et sententiis non minus utitur. Nam in ep. 114 ἐκ βασιλῆος dicit, sicut Homerus Il. l. II v. 88, Ἀμφιτρυωνιάδῃ, sicut l. V v. 392 πάις Ἀμφιτρύωνος, τεσσαρακαιδεκάδωρα, sicut l. IIII v. 109 ἑκκαιδεκάδωρα, βούβοτος sicut Od. l. XIII v. 246, κραίνεται ἁγεμόνι, sicut l. VIII v. 391 βασιλῆες ἀρχοὶ κραίνουσι, v. 4 autem, ubi legitur κατὰ γᾶς ἤλασε, recte Stadtmueller proponit κατ' ἄκρας, nam Simias utitur Od. l. V v. 313 ἔλασεν μέγα κῦμα κατ' ἄκρης. Denique hoc quoque in carmine quodam modo ineptit. Quae enim cornua v. 1 dicit ὀργυιαῖα, eadem v. 3 quatuordecim palmorum. Atqui viginti quatuor δῶρα efficiunt ὀργυιάν, et quis unquam crediderit esse cornua tauri unum quod nunc dicimus metrum et octoginta quinque centesimas longa? L. VII autem in ep. 203 ὑλῆεν δρίος εὔσκιον dicit, sicut Homerus Od. l. XIIII v. 353 δρίος πολυανθέος ὕλης et Il. XV v. 273 δάσκιος ὕλη, v. 2 ἠχήεσσαν ἱεῖς γῆρυν ἀπὸ στομάτων

ex Od. l. XII v. 187 ὑμέων μελίγηρυν ἀπὸ στομάτων ὄπ' ἀκοῦσαι mutuatus est atque ne pluralem quidem mutavit, ἐν νομῷ ὕλης ex Od. l. X v. 159; denique πομάταν εἰς 'Αχέροντος ὁδόν ex eodem libro, ubi v. 512 legitur εἰς 'Αίδεω ἰέναι δόμον, v. 513 εἰς 'Αχέροντα Πυριφλεγέθων τε ῥέουσι Κώκυτός θ' κτλ., ostendit poetam studio novandi Homerica verba ad ineptias delapsum. In ep. denique 647 initio facile agnoscitur Il. l. XVI v. 9 κούρῃ εἰανοῦ ἁπτομένη (μητρός), δακρυόεσσα δέ, in αὖθι μένοις παρὰ πατρὶ l. X v. 209 αὖθι μένειν παρὰ νηυσίν, in τέκοις ἐπὶ λόφονι μοίρᾳ l. I v. 418 τῷ σε κακῇ αἴσῃ τέκον ἐν μεγάροισιν et l. V v. 154 υἱὸν δ' οὐ τέκετ' ἄλλον, κηδεμόνες autem leguntur l. XXIII v. 163 et 674.

Ep. autem 113 cum in libris sit non δασύτριχος, sed διάτριχος, τανύτριχος scribendum, quod epithetum caprae legitur Hesiodi Op. v. 516. Interdum enim caprarum ferarum pilos in quibusdam corporis partibus paene instar iubae esse Lorenz auctor est p. 859.

Ne Philostrati quidem arcus re vera videtur fuisse, sed idem est qui Pandari. Legitur enim Imaginum l. I, 10 τῆς λύρας τὸ σόφισμα πρῶτος 'Ερμῆς πήξασθαι λέγεται κεράτοιν δυοῖν καὶ ζυγοῦ καὶ χέλυος·... τὸ μὲν γὰρ κέρας αἰγὸς ἰξάλου ποιηταί φασι, χρῆται δὲ αὐτῷ ὁ μὲν μουσικὸς ἐς τὴν λύραν, ὁ δὲ τοξότης ἐς τὰ οἰκεῖα. μέλανα καὶ πριονωτὰ ὁρᾷς τὰ κέρατα καὶ δεινὰ ἐναράξαι. ξύλα δέ, ὅσων δεῖ τῇ λύρᾳ, πύξου πάντα στρυφνοῦ καὶ λείου τὸν ὄζον. Hic igitur ipse quoque Homeri memorem se esse fatetur, cum τὸ κέρας αἰγὸς ἰξάλου dicat. Sed in ceteris eruditionem suam male ostentat: quis enim unquam memoriae prodidit Mercurium, cum lyram inveniret, aegagri cornibus esse usum ad illa κέρατα sive πήχεις? Quis, si quis hoc narraret, crederet? Nonne satis magnae erat fortunae, quod in tempore testudo ei in manus incidit? Num credamus tantam feram una cum testudine casu ei oblatam esse? Profecto admirationem movet, quod cum de fide Philostratorum controversia orta esset, C. Friederichs, H. Brunn, Fr. Matz, alii novitatem huius rei neglegebant. Quid quod hoc quoque minus est veri simile, omnino statim initio πήχεις esse a Mercurio additos nedum septem chordas. Quamquam legitur hoc hymni in Mercurium v. 47 sqq.

πῆξε δ' ἄρ' ἐν μέτροισι ταμὼν δόνακας καλάμοιο,
τετρήνας διὰ νῶτα λιθορρίνοιο χελώνης·
ἀμφὶ δὲ δέρμα τάνυσσε βοὸς πραπίδεσσιν ἑῇσιν
καὶ πήχεις ἐνέθηκ', ἐπὶ δὲ ζυγὸν ἤραρεν ἀμφοῖν,
ἑπτὰ δὲ συμφώνους οἴων ἐτανύσσατο χορδάς,

maioremque in ipsa origine perfectionem lyrae fingit Lucianus, qui Deorum dial. VII, c. 4 Mercurius, inquit, χελώνην που νεκρὰν εὑρὼν ὄργανον ἀπ' αὐτῆς συνεπήξατο· πήχεις γὰρ ἐναρμόσας καὶ ζυγώσας ἔπειτα κολλάβους ἐμπήξας καὶ μαγάδα ὑποθεὶς καὶ ἐντεινάμενος ἑπτὰ χορδὰς ἐμελῴδει πάνυ γλαφυρόν. Cuius ex ingenii ubertate quid proficisci potuerit, docet ille Polyphemus Mar. Dial. I, c. 4, quem lyram e cervi capite fabricantem eiusdemque cornibus tamquam πήχεσιν utentem inducit; fuerintne cervi in illa insula, minime curans id unum agit, ut risum moveat. Itaque sicut de septem chordis nulla fides est Luciano, cum veri similius sit initio quatuor fuisse numerumque postea auctum, fortasse ab Amphione, ut est apud Pausaniam l. VIIII, c. 5, § 7, ita dubium esse non potest, quin verum sit, nullum esse in prima lyrae inventione cornibus aegagri locum, nunquam mentionem eorum fieri; recteque Apollodorus bibliothecae l. III, c. 10, § 2 εὑρίσκει πρὸ τοῦ ἄντρου νεμομένην χελώνην—erant autem in Arcadia χελῶναι μέγισται μέγεθος, sicut est apud Pausaniam l. VIII, c. 54, § 7—ταύτην ἐκκαθάρας εἰς τὸ κύτος χορδὰς ἐντείνας ἐξ ὧν ἔθυσε βοῶν καὶ ἐργασάμενος λύραν εὗρε καὶ πλῆκτρον. Eodem modo Pausanias l. VIII, c. 17, § 4 κέρατα omittit. Cum his C. de Ian, peritissimus harum rerum homo, consentit in commentario de fidibus Graecorum a. MDCCCLXXXI edito p. 26 adn. 41, et in A. Baumeisteri opere vol. III, p. 1539; qui cum posteriore aetate aegagri cornua adhiberi solita esse opinatur, vereor ut quisquam ei assentiatur, qui quidem illa vel ipsa vel depicta viderit atque et longitudinem et formam eorum secum reputaverit; adeo inepta sunt ad illum usum. Neque magis apta essent cornua rupicaprae, ita enim αἴγαγρον vertit p. 8. Talis lyra puerorum scilicet esset oblectamentum. Nec quod sciam imagines ullae lyrarum in monumentis artis vel pictae vel fictae aegagrorum cornua ostendunt. Itaque si Philostrati lyram opinatam esse necessarie demonstratum est, ne de arcu quidem fidem ei habebimus; erravit enim, sicut fieri solet, quod generatim et universe locutus Pandari arcum ad totum genus refert.

Verba autem e Sophoclis Thamyrae fr. 223 ῥηγνὺς χρυσόδετον κέρας (λύρας), quae primus C. Ian attulit p. 8, demonstrant iam tum propter similitudinem quandam cum cornibus e capite animalium cornutorum eminentibus illos πήχεις nominatos esse κέρατα.

Neque vero Homeri solum, sed etiam *Euripidis* Philostratus memor erat, cum τῆς λύρας τὸ σόφισμα scriberet. Antiopam enim spectat, in qua Zethus Amphionem fratrem hortatur ut eas res tractet, quae

iuvenem magis deceant, lyram, τὰ κομψὰ ταῦτα σοφίσματα, concedat aliis (fr. 188). Ante hunc versum autem leguntur hi:

ἀλλ' ἐμοὶ πιθοῦ·
παῦσαι μελφδῶν, πολέμων δ' εὐμουσίαν
ἄσκει· τοιαῦτ' ἄειδε καὶ δόξεις φρονεῖν
σκάπτων, ἀρῶν γῆν, ποιμνίοις ἐπιστατῶν.

Plato enim in illo libro qui inscribitur Gorgias p. 486 D Calliclem inducit vitio dantem Socrati, quod in philosophia versetur atque, ut aliquando in rebus honore dignis se exerceat, hortantem his Zethi Euripidei verbis: ἀλλ' ὠγαθέ, ἐμοὶ πείθου, παῦσαι δ' ἐλέγχων, πραγμάτων δ' εὐμουσίαν ἄσκει, καὶ ἄσκει, ὁπόθεν δόξεις φρονεῖν, ἄλλοις τὰ κομψὰ ταῦτ' ἀφεὶς εἴτε ληρήματα χρὴ φάναι εἶναι ἢ φλυαρίας... Quem collaudans scholiasta σκόπει, inquit, ὅπως δεῖ χρῆσθαι ταῖς μακροτέραις ῥήσεσι τῶν ποιητῶν, μὴ αὐτοὺς διόλου τιθέναι τοὺς στίχους, ἀλλά τι καὶ λέξεως πεζοτέρας εὖ πως αὐταῖς ἀναμῖξαι. Deinde ὁ τῶν στίχων, inquit, νοῦς οὗτος· ὁ Ζῆθός φησι τῷ Ἀμφίονι μουσικῷ ὄντι· ῥῖψον τὴν λύραν, κέχρησο δὲ ὅπλοις. Eandem Euripidis verbis subesse sententiam Olympiodorus ait, sed idem ἐκεῖνος h. e. Zethus εἶπε τῷ Ἀμφίονι· πολέμων δὲ εὐμουσίαν ἄσκει, οὗτος h. e. Plato δέ φησι· πραγμάτων, atque ex oratione Zethi haec quoque verba memoriae prodit: καὶ οὔτ' ἂν ἀσπίδος κύτει προσομιλήσειας. Videtur igitur apud Euripidem πολέμων legisse neque animadvertisse, hoc a metro abhorrere. Neque vero hoc fugit viros doctissimos, ex quibus alios πολεμίων, πολεμίαν, πολεμικῶν, δαΐων proposuisse Nauckius auctor est, alios πολύπονον vel τῶν πόνων et ποιμένων, ipse legendum γαπόνων proponit. Atque hi quidem versu σκάπτων, ἀρῶν γῆν, ποιμνίοις ἐπιστατῶν commoti esse videntur, ut mentionem de rebus bellicis fieri posse negarent. At primum quidem illud προσομιλεῖν ἀσπίδος κύτει satis demonstrat, quid Zethus velit, deinde ad omnes videtur pertinere, quod Varro Rer. rust. l. II, c. 10, § 3 popularibus suis praescribit, ut formae hominum, scilicet qui pastores sint futuri, legendae sint firmae ac veloces, mobiles, expeditis manibus, qui non solum pecus sequi possint, sed etiam a bestiis ac praedonibus defendere, qui iaculari; denique sermo est de firmando laboribus rusticis corpore; ad hoc enim refertur, quod Amphion fr. 199 respondet εἰ γὰρ εὖ φρονεῖν ἔχω, κρεῖσσον τόδ' ἐστὶ καρτεροῦ βραχίονος. Cuius vim cum postea in domando tauro comprobaverit, cessit enim, ut est apud Horatium Epp. l. II, 1 v. 43, fraternis moribus conticuitque lyra, Euripides sine dubio non praetermisit suo loco de hac re sermonem inferre. Crediderim

igitur in illo versu eum id scripsisse, quod est apud scholiastam et Olympiodorum,

τῶν ὅπλων δ' εὐμουσίαν.

Denique *Oppianum* Bluemner ait auctorem esse, arcus e cornibus fieri; dicere enim eum

ἐκ δὲ κεράων
τόξα τε κυκλοτερῆ καὶ μυρία τεύχεται ἔργα.

Atque leguntur haec Cynegeticorum l. II, v. 511 (non, ut est apud Bluemnerum, Halieuticorum l. II, v. 54). Ut enim demonstret elephantis non esse dentes, sed cornua, experimentis esse cognitum ait omnium animalium dentes esse rigidos neque ulla arte flecti posse, cornua autem flexibilia, sicut elephantorum, quae eborarii. ἐλεφαντοτόμοι, possint γνάμπτειν εὐρύνειν τε. Aqua enim fervida et igni cornua molliendi veteres peritos fuisse Bluemner demonstrat testimonio usus Pausaniae l. V, c. 12, § 5. At Homeri aetate hanc peritiam fuisse nullo modo veri simile est, et Oppianum nihil nisi Pandari arcum spectare vel inde apparet, quod eodem utitur epitheto, quo semel Homerus de ipso Pandari arcu l. IIII v. 124 αὐτὰρ ἐπεὶ δὴ κυκλοτερὲς μέγα τόξον ἔτεινεν.

Quod de eodem arcu et de cornibus dixi, eo magis videtur credibile, quod eundem morem media quae vocatur aetate fuisse tradunt. F. C. Keller enim in Encyclopaediae quam supra commemoravimus vol. VII, p. 346 litterarum quodam monumento XIIII saeculo scripto ait memoriae prodi, incolas Alpium Carnicarum in sollemnibus quibusdam, ut principum consalutationibus, arcubalistas ibicum cornibus ornatas gessisse.

Illa igitur vis est verbi ἤραρε, sicut II l. XII v. 55 ὕπερθεν δὲ σκολόπεσσιν ὀξέσιν ἠρήρει et Od. l. V v. 252 ἴκρια δὲ στήσας, ἀραρὼν θαμέσι σταμίνεσσι, ποίει.

Ne hoc quidem nimiae audaciae est conicere, illud lignum fuisse corneum. Herodotus enim auctor est l. VII, c. 92 Lycios, qui in exercitu Xerxis erant, habuisse τόξα κρανέινα, hoc est e ligno cornus quam masculam vocant facta, quam saepe in Cilicia, in Tauro et Antitauro montibus inveniri P. Tschichatschov testatur, in radicibus Idae raro K. G. Fiedler, quamque Plinius ait e fortissimis durissimisque esse Nat. Hist. l. XVI, c. 26, § 105. Haec sine dubio erant illa Λύκια τόξα, quae Herodotus c. 77 ait apud Milyades fuisse usitata. His Ly-

cios more institutoque maiorum etiamtum usos esse quis non putaverit simillimum veri, praesertim si consideraverit, quam diu saepe in his rebus homines quae antiquitus tradita sunt sequantur. Velut in Italia taxo ad arcus usos esse Vergilius auctor est Georgicon l. II, v. 448, dicit enim 'Ituraeos taxi torquentur in arcus'. Huius autem arboris, quam Theophrastus Hist. plant. III, c. 10, § 2 μῖλον, Dioscorides de mat. med. l. IIII, c. 70 σμίλαχα, Linnaeus taxum baccatum appellat, cum magna in Gallia Germaniaque copia sit, sicut Caesar testatur De b. Gall. l. VI, c. 31, ex ea arbore factis arcubus ad XV. usque p. Chr. n. saeculum utebantur. Cuius rei, si legeris Georgii equitis de Ehingen librum qui inscribitur Itinera ordinis equestris causa suscepta, testem habebis.

Neque minus est veri simile, alterum quoque morem apud Lycios antiquitus fuisse traditum. Herodotus enim ait eos habuisse ὀιστοὺς καλαμίνους ἀπτέρους. Quod si recte conicio, non solum l. IIII v. 117 ἰὸν πτερόεντα Pandari—quem versum ob aliam causam Aristarchus Homeri esse negavit, sicut Lehrs demonstrat p. 63,—sed reliquis quoque locis, l. V v. 171, XVI v. 773, XX v. 68, ita intellegemus, ut non sit sagitta 'pennis instructa' sed 'celeris sicut ales'. Est enim haec translatio in ἔπεα πτερόεντα, est in Od. l. VII v. 36 τῶν νέες ὠκεῖαι ὡσεὶ πτερὸν ἠὲ νόημα. Eadem significatio est vocabuli 'volucris' apud Vergilium Aen. l. V v. 242, 503, 544. Denique αἰγὸς δέρματα, quae Herodotus ait Lycios habuisse περὶ τοὺς ὤμους αἰωρεόμενα, facile fieri potest ut ipsa quoque ducibus certe fuerint ferarum caprarum. Hanc consuetudinem praeter Lyciam in Africa quoque fuisse scimus. Ipsae enim tres deae, Λιβύης τιμήοροι, quae apud Apollonium Rhodium Iasonem consilio suo adiuvant l. IV v. 1309 sqq., sunt στέρφεσιν αἰγείοις ἐζωσμέναι ἐξ ὑπάτοιο αὐχένος ἀμφί τε νῶτα καὶ ἰξύας v. 1348. Ad quem versum cum auctor scholiorum adnotet, apud Aeschylum legendum esse μελανοστέρφων γένος (quod est fragm. 370 Nauckii, qui μελανστέρφων scribit), non, ut quidam velint, μελανοστέρνων· οὐ γὰρ μόνα τὰ στέρνα μέλανα ἔχουσιν, ἀλλὰ καὶ ὅλον τὸ σῶμα, veri simile est agi de Aethiopibus verbaque haec esse e Memnone. Neque minus, eorundem mentionem fieri apud Ibycum. Antea enim idem scholiasta memoriae prodit; Ἴβυκος στερφωτῆρα στρατὸν εἴρηκε τὸν ἔχοντα δέρματα.

Ut igitur ad Pandari arcum redeam, insignis quidem erat cornibus aegagri, neque vero ex eis solis confectus, sed eis ornatus. Illud enim neque fieri potest neque ullum arcus eiusmodi extat exemplum. Nam ne Ulixis quidem arcus e cornibus ullius animalis factus erat, quem

manibus contrectat, sicut Paris Il. l. VI v. 322, et oculis collustrat, ut est Od. l. XXI v. 395,

πειρώμενος ἔνθα καὶ ἔνθα,
μὴ κέρα ἶπες ἔδοιεν ἀποιχομένοιο ἄνακτος.

Ut enim omittam insecta illa, quarum larvae quae nunc dicuntur ossa et cornua animalium in Africa arrodunt, de quibus dudum A. H. Haliday in commentariolo On larve infesting the horns of Oreas Canna Annalium qui anglice inscribuntur Nat. Hist. Review vol. III Proceed. p. 23 inserto, nuper Walter F. H. Blandford in Annalibus qui inscribuntur Nature vol. LVIIII, № 1528 et M. de Ioannis in eis qui inscribuntur Bulletin de la Société entomologique Française a. MDCCCLXXXXII, p. 129 egerunt, in Europa quoque eius generis animalia esse apparet ex W. F. Erichsoni libro de insectis Germaniae edito a. MDCCCXXXXVIII, p. 423; docet enim larvas dermestinarum quae vocantur non ligno solum, sed cornibus quoque infesta esse. Una autem earum species nunc quoque in Graecia invenitur, dermestes vulpinus; quam describit Brullé vol. III, p. 163 Descriptionis itineris a Francogallis in Peloponnesum naturae eius inquirendae causa suscepti. Haec igitur res quamquam non est impedimento, quin illa κέρα proprie intellegantur, nihilo minus vel ob eam quam supra diximus causam translatam huic vocabulo sententiam subicere non dubitamus. Accedit, quod Ulixis τόξον, quod Euryti magni quondam fuerat eique ab Iphito Euryti filio dono datum, παλίντονον dicitur Od. l. XXI v. 11 atque poeta, si ille arcus e cornibus fuisset, sine dubio de hac re non tacuisset v. 31 sqq. Hanc sententiam L. Doederlinus Glossarii Homerici vol. II, p. 265 amplexus est.

Neque aliter interpretandum illud κέραι ἀγλαέ Il. l. XI v. 385, neque Theocriteum κέρας ὑγρόν Id. XXVI v. 206, versu enim 245 κορτὴ δὲ ῥάχις γένετ' ἠύτε τόξον demonstratur, κέρας idem esse quod καμπύλα vel ἀγκύλα τόξα, ut Il. l. V v. 97, 209 al. vel κυκλοτερὲς μέγα τόξον l. IIII v. 124. Ita Callimachus in epigrammate, quod est Anthol. Pal. l. XIII, ep. 7, in ed. Schneideri XXXVIII, Menoetam Lyctium facit τὰ τόξα Serapidi dicantem his verbis:

τῆ, κέρας τοι δίδωμι καὶ φαρέτρην,
Σάραπι, τοὺς δ' ὀιστοὺς ἔχουσιν Ἑσπερῖται.

Menoetas igitur, civis Lycti, oppidi Cretae, non, sicut Echemmas popularis eius, Deli arcum dedicat, sed in quodam Aegypti templo.

Rursus illa aegagri cornua, quae Alexander Cotyaeensis dicit Deli κεῖσθαι, sine dubio in templo exterorum deorum, in quo Serapis, Isis, Anubis, Harpocrates colebantur, postea demum Deli exstructo erant suspensa.

Eadem vis vocabulo κέρας subest Quinti Smyrnaei Posth. l. XI v. 102, ubi est ἰθύνεσκεν ἰὸν ἀπὸ γναμπτοῖο κεράατος et v. 106 καίριον ἐς κραδίην, sicut in Anthol. Pal. l. VI, 118 κεραὸς βιὸς et ep. 75 γυρὰ κεραία.

Neque dubitandum, quin apud Romanos quoque poetas haec sit vocabuli latini significatio, velut cum Vergilius Buc. X, v. 59 dicit: 'libet Partho torquere Cydonia cornu spicula', et qui eum imitantur Silius B. pun. v. 109: 'crebra Cydoneo fundebat spicula cornu' et Claudianus Nupt. Hon. v. 75: 'ille (i. e. Cupido) deos temperat cornu', utque auctor versus, qui est apud Suetonium v. Neronis c. 39: 'Dum tendit citharam noster, dum cornua Parthus'. In Ovidii quoque versibus, qui leguntur Metam. l. V v. 379 sqq. 'ille pharetram solvit et arbitrio matris de mille sagittis unam seposuit, sed qua non acutior ulla nec minus incerta est nec quae magis audiat arcus, oppositoque genu curvavit flexile cornum inque cor hamata percussit arundine Ditem', cornu hoc modo accipiendum puto. Quid quod Metam. l. I. v. 696: 'credi posset Latonia, si non corneus huic arcus, si non foret aureus illi', hic, quoniam antiquitus aurea deorum arma esse putabant, non eget excusatione, sed cornea ad cornum masculam arborem referenda.

Restat, ut ad Vergilium imitatorem Homeri animum attendamus. Hic l. IV Aeneidis dicit Aeneam et Didonem Carthagine in nemus exisse venatum v. 117 sqq., v. autem 151:

postquam altos ventum in montes atque invia lustra,
ecce ferae, saxi deiectae vertice, caprae
decurrere iugis, alia de parte patentis
transmittunt cursu campos atque agmina cervi;

qua de re Servius laudat poetam, quod bene aptet descriptionem ad species, ut cervis campos, capreis saxa permittat. Sed omisit quaerere, sintne tam alta prope Carthaginem saxa, unde caprae sese potuerint deicere, immo vero, id quod maioris est momenti, sintne in Libya ferae caprae et cervi. Quod si quaesisset, fortasse invenisset, neque esse eas neque unquam fuisse. Aristoteles enim Hist. An. l. VIII. c. 28, § 158 ἐν Λιβύῃ, inquit, οὔτε σῦς ἄγριός ἐστιν οὔτ' ἔλαφος οὔτ' αἴξ ἄγριος, et caprae ferae Libycae, quas Aelianus describit De nat. anim.

l. XIIII, c. 16 minime esse easdem, quae apud Homerum inveniantur, dudum inter omnes constat. Haec omnia poeta Romanus umbraticus non curat. Ceterum venantes ex equis cum canibus illos inducit; cum v. 121 dicit:

dum trepidant alae saltusque indagine cingunt,

indago videtur idem esse quod v. 132 odora canum vis, οἱ ἰχνευταὶ κύνες apud Arrianum Cyn. c. 21, cum apud Vergilium Buc. X, v. 56 legatur: 'non me ulla vetabunt frigora Parthenios canibus circumdare saltus'.

Posteriore aetate, qua epigrammatum genus vigebat, duo poetae Pandarum celebrarunt. Alterius, quem falso Aristotelem esse putabant, carmen hoc est (apud Bergk. Poet. Lyr. Graec. vol. II, ed. IV. p. 353):

Τηλεβόλον ῥυτῆρα, Λυκάονος ἀγλαὸν υἱόν,
ἐκ Ζελέας, κατέχει Πάνδαρον ἥδε κόνις,

quod audacia quadam insigne est, qua poeta Homericum Apollinis epitheton mutavit et vocabulo ῥυτήρ, cui Od. XVIII v. 262 ὀιστῶν, l. XXI v. 173 βιοῦ καὶ ὀιστῶν additur, sicut in fragm. mel. 13 Anthol. lyr. Bergkii est ῥύτειρα τόξων, absolute est usus. In epigrammate autem, quod in Telo insula repertum O. Rayet edidit in annalibus qui inscribuntur Bulletin de Corresp. hell. a. MDCCCLXXVIIII, p. 42 et Ed. Cougny in Epigrammatum Anthol. Pal. vol. III Parisiis edito p. 114, lapicidae errore legitur ἐπεὶ ῥυτῆρά με τόξῳ ηἴνεσε καὶ Κρῆτα πᾶσα κατ' εὐστοχίαν pro τόξου et Κρήτη. Alterum epigramma quod Posidippi est, apud Stephanum Byz. s. v. Ζέλεια legitur non integrum; quod Th. Bergk aliqua ex parte ita supplevit p. 342, in primo versu Meinekium secutus, ut legeret:

Οὐδὲ Λυκαονίη δέξατό σε Ζελίη.
ἀλλὰ παρὰ προχοῇ Σιμοεντίδι τοῦτό σοι Ἕκτωρ
σῆμα καὶ ἀγχέμαχοι θέντο Λυκαονίδαι.

Th. Preger quoque Bergkii rationem legendi hos versus sequitur in Inscriptionibus Graecis metricis ed. MDCCCXCI Proleg. p. XI, sed idem in v. 1 probat Λυκαονίδη, quod Hecker proposuit. Sed cum libris manu scriptis sit traditum οὐδὲ Λυκάων, δέξατό σε, Ζελείη et Ζελείην, ἀλλὰ προχοῇσι Σιμόεντος διὰ τοῦτό σοι, prioris distichi partem sic legendam puto:

οὐδὲ Λυκάων
⟨οὐδ' ἄλοχος κεδνὴ⟩ δέξατό σε Ζελίῃ,

initio autem hexametri fuit Πάνδαρε eumque sine dubio poeta dixit Troiae sepultum esse. Sic Achilles Il. l. XIII v. 330 ἐπεὶ οὐδ' ἐμὲ νοστήσαντα δέξεται ἐν μεγάροισι γέρων ἱππηλάτα Πηλεὺς οὐδὲ Θέτις μήτηρ, ἀλλ' αὐτοῦ γαῖα καθέξει. Alter autem hexameter sine dubio sic legendus:

ἀλλὰ παρ' ὄχθῃσιν Σιμόεντος τοῦτό σοι Ἕκτωρ,

nisi forte Σιμοεντίσι praeferendum, cum in eiusdem epigrammate, quod apud Progerum est p. 96 ex Athenaeo l. VII, p. 318 D, sit Ζεφυρίτιδος ἀκτῆς. Legitur enim παρ' ὄχθῃσιν Σιμόεντος apud Homerum eo ipso libro V, quo Pandari interitus narratur, v. 774 neque ille locus, ἧχι ῥοὰς Σιμόεις συμβάλλετον ἠδὲ Σκάμανδρος, ubi tam acriter pugnatum est, aptus videtur ad tumulum exstruendum. Quamquam autem scholiasta ad Apollonii Rhodii Argon. l. I v. 11 recte dicit τῶν ποταμῶν οἱ συμβάλλοντες τόποι τῇ θαλάσσῃ προχοαὶ λέγονται. ὡς Ὅμηρος· ὡς δ' ὅτ' ἐπὶ προχοῇσι, quod est Il. l. XVII v. 263, tamen poetae quidam huic vocabulo eandem subesse vim voluerunt quam vocabulo ῥοαῖς, sicut Bacchylides, qui c. 6 v. 3 ἐπ' Ἀλφεοῦ προχοαῖσι νικῶν dixit et Quintus Smyrnaeus Posthom. l. VI, v. 647, qui ποτὶ προχοὰς Σιμόεντος. Denique Graeci semper plurali huius vocabuli numero utuntur, sicut Homerus Od. l. V v. 453, XI v. 242, XX v. 65, Solon fr. 28, Aristophanes Nub. v. 273, Simonides fr. 120, Theocritus Chius fr. 1, ille poeta ipse, qui epigrammata pepli qui dicitur conscripsit, in eis, quibus Sarpedon et Memnon celebrantur, ed. Bergk. p. 353, alius Anthol. Pal. l. VII, c. 366 et c. 514, Apollonius Rhodius Argon. l. II v. 652, 789, 970, l. IV v. 132, 312, Quintus Smyrnaeus Posth. l. I v. 10, VIII v. 120, VIIII v. 210, X v. 589. Λυκαονίδας autem Posidippus ausus est dicere Lycaonis cives, cum apud Homerum Δαρδανίωνες sint et Δαρδανίδες Il. l. VII v. 414, VIII v. 154 et X III v. 122 et 339. Hoc facilius est ad intellegendum quam quod Hercher proposuit Δολιονίδαι, Apollonii Rhodii sine dubio memor; sed nomen huius gentis, cuius rex Cyzicus erat, insulam incolentis ἐπικειμένην τῇ γῇ ὑπὲρ τὸν Αἴσηπον ποταμόν, est Argon. l. I v. 947 Δολίονες.

Vergilius Aen. l. V v. 496 Pandari mentionem facit, quippe qui foederis fuerit violator, sicut Dio Chrysostomus orat. LXXIII (ed. Dind.

p. 259, 260), Plutarchus in libello de cohibenda ira c. 9, quippe qui irae fuerit impotens (Il. l. V v. 214 sqq.). Apud Philostratum denique adeo arte Pandarus cum Lyciis videtur coniunctus, ut dicat Heroici c. XIIII: Σαρπηδὼν ἦγε Λυκίους ξύμπαντας καὶ ἀρίστω ἄνδρε Γλαῦκόν τε καὶ Πάνδαρον. ἦν δ' αὐτοῖν ὁ μὲν ὁπλιτεύειν εὐδόκιμος, ὁ δὲ Πάνδαρος τὸν Ἀπόλλω τὸν Λύκιον ἐπιστάντα. οἱ μειρακίῳ ἔτι κοινωνῆσαι ἔφη τοῦ τοξεύειν καὶ ηὔχετο ἀεὶ τῷ Ἀπόλλωνι, ὅτε τοῦ τόξου ἐπὶ μεγάλῳ ἅπτοιτο. C. XV Alexandrum in arte sagittandi dicit non inferiorem fuisse Pandaro. Neque vero ausim ista Philostrati de Sarpedone Pandari duce sententia abuti ad id quod probare mihi propositum est confirmandum, Pandarum in ipsa Lycia fuisse.

Cum in Creta insula aegagri fuerint, non mirum, quod imagines eorum non solum in nummis Cretensibus spectantur (velut in tab. XII, 10 et XIII, 6 et 7 in Ephem. arch. Graeca a. MDCCCLVIIII), sed ab artificibus quoque iam illius aetatis, quam e Mycenis nominant, gemmis insculptae sunt, quae ars cum aliis locis tum maxime in hac insula tum vigebat. Quae depictae sunt in A. Furtwaengleri praestantissimo de gemmis antiquorum opere tab. III. Tab. V autem continentur duae steatitides in ipsa insula Melo repertae, in quibus aegagri spectantur. In tanta vero tanti operis admiratione si licet de rebus parvis minus consentire, confiteor me dubitare, sintne aegagri insculpti in gemmis tab. III, 21 et XVII, 68, qui mihi capri esse videntur, sicut in gemma tab. III, 26. In ea autem, quae tab. VI, 22 est, cauda longa et paene leonina suspicionem movet, hoc animal esse fabulosum; in gemmis tab. III, 34 et fortasse LXI, 16 agnoverim oves Cyprias, quae simillimae sunt earum, quas Plinius Nat. Hist. l. VIII, c. 49, § 199 musmones appellat; hae in Sardinia et Corsica, illae in Cypro gignuntur; ovis Cypria in tab. X quoque Ephemeridos anni quem supra dixi videtur esse, sicut quatuor ovium capita ib. 25. In gemma denique tab. III, 28 cervas potius esse putaverim quam boves.

Quae autem supra dixi de sagittis non pennatis, si quis refelli dixerit gemma ea, quae apud Furtwaenglerum est tab. III, 43, in Ephemeride autem tab. X, 31, respondebo, cuspidem hanc esse sagittae, ab artifice additam, ut quo telo aegagrus mortiferum vulnus acceperit, significet. Neque enim haec feram attingit, nedum transfigit. Telum autem vel partem teli addere solitos esse artifices nummi Cretenses ostendunt, qui in Ephemeride tab. XII sunt 10 et 11, et tab. XIII, 7. Cum autem feras adeo fugaces vix hastis petere veteres

potuerint, sagittas illas esse putaverim. E contrario non possum mihi persuadere, sagitta esse transfixum leonem, qui est in gemma apud Furtwaenglerum tab. III, 35, in Ephemeride tab. X, 8; quod telum licet simile sit sagittae, tamen hastam artificem effingere voluisse putaverim.

Georgius Schmid.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(ноябрь и декабрь 1901 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

Министерскія распоряженія.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература.

СТРАН.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(12-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Содержаніе іюльской, августовской и сентябрьской книжки, имѣющей выйти въ первыхъ числахъ октября, слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ. (*Окончаніе*). **М. И. Страховой**; 3) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. (*Окончаніе*). **П. Г. Мижуева**; 4) Отрицательныя стороны французской и швейцарской педагогики (По личнымъ наблюденіямъ) **О. В. Кайдановой-Бервы**; 5) Школьная гигіена (по Л. Котельману). Д-ра **М. Л. Брейтмана**; 6) Изученіе языковъ и умственное развитіе. **Арнольда Олерона**. Переводъ съ нѣмецкаго и примѣчанія **Ал. Ив. Тихомирова**; 7) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы. Проф. **А. С. Архангельскаго**; 8) Къ вопросу о подготовкѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. І. Система подготовки въ Германіи. (*Продолженіе*) **А. Г. Готлиба**; 9) О значеніи Ушинскаго и его „Родного Слова" въ исторіи изученія и преподаванія отечественнаго языка. Проф. **Е. Ө. Будде**; 10) Такъ ли? По поводу статьи г. Сердюкова о реформѣ городскихъ училищъ) **А—з—а**; 11) Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ. **Я. И. Руднева**; 12) Обученіе чтенію правильному, сознательному, выразительному. (*Окончаніе*). **М. Тростникова**; 13) Съѣздъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію въ январѣ 1901 г. при Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ. (*Продолженіе*); 14) Указатель историческихъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, расположенныхъ по странамъ и эпохамъ. (*Продолженіе*). Составила **А. В. Мезіеръ**; 15) **Критика и библіографія** (около 27 рецензій); 16) Педагогическая хроника: а) Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ. **Е. Р.**; в) Хроника народнаго образованія и народныхъ библіотекъ. **Я. В. Абрамова**; с) Хроника воскресныхъ школъ. **М. Н. Салтыковой** подъ ред. **Х. Д. Алчевской**; д) Хроника профессіональнаго образованія. **В. Б—ча** и нѣкоторыя другія статьи и замѣтки; 17) Попечитель-педагогъ. **Я. Пасхалова**; 18) Къ университетскому вопросу. Проф. **Е. Ө. Будде**; 19) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію. **Е. М. Гаршина**; 20) Предметная система преподаванія въ городскихъ по Положенію 1872 г. училищахъ. **N. N.**; 21) Къ вопросу о методахъ классного повторенія по предмету исторіи. **И. А. Иванова**; 22) О начальномъ изученіи родного языка путемъ изученія его грамматики. **Зин.**; 23) **Разныя извѣстія и сообщенія**; 24) **Объявленія**.

„РУССКАЯ ШКОЛА" выходитъ **ежемѣсячно** книжками, не менѣе **пятнадцати** печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**СЕМЬ** руб.; съ доставкою—7 р. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою—**ВОСЕМЬ** руб.; заграницу—**ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **ШЕСТЬ** рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Радловъ.**

(Вышла 1-го ноября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXVIII.

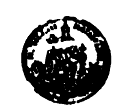
1901.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „В. С. Балашевъ и К°", Наб. Фонтанки, д. 95.
1901

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Наша учебная литература.

(*См. 3-ю стр. обложки*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXVIII.

1901.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данные Правительствующему Сенату:

19-го октября 1901 года. „Члену консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительному статскому совѣтнику *Балашеву*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности".

30-го октября 1901 года. „Директору Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса генералъ-маіору *Рѣпину*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть сверхштатнымъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія".

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(5-го октября 1901 года, № 77). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу, почетный членъ попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища баронъ *Шепингъ*—съ 14-го октября 1899 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя гимназій: Полтавской, *Метее*—съ 19-го ноября 1900 г., Кіевской 1-й, *Щербина*—съ 19-го января 1901 г., Полтавской Маріинской женской,

Ивановъ—съ 7-го марта 1900 г.; по Казанскому учебному округу, учителя гимназій: Царицынской, *Богородицкій*—съ 7-го ноября 1900 г., Казанской 3-й, *Черняевъ*—съ 3-го февраля 1901 г.; по Рижскому учебному округу, учителя гимназій: Либавской женской, *Гроссетъ*—съ 1-го мая 1900 г., Перновской мужской, *Заицъ*—съ 1-го августа 1900 г., Ревельской Императора Николая I, *Добровольскій*—съ 21-го октября 1901 г., Митавскаго реальнаго училища, *Соколовъ*—съ 8-го февраля 1901 г.; по Варшавскому учебному округу: учитель Радомской мужской гимназіи *Карпенко*—съ 1-го марта 1901 г.; штатный учитель и завѣдывающій Сувалкскою женскою гимназіею *Царевскій*—съ 1-го сентября 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Кіевскому учебному округу: прозекторъ при каѳедрѣ гистологіи, приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ медицины *Ломинскій*—съ 29-го января 1896 г.; помощникъ библіотекаря Императорскаго университета св. Владиміра *Ващенко-Захарченко*—съ 11-го сентября 1900 г.; учителя гимназій: Кіево-Печерской: *Русси*—съ 30-го ноября 1897 г. и *Бруненекъ*—съ 1-го ноября 1900 г., Кіевской 1-й, *Петровъ*—съ 18-го сентября 1900 г., Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины, *Антоновъ*—съ 15-го сентября 1898 г.; по Виленскому учебному округу, преподаватель, исправляющій обязанности инспектора, Виленскаго средняго химико-техническаго училища *Шешуковъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; по Казанскому учебному округу: учителя: Саратовской 2-й гимназіи, *Андронниковъ*—съ 25-го августа 1900 г., Казанскаго промышленнаго училища, *Жаковъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета *Тимофеевъ*—съ 19-го января 1901 г.; по Рижскому учебному округу: бывшій преподаватель Рижскаго политехническаго института *Мей*—съ 1-го сентября 1896 г.; учитель Ревельской Александровской гимназіи *Делявн*—съ 30-го декабря 1898 г., учитель Ревельскаго реальнаго училища *Лебертъ*—съ 1-го января 1900 г.; преподаватель Рижскаго политехническаго института *фонъ-Вестерманъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; прозекторъ при анатомическомъ институтѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Адольфи*—съ 1-го января 1901 г.; по Варшавскому учебному округу: штатный учитель и завѣдывающій Ломжинскою женскою гимназіею *Моисеевъ*—съ 22-го января 1899 г.; бывшій штатный учитель Сѣнницкой учительской семинаріи, нынѣ въ отставкѣ, *Адамецъ*—съ 5-го сентября 1889 г.; учитель Варшавской 1-й женской гимназіи *Крохинъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ

надворные совѣтники: по Кіевскому учебному округу: учителя: Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины *Ней*—съ 16-го февраля 1900 г. и *Кучинскій*—съ 1-го апрѣля 1900 г., Кіево-Печерской 2-й гимназіи: *Семеновъ* — съ 1-го января 1898 г. и *Богдановъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; врачъ Балтскаго одноклассцаго еврейскаго училища *Лемельманъ* — съ 25-го іюля 1896 г.; помощникъ прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ медицины *Качковскій*—съ 27-го мая 1899 г.; сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ фармакологіи того же университета *Гуринъ* — съ 1-го іюня 1897 г.; лекторы того же университета: англійскаго языка, приватъ-доцентъ *Аничковъ*—съ 25-го августа 1899 г. и итальянскаго языка, *Гливенко*—съ 20-го декабря 1899 г.; сверхштатный лаборантъ того же университета по каѳедрѣ зоологіи *Караваевъ*—съ 1-го іюня 1900 г.; секретарь правленія того же университета *Моралевичъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; штатный смотритель Каневскаго городского двухкласснаго училища *Назаревичъ*—съ 1-го февраля 1901 г.; учителя гимназій: Житомирской 1-й, *Заверткинъ*—съ 30-го октября 1899 г., Кіевской 1-й: *Трабша*—съ 21-го декабря 1897 г. и *Рябчевскій*—съ 31-го октября 1898 г., Прилукской женской, *фонъ-Гибшманъ*—съ 11-го октября 1899 г.; врачъ Житомирскаго двухкласснаго начальнаго еврейскаго училища *Полонскій*—съ 15-го октября 1900 г.; по Казанскому учебному округу: учителя Вятскаго реальнаго училища: *Феликсовъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и *Исполатовъ*—съ 1-го августа 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя: Колыванскаго двухкласснаго городского училища, *Михайловъ*—съ 16-го января 1894 г., Томской гимназіи, *Мирамъ*—съ 15-го августа 1897 г., Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, *Виноходовъ* — съ 26-го мая 1900 г. и Семипалатинской мужской прогимназіи: *Давыдовъ* — съ 1-го іюля 1900 г., *Тимофеевъ*—съ 9-го іюля 1900 г. и *Дегтяревъ*—съ 1-го августа 1900 г.; по Рижскому учебному округу: учитель Юрьевскаго реальнаго училища *Плотниковъ*—съ 6-го мая 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Юрьевской, *Карцовъ* — съ 1-го іюля 1900 г., Рижской Александровской, *Ивановъ*—съ 1-го октября 1900 г.; врачъ Тальсенскаго трехкласснаго городского училища *Крюгеръ* — съ 1-го декабря 1900 г.; по Варшавскому учебному округу: архитекторъ округа *Покровскій*—съ 1-го марта 1901 г.; сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ описательной анатоміи Императорскаго Варшавскаго университета *Ковалевскій* — съ 1-го апрѣля 1901 г.; учи-

тель Варшавской 4-й мужской гимназіи *Лебедевъ* — съ 18-го іюля 1899 г., штатный учитель и завѣдывающій Калишскою женскою гимназіею *Литвиновскій* — съ 12-го января 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Сѣдлецкой мужской гимназіи *Дроздовъ*—съ 28-го февраля 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: по Московскому учебному округу, почетный членъ попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища *Губонинъ*—съ 17-го января 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: помощникъ прозектора при каѳедрѣ патологической анатоміи Императорскаго университета св. Владиміра *Линтваревъ*—съ 6-го марта 1896 г.; помощникъ прозектора при каѳедрѣ анатоміи того же университета *Стефанисъ*—съ 26-го мая 1896 г.; сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ гигіены и медицинской полиціи того же университета *Дубицкій*—съ 7-го сентября 1897 г.; лаборантъ фармацевтической лабораторіи того же университета, прозекторъ *Галецкій*—съ 26-го мая 1899 г.; секретарь по студенческимъ дѣламъ того же университета *Миницкій*—съ 26-го сентября 1900 г.; врачъ Мглинскаго двухкласснаго городского училища *Троицкій* — съ 3-го іюля 1895 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Немировской гимназіи *Добржанскій*—съ 1-го февраля 1901 г.; учитель приготовительнаго класса Житомирской 1-й гимназіи *Желтовскій*—съ 16-го іюня 1899 г.; учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Звенигородскаго, *Балдовскій* — съ 17-го апрѣля 1900 г., Кременецкаго, *Цесарцевъ*—съ 7-го іюля 1900 г.; по Казанскому учебному округу: врачъ Курмышской женской прогимназіи *Салищевъ*—съ 11-го января 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: Козмодемьянскаго трехкласснаго, *Соколовъ*—со 2-го сентября 1898 г., Царевскаго двухкласснаго, *Ермаковъ* — съ 6-го октября 1899 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, врачъ Томскаго уѣзднаго училища *Ломовицкій*—съ 20-го апрѣля 1898 г.; по Рижскому учебному округу; врачъ Юрьевскаго четырехкласснаго городского училища *Кенсепъ* — съ 15-го октября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Юрьевскаго реальнаго училища *Гоппе*—съ 21-го октября 1900 г.; ассистентъ при физическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Косачъ*—съ 1-го января 1901 г.; учитель Юрьевскаго четырехкласснаго городского училища *Окасъ*—съ 1-го февраля 1901 г.; бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Іозайтисъ*—съ 11-го апрѣля 1901 г.; по Варшавскому учебному округу: учитель Варшавскаго реальнаго училища *Имшенецкій*—съ 1-го августа 1900 г.; учителя: Лодзинскаго Александровскаго четырех-

класснаго городского училища (штатный) *Евцехевичъ* — съ 13-го декабря 1900 г., приготовительнаго класса Кѣлецкой мужской гимназіи, *Ивановъ* — съ 1-го января 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Московскому учебному округу, секретарь совѣта и правленія Демидовскаго юридическаго лицея *Ширяевъ*—съ 27-го октября 1899 г.; по Кіевскому учебному округу: сверхштатные помощники библіотекаря Императорскаго университета св. Владиміра: *Курдюмовъ* — съ 19-го іюня 1899 г. и *Софроньевъ*—съ 1-го декабря 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ Кіево-Печерской гимназіи: *Барановъ* — съ 1-го сентября 1900 г. и *Клопотовскій* — съ 1-го сентября 1900 г., Кіевскаго реальнаго училища, *Лакерда*—со 2-го сентября 1899 г.; учитель Уманскаго двухкласснаго городского училища *Стефановскій* — съ 12-го октября 1900 г.; по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Ананьевской гимназіи *Дуржицкій* — съ 16-го сентября 1899 г.; по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Чебоксарскаго, *Першевъ*—съ 14-го марта 1898 г., Козмодемьянскаго, *Корниловъ*—съ 1-го августа 1899 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Бійскаго Пушкинскаго трехкласснаго городского училища *Кутузовъ*—съ 20-го іюля 1899 г.; по Рижскому учебному округу: учитель Верроскаго трехкласснаго городского училища *Флору*—съ 1-го октября 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Либавскаго реальнаго училища *Колокольцевъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; по Варшавскому учебному округу: инспекторъ Пултусской мужской прогимназіи *Лишкевичъ*—съ 18-го августа 1885 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Варшавской губерніи *Русановъ*—съ 1-го ноября 1898 г.; инспекторъ руководитель Вейверской учительской семинаріи *Гринкевичъ*—съ 15-го августа 1900 г.; учителя: Варшавской 1-й мужской прогимназіи: *Орловъ* — съ 12-го іюля 1899 г. и *Чехъ*—съ 1-го октября 1899 г., Ломжинской женской гимназіи (штатный) *Левицкій* — съ 15-го августа 1900 г., Прагской мужской гимназіи *Флегонтовъ* — съ 1-го февраля 1901 г., Влоцлавскаго городского трехкласснаго училища (штатный) *Кириченко*—съ 1-го февраля 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу, смотритель Ларинскаго приходскаго училища Зарайскаго уѣзда *Кринскій* — съ 11-го марта 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: почетный смотритель Мглинскаго городского двухкласснаго училища *Сохинскій*—со 2-го декабря 1900 г.; бухгалтеръ Императорскаго университета св. Владиміра *Ремезенко*—съ 1-го іюля

1900 г.; экономъ и смотритель зданій Житомирской 2-й гимназіи *Миловановъ* — съ 1-го января 1901 г.; письмоводитель Новозыбковскаго реальнаго и средняго при немъ сельско-хозяйственно- техническаго училища *Присовскій* — съ 20-го октября 1900 г.; учитель Чигиринскаго двухкласснаго городского училища *Крывченко*—съ 1-го февраля 1899 г.; по Казанскому учебному округу, письмоводитель Саратовскаго реальнаго училища *Мышкинъ*—съ 20-го января 1901 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, почетный смотритель Барнаульскаго двухкласснаго городского училища *Платоновъ* — съ 1-го іюня 1893 г.; по Рижскому учебному округу, помощникъ дѣлопроизводителя Рижскаго политехническаго института *Бѣляевъ* — съ 17-го апрѣля 1900 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Соболевъ* — съ 7-го января 1901 г.; по Варшавскому учебному округу: штатный учитель Солецкой учительской семинаріи *Бѣликовичъ* — съ 1-го марта 1896 г.; дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавской учебной дирекціи *Кристошикъ*—съ 1-го марта 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* по Кіевскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Прилукской гимназіи *Плевако*—съ 28-го сентября 1898 г.; учителя: параллельнаго отдѣленія приготовительнаго класса Васильковскаго двухкласснаго городского училища, *Паліенко*—съ 22-го ноября 1900 г.; Златопольскаго одноклассного приходскаго училища, *Лорченковъ*—съ 1-го сентября 1891 г., Орловецкаго одноклассного приходскаго училища, *Кедреновскій* — съ 17-го февраля 1897 г., Новгородсѣверскаго городского приходскаго училища, *Волковъ*—съ 15-го апрѣля 1895 г., Сосницкаго городского приходскаго училища *Апанасенко* — съ 4-го сентября 1900 г.; по Виленскому учебному округу, бывшій учитель искусствъ бывшаго Витебскаго уѣзднаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Коротовъ*—съ 1-го августа 1879 г.; по Казанскому учебному округу, помощникъ письмоводителя Казанскаго промышленнаго училища *Никольскій* — съ 25-го мая 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, письмоводитель Тобольской гимназіи *Бульба* — съ 22-го марта 1901 г.; по Рижскому учебному округу, учитель Рижскаго городского Петровскаго двухкласснаго начальнаго женскаго училища *Грундульсъ* — съ 25-го февраля 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу, бухгалтеръ конторы клиникъ Императорскаго Московскаго университета *Дмитріевъ*—съ 21-го мая 1899 г.; по Кіевскому учебному округу: канцелярскій служитель канцеляріи попечителя *Орловскій*—съ 27-го марта 1901 г.; учитель Каменецкаго одно-

класснаго городского приходскаго училища *Панасюкъ* — съ 1-го января 1901 г.; письмоводитель Немировской гимназіи *Степановъ* — съ 25-го января 1901 г.; по Казанскому учебному округу: письмоводитель Астраханскаго реальнаго училища *Ильинскій* — съ 1-го января 1901 г., бывшій учитель Николаевскаго приходскаго училища въ селѣ Иксковъ-Устьѣ, Елабужскаго уѣзда, *Виноградовъ*—съ 15-го сентября 1897 г.; по Рижскому учебному округу, учитель Рижскаго Александровскаго городского мужскаго начальнаго училища *Андреевъ* — съ 1-го января 1901 г.; по Варшавскому учебному округу: письмоводитель Варшавской 6-й мужской гимназіи *Григорьевъ* — съ 11-го августа 1899 г.; штатный писецъ и смотритель зданій Кѣлецкой женской гимназіи *Диденко*—съ 1-го декабря 1900 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника:* по Казанскому учебному округу, доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Боль* — съ 1-го января 1901 г.; по Рижскому учебному округу, доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института *Давидъ*—съ 1-го декабря 1896 г.; *коллежскаго ассессора*: по Кіевскому учебному округу: учителя: Луцкой прогимназіи, *Шаланскій* — съ 10-го сентября 1896 г., Глуховской гимназіи, *Николаевъ*—съ 1-го января 1897 г., Кіево-Печерской гимназіи, *Эртель* — съ 16-го октября 1895 г., Кіевской 2-й гимназіи: *де-Боккаръ*—съ 1-го января 1896 г. и *Кулжинскій*—съ 1-го сентября 1896 г., Кіевскаго реальнаго училища, *фонъ-Тессейръ*—съ 20-го декабря 1896 г., Полтавской гимназіи: *Азбукинъ* — съ 10-го ноября 1896 г., *Матковскій*—съ 10-го октября 1896 г. и *Трофимовъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; по Казанскому учебному округу: учитель Казанскаго промышленнаго училища, инженеръ-техникъ, коллежскій секретарь *Козловскій* — съ 1-го сентября 1896 г.; учителя: Саратовской 2-й гимназіи (бывшій) *Абельсъ* — съ 1-го февраля 1897 г., реальныхъ училищъ: Самарскаго, *Виноградовъ*—съ 21-го марта 1897 г., Вольскаго, *Первунинъ*—съ 10-го марта 1897 г., Камышинскаго (сверхштатный), *Ивановъ* — съ 5-го декабря 1896 г.; по Рижскому учебному округу: учителя: Рижскаго городского шестиклассснаго женскаго училища, *Люцельшвабъ* — съ 16-го іюля 1892 г., Ревельской Александровской гимназіи, *Данилевичъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Полангенской четырехклассной мужской прогимназіи, *Воскресенскій*— съ 10-го марта 1897 г.; штатный ассистентъ при женской клиникѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Бондаревъ* — съ 9-го декабря 1897 г.; помощникъ инспектора студентовъ того же универ-

ситета *Уваровъ*—съ 8-го мая 1898 г.; ассистенты при томъ же университетѣ: *Рубинштейнъ* — съ 15-го мая 1899 г. и (сверхштатный) *Вернке*—съ 1-го апрѣля 1900 г., всѣ четверо — по степени доктора медицины; по Варшавскому учебному округу, учитель Варшавской 4-й мужской гимназіи *Ижакъ* — съ 31-го мая 1897 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Кіевскому учебному округу: бывшій ординаторъ акушерской клиники Императорскаго университета св. Владиміра, нынѣ приватъ-доцентъ по предмету акушерства и гинекологіи того же университета, докторъ медицины *Неєловъ* — съ 11-го января 1888 г., сверхштатный ординаторъ глазной клиники того же университета *Бельювскій* — съ 10-го декабря 1893 г., сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ гистологіи того же университета *Черняховскій*—съ 23-го ноября 1894 г., сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ хирургической патологіи того же университета *Любинскій* — со 2-го января 1896 г., ординаторъ хирургической клиники того же университета *Иваницкій*—съ 1-го октября 1896 г., помощникъ прозектора при каѳедрѣ патологической анатоміи того же университета *Константиновичъ* — съ 5-го февраля 1897 г., всѣ шестеро по степени лѣкаря; сверхштатный хранитель Ботаническаго сада при томъ же университетѣ приватъ-доцентъ, коллежскій секретарь, *Цингеръ* — съ 27-го октября 1898 г., по степени магистра ботаники; по Казанскому учебному округу: сверхштатный ординаторъ при каѳедрѣ психіатріи Императорскаго Казанскаго университета *Малѣевъ*—съ 27-го февраля 1895 г., по степени лѣкаря; завѣдывающій Чистопольскою низшею ремесленною школою *Порманъ* — съ 20-го іюля 1896 г.; по Рижскому учебному округу: врачи городскихъ училищъ: Александровскаго эстонскаго трехклассняго, *Уттъ*—съ 18-го октября 1895 г. и Феллинскаго трехклассняго, *Сердъ*—съ 20-го декабря 1895 г., оба по степени лѣкаря; по Варшавскому учебному округу, штатный ординаторъ при факультетской хирургической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Пасlавскій* — съ 10-го февраля 1891 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Бахмутской мужской гимназіи *Роменскій* — съ 21-го января 1897 г.; по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Черноярскаго двухкласснаго, *Муравинъ* — съ 7-го октября 1896 г., Самарскаго шестикласснаго, *Николаевъ* (сверхштатный) — съ 20-го ноября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Вятской гимназіи *Мантуровъ*—съ 1-го февраля 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель

Маріинскаго двухкласснаго городского училища *Колупаевъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Томской гимназіи *Быковъ*—съ 1-го февраля 1897 г.; по Рижскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Юрьевской гимназіи, *Кондратьевъ* — съ 20-го октября 1896 г., Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, *Верѣканскій*—съ 20-го января 1897 г., Рижской Александровской гимназіи, *Перепечкинъ* — съ 1-го марта 1897 г. и Полангенской четырехклассной мужской прогимназіи, *Заицъ* — съ 27-го марта 1897 г.; учитель Феллинскаго трехкласснаго городского училища, *Талайко*—съ 1-го января 1897 г.; по Варшавскому учебному округу: исправляющій должность младшаго астронома-наблюдателя Императорскаго Варшавскаго университета *Пархомовъ*—съ 1-го ноября 1900 г. и учитель Варшавскаго реальнаго училища *Туголѣсовъ*—съ 1-го ноября 1896 г., оба по степени кандидата Императорскаго университета; сверхштатный учитель Влоцлавскаго трехкласснаго городского училища *Александровъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Сувалкской мужской гимназіи, *Казберукъ* — съ 20-го ноября 1896 г., Варшавскаго реальнаго училища, *Янушевичъ* — съ 1-го января 1897 г., Варшавской 5-й мужской гимназіи, *Ваксенбургъ* — съ 1-го января 1897 г., Пинчовской мужской прогимназіи, *Сорокинъ* — съ 1-го августа 1896 г.; *губернскаго секретаря:* по Кіевскому учебному округу: учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Липовецкаго, *Збаращенко* — со 2-го января 1896 г., Кременецкаго, *Дорошенко* — съ 6-го сентября 1896 г.; по Казанскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Казанской учительской семинаріи *Евсевьевъ*—съ 17-го декабря 1894 года; учитель Екатериновскаго двухкласснаго, Самарскаго уѣзда, сельскаго училища министерства *Виноградовъ* — съ 19-го апрѣля 1890 г.; по Варшавскому учебному округу: учитель Бѣльской мужской гимназіи *Михайловъ*—съ 1-го августа 1896 г. и штатный учитель Андреевской учительской семинаріи *Воскресенскій*—съ 1-го сентября 1896 г., оба по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета; *коллежскаго регистратора*: по Московскому учебному округу, учитель Кашинскаго Срѣтенскаго городского приходскаго училища *Соколовъ* — со 2-го января 1889 г., на основаніи ст. 132 уст. служб. прав. (св. зак., т. III, изд. 1896 г.); по Кіевскому учебному округу: помощникъ учителя Борзенскаго городского двухкласснаго училища *Подгрушный*—съ 1-го октября 1896 г.; учитель чистописанія, черченія и рисованія Таращанскаго городского

двухклассnаго училища, *Корженковъ* — съ 1-го октября 1896 г.; по Казанскому учебному округу, домашній учитель *Николаевъ*—съ 16-го февраля 1901 г.

Отдается старшинство въ чинѣ *коллежскаго ассессора*, по Варшавскому учебному округу, лектору Императорскаго Варшавскаго университета *Михайлову*—съ 26-го сентября 1891 г.

(12-го октября 1901 года, № 78). *Назначаются*: директоры: Вологодскаго Александровскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Артемьевъ*, Аренсбургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Быстровъ* и инспекторъ Полангенской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Буковицкій*—директорами: первый—С.-Петербургской 10-й гимназіи, второй—Вологодскаго Александровскаго реальнаго училища и третій—Аренсбургской гимназіи; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Ильяшенко*—инспекторомъ студентовъ сего университета.

Переводится на службу, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, помощникъ столоначальника главнаго военно-медицинскаго управленія, коллежскій ассессоръ *Дорожкинъ*—чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Красноуфимскаго промышленнаго училища, назначенный съ 1-го сентября директоромъ Николаевскаго средняго механико-техническаго училища, статскій совѣтникъ *Гуржеевъ*, съ 5-го августа.

(19-го октября 1901 года, № 79). *Назначаются*: членъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Балашевъ*—членомъ совѣта министра, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, магистръ сравнительнаго языковѣдѣнія, статскій совѣтникъ *Буличъ*—ординарнымъ профессоромъ того же института, по русскому и церковно-славянскому языкамъ, съ 1-го сентября; инспекторъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ *Мышковъ*—директоромъ Новобугской учительской семинаріи.

Утверждаются: въ званіи камергера Высочайшаго двора, статскій совѣтникъ *Михалковъ*—почетнымъ попечителемъ Ярославской гимназіи, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; исправляющій должность адъюнктъ-профессора Рижскаго политехническаго института фонъ-*Денферъ* — въ исправляемой имъ должности.

Предоставляется уволенному отъ службы, согласно прошенію, за выслугою срока, исправлявшему должность адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, статскому совѣтнику *Павлову*—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

(29-го октября 1901 года, № 80). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Щербаковъ* — съ 10-го декабря 1900 г.; профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ медицины *Волковъ*—съ 13-го мая 1901 г.; директоръ Ростовскаго на-Дону средняго механико-химико-техническаго и ремесленнаго училища *Прасоловъ* — съ 25-го апрѣля 1896 г.; чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ *Петровскій* — съ 27-го марта 1901 г.; правитель канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа *Богдановъ* — съ 1-го февраля 1901 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, доктора медицины: *Геркенъ* — съ 1-го мая 1900 г. и *Савченко*—съ 5-го декабря 1900 г., Харьковскаго (сверхштатный), докторъ медицины *Гавронскій*—съ 25-го мая 1900 г., С.-Петербургскаго, докторъ минералогіи и геогнозіи *Земятченскій* — съ 4-го апрѣля 1901 г. и Варшавскаго, магистръ фармаціи *Давыдовъ* — съ 30-го апрѣля 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: правитель канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа *Демантъ*—съ 5-го мая 1901 г. и причисленный къ министерству *Рожковъ* — съ 12-го августа 1899 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: ученый инженеръ-технологъ *Шкателовъ* — съ 27-го октября 1899 г., ученый лѣсоводъ 1-го разряда *Орловъ* — съ 1-го декабря 1900 г. и кандидатъ сельскаго хозяйства *Калугинъ* — съ 27-го февраля 1901 г.; экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета, доктора медицины: *Никольскій*—съ 18-го ноября 1898 г. и *Гутниковъ*—съ 20-го августа 1899 г.; по Императорской академіи наукъ, младшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ *Кузнецовъ*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ *Истоминъ* — съ 18-го іюля 1901 г. и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ греческой словесности *Новосад-*

скій—съ 11-го іюля 1889 г.; по С.-Петербургскому учебному округу, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Романовъ* — съ 24-го сентября 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: причисленные къ министерству: *Готье*—съ 8-го октября 1900 г. и *Шмеллингъ*—съ 31-го января 1901 г.; инспекторъ для наблюденія за промышленными училищами при особомъ отдѣленіи департамента народнаго просвѣщенія, для завѣдыванія промышленными училищами, *Москалевъ*—съ 11-го іюня 1892 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, причисленный къ министерству *Астаховъ*—съ 16-го мая 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: причисленный къ министерству *Виссендорфъ* — съ 27-го марта 1901 г.; по Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ, исправляющій должность смотрителя и казначея музеевъ *Келлатъ* — съ 16-го сентября 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ уголовнаго права, надворный совѣтникъ *Піонтковскій*— съ 29-го января 1901 г. и профессоръ Рижскаго политехническаго института, инженеръ путей сообщенія *Кирштейнъ* — съ 17-го декабря 1900 г.; *коллежскаго совѣтника*: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго: докторъ политической экономіи, коллежскій ассессоръ *Залѣсскій* — съ 20-го іюля 1900 г. и докторъ греческой словесности *Шестаковъ*—съ 12-го іюля 1900 г. и Московскаго, докторъ физики *Лебедевъ*—съ 28-го февраля 1900 г.; адъюнктъ-профессора: Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: инженеръ-технологи: надворный совѣтникъ *Носачъ* — съ 1-го января 1900 г. и коллежскій ассессоръ *Бобарыковъ*—съ 1-го октября 1900 г. и Рижскаго политехническаго института, магистръ сельскаго хозяйства, надворный совѣтникъ *Шталь-Шредеръ* — съ 1-го февраля 1900 г.; директоръ Кологривскаго низшаго сельско-хозяйственно-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова, кандидатъ сельскаго хозяйства, коллежскій регистраторъ *Рыковъ* — съ 30-го декабря 1895 г.; *коллежскаго ассессора*, по Императорской академіи наукъ, завѣдывающій отдѣленіемъ сѣти станцій Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи *Шостаковичъ* — съ 1-го января 1900 г.; *титулярнаго совѣтника*, профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ медицины *Салазкинъ*—съ 10-го декабря 1891 г., по степени лѣкаря;

коллежскаго секретаря, директоръ Турьинскаго горнаго училища, *Эйхе*—съ 19-го февраля 1901 г., по званію инженеръ-технолога.

Назначаются: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Тульской, статскій совѣтникъ *Зеленецкій* и Смоленской, статскій совѣтникъ *Новлянскій* — директорами учительскихъ семинарій: первый — Новинской, а второй — Киржачской; инспекторъ классовъ Павловскаго института, причисленный къ государственной канцеляріи, магистръ русской словесности, коллежскій совѣтникъ *Бороздинъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, по русской словесности съ 1-го сентября, съ оставленіемъ его причисленнымъ къ означенной канцеляріи; приватъ-доцентъ Демидовскаго юридическаго лицея, магистръ гражданскаго права *Никоновъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же лицея, по гражданскому праву.

Утверждается, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ всеобщей исторіи *Ардашевъ*—въ исправляемой имъ должности.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ гражданскаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Азаревичъ*, съ 1-го сентября, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; причисленный къ министерству, статскій совѣтникъ *Лопатинъ*, съ производствомъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, на основаніи п. 2 ст. 792 уст. служб. прав. (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

(5-го ноября 1901 года, № 81). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ греческой словесности *Новосадскій*—съ 11-го іюля 1893 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, инспекторъ для наблюденія за промышленными училищами при особомъ отдѣленіи департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія сими училищами *Москалевъ*—съ 11-го іюня 1895 г.

Утверждается въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ, по Харьковскому учебному округу, бывшій сверхштатный ассистентъ Харьковскаго ветеринарнаго института, нынѣ въ отставкѣ, *Богомоловъ*—съ 27-го іюня 1894 г., по степени ветеринара.

Назначаются: учитель Тифлисской первой, Великой Княгини

Ольги Өеодоровны, женской гимназіи, статскій совѣтникъ *Писютевичъ*—директоромъ Эриванской учительской семинаріи; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ богословія *Меліоранскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ церковной исторіи.

III. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(16-го октября 1901 года, № 9). *Оставляются* на службѣ по выслугѣ установленныхъ сроковъ по учебной части: на одинъ годъ: статскіе совѣтники: директоры гимназій: Екатеринбургской, *Өедоровъ*—съ 6-го іюня и Самарской *Рѣдниковъ*—съ 19-го іюня; директоры реальныхъ училищъ: Великолуцкаго — *Бѣлавинъ*, Екатеринославскаго—*Яржембковскій*, оба—съ 1-го іюля; Калужскаго—*Карякинъ*, съ 1-го и Сумскаго—*Грицай*, съ 18-го августа и директоръ Бѣлгородскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ларіоновъ*—съ 20-го августа 1901 г.; на два года: статскіе совѣтники, директоры гимназій: Ахтырской, *Миротворцевъ*—съ 3-го іюня, Бердянской, *Мудрохъ*—съ 10-го августа и Симбирской, *Котовщиковъ*—съ 28-го сентября и дѣйствительные статскіе совѣтники: директоръ Моршанскаго реальнаго училища *Клеммъ*—съ 25-го іюня, и директоры народныхъ училищъ губерній: Курской, *Дубасовъ*—съ 15-го августа и Минской, *Акоронко*—съ 22-го сентября 1901 г.; по 1-е іюля 1903 г.: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Одесскаго учебнаго округа—*Соловьевъ*; директоры гимназій: Одесской Ришельевской—*Бѣлицкій*; Одесской 2-й—*Пятницкій*; Николаевской—*Балыкъ*; Кишеневской 1-й—*Соловьевъ*, и Кишиневской 2-й—*Алаевъ* и Ялтинской, статскій совѣтникъ *Преображенскій*; директоры реальныхъ училищъ: Херсонскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Месняевъ* и Одесскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовъ* и директоры народныхъ училищъ губерній: Таврической, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дьяконовъ* и Херсонской, статскій совѣтникъ *Уаровъ*; на три года: статскіе совѣтники: директоры гимназій: Орловской, *Петрученко* и Казанской 2-й, *Десницкій*—оба съ 1-го августа и директоръ Саратовскаго реальнаго училища *Іонинъ-Батемировъ*— съ 16-го сентября 1901 г.; на пять лѣтъ: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Рижскаго учебнаго округа *Поповъ*—съ 1-го іюля; директоры гимназій: С.-Петербургской 2-й, *Давиденковъ*—съ 1-го ав-

густа; Архангельской, *Громовъ*—съ 1-го августа; Лубенской, *Крутковъ*—съ 1-го іюля и Глуховской, *Лазаренко*—съ 11-го октября; завѣдывающіе гимназіями при историко-филологическихъ иститутахъ: Императорскомъ С.-Петербургскомъ, наставникъ-руководитель *Аквилоновъ*—съ 1-го іюля, и въ Нѣжинѣ, наставникъ-руководитель *Абрамовъ*—съ 18-го іюня, и директоръ Владикавказскаго реальнаго училища *Нюблингъ*—съ 1-го іюля и статскіе совѣтники: директоры гимназій: Минской, *Адо*—съ 3-го августа, Ростовской-на-Дону, *Капетанаки*—съ 1-го іюля, Прилукской, *Фирсовъ*—съ 20-го августа и Серпуховской, *Буслаевъ*—съ 12-го августа, директоръ реальныхъ училищъ: Царскосельскаго, *Фомиліантъ*—съ 10-го іюня; Бѣлостокскаго, *Егоровъ*—съ 14-го сентября и Барнаульскаго, *Рябининъ*—съ 16-го іюля; директоръ Порѣцкой учительской семинаріи, *Милославскій*—съ 1-го августа, и директоры народныхъ училищъ: Саратовской губерніи, *Карповъ*—съ 28-го сентября; Уфимской губерніи, *Троицкій*—съ 23-го августа; Сыръ-Дарьинской области, *Граменицкій*—съ 1-го іюля и Бакинской губерніи и Дагестанской области, дѣйствительный статскій совѣтникъ, *Тхоржевскій*—съ 1-го февраля 1901 года.

Перемѣщаются: начальникъ Калишской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Васильевъ*—начальникомъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, съ 1-го сентября 1901 г.; директоръ Гатчинскаго реальнаго училища имени Императора Александра III, статскій совѣтникъ фонъ-*Гефтманъ*—директоромъ С.-Петербургскаго III реальнаго училища, съ 24-го августа 1901 г.; директоръ Вольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Іонинъ-Батемировъ*—директоромъ Саратовскаго реальнаго училища, съ 14-го сентября 1901 г.; директоръ Новобугской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Бондаренко*—директоромъ Преславской учительской семинаріи, съ 6-го октября 1901 г.; директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, статскій совѣтникъ *Демковъ*—директоромъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, съ 5-го августа 1901 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія, уволенному отъ службы, согласно прошенію, 14-го сентября 1901 г., бывшему директору народныхъ училищъ Костромской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Петровскому*—за свыше 40-лѣтнюю отлично-усердную и ревностную службу.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

18. (17-го августа 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго члена Ковенскаго окружнаго суда Михаила Михаиловича Павловича при Ковенской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу двѣсти* рублей, представленнаго наслѣдниками умершаго члена Ковенскаго окружнаго суда, Михаила Михаиловича Павловича, учреждается при Ковенской мужской гимназіи одна стипендія имени „Михаила Михаиловича Павловича".

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ % бумагахъ, хранится въ Ковенскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Ковенской мужской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго налога, выдаются въ началѣ каждаго полугодія родителямъ стипендіата или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 4. Выборъ и назначеніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи. Стипендіатъ избирается изъ числа учениковъ гимназіи, безъ различія національности, вѣроисповѣданія и даже степени успѣшности его въ занятіяхъ, но единственно лишь по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ стипендіи присоединяются къ основному капиталу ея, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Ковенской гимназіи, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе Ковенской губерніи, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 8. Всѣ недоразумѣнія, могущія возникнуть при примѣненіи настоящаго положенія, разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

19. (21-го августа 1901 года). *Положеніе о стипендіи бывшаго Владимірскаго губернскаго предводителя дворянства дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михайловича Леонтьева при дворянскомъ пансіонѣ Владимірской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *семь тысячъ девятьсотъ* руб., пожертвованнаго Владимірскимъ дворянствомъ и заключающагося въ процентныхъ билетахъ 4% государственной ренты цѣнностью: въ 5.000 руб. за № 402, въ 1.000 руб. за №№ 4734 и 4735, въ 500 р. за № 1227, въ 200 руб. за № 1130 и по 100 руб. за №№ 5270 и 5271, учреждается при дворянскомъ пансіонѣ Владимірской мужской гимназіи стипендія имени бывшаго Владимірскаго губернскаго предводителя дворянства Михаила Михайловича Леонтьева.

§ 2. Капиталъ этотъ присоединяется къ спеціальному дворянскому капиталу, собранному на содержаніе 35 воспитанниковъ дворянскаго пансіона и заключающемуся въ разныхъ процентныхъ бумагахъ, на сумму 247.600 руб., хранящихся въ сундукѣ Владимірскаго дворянства въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ капитала въ 7.900 руб., ежегодно вмѣстѣ съ процентами съ спеціальнаго капитала, въ суммѣ 10.165 руб., вносятся въ мѣстное губернское казначейство въ спеціальныя средства Владимірской гимназіи, по содержанію дворянскаго пансіона.

§ 4. Назначеніе стипендіата имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михайловича Леонтьева изъ потомственныхъ дворянъ Владимірской губерніи, записанныхъ въ дворянскую родословную книгу, и родъ родителей которыхъ записанъ въ ту же книгу не менѣе 25 лѣтъ, предоставляется непосредственно Михаилу Михайловичу Леонтьеву, при его жизни, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ и изложенныхъ въ постановленіяхъ дворянства 16-го января 1888 г., а затѣмъ назначеніе кандидатовъ на эту стипендію исходитъ непосредственно отъ Владимірскаго губернскаго предводителя дворянства съ соблюденіемъ указанныхъ выше правилъ.

§ 5. Означенный стипендіатъ подчиняется всѣмъ существующимъ нынѣ правиламъ, установленнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и изложеннымъ въ положеніи о дворянскомъ пансіонѣ, утвержденномъ министромъ народнаго просвѣщенія 30-го іюня 1842 года.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

20. (23-го августа 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина при Новоалександровскомъ городскомъ, по положенію 31-ю мая 1872 года, училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Новоалександровскомъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти* рублей *пятьдесятъ четыре* коп., собраннаго по подпискѣ въ Новоалександровскомъ уѣздѣ для увѣковѣченія памяти Александра Сергѣевича Пушкина по случаю исполнившагося 26-го мая 1899 года столѣтія со дня рожденія поэта.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $4^0/_0$ государственной рентѣ, хранится въ Новоалександровскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Новоалександровскаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшему, безъ различія вѣроисповѣданій, сословія и званія, ученику упомянутаго училища, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, и сохраняется за нимъ въ теченіе прохожденія имъ всего курса училища.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища, коему принадлежитъ и право лишать его стипендіи въ случаѣ малоуспѣшности въ наукахъ или же неодобрительнаго поведенія, при чемъ стипендія можетъ быть передана другому ученику.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи, проценты съ капитала, равно какъ и могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ или присоединяются къ основному капиталу, или же расходуются, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта на пособія ученикамъ.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Новоалександровскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе этого послѣдняго.

21. (27-го августа 1901 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина при Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра)

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждаются восемь стипендій имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу* рублей, отчисленнаго Елабужской городской думой изъ своихъ средствъ, въ ознаменованіе исполнившагося 26-го мая 1899 года столѣтія со дня рожденія великаго русскаго поэта.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты въ *одну тысячу* рублей, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ означеннаго училища, оставаясь на все время существованія означеннаго училища неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе восьми избранныхъ стипендіатовъ, при чемъ въ случаѣ, если плата за ученіе въ Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ будетъ увеличена или уменьшена, то соотвѣтственно этому должно измѣниться и число стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ Елабужскаго городского училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Елабужскаго городского училища, съ участіемъ городского головы.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

22. (31-го августа 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Ипполита Прокофьевича Кулешевича при Новороссійской Александринской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Новороссійской Александринской женской гимназіи учреждается стипендія имени Ипполита Прокофьевича Кулешевича, на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу триста* рублей, пожертвованнаго сослуживцами И. П. Кулешевича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются ежегодно на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшей, безъ различія вѣроисповѣданій и сословій, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, ученицѣ гимназіи, изъ дѣтей служившихъ или служащихъ лицъ на желѣзно-дорожной станціи Новороссійскъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки принадлежитъ пожизненно И. П. Кулешевичу, а по смерти его попечительному совѣту гимназіи.

§ 6. Остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала выдаются въ началѣ декабря каждаго года той же стипендіаткѣ или родителямъ ея на покупку для нея учебныхъ пособій, одежды и т. д.

§ 7. Въ случаѣ же совершеннаго отсутствія въ какомъ-либо году означенныхъ кандидатокъ на замѣщеніе стипендіи неизрасходованные проценты прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи въ послѣдующіе годы.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

23. (4-го сентября 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Ѳ. А. Хартахая при Маріупольской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1878 года, утверждено за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Маріупольской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени основателя сей гимназіи и перваго предсѣдателя ея педагогическаго совѣта Ѳ. А. Хартахая, на счетъ *двухсотъ* рублей, ежегодно отпускаемыхъ для этой цѣли Маріупольскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.

§ 2. Стипендія выдается ученицѣ гимназіи, изъ дѣтей недостаточныхъ жителей города Маріуполя или его уѣзда, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 3. Стипендіальная сумма употребляется на взносъ платы, за ученіе въ названной гимназіи избранной стипендіатки и на ея содержаніе до окончанія ею курса.

§ 4. Право избранія стипендіатки предоставляется Маріупольской уѣздной земской управѣ, по представленіи педагогическимъ совѣтомъ гимназіи кандидатокъ.

§ 5. Объ избранной стипендіаткѣ управа доводитъ до свѣдѣнія предсѣдателя педагогическаго совѣта.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

24. (18-го сентября 1901 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени дворянина Фердинанда-Александра Игнатьевича Чижевскаго при Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1893 года, утверждено за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени дворянина Фердинанда-Александра Игнатьевича Чижевскаго, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью капитала въ *три тысячи девятьсотъ десять* рублей *девяносто пять* коп.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ $4^{0}/_{0}$ государственной ренты, хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Виленскаго

Маріинскаго высшаго женскаго училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдаются двумъ избраннымъ стипендіаткамъ, при чемъ выдача стипендій производится по полугодіямъ до окончанія стипендіатками курса наукъ въ Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ, подъ расписки родителей или опекуновъ стипендіатокъ.

§ 4. Стипендіи выдаются бѣднѣйшимъ ученицамъ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, римско-католическаго исповѣданія, изъ дѣтей дворянъ фамиліи Чижевскихъ, преимущественно Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатки избираются и утверждаются педагогическимъ совѣтомъ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, коему предоставляется право лишать стипендіи стипендіатокъ въ случаѣ ихъ малоуспѣшности, неодобрительнаго поведенія или по какимъ-либо другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Объ открывшихся стипендіатскихъ вакансіяхъ дѣлаются публикаціи въ мѣстныхъ газетахъ на счетъ процентовъ со стипендіальнаго капитала.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ закрытія Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, стипендіальный капиталъ передается съ тою же цѣлью въ другое подобнаго рода женское учебное заведеніе гор. Вильны, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

25. (29-го сентября 1901 года). *Положеніе о четырехъ стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Васильевича Демидова при Вязниковскомъ низшемъ техническомъ училищѣ имени Базанова.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *шесть тысячъ* рублей, пожертвованнаго товариществомъ льнопрядильныхъ и полотняной фабрикъ

коммерціи совѣтника Василія Федоровича Демидова, учреждается при Вязниковскомъ низшемъ техническомъ училищѣ имени Базанова четыре стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина, Василія Васильевича Демидова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность названнаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ сего училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала въ 6.000 рублей, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на содержаніе четырехъ бѣднѣйшихъ учениковъ Вязниковскаго низшаго техническаго училища имени Базанова изъ дѣтей, служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ товарищества В. Ф. Демидова, безъ различія происхожденія и сословія, но православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ производится педагогическимъ совѣтомъ училища съ согласія правленія товарищества В. Ф. Демидова.

§ 5. Избранные стипендіаты пользуются стипендіями во все время обученія ихъ въ училищѣ, если они будутъ заслуживать того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе, по какимъ-либо причинамъ, образоваться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ сему капиталу для увеличенія числа стипендій.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Вязниковскаго низшаго техническаго училища имени Базанова въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для употребленія по назначенію.

§ 9. Въ случаѣ прекращенія дѣйствій товарищества В. Ф. Демидова распоряженіе стипендіями, изложенное въ пп. 3 и 4 настоящаго проекта положенія, предоставляется единственно педагогическому совѣту при условіи, чтобы стипендіи назначались дѣтямъ жителей гор. Вязниковъ или Вязниковскаго уѣзда безъ различія происхожденія и сословія, но православнаго вѣроисповѣданія.

26. (30-го сентября 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Любови и Модеста Исаковыхъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *восемь тысячъ* рублей заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, пожертвованнаго С.-Петербургскому университету Лидіею Модестовною Спицыной, рожденной Исаковой, и Любовью Модестовною Исаковой, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія имени покойныхъ родителей ихъ „Любови и Модеста Исаковыхъ".

§ 2. Капиталъ стипендіи хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ капиталовъ, пожертвованныхъ С.-Петербургскому университету, составляя его неприкосновенную собственность.

§ 3. Стипендія выдается студентамъ С.-Петербургскаго университета христіанскаго вѣроисповѣданія, всѣхъ факультетовъ, съ соблюденіемъ существующихъ на сей предметъ правилъ для частныхъ стипендій вообще.

§ 4. При жизни жертвовательницъ Лидіи Модестовны Спицыной и Любови Модестовны Исаковой стипендія назначается избранному ими кандидату изъ числа студентовъ С.-Петербургскаго университета, если кандидатъ жертвовательницъ удовлетворяетъ условіямъ, установленнымъ дѣйствующими правилами для назначенія частныхъ стипендій студентамъ. Для этого, когда стипендія сдѣлается свободной С.-Петербургскій университетъ извѣщаетъ о семъ жертвовательницъ, которыя письменно увѣдомляютъ университетъ объ избранномъ ими, по взаимному соглашенію, кандидатѣ на стипендію. Если таковаго соглашенія и увѣдомленія о немъ отъ жертвовательницъ не послѣдуетъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня извѣщенія ихъ университетомъ, стипендія назначается по усмотрѣнію университета, согласно § 3-го сего „Положенія".

§ 5. По смерти одной изъ жертвовательницъ избраніе кандидата на стипендію сохраняется за оставшеюся въ живыхъ. По смерти обѣихъ жертвовательницъ стипендія назначается по усмотрѣнію С.-Петербургскаго университета, согласно § 3-го сего „Положенія".

§ 6. Могущіе образоваться отъ выдачи стипендіи остатки при-

соединяются къ капиталу, или обращаются на выдачу пособія студентамъ, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ по окончаніи имъ курса въ университетѣ, или по выходѣ изъ университета до окончанія курса.

27. (5-го октября 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени попечительницы Ростовской на Дону Екатерининской женской гимназіи, жены потомственнаго почетнаго гражданина Капитолины Семеновны Панченко при означенной гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній отъ 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Ростовской на Дону Екатерининской женской гимназіи, учреждается стипендія имени попечительницы означенной гимназіи, жены потомственнаго почетнаго гражданина Капитолины Семеновны Панченко, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго ею съ этою цѣлью капитала въ тысячу рублей, по случаю исполнившагося 25-лѣтія гимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Ростовскомъ на Дону казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Ростовской на Дону Екатерининской женской гимназіи, и составляетъ ея неотъемлемую собственность, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, при этомъ въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія билетовъ государственной ренты, попечительный совѣтъ гимназіи обязанъ пріобрѣсти взамѣнъ ихъ другія государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, по своему усмотрѣнію.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки, а остатки выдаются ей на пріобрѣтеніе книгъ, учебныхъ пособій и т. д.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ приходящихъ учениц православнаго исповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки принадлежитъ К. С. Панченко, а по смерти ея попечительному совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіатка лишается стипендіи въ случаѣ малоуспѣшности

или неодобрительнаго поведенія, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта и съ вѣдома К. С. Панченко.

§ 7. Стипендіатка, оставшаяся на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ, не лишается стипендіи, если непереходъ ея въ слѣдующій классъ произошелъ по причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ уважительными.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 9. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

28. (10-го октября 1901 года). *Положеніе о стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II при Суджанскомъ уѣздномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 2-го октября 1901 г., при Суджанскомъ уѣздномъ училищѣ, въ память исполнившагося въ семъ городѣ сорокалѣтія со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, учреждается стипендія Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, съ отнесеніемъ расхода по сему предмету, въ размѣрѣ *семи* руб., согласно постановленію Суджанской городской думы, въ текущемъ году на остатки отъ кредита по народному образованію, а съ будущаго года, на сумму, имѣющую быть ежегодно заносимой въ общую смѣту городскихъ расходовъ.

§ 2. Стипендіальная сумма употребляется на взносъ платы за ученіе въ Суджанскомъ уѣздномъ училищѣ избраннаго стипендіата.

§ 3. Стипендія выдается бѣднѣйшему ученику изъ дѣтей жителей гор. Суджи безъ различія сословій, православнаго вѣроисповѣданія, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется Суджанской городской думѣ, которая можетъ лишать стипендіата стипендіи, въ случаѣ его малоуспѣшности или дурного поведенія, удостовѣренныхъ непосредственнымъ училищнымъ начальствомъ.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ стипендіальной суммы остатки причисляются къ специальнымъ средствамъ училища.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Суджанскаго уѣзднаго училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендія передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вѣковъ. *П. П. Владимірова*, ординарнаго профессора Императорскаго Университета Св. Владиміра. Кіевъ. 1900. Стр. IV+375+VIII+47+I таблица+17+4+4+10+II+II. Цѣна 3 руб.“ —рекомендовать для ученическихъ библіотекъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „О преподаваніи новыхъ языковъ въ коммерческихъ и реальныхъ училищахъ. *П. И. Нея*, преподавателя нѣмецкаго языка въ училищахъ: Кіевскомъ Коммерческомъ, Кіевскомъ Реальномъ Св. Екатерины и въ Торговыхъ Классахъ Н. А. Терещенко. Кіевъ. 1901. Стр. 61. Цѣна не обозначена,“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ заслуживающую особаго вниманія преподавателей новыхъ языковъ въ означенныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Deutsche Autoren. Band 8. Märchen und Erzählungen moderner deutscher Schriftsteller. Russische Schulausgabe für mittlere Klassen von *P. Ney*. Kiew. 1900. 268. S. Preis gebunden 75 Kop.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и въ ученическія библіотеки этихъ заведеній.

— Книгу: „Дополненія къ курсу алгебры, требуемыя программами конкурсныхъ экзаменовъ. Составилъ *П. Шмулевичъ (З. К.)*, инженеръ Путей Сообщенія. Складъ изданія у автора: С.-Пб., Ямская ул., домъ № 46, кв. № 30. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+264. Цѣна 1 р. 50 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Elementarbuch der Englischen Sprache von Dr. *I. Foelsing*, weiland Professor am französischen Gymnasium zu Berlin. Achtundzwanzigste Auflage, bearbeitet von Professor Dr. *John Koch*, Oberlehrer am Dorotheenstädtischen Realgymnasium zu Berlin. Hamburg (u. Berlin). Verlag von Henri Grand. 1898. Стр. X+215."— 2) „An Abstract of English Grammar with Examination-Questions. Partly compiled from Adams, Angus, Allen and Cornwell, Latham, Morris. Murray. Smart, Webster, John Earle, and others. By Dr. *Sonnenbury*. Fourth Edition revised. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1890. Стр. IV+112".—3) „Einführung in das geschäftliche Englisch. Anhang zu Einführung in die englische Sprache für höhere Bürgerschulen, Fortbildungsschulen, Gewerbeschulen etc. von Dr. *Edmund Wilke*. Oberlehrer am Realgymnasium in Leipzig. Zweite Ausgabe. Leipzig und Wien. Verlag von Raimund Gerhard. 1897. Стр. 59".—4) „Ausgabe A. Elementarbuch der englischen Sprache für höhere Lehranstalten. Von Dr. *Georg Dubislav*, Professor an der I. Städtischen Realschule, und *Paul Boek*, Oberlehrer an dem Königstädtischen Realgymnasium zu Berlin. Achte Auflage. Berlin. 1899. R. Gaertners Verlagsbuchhandlung. Стр. VIII+183".—5) „Manual of Mercantile Correspondence in two Languages—English and German. By Messrs *L. Simon*, Dr. *Chr. Vogel*, *H. P. Skelton* & *W. C. Wrankmore*. Two Volumes. Seventeenth Edition, revised and improved by Professor Dr. *Chr. Vogel* & Mr. *Leland Mason*. First Volume: English—German. Taschenbuch der Handelskorrespondenz in deutscher und englisher Sprache. Versehen mit einer Anleitung zum leichten Erlernen des kaufmännischen Briefstils. In zwei Teilen. Ursprünglich herausgegeben von *L. Simon*, Dr. *Chr. Vogel*, *H P. Skelton* & *W. B. Wrankmore*. 17. Auflage. Durchgesehen und verbessert von Professor Dr. *Chr. Vogel* & *Leland Mason*. Erster Teil: Englisch-Deutsch, Leipzig. Verlag von G. A. Gloeckner. 1899. Стр. XII+203".—6) „То же. Zweiter Teil: Deutsch-Englisch. Second Volume. German-English. Стр. XII+232"—допустить къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) „Literature Primers. Edited by *John Richard Green*, M. A. Englisch Literature from A. D. 670 to A. D. 1832. By *Stopford A. Brooke*, M. A. Partly rewritten and largely revised and corrected. London. 1900. Стр. 192".—2) Практическій учебникъ англійскаго языка по наглядному методу. Часть I-я. Составили *А. В. Макъ-Клиландъ*, преподаватель англійскаго языка въ Московской Практи-

ческой Академіи и въ Александровскомъ Коммерческомъ училищѣ, и *Максъ Фишеръ*. М. 1898. Стр. XVI+107+49+II. Цѣна 1 руб.— Часть II-я. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1899. Стр. VII+IV+279+82. Цѣна 2 р."—3) „24 картины для нагляднаго обученія англійскому языку съ приложеніемъ русскаго ключа и обозначеніемъ произношенія англійскихъ словъ русскими буквами. Составилъ *А. В. Макъ-Клиландъ*, преподаватель англійскаго языка въ Московской Практической Академіи и въ Александровскомъ Коммерческомъ училищѣ, и *Максъ Фишеръ*. М. 1898. Стр. VIII+57. Цѣна 30 коп."—4) „Пособіе для устныхъ и письменныхъ упражненій при изученіи англійскаго языка. Англійско-русскій вокабулярій. Систематическій сборникъ словъ и выраженій разговорнаго языка съ обозначеніемъ произношенія и ударенія. Составили *А. В. Макъ-Клиландъ*, преподаватель англійскаго языка въ Московской Практической Академіи и въ Александровскомъ Коммерческомъ училищѣ, и *Максъ Фишеръ*. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1899. Стр. VII + 117. Цѣна 70 коп." — 5) „The Berlitz Method for teaching modern languages. English Course. New and revised edition. Intended chiefly for the use of Russian learners. *By G. Adams*. Moscow. Edition belonging to the library of V. V. Doumnoff. Firm of the heirs of „Salaeff Brothers". 1891. Стр. VII+107. Цѣна 75 коп."— 6) „Англійскій словарь къ учебнику *Флери* „Разсказы и описанія, избранные изъ лучшихъ русскихъ авторовъ". Изданіе К. Тихомирова. М. 1900. Стр. 98. Цѣна 30 коп."—7) „Stepping-Stones, an English Reading-Book for the use of schools, compiled by *B. E. E.* St. Petersburg. 1887. Стр. IX+365".—8) „Руководство къ скорому и легкому изученію англійскаго языка, по методѣ д-ра *Ф. Ана*. Въ 2-хъ частяхъ. М. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. 1868. Стр. 208. Цѣна 1 руб."— 9) „The Royal School Series. № I. Royal Readers. First Series. Illustrated. London. 1900. Стр. 88"—допустить къ употребленію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, въ которыхъ преподается англійскій языкъ.

— Изданіе: „Таблицы плодоводства для школы и дома, примѣнительно къ сочиненіямъ о плодоводствѣ *Др. Э. Лукаса. Фр. Лукаса*, директора помологическаго института въ Рейтлингенѣ, и инспектора сельскаго хозяйства *Баха*, директора Великокняжеской школы садоводства въ Карлсруэ, составилъ *Зенгеръ*, главный учитель въ Сульцбургѣ [въ Баденѣ]. Переводъ съ нѣмецкаго. Содержаніе: Таблица 1.

Прививка [облагораживаніе] и воспитаніе плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ; Таблица II: Посадка, защита и уходъ за деревьями. Рига. Изданіе Н. Киммеля. 1901. Цѣна не обозначена"—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ „Коллекція Карманныхъ Словарей": 1) „Французско-русскій Карманный словарь составилъ *Е. Яковлевъ.* Изданіе 6-е. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Іогансона. Кіевъ 1901. Стр. IV+406 въ 16 д. Цѣна 50 коп."— 2) „Русско-французскій карманный словарь. Изданіе 3-е. Составилъ *П. Г. Спиваковъ.* Южно-Русское Книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1901. Стр. II+732 въ 16 д. Цѣна 60 коп."—допустить къ употребленію въ качествѣ пособія, при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

— Книгу: „Cours pratique de langue française d'après la méthode naturelle (réelle). Par *L. N. Fumel,* Maître de langue française aux deux Ecoles Municipales supérieures de la ville d'Odessa. Deuxième édition, revue, corrigée et considérablement augmentée. Практическій курсъ французскаго языка по натуральному [реальному] методу. Составилъ *Л. Н. Фюмель,* преподаватель французскаго языка въ двухъ Одесскихъ городскихъ 6-ти классныхъ училищахъ. Изданіе второе. Пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное. Одесса 1896. Стр. VI+344. Цѣна 1 руб."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ низшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Изданіе: „Жизнь животныхъ *Брэма.* Полный переводъ со второго нѣмецкаго изданія, вновь обработаннаго *Рихардомъ Шмидтлейномъ* для школы и домашняго чтенія, подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета *А. С. Догеля.* Третій томъ. Пресмыкающіяся, земноводныя, рыбы, насѣкомыя, низшія животныя. Съ 10 хромолитографіями, 16 черными таблицами, 1 картой и 713 рисунками въ текстѣ, исполненными Л. Бекманомъ, Р. Кречмеромъ, В. Кюнертомъ, Г. Мютцелемъ, Фр. Шпехтомъ и др. С.-Пб. Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе". 1902. Стр. XLIII+1066. Цѣна: 20 выпусковъ по 35 коп., въ роскош. перепл. 8 руб."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ

училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ. Историко-литературныя характеристики *А. П. Пятковскаго*. [Съ приложеніемъ двухъ портретовъ и писемъ къ автору: кн. Одоевскаго, барона Г. А. Жомини и княгини М. А. Вяземской]. Изданіе третье, редакціи „Наблюдателя". С.-Пб. 1901. Стр. 167. Цѣна 1 руб. 50 коп."— одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и допустить въ безплатныя народныя читальни.

— Изданіе: „Сказки русскаго народа. Избраны, изложены и изданіе редактировано *В. А. Гатцукомъ*. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1899—1900. Выпуски: IX [стр. 257—288], X [стр. 289—320], XI [стр. 321—352], XII [стр. 353—384], XIII [стр. 385—416]. Цѣна за выпускъ 25 к."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Изданіе Товарищества «Знаніе» С.-Петербургъ, Невскій, 92. *Тиндаль*. Звукъ. Съ англійскаго.—Переводъ *М. А. Антоновича*. Второе русское изданіе, свѣренное съ послѣднимъ шестымъ англійскимъ изданіемъ и съ нѣмецкимъ переводомъ А. Гельмгольцъ и Кл. Дюбуа-Реймонъ, дополненное по шестому англійскому изданію. 204 иллюстраціи въ текстѣ. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+242. Цѣна 1 руб. 50 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ въ награду, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Изданіе: „Стѣнныя таблицы для преподаванія физики *Р. Менцеля*. 30 таблицъ съ объяснительнымъ текстомъ. Цѣна 10 руб. Изданіе Н. Киммеля въ Ригѣ" — таблицы одобрить въ качествѣ класснаго учебнаго пособія, подлежащаго пріобрѣтенію на средства учебныхъ заведеній, объяснительный же текстъ къ таблицамъ признать требующимъ исправленія по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Изданіе: „Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія и скорописи, съ приложеніемъ французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ прописей. Составилъ учитель каллиграфіи въ гимназіяхъ *В. Пожарскій*. Изданіе шестое. С.-Пб. 1901. Стр. IV+

51 + 2 табл. Цѣна 40 коп." — одобрить для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебнаго руководства.

— Изданія: 1) „Для среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ, народпыхъ и церковно-приходскихъ школъ. Курсъ чистописанія и скорописи. Составилъ учитель каллиграфіи въ гимназіяхъ *Пожарскій*. Изданіе седьмое 1901 г. Цѣна 20 коп. [Прописи русскія]". 2) „Supplément du cours complet de calligraphie russe. Modèles d'écriture français. Édité par *W. Pojarsky*, maitre de calligraphie aux gymnases. 1901. Prix 20 c. [Прописи французскія]". 3) „Beilage zum vollständigen Kursus des russischen Schönschreibens. Deutsche Vorschriften geschrieben und herausgegeben von *W. Poscharsky*, Kalligraphie-Lehrer an mehreren Gymnasien. 1901. Preis. 20 k. [Прописи нѣмецкія]." 4) „Addita ad plenum cursum calligraphiae russicae. Praescripta latina a magistro calligraphiae in gymnasiis *V. Poscharscio* composita. Anno MCMI. Цѣна 20 коп. [Прописи латинскія]." 5) „Ἐπίθετα ἐπὶ πλήρει κύκλῳ τῆς ῥωσσικῆς καλλιγραφίας. Ἑλληνικὰ προγράμματα σύνθετα ὑπὸ διδασκάλου τῆς ἐν τοῖς γυμνασίοις καλλιγραφίας Β.Ποζαρσκίου. 1901. Цѣна 20 коп. [Прописи греческія]." и 6) „Основное правило каллиграфіи и круглаго письма [Ronde] съ собраніемъ различныхъ алфавитовъ, какъ-то: готическихъ: русск., французск. и нѣмецк., славянскаго, римскаго, итальянскаго, рельефнаго и фрактурнаго нѣмецк. письма, монограммъ и прописей въ виньеткахъ. Составилъ учитель каллиграфіи въ гимназіяхъ *В. Пожарскій*. 1901. Цѣна 50 коп."—одобрить для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебныхъ пособій.

— Книгу: „Taschenbuch der Handelskorrespondenz in deutscher und französischer Sprache. In zwei Teilen. Ursprünglich herausgegeben von *I. Schantz*, *Fr. Courvoisier*, *P. H. Skelton*, *D. Kaltbrunner* und *C. F. Dénervaud*. Versehen mit einer Anleitung zur leichtern Erlernung des kaufmännischen Briefstiels. 19. Auflage, erweitert und verbessert von Direktor Dr. *Chr. Vogel* in Mexico. II. Teil. Deutsch-französisch. Leipzig. Verlag von G. A. Gloeckner. 1899. XII+289 S. Preis 2 Mk." — одобрить, по примѣру 1-ой части, въ качествѣ учебнаго руководства для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) „Manuel de la langue usuelle adapté à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique par *Edmond Bouhon*, maitre de langue française aux Gymnases [III

et IV] des Demoiselles et à l'école réelle de l'Eglise réformée. Moscou. Edition de la librairie V. V. Doumnoff sous raison: «Héritiers des frères Salaeff». 1895. Стр. IV+168. Цѣна 60 коп." 2—4). „Vocabulaire de la II-ème partie du Manuel de la langue usuelle adapté à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique par *E. Bouhon*, maître de langue française aux Gymnases [III et IV] des Demoiselles et à l'Ecole Alexandre-Marie. Вокабулярій ко II-ой части руководства къ изученію французскаго разговорнаго языка приспособилъ для среднихъ и высшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній *Эдмондъ Бугонъ*, преподаватель III и IV московскихъ женскихъ гимназій и Александро-Маріинскаго училища. Москва. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1896. Стр. II + 39. Цѣна 20 коп. — То же къ III-ей части руководства. М. 1896. Стр. II + 39. Цѣна 20 коп. — То же къ IV-ой части руководства. М. 1896. Стр. II + 35 Цѣна. 20 к." 5) „Recueil classique français à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique par *Edmond Bouhon*. Prose. Deuxième édition. Moscou. Edition de la librairie V. Doumnoff sous raison „Héritiers des frères Salaeff". 1897. Стр. VIII +342. Цѣна 1 руб." 6) „Appendice du recueil classique français [Prose et poésie] par *E. Bouhon*, maître de langue française aux gymnases des Demoiselles [III et IV] et à l'Ecole Alexandre-Marie. Moscou. Edition de la librairie V. V. Doumnoff sous raison „Héritiers des frères Salaeff". 1896. Стр. II+193. Цѣна 60 к." 7) Recueil classique français. Prose et poésie par *Edmond Bouhon*, maître de langue française aux gymnases des Demoiselles [III et IV] et à l'Ecole Réelle Réformée. Dictionnaire. Классическій французскій сборникъ. Проза и поэзія. Составилъ *Эдмондъ Бугонъ*, преподаватель французскаго языка III и IV женскихъ гимназій и Реальнаго реформатскаго училища. Словарь. Москва. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". 1893. Стр. X+264. Цѣна 1 р. 25 коп."—1) одобрить книгу подъ № 1 [Manuel de la langue usuelle] въ качествѣ учебнаго руководства, а книги подъ № 2—4 [вокабулярій ко II, III и IV части руководства]—въ качествѣ учебныхъ пособій при означенномъ руководствѣ, для среднихъ и старшихъ классовъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій министерства; и 2) книги подъ №№ 5, 6 и 7 — одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ классовъ муж-

скихъ и для среднихъ и высшихъ классовъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Краткій курсъ аналитической геометріи, съ упражненіями. [Пособіе для начинающихъ изученіе Аналитической Геометріи] *В. Г. Алексѣева*, ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета. Юрьевъ. 1902. Стр. VIII+224. Цѣна 2 р. 50 к." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Практическій курсъ нѣмецкаго языка по наглядному методу. Для домашняго обученія, низшихъ классовъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Составила *Е. Головачева* подъ редакціей *Р. Гретмана*. Съ 22-мя политипажами въ текстѣ. Часть I. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". Москва 1899. Стр. VIII+224. Цѣна 75 коп." — одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ низшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Составилъ адъюнктъ-астрономъ Пулковской обсерваторіи и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета *А. А. Ивановъ*. С.-Пб. 1901. Стр. 46+I. Цѣна 50 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Учебникъ Ботаники для реальныхъ училищъ. Составилъ *М. Варавва*, преподаватель Московскаго Учительскаго Института. Со многими политипажами въ текстѣ. Изданіе 8-е, исправленное и дополненное, согласно съ утвержденною 26-го іюля 1895 г. г. министромъ народнаго просвѣщенія учебною программою для реальныхъ училищъ. Москва. Складъ изданія въ книжн. маг. В. Думнова подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". 1897. Стр. IV+204. Цѣна 1 р. 35 к."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Object Lessons in English for beginners. Compiled by *E. Goffe*. St. Petersburg. 1901. [Стр. VIII+153. Цѣна не обозначена]"—допустить въ качествѣ руководства при изученіи англійскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

— Книгу: „*А. и Ф. Гербертсонъ*. Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Переводъ съ англійскаго *А. Александровой*. Съ 97 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе Д. М. Орѣхова. 1901. Стр. X+215. Цѣна 1 руб."—допустить въ библіотеки старшаго

возраста всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „*Сергѣй Мечъ*. Географія какъ наука и какъ учебный предметъ. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Географическаго Отдѣла Общества любителей естествознанія въ Москвѣ. Второе изданіе. Москва. 1899. Стр. 28. Цѣна 20 коп."—допустить въ библіотеки VIII класса женскихъ гимназій.

— Изданіе: „Народовѣдѣніе. Проф. д-ра *Фридриха Ратцеля*. Переводъ со 2-го, совершенно переработаннаго нѣмецкаго изданія, съ разрѣшенія издателей оригинала, съ библіограф. указателемъ и дополненіями *Д. А. Коропчевскаго*. Въ 2 томахъ. Съ рисунками въ текстѣ, хромолитографіями, черными картинами и картами въ красках. С.-Пб. 1900 и 1901. Цѣна 12 р. 60 коп. за полное сочиненіе"—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— Книгу: „Государственное ученіе Филарета митрополита Московскаго. *В. Н.* Изданіе 3-е—вновь дополнен. М. 1888, I—X, 1—199 стр. Цѣна 40 к."—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ: учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ и народныхъ училищъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Изданіе: „Юный Читатель. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. За 1899 и 1900 годъ. 24 книжки въ годъ in 16°. Цѣна 2 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой. Изданіе и редакція женщинъ-врачей *Е. Казакевичъ-Стефановской*, *А. Острогорской-Малкиной* и *Э. Пименовой*"—допустить въ ученическія, младшаго и средняго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Учебникъ еврейской исторіи для еврейскаго юноше-

ства. Составилъ *С. М. Дубновъ*. Часть I. Древнѣйшая (библейская) исторія. 2-е, исправленное изданіе. Одесса. 1900. Стр. 139. Цѣна 50 коп."—одобрить для употребленія въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается еврейская исторія.

— Книгу: „*Анатоль Франсъ*. Пчелка. Переводъ съ французскаго *Е. Г—ой*. М. 1899. Стр. 99. Цѣна 35 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „*А. Сизова*. Механикъ-самоучка Иванъ Кулибинъ. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Разсказы о Польшѣ и Полякахъ. Составилъ *Г. Р.* Съ 31 рисункомъ. № 329. М. 1899. Стр. 77. Цѣна 20 к."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги изданія Д. Г. Алексѣева, подъ общимъ заглавіемъ „Разсказы о жаркой странѣ": 1) *Н. Рубакинъ*. Приключенія среди черныхъ дикарей. Съ рисунками. С.-Пб. 1901. Стр. 240. Цѣна 45 коп."—2) „*Н. Рубакинъ*. Приключенія въ странѣ рабства. Съ рисунками. С.-Пб. 1901. Стр. 142. Цѣна 40 коп."—допустить первую въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, а вторую въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, среднихъ учебныхъ заведеній (средняго возраста) и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*В. Г. Бажаевъ*. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1900. Стр. VI+304+29. Цѣна 1 р. 35 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Элементарный курсъ русской грамматики въ связи съ грамматическими упражненіями и приложеніемъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ. Составилъ учитель приготовительнаго класса С.-Пб. Перваго реальнаго Училища *А. Кусовниковъ*. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники Бр. Салаевыхъ». С.-Пб. 1901. Стр. IV+114+II. Цѣна 40 коп."—допустить къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: „Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія. Подъ редакціей Проф. *А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтера* и *М. В. Довнаръ-Запольскаго.* Изданіе Д. И. Тимковскаго“: 1) „Богданъ Хмельницкій гетманъ Малороссія. Историческій очеркъ въ двухъ частяхъ *И. Катаева.* М. 1901. Стр. 96. Цѣна 15 коп.“—2). „Царь Иванъ Грозный и его время. Очеркъ *С. Князькова.* М. 1900. Стр. 110. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „*А. В. Кругловъ.* Немудреное счастье. Романъ въ двухъ частяхъ. С.-Пб. 1895. Стр. 302. Цѣна 1 р.“—2) „Труженики моря. Романъ *Виктора Гюго.* С.-Пб. Томъ I. Стр. 252+III. Томъ II. Стр. 206+II. Томъ III. Стр. 88. Цѣна каждаго тома 25 коп. Изданіе А. С. Суворина (Дешевая библіотека №№ 240—242)“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*В. П. Сальковъ.* Андижанское возстаніе въ 1898 г. (Сборникъ статей). Изданіе П. П. Сальковой. Казань. 1901. Стр. IV+129. Цѣна не обозначена“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „*Н. Березинъ.* Въ когтяхъ халифа. Разсказы плѣнныхъ европейцевъ о царствѣ Махди. Съ иллюстраціями. С.-Пб. 1901. Стр. 105. Цѣна 50 коп.“—2) „*Н. Березинъ.* Приключеніе въ пустынѣ. Эпизодъ изъ путешествія Свенъ-Хедина по Средней Азіи. Съ 13 рисунками и картой въ текстѣ. С.-Пб. 1901. Стр. 78. Цѣна 40 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую же, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

— Книги: 1) „Аравія и Магометъ. Ученіе Магомета и распространеніе ислама. Историческій очеркъ *Е. Волковой.* М. 1901. Стр. 122+II. Цѣна 40 коп. (Изданіе В. Линдъ и Д. Байкова)“.—2) „Несчастный женихъ. Историческій разсказъ изъ временъ царствованія Бориса Годунова. 1602 годъ. *Е. Волковой.* М. 1899. Стр. 103. Цѣна 20 коп.“—3) „*Е. Волковой.* Первая фабрика на Руси. Историческій разсказъ изъ временъ Царя Іоанна Грознаго. Изданіе В. В. Осмоловской. М. 1901. Стр. 136. Цѣна 25 коп.“—допустить первую—въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, вторую и третью—въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Диктовки въ связи съ уроками русскаго правописанія. (Примѣнительно къ программѣ преподаванія грамматики въ начальныхъ училищахъ). Составилъ *Т. Лубенецъ*. Кіевъ. 1901. Стр. 54. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Практическая грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Для казенныхъ городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Составилъ *Ав. Ѳ. Соколовъ*. Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 140. Цѣна 40 коп. Изданіе книгопродавца А. Я. Панафидина“—одобрить для класснаго употребленія въ низшихъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ.

— Книгу: „Опытъ задачника для письменныхъ упражненій въ изложеніи мыслей для городскихъ, по полож. 1872 г., уѣздныхъ, сельскихъ двухклассныхъ и др. училищъ. Курсъ 3-го и 4-го отдѣленія городскихъ училищъ. Составилъ *В. Паринъ*. Редакція А. И. Анастасіева. Казань. 1899. Стр. IV+62. Цѣна 20 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „*В. Беллюстинъ*. Методика ариѳметики. Составлена согласно примѣрной программѣ М. Н. П. 1) Курсъ младшаго отдѣленія начальной школы. М. 1899. Стр. 69. Цѣна 20 коп. 2) Курсъ средняго отдѣленія начальной школы. М. 1900. Стр. 82. Цѣна 20 коп. 3) Курсъ старшаго отдѣленія начальной школы съ приложеніемъ статей «Рѣшеніе задачъ» и «Общія методическія положенія». М. 1901. Стр. 95. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книги: „*В. Беллюстинъ*. „1) Ариѳметическій задачникъ для 1-го года обученія. Составленъ согласно примѣрной программѣ М. Н. Пр. М. 1899. Стр. 53. Цѣна 10 коп.—2) Ариѳметическій задачникъ для 2-го года обученія. Составленъ согласно примѣрной программѣ Мин. Нар. Пр. М. 1899. Стр. 74. Цѣна 10 коп.—3) То же. Изданіе 2-е. М. 1901. Стр. 74. Цѣна 10 коп. — 4) Ариѳметическій задачникъ для 3-го года обученія. Составленъ согласно примѣрной программѣ Мин. Нар. Пр. М. 1900. Стр. 60. Цѣна 10 коп.—5) То же. Изданіе 2-е. М. 1901. Стр. 60. Цѣна 10 коп.“—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „*В. Беллюстинъ*. Дневникъ занятій по ариѳметикѣ въ начальной школѣ. Изданіе 2-е. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 12 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книги: 1) „Молочное хозяйство (научно-практическое руководство). Д-ра *В. Кирхнера*. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія подъ редакціею Ф. С. Груздева и Ив. А. Каширскаго. С.-Пб. Изданіе П. П. Сойкина. Стр. XIX+689. Цѣна 3 руб.“ — 2) „О томъ, на что нужно обращать вниманіе при покупкѣ лошади и указанія на главныя плутни лошадиныхъ барышниковъ при продажѣ и покупкѣ ими лошадей. *А. Ѳ. Тельнихина*. Житоміръ. 1900. Стр. 68. Цѣна 25 коп.“— 3) „Руководство для русскихъ пчеловодовъ. Важнѣйшія правила рамочнаго пчеловодства и подробныя указанія какъ строить рамочные ульи самому. Состав. *Ив. Ив. Трубниковъ*. М. 1900. Стр. IV+112. Цѣна 1 руб.“ — 4) „Проф. *П. Н. Кулешовъ*. Альбомъ породъ крупнаго рогатаго скота, разводимаго въ Россіи. С.-Пб. Изданіе журнала «Хозяинъ». Цѣна альбома съ текстомъ 3 р.“—5) „Руководство къ огородничеству. *М. Рытовъ*. Выпускъ 1-й. Стр. LX+224. Цѣна 60 коп. — Выпускъ 2-й. Стр. 291. Цѣна 60 коп. — Выпускъ 3-й. Стр. 328. Цѣна 60 коп. С.-Пб. Изданіе журнала «Хозяинъ». (Книжки хозяина. №№ 1, 2 и 3). — 6) „Кустовое плодоводство. Составилъ *І. Беттнеръ*. Переводъ съ нѣмецкаго Т. Г. Гончарукъ. Съ приложеніемъ статьи Р. И. Шредера. С.-Пб. Изданіе журнала «Хозяинъ». (Книжки хозяина. № 11)“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры, изданныя Отдѣломъ Распростран. духовно-нравственныхъ книгъ, при Моск. Обществѣ Любит. духовн. просвѣщ.: 1) „Козельщанская икона Божіей Матери. М. 1900. Стр. 15. Цѣна 2 коп.“—2) „Житіе иже во святыхъ отца нашего Андрея, архіепископа Критскаго. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“—3) „Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодора Студита. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 5 коп.“—4) „Жизнь и чудеса блаженнаго Николая Качанова, Христа ради юродиваго, Новгородскаго Чудотворца. (27-го Іюля). Изданіе 2-е. М. 1901. Стр. 32. Цѣна не обозначена“. — 5) „О силѣ и дѣйственности краткой молитвы ко Господу. 5-е изданіе. М. 1901. Стр. 32. Цѣна не обозначена“—допустить въ народныя библіотеки и читальни, а первыя четыре также и въ ученическія библіотеки начальныхъ школъ.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ „Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ“, изданія О. Ц. Поповой: 1) „Герои Южной Африки. Республики Трансвааль и Оранжевая. Исторія, страна, нравы. Съ 16 рисунками и картой. Очеркъ *Д. Котляръ*. С.-Пб. 1900. Стр. 143. Цѣна 60 коп.“—2) „Профессоръ *А. Н. Красновъ*. Индія и Цейлонъ.

Съ 19 рисунками въ текстѣ. С.Пб. 1900. Стр. 101. Цѣна 40 коп."— допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки: 1) „*Д. Л. Мордовцевъ*. 200 лѣтъ назадъ. (Стрѣльцы XVII вѣка). Сердце — не камень. С.-Пб. 1900. Стр. 36. Цѣна 10 коп. («Книжка за книжкой». 101)". — 2) „*В. И. Немировичъ-Данченко*. Близнецы. С.-Пб. 1900. Стр. 63. Цѣна 15 коп. («Книжка за книжкой». 102)". — 3) „*В. И. Немировичъ-Данченко*. Пріемышъ отца Веденея. Повѣсть. С.-Пб. 1900. Стр. 102. Цѣна 25 коп. («Книжка за книжкой». 103)" — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Объ обязанностяхъ учителя начальнаго народнаго училища. Опытъ краткаго руководства для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и учителей начальныхъ училищъ. Составилъ *Александръ Тарнавскій*. 2-ое дополненное изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1899. Стр. 309 + II. Цѣна 1 руб."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы авторомъ при слѣдующемъ изданіи книги опредѣленіе ученаго комитета было напечатано на ея оберткѣ полностью, безъ опущенія слова „учительскихъ", какъ то нынѣ сдѣлано г. Тарнавскимъ на второмъ изданіи.

— Книжку: „Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ П. Ганзена). Москва. 1901. Стр. 92. Цѣна 20 коп. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». («Новая библіотека»)—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки изданія книгопродавца А. Я. Панафидина: 1) „Иванъ Сусанинъ. Составилъ *А. I. Волкъ*. Москва. 1901. Стр. 24. Цѣна 10 коп."—2) „Подвиги простыхъ русскихъ людей Ерофея Хабарова и Семена Дежнева. Москва. 1900. Стр. 52. Цѣна 10 коп." — 3) „Гутенбергъ изобрѣтатель книгопечатанія. Составилъ *Н. Слѣпцовъ*. Москва. 1900. Стр. 55. Цѣна 10 коп." — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Авраамъ Линкольнъ, освободитель невольниковъ въ Америкѣ. Москва. 1900. Стр. 59. Цѣна 20 коп. Изданіе книгопродавца А. Я. Панафидина" — допустить въ ученическія библіотеки, средняго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Повѣсти и разсказы *А. Н. Плещеева* Съ портретомъ, гравированнымъ Брокгаузомъ, и біографическимъ очеркомъ. Подъ ре-

дакціей П. В. Быкова. Томъ I (1847—1859). С.-Пб. 1896. Стр. XXVI + 742. Томъ II (1859—1868). С.-Пб. 1897. Стр. 724 + II. Цѣна за оба тома 7 рублей. Изданіе А. А. Плещеева"—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія: 1) „Азбука русская и славянская. На 109 карточкахъ. Цѣна 50 коп. (Изданіе В. В. Думнова)".—2) „Прописи для народныхъ школъ. Составилъ *А. Тихомировъ*. Изданіе 6-е, К. И. Тихомирова. Москва. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „*А. Покровскій*. Русскій и церковно-славянскій букварь для дѣтей младшаго отдѣленія начальныхъ народныхъ училищъ съ книгою для чтенія и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Самара. 1900. Стр. 86 + V. (Цѣна не обозначена)"—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, съ условіемъ исправленія ея при слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книжку: „Краткій очеркъ исторіи западной Россіи, Литвы и Польши. *И. В. Шелепинъ*. 2-е, значительно дополненное, изданіе. Вильна. 1901. Стр. 54. Цѣна 15 коп." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „*И. Е. Евсѣевъ*, преподаватель Московскаго Учительскаго Института. Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ съ краткимъ руководствомъ къ обученію письму (учебное пособіе для начальныхъ школъ). Изданіе 6-е (переработанное). Москва. 1901. Изданіе В. В. Думнова. Стр. 16. Цѣна 8 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Брошюру: „О пьянствѣ и его вредныхъ послѣдствіяхъ. Составилъ Свящ. *Павелъ Максименко*. Изданіе 2-е. Ставрополь. 1901. Стр. 25. Цѣна 10 коп." — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Воздухъ, насъ окружающій. Москва. 1900. Стр. 45. Цѣна 20 коп. Изданіе книжнаго склада А. Я. Панафидина" — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Разсказы о землѣ. Профессора *Ю. Вагнера*. Съ 22 рисунками. № 361. Москва. 1899. Стр. 61. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Изданіе: „Краткій учебный атласъ всеобщей географіи. Составилъ *А. Линбергъ*. 3-е изданіе совершенно переработанное. Москва. 1901. Табл. 10. Цѣна 60 коп.“—допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Книгу: „Священная исторія для дѣтей, выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завѣта *Анною Зонтагъ*, урожд. Юшковою. Изданіе 9-е. Москва. 1871. Часть I. Стр. 392 + IV. Часть II. Стр. 404 + IV. Цѣна за двѣ части 1 руб. Изданіе братьевъ Салаевыхъ“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры, изданныя А. Я. Панафидинымъ: 1) „Вулканы и землетрясенія. Составилъ *Н. Н. Слѣпцовъ*. Москва. 1900. Стр. 79. Цѣна 25 коп.“—2) „Вода въ трехъ видахъ. Составилъ *Н. Н. Слѣпцовъ*. Москва. 1900. Стр. 79. Цѣна 20 коп.“ —допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книжку: „*Ав. Ѳ. Соколовъ*. Сборникъ диктантовъ. Дополнительная книжка къ методической грамматикѣ. Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное. Москва. 1899. Стр. VI + 88. Цѣна 20 коп. Изданіе книжнаго магазина М. Д. Наумова“—одобрить для класснаго употребленія въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Александръ Великій. Иллюстрированная историческая монографія профессора *Веніамина Уилера* (съ англійскаго). Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы“. С.-Пб. 1900. Стр. II+175. Цѣна 1 р. 50 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Сборникъ разсказовъ. Путеводитель. Поволожье, Пріуралье и лечебныя степи. Пути сообщенія, замѣч. мѣстности и особен. края: горно-заводск., лечебн., промышл., историческія и др. Сост. *М. Массальскій*. Карта путей Россіи. Планы 6. столицъ у г. Царева и с. Болгары. Рисунки изображ. народные типы, монеты, украшенія, зданія и т. п. Сборникъ 1-й. С.-Пб. Стр. 6+III+VIII+82+47+40+136+44+9. Изданіе Ѳ. Суринъ.“ (Цѣна не обозначена)—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книжку: „Жизнь святого Иннокентія, перваго епископа Иркутскаго. Изданіе книжнаго магазина П. И. Макушина. Томскъ. 1898. Стр. 49.“ (цѣна не обозначена) —допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и чи-

тальни и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ была обозначена цѣна книжки.

— Книгу: „Живой источникъ. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Для дѣтей школьнаго возраста. Составилъ *Н. Покровскій*. Съ рисунками. Москва. 1900. Стр. 80. Цѣна 30 коп. Издатель В. С. Спиридоновъ“—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни.

— Книжку: „Деревенскія бесѣды. Сочиненіе *К. Л. Ярославской*. С.-Пб. 1887. Стр. 47. Цѣна 25 к. Изданіе книжнаго магазина Н. Г. Мартынова. (Народная Читальня)“ — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки: 1) „Какъ живутъ Японцы. Составила *В. Овчининская*. Съ 65 рисунками. № 325. Москва. 1899. Стр. 182+II. Цѣна 40 коп.“ — 2) „Замѣчательный работникъ. Жизнь башмачника-натуралиста Томаса Эдварда, изложилъ по Смайльсу *А. Н. Канаевъ*. Съ портретомъ Эдварда. Оригинальные рисунки рисовали В. С. Шпакъ и Левъ Бакстъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. MDCCCXCIX. Стр. 87. Цѣна 45 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Богъ въ природѣ. По сочин. Фламмаріона и Текмы Гумпертъ въ перераб. Н. Гроттъ. Составилъ *Д. Водовозовъ*. Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 16. Цѣна 5 коп. Изданіе Н. С. Аскарханова“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги *М. Т. Ярошевской*: 1) „Первоначальная географія съ картинами. Выпускъ 1-ый. Свѣдѣнія изъ математической и физической географіи. (Краткое міровѣдѣніе и землевѣдѣніе). М. 1899. Стр. 42. Цѣна 15 коп.“—2) „То же. Выпускъ 2-й. Географія Россійской Имперіи съ краткимъ очеркомъ добывающей и обрабатывающей промышленности и 36-ю рисунками, изображающими виды св. мѣстъ, замѣчательныхъ городовъ, бытъ народовъ и промыслы. М. 1899. Стр. 43 — 120. Цѣна 25 коп.“ — 3) „То же. Выпускъ 3-й. Западная Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія. М. 1899. Стр. 121 — 176. Цѣна 20 коп.“—4) „Первоначальная географія съ картинами. Содержаніе: краткое описаніе Россіи и свѣдѣнія изъ математической, физической и всеобщей географіи. М. 1899. Стр. 176. Цѣна 60 коп.“— 5) „То же. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. IV + 176. Цѣна 60 коп.“—допустить къ классному употребленію въ низшихъ училищахъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Изданіе Императорскаго Русскаго Общества Садоводства, подъ заглавіемъ „Сводъ русской литературы по техникѣ садоводства",— одобрить для библіотекъ сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ.

— Брошюры, изданныя *К. А. Казначеевымъ*: 1) „Смолы и эфирныя масла", *П. А. Лидова*. Москва, 1898 г. Цѣна 1 руб. 20 коп. съ перес.—допустить въ библіотеки промышленныхъ училищъ по химической спеціальности, 2) „Машины и станки для обработки картона". Москва, 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пер. 25 коп.—допустить въ библіотеки тѣхъ же училищъ по механической спеціальности, и 3) „Теорія и практика проклейки бумаги", *Л. П. Жеребова*. Москва, 1900 г. Цѣна 60 коп.—одобрить для библіотекъ тѣхъ промышленныхъ училищъ, въ коихъ изучается писчебумажное производство.

— Книгу *А. М. Настюкова* „Чистыя культуры дрожжей въ виноделіи". Москва, изд. *К. А. Казначеева* 1898 г., 47 стр. съ рисунками въ текстѣ и 3-мя таблицами черт. Цѣна 1 руб. съ перес.— одобрить для библіотекъ среднихъ и низшихъ химико-техническихъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Опытъ методики элементарнаго курса рисованія, съ приложеніемъ статьи объ орнаментѣ", составленную преподавателемъ 2-й Одесской городской женской гимназіи *Н. Пріемышевымъ*. Одесса. 1900 г.—по соглашенію съ основнымъ отдѣломъ ученаго комитета, допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ промышленныхъ училищъ, а равно ее въ библіотеки педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— Еженедѣльный иллюстрированный журналъ: „Промышленное садоводство и огородничество" за 1899 и 1900 гг. — допустить въ библіотеки тѣхъ сельскохозяйственно-техническихъ училищъ, въ которыхъ преподается садоводство и огородничество.

— Книгу *В. А. Долбина*, подъ заглавіемъ: „Курсъ законовѣдѣнія. Практическое руководство по изученію законовъ и пользованію ими. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1896 г. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ техническихъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Оренбургскаго учебнаго округа преобразовано въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1901 года Уфимское 2-хъ классное городское училище въ 3-хъ классное.

— Въ текущемъ году открыты слѣдующія городскія, по положенію 31-го мая 1872 года, училища: Вознесенское, Херсонской губерніи 3-хъ классное, учрежденное 9-го сентября при 76 учащихся, Ялтинское, Таврической губерніи, 3-хъ классное, учрежденное 10-го сентября при 70 учащихся, и Григоріопольское, Херсонской губерніи, 2-хъ классное, учрежденное 12-го сентября при 51 учащемся.

— Съ начала 1901 учебнаго года состоялось открытіе городскихъ училищъ: 1-го Кишиневскаго — при 5 учащихъ и 184 учащихся и 2-го Кишиневскаго — при 4 учащихъ и 152 учащихся.

— Съ начала 1901 учебнаго года преобразовано Гостынинское 3-хъ классное городское училище въ 4-хъ классное.

— 26-го августа 1901 года состоялось открытіе Красноуфимскаго городского 3-хъ класснаго училища при 82 учащихся.

— 11-го сентября 1901 года состоялось открытіе въ гор. Бѣлостокѣ, Гродненской губерніи, 4-хъ класснаго городского училища имени А. С. Пушкина.

— 14-го сентября 1901 года открыто въ с. Выхватинцахъ, Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи, — двухклассное приходское по уставу 8-го декабря 1828 года училище имени А. Г. Рубинштейна, при 110 учащихся обоего пола.

— 16-го сентября 1901 года состоялось открытіе въ гор. Павлодарѣ, Семипалатинской области, 4-хъ классной женской прогимназіи, въ составѣ первыхъ двухъ классовъ при 22 учащихся.

— 16-го сентября 1901 года состоялось открытіе педагогическаго курса при Воронежской женской прогимназіи.

— 23-го сентября 1901 года состоялось открытіе въ гор. Оханскѣ, Пермской губерніи, женской 4-хъ классной прогимназіи при 45 учащихся.

— 26-го сентября 1901 года состоялось открытіе въ гор. Вильнѣ 3-хъ класснаго городского училища при 98 учащихся.

— 1-го октября 1901 года въ м. Топорищахъ, Житомірскаго уѣзда, Волынской губерніи открыто двухклассное приходское по уставу 8-го декабря 1828 года фундушевое училище при 144 учащихся обоего пола.

— На основаніи разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, въ г. Екатеринославѣ открыто 23-го сентября 1901 года второе реальное училище въ составѣ двухъ первыхъ классовъ и приготовительнаго, въ которые принято 139 мальчиковъ. Какъ ежегодные расходы по содержанію училища, такъ и единовременные по первоначальному его обзаведенію приняты городомъ Екатеринославомъ на свои средства.

— Ново-Острропольское и Романовское одноклассныя народныя училища Новоградъ-Волынскаго уѣзда 1-го сентября 1901 г. преобразованы въ двухклассныя сельскія училища и съ того же числа открыты учебныя занятія въ первомъ училищѣ при 105 и во второмъ при 195 учащихся.

— 7-го октября 1901 г. состоялось открытіе въ м. Мяделѣ, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи, двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія (преобразованнаго изъ однокласснаго) при 78 учащихся (58 учениковъ въ I классѣ и 20 во II классѣ).

— 15-го октября 1901 г. въ городѣ Челябинскѣ состоялось открытіе 4-го смѣшаннаго приходскаго училища при 72 учащихся, въ томъ числѣ мальчиковъ 27 и дѣвочекъ 45.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО [1]).

XII.

„Полкъ Петровъ" и „наставничество" Менезія.

Съ легкой руки Крекшина въ нашей литературѣ вотъ уже полтора вѣка, какъ обращается легенда о потѣшномъ *Петровомъ полку*, якобы учрежденномъ еще царемъ Алексѣемъ для своего сына. Крекшинъ разсказываетъ, что государь, замѣтя въ царевичѣ воинскія наклонности, приказалъ сорока мальчикамъ („невозрастнымъ") изъ знатныхъ семей ежедневно являться ко двору, „съ которыми въ непрестанныхъ военныхъ ученіяхъ государь царевичъ забавлялся. И то его были дѣтскія забавы, и игрушки, и увеселенія". Кромѣ того, Алексѣй Михайловичъ будто бы „повелѣлъ набрать полкъ возрастныхъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ, съ знаменъ и ружьемъ и прочими полковыми вещами, и богато убрать и наименовать оный полкъ: *Петровъ*. Государя царевича Петра Алексѣевича изволилъ объявить того полка полковникомъ и по обычаю военному обо всемъ рапортовать, повелѣній отъ него требовать, что самъ великій государь своею персоною всегда наблюдалъ" [2]).

Нельзя сказать, чтобы эта легенда пользовалась въ исторической литературѣ правомъ полнаго гражданства; но она все же имѣетъ и нѣкоторыхъ сторонниковъ. Не говоря про чисто компилятивныя и популярныя изданія [3]), съ нею все же находятъ нужнымъ считаться

---

[1]) *Продолженіе.* См. октябрскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

[2]) *Крекшинъ*, изд. Сахарова, стр. 13.

[3]) Ср., напримѣръ *Л. Лебедевъ*, Жизнь Петра Великаго. Спб. 1890, стр. 9;

и даже прямо допускають ее въ трудахъ научныхъ и вполнѣ серьезныхъ. Такъ въ этомъ смыслѣ давно уже высказался И. Е. Забѣлинъ [1]). Костомаровъ [2]), полковникъ Масловскій [3]), а недавно С. Ѳ. Платоновъ [4]). Не защищая разсказа Крекшина полностью, И. Е. Забѣлинъ все же полагаетъ, что сущность его вѣрна и истинна. Авторитетный бытописатель московской старины признаетъ, что „довѣрять запискамъ въ полной мѣрѣ нельзя"; что „старикъ любилъ, и очень, разнаго рода украшенія, любилъ посочинительствовать, видя въ томъ одну изъ главныхъ задачъ своего труда. Однакожъ его сочинительство едва-ли простиралось до того, чтобъ выдумывать фактъ: онъ только узнанные имъ факты, изъ разсказовъ-ли очевидцевъ или изъ современныхъ документовъ, любилъ окружать красотами повѣствованія, любилъ даже драматизировать событія въ ущербъ ихъ простому, обыкновенному ходу. Но трудно доказать, чтобъ разсказанный имъ какой-либо фактъ не носилъ въ своихъ существенныхъ чертахъ всей правды дѣйствительнаго, а не вымышленнаго дѣла. Такъ и въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ возможности сомнѣваться въ томъ, что царь Алексѣй дѣйствительно присовокупилъ къ играмъ своего сына—по всѣмъ видимостямъ ребенка умнаго, живого, какъ говорятъ, затѣйнаго—маленькій полкъ Петровъ и самъ руководилъ игрою. Все это было простымъ, самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ общаго характера дѣтскихъ игръ въ царскомъ быту" [5]).

Одно неясно у г. Забѣлина. Крекшинъ отчетливо отдѣляетъ „невозрастныхъ", приходившихъ къ царевичу играть въ собственномъ и общепринятомъ смыслѣ этого слова, отъ „возрастныхъ", составившихъ полкъ и одѣтыхъ, какъ слѣдуетъ быть, по военному. Между

В. В. Глинскій, Царскія дѣти и ихъ наставники. М. 1899, стр. 11; *проф. П. И. Ковалевскій*, Петръ Великій и его геній. Спб. 1900, стр. 89. То же и въ недавно переизданномъ сочиненіи *Н. А. Полевого*, Исторія Петра Великаго. М. 1899, стр. 10.

[1]) Дѣтскіе годы Петра Великаго. Въ „Опытахъ", ч. I, стр. 1—50; позже въ брошюрѣ „Преображенское или Преображенскъ". М. 1883, стр. 19.

[2]) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, выпускъ шестой. Спб. 1876, стр. 538.

[3]) Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I. Спб. 1891, стр. 59.

[4]) „Отецъ Петра допустилъ къ нему, какъ говорятъ нѣкоторые современники, военнаго иностранца Менезіуса, который руководилъ его военными забавами. Этотъ Менезіусъ, кажется, былъ дѣйствительнымъ начальникомъ солдатскаго полка, называемаго Петровымъ, по имени своего номинальнаго полковника—Петра" (Лекціи по русской исторіи. Спб. 1900, стр. 426).

[5]) Опыты, ч. I, стр. 19—20.

тѣмъ г. Забѣлинъ говоритъ, и при томъ дважды, о „*маленькомъ* полкѣ Петровомъ". Что подъ этимъ прилагательнымъ онъ подразумѣваетъ именно возрастъ, а не количество участниковъ, видно изъ другой его фразы, которая будетъ приведена нами ниже и гдѣ рѣчь идетъ уже прямо о *малолѣтнихъ* солдатахъ.

Что заставило г. Забѣлина отступить отъ прямого текста Крекшина, мы не знаемъ. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ онъ руководился Голиковымъ, въ передачѣ котораго повѣствованіе Крекшина явилось въ такомъ видѣ: „Великій родитель его собралъ нѣсколько дворянскихъ единолѣтнихъ съ нимъ дѣтей и, сдѣлавъ приличное ихъ возрасту оружіе, велѣлъ ихъ обучить военнымъ выметкамъ" [1]). Чувствуя натяжку въ Крекшинѣ, г. Забѣлинъ, видимо, хотѣлъ сгладить его крайности и вмѣсто „возрастныхъ" записалъ въ „полкъ" „невозрастныхъ". Точкой опоры ему служатъ данныя, позже вошедшія въ Есиповскій сборникъ, изъ коихъ онъ выводитъ, будто бы „Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ окруженъ былъ товарищами-ровесниками. Количество потѣшныхъ знаменъ, прапорцовъ, барабанцовъ и т. п. показываетъ, что все это заготовлялось на цѣлый маленькій полкъ, который и должно разумѣть подъ именемъ упомянутыхъ робятокъ. Ровесники-робятки были спальники, стольники, карлики, составлявшіе обыкновенный дѣтскій штатъ каждаго изъ царевичей и раздѣлявшіе съ нимъ дѣтскія игры" [2]). Но указываемыя авторомъ данныя относятся не только къ 1674—1675, а и къ 1676—1680 гг., т. е. ко времени уже послѣ смерти Алексѣя Михайловича, что въ данномъ случаѣ не одно и то же. О робяткахъ, какъ участникахъ военныхъ игръ царевича, еще можно говорить за время 1676—82 гг.; но трудно допустить какую-либо „систему", переходъ „простыхъ потѣхъ почти въ школьное ученье", какъ это думаетъ г. Забѣлинъ [3]), у трехлѣтняго мальчугана, котораго, можетъ быть, только что передъ этимъ отняли отъ груди [4]). Да и количество оружія, доставленнаго въ 1674—75 гг. Мастерскою Палатою въ царскія хоромы, не таково, чтобъ дозволить подобный выводъ: матеріала хватило бы всего на нѣсколько человѣкъ, на 4—5 не больше. Да и въ маленькихъ-ли комнаткахъ, по тѣснымъ-ли помѣщеніямъ Кремлевскаго дворца было маршировать и производить свои эволюціи большому (даже только по количеству, а не возрасту) полку?

[1]) Дѣянія, I, 189.
[2]) Опыты, 18.
[3]) Опыты, 20.
[4]) См. выше гл. IX настоящихъ „Замѣтокъ".

Разъ только, въ декабрѣ 1675 г., дѣйствительно, заказана была сразу цѣлая партія игрушечнаго оружія; но можно-ли дѣлать заключенія по единичному случаю? Къ тому же и цифра его (29), особенно если принять во вниманіе разнообразіе сортовъ, не представляла ничего особеннаго: отецъ съ матерью просто хотѣли побаловать сына на предстоящихъ праздникахъ. Ни одного оружія не было взято болѣе четырехъ экземпляровъ [1]), какъ разъ на Петра и его карликовъ.

Нѣтъ, военныя потѣхи, какъ зерно серьезнаго, настоящаго дѣла, еще впереди. Если отецъ при жизни своей и приводилъ къ сыну время отъ времени сверстниковъ (что не только возможно, но и весьма даже вѣроятно), и если дѣти, играя, продѣлывали то, что обыкновенно продѣлываютъ за играми всѣ дѣти трех-четырехлѣтняго возраста, то отсюда еще далеко до „полка“ и вообще до какой-либо „системы“.

Съ легендой Крекшина И. Е. Забѣлинъ ставитъ въ связь разсказъ Невиля, въ сущности тоже легендарный и маловѣроятный. Французскій путешественникъ, въ своихъ запискахъ о Московіи 1689 г., между прочимъ сообщаетъ, что царь Алексѣй передъ самою смертью назначилъ Менезія гувернеромъ къ младшему сыну, который и оставался подъ его надзоромъ до воцаренія Іоанна Алексѣевича, когда, съ переходомъ власти къ царевнѣ Софьѣ, Менезія удалили въ Смоленскъ [2]). Такому тонкому знатоку нашей бытовой старины, какимъ является авторъ „Домашняго быта русскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ“, конечно, не могла не броситься въ глаза полная невоз-

---

[1]) 5 древокъ, 5 прапоровъ, 4 топора круглыхъ, 3 съ обушками, 2 простыхъ, 2 буздухана, 2 булавы, 4 ножика, 2 пары пистолей и карабиновъ (*Есиповъ*, Сборникъ выписокъ, I, 16).

[2]) Приводимъ это мѣсто записокъ Невиля по оригинальному тексту въ виду существеннаго разногласія его съ существующими переводами: „Ce prince (т.-е. царь Алексѣй) ne doutant plus aprés cela de son affection, le nomma en 1672 pour aller de sa part à Rome, offrir au Pape Clement la réunion de l'église russienne à la romaine, à de certaines conditions, d'où étant de retour sans aucun succez, il fut fait general major, et quelque tems aprés, le czar Alexis Samuel Errich se voyant moribond, le déclara gouverneur du jeune prince Pierre son fils, auprés duquel il a toujours demeuré jusqu' au commencement du régne du czar Jean, et depuis la princesse Sophie et le prince Galischin n'ayant pû luy faire abandonner les intérêts de Pierre, l'ont obligé d'aller demeurer à Smolensko, et de faire la dernière campagne, dans l'esperance qu'il y periroit“ (Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, à la Haye. M. D. C. XCIX, p. 9—10).

можность назначенія иноземца и иновѣрца въ дядьки и воспитатели царскаго сына: въ XVII вѣкѣ достаточно было одного имени католика, латинника, чтобы съ благочестивымъ ужасомъ отвернуться отъ такой мысли и почувствовать себя оскорбленнымъ въ самыхъ святыхъ своихъ чувствахъ. Корень благочестивѣйшаго православнаго царя поставить подъ начало папежника и, чего добраго, напоять его тлетворнымъ ядомъ нечестія!.. Нѣтъ, заслуги Менезія на поприщѣ военномъ и дипломатическомъ никакъ еще не давали ему права на такую отвѣтственную роль. Сколь ни коснулись новыя вѣянія царя Алексѣя, но самъ онъ всею своею природою глубокими корнями сросся съ устоями общественной и нравственной жизни въ томъ видѣ, какъ понимало ихъ громадное большинство русскихъ людей XVII вѣка, и самъ былъ однимъ изъ прочнѣйшихъ и неколебимѣйшихъ устоевъ этой жизни. Повторяемъ, все это болѣе чѣмъ ясно почтенному историку; но, къ сожалѣнію, его соблазнила мысль допустить Менезія въ качествѣ инструктора и руководителя того полка, о которомъ сейчасъ выше шла рѣчь. Этотъ силлогизмъ впрочемъ неизбѣжно вытекалъ изъ предшествовавшей посылки. Дѣйствительно, „*если* (какъ самъ говоритъ г. Забѣлинъ) разсказъ Крекшина объ устройствѣ маленькаго полка, съ названіемъ Петрова, справедливъ и *если* дѣтскій полкъ, вооруженный, обученный, исполнявшій формальности дисциплины, не могъ же образоваться самъ собою, при помощи однихъ дѣтей, а требовалъ руководителя, учителя, фельдфебеля, *то естественно предположить*, что былъ же этотъ учитель, устроившій игру, обучавшій полковымъ дѣйствіямъ и дисциплинѣ не только малолѣтнихъ солдатъ, но и самого трехлѣтняго Петра“ [1]). Такимъ образомъ Невилемъ подтверждался Крекшинъ; а Крекшинъ въ свою очередь послужилъ для подкрѣпленія Невиля.

Критика едва ли удовлетворится такимъ пріемомъ. Къ тому же, подобно тому какъ въ толкованіяхъ Крекшина г. Забѣлинъ отступилъ отъ прямого его свидѣтельства, такъ и у Невиля онъ извлекаетъ не совсѣмъ то, что слѣдовало бы. По Невилю, царь Алексѣй назначилъ Менезія гувернеромъ не *незадолго до своей кончины* [2]), а во время предсмертной своей болѣзни (se voyant moribond); хворалъ же онъ всего десять дней [3]). Редакція русскаго перевода [4]) допускаетъ

[1]) Опыты, 21.
[2]) Опыты, 22.
[3]) См. выше, главу XI настоящихъ „Замѣтокъ“.
[4]) Г. Забѣлинъ пользовался переводомъ *Русскаго Вѣстника* (1841, № 9,

болѣе растяжимыя понятія о времени и не идетъ въ разрѣзъ съ предположеніемъ, если его сдѣлать, что Менезій былъ приставленъ за нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, даже за полгода и больше до смерти государя (а подобное предположеніе необходимо: надо же дать *время* Менезію на все это обученіе); между тѣмъ текстъ оригинала, наоборотъ, категорично подчеркиваетъ невозможность толковать его въ духѣ г. Забѣлина, потому что если даже и допустить существованіе „Петрова полка", то не въ теченіе же тѣхъ десяти дней, когда весь Дворъ находился въ нервномъ возбужденіи и со страхомъ ожидалъ разрѣшенія кризиса, училъ Менезій царевича своей маршировкѣ [1])?..

Гипотеза г. Забѣлина въ исторической литературѣ имѣетъ своихъ сторонниковъ и противниковъ. Первые принимаютъ ее впрочемъ голословно, какъ нѣчто готовое, не приводя никакихъ соображеній въ ея пользу [2]) и, можетъ быть, даже исходятъ непосредственно изъ

стр. 605), гдѣ сказано: „Возвратясь безъ успѣха (изъ Рима), онъ (т.-е. Менезій) былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и немного спустя царь Алексій Михайловичъ, *незадолю до своей кончины*, назначилъ его гувернеромъ къ своему сыну, юному принцу Петру". Замѣтимъ, что переводъ *Русскаю Вѣстника* сдѣланъ не съ французскаго оригинала, а съ англійскаго перевода, изданнаго въ Лондонѣ въ 1699 г. (*Русскій Вѣстникъ* 1841, № 9, стр. 599, примѣч.). Та же неточность въ передачѣ оригинальнаго текста наблюдается и въ позднѣйшемъ переводѣ г. Браудо („незадолго до своей кончины". *Русская Старина* 1891, т. 71, № 9, стр. 429), какъ разъ именно въ этомъ мѣстѣ почти дословно схожемъ съ переводомъ *Русскаю Вѣстника*.

[1]) Могутъ замѣтить, что выраженіе: le déclara gouverneur еще не даетъ права говорить о *назначеніи* или *опредѣленіи* (такъ какъ этому болѣе соотвѣтствовалъ бы глаголъ nommer), а только о *заявленіи*, какъ бы публикованія, признанія Менезія наставникомъ и что такимъ образомъ „назначеннымъ" Менезій могъ быть раньше, хотя бы и за полгода до смерти царя, теперь же шла рѣчь лишь о санкціонированіи ранѣе совершившагося факта. Едва ли однако такое толкованіе текста будетъ правильнымъ. Разсказъ Невиля не даетъ никакихъ основаній предполагать, чтобы авторъ отдѣлялъ моментъ назначенія отъ момента офиціальнаго заявленія. Невиль совершенно ясно говоритъ: Менезія сдѣлали генералъ-маіоромъ, а потомъ, нѣкоторое время спустя, передъ самою смертью государя, назначили (или, если угодно, объявили) наставникомъ. Declarer въ данномъ случаѣ употреблено въ смыслѣ nommer: назначили, сдѣлали, приставили наставникомъ.

[2]) За исключеніемъ впрочемъ П. В. Синицына, доводы котораго однако приняты быть не могутъ. Г. Синицынъ полагаетъ, что Невиль „не могъ выдумать совершенно безъ основанія" своего извѣстія; что „нѣтъ причинъ сомнѣваться въ этомъ извѣстіи; если въ дядьки къ царевичу назначали знатнаго боярина, то, безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ за дядьку былъ самъ Матвѣевъ, бывшій Натальѣ Кирилловнѣ „въ отца мѣсто" — а могъ ли Матвѣевъ, сторонникъ просвѣ-

самаго Крекшина; въ той формѣ, въ какой выражены ихъ указанія, они становятся выраженіемъ ходячаго мнѣнія — не болѣе [1]). Представители противоположнаго взгляда, наоборотъ, стараются оправдать свои возраженія. Такъ еще раньше появленія статьи г. Забѣлина Устряловъ указывалъ на невозможность въ силу обычаевъ поручить воспитаніе царевича иноземцу [2]); Брикнеръ подчеркивалъ вѣроисповѣдную сторону дѣла, какъ главную помѣху для назначенія [3]); Погодинъ, оспаривая вообще возможность четырехлѣтнему ребенку, хотя бы наигеніальнѣйшему, сознать значеніе дисциплины, готовъ еще допустить присутствіе Менезія въ 1676—1682 гг., но и тутъ ему странно, что „Менезіусъ не сохранился нигдѣ въ воспоминаніяхъ Петра и что о немъ нѣтъ у насъ никакихъ извѣстій по занятіямъ при Петрѣ“ [4]); наконецъ, г. Астровъ допускаетъ одно: „Менезіусу случилось, быть можетъ, и не одинъ разъ, будучи во дворцѣ, *видѣть* игры царевича съ робятками и, какъ знающему военное дѣло,

щенія, виновникъ перваго въ Россіи театра,—„могъ ли онъ быть противъ обученія царевича свѣтскимъ наукамъ — языкамъ и проч?... Мы считаемъ за фактъ, что Петръ росъ уже по волѣ отца и при надзорѣ Матвѣева, подъ совсѣмъ другими, чѣмъ прежніе царевичи, впечатлѣніями, и что первымъ его наставникомъ былъ шотландецъ Менезіусъ, товарищъ и другъ Гордона“ (*Синицынъ*, Преображенское и окружающія его мѣста. М. 1895, стр. 16—17). Такимъ образомъ оказывается, что опору для своего вывода авторъ видитъ въ сочувствіи Матвѣева къ просвѣщенію—что само по себѣ еще ничего не доказываетъ — и въ положеніи Матвѣева при Петрѣ въ званіи дядьки,—чего на дѣлѣ совершенно не было. Говоря, что съ воцареніемъ Ѳедора Алексѣевича вмѣстѣ съ Матвѣевымъ удаленъ былъ и Менезій, авторъ косвенно и не замѣчая того признаетъ, что „наставничество“ шотландскаго офицера (если вспомнить фразу Невиля: se voyant moribond) сводилось въ сущности къ нулю.

[1]) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопамятныхъ людей. М. 1836, ч. III, стр. 308 („Вскорѣ потомъ, когда скончался Самуилъ Ерикъ, онъ опредѣленъ былъ наставникомъ къ царевичу Петру Алексѣевичу, при которомъ безотлучно находился до вступленія его на престолъ“—такъ понятъ и переданъ былъ текстъ Невиля); *Костомаровъ*, Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. шестой. С.-Пб. 1876, стр. 538; *Сборникъ* Имп. Русск. Истор. Общ. т. 62; *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона; *Трачевскій*, Учебникъ Русской Исторіи, изд. 2-е, ч. II. С.-Пб. 1900, стр. 31; *Глинскій*, Царскія дѣти и ихъ наставники. М. 1899, стр. 11—12; *Лебедевъ*, Жизнь Петра Великаго. С.-Пб. 1890, стр. 9—10; *Платоновъ* (см. выше).

[2]) Лефортъ и потѣхи Петра Великаго. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1851, № 1, стр. 41. Позже цѣликомъ вошло въ „Исторію царствованія императора Петра Великаго“, II, 17.

[3]) Peter der Grosse, 29.

[4]) Семнадцать первыхъ лѣтъ; изслѣдованія, 73, прим.

довелось дать Петру какія-нибудь указанія, о которыхъ могъ просить его самъ же Петръ, отличавшійся съ ранняго дѣтства бойкостью и беззастѣнчивостью",—подъ французскимъ же перомъ все это превратилось въ цѣлое гувернерство [1]).

Всѣ эти возраженія, признаемся, отнюдь нельзя считать окончательными, и вопросъ требуетъ еще дальнѣйшаго пересмотра, возможнаго лишь съ появленіемъ новыхъ данныхъ: мы лишь настаиваемъ на томъ, что не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ „полкѣ Петровомъ" въ царствованіе Алексѣя Михайловича, а слѣдовательно и о руководствѣ Менезія въ качествѣ инструктора; еще менѣе можно говорить о немъ, какъ о воспитателѣ.

Книга Невиля требуетъ очень осторожнаго къ себѣ отношенія; въ ней много путаннаго и фабулезнаго. Авторъ совершенно незнакомъ былъ съ страной, которую описывалъ; свой матеріалъ онъ могъ составить лишь на основаніи видѣннаго, бѣглыхъ внѣшнихъ впечатлѣній да сообщеній другихъ лицъ. Говоря о „гувернерствѣ" Менезія, онъ нѣсколькими строками выше сообщаетъ о попыткѣ къ соединенію церквей, какъ основной цѣли посольства Менезія въ Римъ въ 1672 — 1673 гг.; мы однако знаемъ, какъ далеко все это отъ истины, а потому съ естественной подозрительностью читаемъ и дальнѣйшія строки. Запись Невиля явилась, конечно, результатомъ бесѣды его съ Менезіемъ, и одинаково возможно, что или Менезій ввелъ въ заблужденіе французскаго путешественника, или что этотъ послѣдній не такъ понялъ слова своего собесѣдника. Возможно одновременно и то, и другое.

Вспомнимъ, что Менезій и Невиль именно *бесѣдовали*, а не историческое изслѣдованіе вели,—бесѣдовали, подчеркивая въ разговорѣ

---

[1]) *Астровъ*, Первое образованіе Петра Великаго. *Русскій Архивъ* 1875, № 8, стр. 479. Легенду о Менезіи еще въ XVIII столѣтіи, и повидимому основываясь на Невилѣ, распространялъ Мотлей (*John Mottley*, The history of the life of Peter I. Vol. I. London 1739, pag. 11: „...Alexis Michaelowitz, who a little before his death, which was when Peter had scarce arrived at five years of age, declared general Menesius, a scotch-man, his governor... The princess Sophia, who not being able to make Menesius abandon the interest of this her half-brother Peter, forced him to retire"); опираясь на Мотлея, и Головинъ (*J. Golovine*. Histoire de Pierre I appelé le Grand. Lpzg. 1861, pag. 15) называетъ Менезія instituteur de Pierre, замѣчая, что позорная трусость, проявленная имъ во время бунта 15-го мая 1682 г., была причиною его послѣдующаго удаленія отъ Петра. Въ иностранной литературѣ новѣйшаго времени указанная версія о Менезіи поддерживается г. Валишевскимъ, Pierre de Grand, 3-ème edit., pag. 33—34.

и выпуклѣе изображая то, что ихъ болѣе интересовало въ данную минуту, удерживая въ памяти то, что хотѣлось удержать. На Западѣ во второй половинѣ XVII столѣтія сношеній Рима съ Москвою иначе и не понимали, какъ на почвѣ церковнаго сближенія, и неудивительно, если бесѣда подчеркивала не политическія *цѣли* поѣздки,— цѣли, осуществлявшіяся формальнымъ путемъ и оставшіяся недостигнутыми—а закулисную сторону пребыванія Менезія въ Вѣчномъ городѣ, *обстановку* его переговоровъ. Прекрасно принятый въ римскомъ обществѣ, сблизившійся съ многими вліятельными лицами папскаго двора [1]), Менезій, разумѣется, не единожды бесѣдовалъ съ ними на тему, столь близкую интересамъ папскаго престола, и теперь, встрѣтя въ глухомъ провинціальномъ городкѣ схизматической Московіи единовѣрнаго и по культурѣ близкаго себѣ человѣка, естественно съ охотой вспоминалъ объ этихъ разговорахъ.

Точно также и „гувернерство" могло сложиться путемъ подобнаго ошибочнаго обобщенія. Царь Алексѣй несомнѣнно жаловалъ Менезія. Связи послѣдняго съ Нарышкиными черезъ шотландку Авдотью Петровну Гамильтонъ дѣлали его близкимъ ко двору, сохранили и по смерти государя добрыя отношенія къ царицѣ Натальѣ, которая въ царствованіе Ѳедора особенно должна была дорожить преданностью лицъ, не пожелавшихъ перейти въ чужой лагерь. Вѣроятно, что Менезій въ пріѣзды свои въ Москву бывалъ при дворѣ вдовствующей царицы, а въ 1679—81 гг. тамъ уже существовали „робятки", сверстники игръ Петра,—дѣтская игра въ войну и солдатики началась уже тогда. Менезій могъ, какъ это допускаетъ и г. Астровъ, дѣйствительно, видѣть игры царевича и дать нѣсколько указаній. Теперь, бесѣдуя съ Невилемъ въ 1689 г., когда почти уже готовы были полки Преображенскій и Семеновскій, когда уже обозначились результаты первоначальныхъ дѣтскихъ игръ,—теперь неудивительно, если Менезій нѣсколько преувеличилъ значеніе своихъ совѣтовъ и рисовалъ ихъ на почвѣ того вниманія и довѣрія, какимъ его чтили царь Алексѣй и его супруга. Въ умѣ слушателя эти совѣты отпечатлѣлись уже, какъ систематическое постоянное руководство, при томъ обусловленное именно довѣріемъ царя Алексѣя, что было тѣмъ легче, такъ какъ въ самомъ вѣдь дѣлѣ главнымъ образомъ на этомъ довѣріи и могли сложиться отношенія (хотя и мимолетныя) Менезія въ 1676—82 гг.

[1]) *P. Pierling*, Saxe et Moscou. Un médecin diplomate, p. 142.

ко двору вдовствующей царицы, если только признавать эти отношенія за дѣйствительный фактъ.

Настоящая глава была уже написана, когда въ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1900 годъ появилось окончаніе статьи Н. В. Чарыкова, подвергшаго новому пересмотру вопросъ о наставничествѣ Менезія [1]). Авторъ не рѣшается категорически утверждать фактъ наставничества шотландскаго офицера; но все же онъ ему „кажется въ высшей степени вѣроятнымъ". Новая защита Невилевской версіи не поколебала нашего отрицательнаго къ ней отношенія; но слѣдуетъ признать, что, защищая старое положеніе, г. Чарыковъ подкрѣпилъ его новыми соображеніями, привелъ въ пользу его новые факты, и потому, отстаивая свою точку зрѣнія, мы считаемъ долгомъ выяснить, почему эти новые факты, по нашему мнѣнію, все-таки не могутъ служить доказательствомъ того, что Менезій руководилъ занятіями и играми трехлѣтняго Петра.

Основная мысль г. Чарыкова сводится къ слѣдующему: не рѣшаясь говорить о существованіи „полка Петрова", онъ за то усиленно подчеркиваетъ то, что царевичъ съ раннихъ лѣтъ росъ, окруженный сверстниками, стольниками—робятками, этимъ „кадромъ" будущаго потѣшнаго войска, и что въ виду заготовленія для Петра лѣтомъ 1675 г. „статей со сто" разнаго древне-русскаго игрушечнаго оружія, можно-де съ увѣренностью говорить о воинскихъ играхъ со значительной группой сверстниковъ еще при жизни царя Алексѣя. Кромѣ того въ концѣ того же 1675 г. ребенку изготовили двѣ пары пистолей и карабиновъ,—а этотъ родъ оружія былъ новѣйшимъ, занесеннымъ съ Запада; карабинами и пистолями были вооружены иноземнаго строя рейтарскіе полки, однимъ изъ командировъ котораго былъ никто иной, какъ Менезій. „Такимъ образомъ первое оружіе иноземнаго типа попало въ руки Петра Великаго по распоряженію его отца". Мамки, на чьихъ рукахъ находился въ ту пору царевичъ, не могли показать ему ни „какъ владѣть пистолетами, или какъ приложиться изъ карабина, ни объяснить устройство и дѣйствіе ружейнаго замка". Вотъ почему „предусмотрительный" Алексѣй Михайловичъ, заказавъ для сына рейтарское оружіе. не могъ не озаботиться способомъ ознакомленія ребенка съ новой интересной игрушкой. Въ данномъ случаѣ могъ быть пригоденъ лишь спеціалистъ военнаго дѣла, таковыми были

[1]) „Павелъ Менезій, его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Великомъ".

иноземные офицеры, изъ нихъ же осенью 1675 г. никто не былъ такъ почтенъ царемъ и приближенъ къ его семьѣ, какъ Павелъ Менезій [1]).

Ходъ разсужденія у автора вполнѣ ясенъ и послѣдователенъ. Но если даже и признать правильность его выводовъ изъ сдѣланныхъ посылокъ, то еще вопросъ, насколько правильны самыя посылки? 15-го іюня 1675 г., дѣйствительно, велѣно было позолотить „статей со сто", но, во-первыхъ, онѣ были сдѣланы *про запасъ*, т. е. не для выдачи сразу, а постепенно, соотвѣтственно порчѣ игрушекъ; во-вторыхъ, разнообразіе этихъ „запасныхъ статей" [2]) даетъ право думать, что каждаго сорта оружія приходилось среднимъ числомъ по десяти штукъ не болѣе [3]),—другими словами (принимая во вниманіе именно запасъ) человѣкъ на 5, много, много на 6—7. Въ эту же пору при комнатахъ Петра состояло трое карлъ [4]), и если сотоварищами игръ царевича и не были исключительно они одни, то все же нѣтъ никакихъ основаній полагать, что таковыхъ въ эту пору было непремѣнно много.

Что до пистолей и карабиновъ, то самъ же авторъ признаетъ, что это оружіе вошло у насъ въ употребленіе еще въ концѣ XVI или началѣ XVII стол., и потому трудно допустить, чтобы при дворѣ Алексѣя Михайловича не нашлось никого изъ комнатныхъ бояръ, стольниковъ и пр., кто бы могъ объяснить несложное употребленіе этого оружія. Къ тому же это было совсѣмъ не „настоящее" оружіе, а вполнѣ игрушечное: карабины и пистоли „золотились", „расписывались" „по гульфарбѣ цвѣтно", подобно тому какъ такую же процедуру продѣлывали одновременно съ топорами, ножиками и булавами [5]).

Позднѣйшую форму Преображенскаго полка—зеленый мундиръ и желтый кушакъ — г. Чарыковъ ставитъ въ связь съ тѣмъ, что въ августѣ и сентябрѣ 1679 г. мамка Петра, боярыня Леонтьева, взяла 10 аршинъ темнозеленаго сукна робяткамъ на кафтаны, да 2 аршина желтой тафты на кушаки [6]); при этомъ авторъ замѣчаетъ, что мамка

---

[1]) *Историческій Вѣстникъ* 1900, декабрь, 951—953.

[2]) Булавы, буздуханы, ножики, шестоперы, чеканы, топоры посольскіе и простые, молотки, шарики.

[3]) *Есиповъ*, I, 15.

[4]) *Есиповъ*, I, 15—16.

[5]) *Есиповъ*, I, 16.

[6]) *Есиповъ*, I, 226—227; *Забѣлинъ*, Опыты, I, 17.

царевича не могла вводить форменнаго платья: „болѣе вѣроятно, что эта форма была введена мужчиной и, въ частности, офицеромъ. Все вышеизложенное указываетъ, что этимъ офицеромъ долженъ былъ быть Павелъ Менезій" [1]). Но вѣдь еще надо доказать, что это было форменное платье! Что позднѣйшая форма выросла изъ этого одѣянія робятокъ—едва ли кто станетъ оспаривать; но изъ позднѣйшаго далеко не всегда можно выводить предшествующее. Чѣмъ бы ни руководилась Леонтьева въ выборѣ цвѣта матеріи, но самые кафтаны она шила (или заказывала) царевичу чуть не съ самаго его рожденія; тѣмъ менѣе хитрымъ дѣломъ было опоясать ребенка кушакомъ [2]).

Очень любопытно извлеченное г. Чарыковымъ изъ архивовъ свидѣтельство объ указѣ царя Алексѣя Михайловича, отъ 26-го октября 1675 года, о выпискѣ изъ Рима картинъ, изображающихъ тамошніе церкви, дворцы и иныя достопримѣчательности Вѣчнаго города. Заказъ этотъ г. Чарыковъ сопоставляетъ съ одновременнымъ началомъ обученія Петра грамотѣ и полагаетъ, что римскія „персоны" предназначались именно для Петра. Съ исполненіемъ заказа торопились; иллюстраціи должны были сопровождаться объяснительнымъ текстомъ, и послѣдній „несомнѣнно" порученъ былъ Менезію. „Если же „персоны" и записка предназначались для Петра, то становится вѣроятнымъ, что на Менезія должно было быть возложено, въ дополненіе къ занятіямъ съ царевичемъ воинской „потѣхой", также нѣкоторое ознакомленіе его съ исторіей и бытомъ Западной Европы, чрезъ демонстрированіе римскихъ „персонъ" и чтеніе разсказа по соотвѣтственному тексту" [3]).

Прежде всего отмѣтимъ рискованность сопоставленія римскаго заказа съ началомъ ученія Петра около декабря 1675 г. Г. Чарыковъ ссылается на И. Е. Забѣлина и Погодина. Но первый выразилъ лишь догадку, предположеніе и самъ призналъ, что оно „требуетъ еще болѣе крѣпкихъ подтвержденій, за *неимѣніемъ* которыхъ" считалъ себя вынужденнымъ руководиться показаніемъ Крекшина [4]). Что до Погодина, то онъ лишь повторилъ догадку г. Забѣлина, ничѣмъ ее не подкрѣпивъ [5]).

---

[1]) *Историческій Вѣстникъ* 1900, декабрь, 954.

[2]) Да хватитъ ли двухъ аршинъ тафты на два кушака даже дѣтскихъ?

[3]) *Историческій Вѣстникъ* 1900, декабрь, 954—955.

[4]) Опыты, I, 34.

[5]) Семнадцать первыхъ лѣтъ, 17. См. объ этомъ подробнѣе ниже, гл. XIII „Критическихъ Замѣтокъ".

Отказавшись отъ мысли, что ребенка посадили за грамоту еще при жизни отца, мы легко увидимъ, что нѣтъ никакой надобности и даже возможности связывать заказъ въ Римѣ съ личностью Петра. Можетъ быть, когда будетъ опубликованъ подлинный текстъ доклада 26-го октября 1675 г. и другіе относящіеся къ этому вопросу документы (на что авторъ даетъ надежду), выставленный тезисъ и получитъ свое обоснованіе, но пока, признаемся, послѣдняго мы не находимъ. Объяснительный текстъ, съ которымъ такъ торопились, долженъ былъ трактовать „о началѣ Рима и обыкности римской“, т. е. содержать историческія свѣдѣнія, описаніе нравовъ и обычаевъ; всѣмъ достопримѣчательностямъ города должно было быть дано обозначеніе ихъ мѣры въ ширину и длину, съ указаніемъ, „въ которомъ году и при которомъ цесарѣ и папѣ костелы и въ костелахъ святыхъ мощи положены“, наконецъ, „съ описаніемъ домовъ прежнихъ цесарей и папъ и иныхъ замѣчательныхъ древностей“—неужели вся эта премудрость предназначалась для трехлѣтняго ребенка?..

Г. Чарыковъ затрудняется допустить, чтобы Алексѣй Михайловичъ заказывалъ картины лично для себя: „Менезій уже полтора года проживалъ въ Москвѣ по возвращеніи изъ Рима, и царь могъ бы гораздо ранѣе потребовать себѣ, если бы пожелалъ, виды и описанія этого города“. Но почему же думать, что таковое желаніе, если ему возникнуть, должно было проявиться непремѣнно лишь вслѣдъ за пріѣздомъ Менезія, а не годомъ или двумя позже? Отчего, наконецъ, не допустить, что заказъ дѣлался для наслѣдника престола, 14-лѣтняго царевича Ѳедора, получившаго, какъ извѣстно, тщательное образованіе и которому, по годамъ и по общему уровню знаній, во всякомъ случаѣ естественнѣе было разбираться въ ширинѣ и длинѣ римскихъ зданій, знакомиться съ первоначальной исторіей древняго Рима?..

Е. Шмурло.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЭТЮДЫ ПО ИСТОРІИ ПОЭТИЧЕСКАГО СТИЛЯ И ФОРМЪ.

...ed oltre a questo vollere che fossero sotto legge di certi numeri composte, per li quali alcuna dolcessa si sentisse e cacciassesi il rincrescimento e la noia.—E certo questo non vulgare forma o usitata, ma con artifiziosa esquisita e nuova convenne che si facesse: la quale forma appellarono: greci poetes, laonde nacque che quello, chi in cotale forma fatto fusse, si appellasse poësis, e quelli che ciò facessero o cotale modo di parlare usassero si chiamassero poeti.

Boccaccio, vita di Dante
§ 9.

1. Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

Александру Николаевичу Веселовскому.

I.

Въ послѣдней своей статьѣ, посвященной вопросу о припѣвѣ [1]), его теоріи, *R. M. Meyer* высказываетъ сожалѣніе по поводу того, что всѣ старанія его [2]) внести хоть сколько-нибудь свѣта въ запутанную и сложную исторію развитія этого поэтическаго пріема и отношеній его къ строфѣ не вызвали никакихъ дополненій или опровержeній. „Въ лучшемъ случаѣ, говоритъ онъ (l. c. p. 1) меня колко упрекнули за ненаучныя гипотезы“; между тѣмъ новѣйшія изслѣдо-

---

[1]) *Euphorion*, V, h. 1, 1898, p. 1. 2.

[2]) *Q. u. F.* 58; Die altgerm. Poesie nach ihren formelhaften Elementen beschrieben, B. 1889, p. 340 сл.

ванія *Bücher*'а [1]), *Groos*'а [2]) и *Grosse* [3]), по его мнѣнію, подтверждаютъ его соображенія, путемъ которыхъ онъ старался выяснить, что „первоначально существенный элементъ (поэзіи), наивное проявленіе чувства, живетъ какъ разъ въ припѣвѣ". Дѣйствительно, работа *Meyer*'а—Ueber den Refrain [4]),—напечатанная 13 лѣтъ тому назадъ, является послѣдней попыткой рѣшить вопросъ о происхожденіи припѣва. Можно сомнѣваться, конечно, насколько это удалось названному ученому. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя стороны дѣла почти не были затронуты *Meyer*'омъ, а, между тѣмъ, заполнить этотъ пробѣлъ, значитъ, если не рѣшить вопроса, то, по крайней мѣрѣ, быть можетъ, приблизиться къ конечной цѣли или же исправить существенную ошибку [5]).

---

[1]) Arbeit uud Rhythmus въ *Abh. d. k. sächs. Ges. d. Wiss.*, philos.-hist. Cl., 1896, 17, 5 и отдѣльно.

[2]) Die Spiele der Thiere, Jena, 1896; теперь кромѣ того Die Spiele der Menschen, Jena, 1899.

[3]) Die Anfänge der Kunst, Freibg. in Br. u. Lz. 1894.

[4]) ZsfvglLitt., B. I, h. 1, 1886 г.

[5]) Приводимъ для сокращенія дальнѣйшихъ ссылокъ перечень важнѣйшихъ спеціальныхъ изслѣдованій и частныхъ указаній: *E. G. Geijer*, Om omkvädet i de gamla skandinaviska visorna (1817) въ *Geijer's och Afzelius'*, Svenska folkvisor. Ny upplaga af *Bergström och Höijer*, Stkhlm. 1880, т. II, Anm.; *P. Grönland* въ Allg. mus. Zt., 1816, №№ 35—36; *F. Diez*, Poesie d. Troub. [2], 1883; *F. Wolf*, Ueber die Lais, Sequenzen und Leiche, 1841; *A. W. Grube*, Aesth. Vorträge, II, Deutsche Volksl., 1866; *P. Heyse*, Studia romanensia, Diss., Berol. 1852; *M. B. Landstad*, Norske Folkeviser, 1853; *Talvj*, Charakteristik d. Volksl. germ. Nationen. 1840; *L. Uhland*, Schriften, 1870, V, p. 197; *W. Christ*, Metrik d. Gr. u R.[2], 1879; *Gleditsch*, Metr. d. Gr. u. R[2]. p. 770, 781; *O. Böckel*, Deutsche Lieder aus Ober-Hessen, 1885; *Fr. Stark*, Der Kehrkeim in d. d. Litt., Gött. Diss. 1886; *H. Freericks*, Der Kehrreim in d. mhd. Dicht., Paderb. Progr., 1890; *J. Steenstrup*, Vore Folkeviser fra Middelalderen, Kbhvn. 1891; *A. Noreen*, Spridda Studier, Om tavtologie, Stkhlm. 1895; *K. Borinsky*, Deutsche Poetik, у *Göschen*'а, № 40, 1895; *Cl. Wilkens*, Poesien, en Fremstilling af Poetikken, Kbhvn. 1898 (21, 22); *J. Minor*, Nhd Metrik, 1893; *A. Jeanroy*, Les Origines, 1889 и ст. La chanson у *Petit de Julleville*'я въ Hist. d. l. langue et l. litt. fr., 1896, т. I; поэтики *K. Bruchmann*'а (B. 1898) и *E. Wolf*'а (Oldbg. 1899); *G. Körting*, Handb. d. r. Ph., 1896, 578, 579; статьи *J. Schipper*'а (Engl. Metr.), *E. Sivers*'а (Nord. Metr.), *H. Paul*'я (Deutsche Metr.) и *J. A. Lundell*'я (Skand. Volkspoesie) во II т. *GrdgPh. Paul*'я; работы *E. Stengel*'я, Roman. Verslehre въ *GrdrPh.* II т., 1 Abt. и въ *Krit. Jahresber. f. r. Ph.*, B. III, h. 1, 1897; *A. H. Веселовскій*, Эпическія повторенія какъ хронологическій моментъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* т. 310, отд. 2, 1897, № 4, р. 278 сл.; Три главы изъ исторической поэтики (оттискъ) 1899, гл. I; *G. Thurau*, Beiträge zur Gesch. u. Charakterist. d. Rfrs in d. franz. Chanson, I, Weimar, 1899, Köuigsbg. Diss.; *Brakel-*

Основныя точки зрѣнія, отъ которыхъ отправлялись изслѣдователи, могутъ, въ то же время, служить характеристикой развитія методовъ научной поэтики.

Представители *филологической* поэтики ограничиваются въ большинствѣ случаевъ преимущественно анализомъ матеріальной стороны припѣва.

Психологическая экзегеза явленія напрашивалась сама собой. Такъ, по мнѣнію *Geijer*'а, припѣвъ — omqvädet — есть *самый субъективный* элементъ пѣсни; исполненіе его хоромъ на сѣверѣ представляется исключеніемъ, которое ровно ничего не доказываетъ [1]).

Генетическую смѣну поэтическихъ родовъ *Geijer* опредѣляетъ послѣдовательностью эпоса, лирики и драмы [2]). Баллада со своимъ припѣвомъ является переходной стадіей развитія, что непосредственно вытекаетъ изъ лирико-эпическаго характера ея содержанія [3]). На этой то ступени и сталъ возможенъ припѣвъ,—зародышъ позднѣйшей лирики [4]). Народность пѣсни заключается, такимъ образомъ, не въ припѣвѣ, а въ общемъ складѣ ея, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ личномъ исполненіи припѣва въ Скандинавіи [5]).

Постановка вопроса и ходъ доказательствъ *Geijer*'а не нуждаются, конечно, въ опроверженіи, роль котораго они играютъ въ достаточной мѣрѣ сами. Кажется, никто изъ позднѣйшихъ изслѣдователей не примкнулъ къ мотивировкѣ *Geijer*'омъ его основного положенія. Обыкновенно объясняютъ припѣвъ изъ участія хора (народа) въ исполненіи пѣсни. „Подобно тому какъ нашъ голосъ пробуждаетъ въ горахъ эхо, такъ и пѣсня вызываетъ отраженіе въ кругу слушателей“, говоритъ Freericks [6]); „не слова пѣвца (запѣвалы) повторяются (въ припѣвѣ), но впечатлѣніе, которое они производятъ, находитъ себѣ выраженіе

---

mann въ Jahrb. f. r. Ph. IX p. 308—309; *G. Gröber*, ibd. XII, 94; *R. Rosières* въ Rev. d. trad. pop. 1888, т. III, № 1. 2 (Le rfr. dans la littér. du m.-âge); *G. Kastner*, Gazette music. de Paris, 1849, №№ 49—55 (Du refrain), ср. его же Parémiologie musicale, P. 1850; обѣщанная *E. Schmidt*'омъ статья о рефренѣ и Responsion (*Q. u. F.*, IV, 9, Ahm.) къ сожалѣнію до сихъ поръ не появилась.

1) l. c. p. XV, примѣч.

2) p. VIII—XI.

3) p. X—XII; сл. *Steenstrup*, o. c. p. 80—81.

4) См. анализъ примѣровъ у Geijer'а.

5) Въ припѣвѣ „Sångaren just yttrar sig för egen räkning, och således just omkvädet af någon annan kan föredragas“.

6) o. c. p. 1.

въ отвѣтѣ (Rückklang), въ возгласахъ страданія или радости"[1]). *Freericks* резюмируетъ въ этихъ словахъ господствующую психологическую точку зрѣнія[2]). Но онъ пытается установить и хронологическую схему. По поводу терминологіи Гефестіона и различенія между ἐφύμνια и ἐπιφθέγματα *Freericks* замѣчаетъ: „разращеніе простѣйшихъ повторяющихся восклицаній—рефреновъ въ болѣе полный припѣвъ (Nachgesang) и отсюда въ искусственный лирическій пріемъ—совершенно естественный процессъ"[3]). Внутренняя хронологія припѣва намѣчена здѣсь въ общихъ чертахъ, и это приводитъ насъ къ теоріи *Meyer*'а. Ученикъ Шерера Meyer пытается освѣтить вопросъ съ точки зрѣнія антропологіи и лингвистики, находясь, очевидно, подъ вліяніемъ „эмпирической", какъ характеризуетъ ее E. Wolf, поэтики своего учителя. Древнѣйшая поэзія, подобно языку[4]), состояла, по мнѣнію Meyer'а, изъ отдѣльныхъ безсвязныхъ восклицаній[5]), выражавшихъ лирическое субъективное настроеніе поющаго прачеловѣка; это, очевидно, поэзія „смерти голода и любви"[6]) и, въ то же время, основа такъ называемыхъ „безсмысленныхъ" припѣвовъ[7]). „Въ эту пору текстомъ служило еще то, что впослѣдствіи должно было стать рефреномъ"[8]).

Восклицанія эти развиваются постепенно въ троичную систему[9]), напоминающую, въ извѣстной мѣрѣ, греческую τριχοτομία'ю и средневѣковую Dreiteiligkeit или Tripartition. Развитіе артикуляціи является слѣдующимъ важнымъ моментомъ въ исторіи поэзіи: пратекстъ меж-

---

[1]) См. *Schipper*, o. c. p. 1059; *Christ*, o. c. p. 648; *Körting*, o. c. p. 578—9; *Minor*, o. c. p. 892; *Wolf*, o. c. p. 188, 167. *Al. de Croy*, 1493, въ Art et Science de rhétorique такъ характеризуетъ роль рефрена: Du quel refrain se tire toute la substance de la ballade ainsi que la saiette, au signe de bersial.

[2]) Ср. *Stark*, o. c. p. 7—9; *Wolf*; p. 18; *Dies*, o. c. p. 75; *W. Grimm*, у *Steenstrup*'а o. c. p. 79; *Landstad*, o. c. p. XIV; *Böckel*, o. c. p. CX; *Böhme*, Altd. Liederb. p. XXVII; *Borinsky*, o. c. p. 82.

[3]) ibd.; сл. *Böckel*, l. c.; *Stark*, pp. 7, 8. 9, 10—11.

[4]) *ZsfvglLitt.*, p. 36.

[5]) *Jean Paul*, Vorsch. d. Aesth., § 75 называетъ эти восклицанія „verkürzte Dithyramben" и „mikroskopische Gedichte".

[6]) ibd. p. 37. 38. Для классификаціи аналогичныхъ воззрѣній см. *Веселовскаго*, Три главы, ст. 1-ая, гл. IV. Къ основной точкѣ зрѣнія Meyer'а примыкаютъ также, кромѣ указанныхъ Веселовскимъ, *E. Wolff*, Poetik; *Cl. Wilkens*, Poetiken, p. 27 и *Grosse*, Die Auf. d. Kunst, p. 222 сл.

[7]) p. 35.

[8]) p. 38.

[9]) pp. 38. 39.

дометій обращается въ настоящую пѣсню, состоящую изъ словъ. Эта реформа древнѣйшей поэзіи принадлежитъ всецѣло отдѣльнымъ личностямъ, выдвинувшимся изъ общей массы, благодаря своимъ специфическимъ дарованіямъ; „безсмысленный" рефренъ обратился въ „припѣвъ", въ punctum organum, ставшій музыкальнымъ фономъ пѣсни. Соревнованіе хора и запѣвалы привело къ подражанію, и, даже, къ созданію двухъ древнѣйшихъ типовъ припѣва: звукоподражательнаго или музыкальнаго (Tonrefrain), какъ результата музыкальныхъ вліяній на партію хора, и словеснаго—какъ результата воздѣйствія артикулированнаго текста пѣсни на припѣвъ [1]). „Звукоподражательный рефренъ, конечно, древнѣе; такъ какъ хоръ являлся одновременно исполнителемъ музыкальнаго элемента пѣсни и припѣва, то эти послѣдніе могли сближаться скорѣе, нежели рефренъ хора съ текстомъ запѣвалы" [2]). Отмѣченные три типа припѣва отвѣчаютъ тремъ эпохамъ въ развитіи поэзіи: эпоха пра-поэзіи, натуръ-поэзіи и накопецъ эпоха народной поэзіи. Завершающей стадіей является художественная поэзія (die Kunstpoesie), рядомъ съ которой, въ извѣстной мѣрѣ, могутъ развиваться обѣ древнѣйшія категоріи. „. . . Она характеризуется тѣмъ, что подъ вліяніемъ развитія матерьяльнаго элемента текста рефренъ вырождается и употребляется только случайно и сознательно въ подражаніе припѣву народной поэзіи" [3]). Общее впечатлѣніе, которое дѣлаетъ изученіе работы Meyer'а, заключается въ томъ, что авторъ слишкомъ полагается на заключенія по аналогіи [4]), и что онъ недостаточно отчетливо представляетъ себѣ компетенцію древняго хора. Отношенія хора къ запѣвалѣ опредѣляются имъ какъ-то произвольно, на современный ладъ, и въ этомъ смыслѣ Meyer возстановляетъ картину древняго исполненія пѣсни. Даже, если концертами обезьянъ-ревуновъ руководятъ особые запѣвалы [5]), то это едва ли даетъ еще право на обобщеніе частнаго факта, а тѣмъ болѣе на признаніе подобнаго рода сомнительнаго обобщенія за *принципъ* исполненія древнѣйшей пѣсни *человѣка*. Взглядъ Meyer'а на значеніе древняго хора является, стало быть, одностороннимъ; вотъ почему онъ отожествляетъ понятія рефрена и *при*пѣва; все остальное вытекаетъ отсюда

---

[1]) P. 40—41.

[2]) P. 41.

[3]) P. 46.

[4]) См. также рецензію *А. Н. Весселовскаго* на первую книжку журнала *Koch'a* въ В. Е., 1887, января, p. 431—439.

[5]) *Brehm*, Illustr. Thierleben I, 62.

само собой.—Недавно точка зрѣнія *Meyer'а* была принята Groos'омъ; онъ также считаетъ рефрены—восклицанія древнѣйшей формой припѣва, объясняя ихъ естественной склонностью человѣка къ звукоподражанію, засвидѣтельствованную хотя бы дѣтскими пѣсенками, сплошь состоящими изъ восклицаній. „Въ искусствѣ взрослыхъ имъ (solchen Spielereien) отвѣчаетъ прежде всего подражательный припѣвъ" [1]). Рефрены этого типа являются, такимъ образомъ, переживаніемъ пра-поэзіи восклицаній, которая, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, можетъ быть съ помощью ихъ возстановлена. Но всѣхъ этихъ соображеній, къ сожалѣнію, далеко еще не достаточно, чтобы въ общихъ чертахъ выяснить процессъ зарожденія и развитія различныхъ формъ рефрена; теоретически есть полная возможность признать музыкальные рефрены очень древней чертой пѣсенной формы, но этого еще далеко не достаточно для признанія за ними одними исключительнаго права на старшинство въ ряду прочихъ типовъ припѣва. Наконецъ и самое ходячее опредѣленіе понятія рефрена нуждается въ значительныхъ поправкахъ съ точки зрѣнія исторической. При такого рода историко-аналитической работѣ, требующей широкаго поля сличенія, методъ „естественно-научный" и филологическій или литературно-историческій должны необходимо идти рука объ руку, взаимно дополняя и исправляя одинъ другой; лишь этимъ путемъ будетъ гарантирована научная прочность вывода [2]). Особнякомъ стоитъ экзегеза или, лучше, характеристика припѣва, сдѣланная Noreen'омъ [3]). Своеобразный параллелизмъ, съ которымъ мы встрѣчаемся въ поэзіи евреевъ, индусовъ и многихъ другихъ народовъ, есть, по мнѣнію скандинавскаго ученаго, ничто иное, какъ „стилистическій пріемъ, который употребляется съ эстетическими цѣлями для достиженія большаго эффекта" [4]); къ тому же ряду явленій относится и припѣвъ, „особый видъ періодической тавтологіи [5]). . ., главной задачей которой является поддержаніе въ извѣстной необходимой степени интенсивности господствующаго въ данномъ произведеніи настроенія путемъ сознательнаго періодическаго повторенія опредѣленной мысли («антистрофы»)". Такимъ же внѣш-

[1]) Die Sp. d. M., p. 384, cp. pp. 42 и 159.

[2]) Къ воззрѣніямъ Meyer'а всецѣло примкнулъ *G. Thurau* въ цитированной выше работѣ, см. pp. 4—6, 29.

[3]) Spridda Studier, Om tavtologie.

[4]) Ibid., p. 53.

[5]) P. 54.

нимъ образомъ сопоставляетъ Noreen съ припѣвомъ и явленія риѳмы, анафоры и т. д., психологически, дѣйствительно, имѣющія связь съ рефреномъ [1]).

Отсюда ясно, что вопросъ о происхожденіи припѣва по-прежнему остается открытымъ. Причиной этого, по нашему мнѣнію, является, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что явленіе припѣва разсматривалось нѣсколько *изолированно*, внѣ связи его съ формой и содержаніемъ строфы, что участіе *хора*, роль его въ пѣснѣ изображалась произвольно или скорѣе отмѣчалась, нежели дѣйствительно анализировалась. Между тѣмъ многое можетъ быть еще вскрыто и даже рѣшено отчасти путемъ фиксированія именно этихъ отношеній. Къ нимъ-то мы и постараемся теперь подойти, оставаясь исключительно на почвѣ памятниковъ поэтическаго творчества, начавъ съ данныхъ терминологіи, поскольку въ нихъ скрываются намеки на историческія условія возникновенія обнимаемыхъ ими явленій.

Русское „припѣвъ" указываетъ на подчиненное положеніе рефрена по отношенію къ основному тексту пѣсни; есть ли припѣвъ повтореніе пропѣтаго до него или нѣчто отдѣльное отъ стиха, строфы — на это русскій терминъ не даетъ никакихъ указаній. Въ средне-верхненѣмецкомъ не существовало особаго слова для обозначенія припѣва. Refloit у Готфрида Страсбургскаго въ смыслѣ пѣсни съ припѣвомъ [2]) или припѣва [3]) и Refl. (= ср.-лат. reflectum) въ Carmina Burana (см. *I. A. Schmeller*, C. B.², 1883) [4]) представляютъ собой, очевидно, французск. (французск.—латинизир.) или латинск. заимствованія. Современное нѣмецкое Kehrreim обязано своимъ существованіемъ Bürger'у [5]), предложившему этотъ терминъ по поводу обсужденія припѣва въ переводѣ Pervigilium Veneris. Къ болѣе позднеи порѣ относятся: Kehrsatz, Kehrum, Wiedersatz, Wiederreim, Wendereim; менѣе популярны обозначенія вродѣ: Kehrzeile, Rundreim, Rundwort, Kehrum, Kehre, и нѣк. др. [6]). Французское refloit, которое приводитъ Готфридъ, указываетъ на нѣчто *отраженное*, стоящее, стало быть, внѣ строфы, стиха, но въ то же время, такъ или иначе, связанное съ

---

[1]) Сл. pp. 55—59.

[2]) *Tristan*, 2293, 8078, 17376

[3]) *Tristan*, 19216.

[4]) См. также *A. Wallensköld*, C. B. въ Mém. de la Soc. néo-philolog. à Hfors, 1893, т. I, p. 82—83.

[5]) Schriften, B. IV, p. 499.

[6]) См. *Freericks*, o. c. p. 4.

ними, имъ сродное; опредѣляется ли эта связь принципомъ матеріальнаго или формальнаго повторенія—этого терминъ не выясняетъ [1]).

Refloit *въ этомъ смыслѣ* можетъ быть позднимъ; во всякомъ случаѣ оно не распространено въ романскихъ языкахъ, такъ какъ refrait,—n. Refrait восходитъ къ вульг.—лат. *REFRACTU (см. *Dies*, Etym. Wb.[4], 266), а не къ вульг.—лат. глаголу REFERRE, какъ полагалъ Wolff [2]). Старо-французское refrait отвѣчаетъ провансальскому refraitz. Refranhs, refrain — отглаг. сущ. къ refrangere въ томъ же значеніи. Исп. refran, пртг. refrão—пословица, краткое изреченіе—заимствованы. Пров. refrims <*refrinhs есть subst. verb. къ refrinher (<вульг.—лат. refringere) и не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія къ fremitus, какъ думалъ Diez [3]);—fraint съ паразитнымъ n, перенесеннымъ въ refrait изъ infinit. praes. [4]). G. Paris, P. Meyer и Jeanroy [5]) предлагаютъ музыкальное толкованіе термина. По Meyer'у [6]) „первоначальное значеніе его опредѣляется легко изъ refrangere и приблизительно равно музыкальной фіоритурѣ“. G. Paris объясняетъ refrain, какъ „модуляціи, вокализы, когда голосъ послѣ незначительнаго перерыва переходитъ внезапно отъ одной ноты къ другой; этотъ процессъ можно было бы вполнѣ точно опредѣлить

---

[1]) Приведемъ другіе, преимущественно поздніе, примѣры для обозначенія припѣва: *Eustache Deschamps* (Art de dictier, éd. Soc. d. anc. t., pp. 270, 274, 278) употребляетъ выраженіе: *rubriche*, *rebriche*, *rebrique*. *Pierre Fabri* различаетъ *refrain* (en ballade) и *pallinode* (en champ royal) (Le grand et vrai art de pleine Rhétorique, p. p. A. Héron, Rouen, 1890, Soc. d. bibliophiles norm.): pallinode est terme grec qui signifie semblable consonance, lequel terme nos pères ont appliqué en cest art en deux manières, c'est assauoir pour les dernières lignes de champ royal qui se reprennent a chascune clause et sont appelées le pallinode, et en ballade l'en les appelle refrains (L. II, p. 77); Et vault autant a dire reffrain comme pallinode, mais l'en dict voluntiers reffrain en ballade et pallinode en champ royal (p. 85). Въ сборникахъ chansons середины XVI вѣка, вм. refrain встрѣчается часто терминъ reprise, reprinse, не менѣе характерный (См. *Römer*, 12 franz. Lieder aus d. XVI Jhd., Frankf. neuphilolog. Beitr. 1887, pp. 36, 37). *Thurau*, o. c. p. 2.

[2]) O. c. p. 18.

[3]) См. *O. Schultz*, ZsfrPh. XI p. 249 примѣч.

[4]) *Körting*, Lat.-rom. Wb., Sp. 610; *Kr. Nyrop*, Gramm. hist. d. l. langue fr., Kbhn, 1899, т. I p. 375.

[5]) *Jeanroy*. Les origines, pp. 103 — 105; y *Petit de Jullev.*, t. I, p, 359; *G. Paris*, Les origines de la poés. lyr. en France въ Journ. des Sav., 1892, іюль, p. 412—413, № 6.

[6]) У *Jeanroy*, Les origines, p. 103.

терминомъ перелома (frangitur)" [1]). Jeanroy строитъ на этой этимологіи свою гипотезу: „refrain или refrai первоначально были вѣроятно музыкальными терминами, обозначавшими мелодію или аккомпаниментъ (mélodie basse) вмѣстѣ со словами съ нимъ связанными" (o. c. pag. 104) и далѣе (pag. 105) „...эти модуляціи представляли собой первоначально серію нотъ, опирающихся на какіе-нибудь слоги, вродѣ: tra, la, la, bon, bon,.. позже слоги эти были замѣнены словами, подобно первымъ постоянными". Въ опредѣленіи Jeanroy нѣтъ ничего новаго, поскольку оно касается поэзіи; этимологіи же P. Meyer'a и G. Paris'a нѣсколько произвольны: почему именно fioriture musicale? Diez (loc. cit.) этимологизируетъ REFRANGERE, REFRACTUM— wiederholt brechen и das w. gebrochene; онъ отмѣчаетъ, слѣдовательно, моментъ постояннаго повторенія опредѣленаго дѣйствія—ломанія, перерыванія; взаимоотношеніе же изолированныхъ этимъ способомъ элементовъ, предыдущаго и послѣдующаго, даннымъ терминомъ, по мнѣнію Diez'a, ближе не опредѣляется. Кромѣ того, точное значеніе refrangere, въ древнѣйшую пору примѣненія его къ пѣсни, при такомъ re iterativum зависитъ еще и отъ значенія frangere въ этомъ сочетаніи: имѣло ли оно смыслъ—ломать, или на почвѣ этого болѣе древняго значенія развился уже новый образъ.

Schultz [2]) предложилъ другое толкованіе: Refrain=das Zurückgewendete=das Wiederholte. Онъ ссылается на Стація и примѣры изъ итальянской поэзіи [3]). Во всякомъ случаѣ, даже если принять этимологію Schultz'a „das Zurückgewendete", то формула d. Z.=das Wiederholte отнюдь не обязательна, такъ какъ терминъ могъ имѣть и сохранять въ виду и моментъ антитезы прежнему направленію дѣйствія; но вполнѣ возможно что d. Z.〉 d. W., какъ и съ этимологіей Diez'a. Къ ссылкамъ Schultz'a можно прибавить еще данныя у *Forcellini* [4]): frangere iter—deflectere ab itinere instituto, alio diverti (смыслъ refringere здѣсь и въ слѣдующихъ сочетаніяхъ опредѣлился бы значеніемъ частицы *re*—); vel iter, seu gradum minuere

---

[1]) Ibid., p. 104, примѣч.

[2]) ZsfrPh., XI, 1887, p. 249—250.

[3]) См. *Gaspary*, Sicil. Dichtersch., p. 87, примѣч. 2. *Dante*, Inf. XXIX, 22: non si franga lo tuo pensier da qui innanzi sovr'ello: attendi ad altro... не рѣшаетъ вопроса въ смыслѣ обязательности перебоя въ значеніи, предложеннаго Schultz'омъ.

[4]) Edit. in Germ. prima, 1831, p. 321, sp. 2.

(Stat. Th. 12, 231); для refringere онъ даетъ: refringi radius [1]), dicitur, cum veluti repercussus, retro, vel oblique flectitur; *Plin.*, 2, 59, 60: Radium solis immissum cavæ nubi, repulsa acie in solum refringi (сл. исп. refringir, пртг. refranger, оба mots savants, о преломленіи свѣта). Это единственный фактъ, примыкающій непосредственно къ нашей задачѣ; но на основаніи чего выводить изъ него „повтореніе"? Пестрота толкованій, прежде всего, объясняется разнообразіемъ значеній частицы re-; Brunot [2]) для французскаго языка даетъ ихъ шесть, изъ которыхъ едва ли всѣ восходятъ къ вульг.-лат. Если трудно опредѣлить *этимъ* путемъ съ увѣренностью кругъ значеній для комбинаціи re- и frangere въ классич. яз., то тѣмъ болѣе трудно сдѣлать это непосредственно для вульгарной латыни; но на что указывало вульг.- лат. *refractum— *refrangere въ примѣненіи къ пѣснѣ? имѣло ли оно ввиду отвѣтъ, быть можетъ соединенный съ движеніемъ въ обратную сторону (сл. исторію значенія Leich,—рядомъ съ готск. laikan, греч. στροφή), повтореніе предыдущаго (мы беремъ, какъ видно, тѣ значенія re- и самой комбинаціи, *вѣроятность* которыхъ опредѣляется данными лексикона позднѣйшихъ романскихъ нарѣчій), или повторяющагося, равнаго всякій разъ самому себѣ или нѣтъ, опредѣленнаго дѣйствія перерыва, антитезы? короче: „отвѣтъ" или „перерывъ" и ихъ продолженіе? Мы скорѣе склоняемся въ пользу исходной точки, отъ которой отправляется въ своемъ построеніи Schultz; но на ней ли, или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея поставить пѣсенный рефренъ? Обратимся къ позднѣйшему романскому лексикону.

Stengel [3]) объясняетъ рефренъ = gebrochenes, echomässig wiederkehrendes Ton- resp. Textstück и ссылается, при этомъ, на слова Gonthier de Soignies [4]):

A la joie des oiseaus
Ke *refragnent* li buissons
Me croist joies et reveaus.

Но едва ли возможно сдѣлать изъ этой цитаты, вмѣстѣ съ Stengel'емъ, какія-либо заключенія относительно повторенія конца строфы въ рефренѣ, т.-е. видѣть въ ней доказательство справедливости его

---

[1]) Ibid., p. 620, ар. 1, сл. *Fanfani*, Diz., 1865, p. 1271.
[2]) Gramm. hist., 1899, p. 174.
[3]) Въ *GrdrPh.*, т. II, 1 Abt., p. 60.
[4]) *Scheler*, Trouv. Belg., N. Série, p. I.

теоріи припѣва [1]). Толкованіе refragneut въ этомъ смыслѣ вовсе не обязательно, а если бы оно и было обязательнымъ въ данномъ случаѣ, то отсюда не слѣдовала бы обязательность его для болѣе древней поры вообще. Укажемъ еще на одну строфу Jaufre Rudel'я [2]):

Quan lo rius de la fontana
s'eclarzis, si cum far sol,
e par la flors aiglentina,
el rossinholetz el ram
volf e *refranh* et aplana
son doutz chantar et afina,
dreitz es qu'ieu lo mieu *refranha*.

Въ ст. 5 refranh можетъ указывать и на повтореніе колѣна, и на антистрофическое построеніе мелодической схемы [3]). Также мало помогаетъ рѣшенію задачи и refrain, обозначающій на языкѣ моряковъ періодическій прибой волнъ, разбивающихся о морской берегъ. Во всякомъ случаѣ, предположенное нами значеніе вульг.-лат. *refractum=отвѣтъ, антистрофа, на почвѣ французскаго лексикона не встрѣчаетъ пока противорѣчій, хотя и не подтверждается непосредственно древними данными языка. Италія не знаетъ термина, который бы отвѣчалъ фонетически французскому refrain, въ значеніи припѣва, но, по крайней мѣрѣ, старо-итальянскій лексиконъ подтверждаетъ отчасти предложенное нами теоретически-вѣроятное значеніе рефрена „отвѣтъ".

Ср. слѣд. отрывокъ изъ Uguçon da Laodho [4]).

L'anema uol mestier deuin,
Prima e terça messa e maitin,
Lo corpo uol çugar e rir
E ben calçar e ben uestir...

---

[1]) Сюда скорѣй относятся слова *Leys* (I, 340): dansa es un dictatz gracios que conte un refranh, so es un respos, solamen, e tres coblas semblans en la fi al respos en compas et en acordansa. Но это лишь одинъ, и, при томъ, поздній моментъ въ исторіи припѣва.

[2]) *Crescini*, Manualetto prov., p. 13.

[3]) *Crescini*, o. c., p. 227, b); въ одной пасторали Jocelin de Bruges, пастушка:

en sa pipe refraignot
le ver d'une chanson...

Jeanroy, o. c., p. 104; *Bartsch*, Rom. u. Past., III, 51; *G. Schläger*, Studien über d. Tagelied, 1895, p. 44; *Appel*, Chrest., p. 92, v. 7.

[4]) *Tobler*, Abh. d. k. Ak. d. Wiss. zu Berlin, 1884, v. 1089. сл.

L'anema molto fe conplançe,
Qel corpo tropo ie *refrançe*;
Q'el no ie cale de rason
E de nuia religion.

Въ словарѣ (p. 49) Tobler даетъ слѣдующее разъясненіе: refrançer—wiederstehen?; im Sinne von „bändigen" tosc. und afr. transitiv.—Обратимся къ другимъ даннымъ терминологіи. Крайне интересны въ этомъ отношеніи итальянское ritornello со всѣмъ разнообразіемъ его значеній отъ короткой пѣсни до припѣва [1]). Ritornelli поются въ Италіи амебейно, при условіи антифоническаго чередованія пѣвцовъ, подобно нѣмецкому Schnadahüpfl. Запутанная мѣстная терминологія народной пѣсни освѣщаетъ какъ нельзя лучше факты исполненія ея, восходящіе несомнѣнно къ глубокой древности [2]). Основные типы rispetto (Тоскана) и ritornello (Римъ) остаются, но обозначенія варьируются отъ провинціи къ провинціи: Сицилія—Пьемонтъ—strambotto=rispetto; Пистойя — strambotto=ritornello; Тоскана—stornello=ritornello, но въ Римѣ=rispetto; Романья—Аретино—stornello=rispetto=ritornello; Этна—sturnettu (canzuna)=rispetto; и лишь въ Римѣ и около него съ терминомъ ritornello связано совершенно опредѣленное представленіе. Терминологія крайне характерная, указывающая на антифонизмъ исполненія, напоминающій старо-римск. fescennini съ ихъ versibus alternis opprobria rustica и лодочниковъ Горація [3]):

... Absentem ut cantat amicam
Multa prolutus vappa nauta atque viator
Certatim, tandem fessus dormire viator
Incipit...

Tigri [4]) говоритъ по поводу этимологіи stornello: e vogliono altriche stornelli sieno detti da questo, che si cantano a *storno* e quasi a rimbalzo di voce, o a ricambio da una colle all'altra, fra uno e l'altro pastore o pecorare. Nigra сопоставляетъ stornello съ пров.

---

[1]) *Fanfani*, o. c. s. v. Ritornello. Ит. ripresa даетъ мало опредѣленнаго, равно какъ и порт. tornel. Сл. порт. cantigas de *refran*, иллюстрирующія группу cantares velhos. *C. M. de Vasconcellos* и *Th. Braga* въ *GrdrPh.*, II, 2 Abt., p. 153.

[2]) *Schuchardt*, Ritornell u. Terzine, p. 127, сл. *P. Heyse*, Ital. Liederbuch въ сборн. It. Dichter seit d. Mitte d. XVIII Jhs. [2], B. IV, p. XXV.

[3]) *Sat.*, I, 5, v. 15 сл.

[4]) Canti pop. tosc. [3], p. XLVI.

estor, estorn=бой, битва [1]). Въ Венеціи, ritornello исполняется гондольерами certatim. Побѣдитель, говоритъ Dalmedico [2]), „da la destorna o baja, che consiste nel cantargli de' stornelli che scherniscono alla sua poca valentia" (т.-е. побѣжденнаго). Въ этомъ смыслѣ очень интересны схемы цѣпей ritornelli или rispetti, разростающихся постепенно путемъ такого антифоническаго исполненія:

Caro amor mio, se'arrivato tardi:
Che cosa ci hai fatto per la via?
Ne son arrivati tanti di quest'altri,
E te non ti vedevo, anima mia!
Se stavi un altro poco e non venivi,
Tu mi trovavi muta di sospiri:
Se stavi un altro poco e non tornavi,
Tu muta di sospiri mi trovavi [3]).

Или еще болѣе характерный съ формальной стороны:

E sete la più bella giovinetta
Che in cielo o in terra si possa trovare,
E colorita più che rosa fresca;
E chi vi vede, fate innamorare.
E chi vi vede e non vi dona il core,
O non è nato, o non conosca amore:
E chi vi ha visto, e il cor non v'ha donato,
O non conosce amore, o non è nato [4]).

Процессъ спѣва самостоятельныхъ антифоническихъ элементовъ въ одно цѣлое чувствуется совершенно ясно сквозь ткань пѣсни: ab ab cc dd, какъ въ техникѣ порт. leixa-prem, характерномъ для серіи амебейныхъ quadras (versos de redondilha maior или menor), въ desafios или любовныхъ despiques, какъ въ захватахъ cantares d'amigo и другихъ versos pareados или въ системѣ испанск. coplas (de arte comun). Испанскіе рефрены въ значеніи пословицы даютъ приблизительно ту же картину развитія, произошла ли такая спеціализація значенія на почвѣ Испаніи или Франціи. Пословица получила свое названіе рефрена, вѣроятно, отъ имени короткаго поэтическаго фрагмента, исполнявшагося самостоятельно; но такая форма могла являться и простымъ звеномъ въ болѣе или менѣе длинной цѣпи

[1]) Ср. *Rathery*, Les ch. pop. de l'Italie въ *Rev. d.d. M.*, 1862, мартъ, p. 331.
[2]) C. del pop. venez., p. 207.
[3]) *P. Heyse*, o. c., Введеніе.
[4]) *Tigri*, I p. 72.

антифонически исполнявшихся элементовъ. Менѣе интересны въ этомъ смыслѣ cabeza (см. *Stengel*, o. c. p. 80), estribillo (estribar, estribo= стремя, подстѣнокъ - Strebepfeiler, Strebemauer; сл. *Körting*, Wb. № 7822) и пров. respos (терминъ Leys) [1]). Приведенныя выше сопоставленія какъ будто указываютъ на возможность теоретически предположить для французской поэзіи существованіе рефреновъ—отдѣльныхъ короткихъ пѣсенъ, жившихъ нѣкогда самостоятельною жизнью, подобно ritornelli,—точка зрѣнія, дающая возможность исправить гипотезу Jeanroy [2]), за вычетомъ попытки характеризовать съ помощью рефреновъ „старую народную" лирику.

Англійская терминологія даетъ очень мало матеріала для возстановленія исторіи припѣва. Burthen, wheel и bob-wheel указываютъ, съ одной стороны, на чисто внѣшнее опредѣленіе припѣва, съ другой— на связь его съ пляской. Къ ritornello, refrain примыкаетъ скандинавск. stef съ тѣмъ же самымъ перебоемъ въ значеніи, какой мы наблюдали выше; на сѣверѣ „stef" употребляется и употреблялось въ значеніи припѣва въ drapa'хъ и dræpling'ахъ и въ значеніи короткой пѣсни. Дифференціація словоупотребленія понятна [3]). Разнообразіе формъ (rekstef, klofastef, sexstef, stollustef) указываетъ на широкое развитіе стилистическаго пріема, древнѣйшая форма котораго выясняется, быть можетъ, изъ сопоставленія stef (<*stafjam) [4])— stefja=hindern, мѣшать [5]).—Русскому „припѣву" отвѣчаютъ греч. ἐφύμνιον, ἐπίφθεγμα, ἐπιφώνημα, ἐπίῤῥημα, но они даютъ мало для опредѣленія старыхъ отношеній [6]).

---

[1]) *L. Römer*, Die volkst. Dichtungsarten d. aprov. Lyrik, въ *AAbh.* Stengel'я, XXVI, p. 45.

[2]) *Bartsch*, Alte frz Volksl., Einl., p. XVI; *Jeanroy* у P. de Julley., l. c. и въ Les origines, гл. о припѣвахъ. Обѣщанное Bartsch'емъ изданіе до 500 рефреновъ не состоялось.

[3]) *F. Jónsson*, Den oldn. og oldisl. litter. hist, 1893, т. I, p. 413—415; *Möbius*, Vom stef, *Germ.*, XVIII p. 129 сл.; *Vigfusson*, Corp. poet. bor., I p. 451 сл.; *Веселовскій*, Повторенія, p. 289 сл.; *Sievers* въ *GrdgPh*, II p. 885; *R. Steffen*, Enstrofig nordisk folklyrik i jämförande framställing въ Sv. landsm., 1898, II, 1, p. 28 сл.; *J. Jakobsen*, Færösk Anthologi: stef=omkvad, takt (runddans), danstakt; *Hammershaimb*, Sjúrð. kv., p. 105: Hávið nú stev og stigið á, meðan eg geingi í dans; по *H. F. Feilberg*'у, (ютл.) stef=omkvad på en sang, en eiendommelig visestump, по указ. Steffen'a, o. c. p. 33. Ст.-шв. (Codex Bildsten.) ordhstaff=dansvisa, dansvärs. См. также *J. Lundell*, o. c. p. 780; *Wolf*, o. c. 22.

[4]) *Noreen*, Abr. d. ug. Lautl., pp. 182, 213.

[5]) *Noreen*, An. Gr.[2], p. 229.

[6]) *Christ*, o. c. p. 648 сл.; *Wolf*, o. c. p. 18—19.

Классификація припѣвовъ у Гефестіона [1]) имѣетъ значеніе скорѣе для исторіи вопроса въ наукѣ или же для болѣе поздней эпохи исторіи рефрена; онъ различаетъ двѣ категоріи припѣва — ἐφύμνια и ἐπιφθέγματα; ἔστι δέ τινα καὶ τὰ καλούμενα ἐπιφθεγματικά, ἃ διαφέρει ταύτῃ τῶν ἐφυμνίων, ὅτι τὰ μὲν ἐφύμνια ἐκ περιττοῦ, ὡς πρὸς τὸ λεγόμενον, τῇ στροφῇ πρόσκειται, τὰ δὲ ἐπιφθεγματικὰ καὶ πρὸς νοῦς συντελεῖ, οἷον τὸ Βακχυλίδου

ἦ καλὸς Θεόκριτος, οὐ μόνος ἀνθρώπων ἐρᾷς.

καὶ πάλιν παρὰ τῷ αὐτῷ Βακχυλίδῃ

οὐ δ'ἐν χιτῶνι μούνῳ παρὰ τὴν[φίλην]γυναῖκα φεύγεις.

Къ переживаніямъ того же стилистическаго пріема относится и христ.-визант. ὑπακοή (responsio, populi succentus, cantus responsorius) [2]) — ὑπακούειν, первое, какъ обозначеніе особой части хоровой церковной пѣсни, второе—указаніе на обычай собравшихся на богослуженіе вѣрующихъ подпѣвать. „Образчикъ такой ὑπακοή сохранился, между прочимъ, въ христіанскомъ свадебномъ пѣснопѣніи Меѳодія; одна изъ присутствующихъ дѣвушекъ, по имени Thekla, поетъ пѣсню въ 24 четырехстиховъ. строфы, послѣ каждой изъ которыхъ всѣ присутствующія женщины подпѣваютъ:

ἁγνεύω σοι καὶ λαμπάδας φαεσφόρους κρατοῦσα,
νύμφιε, ὑπαντάνω σοι".

Латинскіе versus intercalares и церковн. hypopsalma (см. *S. August.*, Retract. lib. I, c. 20 у *Migne*, I) относятся сюда же и также неопредѣленно освѣщаютъ древнія условія исполненія пѣсни [3]).

---

[1]) Περὶ ποιημάτων (ed. *Th. Gaisford*, Lz. 1832, c. XI, p. 138); *Christ*, p. 650 сл.

[2]) *Hildebertus*, archiep. Turonensis (Opera, ed. *Beaugendre*, P. 1708. Expositio missæ, col. IIII): respònsorium dicitur a respondendo, eo quod uni inchoanti nititur, ut laudem universus referat populus, и (de mysterio missæ, ibd., col. 1137): de graduali:

Illorum monitis, dum responsoria cantat,
Edocet assensum se tribuisse chorus.

Сл. также *Wolf*, p. 27 сл., 191.

[3]) *Gröber* въ *GrdrPh*, II, 1 Abt., pp. 325 сл., 329—333. О евреяхъ сообщаетъ, м. пр., Wolf. (p. 27 сл.): „Pizmon есть родъ антифоническихъ пѣснопѣній или респонзорій съ повторяющимся рефреномъ, которыя принадлежатъ къ обширной категоріи синагогальныхъ пѣсенъ, носящихъ названіе Selihot (сл. *Delitsch*, Z. Gesch. d. jüd. Poesie etc., p. 189). Рефренъ здѣсь, повидимому, сохраняется наряду съ антифоническимъ построеніемъ пѣсни.

Семазіологическія выкладки не столько рѣшили, сколько нà-ново поставили вопросъ. Наше предположеніе относительно значенія *refractum стало нѣсколько болѣе вѣроятнымъ. Дальнѣйшія наблюденія и анализъ терминологіи выяснили, насколько важно считаться съ очень распространеннымъ амебейнымъ типомъ исполненія пѣсни и расширить нѣсколько понятіе рефрена. Отсюда необходимость прослѣдить, насколько это возможно, процессъ развитія древнихъ способовъ исполненія пѣсенъ, уяснить себѣ значеніе хора, запѣвалы, ихъ древнѣйшую роль, прежде чѣмъ устанавливать опредѣленіе припѣва, которое только при такихъ условіяхъ окажется исторически цѣннымъ и логически полнымъ.

II.

Изучая эволюцію внѣшней стороны поэтическаго творчества, наука о литературѣ (Litteraturwissenschaft) отправляется, естественно, отъ фактовъ *игры*, которая исторически можетъ быть разсматриваема и какъ непосредственное, и какъ посредственное начало развитія организма поэзіи. Таковы всевозможныя *синкретическія игры* дѣтей, дикарей, мимическаго или гимнастическаго характера. Теперь, когда трактуются вопросы генетической поэтики, положеніе это стало уже почти общимъ мѣстомъ. Высказанное впервые Шиллеромъ, но философски своеобразно освѣщенное [1]), оно было въ новѣйшее время развито Г. Спенсеромъ [2]). „Когда настоятельная потребность удовлетворена и когда уже можно оправиться послѣ напряженія, является позывъ къ движенію ради движенія. Хищное животное играетъ, если его не мучитъ голодъ, усталость или опасность. Дикарь занимается военными играми и находитъ для своей накопившейся энергіи исходъ въ сильныхъ движеніяхъ". Моментъ подражанія является зачастую естественнымъ въ данныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ опредѣляется значеніе и цѣль игры—дѣйства; это катарсисъ, понятый въ смыслѣ психофизіологическомъ или, точнѣе, специфическое проявленіе интенсивнаго психо-физическаго возбужденія. Основное явленіе игры объяснялось неоднократно съ различныхъ точекъ зрѣнія, зачастую представляющихъ собой лишь варьяціи одной изъ нихъ и указывающихъ на просмо-

---

[1]) Письма объ Эстетич. воспит. челов. N. XXVII. *K. Fischer*, Sch. als Philosoph, p. 88 сл.

[2]) Princ. of Psychology, II, §§ 533, 534, 540.

трѣнныя частности, не мѣняющія дѣла по существу. Erholungstheorie Lazarus'a [1]) можетъ быть связана съ теоріей „избытка силъ" (Kraftüberfluss, overflow of energy), какъ то и показалъ Groos [2]). Но Groos выдвинулъ и новый критерій, который нѣсколько мѣняетъ положеніе вопроса. „Разумѣется, говоритъ онъ [3]), излишекъ нервной силы является всегда особенно благопріятнымъ условіемъ игры, но онъ не представляетъ собой еще ни настоящей причины, ни *необходимаго* условія ея возникновенія; дѣйствительнымъ базисомъ игры приходится, такимъ образомъ, считать только инстинктъ". Вниманіе Groos'a останавливаетъ фактъ обилія игръ въ дѣтскомъ возрастѣ. Пользуясь данными естествознанія онъ объясняетъ игру въ этихъ условіяхъ біологически: она есть та Vorschule, которую долженъ пройти ребенокъ, прежде чѣмъ вступить въ болѣе серьезную борьбу за существованіе; такова сущность „теоріи упражненія" (Einübungstheorie), какъ можно бы назвать ее [4]). Гипотезу Шиллера-Спенсера Groos допускаетъ лишь въ извѣстной мѣрѣ къ объясненію игръ взрослыхъ; впрочемъ, говоритъ онъ [5]), „продолженіе душевныхъ и физическихъ упражненій и въ болѣе старомъ возрастѣ вполнѣ въ интересахъ сохраненія рода", хотя примѣры въ эту пору, повидимому, рѣже (р. 9). Нужно быть, однако, очень осторожнымъ въ классифицированіи игрового матеріала, чтобы не положить въ основу его слишкомъ общаго признака, а тѣмъ болѣе осторожнымъ—въ обобщеніи получившихся такимъ путемъ категорій. „Игра", какъ таковая, есть, прежде всего, совершенно особое, специфическое проявленіе психофизическаго возбужденія, развивающееся въ цѣляхъ, только ему одному присущихъ. Игровая энергія—энергія *объективнаго переживанія* момента или цѣлаго ряда ихъ, удовлетворяющая сама себя. Отсюда рядъ практическихъ выводовъ, касающихся организаціи игры и въ частности поэзіи и ихъ соціальнаго значенія: общественная роль ихъ въ нихъ самихъ, такъ какъ они не преслѣдуютъ никакой внѣшней цѣли. При этомъ условіи „политическая пѣсня", дѣйствительно, будетъ „скверной пѣсней"; Гёте только обобщилъ въ своемъ выраженіи отрицательныя

---

[1]) Ueber die Reize des Spiels, Berl. 1883, p. 48 сл.

[2]) Die Sp. d. Th., p. 15; Die Sp. d. M., p. 471 сл.

[3]) Die Sp. d. Th., p 21.

[4]) Die Sp. d. Th,, pp. V, 19 сл., 67 сл., 74 сл.; Die Sp. d. M., pp. 4, 477—478, 478 сл..

[5]) Die Sp. d Th. p 76.

данныя опыта, иллюстрируя, въ то же время, положительный принципъ [1]).

Дальнѣйшее развитіе значенія игрового дѣйства ясно въ общихъ чертахъ. „Психофизическій катарсисъ игры пристраивался къ реальнымъ требованіямъ жизни" (*Веселовскій*, Три главы, р. 10) — заговорное дѣйство. Дѣйствительно, идея заговора могла родиться въ рамкахъ игры, сопровождавшейся сильнымъ подъемомъ нервнаго возбужденія. Заговоръ предполагаетъ не анимизмъ, но просто вѣру въ извѣстную аналогію жизни человѣка съ жизнью остального міра, привычку проектировать себя въ окружающую среду. Возбужденіе по поводу единичнаго факта могло обобщиться въ сознаніи, создать вѣру въ магическую силу символическаго дѣйства, которое обезпечиваетъ за играющимъ достиженіе желаемыхъ результатовъ. Заговоръ поэтому, конечно, долженъ былъ быть *дѣйствомъ*, не столько *заговоромъ*, въ силу преобладанія кинетическаго начала надъ элементами слова, не выразившимися еще въ эту пору. На почвѣ заговора, постепенно пріобрѣтавшаго все болѣе и болѣе устойчивыя формы и символическій смыслъ путемъ обобщенія желанія единичныхъ фактовъ [2]), произошла и болѣе прочная организація мимирующаго дѣйства, какъ существеннаго элемента, обусловливающаго достиженіе цѣли. Отсюда поступательное движеніе развитія данныхъ этого порядка по направленію къ конечному пункту—культу черезъ обрядъ; съ другой стороны, и позже, рядъ переживаній культа и обряда, сплетавшихся съ данными древнихъ игровыхъ дѣйствъ.

Въ вопросѣ о сложеніи поэтическаго субстрата и генезиса поэзіи, какъ самостоятельной категоріи искусства, необходимо считаться съ возможностью взаимодѣйствія обѣихъ силъ. Такъ, рядомъ съ пѣсенными играми—обрядовыя и культовыя дѣйства, исполняющіяся внѣ обычныхъ и естественныхъ условій, возбуждая интересъ сами по себѣ, — явленіе, обусловленное забвеніемъ реальныхъ отношеній въ той или иной части обрядово-культовой среды. Съ другой стороны нѣкоторыя пѣсенныя игры могли обобщиться и выражать цѣлый рядъ психическихъ комплексовъ, объединенныхъ какой-либо общей эмоціей.

---

[1]) Ср. *K. Groos*, Einl. in die Aesthetik, Giessen, 1892, р. 74 сл. Нѣсколько болѣе узко смотрятъ на этотъ вопросъ *M. Guyau*, L'art au point de vue sociolog. [2], ch. XI, § III; *J. Volkelt*, Aesthet. Zeitfragen, 1895, статья 1-я. Ср. *Дж. Рёскинъ*, Лекціи объ искусствѣ, русск. пер., М. 1900, р. 73 сл.

[2]) Ср. аналогичный процессъ въ позднѣйшихъ „заговорахъ". *Веселовскій* Психолог. параллелизмъ, р. 51 сл.

Поводомъ корроборри и у минкоповъ, и у австралійцевъ являются „сборъ плодовъ, начало ловли устрицъ, посвященіе юношей, встрѣча съ дружественнымъ племенемъ, военный походъ, удачная охота, прибытіе друзей, наступленіе новаго года, конецъ траура, выздоровленіе отъ болѣзни и т. п., однимъ словомъ всякое явленіе, вызывающее радостное настроеніе" [1]). Такимъ путемъ идетъ обобщеніе игровой формы. „Когда (дальнѣйшая) эволюція (языка) совершится, восклицаніе и незначащая фраза, повторяющаяся безъ разбора и пониманія, какъ опора напѣва, обратятся въ нѣчто болѣе цѣльное, въ дѣйствительный текстъ, эмбріонъ поэтическаго; новыя синкретическія формы выростутъ изъ среды старыхъ, нѣкоторое время уживаясь съ ними, либо ихъ устраняя; содержаніе станетъ разнообразнѣе въ соотвѣтствіи съ дифференціаціей бытовыхъ отношеній, а когда у народа явилась и раздѣльная память прошлаго, создается и поэтическое преданіе...; пѣсня станетъ переходить изъ рода въ родъ, отъ одной народности къ другой" [2]). Формальное и матерьяльное фиксированіе пѣсни—игры скорѣе всего должно было произойти на почвѣ обрядовыхъ и культовыхъ переживаній, прежде строго опредѣленныхъ ихъ цѣлью. Здѣсь легче было образоваться традиціи, легче создаться было школѣ съ опредѣленными и освященными временемъ завѣтами. Вотъ почему Gerland связывалъ искусство танцевъ вообще съ религіозными обрядами [3]) и многіе историки поэзіи начинаютъ изложеніе ея съ религіозныхъ гимновъ: дальше начиналась область неорганизованной протоплазмы поэзіи дѣйства, не имѣвшей, какъ-будто, ничего общаго съ послѣдующимъ движеніемъ. Въ дѣйствительности это только одна сторона дѣла.

Такимъ образомъ явилось пѣсенное преданіе; пѣсня войдетъ въ колею поэзіи, игра обратится въ организованное дѣйство. Переживанія новаго (обряда, культа) сростались на пути дальнѣйшаго развитія съ чертами стараго, формально сближались на почвѣ служенія болѣе общимъ эстетическимъ интересамъ, покрывшимъ собою прежнія задачи религіознаго катарсиса: старые корни пустили сбоку молодые побѣги, которые тутъ же переплелись самымъ причудливымъ образомъ, какъ вѣтви розы и виноградной лозы на могилахъ Тристана и Изольды.

---

[1]) *Grosse*, Die Anf. d. Kunst, p. 199.

[2]) *Веселовскій*, Три главы, p. 8—9.

[3]) *Waitz-Gerland*, Anthropolog., VI, 755.

Въ формальномъ отношеніи для древнѣйшей поры можно различать нѣсколько типовъ исполненія пѣсни: 1) преніе (какъ таковое или какъ переживаніе обрядово-бытовыхъ отношеній), 2) дѣйства—игры (также двоякаго происхожденія) и 3) пѣсни безъ дѣйства (хоръ или solo). Анализъ формъ исполненія живыхъ народныхъ пѣсенъ приводитъ насъ иногда къ понятію хоровой игры, дѣйства, установимому для древнѣйшаго періода развитія поэзіи. „Если бы у насъ не было свидѣтельствъ о древности хорового начала, мы должны были бы предположить его теоретически", говоритъ А. Н. Веселовскій. Едва ли, впрочемъ, мы вправѣ обобщать эту форму исполненія на всю область поэзіи. Въ эпохи исторіи, отмѣченныя особо признакомъ коллективизма, по необходимости такого рода способъ исполненія долженъ былъ встрѣчаться очень часто; но строить все исключительно на этомъ началѣ не представляется, кажется, никакой исторической возможности.

Сказанное выше объ основныхъ принципахъ исполненія древней пѣсни требуетъ оговорки. Живая пѣсня представляла, очевидно, постоянные переходы и не имѣла опредѣленной *цѣльной* формы. Наша классификація въ значительной мѣрѣ искусственна и имѣетъ въ виду подчеркнуть лишь *господствующій* въ томъ или иномъ случаѣ элементъ.

Заключительной фазой развитія исполненія пѣсни было исполненіе *личное*, относительно свободное отъ примѣси „дѣйства" и музыки, элементовъ хоризма и амебейности, характеризующее всю поэзію позднѣйшаго типа. Для нашего вопроса о припѣвѣ важны два основные типа, момента,—амебейное и простое одиночное исполненіе.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ путь развитія поэзіи и основные типы исполненія пѣсни, перейдемъ къ матеріальной сторонѣ ея.

Древнѣйшіе образцы поэтическаго творчества, въ сущности, съ наименьшимъ правомъ могутъ быть названы таковыми: настолько слабо былъ развитъ въ нихъ элементъ слова. Главную роль играла музыка или, точнѣе, ритмъ, такъ какъ мелодія находилась пока въ зачаточномъ состояніи. Простѣйшія ритмическія построенія удовлетворяли вполнѣ повышенному настроенію поющаго или играющаго. До сихъ поръ еще мы находимъ у различныхъ некультурныхъ народовъ такіе образцы творчества, пѣсни безъ словъ и почти безъ мелодіи, заключающіяся въ безконечномъ повтореніи какого-нибудь восклицанія, слова, на одинъ и тотъ же ладъ съ сильно подчеркнутыми ритмическими удареніями, составляющими самую сущность подобной наивной

композиціи. Повторяется одна и та же ритмическая фигура, ибо она гипнотически вліяетъ на исполнителей. При такомъ могущественномъ. подавляющемъ дѣйствіи ритма [1]) возможна развѣ только *параллелизація* основной ритмической темы взамѣнъ ея безконечнаго повторенія. Изъ этого заколдованнаго круга пѣсню вывело слово. Такимъ образомъ, древнѣйшая „пѣсня" представляла собой только рядъ простѣйшихъ ритмическихъ параллелей, нанизанныхъ одна на другую. иногда закругленныхъ припѣвомъ, или же связанныхъ захватами. анакрустически вводившихъ новую музыкально-ритмическую фразу. Подобныя ритмическія фигуры приходится предположить какъ для простого, одиночнаго (solo, одинъ хоръ), такъ и для амебейнаго исполненія, при чемъ нужно замѣтить. что принципъ амебейности несомнѣнно способствовалъ развитію симметріи, двучленнаго симметрическаго параллелизма и внутренняго припѣва, т.-е. повторенія предыдущей фразы въ видѣ захвата до начала послѣдующей, такъ какъ при условіи антифоннаго исполненія подчеркивалась именно парность двухъ смежныхъ музыкально-ритмическихъ предложеній.

Съ развитіемъ слова музыкально-ритмическое начало стушевывается, скорѣе всего тамъ, гдѣ самыя условія исполненія пѣсни благопріятствовали этому,—но вообще лишь очень постепенно, такъ какъ формальные спросы ритма и мелодической фигуры еще долго поддерживаются неразвитостью, неподатливостью мысли, всякій разъ невольно упирающейся, когда ей приходится сдѣлать шагъ впередъ.

Вотъ почему стилистическія особенности пѣсни амебейнаго типа гораздо архаичнѣе; мы и начнемъ съ нихъ.

III.

Принципъ *пренія—діалога* очень ярко и характерно отражался въ формальномъ строѣ пѣсни. Такой антифонизмъ могъ развиваться въ рабочихъ пѣсняхъ, могъ идти навстрѣчу спросамъ заговора и претворяться въ заговорное дѣйство, обрядъ, вырождавшійся позже въ свою очередь въ игру. Извѣстны хоровые диспуты деревенскихъ парней въ Хорутаніи, изображающіе преніе Лѣта и Зимы; русскіе масляничные бои, упоминаемые еще въ XIII вѣкѣ въ правилѣ митрополита Кирилла, представляютъ собой отголосокъ тѣхъ же заговор-

[1]) См. превосходныя страницы, посвященныя вопросу о ритмѣ, въ книгѣ знаменитаго хирурга *Т. Бильрота*—Wer ist musikalisch? B. 1894, гл. I.

ныхъ отношеній, какъ и нѣмецкое Kampf des Sommers und des Winters и т. п. [1]).

Важнымъ мотивомъ антифонизма является, наконецъ, соревнованіе, соперничанье, такъ легко и естественно переходящее подчасъ въ обмѣнъ шуткой, насмѣшкой. Популярный пріемъ развлеченія, gab, могъ имѣть своихъ искусниковъ [2]). Извѣстенъ широко распространенный фактъ пренія загадками, на что было указано А. Н. Веселовскимъ [3]).

Не онъ ли обусловилъ самую форму загадки?—Эскимосы большіе мастера амебейныхъ сатирическихъ импровизацій, въ родѣ сообщенныхъ Grosse [4]). *Savdlat*: „Югъ, югъ, о югъ на той сторонѣ.—Когда я жилъ на берегу (Mittlandküste), я встрѣтилъ Pulangitsissok'а.—Онъ былъ силенъ и жиренъ потому, что ѣлъ камбалу.—Люди на томъ берегу не умѣютъ говорить — они стыдятся своей рѣчи.—Потому-то они и глупы.—Языкъ у нихъ не у всѣхъ одинаковый—одни говорятъ, какъ на сѣверѣ, а другіе какъ на югѣ.—Поэтому мы не понимаемъ ихъ языка".—*Pulangitsissok*: „Было время, когда S. желалъ, чтобы я былъ хорошимъ гребцомъ на каякѣ,—чтобы я могъ везти на своемъ каякѣ большой грузъ.—Много лѣтъ тому назадъ ему хотѣлось, чтобы я взялъ на свой каякъ тяжелый грузъ.—Это было тогда, когда S. привязалъ свой каякъ къ моему, потому, что боялся опрокинуться;—тогда онъ могъ везти большой грузъ на своемъ каякѣ,—такъ какъ я долженъ былъ тащить тебя за собой,—а ты жалобно кричалъ, и боялся,—чуть не погибъ, и долженъ былъ держаться за снасти моего каяка".

Этотъ эскимосскій contrasto напоминаетъ намъ по своему складу аналогичныя пѣсни различныхъ европейскихъ и неевропейскихъ народовъ, которыя импровизуются тоже амебейно. *H. Grasberger* приводитъ рядъ параллелей къ нѣмецкимъ Schnaderhüpfl изъ испанской, итальянской, скандинавской, персидской и китайской народной поэзіи [5]). Поэтическіе турниры [6]) такъ любимы въ южной Германіи, что, по словамъ

---

[1]) *Веселовскій*, Три главы, p. 19 сл.

[2]) *Weinhold*, An. Leben, p. 462—463; *Nyrop-Gorra*, Storia, p. 118 сл.; *Rajna*, Origini, p. 404 сл.

[3]) Эпич. повт. p. 283 сл.; ср. также *Schröer* въ *ZsdVfVk*, III, p. 67 сл., ibid. II, 296; для финск. нар. поэзіи, *K. Krohn*, Die geograph. Verbreitung esthn. Lieder въ Bull. d. l. Société géogr. de Finlande, Hfors-Kuopio 1892, p. 28.

[4]) Die Anfänge, p. 231.

[5]) Die Naturgesch. d. Schn. Eine litterarische Studie, Lz. 1896, p. 9.

[6]) *E. Schatzmayer*, въ Frommann's D. M., IV, p. 523 сл.

Hauffen'а [1]), иногда цѣлыя деревни принимаютъ въ нихъ участіе. Лучшимъ доказательствомъ популярности этихъ небольшихъ импровизированныхъ на скорую руку куплетовъ эротическаго или сатирическаго содержанія служитъ необыкновенно дифференцированная мѣстная ихъ терминологія [2]).—По свидѣтельству *Ólafur Davidsson*'а [3]) въ Исландіи почти каждый можетъ творить ex tempore húsgángar.

Болѣе древней иллюстраціей къ такого рода наблюденію можетъ служить показаніе Yóns saga hins helga (нач. XIII вѣка) [4]).—Въ Норвегіи однимъ изъ наиболѣе любимыхъ развлеченій является at stevjast (дѣленіе stev на gamlestev и nystev исторически едва ли выдерживаетъ критику). Landstad [5]) такъ описываетъ этотъ своеобразный обычай: „пѣть stev былъ, да отчасти и теперь еще есть повсемѣстный обычай. Когда со стола все собрано, вносятъ большія (af indtilen skjeppes rum) чаши съ пивомъ, ставятъ двѣ или три изъ нихъ на столъ, поставленный вдоль комнатной стѣны. Гости, особенно, кто постарше, подсаживаются къ нимъ, между тѣмъ какъ молодежь танцуетъ, женщины противъ нижняго, мужчины—противъ верхняго конца стола. Кравчій разливаетъ крѣпкое пѣнящееся пиво по боль-

---

1) *ZsdVfVk*, 1894, IV, p. 12.

2) *Бав.*—stückl, schnadagangl, schnaderhagken, schlumper—, schnapper—, schelmenliedlein, schand—, schamperliedle; *тир.*—schadderhaggen, trutzliedle (сатир.); *каринт.*, *штир.*—trutzliedle, plepperliedle, schwatz—, schmetterliedle, gstanzeln, flausn; *нижне-австр.*—gsangln, gstanzln, gsötzln, sprüchl; *швабск.*—schelmenliedle, possen, schnitzliedla, tänze, rappentänze; *швейц.*—chorzes liedli, stuplied (carm. mordax), speilied, trutzlied, schelmelied, tanzeliedli, rappetizli (Thurgau, Schaffhausen, отъ rapetisser?), rappedüzli—сатирич., stobertelied—эротич. (*L. Tobler*, Schweiz. Volksl., 1882, Einl. p. CXLV); *тюринген.*—schlumperlieder; *Vogtland*—schlumperliedel, tsumperliedel, runda; *зальцбургск.*—gasselreim; *верхн.-австр.*—schnaderhüpfl, gsötzl, sprüchl.—*G. Meyer*, Essays und Studien, т. I, p. 332 сл.; *Fr. v. Böhme*, Gesch. d. Tanzes in Deutschl., Lz. 1886, B. I; *Steffen*, o. c., p. 15 сл.; *Fromman*, *D. M.*, IV, p. 78 сл.

3) Íslenzkar skemtanir, Kpmhn, 1888—1892, p. 223.

4) *Bisk. Sög.*, Kbhn, 1858, I, p. 237: „Leikr sá var kærr mönnum, áðr en hinn heilagi Jón varð biskup, at kveða skyldi karlmaðr til konu í dans blautlig kvæði ok regelig, ok kona til karlmanns mansöngsvísur; þenna leik lét hann af taka ok bannaði styrkliga“ По другой рукописи той же саги (ibid, I, p. 165): „Leikr sá var mönnum tíðr, er úfagrligr er, at kveðast skyldu at: karlmaðr at konu, en kona at karlmanni, klækiligar vísur ok bæðiligar ok óáheyriligar, en þat lét hann af takast ok bannaði með öllu at gera. Mansangs kvæði eða vísur vilði hann eigi heyra kveðin ok eigi láta kveða, þó fekk (hann) því eigi með öllu af komit“.

5) Norske Folkeviser, p. 366.

шимъ расписаннымъ деревяннымъ кружкамъ; каждый выпиваетъ такую кружку, послѣ чего энергично принимается за пѣніе *drykkjestev*. Каждый наперерывъ старается внести свою лепту въ общее веселье, при чемъ часто и женщины принимаютъ участіе въ поэтическихъ состязаніяхъ, отвѣчая на stev, направленный по ихъ адресу мужчинами. При этомъ обыкновенно поютъ stev стараго типа (gamlestev), который считается болѣе древняго склада, чѣмъ такъ называемый новый stev (nýstev),—остроумная шутка или злая сатира, направленная часто противъ опредѣленнаго лица или касающаяся опять-таки опредѣленнаго факта и, поэтому, съ оттѣнкомъ презрѣнія, называемая *rennstev*; этимъ словомъ характеризуется какъ та легкость, съ которой они создаются, такъ и та безпрерывность, съ какой бьетъ этотъ источникъ поэзіи, выходящій изъ нѣдръ фантазіи самого народа. Эти stev, взятые въ цѣломъ, дѣйствительно, вовсе не заслуживаютъ низкой оцѣнки. Они представляютъ собой одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и живыхъ отдѣловъ нашей народной поэзіи, изображая намъ чувства не только наивно, но сильно, свѣжо и правдиво, особенно, когда они затрагиваютъ темы эротическаго характера".

„Древнія stev, наоборотъ, примыкаютъ къ старымъ богатырскимъ пѣснямъ (kæmpeviser) и, поэтому, почти никогда не изображаютъ намъ нѣжныхъ чувствъ; они рисуютъ вамъ сцены изъ жизни витязей, изображаютъ ихъ храбрость, подвиги, пиры или опасныя приключенія, или же, наконецъ, высказываютъ такой взглядъ на природу, который обнаруживаетъ несомнѣнно, что народъ былъ очень воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ въ этомъ смыслѣ. Пѣсни эти представляютъ собой, правда, частью отрывки болѣе обширныхъ композицій, исчезнувшихъ, отъ которыхъ въ памяти задержался лишь тотъ или иной стихъ. Иногда два или три stev составляютъ одно цѣлое, и тогда обѣ они выражаютъ одну и ту же мысль лишь съ самыми незначительными внѣшними отмѣнами. Впрочемъ, каждый такой stev можно разсматривать и какъ самостоятельную единицу, имѣющую свое опредѣленное значеніе, независимо отъ того, что ее окружаетъ". Вмѣсто поясненій и комментарій приводимъ слова *Jörgen Moe* [1]): „stev есть небольшая четырехстиховая пѣсня, вся мысль которой заключена въ одной строфѣ. Родиной stev'а является нашъ низменный юго-востокъ,

---

[1]) Saml. Skrifter, Krist., 1877, II, p. 129—Indberetning... om en Reise gjennem Thelemarken og Sætersdalen etc. 1847 г. *Vigfusson*, Corp. poet. bor. I, p. 451 сл.

главнымъ образомъ Thelemarken и Sætersdalen; внѣ этихъ предѣловъ stev чувствуется всегда какъ продуктъ, полученный изъ вторыхъ рукъ. Въ упомянутыхъ мѣстностяхъ извѣстны два типа stev'а: такъ называемые старый и новый, которые имѣютъ, однако, оба одну и ту же форму". Въ различеніи обѣихъ категорій Moe совершенно согласенъ съ Landstad'омъ. „Что stev импровизируются, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, хотя, конечно, только наименьшая ихъ часть слагается за пирушкой. Не слѣдуетъ думать, чтобы пѣніе stev, служащее предметомъ общественнаго развлеченія, имѣло всегда цѣлью расположить ихъ такъ, чтобы получился связный рядъ красивыхъ остротъ, но исполнители постоянно стремятся къ этому". Шведскіе låtar и отвѣчающія имъ датскія формы изучены въ послѣднее время *Steffen*'омъ [1]); въ работѣ его можно, между прочимъ, найти и образчики амебейной игры, въ родѣ приведенной нами выше (ср. p. 180 сл.).

Амебейно поются и творятся кельтскія penillion, раздающіяся всюду въ Уэльсѣ; пѣніе взапуски и здѣсь обычное явленіе во время танцевъ или на какихъ-нибудь веселыхъ собраніяхъ [2]). При тѣхъ же или, по крайней мѣрѣ, аналогичныхъ условіяхъ исполняются греческіе дистихи [3]), состоящіе изъ двухъ политическихъ стиховъ, изъ которыхъ каждый раздѣленъ пополамъ цезурой, такъ что получается система четырехъ короткихъ стиховъ, отвѣчающая вполнѣ тирольск. Schnaderhüpfl, албанск. beit [4]) (abab изъ 8—сложныхъ стиховъ), словинскимъ vize, копирующимъ южно-нѣмецкія четверостишія, польскимъ краковякамъ и т. п. обычнымъ формамъ простѣйшей народной пѣсни. Амебейность такого типа, столь свойственная германской поэзіи вообще, что *Berger* [5]) считаетъ ее исконной чертой германскаго пѣсеннаго стиля, распространена въ тѣхъ же широкихъ размѣрахъ далеко за предѣлами поселенія германскихъ племенъ. Мы встрѣчаемъ ее не только у лапландцевъ [6]) и эстовъ [7]), но и у сирійцевъ [8]), у китайцевъ, въ малайскихъ pântun, въ литовскихъ dai-

---

[1]) O. c., pp. 43 сл., 70 сл., 84, 89, 102.

[2]) *J. Rodenberg*, Ein Herbst in Wales, p. 315; ср. *G. Meyer*, Essays I. p. 367.

[3]) *G. Meyer*, o. c. I, p. 311.

[4]) Ibid., I, p. 368.

[5]) Die volkstüml. Grundlagen d. Minnesanges въ *ZsfdPh.*, XIX, p. 444.

[6]) *v. Düben*, Om Lappland ock Lapparna, Stkhlm, 1873.

[7]) *L. Schröder*, o. c. p. 186.

[8]) *G. Meyer*, o. c, I, 369.

nas и венгерскихъ danas. Два невидимые пѣвца, скрытые за сценой, увлекаютъ своими чудными пѣснями утомленнаго Душманту [1]). 53-ій псаломъ Давида написанъ для пѣнія въ хорѣ поочередно; въ псалмѣ 147, стр. 7 говорится прямо: „пойте поочередно Господу съ благодарностью и хвалите нашего Бога арфами". Такъ въ книгѣ прор. Самуила (с. 18, v. 6—7): женщины пѣли другъ противъ друга (амебейно?) [2]). На Кавказѣ въ день праздника Вардаваръ (сіяніе розы) дѣвушки и парни устраиваютъ настоящіе поэтическіе турниры. Побѣдителю торжественно вручаютъ вѣнокъ [3]). Антифонически исполнялся древне-греческій гименей [4]), равно какъ знаменитая ода Горація (Carm. amoebоеum, III, 9), нѣкоторыя партіи греческой трагедіи и комедіи, σκόλια [5]); амебейными пѣсенками или строфами обмѣнивались трудолюбивые земледѣльцы Авзонія [6]). На ряду съ этимъ отчасти упомянутыя выше аналогичныя формы романской поэзіи, какъ таковыя, являются, конечно, результатомъ самостоятельнаго развитія [7]). Въ основѣ contrasti, пров. tenso. франц.—débats, равно какъ и нѣмец.—wechsel вплоть до Hartmann'a von Aue, гдѣ бы мы ни провели границу между своимъ и чужимъ, мѣстнымъ и пришлымъ, романскимъ [8]), лежитъ народный пріемъ исполненія пѣсни. Литературный характеръ средневѣковыхъ „преній", которыя не разъ привлекали къ себѣ вниманіе критиковъ, не мѣшаетъ принять за отправную точку ихъ развитія народно-пѣсенную схему. Между школьными диспутами и „преніями" стоитъ поэтическая форма, которой не давали первые, но которая была уже разработана въ народныхъ débats; ихъ приходилось только приспособить къ новымъ цѣлямъ, новымъ

---

[1]) *A. L. Chézy*, La reconnaissance de S., P., 1830, p. 110 сл. (V актъ).

[2]) Относящіяся сюда указанія у *J. Döller'a*, Rhythums, Metrik u. Strophik in d. bibl.-hebr. Poesie, Paderb. 1899, Th. III, p. 89 сл., особ. p. 95—96.

[3]) *А. Калашевъ*, Вардаваръ въ *Сбор. мат. для опис. пл. и м. Кавк.*, XVIII, отд. 2, p. 1—4.

[4]) *Hes.* Scut. Heracl. 274, 280.

[5]) *R. Reitzenstein*, Epigramm u. Scolion, Giessen, 1893, p. 3 сл. *K. O. Müller* (франц. перев. *Hillebrand*, II, p. 131) считалъ сколіи монодическ. пѣснью, допускавшей, однако, извѣстную свободу въ построеніи, чѣмъ объяснялъ и ея названіе. Но это не обычный способъ исполненія сколіи. Ср. *Croiset*, II, p. 213—217; *H. Flach*, Gesch. d. gr. Lyrik, p. 341.

[6]) *Auson.*, Mosell., 163 сл.

[7]) *Scheffler*, Die fr. Volksdicht. u. Sage, Lz. 1884, I, p. 113 сл.

[8]) *A. Schönbach* и его теорія; ср. также Die Anfänge d. d. M., p. 21; *Jantzen*, Gesch. d. d. Streitgedichts im Ma., 1896, p. 43.

потребностямъ. Такимъ образомъ мы склонны объяснять себѣ генезисъ формы этой поэтической категоріи, иллюстрируемой Trattato dei mesi [1]), De anima cum corpore Bonvesin da Riva, la tenson del arma e del cors, споромъ ейлаха (гористой мѣстности) съ низменностью, земли и неба у кавказскихъ горцевъ или ст.-шв. Huru jwll och fasta the trættæ [2]). Латинскіе conflictus, altercatio, disputatio [3]) не рѣшеніе вопроса, а только новый матеріалъ для анализа [4]). Къ типу амебейныхъ пѣсенъ относятъ и ст.-франц. estribot (estrabot?). Этимологія слова, подавшая поводъ къ долгимъ контроверзамъ [5]), не рѣшаетъ, правда, вопроса въ опредѣленномъ смыслѣ, но указываетъ на вѣроятность антифоническаго исполненія estribot [6]). Интересно, что Girauts de Cabreira въ своемъ ensenhamens „Cabra juglar", располагая свои совѣты и указанія въ извѣстной системѣ, соединяетъ въ одну группу estribots съ contenso и retroencha. Какую бы этимологію послѣдняго термина мы ни приняли [7]), во всякомъ случаѣ, не даетъ ли сопоставленіе G. de Cabreira нѣкоторыхъ, хотя быть можетъ, и очень слабыхъ, указаній или повода къ догадкамъ. Формальное опредѣленіе Doctr. de comp. dict. [8]), Leys [9]) и пьесы Girauts Riquier [10]), Joan Esteve (1) характеризуютъ позднюю retroencha'у, въ сущности уже ничѣмъ не отличающуюся отъ канцоны и сохраняющую, какъ остатокъ своего происхожденія, постоянный рефренъ [11]). Теперь понятно чувство удовлетвореннаго самолюбія Gir. de Bornelh, выразившееся въ цитированіи своеобразнаго факта:

---

[1]) *A. Wesselofsky* въ *Propugn.*, 1873, p. 1—27.

[2]) Сб. мат., p., 230—234, ст. *М. Куліева.*

[3]) *A. Noreen*, Altschwed. Leseb., 1894, p. 84 сл.

[4]) *Gröber* въ *GrdrPh.*, II, 1 Abt., p. 371.

[5]) Изложены, между прочимъ, у *Веселовскаго*, Повторенія, p. 286—288; см. также G. *Paris* въ отчетѣ о *Jeanroy* въ *Journ. d. Sav.*, 1891, p. 680, въ отчетѣ о Nigra, ibid., 1889, p. 585; *Jeanroy* у *Julleville*, I, p. 347.

[6]) *Ф. Батюшковъ*, Споръ души съ тѣломъ, p. 184; *F. Wolf*, Stud. z. Gesch. d. span. u. port. Nationallitt., 1859, p. 201 говоритъ о взаимовліяніи схоластической діалектики и „galante Konversation"; нѣсколько неясно формулируетъ свои соображенія *И. Ждановъ*, Къ литерат. истор. русск. былевой поэз., К., 1881, p. 56, сл. p. 61.

[7]) *Suchier*, *ZsfrPh.*, XVIII (Rotrou), *Jeanroy* у *P. de Jullev.* I, p. 347; *Stengel*, въ *GrdrPh.*, 1 Abt. p. 80; *L. Römer*, o c. p. 48.

[8]) 6. 22.

[9]) *Gatien-Arnoult*, I, p. 346 и I p. 286.

[10]) *Römer*, o. c. p. 45 сл.

[11]) *Römer*, o. c. p. 45 сл.

Qui ques n'azir, mi sap bo
Quant aug dire per contens.
Mo sonet ranquet e clar
E l'aug a la font portar [1]).

Этой связью антифонизма съ древнимъ способомъ исполненія пѣсенъ объясняется, отчасти, популярность въ средніе вѣка псалмодіи,—прозъ, секвенцій, различныхъ cantica или psalmi maiores. Отсюда, обратно—популяризація схемы секвенцій, modi, нѣмецк. Leiche, какъ ихъ обозначаютъ Wolf [2]), Bartsch [3]): modus Ottinc, Liebinc, Carelmanninc, modus Florum—Leiche, построенные по типу церковныхъ modi секвенцій [4]), шедшихъ на встрѣчу привычнымъ способомъ исполненія пѣсни [5]).

Аналогичныя явленія встрѣчаемъ мы и въ области эпоса. Армянскіе пѣвцы „ашики" даютъ цѣлыя представленія (меарака) изъ жизни сказочныхъ героевъ Кёръ-оглы, Шахъ-Исмаила, Ашикъ-Кериба и друг. Одинъ изъ ашиковъ беретъ на себя роль героя сказки, другой—его врага; такимъ образомъ поютъ они, ходя по площади и подыгрывая себѣ на балалайкѣ свои пѣсни, изъ которыхъ одни представляютъ собой вопросы, другія—отвѣты на нихъ [6]).

Устраиваются иногда настоящіе турниры пѣвцовъ, напоминающіе намъ состязанія древне-греческихъ рапсодовъ VI в. въ Сикіонѣ, прекращенныя Клисееномъ [7]); побѣдитель обыкновенно получаетъ балалайку [8]). Эпическая пѣсня поется и творится вдвоемъ. А. Н. Веселовскій сдѣлалъ уже нѣсколько фактическихъ указаній въ этомъ смыслѣ [9]). „Санскритск. kiçîlava, — рапсодъ, актеръ, говоритъ онъ, между прочимъ, ...но kuçîlava означаетъ также Kuça и Lava, братьевъ-близнецовъ, сыновей Ситы и Рамы, учениковъ Вальмики". Когда Вальмики кончилъ Рамаяну, „онъ передалъ имъ свою поэму, дабы

---

[1]) Lex. Rom. I, 377.

[2]) Ueber die Lais, p. 90 сл., 114.

[3]) Die lat. Sequenzen, p. 145 сл.; ср. *Gröber* въ *GrdrPh.* II, 1 Abt. p. 325 сл., *Böhme*, Gesch. d. Tanz., p. 286 сл., *A. Schubiger*, Die Sängerschule von St. Gallen, p. 53.

[4]) *H. Paul* въ *GrdgPh.*, II, p. 985.

[5]) *Kögel*, Gesch. d. d. Litt., I, p. 76 сл.

[6]) *Сборн. мат. для опис. мѣ. и п. Кавк.*. XIII, p. 59 сл.; p. 110, ст. *Н. Григорова*, село Татевъ.

[7]) *Herod.*. V, 67.

[8]) *Сборн.* l. c., p. 110.

[9]) Повторенія, pp. 296—299.

они пѣли ее вмѣстѣ".—Финскія руны и до сихъ поръ исполняются двумя пѣвцами; одинъ, запѣвало (päämies, edeltäjä=der Vortretende), руководитъ своимъ товарищемъ, säistäjä (вьющій веревку, также puoltaja=Assistent, kerallinen=Begleiter, kertoja=Repetitor), который лишь продолжаетъ „крутить нитку", поданную ему первымъ [1]). На матеріалѣ финской поэзіи особенно удобно прослѣдить живучесть музыкально-ритмическаго начала въ пѣснѣ и его отраженія въ стилѣ. Симметрическая парность стиховъ, тотъ *„аналитическій" параллелизмъ*, на которомъ построена поэзія ветхаго завѣта, финскія руны, который объясняетъ явленія повтореній французскаго типа, couplets similaires и нѣкоторые аналогичные факты въ поэзіи другихъ народностей, есть несомнѣнно стилистическая окаменѣлость, дающая намъ возможность установить внутреннюю хронологію явленія. Аналитическій параллелизмъ есть, въ сущности, *параллелизмъ ритмическій*. Тогда какъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ параллелизмъ развился далѣе въ новыя формы, у финновъ и евреевъ эта *парность* синонимическихъ параллельныхъ звеньевъ—стиховъ представляется совершенно окрѣпшимъ стилистическимъ пріемомъ, съ помощью котораго творится пѣсня. Вейнемейненъ

...подумалъ, поразмыслилъ,
Въ головѣ держалъ онъ долго:
Кто ему засѣетъ землю,
Кто разсыпать можетъ сѣмя?
Пеллервойненъ, сынъ поляны,
Это Сампса, стройный мальчикъ,
Что ему засѣетъ землю,
Что разсыпать можетъ сѣмя.—
Засѣваетъ онъ прилежно,
Всю страну и всѣ болота,
Всѣ песчаныя поляны,
Каменистыя равнины [2]).

Еще до *Herder'a* (Vom Geist der hebr. Poesie) было обращено вниманіе на параллелизмъ въ еврейск. поэзіи и были сдѣланы попытки его генетическаго объясненія. Минуя рядъ внѣшнихъ опре-

---

[1]) *Comparetti*, Der Kalevala, pp. 65—66, *Steenstrup*, o. c., p. 72 сл., *Billson*, *Folk-lore*, IV, № 4, p. 320—321. См. также *K. B. Wiklund*, Om Kalevala, Stkhlm., 1901, p. 17, гдѣ даны и нотные примѣры. Не такъ ли слѣдуетъ понимать и роль Scilling'a а при Vidsîð'ѣ:

ðonne wit Scilling sciran reorde
for uncrum sigedryhtne song áhófan,
hlúde bí hearpan hleóþor swinsade,
þonne monige men módum wlonce
wordum sprécan, þáþe wel cúþan,
þæt hí næfre song séllan ne̜hýrdon (v. 103—108).

[2]) *Калевала*, перев. Бѣльскаго, руна II.

дѣленій явленія [1]), укажемъ на мнѣнія *Lowth'a* [2]), выводящаго параллелизмъ „изъ первоначальной неумѣлости человѣческаго слова овладѣвать мыслью, вслѣдствіе которой человѣкъ говорилъ разбросанными предложеніями, не имѣющими между собой внутреннихъ отношеній и связи, но, однако же, параллельныхъ съ внѣшней стороны, потому что всѣ они стремились овладѣть одною и тою же мыслью"; *Ley* [3]) считаетъ параллелизмъ дальнѣйшей фазой развитія аллитераціи, *Ewald* видитъ въ немъ особый внутренній ритмъ и рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ своей слишкомъ искусственной теоріи Gedankenrhythmus, замѣнявшаго путемъ пляски мыслей (Tanz der Gedanken) просодію. *Олесницкій* опирается при экзегезѣ явленія на данныя психологіи языка [4]).

„Параллелизмъ" есть нѣчто всеобщее, существующее въ самыхъ различныхъ степеняхъ у всѣхъ народовъ, какъ въ прозаическихъ, такъ и въ поэтическихъ сочиненіяхъ, независимо отъ того, будетъ ли поэзія просодическая (т. е. имѣющая какой-либо особенный метръ, независимо отъ метра мысли), или не просодическая, и постепенно исчезающее у всѣхъ народовъ съ развитіемъ аналитическаго движенія мысли вмѣсто первоначальнаго синтетическаго. Другими словами: параллелизмъ и есть обыкновенный древній способъ выраженія мысли всѣхъ народовъ, не только не отличающій поэзіи отъ прозы, но именно представляющій нѣчто, связывающее прозу и поэзію".

„Чтобы найти его въ полномъ развитіи, мы должны обращаться къ первобытнымъ временамъ человѣчества вообще и каждаго народа въ отдѣльности... Возникающія въ сознаніи противуположности (т. е. связь между мыслями) отъ продолжительной практики мысли постепенно болѣе и болѣе сближаются между собою, такъ что мысль, вмѣсто прямого параллельнаго движенія по противуположностямъ, начинаетъ двигаться, такъ сказать, по діагонали параллелограмма. Напр., вмѣсто того, чтобы сказать:

Гибель на языкѣ нечестивыхъ,
Кто слушаетъ ихъ погибнетъ,

мы говоримъ, совѣты нечестивыхъ пагубны, т. е. изъ двухъ парал-

---

[1]) *Saalschütz*, Von der Form d. hebr. Poesie nebst einer Abh. über die Musik d. Hebr., Königsb, 1825, p. 98; *Wilkens*, o. c., p. 111.

[2]) De sacra poesi Hebr.[2], Götting. 1770; см. у *Олесницкаго*, Ритмъ и метръ въ ветхозавѣтн. поэзіи, въ *Трудахъ Кіевск. Дух. Акад.*, 1872, сент., p. 503 сл.

[3]) Hebr. Poes., p. 16.

[4]) O. c., p. 557.

лельныхъ предложеній дѣлаемъ одно, стоящее по срединѣ между тѣмъ и другимъ предложеніемъ, но не совпадающее ни съ однимъ изъ этихъ предложеній, взятыхъ отдѣльно" [1]). По мнѣнію *С. Шафранова* [2]), это есть именно актъ превращенія поэзіи въ прозу; не отрицая синтаксическаго толкованія параллелизма Олесницкимъ, онъ настаиваетъ, однако, на его поэтической оцѣнкѣ [3]) и кладетъ его, на ряду съ нѣкоторыми другими пріемами пѣсеннаго стиля, въ основу особаго типа стилистической версификаціи, которую онъ пытается провести въ русской народной поэзіи [4]). И для *Сокальскаго* параллелизмъ еврейскаго типа является особенной поэтической формой, но онъ первый попытался подойти къ его объясненію съ совершенно иной стороны путемъ сопоставленія новыхъ данныхъ. Всеобщность параллелизма есть результатъ того однообразія, съ которымъ выражается у человѣка возбужденное настроеніе [5]), отсюда, между прочимъ, нѣкоторыя дальнѣйшія формально-поэтическія построенія, въ родѣ ритма. Аналогія музыкальнаго канонизма и секвенцій, которую приводитъ Сокальскій, крайне важна и интересна [6]), такъ какъ она дѣйствительно, въ извѣстной мѣрѣ, не только объясняетъ параллелизмъ, но и сама находитъ въ немъ свое объясненіе. Къ сожалѣнію, указанныя музыкальныя явленія еще ждутъ полнаго формальнаго объясненія въ общей связи. Въ послѣднее время *Döller* [7]), опираясь, въ сущности, на соображенія *Meier*'а [8]) о томъ, что въ еврейской поэзіи содержаніе доминировало надъ формой, высказался относительно параллелизма слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ у еврейскаго поэта мысль господствуетъ надъ формой, то ему недостаточно однажды высказать извѣстную мысль; наоборотъ, одну и ту же мысль онъ предлагаетъ намъ неоднократно то въ синонимическихъ, то въ синтетическихъ или аналитическихъ комбинаціяхъ..." [9]). Помимо этого,

---

[1]) O. c., p. 549.

[2]) О складѣ нар.-русск. пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами, p. 119.

[3]) O. c., p. 117 сл.

[4]) O. c., особенно pp. 135 сл., 157 сл.

[5]) Русск. народн. музыка великорусск. и малорусск. и т. д., pp. 232, 238 сл., 242—244. Авторъ не всегда точно различаетъ parallelismus membrorum и тотъ параллелизмъ, который Веселовскій назвалъ психологическимъ.

[6]) o. c., p. 242—243.

[7]) O. c., p. 2.

[8]) Gesch. d. poet. Nation.-Litt. d. Hebräer, Lz. 1856, p. 70,

[9]) Классификація чисто внѣшняя, принятая и въ компендіи *R. Cornely*, Hi-

реторическая сторона параллелизма объясняется путемъ общихъ психологическихъ соображеній относительно проявленія аффекта въ рѣчи [1]).

Уже Олесницкій, какъ мы видѣли выше, указалъ [2]) на широкое распространеніе параллелизма: мы встрѣчаемъ его въ поэзіи не только народовъ Востока, египтянъ, индусовъ [3]), китайцевъ [4]), но и народовъ Европы. Рядъ красивыхъ примѣровъ даютъ намъ еврейск. псалмы:

1. Was lärmen denn die Heiden,
Und raunen Völker Eitles?.
2. Rath halten Erdenkönige,
Vereint sind Fürsten wider
Den Herrn und den Gesalbten:
3. „Wir sprengen ihre Bande
Und werfen ab die Seile" (пс. II)

или великолѣпное начало пс. XXXVIII:

2. Nicht strafe mich im Zorne, Jahve,
und nicht im Grimme züchtige mich?
3. Denn Deine Pfeile trafen mich
und schwer liegt Deine Hand auf mir [5]).

Въ пѣснѣ о Гильдебрандѣ рядъ аналогичныхъ сочетаній:

v. 58. nû scal mih suâsat chind suertu hauwan,
bretôn mit sînu billiu [eddo ih imo ti banin werdan]

или

v. 55. doh maht dû nû aodlihho, ibu dir dîn ellen taoc,
in sus hêremo man hrusti giwinnan,
rauba birahaven, ibu dû dâr ênîc reht habês [6]).

какъ въ Старш. Эддѣ (по изд *F. Jónsson*'а, 1888):

---

stor. et crit. introductio in V. T. libr. sacr., Par. 1887, p. 11 (въ Cursus Script. Sacrae).

[1]) O. c. p. 4.

[2]) o. c., p. 557.

[3]) ibd., ср. *R. Heinzel*, Ueber den Stil d. altgerm. Poesie. Variation der Aussage.

[4]) Cornely ссылается на *H. Brugsch*'а, Gramm. hieroglyph., 1872, p. 97 сл., *A. H. Sayce*, An assyr. gramm. for comparat. purposes, 1872, p. 172 сл.; ср. *G. v. Gabelentz*, Chines. Gramm., 1881, § 1458, II, p. 521—522, § 1461, IV, p. 523; id. въ ZsfVpsych. X, 280—241.

[5]) по перев. *B. Duhm*'а, Die Psalmen, 1899, изъ серіи Die poet. u. proph. Bücher d. A. T. übersetzt in Versmassen d. Urschrift.

[6]) *Kögel*, Gesch. d. d. Litt., p. 224—Stilgesetz der Variation.

Goþrunarhv., Str. 4, p. 94:

boekr vǫro þínar
enar bláhvíto
roþnar í vers dreyra,
folgnar í valblóþe.

или Vǫlundarkv. Str. 11, p. 83:

ár brann hríse
allþurro fúrr,
viþr enn vindþurre
fyr Vǫlunde;

Это тѣ же явленія, что въ шведской пѣснѣ:

Och hvarför är du så bleker
och inte något röd?

или

Du lägg dig sjuk, du lägg dig död,
du läg dig uppå bårl и т. п.,

что въ цѣломъ рядѣ русскихъ пѣсенъ. Реторическій характеръ пріема не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ причитанія:

Ты скажи, родитель-батюшко,
Мнѣ извѣдай, красно-солнышко,
Ужъ ты куды да снаряжаешься,
Ужъ ты куды да сокручаешься... [1]

или:

„Ай же ты дѣвушка зельщица,
Зельщица ты, кореньщица.
Извела ты девять молодцёвъ,
Девять руськіихъ могучіихъ богатырёвъ" [2]).
А позволь-ка-ва выстроить трѝ терема̀,
А три терема златоверхіихъ.
Этой-то ноченкой темною,
Темною ноченкой осенною,
А то поставить-то мнѣ-ка трѝ терема,
А три терема златоверхіихъ,
Середи того полюшка чистаго,
Середи того садочку Путятинова [3]).

Въ одномъ стихѣ каликъ [4]) поэтъ описываетъ горе:

Втогды ростужатьсе добры сиротки,
Росплацютсе маленьки безродны...

какъ въ былинѣ о Василіи Пьяницѣ:

---

[1]) *Барсовъ*, Причитанія, II, p. 45; ср. тамъ же, напр., I, pp. 10, 11—12, 12—13, 14—15, 23—24, 26—27, 37—38; 19, 16—17, 20—21; 25, 4—5, 8—9; 45, 15—16; 49—2-ой отрывокъ; 69, 43—44; 89, 18—19; 268, 93—94 и т. д.

[2]) *Гильфердингъ*, Он. был. [2], I p. 164. (Добрыня и Маринка).

[3]) *ibd.*, III, p. 19 (Соловей Будиміровичъ).

[4]) *Безсоновъ*, Калики, I, p. 3.

Тутъ-то князь закручинился,
Владиміръ запечалился,
Говоритъ да таково слово:
„По голямъ голи шатаются,
По царевымъ кабакамъ столыпаются!“ [1])
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано... [2])

Изслѣдователямъ, прилагавшимъ къ разъясненію интересующаго насъ пріема точку зрѣнія обще-психологическую, укажемъ на обычную въ этихъ случаяхъ *парность* стиховъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно, конечно, поднять вопросъ о реальности повтореній, но въ большинствѣ случаевъ ясно чувствуется ихъ реторизмъ; впрочемъ, даже признавая реальное значеніе повтореній, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, можно еще поставить вопросъ объ источникѣ ихъ обобщенія въ стилистическій пріемъ.

Стали около старого (Ильи) похаживать (разбойники),
Стали старого обгораживать [3]).

Иногда пѣвецъ, какъ бы желая задержать вниманіе слушателей, умышленно *дробитъ* дѣйствіе, фактъ на рядъ отдѣльныхъ моментовъ, параллелизуя ихъ, расчленяетъ его [4]). Иногда параллелизмъ можетъ быть, повидимому, объясненъ *синтаксически*:

Далеченка далече во чистомъ полѣ,
Еще того подальше во раздольицѣ [5]).

Но и эти данныя не исключаютъ возможности иного толкованія пріема. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ допускаетъ эстетическую оцѣнку (со всей точностью факты эти выдѣлить невозможно), опять-таки возникаетъ прежній вопросъ о генезисѣ его формальной стороны. Если мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первоначально синтаксическимъ пріемомъ (включая сюда дробленіе дѣйствія на рядъ координированныхъ параллельныхъ моментовъ), то это вызываетъ соображеніе о его позднѣйшемъ эстетическомъ осмысленіи, какъ стилистическаго

---

[1]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, р. 352.

[2]) *Кирѣевскій*, Пѣсни [2], I, р. 19. Ср. *Шафрановъ*, о. с., р. 209, А. 1).

[3]) *Истоминъ-Дютшъ*, р. 27.

[4]) Напр. у *Гильфердинга* [2], I, р. 447 (Добрыня вооружается), II, р. 258, v. 15 сл., или III, р. 91, v. 133 сл., у *Истомина-Дютша*, р. 27 и друг.

[5]) Ср., напр., величальную пѣсню, запис. въ Арх. губ. (Онега) у *Ист.-Д.*, р. 133; *Шафрановъ*, о. с. р. 209, А. 2), 3), 4), В. 1).

пріема; на встрѣчу шли аналогичные, но въ формальномъ отношеніи болѣе опредѣленно и рѣзко выраженные факты, хотя и иного происхожденія (ритмическій параллелизмъ, развившійся на почвѣ антифонизма). Послѣдніе должны были, естественно, при нормированіи формы играть роль эстетической мѣрки. Мы подчеркиваемъ при анализѣ данныхъ критерій исполненія пѣсни, который, на нашъ взглядъ, долженъ былъ играть огромную роль. Параллелизмъ финскаго типа,—въ значительной мѣрѣ, обращикъ древнихъ спѣвовъ; въ періодъ организаціи эпоса, какъ такового, слѣды его постепенно стираются, какъ стилистическая схема подвергалась отрицательной оцѣнкѣ; у Гомера мы его почти не встрѣтимъ; спѣвы забыты, и только одиноко стоящее (ὑπο)δέχεσθαι (Il. IX, 189) еще въ состояніи воскресить въ нашемъ воображеніи общія черты картины древняго исполненія и созданія эпической кантилены. Или переживанія этой поры осмысливаются нá-ново въ эстетическій пріемъ, съ помощью котораго обрабатываются отдѣльные эпизоды, которые нужно освѣтить особенно ярко. Таковы ст.-франц. „повторенія", какъ характеризуетъ ихъ А. Н. Веселовскій (l. c.), couplets similaires [1]). Сторонники теоріи эпическихъ „сводовъ" въ ст.-франц. эпосѣ [2]) строили на нихъ свои заключенія; но позже изслѣдователи, съ особымъ вниманіемъ останавливаясь на ихъ художественномъ значеніи, пытались объяснить ихъ нѣсколько иначе, съ точки зрѣнія психологіи творческаго момента [3]), такова красивая экзегеза, предложенная А. Н. Веселовскимъ [4]). *Gröber* считаетъ повторенія (Dittologie, какъ онъ называетъ ихъ) признакомъ упадка, разложенія [5]), пріемомъ, преслѣдующимъ цѣли искусственнаго возбужденія интереса. Въ основѣ ихъ лежитъ фактъ синтаксиса [6])

---

[1]) Аналогичн. явленія въ фэрейск. пѣсняхъ о Högni у *Hammershaimb*'a, I, строфы 16, 17; 19, 20; 57, 58; 64, 65, 66; 67, 68; 98, 99, 100; II—Alvur kongur—62, 63, 64.

[2]) *Fauriel*, Des origines de l'épop. chevaleresque, p. 49 сл.

[3]) *Génin*, Introduct. à la ch. de Rol., p. LXXXVIII сл.; *P. Paris*, Hist. littér., XXII, p. 262; *G. Paris*, Hist. poét., p. 22, 368; *id.*, Extraits, p. 75, п. 26, ср. p. XXIX и п. 122; аналогическая точка зрѣнія высказана и у *A. Stimming*'a, Ueber den prov. Gir. von R., ein Beitr. z. Entwickelungsgesch. d. Volksepen, 1888, p. 13; *Nyrop-Gorra*, Storia, p. 28, 31 сл.; внѣшнее опредѣленіе пріема у *O. Dietrich*'a, Ueber die Wiederhol. in d. afr. Ch. de g. въ *Rom. Forsch.*, I, 1 h., 1882, p. 48; см. также *К. Тіандеръ*, О повтореніяхъ въ народн. эпосѣ, *Жив. Стар.*, 1896, II, p. 202 сл.

[4]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* CCXXXVIII, отд. 2, p. 249.

[5]) *Zsfr Ph.*, VI, 1882, pp. 493 сл., 497.

[6]) p. 497—498.

(соподчиненія), сохранившійся въ короткихъ системахъ, тогда какъ болѣе длинныя представляютъ собой стилистическое обобщеніе стараго синтаксическаго пріема [1]). Самостоятельное?—Народная пѣсня гораздо менѣе находчива. Къ точкѣ зрѣнія Gröber'а примкнулъ въ послѣднее время *A. Pakscher* [2]). Не отрицая важности и возможности синтаксическаго критерія, мы, тѣмъ не менѣе, въ силу принятой нами точки зрѣнія разсматриваемъ эпическія повторенія французскаго типа въ связи съ разобранными выше явленіями, гдѣ они находятъ себѣ совершенно опредѣленное мѣсто.

Связанные между собой отношеніями пренія или діалога отдѣльные параллельные элементы пѣсни, стихи, строфы или куплеты, естественно, строились симметрично: этого требовали ритмъ и мелодія, но въ то же самое время при этихъ условіяхъ легче было отвѣчать, легче отпарировать насмѣшку, воспользовавшись, если къ тому представлялся случай, оружіемъ противника. Это объясняетъ намъ своеобразную организацію цѣлой системы строфъ, связанныхъ принципомъ антифонизма.

Äpplen ock päron
De växa på träd,
ock dansar min kära,
Så dansar jag med.

Applen ock päron
De växa på kvist,
ock dansar min kära,
Så dansar jag visst.

Äpplen ock päron.
De växa på gren,
ock dansa ej min kära,
så dansar jag allen.

Или:

Du denkst du bist shiĕ,
du bildst drsch naer ei;
do kaf dr an spiegel,
un rek de nos nei.

Ich kaf mr kann spiegel,
ich rek se net na;
Ich bi a schöss madel
und krieg an schön'n ma.

По свидѣтельству *Ólafur Daviðsson'a* [3]), исландскія состязанія—vísnaeinvígi—бываютъ двухъ родовъ; *sópur*, *vísnasópur*, когда одинъ пѣвецъ просто отвѣчаетъ другому, и *skandéring*, сущность котораго (самый терминъ указываетъ на вліяніе школы) лучше всего выясняется изъ примѣра слѣд. пары четверостишій:

A. Rauður minn er sterkur stór,
Stinnur mjög til forðálágs;
Inð'r á land hann feitur fór,
fallegur á tagi og *fax*.

B. *Ex*emplaría er við hönd;
ertu því að máta fix,
er þar við ei eg reisi rönd,
að ráðu fram úr appen*dix* и т. д.

---

[1]) P. 499.

[2]) въ отчетѣ о Stimming'ѣ въ *ZsfrPh.*, XIII, 1889, p. 565.

[3]) Ísl. skemt., p. 224—226.

Такая же симметрія наблюдается и въ построеніи мелодіи. *В. Тенцовъ* [1]) приводитъ одну сванетскую походную пѣсню. „Пѣлась она, говоритъ онъ, нашими проводниками всякій разъ, когда мы начинали новый путь. Начинаетъ ее одинъ, потомъ другой ему отвѣчаетъ второй частью мотива"... Къ сожалѣнію, нельзя было ничего узнать о содержаніи пѣсни, такъ какъ проводники почти не знали по-русски. Мелодическая схема пѣсни, насколько можно судить о ней по нотному приложенію № 2, представляется слѣдующею:

1) A + B + C + D
2) $A_{\|}$ + E_{B} + C + F + C + $B_{\text{сврщ.}}$ + C + D.

Какъ въ цитированной выше шведской пѣснѣ, такъ и въ одной китайской, два параллельныхъ образа развиваются въ цѣломъ рядѣ строфъ, при чемъ всякій разъ первый съ нѣкоторыми отмѣнами служитъ отправной точкой дальнѣйшихъ построеній:

Geschüttelt sind die Pflaumen,
Und übrig sind noch sieben, oh!
Die ihr mich wollt, ihr jungen Herrn,
Jetzt ist die Zeit zum Lieben, oh!

Geschüttelt sind die Pflaumen
Und übrig sind noch dreie, oh!
Die ihr mich wollt, ihr jungen Herrn,
Jetzt ist es an der Reihe, oh!

Geschüttelt sind die Pflaumen
Und stehn in vollen Körben da.
Die ihr mich wollt, ihr jungen Herrn,
Jetzt ist die Zeit zum Werben da.

(Въ перев. V. Strauss'а) [2]).

Такъ творится по немногу, иногда томительно медленно подвигаясь впередъ, народная пѣсня, разростаясь постепенно, то останавливаясь на новыхъ подробностяхъ, подсказанныхъ готовымъ образомъ или положеніемъ, то прибѣгая къ антитезѣ или игрѣ словами. Стилистическіе пріемы эти даютъ намъ возможность глубже заглянуть въ процессъ сложенія, органическаго роста пѣсни и нѣсколько иначе отнестись къ многимъ изъ тѣхъ явленій, на которыя опиралась въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ механическая критика.

Въ приведенныхъ выше примѣрахъ связь между отдѣльными строфами пѣсни отмѣчена и внѣшнимъ образомъ; но иногда только общія черты содержанія такой импровизаціи связываютъ составляющіе ее эле-

[1]) *Сб. матер. для опис. м. и м. Кавк.*, X, р. 69 сл.
[2]) Ср. спѣвы импровизацій телеутовъ и алтайцевъ, приводимые Веселовскимъ, Псих. паралл., р. 46.

менты, кажущіеся на первый взглядъ случайнымъ конгломератомъ; Steffen даетъ намъ ряды образчиковъ подобныхъ *импровизацій*, въ видѣ такихъ *спѣвовъ*, продолжающихъ существовать, какъ самостоятельныя пѣсни (p. 46 сл., 108 сл.). Ихъ недосказанность, отрывочность напоминаетъ характерную черту стиля баллады; въ этомъ, между прочимъ, одна сторона ея лироэпизма; содержаніе пѣсни предполагается извѣстнымъ, изъ общей картины выбираются лишь опредѣленные моменты, освѣщенные особенно ярко, и связываются между собой; остальное должно доработать воображеніе слушателя. Такая кажущаяся неровность можетъ быть понята лишь какъ переживаніе извѣстнаго пріема композиціи пѣсни, спѣва, задержавшагося въ балладѣ.

Въ большинствѣ случаевъ связь между частями пѣсни отмѣчается и внѣшнимъ образомъ, какъ выше, особаго рода модифицированными или точными повтореніями, захватываемыми изъ строфы въ строфу. Такимъ образомъ общее положеніе, связывающее отдѣльные куплеты, развивается далѣе:

Nu sidder den Svend i Hœielof,
han leger med Sœlvet hin hvide;
saa lidet da posser den Svend paa mig,
saa mangerfold er min Kvide.

Nu sidder den svend i Hœieloft,
han leger med guldet hind rœde;
saa lidet da tænker nu Svenden paa mig,
sac mangerfold er min Mœde.
(*Steenstrup*, 194—195).

Въ одной португальской пѣснѣ [1]) дѣвушка, тоскуя о своемъ другѣ, обращается къ цвѣтамъ: не знаютъ ли они чего-либо о немъ?

„Ay flores! ay flores do verde pyno,
Se sabedes novas do meu amigo?
Ay Deos! Ehu é?

Ay flores! ay flores do verde ramo,
Se Sabedes novas do meu amado!

Se sabedes novas do meu amigo,
Aquel que mentio do que m'ho jurado!

Se sabedes do meu amado,
Aquel que mentio do que pos' commigo!"

Vos me perguntades pelo voss'amado?
E eu ben vos dijo que é vivo e sano.

E eu ben vos dijo que é vivo e sano
E seera vosco ant'o prazo saydo.

E eu ben vos dijo que é vivo e sano
E seera vosc'ant' o prazo passado.

Другая португальская пѣсня, которую приводитъ Jeanroy, представляется сплетеніемъ двухъ параллельныхъ, отдѣльныя строфы которыхъ опять-таки связаны между собой:

---

[1]) *F. Wolf*, Studien, p. 708 сл.

I. a) Per ribeira do rio
Vy remar o navio.
Rfr: et sabor ey da ribeira!
b) Vy remar o navio;
hy vay o meu amigo.
c) Hy vay o meu amigo,
quer me levar comsigo.

II. a) Por ribeira do alto.
Vy remar o barco;
b) Vy remar o barco,
hy vay o mey amado;
c) hy vay o mey amado
quer me levar de prado
и т. д. [1]).

Передъ нами живое явленіе. Реальное значеніе такихъ повтореній гарантировало пока ихъ цѣльность; но этотъ пріемъ могъ уже на почвѣ живой импровизаціи пріобрѣтать условный смыслъ. Не было никакой необходимости *цѣликомъ повторять* тотъ образъ или положеніе, отъ котораго отправлялся поэтъ или исполнитель пѣсни; совершенно достаточно было путемъ условнаго *захвата* вызвать въ воображеніи необходимыя ассоціаціи. Впрочемъ, допуская такого рода психологическое объясненіе захватовъ, понятыхъ какъ сокращенное повтореніе предыдущаго, мы не исключаемъ еще гипотезы ихъ ритмическаго происхожденія. Обѣ точки зрѣнія допустимы одновременно: аналогическія явленія встрѣчаемъ мы и въ области эпоса.

Къ сказанному выше объ исполненіи финскихъ рунъ необходимо прибавить еще одну крайне важную подробность: второй пѣвецъ обыкновенно, прежде чѣмъ продолжить или, лучше, развить въ параллельномъ стихѣ спѣтое его товарищемъ, *повторяетъ* почти цѣликомъ его партію и затѣмъ только ведетъ пѣсню дальше. Въ печатныхъ текстахъ такого рода пріемъ не всегда указывается, но именно такъ зачастую поются пѣсни въ народѣ. Схема строфы получается, слѣдовательно, приблизительно такая: $A \| aA_{\shortparallel} + a_{\shortparallel} B \| bB_{\shortparallel} + \ldots$

Мы указали уже по поводу спѣвовъ отдѣльныхъ строфъ на пріемъ короткихъ захватовъ и захватовъ — повтореній, измѣняющихся постоянно въ живой пѣснѣ, но постепенно обращавшихся въ условную формулу. Таковы *короткіе захваты* финскихъ рунъ: отрывокъ предыдущаго стиха, вставляемый передъ каждымъ изъ послѣдующихъ, имѣетъ цѣлью напомнить основной образъ или положеніе, которые должны быть развиты дальше, отчасти удовлетворить запросамъ ритма. Это *внутренній* рефрѐнъ, какъ, можно было бы характеризовать его.— Въ сборникѣ *Grundtvig'a* [2]) напечатана, между прочимъ, пѣсня изъ собранія Vedel'я, касающаяся саги о Гудрунѣ. Первая строфа—въ

[1]) Ср. испанск. dialogos съ частыми захватами — повтореніями у *Milà y Fontanals*, Ro., VI, pp. 54, 74—75.

[2]) *DgF*. I, p. 28 сл. (= *W. Grimm*, Altdän. Heldenlieder, № 62).

два стиха, сопровождаемая обычнымъ *внѣшнимъ* припѣвомъ. Каждая изъ послѣдующихъ состоитъ изъ трехъ съ половиною стиховъ, причемъ первые два составляютъ буквальное повтореніе конца непосредственно предшествующей строфы. Въ результатѣ получается рядъ переплетающихся строфъ съ рефреномъ, вставленнымъ внутрь ихъ, но стоящимъ, въ то же время, внѣ этой цѣпи.

I. Stolt Senilds syskinde toge paa Haand,
De giffte deris Søster i frommede Land.

II. De toge paa Haand,
De giffte deris Søster i fremmede Land,
De gafve hende sin Faders Bane i Haand.

Stolt Senild oc hendis Brødre.

III. Saa viit aff Land,
De gafve hende sin Faders Bane i Haand.
Oc det stod saa i otte Aar;
Stold Senild sine Brødre aldrig saa.

Ту же форму встрѣчаемъ мы въ цѣломъ рядѣ датскихъ, исландскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ пѣсенъ [1]). У *Tiersot* [2]) найдемъ примѣры импровизированныхъ строфъ, отдѣльные стихи которыхъ подхватывались изъ строфы въ строфу; въ схемѣ ab, ac . . . старыя отношенія, очевидно, забылись въ значительной мѣрѣ; передъ нами *постоянный захватъ-запѣвъ*, вводящій въ каждый отдѣльный куплетъ и лишь слабо напоминающій о своемъ прежнемъ значеніи. Въ примѣрахъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ Wiegenlieder [3]) попадаются зачастую *подхваты*, отвѣчающія аналогичному пріему французской народной пѣсни [4]), встрѣчающіеся и въ памятникахъ какъ ст.-франц. эпоса [5]). Въ прованс. canso redonda послѣдній стихъ строфы составлялъ начало слѣдующей. Захватъ сталъ скоро искусственнымъ пріемомъ; имъ играли провансальцы, играли Фридрихъ II и другіе поэты сицилійской школы [6]); развитіе формы шло, однако, далѣе: повтореніе

---

[1]) *DgF.* I, № 14; II, №№ 85, 50, 45; III, 154, 158, 143, 137, 130, 128, 124; IV, 247, 222, 214, 184; V, 311, 274, 266; *Isl. fornkv.* №№ 8, 9, 10, 12, 24, B, D, 38, 44, 54, 63, 65, 66; *J. Child*, Engl. and sc. pop. ball., III, 60 строфы 37 и 38.

[2]) Hist. de la ch. pop. en Fr. 1889, p. 353.

[3]) W. aus Spessart, изд. *A. Englert*'омъ въ *ZsdVfV*, IV, pp, 54 сл.

[4]) *J. Ulrich*, Franz. Volksl., 1889, 165—166, 169, 174—175, 31b.

[5]) *Nyrop-Gorra*, Storia, p. 379.

[6]) *Monaci*, Crest. ital., I, 72—73, II: 76, 83—84.

стиховъ цѣликомъ отживало свой вѣкъ, но принципъ захвата продолжалъ еще чувствоваться въ системѣ рпемъ [1]). Позднимъ отраженіемъ внутренняго рефрена или захвата въ широкомъ смыслѣ этого слова является и такъ назыв. Responsion [2]), зачастую попадающаяся въ jeux-partis ст.-франц. труверовъ, въ нѣмецк. и др.-еврейской поэзіи.

Быть можетъ больше всего развитъ *захватъ* или *подхватъ* изъ строфы въ строфу, соотв. изъ стиха въ стихъ, въ русской народной пѣснѣ. Явленіе это давно уже привлекло вниманіе изслѣдователей ея музыкально поэтическаго склада, начиная съ *Востокова*, *Классовскаго* [3]) и кончая *Шафрановымъ*, *Сокальскимъ*, *Фаминцынымъ*. Въ метрическомъ отношеніи слѣды захватовъ выясняются изъ построеній *Ѳ. Е. Корша* [4]) (длинный эпическій стихъ въ три колѣна). Извѣстная размашистая „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ"... поется такъ:

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью,
По широкому раздолью,
Разыгралася погода,
Разыгралася погода...

или

Ходила младешенька по борочку.
Брала, брала ягодку земляничку,
Брала, брала ягодку земляничку,
Наколола ноженьку на тресочку,
Наколола...

Не мало встрѣчается и сокращенныхъ захватовъ, какъ въ великолѣпной пѣснѣ:

Ахъ, не одна то, не одна во полѣ дороженька во полѣ пролегала,
Пролегала! Частымъ ельничкомъ, березничкомъ заростала,
Заростала! Молодымъ, горькимъ...

По мнѣнію, Шафранова такого рода *повторенія*, какъ онъ ихъ

---

[1]) Какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ пьесахъ *Conon de Béthune* (*Wallensköld*, p. 122, 220 сл.). Въ арабскихъ muvaschaha и zadschal риѳмы вступительной строфы повторяются съ перерывами въ концѣ послѣдующихъ строфъ. *Schack*, Poesie u. Kunst d. Ar., II, p. 120 сл.

[2]) *Thurau*, o. c., p. 7 сл.; *Freericks*, o. c., p. 25 сл.; *Döller*, o. c., p. 5 сл.

[3]) *У Ал. Фаминцына*, Отчетъ о 23-мъ присужд. наградъ гр. Уварова, pp. 15, 16, 18 и 71.

[4]) О русск. нар. стихосложеніи въ *Изв. Акад. отд. русск. яз. и слов.*, 1896, I, p. 29 сл.

называетъ, служатъ или для „поддержанія вразумительности рѣчи“ [1]), или для „поддержанія связи между членами простого или сложнаго предложенія, распространившагося на нѣсколько строфъ“ [2]), какъ въ нашемъ первомъ примѣрѣ, или же, наконецъ, для „уясненія связи между содержаніемъ двухъ сосѣднихъ строфъ“ [3]). Вообще „возникнувъ ради удовлетворенія стилистической (?) потребности рѣчи, именно для поддержанія ея *вразумительности*, форма повторенія получила потомъ болѣе обширное примѣненіе, въ качествѣ фигуры усиленія рѣчи“. Наконецъ форма эта стала употребляться уже исключительно для одного *украшенія* слова, когда пѣвецъ, какъ бы любуясь удавшимся ему выраженіемъ, повторяетъ его на всѣ лады; „но и помимо того, разнаго рода повторенія рѣчи, задерживающія ея теченіе, доставляютъ чувству возможность высказаться *исподволь*, а вмѣстѣ съ тѣмъ... задерживаютъ вниманіе слушателя, не допускаютъ его скользить мыслію по содержанію пѣсни“ [4])... Но при болѣе близкомъ разсмотрѣніи фактовъ, сгруппированныхъ Шафрановымъ [5]), оказывается, что очень многіе изъ его логически-синтаксическихъ предположеній оказываются слишкомъ субъективными или же и вовсе теряютъ свою доказательную силу; далѣе, постоянность, схематизмъ нѣкоторыхъ повтореній, равномѣрно проведенныхъ черезъ всю пѣсню, позволяютъ усумниться въ значеніи принципа поэтическаго подчеркиванья или психологическаго расчета, хотя передъ нами и поздніе факты. Переживанія древнихъ способовъ исполненія пѣсни и общія точки зрѣнія, которыя мы постарались обосновать выше, отвѣчаютъ и на тѣ запросы, удовлетворить которые путемъ перенесенія аналогичныхъ данныхъ позднѣйшей поры, поддержанныхъ общими соображеніями, нѣсколько рискованно. Точка зрѣнія Шафранова — естественный результатъ его увлеченія *стилистическимъ* принципомъ, какъ чѣмъ-то заранѣе заданнымъ, въ объясненіи русскаго пѣсеннаго склада вообще. Правда, онъ не исключаетъ для выясненія нѣкоторыхъ стилистическихъ формъ и весьма важнаго критерія — *мелодическаго* [6]). „Мелодія въ каждой пѣснѣ непремѣнно повторяется въ цѣломъ своемъ объемѣ столько разъ, сколько есть строфъ въ пѣснѣ;

---

1) O. c., p. 192 сл.—1).
2) P. 197 сл.—5).
3) P. 199 сл.—6).
4) P. 202—203.
5) P. 192 сл.
6) P. 183—184.

но сверхъ того весьма часто повторяется она и въ частяхъ своихъ, то-есть внутри той же самой строфы*. Но это значитъ объяснять одно неизвѣстное другимъ. Почему повторяется иногда мелодія или часть ея внутри строфы? Очевидно, передъ нами два ряда параллельныхъ явленій музыки и поэзіи, взаимно объясняющихъ другъ друга, если посмотрѣть на нихъ пристальнѣе. Къ сожалѣнію, для исторической мелодики сдѣлано пока́ немного. Изложенныя выше соображенія относятся къ *живому* амебейному исполненію. Съ теченіемъ времени съ развитіемъ личнаго или сольнаго въ широкомъ смыслѣ этого слова начала исполненія живой антифонизмъ вырождался въ простую дихорію, т.-е., въ сущности, наступалъ моментъ *одиночнаго* исполненія со всѣми его характерными особенностями, кореннымъ образомъ измѣнившій своеобразныя черты амебейнаго стиля.

IV.

Всѣ тѣ ритмическія фигуры, о которыхъ шла рѣчь по поводу амебейности, существовали и при одиночномъ исполненіи, съ той только разницей, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ они были менѣе ярко выражены. Внѣшній припѣвъ былъ первоначально, вѣроятно, рядомъ маркирующихъ ритмъ *восклицаній* и только позже—*обрывковъ текста, подвижныхъ* и, наконецъ, *постоянныхъ*.—При условіи *формальнаго, внѣшняго* антифонизма, т.-е., иначе, при минимальномъ, хотя бы, оживленіи амебейнаго начала развиваются формы параллелизма и другія, съ нимъ связанныя. Для жизни внѣшняго припѣва, какъ мы его только что характеризовали, это условія менѣе благопріятныя. Но насъ интересуетъ теперь обратный процессъ.

Развитіе личнаго начала въ исполненіи пѣсни естественно влекло за собою упадокъ начала хорового тамъ, гдѣ оно имѣло мѣсто. Конечно, хоръ лишь постепенно обращался въ музыкальное орудіе. Этотъ процессъ, крайне сложный въ подробностяхъ, тянулся очень долго. Попытаемся установить важнѣйшія вѣхи развитія, опредѣляющія его направленіе. Наша схема будетъ по неволѣ грѣшить всѣми недочетами теоретизма, какъ и всѣ подобныя отвлеченія. Жизнь шла менѣе логическимъ путемъ, приноровляясь къ различнымъ бытовымъ и мѣстнымъ условіямъ, и то, что по программѣ историка должно было быть исполнено въ опредѣленный, болѣе или менѣе, моментъ, оказывается, запаздывало или же опережало программу, спутывая гипотетическую хронологію. Значеніе ея, такимъ образомъ, чисто практическое. На

первыхъ порахъ хоръ еще близокъ къ тексту пѣсни. Партія его является *повтореніемъ*, связаннымъ, возможно, съ внѣшнимъ припѣвомъ древняго типа, т.-е., съ отрывочными восклицаніями или обрывками словъ, повтореніемъ, иногда, быть можетъ, съ нѣкоторыми отмѣнами, пропѣтаго запѣвалой, знающимъ лучше текстъ пѣсни или умѣющимъ лучше импровизировать; или же партія хора есть просто позднѣйшая модификація древняго рефрена чисто ритмическаго значенія. Въ дальнѣйшемъ исторія развитія припѣвовъ обоихъ типовъ окажется аналогичной, за исключеніемъ, разумѣется, того случая, если древній припѣвъ застывалъ прежде времени: и тому, и другому предоставлена возможность развитія, пока еще сильно въ пѣснѣ музыкально-ритмическое начало. Такъ или иначе припѣвъ представляетъ собою *пока* нѣчто живое, подвижное, ибо хоръ не утратилъ еще окончательно своего значенія и центръ тяжести интереса не перенесъ пока на запѣвалу (Vorsinger, ἐξάρχων) [1]). Такимъ образомъ можно объяснить, какъ бы она ни исполнялась, слѣд. форму одной французской пѣсни:

C'était un' jeune fille
D'une riche famille.
Son père la fit mettre au couvent } bis
Pour l'éloigner de son amant. }
„Je maudirai la toile,
Dont on a fait mon voile,
Et les ciseaux des malheureux, } bis.
Qui ont coupé mes blonds cheveux". }

(*Beauquier*, Ch. pop. de Franche-Comté, 1894, 100).

Bladé (Poés. pop. en. l. fr. de l'Armagnac et l'Agenais) даетъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ амебейной пѣсни:

I. *Chef de danse et de chant*:	Au jardin de mon père Y-a-t-un rosier fleuri.
Danseurs:	Au jardin de...
Chef:	Et les oiseaux y chantent, Chantent toute la nuit. Je n'en puis pas mire lan la, Je n'en puis pas dormir.
Danseurs:	Je n'en puis pas...
II. *Chef*:	Et les oiseaux y chantent, Chantent toute la nuit.

[1]) Ср. *R. M. Meyer*, Die altgerm. Poesie, p. 345: „постоянный припѣвъ древнѣе подвижнаго".

Danseurs:	Et les oiseaux...
Chef:	La caille, la tourterelle,
	Et la jolie perdrix.
	Je n'en puis pas...
Danseurs:	Je n'en puis pas...[1]).

Съ аналогичными фактами встрѣчаемся мы въ описаніи хронистомъ Adolfi [2]) своеобразнаго lange Danz, исполнявшагося въ Дитмаршахъ [3]). Это весьма обычная форма исполненія пѣсенъ. Въ подобныхъ рефренахъ могло выражаться средневерхненѣмецкое klagen helfen и сочувствіе Троянокъ горю Андромахи, Гекаты и Елены.

ὣς ἔφατο κλαίουσ', ἐπὶ δὲ στενάχοντο γυναῖκες
(Il. XXIV, 720 сл.).

Схоліастъ прибавляетъ: διεδέχοντο αὐτοὺς αἱ γυναῖκες ἀντιφωνοῦσαι [4]).

Хоръ идетъ за пѣсней — партіей запѣвалы, корифея (ἐξάρχων). Съ теченіемъ времени упрочивается роль послѣдняго, и хоръ только подпѣваетъ *отдѣльными фразами* или *восклицаніями*, взятыми изъ текста, или примыкающими къ нему по своему содержанію, подчеркивающему основную мысль или настроеніе, которыя, твердѣя, постепенно обращаются въ *постоянный припѣвъ*; это feste und sinnlose Refrains (словесные и музыкальные) Meyer'a. Постоянный, неизмѣняющійся рефренъ принадлежитъ къ числу самыхъ обычныхъ явленій народно-поэтическаго стиля пѣсенъ, перешедшихъ затѣмъ и въ художественную лирику. Мы встрѣчаемъ его всюду, начиная отъ южно-индійскихъ пѣсенъ [5]) до балладъ ферейцевъ и до канцонъ

---

[1]) Ср. исполненіе нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсенъ у *L. Schröder'a*, Hochzeitsgebräuche, p. 184.

[2]) *I. Adolfi's* genannt *Neocorus*, Chronik des Landes Dithmarschen. Hgb. v. prof. *F. C. Dahlmann*, Kiel, 1827, T. I, p. 177.

[3]) De Vorsinger, de wol alleine edder ock wol einen tho sick nimbt, de den Gesang mit singen kan, dat he ehne entlichtere unnd helpe, steidt unnd hefft ein Drinkgeschir in der Handt, hevet also den Gesang an. Unnd wen he einen Versch uthgesungen, singet he nicht vorder, sondern de gantze Hupe, so etwederss den Gesang ock weeth edder wol darup gemerket, repetert unnd wedderhalet densulven Versch. Unnd wen se it den so verne gebracht, dar itt de Vorsinger gelaten, hevet he wedder an unde singen wedder einen Versch. Wen nun diser Gestalt ein Versch edder twe gesungen unnd wedderhalet, springet edder gifft sick einer hervor, so vordantzen unde den Dantz vören...

[4]) Ср. Od. XXIV, 60 сл.; Il. XVIII, 50; XVIII, 569—572.

[5]) Рядъ примѣровъ у *Ch. E. Gover'a*, The folk-songs of South India, 1872.

Giacomino Pugliese [1]); отъ греч. ἰήϊε παιάν, ὦ διθύραμβε; αἶ αἶ τὸν Λίνον или τὸν Ἄδωνιν, отъ Архилохова τήνελλα καλλίνικε [2]) до Катулла, Гёте и Dietmar'a von Eist, отъ русскихъ хоровыхъ пѣсенъ, до пѣсенъ негровъ, бедуиновъ, австралійцевъ и различныхъ племенъ сѣверной Америки и до Béranger: c'est le jour des morts—mirliton, mirlitaine, Requiescant in pace. Плутархъ разсказываетъ объ одной старой діонисіевской пѣснѣ элидскихъ женщинъ: ἔχει οὕτως ὁ ὕμνος

ἐλθεῖν, ἥρω Διόνυσε,
Ἀλείων ἐς ναὸν,
ἁγνὸν ἅμᾱ Χαρίτεσσιν,
Ἀλείων ἐς ναὸν
τῷ βοέῳ ποδὶ θύων

εἶτα δὶς ἐπᾴδουσιν

ἄξιε ταῦρε, ἄξιε ταῦρε.

Къ тому же типу припѣва принадлежатъ рефрены греческ. келевсмъ [3]), различныхъ гимновъ Фортуната, алфавитной пѣсни бл. Августина противъ донатистовъ, припѣвы Ludwigslied'a, Carmina Burana, пѣсенъ гейслеровъ и т. п. [4]).

Но, очевидно, оторванный отъ пѣсни и предоставленный самому себѣ припѣвъ, тѣмъ самымъ, получилъ толчекъ къ новой жизни, и сталъ развиваться какъ самостоятельный элементъ пѣсни, насколько это было возможно въ узкихъ рамкахъ, которыя были отведены ему. Связь съ текстомъ пѣсни ослабѣвала и рефренъ явился *вторымъ параллельнымъ текстомъ*, досказывавшимъ общее положеніе, дорисовывавшимъ картину.

Иногда съ него начинается пѣсня, онъ вводитъ въ ея содержаніе; таковы, напримѣръ, датскіе Omkvædstammer, дающіе основной

---

[1]) *Monaci*, Crest. ital. II, p. 88 сл.

[2]) Quaest. graec., c. 36.

[3]) У *Лонга*, Дафн. и Хл., III, 21.

[4]) Интересно отсутствіе внѣшнихъ припѣвовъ въ народной поэзіи финновъ Suomi. Проф. K. Krohn и Setälä указали намъ только на одинъ любопытный въ этомъ отношеніи фактъ, (впрочемъ, полу-народнаго происхожденія?) напечатанный въ Kansanwalistus seuran lehtissä, № 5—Ritwalan Helkawirret, p. 1 сл. У эстовъ внѣшній припѣвъ встрѣчается по-преимуществу въ игровыхъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Особенной популярностью онъ пользуется у Setud въ Псковской губ. *O. Kallas*, Die Wiederholungslieder der estnischen Volkspoesie. Akad. Abh Hfors, 1901, p. 4.

аккордъ; припѣвы между строфами являются его развитіемъ, распредѣляясь подчасъ причудливо въ зависимости отъ содержанія и характера пѣсеннаго текста. Впрочемъ соотвѣтствіе припѣва и пѣсни не всегда ясно, какъ, напримѣръ, въ sinnlose Refrains Meyer'a; нарушеніе этой связи въ словахъ возмѣщается мелодіей припѣва; на помощь является ритмъ; иногда, наконецъ, общій характеръ контура образа, заключеннаго въ рамки рефрена, настраиваетъ слушателей и пѣвцовъ въ соотвѣтствующемъ смыслѣ, поднимаетъ ихъ и пѣсня глубоко западаетъ въ душу; ассоціаціи распредѣляются въ перспективѣ, намѣченной такимъ способомъ. Основная мысль извѣстной пѣсенки Гретхенъ (Meine Ruh' ist hin...) просто и ярко выражена въ припѣвѣ, являющемся въ то же время и вступительной строфой; мысль эта развивается далѣе въ цѣломъ рядѣ образовъ, освѣщающихъ центральный моментъ, заполонившихъ воображеніе дѣвушки, охваченной тревогой страсти. Время отъ времени она возвращается къ основному аккорду, резюмирующему ея душевное настроеніе, слабые отзвуки котораго слышатся непрерывно сквозь ткань пѣсни [1]). Та же цѣль нѣсколько иначе достигнута въ одной французской chanson:

Là-haut sur ces côtes, je me suis endormie
Par là il passe, mon royal ami.
Avait une rose, sur mon sein l'a mis.
La rose était fraiche, elle m'a éveillée.
„Rose, ô belle rose, qui t'a mis ici"?
„C'est votre amant, la belle, qu'a passé par ici".
„Dites moi, belle rose, quel chemin a-t-il pris?"

Рефренъ доказываетъ настроеніе дѣвушки, открывая вдали желаемую перспективу:

Les gens qui sont jeunes et belles,
Se marieront-elles?
Oui. [2]).

Впрочемъ кто знаетъ, какъ сложатся обстоятельства? По этому поводу народная пѣсня предлагаетъ рядъ шутливыхъ совѣтовъ:

I. Qui prend trop vite femme
Peste après dans son âme.

VI. Evitez la petite,
Trop grand est son mérite.

---

[1]) Ср. пріемъ stevstamme въ пѣсняхъ сванетскихъ, въ *Сборн. матер. для описан. плем. и мѣстн. Кавказа*, вып. X, 1890: stvst. повторяется въ началѣ (p. 26 сл.), въ концѣ (p. 28) или же въ началѣ и концѣ каждаго стиха (pp. 29, 31).

[2]) *Puymaigre*, Ch. pop. rec. dans le pays Nessin (Лотарингія) [2], III, 107.

II. N'en prenez point de brune
Car elle est trop commune.
III. N'en prenez pas de blonde
Elle aime tout le monde
IV. Ne prenez point de rousse
Car trop elle trémousse.
. . . .

XIV. Evitez la coquette,
Qui cherche un tête-à-tête.
XXIII. Fuyez une savante
Elle est trop mérrisante.
XXIV. Prenez de ces brunettes,
Elles sont joliettes [1]).

Между строфъ мелькаетъ беззаботно-веселый и шумный припѣвъ, задорно перерывающій каждый отдѣльный совѣтъ пѣсни:

La nuit et le jour,
Vive la jeunesse qui ne vit que d'amour.

Рефренъ извѣстной датской пѣсни (DgF, I, 30), изображающей одинъ изъ эпизодовъ французской поэмы объ Enfances Ogier le Danois, звучитъ какъ побѣдный кличъ, предваряющій самую побѣду, какъ исключающій всякую возможность сомнѣній или неувѣренности въ этомъ отношенія — Holger Dansk han vandt seir af Burmand — иначе и быть не могло. Только широкой связи становятся понятными заунывный рефренъ египетскихъ лодочниковъ, подпѣвающихъ послѣ каждой строфы своей бѣдной пѣсни—jâ lêl, jâ lêl—о, ночь! о, ночь! [2]), описательный припѣвъ датск. DgF, I, 184—Skoven stander herlig grœn—om sommaren der nu gror, или подчасъ рѣзко контрастирующіе съ содержаніемъ пѣсни и производящіе впечатлѣніе умышленно подобранныхъ русскіе ой, калина, калина, ой, малина, малина — многочисленные странствующіе припѣвы, вродѣ, напримѣръ, нѣкоторыхъ старо-французскихъ, которые освѣщаютсЯ аналогичными данными датской народной пѣсни; при этихъ условіяхъ безсмысленность многихъ припѣвовъ становится болѣе, чѣмъ призрачной.

Закончимъ нашъ нѣсколько утомительный и однообразный перечень указаніемъ на небольшую живую, плутовскую пѣсенку „Les moines de Chatillon" [3]); рѣчь идетъ о томъ, какъ однажды монахъ забрался къ молодой дѣвушкѣ, увѣрившей его, что ни отца, ни матери, ни брата нѣтъ дома. Лукавый припѣвъ tra la la долженъ исполняться вполголоса между отдѣльными куплетами. Вернувшись домой, почтенные родители были,... пріятно или непріятно,—объ этомъ пѣсня умалчиваетъ—изумлены, но во всякомъ случаѣ, скоро и щедро

[1]) *Rolland*, Ch. pop., II, 234.
[2]) *Böckel*, o. c., p. CX.
[3]) *J. Bujeaud*, Ch. et Chans. des prov. de l'Ouest, 1886, II, 278 сл.

награждены за свое отсутствіе крохотнымъ младенцемъ въ люлькѣ... Дочь позаботилась и о родителяхъ...—tra la la... Безконечной вереницей тянутся за строфами различные диди — ладо, лелю — полелю, люли — люшеньки [1]), такъ соблазнявшіе многихъ миѳологовъ, tra-la-la, juchheisa (ra-ssa), tra déri, déra, laire la, laire lan lère, hé ho ho и т. п., излюбленные эскимосами imakaja ha и др. Нѣкоторые изъ этихъ припѣвовъ до такой степени срослись съ пѣснями того или иного характера и содержанія, что обратились въ терминъ, обозначающій ихъ. Такъ „laire-lan-laire“ занялъ особое мѣсто въ репертуарѣ Théâtre de la foire, гдѣ онъ обозначаетъ легкую насмѣшливую, иронизирующую пѣсенку. Отсюда, уже, Lanlaire обобщилось въ терминъ для обозначенія вульгарной водевильной музыки различныхъ оттѣнковъ. Lonlanla стало синонимомъ небольшой веселой пѣсенки [2]). Еще дальше пошло Landerirette, сдѣлавшееся кличкой дѣвушекъ извѣстной репутаціи. Та же судьба постигла и греч. λίνος (λίνε, αἴλινε), и Lanlaire оказался въ концѣ концовъ веселымъ малымъ [3])...

Avez—vous connu Lanlaire,
Dont nous pleurons le trépas?
De pareils on n'en voit guère:
De pareils on n'en voit pas.
Lanlaire lan la.
A peine était-il au monde
Qu'au lieu de geindre et crier,
Il s'en allait à la ronde
Chanter dans tout le quartier:
Va te faire,
Lanlaire!
A ce point qu'on l'appela
Lanlaire,
Lanla,
Va te faire lanlaire,
Va te faire lanla.

Такова та группа явленій припѣва, которую мы могли бы характеризовать терминомъ—*внѣшній* припѣвъ.

---

[1]) Объ отношеніи этого припѣва къ церковному аллилуйя см. у *И. Жданова*, Русск. поэз. въ домонгольск. эпоху, р. 23.

[2]) Ср. mhd leis, leise, kirleis — Kyrie. *Wackernagel*, Gesch. d. d. Litt.[2], I, 338, a. 24 и 339, a. 25; славянскія параллели у *Ягича*, Rad, XXXV p. 33 сл.

[3]) Ch. de *G. Nadaud*, p. 343 сл.

V.

Выше мы говорили о явленіи такъ называемыхъ stevstammer. Внѣшній припѣвъ становился иногда *запѣвомъ*, небольшимъ лирическимъ вступленіемъ въ слѣдующую за нимъ пѣсню; это форма, связующая внѣшній припѣвъ съ внутреннимъ. Такъ часто исполняются скандинавскія народныя пѣсни [1]). Но издатели ихъ нерѣдко исключали такіе запѣвы, мотивируя это, какъ, напримѣръ, Abrahamson, Nyerup и Rahbek въ своихъ Udvalgte danske viser, тѣмъ, что они „совершенно не относятся къ дѣлу" или „вовсе не отвѣчаютъ содержанію пѣсни". Не только внѣшній, но и внутренній припѣвъ, захватъ, могъ становиться запѣвомъ. Часть перваго стиха захватывается впередъ:

Голова болитъ,
Болитъ больно головушка, не знаю, какъ быть!
Не знаю, какъ быть!
Вечоръ добрый молодецъ у дѣвушки былъ.
У дѣвушки былъ!
. . . .

Теоретически мы можемъ себѣ представить и болѣе полный запѣвъ.

По мѣрѣ того, какъ бралъ верхъ принципъ личнаго исполненія пѣсни, запѣвъ, не поддерживаемый болѣе припѣвомъ, могъ оставаться и развиваться далѣе, какъ нѣчто самостоятельное; такъ было и въ эпическихъ пѣсняхъ; это одинъ источникъ данной поэтической формы. Иногда, впрочемъ, эпическіе запѣвы, вродѣ извѣстнаго широкаго вступленія въ былину о Соловьѣ Будимировичѣ, можно разсматривать и какъ результатъ самостоятельнаго развитія базы психологическаго параллелизма [2]), превращенной по схемѣ запѣва.

Обращеніе такого запѣва въ условную формулу (нѣкоторые запѣвы, ставшіе постоянными, состоятъ изъ безсмысленнаго набора словъ) [3]) отрывало его отъ пѣсеннаго текста и дѣлало самостоятельнымъ ея элементомъ, параллельнымъ текстомъ; развитіе этого типа запѣва не требуетъ, конечно, никакихъ поясненій.

Крайне интересно въ формальномъ отношеніи явленіе цвѣточныхъ запѣвовъ. Извѣстны короткія четверостишія у русскихъ, у поляковъ,

---

[1]) *Steffen*, o. c., p. 143.
[2]) *Веселовскій*, Повторенія, p. 295; Псих. паралл., p. 34.
[3]) *О. Рыбаковъ*, О поэтич. творчествѣ уральск. мусульманъ, 1895 г., p. 14.

символическій параллелизмъ которыхъ объясняется часто бытовыми отношеніями [1]).

Зеленая рутонька,
Жовтый цвітъ.
Не пиду я за нелюба,
Піду въ світъ.

Оба составные элемента формулы подлежали дальнѣйшему развитію въ ту или иную сторону, ассоціировались съ новыми подробностями, надстраиваемыми и тутъ, и тамъ въ параллельномъ порядкѣ. Нарушеніе равновѣсія въ одномъ изъ рядовъ вело за собой новыя сопоставленія, и прежняя цѣльность пѣсни постепенно разрушалась. Къ такому результату могло привести, между прочимъ, неравномѣрное распредѣленіе интереса между обоими членами первоначальной параллели. Рядомъ съ приведенной выше русской параллелью коротенькіе fiori итальянскихъ stornelli или румынскихъ frunde кажутся безжизненными:

Fiore di lilla!
In mezzo'l petto tuo lo sol ce balla,
Lo sol ce balla e la lune ce trilla

(C. pop. ancon., 23, 1).

Fiore di canna!
Chi vo'la canna, vada a lo caneto,
Chi vo'la neve, vada a la montagna,
Chi vo'la figlia, accarezzi la mamma

(*Marcoaldi*, C. umbr., 94).

Или еще болѣе скромное:

Fior di gran turco!
Se non mi sposi, bel mio ragazzo,
Vo'i'n Turchia, e vo'sposare un turco.

(Изъ Тосканы, *Tigri*, II, 265).

Наконецъ всевозможныя, крайне своеобразныя сочетанія вродѣ fior di farina, di miele даже fior di tarantola, или румынскіе зеленый цвѣтъ колодца, топорика и рыбьей чешуи [2]). Natureingang, база

---

[1]) *Веселовскій*, Псих. паралл., гл. IV и V; *Отчетъ* о Чубинскомъ, р. 88 сл.; тамъ же варіанты приводимой формулы.

[2]) *А. Яцимирскій*; Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ, въ *Этногр. Обозр.*, 1895 г., р. 14 сл.

сравненія и пѣсни, сокращался и, затѣмъ, обратившись въ простой запѣвъ, музыкальный придатокъ, или символъ, настраивавшій, правда, болѣе или менѣе общѐ, развивался на-ново. Сокращеніе вступительнаго стиха могло быть столько же результатомъ внутреннихъ требованій текста, сколько и амебейнаго исполненія пѣсни, которой онъ служитъ отправной точкой; такъ поются stornelli. Развитіе анакрустическаго запѣва—совершенно естественный процессъ.

Если мы укажемъ на комбинацію внутренняго и внѣшняго рефрена въ одной и той же пѣснѣ, то этими фактами будетъ исчерпана исторія припѣва, стоящаго внѣ строфы или же связывающаго отдѣльные куплеты пѣсни между собой.

VI.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о послѣднемъ моментѣ въ исторіи развитія рефрена. Привычка къ нему, поддерживаемая обусловленной имъ же и ставшей традиціонной мелодической симметріей, помѣшала отрѣшиться отъ него даже послѣ окончательной побѣды личнаго принципа въ исполненіи пѣсни. Какъ компромиссъ явилось тогда постепенное включеніе рефрена въ строфу, приведшее къ такъ называемому tripartition или Dreiteiligkeit. Анализу этой инфильтраціи припѣва въ строфу посвящены работы *Stengel'я* [1]) и *Fr. Noack'a* [2]), главнымъ образомъ вторая. Но авторъ ея придаетъ слишкомъ большое значеніе постоянному припѣву, который и служитъ ему отправной точкой для его построеній. Въ сущности, если Noack съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ chansons avec des refrains [3]), то онъ высказываетъ сужденіе исторически не вполнѣ вѣрное, такъ какъ „Entartung", сказывающаяся въ перемѣнныхъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) припѣвахъ, какъ *форма*, можетъ быть разсматриваема съ одинаковымъ правомъ и какъ признакъ „вырожденія", и какъ попытка обновленія старыхъ формъ, сохранившихся еще кое-гдѣ. Для рѣшенія вопроса относительно инкорпорированія припѣва строфой приходится считаться съ обѣими категоріями, постояннымъ и пере-

---

[1]) Въ *ZsffrSprLitt.*, 1896 г., т. XVIII, h. 3, p. 85 сл., особенно p. 91 сл.,

[2]) Der Strophenansgang in seinem Verhältniss zum Rfr und Strophengrundstock in der refrainhaltigen afr. Lyrik въ *AAbh.* Stengel'я, т. XCVIII, 1899.

[3]) p. 46 и примѣч., сл., p. 83—84. Терминологія Noack'a заимствована имъ у *G. Raynaud*, Bibl. des Chançonniers fr. d. XII et. XIII s., 1884 г., различающаго ch. à rfr.—съ постояннымъ и ch. avec des rfrs – съ перемѣннымъ припѣвомъ.

мѣннымъ рефреномъ: одинъ являлся въ этомъ процессѣ кадромъ, который предстояло заполнить новымъ содержаніемъ; другой—параллельнымъ текстомъ, который оставалось только связать съ содержаніемъ строфы.

Попытаемся подвести итоги предыдущему.

Почвой, на которой развились всѣ описанныя выше фигуры пѣсеннаго стиля, мы считаемъ *ритмическое* начало, въ древнѣйшую пору безусловно преобладавшее въ пѣснѣ и еще очень долго поддерживаемое тѣсно съ ней связанными кинетическими элементами дѣйствія, пляски, движенія.

Моментъ *живого амебейнаго* исполненія пѣсни *особенно ярко* сказался въ развитіи *параллелизма, внутренняго припѣва* и *захвата*, и, наоборотъ, моментъ исполненія простого, монодическаго въ смыслѣ *одной* исполняющей силы—въ развитіи *внѣшняго припѣва*.

Звеномъ, связующимъ исторію обѣихъ категорій этихъ фигуръ пѣсеннаго стиля, является *запѣвъ*, одинаково и, въ извѣстной мѣрѣ, самостоятельно развившійся и на почвѣ внѣшняго, и на почвѣ внутренняго припѣва. Простѣйшимъ типомъ ихъ *комбинаціи* представляется ихъ *механическое соединеніе*. Наконецъ послѣднимъ моментомъ въ исторіи развитія внѣшняго припѣва является поглощеніе его строфой и обусловленная этимъ троичность ея схемы.

В. Шишмаревъ.

ДЕРПТСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ (1803—1820).

I.

Клингеръ, какъ попечитель округа и университета; его отношенія къ Парроту и университетской средѣ. -- Ректоры перваго періода. — Перемѣны въ личномъ составѣ профессоровъ и преподавателей. — Замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ.

Въ строгомъ смыслѣ, первый періодъ жизни Дерптскаго университета замыкается смѣною перваго его попечителя Ѳ. И. Клингера (17-го января 1817 года), такъ какъ главнымъ образомъ благодаря его преемнику, графу К. А. Ливену, университетъ получилъ новый штатъ 17-го августа 1817 года, при которомъ только и возможно было примѣненіе новаго устава 4-го іюня 1820 года; но такъ какъ, съ другой стороны, новый штатъ, дѣйствовавшій въ эти три промежуточные года въ рамкахъ стараго устава, не могъ оказать своего плодотворнаго вліянія на ходъ университетской жизни во всей ея широтѣ, то будетъ справедливо считать первый періодъ жизни университета на протяженіи 18 лѣтъ, изъ которыхъ первые полтора года пошли, какъ мы видѣли [1]), на первоначальную, формальную и фактическую, организацію новаго разсадника высшаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Клингера, какъ попечителя, вліявшаго на судьбу университета въ этой должности въ теченіе 14 лѣтъ, едва ли можно упрекнуть въ

---

[1]) См. мою статью „Возникновеніе и первоначальная организація Дерптскаго университета въ началѣ XIX вѣка“, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1901, №№ 10 и 11.

недостаткѣ интереса къ этому учрежденію и въ отсутствіи у него заботы объ его процвѣтаніи; но этотъ интересъ и заботы понималъ онъ весьма своеобразно. Повидимому, его девизомъ было при управленіи университетомъ: неуклонная строгость къ профессорамъ и студентамъ и экономія въ предоставленіи университету матеріальныхъ средствъ; впрочемъ, то и другое оправдывалось въ значительной степени обстоятельствами времени: университетская среда дѣйствительно весьма часто нуждалась тогда въ сдерживающемъ началѣ, а событія военнаго времени, совпавшія съ первымъ періодомъ жизни университета, преждевременно поколебали достаточность бюджета, который въ 1803 году представлялся для университета вполнѣ обезпечивающимъ его дальнѣйшее развитіе.

Мы уже знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ находился Клингеръ къ первому ректору университета Г. Ф. Парроту при назначеніи своемъ на постъ попечителя. Въ первый, организаціонный, годъ жизни университета по уставу 1803 года между ректоромъ и попечителемъ велась оживленная переписка, съ внѣшней стороны имѣвшая частный характеръ, но касавшаяся исключительно университетскихъ дѣлъ. Часть ея, опубликованная *Ригеромъ* [1]), представляетъ выдающійся интересъ какъ для исторіи университета вообще, такъ въ частности и для характеристики отношеній этихъ двухъ его дѣятелей въ первый періодъ его существованія.

Клингеръ вполнѣ довѣрялъ Парроту. Еще въ періодъ выработки новаго устава и противодѣйствія этому со стороны кураторовъ въ первой половинѣ 1803 года, Клингеръ сообщаетъ въ своихъ письмахъ къ Парроту тѣ или иныя новости въ министерствѣ и главномъ правленіи училищъ касательно Дерптскаго университета; дѣлится съ нимъ своими планами, какъ въ извѣстномъ случаѣ обезоружить или одолѣть „враговъ"; радуется удачамъ въ университетскихъ дѣлахъ, вполнѣ расчитывая на сочувствіе Паррота и нерѣдко прибавляя, что это „ваша и моя тайна" или что пока нужно держать переданное „sub silentio". Обращенія его къ Парроту самыя дружескія и интимныя („mein Treuerster", „mein Treuer und Wacker", „Biedrer und Treuer"); онъ характеризуетъ своего друга какъ „человѣка, полнаго огня, духа и силы". Въ самомъ дѣлѣ, въ душевной силѣ и энергіи Парротъ нисколько не уступалъ Клингеру, быть можетъ даже превосходилъ его, и это обстоятельство, при разности ихъ воспитанія и взглядовъ, не-

[1]) Briefbuch zu „Friedrich Maximilian Klinger", стр. 230—264.

минуемо должно было приводить къ столкновеніямъ. Главнѣйшимъ источникомъ такихъ несогласій являлся вопросъ о границахъ власти и компетенціи попечителя и совѣта въ университетскихъ дѣлахъ, гдѣ Парротъ и Клингеръ стояли на разныхъ точкахъ зрѣнія. Въ особенности интересны въ этомъ отношеніи два письма, которыми обмѣнялись попечитель и ректоръ въ мартѣ 1803 года. Въ письмѣ своемъ Клингеръ высказывается, по поводу одного частнаго случая, весьма откровенно: „У меня другія, болѣе скромныя, понятія, и потому между нами всегда будутъ недоразумѣнія. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ Вы найдете съ моей стороны боязливость и потворство ради моего собственнаго интереса; быть можетъ, даже увидите въ этомъ своего рода политику; здѣшніе люди, съ которыми мнѣ приходится вести борьбу, ближе знакомы съ обстоятельствами въ послѣднемъ отношеніи, и мнѣ, какъ врагу, отдаютъ, по крайней мѣрѣ, справедливость; что же касается перваго, то я слишкомъ гордъ, чтобы доказывать противоположное. Вы находите, что ваша свобода подвергается опасности; вы ссылаетесь на мои юные годы, на академическій путь? И о какомъ деспотизмѣ идетъ тутъ рѣчь? Что университетскій совѣтъ въ извѣстной формѣ долженъ давать отчетъ или испрашивать разрѣшеніе на положенные по штату расходы? Что Глинка, единственный русскій, получаетъ 2000 рублей?... Если вы, вмѣстѣ съ совѣтомъ, дѣйствительно считаете себя оскорбленными, то вамъ представляется возможность обратиться къ монарху. Жалуйтесь, жалуйтесь на меня; скажите, что свобода университета нарушена! Я чувствую себя свободнымъ и стараюсь сохранить ваши права и свободу, какъ мои собственныя; но я настаиваю на томъ, что если мнѣ приходится говорить, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ, то это имѣетъ добрыя цѣли и не вытекаетъ изъ малодушія". Переходя затѣмъ къ своимъ личнымъ отношеніямъ къ Парроту, Клингеръ говоритъ: „Вслѣдствіе всего сказаннаго я вамъ непріятенъ. На это отвѣчу только, что высокое мнѣніе, которое я о васъ имѣю, заставляетъ меня именно теперь сказать вамъ, что дѣло, у котораго мы оба стоимъ, слишкомъ важно, чтобы намъ думать объ обоюдныхъ пріятностяхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что если и на будущее время мнѣ придется столь же откровенно говорить вамъ, то это также будетъ знакомъ моего высокаго къ вамъ уваженія. Моя опытность меня научила, что два человѣка не могутъ идти по одной линіи, и что это не только невозможно, но даже и не нужно. Если это мое письмо или вообще мое отношеніе къ дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, Вамъ непріятны, то оставимъ это, какъ оно есть, будемъ дер-

жаться формальныхъ и офиціальныхъ отношеній, а я буду продолжать свое дѣло съ прежней настойчивостью и энергіей, пока хватитъ у меня къ этому охоты и терпѣнья". Въ отвѣтъ на это письмо Клингера, Парротъ, не касаясь дѣловыхъ вопросовъ, такъ говоритъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и объ отношеніи ихъ обоихъ къ тому дѣлу, которому они служатъ: „Вы очень ошибаетесь, если думаете, что мы вообще не понимаемъ другъ друга. Нѣкоторые наши съ той и другой стороны поступки мы, быть можетъ, истолковываемъ невѣрно; мы удалены другъ отъ друга и стоимъ на разныхъ точкахъ зрѣнія; Вы умудрены опытомъ, а я простой другъ добра, безъ того образованія, въ которомъ я Вамъ такъ часто завидовалъ. Но развѣ мы вообще не понимаемъ другъ друга? Я понимаю Васъ такъ хорошо, что нисколько не колеблюсь написать Вамъ это письмо, въ которомъ Вы найдете всю мою душу... Вы человѣкъ съ большимъ вліяніемъ, особенно для меня, и въ сферѣ Вашей дѣятельности я имѣю предъ собой только душу монарха, которую со всѣхъ сторонъ хотятъ у меня вырвать". Далѣе, Парротъ проситъ о продолженіи прежнихъ вполнѣ довѣрчивыхъ отношеній, вмѣсто предлагаемыхъ Клингеромъ офиціальныхъ и формальныхъ, желая доказать несправедливость пословицы, что „два твердыхъ камня плохо мелютъ", и прибавляетъ: „Будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, Вы въ общихъ дѣлахъ, я въ частностяхъ, и Вы увидите, что именно благодаря нашимъ индивидуальнымъ понятіямъ оба мы сойдемся на той точкѣ зрѣнія, на которой теперь стоимъ. Я высоко уважаю Васъ со всей Вашей политикой; любите и Вы меня со всей моей простотой. Вы тщательно сообразжаетесь съ людьми, чтобы ими руководить, а я считаю этотъ трудъ ненужнымъ и, быть можетъ, изъ двухъ насъ я бо́льшій эгоистъ" [1]). Этотъ характерный обмѣнъ мыслей наилучшимъ образомъ вводитъ насъ въ интимныя условія, при которыхъ шла общая работа Клингера и Паррота по дѣламъ университета; расходясь во многомъ, они умѣли дѣлать взаимныя уступки ради общаго дѣла, и чрезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго письма Паррота Клингеръ писалъ ему въ апрѣлѣ 1803 года: „Мы понимаемъ и будемъ всегда понимать другъ друга. Итакъ, будемъ дѣйствовать въ прежнемъ смыслѣ и духѣ, который для меня остается ненарушимымъ", и еще черезъ нѣсколько дней: „Мы стоимъ на твердой почвѣ, и я стою на ней непоколебимо" [2]).

---

[1]) Briefbuch, стр. 248—250.

[2]) Тамъ же, стр. 253, 257.

Положеніе Клингера, какъ попечителя, было нелегкое. Съ одной стороны, онъ имѣлъ передъ собой университетскую корпорацію, часто мѣнявшуюся въ своемъ составѣ и лишенную пока опредѣленныхъ традицій; въ средѣ ея далеко не было единства и того внутренняго порядка, который хотя отчасти обезпечивается взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ отдѣльныхъ членовъ другъ къ другу; попечителю нерѣдко приходилось становиться въ трудное положеніе судьи, и его постоянныя заботы о томъ, чтобы все было спокойно и тихо въ университетѣ, далеко не всегда увѣнчивались успѣхомъ, не только относительно студентовъ, но и профессоровъ; служебныя требованія отъ послѣднихъ формулировалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Парроту (3-го марта 1803 года) весьма просто и ясно: „кто исполнилъ свой долгъ, тотъ уже сдѣлалъ для меня все, и можетъ быть увѣренъ въ моемъ уваженіи“ [1]). Съ другой стороны, попечитель долженъ былъ установить и поддерживать, для пользы университета, свой авторитетъ и значеніе въ Петербургѣ. Обстоятельства, при которыхъ Клингеръ сдѣлался попечителемъ, были, какъ мы видѣли, весьма для него благопріятны. Въ особенности полезно и цѣнно было ему содѣйствіе по разнымъ, касающимся до университета, дѣламъ со стороны извѣстнаго государственнаго дѣятеля при Александрѣ I Н. Н. Новосильцова, члена главнаго правленія училищъ и попечителя Петербургскаго учебнаго округа, состоявшаго при государѣ по особымъ порученіямъ и пользовавшагося его особеннымъ довѣріемъ; въ письмахъ къ Парроту Клингеръ часто и съ большимъ сочувствіемъ упоминаетъ о Новосильцовѣ, называя его „Der Freund“, „Unser Freund“, „Votrefflicher N.“, „Der Edle“ [2]).

Изъ профессорскаго персонала въ Дерптѣ, исключая близкія отношенія къ Парроту, Клингеръ болѣе другихъ зналъ, уважалъ и въ извѣстныхъ случаяхъ пользовался нравственнымъ содѣйствіемъ со стороны еще двухъ лицъ, Моргенштерна и Еше; перваго цѣнилъ онъ въ особенности за широкое образованіе, неутомимую учено-литературную дѣятельность и живое участіе въ дѣлахъ университета, второго—за выдающіяся черты нравственнаго характера и научныя заслуги [3]); съ тѣмъ и другимъ, въ особенности съ Моргенштерномъ, Клингеръ велъ оживленную переписку.

Живя постоянно въ Петербургѣ, Клингеръ обязанъ былъ посѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 239.

[2]) Briefbuch, стр. 242, 246, 249, 252, 255, 257.

[3]) *M. Rieger*, назв. соч., II. 577—584, 615—616.

щать университетъ разъ въ каждые два года, но въ первые годы своего попечительства онъ ѣздилъ въ Дерптъ каждый годъ, обыкновенно въ концѣ весенняго семестра, и проводилъ въ университетской средѣ 10 — 12 дней, предсѣдательствуя въ совѣтѣ, присутствуя на лекціяхъ профессоровъ, посѣщая учебно-вспомогательныя учрежденія университета и вообще наблюдая жизнь послѣдняго съ разныхъ сторонъ. Первый разъ посѣтилъ онъ университетъ въ маѣ 1804 года, но съ 1810 года такія посѣщенія прекратились, хотя именно незадолго передъ этимъ оконченъ былъ постройкой каменный домъ въ ботаническомъ саду, предназначенный для остановокъ попечителя во время пріѣздовъ его въ Дерптъ и обращенный позднѣе въ квартиру директора сада. Причину этой своей перемѣны къ университету Клингеръ такъ объясняетъ въ письмѣ къ Моргенштерну отъ 25-го декабря 1811 года: „Что касается моего пріѣзда въ Дерптъ, то ничего другого объ этомъ я не могу сказать кромѣ того, что во всякомъ случаѣ такую поѣздку я предпринялъ бы весьма неохотно. Послѣднія событія [1]), которыя указываютъ на полный упадокъ дисциплины, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжающіяся и постоянно возрастающія партійныя несогласія въ университетской средѣ не могутъ привлекать къ такому путешествію, при которомъ пришлось бы ближе видѣть эти обстоятельства и изслѣдовать ихъ причины; и это тѣмъ болѣе, что едва ли теперь можно питать надежду привести дѣла въ лучшее положеніе: страсти и личности, кажется, слишкомъ уже получили перевѣсъ, такъ что все остальное приносится имъ въ жертву“ [2]). Объясненію этому во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ полной искренности. Дѣйствительно, къ этому времени уже вполнѣ успѣли обнаружиться тѣ внутреннія неурядицы, которыя разъѣдали университетскую среду и, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, вели университетъ къ весьма вѣроятному окончательному паденію; тѣмъ не менѣе мотивъ, приводимый Клингеромъ для объясненія перемѣны своего отношенія къ университету, является весьма характернымъ: принимая близкое участіе въ дѣлахъ университета въ первые годы своего попечительства, Клингеръ потомъ сильно охладѣлъ къ этому учрежденію, не хотѣлъ близко вникать въ условія его жизни и потерялъ надежду по прежнему оказывать на нее вліяніе своимъ личнымъ присутствіемъ и авторитетомъ. И

[1]) Тутъ разумѣются нѣкоторыя обстоятельства изъ студенческой жизни, о которыхъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ ниже.

[2]) Briefbuch, стр. 146.

въ эту вторую половину своего попечительства, въ 1810 — 1812 годахъ онъ имѣлъ въ Дерптѣ человѣка хотя и не столь близкаго ему, какъ Парротъ, тѣмъ не менѣе такого, административному такту котораго онъ вполнѣ отдавалъ справедливость и оказывалъ полное довѣріе; это былъ ректоръ Гриндель, въ письмахъ къ которому [1]) онъ нерѣдко говоритъ объ университетѣ съ большимъ сарказмомъ или тономъ горькой безнадежности; въ одномъ изъ этихъ писемъ, отъ 31-го января 1811 года, попечитель подводитъ итогъ и вообще своимъ отношеніямъ къ профессорской средѣ: „я знаю, что съ самаго начала и до сихъ въ Дерптѣ моей участью было и будетъ остаться неузнаннымъ, если не всѣми, то во всякомъ случаѣ многими" [2]). Какъ бы ни объяснять это признаніе временнымъ разочарованіемъ Клингера относительно университета, оно имѣетъ несомнѣнную цѣну указанія на непопулярность его въ университетѣ; да и отношеніе Клингера къ университету во вторую половину попечительства было совсѣмъ иное, чѣмъ въ первую.

Въ уваженіе литературныхъ заслугъ Клингера философскій факультетъ присудилъ ему, 5-го декабря 1814 года, степень почетнаго доктора философіи, какъ „poëtae philosopho, operibus litterarum nationis germanicae condecorantibus per Europam claro, quibus non solum sapientiam politicam, moralem et litterariam singularium observationum et praeceptorum rara veritate egregie docuit, sed etiam virtutis masculae, nec vanae doctrinae blandis praestigiis obcaecatae, nec fortunae inimicae diris casibus fractae, exempla praeclara, tum tragoediis veterum granditatem felicissime aemulantibus, tum fabulis romanensibus ingeniosissime ita confictis, ut altae mentis vinculo inter se copulatae corpus integrum constituant".

Ближайшимъ сотрудникомъ попечителя по управленію университетомъ являлся ректоръ, глава университета и его представитель во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда того требовали обстоятельства внутренней или внѣшней жизни университета. Мы уже знаемъ, что избраніе ректора изъ среды совѣта происходило, по уставу 1803 года, каждый годъ. Изъ ректоровъ Дерптскаго университета въ первый періодъ его существованія совершенно исключительное положеніе занималъ Парротъ, хотя, какъ было упомянуто, въ общей сложности онъ былъ въ разное время ректоромъ лишь нѣсколько болѣе трехъ

---

[1]) Напечатаны у *Ригера* въ Briefbuch, стр. 264—281.

[2]) Briefbuch, стр. 273.

лѣтъ. Изъ другихъ ректоровъ этого времени никто особенно не выдвинулся ни продолжительностью службы, ни особымъ вліяніемъ или заслугами. Ректоръ выбирался съ 1-го августа по то же число слѣдующаго года, и кромѣ *Г. Ф. Паррота*, срокъ ректорства котораго указанъ былъ выше, въ другое время ректорами были: профессоръ патологіи *Д. Г. Балкъ* (одинъ годъ, съ 1-го августа 1803 г. — 1-го августа 1804), профессоръ русской исторіи *А. Х. Гаспари* (одинъ годъ, 1804—1805), профессоръ римскаго права *Г. Ф. Мейеръ* (два года, 1806—1808), профессоръ акушерства *Х. Ф. Дейчъ* (два года, 1808 — 1810), профессоръ химіи *Д. Г. Гриндель* (два года, 1810 — 1812), профессоръ діэтетики *М. Э. Стиксъ* (одинъ годъ, 1813 — 1814), профессоръ камеральныхъ наукъ *Ф. Э. Рамбахъ* (два года, 1814—1816), профессоръ лифляндскаго провинціальнаго права *Х. Ю. Штельцеръ* (одинъ годъ, 1816—1817), профессоръ химіи *І. Е. Гизе* (одинъ годъ, 1817 — 1818). Въ 1818 году, при попечителѣ графѣ Ливенѣ, ректоромъ избранъ былъ профессоръ русской исторіи *Густавъ Эверсъ*, избиравшійся въ эту должность цѣлыхъ 12 лѣтъ сряду (1818 — 1830), но его дѣятельность относится уже ко второму періоду жизни Дерптскаго университета. Болѣе другихъ съ намѣреніями Клингера, повидимому, гармонировалъ Гриндель, которому попечитель писалъ 6-го августа 1812 года, послѣ сложенія имъ съ себя въ послѣдній разъ ректорскаго званія: „Вы исполнили, къ моему великому удовольствію, эту важную должность съ рвеніемъ, бдительностью и строгой точностью въ отношеніи всякаго рода возложенныхъ на Васъ обязанностей“ [1]).

Что касается профессоровъ, то выше были названы тѣ изъ нихъ, которыми замѣщены были каѳедры при организаціи университета въ 1803 году; за послѣдующіе годы до 1820-го въ личномъ составѣ каѳедръ по отдѣльнымъ факультетамъ произошли слѣдующія пополненія и измѣненія.

На богословскомъ факультетѣ новымъ лицомъ явился только, по выходѣ въ отставку профессора церковной исторіи и богословской словесности І. фонъ-Горна, преемникъ его Христіанъ-Фридрихъ *Зегельбахъ* (1810—1823).

На юридическомъ факультетѣ, напротивъ, къ концу перваго періода оказались по всѣмъ каѳедрамъ новыя лица. По каѳедрѣ римскаго и нѣмецкаго права по гражданской и уголовной части, за

---

[1]) Briefbuch, стр. 280 -281.

смертію К. Ф. Мейера (1817 г.), назначенъ былъ Христофоръ-Христіанъ *Дабеловъ* (1818 — 1830), начавшій преподаваніе впрочемъ лишь со II семестра 1819 года; каѳедра лифляндскаго права послѣ смерти І. Л. Мютеля (1812 г.) оставалась до 1815 года вакантной, пока не замѣщена была сначала Христіаномъ-Юліемъ *Штельцеромъ* (1815 — 1817), а потомъ *І. Г. Нейманомъ* (1818 — 1827), бывшимъ за четыре года до того профессоромъ по каѳедрѣ положительнаго государственнаго и народнаго права; кромѣ того, въ 1818 — 1819 гг. лифляндское право преподавалъ въ качествѣ приватъ-доцента Вольдемаръ-Фридрихъ *фонъ-Дитмаръ*. Эстляндское и финляндское право, послѣ ухода Х. Д. Розенмюллера, представлено было сначала Христіаномъ-Гейнрихомъ *Кёхи* (1805 — 1817), а послѣ его отставки каѳедра эта, обращенная временно въ каѳедру уголовнаго права, замѣщена была Вильгельмомъ *Снеллемъ* (1819), который впрочемъ, по обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано особо, даже и не началъ своей преподавательской дѣятельности. На каѳедру курляндскаго права, послѣ смерти Ф. К. Клейненберга (1813), назначенъ былъ Фридрихъ *Лампе* (1813—1814), перешедшій впрочемъ вскорѣ на каѳедру положительнаго государственнаго и народнаго права (1814 — 1823), занятую до того, какъ было выше указано, *І. Г. Нейманомъ* въ первые годы его службы въ Дерптскомъ университетѣ; каѳедра же курляндскаго права, оставаясь послѣ Лампе нѣсколько лѣтъ вакантной, была занята на I семестръ 1820 года Гейнрихомъ-Куртомъ *Стеверомъ*.

По медицинскому факультету, когда Г. Ф. Изенфламмъ оставилъ службу въ Дерптскомъ университетѣ, преемникомъ ему по каѳедрѣ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки былъ приглашенъ изъ Лейпцига Карлъ-Фридрихъ *Бурдахъ*, остававшійся впрочемъ недолго (1811 — 1814), и послѣ его назначенъ былъ *Р. Э. Цихоріусъ* (1814—1827), бывшій до того въ должности прозектора. По каѳедрѣ патологіи, семіотики, терапіи и клиники, за уходомъ Д. Г. Балка, назначенъ былъ ему преемникомъ Іоганнъ-Фридрихъ *Эрдманъ* (1817—1824). Каѳедра хирургіи послѣ Л. Э. Кауцмана была представлена нѣкоторое время лишь въ лицѣ приватъ-доцента Іоганна-Людвига *Іохмана* (1811 — 1814), а потомъ на нее назначенъ былъ профессоромъ Іоганнъ-Христіанъ *Мойеръ* (1814—1836). Что же касается должности прозектора, то, съ переходомъ въ 1814 году Л. Э. Цихоріуса на каѳедру анатоміи, она оставалась вакантной до 1820 года, когда на нее назначенъ былъ Іоганнъ-Фридрихъ *Эшшольцъ* (1820 — 1829),

бывшій впослѣдствіи профессоромъ анатоміи; это былъ первый случай назначенія въ Дерптскій университетъ собственнаго питомца [1]).

По философскому факультету, на физико-математическомъ отдѣленіи, послѣ ухода въ 1809 году I. В. Пфаффа, каѳедра чистой и прикладной математики оставалась вакантной до 1811 года, когда на нее назначенъ былъ Готфридъ *Гутъ* (1811 — 1818), послѣ котораго каѳедра эта опять оставалась незамѣщенной до 1821 года, и математику временно преподавали въ 1819—1820 гг. обсерваторъ астрономической обсерваторіи, впослѣдствіи знаменитый профессоръ астрономіи, Фридрихъ-Вильгельмъ *Струве*, а въ 1820 году частный преподаватель Іоганнъ-Михаилъ *Гаусманъ*; обсерваторомъ послѣ Х. Ф. Кнорре назначенъ былъ Магнусъ-Георгъ *Паукеръ* (1811 — 1813), а за уходомъ его *Ф. В. Струве* (1814—1820).

На отдѣленіи естественныхъ наукъ, послѣ ухода А. Н. Шерера въ Петербургскую медико-хирургическую академію, по каѳедрѣ химіи назначенъ былъ сначала Давидъ-Іеронимъ *Гриндель* (1804 — 1814), а потомъ Фердинандъ *Гизе* (1814 — 1821). По каѳедрѣ натуральной исторіи вообще и ботаники въ особенности, послѣ смерти Г. А. Германа (1809), преподавалъ этотъ предметъ въ I семестрѣ 1810 года профессоръ химіи Гриндель, а потомъ на эту каѳедру назначенъ былъ Христіанъ-Фридрихъ *Ледебуръ* (1811—1836).

На историко-филологическомъ отдѣленіи, по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, за уходомъ Г. А. Глинки, назначенъ былъ ему въ преемники Андрей Сергѣевичъ *Кайсаровъ* (1810—1813), а послѣ его смерти въ сраженіи при Гайнау (14-го мая 1813) мѣсто его занялъ Александръ Ѳедоровичъ *Воейковъ* (1814 — 1820). Каѳедра всеобщей исторіи, послѣ смерти Г. Ф. Пешмана (1812), оставалась вакантной до 1828 года. На каѳедру русской исторіи, географіи и статистики, послѣ ухода А. Х. Гаспари въ Кенигсбергъ, назначенъ былъ *Густавъ Эверсъ* (1810 — 1820), бывшій впослѣдствіи профессоромъ положительнаго государственнаго и народнаго права на юридическомъ факультетѣ. Кромѣ того, указомъ 21-го апрѣля 1817 года, положенная по уставу 1803 года каѳедра краснорѣчія и словесности

[1]) Достойно здѣсь упоминанія, что въ печатномъ расписаніи лекцій на I семестрѣ 1819 года въ должности „экстраординарнаго профессора медицины и прозектора“ объявленъ былъ знаменитый впослѣдствіи Карлъ-Эрнстъ *фонъ-Беръ*, но онъ вскорѣ отъ предложенной ему профессуры отказался: Selbstbiographie von Dr. Karl Ernst von Baer. 2 Aufl. 1866, стр. 238—239.

древнихъ языковъ, филологіи, эстетики и исторіи словесности и художествъ раздѣлена на двѣ, а именно: на каѳедру краснорѣчія и древней классической словесности и каѳедру эстетики и исторіи литературы и искусствъ. Обѣ эти каѳедры замѣщены были однимъ лицомъ, Карломъ *Моргенштерномъ*, преподававшимъ доселѣ предметы, входившіе въ нихъ до раздѣленія одной каѳедры на двѣ, „въ уваженіе обширныхъ его по сей части познаній и опытности", при чемъ, сказано далѣе въ томъ же указѣ, „въ разсужденіе заслугъ, оказанныхъ имъ университету и особеннаго одобренія объ немъ отъ попечителя онаго генералъ-лейтенанта графа Ливена", положено производить ему жалованье по обѣимъ каѳедрамъ [1]).

На технолого-экономическомъ отдѣленіи каѳедра военныхъ наукъ, послѣ вступленія въ военную службу Ф. Г. фонъ-Эльснера (1813), оставалась шесть лѣтъ вакантной, и въ теченіе нѣкотораго времени читалъ для студентовъ лекціи по этому предмету инженеръ-маіоръ *А. фонъ-Цёкель*; въ 1819 году на каѳедру военныхъ наукъ былъ приглашенъ маіоръ прусской службы Фридрихъ-Вильгельмъ *фонъ-Адеркасъ*, занимавшій эту каѳедру до самаго ея закрытія (1819—1830).

Въ составѣ „учителей языковъ", или лекторовъ, произошли въ разсматриваемый періодъ слѣдующія перемѣны. Лекторомъ русскаго языка, послѣ І. Елачича, былъ Іоганнъ-Фридрихъ *Тернеръ* (1804—1822); нѣмецкій языкъ, послѣ К. Ф. Петерсена, преподавалъ Августъ-Генрихъ *фонъ-Вейраухъ* (1819—1821); англійскую лектуру послѣ В. Бересфорда занималъ сначала Александръ *Монтагъ* (1806—1812), а потомъ она оставалась нѣсколько лѣтъ вакантной, пока съ 1818 года не сталъ преподавать англійскій языкъ, частнымъ образомъ, лекторъ русскаго языка Тернеръ, перешедшій впослѣдствіи (1822) окончательно на англійскую лектуру; итальянскій языкъ преподавалъ Паскаль-Этторе *Морелли* (1815—1818); лекторами эстонскаго языка послѣ Ф. Д. Ленца были Георгъ-Филиппъ *фонъ-Ротъ* (1810—1817) и Людвигъ-Вильгельмъ *Морицъ* (1817—1822).

Наконецъ, среди „учителей искусствъ" встрѣчаемъ слѣдующія новыя имена. Въ обученіи танцамъ Л. Шевалье смѣнилъ Феликсъ *Пелабонъ* (1817—1828); съ 1812 года являются особые учителя фехтованія, обученіе которому соединено было прежде съ верховой ѣздой: это были Іоганнъ *Мателинъ* (1812) и Александръ *Дюфуръ*

---

[1]) Сборникъ постановленій, I, 983—984.

(1817 — 1824); хотя вопросъ объ учителѣ музыки поставленъ былъ еще въ 1803 году, но рѣшенъ былъ лишь позднѣе назначеніемъ Гейнриха-Вильгельма *Фрике* (1807 — 1815), за которымъ слѣдовалъ Николай *Томсонъ* (1816 — 1839); механическимъ работамъ, послѣ Х. Ф. Веллинга, обучалъ Веніаминъ *Политуръ* (1807—1824).

По этому перечню можно видѣть, что изъ 28 каѳедръ, положенныхъ по уставу 1803 года (если не считать одной, „теоретическаго и практическаго россійскаго правовѣдѣнія", которая была только обѣщана „въ послѣдствіе времени", но въ описываемый періодъ осталась неоткрытой) и замѣщенныхъ въ первые годы жизни университета, къ 1820 году удержали своихъ первоначальныхъ представителей 11 каѳедръ: три на богословскомъ факультетѣ (Л. Эверсъ, Гецель, Беллендорфъ), три на медицинскомъ (Стиксъ, Дейчъ, Цихоріусъ) и пять на философскомъ (Еше, Парротъ, Моргенштернъ, Краузе, Рамбахъ); на юридическомъ факультетѣ не осталось никого изъ первоначальнаго состава. Если принять въ соображеніе эти цифры вмѣстѣ съ числомъ положенныхъ по каждому факультету каѳедръ, то выйдетъ, что устойчивѣе всего въ данномъ отношеніи оказался богословскій факультетъ, въ которомъ сохранилось къ концу перваго періода три четверти первоначальнаго профессорскаго состава; за нимъ идетъ медицинскій, сохранившій половину своихъ членовъ; менѣе половины своего состава сохранилъ философскій факультетъ, а юридическій не сохранилъ никого. На болѣе быструю смѣну лицъ на юридическомъ факультетѣ, хотя и не изъ первоначальнаго состава, не безъ вліянія осталось удаленіе нѣкоторыхъ его членовъ въ 1817 году за незаконное присужденіе степени доктора правъ двумъ лицамъ въ 1816 году; вслѣдствіе этого юридическій факультетъ въ I семестрѣ 1818 года, когда еще не успѣло послѣдовать назначеніе новыхъ лицъ вмѣсто уволенныхъ, состоялъ всего изъ одного лица (проф. Лампе), а въ теченіе трехъ семестровъ (II 1818, I и II 1819) изъ двухъ (Лампе и Нейманъ). Всего долѣе оставалась незамѣщенной каѳедра всеобщей исторіи послѣ смерти Пешмана—цѣлыхъ 16 лѣтъ (1812 — 1828), изъ которыхъ первыя 8 падаютъ на первый періодъ жизни университета, а вторыя 8 заходятъ во второй; старанія факультета найти подходящаго кандидата встрѣчали препятствіе или въ отказахъ тѣхъ лицъ, на которыхъ падалъ выборъ, въ виду затруднительныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ университета во вторую половину перваго періода, или въ противодѣйствіи избраннымъ кандидатамъ со стороны попечителя.

Попечитель Клингеръ, особенно въ первую половину своего попечительства, принималъ живое участіе въ замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ, заботясь прежде всего о научныхъ достоинствахъ выставляемаго совѣтомъ кандидата и иногда указывая на кандидатовъ съ своей стороны. Онъ, напримѣръ, въ началѣ 1803 года подавалъ Парроту мысль пригласить изъ Геттингена филолога I. Т. Буле и ботаника Гофмана [1]), но приглашеніе это не состоялось, и оба названные ученые достались въ 1804 году Московскому университету; около того же времени онъ выражалъ свое полное удовольствіе по поводу выбора университетомъ Рамбаха [2]), но, съ другой стороны, былъ, напримѣръ, противъ избранія на каѳедру всеобщей исторіи Струве и Роммеля или на каѳедру хирургіи упомянутаго выше приватъ-доцента Іохмана, находя ихъ научную подготовку несоотвѣтствующей требованіямъ, предъявляемымъ къ профессору [3]).

Этотъ контроль по отношенію къ совѣту въ самомъ дѣлѣ былъ тогда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, весьма умѣстенъ, такъ какъ исходилъ отъ лица хотя и не достаточно компетентнаго въ научномъ смыслѣ, но чуждаго предубѣжденіямъ или стороннимъ соображеніямъ университетской среды; нѣкоторыя каѳедры оставались вакантными довольно долгое время именно по винѣ совѣта, предпочитавшаго, по разнымъ мотивамъ, не всегда согласнымъ съ интересами преподаванія, замѣщать ихъ временно кѣмъ-либо изъ наличнаго состава по другимъ каѳедрамъ, отчего, конечно, болѣе выигрывалъ временный замѣститель, нежели университетъ и учащіеся; Клингеръ нерѣдко и весьма энергически возставалъ противъ такого порядка [4]).

Въ матеріальномъ отношеніи, касательно каѳедръ, имѣли мѣсто два измѣненія сравнительно съ тѣмъ, что было положено по уставу 1803 года: какъ выше было указано, при новомъ распредѣленіи по двумъ каѳедрамъ предметовъ хирургіи, повивальнаго искусства и скотнаго лѣченія въ 1804 году, одна экстраординатура была обращена въ ординатуру; въ томъ же 1804 году профессору военныхъ наукъ фонъ-Эльснеру, каѳедра котораго по уставу соединялась съ экстраординатурой, лично была высочайше предоставлена ординатура.

---

[1]) Briefbuch, стр. 236.

[2]) Тамъ же, стр. 256.

[3]) *M. Rieger*, назв. соч., II, 601—604; Briefbuch, стр. 169.

[4]) *M. Rieger*, назв. соч., II, 600; Briefbuch, стр. 272.

II.

Совѣтъ.—Правленіе.—Судебныя учрежденія университета.—Денежныя средства отъ казны; освобожденіе отъ управленія земельными гаками; добавочныя статьи къ штату 1803 года.

Уставъ 1803 года, предоставляя совѣту весьма широкую компетенцію въ дѣлахъ университета (§§ 22—46), этимъ самымъ поставилъ совѣтъ въ соприкосновеніе со всѣми болѣе или менѣе важными вопросами и событіями университетской жизни; но именно потому и придется здѣсь упомянуть объ его дѣятельности весьма кратко и лишь съ внѣшней стороны, такъ какъ указаніе на важнѣйшіе труды совѣта, когда онъ являлся обыкновенно рѣшающей инстанціей, найдетъ себѣ мѣсто ниже, когда будетъ рѣчь о тѣхъ или иныхъ сторонахъ жизни университета въ цѣломъ и въ частностяхъ.

Университетскій совѣтъ въ первые годы собирался весьма часто, каждую недѣлю и даже чаще, но съ теченіемъ времени, когда организаціонныхъ вопросовъ становилось все меньше и меньше, и университетская жизнь принимала опредѣленныя формы, не требовавшія уже столь частаго обмѣна мыслей между членами совѣта, послѣдній сталъ собираться рѣже; это ясно изъ слѣдующей градаціи числа засѣданій по годамъ: въ 1803—93, въ 1804—46, въ 1805—47, въ 1806—36, въ 1807—33, въ 1808—28, въ 1809—20 и т. д. Ежегодно, въ концѣ мая, полагалось по уставу (§ 24) засѣданіе совѣта для выбора ректора и декановъ; достойно замѣчанія, что въ избраніи декановъ принимали участіе не только члены соотвѣтствующаго факультета, но и весь совѣтъ, „дабы имѣлъ онъ (деканъ) довѣріе всѣхъ своихъ сочленовъ въ университетскомъ совѣтѣ“, при чемъ на практикѣ дѣло велось такъ, что въ день избранія ректора совѣтъ предлагалъ отъ себя каждому факультету двухъ кандидатовъ изъ числа его членовъ для выбора въ деканы, и факультетъ, избиравшій декана въ засѣданіи совѣта, долженъ былъ выбрать именно одного изъ этихъ кандидатовъ (§ 68 устава 1803 года).

Самымъ важнымъ дѣломъ, исключительно принадлежавшимъ совѣту, былъ выборъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры. Процедура избранія состояла изъ двухъ половинъ — назначенія или заявленія именъ кандидатовъ и самаго „избранія“; обѣ эти половины совершались въ двухъ отдѣльныхъ засѣданіяхъ совѣта, между которыми долженъ быть промежутокъ времени не меньше недѣли. Въ первое за-

сѣданіе ректоръ спрашивалъ объ именахъ кандидатовъ сначала членовъ соотвѣтствующаго факультета, а потомъ и остальныхъ членовъ совѣта, при чемъ имена эти вносились въ нарочно предназначенную для того книгу; каждый членъ совѣта могъ внести только одного кандидата, съ объясненіемъ мотивовъ своего предложенія, и мотивы эти должны были быть тѣмъ обстоятельнѣе, чѣмъ дальше отстояла спеціальность предлагающаго отъ спеціальности предлагаемаго кандидата; во второе засѣданіе производилось собственно избраніе, при чемъ, если голоса въ совѣтѣ раздѣлялись поровну, и вторичная баллотировка давала тотъ же результатъ, то вопросъ рѣшался членами соотвѣтствующаго факультета (§§ 33—35). Изъ другихъ дѣлъ, университетскій совѣтъ занимался разсмотрѣніемъ апелляцій по рѣшеніямъ факультетовъ, вопросами училищными и цензурными, увольненіемъ въ отпускъ не свыше 28 дней, хозяйственной частью.

Когда въ Дерптъ пріѣзжалъ попечитель, то онъ нерѣдко самъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ; въ первый разъ это имѣло мѣсто 25-го и 31-го мая 1804 года. Засѣданія совѣта до постройки главнаго зданія университета въ 1803—1809 гг. имѣли мѣсто то въ домѣ фонъ-Бока, то въ такъ называемомъ „старомъ университетскомъ зданіи“, въ главномъ же зданіи первое засѣданіе совѣта состоялось 7-го августа 1809 года.

На обязанности совѣта лежало также устройство торжественныхъ засѣданій, на которыхъ произносились рѣчи и куда имѣли доступъ и посторонніе лица. Уставъ предписывалъ (§ 63), чтобы ежегодная смѣна ректора сопровождалась произнесеніемъ рѣчи какъ прежнимъ ректоромъ, такъ и новымъ, и порядокъ этотъ въ первую половину перваго періода довольно строго соблюдался, при чемъ такое засѣданіе обыкновенно устраивалось въ августѣ мѣсяцѣ; но съ 1814 года торжественныя собранія по поводу смѣны ректора или стали соединяться съ другими, напримѣръ, съ днемъ празднованія коронаціи 15-го сентября, или совсѣмъ не устраивались. Изъ произнесенныхъ на нихъ рѣчей должно здѣсь назвать слѣдующія: въ 1805 году—*Гаспари* „Ueber die Verdienste, welche die Russen sich um die Erweiterung der Erdkunde zur See erworben haben“ и *Паррота* „Von dem Berufe und den Pflichten der Studierenden“, въ 1806 году — *Паррота* „Ueber die Erweiterung des menschlichen Daseyns“ и *Мейера* „Woran es liege, das der wissenschaftliche Charakter der positiven Jurisprudenz hin und wieder noch verkannt und nicht gehörig gewürdigt wird?“, въ 1808 году — *Мейера* „Fortschritte der Universität bis auf ihren ge-

genwärtigen Zustand“ и *Дейча* „Vergleichung der verschiedenen Entwickelungsperioden des menschlichen Geistes und Körpers“.

Кромѣ того, въ торжественныя собранія въ теченіе года сходился университетъ еще въ слѣдующіе дни: 13-го января въ день рожденія императрицы Елизаветы Алексѣевны, 12-го марта въ день восшествія на престолъ императора Александра I, 30-го августа въ день тезоименитства государя, 15-го сентября въ день коронаціи, 14-го октября въ день рожденія вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и 12-го декабря въ день рожденія государя и вмѣстѣ съ тѣмъ годовщину университета. Торжества эти также сопровождались рѣчами, изъ которыхъ назовемъ здѣсь слѣдующія: въ 1804 году—*Моргенштерна* „Von der erhabenen Planmässigkeit im Kaiserleben Alexanders des Ersten“ (12-го декабря); въ 1805 году—*Пешмана* „Ueber den Zustand des weiblichen Geschlechts im ältern Russland“ (13-го января), *Гринделя* „Ueber die Fortschritte des menschlichen Geistes durch Naturforschung“ (30-го августа), *Моргенштерна* „Ueber Planmässigkeit im Lesen“ и „Ueber Klopstock“ (обѣ 12-го декабря); въ 1806 году—*Балка* „Ueber die Organenlehre des Dr. Gall“ (13-го января) и *его-же* „Ueber die physische und intellectuelle Menschenentwickelung“ (30-го августа); въ 1807 году—*Моргенштерна* „Ueber Socrates“ (12-го декабря); въ 1808 году—*Балка* „Ueber die organischen Bedingungen der Intellectualität mit besonderer Rücksicht auf den weiblichen Gemüthscharakter“ (13-го января), *Беллендорфа* „Einige Bemerkungen und Ideen über das zweckmässige Verfahren bey Vergleichung der hebräischen Sagengeschichte mit den Mythen anderer Völker“ (15 сентября); въ 1809 году—*Клейненберга* „Ueber die Humanität der russischen Gesetzgebung“ (15-го сентября); въ 1811 году—*Моргенштерна* „Ueber die früheren dramatischen Werke eines deutschen Dichters“ (12-го декабря), дополненіемъ къ которой является его же рѣчь въ 1812 году „Ueber die späteren dramatischen Werke eines deutschen Dichters“ (12-го декабря) [1]); въ 1813 году—*Рамбаха* „Betrachtungen über den Krieg“ (30-го августа); въ 1814 году—*Зегельбаха* „Das Namenfest S. M. des Kaisers Alexander I“ (30-го августа) [2]); въ 1815 году—*Моргенштерна* „Von Charakterschönheit und Charaktergrösse und von der Seltenheit ihres Bundes“ (12 декабря);

[1]) Рѣчь идетъ о литературной дѣятельности Клингера.

[2]) Обозрѣніе заслугъ великаго князя Александра Невскаго, сравнительно съ заслугами императора Александра I, для Россіи.

въ 1816 году—*Штельцера* „Die Pflichte des Lehrers und der Lernenden" (15-го октября); въ 1817 году—*Моргенштерна* „Luther, Melanchton und Erasmus"; въ 1819 году—„Ueber das Wesen des Bildungsromans" (12-го декабря). Подъ конецъ періода, особенно въ послѣдніе годы, когда жизнь университета приняла апатичный и вялый характеръ, такія торжественныя собранія устраивались рѣже, чѣмъ въ первые годы: напримѣръ, въ 1818 и 1819 гг. было всего только по два собранія, 30-го августа и 12-го декабря. Въ 1803—1807 гг. торжественныя собранія устраивались въ домѣ ф.-Бока, въ 1807—1809 гг. въ нижнемъ этажѣ библіотечнаго зданія, а съ 1809 года—въ актовомъ залѣ главнаго зданія университета.

Правленіе, которому, какъ мы видѣли, уставомъ 1803 года предоставленъ былъ лишь небольшой кругъ дѣлъ, не могло проявлять въ разсматриваемый періодъ особенно оживленной дѣятельности, сводившейся въ сущности къ распредѣленію стипендій и къ освобожденію бѣдныхъ студентовъ отъ уплаты гонорара. Въ первые годы и правленіе университета собиралось чаще сравнительно съ послѣдующимъ временемъ: въ 1803—8 разъ, въ 1804—12, въ 1805—12, въ 1806—10, въ 1807—8, въ 1808—9, въ 1809—6, въ 1810—4, и далѣе свелось приблизительно къ двумъ засѣданіямъ въ каждый семестръ, съ нѣкоторымъ повышеніемъ, до 7 и 8 въ годъ, въ 1813—1815 годахъ.

Широкая судебная компетенція, предоставленная университету уставомъ 1803 года, нашла себѣ не малое приложеніе во всѣхъ трехъ инстанціяхъ: „ректорскомъ судѣ" (Rectoratsgericht), „университетскомъ судѣ" (Universitätsgericht) и „апелляціонномъ судѣ" (Apellationsgericht). Ректорскій судъ разрѣшалъ дѣла по дисциплинарнымъ проступкамъ студентовъ, въ узкомъ смыслѣ слова, и по взысканію незначительныхъ долговъ; о количествѣ засѣданій этого суда могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: въ 1807 году—24, въ 1808—13, въ 1809—24, въ 1810—13, въ 1811—63, 1812—82, въ 1813—37, въ 1814—42 и т. д. съ большой неравномѣрностью. Болѣе важныя дѣла восходили на рѣшеніе „университетскаго суда"; тутъ имѣли мѣсто офиціальныя разслѣдованія по порученію совѣта и правленія касательно студентовъ, разнаго рода прошенія и жалобы со стороны „академическихъ гражданъ" или ихъ касающіяся, болѣе или менѣе значительные дисциплинарные проступки, долговыя претензіи, дѣла о наслѣдствахъ, разныя дѣла касательно прислуги и т. п. Число засѣданій этого суда и число самыхъ дѣлъ нерѣдко было очень велико:

напримѣръ, въ 1807 году—75 засѣданій для 98 дѣлъ, въ 1808 году—113 засѣданій для 102 дѣлъ, въ 1809 году—113 засѣданій для 124 дѣлъ, въ 1810 году—89 засѣданій для 86 дѣлъ, въ 1811 году—116 засѣданій для 98 дѣлъ, въ 1812 году—119 засѣданій для 167 дѣлъ, въ 1813 году—120 засѣданій для 155 дѣлъ, въ 1814 году—98 засѣданій для 203 дѣлъ, въ 1815 году—107 засѣданій для 235 дѣлъ и т. д. Но многія изъ дѣлъ, рѣшеніемъ которыхъ въ университетскомъ судѣ одна изъ сторонъ была недовольна, переносились въ „апелляціонный судъ", въ постановленіяхъ котораго принималъ участіе весь университетскій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ особаго выбраннаго на то изъ его среды лица; первымъ такимъ лицомъ былъ въ 1803 году проф. Мютель, а затѣмъ, въ послѣдующіе годы, предсѣдательствовали въ апелляціонномъ судѣ Мейеръ, Балкъ, Нейманъ, Кехи, Лампе и Густавъ Эверсъ. Этому суду приходилось также собираться довольно часто: въ 1807 году было 29 засѣданій, въ 1808—10, въ 1809—21, въ 1810—45, въ 1811—53, въ 1812—97, въ 1813—45, въ 1814—57, въ 1815—31, въ 1816—20, въ 1817—24, въ 1818—19, въ 1819—22. О содержаніи нѣкоторыхъ дѣлъ и о положенныхъ на нихъ рѣшеніяхъ какъ университетскаго, такъ и апелляціоннаго суда, характерныхъ для быта и воззрѣній тогдашней академической среды въ Дерптѣ, сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Кромѣ трехъ названныхъ судебныхъ инстанцій университета, слѣдуетъ указать еще на такъ называемый „судъ чести", предусмотрѣнный въ § 20 с. „Правилъ для учащихся" 1803 года. Но существованіе этого суда извѣстно намъ только въ 1803 году. Отъ имени университетскаго совѣта присутствующими на этомъ судѣ избраны были профессора Розенмюллеръ и Парротъ, а „выбранными отъ студенчества" оказались въ немъ двое студентовъ, фонъ-Клотъ и Кронъ; на судѣ предсѣдательствовалъ ректоръ Балкъ. Такимъ „судомъ чести" разобрано было только одно дѣло въ трехъ засѣданіяхъ 17—19 декабря 1803 года, по поводу ссоры двухъ студентовъ при игрѣ въ шахматы; но окончательнымъ рѣшеніемъ этого суда одна изъ сторонъ оказалась недовольна, и дѣло пришлось перенести на апелляцію въ „университетскій судъ"; быть можетъ, эта неудача, разочаровавшая администрацію университета въ цѣлесообразности названнаго учрежденія, и была причиною того, что въ оказываемый періодъ „судъ чести" болѣе уже не примѣнялся [1]).

[1]) Архивъ Юрьевскаго университета: Die Organisation des Ehrengerichts. 1803.

Названныя судебныя установленія университета ставили лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ университету, почти совершенно внѣ компетенціи обычной мѣстной судебной и полицейской власти. Но здѣсь должно упомянуть, что дважды въ теченіе перваго періода, именно въ 1808 и 1816 гг., въ виду обратившихъ на себя особое вниманіе проступковъ студентовъ, послѣдніе, по высочайшей волѣ, временно лишаемы были дарованнаго имъ § 6 устава 1803 года права непринадлежности къ кругу дѣятельности мѣстнаго полицейскаго начальства [1]). Кромѣ того, въ 1819 году университетскій судъ освобожденъ былъ отъ производства дѣлъ по жалобамъ своихъ типографщиковъ и книгопродавцевъ, такъ какъ послѣдніе, пользуясь дарованнымъ имъ тѣмъ § 6 устава правомъ, возбуждали множество дѣлъ съ частными лицами, особенно передъ апелляціоннымъ судомъ въ университетѣ и тѣмъ чрезвычайно осложняли его дѣятельность, не платя въ то же время пошлинъ, которыя были бы обязательны при веденіи тѣхъ же дѣлъ въ обычныхъ судебныхъ учрежденіяхъ внѣ университета [2]).

Денежныя средства университета состояли, какъ мы знаемъ, изъ ежегодной штатной суммы въ 126.000 руб., которая должна была уменьшаться по мѣрѣ перехода во владѣніе университета пожалованныхъ ему 240 лифляндскихъ земельныхъ гаковъ, съ расчетомъ по 500 р. арендной платы за каждый гакъ. Впервые перешли во владѣніе университета въ 1805 году мызы Воттигферъ въ 5½ гаковъ и Анрепсгофъ въ 2⅝ гака, управленіе которыми поручено было временно особой комиссіи изъ профессоровъ Краузе, Рамбаха (котораго замѣнилъ потомъ Парротъ) и Глинки, съ участіемъ синдика Унгернъ-Штернберга; положенный по уставу для этой цѣли хозяйственный комитетъ не былъ еще учрежденъ, такъ какъ Парротъ, въ качествѣ ректора, сдѣлалъ въ 1805 году представленіе объ измѣненіи основаній этого единственнаго учрежденія въ университетѣ, въ которомъ отведено было нѣкоторое мѣсто и кураторамъ: съ такой удивительной послѣдовательностью преслѣдовалъ этотъ человѣкъ идею полнаго устраненія кураторовъ отъ какого бы то ни было участія въ университетскихъ дѣлахъ. Окончаніе этого дѣла превзошло ожиданія самого Паррота. Въ 1806 году перешли во владѣніе университета еще двѣ мызы, Айденковъ въ 15¾ гаковъ и Кастолацъ въ 1¾ гака.

[1]) Сборникъ постановленій, I, 557, 874.
[2]) Тамъ же, I, 1296—1299.

Такимъ образомъ, всего оказалось теперь въ распоряженіи университета 25⁵/₈ гаковъ земли, которая и сдана была съ публичнаго торга въ аренду по 300 р. 29 коп. за гакъ, вмѣсто предположенныхъ 500 р.: полученная за аренду сумма равнялась 7620 р., т. е. меньше предположеннаго на 5067 р. Перспектива такой потери и въ будущемъ при управленіи университета гаками могла свести бюджетъ университета чуть не къ половинѣ и во всякомъ случаѣ поставить его въ зависимость отъ перемѣны арендныхъ цѣнъ. Ходатайство Паррота видоизмѣняло это обстоятельство въ смыслѣ полнаго освобожденія университета отъ управленія гаками, которое не только грозило ему матеріальными затрудненіями, но и отвлекало силы и вниманіе профессоровъ отъ дѣлъ, болѣе имъ свойственныхъ, и въ результатѣ явился высочайшій указъ 19-го мая 1806, по которому вмѣсто гаковъ положено было впредь производить университету изъ государственнаго казначейства 126.000 рублей, а гаки взять цѣликомъ въ казну [1]). Въ силу этого, упомянутая временная комиссія изъ профессоровъ прекратила свое существованіе, передавъ всѣ четыре мызы, вмѣстѣ съ арендными контрактами на нихъ и залогами, въ Лифляндскую казенную палату. Такимъ образомъ, проектированный уставомъ 1803 года „хозяйственный комитетъ“ фактически и не началъ даже своей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла навсегда и послѣдняя тѣнь какой бы то ни было зависимости университета отъ дворянства.

Къ этой штатной суммѣ въ 126.000 рублей сдѣланы были въ теченіе перваго періода нѣкоторыя дополненія, имѣвшія въ виду главнымъ образомъ матеріальное благосостояніе профессоровъ. Именно, 29-го іюля 1805 года, по докладу министра народнаго просвѣщенія, повелѣно было отпускать профессорамъ Дерптскаго университета изъ государственнаго казначейства квартирныхъ денегъ ежегодно по 500 р. каждому, а всѣмъ 29-ти—14.500 р.; въ докладѣ прибавка эта мотивировалась такъ: „во-первыхъ, для пользы самого университета нужно обезпечить сихъ чиновниковъ со стороны хозяйственныхъ надобностей, дабы они не развлекались мелкими заботами, обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ встрѣчающимися, и обращены были единственно къ возвышенію успѣховъ учебныхъ заведеній; во-вторыхъ, самая справедливость требуетъ предоставить всѣ выгоды и удобства призываемымъ изъ чужихъ краевъ ученымъ, которые, въ противность врожденной привязанности къ отечеству, оставляютъ оное для блага

---

[1]) Сборникъ постановленій, I, 443—444.

чуждаго имъ государства; можно заключать, что ежели вызванные нынѣ въ россійскіе университеты профессоры лишены будутъ сей выгоды, то въ предбудущее время приглашенія изъ чужихъ краевъ ученыхъ останутся тщетными, что уже видно изъ настоящихъ опытовъ, ибо попечитель утверждаетъ, что сіе обстоятельство понынѣ затрудняло университетъ пріискивать способныхъ людей для занятія праздныхъ каѳедръ"; при этомъ предполагалось построить для профессоровъ казенныя помѣщенія и по мѣрѣ этого прекращать отпускъ квартирныхъ денегъ [1]). Постройка казенныхъ квартиръ, впрочемъ, не осуществилась. Въ приведенной мотивировкѣ, исходившей въ существѣ своемъ отъ попечителя, любопытно то, что черезъ два года послѣ дарованія штата 1803 года, справедливо казавшагося заграницей весьма щедрымъ, матеріальныя требованія заграничныхъ ученыхъ къ Дерптскому университету сильно повысились, хотя плохія времена для русскихъ ассигнацій тогда еще пока не наступили. Выше упомянуто было о раздѣленіи каѳедры „краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, эстетики и исторіи словесности и художествъ" въ 1817 году на двѣ; необходимую при замѣщеніи двухъ каѳедръ добавочную сумму въ 5.500 р. повелѣно было производить въ первый годъ изъ общаго училищнаго капитала, а съ 1818 года изъ государственнаго казначейства. Кромѣ того, здѣсь же умѣстно упомянуть и о высочайшемъ повелѣніи 24-го іюля 1803 года освободить дома, занимаемые профессорами, отъ постоя и отъ взысканія квартирныхъ денегъ [2]).

III.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета.—Библіотека.—Общій учительскій институтъ.—Училищная комиссія.—Цензурный комитетъ.—Университетская типографія.—Постройка университетскихъ зданій.—Домская гора.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета мы должны остановиться здѣсь лишь на библіотекѣ. Какъ было выше сказано,

[1]) Сборникъ постановленій, I, 429—430.

[2]) Сборникъ постановленій, I, 89. Хотя это повелѣніе относится не къ одному только Дерптскому, но и ко всѣмъ остальнымъ русскимъ университетамъ, тѣмъ не менѣе оно состоялось по поводу представленія объ этомъ со стороны Клингера относительно Дерптскаго университета, подобно тому, какъ упомянутое выше повелѣніе о производствѣ квартирныхъ денегъ профессорамъ Дерптскаго университета повлекло за собою такое же повелѣніе въ 1805 году относительно Харьковскаго, а въ 1810 г.—относительно Казанскаго университета (Сборникъ постановленій, I, 437, 606).

работы по приспособленію „домскихъ" развалинъ къ помѣщенію библіотеки, законченныя вчернѣ еще осенью 1804 года [1]), были продолжаемы по части внутренней отдѣлки зданія и размѣщенія въ немъ книгъ до осени 1806 года, когда тамъ окончательно водворена была университетская библіотека въ двухъ верхнихъ этажахъ; въ 1807 — 1809 годахъ, т. е. въ промежутокъ времени между окончаніемъ срока даровoго пользованія помѣщеніями въ домѣ ф.-Бока и окончаніемъ постройки главнаго зданія университета, нижній этажъ библіотеки служилъ также и актовымъ заломъ, гдѣ происходили торжественныя университетскія собранія. Средства для книжныхъ пріобрѣтеній состояли, кромѣ ежегодно отпускаемой по штату 1803 года суммы въ 5.000 р., еще изъ нѣкоторыхъ особыхъ прибавокъ. Именно, въ 1806 году изъ остатковъ отъ штатной университетской суммы выдѣлено было на библіотеку единовременно 5.000 рублей; въ 1812 году, когда умеръ вице-библіотекарь профессоръ Пешманъ, то шедшая на вознагражденіе по этой должности сумма въ 300 р. въ годъ, по предложенію „библіотекаря", т. е. главнаго начальника библіотеки, профессора Моргенштерна, была обращена на пріобрѣтеніе книгъ, а самая должность вице-библіотекаря упразднена; библіотекарю же, при исполненіи имъ обязанностей, стали помогать безплатно „приставы" изъ студентовъ, при чемъ въ библіотекѣ еще работали „секретарь библіотеки" и писецъ; впрочемъ, въ 1817 году должность бывшаго вице-библіотекаря была возстановлена подъ именемъ „помощника библіотекарскаго", которую исполнялъ смотритель Дерптскаго училища, получая въ прибавку къ своему штатному жалованью изъ университетскихъ суммъ 250 р. въ годъ [2]).

По пріобрѣтенію книгъ для библіотеки, согласно предписанію кураторіума отъ 8-го августа 1802 года, признанъ былъ „университетскимъ книгопродавцемъ" Іоганнъ-Людвигъ Гаугеръ, который согласился исполнять заказы университета, со скидкой 20% съ номинальной цѣны, по покупкѣ книгъ какъ въ Россіи, такъ и заграницей; въ 1810 году онъ продалъ свою книжную торговлю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право комиссіонерства для университета, Мейнсгаузену. Кромѣ того, книги покупались университетомъ на аукціонахъ какъ заграницей, черезъ посредство особаго „литературнаго корреспондента",

[1]) Bau-Rede beym Richten des Daches der Kaiserlichen Bibliothek zu Dorpat. Oeffentlich gesprochen von *Johann Grebnitz*, aus Magdeburg, den 21 October 1804. D. (1804).

[2]) Сборникъ постановленій, I, 983.

такъ и въ Россіи. Случайныя пріобрѣтенія бывали и въ самомъ Дерптѣ, особенно по смерти нѣкоторыхъ профессоровъ: напримѣръ, въ 1812 куплены были книги естественно-историческаго содержанія изъ распродававшейся съ аукціона библіотеки умершаго за три года до того проф. Германа. Русскихъ книгъ пріобрѣталось чрезвычайно мало. Библіотека пополнялась также ежегодно подарками, шедшими то отъ цензурнаго университетскаго комитета, то отъ общественныхъ учрежденій въ Россіи и за границей, то отъ частныхъ лицъ. Кромѣ упомянутыхъ ранѣе пожертвованій, сдѣланныхъ библіотекѣ при организаціи университета въ 1802 и 1803 годахъ, здѣсь можно указать еще, что въ 1818 году попечитель графъ Ливенъ пожертвовалъ библіотекѣ коллекцію изданій Библіи и Новаго Завѣта на различныхъ языкахъ, дополненіемъ къ которой послужило полученное въ 1819 году, черезъ посредство попечителя, въ подарокъ отъ Британскаго библейскаго общества въ Лондонѣ собраніе изданій тѣхъ же книгъ, не имѣвшихся до того въ библіотекѣ; въ томъ же 1819 году ландратъ Отто-Магнусъ фонъ-Рихтеръ пожертвовалъ библіотекѣ оставшіяся послѣ смерти его сына рукописи и оригинальныя изданія типографій въ Скутари и Константинополѣ на восточныхъ языкахъ [1]). Накоплявшіеся въ библіотекѣ дублеты не сохранялись, а продавались съ аукціона: такъ, въ 1812 году съ подобнаго аукціона выручено было 1148 руб. 50 коп., которыя пошли на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ. Тутъ слѣдуетъ также упомянуть, что въ 1817 году бывшій баварскій посланникъ въ Петербургѣ графъ де-Брей (de Bray) пожертвовалъ библіотекѣ 600 экземпляровъ своего сочиненія „Essay critique sur l'histoire de la Livonie, suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province. I—III. Dorpat 1817", вырученныя отъ продажи котораго деньги должны были пойти на покупку для библіотеки историческихъ книгъ.

Общее количество книгъ въ библіотекѣ къ 1820 году состояло изъ 32.118 томовъ, при чемъ самымъ богатымъ былъ отдѣлъ географіи, статистики, исторіи и древностей (5867); за нимъ слѣдовали: богословіе (4037), медицина (3556), изящная литература и искусства (2921), технологія (2346), филологія (2240), естественныя науки (1921), юриспруденція (1885), всеобщая исторія и литература (1845), философія (1099), математика (1023), политика (527), педагогика (324),

---

[1]) Dörptsche Beyträge, B. III, стр. 494—496. 468—470.

военныя науки (250), научная библіографія (122); кромѣ того, въ отдѣлѣ смѣси считалось 2155 томовъ.

Въ библіотеку выписывались также и немногія нѣмецкія заграничныя газеты, число которыхъ въ послѣдніе годы періода не превышало четырехъ; это именно были: „Leipziger Allgemeine Litteraturzeitung,“ „Jenasche Allgemeine Litteraturzeitung“ и къ ней „Ergänzungsblätter“, „Hallische Allgemeine Litteraturzeitung“ и къ ней „Ergänzungsblätter“, „Göttingische Gelehrte Anzeigen“. Эти газеты сначала циркулировали между профессорами для чтенія дома, но потомъ въ 1814 году признано было желательнымъ устроить *профессорскую читальню* въ зданіи университета, для чего и отведена была особая комната при университетской канцеляріи, гдѣ названныя газеты лежали на столахъ для чтенія и уже по домамъ не разносились. Въ продолженіе всего перваго періода библіотека находилась подъ главнымъ вѣдѣніемъ проф. Моргенштерна, который, согласно уставу, сначала носилъ званіе „библіотекаря“, а со II семестра 1805 года сталъ называться „директоромъ библіотеки“ [1]). При непосредственномъ участіи Моргенштерна и въ значительной степени его собственнымъ трудомъ, съ первыхъ лѣтъ велся вновь поступающимъ книгамъ простой инвентарный списокъ, который служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и каталогомъ при пользованіи библіотекой; это составляло немалое затрудненіе, такъ какъ влекло за собою при каждой выдачѣ той или иной книги личное участіе въ этой операціи библіотекаря-директора или его помощника; для устраненія такого неудобства начато было и велось одновременно съ продолженіемъ инвентаря составленіе систематическаго каталога на отдѣльныхъ листкахъ, которое и закончено было къ 1817 году.

Относительно пользованія книгами, съ самаго же начала установленъ былъ такой порядокъ, что для студентовъ и публики библіотека была открыта два дня въ недѣлю, отъ 2 до 4 часовъ; кромѣ того, со II семестра 1810 года офиціально объявлялось, что для пріѣзжихъ

[1]) Поэтому въ біографіи Моргенштерна, составленной проф. *Мерклиномъ* (Carl. Morgenstern. Gedächtnissrede, gehalten von Dr. Ludwig *Merklin*. Dorpat 1858, стр. 25), гдѣ сказано, что „директоромъ библіотеки“ М. былъ съ 1803 года, заключается неточность лишь терминологическая; въ сущности М. былъ подъ обоими названіями одинаково главнымъ начальникомъ библіотеки съ самаго начала ея существованія, принявъ на себя въ этомъ отношеніи согласно „акту постановленія“ 12-го декабря 1802 года, обязанности, возложенныя ранѣе на вице-куратора.

лицъ библіотека доступна во всякое время, а со II семестра 1811 года для профессоровъ библіотека была открыта каждый день отъ 9 до 12 часовъ и отъ 2 до 4.

Другія учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ принадлежащія къ факультетамъ, останутся, согласно принятому нами плану, внѣ нашего изложенія; историческія свѣдѣнія объ ихъ ростѣ можно найти въ первомъ юбилейномъ изданіи университета [1]); интересныя свѣдѣнія о состояніи этихъ учрежденій въ 1814 году даетъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ баронъ Шлиппенбахъ, съ особенной похвалой отзываясь о физическомъ кабинетѣ и о клиническомъ институтѣ [2]). Изъ учрежденій, предназначенныхъ для физическаго развитія учащихся, къ тому, что выше было сказано о манежѣ, можно еще прибавить, что университетъ дѣлалъ попытки, особенно въ 1807 году, къ устройству собственной купальни и школы для плаванія, но старанія эти не получили успѣха.

Уставомъ 1803 года положенъ былъ при университетѣ „Общій Учительскій или Педагогическій Институтъ" [3]), имѣвшій цѣлію подготовлять учителей для среднихъ и низшихъ училищъ Дерптскаго округа. Курсъ ученія долженъ былъ состоять изъ двухъ лѣтъ; первый годъ уходилъ на теоретическія занятія по предметамъ школьнаго преподаванія, второй имѣлъ характеръ практическій, въ видѣ разнаго рода упражненій и сочиненій, а также личнаго преподаванія воспитанниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Дерпта подъ контролемъ профессоровъ (§ 107).

Преподавателями въ институтѣ являлись профессора философскаго факультета, при чемъ тремъ изъ нихъ поручалось главное начальство надъ институтомъ: профессору краснорѣчія и классической филологіи, профессору философіи и профессору всеобщей исторіи; эти три лица опредѣляли пріемъ воспитанниковъ въ институтъ, подвергая желающихъ предварительному испытанію, составляли и измѣняли планъ ученія и „въ полномъ качествѣ учителей" преподавали въ институтѣ соотвѣтствующія науки (§§ 104 — 105). На содержаніе воспитанниковъ положено было отъ казны 24 стипендіи: 12 стипендій по 100 р.,

---

[1]) Die Kaiserliche Universität zu Dorpat. Fünfundzwanzig Jahre nach ihrer Gründung. Dorpat MDCCCXXVII, стр. 7—18, 24—44.

[2]) Briefe aus Dorpat und Riga. Von Ulrich Freiherrn *von Schlippenbach*. Hamburg 1818, стр. 26—45.

[3]) Архивъ Юрьевскаго университета: Das Allgemeine Lehrer-Institut und das Pädagogisch-philologische Seminarium.

8 по 150 р., 3 по 200 р. и 1 въ 250 р., всего на 3250 р (§ 109). Окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ институтѣ имѣли право быть назначенными на мѣсто старшихъ и младшихъ учителей Дерптскаго округа, при чемъ обязывались оставаться въ этой службѣ не менѣе шести лѣтъ (§ 108).

Это весьма полезное учрежденіе, давшее цѣлый рядъ учителей Дерптскому учебному округу, существовало въ теченіи всего перваго періода жизни университета и продолжало свое существованіе и во второмъ періодѣ, подъ новымъ названіемъ Педагогическо-Филологической Семинаріи.

Первоначальная идея учрежденія при университетѣ института для приготовленія учителей принадлежала проф. Моргенштерну, сообщившему о ней лично попечителю Клингеру еще въ 1802 году; разработка плана поручена была попечителемъ Моргенштерну и Еше и ведена была столь быстро, что не только общія основанія института нашли себѣ мѣсто въ уставѣ 12-го сентября 1803 года, но и самое открытіе его, согласно этимъ основаніямъ, состоялось 5 декабря 1803 года. Завѣдываніе институтомъ ввѣрено было тремъ „директорамъ": Моргенштерну, Еше и Пешману. Съ I семестра 1804 года начались занятія въ институтѣ, при чемъ въ составъ его принято было 9 воспитанниковъ — стипендіатовъ. Съ начала II семестра 1804 года совѣтомъ университета, по предложенію директоровъ института, рѣшено было ходатайствовать объ измѣненіи положенія о стипендіяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы съ одной стороны уменьшить ихъ число, а съ другой увеличить каждую стипендію въ отдѣльности, такъ какъ прежній размѣръ стипендій являлся недостаточнымъ для проживанія молодому человѣку въ Дерптѣ и не могъ гарантировать въ будущемъ достаточное число желающихъ ими пользоваться; по новому плану положено было сократить число стипендій до 10, но размѣръ каждой стипендіи увеличить до 300 р., а остальную сумму, въ количествѣ 250 р., предоставить на другія стипендіи въ университетѣ; при этомъ, по предложенію Моргенштерна, предположено было, кромѣ этихъ 10 стипендій, предоставить въ институтѣ еще 6 мѣстъ для желающихъ поступить въ него безъ стипендій, но и безъ всякаго обязательства относительно службы. 18-го января 1805 года эти предположенія были утверждены.

Въ теченіе всего времени существованія института подъ этимъ названіемъ (1803 — 1820), онъ находился подъ главнымъ завѣдываніемъ проф. Моргенштерна, который назывался, въ отличіе отъ двухъ

другихъ директоровъ, „verwaltender Director", а съ 1818 г. „geschäftsführender Director"; во время заграничной поѣздки Моргенштерна въ 1808 — 1809 г.г., его замѣнялъ въ этой роли проф. Еше, который также оставался все время директоромъ института; что касается третьяго директора, проф. Пешмана, то онъ находился въ этой должности до своей смерти 17-го марта 1812 года, послѣ чего пріемника ему избрано не было, и институтъ остался при двухъ директорахъ. Кромѣ трехъ названныхъ лицъ, въ институтѣ преподавали по своимъ спеціальностямъ особые курсы воспитанникамъ профессоръ Глинка и лекторъ Тернеръ — русскій языкъ, проф. Пфаффъ и преподаватель Кнорре—математику, профессора Гаспари и Густавъ Эверсъ—русскую исторію, проф. Рамбахъ—всеобщую исторію. Директора и преподаватели трудились безъ вознагражденія.

Число воспитанниковъ въ институтѣ не каждый семестръ было полное. Всего получило въ немъ образованіе до 70 студентовъ; первый выпускъ, въ количествѣ двухъ окончившихъ курсъ и вскорѣ назначенныхъ на мѣста, состоялся въ концѣ 1805 года. Не всѣ воспитанники оставались вѣрны цѣлямъ, которыми они руководились при поступленіи въ институтъ. Такъ, 1807 году одинъ стипендіатъ пожелалъ оставить институтъ, чтобы перейти на юридическій факультетъ. Такъ какъ это былъ первый подобный случай, то начальство института недоумѣвало, какъ поступить, имѣя въ виду съ одной стороны обязательство стипендіата пробыть на учебной службѣ въ округѣ шесть лѣтъ, а съ другой — невозможность принуждать молодого человѣка къ занятіямъ, къ которымъ онъ не чувствовалъ склонности; попечитель, на разрѣшеніе котораго представленъ былъ этотъ вопросъ, рѣшилъ его такъ, что въ данномъ случаѣ можно разрѣшить студенту оставить институтъ, но на будущее время всякій желающій оставить институтъ до окончанія курса студентъ долженъ былъ уплатить полученную имъ отъ университета въ качествѣ стипендіи сумму и, кромѣ того, вообще лишался права на полученіе какой бы то ни было стипендіи въ университетѣ; университетъ же не долженъ принимать въ институтъ никого ранѣе 6-мѣсячнаго въ немъ пребыванія, когда уже молодой человѣкъ имѣетъ достаточную возможность опредѣлить тотъ или другой свой интересъ къ наукѣ и къ будущей своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе и въ послѣдующіе годы были случаи желанія воспитанниковъ оставить институтъ до полнаго окончанія въ немъ курса, и вообще къ концу періода число стипендіатовъ въ институтѣ сильно уменьшилось, что въ значительной степени

объясняется общимъ упадкомъ университета, матеріальными затрудненіями и отливомъ молодежи, въ виду событій военнаго времени, на другіе жизненные пути.

Въ тѣсной связи съ учительскимъ институтомъ, по отношенію къ учебнымъ дѣламъ округа, стояла и учрежденная при университетѣ училищная комиссія, начало дѣятельности которой также относится къ 1803 году.

Согласно постановленіямъ 21-го марта 1804 года, училищная комиссія должна была состоять изъ 7 ординарныхъ профессоровъ, включая сюда и ректора, и находиться подъ контролемъ и въ зависимости отъ совѣта (§ 19). Одному изъ этихъ членовъ поручалось общее вѣдѣніе дѣлами, касающимися до гимназій, уѣздныхъ и частныхъ училищъ, другому—дѣла, относящіяся до приходскихъ училищъ; остальные же члены дѣлили между собою завѣдываніе всѣми вообще училищами по губерніямъ, а ректоръ предсѣдательствовалъ въ комиссіи (§ 25). Комиссія должна была заботиться о томъ, чтобы всѣ гимназіи и уѣздныя училища округа каждый годъ подвергались ревизіи назначенныхъ для того четырехъ членовъ комиссіи (по числу губерній: Лифляндская, Эстляндская, Курляндская и Финляндская), при чемъ комиссія не должна была упускать изъ виду приходскія и частныя школы, хотя непосредственное обозрѣніе первыхъ лежало на обязанности смотрителей, а вторыхъ—губернскихъ директоровъ (§ 27). Обозрѣніе училищъ членами комиссіи производилось два раза въ годъ, во время лѣтнихъ и зимнихъ каникулъ, при чемъ каждый разъ подвергались осмотру двѣ губерніи (§ 28). Выборъ и назначеніе должностныхъ лицъ въ училищахъ округа принадлежалъ почти всецѣло университету: только губернскій директоръ нуждался въ утвержденіи со стороны главнаго правленія училищъ (§ 5); смотрителя же и учителя въ гимназіи и училища назначались университетомъ непосредственно (§§ 7, 9); учителя приходскихъ училищъ избирались смотрителями и утверждались въ своей должности университетомъ (§ 10). Эти труды по выбору и назначенію должностныхъ лицъ въ училищахъ фактически также падали главнымъ образомъ на членовъ училищной комиссіи университета.

Внутренній распорядокъ и учебный строй среднихъ и низшихъ школъ подвѣдомыхъ университетамъ былъ опредѣленъ особымъ „уставомъ“ для этихъ учебныхъ заведеній 5-го ноября 1804 года [1]). Этотъ

[1]) Сборникъ постановленій, I, 331—368.

уставъ долженъ былъ имѣть въ виду и Дерптскій университетъ, наравнѣ съ другими русскими университетами; но черезъ три года Дерптскій университетъ убѣдился на практикѣ „въ невозможности при теперешнихъ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ мѣстными положеніями и обстоятельствами въ Дерптскомъ округѣ, слѣдовать всѣмъ статьямъ устава учебныхъ заведеній“ и предложилъ къ нему довольно многочисленныя измѣненія, въ которыхъ учебный матеріалъ представленъ былъ въ значительно иномъ видѣ, нежели въ гимназіяхъ и училищахъ внутри Россіи, особенно въ отношеніи изученія нѣмецкаго языка, „какъ природнаго языка сихъ провинцій“. Измѣненія эти, съ одобренія главнаго правленія училищъ, были утверждены попечителемъ Клингеромъ въ 1807 году [1]).

Въ виду сложности дѣлъ по организаціи учебныхъ заведеній въ краѣ, гдѣ не было для того ни приличныхъ зданій, ни учебныхъ пособій, ни достаточнаго состава хорошихъ учителей, комиссіи, особенно на первыхъ порахъ, приходилось весьма напряженно работать. Засѣданія происходили, смотря по накопленію дѣлъ, разъ или два раза въ недѣлю въ учебное время года, такъ что, напримѣръ, въ 1805 году было 69 засѣданій, въ 1806—81, въ 1807—56, въ 1808—39, въ 1809—33, въ 1810—32, въ 1811—27 и т. д.

Немало разнаго рода затрудненій встрѣтила училищная комиссія при первыхъ шагахъ своей дѣятельности, о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ ея ревностнѣйшихъ членовъ, проф. Пешманъ [2]). Тѣмъ не менѣе, въ теченіе 1804 и 1805 годовъ, согласно новому „уставу учебныхъ заведеній“, учреждено было въ Дерптскомъ округѣ 4 гимназіи и 16 уѣздныхъ училищъ, при чемъ 3-го декабря 1804 года изъ общаго училищнаго капитала было отпущено на постройку школьныхъ зданій 37.000 рублей асс. и 300 рублей сер. Донося объ этомъ въ 1806 году главному правленію училищъ, Клингеръ прибавлялъ, что „въ непродолжительномъ времени могли бы открыты быть училища гораздо въ превосходнѣйшемъ числѣ, есть ли бы не предстояло неудобствъ въ ихъ помѣщеніи; многія училища находятся въ домахъ, требующихъ большихъ починокъ, для другихъ же училищъ нужно вновь построить домы или купить готовые“; въ виду этого,

---

[1]) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XIX (1807), стр. 218—240.

[2]) Einige historische Bemerkungen in Beziehung auf das Schulwesen in den Ostsee-Provinzen. Bei Gelegenheit der feyerlichen Eröffnung des Gymnasiums und der Kreisschule zu Dorpat am 15-ten September 1804 (D. 1804), стр. 61.

онъ представилъ смѣту необходимыхъ расходовъ, которые сводились къ суммѣ въ 23.182 рейхсталера, 30 марокъ и 153.466 р. 42 к. [1]). Главное правленіе училищъ не нашло возможнымъ отпустить всей этой суммы разомъ, а лишь 33.650 рублей, остальную же сумму положило „распредѣлить на годы, соображаясь съ количествомъ остатка отъ училищнаго капитала за употребленіемъ онаго на учебныя заведенія другихъ округовъ“ [2]).

Во всякомъ случаѣ, сообразно съ имѣвшимися средствами, устройство гимназій и уѣздныхъ училищъ Дерптскаго округа къ концу 1806 года было закончено. Къ этому времени въ немъ имѣлось 5 гимназій (въ Митавѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Ревелѣ и Выборгѣ) и 33 уѣздныхъ училища, общее число учащихся въ которыхъ простиралось до 1535 человѣкъ; кромѣ того, частію были преобразованы, частію вновь учреждены различныя учебныя заведенія, числомъ 53, получавшія содержаніе отъ городскихъ доходовъ, съ 2119 учениками и ученицами; въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ числилось 1124 учащихся обоего пола [3]). За труды эти какъ самъ Клингеръ такъ и тогдашніе члены комиссіи Парротъ, Еше, Пешманъ, Гаспари, Рамбахъ и Беллендорфъ получили соотвѣтствующія награды [4]).

Самъ попечитель непосредственно знакомъ былъ только съ учебными заведеніями города Дерпта, и въ 1805 году далъ о нихъ такой отзывъ: „Дерптская гимназія [5]) имѣетъ очень достойныхъ учителей, а успѣхами учениковъ я былъ доведенъ до удивленія. Въ ученыхъ языкахъ успѣли они настолько, что во второмъ классѣ заданныя мною мѣста изъ Цицерона и Виргилія они мнѣ перевели и разобрали; также видѣлъ я ихъ упражненія и въ греческомъ языкѣ и слышалъ, какъ разбирали они Гомера и Ксенофонта, а сдѣлавъ имъ нѣкоторыя вопросы, удостовѣрился въ ихъ знаніяхъ. Не менѣе успѣховъ оказали они и въ наукахъ... Дерптское училище для дѣвицъ, состоящее подъ надзираніемъ профессора Кнорре, преподаваніемъ наукъ и женскихъ рукодѣлій совершенно соотвѣтствуетъ предположенной цѣли прави-

---

[1]) Періодическое сочиненіе, № XV (1806), стр. 246—251.

[2]) Сборникъ постановленій, I, 439—440.

[3]) Періодическое сочиненіе, № XVII (1807), стр. 88—97.

[4]) Тамъ же, стр. 38—39, 97—98.

[5]) Весьма интересныя свѣдѣнія объ уѣздномъ училищѣ въ Дерптѣ, бывшемъ до учрежденія гимназіи единственнымъ учебнымъ заведеніемъ города и находившемся къ тому времени въ полномъ упадкѣ, даетъ проф. *Пешманъ*, въ цит. соч. стр. 62—69.

тельства. Равнымъ образомъ, заведенныя въ Дерптѣ приходскія училища и частные пансіоны находятся въ исправномъ состояніи" [1]). Въ 1809 году попечитель главному правленію училищъ писалъ: „Дерптская гимназія и школы находятся въ цвѣтущемъ состояніи, и число учениковъ отъ году въ годъ возрастаетъ" [2]).

Дѣятельность университета на пользу мѣстнаго школьнаго обученія находила себѣ откликъ и въ нѣкоторыхъ лицахъ изъ окружавшей его среды. Таковы были: пасторъ Ротъ, устроившій въ первый годъ существованія университета на свой счетъ училище для крестьянскихъ дѣтей своего прихода въ дер. Каннапе [3]); затѣмъ—судья Сиверсъ, основавшій въ дер. Ензекилѣ подобное же училище, въ память посѣщенія его мызы императоромъ Александромъ I 15-го мая 1804 года, и обезпечившій его достаточными средствами, какъ наличностью, такъ и землей; тутъ же долженъ быть упомянутъ и рижскій купецъ Бернгардъ Клейнъ: онъ поддерживалъ основанное д-ромъ Дирзеномъ училище, въ которомъ обучались безплатно дѣти обоего пола, а по смерти Дирзена въ 1804 году, по упраздненіи училища, принялъ этихъ дѣтей къ себѣ на воспитаніе и обставилъ ихъ всѣми необходимыми для того средствами [4]).

Но дѣло не обошлось и безъ противодѣйствующаго соперничества. Уже выше было упомянуто о безуспѣшной попыткѣ курляндскаго дворянства создать въ 1803 году, въ лицѣ преобразованной Митавской гимназіи, соперника только-что возникшему университету въ Дерптѣ. Тотъ самый баронъ Корфъ, который тогда явился посредникомъ между правительствомъ и курляндскимъ дворянствомъ, оказался въ той же роли и въ 1806 году: именно, онъ доставилъ на Высочайшее имя просьбу дворянства Курляндіи о томъ, чтобы Митавской гимназіи возвращено было прежнее ея положеніе, въ которомъ находилась она до резолюціи 7-го марта 1803 года, поставившей ее въ зависимость отъ Дерптскаго университета, и что рядомъ съ этимъ курляндское дворянство готово устроить на собственный счетъ въ Митавѣ обыкновеннаго типа губернскую гимназію. Главное правленіе училищъ, которому была передана эта просьба на разсмотрѣніе, нашло возможнымъ удовлетворить эту просьбу только отчасти—возстановить Митавскую академическую гимназію на прежнихъ основа-

[1]) Періодическое сочиненіе № XIII (1805), стр. 68.
[2]) Тамъ же, № XXV (1810), стр. 161.
[3]) *Burdach, K. Fr.*, Rückblick auf mein Leben, стр. 237—239.
[4]) Періодическое сочиненіе, № XIII. 69—70.

ніяхъ въ отношеніи обученія, но оставить ее въ зависимости отъ Дерптскаго университета, что, конечно, не входило въ расчеты дворянства; соотвѣтственно этому мнѣнію состоялась и Высочайшая резолюція 26-го января 1807 года [1]).

Въ маѣ 1812 года послѣдовалъ указъ, по которому учебныя заведенія Финляндіи взяты были изъ вѣдѣнія Дерптскаго университета и переданы на управленіе каѳедральному капитулу въ Борго, чѣмъ значительно облегчены были обязанности училищной комиссіи [2]).

Такъ какъ дѣятельность училищной комиссіи по своимъ результатамъ принадлежитъ болѣе исторіи среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, нежели исторіи университета, то мы и ограничиваемся здѣсь приведенными замѣчаніями, которыя, кажется, вполнѣ достаточны для уясненія характера и условій жизни этого учрежденія, составлявшаго тогда одну изъ сторонъ дѣятельности Дерптскаго университета.

То же самое вполнѣ примѣнимо и къ цензурному комитету, также открытому при университетѣ въ 1803 году. Выше уже указано было на то назначеніе, которое имѣлъ въ виду для этого учрежденія уставъ 1803 года. Роль его отчасти была предусмотрѣна еще до этого устава; именно, въ указѣ, данномъ Сенату 5-го января 1802 г. и служившемъ, какъ мы видѣли, дополненіемъ къ „плану" Дерптскаго университета 4-го мая 1799 года, положено было „для вящаго удобства въ учености цензурную комиссію при университетѣ учредить не только для собственныхъ издаваемыхъ сочиненій, но и для выписываемыхъ университетомъ книгъ, музыки и всякихъ цензурѣ подверженныхъ сочиненій, которыя по отношенію университета и пропускать незадержно учрежденными цензурами на собственный отвѣтъ университета, коему и наблюдать неупустительно предписанныя цензурамъ правила" [3]). Затѣмъ, особый указъ на имя министра коммерціи графа Румянцева, отъ 18-го августа 1802 года, гласилъ: „желая Дерптскому университету доставить возможность получать изъ заграницы нужныя книги, повелѣваю, какъ тѣ изъ нихъ, кои прямо университетомъ выписываемы будутъ, такъ и привозимыя пріѣзжающими въ сей университетъ учеными, пломбируя ящики съ оными въ По-

---

[1]) Сборникъ постановленій, I, 477—481.

[2]) *Th. Beise*, назв. соч., стр. 62.

[3]) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. Спб. 1862, стр. 72.

лангенской таможнѣ, пропускать безъ задержанія" [1]). Оба эти повелѣнія нашли себѣ выраженіе въ § 7 „акта постановленія" 12-го декабря 1802 года, по которому „университетъ имѣетъ собственную свою цензуру для всѣхъ издаваемыхъ имъ или членами его сочиненій, также и для книгъ, выписываемыхъ имъ для своего употребленія изъ чужихъ краевъ; привозъ оныхъ какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ безпрепятственно дозволяется". Затѣмъ слѣдовали указанія устава 1803 года; существенною особенностію ихъ является расширеніе сферы дѣятельности университета по цензурной части, которая должна была простираться не только на печатную производительность самого университета и умноженіе его книжныхъ собраній иностранными сочиненіями, но и на контроль за дѣятельностью типографій всего учебнаго округа, какъ по части отдѣльно выходящихъ книгъ, брошюръ и листковъ, такъ и періодической прессы. Уставъ 1803 года не входилъ въ подробныя условія дѣятельности университетскаго цензурнаго комитета относительно періодическихъ изданій, и дополненіемъ къ нему послужилъ, въ этомъ отношеніи, утвержденный 9-го іюля 1804 года „Уставъ о цензурѣ" (§§ 4, 12—36) [2]), служившій руководствомъ для Дерптскаго университета въ теченіе всего перваго періода его существованія. Уставъ этотъ, вполнѣ отвѣчавшій по своему духу просвѣтительнымъ стремленіямъ первой половины царствованія Александра I, не смотря на многіе печальные факты своего примѣненія на практикѣ, давалъ однако же значительную внутреннюю свободу дѣятельности университетскихъ „цензурныхъ комитетовъ", и только при концѣ перваго періода въ жизни Дерптскаго университета, въ силу общихъ мѣропріятій реакціоннаго характера второй половины упомянутаго царствованія, совпавшихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія съ дѣятельностью графа А. К. Разумовскаго и князя А. Н. Голицына, цензурный комитетъ въ Дерптѣ получилъ нѣсколько разъясненій путемъ попечительскихъ предписаній отъ 27-го апрѣля, 21-го мая и 14-го іюня 1819 года; сущность этихъ предписаній сводилась съ одной стороны къ необходимости усиленнаго надзора за выходящими печатными произведеніями вообще, а съ другой, въ частности, рекомендовалось самое внимательное отношеніе комитета къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя имѣли предметомъ состоявшееся въ Лифляндіи въ 1818 году освобожденіе

[1]) Тамъ же, стр. 75.
[2]) Тамъ же, стр. 85—95.

крестьянъ и критику особаго „положенія“ для нихъ, высочайше утвержденнаго 25-го марта 1819 года.

Такъ какъ главная работа членовъ цензурнаго комитета по чтенію подлежащихъ просмотру рукописей и книгъ происходила дома, а въ засѣданіяхъ докладывался только результатъ этой работы, то засѣданія эти созывались нечасто: въ первые годы—приблизительно разъ въ мѣсяцъ въ теченіе учебнаго времени, а потомъ разъ въ два мѣсяца. Печатныя сочиненія, представлявшіяся въ комитетъ и остававшіяся по разсмотрѣніи въ его архивѣ, передавались потомъ въ университетскую библіотеку.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе работъ цензурнаго комитета, представляющихъ интересъ главнымъ образомъ для исторіи печати и просвѣщенія въ Прибалтійскомъ краѣ. Довольно взглянуть, въ этомъ отношеніи, на два конечные пункта разсматриваемаго періода, чтобы видѣть совершившійся за это время въ краѣ ростъ печатной литературы и типографій, въ которомъ университетъ принималъ участіе не одной только формой оффиціальнаго контроля, но и литературной работой своихъ членовъ. Въ 1804 году цензурнымъ комитетомъ университета дано было разрѣшеніе на напечатаніе 51 книги, изъ которыхъ было: на русскомъ языкѣ — 1, на нѣмецкомъ—33, на латышскомъ—5, на эстонскомъ—2, на шведскомъ—1, на французскомъ—7, на нѣмецкомъ и французскомъ—1, на нѣмецкомъ и англійскомъ — 1; появилось въ печати изъ этихъ книгъ въ названномъ году — 42. Изъ періодическихъ изданій подъ цензурой комитета въ томъ же году выходилъ лишь одинъ „Nordisches Archiv“, ежемѣсячно въ Ригѣ. Газеты не подлежали компетенціи Деритскаго цензурнаго комитета; ихъ было тогда всего четыре: „Dörptsche Zeitung“ въ Дерптѣ, „Intelligenzblatt“ и „Rigasche Zeitung“ въ Ригѣ, „Revalsche Wöchentliche Nachrichten“ въ Ревелѣ. Типографій въ краѣ было 6: изъ нихъ въ Дерптѣ — 1, въ Ригѣ—2, въ Митавѣ—1 и въ Ревелѣ—2. Въ 1819 году представлено было въ „цензурный комитетъ“ 210 сочиненій въ рукописи, изъ которыхъ 208 получили разрѣшеніе на напечатаніе; изъ этихъ 210 рукописей было: 89 — книгъ, брошюръ и музыкальныхъ сочиненій, а остальные 121 — летучіе листки и краткія стихотворенія на извѣстные случаи; изъ первой категоріи на русскомъ языкѣ было — 1, на нѣмецкомъ—57, на эстонскомъ—16, на латышскомъ—6, на латинскомъ — 4, нотъ — 5; изъ второй: на нѣмецкомъ языкѣ — 117, на эстонскомъ — 1, на латышскомъ — 1, на латинскомъ — 2; появилось

въ печати въ томъ же году изъ первой категоріи — 67, изъ второй—всѣ 121. Изъ періодическихъ изданій подъ цензурою комитета выходили: въ Дерптѣ — „Dörptsche Zeitung", въ Ригѣ—„Neueres Oekonomisches Repertorium für Lifland", „Magazin für protestantische Prediger, vorzüglich im Russischen Reiche", „Medicinisch-Pharmaceutische Blätter", „Der Zuschauer", „Rigasche Zeitung" и „Rigasche Stadtblätter", въ Митавѣ — „Allgemeine Deutsche Zeitung für Russland" и „Mitausches Intelligenzblatt", въ Перновѣ — „Pernausche Wöchentliche Nachrichten". Изъ газетъ, не подлежавшихъ цензурѣ комитета, издавались: „Revalsche Wöchentliche Nachrichten" и „Rigasche Anzeigen". Типографій было 7: изъ нихъ въ Дерптѣ—1, въ Ригѣ—2, въ Митавѣ—1, въ Ревелѣ—2 и въ Перновѣ—1.

Изъ представлявшихся на разсмотрѣніе цензурнаго комитета рукописей нѣкоторымъ было отказано въ разрѣшеніи быть напечатанными или по политической тенденціи, или по безнравственному характеру, или по намекамъ на живыя личности, или просто „по отсутствію вкуса". Изъ недопущенныхъ, такимъ образомъ, къ пѣчати сочиненій можно здѣсь упомянуть: „Petite galerie de nos Aristotes ou Eloges des personnes de tout age et de tout sèxe, qu'un rare merite appelle à l'éducation de la jeunesse de Livonie, de Courlande et de l'Estonie" (1807), вслѣдствіе многихъ нападокъ на жившихъ еще остзейскихъ „литераторовъ"; „Kleine Aufsätze merkwürdiger Begebenheiten aus den Jahren 1805, 1806 und 1807" (1808), „Phantasie über einige wesentliche Theile der Constitution des Ostens" (1808), „Die Gründung von S.-Petersburg, ein Schauspiel" (1809), „Die Schatten, ein fragmentarisch-politischer Traum" (1809), „Kurzes politisches Glaubensbekenntniss eines nach Wahrheit ringenden Cosmopoliten abgelegt im Jahre der Welt post Christum 1812" (1812)—всѣ по политической тенденціи; „Ueber den Contrakt der Gutbesitzer mit den Bauern, von Graf Stroinovsky, aus dem Russischen ins Deutsche übersetzt" (1815)—въ виду того, что раньше уже подвергся запрещенію со стороны центральной цензуры, русскій переводъ этой книги съ польскаго.

Въ числѣ типографій, находившихся подъ надзоромъ „цензурнаго комитета" университета, была и такъ называемая „университетская типографія". Въ собственномъ смыслѣ, университетъ не имѣлъ своей типографіи. Та, которая носила такое названіе, принадлежала частному лицу, *Михаилу-Гергарду Гренціусу*, который, когда въ 1799 году число частныхъ типографій въ Россіи было сильно сокращено,

получилъ однако же разрѣшеніе имѣть типографію въ Дерптѣ; 12-го февраля 1802 года кураторіумъ предоставилъ владѣльцу званіе „университетскаго типографа", и Гренціусъ исполнялъ университетскіе типографскіе заказы за извѣстную плату. Уставомъ 1803 года положеніе это узаконено было въ слѣдующемъ видѣ: „при университетѣ находится также и типографія; содержатель оной обязанъ по условленной цѣнѣ печатать все то, что университетъ желаетъ предать тисненію; для напечатанія же таковыхъ сочиненій, которыя издаются отъ постороннихъ лицъ, долженъ онъ просить отъ университетскаго совѣта особеннаго позволенія" (§ 128). Съ 1818 года „университетская типографія" перешла къ новому владѣльцу *Іоганну-Христіану Шюнману*, на прежнихъ основаніяхъ. Университетъ оказывалъ этой типографіи со своей стороны нѣсколько разъ единовременную матеріальную поддержку: въ 1803 году онъ ссудилъ Гренціусу 1000 рублей на пріобрѣтеніе одной машины для печатанія; въ 1806 и 1807 годахъ былъ купленъ на университетскій счетъ запасъ русскаго и восточныхъ шрифтовъ, при чемъ въ 1812 году, при командированіи профессоровъ Кайсарова и Рамбаха на мѣсто военныхъ дѣйствій заграницу при Барклаѣ де-Толли, часть русскаго, а также и нѣмецкаго шрифта пошла на устройство походной типографіи; затѣмъ, съ 1813 года университетъ выдавалъ владѣльцу типографіи по 350 рублей въ годъ на наемъ помѣщенія для послѣдней. Типографія обязывалась исполнять университетскіе заказы въ первую очередь.

Мы уже знаемъ, что проектированное какъ „актомъ постановленія" 12-го декабря 1802 года, такъ и уставомъ 1803 года хозяйство университета въ видѣ управленія земельными гаками было въ 1806 году въ самомъ же началѣ упразднено; тѣмъ не менѣе, независимо отъ гаковъ, сложная организація университета, для котораго не только внутреннюю, но и всю внѣшнюю обстановку надо было созидать вновь, потребовала весьма усиленныхъ заботъ и трудовъ, особенно въ первые годы, также и по хозяйственной части. Самую важную роль играли тутъ университетскія зданія. При основаніи своемъ университетъ получилъ мѣсто, называемое „Домской горой", и такъ называемую площадь шведской церкви св. Маріи. „Домская гора" представляла собою въ то время совершенно пустынное мѣсто, безъ всякой растительности, заваленное вѣками накопившимся мусоромъ и обломками, почти безъ построекъ; на площади шведской церкви были одни развалины.

8-го іюня 1803 года образована была изъ пяти профессоровъ

„строительная комиссія", во главѣ которой сталъ профессоръ архитектуры *I. В. Краузе*, которому университетъ обязанъ возведеніемъ многихъ зданій, выполняющихъ свое назначеніе еще и по настоящее время; имъ составлены и разработаны были планы и чертежи многихъ построекъ, и онъ самъ наблюдалъ за осуществленіемъ своихъ проектовъ на дѣлѣ. Прежде всего необходимо было сооруженіе главнаго зданія университета, роль котораго, какъ мы видѣли, при открытіи университета игралъ домъ фонъ-Бока, отданный владѣльцемъ въ безплатное пользованіе университета на пять лѣтъ (1802—1807). Торжественная закладка зданія произошла 15-го сентября 1805 года [1]). Постройка главнаго зданія представляла собою большія техническія трудности, особенно въ самомъ началѣ, при укладкѣ фундамента; остатки прежнихъ шведскихъ построекъ глубоко сидѣли въ землѣ, въ видѣ стѣнъ, канавъ и разнаго рода подземныхъ сооруженій; расчистка ихъ, во время которой вырыто было не мало человѣческихъ костей, для проложенія фундамента по новому плану, при недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ, потребовала много времени и денежныхъ затратъ; строительные матеріалы и рабочій трудъ на мѣстѣ сразу чрезвычайно вздорожали, такъ что пришлось выписывать рабочихъ изъ Псковской губерніи, при участіи русскихъ подрядчиковъ; необходимый деревянный матеріалъ выписанъ былъ по Чудскому озеру оттуда же, а желѣзный—изъ Петербурга. Тѣмъ не менѣе работы велись настолько успѣшно, что уже 31-го іюля 1809 года корпорація профессоровъ могла привѣтствовать въ новомъ зданіи попечителя Клингера, по представленію котораго проф. Краузе былъ удостоенъ 4-го сентября 1809 года награжденія орденомъ св. Владиміра 4 ст. „въ воздаяніе усердныхъ трудовъ при производствѣ зданій Дерптскаго университета" [2]); впрочемъ, внутренняя отдѣлка нѣкоторыхъ частей, распланировка и устройство двора новаго зданія продолжались до 1811 года. Зданіе это, не замѣненное другимъ и до настоящаго времени, представляло собою въ первоначальномъ видѣ сооруженіе въ три этажа, имѣя 240 футовъ въ длину, а въ ширину 78

---

[1]) Церемонія этого торжества описана въ брошюрѣ: Der fünfzehnte September 1805 in Dorpat. Dorpat (1805). Здѣсь помѣщены: рѣчь проф. Краузе, слово оберъ-пастора Ленца, рѣчь ректора Паррота, рѣчь проф. фонъ-Эльснера и стихотвореніе проф. Гаспари; послѣднее было отпечатано также и отдѣльно: Bey der Feyerlichkeit der Legung des Grundsteins des Hauptgebäudes der K. Universität zu Dorpat den 15-ten September 1805 (D. 1805).

[2]) Періодическое сочиненіе, № XXV (1810), стр. 220.

футовъ по срединѣ и по 60 футовъ по бокамъ. Обширное подвальное помѣщеніе предназначено было для храненія разныхъ хозяйственныхъ вещей, припасовъ и нѣкоторыхъ инструментовъ физическаго и химическаго кабинетовъ, архива и т. п.; въ первомъ этажѣ отведены были помѣщенія для физическаго и химическаго кабинетовъ съ ихъ лабораторіями и аудиторіями, квартиры для двухъ педелей и для двухъ калефакторовъ и два карцера; во второмъ этажѣ—актовый въ два свѣта залъ, музей изящныхъ искусствъ, минералогическій кабинетъ и четыре аудиторіи, по одной для каждаго факультета; третій этажъ занятъ былъ помѣщеніемъ „университетскаго суда", заломъ для собраній совѣта, комнатой Училищной комиссіи, конторой и казначействомъ, собраніемъ военныхъ моделей, собраніемъ архитектурно-техническихъ моделей и галлереей актоваго зала.

Такъ называемое „старое университетское зданіе", принадлежавшее ранѣе барону Унгернъ-Штернбергу и купленное, какъ мы видѣли, въ 1802 году университетомъ, никогда, въ собственномъ смыслѣ, роль главнаго зданія не выполняло; положеніе его на слишкомъ шумномъ мѣстѣ дѣлало неудобнымъ устройство въ немъ аудиторій, а для актоваго зала тамъ не было надлежащаго простора, и въ 1807—1809 годахъ, какъ выше было замѣчено, для послѣдней цѣли служилъ нижній этажъ библіотеки.

Хотя „Домская гора" была предоставлена университету при самомъ его основаніи „актомъ постановленія" 12-го декабря 1802 года, тѣмъ не менѣе фактическій переходъ ея во владѣніе университета нѣсколько замедлился. На мѣстѣ теперешней медицинской клиники стояли тамъ въ то время казармы мѣстнаго гарнизона, и въ нихъ помѣщался полковой лазаретъ, перенесенный туда изъ прежняго своего помѣщенія за городомъ. Имѣя въ виду перестроить эти казармы для помѣщенія въ новомъ зданіи трехъ университетскихъ клиникъ, университетъ, при содѣйствіи города, нѣсколько разъ возбуждалъ ходатайство о перенесеніи лазарета снова за городъ и объ очищеніи нужныхъ ему казармъ, и только благодаря усиленнымъ представленіямъ попечителя Клингера состоялось 10-го ноября 1804 года высочайшее повелѣніе о предоставленіи казармъ университету не позднѣе февраля 1805 года [1]). Цѣлый годъ почти прошелъ въ подготовительныхъ работахъ, и въ 1806—1808 годахъ выстроено было зданіе для трехъ клиникъ: медицинской, хирургической и „повивальнаго искусства".

[1]) Сборникъ постановленій, I, 368—369.

Въ 1803—1805 годахъ выстроено было зданіе анатомическаго театра, съ необходимыми приспособленіями для храненія труповъ и очистки костей, а въ 1809—1810 годахъ построена была астрономическая обсерваторія, къ которой лишь позднѣе, чрезъ десять лѣтъ (1819—1821), пристроена была квартира для профессора астрономіи, соединенная съ обсерваторіей крытымъ ходомъ [1]).

Сама по себѣ „Домская гора", предназначенная къ размѣщенію на ней главнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ университетскихъ учрежденій, съ самаго же начала служила предметомъ заботъ администраціи университета; имѣлось въ виду не только сдѣлать удобнымъ сообщеніе по ней во всякое время и при всякой погодѣ, но и предоставить возможность прогулки по ней какъ для лицъ прикосновенныхъ къ университету, такъ и для остальныхъ жителей Дерпта; для этого нужно было ее распланировать и засадить растительностью. Съ этой цѣлію 14-го октября 1803 года была организована изъ профессоровъ Краузе, Германа, Паррота и Моргенштерна особая „коммиссія", весьма дѣятельно принявшаяся за работу, которая и продолжалась до 1815 года. Какъ самый „Домбергъ", такъ и разбросанныя на немъ университетскія учрежденія, уходъ за внѣшнимъ порядкомъ ихъ и чистотой требовали особаго постояннаго надзора, и въ мартѣ 1809 года утвержденъ былъ попечителемъ Клингеромъ составленный проф. Краузе проектъ „домскаго хозяйства", на которое возложена была обязанность доставки дровъ и воды для университетскихъ зданій, поддержаніе чистоты и порядка вблизи построекъ, наблюденіе за цѣлостью и хорошимъ состояніемъ аллей, дорожекъ, мостиковъ и площадокъ на Домской горѣ. Для завѣдующаго „домскимъ хозяйствомъ" былъ построенъ въ 1809—1810 годахъ небольшой каменный домъ между анатомическимъ театромъ и клиническимъ зданіемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь клиника для женскихъ болѣзней; при этомъ домѣ находились конюшни для университетскихъ рабочихъ лошадей, дровяной сарай, а также помѣщались пожарные инструменты, пріобрѣтеніемъ и размѣщеніемъ которыхъ занимался еще въ 1804 году проф. Парротъ.

Если принять въ соображеніе, что къ 1810 году закончены были постройки и въ Ботаническомъ саду, то можно видѣть изъ всего сказаннаго, что къ этому году относится вообще конецъ самой горячей

---

[1]) *Левицкій, Г. В.*, Астрономы Юрьевскаго университета съ 1802 по 1894 годъ. Юрьевъ 1894, стр. 40—42. 115.

строительной поры въ исторіи Дерптскаго университета; дополнительныя работы, по внутренней отдѣлкѣ зданій, планировкѣ и замащиванію дворовъ, дорожекъ и т. п., продолжались до 1812 года, когда 28-го августа „строительная комиссія", напряженно работавшая въ теченіе девяти лѣтъ, представила совѣту общій отчетъ о всей своей дѣятельности; этотъ отчетъ принятъ былъ съ полнымъ удовлетвореніемъ, и комиссіи выражена была благодарность отъ совѣта. Названныя постройки потребовали довольно значительныхъ денежныхъ затратъ: въ 1803 году на нихъ отпущено было изъ казны 120.000 руб., затѣмъ въ 1806 году 100.000 руб., а въ 1808-мъ еще 167.722 руб. 53 коп., такъ что, вмѣстѣ съ другими, менѣе крупными, суммами, по вычисленію официальнаго историка, ко времени окончанія всѣхъ университетскихъ построекъ въ 1810 году на нихъ издержано было въ общей сложности 734.865 руб. $51^1/_2$ коп. асс.; на тѣ же цѣли пошли, кромѣ того, отпущенные дворянствомъ Лифляндіи 44.781 р. 60 коп., Эстляндіи 22.383 р. и Курляндіи 2.447 р. 30 коп.; всего 69.611 р. 90 коп. асс. [1]), а въ общей сложности 805.477 р. $41^1/_2$ коп. асс.—сумма для того времени весьма немалая, указывающая при этомъ на мѣру лишь одной части тѣхъ жертвъ, которыя потребовались, почти исключительно со стороны правительства, для Дерптскаго университета на первыхъ порахъ его существованія.

IV.

Студенты.—Вступленіе въ университетъ и предварительная къ тому подготовка; средняя школа въ Остзейскомъ краѣ при основаніи университета.—Общее число студентовъ въ университетѣ и отдѣльно по факультетамъ; распредѣленіе студентовъ по мѣсту происхожденія.—Контроль за занятіями студентовъ при прохожденіи ими курса; окончательныя испытанія при оставленіи университета.—Присужденіе ученыхъ степеней.—Стипендіи для студентовъ, казенныя и частныя.—Вольнослушатели.—Занятія студентовъ.—Сочиненія на медали.—Слабость научныхъ интересовъ среди студенчества.—Положеніе русскаго языка въ университетѣ.

Переходимъ теперь къ учащимся.

При возникновеніи университета въ 1802 году въ Дерптѣ, среднія учебныя заведенія въ краѣ были весьма немногочисленны, возникали благодаря частной или общественной инициативѣ вполнѣ случайно и не были объединены между собою ни своими конечными цѣ-

---

[1]) Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. V—VI.

лями, ни общимъ планомъ преподаванія, ни зависимостью отъ какой-либо центральной власти. Въ виду этого не могло быть и рѣчи о какой бы то ни было связи университета въ учебномъ отношеніи съ тѣми образовательными учрежденіями, изъ которыхъ въ дѣйствительности выходилъ главный контингентъ университетскихъ слушателей; въ этомъ смыслѣ мѣстная средняя школа тогда весьма мало отличалась отъ условій домашняго образованія, которымъ ограничивались многіе молодые люди тогдашнихъ богатыхъ фамилій въ краѣ передъ поступленіемъ въ университетъ. Одной изъ задачъ вновь основаннаго университета было—внести порядокъ въ характеръ и состояніе мѣстныхъ образовательныхъ средствъ, умножить и развить ихъ подъ своимъ контролемъ и руководствомъ; но плодовъ этой дѣятельности университета нужно было ждать еще долго, и развѣ лишь въ концѣ описываемаго періода университетъ могъ получать питомцевъ, прошедшихъ среднюю школу при тѣхъ новыхъ условіяхъ, проведеніе которыхъ въ жизнь выпало на долю самого университета; пока же въ университетъ поступали молодые люди съ весьма слабыми предварительными познаніями. Попечитель Клингеръ, послѣ перваго своего посѣщенія университета, говоря о студентахъ, писалъ, что „большая часть студентовъ по сіе время вступаютъ въ университетъ еще не со всѣми познаніями, которыя къ вступленію предварительно имѣть бы должны", и что „многихъ студентовъ должно было по вступленіи въ университетъ учить тому, что бы должны они уже знать, не вступая еще въ оный" [1]). Такимъ образомъ, подготовка слушателей университета, почти въ теченіе всего перваго періода его жизни, была поставлена въ зависимость отъ случайностей и лишена была всякой устойчивости и единообразія; отрицательныя стороны такого положенія вещей ослаблялись до нѣкоторой степени тѣмъ, что многіе смотрѣли тогда на вступленіе въ университетъ несерьезно и не соединяли съ нимъ никакихъ другихъ видовъ, кромѣ намѣренія провести въ товарищеской средѣ нѣсколько веселыхъ лѣтъ жизни и потомъ избрать по желанію ту или иную дорогу, ничѣмъ не связанную и не обусловленную пребываніемъ даннаго лица въ университетѣ.

Опредѣленныхъ требованій отъ молодого человѣка для зачисленія его въ студенты университета не было. Въ уставѣ 1803 года говорилось, что „университетъ принимаетъ въ студенты людей всякаго состоянія, россійскихъ уроженцевъ и иностранныхъ, которые предъ-

[1]) Періодическое Сочиненіе, № VII, (1804), стр. 78.

явятъ о своемъ состояніи письменныя свидѣтельства" (§ 1). Въ „Правилахъ для учащихся" того же 1803 года объ этомъ говорится такъ: „Вступающій въ университетъ долженъ не позже трехъ дней по своемъ пріѣздѣ явиться къ ректору съ паспортомъ и свидѣтельствомъ, отъ училища или гимназіи ему даннымъ, просить о внесеніи его въ списокъ студентовъ и отдать свой паспортъ. Но дабы узнать, имѣетъ ли опредѣляющійся нужныя предшествующія познанія, деканъ философскаго отдѣленія дѣлаетъ ему предварительный искусъ (tentamen) и достойному даетъ свидѣтельство, безъ котораго никто не можетъ получить матрикеля или университетскаго вида" (§ 1). Каковы должны были быть эти „предшествующія познанія" и какъ долженъ быть обставленъ по существу и по формѣ этотъ „предварительный искусъ", нигдѣ не было указано, а самъ университетъ выработкой подобныхъ правилъ не занимался. Деканъ философскаго факультета, не имѣя опредѣленныхъ инструкцій, при пріемѣ студента былъ предоставленъ лишь своему собственному взгляду на дѣло, и фактически его „предварительный искусъ" ограничивался, конечно, простою формальностью.

Что касается общаго числа студентовъ по факультетамъ на каждый годъ, то оказывается, что въ 1802 году, въ первый годъ существованія университета, всего поступило 46 человѣкъ: на богословскій факультетъ—11, юридическій—27, медицинскій—6 и философскій—2; а въ 1820 году общее число студентовъ достигло 262, изъ которыхъ на богословскомъ факультетѣ было 59, на юридическомъ—63, на медицинскомъ—92 и на философскомъ—48. Отсюда видно, что общее число студентовъ возросло къ концу перваго періода почти въ 6 разъ, при чемъ далеко не равномѣрно относительно каждаго факультета въ отдѣльности: въ то время, какъ богослововъ оказалось къ данному времени болѣе прежняго приблизительно въ 5 разъ, юристовъ въ $2^1/_2$ раза, медиковъ въ 15 разъ, а философовъ въ 24 раза, т.-е., другими словами, если слѣдовать точному указанію цифръ, факультеты въ отношеніи роста числа студентовъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: философскій, медицинскій, богословскій и юридическій; впрочемъ, относительно философскаго факультета надо замѣтить, что цифра 2 для 1802 года является болѣе или менѣе случайной, такъ какъ уже въ слѣдующемъ 1803 году ее замѣняетъ 22, и въ послѣдующіе годы не замѣчается другого, столь поразительнаго отступленія отъ средней нормы.

Общая сумма студентовъ, достигши въ 1804 году цифры 155, въ

продолженіе цѣлаго пятилѣтія остается почти безъ измѣненія и даже съ наклонностью къ уменьшенію; но съ 1809 года и по 1816 годъ цифра эта весьма значительно возрастаетъ, доходя въ 1811 году до 259, когда студентовъ въ университетѣ было лишь на 3 человѣка меньше, чѣмъ въ самомъ концѣ періода. Увеличеніе это въ значительной степени объясняется событіями военнаго времени, когда нужда во врачахъ вызвала особенный притокъ слушателей на медицинскій факультетъ, въ числѣ которыхъ были и поступившіе въ 1809 году въ университетъ казенные стипендіаты, вызванные, въ качествѣ будущихъ военныхъ врачей, правительствомъ изъ за-границы; въ 1812 году переведены были въ Дерптъ нѣсколько стипендіатовъ изъ Виленскаго университета. Не безъ вліянія остался и общій духовный подъемъ въ тогдашней Россіи, увлекавшій молодежь въ университеты и къ другимъ источникамъ просвѣщенія; въ виду тогдашнихъ политическихъ комбинацій и совмѣстныхъ дѣйствій Россіи съ Германіей, не осталась въ сторонѣ отъ этого увлеченія и нѣмецкая молодежь Остзейскаго края, воодушевленная общимъ тогда въ Россіи обожаніемъ личности основателя университета, императора Александра I; кромѣ того, до 1814 года въ Дерптскій университетъ поступало довольно значительное количество слушателей изъ Финляндіи [1]).

Что касается каждаго факультета въ отдѣльности, то на богословскомъ факультетѣ число студентовъ, въ общемъ постепенно увеличиваясь, не претерпѣваетъ значительныхъ колебаній, достигая въ 1819 году своей наибольшей цифры—63. На юридическомъ факультетѣ, наибольшая цифра слушателей котораго, 69, падаетъ на 1811 годъ, замѣчается, напротивъ, сильное уменьшеніе числа студентовъ въ 1817 году, когда съ 60 человѣкъ предшествующаго 1816 года цифра эта падаетъ на 14, т. е. студентовъ дѣлается сразу болѣе чѣмъ вчетверо меньше; вѣроятно, не безъ вліянія на это остался разгромъ факультета, вслѣдствіе незаконнаго присужденія имъ докторскихъ дипломовъ въ 1816 году. Ростъ числа слушателей на медицинскомъ факультетѣ былъ весьма нормаленъ, достигая впрочемъ однажды, въ 1810 году, той максимальной цифры, 92, которая падаетъ и на послѣдній 1820 годъ; причины этого послѣдняго обстоятельства лежатъ въ упомянутыхъ выше условіяхъ военнаго времени, которыми также объясняется и паденіе въ ближайшіе послѣдующіе годы цифры сту-

---

[1]) *G. Otto und A. Hasselblatt*, Von den 14.000 Immatriculirten. Dorpat 1891, стр. 4.

дентовъ медиковъ до 51, вслѣдствіе усиленнаго выпуска врачей въ армію или вызова ихъ въ военные лазареты, напримѣръ въ Ригу въ 1812 году. Наконецъ, ростъ философскаго факультета шелъ также, въ указанномъ отношеніи, довольно правильно, достигши, подобно юридическому факультету, наибольшей цифры, 56, въ 1811 году и испытавъ необычное уменьшеніе числа студентовъ, до 28, въ 1817 году, что, вѣроятно, объясняется отчасти тѣмъ общимъ паденіемъ университета, которое обнаружилось въ этомъ году въ разныхъ отношеніяхъ и разрѣшилось назначеніемъ новаго попечителя и дарованіемъ университету новаго штата 17-го августа 1817 года.

Относительно распредѣленія числа студентовъ по мѣстопроисхожденію, цифровыя данныя ясно указываютъ на то, что университетъ привлекалъ къ себѣ слушателей главнымъ образомъ изъ трехъ остзейскихъ губерній. Между ними первое мѣсто занимала Лифляндія, изъ которой въ 1802 году поступило въ университетъ болѣе двухъ третей всего числа студентовъ, что вполнѣ объясняется какъ значительной населенностью этой губерніи сравнительно съ двумя другими, такъ и тѣмъ особымъ участіемъ, которое первоначально обнаруживало лифляндское дворянство въ дѣлѣ основанія университета; хотя пропорція эта въ послѣдующіе годы и не удержалась, тѣмъ не менѣе и позднѣе число лифляндцевъ всегда значительно перевѣшивало число уроженцевъ каждой изъ двухъ другихъ остзейскихъ губерній, а также число уроженцевъ всѣхъ остальныхъ губерній Россіи вмѣстѣ, и еще въ 1820 году уроженцы Лифляндіи представляли собою болѣе, чѣмъ половину всего числа университетскихъ слушателей. Второе мѣсто въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ занимала Эстляндія, а на третьемъ мѣстѣ стояла Курляндія. Этотъ порядокъ относительно Курляндіи и Эстляндіи, представляющійся непонятнымъ съ точки зрѣнія населенности обѣихъ губерній, находитъ себѣ объясненіе въ томъ отчужденномъ положеніи, которое заняло курляндское дворянство относительно университета, когда вопросъ о мѣстѣ его былъ рѣшенъ въ пользу Дерпта, а не Митавы, а въ первые три-четыре года уроженцы Курляндіи охотнѣе отправлялись въ заграничные университеты, чѣмъ въ Дерптъ; но позднѣе курляндцы съ фактомъ этимъ нѣсколько примирились, и число ихъ съ 1807 года обыкновенно превышало число эстляндцевъ; только въ послѣдніе четыре года число курляндцевъ уступало числу уроженцевъ изъ Эстляндіи. Число уроженцевъ изъ прочихъ губерній Россіи вмѣстѣ всегда было ниже числа уроженцевъ любой изъ трехъ остзейскихъ губерній въ отдѣль-

ности, что наглядно показываетъ, какъ мало пользовалось Дерптскимъ университетомъ въ описываемый періодъ остальное населеніе Россіи, и были годы (1802—1804, 1809—1810), когда даже иностранцевъ въ университетѣ было больше, нежели русскихъ подданныхъ не изъ остзейскихъ губерній.

Ни зачета семестровъ, ни перехода изъ курса въ курсъ, ни опредѣленныхъ и обязательныхъ учебныхъ плановъ не было, а потому и не было опредѣленнаго и точно установленнаго срока пребыванія студентовъ въ университетѣ. Впрочемъ, обычной нормой для пребыванія въ университетѣ считалось три года, въ силу § 2 устава 1808 года, по которому „каждый изъ россійскихъ подданныхъ четырехъ губерній (т.-е. Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской) для занятія въ оныхъ какой-либо должности по службѣ, требующей юридическихъ или другихъ познаній, обязанъ предъявить свидѣтельство, что онъ обучался въ семъ (т.-е. Дерптскомъ) или другомъ изъ россійскихъ университетовъ по меньшей мѣрѣ три года". Но норму эту принимали въ соображеніе только тѣ изъ студентовъ, которые имѣли въ виду государственную службу, а въ университетѣ было, какъ сказано, немало и другихъ элементовъ, для которыхъ государственная служба не совпадала съ ихъ жизненной перспективой. Бывали случаи перерыва между годами пребыванія въ университетѣ и вступленія въ число студентовъ во второй и въ третій разъ, но бывало, наоборотъ, и такъ, что университетъ оставляли навсегда черезъ одинъ или два семестра послѣ вступленія. Относительно уроженцевъ изъ Курляндіи въ оффиціальномъ годовомъ отчетѣ университета за 1808 годъ было отмѣчено даже, какъ общее явленіе, что почти никто изъ нихъ не остается въ университетѣ полныхъ три года, а оставляетъ его черезъ полгода или годъ, при чемъ особенно мало между ними юристовъ, и большая часть ихъ богословы.

Экзаменовъ въ теченіе курса никакихъ не было, но когда студентъ желалъ оставить университетъ, то онъ долженъ былъ, согласно § 55 „Правилъ для учащихся" 1803 года, „испросить у университетскаго правленія свидѣтельство въ томъ, сколь далеко онъ успѣхами удовлетворилъ предмету своего пребыванія въ университетѣ", и это свидѣтельство при опредѣленіи его на службу принималось „за доводъ его способностей"; а по § 62 тѣхъ же „Правилъ", „студентъ, получившій отъ университета похвальное свидѣтельство, принимается въ гражданскую службу въ 14 классѣ или съ оберъ-офицерскимъ чиномъ". Такое свидѣтельство соотвѣтствовало позднѣйшему

званію „дѣйствительнаго студента“, котораго въ первый періодъ еще не существовало, и такимъ образомъ являлось документомъ объ удовлетворительномъ окончаніи обладателемъ его, такъ сказать, полнаго университетскаго курса.

Болѣе опредѣленности было въ присужденіи „ученыхъ степеней“ или „достоинствъ“, которыхъ съ самаго начала было три: кандидата, магистра и доктора, при чемъ степень кандидата имѣла мѣсто только на богословскомъ, юридическомъ и философскомъ факультетахъ, а не на медицинскомъ, „ибо врачу посредственныхъ познаній не можетъ быть ввѣрена жизнь человѣческая“ (уставъ 1803 года, § 72); только въ самомъ концѣ періода, согласно „Положенію о производствѣ въ ученыя степени“ 20-го января 1819 года, установлена была (§ 10) и „степень дѣйствительнаго студента“ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго. Для полученія степени кандидата полагалось два испытанія, письменное и устное; послѣднее состояло сначала изъ двухъ вопросовъ, „относящихся до главной науки отдѣленія и выбранныхъ по жребію“, а затѣмъ слѣдовало „произвольное“ словесное испытаніе; на медицинскомъ факультетѣ къ кандидатскому экзамену приравнивалось испытаніе на званія „лѣкаря“ и „аптекаря“ (уставъ §§ 74, 82). Испытаніе на степень магистра состояло изъ двухъ главныхъ устныхъ вопросовъ, выбираемыхъ по жребію изъ всѣхъ главныхъ предметовъ факультета; для степени доктора такихъ вопросовъ полагалось по четыре; затѣмъ слѣдовало также „произвольное“ испытаніе. Кромѣ того, для степени какъ магистра, такъ и доктора, необходима была публичная защита диссертаціи, при чемъ диспуты должны были происходить на латинскомъ языкѣ, и только „по причинамъ до учености принадлежащимъ“ факультетъ могъ разрѣшить диспутъ и на нѣмецкомъ языкѣ; независимо отъ этого, ищущій степени доктора долженъ былъ „читать въ теченіе трехъ дней сряду публичныя лекціи“ о предметѣ, назначенномъ отъ факультета; кромѣ того, университету предоставлено было право давать лицамъ „извѣстнымъ своей ученостью и сочиненіями или отличившимся въ государственной службѣ“ почетные дипломы на степень доктора, honoris causa (уставъ §§ 73—76, 78, 80). Степень дѣйствительнаго студента давала право на чинъ 14 класса, кандидата—12-го, магистра—9-го, а доктора—8-го.

На практикѣ упомянутыя требованія нерѣдко обходились или смягчались, такъ какъ къ вопросу о присужденіи ученыхъ степеней было весьма свободное отношеніе. Бывали случаи присужденія ученыхъ степеней магистра и доктора (не honoris causa) безъ личной

защиты диссертаціи, представленной въ факультетъ заочно (in absentia); въ магистерское и докторское „достоинства" возводились нѣкоторыя лица почти сразу, съ формальнымъ промежуткомъ въ одинъ—два или нѣсколько дней, при чемъ факультетъ довольствовался лишь одной диссертаціей, и на одномъ изъ диспутовъ фигурировали лишь тезисы [1]). Кромѣ того, хотя гонораръ за „промоціи" въ ученыя степени въ уставѣ 1803 года, несмотря на желаніе Паррота, и не былъ установленъ, однако фактически такой гонораръ практиковался, по крайней мѣрѣ на медицинскомъ факультетѣ, сначала по опредѣленію факультета, а потомъ и съ согласія совѣта; при этомъ установились даже опредѣленныя таксы: каждый изъ экзаменаторовъ получалъ по 15 р. сер., деканъ и авторъ факультетскаго отзыва о диссертаціи по 12 р., факультетская касса, прозекторъ и секретарь по 4 р., три педеля по 2 р. и на расходы по объявленію въ газетѣ 2 р. Въ 1817 году, при новомъ попечителѣ графѣ Ливенѣ, гонорару этому положенъ былъ конецъ, и вмѣсто него введенъ былъ сборъ за дипломы въ пользу общаго пенсіоннаго фонда, при чемъ за магистерскій дипломъ опредѣленъ былъ взносъ въ 30 р., а за докторскій въ 40 р.

Общій итогъ присужденныхъ съ основанія университета по 1819 годъ ученыхъ степеней по каждому факультету былъ слѣдующій. По богословскому: почетныхъ докторовъ—5, докторовъ—5, магистровъ—ни одного, кандидатовъ—12, дѣйствительныхъ студентовъ—7; по юридическому: почетныхъ докторовъ—2, докторовъ—10, магистровъ и кандидатовъ—ни одного, и дѣйствительный студентъ—1; по медицинскому: докторовъ медицины и хирургіи—30, докторовъ медицины—84, магистровъ медицины и хирургіи—9, имѣющихъ право на медицинскую и хирургическую практику—6, на медицинскую практику—8, на хирургическую практику—71, аптекарей—25, провизоровъ—42, кандидатовъ фармаціи—2, аптекарскихъ помощниковъ—109, зубныхъ врачей—2, повивальныхъ бабокъ—27, акушеръ—1; по философскому: почетныхъ докторовъ—11, докторовъ—11, магистровъ—2, кандидатовъ—4, дѣйствительныхъ студентовъ—ни одного [2]). Такимъ образомъ, всего болѣе ученыхъ степеней прису-

---

[1]) Такъ было, напримѣръ, со всѣми четырьмя лицами, удостоенными степени доктора по философскому факультету въ 1813 году: первый изъ нихъ, Паукеръ, магистерскій диспутъ имѣлъ 28-го февраля, а докторскій 1-го марта; второй, Купферъ, 13-го и 17-го мая; третій, знаменитый впослѣдствіи астрономъ Струве, 8-го и 18-го октября; четвертый, Шульцъ, 14-го и 15-го ноября.

[2]) Перечень медицинскихъ диссертацій можно найти въ трудѣ „Verzeichniss

ждено на медицинскомъ факультетѣ, при чемъ особенно обильнымъ въ немъ является памятный 1812 годъ, когда выпущено было въ армію небывалое ни до, ни послѣ этого въ теченіе описываемаго времени число докторовъ медицины и хирурговъ; въ меньшемъ количествѣ продолжается выпускъ тѣхъ и другихъ и въ послѣдующіе годы, между тѣмъ какъ до войны со степенью „доктора медицины" совсѣмъ не выпускали, а лишь со степенью „доктора медицины и хирургіи"; спеціально „хирурговъ" выпущено было до войны также довольно мало, но за то въ нѣкоторые годы выпускались „магистры медицины и хирургіи", чего послѣ войны совсѣмъ уже не видимъ. Затѣмъ, по количеству присужденныхъ ученыхъ степеней идетъ философскій факультетъ, въ которомъ преобладаютъ доктора, число коихъ перевѣшиваетъ общую сумму магистровъ и кандидатовъ на этомъ факультетѣ вмѣстѣ. Далѣе идетъ богословскій факультетъ, съ полнымъ отсутствіемъ магистровъ, и послѣднее мѣсто занимаетъ факультетъ юридическій, на которомъ въ теченіе всего времени не было присуждено ни одной степени магистра и кандидата, а доктора въ 1816 году девяти лицамъ заразъ, при чемъ два изъ этихъ присужденій признаны были, вслѣдствіе возбужденнаго по этому поводу особаго дѣла противъ юридическаго факультета, незаконными. Почетные дипломы на степень доктора по богословскому, философскому и отчасти юридическому факультетамъ вообще давались въ описываемое время довольно охотно, при чемъ нерѣдко лицамъ, назначеннымъ профессорами Дерптскаго университета и не имѣвшимъ до того докторской степени; но въ 1818 году порядку этому былъ положенъ конецъ, когда въ засѣданіи совѣта 30-го марта, при присужденіи проф. Воейкову степени доктора философіи honoris causa, рѣшено было считать этотъ случай послѣднимъ въ практикѣ университета, а въ высочайше утвержденныхъ „Правилахъ о производствѣ въ ученыя степени" 1819 года званіе это совсѣмъ упразднено „какъ не имѣющее никакого существеннаго значенія" [1]).

Уставомъ 1803 года назначено было на раздачу стипендій студентамъ 5.000 р. въ годъ (§ 143), при чемъ большая часть этой

---

der von medicinischen Facultät zu Dorpat seit ihrer Gründung veröffentlichten Schriften. Nach den Archiven der Universität zusammengestellt von *Abraham Grünfeld*", помѣщенномъ въ изданіи проф. *Рудольфа Коберта*: Historische Studien aus dem Pharmacologischen Institute der Kaiserlichen Universität Dorpat. B. III. Halle 1893, стр. 1—6.

[1]) Сборникъ постановленій, I, 1257.

суммы, именно 3.250 р., какъ было выше упомянуто, опредѣлена для выдачи стипендіатамъ „Общаго Педагогическаго Института“, остальные же 1.750 р. предназначены были на стипендіи внѣ Института: одна въ 250 р., двѣ по 200 р., четыре по 150 р. и пять по 100 р. (§ 144). Кромѣ того, университетъ располагалъ еще и нѣсколькими частными стипендіями. Въ 1802 году графиня Лестокъ (урожденная баронесса фонъ-Менгденъ) назначила 15.000 р. сер., которые избранные ею попечители должны были послѣ ея смерти обратить въ проценты для выдачи тремъ неимущимъ студентамъ изъ дворянства по 200 р. сер. въ годъ, а когда изъ остатковъ этихъ процентовъ и первоначальнаго капитала получится сумма въ 16.000 р., то образовать и четвертую стипендію въ томъ же размѣрѣ; управленіе этимъ капиталомъ и назначеніе попечителей по его употребленію ввѣрено было лифляндскому гофгерихту въ Ригѣ. Въ 1807 году графомъ фонъ-Сиверсомъ назначено было 12.000 р. на двѣ стипендіи: одна съ капитала въ 8.000 р., а другая съ капитала въ 4.000 р.; стипендіи эти предназначены были студентамъ богословскаго или медицинскаго факультета; завѣдываніе ими возложено было на правленіе университета [1]). По завѣщанію проф. Швемшу образована была стипендія въ 120 алб. рейхстал. ежегодно, для одного студента богословскаго факультета изъ Курляндіи, и управленіе ею ввѣрено было курляндской консисторіи.

Когда нужды военнаго времени выдвинули необходимость усиленнаго приготовленія врачей для русской арміи, то Дерптскій университетъ не остался внѣ сферы этой дѣятельности, принявъ въ свою среду новыхъ стипендіатовъ. Именно, въ концѣ 1808 года были на значены, а въ январѣ 1809 года прибыли въ Дерптъ, 33 казенныхъ медицинскихъ стипендіата изъ-за границы; на содержаніе каждаго изъ нихъ положено было 452 р. 92½ коп. въ годъ. Немедленно по ихъ пріѣздѣ, для ближайшаго надзора за ними, была избрана особая комиссія изъ трехъ членовъ совѣта, нанята была для нихъ общая квартира, съ платой за содержаніе и помѣщеніе по 300 р. съ каждаго воспитанника, при чемъ двумъ изъ нихъ, такъ какъ они были женаты, деньги на содержаніе выдавались на руки. Для нихъ составленъ былъ, послѣ произведеннаго испытанія изъ химіи и ботаники, особый учебный планъ, при чемъ ихъ стали спѣшно обучать языкамъ латинскому (проф. Гецель) и русскому (проф. Глинка), изъ ко-

---

[1]) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, I, 4, 150.

торыхъ съ первымъ они были знакомы весьма мало, а со вторымъ и совсѣмъ не были знакомы. Но, какъ показали дальнѣйшія ихъ занятія, воспитанники эти обладали чрезвычайно скудной общей подготовкой и неблестящими способностями, такъ что вскорѣ 10 изъ нихъ были отправлены по домамъ, а одинъ умеръ въ Дерптѣ; на смѣну имъ въ апрѣлѣ и въ августѣ 1809 года явились новые 10 воспитанниковъ, жившіе сначала также въ общемъ помѣщеніи; но потомъ, въ виду неудовольствій между ними и ихъ содержателемъ, пришлось это временное общежитіе закрыть и замѣнить его выдачей каждому денегъ на руки. Въ общемъ эти заграничные питомцы Дерптскаго университета далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и только часть ихъ въ 1812 году была обращена па предназначенное имъ дѣло. Наконецъ, тутъ должны быть упомянуты также 12 студентовъ Виленскаго университета, изъ числа опредѣленныхъ тамъ 29-го декабря 1806 года „казенныхъ воспитанниковъ для врачебной части", посланные въ январѣ 1811 года правительствомъ въ Дерптъ для усовершенствованія своихъ познаній въ медицинѣ; но они оставались здѣсь весьма недолго, и также въ 1812 году отправились на службу. Объ основанномъ въ 1819 году въ Дерптѣ „Медицинскомъ Институтѣ" съ 40 казенными воспитанниками придется сказать нѣсколько словъ позднѣе, такъ какъ дѣятельность этого учрежденія всецѣло относится ко второму періоду жизни Дерптскаго университета.

Здѣсь должно упомянуть также и о вольнослушателяхъ, относительно которыхъ въ § 59 устава 1803 года было сказано, что ректоръ можетъ допускать ихъ, но не иначе, какъ по предварительномъ извѣщеніи того профессора, котораго лекціи имѣетъ слушать желающій. Изъ имѣющихся о количествѣ вольнослушателей свѣдѣній, къ сожалѣнію не полныхъ, такъ какъ за нѣкоторые годы объ этомъ совсѣмъ не имѣется данныхъ, явствуетъ, что болѣе или менѣе постоянное присутствіе ихъ замѣчается лишь съ 1814 года, при чемъ наивысшей цифры число вольнослушателей достигаетъ въ 1815 году (22), ниже всего падая въ 1819 году (1). Съ концомъ перваго періода закончилось на долгое время и присутствіе вольнослушателей въ Дерптскомъ университетѣ, такъ какъ послѣдовавшимъ затѣмъ университетскимъ уставомъ этотъ родъ учащихся не былъ допущенъ.

Что касается успѣховъ студентовъ въ научныхъ занятіяхъ, то объ этомъ чрезвычайно трудно судить за описываемое время, въ виду отсутствія прямыхъ указаній. Послѣ перваго своего посѣщенія уни-

верситета въ 1804 году попечитель Клингеръ, между прочимъ, доносилъ въ Главное Правленіе Училищъ: „студенты весьма прилежно посѣщаютъ лекціи, и я, замѣтивъ во всѣхъ ихъ къ преподаванію наукъ вниманіе, заподлинно сказать могу, что они одушевляются истиннымъ желаніемъ достигнуть цѣли пребыванія ихъ въ университетѣ; по свидѣтельству профессоровъ, большая часть изъ нихъ занимается также съ отмѣннымъ прилежаніемъ дома, чему быстрые ихъ успѣхи служатъ наилучшимъ доказательствомъ"; при этомъ попечитель особенно указывалъ на студента Карла Вильямса, ссылаясь на отзывъ проф. Паррота, что „прилежаніе и охота Вильямса къ наукамъ равняются природнымъ его талантамъ" [1]).

И въ послѣдующіе годы попечитель приводилъ подобные же отзывы о занятіяхъ и успѣхахъ студентовъ, ссылаясь на сообщеніе профессоровъ [2]), но въ виду своего исключительно формальнаго характера, отзывы эти едва ли могутъ имѣть большое значеніе и скорѣе отражаютъ на себѣ тотъ снисходительный и въ высшей степени оптимистическій взглядъ, какой имѣли тогдашніе профессора на занятія студентовъ [3]); что же касается отдѣльныхъ случаевъ, въ родѣ упомянутаго Вильямса, то условія шумной, веселой и разсѣянной жизни дерптскаго студенчества того времени внѣ стѣнъ университета и въ отдаленіи отъ научныхъ интересовъ дѣлали замѣтнымъ каждое, даже самое умѣренное, исключеніе изъ этого порядка.

Конечно, были и тогда между студентами люди занимавшіеся своимъ дѣломъ; были и такіе, которые обнаруживали серьезныя научныя стремленія и трудолюбіе; о такихъ студентахъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, сочиненія ихъ, удостоивавшіяся медалей на ежегодномъ актѣ 12-го декабря. По уставу 1803 года, на награжденіе такихъ сочиненій, задаваемыхъ отъ факультетовъ, опредѣлено было 500 р. ежегодно, при чемъ предназначалась выдача медалей зо-

---

[1]) Періодическое Сочиненіе, № VII (1804), стр. 77, 88. Объ этомъ Вильямсѣ, латышѣ по происхожденію, отпущенномъ изъ крѣпостной зависимости ради ученія барономъ Врангелемъ, см. у *Г. В. Левицкаго*, „Астрономы Юрьевскаго университета", стр. 36.

[2]) Період. Соч., № XV (1806), стр. 420—421; № XXV (1810), стр. 157.

[3]) Самъ попечитель въ одномъ письмѣ къ проф. Моргенштерну, отъ 17-го мая 1804 года, спрашивалъ о причинахъ слабаго посѣщенія студентами профессорскихъ лекцій: Рукописи изъ собранія Моргенштерна № CCCXLII, въ библіотекѣ Юрьевскаго университета, „Briefe von Gelehrten etc. an Morgenstern, 1802—1808", т. 4, стр. 225—227.

лотыхъ, стоимостью въ 100 р., и серебряныхъ; ежегодно задавалось пять темъ, и при этомъ философскій факультетъ располагалъ двумя темами. Сочиненія эти должны были писаться по-латыни, и „только по однѣмъ ученымъ причинамъ“ факультетъ могъ разрѣшить отступленіе въ пользу нѣмецкаго языка (§§ 150—152). Въ первый разъ темы были объявлены 12-го декабря 1803 года. Это были слѣдующіе вопросы. По богословскому факультету: „Was wird zum gelehrten, was zum populären Theologen erfordert; welches Band vereinigt beyde in Absicht auf die drey Hauptclassen der theologischen Wissenschaften: die exegetische, historische und dogmatische? Bey einer Uebersicht jeder einzelnen Classe werde Rücksicht genommen 1. auf die Methode, 2. auf den Umfang, 3. auf die Anwendung der jedem von beyden nöthigen Studien“; по юридическому факультету: „Sind böse Beispiele Gegenstände strafender Gerechtigkeit und in wie fern?“; по медицинскому факультету: „In welchen Verhältnissen stehen Philosophie und Arzneywissenschaft gegen einander? Was hat die erstere der letztern für Nutzen geschaft, und welche Nachtheile hat sie ihr verursacht? Nach welcher Methode, in welchem Grade darf der praktische Arzt ohne Schaden für seine Kunst philosophiren?“; по I и III отдѣленіямъ философскаго факультета: „Wenn und wie wurde die Verbindung zwischen Liv- und Deutschland angeknüpft, und von Zeit zu Zeit, vorzüglich in literarischer Hinsicht, befestigt?; по II и IV отдѣленіямъ философскаго факультета: „Lassen sich Gesetze der Flächenanziehung auf die Standanziehung der Flüssigkeiten in den Gefässen, auf die Anziehung der festen Körper zu den Flüssigkeiten überhaupt, auf die Phänomene der schwimmenden Körper gegen den Stand der Gefässe anwenden, und wie lassen sie sich darauf anwenden? Hiebey soll auf die vorzüglichsten schon bekannten Versuche besondere Rücksicht genommen werden, um diese Versuche selbst und die darauf gebaueten Hypotesen zu würdigen“. Первое присужденіе медалей состоялось въ 1805 году и потомъ происходило ежегодно [1]).

---

[1]) Въ собственномъ смыслѣ медали стали раздаваться лишь съ 1809 года, такъ какъ только къ этому времени онѣ были изготовлены по высочайше утвержденному 26-го декабря 1805 года рисунку преподавателя рисованія Зенфа, а до того времени ихъ замѣняла соотвѣтствующая денежная сумма и дипломъ; въ 1812 году, вслѣдствіе необычайнаго вздорожанія золота, чеканка золотыхъ медалей была прекращена и не возобновлялась въ теченіе всего перваго періода: *A. Hasselblatt*, Die Ehrenlegion der 14.000 Immatriculirten. Juriew 1893, стр. 8—9.

Количество присужденныхъ медалей въ теченіе всего перваго періода, въ 1803 — 1819 гг., было 38; изъ нихъ 13 золотыхъ и 25 серебряныхъ. Изъ факультетовъ самый богатый медалями былъ богословскій, на долю слушателей котораго досталось около половины всего количества медалей, именно 18 (3 золотыхъ и 15 серебряныхъ); за нимъ идетъ медицинскій факультетъ—11 медалей (4 золотыхъ и 7 серебряныхъ), потомъ юридическій — 7 медалей (5 золотыхъ и 2 серебряныхъ) и, наконецъ, философскій, на долю котораго досталось всего 2 медали—1 серебряная по I и III отдѣленіямъ и 1 золотая по II и IV отдѣленіямъ [1]). Распредѣленіе это, далеко не соотвѣтствующее количеству студентовъ на каждомъ факультетѣ, въ то же время не находитъ себѣ объясненія и въ интенсивности занятій студентовъ на томъ или другомъ факультетѣ и никоимъ образомъ не можетъ служить къ сравнительной характеристикѣ учебно-воспитательной и научной энергіи послѣднихъ; особенно поразительна тутъ разница между философскимъ и юридическимъ факультетомъ, изъ которыхъ первый былъ гораздо выше поставленъ въ научномъ отношеніи, чѣмъ второй; на богословскомъ же факультетѣ большой перевѣсъ серебряныхъ медалей надъ золотыми можетъ свидѣтельствовать не столько о высокомъ качествѣ работъ, сколько о прилежаніи студентовъ. Указанная неравномѣрность между факультетами въ сравнительномъ числѣ присужденныхъ медалей, быть можетъ, нѣсколько объясняется и тѣмъ, что философскій факультетъ менѣе трехъ остальныхъ служилъ практическимъ цѣлямъ на поприщѣ службы, пополнялся болѣе обезпеченными элементами, усиленно предававшимися развлеченіямъ и забавамъ, и не вызывалъ студентовъ къ особенно энергическому соревнованію въ занятіи наукой; возможно, что тутъ играла нѣкоторую роль и неравномѣрная требовательность разныхъ факультетовъ въ оцѣнкѣ представляемыхъ сочиненій.

Но въ общемъ научный духъ среди студентовъ обнаруживался весьма слабо. Объ этомъ имѣемъ мы ихъ собственныя свидѣтельства. Пасторъ Фр. В. Вальтеръ, бывшій студентомъ богословскаго факультета въ 1816 г., такъ говоритъ о своемъ времени: „Научная жизнь среди студентовъ, къ сожалѣнію, была тогда совсѣмъ незамѣтна; если бывали разговоры или споры научнаго характера, то развѣ у медиковъ, и то съ точки зрѣнія практической; богословы знали объ этомъ также мало, какъ и мертвые ихъ профессора—Зегельбахъ, Бел-

[1]) Die Ehrenlegion, стр. 33—47.

лендорфъ и Гецель — которые сами умерли уже для всякаго знанія. Лекціи посѣщали довольно прилежно, и столь же прилежно записывали на нихъ мертвый хламъ, чтобы потомъ въ неприкосновенности отнести его въ толстыхъ тетрадяхъ домой и оставить лежать въ покоѣ. Даже въ лучшихъ кружкахъ усердно читалась только беллетристика, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ поистинѣ очень ревностно, а серьезной работой безпокоили себя только къ экзаменамъ" [1]). О полномъ застоѣ среди богослововъ свидѣтельствуетъ и другой студентъ того же времени, Авг. Г. Гиппіусъ, 1818 — 1820, отмѣчая также нѣкоторое научное движеніе лишь среди медиковъ и отчасти, со времени проф. Дабелова, среди юристовъ [2]). По отзыву одного изъ тогдашнихъ студентовъ юридическаго факультета, П. Э. фонъ-Бока, 1814 — 1815, личныя сношенія между профессорами и университетской молодежью были очень незначительны [3]). Отмѣченное выше усердное посѣщеніе лекцій на богословскомъ факультетѣ далеко не было всеобщимъ; напротивъ, съ первыхъ же лѣтъ замѣчено было, что студенты разныхъ факультетовъ слишкомъ рано разъѣзжались въ концѣ каждаго семестра, до окончанія лекцій, такъ что профессора принуждены бывали, за почти полнымъ отсутствіемъ слушателей, прекращать чтеніе ихъ ранѣе положеннаго срока, а при желаніи непремѣнно закончить курсъ—или форсировать увеличеннымъ числомъ часовъ въ концѣ семестра, или переносить недочитанныя лекціи на слѣдующій семестръ. Происходившія отъ этого неудобства побудили совѣтъ еще въ 1806 году обратиться, путемъ публикаціи въ газетахъ, къ родителямъ и опекунамъ студентовъ съ просьбой помочь этому соотвѣтствующими воздѣйствіями на ихъ дѣтей и воспитанниковъ; но мѣра эта, какъ показали послѣдующіе годы, ни къ чему не привела, и въ ноябрѣ 1811 года совѣтъ выработалъ слѣдующія принудительныя постановленія, получившія утвержденіе министра: 1) тѣмъ студентамъ, которые уѣзжаютъ ранѣе окончанія лекцій или пріѣзжаютъ позднѣе ихъ начала, не засчитываются эти семестры при оставленіи ими университета и выдачѣ соотвѣтственнаго о томъ свидѣтельства; 2) для удостовѣренія о своемъ присутствіи въ университетѣ въ предѣльные сроки въ началѣ и концѣ каждаго семестра,

---

1) Nachträge zum Album Estonorum. 2 Heft, стр. 28—29.
2) Тамъ же, стр. 35.
3) Тамъ же, стр. 25.

студенты должны собственноручно записать свои имена въ особую книгу, находящуюся въ канцеляріи университета; 3) профессора начинаютъ свои лекціи въ весеннемъ семестрѣ 4-го февраля, а въ осеннемъ 4-го августа, и объ окончаніи ихъ, для котораго срокъ не можетъ быть назначенъ, дѣлаютъ объявленія въ канцеляріи университета. Какъ можно видѣть, самый характеръ этой мѣры былъ таковъ, что едва ли она могла принести какую-либо пользу.

Среди преподаваемыхъ предметовъ своеобразное положеніе въ университетѣ занималъ русскій языкъ. Съ одной стороны, русскій языкъ, бывшій на положенія языка иностраннаго, не былъ обязательнымъ, а съ другой—знать его предполагалось необходимымъ въ виду возможности поступленія окончившаго курсъ въ университетѣ на государственную службу. Послѣднее соображеніе сильно ослаблялось тѣмъ крайне обособленнымъ положеніемъ, въ которомъ находился тогда Остзейскій край въ отношеніи къ остальной Россіи; фактически можно было тутъ находиться на государственной службѣ или заниматься общественной дѣятельностью и безъ знанія государственнаго языка, формальная обязательность котораго являлась лишь условной; другихъ побужденій, общественнаго или культурнаго характера, почти не существовало. Вслѣдствіе этого, русскимъ языкомъ въ университетѣ занимались мало и очень неохотно, хотя для этого и была полная возможность, въ виду наличности „профессора россійскаго языка и словесности" и „лектора россійскаго языка", положенныхъ по уставу 1803 года. Попечитель Клингеръ, донося Главному Правленію Училищъ о первомъ своемъ посѣщеніи Дерптскаго университета въ 1804 году, писалъ: „Изъ рапортовъ университета и по собственнымъ моимъ наблюденіямъ примѣтилъ я, что сей (т.-е. русскій) языкъ тамъ не въ должномъ уваженіи. Извѣстно однакожъ, что, не зная онаго, молодые люди не могутъ впослѣдствіи пріобрѣтенными отъ науки знаніями быть полезными своему отечеству во всѣхъ онаго краяхъ. Посему, представляя о семъ Главному училищъ Правленію, покорнѣйше прошу оное дальнѣйшими сильными мѣрами подкрѣпить предпринятое уже мною" [1]).

Мѣры, принятыя попечителемъ, заключались въ томъ, что въ маѣ 1804 года имъ было предписано университетскому совѣту, чтобы при выдачѣ аттестатовъ объ окончаніи курса, особенно тѣмъ молодымъ

---

[1]) Періодич. Соч., № VII (1804), стр. 83—84.

людямъ, которые имѣютъ намѣреніе посвятить себя государственной службѣ, обращалось вниманіе на основательное знаніе ими русскаго языка, при чемъ совѣту было предложено учредить особую комиссію для производства испытаній по русскому языку изъ трехъ членовъ, профессоровъ Глинки, Шерера и Стикса, которые одни только изъ всего тогдашняго состава университетскаго совѣта были знакомы съ русскимъ языкомъ. Но какъ дѣйствовала эта комиссія, и насколько предписаніе попечителя имѣло вліяніе на успѣшный ходъ занятій русскимъ языкомъ со стороны студентовъ, въ точности неизвѣстно; послѣдующіе факты подсказываютъ въ этомъ отношеніи скорѣе отрицательный, нежели положительный отвѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ 1813 году попечитель настоятельно указывалъ совѣту на необходимость обращать бóльшее вниманіе на знакомство учащихся въ университетѣ съ русскимъ языкомъ, ссылаясь въ этомъ отношеніи на министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго, который ему писалъ: „прошу и вообще болѣе пещись о томъ, чтобы россійскій языкъ въ училищахъ округа его (т.-е. Дерптскаго университета) и въ самомъ университетѣ успѣшнѣе былъ преподаваемъ, нежели какъ сіе доселѣ происходило къ ущербу собственной славы и чести университета".

Что преподаваніе русскаго языка въ университетѣ и познанія въ немъ студентовъ стояли очень невысоко и въ послѣдующіе годы, указанія на это имѣемъ мы въ сужденіяхъ совѣта университета въ 1818 и 1819 годахъ о мѣрахъ къ усиленію занятій студентовъ русскимъ языкомъ, при чемъ между членами совѣта возникло принципіальное разногласіе по этому вопросу, имѣвшему тогда въ глазахъ большинства профессорской коллегіи не одинъ только учебно-практическій, но и культурно-общественный, даже политическій характеръ.

Профессоръ положительнаго государственнаго и народнаго права *І. Г. Нейманъ*, иностранецъ по происхожденію, бывшій до поступленія въ Дерптскій университетъ профессоромъ въ Казани, выступилъ съ подробно мотивированнымъ мнѣніемъ своимъ о русскомъ языкѣ, отъ 28-го октября 1818 года. „Насколько я могъ донынѣ наблюдать,—писалъ Нейманъ—въ здѣшнемъ университетѣ изученіе русскаго языка находится въ большомъ пренебреженіи. Даже студенты, которые намѣрены посвятить себя государственной службѣ, по гражданской спеціальности, имѣютъ очень слабыя познанія въ русскомъ языкѣ и вовсе не считаютъ необходимымъ включить изученіе его въ свою научную подготовку, хотя это положительно предписано ука-

зомъ 6-го августа 1809 года [1]). Можно поэтому опасаться, что и подготовляющіеся къ государственной службѣ медики, обремененные очень сложнымъ планомъ 4-лѣтняго курса и увлекаемые общимъ настроеніемъ, не дадутъ себѣ труда достаточно изучить русскій языкъ, чтобы къ концу курса они могли съ нѣкоторой легкостью говорить и писать на немъ; а между тѣмъ такое знаніе безусловно требуется отъ чиновниковъ, поступающихъ на русскую государственную службу; особенно во внутреннія губерніи. Поэтому не только интересъ службы, но и слава университета понесли бы ущербъ, если бы юноши, получающіе въ немъ образованіе на казенный счетъ, при поступленіи на службу оказывались невѣждами по предмету, знать который обязаны даже гимназисты при поступленіи въ университетъ". Поэтому онъ полагалъ полезнымъ принять такую мѣру: или принимать въ университетъ только тѣхъ молодыхъ людей, которые при вступленіи окажутъ удовлетворительныя познанія въ русскомъ языкѣ, или, если это, въ виду неудовлетворительной постановки преподаванія русскаго языка въ среднихъ школахъ, пока недостижимо, то обязать всѣхъ вообще студентовъ, желающихъ получить аттестатъ объ окончаніи ими университетскаго курса, основательно заняться русскимъ языкомъ въ университетѣ и сдать соотвѣтствующій экзаменъ, безъ чего и самый аттестатъ не можетъ быть выданъ.

Когда мнѣніе это заслушано было въ совѣтѣ 13-го ноября того же 1818 года, то вызвало выраженіе несогласія съ нимъ остальныхъ членовъ и въ особенности ректора Эверса, не столько по фактическимъ указаніямъ, сколько по рекомендуемымъ проф. Нейманомъ мѣрамъ, при чемъ въ общемъ слабое знакомство студентовъ университета съ русскимъ языкомъ не было отрицаемо.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій совѣта заслушана была новая записка проф. Неймана о русскомъ языкѣ, отъ 2-го апрѣля 1819 года. Тутъ онъ, между прочимъ, писалъ: „Уже нѣсколько разъ офиціально докладывалъ я о господствующемъ въ нашемъ университетѣ невѣжествѣ по русскому языку. Говорю—„невѣжествѣ", ибо слабыя познанія въ немъ того или другого изъ нашихъ студентовъ не идутъ даже въ расчетъ по сравненію съ тѣмъ, что они должны бы знать; говорю — „господствующемъ", ибо, насколько я могъ до-

[1]) Тутъ имѣются въ виду „Правила о производствѣ въ чины по гражданской службѣ и объ испытаніяхъ въ наукахъ для производства въ коллежскіе ассесоры и статскіе совѣтники". Сборникъ постановленій, I, 582—589.

нынѣ наблюдать, изъ десяти студентовъ врядъ ли найдется одинъ, хотя бы посредственно лишь знающій этотъ предметъ, а основательное съ нимъ знакомство врядъ ли окажется у одного изъ 20 студентовъ". Ему представляется „противнымъ здравому смыслу", если „молодые люди, получающіе въ русскомъ университетѣ образованіе для служенія русскому государству, выпускаются съ надлежащими аттестатами объ окончаніи курса и, слѣдовательно, объявляются въ публичномъ документѣ достаточно подготовленными для государственной службы, когда извѣстно, что они не понимаютъ языка своей страны"; при чемъ эти молодые люди, „противно закону и видамъ правительства", незаслуженно становятся „соучастниками всѣхъ тѣхъ гражданскихъ преимуществъ, какія по закону соединяются съ таковыми свидѣтельствами въ видахъ поощренія занятій въ русскихъ университетахъ". Въ виду этого соображенія, а также прямого указанія закона, проф. Нейману кажется, что совѣтъ университета „дѣйствуетъ врядъ ли законно, если выдаетъ свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи наукъ, не имѣя полной увѣренности, что данное лицо основательно владѣетъ русскимъ языкомъ". Поэтому, онъ настаиваетъ на примѣненіи уже ранѣе имъ рекомендованной мѣры; но вслѣдствіе „многихъ условій" и особенно того, что „русскій языкъ не изучается въ школахъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ бы это должно дѣлаться по закону и въ интересахъ государства", онъ предлагалъ, какъ уступку обстоятельствамъ, соблюденіе слѣдующихъ условій: 1) при пріемѣ вновь поступающихъ студентовъ подвергать ихъ испытанію по русскому языку; въ случаѣ, если они не окажутъ надлежащихъ познаній, то принять ихъ въ университетъ, но дать имъ опредѣленный срокъ, напримѣръ одинъ годъ, въ теченіе котораго они должны приготовиться ко вторичному испытанію по русскому языку; 2) объявить теперешнимъ студентамъ, что имъ рекомендуется прилежно заняться русскимъ языкомъ, съ указаніемъ на то, что знаніе этого языка безусловно необходимо всѣмъ, желающимъ поступить по окончаніи курса на государственную службу, и что при окончательныхъ испытаніяхъ будетъ производимъ строгій экзаменъ по русскому языку, а недостатокъ познаній въ этомъ языкѣ будетъ особо отмѣченъ въ аттестатахъ. Въ заключеніе своихъ доводовъ относительно необходимости изученія русскаго языка, проф. Нейманъ говоритъ: „Нельзя не замѣтить, что обыкновенно только тотъ принимаетъ сердечное участіе въ благополучіи своей страны и можетъ быть истиннымъ патріотомъ, кто сумѣетъ сродниться съ туземцами по языку

и стать ихъ компатріотомъ. Представители правительства, въ какомъ бы учрежденіи они ни сидѣли, должны бы внимательно соблюдать это дознанное опытомъ положеніе".

Мнѣніе проф. Неймана вызвало обширное возраженіе ректора Эверса, отъ 28-го апрѣля 1819 года. Сущность этого возраженія сводилась къ слѣдующему. Онъ былъ не согласенъ съ мнѣніемъ проф. Неймана объ обязательности знакомства съ русскимъ языкомъ для всѣхъ студентовъ, такъ какъ знаніе этого языка не является въ равной мѣрѣ необходимымъ для всѣхъ оканчивающихъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. Всего болѣе необходимо оно для юристовъ, будущихъ судей и адвокатовъ; но избирающіе этого рода дѣятельность сами должны позаботиться о пріобрѣтеніи нужныхъ имъ познаній въ русскомъ языкѣ; университетъ же, съ его широкой академической свободой, долженъ предоставить каждому лишь возможность въ его стѣнахъ научиться русскому языку. Для богослововъ знаніе русскаго языка не представляется необходимымъ; къ тому же это было бы непосильной задачей для тѣхъ изъ нихъ, которые обладаютъ лишь посредственными способностями, такъ какъ и безъ того должны изучать нѣсколько языковъ: еврейскій, греческій, эстонскій или латышскій; да и вообще, въ предѣлахъ Остзейскихъ губерній можно быть очень хорошимъ пасторомъ и безъ знанія русскаго языка. Медики, не поступающіе на государственную службу, также могутъ съ полнымъ успѣхомъ заниматься практикой въ Остзейскихъ губерніяхъ безъ знакомства съ русскимъ языкомъ, и можно указать даже въ Петербургѣ и Москвѣ на нѣсколько весьма извѣстныхъ врачей, которые обходятся безъ знанія русскаго языка въ своей практической дѣятельности. Болѣе необходимо знаніе русскаго языка для юристовъ; но для тѣхъ изъ нихъ, которые желаютъ получить дипломъ съ правомъ на чинъ, это предусмотрѣно обязательными испытаніями; тѣхъ же юристовъ, которые не добиваются никакихъ дипломовъ и правъ, было бы несправедливо подвергать русскому экзамену. Вообще же Эверсъ былъ того мнѣнія, что рекомендуемыя проф. Нейманомъ новыя правила о занятіяхъ русскимъ языкомъ въ университетѣ могутъ быть изданы не раньше, чѣмъ будутъ выработаны и введены новыя правила и планы для среднихъ школъ Остзейскаго края, и что во всякомъ случаѣ такія правила не могутъ имѣть одинаковой обязательности для всѣхъ студентовъ, безъ различія факультетовъ. Онъ полагалъ, кромѣ того, что для достиженія лучшаго знакомства студентовъ съ русскимъ языкомъ необходимо съ

одной стороны позаботиться о снабженіи среднихъ школъ хорошими учителями русскаго языка, а съ другой — и въ университетѣ дать учащимся возможность лучше и больше заниматься русскимъ языкомъ, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время. Свое возраженіе Эверсъ заключалъ нѣсколькими общими соображеніями, въ которыхъ старался доказать, что принудительныя мѣры относительно русскаго языка, несогласныя съ принципомъ университетской свободы, оказались бы въ то же время въ противорѣчіи и съ тѣмъ патріотическимъ духомъ, которымъ всегда были одушевлены губерніи Лифляндская и Эстляндская относительно Россіи. Полное согласіе съ этимъ мнѣніемъ ректора Эверса, безъ всякихъ оговорокъ, выразили очень многіе изъ членовъ совѣта, въ томъ числѣ и профессоръ русскаго языка и литературы А. Ѳ. Воейковъ. Поэтому, въ засѣданіи совѣта 28-го апрѣля 1819 года, сдѣлано было по поднятому вопросу слѣдующее постановленіе: „Когда воспослѣдуетъ утвержденіе представленнаго высшему начальству новаго школьнаго устава, тогда слѣдуетъ потребовать, чтобы каждый юноша, желающій заниматься юриспруденціей, доказалъ бы свое знаніе русскаго языка либо гимназическимъ свидѣтельствомъ, либо на пріемномъ испытаніи по этому предмету; каждый же выпускной студентъ, ищущій диплома съ правомъ на чинъ, долженъ экзаменоваться по русскому языку; кромѣ того, необходимо озаботиться, чтобы предметъ этотъ хорошо преподавался въ университетѣ“ [1]). Какъ можно видѣть изъ предыдущаго, рѣшеніе совѣта совершенно было согласно съ мнѣніемъ Эверса; вопросъ въ сущности разрѣшенъ не былъ; ученая коллегія оказалась глуха къ убѣдительнымъ доводамъ профессора Неймана, и лучшее знакомство студентовъ съ русскимъ языкомъ не было на будущее время ни въ какомъ отношеніи обезпечено.

Достойно здѣсь упоминанія, что самъ проф. Нейманъ не только отстаивалъ русскій языкъ теоретически, но пытался подтвердить свои убѣжденія о роли государственнаго языка и въ практикѣ: нѣкоторое время онъ читалъ лекціи на русскомъ языкѣ [2]), и это былъ един-

---

[1]) *Будиловичъ, А. С.* Объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ въ истекающемъ столѣтіи. Юрьевъ 1899, стр. 32—44.

[2]) *Th. Beise*, Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. 70. О Нейманѣ библіотекарь Дерптской университетской библіотеки *Э. Андерсъ*, слушавшій его лекціи во время своего студенчества въ 1823 — 1829 годахъ, такъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Er sprach das Russische greulich aus, war aber der gründliche Kenner besonders des älteren russischen Rechtes und beschäftigte sich

ственный случай за весь описываемый періодъ, когда русскій языкъ являлся органомъ преподаванія помимо каѳедры русскаго языка и литературы.

Что же касается дѣловой переписки университета, то русскій языкъ употреблялся въ ней, и то не всегда, лишь въ сношеніяхъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Каковъ былъ этотъ русскій языкъ, видно изъ того, что въ засѣданіи 8-го мая 1812 года совѣтъ университета долженъ былъ заслушать предписаніе графа Завадовскаго о желательности болѣе правильнаго русскаго языка въ донесеніяхъ университета; на предписаніе это университетъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ средствъ для найма еще одного русскаго переводчика, при чемъ сослался на то, что веденіе переписки на нѣмецкомъ языкѣ считаетъ формально предоставленнымъ себѣ правомъ.

Е. Пѣтуховъ.

---

so eingehend und vergleichend mit dem älteren slavischen Rechte, dass er auch seine Zuhörer mit Schaffariks slavonischer Grammatik bekannt zu machen suchte, damit sie die älteren russischen Rechtsquellen verstehen können. Die anderen Zuhörer blieben bald weg, ich allein war ihm treu“ (Baltische Monatsschrift, B. XXXIX. 1892, стр. 220).

Ш. ФУРЬЕ.

Магическое слово прогрессъ всегда обладало способностью увлекать людей; не стоило бы жить, если бы жизнь состояла въ повторенiи все тѣхъ же, давно испытанныхъ чувствъ. Почти каждый вступающiй въ жизнь невольно воображаетъ, что тѣ чувства и мысли, которыя у него являются, свойственны только ему. Если чувства и мысли эти направлены на явленiя общественной и государственной жизни, онъ не можетъ не замѣчать темныхъ сторонъ ея, а воображенiе подсказываетъ, что если бы не было тѣхъ или другихъ явленiй, которыя кажутся случайными и легко устранимыми, все могло бы устроиться совсѣмъ иначе, и ему рисуются очаровательныя картины будущаго; такъ возникаетъ большинство утопiй, полныхъ самыхъ благихъ намѣренiй, но на дѣлѣ совсѣмъ непримѣнимыхъ или приводящихъ къ горькимъ разочарованiямъ.

Къ числу утопистовъ, всю жизнь мечтавшихъ о переустройствѣ общества принадлежалъ и Ш. Фурье. Его теорiи и проекты до такой степени фантастичны, его слогъ такъ страненъ, а претензiи такъ громадны, что иногда кажется, что имѣешь дѣло не съ серьезнымъ писателемъ, а съ человѣкомъ, безъ всякаго плана и системы развивающимъ произвольныя тезисы, которые подсказываетъ ему странная манiя. Однако, если отбросить безчисленныя повторенiя и утомительныя жалобы на критиковъ и современниковъ, среди самыхъ фантастическихъ описанiй будущаго чувствуется нѣкоторая самостоятельная, оригинальная мысль. И дѣйствительно, если бы Фурье былъ только мечтателемъ, страдающимъ манiей величiя, онъ не могъ бы ни создать собственной школы, ни найти среди выдающихся экономистовъ того признанiя, которымъ онъ пользуется.

Многiе изъ мечтанiй Фурье превратились уже въ дѣйствитель-

ность, говоритъ П. Леруа-Болье. Если разсмотрѣть внимательно и безпристрастно исторію идей этого вѣка, выяснится, что великій человѣкъ, созданный соціализмомъ, это Фурье, а не Карлъ Марксъ—умъ отрицательный и полный ненависти.

Почти то же говоритъ А. Менгеръ. „Я приведу доказательство, что Марксъ и Родбертусъ свои важнѣйшія соціалистическія теоріи заимствовали изъ старѣйшихъ англійскихъ и французскихъ теоретиковъ, не называя своихъ источниковъ. Я не боюсь даже заявить, что Марксъ и Родбертусъ, которыхъ такъ охотно выставили бы творцами научнаго соціализма, стоятъ далеко позади своихъ предшественниковъ по глубинѣ и по основательности". Сочиненія Фурье составляютъ, по мнѣнію Менгера, одинъ изъ главныхъ источниковъ теоріи права на работу. Такимъ образомъ даже въ томъ случаѣ, если бы, взятое само по себѣ, ученье это было совершенно лишено положительнаго значенія, оно представляло бы интересъ, какъ одинъ изъ фазисовъ въ развитіи соціалистической мысли.

ГЛАВА I.

Сочиненія Фурье производятъ особенно неблагопріятное впечатлѣніе противорѣчіемъ между содержаніемъ и формой. Когда читатель берется за книгу, гдѣ ожидаетъ найти точное доказательство той или другой научной истины, онъ напередъ знаетъ, что ему необходимо вполнѣ усвоить точку зрѣнія и терминологію автора; когда дѣло идетъ о вопросахъ философскихъ и политическихъ, каждый предполагаетъ, что авторъ безъ необходимости не станетъ выдумывать словъ и будетъ пользоваться общеупотребительными терминами, въ сомнительныхъ случаяхъ указывая, въ какомъ смыслѣ онъ ихъ понимаетъ. Не такъ смотритъ на это Фурье: въ глубокой увѣренности, что онъ не только открылъ рѣшеніе соціальнаго вопроса, но и совершенно новую невѣдомую до него науку, онъ требуетъ отъ читателя, чтобы тотъ принялъ выдуманныя имъ слова за новую научную терминологію.

Въ предисловіи къ своей теоріи четырехъ движеній онъ замѣчаетъ, что во время чтенія надо не упускать изъ виду, что открытіе, о которомъ идетъ рѣчь, само по себѣ важнѣе, чѣмъ всѣ научныя работы, сдѣланныя со времени происхожденія рода человѣческаго, и потому одинъ только вопросъ долженъ отнынѣ занимать людей цивилизованныхъ: а именно, удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ открылъ теорію четырехъ движеній, такъ какъ въ случаѣ поло-

жительнаго отвѣта надо сжечь всѣ политическія, нравственныя и экономическія теоріи и приготовиться къ явленію самому удивительному, самому счастливому, какое только можетъ произойти на землѣ или на какой бы то ни было планетѣ, къ внезапному переходу отъ соціальнаго хаоса ко всемірной гармоніи.

Предлагая читателямъ убѣдиться, что имъ сдѣлано величайшее въ жизни человѣчества открытіе, Фурье съ своей стороны ничего не дѣлаетъ, чтобъ облегчить сужденіе о немъ, и только осыпаетъ бранью всѣхъ существовавшихъ до него мыслителей.

„Чтобы покрыть ихъ позоромъ, Богъ допустилъ, чтобы въ теченіи 23 научныхъ вѣковъ человѣчество подъ ихъ руководствомъ купалось въ крови и истощило весь запасъ бѣдствій, глупостей и преступленій, наконецъ, чтобы пополнить мѣру стыда новыхъ титановъ, Богъ захотѣлъ, чтобы они были сражены изобрѣтателемъ, которому чужды науки, и чтобы теорія всемірнаго движенія выпала на долю человѣка почти необразованнаго. Простой приказчикъ долженъ былъ сокрушить всѣ эти библіотеки политики и морали, этотъ постыдный плодъ древняго и новаго шарлатанства". (Ch. Fourier. Oeuvres complètes. Paris MDCCCVLIII, I, 192). Конечно, подобное самообожаніе стоитъ уже на границахъ маніи, и по поводу этой черты характера Бланки въ своей „Исторіи политической экономіи" замѣчаетъ: „Фурье былъ такимъ образомъ много лѣтъ жертвою пожирающей ненависти и пренебреженія къ прошедшему, чувства не оставлявшаго его до его послѣднихъ минутъ. Слогъ его, болѣе странный, чѣмъ слогъ сенъ-симонистовъ, казался вызовомъ французскому языку онъ былъ испещренъ необычайными выраженіями и по истинѣ каббалистическими терминами. Несмотря на это, основная мысль пробивалась сквозь неясности". „Нельзя, однако", продолжаетъ онъ далѣе, „говорить съ ироніей о мечтахъ Фурье. Человѣкъ, который цѣлую жизнь посвятилъ культу такой идеи, который хочетъ заставить страсти служить на благо человѣчеству, установить связь между семьями и интересами и работаетъ съ такою энергіей надъ уничтоженіемъ общественныхъ бѣдствій, не есть дюжинный утопистъ, хотя всѣ его проекты похожи на утопію".

Самъ Фурье, конечно, былъ бы глубоко оскорбленъ подобной характеристикой; онъ не только былъ убѣжденъ въ практической осуществимости своихъ теорій, но вѣрилъ въ легкость и близость такого осуществленія.

Что касается терминологіи, то онъ, повидимому, впослѣдствіи

самъ созналъ свою ошибку, хотя и не захотѣлъ исправить ее. По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ „Домашне-земледѣльческой ассоціаціи“ онъ проситъ читателя обращать вниманіе на содержаніе, а не на форму, увѣряя, что предлагаемая метода должна по крайней мѣрѣ утроить доходы каждаго, и добавляетъ: „Такіе результаты стоятъ пожертвованія нѣсколькими предразсудками; каждый разсудительный читатель признаетъ это и согласится послѣдовать пріему, который я постоянно буду рекомендовать ему: пренебречь формой и подробностями, заниматься только основаніемъ и сосредоточиться на одномъ пунктѣ а именно провѣрить, дѣйствительно ли найденъ способъ ассоціаціи“.

Фурье, конечно, правъ. Если въ самомъ дѣлѣ найденъ способъ соединить множество семей общими интересами такъ чтобы онѣ, преслѣдуя одну хозяйственную цѣль, дружно работали надъ общимъ хозяйственнымъ дѣломъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ если бы оно было собственнымъ для каждой изъ этихъ семей, такой результатъ былъ бы настолько важенъ, что легко можно бы помириться съ какою угодно терминологіей и пренебречь какими угодно странностями формы; но, чтобы отвѣтить на вопросъ, дѣйствительно ли Фурье нашелъ осуществимую форму ассоціаціи, надо прежде всего узнать, возможно ли то равновѣсіе и гармонія страстей, которую онъ предполагаетъ какъ ея основаніе. Если бы авторъ выводилъ свою теорію изъ опытныхъ данныхъ или общепризнанныхъ научныхъ истинъ, можно было бы ограничиться разборомъ тѣхъ соображеній, которыя касаются самой ассоціаціи; но основаніемъ какъ физическаго міра, такъ и общественныхъ явленій у него оказываются законы притяженія, совершенно своеобразно понятые, и было бы неправильно разсматривать часть его системы, не касаясь того, что самъ онъ считаетъ ея основаніемъ.

Притяженіе въ области механики или астрономіи, разсматриваемое какъ причина движенія тѣлъ или какъ сила, удерживающая ихъ въ равновѣсіи, понятіе настолько ясное, что если не касаться сущности этой силы независимо отъ движенія, оно не требуетъ никакихъ толкованій. Но многимъ открытіе, сдѣланное Ньютономъ, показалось настолько поразительнымъ, что они не захотѣли видѣть въ немъ только опредѣленія законовъ движенія.

Я скоро увидѣлъ, говоритъ Фурье въ началѣ своего сочиненія „О четырехъ движеніяхъ“, что законы страстнаго притяженія точь въ точь согласны съ законами притяженія матеріальнаго, объяснен-

ными Ньютономъ и Лейбницемъ, и что существуетъ единство системы движенія и для матеріальнаго и для духовнаго міра [1]). „Судьбы—это выводы въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ изъ математическихъ, установленныхъ Богомъ законовъ всемірнаго движенія" [2]). Для человѣческаго рода прискорбно, что ученые начали свою работу съ того, чѣмъ должны были бы кончить,—съ законовъ движенія матеріальнаго, которые труднѣе всего опредѣляются и не открываютъ никакого пути, чтобы подняться къ познанію остальныхъ трехъ классовъ законовъ [3]).

„Удивительная непослѣдовательность!", восклицаетъ онъ. „Превозносятъ до небесъ человѣка, который положилъ начало вычисленію притяженія, Ньютона, который научно изслѣдовалъ его безполезную вѣтвь, имѣющую значеніе только для любознательности. Ибо на что намъ знать вѣсъ каждой планеты? Въ дѣлѣ притяженія оставалось изслѣдовать двѣ важныя вѣтви:

1) Полезное, или теорія страстнаго притяженія.

2) Пріятное, или теорія аналогіи и причинъ.

По словамъ зоиловъ, превозносящихъ однако Ньютона за то, что онъ занимался безполезною вѣтвью, тотъ, кто приноситъ эти двѣ науки, глупое животное" [4]).

„Хулители увѣряютъ, что теорія моя основана на необычайныхъ, странныхъ, непонятныхъ идеяхъ. Что можетъ быть элементарнѣй обыкновенныхъ математическихъ теоремъ? Вычисленіе механики страстей будетъ обосновано во всѣхъ направленіяхъ именно такого рода доказательствами" [5]).

„Надо опредѣлить посредствомъ общаго вычисленія надъ совокупностью царствъ всѣ свойства веществъ. Тогда мы познаемъ лѣкарства противъ болѣзней, которыя менѣе всего поддаются искусству, какъ напримѣръ, подагра, ревматизмъ, эпилепсія, водобоязнь и т. д. Теорія аналогіи одна можетъ привести насъ къ этой цѣли. Могутъ спросить — отчего я въ этомъ отношеніи ограничиваюсь обрывками? Потому что мнѣ пришлось бы, чтобъ приступить къ общей теоріи, посвятить по крайней мѣрѣ три года изученію естественной исторіи, а я не могъ отдать ей такого времени. Я завѣщаю ученому міру

---

[1]) I, 12.
[2]) I, 29.
[3]) I, 32.
[4]) VI, 156.
[5]) VI, 315.

эту новую науку и много другихъ, ключъ которыхъ я могу только дать, ограничиваясь самъ вѣтвью промышленнаго притяженія и общественнаго механизма" [1]).

Какъ ни странно подобное завѣщаніе, не надо забывать, что теорія Ньютона гипнотизировала почти въ томъ же смыслѣ не одного Фурье.

Сенъ-Симонъ тоже пишетъ сочиненіе о всемірномъ тяготѣніи, гдѣ говоритъ между прочимъ: „Да, господа, мы увѣрены, что, прочтя нашу первую записку, вы поражены были новостью, силой и правильностью идей, содержащихся въ ней. Мы также увѣрены, что черезъ три мѣсяца, а можетъ быть и гораздо скорѣе, издадимъ вторую нашу записку, и что она достигнетъ своей цѣли, а именно посредствомъ апріорнаго понятія свяжетъ открытія, сдѣланныя въ астрономіи Ньютономъ и послѣ него; мы увѣрены, что раньше года издадимъ нашу третью записку, которая будетъ хорошимъ наброскомъ общей научной теоріи, основанной на идеѣ всемірнаго тяготѣнія, разсматриваемой какъ законъ общій, единственный и незыблемый, которому Богъ подчинилъ вселенную и посредствомъ котораго Онъ управляетъ ею, наброскомъ, достаточнымъ для того, чтобы дать корпораціи ученыхъ средства приложенія этой новой общей теоріи къ политической наукѣ" [2]).

Въ этихъ строкахъ Сенъ-Симонъ почти въ той же формѣ, какъ и Фурье, объявляетъ о приложеніи къ общественнымъ явленіямъ законовъ, найденныхъ Ньютономъ для физическихъ тѣлъ. Почти одинаково отношеніе его и къ самому Ньютону.

„Ньютонъ — великій физикъ, великій геометръ и великій астрономъ", говоритъ Сенъ-Симонъ, „не съумѣлъ обобщить и систематизировать свои мысли, ихъ философское значеніе было ему совершенно неизвѣстно. Какъ астрономъ, онъ извлекъ великую пользу изъ своей идеи всемірнаго тяготѣнія; какъ геометръ, онъ изобрѣлъ способы вычислять ея дѣйствія; но онъ не сознавалъ важности своего открытія; онъ не замѣтилъ, что всевозможныя явленія были слѣдствіемъ этой причины" [3]).

Сенъ-Симонъ и Фурье слишкомъ далеко провели аналогію между совершенно разнородными явленіями, сравненіе которыхъ

---

[1]) VI, 451.

[2]) Oeuvres choisies de St. Simon. Tome II, p. 246.

[3]) Ibid., I, 161.

напрашивалось благодаря тожеству обозначающаго ихъ слова. Что такое притяженіе или тяготѣніе въ физическомъ смыслѣ? Это—та сила, которая заставляетъ тѣла, находящіяся на разстояніи, стремиться другъ къ другу, при чемъ сила эта прямо пропорціональна ихъ массамъ и обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Что же можетъ соотвѣтствовать этому закону въ сферѣ психическихъ явленій? Любовь или унитеизмъ, по выраженію Фурье.

Дѣйствительно, любовь заставляетъ любящихъ стремиться къ ому, чтобы быть какъ можно ближе другъ къ другу и физически и духовно; но это было давно уже извѣстно и до Ньютона, и открытые имъ законы тутъ не при чемъ.

То, что Фурье хотѣлъ бы поднести подъ видомъ новой и точной науки, въ сущности только метафизическая догадка, основанная даже не на софизмахъ. а вопреки правилу — comparaison n'est pas raison, исключительно только на сравненіи. Чѣмъ менѣе рекомендуется философіей подобный пріемъ, тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ относится Фурье ко всѣмъ философамъ.

„Послѣ той неспособности, которую философы проявили въ своей первой пробѣ, во французской революціи, — говоритъ онъ,—всѣ согласны были, что наука ихъ есть только заблужденіе человѣческаго ума, потоки политическаго и нравственнаго свѣта оказались только потоками иллюзій. Да и можно ли видѣть что-либо иное въ писаніяхъ этихъ ученыхъ, которые, употребивъ двадцать пять вѣковъ на усовершенствованіе своихъ теорій, накопивши весь свѣтъ и древняго и новаго времени, съ перваго шага порождаютъ столько же бѣдствій, сколько обѣщали благодѣяній и заставляютъ общество снова склоняться къ варварскому состоянію?“ [1]).

Отсюда видно, что Фурье понимаетъ философію чрезвычайно своеобразно, такъ какъ писатели восемнадцатаго вѣка олицетворяютъ для него философію вообще, и онъ, повидимому, не отличаетъ въ ней различныхъ направленій. „Ваши метафизики, — говоритъ онъ, — теряются въ подробностяхъ идеологіи. Но какое значеніе имѣетъ эта научная распря? Мнѣ, хотя я никогда не читалъ ни Локка, ни Кондильяка, развѣ мнѣ не хватило идей, чтобы изобрѣсти цѣлую систему всемірнаго движенія, тогда какъ вы послѣ 2500 лѣтъ научныхъ усилій нашли только ея четвертую вѣтвь“ [2]).

---

[1]) I, 2.
[2]) I, 191.

Фурье полагаетъ, что онъ одинъ имѣлъ бы право называться философомъ, если бы слово это не было обезславлено софистами, которые обозначаютъ имъ и Ньютона, и Марата [1]).

Декартъ для Фурье простой софистъ; по его мнѣнію, онъ облекся въ овечью шкуру и дѣлалъ видъ, что проповѣдуетъ сомнѣніе, подчиненное опыту; онъ какъ будто не довѣрялъ свѣту человѣческаго разума, но это было хитростью, такъ какъ онъ не хотѣлъ подвергнуть „экспериментальному сомнѣнію" древо лжи, которое называется „цивилизаціей".

Если бы можно было предположить, что Фурье читалъ Декарта, то его антипатію къ автору „Разсужденія о методѣ" можно бы объяснить осторожностью Декарта въ общественныхъ вопросахъ, благодаря которой онъ предпочиталъ проторенныя дороги, полагая, что въ такихъ случаяхъ лучше сдѣлать крюкъ, чѣмъ карабкаться по скаламъ и спускаться въ обрывы для того, чтобы пройти прямѣе. Но предположить, что Фурье читалъ Декарта, нельзя, когда онъ спрашиваетъ: „что такое ученіе Декарта, этого реставратора современной философіи — это пышное изложеніе краткаго евангельскаго правила: *не довѣрять софистамъ и судить о деревѣ по его плоду*. Декартъ выстроилъ на этомъ началѣ обширную систему, которой онъ не послѣдовалъ; онъ придалъ себѣ важность новатора, когда въ сущности только перефразировалъ идею Іисуса Христа и исказилъ ее, принаравливая къ своимъ доктринамъ, не давая ей правильнаго примѣненія" [2]).

Въ средѣ отвлеченнаго мышленія оцѣнка или критика предшественниковъ была невозможна для Фурье, потому что онъ не только не зналъ, но и не хотѣлъ знать ихъ.

Онъ пишетъ о свободѣ воли, но предупреждаетъ, что будетъ смотрѣть на нее только съ своей точки зрѣнія, что онъ не останавливается на тонкостяхъ школы, не читалъ ихъ и читать ихъ незачѣмъ. Въ результатѣ получается приглашеніе не терять на обсужденіе вопроса о свободѣ воли тѣхъ минутъ, „которыя предназначены для того, чтобы пользоваться ею" [3]), и вопросъ: „что такое свобода — свобода воли (libre arbitre), какъ не полетъ двѣнадцати страстей? И какая можетъ быть свобода для того, въ комъ приличія или недостатокъ средствъ связываютъ одну изъ двѣнадцати стра-

[1]) II, 206.
[2]) VI, 371.
[3]) II, LV.

стей, быть можетъ господствующую въ немъ, ту, съ развитіемъ которой связано его счастье?" [1]).

Такимъ образомъ свобода съ точки зрѣнія Фурье сводится къ возможности удовлетворенія страстей. Такая свобода не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что принято называть свободою воли. Это такъ ясно, что даже издатели его сочиненій нашли нужнымъ замѣтить: „люди, умъ которыхъ искаженъ метафизикой и психологіей, найдутъ конечно, что Фурье не понялъ даже смысла задачи". Это не мѣшаетъ имъ увѣрять, что онъ сразу однимъ своимъ здравымъ смысломъ разрѣшилъ вопросъ, не опуская даже взгляда на извилистыя дороги лабиринта.

ГЛАВА II.

Какъ въ сферѣ познанія причину всѣхъ золъ Фурье видитъ въ философіи, такъ въ области государственной и общественной жизни съ его точки зрѣнія этой причиной оказывается цивилизація. Онъ не мечтаетъ, однако, о возвращеніи къ прелестямъ естественнаго или дикаго состоянія, онъ не думаетъ также, чтобы постепенное развитіе могло мало по малу привести къ устраненію существующихъ бѣдъ и къ другому болѣе счастливому состоянію — онъ хотѣлъ бы, чтобы человѣчество однимъ прыжкомъ ушло отъ того порядка вещей, который ему кажется адомъ, и, не перерождаясь со всѣми его страстями и желаніями, по возможности даже усиленными, было переселено въ рай изобрѣтенныхъ имъ фаланстерій; но для этого необходимо примѣнить сомнѣніе къ цивилизаціи, сомнѣваться въ ея необходимости, въ ея совершенствѣ, „въ ея постоянствѣ" [2]). Цивилизація коварна; для разныхъ возрастовъ у ней есть разныя западни и различныя приманки; поэтому ассоціаціонный порядокъ для всѣхъ возрастовъ долженъ расточать приманки къ добру такъ же, какъ въ цивилизаціи онѣ расточаются для зла [3]). Современный строй основанъ исключительно на принужденіи и на страхѣ. Не слѣдуетъ принимать слова за разсужденія. Можно ли придумать худшее злоупотребленіе словами, чѣмъ похвальбы свободою народовъ въ этой цивилизаціи, которая при всѣхъ формахъ правленія, не исключая даже правленія клубистовъ, поддерживается войскомъ. Войско устрашается наказаніями, и имъ пользуются, чтобы взнуздать голодный народъ. Въ

[1]) II, LXVIII.
[2]) I, 4.
[3]) V, 33.

этомъ механизмѣ нѣтъ ничего кромѣ сложнаго принужденія, то-есть принужденія солдата, который въ свою очередь принуждаетъ народъ.

„Наши софисты въ этомъ рикошетѣ принужденія находятъ верховную власть народа". Они строятъ на болтовнѣ либеральныя конституціи, номинальными пружинами которыхъ являются: свобода, братство, а дѣйствительными—принужденіе, солдаты и висѣлицы [1]). Необходимо признать, что цивилизація несовмѣстима со свободой трудолюбивыхъ классовъ и что народъ является прямымъ антиподомъ тѣхъ верховныхъ правъ, которыя ему иронически уступаются [2]). Но какъ ни печально современное положеніе вещей, отвлеченно Фурье сознаетъ опасность слишкомъ поспѣшныхъ реформъ. „Ошибочная политическая теорія, говоритъ онъ, можетъ вовлечь общество въ революціи, которыя будутъ стоить потоковъ крови. Къ этому постоянно стремятся лже-новаторы, которые выдвигаютъ ту же цивилизацію только подъ новой маской. Вмѣсто милаго братства, потерявшаго послѣ 1793 г. кредитъ, теперь они выставляютъ перспективы національнаго богатства, баланса, противовѣса, гарантіи равновѣсія, но на дѣлѣ эти политическія басни оказываются только той же цивилизаціей въ сопровожденіи ея неизбѣжныхъ язвъ: нищета, мошенничество, притѣсненіе, рѣзня и т. д.".

Вообще къ экономическимъ доктринамъ Фурье относится съ неменьшимъ презрѣніемъ, чѣмъ къ метафизическимъ. „Истинное величіе націи, говоритъ онъ, по мнѣнію экономистовъ состоитъ въ томъ, чтобы продать сосѣднимъ державамъ больше штановъ, чѣмъ сколько покупается у нихъ" [3]).

„Самыя нѣжныя выраженія замѣнили старинный купеческій языкъ, и теперь говорятъ изящнымъ языкомъ: сахаръ сдалъ или ослабъ, то-есть подешевѣлъ; мыла идутъ хорошо, то-есть дорожаютъ. Прежде зловредныя стачки захвата вызывали негодованіе писателей, теперь эти козни даютъ право на славу и молва разглашаетъ ихъ пиндарическимъ тономъ. Напримѣръ, быстрое и неожиданное движеніе вдругъ почувствовалось на мылахъ". При этихъ словахъ кажется, какъ будто видишь, какъ ящики съ мыломъ кидаются выше облаковъ, а имена ихъ захватчиковъ наполняютъ собою вселенную [4]).

Фурье убѣжденный врагъ торговаго дѣла, съ которымъ онъ знакомъ

[1]) III, 184.
[2]) Ibid. 183.
[3]) I, 273.
[4]) I, 274.

практически. „Основной принципъ торговыхъ системъ, говоритъ онъ: предоставьте полную свободу купцамъ, отдайте имъ въ полную собственность товары, которыми они торгуютъ; они имѣютъ право изъять ихъ изъ обращенія, спрятать и даже сжечь ихъ, какъ это неоднократно дѣлала восточная амстердамская компанія, которая публично сжигала склады корицы, чтобы повысить ея цѣну: то, что она дѣлала съ корицей, она сдѣлала бы и съ хлѣбомъ, если бы не боялась, что народъ побьетъ ее камнями. А развѣ въ портахъ каждый день не бросаютъ въ море запасовъ хлѣба, которымъ коммерсантъ далъ сгнить, потому что слишкомъ долго ждалъ повышенія; я самъ въ качествѣ приказчика завѣдывалъ этими позорными операціями и однажды велѣлъ выбросить въ море партію риса, который можно было бы, прежде чѣмъ онъ испортился, продать съ приличнымъ барышемъ, если бы владѣлецъ не былъ такъ жаденъ“ [1]).

„Кто правъ: современники, уважающіе торговлю, или древніе, презиравшіе ее. Vendentes et latrones, говоритъ Евангеліе, которое смѣшиваетъ эти два класса. Такъ думалъ Іисусъ Христосъ, говорившій: изъ дома моего вы сдѣлали вертепъ разбойниковъ, такъ думала и прекрасная древность, смѣшивавшая купцовъ съ ворами, которыхъ она вмѣстѣ ставила подъ покровительство Меркурія. Повидимому, торговое дѣло считалось въ тѣ времена почти позорнымъ, такъ какъ св. Златоустъ утверждаетъ, что купецъ не можетъ угодить Богу; поэтому купцовъ исключили изъ царства небеснаго, хотя туда допущены были избранники всѣхъ профессій, даже одинъ прокуроръ.

Всѣ профессіи болѣе или менѣе дезорганизованы системою распущенности, которая допускается въ торговлѣ. Доказательствомъ можетъ служить медицина и адвокатура. Въ годы полной свободы можно было видѣть, какъ шарлатаны разъѣзжали по деревнямъ и сотнями морили довѣрчивыхъ мужиковъ подъ покровомъ правила: предоставьте дѣло конкуренціи. Съ другой стороны адвокаты, подражая доблестнымъ обычаямъ торговли, привыкали вербовать кліентовъ, останавливать и подговаривать мужиковъ на публичныхъ площадяхъ и въ воротахъ дворцовъ“ [2]).

„Предоставите вы купцамъ дѣйствовать какъ знаютъ? Конечно, нѣтъ. Признайте же, что свобода торговли должна подвергнуться ограниченіямъ сообразно потребностямъ общественнаго тѣла, что человѣкъ,

---

[1]) I, 239.

[2]) I, 257—258.

владѣющій въ изобиліи съѣстными припасами, которыхъ онъ не производитъ и не употребляетъ, долженъ разсматриваться, какъ условный владѣлецъ ихъ, а не какъ безусловный собственникъ. Признайте, что комерсанты или посредники обмѣновъ въ своихъ операціяхъ должны подчиняться благу массы, а не быть вольны связывать всѣ общія отношенія тѣми гибельными уловками, которыми восхищаются ваши экономисты.

Есть сила, которая играетъ вліяніемъ героевъ и мнѣніемъ народовъ: это ажіотажъ, направляющій по собственному произволу весь промышленный механизмъ; онъ предоставляетъ имперіи на произволъ чужеяднаго класса, который, не будучи ни собственникомъ, ни промышленникомъ, дорожитъ только своимъ портфелемъ, связанъ только съ нимъ и можетъ со дня на день перемѣнить отечество. Онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы дезорганизовать любую страну и поочередно ставить вверхъ дномъ каждую промышленность. А между тѣмъ наши экономическія теоріи поддерживаютъ эти язвы ажіотажа, захваты товаровъ, банкротство и т. д., язвы, которыя безпрерывно терзаютъ всю промышленность, смѣются надъ самими монархами и надъ довѣріемъ, которое они внушаютъ народамъ, и ни у одного писателя не хватаетъ духу изобличить эту смѣшную экономическую науку, осудить весь торговый механизмъ и предложить изысканіе новаго способа промышленныхъ отношеній".

Анализъ торговаго дѣла вещь настолько новая, замѣчаетъ Фурье, что смѣшиваютъ его съ промышленностью, которую оно старается связать и обложить данью. Главные торговцы первоначальными продуктами только тѣмъ и заняты, какъ бы искуснѣе обобрать производителей и потребителей; они освѣдомляются о рѣдкости съѣстныхъ припасовъ, чтобъ, захвативъ ихъ, удорожить, сдѣлать еще болѣе рѣдкими и слѣдовательно выжать все, что можно, изъ фабриканта и изъ гражданина [1]).

„Фабрики, которыхъ не надо смѣшивать съ торговлей, во многомъ соприкасаются съ ней особенно относительно обмановъ, захватовъ и банкротства. Онѣ должны подвергнуться преобразованію. Иной фабрикантъ имѣетъ состояніе въ двадцать милліоновъ, хотя началъ безъ гроша. Если бы существовала солидарность, онъ пріобрѣлъ бы только пять.... Во Франціи создали триста земледѣльческихъ академій: въ чемъ должна бы состоять главная ихъ дѣятельность? Въ

---

[1]) VI, 392.

томъ, чтобы найти средство вернуть капиталы въ деревню. открыть конкурсы по этому предмету; но ни одна изъ нихъ объ этомъ не подумала. А какое развитіе можетъ получить земледѣліе до тѣхъ поръ, пока оно не имѣетъ возможности получить капиталы на тѣхъ же условіяхъ, какъ торговля? Земледѣльческія общества, не обращающія вниманія на этотъ вопросъ, похожи на триста полковъ слѣпыхъ, которые по выраженію Евангелія ведутъ триста милліоновъ слѣпыхъ.

Злоупотребленія свободой торговли составляютъ одно изъ величайшихъ современныхъ золъ; древнимъ извинительно было пренебрегать этимъ минотавромъ, пока онъ былъ въ колыбели, но теперь это львенокъ, уже сдѣлавшійся львомъ, это новый авторитетъ, раздѣляющій власть съ правительствами. Нѣкогда правительства возстали противъ колоссальнаго вліянія духовенства, даже св. Людовикъ препятствовалъ ему. Когда новая тиранія, тиранія портфеля ростовщика, худшая изъ всѣхъ, запускаетъ когти на королей и на народы, вся ученая корпорація ползаетъ передъ колоссомъ торговли, передъ этимъ паразитомъ, который, ничего не производя, захватываетъ сливки продуктовъ, составляетъ въ промышленной системѣ новаго владыку болѣе властнаго, чѣмъ сами государи, вампира, который безъ законной власти вполнѣ входитъ въ дѣлежъ съ законными хозяевами и присваиваетъ себѣ львиную долю [1]).

Торговля—слабая сторона цивилизаціи. Добросовѣстный собственникъ ничего не понимаетъ въ этихъ способахъ внезапнаго обогащенія. Сколько бы онъ ни старался управлять своимъ имѣніемъ, ему съ трудомъ удается увеличить доходъ на нѣсколько тысячъ франковъ, онъ пораженъ выгодами ажіотаторовъ, онъ хотѣлъ бы выразить свое удивленіе, свои подозрѣнія относительно этого страннаго промысла; но его останавливаетъ классъ экономистовъ, предающій анаѳемѣ каждаго, кто осмѣливается заподозрить величіе торговли [2]).

Ажіотажъ не единственный сомнительный способъ добиваться ни съ чѣмъ несообразныхъ барышей. Я могъ бы, говоритъ Фурье, дать цѣлый списокъ разныхъ родовъ банкротства: сентиментальныхъ, ребяческихъ, космополитическихъ, дружественныхъ, безпринципныхъ, головоломныхъ, инвалидныхъ, семейныхъ и т. д. Подробности этого рода банкротствъ составили бы забавныя главы, тѣмъ болѣе, что я самъ близко знаю ихъ, такъ какъ родился и выросъ въ торговыхъ

[1]) III, 203—204.
[2]) III, 223.

мастерскихъ. Я видѣлъ своими глазами мерзости торговли и описывалъ бы ихъ не по наслышкѣ, какъ моралисты, которые видятъ торговлю только въ гостиныхъ ажіотаторовъ и разсматриваютъ въ банкротствѣ только сторону, допустимую въ порядочномъ обществѣ. Подъ ихъ перомъ банкротство становится сентиментальнымъ приключеніемъ. Кредиторамъ нотаріусъ объвляетъ о банкротствѣ, какъ о роковой случайности, о непредвидѣнной катастрофѣ, вызванной несчастными временами. Нѣжная мать убивается заботами о дѣтяхъ, добродѣтельный отецъ воспитываетъ ихъ въ любви къ конституціи, рыдающая семья, достойная лучшей участи, полная самой искренней любви къ каждому изъ своихъ кредиторовъ. Нотаріусъ, предлагая имъ получить 30% и пожертвовать 70, изображаетъ эту сдѣлку какъ результатъ усилій добродѣтельной семьи, которая остается ни съ чѣмъ, чтобъ удовлетворить священнымъ обязанностямъ чести; въ концѣ концовъ большинство подписываетъ контрактъ, а нотаріусъ заявляетъ, что это дѣло очень выгодное для кредиторовъ, такъ какъ оно предупреждаетъ вмѣшательство правосудія, которое все поглотило бы [1]).

Такъ оканчивается банкротство сентиментальное. Еще интереснѣе примѣръ того, что Фурье называетъ банкротствомъ en feu de fil.

„Жидъ Искаріотъ пріѣзжаетъ во Францію со 100,000 капитала, который онъ пріобрѣлъ своимъ первымъ банкротствомъ, и пускаетъ свои товары по собственной цѣнѣ. Мѣстные купцы кричатъ и жалуются, а народъ въ восторгѣ: да здравствуетъ конкуренція, да здравствуютъ жиды, философія и братство. Публика говоритъ конкурентамъ: настоящіе жиды, господа, это вы, вы хотите слишкомъ много нажить. Искаріотъ одинъ честный человѣкъ, довольствуется умѣреннымъ барышомъ“.

Между тѣмъ расчетъ его простъ; продавая по своей цѣнѣ, онъ теряетъ только проценты своего капитала, положимъ 10,000 въ годъ, но онъ составляетъ себѣ въ портахъ извѣстность крупнаго потребителя и пользуется большимъ кредитомъ, лишь бы только былъ акуратенъ въ платежахъ. Такъ продолжается два года, въ концѣ которыхъ Искаріотъ ничего не выигралъ, хотя продалъ массу. Уловка его не оглашается, потому что жиды служащими держатъ только жидовъ, людей, которые втайнѣ враги всѣхъ національностей и никогда и не выдадутъ какого-либо заранѣе обдуманнаго мошенничества своихъ.

[1]) 398—400.

Когда все подготовлено, Искаріотъ, пользуясь своимъ кредитомъ, даетъ крупные заказы во всѣхъ портахъ на 500,000 или 600,000, направляетъ свои запасы въ иностранное государство, ни по чемъ распродаетъ то, что у него въ магазинахъ, исчезаетъ со своимъ портфелемъ и, уѣзжая изъ Франціи, оказывается вчетверо богаче, чѣмъ пріѣхалъ туда. Но это только начало комедіи; одинъ изъ конкурентовъ Искаріота давно былъ стѣсненъ въ дѣлахъ и держался только благодаря хорошей репутаціи, но передъ тактикой Искаріота онъ вынужденъ сдаться и объявить себя банкротомъ. Другой, предвидя окончаніе, выдержалъ нѣсколько долѣе, но пострадавъ отъ чужого банкротства, самъ банкротится. Третій, находясь въ сношеніяхъ съ иностраннымъ домомъ, раззорившимся отъ какого-либо другого Искаріота, тоже банкротится и т. д.

ГЛАВА III.

Критика Фурье касается не той или другой стороны соціальной жизни, а самаго ея основанія. Кореннымъ зломъ онъ считаетъ семью.

„Я вижу, говоритъ онъ [1]), что брачное состояніе, основаніе нашей соціальной системы, есть наименьшая, возможная комбинація; нельзя придумать меньше, чѣмъ брачная пара. Если, однако, Богъ хочетъ, а мы имѣемъ основанія это предполагать, наибольшихъ соціальныхъ комбинацій и наибольшей возможной свободы, то отсюда слѣдуетъ, что зародышъ зла, состояніе наиболѣе противное его цѣлямъ, находится въ наименьшей и наименѣе свободной ассоціаціи. Супружескій союзъ, отъ котораго происходитъ простая семья, ограничивающаяся одною вѣтвью, связь однородная съ цивилизаціей, такъ какъ она есть самое нестройное изъ обществъ."

Не будемъ останавливаться на томъ, въ какой мѣрѣ убѣдителенъ такой доводъ. Не пытаясь проникнуть въ цѣли Провидѣнья и допуская гипотетически, что одна изъ задачъ человѣчества есть не что иное, какъ составленіе болѣе сложныхъ и многочисленныхъ обществъ, самая послѣдовательность, казалось бы, требуетъ допущенія, что составленіе болѣе сложныхъ и многочисленныхъ обществъ предполагаетъ существованіе другихъ простѣйшихъ и малочисленныхъ, и что послѣднія составляютъ поэтому не отрицаніе, а предположеніе и основаніе первыхъ".

---

[1]) VI, 266.

Но Фурье не останавливается передъ такими затрудненіями и въ отвѣтъ на нихъ, не хуже средневѣковыхъ богослововъ, ссылается на намѣренія Провидѣнія: нѣкоторые читатели, говоритъ онъ [1]), затруднятся признать ученіе, которое зародышъ зла предполагаетъ въ брачномъ союзѣ. Но если онъ оказывается древомъ зла, то не вслѣдствіе тѣхъ пороковъ, которые имъ порождаются, а потому, что, будучи самою малочисленною возможною связью, онъ тѣмъ самымъ и наименѣе экономиченъ, и всего противнѣе цѣлямъ Бога—верховнаго хозяина (d'un Dieu suprême économe); въ качествѣ таковаго Богъ не можетъ принять за ось системы крайнюю компликацію и дробленіе хижинъ, семей, враждебныхъ между собой, вмѣсто одного зданія комбинированныхъ отношеній.

Перечисливъ шестнадцать бѣдъ, которыя грозятъ всякому браку, Фурье въ заключеніе спрашиваетъ: какой мужъ можетъ льстить себя надеждой, что избѣгнетъ ихъ всѣхъ, когда одной изъ нихъ бываетъ достаточно, чтобы составить несчастіе всей жизни? На 100 человѣкъ женатыхъ въ теченіе 10 лѣтъ 99 будутъ жаловаться не на одну, а на двѣ, или на три изъ нихъ. Что за лживая приманка въ дѣлѣ счастья эти брачныя узы за исключеніемъ развѣ большого состоянія! Что за бѣдность изобрѣтательности въ политикѣ и въ морали, которыя вмѣсто сераля, тяжкаго для женщинъ, не сумѣли изобрѣсти ничего, кромѣ узъ тяжкихъ и для мужчинъ, и для женщинъ [2]).

Впрочемъ изобрѣтенная моралистами система почти не имѣетъ примѣненія.

Среди мелкой буржуазіи лавочницы, гризетки до брака составляютъ классъ совершенно свободныхъ женщинъ; особенно въ большихъ городахъ у нихъ есть признанные любовники на глазахъ отца и матери. Другіе, мѣняющіеся при каждомъ удобномъ случаѣ, явные и тайные; наконецъ, онѣ пользуются сколько угодно тѣмъ, въ чемъ отказано барышнямъ высшаго состоянія. Этотъ классъ фактически эмансипированъ, также какъ если бы существовала полная свобода любви.

Что касается большого свѣта, то и онъ избавляетъ себя отъ нравственныхъ законовъ, хотя считаетъ ихъ полезными, чтобы сдерживать мелкій народъ. У людей „какъ слѣдуетъ“ мужъ имѣетъ признанныхъ любовницъ, а жена — признанныхъ любовниковъ. Это

---

[1]) II, 269.
[2]) IV, 77.

содѣйствуетъ гармоніи хозяйства. Это называется умѣньемъ жить; маленькое неудобство такихъ нравовъ состоитъ въ томъ, что не совсѣмъ извѣстно, отъ какого отца происходятъ дѣти; но законъ is pater est предусмотрѣлъ это и не допускаетъ никакихъ сомнѣній, несмотря на сходства, которыя могли бы вызвать недоразумѣніе относительно происхожденія милыхъ дѣтокъ. Медицина подтверждаетъ точку зрѣнія закона, заявляя, что такія сходства могли произойти отъ взоровъ, брошенныхъ беременной женщиной на человѣка, наружность котораго ее поразила; посмотрѣла она на негра, и этого достаточно, чтобы родился метисъ; но когда дѣло зависитъ отъ однихъ взоровъ, мужъ былъ бы очень придирчивъ, если бы захотѣлъ сомнѣваться вопреки свидѣтельству закона и медицины одинаково непогрѣшимыхъ.

Разсматривая чувственную сторону въ бракѣ, Фурье приходитъ къ самымъ пессимистическимъ заключеніямъ и высказываетъ ихъ въ такой же рѣзкой формѣ, какъ позднѣе авторъ „Крейцеровой сонаты".

Сладострастіе, справедливо замѣчаетъ онъ, когда оно одно господствуетъ въ любви, позоритъ человѣческій родъ, низводя его на степень животныхъ.

Порокъ этотъ, по его мнѣнію, особенно часто встрѣчается въ бракѣ. Большею частью послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и со второго дня, это исключительно животное чувство, случайное совокупленіе, вызванное домашнею цѣпью безъ всякой иллюзіи ума или сердца: это результатъ весьма обычный у массы народа, гдѣ супруги притупленные, хмурые, ссорящіеся цѣлый день, поневолѣ мирятся на своемъ ложѣ, потому что имъ не на что купить двухъ кроватей и близость, и грубое жало чувственности на мгновенье берутъ верхъ надъ супружеской пресыщенностью. Если это любовь, то любовь самая матеріальная и самая пошлая.

И однако это ловушка, на которой спекулируетъ философія, чтобы превратить самую граціозную изъ страстей въ источникъ политическихъ обмановъ, вызвать крайнее размноженіе народа и принудить бѣдный людъ къ работѣ видомъ лохмотій, въ которыхъ ходятъ его дѣти. Что за доблестная роль приписывается любви! Вмѣсто свободы, которую у нее похищаютъ въ цивилизованныхъ странахъ, изъ нея дѣлаютъ поставщика пушечнаго мяса, а въ варварскихъ— палача слабѣйшей половины человѣческаго рода [1]). Въ данномъ

[1]) V, 462.

случаѣ Фурье, очевидно, увлекается, приписывая моралистамъ и философамъ коварныя цѣли искусственнаго размноженія народонаселенія.

Но между численностью рабочаго населенія и его бѣдностью, дѣйствительно, есть неразрывная связь, и въ этомъ отношеніи Фурье является предшественникомъ Ласаля.

Желѣзный экономическій законъ, говоритъ Ласаль, при теперешнихъ условіяхъ предложенія и спроса на работу, опредѣляющій заработную плату, слѣдующій: средняя заработная плата всегда сводится къ необходимому для поддержанія жизни, къ тому, что согласно привычкамъ народа, потребно для продленія существованія и для произрожденія. Это та точка, около которой дѣйствительная поденная плата колеблется какъ маятникъ, но никогда на долго не поднимается надъ ней и не опускается ниже ея. Она не можетъ на долго подняться надъ этимъ уровнемъ,—потому что въ противномъ случаѣ вслѣдствіе болѣе легкаго и лучшаго положенія рабочихъ произошло бы умноженіе рабочаго народонаселенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предложенія рукъ, и такимъ образомъ заработная плата снова упала бы на прежнюю свою точку и ниже.

Заработная плата не можетъ долго стоять ниже того, что нужно для поддержанія жизни такъ какъ это вызвало бы переселеніе, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и наконецъ вслѣдствіе нищеты уменьшеніе числа рабочихъ, которое тѣмъ самымъ сократило бы предложеніе рабочихъ рукъ и такимъ образомъ снова возвратило бы заработную плату на прежній уровень.

Но между Фурье и новыми соціалистами есть существенная разница: нападая на цивилизацію вообще и на все то, что онъ считаетъ ея результатомъ или необходимымъ условіемъ, онъ не приписываетъ почти никакого значенія политическимъ формамъ и думаетъ, что тотъ идеальный строй, о которомъ онъ мечтаетъ, можетъ быть достигнутъ разомъ своей внутренней силой благодаря одному своему совершенству, какъ только оно будетъ сознано, хотя бы немногими.

Такъ и относительно брака не слѣдуетъ забывать, что онъ признаетъ необходимость его при цивилизаціи и критикуетъ его только сравнивая съ новымъ общественнымъ порядкомъ, гдѣ разныя условія позволяютъ воспользоваться свободой любви, не допустимой у насъ.

Кромѣ того, говоритъ онъ, не слѣдуетъ забывать, что въ бракахъ, въ семейной жизни и другихъ вопросахъ всегда надо подразумѣвать исключеніе одной восьмой какъ и во всѣхъ моихъ общихъ положе-

ніяхъ [1]). Бываютъ не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя націи, которыя легко выносятъ брачное иго; таковы нѣмцы; ихъ терпѣливый и флегматическій характеръ гораздо больше подходитъ къ брачному рабству, чѣмъ безпокойный и легкій характеръ французовъ. При такихъ оговоркахъ, если бы Фурье не забывалъ ихъ въ пылу своей полемики, нельзя было бы не согласиться со многимъ изъ того, что онъ говоритъ о современныхъ бракахъ. Не безъ нѣкотораго основанія онъ осуждаетъ „ту скандальную гласность", которая составляетъ теперь почти неотъемлемую принадлежность свадебныхъ церемоній; предупреждаютъ цѣлый городъ о днѣ, когда пожившій развратникъ лишитъ невинности молодую дѣвушку. Надо родиться въ цивилизаціи, чтобы выносить зрѣлище неприличныхъ обычаевъ, которые называются свадьбой, въ которыхъ принимаютъ участіе власти и духовенство, вмѣстѣ съ сосѣдними шутниками и пьяницами. И почему? Потому что послѣ долгихъ интригъ и сводничества со стороны нотаріуса и кумушекъ на цѣлую жизнь скуютъ двухъ человѣкъ, которые можетъ быть черезъ мѣсяцъ будутъ невыносимы другъ другу.

ГЛАВА IV.

Либерализмъ для Фурье есть теорія, которая должна бы гарантировать массѣ народа его права и потому долженъ состоять изъ науки объ ассоціаціяхъ и науки о гарантіяхъ, но ни одна изъ борющихся партій не имѣетъ объ этомъ понятія. Фурье находитъ неслыханное злоупотребленіе словами въ томъ, что партія приписываетъ себѣ имя, принадлежащее еще несуществующей наукѣ, и тѣмъ самымъ мѣшаетъ ея изученію и смѣшиваетъ съ интригами честолюбія.

Отъ этого зависитъ, по его мнѣнію, что фактически обѣ помянутыя науки дискредитированы и вынуждены скрывать свое имя, потому что либерализмъ, состоящій изъ нихъ, имѣетъ смыслъ только демократической интриги, стремленія захватить административныя функціи подъ видомъ рвенія ко благу народа; а народу такой захватъ не гарантируетъ ни одного изъ правъ, которыхъ онъ требуетъ, даже нужнѣйшаго изъ всѣхъ—пропорціональнаго минимума.

Я тѣмъ откровеннѣе бросаю вызовъ либераламъ, говоритъ Фурье, что втайнѣ считаю ихъ своими сторонниками. Они могутъ обидѣться моими сомнѣніями на счетъ ихъ филантропіи, но добрый правъ

[1]) I, 110.

пересилить, а такъ какъ они большею частью очень честолюбивы, то болѣе всякаго другого класса склонны будутъ размыслить о широкомъ поприщѣ честолюбія, которое открывается передъ ними [1]).

Фурье не сторонникъ абсолютизма, хотя иногда не противъ самыхъ деспотическихъ мѣръ, если ими можно добиться осуществленія его мечты; вообще онъ врагъ насилія и называетъ политическими янычарами всякую корпорацію, которая захватываетъ власть, овладѣваетъ правительствомъ и забираетъ главныя должности или раздаетъ ихъ своимъ агентамъ на протяженіи цѣлой имперіи, какъ нѣкогда янычары, игравшіе въ мячъ головами министровъ.

Секта якобинцевъ, по его мнѣнію, съиграла роль янычаръ. Всѣ эти секты стремятся къ власти и предвѣщаютъ современной цивилизаціи плохую будущность. Къ длинному перечню современныхъ пороковъ Фурье причисляетъ еще одинъ, вполнѣ неожиданный. Къ этимъ новымъ порокамъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ прибавить самый постыдный,—признаніе за жидами права гражданства. Значитъ, цивилизованныхъ не хватило, чтобъ обезпечить царство мошенничества; понадобилось призвать на помощь націю ростовщиковъ, непроизводительныхъ патріархаловъ. Жидовская нація не цивилизована, она патріархальна, не имѣя государя, втайнѣ не признавая никого государемъ, считая похвальнымъ всякое мошенничество, когда надо обмануть иновѣрцевъ; она не выставляетъ на показъ свои принципы; но они достаточно извѣстны...

Тому, кто признаетъ, что здравая политика должна стремиться къ сокращенію числа торговцевъ, чтобы принудить ихъ къ справедливой и солидарной конкурренціи, трудно будетъ понять неумѣлость философіи, призывающей на помощь расу непроизводительную, меркантильную и патріахальную для того только, чтобы усовершенствовать и безъ того невыносимыя торговыя плутни.

Не болѣе значенія придаетъ Фурье и тому, что въ либеральной доктринѣ принято называть верховными правами народа; проливаютъ потоки крови, говоритъ онъ, для того, чтобы закрѣпить за народомъ то, чего онъ не проситъ, такъ какъ онъ не только не желаетъ верховной власти, но и безусловной свободы; онъ хочетъ лишь самой простой тѣлесной свободы, которой пользуется въ праздничные дни подъ условіемъ скопить немного денегъ въ будни, потому что если

---

[1]) III, 386.

у него нѣтъ денегъ, не будетъ и провизіи и не будетъ даже дѣйствительной тѣлесной свободы, первое право которой состоитъ въ томъ, чтобы ѣсть, когда голоденъ и видишь съѣстные припасы [1]).

Къ чему сводятся наши трофеи въ соціальномъ искусствѣ? Чтобы судить объ этомъ, пойдите на засѣданіе академіи. Вы увидите тамъ прекрасный идеалъ во всей его силѣ. Вы услышите тамъ наслѣдниковъ Платона и Сенеки, восхваляющихъ разомъ золотую цѣпь и презрѣніе къ богатству, полагающихъ мудрость и въ рѣдькѣ Цинцината, и въ трофеяхъ ажіотажа. Вы выйдете изъ залы опьяненные прекраснымъ идеаломъ, величественнымъ воровствомъ, романтическимъ совершенствомъ; но разочарованіе послѣдуетъ скоро: у лѣстницы васъ окружатъ нищіе, оглушатъ ихъ жалобы, возмутитъ отвратительное зрѣлище народа-философа, который крючкомъ выуживаетъ изъ нечистотъ средства существованія [2]).

Писаніе говоритъ намъ, что Богъ осудилъ перваго человѣка и его потомство работать въ потѣ лица, но онъ не осудилъ насъ на то, чтобы не имѣть работы, отъ которой зависитъ наше существованіе [3]). Въ виду этого для Фурье право на работу является самымъ основнымъ, отъ котораго зависятъ всѣ остальныя. Но это не мѣшаетъ ему признать, что между количествомъ народонаселенія и средствъ пропитанія должно существовать опредѣленное отношеніе, и въ данномъ случаѣ онъ является менѣе утопистомъ, чѣмъ многіе изъ признанныхъ политикс-экономистовъ.

Въ непослѣдовательностяхъ и легкомысліи современной политики, по мнѣнію Фурье, нѣтъ ничего бросающагося въ глаза такъ сильно, какъ отсутствіе постановленій о равновѣсіи народонаселенія согласно пропорціи потребителей и производительныхъ силъ. Напрасно было бы находить средства учетверить или даже умножить во сто разъ продукты, если родъ человѣческій осужденъ размножаться такъ же, какъ теперь, и накоплять всегда число втрое или вчетверо большее противъ того, на которомъ надо остановиться, чтобы удержать постепенное благосостояніе различныхъ классовъ.

Въ вопросѣ о народонаселеніи Фурье вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Мальтуса. Какъ только численность народонаселенія земного шара достигнетъ приблизительно пяти милліардовъ, по мнѣнію Фурье, надо

---

[1]) I, 178.
[2]) II, 78.
[3]) III, 176.

будетъ заботиться только о томъ, чтобы доставить людямъ счастье, а не о томъ, чтобы увеличивать эту численность [1]). Разумный человѣкъ, говоритъ онъ, желаетъ имѣть небольшое число дѣтей, чтобъ обезпечить имъ состояніе, безъ котораго счастіе невозможно, человѣкъ неразумный, исключительно матеріальный произрождаетъ ихъ дюжинами, какъ Фетъ-Али шахъ персидскій, ссылаясь на то, что ихъ посылаетъ Богъ и что никогда не бываетъ достаточно порядочныхъ людей.

Фурье несомнѣнно видитъ тѣсную связь между численностью народонаселенія и тѣмъ правомъ на трудъ и на вытекающій изъ него минимумъ благосостоянія, которыя онъ такъ же, какъ и новѣйшіе соціалисты, считаетъ основаніемъ всѣхъ правъ.

Основаніе правъ человѣка онъ находитъ не въ свободѣ и равенствѣ, а въ правѣ на охоту, на рыбную ловлю, на собираніе плодовъ и на пастбища, которыя въ сущности составляютъ право на работу въ самомъ первоначальномъ ея видѣ.

„Эквивалентъ этихъ четырехъ основныхъ правъ мы будемъ имѣть, говоритъ онъ, только при такомъ общественномъ порядкѣ, гдѣ бѣдный можетъ сказать своимъ соотечественникамъ, своей фалангѣ: „Я родился на этой землѣ, я требую допущенія ко всѣмъ производящимся на ней работамъ и гарантіи въ пользованіи плодомъ моего труда; я требую аванса орудій, необходимыхъ для производства этого труда, и пропитанія вмѣсто права воровать, которое предоставила мнѣ природа“ [2]).

Въ сущности и въ настоящее время большинство соціалистовъ не далеко ушло отъ этой программы, и Фурье имѣетъ передъ ними даже преимущество, такъ какъ онъ съ своей стороны предлагаетъ средство, быть можетъ, неосуществимое, но сравнительно безвредное.

ГЛАВА V.

Если въ отвлеченныхъ, чисто теоретическихъ вопросахъ опроверженіе заблужденія само по себѣ составляетъ уже заслугу, то нельзя сказать того же о вопросахъ практическихъ, гдѣ то или другое рѣшеніе необходимо и нельзя откладывать его, потому что надо жить. Тотъ, кто докажетъ человѣку, что пища, которой онъ питается, вредна для здоровья, но не укажетъ ему другой болѣе здоровой, едва ли окажетъ ему услугу.

[1]) IV, 152.
[2]) III, 179—180.

Такъ и въ общественныхъ вопросахъ доказать, что тотъ или другой законъ, тотъ или другой порядокъ вещей неудовлетворителенъ, не указывая иного лучшаго, значитъ только усиливать то зло, которое существуетъ несмотря на него или благодаря ему, дѣлая яснѣе сознаніе этого зла, но не давая возможности отъ него избавиться.

Только человѣку, совершенно не привыкшему къ анализу общественныхъ явленій, можетъ казаться, что достаточно отмѣнить плохой законъ, чтобы исчезло зло, которое повидимому находится отъ него въ зависимости. Въ жизни общества самыя разнообразныя явленія такъ тѣсно связаны, что нельзя коснуться ни одного изъ нихъ, не задѣвъ множества другихъ, имѣющихъ къ нему повидимому самое отдаленное отношеніе. Поэтому каждый законъ, если только онъ дѣйствительно законъ и существуетъ не на одной бумагѣ, не можетъ быть просто отмѣненъ, а долженъ быть замѣненъ другимъ, который необходимо согласовать со всѣми остальными. Уничтожить въ обществѣ законъ или обычай, не замѣняя его ничѣмъ, также невозможно, какъ въ природѣ сдѣлать гдѣ-либо абсолютную пустоту.

Вотъ почему въ государственныхъ и общественныхъ вопросахъ нѣтъ ничего безцѣльнѣе и вреднѣе исключительно отрицательной критики, основанной на предположеніи: хуже не будетъ; это не только ложное, но и въ высшей степени легкомысленное, если не преступное, предположеніе.

Хуже не будетъ? Кому и почему? Можно себѣ представить случаи, когда отдѣльнымъ лицамъ, выражающимъ такую увѣренность, дѣйствительно, хуже не можетъ быть или по крайней мѣрѣ невѣроятно, чтобы это случилось, но это вѣрно только относительно отдѣльныхъ лицъ, относительно же цѣлаго общества самое существованіе извѣстнаго порядка вещей доказываетъ, что онъ возможенъ. Изъ этого разумѣется не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ хорошъ и чтобы не надо было искать лучшаго, но для каждаго разумнаго измѣненія надо имѣть въ виду, чѣмъ замѣнить существующее. Начать ломку зданія, гдѣ, худо ли, хорошо ли, живешь, не только не выстроивъ новаго, но даже не составивъ его плана, было бы, очевидно, верхомъ безумія.

Такого упрека нельзя сдѣлать Фурье; онъ не только составилъ подробный планъ общественнаго переустройства, но не требуетъ даже немедленнаго сноса старыхъ построекъ; онъ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей системы, что добивается лишь ея провѣрки на опытѣ, не сомнѣваясь, что какъ только люди наглядно убѣдятся въ

справедливости его теоріи, отъ „цивилизаціи" не останется слѣдовъ и самъ собой наступитъ земной рай ассоціаціоннаго порядка.

Прежде чѣмъ говорить о подробностяхъ этого рая, остановимся на двухъ положеніяхъ, которыя составляютъ его основу: я говорю о гармоніи страстей и о привлекательномъ трудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если найденъ способъ превратить утомительный трудъ, на который всѣ смотрятъ какъ на печальную необходимость, въ пріятное занятіе или развлеченіе, этимъ сразу устранится одно изъ главныхъ золъ современной жизни, и къ тому же въ громадной мѣрѣ увеличивается возможность удовлетворенія разнообразныхъ потребностей, такъ какъ тогда люди, даже имѣющіе возможность предаваться праздности, сами станутъ трудиться вмѣсто того, чтобы потреблять продукты чужого труда. То же самое слѣдуетъ сказать о страстяхъ. Если дѣйствительно онѣ являются источникомъ страданій и преступленій только вслѣдствіе плохого общественнаго устройства и ложныхъ нравственныхъ теорій, если возможно сдѣлать ихъ пружинами полезной общественной дѣятельности и онѣ не только будутъ находить собственное удовлетвореніе, но и служить на благо всѣмъ людямъ, мы избавимся отъ одного изъ главныхъ источниковъ человѣческихъ страданій, и вмѣсто того, чтобы сдерживать ихъ, человѣку придется думать только о томъ, какъ возможно полнѣе удовлетворить ихъ.

Когда люди увидятъ, говоритъ Фурье, что ассоціированный кантонъ при равныхъ условіяхъ даетъ втрое (въ пять, въ семь разъ) больше барышей, чѣмъ кантонъ не связанныхъ между собой семей, и гарантируетъ всѣмъ соучастникамъ самыя разнообразныя удовольствія, они позабудутъ всѣ свои соперничества и поспѣшатъ устроить ассоціацію; она безъ всякаго закона распространится на всѣ страны, потому что всюду люди страстно любятъ богатства и удовольствія [1]).

Общественный порядокъ, по словамъ Фурье, послѣдуетъ за безсвязной цивилизаціей, а онъ не допускаетъ ни умѣренности, ни равенства ни одного изъ философскихъ взглядовъ; онъ требуетъ горячихъ и утонченныхъ страстей; какъ только ассоціація составлена, страсти согласуются между собой тѣмъ легче, чѣмъ онѣ живѣй и многочисленнѣе.

Почему, спрашиваетъ Фурье, родъ человѣческій, будучи выше животныхъ, не имѣетъ права подобно имъ отдаваться своимъ страстямъ или почему Богъ далъ ему такія порочныя страсти, чтобы

---

[1]) I, 8.

надо было лишить его свободы? Давши намъ общественными пружинами страсти и разумъ, почему онъ не далъ намъ разума въ количествѣ соразмѣрномъ со страстями, а наоборотъ въ такомъ незначительномъ, что у толпы онъ равняется нулю, и даже у ученыхъ, которые постоянно говорятъ объ умѣренности и о разумѣ, нѣтъ и тѣни его, когда страсть задѣта за живое.

Но благодаря сочетанію страстей въ различныхъ серіяхъ становится возможнымъ удовлетвореніе той или другой изъ нихъ не только безъ страданія для него самого, но и для другихъ; слѣдуетъ пользоваться характеромъ каждаго человѣка, его антипатіями и пороками, какъ напр. жадностью, скупостью и изъ этихъ элементовъ теперешняго зла вызывать сложное или филантропическое дѣйствіе, противоположное теперешнему эгоизму, любовь къ промышленности и всѣ соціальныя добродѣтели [1]).

Соціальная теорія есть геометрія страстей, но это расчетъ, который понимается инстинктивно, даже не изучая научной его части. Вотъ почему женщины прекрасно понимаютъ его, перепрыгивая черезъ все, что касается примѣненія его къ наукамъ; каждая женщина пойметъ теорію нейтральныхъ аккордовъ или пересиленныхъ антипатій, связей между неподходящими классами, между богатыми и бѣдными, хозяевами и прислугой и т. д. [2]).

Страстямъ или притяженію Фурье приписываетъ такое же божественное происхожденіе, какъ и разуму. Поэтому подавленіе ихъ было бы незаконно и неразумно и должно мстить за себя; мы въ силу предоставленной намъ свободы воли можемъ сопротивляться страстямъ; но, по мнѣнію Фурье, мы тѣмъ самымъ сопротивляемся божественной волѣ и какъ наказаніе терпимъ страданіе неудовлетвореннаго желанія.

Упорность притяженія, постоянство его влеченій въ первый моментъ мало ощутительны. Въ теченіи нѣсколькихъ дней можно пытаться побѣдить себя, презирать коварное богатство и утѣшаться чтеніемъ Сенеки, не имѣя самаго необходимаго. Можетъ быть, удалось бы притупить чувство лишеній, если бы предметъ желанья не былъ на виду, если бы коварное богатство не бросалось въ глаза несчастному, тѣснимому нуждой. Но всегда даже въ немноголюдномъ селеніи есть небольшое число богатыхъ, видъ которыхъ раздражаетъ желанія

---

[1]) II, 133.
[2]) 92—154.

массы и заставляетъ ее испытывать участь Тантала. Такимъ образомъ притяженіе превращается въ пытку [1]).

Всюду царствуетъ эта мука. Крестьянинъ сохнетъ съ досады, что ему не удалось арендовать фермы, которую снялъ его сосѣдъ; барышня томится и умираетъ отъ того, что не состоялся ея бракъ. Вездѣ отчаянныя лишенія, которыхъ нѣтъ въ ассоціаціи, потому что она такъ устроена, что представляетъ каждой страсти различные исходы, разнообразіе успѣховъ и удовольствій, такъ искусно переплетенныхъ, что неудачи могутъ въ худшемъ случаѣ причинить нѣсколько минутъ скоро разсѣеваемой печали [2]).

Таково равновѣсіе страстей, котораго человѣкъ можетъ достигнуть лишь тогда, когда его двѣнадцать страстей развиты въ серіи противоположныя, соревнующія и сцѣпляющіяся.

При сочетаніи страстей Фурье пользуется особой терминологіей, могущей ввести въ недоумѣніе читателя; вмѣсто обычныхъ выраженій мы встрѣчаемся со страстью „мотыльковою, каббалистическою, сочетательной, унитеизмомъ“, ихъ групировка оказывается то мажорной, то минорной; Фурье и самъ предвидитъ, что ему могутъ сдѣлать вопросъ: что означаетъ этотъ научный жаргонъ?

„Различіе между мажорнымъ и минорнымъ, говоритъ онъ, зависитъ отъ вліянія двухъ принциповъ тѣла и души: группы семейныя и любовныя принадлежатъ къ минорнымъ, потому что въ нихъ господствуетъ матеріальный принципъ, особенно въ семейныхъ, такъ какъ онѣ связаны съ матеріальнымъ игомъ, и нельзя порвать узы крови и перемѣнить родство подобно тому, какъ мѣняешь дружбу людей и товарищей. Итакъ семейная группа не свободна вслѣдствіе этой постоянной цѣпи; она вредна въ механикѣ страстей и можетъ производить благо только при поглощеніи своего антисоціальнаго характера, своего эгоизма, который побуждаетъ отца жертвовать обществомъ ради своей семьи, и считать все позволеннымъ въ интересахъ жены и дѣтей“ [3]).

Группа любви, хотя тоже сильно подчинена матеріальному принципу, не находится однако у него въ рабствѣ. Духовный принципъ иногда преобладаетъ въ любви, какъ напримѣръ тогда, когда разста-

---

[1]) III, 293.
[2]) III, 295.
[3]) VI, 96.

ются съ очень красивой любовницей, чтобы взять другую, некрасивую, которая плѣняетъ умомъ и нравственными качествами.

Въ группѣ честолюбія или корпоративной связи преобладаютъ слава и интересъ. На нее вліяютъ богатство и промышленное дѣло, поэтому Фурье считаетъ ее мажорной, той, гдѣ болѣе всего преобладаетъ духовный принципъ. Понятно, какъ произвольны такія сравненія и какъ трудно основать на нихъ какую-либо классификацію, но для Фурье случайныя аналогіи имѣютъ значеніе научнаго доказательства даже тогда, когда аналогіи эти существуютъ лишь съ точки зрѣнія совершенно субъективной.

Страстное притяженіе Фурье опредѣляетъ, какъ толчекъ, данный природой прежде размышленія и продолжающійся, несмотря на сопротивленіе разума, обязанности, предразсудки и т. д. [1]).

Фурье не можетъ не видѣть однако тѣхъ послѣдствій, къ которымъ ведетъ необдуманное удовлетвореніе страстей, и потому стремится установить между ними равновѣсіе. Равновѣсіе это, основанное на необдуманномъ предоставленіи себя природѣ, дано животнымъ и въ немъ отказано цивилизованному человѣку, варвару и дикому. Страсть приводитъ животное къ его благу, человѣка къ погибели. Поэтому, при современномъ порядкѣ вещей, человѣкъ находится въ войнѣ съ самимъ собой. Страсти его сталкиваются, честолюбіе препятствуетъ любви, любовь къ дѣтямъ дружбѣ, и такимъ образомъ каждая изъ двѣнадцати [2]).

Отсюда происходитъ наука, называемая моралью, которая имѣетъ претензію подавить ихъ; но подавить не значитъ механизировать. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть самостоятельнаго механизма страстей, не подавляя ни одной изъ нихъ. Предположить, что Богъ вложилъ въ наши души безполезныя, или вредныя пружины, значило бы обвинить его въ нелѣпости.

Для упорядоченія страстей нужно было бы, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ, слѣдуя только своему личному интересу, постоянно служилъ интересамъ массы. Въ дѣйствительности происходитъ обратное. Механизмъ цивилизаціи есть война каждаго индивидуума

---

[1]) IV, 47.

[2]) Своеобразный счетъ этихъ страстей у Фурье составляется слѣдующимъ образомъ: вкусъ, осязаніе, зрѣніе, слухъ, обоняніе, дружба, честолюбіе, любовь, родительскія чувства, страсть къ интригѣ (la cabaliste), мотыльковая (la papillonne), страсть къ сочетаніямъ (la composite).

противъ массы, режимъ, гдѣ каждый находитъ свою выгоду въ томъ, чтобы обманывать публику.

Каждый хочетъ, чтобы страсти массы гармонировали съ его собственными. Каждый стремится такимъ образомъ къ внѣшней механикѣ страстей и убѣжденъ, что составляетъ счастіе тѣхъ, кого подчиняетъ своимъ капризамъ.

Каждый мечтаетъ о единеніи по своему, каждая нація хотѣла бы, чтобы на ея языкѣ говорили по всей землѣ. Цивилизованные люди болѣе, чѣмъ варвары, любятъ единство; они очень склонны къ основной страсти, которую я называю унитеизмомъ, говоритъ Фурье, и она для двѣнадцати остальныхъ есть то же, что бѣлый цвѣтъ для цвѣтовъ призмы.

Остановимся на этой теоріи, гдѣ несомнѣнно есть доля правды, несмотря на странную форму, въ которую Фурье облекъ свои мысли.

Не подлежитъ сомнѣнію, что страсти составляютъ въ насъ силу, продолжающую существовать вопреки разсудку. долгу и убѣжденіямъ. Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ—это не поддаваться ихъ влеченію, когда онъ сознаетъ, что влеченіе это не согласно съ его собственнымъ, истиннымъ благомъ или съ благомъ другихъ людей, но не чувствовать этого онъ не можетъ, а неудовлетворенное желаніе есть страданіе, страданіе же есть зло, если только посредствомъ него не избѣгается другое, большее страданіе или не достигается другое, высшее благо; поэтому было бы неразумно стремиться къ подавленію страстей, когда возможно ихъ удовлетвореніе безъ всякаго вреда для себя, или для другихъ.

Въ этомъ отношеніи Фурье напрасно думаетъ, что онъ изобрѣтатель механики страстей. Уже у Декарта можно встрѣтить утвержденіе, что *страсти сами по себѣ всѣ хороши* и что намъ слѣдуетъ только избѣгать ихъ дурного употребленія, или ихъ крайностей, что душа можетъ имѣть свои особыя удовольствія; но что относительно тѣхъ, которыя у нея общи съ тѣломъ, они вполнѣ зависятъ отъ страстей, такъ что люди, которыхъ онѣ могутъ волновать сильнѣе всего, всего способнѣе наслаждаться прелестями этой жизни. Правда, что они же могутъ найти въ ней болѣе всего горечи, когда не умѣютъ хорошенько пользоваться ими, а счастье имъ неблагопріятно; но мудрость, главнымъ образомъ, полезна въ томъ отношеніи, что научаетъ владѣть и пользоваться ими съ такимъ искусствомъ, что страданія, которыя онѣ причиняютъ, весьма сносны и что даже изъ всѣхъ ихъ извлекается радость. Примѣры умѣнья пользоваться

страстями, гораздо болѣе наглядные, чѣмъ тѣ, которые приводитъ Фурье. Декартъ указываетъ въ чувствахъ славы и стыда.

Слава и стыдъ, замѣчаетъ онъ, имѣютъ одинаковое назначеніе въ томъ отношеніи, что онѣ побуждаютъ насъ къ добродѣтели, одна посредствомъ надежды, другая—посредствомъ страха; надо только просвѣтить свое сужденіе относительно того, что въ самомъ дѣлѣ достойно порицанія или похвалы, чтобы не стыдиться поступать хорошо и не гордиться своими пороками, какъ это со многими случается. Но нехорошо совсѣмъ отбросить эти страсти, какъ нѣкогда поступали циники, ибо, хотя народъ судитъ очень плохо, но мы не можемъ жить безъ него и для насъ важно быть уважаемыми имъ, поэтому относительно видимости нашихъ дѣйствій намъ часто приходится слѣдовать скорѣе его мнѣніямъ, чѣмъ нашимъ собственнымъ.

Еще болѣе систематическую и полную механику страстей Фурье могъ бы найти у Спинозы.

Я не имѣлъ намѣренія, говоритъ Спиноза [1]), показать всѣ возможныя сочетанія человѣческихъ страстей, а только самыя главныя, потому что, слѣдуя тѣмъ же путемъ, какъ и выше, мнѣ легко было бы показать, что любовь соединяется съ раскаяніемъ, съ презрѣніемъ и со стыдомъ; но я думаю, что для всѣхъ ясно, послѣ того, что было сказано, что страсти могутъ сочетаться между собой такими различными способами и что изъ нихъ слѣдуютъ такія многочисленныя разновидности, что невозможно опредѣлить ихъ числа.

Спиноза не меньше Фурье осуждаетъ тѣхъ, кто думаетъ, что дѣлаетъ добро, заставляя другихъ жить такъ, какъ ему самому хочется.

Тотъ, говоритъ онъ, кто исключительно по страсти старается, чтобы другіе любили то, что онъ любитъ, и чтобы они жили такъ, какъ ему хочется, тотъ, дѣйствуя такимъ образомъ подъ вліяніемъ слѣпого влеченія, становится всѣмъ ненавистенъ, особенно тѣмъ, у кого другіе вкусы и кто, слѣдовательно, въ свою очередь, старается, чтобы вкусы эти раздѣлялись другими. Кромѣ того, высшее благо, котораго страсть заставляетъ людей желать, часто бываетъ такого рода, что владѣть имъ можетъ лишь одинъ. Отъ этого зависитъ, что любящіе не всегда согласны съ самими собой и, восхваляя предметъ своей любви, въ то же время боятся убѣдить своихъ слушателей [2]).

---

[1]) Этика, ч. III, § 59.

[2]) Ibidem, ч. IV, § 37.

Спиноза вовсе и не думаетъ требовать подавленія всѣхъ страстей, какъ этому будто бы учатъ всѣ философы. Человѣкъ мудрый, говоритъ онъ, пользуется въ жизни всѣмъ и наслаждается имъ насколько возможно (лишь бы это не доходило до отвращенія, потому что тогда это не значитъ уже наслаждаться). Человѣку мудрому свойственно подкрѣпляться умѣренной и пріятною пищей и питьемъ, услаждать свои чувства благоуханіемъ и яркою зеленью растеній, украшать даже свои одежды, пользоваться музыкой, играми, зрѣлищами и всѣми развлеченіями, какія каждый можетъ доставить себѣ, не вредя никому [1]).

Фурье могъ бы найти у Спинозы даже нѣчто очень похожее на то, что онъ называетъ страстью сочетательной.

Страсть, говоритъ Спиноза, тѣмъ больше, чѣмъ больше число причинъ, которыми она вызывается и которыя стремятся къ той же цѣли [2]), а слѣдующая страница какъ-будто нарочно написана, чтобы служить отвѣтомъ изобрѣтателю фаланстерій.

Люди, наиболѣе пристрастные къ славѣ, говоритъ Спиноза, именно тѣ, которые больше всего декламируютъ о ея злоупотребленіяхъ и о суетѣ вещей этого міра; и это не есть особенность честолюбцевъ, это свойственно всѣмъ, кто пострадалъ отъ судьбы и чья душа потеряла свою силу. Человѣкъ бѣдный и скупой безпрестанно говоритъ о злоупотребленіи богатствомъ и о порокахъ тѣхъ, кто богатъ; въ концѣ концовъ это только огорчаетъ его самого и показываетъ, что онъ не въ состояніи спокойно переносить ни собственной бѣдности, ни богатства другихъ. Тотъ, кто былъ плохо принятъ своей любовницей, полонъ только непостоянствомъ женщинъ, ихъ измѣнами и всѣми недостатками, какіе имъ постоянно приписываются. Но если, вернувшись къ своей любовницѣ, онъ будетъ хорошо принятъ ею, все это забудется.

Итакъ, съ точки зрѣнія личнаго благополучія, попытка не подавлять страсти, а пользоваться ими, не представляетъ ничего новаго, и большинство философовъ всегда рекомендовало только пользуясь ими не злоупотреблять, чтобы не сдѣлаться ихъ рабами и вмѣсто счастья не достигнуть прямо противоположныхъ результатовъ. Что касается роли страстей въ человѣческомъ обществѣ, то и здѣсь нельзя сказать, чтобы мысль Фурье была вполнѣ новой. Новымъ можно признать развѣ только желаніе воспользоваться *всѣми* стра-

---

[1]) Ibidem, ч. IV, § 45.
[2]) Ibidem, ч. V, § 8.

стями, которыя обыкновенно считаются пороками, какъ-то: жадностью, сладострастіемъ, скупостью и т. п. Что касается честолюбія и тщеславія, то въ нихъ уже издревле государственные люди находили пружину человѣческой дѣятельности, которой пользовались для блага общества.

И въ настоящее время чины и ордена, утратившіе практическое значеніе, во многихъ странахъ составляютъ мотивъ и, быть можетъ, не худшій человѣческой дѣятельности. Правда, что въ наше время принято смѣяться надъ такими мотивами; но нерѣдко къ самимъ смѣющимся относится то, что говоритъ Спиноза о людяхъ, презирающихъ славу. Честолюбіе само по себѣ не есть ни добро, ни зло; все дѣло въ томъ, какъ оно направлено. Желать власти или почестей — не грѣхъ и не преступленіе; вопросъ только въ томъ, какъ достигать и какъ пользоваться ими. Законодатель, умѣющій поставить дѣло такъ, чтобы они достигались лишь тѣми, кто приноситъ пользу обществу, конечно, будетъ совершенно правъ, и почти во всѣхъ странахъ онъ именно такъ и поступаетъ, насколько позволяютъ обстоятельства. Но весьма сомнительно, чтобы такимъ же образомъ можно было воспользоваться *всѣми* страстями. Въ людяхъ бываютъ стремленія по самому существу своему противообщественныя; можно разсматривать ихъ какъ преступную склонность или какъ болѣзнь, но во всякомъ случаѣ необходимо искоренять или сдерживать ее, а не надѣяться на то, что при другихъ общественныхъ формахъ она превратится изъ порока въ добродѣтель.

Если вмѣсто фантастической классификаціи Фурье, гдѣ въ числѣ страстей, на ряду съ пятью чувствами, фигурируютъ страсти: мотыльковая (т. е. страсть къ перемѣнамъ) и кабалистическая (страсть къ интригамъ), мы обратимся къ болѣе точному психологическому анализу, то увидимъ, что всѣ человѣческія желанія могутъ имѣть въ виду только его удовольствіе или счастіе; но тогда какъ человѣку благожелательному доставляетъ удовольствіе не одно его личное наслажденіе, но и радость ближняго, человѣку злорадному такое же удовольствіе доставляетъ страданіе или горе другого. Тогда какъ человѣкъ сострадательный неизбѣжно стремится къ тому, чтобы помочь страдающему, человѣкъ жестокій самъ готовъ причинить страданіе, если только можетъ сдѣлать это безнаказанно. Извлечь изъ такого рода страстей какую бы то ни было пользу для общества невозможно, потому что по самому существу своему онѣ противообще-

ственны; то же самое можно сказать про всѣ тѣ склонности, которыя въ общежитіи называются эгоизмомъ.

Если понимать эгоизмъ въ очень широкомъ значеніи этого слова, какъ стремленіе удовлетворить свои желанія, то неэгоистовъ совсѣмъ не окажется, такъ какъ, разумѣя эгоизмъ въ этомъ смыслѣ, стремленіе ко благу семьи есть несомнѣнно собственное желаніе отца семейства, и въ этомъ смыслѣ Фурье въ правѣ назвать семейныя чувства эгоистическими, противополагая ихъ стремленію къ благу общества, но нѣтъ никакого основанія останавливаться на семьѣ: членъ общества или гражданинъ того или другого государства, который хочетъ процвѣтанія или славы этого общества или государства, точно также хочетъ именно этого блага, потому что онъ любитъ его, и потому и его желаніе можно назвать эгоистическимъ, противополагая благу всего человѣчества. Но даже тотъ, кто мечтаетъ о благѣ всего человѣчества, будучи его частью, можетъ быть заподозрѣнъ въ эгоизмѣ. Ясно, что употребленіе слова эгоизмъ въ этомъ смыслѣ совершенно измѣняетъ его общепринятое значеніе. Подъ эгоизмомъ принято разумѣть стремленіе къ собственному индивидуальному благу, *не взирая на то*, каковы будутъ послѣдствія этого стремленія для другихъ, кто бы они ни были. Въ евангеліи говорится даже не о другихъ вообще, а о *ближнихъ*, хотя слову ближній придается самое широкое значеніе, и это не можетъ быть иначе: мы не можемъ не только любить тѣхъ, кого совсѣмъ не знаемъ, но и имѣть какое бы то ни было понятіе о томъ, какъ отзовутся на нихъ тѣ или другіе наши поступки. Самопожертвованіе возможно не ради другихъ вообще, а только ради тѣхъ, кого любишь. Конечно, даже самопожертвованіе можно съ помянутой точки зрѣнія разсматривать, какъ эгоистическое дѣйствіе, можно сказать, что человѣку пріятнѣе самому страдать или умереть, чѣмъ знать, что то или другое лицо или лица страдаютъ и умираютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый можетъ хотѣть только того, чего онъ дѣйствительно хочетъ; но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, согласно ли его хотѣніе съ благомъ другихъ, или наоборотъ.

Фурье думаетъ, повидимому, что такое несогласіе или противорѣчіе зависитъ отъ совершенно случайныхъ внѣшнихъ условій, и все зло приписываетъ тому или другому общественному строю. Несомнѣнно, что если бы можно было установить такой порядокъ вещей, при которомъ исполненіе каждаго желанія одного человѣка соотвѣтство-

вало бы желаніямъ всѣхъ остальныхъ, сразу оказалась бы немыслима не только никакая вражда, но и никакое недружелюбіе между людьми. Но не только осуществить какими бы то ни было законодательными или экономическими мѣрами такой порядокъ на землѣ нельзя, но даже представить себѣ его невозможно, потому что, какъ указываетъ Спиноза, есть множество такихъ желаній, предметъ которыхъ можетъ стать удѣломъ лишь одного человѣка и исключаетъ всѣхъ остальныхъ; отсюда ясно, что совмѣстное стремленіе къ одной цѣли возможно только тогда, когда цѣль эта достижима для всѣхъ стремящихся къ ней.

Представимъ себѣ, что десять человѣкъ, желающихъ переправиться на противоположную сторону рѣки, найдутъ пустую лодку, расчитанную на десять гребцовъ; ясно, что они тѣмъ скорѣе и легче достигнутъ цѣли, чѣмъ дружнѣе всѣ десять будутъ грести въ томъ же направленіи, но не говоря о томъ случаѣ, когда одни изъ нихъ захотятъ плыть вверхъ по теченію, а другіе внизъ, предположимъ, что той же лодкой захотятъ воспользоваться не десять человѣкъ, а двадцать; изъ-за нея могутъ начаться такіе споры, что тому, кто не склоненъ участвовать въ нихъ, цѣлесообразнѣе, сдѣлавъ крюкъ, найти мостъ или бродъ.

Въ этомъ и состоитъ тайна той трудности, съ которою связана ассоціація. Для того, чтобы съ помощью ея цѣль была достижима, необходимо, во-первыхъ, чтобы цѣль эта была вполнѣ опредѣленна и чтобы всѣ участвующіе въ ассоціаціи желали достигнуть именно этой цѣли.

Совсѣмъ не то мы видимъ у Фурье. Его цѣль есть общее благополучіе; но благополучіе каждый понимаетъ по своему.

Правда, есть какъ будто нѣкоторыя минимальныя условія, безъ которыхъ благополучіе немыслимо, но допуская, что ассоціація поможетъ достигнуть выполненія этихъ условій, сами они останутся лишь средствомъ, а не цѣлью, и какъ только они будутъ достигнуты, исчезнетъ цѣль ассоціаціи. Фурье справедливо указываетъ на возможность громадной экономіи въ большомъ общемъ хозяйствѣ сравнительно съ множествомъ мелкихъ. Ясно поэтому, что въ отношеніи экономіи каждому выгоднѣе участвовать въ такомъ хозяйствѣ, чѣмъ вести свое собственное. И дѣйствительно тамъ, гдѣ принципъ этотъ могъ найти приложеніе, не наталкиваясь на препятствія совсѣмъ другого рода, ассоціація нашла успѣшное примѣненіе. Стоитъ только упомянуть о

потребительныхъ обществахъ, которыя процвѣтаютъ во многихъ случаяхъ. Тутъ цѣль вполнѣ опредѣленная и одинаковая у всѣхъ участвующихъ. Всѣ они желаютъ пріобрѣсти товары, количество которыхъ на рынкѣ почти не ограничено, за возможно сходную цѣну. Но стоитъ предположить, что нѣсколько членовъ хотятъ купить одинъ и тотъ же предметъ, и ассоціація окажется совершенно безполезна, такъ какъ вмѣсто содѣйствія другъ другу члены будутъ конкурировать между собой, и эта конкуренція будетъ выгодна только продавцу.

Попытка воспользоваться всѣми страстями для достиженія общественнаго блага у Фурье основана на томъ, что страстное влеченіе такъ же, какъ и міровое тяготѣніе, есть выраженіе божественной воли и, слѣдовательно, не можетъ быть дурно; ясно, что такимъ образомъ самъ собой выдвигается на первый планъ вопросъ о происхожденіи зла, котораго Фурье почти не касается, такъ какъ сказать, что все зло зависитъ отъ несовершеннаго общественнаго строя, значитъ закрывать глаза на сущность вопроса, потому что никакой общественный строй не можетъ предупредить болѣзней и смерти, и, слѣдовательно, необходимо признать самого Бога причиною зла или допустить внѣ его другую причину. Вообще въ общественной нравственности ссылки на волю Творца, не основанныя на положительной религіи, не могутъ дать никакихъ результатовъ, такъ какъ попытка опредѣлять Его намѣренія, поскольку они не выразились, по малой мѣрѣ самонадѣянна. Между тѣмъ въ политической экономіи мы нерѣдко встрѣчаемся съ такими попытками.

Съ общечеловѣческой точки зрѣнія Фурье совершенно правъ, разсматривая страданія и бѣдность какъ зло, и стремленіе насколько возможно умалить это зло отнюдь не противорѣчитъ требованіямъ нравственности или положительной религіи; но безъ необходимости ставить эти и безъ того сложные вопросы въ связь съ понятіемъ объ абсолютныхъ цѣляхъ значитъ еще болѣе затруднять ихъ рѣшеніе.

ГЛАВА VI.

Слово трудъ употребляется обыкновенно, какъ само собою понятное. не требующее никакого объясненія. Трудъ есть обязанность каждаго человѣка, трудъ есть источникъ цѣнности. Трудъ долженъ соразмѣрно оплачиваться и т. д.

Однако, если мы вникнемъ въ то, что общаго во всѣхъ случаяхъ,

когда употребляется это слово, мы увидимъ, что понятіе, означаемое имъ, далеко не такъ опредѣленно и ясно, какъ это кажется на первый взглядъ. Трудится и человѣкъ, пашущій землю, и столяръ, стругающій доску, и писецъ, который переписываетъ бумагу, и ученый, дѣлающій сложное вычисленіе, и музыкантъ, разучивающій свою партитуру, и композиторъ, который ее пишетъ, всѣ эти самые различные образы дѣятельности являются трудомъ, но только при извѣстныхъ условіяхъ, и то самое, что для одного есть трудъ, для другого оказывается развлеченіемъ или удовольствіемъ; гдѣ же то мѣрило, которое позволяетъ каждый разъ опредѣлить количество труда въ любой дѣятельности и самую дѣятельность признать трудомъ, а не удовольствіемъ? Мѣрило это можетъ заключаться только въ одномъ: въ цѣли, которую имѣютъ въ виду тѣ или другія дѣйствія. Человѣкъ, который играетъ въ ресторанѣ или въ клубѣ партію на бильярдѣ, очевидно, забавляется или дѣлаетъ моціонъ, а маркеръ, который съ нимъ играетъ, трудится. Одинъ находитъ удовольствіе въ самомъ процессѣ игры, другой, которому игра эта давно надоѣла, дѣлаетъ то же самое, но для того, чтобы заработать деньги. Такимъ образомъ отличительнымъ признакомъ труда является то, что онъ долженъ быть *полезенъ*, т.-е. долженъ быть *средствомъ для достиженія другой цѣли*.

Самое сочетаніе словъ привлекательный трудъ вызываетъ уже нѣкоторыя сомнѣнія; можно ли считать трудомъ занятіе, которое составляетъ удовольствіе? Думаю, однако, что если извѣстнаго рода дѣятельность, которая для большинства является тяжелою и непривлекательной и за которую они принимаются только потому, что она доставляетъ тѣ или другія выгоды, будетъ нравиться немногимъ, и они будутъ отдаваться ей съ удовольствіемъ, то для третьихъ лицъ, которые пользуются ею или наблюдаютъ ее, она все-таки останется трудомъ. Но если мы возьмемъ занятіе интересное и сравнительно легкое для всѣхъ или для большинства, напримѣръ, охоту или рыбную ловлю, то за исключеніемъ профессіональныхъ охотниковъ и рыболововъ, про того, кто охотится или удитъ рыбу, нельзя сказать, чтобы онъ работалъ.

Раздѣленіе труда дѣлаетъ особенно нагляднымъ различіе между работой и развлеченіемъ. Для человѣка, добывающаго средства жизни извѣстной работой, трудомъ является та работа, которая доставляетъ ему эти средства.

Если трудъ самъ по себѣ очень рѣдко бываетъ привлекателенъ, то въ чемъ же состоитъ его цѣль? Въ созданіи такихъ предметовъ, которые предупреждаютъ нѣкоторыя страданія или доставляютъ нѣкоторыя удовольствія или, выражаясь политико-экономическимъ терминомъ, въ созданіи нѣкоторыхъ цѣнностей; но цѣнность предмета зависитъ не отъ количества затраченнаго на него труда, а отъ силы той потребности, которая удовлетворяется ею, и отъ степени ея удовлетворенія. Человѣкъ, который на необитаемомъ островѣ употребилъ бы десять дней, чтобъ вырыть себѣ колодецъ, двадцать, чтобъ посѣять и выростить нѣкоторое количество ржи или пшеницы, и сорокъ, чтобъ устроить себѣ лодку, на которой онъ можетъ ловить рыбу, каждому изъ помянутыхъ предметовъ (хлѣбу, колодцу и лодкѣ) будетъ, конечно, придавать извѣстную цѣнность, но если на островѣ нѣтъ прѣсной воды и другихъ съѣстныхъ припасовъ, то цѣнность эта окажется обратно пропорціональною количеству затраченнаго труда.

Что касается Фурье, то вопроса о цѣнности онъ почти не касается, но повидимому признаетъ ее продуктомъ трехъ факторовъ, такъ какъ требуетъ соразмѣрнаго распредѣленія прибылей между капиталомъ, трудомъ и талантомъ.

Для того, чтобы доставить счастіе всему народу, замѣчаетъ онъ, надо превратить въ удовольствія, въ привлекательныя функціи труды, на которые осуждены теперь массы, живущія заработною платой [1]). Тотъ, кто нашелъ бы такое средство, конечно, въ правѣ былъ бы считаться благодѣтелемъ человѣчества; къ сожалѣнію, тѣ мѣры, которыя предлагаетъ Фурье, если бы и были исполнимы, не только не доставили бы счастья рабочимъ, но и возможности не работать.

Чтобы общественная промышленность стала привлекательной, говоритъ Фурье, необходимы слѣдующія семь условій:

1) Чтобы каждый работникъ былъ членомъ ассоціаціи, вознаграждаемымъ дивидендомъ, а не заработною платой.

2) Чтобы каждый мужчина, женщина, ребенокъ вознаграждался пропорціонально тремъ факторамъ, капиталу, труду и таланту.

3) Чтобъ промышленныя занятія разнообразились приблизительно восемь разъ въ день, такъ какъ воодушевленіе не можетъ поддерживаться въ теченіе болѣе полутора или двухъ часовъ въ земледѣльческой или мануфактурной работѣ.

---

[1]) III, 40.

4) Чтобы занятія производились въ компаніи съ друзьями, добровольно собравшимися, возбуждаемыми и заинтригованными сильнѣйшимъ соревнованіемъ.

5) Чтобы мастерскія и обрабатываемые участки представляли рабочему прелесть изящества и чистоты.

6) Чтобы раздѣленіе труда доведено было до высшей степени и каждому полу и возрасту предоставлены были тѣ функціи, которыя ему подходятъ.

7) Чтобы въ этомъ распредѣленіи каждый мужчина, женщина или ребенокъ вполнѣ пользовался правомъ на работу или правомъ во всякое время участвовать въ какой угодно отрасли работы, лишь бы работающій оправдалъ свою честность и способность къ ней [1]).

Тягость работы зависитъ главнымъ образомъ отъ несоотвѣтствія работы со вкусами работающаго. „Дикарь вынужденъ охотиться для поддержанія существованія, но эта привлекательная работа ничѣмъ не стѣсняетъ его свободы. Работа, которая нравится, не есть такое рабство, какимъ была бы для дикаго соха; его охота для него такая же забава, какъ продажа для купца. Развѣ купецъ чувствовалъ стѣсненіе, когда въ теченіе утра онъ развернулъ сотню кусковъ матеріи, наговорилъ кучу лжи и продалъ множество штановъ? Такое утомленіе есть удовольствіе, привлекательная работа, тѣлесная свобода. А доказательство этому въ томъ, что нашъ купецъ, очень довольный сегодня, будетъ завтра хмуръ и надутъ, если къ нему не зайдетъ ни одинъ покупатель и ему нельзя будетъ ни лгать, ни продавать [2]).

Примѣръ этотъ доказываетъ не совсѣмъ то, что хотѣлъ бы доказать авторъ: разумѣется, купецъ будетъ очень опечаленъ, если къ нему не зайдетъ ни одинъ покупатель, но точно также будетъ опечаленъ поденщикъ, если никто не захочетъ его нанять, однако и въ томъ и въ другомъ случаѣ печаль будетъ зависѣть не отъ того, что нѣтъ работы, а отъ того, что нѣтъ тѣхъ средствъ существованія, которыя даетъ эта работа; не только поденщикъ предпочелъ бы получать поденную плату, не таская кулей или не роя землю, но и купецъ также охотно отказался бы отъ продажи товаровъ, если бы кто-нибудь предложилъ ему обезпечить ту прибыль, которую онъ отъ

---

[1]) III, 15.
[2]) III, 156.

нея получаетъ. Въ обоихъ случаяхъ привлекателенъ не самый трудъ, а то вознагражденіе, которое черезъ него получается.

Бываетъ, однако, такая работа, которая сама по себѣ привлекательна, независимо отъ того, оплачивается она или нѣтъ. Къ числу такихъ работъ относится всякая дѣятельность, исполняемая, какъ принято выражаться, по призванію. Вознагражденіе и тутъ часто составляетъ необходимое условіе труда; если человѣкъ не имѣетъ другихъ средствъ существованія, то какъ бы ни была привлекательна для него та или другая дѣятельность, онъ не можетъ посвятить себя ей, если она не оплачивается; но, во-первыхъ, говорить о призваніи въ дѣлѣ механической работы едва ли возможно, а, во-вторыхъ, даже тамъ, гдѣ болѣе всего мѣста для личной инниціативы и дѣятельности: въ области науки, литературы, искусства, гдѣ, слѣдовательно, скорѣе всего возможенъ привлекательный трудъ, часто кромѣ него необходимъ скучный и утомительный процессъ, чтобы дойти до привлекательнаго труда, чтобы завершить, отдѣлать и доказать то, что могло быть авторомъ и художникомъ схвачено въ одинъ моментъ. Не только для автора, но и для читателя нерѣдко нужно усиліе, чтобы дойти до необходимаго или интереснаго ему мѣста. Неопровержимое доказательство этому даетъ самъ Фурье, говоря о собственной книгѣ.

Люди, которые спѣшатъ наслаждаться, говоритъ онъ, хотѣли бы, чтобы дерево принесло плоды прежде листьевъ и чтобы книга, которая научаетъ путямъ къ счастью, была изученіемъ такимъ же пріятнымъ, какъ тѣ блага, которыя она должна принести.

Балъ, опера, пиръ забавляютъ насъ; но работы, которыми подготовленъ этотъ праздникъ, не были удовольствіями. Также и относительно общественнаго режима, какъ онъ ни привлекателенъ самъ, та теорія, которая должна насъ научить ему, не имѣетъ въ себѣ ничего забавнаго [1]).

А между тѣмъ привлекательность работы составляетъ существенное условіе примѣнимости теоріи Фурье, которая признаетъ право каждаго на минимумъ обезпеченія; это вполнѣ понимаетъ и признаетъ онъ самъ.

„Я замѣтилъ, говоритъ онъ, что если бы цивилизованный народъ пользовался достаточнымъ минимумомъ, гарантіей пищи и приличнаго содержанія, онъ предался бы праздности, потому, что цивилизованная промышленность очень непривлекательна, поэтому необхо-

---

[1]) IV, 415—416.

димо, чтобы въ ассоціаціонномъ порядкѣ работа была настолько же привлекательна, насколько въ настоящее время привлекательны наши пиры и спектакли; въ такомъ случаѣ уплата минимума выданнаго впередъ будетъ гарантирована промышленной привлекательностью или страстью народа къ работамъ очень пріятнымъ и выгоднымъ. Страсть можетъ поддерживаться только тогда, когда найдена будетъ метода справедливаго распредѣленія, представляющаго каждому: мужчинѣ, женщинѣ или ребенку три дивиденда, соотвѣтствующіе его тремъ промышленнымъ способностямъ, капиталу, труду и таланту.

Но каково бы ни было его благосостояніе, добавляетъ Фурье, народъ скоро опять впалъ бы въ бѣдность, если бы онъ размножался безъ мѣры [1]).

Способъ вознагражденія за трудъ, предлагаемый Фурье, можно бы признать справедливымъ, если бы ему удалось найти средство распредѣленія прибыли, которымъ остались бы довольны участвующіе. Къ сожалѣнію, найти способъ, безобидно устанавливающій равновѣсіе между различными факторами производства, еще труднѣе, чѣмъ найти возможность соразмѣрить приростъ населенія съ увеличеніемъ пищевыхъ продуктовъ. Мальтуса нельзя назвать утопистомъ; но и его добродѣтельное воздержаніе, которое несомнѣнно должно бы значительно увеличить благосостояніе рабочихъ классовъ, остается теоріей, такъ какъ, несмотря на очевидность выраженныхъ имъ положеній, въ примѣненіи къ цѣлому народу или всему человѣчеству, для каждаго изъ составляющихъ его людей, они не убѣдительны.

Говоря о привлекательномъ трудѣ, нельзя не обратить вниманіе на одно обстоятельство, вызывающее въ наше время частыя жалобы; это то, что почти всѣ усовершенствованія въ области промышленной приносятъ выгоды только капиталистамъ, а не рабочимъ. Казалось бы, каждая новая машина, давая возможность въ меньшее время выработать большее количество товара, тѣмъ самымъ должна не только увеличить прибыль фабриканта, но и сократить рабочее время или увеличить заработную плату, въ дѣйствительности получается совсѣмъ не то: законъ предложенія и спроса, сказываясь сначала на вырабатываемомъ товарѣ, увеличивая его количество, понижаетъ его цѣнность, и если, соотвѣтственно этому увеличенію предложенія и пониженія цѣны, не увеличится спросъ на него, то зара-

[1]) VI, 10.

ботная плата вслѣдствіе введеніе машинъ можетъ не только не повыситься, но даже понизиться, согласно теоріи Мальтуса или Ласаля.

Можно ли говорить въ такомъ случаѣ не только о привлекательномъ трудѣ, но даже о правѣ на трудъ или минимумъ существованія? Никакое законодательство не въ состояніи измѣнить закона природы и психическихъ свойствъ человѣка, и едва ли можно обвинять цивилизацію въ бѣдственномъ положеніи рабочихъ классовъ; законы предложенія и спроса относятся къ труду такъ же, какъ и къ остальнымъ товарамъ, но нельзя въ то же время не чувствовать, что есть нѣчто ненормальное въ контрастѣ современной нищеты и современной роскоши. Мальтусъ правъ, что уничтоженіе права собственности, лишь на минуту облегчивъ положеніе бѣдняковъ, въ концѣ концовъ сдѣлало бы его еще худшимъ; онъ правъ, утверждая, что признаніе права существованія за каждымъ рождающимся равносильно признанію права требовать вопреки законамъ природы, чтобы одна десятина земли производила то, что производятъ двѣ. Но эти положенія, несомнѣнно вѣрныя теоретически, не ослабляютъ значенія факта, что государство не можетъ давать людямъ умирать съ голода, пока существуютъ запасы съѣстныхъ припасовъ, которые служатъ только къ обогащенію другихъ. Можно ли сохранить неприкосновенность права собственности и въ то же время не оскорбить чувства человѣчности? Продовольственный вопросъ въ государствѣ не есть дѣло простой благотворительности, но и дѣло государственной безопасности, и интересы частныхъ лицъ должны въ такомъ случаѣ уступать государственнымъ.

Планъ Фурье обезпечить минимумъ каждому посредствомъ ассоціаціи, какъ и слѣдовало ожидать, не далъ никакихъ положительныхъ результатовъ, но вопросы о правѣ на минимальное обезпеченіе и на трудъ до сихъ поръ составляютъ больное мѣсто общественной жизни. И если бы удалось разрѣшить ихъ, хотя бы и не привлекательнымъ, а самымъ скучнымъ или тяжелымъ трудомъ, это было бы громаднымъ прогрессомъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ попытки обезпеченія существованія бѣднѣйшихъ классовъ оправдываютъ, повидимому, теорію Мальтуса, являясь лишь временными и мѣстными палліативами, вслѣдъ за которыми зло еще болѣе обостряется.

ГЛАВА VII.

Трактатъ домашне-земледѣльческой ассоціаціи Фурье посвящаетъ задолжавшимъ націямъ и выражаетъ увѣренность, что онъ не могъ

явиться болѣе своевременно, такъ какъ финансовый геній находится въ крайне затруднительномъ положеніи, всѣ рессурсы исчерпаны и правительства всѣхъ странъ бѣдствуютъ подъ бременемъ государственныхъ долговъ, а погашеніе этихъ долговъ будетъ только однимъ изъ многочисленныхъ долговъ ассоціаціи. Верховнымъ правителямъ она окажетъ еще болѣе важную услугу, поглотивъ революціонный духъ, такъ какъ этотъ политическій ядъ главнымъ зародышемъ имѣетъ безденежье и государственные долги и не развивается въ государствѣ, финансы котораго процвѣтаютъ. Если бы Людовикъ XVI вмѣсто того, чтобы имѣть четыре милліарда долга, не имѣлъ ни одного долгового обязательства, во Франціи не было бы революціи [1]), а такъ какъ Фурье вполнѣ увѣренъ, что нашелъ средство утроить доходъ каждаго клочка земли, то понятно, что, воспользовавшись имъ, легко будетъ расплатиться со всѣми долгами, какъ бы велики они ни были.

Не слѣдуя за Фурье въ подробностяхъ его расчетовъ, само собою понятно, что если тысяча человѣкъ согласятся вести общее хозяйство и каждый изъ нихъ будетъ дорожить этимъ хозяйствомъ такъ же, какъ своимъ собственнымъ, то результаты должны получиться блестящіе. Ясно, что выгоднѣе послать на рынокъ одну фуру, запряженную парой лошадей, чѣмъ сотню телѣжекъ, запряженныхъ ослами или собаками, точно также выгоднѣе топить одну громадную кухню, чѣмъ сотню мелкихъ печей. Несомнѣнно также, что если бы воры, почувствовавъ себя собственниками, нашли болѣе пріятнымъ и выгоднымъ другое ремесло, это было бы хорошо не только для нихъ самихъ, но и для остальныхъ членовъ ассоціаціи, которыхъ это избавило бы отъ хлопотъ по охраненію собственности.

Каждый, говоритъ Фурье [2]), на своей землѣ злоупотребляетъ системой обсѣмененія, каждый хочетъ получить на почвѣ, которой владѣетъ, предметы нужные для его потребленія и нагромождаетъ двадцать культуръ на пространствѣ, гдѣ должно бы быть не болѣе трехъ. Крестьянинъ станетъ воздѣлывать какъ попало хлѣбъ, вино, капусту, рѣпу, ленъ и картофель на землѣ, которая годилась бы только для пшеницы. Цѣлое село отведетъ исключительно подъ хлѣбъ отдаленный участокъ, который нельзя оградить отъ воровства, тогда какъ онъ годился бы для разныхъ посѣвовъ.

---

[1]) III, 4—2.

[2]) IV, 481.

Кража одна изъ руководящихъ причинъ культуры въ цивилизованныхъ странахъ; скажите агроному: „я посадилъ бы садъ тамъ, гдѣ вы сѣете хлѣбъ", и онъ согласится, но отвѣтитъ, что его обворовали бы, такъ какъ мѣстность такая, что укараулить трудно. Скажите ему, что онъ слишкомъ рано снимаетъ виноградъ или плоды; онъ отвѣтитъ: „вы правы; но меня обокрадутъ, и я ничего не получу" [1]).

Одна изъ сильнѣйшихъ пружинъ для соглашенія богатаго и бѣднаго—это духъ общинной или сложной собственности. Въ гармоніи бѣдный, хотя бы у него была только часть акціи, хотя бы только двадцатая, есть собственникъ цѣлаго кантона черезъ участіе; онъ можетъ сказать: „наши земли, наши замки, наши лѣса, наши фабрики, наши заводы". Все—его собственность; онъ заинтересованъ во всей совокупности движимости и земли.

Если при настоящемъ порядкѣ вещей истребляютъ лѣсъ, сотня крестьянъ безпечно смотритъ на это. Лѣсъ есть простая собственность и принадлежитъ только хозяину, барину; они рады тому, что можетъ повредить ему, и втайнѣ стараются увеличить порчу. Если потокъ уноситъ земли, то три четверти жителей, не имѣющіе ея на берегахъ, смѣются убытку [2]).

Фурье убѣжденъ, что при гармоническомъ строѣ каждый будетъ охранять интересъ общаго имущества такъ же, какъ если бы оно принадлежало ему лично. Практика всѣхъ ассоціацій показываетъ совсѣмъ иное. Право участія въ прибыляхъ отъ извѣстнаго предпріятія или полная собственность хотя бы относительно ничтожнаго клочка земли, скота или орудія далеко не одно и то же. Конечно, можно предполагать, что никто не станетъ умышленно портить имущества, которое можетъ принести ему доходъ. Но люди, не отступающіе передъ кражей у частныхъ лицъ, не отступятъ и передъ кражей у цѣлаго общества, такъ какъ похитить предметъ, стоящій сто франковъ, или получить нѣсколько сантимовъ, которые придутся на долю похитителя изъ его доходовъ, далеко не одно и то же.

Другое дѣло, если бы каждому въ самомъ дѣлѣ можно было обезпечить приличный минимумъ для удовлетворенія потребностей. Тогда рисковать исключеніемъ изъ общины, которая обезпечиваетъ минимумъ, никому не было бы охоты. А теперь мы знаемъ случаи, когда люди, не имѣющіе средствъ, нарочно совершаютъ кражи, чтобы попасть въ тюрьму, особенно на зимнее время.

---

[1]) IV, 482.

[2]) IV, 517.

Выгоды общиннаго хозяйства, которое дало бы возможность примѣнить къ земледѣлію раздѣленіе труда, настолько понятны, если бы только члены стали относиться къ дѣлу съ такимъ же интересомъ какъ къ своему собственному, что для уясненія ихъ не зачѣмъ прибѣгать къ доказательствамъ, „извлеченнымъ изъ дыни" или изъ „артишоковъ", которые должны приносить сто и пятьдесятъ процентовъ, не зачѣмъ также было бы замѣнять хлѣбъ фруктами и сахаромъ, „этимъ хлѣбомъ гармоніи" и кормить дѣтей компотомъ, въ которомъ будетъ четвертая доля сахара, такъ какъ при равномъ вѣсѣ такой компотъ дешевле хлѣба [1]).

Но почти всюду, гдѣ были сдѣланы попытки общиннаго хозяйства, онѣ дали результаты противоположные тѣмъ, которыхъ ожидаетъ Фурье. Стоитъ припомнить, какъ относились у насъ крестьяне къ общественнымъ лѣсамъ, пока лѣса эти еще существовали; впрочемъ, для Фурье никакія ссылки на опытъ не убѣдительны, такъ какъ всѣ опыты производились при цивилизованномъ, а не ассоціаціонномъ строѣ, и при дѣйствіи положительнаго права, охраняемаго судомъ и полиціей, а не при гармоніи страстей. Однако и по его теоріи начать свое господство ассоціаціонный порядокъ можетъ только при существованіи цивилизаціи. Авторъ врагъ революціонныхъ принциповъ и хочетъ только опыта, который убѣдилъ бы народы въ величіи его открытія и правильности его метода; а для этого необходимъ капиталъ.

Какую сумму надо затратить, спрашиваетъ Фурье, для блестящаго учрежденія, которое должно измѣнить лицо земли и превратить ее въ земной рай. Если я отвѣчу десять тысячъ франковъ, каждый разсмѣется. Если я отвѣчу десять милліоновъ, каждый уйдетъ подальше и скажетъ, что даже у коронованныхъ особъ нѣтъ десяти милліоновъ на мелкіе расходы, которыми они могли бы рискнуть ради успѣха прекрасной теоріи [2]). Впрочемъ, по мнѣнію Фурье, даже съ 10.000 фр. коронованная особа могла бы основать колонію, фалангу высокой гармоніи, чего не могъ бы сдѣлать частный человѣкъ.

Такой монархъ могъ бы изъ своихъ владѣній или лѣсовъ выдѣлить землю, находящуюся въ арендѣ, и даже съ барышемъ. Авансъ не стоилъ бы ему ни копѣйки, такъ какъ можно бы войти въ сдѣлку съ арендаторами, которые будутъ приняты въ ассоціацію. По истече-

---

[1]) IV, 41, 19, 23.
[2]) IV, 433.

нія трехъ лѣтъ онъ получилъ бы громадную выгоду отъ продажи своихъ земель, которыя выкупила бы фаланга, получивъ полное развитіе [1]).

Не нашлось однако ни одного монарха, желающаго взяться за такое выгодное предпріятіе, и изобрѣтателю фаланстерій пришлось до конца жизни ожидать акціонеровъ, которые позволили бы ему осуществить свой проектъ.

Фурье, который вообще любитъ приводить цифры, не объясняя, откуда онѣ берутся, утверждаетъ, что въ цивилизованномъ мірѣ есть 4000 кандидатовъ, могущихъ въ денежномъ отношеніи основать простую ассоціацію, предпріятіе чисто земледѣльческое, не подвергающее акціонера или основателя никакому риску. Но въ отношеніи характера и склонностей можно предвидѣть, что изъ четырехъ тысячъ кандидатовъ едва найдется сотая доля, т.-е. 40 подходящихъ. Ничего не значитъ, что число такъ мало говоритъ; онъ нуженъ только одинъ. Онъ отыщется въ Европѣ или въ Америкѣ [2]).

Разыскивая кандидатовъ учредителей, авторъ не только разсматриваетъ цѣлыя категоріи, но многихъ называетъ по именамъ. Такъ, напримѣръ, среди лишившихся трона онъ указываетъ на принца Евгенія Лейхтенбергскаго, который былъ бы кандидатомъ тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что нашелъ бы въ Германіи множество подкандидатовъ или акціонеровъ.

Въ Россіи, если бы не привычки крѣпостнаго права, должно бы найтись множество кандидатовъ, такъ какъ ни одна страна такъ не нуждается въ климатическомъ обновленіи и ни одна не заинтересована въ такой мѣрѣ, чтобы апельсины росли въ Колѣ [3]). Фурье вспоминаетъ даже умершихъ, которые могли бы быть кандидатами, и въ числѣ ихъ оказывается Бонапартъ.

Въ этомъ случаѣ, говоритъ Фурье, вслѣдствіе чрезмѣрнаго эгоизма онъ совершилъ бы самое филантропическое дѣйствіе, благо всего человѣчества. Перспектива всемірнаго единства льстила бы Бонапарту въ тѣхъ его вкусахъ, которые подвергались строжайшей критикѣ, какъ, напримѣръ, въ его желаніи превратить въ военныхъ даже булочниковъ и школьниковъ. Его манія унитеизма нашла бы полное удовлетвореніе въ ассоціаціонномъ строѣ, гдѣ со втораго года 900

---

[1]) IV, 434.
[2]) V, 581.
[3]) V, 591.

милліоновъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей приучатся дѣйствовать также унитарно, какъ одинъ легіонъ въ 900 человѣкъ [1]).

Сомнительно, чтобы та промышленная война, которой Фурье думаетъ замѣнить войны кровопролитныя, пришлась по вкусу не только Наполеону, но и менѣе воинственнымъ государственнымъ людямъ.

Раздѣленіе труда, говоритъ Фурье, при новомъ порядкѣ будетъ доведено до высшей степени. Каждый кантонъ будетъ производить пищевые продукты только самаго высшаго качества; но каждому же нужно будетъ запасаться у двадцати сосѣдей вопреки цивилизованнымъ обычаямъ. Сельская торговля будетъ по крайней мѣрѣ во сто разъ больше нашей, потому что на каждомъ овощѣ, рѣпѣ или капустѣ фаланга будетъ дѣлать десять запасовъ у десяти сосѣднихъ фалангъ [2]).

Чтобы руководить производствомъ при такого рода условіяхъ, нужна своего рода стратегія. Положимъ, въ извѣстной мѣстности лучше всего удается извѣстный сортъ грушъ; надо будетъ маневрировать такимъ образомъ, чтобъ эта культура получила перевѣсъ, не противорѣча ни чьимъ склонностямъ. Достигнуть этого Фурье надѣется, дѣйствуя исключительно на самолюбіе всѣхъ заинтересованныхъ. И значеніе фаланги должно сказываться не въ одномъ производствѣ, а едва ли не въ большей мѣрѣ и въ потребленіи.

Механизмъ страстныхъ серій, говоритъ Фурье, извлекаетъ экономію изъ такихъ условій, которыя въ цивилизованномъ состояніи оказались бы раззорительными: такъ, напримѣръ, если надо было бы за обѣдомъ подать девяносто сортовъ хлѣба, это могло бы раззорить Лукулла, а въ страстныхъ серіяхъ выходитъ экономично, такъ какъ благопріятствуетъ притягательности промышленности, чего не было бы, если бы фабриковалось только два сорта хлѣба.

То же относительно чиновничества, которое требуетъ такихъ расходовъ при цивилизаціи. Въ ассоціаціи чиновники будутъ двухъ родовъ. Одни изъ числа опытныхъ и ученыхъ послѣдователей для направленія промышленности, другіе для представительства, послѣдователи богатые, тѣ, которые могутъ являться, дѣлать расходы и придавать блескъ серіи [3]).

Какъ только въ фаланстеріи наберется семьсотъ человѣкъ, упра-

---

[1]) V, 597.
[2]) VI, 91.
[3]) VI, 61.

вленіе выдастъ всѣмъ приглашеннымъ ихъ парадныя связки инструментовъ, и группы начнутъ ходить на работу со знаменами, гимнами и фанфарами. Столъ будетъ трехъ разрядовъ, смотря по расходамъ и по состоянію. Эта лѣстница необходима въ гармоніи, гдѣ всякое равенство есть политическій ядъ. Среди участвующихъ найдутся такіе, которые владѣютъ небольшимъ капиталомъ, землями, скотомъ, землѣдѣльческими инструментами, которые они продадутъ, разрушенной избушкой, за которую имъ заплатятъ. Они получатъ за свои вклады акцію или часть акціи; они составятъ классъ уже высшій сравнительно съ толпой и, если пожелаютъ, могутъ быть допущены къ столамъ второго разряда, куда допускаются также тѣ, кто своими драгоцѣнными познаніями въ промышленной области, заслуживаютъ кредита для зачисленія во второй классъ.

Честолюбіе и тщеславіе должны играть существенную роль въ системѣ Фурье, и дѣйствительно они часто не противорѣчатъ, а иногда даже содѣйствуютъ достиженію общаго блага. Но и другія страсти должны способствовать достиженію идеальнаго порядка. Ученые, на которыхъ такъ нападаетъ Фурье, по его мнѣнію, не только ничего не потеряютъ при новомъ строѣ, но наоборотъ много выиграютъ.

Въ этомъ новомъ общественномъ порядкѣ, говоритъ онъ, каждый ученый или артистъ достигнетъ колоссальнаго состоянія, если только будетъ имѣть дѣйствительныя достоинства, а достоинства эти будутъ констатироваться ежегоднымъ голосованіемъ всѣхъ кантоновъ міра о произведеніяхъ достойныхъ быть увѣнчанными.

Фурье не останавливаетъ соображеніе, что если бы всѣмъ кантонамъ міра пришлось посредствомъ голосованія опредѣлять достоинство всевозможныхъ произведеній, у нихъ бы не осталось времени на другую производительную работу; онъ не сомнѣвается также, что такого рода плебесциты выпадутъ дѣйствительно на долю самыхъ способныхъ и ученыхъ, и приходитъ въ восторгъ отъ мысли, что Франклинъ и Расинъ должны получить тріумфальный орденъ, быть объявлены гражданами земнаго шара и особенно, что, гдѣ бы они ни были, во всѣхъ фалангахъ они будутъ пользоваться тѣми же прерогативами, какъ мѣстные магнаты кантона [1]). Какъ только установится такой порядокъ вознагражденія ученыхъ и художниковъ, всѣ бѣдные люди будутъ стараться только о томъ, чтобы развить въ своемъ

[1]) I, 14—154.

сынѣ какой-нибудь талантъ, съ той минуты, какъ замѣтятъ въ ребенкѣ какіе-нибудь шансы на успѣхъ въ наукахъ или въ искусствахъ. Каждый отецъ не будетъ помнить себя отъ радости и будетъ осыпанъ поздравленіями. Вокругъ него только и будутъ говорить: сынъ вашъ станетъ знаменитымъ литераторомъ, знаменитымъ актеромъ; онъ получитъ тріумфальный орденъ, онъ заработаетъ милліоны [1]).

Но для того, чтобы могло произойти нѣчто подобное, необходимо предположить то, противъ чего такъ протестуетъ Фурье, т.-е. полное перерожденіе страстей; надо было бы, чтобы большинство радовалось чужому успѣху, а не завидовало ему; но если дѣйствительно всѣ бѣдные люди будутъ стремиться къ ученой или художественной извѣстности, не потому, что чувствуютъ влеченіе къ наукѣ или искусству, а потому, что такая извѣстность скорѣе всего можетъ доставить имъ матеріальное благосостояніе, выйдетъ какъ разъ обратное тому, чего ожидаетъ Фурье. Всѣ родители, расчитывающіе на славу и богатства для собственнаго сына, будутъ видѣть опасныхъ и зловредныхъ конкуррентовъ во всѣхъ дѣтяхъ, имѣющихъ какіе-нибудь шансы достигнуть той же цѣли, они всячески будутъ стараться сдѣлать эти шансы какъ можно меньше, а никакъ не станутъ поздравлять и поощрять родителей, могущихъ воспитать конкуррента ихъ собственному сыну.

Безполезно и утомительно было бы останавливаться на подробностяхъ плана Фурье, на архитектурѣ фаланстера, на классификаціи членовъ, на ихъ распредѣленіи по серіямъ и группамъ. Стоитъ отмѣтить только оригинальныя функціи „ареопага", состоящаго изъ всѣхъ выдающихся членовъ ассоціаціи какъ по способностямъ, такъ и по возрасту, или по сдѣланнымъ взносамъ. У ареопага нѣтъ устава, такъ какъ все регулируется притяженіемъ. Онъ постановляетъ рѣшенія по важнѣйшихъ дѣламъ, и рѣшенія эти остальными членами принимаются какъ руководящій компасъ въ промышленности; но они не обязательны.

„Управленіе" есть только уполномоченный ареопага и можетъ, слѣдовательно, управлять тоже лишь совѣщательнымъ образомъ. Ни ареопагъ, ни управленіе не несутъ никакой отвѣтственности, а счетоводство поручается особой серіи членовъ.

Насколько легче составлять планы общественной организаціи и толковать о гармоніи страстей, чѣмъ приводить ихъ въ исполненіе,

[1]) I, 156.

видно изъ отношенія самого Фурье къ Р. Овену. Нѣкоторое время Фурье возлагалъ на него большія надежды и увѣдомилъ его о своемъ открытіи въ твердой увѣренности, что если Овенъ пойметъ его и воспользуется его мыслью, съ цивилизаціей сразу будетъ покончено, и человѣчество немедленно вступитъ въ 7-й періодъ своего существованія. Но какъ только надежда эта не сбылась, онъ сталъ увѣрять, что „секта, управляемая Овеномъ, имѣетъ претензію основать соціальное государство; а дѣлаетъ какъ разъ обратное и работаетъ надъ тѣмъ, чтобы дискредитировать идею ассоціаціи ложностью своей методы, во всѣхъ отношеніяхъ противной природѣ или притяженію"... Овенъ играетъ на словѣ, которое пользуется довѣріемъ, онъ дѣлаетъ изъ него предметъ спекуляціи, наряжаясь въ филантропическія формы. На этотъ разъ ученые оказываются виновны въ томъ, что позволяютъ интриганамъ вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе [1]. И тогда какъ они обыкновенно грѣшны въ томъ, что не даютъ ходу открытіямъ, теперь виноваты, что допустили опытъ, не убѣдившись въ его исполнимости.

Если бы только захотѣли дѣйствовать методически, говоритъ Фурье, отъ претендентовъ въ родѣ Овена или другого потребовали бы изобрѣтенія, а не уставовъ и странностей въ родѣ общности имущества, отсутствія богослуженія, внезапнаго упраздненія браковъ; это политическія причуды, чтобы сломать себѣ шею, а не новыя средства, и такимъ фантазіямъ XIX вѣкъ даруетъ свое довѣріе въ теченіи 20 лѣтъ [2].

Планъ общины имѣлъ сначала нѣкоторый успѣхъ, потому что это была маска партійнаго духа, покрывало тайнаго плана, уничтоженія духовенства и богослуженія. Эта перспектива соединила около Овена всю котерію атеистовъ, что же касается другихъ его двухъ догматовъ, то общность имущества догматъ настолько жалкій, что не требуетъ опроверженія, а немедленное упраздненіе браковъ есть другая чудовищность.

Этотъ строгій приговоръ тѣмъ болѣе интересенъ, что относительно браковъ самъ Фурье надѣется на ихъ полное уничтоженіе и разница только въ длинѣ подготовительнаго періода. Богослуженіе и духовенство Фурье желаетъ сохранить; но что они должны дѣлать тамъ, гдѣ бракъ замѣнитъ свобода любви, а всѣ нравственныя и религіоз-

---

[1]) VI, 4.
[2]) V, 153—154.

ныя требованія—теорія страстнаго притяженія, требующая возможно полнаго удовлетворенія всѣхъ страстей и не признающая между ними дурныхъ?

ГЛАВА VIII.

Если цивилизація, противорѣча всѣмъ природнымъ инстинктамъ, съумѣла только сдѣлать несчастнымъ громадное большинство населенія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что она точно также исказила все воспитаніе. Она, по словамъ Фурье, создала легіоны маленькихъ вандаловъ, которые съ дѣтства выжидаютъ случая не произвести, а разрушить что попало; легіоны, которые достигнувъ отрочества подъ эгидой морали, организуются въ легіоны большихъ вандаловъ грабящихъ, насилующихъ, поджигающихъ, убивающихъ ради торжества здравыхъ коммерческихъ теорій и ради усовершенствованія метафизическихъ отвлеченностей [1]). Хотите знать въ дѣлѣ воспитанія, какъ и во всякомъ другомъ, настоящее требованіе природы? Для этого есть вѣрное средство: надо думать какъ разъ обратное тому, что утверждаетъ философія, всегда антипатичная природѣ притяженія.

Она хочетъ, чтобы отецъ былъ наставникомъ своего ребенка и чтобы отецъ не баловалъ своего ребенка.

Усвойте два противоположныя мнѣнія: пусть отецъ не будетъ наставникомъ своего ребенка, и пусть отецъ отдастся удовольствію баловать ребенка [2]).

Все дѣло воспитанія при идеальномъ порядкѣ съ самой колыбели будетъ лежать не на родителяхъ, а на обществѣ.

Я понимаю подъ младшимъ возрастомъ дѣтства, говоритъ Фурье, дѣтей моложе $4^1/_2$ лѣтъ. Если ребенокъ достигнетъ 5 лѣтъ, не выполнивъ условій, требующихся для поступленія въ отрядъ херувимовъ, на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на идіота или, по крайней мѣрѣ, какъ на существо низшаго порядка. Въ гармоніи четырехлѣтній малышъ, будь онъ хоть королевскимъ сыномъ, умѣетъ зарабатывать жизнь разными ремеслами. И такіе удивительные результаты достигаются безъ всякаго принужденія, однимъ притяженіемъ, лакомствами и игрушками. Красивый панашъ и теперь уже достаточенъ, чтобы завербовать крестьянина въ полкъ и заставить его подписать отказъ отъ своей свободы. Каково же будетъ дѣйствіе этихъ

---

1) V, 16.
2) V, 31.

нарядовъ, чтобъ завербовать и привлечь ребенка къ удовольствію и къ веселымъ собраніямъ съ ему подобными.

Фурье увѣренъ, что можно найти производительный трудъ даже для четырехлѣтнихъ дѣтей.

Если бы, говоритъ онъ, фаланга, по обычаю цивилизаціи, занимала 30-лѣтнихъ геркулесовъ ощипываніемъ птицъ или сортировкой риса, какъ это дѣлается въ ресторанахъ и кофейняхъ, пришлось бы посылать четырехлѣтнихъ ребятъ на тяжелыя работы водокачанья и поливки.

Съ четырехъ лѣтъ уже дѣти входятъ почти свободными и равноправными членами въ общественный строй и только совсѣмъ маленькія и грудныя представляютъ для Фурье нѣкоторое затрудненіе. Онъ дѣлитъ ихъ на три разряда — на „миролюбивыхъ", на „капризныхъ" и на „чертенятъ". Всѣ они помѣщаются въ трехъ смежныхъ залахъ, но достаточно хорошо отдѣленныхъ, чтобы „чертенята", безъ умолку воющіе, не могли ошеломить миролюбивыхъ или даже капризныхъ, съ которыми легче имѣть дѣло.

На этотъ разъ даже Фурье отказывается отъ подробностей и скромно заявляетъ: „я такъ мало знаю инстинкты маленькихъ дѣтей и мнѣ настолько антипатиченъ этотъ классъ удручающихъ существъ, что я не рискну высказаться подробно о томъ, что для нихъ пригодно" [1]). Въ данномъ случаѣ онъ не безъ основанія расчитываетъ на время и на нянекъ; но это не мѣшаетъ ему даже въ крикахъ грудныхъ дѣтей видѣть аргументъ въ пользу фаланстерій.

Ребенокъ, говоритъ онъ, не сознавая того, желаетъ расположенія, и довольства, которыми онъ пользовался бы въ гармонической серистеріи, и за отсутствіемъ ихъ своими криками приводитъ въ отчаяніе родителей, слугъ и сосѣдей, вредя въ то же время собственному здоровью. Часто достаточно одного грудного ребенка, чтобы тревожить и разстроить цѣлый домъ. Въ ту минуту, когда я пишу, я вижу ребенка, который въ теченіи двухъ мѣсяцевъ мучитъ и не даетъ минуты покоя 5 или 6 человѣкамъ. Трехъ слугъ не хватаетъ на то, чтобы удовлетворить капризамъ, которые создали ему глупые родители; онъ, не будучи боленъ, издаетъ непрерывные крики. Гувернантки, приглашенныя ходить за этимъ антихристомъ, недѣли черезъ двѣ теряютъ терпѣніе и отказываются, и цѣлый домъ изнемогаетъ отъ

---

[1]) V, 64.

малыша, который при общественномъ порядкѣ не причинилъ бы никакого затрудненія въ залѣ чертенятъ, дѣтей его склада, находящихся вдалекѣ отъ другихъ, чтобы не оглушать ихъ своимъ воемъ. Такія дѣти безъ труда переносятся, добавляетъ Фурье, нянями спокойнаго рода, которыя должны оставаться при нихъ только въ теченіи двухъ часовъ.

Но фантазія Фурье не ограничивается присвоеніемъ дѣтямъ по возрастамъ и по характерамъ непереводимыхъ кличекъ и небывалыхъ способностей; она достигаетъ совершенно восточныхъ размѣровъ въ его описаніи „малыхъ шаекъ"; малыя шайки составляются изъ дѣтей отъ 9 до 15 лѣтъ.

Ассоціація должна пользоваться всѣми склонностями своихъ членовъ; она умѣетъ, говоритъ Фурье, употреблять юный возрастъ тамъ, гдѣ ослабли бы отцы, между прочимъ тамъ, гдѣ существуетъ промышленное отвращеніе.

Это отвращеніе теперь превозмогается цѣною денегъ; но оно должно пересиливаться притяженіемъ при такомъ порядкѣ вещей, гдѣ удовольствіе станетъ основной пружиной общественнаго механизма.

Порядокъ промышленнаго притяженія совсѣмъ рухнулъ бы, если бы, нельзя было найти средства связать сильныя приманки съ отвратительными работами, которыя при цивилизаціи можно заставить исполнить только за деньги. Надо поэтому создать корпорацію, которая нашла бы прелесть даже въ такихъ занятіяхъ, которыя вообще имѣютъ лишь „умѣренное притяженіе", и именно такую корпорацію предлагаетъ Фурье составить изъ дѣтей, отъ девяти до пятнадцатилѣтняго возраста, такъ какъ они имѣютъ меньшее отвращеніе къ грязи, чѣмъ взрослые. Для того, чтобы дѣти еще охотнѣе поступали въ эти шайки, предполагается дѣйствовать на ихъ самолюбіе посредствомъ разныхъ привилегій, парадовъ и нарядовъ, шайки будутъ имѣть свой особый языкъ, корпоративный „арго", свою артиллерію, своихъ ґенераловъ, называемыхъ „ханами" и „ханками"; онѣ будутъ подраздѣляться на три класса подъ непереводимыми названьями „сакрипановъ, шенапановъ и гарнемановъ" обоихъ половъ. Въ заключеніе Фурье замѣчаетъ, что такая корпорація должна побѣдить великаго хозяина міра — презрѣнный металлъ, называемый деньгами. Маленькія шайки составятъ антиподъ всемірной алчности, онѣ поглотятъ всѣ распри въ дѣлахъ личныхъ выгодъ и должны доставить побѣду добродѣтели и единству въ распредѣленіи прибылей.

Почему дѣтство призвано играть главную роль въ механизмѣ всеобщей дружбы? Потому что, по мнѣнію Фурье, у дѣтей сильнѣе всего развито чувство чести и дружбы, и ни любовь, ни семейный духъ не могутъ заставить ихъ отклониться отъ этого направленія [1]).

Только на этотъ возрастъ можно надѣяться для исполненія отвратительныхъ работъ посредствомъ притяженія. За это имъ дозволяется другая жертва, а именно, части ихъ имущества. Такимъ образомъ гармонія вызываетъ двойное самопожертвованіе тамъ, гдѣ цивилизація родитъ только двойной эгоизмъ.

А чего стоитъ приведеніе маленькихъ шаекъ къ этимъ чудесамъ филантропіи? Немножко дыма тщеславія, первое мѣсто на парадахъ, тѣнь главенства, привилегія первымъ приступать къ работѣ, быть первыми на трудномъ посту. Самыя строгія цивилизованныя корпораціи часто тѣ самыя, которыя требуютъ отъ своихъ членовъ больше всего любви и постоянства; что же это будетъ въ маленькихъ шайкахъ, гдѣ сама преданность не будетъ имѣть почти ничего матеріально тяжелаго, благодаря склонности возраста бравировать зловоніе и превращать грязь въ игрушку?

Если бы нѣчто подобное и было практически возможно, то само собою бросается въ глаза вся фальшь комбинаціи, прикрывающейся громкими фразами и видомъ глубокомыслія. Фурье наткнулся на *работы, которыя необходимы, но сами по себѣ не могутъ быть привлекательны*. Онъ видитъ, что взрослые могутъ исполнять ихъ только за деньги; но для теоріи привлекательнаго труда и гармоніи страстей необходимо, чтобы такихъ работъ совсѣмъ не существовало. И вотъ онъ предполагаетъ, что дѣти охотнѣе, чѣмъ взрослые, примутъ на себя эти почти не непріятныя обязанности, такъ же, какъ дикіе охотно мѣняютъ на бусы чистое золото или слоновую кость. Если допустить даже, что въ „гармоническихъ“ дѣтяхъ патріотизмъ и способность самопожертвованія больше развиты, чѣмъ во взрослыхъ, то это будетъ плохая рекомендація предлагаемому общественному строю; тогда необходимо предположить также нравственный регрессъ, происходящій съ годами въ членахъ фаланги. Даже съ точки зрѣнія Фурье идею маленькихъ шаекъ едва ли можно назвать удачной. Устранить препятствіе, которое онъ встрѣтилъ, можно двумя способами: или надо найти работниковъ, для которыхъ необходимая работа не казалась бы непріятной, что ему, какъ видно изъ его собственныхъ

---

[1]) V, 160.

словъ, удалось не вполнѣ, или же настолько усовершенствовать способы такой работы, чтобы устранить изъ нея непріятный элементъ, что почти всегда возможно, если не жалѣть денегъ.

Не будемъ останавливаться на организаціи малыхъ „отрядовъ", куда должны поступать дѣти, преимущественно дѣвочки, имѣющія склонности противоположныя тѣмъ, которыя требуются въ маленькихъ шайкахъ.

Не будемъ также говорить о подробностяхъ весталической корпораціи, которая должна содѣйствовать при гармоническомъ строѣ соблюденію дѣвственности до возраста зрѣлости. Въ гармоніи дѣвственность разсматривается, какъ плодъ, который надо срывать, когда онъ созрѣлъ; нельзя сказать однако, чтобы ждать этого приходилось слишкомъ долго. Зрѣлость наступаетъ между 18 и 20 годами, причемъ дожидаться ея обязательно только для членовъ весталической корпораціи, которые по расчету Фурье будутъ составлять лишь около третьей части общаго числа юношей и молодыхъ дѣвушекъ. Правда, самъ онъ признаетъ, что предлагаемые имъ обычаи не только несовмѣстимы съ современными обычаями и законами, но не годятся ни для пробной фаланги, ни для перваго гармоническаго поколѣнія [1]). Но даже въ видѣ отдаленнаго идеала, превосходство ихъ надъ современной нравственностью, какъ оно ни печально, болѣе чѣмъ проблематично. Однако тѣ изумительныя теоріи свободной любви, которыя Фурье изобрѣтаетъ для будущаго общества, не мѣшаютъ ему видѣть слабыя стороны современнаго. „Если искренне хотятъ, говоритъ онъ, „чтобы дѣвственность соблюдалась незамужними молодыми дѣвушками, слѣдовало бы смотрѣть затѣмъ, чтобы она такъ же соблюдалась и юношами. Въ любви не существуетъ третьяго пола. Поэтому, если юноши рано отказываются отъ дѣвственности, то они могутъ обратиться только къ замужнимъ или незамужнимъ женщинамъ. Въ первомъ случаѣ существуетъ прелюбодѣяніе, во второмъ блудодѣяніе согласно гражданскимъ и религіознымъ законамъ [2]); а между тѣмъ общество не только не осуждаетъ молодыхъ людей, отказывающихся отъ дѣвственности, но смѣется надъ тѣми, кто хочетъ ее сохранить. Общество предъявляетъ въ этомъ отношеніи совершенно различныя требованія къ мужчинамъ и къ женщинамъ.

---

[1]) V, 246.
[2]) V, 249.

ГЛАВА IX.

Мы уже видѣли, какъ отрицательно Фурье относится къ браку въ цивилизованномъ мірѣ. Чѣмъ же онъ хочетъ замѣнить его въ своей будущей ассоціаціи?

Вопросъ о любви, съ какой бы точки зрѣнія мы его ни разсматривали, представляетъ множество трудностей; но согласить требованія религіи, нравственности, общественнаго порядка и народнаго благосостоянія, которыя всѣ задѣты законодательствомъ въ связи съ этимъ вопросомъ, еще труднѣе. Пока законъ не признавалъ за женщиной правъ свободной личности, бракъ могъ оставаться простою сдѣлкой между ея родителями и женихомъ, но какъ только положеніе измѣнилось и оффиціально признано было единоженство и требованіе согласія невѣсты, необходимо стало считаться съ гораздо болѣе сложными факторами, тѣмъ болѣе, что, признавши de jure одинаковую обязательность супружеской вѣрности въ бракѣ, de facto общество продолжало относиться весьма различно къ нарушеніямъ ея со стороны мужа и жены. Въ этомъ неодинаковомъ отношеніи къ нарушенію супружеской вѣрности Фурье видитъ одинъ изъ главныхъ аргументовъ противъ современнаго порядка вещей.

Конечно, если смотрѣть на семью не какъ на основаніе общества, а какъ на случайное и временное соединеніе двухъ отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ совершенно различныя цѣли и легко могущихъ измѣнять эти цѣли, то такого рода отношеніе со стороны общества не имѣетъ никакого основанія, но до тѣхъ поръ пока семья остается тѣмъ, чѣмъ она есть, невѣрность мужа является сравнительно меньшимъ и болѣе поправимымъ зломъ, чѣмъ невѣрность жены, безповоротно уничтожающая самую возможность ея существованія или превращающая семейную жизнь въ непрерывную фальшь, отъ которой страдаютъ не только супруги, но и дѣти.

Изъ того, что браки часто бываютъ неудачны, дѣлать выводъ, что слѣдуетъ ихъ упразднить, можно только тогда, когда есть увѣренность, что цѣли, достигаемыя бракомъ, съ большимъ успѣхомъ могутъ быть достигнуты безъ него.

Первая мѣра справедливости относительно женщинъ, говоритъ Фурье, состояла бы въ томъ, чтобы установить для нихъ любовное совершеннолѣтіе; въ извѣстномъ возрастѣ освободить ихъ отъ униженія постоянно выставляться на продажу и не знать мужчинъ, пока

не явится неизвѣстный торговаться и не женится на нихъ. По моему мнѣнію, слѣдовало бы объявить женщинъ эмансипированными или свободными въ 18 лѣтъ.

Въ чемъ состоялъ бы рискъ, спрашиваетъ онъ, если бы женщинамъ послѣ восемнадцати лѣтъ предоставили свободу любви? И какія выгоды извлечены изъ притѣснительной системы философовъ? Съ ихъ методой лицемѣрнаго воспитанія, дающей барышнямъ аффектированное равнодушіе къ любви, они достигли только того, что устроили всемірное рогоношеніе.

Одну изъ причинъ, почему общество такъ легко относится къ нарушеніямъ супружеской вѣрности, Фурье не безъ основанія видитъ въ томъ, что законодательство и мораль хотѣли подвести всѣ проступки этой категоріи подъ слишкомъ общія нормы; но, говоритъ онъ, слѣдуетъ различать оттѣнки проступковъ отъ дѣйствительно преступнаго прелюбодѣянія, вносящаго въ семью раздоръ и чужеродные отпрыски.

Отказавшись допустить такія различія, желая смѣшать въ одномъ осужденіи всѣ роды прелюбодѣянія, ихъ сдѣлали всѣ извинительными, на всѣ стали смотрѣть съ тѣмъ снисхожденіемъ, котораго заслуживаютъ нѣкоторыя. Возмущенное общественное мнѣніе встрѣтило преслѣдователей насмѣшкой, и подъ названіемъ наставленія роговъ стали сходить отвратительныя предательства.

Прелюбодѣяніе объявлено преступленіемъ, а человѣкъ пользуется въ хорошемъ обществѣ уваженіемъ, пропорціональнымъ числу своихъ извѣстныхъ и выставляемыхъ на показъ прелюбодѣяній. Любуются и восхваляютъ какого-нибудь Ришелье или Альквіада, соблазнившихъ множество замужнихъ женщинъ, а во что ставятъ человѣка, который, желая повиноваться законамъ и религіи, сохраняетъ свою дѣвственность, какъ свадебный подарокъ своей женѣ?

Фурье совершенно правъ, указывая на противорѣчіе во взглядахъ общества и законодательства на этотъ вопросъ. Но то лѣкарство, которое онъ предлагаетъ, хуже самой болѣзни. Если бы еще всѣ нападки на лицемѣріе дѣлались имъ во имя свободы дѣйствительной глубокой любви, которая не укладывается ни въ какія рамки, не сдерживается никакими цѣпями, ихъ можно было бы понять. Но что разумѣетъ онъ подъ этимъ словомъ? Въ сущности простую чувственность, хотя и возмущается и протестуетъ противъ этого. Чтобы не быть голословнымъ, приведу страницу, гдѣ онъ описываетъ, какъ бу-

детъ совершаться перемѣна любовницъ въ будущемъ гармоническомъ строѣ.

Я предполагаю, говоритъ онъ, что весталка Галатея, желая сдѣлать выборъ, колебалась между Пигмаліономъ, Нарцисомъ и Поллуксомъ; наконецъ, она выбрала Пигмаліона и тайно сочеталась съ нимъ. Сотня весталокъ въ теченіе той же ночи также сочетались съ ихъ избранными въ зданіи, предназначенномъ для этой церемоніи. На слѣдующее утро тысяча вакханцевъ и вакханокъ собираются до разсвѣта; имъ сообщается списокъ союзовъ прошлой ночи, а затѣмъ списокъ раненыхъ, которые требуютъ помощи. Тамъ встрѣчаются имена Поллукса и Нарциса. Тогда вакханки, которыя думаютъ, что онѣ любезнѣе Поллуксу, направляются къ его жилищу, другія направляются къ Нарцису. Вакханцы такимъ же образомъ направляются къ интереснымъ раненымъ дѣвушкамъ, избраннымъ ими. Такимъ образомъ Поллуксъ будетъ разбуженъ вакханками, которыя съ миртовой вѣтвью въ рукѣ придутъ увѣдомить его, что онъ умеръ въ умѣ Галатеи. Онѣ примутъ первый ударъ, крики объ измѣнѣ и неблагодарности; и для утѣшенія Поллукса расточать свое краснорѣчіе и прелести [1]).

Фурье самъ предвидитъ тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ такого порядка, но отвѣчаетъ, что они имѣютъ значеніе только для цивилизованнаго строя, а не для высшаго гармоническаго порядка. Понятно, что подобной любовью не труднѣе пользоваться въ гармоническихъ цѣляхъ, чѣмъ страстью нѣкоторыхъ членовъ къ пирожкамъ, грушамъ или капустѣ.

И дѣйствительно Фурье не отступаетъ здѣсь ни передъ какими расчетами; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть исторію двадцатилѣтняго благодарнаго Валерія и восьмидесятилѣтней Уржели [2]) или 50-лѣтняго Креза и четырнадцатилѣтней Селимы, которыхъ связываетъ любовь къ анютинымъ глазкамъ.

То обстоятельство, что Фурье откладываетъ выполненіе теорій свободной любви на шестьдесятъ лѣтъ со дня введенія гармоническаго строя, нисколько не мѣняетъ ихъ сущности.

Идея воспользоваться человѣческими страстями для общественнаго служенія сама по себѣ не представляетъ ничего новаго; посредствомъ чиновъ и орденовъ возбуждается честолюбіе. Во время войны правительство нерѣдко обращается къ чувству патріотизма,

---

[1]) I, 175—176.
[2]) II, 158—160.

во время народныхъ бѣдствій — къ чувству состраданія. Разница только въ томъ, что Фурье хочетъ всегда и вездѣ пользоваться тѣмъ же средствомъ. Онъ совершенно игнорируетъ, что въ природѣ есть страсти, по самому существу своему, противообщественныя. Гнѣвъ, зависть, ненависть, жестокость не могутъ быть утилизированы въ общественныхъ цѣляхъ, по крайней мѣрѣ, въ нормальное время и единственнымъ противоядіемъ противъ нихъ остается страхъ. Никто не станетъ спорить, что если бы можно было побудить преступника обѣщаніемъ награды дѣлать добро вмѣсто зла, это было бы лучше, чѣмъ сдерживать его страхомъ наказанія. Но едва ли кто-нибудь, кромѣ Фурье, рѣшится предложить развивать всѣ страсти на томъ основаніи, что онѣ должны уравновѣшивать другъ друга. Такая система равновѣсія можетъ существовать только въ воображеніи теоретиковъ.

Князь Д. Цертелевъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Изслѣдованіе *Николая Чернавскаго.* Выпускъ первый. Оренбургъ. 1900. (Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. VII).

Настоящее сочиненіе написано къ столѣтнему юбилею оренбургской епархіи и, представляя обзоръ судьбы ея за этотъ періодъ, подводитъ итогъ ея дѣятельности за истекшее столѣтіе ея существованія. Имѣя крупное значеніе для исторіи края, трудъ г. Чернавскаго можетъ имѣть и общее значеніе въ смыслѣ уясненія вопроса, что сдѣлано русскими въ теченіе болѣе чѣмъ полуторовѣковаго владѣнія оренбургскимъ краемъ для ассимиляціи его жителей съ остальными русскими, какъ отразилось на инородцахъ, живущихъ въ этомъ краѣ, близкое сожительство съ русскими въ культурномъ отношеніи. Поэтому познакомиться съ трудомъ г. Чернавскаго будетъ не лишне не только для занимающихся собственно церковною исторіею Россіи, но и вообще для всякаго русскаго человѣка, интересующагося судьбами своего отечества, а также и исторической ролью его среди инородцевъ, особенно азіатскихъ. Въ этихъ видахъ и предлагается настоящая замѣтка.

Внѣшняя исторія оренбургской епархіи представляется въ слѣдующемъ видѣ: вся территорія нынѣшней оренбургской и уфимской епархіи съ самаго начала присоединенія ея къ русскому государству входила въ составъ казанской епархіи; въ 1764 г. часть ея съ гг. Уфой, Осой и Бирскомъ и всѣ заводскія села были присоединены къ вятской епархіи, къ которой были отчислены и нѣкоторыя села нынѣшней орен-

бургской епархіи. Насколько неудобно было подобное присоединеніе, видно изъ того. что нѣкоторыя села стали отстоять отъ епархіальнаго города на 1.000 в., между тѣмъ какъ отъ Казани они находились въ болѣе близкомъ разстояніи; въ виду этого въ 1791 г. эти уѣзды опять были отчислены къ казанской епархіи, пробывъ такимъ образомъ подъ властію вятскихъ епископовъ 27 лѣтъ. Все сибирское Зауралье, т.-е. нынѣшніе уѣзды Троицкій, Челябинскій и Верхнеуральскій были въ вѣдѣніи тобольскаго митрополита, уральскіе же казаки, за исключеніемъ Гурьева, входившаго въ составъ астраханской епархіи, были подчинены казанской епархіи до 1791 г.; въ этомъ же году и остальныя церкви уральцевъ были подчинены астраханскому епископу; но казаки, находя въ этомъ подчиненіи нарушеніе своей старины, воспротивились этому; указывая на неудобства путей сообщенія, они добились наконецъ того, что въ 1795 г. опять всѣ церкви казачества были возвращены въ вѣдѣніе казанской епархіи, въ предѣлахъ которой и находились до 1817 г.

Подчиненіе Оренбургскаго края разнымъ епархіальнымъ начальствамъ, излишняя переписка и путаница въ сношеніяхъ съ военногражданскимъ начальствомъ края по вопросамъ общаго характера, наконецъ обширность территоріи казанской и тобольской епархій и вслѣдствіе этого невозможность не только наблюденія за паствою изъ отдаленныхъ центровъ, но даже простого посѣщенія наиболѣе удаленныхъ уголковъ епархіи—все это уже давно, еще въ XVII вѣкѣ, приводило правительство къ мысли выдѣлить Оренбургскій край въ отдѣльную епархію; но только въ концѣ XVIII вѣка эта мысль была приведена въ исполненіе: 16-го октября 1799 г. проектъ объ оренбургской епархіи былъ подписанъ. Учрежденіе епархіи было очень важно для края. При большихъ разстояніяхъ, при плохихъ, а въ то время иногда и не безопасныхъ, путяхъ сообщенія уходило много времени на сообщеніе распоряженій начальства, чѣмъ отчасти парализовались добрыя намѣренія владыкъ, не говоря уже о бремени для приходскаго духовенства, которому необходимо было или по своимъ дѣламъ, или по обязанностямъ службы являться къ епархіальному архіерею. Съ учрежденіемъ оренбургско-уфимской епархіи разстоянія для приходовъ отъ резиденціи епархіальнаго архіерея уменьшились минимумъ на 250 в. Но гораздо важнѣе было то обстоятельство, что *свой* архіерей имѣлъ возможность узнать ближе интересы своей епархіи, вникнуть въ ея нужды и, какъ мѣстное начальство, указать и средства для ихъ удовлетворенія. Епархія была названа Оренбургско-Уфимской,

мѣстопребываніемъ для епископа былъ назначенъ г. Уфа въ виду того, главнымъ образомъ, что тамъ нашлось готовое помѣщеніе для него изъ оставшихся свободными зданій послѣ уничтоженія Уфимскаго намѣстничества. Границы новой епархіи подвергались неоднократнымъ измѣненіямъ: первоначально она вмѣщала нынѣшнія Оренбургскую и Уфимскую губерніи съ тремя уѣздами—Бугульминскимъ, Бугурусланскимъ и Бузулуцкимъ Самарской, съ территоріей около 320 т. квадр. в., въ длину и ширину на 1.000 в. и окружностью въ 5½ т. в. при 205 приходахъ. Въ 1817 г. была къ ней причислена область уральскихъ казаковъ съ 7 церквами, и территорія увеличилась еще на 62 т. квад. в. Въ 1851 г. Бугульминскій, Бугурусланскій и Бузулуцкій уѣзды, бывшіе въ Самарской губерніи, были отчислены къ самарской епархіи; пространства убавилось на 46 т. квадр. в., церквей уменьшилось на 175 изъ общаго числа 455. Но это сокращеніе было возмѣщено передачею въ вѣдѣніе оренбургско-уфимскаго епископа церквей и приходовъ въ отдаленныхъ степяхъ Тургайской и Уральской областей, благодаря чему епархія доходила до Аральскаго укрѣпленія (теперь Казалинскъ) и форта Александровскаго на Мангышлакскомъ полуостровѣ.

Тѣ же причины, которыя послужили къ образованію оренбургско-уфимской епархіи, вызвали въ 1859 г. отдѣленіе оренбургской епархіи отъ уфимской. Къ этому прибавились и другія: увеличеніе числа православныхъ жителей и церквей, благодаря колонизаціи, повлекло за собой и увеличеніе дѣлъ и переписки. Затѣмъ многочисленный инородческій и иновѣрческій элементъ превосходилъ численностію православное населеніе епархіи. Въ виду этого явилась мысль образовать новую епархію оренбургскую съ спеціальною миссіонерскою цѣлію. Помимо этихъ причинъ была еще совершенно посторонняя—это важность Оренбурга, какъ административно-военнаго центра въ краѣ. Казалось необходимымъ имѣть въ немъ вмѣстѣ съ начальникомъ края представителя и церковной власти, такъ какъ благодаря отсутствію архіерея значеніе Оренбурга умалялось сравнительно съ Уфой, хотя онъ превосходилъ ее и значеніемъ въ административномъ, торговомъ, промышленномъ отношеніи и даже по наружному виду. Въ виду всего вышеизложеннаго сначала рѣшено было открыть въ Оренбургѣ викаріатство, но затѣмъ, по мысли генералъ-губернатора Катенина, вмѣсто викаріатства учреждена была самостоятельная оренбургская епархія; къ ней отдѣлены были церкви оренбургскаго и уральскаго казачьяго войска, церкви въ Зауральской степи и Сыръ-Дарьинской области и

весь Оренбургскій уѣздъ; вѣдѣнію оренбургскаго же архіерея поручены были миссіонерскія дѣла между инородцами башкирскаго войска. Но это раздѣленіе было ненормальное: такъ какъ къ оренбурской епархіи были отчислены только казачьи поселенія, а крестьянскія села отошли къ Уфимской епархіи, то получилась черезполосица; чтобы проѣхать въ Челябинскъ или Троицкъ, уфимскому архіерею приходилось проѣзжать казачьими селами; въ иныхъ мѣстахъ крестьянскія села со всѣхъ сторонъ на далекое пространство были окружены казачьими поселеніями, такъ что наблюденіе за такими приходами поручалось благочиннымъ оренбургской епархіи; наконецъ казачьи станицы въ Челябинскѣ и Верхнеуральскѣ оказались въ уфимской епархіи, равно и всѣ инородцы башкирскаго войска. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ признано было необходимымъ, послѣ нѣкоторыхъ пререканій между мѣстными преосвященными и ихъ консисторіями, Челябинскій, Троицкій и Верхнеуральскій уѣзды цѣликомъ отчислить къ оренбургской епархіи, а миссіонерскія дѣйствія между башкирами предоставить вѣдѣнію того изъ епископовъ, въ чьей епархіи они находятся. Это было въ 1862 г., а въ 1865 г., при раздѣленіи Оренбургской губерніи на двѣ—Оренбургскую и Уфимскую—часть Троицкаго уѣзда отошла къ Уфимской губерніи; туда же были перечислены и приходы отошедшей части; въ 1872 г. отъ оренбургской епархіи отошли къ туркестанской епархіи 13 церквей въ областяхъ С.-Дарьинской, Самаркандской и Семирѣченской и 1 церковь въ Александровскомъ фортѣ въ вѣдѣніе главнаго священника арміи и флота, и въ 1881 г. 1 церковь въ Букѣевской ордѣ отошла къ астраханской епархіи. Съ тѣхъ поръ границы епархіи остаются неизмѣнными, заключая въ себѣ Оренбургскую губернію, землю Уральскаго войска и Тургайскую область съ пространствомъ въ 885 т. квадр. в., при чемъ около $^{2}/_{3}$ падаетъ на киргизскія степи и потому принадлежитъ къ составу епархіи фиктивно. Такова внѣшняя исторія края въ церковно-административномъ отношеніи.

Теперь отвѣтимъ на вопросъ: какъ выполнили русскіе свои задачи въ Оренбургскомъ краѣ? и какія были эти задачи? Задачи русскихъ опредѣляются прежде всего этнографическимъ и религіознымъ составомъ населенія. Въ этнографическомъ отношеніи Оренбургскій край, охватывавшій въ XVIII ст. нынѣшнія Уфимскую, Оренбурскую и Самарскую губерніи, южную часть Пермской и Казанской, земли Уральскаго войска, часть Тургайской и Уральской областей, представлялъ изъ себя крайне пеструю картину; тутъ жили разные азіатскіе народы: татары и

киргизы, башкиры, мещеряки, мордва, черемисы, чуваши, калмыки—всего, по приблизительному расчету Рычкова, свыше полумилліона, и русскихъ обоего пола около 200 т., т.-е. инородцы превышали русскихъ болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Въ виду многочисленности туземнаго населенія, иновѣрнаго и иноязычнаго, и малочисленности русскаго первою задачею правительства было усилить русскій элементъ, стянуть въ эту богатую мѣстность какъ можно больше русскихъ и „превозмочь", какъ выражался оренбургскій губернаторъ князь Путятинъ: „иновѣрцевъ и новокрещенъ, кои въ добромъ состояніи ненадежны..., населеніемъ великороссійскими людьми". И дѣйствительно, мы видимъ, что русскія поселенія въ здѣшнемъ краѣ появились еще въ XVI вѣкѣ, какъ, напримѣръ, Уфа; колонизація продолжалась въ XVII вѣкѣ, но особенно усиливается въ XVIII вѣкѣ съ присоединеніемъ Малой киргизской орды, направляясь въ юго-западную половину нынѣшней Самарской и Оренбургской губерніи; колонизація энергично велась въ XIX ст. и долго еще не прекратится. Какихъ же результатовъ достигли русскіе благодаря колонизаціи? Превозмогли ли они хотя бы численностію инородцевъ? По предварительнымъ свѣдѣніямъ послѣдней всеобщей переписи 1897 г., русскихъ въ Оренбургской епархіи было 1.400 т., татаръ 35 т., башкиръ 265 т., тептярей 25 т., киргизъ 840 т., калмыковъ-христіанъ 2.500 и язычниковъ 1 т., нагайбаковъ-христіанъ 12 т., мордвы 45 т., чувашей 8 т., нѣмцевъ 15 т. и евреевъ 2.300. Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что русскіе составляютъ съ небольшимъ половину общаго числа жителей губерніи. Итакъ со стороны колонизаціи сдѣлано русскими много; но еще достаточно предстоитъ работы въ этомъ же направленіи.

Но кромѣ населенія края русскимъ элементомъ нужно было тѣснѣе сблизить туземцевъ съ русскими при помощи религіи, и нѣкоторые народы, какъ, напримѣръ, калмыки, были весьма склонны къ принятію христіанства, и уже въ 1754 г., по официальнымъ дыннымъ, крещеныхъ калмыковъ было 8.695 душъ обоего пола. Гораздо труднѣе было имѣть дѣло съ магометанами вслѣдствіе ихъ фанатизма; но и тутъ поле дѣятельности въ нѣкоторыхъ случаяхъ было не засорено; такъ, напримѣръ, о киргизахъ Рычковъ сообщаетъ, что они хотя и магометанскаго закона, но держатся его слабо и мечетей у нихъ въ ордѣ нѣтъ. Еще легче было вести дѣло съ язычниками: чувашами, черемисами и мордвами, изъ которыхъ послѣдніе были уже на пути къ христіанству; по показанію Рычкова, они молятся Николаю Чудотворцу, и почти въ каждомъ мордовскомъ домѣ есть его икона; они подаютъ въ

церкви воскъ и свѣчи, чтобы ставить ихъ предъ иконой святителя. Въ виду массы языческаго населенія правительству слѣдовало обратить на него особенное вниманіе какъ на не сплотившееся еще и потому болѣе способное къ воспріятію чистыхъ истинъ христіанства, къ язычникамъ слѣдовало направить миссіонеровъ, чтобы предупредить между ними распространеніе магометанства, сильнаго своимъ вліяніемъ на чувственную сторону человѣка. Что же сдѣлало правительство въ этомъ отношеніи? Къ сожалѣнію, оченъ и очень не много. Если не считать новокрещенской конторы, дѣйствовавшей среди инородцевъ Казанскаго края, спеціальныхъ миссій въ Оренбургскомъ краѣ не было. Правда, послѣ закрытія новокрещенской конторы въ 1764 г., были учреждены три должности миссіонеровъ для казанской епархіи и двѣ для тобольской, но въ 1789 г. и ихъ дѣятельность была прекращена въ виду волненій инородцевъ, а затѣмъ и самая должность ихъ была упразднена. Въ концѣ 1853 г. учреждена была миссія для просвѣщенія язычниковъ чувашъ и тептярей Бирскаго уѣзда, но вслѣдствіе боязни инородческаго движенія, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ являлось крайне опаснымъ, дѣйствія ея въ маѣ 1854 г. были прекращены, и только въ 1893 г. была открыта формальная миссія для обращенія киргизъ Тургайской области, но существованіе ея настолько кратковременно, что судить о ея дѣятельности пока еще невозможно. Такимъ образомъ правильнаго, систематическаго воздѣйствія христіанъ на инородцевъ не было. И если сближеніе между русскими и инородцами отчасти и послѣдовало, то только вслѣдствіе частаго взаимнаго ихъ общенія, вслѣдствіе продолжительнаго ихъ совмѣстнаго сожительства, благодаря вліянію высшей культуры русскихъ. Присоединенія къ христіанству хотя начались еще въ XVI вѣкѣ, но вообще они являются случайными, единичными фактами. Если въ настоящее время и насчитывается въ епархіи 502 прихода, то увеличеніе это произошло не на инородческой почвѣ; вообще, можно сказать, много еще предстоитъ работы для претворенія инородцевъ въ русскихъ; до сихъ поръ сдѣлано въ этомъ направленіи очень мало, почти ничего.

Но если русскіе мало сдѣлали для распространенія среди инородцевъ христіанства, то много сдѣлали для утвержденія среди киргизъ магометанства. Во времена Екатерины II русское правительство съ усердіемъ занялось постройкой на ихъ земляхъ мечетей, которыхъ киргизы не имѣли, да, очевидно, и не нуждались въ нихъ; при мечетяхъ устроены были школы—и тѣ и другія часто на казенныя деньги; муллы для образованія киргизъ выписывались изъ Казани, и имъ по-

ложено было казенное жалованье. Самое мусульманство получило организацію чрезъ учрежденіе Мусульманскаго духовнаго собранія на подобіе нашихъ консисторій; учреждена была должность муфтія, который объединилъ все мусульманство. Такимъ образомъ, магометанство, долженствовавшее, по предположенію правительства, быть переходнымъ мостомъ къ православію, сдѣлалось, по справедливому выраженію автора, китайскою стѣною между киргизами и русскими.

Обращаясь за тѣмъ къ выполненію г. Чернавскимъ работы, считаемъ необходимымъ отмѣтить слѣдующіе недочеты: нѣкоторыя свѣдѣнія, по нашему мнѣнію, не имѣютъ прямого отношенія къ трактуемому предмету и потому безъ всякаго ущерба для дѣла могли бы быть опущены; таковъ, напримѣръ, поверхностный очеркъ покоренія Руси татарами и зависимости русскихъ отъ татаръ (28—31 стр.), ничего новаго не вносящій въ наши познанія; свѣдѣнія объ административныхъ перемѣнахъ въ прежнемъ Оренбургскомъ краѣ тоже излишни (77—93 стр.) и во всякомъ случаѣ могли бы быть значительно сокращены; въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе имѣютъ къ дѣлу свѣдѣнія о времени учрежденія въ Оренбургѣ казенной палаты, палаты уголовнаго и гражданскаго суда, губернскаго правленія и другихъ административныхъ центровъ, свѣдѣнія объ упраздненіи башкирскаго управленія, уничтоженіи башкирскаго войска и т. п. Излишни свѣдѣнія о поволжской миссіи въ XVIII вѣкѣ (109 — 122 стр.), и самъ авторъ сознается, что казанская миссія мало имѣла значенія для Оренбургскаго края, не проявляя въ немъ своей дѣятельности, какъ за отдаленностію ея отъ края, такъ и по множеству своихъ дѣлъ, а частью потому, что большая часть собственно Оренбургскаго края во время дѣйствія миссіи еще только стала заселяться русскими. Единственно за что слѣдуетъ упомянуть о ней—это за то, что благодаря ей приняли христіанство переселившіеся впослѣдствіи въ Оренбургскій край инородцы—мордва, чуваши и нагайбаки. Затѣмъ отмѣтимъ нѣкоторую безсистемность въ изложеніи; такъ очеркъ важнѣйшихъ учрежденій въ Оренбургской епархіи вставленъ не „кстати“ въ исторію раздѣленія епархій, чѣмъ прерывается историческій разсказъ; не умѣстна, да, пожалуй, и излишня вставка о Пугачевѣ (65 стр.), о дѣйствіяхъ правительства относительно развитія среди киргизъ мусульманства (85, 122—127 стр.) и о монастыряхъ (195—197 стр.). Нельзя, конечно, считать достоинствомъ книги и встрѣчающіяся повторенія; такъ, напримѣръ, о перенесеніи Зеланрской крѣпости и переименованіи ея въ Обручевскій поселокъ (61 и 246 стр.), о перечисленіи с. Покровки

къ уфимской епархіи (246, 247 стр.), объ образованіи владимирской епархіи (184, 190), объ отдѣленіи Сакмарской станицы отъ Уральской области къ Оренбургской губерніи (63, 174, 247) и др. Попадаются и фактическія ошибки; напримѣръ, Нагайбацкая крѣпость была не въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, а въ Мензелинскомъ; Югра и Угра считаются за два отдѣльныхъ народа (24 стр.). Есть примѣчанія излишнія—таковы, напримѣръ, объясненія названій Оренбурга и Ставрополя (47, 138 стр.), другія не совсѣмъ точны, таково, напримѣръ, 2 пр. на 72 стр., иныя неумѣстны, какъ, напримѣръ, 2 пр. на 198 стр. Къ книгѣ приложены портреты Неплюева и Рычкова, и тотъ и другой для края имѣли большое значеніе, одинъ какъ устроитель, а другой какъ историкъ. Но было бы желательнѣе видѣть портреты хотя бы первыхъ епископовъ. Объ отсутствіи карты, предполагавшейся къ помѣщенію, приходится только пожалѣть. Къ изслѣдованію сдѣлано 8 приложеній, изъ нихъ 5 и 6-е (таблица расходовъ прибыли свѣчного завода и программа испытаній на разныя степени священства) могли бы быть опущены; заканчивается трудъ г. Чернавскаго рѣчью, сказанною имъ на актѣ 16-го октября 1899 г. и представлящею изъ себя краткое резюме разбираемой книги съ нѣкоторыми, впрочемъ, добавленіями; такъ, напримѣръ, въ ней даны краткія характеристики уфимскихъ и оренбургскихъ іерарховъ, сообщаются свѣдѣнія о Тургайской миссіи и о развитіи церковно-приходскихъ школъ.

Положительная сторона изслѣдованія г. Чернавскаго заключается въ томъ, что онъ далъ намъ первый полный очеркъ колонизаціи края, доводившійся прежними изслѣдователями до XIX вѣка, почти до нашихъ дней. Что касается до епархіальнаго управленія, то авторъ далъ хотя краткій его очеркъ только за періодъ оренбургскій (уфимскій же изложенъ слишкомъ поверхностно), но разработанный по документальнымъ, архивнымъ источникамъ, и въ этомъ отношеніи его трудъ является первымъ и единственнымъ.

Закончимъ свою замѣтку тѣмъ же, чѣмъ закончилъ свою книгу почтенный авторъ: „пожеланіемъ оренбургской епархіи дальнѣйшаго процвѣтанія въ ея многообразной дѣятельности, имѣющей не только церковное, но и государственное значеніе,—особенно на высокомъ поприщѣ пріобщенія къ христіанской культурѣ и гуманитарной гражданственности инородческихъ элементовъ"; а автору пожелаемъ довести свой трудъ, обѣщающій быть капитальнымъ и интереснымъ, до конца; пожелаемъ, чтобы въ дальнѣйшихъ его выпускахъ детально

были разработаны тѣ стороны дѣятельности духовной администраціи, краткій очеркъ или какъ бы программа которыхъ намѣчена въ настоящей книгѣ.

Ив. Тихомировъ.

Новое жизнеописаніе Оливера Кромвеля. Историческая монографія *Джона Морлея*. Съ англійскаго. Съ многочисленными иллюстраціями. Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы". С.-Петербургъ. 1901. Цѣна 1 руб. 50 коп. 230+II стр.

Извѣстный англійскій историкъ и политическій дѣятель, нѣсколько трудовъ котораго уже давно переведено на русскій языкъ, нѣсколько времени тому назадъ обогатилъ разросшуюся въ послѣднее время литературу о Кромвелѣ новой монографіей, посвященной жизни и дѣятельности Великаго Протектора. Этотъ трудъ немедленно послѣ появленія нашелъ себѣ справедливую оцѣнку въ спеціальной печати какъ англійской, такъ иностранной; всѣ указывали на его важность, на объективность, на спокойное обсужденіе столь больныхъ пунктовъ англійской исторіи, на то, что онъ одинаково далекъ какъ отъ восторженности Карлейля, такъ и отъ тенденціозности Кларендона, наконецъ, на то, что онъ является доказательствомъ того, что время страстнаго отношенія къ героямъ англійской революціи замѣнилось порой спокойнаго и объективнаго ея изученія. Все это характеризуетъ историческіе труды Морлея вообще, и данная книга его въ нашей дальнѣйшей оцѣнкѣ не нуждается.

Русскій переводъ выпущенъ редакціей „Новаго Журнала Иностранной Литературы" въ весьма непродолжительномъ времени послѣ появленія въ свѣтъ оригинала. За это, конечно, слѣдуетъ быть ей признательнымъ, равно какъ и за сохраненіе многочисленныхъ интереснѣйшихъ иллюстрацій, представляющихъ портреты дѣятелей по картинамъ англійскихъ художниковъ, снимки съ современныхъ событіямъ гравюръ, виды мѣстностей и изображенія событій также по извѣстнымъ произведеніямъ англійской живописи и т. п. Къ сожалѣнію, желаніе поскорѣе дать въ руки русскаго читателя трудъ Морлея повлекло за собой спѣшность перевода; по крайней мѣрѣ я только такимъ образомъ могу объяснить обиліе неточностей и излишнюю вольность его. Для примѣра возьму характеристику Кромвеля изъ разбираемаго перевода и параллельно къ нему приведу то же мѣсто въ переводѣ, болѣе близкомъ къ оригиналу (стр. 8—10):

„Руководителемъ движенія, въ глазахъ друзей и враговъ, Кромвель сдѣлался не ранѣе 1645 г. Къ этому времени онъ сталъ кумиромъ для солдатъ—проповѣдывалъ имъ и молился вмѣстѣ съ ними, шутилъ и игралъ въ снѣжки. Будучи бравымъ, энергичнымъ, веселымъ солдатомъ, во время битвы онъ превращался въ непобѣдимаго полководца. Въ парламентѣ его знали какъ горячаго, толковаго и настойчиваго, хотя весьма лаконичнаго оратора. Парламентская партія вполнѣ ему довѣряла, зная, что онъ не выдастъ ни при какомъ испытаніи. Однимъ словомъ, будучи прекраснымъ полководцемъ, Кромвель являлся въ то же время идеальнымъ вождемъ партіи. Храбрый, но сдержанный; медлительный, но твердый, запальчивый въ битвѣ, какъ и въ политикѣ, но умѣющій во-время натянуть мундштукъ, онъ какъ разъ былъ созданъ для того, чтобы стать во главѣ революціи, тѣмъ болѣе, что обладалъ горячимъ сердцемъ и высоко развитой совѣстью“.

„Лишь съ 1645 г. Кромвель началъ ясно выдвигаться въ народномъ представленіи и у друзей, и у враговъ. Онъ былъ кумиромъ войска, онъ молился и проповѣдывалъ среди солдатъ, неуклюже подшучивалъ надъ ними, не гнушался состязаться съ ними въ игрѣ въ снѣжки. Онъ былъ проворный, энергичный, опытный солдатъ; онъ же былъ и непобѣдимый командиръ. Въ парламентѣ онъ показалъ себя толковымъ въ дебатахъ; святые поняли, что онъ—ихъ человѣкъ, и они могли быть увѣрены, что онъ будетъ стоять за нихъ, когда наступитъ день испытанія. Хорошій командиръ на конѣ, по словамъ спеціалистовъ, бываетъ рѣдко хорошимъ главнокомандующимъ—у него недостаетъ рѣдкаго сочетанія благоразумія съ горячностью. Какимъ Кромвель былъ въ полѣ битвы, такимъ же онъ былъ и въ совѣтѣ—смѣлымъ, но осторожнымъ; онъ медленно брался за оружіе, но былъ скоръ въ нанесеніи удара, былъ стремителенъ въ нападеніи, но зналъ, когда слѣдуетъ натянуть поводья. Эти рѣдкія сочетанія были неоцѣненны, и даже слишкомъ горячій и безразсудный революціонеръ не пожалѣлъ бы, что нашелъ въ немъ вождя болѣе хладнокровнаго, чѣмъ онъ самъ. Сверхъ всего и важнѣе всего—онъ обладалъ сердцемъ и совѣстью“.

Въ этомъ родѣ сдѣланъ весь переводъ, при чемъ наиболѣе трудныя мѣста (а ихъ у Морлея достаточно) и переведены менѣе точно и даже вѣрно. Впрочемъ, общій смыслъ почти всегда схваченъ и нами не замѣчены мѣста, которыя бы прямо вели къ недоразумѣніямъ по существу.

Б. Т.

9. Вольтеръ. Литовская хрестоматія. Выпускъ I. С.-Петербургъ. 1901.

Приватъ-доцентъ Э. А. Вольтеръ задался прекрасной мыслью составить историческую хрестоматію балтійскихъ языковъ, въ которой давно уже чувствовался недостатокъ при университетскомъ преподаваніи литовской филологіи. Въ переизданіи старо-литовскихъ текстовъ чувствуется такая живая потребность, что мы должны быть благодарны за всякое предпріятіе этого рода. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Вольтеръ познакомилъ насъ съ цѣлымъ рядомъ важныхъ текстовъ, которые безъ его хрестоматіи были бы все еще не доступны ученой публикѣ, и съ этой точки зрѣнія мы искренно привѣтствуемъ его изданіе. Мнѣ представляется только, что при составленіи подобнаго рода хрестоматіи надо держаться болѣе строго опредѣленной системы. Дѣйствительно, если составитель хотѣлъ познакомить насъ съ еще не переизданными текстами, т.-е. преслѣдовалъ чисто ученую цѣль, то къ чему было перепечатывать катехизисъ 1546 года, который уже въ 1874 году сталъ извѣстенъ ученому міру въ распространенномъ изданіи А. Бецценбергера „Litauische und Lettische Drucke" (I). Съ другой стороны, если хрестоматія предназначена для учебныхъ цѣлей, то, мнѣ кажется, никакъ не слѣдовало миновать изданіе Ширвидовскихъ проповѣдей 1629 года, хотя оно и переиздано Гарбе въ 1885 году. Вслѣдствіе этого историческая часть хрестоматіи производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто составитель ея просто собралъ воедино весь тотъ болѣе или менѣе случайный матеріалъ, который составился у него во время его многочисленныхъ ученыхъ экскурсій и поѣздокъ въ Литву. Предисловіе гласитъ слишкомъ кратко и неясно только о томъ, что въ I выпускѣ Литовской Хрестоматіи составитель намѣревался „дать обзоръ литовской письменности, старо-прусской и отчасти старо-латышской 16 — 18 вѣка въ образцахъ и отрывкахъ. Въ концѣ книги прибавлены матеріалы для изученія современной литературы и діалектологіи Литвы". Этой цѣли, думается мнѣ, книга не достигаетъ.

Поражаетъ, прежде всего, полное отсутствіе какихъ-нибудь историко-литературныхъ или библіографическихъ примѣчаній: за исключеніемъ двухъ—трехъ ссылокъ на источники, авторъ не даетъ ровно никакихъ свѣдѣній ни о жизни автора, ни о другихъ его сочиненіяхъ, изданіяхъ и перепечаткахъ. Ходъ литовской литературы совсѣмъ не выясняется изъ тѣхъ образцовъ, которые приводитъ г. Вольтеръ. Разсмотримъ его поподробнѣе.

Въ началѣ хрестоматіи помѣщены три коротенькіе отрывка изъ прусскихъ катехизисовъ. Эти отрывки могутъ быть интересны только для начинающаго, еще совсѣмъ не знакомаго съ литовской библіографіей, такъ какъ спеціалисты легко могутъ познакомиться со всѣми тремя памятниками этого языка по изданію Уленбека (1889 г.). Но для начинающихъ необходимо было бы сообщить время изданія этихъ катехизисовъ (1545 — 1561), очень не мѣшало бы прибавить и кое-какія, хотя бы самыя краткія библіографическія свѣдѣнія о томъ, что сдѣлано для изученія древне-прусскаго языка: напримѣръ, о руководствѣ Бернекера, словарѣ Нессельмана, работахъ Фортунатова и т. д. Далѣе идетъ литовская часть. Во главѣ ея стоитъ значительный отрывокъ изъ литовскаго катехизиса 1547 года, что опять-таки можетъ объясняться только педагогическими цѣлями. То же слѣдуетъ сказать о слѣдующемъ отрывкѣ, такъ называемой „Forma chrikstima" отъ 1559 года. Пропустивъ катехизисъ 1579 и „Giesmes Duchaunas" 1589 года, г. Вольтеръ переходитъ въ Постиллѣ Бреткуна 1591 года. Обширный отрывокъ, приведенный имъ, представляетъ цѣнный вкладъ въ науку, такъ какъ до сихъ поръ, если я не ошибаюсь, сочиненія и переводы Бреткуна все еще ждутъ перепечатки. Ими воспользовался въ широкой мѣрѣ А. Бецценбергеръ въ своихъ извѣстныхъ „Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache" (1877). Въ этой же книгѣ собраны свѣдѣнія о личности автора. У г. Вольтера на это не пожертвовано ни одной строчки; онъ умалчиваетъ и о Даукшѣ, отрывокъ изъ постиллы котораго помѣщенъ далѣе (стр. 27—58) и также имѣетъ большую цѣнность. За то катехизису Даукши оказано полное пренебреженіе: изданію 1595 г., которое перепечатано самимъ же Э. А. Вольтеромъ, посвящено всего съ полъ-страницы; страницу съ небольшимъ занимаетъ отрывокъ изъ катехизиса 1605 года, взятый изъ изданія Яна Быстроня, о чемъ студентамъ не мѣшало бы сообщить, чтобы они знали, гдѣ можно познакомиться съ этимъ цѣннымъ памятникомъ въ его цѣломъ видѣ. Совсѣмъ для меня непонятно отношеніе составителя къ Ширвиду; небольшой отрывочекъ изъ проповѣдей 1644 года не достаточно характеренъ ни по языку, ни по содержанію, а между тѣмъ въ обоихъ отношеніяхъ этотъ писатель чрезвычайно интересенъ. И почему г. Вольтеръ предпочелъ проповѣди 1644 года изданію 1629 года? Далѣе, подъ 1638 году было бы очень полезно перепечатать коротенькое „Carmen litvanicum", затерянное въ брошюрѣ Мавр. Станкевича: „Bibliografia litewska отъ 1547 до 1701 г." (1889, стр. 41). Пере-

хожу къ значительнымъ отрывкамъ изъ Кейданскихъ богослужебныхъ книгъ 1658 года: здѣсь, говоря о Псалтырѣ, г. Вольтеръ не прибавилъ, что есть переизданіе его 1863—1877 гг., въ Митавѣ, а это очень важно для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ памятникомъ. За то даны библіографическія свѣдѣнія о духовныхъ пѣсняхъ Клейна (1666 г.), изъ которыхъ и въ хрестоматіи помѣщенъ большой образчикъ.

Нельзя не привѣтствовать мысль составителя дать и свѣтскіе памятники старо-литовской письменности, изъ которыхъ въ хрестоматіи мы находимъ двѣ грамоты 1578 и 1724 года, опять-таки безъ указанія на источникъ, и Жмудскій переводъ буллы Урбана VIII, 1689 года.

Стр. 106—152 посвящены старо-латышской письменности. Главное мѣсто отведено, какъ этого и слѣдовало ожидать, Манцелю, хотя и здѣсь, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ библіографическихъ указаній. Ссылка на работу П. П. Шмидта о языкѣ Манцеля была бы весьма пригодна для всякаго спеціалиста, тѣмъ болѣе, что она скрыта въ мало распространенномъ журналѣ: „Живая Старина". Далѣе, кажется, цѣликомъ помѣщена народная книжка о разрушеніи Іерусалима 1644 года; за ней — отрывки изъ сочиненій Эльгера и т. д. Нельзя не поблагодарить составителя за его мысль дать образцы изъ инфлянтскихъ евангелій 1753 года.

Послѣдній отдѣлъ книги (стр. 152—248), вторая часть котораго названа авторомъ не вполнѣ правильно приложеніемъ, посвященъ литовскому языку начала 19 вѣка, современной литературѣ и діалектамъ. Латышскому языку такого вниманія г. Вольтеръ не удѣлилъ.

По моему мнѣнію, этотъ отдѣлъ наименѣе удаченъ: конечно, составленіе его требовало и большаго труда, потому что приходилось выбирать немногое изъ многаго; но тутъ и сказалось отсутствіе какой-либо руководящей идеи. Составитель такъ хорошо знакомъ съ современной литовской литературой, что могъ бы привести въ качествѣ ея образца что-нибудь болѣе типичное, нежели крошечный отрывокъ изъ „Anikšču šilelys" епископа Барановскаго, написаннаго къ тому же въ 1858—1859 гг. Любой календарь, номеръ газеты доставилъ бы гораздо болѣе характерный и поучительный матеріалъ: было бы интересно показать, какъ укладываются въ рамки простого литовскаго языка новыя идеи, какъ силенъ здѣсь элементъ польскій, русскій, нѣмецкій. Что касается діалектовъ, то невольно является вопросъ, почему составитель совсѣмъ не воспользовался обширнымъ

собраннымъ теперь матеріаломъ, чтобы помѣстить представителей различныхъ жмудскихъ и литовскихъ діалектовъ. Въ его хрестоматію попали образцы трехъ—четырехъ мало типичныхъ говоровъ. „Budas Senowes“ Довконта послужилъ бы прекраснымъ образчикомъ извѣстной группы жмудскихъ діалектовъ и былъ бы интереснѣе его же исторіи.

Заканчивая эту замѣтку, я резюмирую все вышесказанное: литовская хрестоматія Э. А. Вольтера представляетъ пособіе очень полезное и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ незамѣнимое, но она значительно выиграла бы, если бы ея составитель при выборѣ матеріала имѣлъ въ виду какую-нибудь систему, поменьше руководился бы случаемъ въ подборѣ текстовъ. Что касается діалектическаго матеріала, то этотъ отдѣлъ можетъ быть пригоденъ только для людей, которымъ впервые нужно показать отличіе литературнаго языка отъ говоровъ.

А. Погодинъ.

I. Bernstein. Katalog dzieł treści przysłowiowej składających bibljotekę Ignacego Bernsteina. Tom pierwszy, drugi i dodatek., Warszawa. MDCCCC. Стр. XX.—560+650.

Въ числѣ изданныхъ за прошлый годъ въ гор. Варшавѣ книгъ два огромныхъ „Каталога книгъ о пословицахъ“, изданныхъ г. Игнатіемъ Бернштейномъ, занимаютъ первое мѣсто по роскоши изданія и цѣнны по содержанію.

Благодаря большимъ матеріальнымъ средствамъ, г. Бернштейнъ, въ теченіе 35 лѣтъ, съ энергіею страстнаго любителя, собиралъ всевозможные печатные и рукописные матеріалы, трактующіе или заключающіе въ себѣ заинтересовавшій его видъ народнаго этическаго творчества. Такъ составилась у него рѣдкая и, надо полагать, единственная по подбору книгъ и манускриптовъ библіотека, достигшая до 4761 названія.

Далекій отъ мысли, что имъ собрано все, относящееся къ пословицамъ, онъ приступилъ къ изданію каталога своей спеціальной библіотеки въ надеждѣ, что такая книга принесетъ большія услуги всѣмъ занимающимся фольклористикою. Г. Бернштейнъ понимаетъ довольно широко терминъ „пословица“. Въ „предисловіи“ къ I тому „Каталога“, написанномъ на французскомъ и польскомъ языкахъ, онъ, между прочимъ, говоритъ: „долженъ замѣтить, что рядомъ съ собра-

ніемъ по преимуществу пословицъ въ мою библіотеку вошли апофегмы и изреченія, которыми изобилуютъ старыя литературы—еврейская, греческая, латинская и иныя. Нѣтъ сомнѣнія, что, напримѣръ, „Przypowiesci Solomona", „Sentencje siedmin medrców greckich", „Dystychy Katona" не пословицы; однако извѣстно, что многія изъ нихъ вошли въ употребленіе у множества народовъ наравнѣ съ заправскими пословицами. На основаніи сказаннаго и онѣ нашли мѣсто въ моей библіотекѣ". Кромѣ того, во многихъ книгахъ, посвященныхъ пословицамъ, находятся рядомъ и другіе предметы изъ области народовѣдѣнія, какъ-то: пѣсни, загадки и т. п. Въ силу сказаннаго „Каталогъ" г. Бернштейна даетъ много очень интересныхъ указаній, описывая иногда книги рѣдкія.

Хотя авторъ „Каталога" только дилетантъ въ области библіографіи. однако онъ приступилъ къ дѣлу съ тщательно обдуманнымъ планомъ.

При составленіи каталога „пословицъ", авторъ натолкнулся прежде всего на вопросъ, какой системы держаться при перечисленіи книгъ о пословицахъ. Изъ трехъ системъ (по языкамъ, хронологической и алфавитной) онъ избралъ алфавитную по именамъ авторовъ, безъ различія языковъ, на которыхъ написаны книги. Сочиненія анонимныя обозначались главнымъ словомъ заглавія. При именахъ двухъ-трехъ составителей книги, г. Бернштейнъ называлъ каждаго подъ соотвѣтственной буквой его фамиліи, но полное заглавіе самой книги писалъ только при фамиліи перваго автора. Называя подъ опредѣленными буквами псевдонимы, криптонимы и анаграммы, онъ въ то же время называетъ дѣйствительную фамилію автора, повторяя ее въ своемъ мѣстѣ алфавитнаго порядка. Различныя изданія одной и той же книги располагаются имъ въ хронологическомъ порядкѣ. Считая главнымъ достоинствомъ каждаго каталога, какъ дѣла библіографическаго, точное описаніе названій (заглавій) книгъ, онъ въ изданіяхъ до 1700 г. буквально списываетъ ихъ заглавія, выдерживая буквы и знаки оригинала; только въ изданіяхъ послѣ 1700 года онъ допускаетъ въ этомъ отношеніи кое-какія сокращенія, очень, впрочемъ, незначительныя.

Не подвергая подробному разбору перечисляемыя въ каталогѣ книги, онъ указываетъ количество пословицъ, страницы, ими занимаемыя, означая, приведены ли онѣ въ оригиналѣ или переводѣ. Отмѣчая значеніе многихъ книгъ, онъ иногда разсказываетъ интересную исторію пріобрѣтенія той или другой библіографической рѣдкости.

Означая каждую описываемую книгу номеромъ по порядку, онъ съ другой стороны страницы, внизу описанія, въ скобкахъ помѣщаетъ номеръ инвентарный, подъ какимъ книга находится въ его библіотекѣ. Подъ номеромъ рукописи стоятъ буквы ms. Всѣ фамиліи авторовъ и названія книгъ напечатаны азбукою латинскою; авторъ „Каталога“ не скрываетъ многихъ затрудненій, которыя встрѣтились ему при транскрипціи именъ иностранныхъ. Не мало затрудняло автора и опредѣленіе формата книги; въ этомъ отношеніи онъ не могъ слѣдовать пріему Штирлинга, который измѣрялъ каждую описываемую книгу: такой способъ показался слишкомъ педантичнымъ и кропотливымъ.

При составленіи своего описанія, авторъ, гдѣ тому была возможность, ссылался на библіографическія работы своихъ предшественниковъ, а именно: инкунабулы цитовалъ по книгѣ *Hain'a* „Repertorium bibliographicum“ (2 vol., Stuttgart 1826—1831), различныя изданія Эразма по „Bibliotheca Erasmiana“ (Gand 1897 г.); много ссылокъ на сочиненія Duplessis'a (Bibliographie parémiologique. Paris 1847) и Stirling'a (An Essay towards a Collection of Books relating to Proverbs, Emblems, Apophthegms, Epitaphs. London, 1860); при перечисленіи книгъ на итальянскомъ языкѣ пособіемъ служила книга Pitrè „Bibliografia delle Tradizioni popolari d'Italia“ (Torino-Palermo. 1894); псевдонимы раскрыты при помощи книги Weller'a „Lexicon Pseudonymorum“ (2 Aufl. Regensburg, 1886).

Такъ какъ каталогъ г. Бернштейна печатался въ теченіе трехъ лѣтъ, и за это время имъ пріобрѣтено много новыхъ книгъ и рукописей, то явилась необходимость въ „Дополненіи“, напечатанномъ при II томѣ. Въ концѣ каталога (II ч.) помѣщенъ имѣющій статистическій интересъ списокъ книгъ по различнымъ языкамъ; списокъ рукописей помѣщенъ особо.

Просмотрѣть огромные томы „Каталога“ будетъ интересно каждому любителю книгъ, потому что помимо подробнаго указанія на содержаніе книги тамъ находятся снимки въ настоящую величину или въ уменьшенномъ видѣ съ заглавныхъ листовъ очень рѣдкихъ книгъ, снимки съ оригинальныхъ заглавій, напечатанные цвѣтомъ подлинника, а во II томѣ между страницами 368 и 369 помѣщенъ листъ, съ точнымъ воспроизведеніемъ красками, заключающій 6 картинокъ изъ рѣдкаго альбома Visscher'a съ пословицами.

Какъ страстный любитель, г. Бернштейнъ вноситъ въ свой каталогъ иногда ничего незначащія книги: сюда мы относимъ сборники

диктантовъ, букварм, книги или хрестоматіи для чтенія и т. п. Конечно, въ этихъ книгахъ разбросано много пословицъ, но вѣдь авторы упомянутыхъ книгъ не самостоятельно собирали эти пословицы, а черпали ихъ изъ книги Даля и другихъ оригиналовъ. Сюда же мы отнесли бы и всякаго рода календари. Мы боимся, что г. Бернштейнъ никогда не исчерпаетъ своего каталога, разъ онъ вступилъ въ безбрежное море однихъ русскихъ хрестоматій и книгъ для чтенія. Вѣдь, въ его каталогѣ не названо и сотой доли книгъ подобнаго сорта. Между тѣмъ, для изучающаго пословицы книги подобнаго рода не дадутъ ничего, точно такъ же какъ учебники русской литературы. Сверхъ того, слѣдовало бы быть щедрѣе при описаніи рукописей. Въ его библіотекѣ 70 номеровъ рукописей, иногда очень древнихъ. При описаніи нѣкоторыхъ онъ указываетъ, печаталось ли что-либо изъ той или другой рукописи, или она вся напечатана. Но при описаніи многихъ интересныхъ рукописей такихъ замѣчаній нѣтъ. Между тѣмъ подробное указаніе такого характера опредѣляетъ цѣну рукописи.

Повторяемъ, каталогъ г. Бернштейна—явленіе незаурядное въ литературѣ библіографической по своимъ знѣшнимъ и внутреннимъ достоинствамъ. Не знаемъ, будетъ ли онъ пущенъ въ продажу: его напечатано 378 экземпляровъ, при чемъ 25 на обыкновенной японской бумагѣ, а 3 экземпляра (въ одной книгѣ оба тома) на очень тонкой японской бумагѣ.

С. Брайловскій.

Юбилейный Сборникъ въ честь Всеволода Ѳеодоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями, подъ редакціей *Н. А. Янчука.* М. 1900 г. Цѣна 3 рубля.

Сборникъ этотъ очень богатъ и разнообразенъ по содержанію: сюда вошли статьи и по языкознанію, и по востоковѣдѣнію, и по этнографіи, и по древней письменности, и по народной словесности,—словомъ, по всѣмъ тѣмъ отраслямъ научнаго знанія, которыми интересовался и интересуется уважаемый юбиляръ.

Мы отмѣтимъ работы, касающіяся языкознанія, древне-русской письменности и народной словесности.

А. А. Шахматовъ. Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники (стр. 1—9).

Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ, дошедшій до насъ—въ позднѣйшей передѣлкѣ и съ позднѣйшими добавленіями — въ Сино-

дальномъ спискѣ Новгородской 1-ой лѣтописи,—стоитъ, какъ извѣстно, совершенно независимо отъ „Повѣсти врем. лѣтъ". Его независимость доказывается не только самостоятельной хронологіей, но и самостоятельностью въ пользованіи нѣкоторыми источниками, напримѣръ, для разсказа о событіяхъ 854 и 920 годовъ.

Вопросъ, откуда заимствованы въ Начальный сводъ эти разсказы о греко-русскихъ событіяхъ, привелъ нашего изслѣдователя къ цѣлому ряду чрезвычайно цѣнныхъ научныхъ наблюденій.

Оказывается, что въ литературной исторіи Начальнаго свода слѣдуетъ различать двѣ редакціи: первую и вторую.—Въ первой редакціи, составленной не безъ вліянія памятниковъ греческой переводной литературы (между прочимъ изъ какой-то, появившейся у насъ не позже XI вѣка, энциклопедіи отчасти библейскаго, а отчасти апокрифическаго содержанія заимствованы были—рѣчь философа князю Владиміру, а также разсказъ о столпотвореніи и разсѣяніи языковъ),—не было разсказовъ о неудачныхъ походахъ руссовъ въ 854 и 920 гг., и древнѣйшія событія нашей исторіи излагались безъ соотвѣтствующихъ хронологическихъ датъ; составитель второй редакціи воспользовался сокращеннымъ изводомъ такъ называемаго Еллинскаго лѣтописца (прототипъ тѣхъ хронографическихъ компиляцій, какія мы имѣемъ въ рукописи Троицко-Сергіевой лавры № 728 и Ундольскаго № 1) и заимствовалъ отсюда повѣствованія о столпотвореніи Вавилонскомъ и о несчастныхъ походахъ нашихъ предковъ, установивъ въ связи съ этимъ хронологію отдаленнѣйшихъ русскихъ событій.

Эта самая вторая редакція Начальнаго свода легла въ основу первой редакціи „Повѣсти временныхъ лѣтъ", составленной въ 1116 г. игуменомъ Сильвестромъ.

В. К. Поржезинскій. Нѣсколько страницъ изъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія. (*Стр. 30—44*).

Авторъ статьи, скромно названной „замѣткой", предлагаетъ краткій историческій очеркъ попытокъ разрѣшенія нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, касающихся индо-европейскаго языка: происхожденія его, взаимныхъ отношеній между отдѣльными представителями этой языковой группы, мѣстоположенія прародины индо-европейскаго племени и пр. (Фр. Боппъ, Авг. Шлейхеръ, Іог. Шмидтъ, новограмматики, Тэйлоръ, Гиртъ и др.).

М. Н. Сперанскій. Одно изъ примѣненій закона переживанія старины въ исторіи русской литературы. (*Стр. 45—8*).

Законъ переживанія старины, играющій видную роль какъ при

изученіи историческаго процесса, такъ и литературнаго, представляетъ большой методологическій интересъ и въ дѣлѣ изученія исторіи литературы.

Особенно важно примѣненіе этого закона въ тѣхъ областяхъ нашего литературнаго прошлаго, гдѣ область литературы соприкасается съ областью этнографіи, гдѣ приходится опредѣлять взаимныя отношенія между литературнымъ памятникомъ и бытовыми данными, которыя то объясняютъ словесный памятникъ, то сами объясняются его содержаніемъ и составомъ.

Для иллюстраціи проф. Сперанскій беретъ памятники близко знакомой ему апокрифической литературы, подраздѣляемые имъ на двѣ группы: первую составляютъ апокрифы историческаго, повѣствовательнаго характера, а вторую, такъ сказать, — житейскаго, бытового.

Если для изученія памятниковъ первой группы мы ищемъ матеріаловъ преимущественно въ широкой области литературнаго общенія народовъ, то для второй мы ихъ найдемъ скорѣе всего въ безграничной области сравнительной этнологіи, описательной этнографіи.

Такимъ образомъ, законъ переживанія старины находитъ болѣе широкое примѣненіе въ изслѣдованіи памятниковъ второй категоріи, чѣмъ первой.

Е. Ф. Будде. Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по велико-русской діалектологіи. (Стр. 49—54).

Московскій говоръ носитъ на себѣ отпечатокъ своей исторической судьбы, сдѣлавшей его нарѣчіемъ литературно-образованнаго общества: на ряду съ древними элементами, куда слѣдуетъ отнести, между прочимъ, звуки „г“ и твердое „т“(тъ),—здѣсь есть и болѣе поздніе, къ которымъ надо причислить и современное московское аканье съ его типомъ произношенія „вада“, но не „велá“. „Если бы намъ, заключаетъ проф. Будде, пришлось *теперь* составлять этнографическую карту нынѣшней Великороссіи эпохи до окончательнаго образованія аканья, то мы должны бы были отмѣтить на картѣ племя сѣверно-великорусское спускающимся внизъ, на югъ отъ Москвы, въ предѣлы Касимовскаго уѣзда нынѣшней Рязанской губерніи и въ предѣлы Богородицкаго уѣзда нынѣшней Тульской губерніи, а предѣлы Бѣлоруссіи, т.-е. западно-русскаго нарѣчія, мы должны бы были отмѣтить расширенными, можетъ быть, до западныхъ уѣздовъ нынѣшней Тульской губерніи“.

М. А. Дикаревъ. Апокрифы, собранные въ Кубанской области [1]). (*Стр. 73—90*).

Предисловіе. 1) Сонъ Богородицы. 2) Іерусалимскій листъ. 3) Іерусалимскій свитокъ. 4) Страсти Господни. 5) Великія пятницы. 6) Бракская небесная епистолія.

Прибавленіе. Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи А. Н. Малинкою (стр. 91—2).

I. Сонъ Пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

II. Свитокъ Іерусалимскій.

III. 12 Пятницъ.

А. И. Кирпичниковъ. Богородица въ народной поэзіи. (*Стр. 93—6*).

По словамъ самого автора, настоящія замѣтки ни въ какомъ отношеніи не претендуютъ на полноту; онѣ подбирались случайно, при работѣ о Богоматери въ средневѣковой литературѣ и искусствѣ.

А. Д. Григорьевъ. Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ. (*Стр. 107—13*).

Въ настоящей статьѣ авторъ излагаетъ результаты своего изслѣдованія объ Акирѣ Премудромъ. Въ этомъ изслѣдованіи онъ, съ одной стороны, подвергъ критикѣ мнѣнія, существовавшія раньше о происхожденіи и распространеніи этой повѣсти, а съ другой стороны, всѣ доступные ему тексты (сирскій, арабскій, армянскій, греческій и славянскій). Славянскій переводъ (на „староцерковный языкъ") г. Григорьевъ относитъ къ концу XI или началу XII вѣка,—сдѣланъ онъ въ Македоніи; въ XIV—XVI вѣкахъ повѣсть переходитъ въ русскую литературу и сербскую.

Что касается языка оригинала, съ котораго сдѣланъ нашъ славянскій переводъ, то хотя мы не должны еще терять надежды найти прототипъ въ какой-нибудь особенной греческой редакціи, но и мысль объ армянскомъ посредствѣ для славянскаго перевода не представляетъ чего-нибудь совершенно невѣроятнаго.

О. С. Домовъ. Стихъ о Чудной Царицѣ. (*Стр. 126—128*).

Текстъ издается по рукописи Императорской Публичной Библіотеки: Q, XVII, № 55, пожертвованной сюда Л. Н. Майковымъ.

Этотъ списокъ больше всего подходитъ къ тому, что напечатано у

---

[1]) Редакція проситъ снисхожденія къ статьѣ покойнаго нынѣ А. А. Дикарева, писанной имъ незадолго до смерти; она подлежала переработкѣ, но за смертью автора осталась неисправленной, исключить же ее изъ Сборника редакція не рѣшалась изъ уваженія къ памяти покойнаго, который одинъ изъ первыхъ съ горячимъ сочувствіемъ отнесся къ мысли настоящаго изданія.

Безсонова („Калики Перехожіе", вып. V, 139—144) подъ № 481—изъ Толстовской рукописи.

С. К. Шамбинаго. Древне-русское жилище по былинамъ. (Къ матеріаламъ для изслѣдованія бытовой стороны русскаго эпоса). (Стр. 129—149).

Цѣль предлагаемаго очерка—представить, на основаніи былинныхъ описаній, картину древне-русскаго жилища и попутно сравнить его съ тѣмъ матеріаломъ, который собранъ Забѣлинымъ для исторіи царскаго дворца XVII вѣка.

Въ итогѣ получилось:

1) Былинное изображеніе жилища вѣрно исторической дѣйствительности.

2) Это жилище—богатый домъ XVI—XVII вѣка.

3) Окончательная редакція описанія принадлежитъ скоморохамъ XVI—XVII вѣка.

4) Форма и содержаніе былинъ, какъ мы имѣемъ ихъ въ настоящее время, выработались окончательно въ XVI—XVII вѣкѣ.

5) Въ настоящее время эпосъ, не имѣя, если можно такъ выразиться, питательнаго источника, старѣетъ и замираетъ. (Современные сказатели знаютъ старину гораздо меньше противъ того, что знали ихъ отцы и дѣды). Вообще говоря, обстоятельное изученіе бытовой стороны русскаго эпоса можетъ объяснить многія детали и дать выводы, имѣющіе важное значеніе для исторіи былинныхъ сюжетовъ.

А. В. Марковъ. Бѣломорская былина о походѣ Новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ. („Камское побоище"). (Стр. 150—162).

Былина записана въ двухъ пересказахъ въ селѣ Зимней Золотицѣ, на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря.

Она завѣдомо сѣвернаго происхожденія, но въ ней дѣйствуютъ и богатыри, сгруппированные вокругъ Владиміра, и враги Кіева,—что говоритъ въ пользу мнѣнія Вс. Ѳ. Миллера о новгородскомъ происхожденіи многихъ былинъ, прикрѣпленныхъ традиціей къ Кіеву и Владиміру.

Ю. И. Поливка. Одинъ русскій анекдотъ [1]) *и его западный источникъ. (Стр. 163—168).*

Н. Ѳ. Сумцовъ. Повѣсть о томъ, какъ чортъ разсорилъ супруговъ. (Стр. 169—171).

---

[1]) *Аѳанасьевъ.* „Народныя русскія сказки". Изд. 3-е. 1897 г. II, 436, № 249, WWW.

Литературная родня разсказа А. Н. Стороженка: „Се та баба, що чортъ ій на маховыхъ вылахъ чоботы оддававъ".

А. И. Маркевичъ. Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго простолюдія. (*Стр. 172—184*).

В. Н. Добровольскій. О нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ, переживаемыхъ народомъ въ Смоленской губерніи.

Проявленіе обычая „кувады" (couvade). Обрядъ узнанія отца новорожденнаго на крестинахъ.—Бабы („цыганки") парятъ вѣникомъ встрѣчныхъ мужчинъ (холостого писаря, волостного старшину или учителя).

М. В. Довнаръ-Запольскій. Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ. (*Стр. 284—291*).

Разсмотрѣвъ въ деталяхъ бѣлорусскій коровайный обрядъ, авторъ высказываетъ увѣренность въ связи этого обряда съ пріапическимъ культомъ; смыслъ его, такимъ образомъ, сводится къ испрошенію молодымъ всякихъ благъ, главнымъ образомъ—потомства.

П. В. Ивановъ. Вовкулаки. Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ. (*Стр. 292—297*).

А. Е. Крымскій. О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на „енне" и „інне". (*Стр. 298—304*).

1) Въ малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на „єнне" звукъ „е" (вмѣсто ожидаемаго „і", изъ „ê") обязанъ своей сохранностью вліянію аналогіи страдательныхъ причастій на „еный".

2) Въ отглагольныхъ существительныхъ на „інне" звукъ „і" восходитъ не къ „ê", а къ основному „ѣ̂".

3) Этотъ звукъ „ѣ̂" происходитъ отъ глаголовъ 4 класса (на—*ѣти*) или прямо, или путемъ аналогіи, путемъ взаимодѣйствія, существующаго между глаголами классовъ 4-го (на—*ѣти*) и 3-го (на—*ити*).

Р. Ѳ. Брандтъ. Нѣсколько мелочей. (*Стр. 305—310*).

1) Перецъ. 2) Высь, вьсе, вьса. 3) Человѣкъ. 4) Акцентныя крохи.

П. Н. Милюковъ. Что такое „море Вирянское" и городъ „Леденецъ"? (*Стр. 314—315*).

(Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія былины о Соловьѣ Будимировичѣ).

Море „Вирянское" (или „Веряйское"), искаженіе имени „Варяж-

ское“, есть не что иное, какъ море Балтійское или, точнѣе говоря, Финскій заливъ.

„Славный городъ Леденецъ“—древняя эстонская столица Линданисса, зáмокъ, стоявшій на мѣстѣ теперешняго г. Ревеля. Если былина о Соловьѣ Будимировичѣ воспроизводитъ такъ реально топографію мѣстностей, близкихъ къ новгородской области, то этимъ самымъ и мысль о новгородскомъ происхожденіи былины, высказанная проф. В. Ѳ. Миллеромъ, становится еще болѣе вѣроятной. Мало того, если подъ Леденцомъ надо разумѣть старинный эстонскій зáмокъ, стоявшій на мѣстѣ позднѣйшаго Ревеля, то тѣмъ самымъ опредѣляется и время, когда былина слагается. Это было, очевидно, такое время, когда память объ имени эстонскаго зáмка не успѣла забыться, т.-е. время, болѣе или менѣе близкое ко времени его замѣны датской крѣпостью, къ первой половинѣ XIII вѣка.

В. В. Каллашъ. Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу „Слова о полку Игоревѣ“. (Стр. 316—347).

Въ исторіи міровой литературы трудно указать памятники болѣе близкіе, болѣе родственные другъ другу по духу, какъ „Слово о полку Игоревѣ“ и „Пѣснь о Роландѣ“.

Авторъ „Слова“, несомнѣнно, не принадлежалъ къ духовенству; нѣтъ никакихъ основаній причислять его и къ князьямъ: онъ могъ быть только дружинникомъ, подняться надъ дружиннымъ слоемъ, который къ концу XII вѣка могъ уже свободно выдѣлять образованныхъ людей и создалъ даже цѣлую литературную школу.

Участникомъ несчастнаго похода авторъ „Слова“ не былъ: разсказъ онъ почерпнулъ изъ животрепещущихъ, свѣжихъ слуховъ, переработанныхъ въ горнилѣ могучей творческой фантазіи и отлившихся въ выпуклыя, поэтическія формы.

Настроеніе поэта—чуждо повышенной религіозности и нетерпимости, свободно отъ путъ аскетизма, но во всякомъ случаѣ оно не иррелигіозное и тѣмъ болѣе не языческое.

„Слово“ можно раздѣлить на двѣ части (первая оканчивается плачемъ Ярославны): обѣ онѣ возникли, одна за другой, съ небольшимъ промежуткомъ, въ концѣ 1185 и началѣ 1186 года. Вызванное насущными потребностями современной дѣйствительности, быстро измѣнившимися, не додѣланное, оно, повидимому, было мало извѣстно въ древней Руси. Преслѣдуя временныя цѣли, оно достигло, благодаря

самой силѣ поэтическаго генія автора, вѣчной, нетлѣнной красоты и, какъ фениксъ изъ пепла, возникло для насъ „изъ тьмы времени“ на зарѣ XIX вѣка—въ изданіи 1800 года.

Н. А. Янчукъ. Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ. (*Стр. 348—367*).

Перенесемся ли мы мыслями въ отдаленныя легендарныя времена, или станемъ припоминать факты исторической дѣйствительности, выступимъ ли на поле брани, или заглянемъ въ келію подвижника,—вездѣ и всегда наряду съ героями—мужчинами мы встрѣтимъ разительные примѣры женскаго героизма, давшаго обильную пищу народной фантазіи и воплощеннаго въ высокихъ созданіяхъ великихъ поэтовъ міровой литературы.

Д. Абрамовичъ.

А. П. Нечаевъ. Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніяхъ къ вопросамъ школьнаго обученія. Съ 79 таблицами въ текстѣ. С.-Пб. 1901 г.

Основная мысль рецензіи.

Эта книга вызвала самую насмѣшливую рецензію г. Айхенвальда въ № 59 „Вопросовъ Философіи и Психологіи“; а отрывокъ книги, помѣщенный авторомъ въ Zeitschrift für Psychologie und Physiol. der Sinnesorgane, Band 24, вызвалъ въ томъ же самомъ журналѣ (въ Band 27 Heft 1 и 2) насмѣшливый отвѣтъ Маркса Лобзина (Marx Lobsien). Книга г. Нечаева безспорно смѣшная, а съ точки зрѣнія судьбы экспериментальной психологіи въ Россіи даже вредная; ибо вопреки намѣреніямъ автора эта часть психологіи выставляется въ удивительно неприглядномъ видѣ, чуть не явной несообразностью. Достаточно, напримѣръ, сказать, что если вѣрить всему написанному въ книгѣ, то надо по приговору психологическихъ экспериментовъ изгнать наглядное обученіе, и даже употребленіе географическихъ картъ, въ народныхъ школахъ, какъ мужскихъ такъ и женскихъ, а также и для всѣхъ дѣвочекъ до $11^1/_2$ лѣтъ включительно. Сверхъ того, надо будетъ думать, будто бы экспериментально доказано, что дѣти, поступающія въ Александровскій лицей отличаются такимъ слабоуміемъ, даже при сравненіи съ учениками народныхъ школъ, котораго не въ си-

лахъ искоренить получаемое ими въ лицеѣ воспитаніе. Не то, чтобы авторъ самъ высказывалъ эти выводы; но они съ логической необходимостью и *самымъ очевиднымъ* образомъ вытекають изъ всѣхъ собранныхъ его опытами надъ памятью цифръ, *если* комментировать ихъ такъ, какъ ихъ комментируетъ самъ авторъ, такъ что внимательный читатель, привыкшій размышлять надъ прочитаннымъ и провѣрять автора его же собственными словами и пріемами, не можетъ не замѣтить этихъ выводовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, разумѣется, не можетъ и согласиться съ ними; а такъ какъ авторъ все время говоритъ какъ бы отъ лица экспериментальной психологіи, то читатель неспеціалистъ невольно придетъ къ убѣжденію, что сама-то она составляетъ какую-то явно смѣшную нелѣпость.

И вообще вышучивать книгу г. Нечаева не трудно: чрезвычайно удобный матеріалъ для этого найдется въ ней чуть не на каждой страницѣ. Но научный рецензентъ иногда не въ правѣ ограничиваться однимъ этимъ: иногда онъ долженъ имѣть въ виду не только своихъ читателей, но и автора рецензируемаго сочиненія. Иногда бываетъ необходимо не только показать своимъ читателямъ, чего стоитъ книга, но и объяснить самому автору, почему онъ попалъ въ смѣшное положеніе и написалъ безполезную книгу, дабы онъ научился, какъ избѣгать въ будущемъ того и другого. А даже изъ одной лишь разсматриваемой книги г. Нечаева видно, что молодой, только что начинающій, авторъ—талантливый человѣкъ: въ ней есть интересныя страницы съ мѣткими замѣчаніями и соображеніями, что призналъ даже и г. Айхенвальдъ, несмотря на все его принципіальное и вполнѣ основательное разногласіе съ авторомъ. Мнѣ же, какъ прежнему университетскому учителю г. Нечаева, извѣстно еще больше: это человѣкъ не только съ способностями, но и съ хорошими знаніями, который могъ бы написать полезную книгу, даже на ту же самую тему, поставившую его, по справедливому замѣчанію г. Айхенвальда, въ трагикомическое положеніе, принуждающее доказывать то, чего нѣтъ и что еще не скоро будетъ. Стоило бы только г. Нечаеву, вмѣсто *преждевременныхъ* попытокъ *примѣнять* экспериментальную психологію къ разработкѣ дидактики, написать книгу въ родѣ книжки В. Анри („Современное состояніе экспериментальной педагогики"), т.-е. книгу, дающую простой систематическій обзоръ всего сдѣланнаго экспериментальной психологіей для изученія тѣхъ областей, которыя интересны съ точки зрѣнія дидактики.

Нужды нѣтъ, что всѣми, кто слѣдилъ за его прежней научной

дѣятельностью, г. Нечаевъ долженъ быть признанъ самоучкой въ психологическомъ экспериментированіи. Это только люди, совсѣмъ незнакомые съ дѣломъ, воображаютъ, будто бы *всѣ* психологическіе эксперименты могутъ быть удачно производимы только послѣ продолжительнаго изученія искусства экспериментированія. Дѣло вотъ въ чемъ: если кто хочетъ усвоить *всю* технику психологическаго экспериментированія, такъ чтобы и пріобрѣсть *всѣ* навыки въ обращеніи съ инструментами, и умѣть аранжировать новые опыты при помощи инструментовъ, построенныхъ для другихъ цѣлей, и придумывать самому новые приборы и т. п., тотъ, конечно, можетъ достичь своей цѣли не иначе, какъ произведя подъ непосредственнымъ руководствомъ искуснаго изслѣдователя довольно большую и сложную или нѣсколько маленькихъ работъ, такъ подобранныхъ, чтобы при ихъ помощи была усвоена вся техника экспериментированія. Оттого-то первыя экспериментальныя работы и печатаются обыкновенно съ указаніемъ, кто руководилъ ими, и съ одобренія руководителя: онъ даетъ этимъ автору какъ бы аттестатъ на званіе умѣлаго изслѣдователя. Но опыты самого г. Нечаева не требуютъ никакихъ инструментовъ и такъ просты, что ихъ даже какъ-то странно называть громкимъ именемъ эксперимента. (Въ IV, V и VI отдѣлахъ я опишу ихъ сущность). А чтобы научиться правильно производить такіе опыты и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ научиться правильно понимать и оцѣнивать *всякія* чужія экспериментальныя изслѣдованія, хотя бы они опирались на самые трудные опыты, надо только вдумчиво и критически изучать литературу предмета. По всему этому я и утверждаю, что хотя г. Нечаевъ экспериментаторъ-самоучка, тѣмъ не менѣе онъ могъ бы составить и полезную книгу, если бы только онъ тщательнѣй отнесся къ дѣлу.

Одна изъ цѣлей моей рецензіи объяснить автору, почему онъ написалъ книгу смѣшную и безполезную, когда у него въ рукахъ всѣ данныя написать совсѣмъ другую. Тутъ одна основная причина. Книга г. Нечаева составляетъ книгу *преждевременную* еще и въ другомъ смыслѣ слова: она составляетъ всего лишь отпечатанныя черновыя тетради съ приведенными въ систематическій порядокъ набросками автора по поводу идеи, затрогивающей очень интересный вопросъ и съ большой торопливостью приведенной имъ въ исполненіе. Авторъ, какъ это часто бываетъ съ способными молодыми людьми, еще не успѣлъ убѣдиться на собственномъ опытѣ, что каждая умственная работа требуетъ нѣкотораго времени, чтобы окончательно дозрѣть и явиться въ печати въ оконченномъ видѣ. Ему пришла въ голову соблазни-

тельная идея примѣнить экспериментальную психологію къ разработкѣ дидактики; и ему показалось, что если онъ, въ видахъ ея осуществленія, будетъ наспѣхъ проглатывать экспериментально-психологическія сочиненія, говорящія о фактахъ, *одноименныхъ* (ибо они на дѣлѣ далеко не одинаковы, чего авторъ не замѣтилъ) съ тѣми, о которыхъ приходится говорить въ дидактикѣ, будетъ дѣлать замѣтки изъ прочитанныхъ сочиненій и записывать приходящія ему въ голову соображенія, по поводу прочитаннаго, то послѣ систематическаго распредѣленія всего написаннаго имъ книга будетъ готова. Въ дѣйствительности же будетъ готово только приведеніе черновыхъ тетрадей въ систематическій порядокъ; а настоящая научная работа начнется лишь послѣ этого. Авторъ же, навѣрное, напечаталъ свои черновыя тетради тотчасъ же, какъ только привелъ ихъ въ систему, сообразную съ планомъ его работы. Вотъ это-то я и буду доказывать въ своей рецензіи самыми различными путями.

Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что если судить о знаніяхъ и степени научной подготовки г. Нечаева по его *книгѣ*, то они представятся въ очень неприглядномъ видѣ; между тѣмъ какъ я давно уже знаю, что онъ обладаетъ довольно солидной подготовкой къ научнымъ работамъ. А надѣюсь, что послѣ моего 14-лѣтняго преподаванія въ университетѣ за мной признаютъ же нѣкоторую опытность въ оцѣнкѣ свѣдѣній, имѣющихся по моему предмету у моихъ учениковъ. Замѣчу кстати: г. Нечаевъ долженъ меня извинить, что я въ своемъ разборѣ очень часто ставлю вопросъ о степени его знаній, тонкости психологическаго анализа, умѣнья научно работать и т. п. и, основываясь на его *книгѣ*, постоянно рѣшаю этотъ вопросъ въ неблагопріятномъ для автора смыслѣ: это я дѣлаю съ точки зрѣнія *посторонняго* читателя, который знаетъ его *только* по его книгѣ. Для меня же лично этотъ способъ разсужденія составляетъ всего только одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, что въ разсматриваемой книгѣ передъ нами всего лишь черновыя тетради; ибо я увѣренъ, что если бы авторъ довелъ до конца свою работу надъ ними, то его пониманіе предмета, умѣнье разсуждать и доказывать научныя положенія выступили бы совсѣмъ въ другомъ видѣ.

Вмѣстѣ съ указанной цѣлью я преслѣдую еще и другую. Г. Нечаевъ своей книгой нѣсколько скомпрометировалъ свою подготовку къ научнымъ работамъ по психологіи. А это до нѣкоторой степени затрогиваетъ и меня, какъ его прежняго руководителя въ занятіяхъ этимъ предметомъ, о чемъ онъ вдобавокъ упомянулъ въ своемъ пре-

дисловіи. И мнѣ, въ видахъ вполнѣ простительнаго самолюбія, хотѣлось бы убѣдить г. Нечаева воспользоваться всѣмъ матеріаломъ, накопившимся у него во время составленія книги, и рецензіями, которыя появились по поводу нея, а равно отрывка изъ нея, напечатаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы переиздать ее въ переработанномъ видѣ. Тогда, я увѣренъ, выйдетъ книга и не смѣшная и не безполезная. Переработка же должна сводиться въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему: 1) вмѣсто теперешняго преждевременнаго заглавія („*Современная* экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ" и т. д.), слѣдуетъ надписать такое: „Экспериментальная психологія и ея *возможное будущее* отношеніе къ вопросамъ школьнаго обученія". 2) Отбросить собственные опыты и систематическія самонаблюденія надъ умственной работоспособностью; ибо эта-то часть сильнѣй всего выставляетъ научную неподготовленность г. Нечаева. 3) Отбросить упреки въ пустословіи по адресу почтенныхъ авторовъ педагогическихъ сочиненій, такъ какъ самого-то г. Нечаева они часто ставятъ въ смѣшное положеніе. 4) Дополнить всѣ удивительные пропуски въ развитіи главной мысли, на которые я указываю во II и III отдѣлѣ разбора.

Чтобы сдѣлать его какъ можно яснѣй и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность читателямъ ознакомиться лишь съ тѣми его частями, которыя ихъ больше интересуютъ, не читая его въ цѣломъ, я къ общей харатеристикѣ книги присоединилъ съ особыми заглавіями подробныя разъясненія и доказательства всѣхъ ея наиважнѣйшихъ пунктовъ. Кто, напримѣръ, хочетъ узнать, къ какимъ ошибочнымъ и даже вреднымъ педагогическимъ слѣдствіямъ приводятъ посылки автора, тотъ можетъ ограничиться, кромѣ общей характеристики, II и IV отдѣлами и т. д.

I.

Общая характеристика книги г. Нечаева.

По собственнымъ словамъ г. Нечаева, главной цѣлью его сочиненія служитъ „выясненіе важности пріемовъ экспериментально-психологическаго изслѣдованія для успѣшнаго развитія дидактики" (стр. IX). Для достиженія этой цѣли авторъ выясняетъ, съ какими душевными процессами приходится считаться въ учебномъ дѣлѣ, особенно же при объясненіи урока и провѣркѣ знаній ученика, а одновременно съ этимъ старается показать, насколько правильные взгляды на всѣ эти процессы зависятъ отъ экспериментальной психологіи. Словомъ,

какъ онъ и самъ выражается въ концѣ книги, онъ „придалъ своему изслѣдованію форму экспериментально-психологической дидактики“ (стр. 220). Конечно, онъ отнюдь не выставляетъ своей книги, какъ окончательнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ дидактики, и поэтому требуетъ, чтобы ее оцѣнивали „*преимущественно* какъ научно-обоснованный *планъ* для новыхъ работъ по данному предмету“ (стр. X). Въ концѣ же книги, вопреки мнѣнію, общепризнанному среди педагоговъ и психологовъ, г. Нечаевъ приходитъ къ заключенію, что на вопросъ: „можетъ ли имѣть *современная* экспериментальная психологія практическое значеніе для дидактики?“ надо отвѣчать утвердительно (см. стр. 230). Въ этомъ заключеніи и суммируется все новое, что содержится въ его отдѣльныхъ выводахъ.

Необычайно новой, впрочемъ, является и вся задача г. Нечаева— установить связь между существенными положеніями современной дидактики съ данными экспериментальной психологіи. „Задача эта, какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ предисловіи самъ г. Нечаевъ, до сихъ поръ ни разу не рѣшалась въ ученой литературѣ“ (стр. IX). А въ другомъ мѣстѣ (стр. 4) онъ настолько же справедливо замѣчаетъ, что „область *экспериментальной* (курсивъ г. Нечаева) психологіи большей частью совершенно оставляется безъ вниманія въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о значеніи психологіи для педагогики“. И, дѣйствительно, всѣ выдающіеся педагоги (Рейнъ, Циллеръ, Шиллеръ, Компейре и т. д.) или совсѣмъ игнорируютъ экспериментальную психологію, или же всего только съ поощреніемъ присматриваются къ ней въ надеждахъ на ея *будущія* услуги педагогикѣ. Что же касается до психологовъ-экспериментаторовъ, то сами они, какъ извѣстно, пока приписываютъ своимъ работамъ всего лишь подготовительное значеніе, и это не только для педагогики, а даже для самой психологіи, за предѣлами области, пограничной между нею и физіологіей, т. е. пока цѣнятъ ихъ лишь какъ необходимое дальнѣйшее усовершенствованіе методовъ психологическаго экспериментированія. Такую же точку зрѣнія они проводятъ даже и въ сочиненіяхъ, назначенныхъ для привлеченія вниманія педагоговъ и общества къ ихъ дѣлу, въ родѣ статей В. Анри, помѣщенныхъ всего только за два года до появленія книги г. Нечаева въ Московскомъ *Вѣстникѣ Воспитанія* подъ общимъ заглавіемъ „Современное состояніе экспериментальной педагогики“, подъ вліяніемъ которыхъ, вѣроятно, г. Нечаевъ и составилъ свой замыселъ написать экспериментальную дидактику и сталъ употреблять выраженіе „экспериментальная педагогика“: раньше, до

В. Анри, кажется, его не употребляли. Для характеристики необычайной новизны всего дѣла, предпринятаго г. Нечаевымъ, не мѣшаетъ отмѣтить, что до сихъ поръ еще не появлялось общаго руководства по экспериментальной психологіи, т. е. пока еще нѣтъ книги, въ которой, сжато или подробно, было бы описано все сдѣланное по этой дисциплинѣ, хотя, какъ извѣстно, существуетъ цѣлая масса лицъ, самоотверженно посвящающихъ всѣ свои силы на разработку экспериментальной психологіи. Очевидно, составленіе подобной книги оказывается еще преждевременнымъ [1]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что предпринятое г. Нечаевымъ руководство экспериментальной дидактики составляетъ дѣло, еще болѣе преждевременное и свидѣтельствующее о смутномъ пониманіи авторомъ избраннаго имъ предмета книги, коль скоро онъ рѣшается закончить книгу такими словами: „я придалъ своему изслѣдованію форму *экспериментально-психологической дидактики*. Мнѣ кажется, что одинъ уже этотъ фактъ—возможность написать въ настоящее время книгу въ подобнаго рода формѣ — самъ по себѣ является *утвердительнымъ отвѣтомъ* на вопросъ: можетъ ли имѣть современная экспериментальная психологія практическое значеніе для дидактики?“ (курсивъ г. Нечаева, стр. 220). И эта преждевременность легко объясняется торопливостью, съ какой г. Нечаевъ напечаталъ свои черновыя тетради.

Торопливость это — самое правильное объясненіе всѣхъ недостатковъ книги г. Нечаева: въ ней такъ много промаховъ и явныхъ несообразностей, что если бы зашла рѣчь о степени научной подготовки

---

[1]) Нельзя возражать мнѣ ссылкой на „Физіологическую психологію“ Вундта; ибо я говорю о *всей* экспериментальной психологіи. Вундтъ же самъ въ предисловіи къ своему труду ясно высказываетъ, что физіологическая психологія составляетъ лишь часть всей экспериментальной: физіологическая психологія, по его собственнымъ словамъ, изучаетъ область, пограничную между психологіей и физіологіей. Что же касается до книги Sanford'а, озаглавленной A course in experimental psychology, то ея судьба можетъ быть выставлена, какъ наглядное доказательство преждевременности систематическаго свода работъ по экспериментальной психологіи: первая ея часть вышла еще въ 1897 г., предисловіе же къ ней помѣчено еще 1894 годомъ; но вся она, оконченная въ 1900 г., ограничилась только ученіемъ объ ощущеніяхъ и пространственныхъ воспріятіяхъ, ученіемъ, одинаково относящимся и къ психологіи и къ физіологіи. Не знаю, какъ далеко пойдетъ Тиченеръ, недавно выпустившій первую часть своей Experimental Psychology, но пока и его книга ограничивается приблизительно тѣмъ, чѣмъ и у Санфорда.

г. Нечаева, то, пользуясь его книгой, нельзя было бы доказать даже, что ея авторъ въ надлежащей степени вчитался въ литературу педагогическую и экспериментально-психологическую. Конечно, нельзя сомнѣваться, что онъ прочелъ и пересмотрѣлъ много педагогическихъ и экспериментально-психологическихъ сочиненій, хотя, вѣроятно, не всѣ, помѣщенныя въ его огромномъ перечнѣ, приложенномъ къ книгѣ и занимающемъ 8 страницъ петита; ибо онъ и самъ озаглавливаетъ его не какъ перечень своихъ литературныхъ *пособій*, а всего только какъ хронологическій перечень *указанныхъ* въ книгѣ сочиненій [1]). Но, къ сожалѣнію, при помощи книги г. Нечаева нельзя *удостовѣриться*, что онъ относился къ прочитаннымъ имъ сочиненіямъ вдумчиво и критически и что такимъ путемъ извлекъ изъ нихъ умѣнье работать научнымъ образомъ. Я сперва охарактеризую въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшіе промахи г. Нечаева, а потомъ представлю подробныя разъясненія и доказательства каждаго изъ нихъ.

1) Доказывая важность экспериментальной психологіи для дидактики, г. Нечаевъ *молча*, безъ всякихъ доказательствъ, исходитъ изъ произвольнаго и при томъ *ошибочнаго* предположенія, будто бы явленія, изучаемыя въ современной экспериментальной психологіи, тѣ же самыя, какія интересуютъ и педагога. А указанія на произвольность и ошибочность этого предположенія уже сдѣланы въ научной литературѣ, въ томъ числѣ и въ такихъ сочиненіяхъ, о которыхъ упоминаетъ самъ же г. Нечаевъ, при чемъ въ этихъ сочиненіяхъ приведены даже нѣкоторые *экспериментально добытые* факты, доказы-

---

[1]) Кстати, я совершенно не понимаю, зачѣмъ г. Нечаевъ приводитъ этотъ перечень, коль скоро онъ не составляетъ списка его пособій. Хотѣлъ ли онъ показать хронологическое развитіе экспериментально-психологической литературы? Но тамъ фигурируютъ и учебники для гимназистокъ (Скворцова и др.) и даже программы различныхъ школъ. И этотъ перечень еще не означаетъ рекомендуемыхъ имъ сочиненій; ибо послѣднія авторъ отмѣтилъ звѣздочками. А подобные излишніе для читателя перечни отпугиваютъ отъ работы скромную молодежь, внушая ей неправильную мысль, будто бы для составленія научной работы нужно въ годъ или два прочесть сотни сочиненій. Появленіе этого списка сочиненій въ книгѣ я самъ объясняю слѣдующимъ образомъ: для разныхъ собственныхъ справокъ г. Нечаевъ составлялъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ сочиненій, о которыхъ ему пришлось *упоминать* (можетъ быть, напримѣръ, при помощи этого хронологическаго списка онъ разсчитывалъ легче разыскивать упоминаемыя сочиненія и провѣрять свои сдѣланные наспѣхъ или на память отзывы о нихъ); а когда онъ сдалъ въ типографію свои черновыя тетради, то туда же попалъ и списокъ, составленный имъ всего только для *собственнаго* употребленія.

вающіе ошибочность этого предположенія. А г. Нечаевъ обо всемъ этомъ молчитъ. Очевидно, это означаетъ одно изъ двухъ: или здѣсь передъ нами величайшая торопливость, или полное непониманіе дѣла. А все сейчасъ сказанное будетъ подробнѣй разъяснено и доказано во II отдѣлѣ разбора.

2) Въ зависимости отъ этого промаха, а отчасти и отъ другого вполнѣ *однороднаго* съ нимъ, находится и то обстоятельство, что составленный авторомъ планъ для новыхъ работъ по данному предмету, *планъ*, сводящійся всего только къ группировкѣ экспериментально-психологическихъ сочиненій по рубрикамъ дидактическихъ вопросовъ, остается совсѣмъ необоснованнымъ. Впрочемъ, надо замѣтить, я не совсѣмъ ясно понимаю, что именно хочетъ сказать г. Нечаевъ, приписывая себѣ въ предисловіи желаніе составить научно-обоснованный *планъ* для новыхъ работъ по предмету его книги. Никакого подобнаго плана, который онъ особо *обсуждалъ бы* въ своей книгѣ, нѣтъ. Остается считать такимъ планомъ только-что упомянутую группировку экспериментально-психологическихъ сочиненій; но она выходитъ и должна выйти у него сама собой оттого, что по мѣрѣ развитія своей основной темы ему неизбѣжно приходится цитировать экспериментально-психологическія сочиненія цѣлыми группами, именно насколько эти сочиненія *покажутся* автору говорящими о тѣхъ же душевныхъ явленіяхъ, о какихъ идетъ рѣчь въ томъ или другомъ дидактическомъ вопросѣ. Но если эта группировка составляетъ совершенно неизбѣжную часть всякой подобной работы, то по какому же праву авторъ, считая эту группировку планомъ новыхъ работъ, настаиваетъ, чтобы *всю* его книгу оцѣнивали *преимущественно*, какъ этотъ планъ, т.-е. какъ неизбѣжное цитированіе экспериментально-психологическихъ сочиненій цѣлыми группами? Однако, будемъ оцѣнивать книгу, между прочимъ, какъ подобный планъ. Тогда, разумѣется, этотъ планъ выйдетъ плохимъ планомъ; ибо онъ основанъ на ошибочной мысли, будто бы въ группируемыхъ сочиненіяхъ говорится о томъ же, о чемъ идетъ рѣчь и въ дидактическихъ вопросахъ. И планъ автора выходитъ тѣмъ хуже, что къ этой ошибкѣ присоединяется еще *другая однородная* съ ней, о которой скажу въ III отдѣлѣ моего разбора.

3) Самостоятельныя же изслѣдованія автора отличаются еще болѣе крупными промахами. Они состоятъ изъ опытовъ надъ учениками и ученицами и изъ самонаблюденій. Первые страдаютъ явно негодной постановкой и приводятъ, хотя и къ очень важнымъ, съ педагогиче-

ской точки зрѣнія, но, къ сожалѣнію, явно несообразнымъ результатамъ. Именно: *изъ нихъ ясно вытекаетъ вредъ нагляднаго обученія для всѣхъ дѣвочекъ до 11½ лѣтъ включительно и для мальчиковъ, если только послѣдніе учатся въ народной школѣ.* Далѣе, эти опыты, если вѣрить г. Нечаеву, ясно показываютъ, что лицеисты тотчасъ же послѣ ихъ поступленія въ лицей и во все время пребыванія въ немъ оказываются какими-то слабоумными сравнительно съ другими дѣтьми (и мальчиками и дѣвочками) того же возраста. Ихъ слабоуміе доходитъ до того, что общій законъ, открытый опытами г. Нечаева и гласящій, что у мальчиковъ память на реальныя впечатлѣнія сильнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ того же возраста, для лицеистовъ оказывается невѣрнымъ: они въ этомъ отношеніи выходятъ, несомнѣнно, слабѣе гимназистокъ. Наконецъ, опыты г. Нечаева описаны въ его книгѣ такъ небрежно, что даже и не будь въ нихъ всѣхъ указанныхъ изъяновъ, все-таки на нихъ нельзя было бы полагаться въ научной работѣ, не повторивъ ихъ въ полномъ видѣ заново, какъ если бы они никогда не были произведены г. Нечаевымъ. Самонаблюденія же его имѣютъ только методологическое значеніе, могутъ служить только образцомъ метода, рекомендуемаго г. Нечаевымъ; но это методъ совершенно произвольный и такой, что возбуждаетъ даже сомнѣнія, ясно ли понимаетъ г. Нечаевъ самъ себя, когда говоритъ объ этомъ методѣ.

Словомъ, самостоятельныя изслѣдованія составляютъ наихудшую часть его книги. При ихъ чтеніи чаще всего приходится растериваться, что такое передъ нами: обидная ли для читателя самоувѣренность, съ какой авторъ думаетъ, что какъ ни веди своей работы, его читателю все годится, или же это полное непониманіе своего дѣла? Все это будетъ доказано въ IV, V и VI отдѣлѣ разбора.

Таковы самые крупные промахи. Развѣ ихъ не достаточно, чтобы назвать книгу не только смѣшной, но даже вредной и для педагогики и для экспериментальной психологіи, коль скоро она претендуетъ служить *экспериментальной* дидактикой и вся сплошь набита насмѣшками по адресу педагогики, основанной на наблюденіяхъ, упреками, дѣлаемыми ей авторомъ за пустословіе, и коль скоро авторъ рекомендуетъ *замѣнить* ее экспериментальной педагогикой, построенной по созданному имъ *плану* экспериментальной дидактики? Вотъ что онъ говоритъ на стр. 6-й про экспериментальную психологію: „строя всѣ свои положенія на *строго опредѣленныхъ фактахъ* (курсивъ г. Нечаева), она можетъ служить пре-

красной школой для критическаго отношенія къ современной педагогической литературѣ (такъ часто страдающей пустословіемъ) и прочнымъ фундаментомъ для новой, фактически обоснованной педагогики". А въ концѣ книги г. Нечаевъ рекомендуетъ, въ видѣ средствъ для подготовки будущихъ педагоговъ, изученіе работъ по экспериментальной психологіи и участіе въ производствѣ психологическихъ экспериментовъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ—по опредѣленному плану (стр. 223 и 224). „Примѣръ одного изъ возможныхъ плановъ подобнаго рода, говоритъ г. Нечаевъ, я пытался представить *въ настоящей книгѣ*" (курсивъ мой) (стр. 223). Точнѣе слѣдовало бы выразиться ему: „въ видѣ настоящей книги"; ибо кромѣ нея самой въ ней нѣтъ другого подобнаго плана. А что если найдутся среди педагоговъ люди, которые отнесутся къ г. Нечаеву, какъ приватъ-доценту университета, съ полнымъ довѣріемъ и начнутъ строить дидактику на данныхъ экспериментальной психологіи, не дожидаясь, когда послѣдняя примется изучать тѣ самыя явленія, съ какими приходится имѣть дѣло педагогу, а не только одноименныя съ ними? А надо не забывать, какое впечатлѣніе титулъ г. Нечаева, сполна указанный на его книгѣ, долженъ производить на скромныхъ учителей и учительницъ множества школъ, хотя бы народныхъ.

Прежде чѣмъ доказывать и подробнѣй разъяснять отмѣченные сейчасъ самые крупные недостатки книги г. Нечаева, я сперва укажу, что въ ней есть еще другіе, довольно важные; но въ виду только что указанныхъ, я имъ придаю второстепенное значеніе и упомяну о нихъ только здѣсь—въ общей характеристикѣ. Два изъ нихъ сильнѣйшимъ образомъ подрываютъ доказанность его основной мысли, причемъ одинъ еще обрисовываетъ передъ читателемъ экспериментальную психологію въ довольно смѣшномъ видѣ, какъ бы праздное препровожденіе времени. Третій же свидѣтельствуетъ о несомнѣнной торопливости, съ какой г. Нечаевъ составлялъ свою книгу. Эти недостатки таковы:

а) Доказывая важность экспериментальной психологіи для дидактики, г. Нечаевъ долженъ былъ бы въ числѣ услугъ или открытій экспериментальной психологіи указывать только то, чего нельзя узнать или, по крайней мѣрѣ, трудно узнать безъ ея помощи. Между тѣмъ г. Нечаевъ сплошь да рядомъ ея важность доказываетъ такими доводами: „экспериментальныя изслѣдованія показали, что, направляя вниманіе на одно раздраженіе, мы этимъ самымъ отвлекаемъ его отъ

другого" (стр. 109), или: „на основаніи ряда экспериментальныхъ изслѣдованій было показано, что время, протекшее отъ момента заучиванія данныхъ представленій до момента воспроизведенія ихъ, оказываетъ неизбѣжное вліяніе на точность послѣдняго" (стр. 186). А вотъ и другіе образцы убѣдительности его доказательствъ. Они состоятъ въ *выводахъ*, которые онъ дѣлаетъ на основаніи своей собственной экспериментальной дидактики, въ выводахъ въ родѣ слѣдующихъ: „нельзя надѣяться распредѣлить школьныя занятія такимъ образомъ, чтобы при нихъ вовсе не было умственнаго утомленія. Надо только заботиться о томъ, чтобы это утомленіе не было чрезмѣрнымъ и наступало возможно позже" (стр. 100). Или: „оцѣнивая количество умственной работы ученика во время урока, необходимо принимать во вниманіе не только учебный предметъ, но и методъ преподаванія" (ibid.). Что же это за доказательства? Не характеризуютъ ли всѣ они, скорѣй, экспериментальной психологіи, какъ празднаго препровожденія времени, коль скоро она тратитъ его на доказательства самыхъ избитыхъ истинъ? Какъ же объяснить, что г. Нечаевъ рѣшается прибѣгать къ помощи подобныхъ доводовъ и не боится скомпрометировать свое дѣло? Очень просто: онъ и самъ отмѣчаетъ про экспериментальную психологію въ своей книгѣ, что въ ней „иногда блестящимъ образомъ подтверждается то, въ чемъ съ давнихъ поръ согласны были многіе педагоги" (стр. 221). Но вѣдь онъ неосмотрительно обвинилъ большую часть педагогической литературы въ *пустословіи*. Поэтому и еще подъ вліяніемъ торопливости, съ какой составлена его книга, г. Нечаеву показалось полезнымъ *подтвердить* на всякій случай вышеприведенныя истины экспериментальнымъ путемъ, чтобы и ихъ не сочли за пустословіе. Оттого-то въ концѣ книги онъ находитъ вполнѣ умѣстнымъ сказать про экспериментальную психологію такія слова: „вмѣсто голословныхъ утвержденій и общихъ (не всегда опредѣленныхъ) впечатлѣній, она вноситъ въ дидактику точно описанные факты, научно провѣренныя положенія" (стр. 221). Въ защиту же серьезнаго характера экспериментальной психологіи противъ нареканій, которыя можетъ вызвать г. Нечаевъ, я напомню, что она находится въ подготовительномъ фазисѣ, по крайней мѣрѣ—въ вопросахъ чисто психологическихъ. А при такихъ условіяхъ, придумавъ новый экспериментъ, не мѣшаетъ иногда отмѣтить, что выводы, къ которымъ онъ приводитъ, ни въ чемъ не противорѣчатъ ни одной изъ извѣстныхъ истинъ. Это нужно не для доказательства дидактической пригодности этихъ общеизвѣст-

ныхъ истинъ, а для оцѣнки вновь придуманнаго пріема экспериментированія.

b) Кто, подобно г. Нечаеву, доказываетъ какую-нибудь мысль, идущую въ разрѣзъ съ общепризнаннымъ взглядомъ, и такимъ путемъ объявляетъ его ошибочнымъ, тотъ долженъ убѣдительнымъ образомъ объяснить, почему же сложился такой ошибочный и, все-таки, общепризнанный взглядъ на дѣло. Иначе мы въ правѣ считать и его истиннымъ; а такъ какъ двѣ истины не могутъ противорѣчить другъ другу, то доказываемую авторомъ мысль должны будемъ разсматривать, какъ нуждающуюся въ разныхъ поправкахъ, т.-е., не въ правѣ будемъ вполнѣ довѣряться ей. Какъ же г. Нечаевъ объясняетъ, что вопреки его мнѣнію ни психологи, ни педагоги не думаютъ, будто бы *современная* экспериментальная психологія можетъ имѣть практическое значеніе для дидактики? (стр. 220). Этотъ вопросъ тѣмъ интереснѣе, что на стр. 4 самъ же г. Нечаевъ отмѣчаетъ такой фактъ: „область *экспериментальной* (курсивъ г. Нечаева) психологіи большею частью оставляется безъ вниманія въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о значеніи психологіи для педагогики. Такое пониманіе дѣла очень распространено въ Германіи". И это—на родинѣ экспериментальной психологіи! Почему же оно даже и тамъ распространено?

Относительно педагоговъ объясненіе г. Нечаева чрезвычайно просто и сводится къ тому, что почти всѣ выдающіеся нѣмецкіе педагоги послѣдняго времени гораздо усерднѣе изучаютъ психологическія сочиненія Гербарта, чѣмъ развитіе экспериментальной психологіи. *А почему они поступаютъ такъ*, оставлено безъ объясненія. (Стр. 4 и 5). Итакъ между ними *почти нѣтъ* людей, знающихъ и умѣющихъ понять экспериментальную психологію. Относительно психологовъ г. Нечаевъ обходитъ вопросъ полнымъ молчаніемъ. Но такъ какъ и они не согласны съ нимъ, то, *вѣроятно*, по его мнѣнію, среди нихъ нѣтъ *ни одного*, кто бы кромѣ психологіи зналъ еще педагогику. Эта догадка о взглядахъ г. Нечаева подтверждается еще его собственными словами, высказанными въ предисловіи: „кромѣ новизны основного вопроса, задача моя, говоритъ г. Нечаевъ, *осложнялась* тѣмъ, что при *моей* работѣ требовалось спеціальное изученіе двухъ обширныхъ предметовъ—современной психологіи и педагогики". (Стр. X. Курсивъ здѣсь мой). Конечно, со стороны г. Нечаева, обвиняющаго большую часть педагогики въ пустословіи, не совсѣмъ осмотрительно въ доказательство сложности своего дѣла указывать, что ему надо было изучить и педагогику. Во всякомъ случаѣ эти слова подтверждаютъ догадку,

что, по его мнѣнію, несогласіе психологовъ съ нимъ обусловлено ихъ незнаніемъ педагогики.

Но, вѣроятно, г. Нечаевъ позволитъ мнѣ усомниться въ основательности всѣхъ этихъ объясненій. Не стану говорить о педагогахъ; ибо г. Нечаевъ и самъ уже предусмотрительно оговорился, что имѣетъ въ виду не всѣхъ ихъ, а *почти* всѣхъ. Но неужели В. Анри, предшественникъ г. Нечаева по разрабатываемой имъ темѣ, тоже не знаетъ педагогики? Какъ же тогда онъ ухитрился такъ образцово составить свои вышеупомянутыя статьи въ *Вѣстникѣ Воспитанія*, вышедшія въ видѣ отдѣльной книжки въ 1900 г., подъ заглавіемъ „Современное состояніе экспериментальной педагогики, ея методы и задачи", о которой самъ же г. Нечаевъ упоминаетъ въ своей книгѣ? Это превосходно составленная книжка: вмѣсто 224 страницъ, образующихъ книгу г. Нечаева, въ ней всего 103 стр., а изъ нихъ В. Анри употребляетъ всего только 60 страницъ на „обзоръ результатовъ, полученныхъ до сихъ поръ въ экспериментальной педагогикѣ" (см. Совр. состоян. эксп. педагог. стр. 64; въ другой же половинѣ книжки В. Анри даетъ читателю множество такихъ свѣдѣній, какихъ нельзя найти ни въ одномъ изъ экспериментально-психологическихъ сочиненій). Тѣмъ не менѣе онъ на этихъ 60 страницахъ даетъ самую наглядную картину отношеній экспериментальной психологіи ко *всей* педагогикѣ (а не только дидактикѣ): въ этой книжкѣ читатель сразу ясно видитъ, за какіе вопросы, интересные для педагогики, экспериментальная психологія уже принялась и какъ именно, за какіе совсѣмъ еще не принималась, а за какіе еще только намѣревается приняться и какъ именно старается подойти къ нимъ. Неужели всего этого можно достичь, совсѣмъ не зная педагогики, а зная одну лишь экспериментальную психологію, въ которой В. Анри стяжалъ себѣ почетную извѣстность? А если можно, то почему же не думать тогда, что можно написать такую же книгу, какъ г. Нечаева, совсѣмъ не зная ни психологіи, ни педагогики? Но развѣ г. Нечаевъ согласится съ этимъ? А если не согласится, то чѣмъ же объяснить его рѣзкую разницу со взглядами В. Анри, другихъ психологовъ и „*почти*" всѣхъ педагоговъ? Когда г. Нечаевъ издастъ взамѣнъ черновыхъ тетрадей обработанную книгу, въ ней, навѣрное, не будетъ никакого повода къ этому вопросу.

c) Сверхъ всего этого въ книгѣ г. Нечаева есть масса частныхъ недостатковъ, которые немыслимо объяснить иначе, какъ поразительной торопливостью автора. Напримѣръ, на стр. 50 представленія „бѣлый" и

„бархатный“ оказались въ числѣ ассоціацій по контрасту (sic!). На стр. 111 говорится: „ожиданіе является существеннымъ признакомъ произвольнаго вниманія“. (Конечно—наоборотъ: вниманіе есть существенный признакъ ожиданія того, что сейчасъ будетъ). На стр. 149 авторъ говоритъ о классификаціи интересовъ, „которая, по его словамъ, будетъ предложена ниже“, но я ея нигдѣ не нашелъ—ни выше, ни ниже. Я уже не говорю о томъ, что онъ приписываетъ, какъ заслугу, экспериментальной психологіи указаніе существованія разныхъ видовъ моторныхъ образовъ слова и разныхъ видовъ памяти,—указаніе, которое впервые было сдѣлано исключительно при помощи наблюденій—главнымъ образомъ патологическихъ, а ужъ потомъ вызвало эксперименты для сравнительнаго изученія всѣхъ этихъ видовъ. (См. стр. 196 и 193, 173). Всѣ эти оплошности не доказываютъ ли неоспоримымъ образомъ, что авторъ поторопился отпечатать однѣ лишь свои черновыя бумаги и наброски будущей книги?

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному поясненію и доказательству самыхъ крупныхъ промаховъ г. Нечаева, что я исполню въ томъ же порядкѣ, какъ охарактеризовалъ ихъ.

III.

Произвольность и ошибочность основного предположенія въ доказательствахъ г. Нечаева.

Когда г. Нечаевъ проводитъ въ своей книгѣ мысль, что экспериментальная психологія уже и теперь можетъ быть примѣняема, если и не всегда въ своихъ выводахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ своихъ методахъ къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ дидактики, то онъ нигдѣ не сводитъ счетовъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что современная *экспериментальная психологія работаетъ надъ душевными явленіями, поставленными совсѣмъ въ другія условія, чѣмъ съ какими приходится имѣть дѣло педагогу, а иногда даже и сами то явленія бываютъ совсѣмъ другими, чѣмъ тѣ, о которыхъ говоритъ педагогика, хотя и называются такимъ же именемъ*. Отъ этого всѣ его заключенія о пригодности *современной* экспериментальной психологіи къ рѣшенію дидактическихъ вопросовъ висятъ на воздухѣ. А иногда они даже противорѣчатъ фактамъ, добытымъ самой же экспериментальной психологіей и приводимымъ въ сочиненіяхъ, о которыхъ упоминаетъ г. Нечаевъ въ своей работѣ. Напримѣръ, на стр. 22 онъ высказываетъ

такія слова: „опытами совсѣмъ не подтверждается столь излюбленное многими педагогами положеніе, будто въ дѣтствѣ память оказывается особенно сильной. Эксперименты показываютъ совершенно другое". Это было бы очень важнымъ открытіемъ со стороны экспериментальной психологіи; ибо распредѣленіе учебнаго матеріала по возрастамъ основано на предположеніи, что въ дѣтствѣ память бываетъ сильнѣе. Поэтому географія, напримѣръ, пріурочена къ младшимъ классамъ гимназіи; а въ послѣднемъ классѣ ее повторяютъ всю сразу, чтобы усвоенное памятью пополнить пониманіемъ, требующимъ значительной подготовки посредствомъ знакомства съ исторіей и т. п.

Но всѣ опыты, которые предъ этимъ цитируются г. Нечаевымъ, равно какъ и его собственные опыты, производились надъ припоминаніемъ, дѣйствующимъ тотчасъ же послѣ воспринятаго впечатлѣнія—не позднѣй минуты или двухъ; а педагоги, говоря о силѣ дѣтской памяти, имѣютъ въ виду способность припоминать чрезъ продолжительное время, а не черезъ одну или двѣ минуты. Опыты экспериментаторовъ состояли, напримѣръ, въ томъ, что передъ дѣтьми разныхъ возрастовъ произносился рядъ въ 10—12 чиселъ или словъ, не составляющихъ никакихъ предложеній и т. п.; дѣти *тотчасъ же* послѣ этого записывали, что они слышали или видѣли и т. п. И оказывается, что чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ чаще они ошибаются въ своихъ записяхъ.

И вотъ, г. Нечаевъ, ссылаясь на этотъ фактъ, какъ на опроверженіе общепризнаннаго мнѣнія о силѣ дѣтской памяти, *не считаетъ нужнымъ доказывать, что онъ имѣетъ право, на основаніи сравненія у разныхъ возрастовъ только что описанной способности припоминать рядъ впечатлѣній тотчасъ послѣ ихъ воспріятія, дѣлать заключенія о силѣ такой памяти у дѣтей, о которой говорятъ всѣ педагоги.* А вѣдь фактъ, сейчасъ описанный, объясняется очень просто: опыты, которые цитируетъ здѣсь и производилъ еще самъ г. Нечаевъ, совсѣмъ не составляютъ опытовъ надъ памятью. Явленія, изучаемыя при ихъ помощи, только случайнымъ образомъ экспериментаторы *назвали* (для краткости) памятью. Въ дѣйствительности же здѣсь передъ нами *опыты надъ умѣньемъ давать отчетъ въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ.* И мы безъ всякихъ экспериментовъ заранѣе знаемъ, что это умѣнье будетъ тѣмъ больше, чѣмъ старше человѣкъ, особенно же, если дѣло идетъ о томъ, чтобы *дѣти* обнаружили это умѣнье посредствомъ *записи* испытанныхъ ими впечатлѣній.

Въ умѣньи правильно записывать только что воспринятыя впечатлѣнія сказывается кромѣ памяти еще цѣлый комплексъ факторовъ, каждый изъ которыхъ усиливается по мѣрѣ возраста, особенно же у дѣтей, воспитываемыхъ въ школахъ: навыкъ сосредоточивать вниманіе на воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ, навыкъ вникать и понимать предъявляемыя къ нимъ требованія, навыкъ серьезно относиться къ производимымъ надъ ними опытами, навыкъ писать чисто автоматически, не думая о процессѣ писанія и т. п. Этимъ же путемъ легко объясняется и тотъ поражающій г. Нечаева фактъ, что ростъ правильности записей только что воспринятыхъ впечатлѣній испытываетъ временную задержку въ періодъ полового развитія: въ воспитательномъ отношеніи это самый трудный періодъ; человѣкъ весь въ какомъ то броженіи. Но г. Нечаевъ, ничто же сумняшеся, характеризуетъ этотъ вполнѣ понятный фактъ уменьшенія вниманія къ тому, что требуется сдѣлать отъ ученика, какъ временную задержку въ ростѣ *памяти* (стр. 40), и выставляетъ его, какъ особенно важное открытіе экспериментальной психологіи (стр. 60). Но развѣ педагоги и весь міръ, приписывая дѣтямъ память болѣе сильную, чѣмъ у взрослыхъ, говорятъ о способности *давать отчетъ, да еще письменный, въ только что испытанномъ рядѣ впечатлѣній?* Разумѣется, они говорятъ совсѣмъ о другомъ, а именно: въ дѣтствѣ механически все заучивается гораздо легче, чѣмъ позднѣе; и хорошо заученное въ дѣтствѣ становится болѣе прочнымъ достояніемъ, чѣмъ заученное, хотя бы и столь же хорошо, но позднѣй. Отсюда ясно, что слова г. Нечаева, будто бы психологическіе эксперименты опровергаютъ общепризнанное мнѣніе о силѣ дѣтской памяти, лишены всякой почвы; они основаны на *молча* сдѣланномъ имъ *произвольномъ и явно ошибочномъ* предположеніи, будто бы эти эксперименты производятся надъ тѣмъ самымъ, о чемъ говорятъ педагоги. Въ дѣйствительности же эти эксперименты касаются явленій, *хотя и одноименныхъ, но совершенно разнородныхъ съ тѣми, о которыхъ говоритъ педагогика*: эти эксперименты говорятъ о комплексѣ факторовъ, въ которомъ память образуетъ лишь *одну изъ составныхъ частей;* а педагоги говорятъ *только* о памяти, что она, а не весь этотъ комплексъ, у дѣтей сильнѣе, чѣмъ у взрослыхъ.

Но дѣло стоитъ для характеристики книги г. Нечаева еще хуже; ибо эти слова его противорѣчатъ даже тѣмъ *опытамъ*, которые несмотря на всю ихъ затруднительность все-таки были произведены такими искусными изслѣдователями, какъ Бине и В. Анри. Эти

опыты описаны въ книжкѣ послѣдняго „Современное состояніе экспериментальной психологіи" на стр. 91 и 92. Г. Нечаевъ упоминаетъ объ этой книжкѣ, но почему-то считаетъ позволительнымъ для себя *игнорировать* эти опыты. Ихъ сущность состоитъ вотъ въ чемъ: двумъ классамъ, каждый по 40 учениковъ, средній возрастъ которыхъ равнялся въ одномъ классѣ $8^1/_2$ годамъ, а въ другомъ $9^1/_2$, говорили рядъ словъ и просили учениковъ тотчасъ же записать ихъ. (Ряды брались одинъ въ 5, два по 6 и два по 7 словъ). Послѣ дѣлали видъ, что опыты совсѣмъ кончены, но черезъ часъ неожиданно для учениковъ возвращались въ классъ и просили опять записать слова, которыя имъ говорили раньше. И что же оказалось? Классъ съ дѣтьми $8^1/_2$ лѣтъ въ среднемъ при повтореніи тотчасъ послѣ впечатлѣнія сдѣлалъ 264 ошибки, а черезъ часъ 586; классъ же съ дѣтьми въ $9^1/_2$ лѣтъ при повтореніи тотчасъ сдѣлалъ всего 236 ошибокъ (на 28 *меньше* другого класса), зато при повтореніи черезъ часъ 683 ошибки (на 97 *больше* другого класса). А развѣ это не подтверждаетъ мнѣнія, что чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе его память? Дѣйствительно, хотя младшіе ученики *дали худшій отчетъ* въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ, за то черезъ часъ *припомнили* ихъ лучше, чѣмъ старшіе ученики.

Въ той же самой книжкѣ приведены еще опыты Киркпатрика, заимствованные изъ статьи, цитируемой и самимъ г. Нечаевымъ (на стр. 161). Изъ нихъ видно, что черезъ три дня память *разныхъ* родовъ ослабѣваетъ совершенно различнымъ образомъ (см. у В. Анри стр. 94). Эти опыты производились слѣдующимъ образомъ: 380 ученикамъ въ одномъ случаѣ говорили рядъ изъ 10 словъ, а во второмъ съ тою же быстротой писали слова на доскѣ (при чемъ въ однихъ опытахъ стирали слово передъ тѣмъ, какъ написать слѣдующее, въ другихъ же оставляли всѣ слова написанными до конца ряда). Наконецъ, въ тѣхъ же классахъ ученикамъ показывали десять различныхъ предметовъ (перо, монету, карандашъ и др.). Ученики записывали напамять все воспринятое и тотчасъ послѣ впечатлѣнія и черезъ три дня. Результаты, выраженные въ среднемъ выводѣ изъ того, что припомнилъ каждый ученикъ, оказались слѣдующими:

Тотчасъ: Слова услышанныя—6,85. Слова написанныя—6,92. Предметы—8,28.

Черезъ три дня: Слова услышанныя 0,91. Слова написанныя—1,89. Предметы—6,28.

Отсюда ясно, что *разнаго рода припоминаніе* (предметовъ, услышанныхъ и написанныхъ словъ) *съ теченіемъ времени ослабѣваетъ различнымъ образомъ*; слѣдовательно, мы не имѣемъ никакого права переносить все, что подмѣтимъ въ отчетѣ, данномъ тотчасъ послѣ ряда впечатлѣній, на память, о которой говорятъ педагоги. Но г. Нечаевъ *молча* допускаетъ, что на основаніи отчета дѣтей, даннаго тотчасъ послѣ ряда впечатлѣній, можно дѣлать всевозможныя заключенія о *ростѣ разныхъ* родовъ памяти.

Какъ же при всемъ этомъ не задуматься: съ чѣмъ мы встрѣчаемся здѣсь, съ поразительной ли грубостью психологическаго анализа, съ отсутствіемъ ли вдумчиваго изученія литературы предмета, изученія, замѣненнаго какимъ-то торопливымъ проглатываніемъ ея, или же вообще съ непростительной поспѣшностью въ работѣ? И задуматься надъ этимъ тѣмъ естественнѣе, что на несоотвѣтствіе явленій, изучаемыхъ въ экспериментальной психологіи, съ явленіями, интересующими педагога, уже ясно указано въ научной литературѣ, указано даже въ двухъ сочиненіяхъ, упоминаемыхъ самимъ же г. Нечаевымъ; можетъ быть, и больше чѣмъ въ двухъ изъ множества упоминаемыхъ имъ, но за два я ручаюсь. Одно изъ нихъ—это только что цитированная книжка В. Анри, которую г. Нечаевъ даже *рекомендуетъ* своимъ читателямъ на стр. XI для ознакомленія съ методами школьнаго экспериментированія и обработки полученныхъ результатовъ. А въ ней передъ изложеніемъ только что описанныхъ мною опытовъ надъ двумя классами говорится слѣдующее: „для педагога важно знать способность ученика запоминать ряды представленій не на короткое время, какъ въ предыдущихъ опытахъ (подъ этими словами В. Анри подразумѣваетъ опыты въ родѣ тѣхъ, которые и цитировались и производились г. Нечаевымъ для опроверженія мнѣнія педагоговъ о силѣ дѣтской памяти), а на болѣе продолжительное время" (стр. 90 у В. Анри). Потомъ В. Анри говоритъ о затруднительности экспериментировать надъ запоминаніемъ, которое важно знать педагогу, т.-е. надъ запоминаніемъ на продолжительное время, и приводитъ, какъ попытку подобнаго экспериментированія, только что цитированные мной опыты надъ двумя классами учениковъ. Кажется, все это достаточно ясно, чтобы заставить г. Нечаева сводить счеты съ вопросомъ, поставленнымъ В. Анри. Подобное же указаніе на несоотвѣтствіе явленій, которыя уже изучаются современной экспериментальной психологіей, съ явленіями, какія важно было бы знать педагогу, было сдѣлано, правда въ при-

мѣненія лишь къ вопросу объ умственномъ утомленіи, еще въ одномъ сочиненіи тоже изъ числа *упоминаемыхъ* г. *Нечаевымъ* (см. его книгу стр. 91), именно извѣстнымъ педагогомъ Шиллеромъ въ его „Der Stundenplan“ (см. Sammlung von Abhandlung. zur pädagogisch. Psychologie und Physiologie I B. стр. 5), гдѣ говорится: „всѣ эти опыты (надъ умственнымъ утомленіемъ) страдаютъ той ошибкой, что они совсѣмъ не соотвѣтствуютъ обыкновенному школьному обученію“. И эта мысль тамъ разъясняется очень подробно. Да и самъ г. Нечаевъ въ своемъ введеніи (на стр. 9) ставитъ вопросъ: стоитъ ли участвовать въ занятіяхъ психологическими опытами для практической подготовки къ учительству, коль скоро они „обыкновенно слишкомъ далеко стоятъ отъ непосредственныхъ явленій школьной жизни?“ Правда, онъ имѣетъ въ виду только лабораторные, а не школьные опыты. Но такъ какъ послѣднихъ до сей поры было сдѣлано неизмѣримо меньше, чѣмъ первыхъ, то значитъ, множество обстоятельствъ побуждало г. Нечаева (особенно же вышеупомянутые эксперименты, *противорѣчащіе* его основному взгляду) задуматься надъ вопросомъ: имѣемъ ли мы право на основаніи существовавшихъ до сихъ поръ психологическихъ экспериментовъ дѣлать какія-либо педагогическія заключенія? Не хватало только одного изъ трехъ условій: или удовлетворительнаго обладанія психологическимъ анализомъ, или внимательнаго отношенія къ литературѣ предмета, или, наконецъ, внимательнаго отношенія къ своей работѣ, по крайней мѣрѣ — настолько внимательнаго, чтобы не печатать ея въ черновыхъ набросках.

Впрочемъ, несправедливо сказать, будто бы г. Нечаевъ *совсѣмъ* не задумывался надъ вопросомъ о несоотвѣтствіи явленій, изучаемыхъ въ *современной* экспериментальной психологіи, съ тѣми, о которыхъ говорятъ педагоги: *одинъ разъ*, и уже *въ самомъ началѣ* книги, онъ было задумался надъ этимъ фактомъ, но не остановился на немъ и сталъ дальше писать всю книгу такъ, какъ если бы не было такого факта. Именно, когда онъ утверждаетъ, будто бы эксперименты опровергаютъ мнѣніе, что въ дѣтствѣ память бываетъ сильнѣй, чѣмъ позже, то г. Нечаевъ въ *подстрочномъ* примѣчаніи „во избѣжаніе недоразумѣній“, какъ сказано тамъ, дѣлаетъ такую оговорку: „указанные эксперименты имѣли цѣлью установить разницу въ силѣ воспроизведенія учащимися данныхъ впечатлѣній *непосредственно послѣ ихъ полученія*“ (стр. 22, курсивъ мой). И больше *ни слова* по поводу этого несоотвѣтствія. Но развѣ это опроверженіе факта несоотвѣтствія? Напротивъ, это пол-

ное признаніе его существованія, но признаніе, которое безъ всякихъ разсужденій тотчасъ же сопровождается полнымъ игнорированіемъ признаннаго факта. Вотъ почему въ общей характеристикѣ я сказалъ, что самоувѣренность г. Нечаева можетъ показаться даже обидной для читателя. Въ какомъ свѣтѣ рисуется автору умственный кругозоръ читателей, если онъ надѣется, что они все-таки будутъ убѣждены его доводами? Впрочемъ, дѣло легко объясняется и безъ обидныхъ для читателей предположеній со стороны г. Нечаева: въ черновыхъ тетрадяхъ часто бываетъ, что возраженіе, которое должны сдѣлать автору, записывается имъ для памяти, но остается безъ опроверженія; ибо авторъ разсчитываетъ когда-нибудь впослѣдствіи вдуматься въ это возраженіе.

А надо имѣть въ виду, что свое произвольное и ошибочное предположеніе, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, г. Нечаевъ допускаетъ, и при томъ *всегда молчкомъ*, не только когда говоритъ о ростѣ памяти и разницѣ ея развитія у мальчиковъ и дѣвочекъ, а также и во всей книгѣ. Вотъ другой примѣръ, изъ *середины* книги: это такъ называемыя „періодическія колебанія вниманія", изучавшіяся Урбанчичемъ, Н. Н. Ланге и др. Упомянувъ о нихъ, г. Нечаевъ спрашиваетъ: „можетъ ли это явленіе имѣть практическое значеніе для учителя?" и отвѣчаетъ, что въ связи съ усталостью оно помѣшаетъ ученику слушать учителя или, по крайней мѣрѣ, почти воспрепятствуетъ удержать въ памяти слова послѣдняго и т. д. (стр. 112—114). Но эти періодическія колебанія вниманія, точнѣе говоря — ясности впечатлѣній, подмѣчаются при такихъ условіяхъ, которыя не имѣютъ мѣста въ школахъ. Напримѣръ, они замѣтны, если мы съ *наивысшимъ* напряженіемъ вниманія, удаливъ отъ себя все прочее, что могло бы его привлечь къ себѣ (напримѣръ, въ полутемнотѣ, въ полной тишинѣ), вслушиваемся въ тиканье карманныхъ часовъ, помѣщенныхъ на такомъ разстояніи, чтобы ихъ звукъ былъ *едва* замѣтенъ; тогда почему-то періодически чрезъ небольшіе періоды времени, отъ 3 до 5 секундъ, онъ исчезаетъ, а потомъ снова появляется. Ясно, что на основаніи этого явленія еще нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній о вниманіи, дѣйствующемъ безъ крайнихъ степеней напряженія и въ обычной классной обстановкѣ. Къ тому же еще до сихъ поръ остается спорнымъ вопросомъ, составляютъ ли эти *такъ называемыя* періодическія колебанія вниманія дѣйствительно колебанія *вниманія*, или же колебанія чего нибудь другого, напримѣръ, въ дѣятельности органа чувствъ и т. п.

Наконецъ, послѣдній примѣръ того же крупнаго промаха почти изъ *конца* книги. Г. Нечаевъ ссылается (стр. 154—155) на опыты Лотти Стефенсъ, какъ на доказательство, что „привычный способъ заучиванія далеко не всегда оказывется *самымъ удобнымъ* для *даннаго* лица" (курсивъ мой). И изъ этихъ опытовъ онъ дѣлаетъ такое важное заключеніе: „школа должна научить своихъ питомцевъ *работъ запоминанія*: она должна показать имъ *цѣлесообразные способы заучиванія*" (курсивъ мой). Но въ чемъ же состояли опыты Стефенсъ? Ея опыты надъ заучиваніемъ безсмысленнаго ряда слоговъ оставимъ безъ вниманія: они если и интересны для педагоговъ, то только для преподавателей тѣхъ еврейскихъ школъ, въ которыхъ заучивается талмудъ на незнакомомъ языкѣ. Сущность же другихъ опытовъ Стефенсъ состояла въ томъ, что она давала семи испытуемымъ лицамъ заучивать вслухъ стихи въ 9 строкъ, оба раза—конечно, однороднаго содержанія (чаще всего брались отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда), но одинъ разъ предоставляя имъ полную свободу заучиванія, а въ другой разъ прося ихъ заучивать по указанному ею способу. И оказалось, что всѣ испытуемые, когда заучиваютъ стихотвореніе по своему, то-есть какъ имъ самимъ кажется лучше, разбиваютъ его для заучиванія на части, которыя повторяютъ по нѣскольку разъ, при чемъ каждый дѣлаетъ эти раздѣленія и повторенія по своему; но на все заучиваніе каждый изъ нихъ тратилъ нѣсколько больше времени (отъ 4 секундъ до 1 минуты 12 секундъ), чѣмъ, если онъ заучиваетъ стихотвореніе такой же величины, читая нѣсколько разъ его все цѣликомъ. Вотъ въ этомъ-то фактѣ и видитъ г. Нечаевъ подтвержденіе своихъ педагогическихъ выводовъ. Но не очевидно ли, что эти опыты вообще не имѣютъ никакого педагогическаго значенія? Вѣдь одно дѣло заучивать неизвѣстно зачѣмъ въ психологическомъ кабинетѣ и другое заучивать съ цѣлью *наиболѣе прочнаго* запоминанія *при наименьшей тратѣ времени, усилій и съ наименьшей скукой*. Для педагога важно только послѣднее заучиваніе; а естественно, что каждый изъ насъ на практикѣ узналъ, какой способъ заучиванія *съ цѣлью самаго прочнаго запоминанія* оказывается *для него лично* наиболѣе цѣлесообразнымъ въ смыслѣ *соединенія наибольшей скорости съ наименьшей утомительностью и наименьшей скукой*. И нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ способъ заучиванія окажется на нѣсколько секундъ (даже и минутъ) продолжительнѣе какого-нибудь другого, подобраннаго въ психологическомъ кабинетѣ безъ всякихъ сообра-

женій и объ его утомительности, скучности и объ его пригодности для цѣлей школы и жизни.

Нѣтъ, пусть учителя и учительницы не увлекаются проектомъ г. Нечаева обучать дѣтей наиболѣе цѣлесообразнымъ пріемамъ заучиванія: въ этомъ вопросѣ навыкъ, выработанный ученикомъ подъ руководствомъ собственнаго невольнаго самонаблюденія, гораздо надежнѣе, чѣмъ всякіе разсчеты посторонняго лица, которые при *современномъ* положеніи дѣлъ могутъ быть лишь самыми грубыми. Да и сама Стефенсъ вовсе не претендуетъ на то, что она открыла наиболѣе *удобный* для даннаго лица способъ заучиванія. Въ своей статьѣ, на которую ссылается г. Нечаевъ, она сама высказываетъ такую мысль (см. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane B. 22, стр. 335): „замѣчу, что степенью утомленія, которой требуютъ разные способы заучиванія, и всѣми связанными съ нимъ вопросами, я не занималась". А въ другомъ мѣстѣ той же статьи она говоритъ про способъ заучиванія, который оказался самымъ короткимъ: „иное дѣло, какой способъ заучиванія будетъ самымъ благопріятнымъ для удерживанія. (Behalten—т.-е., благопріятнымъ въ смыслѣ прочности). Но изслѣдованіе этого вопроса не входитъ въ мою задачу" (ibid. стр. 368). Но г. Нечаевъ, вслѣдствіе поразительной торопливости, съ какой онъ читалъ цитируемыя имъ сочиненія, проглядѣлъ обѣ эти оговорки, сдѣланныя самой же Стефенсъ и сполна уничтожающія основанныя имъ на ея опытахъ ошибочныя заключенія.

III.

Необоснованность и произвольность составленнаго г. Нечаевымъ плана для новыхъ работъ по тому же предмету.

Какъ мы сейчасъ видѣли, у г. Нечаева доказательства важности *современной* экспериментальной психологіи для развитія дидактики опираются, между прочимъ, на игнорированіи разницы явленій, подвергаемыхъ экспериментированію, съ одноименными, но отличающимися отъ нихъ явленіями, которыя важны для педагога. Въ виду этого легко объяснить, почему г. Нечаевъ является вполнѣ піонеромъ въ предпринятомъ имъ дѣлѣ примѣненія *уже существующей* экспериментально-психологической литературы къ развитію общей дидактики и почему сами авторы цитируемыхъ имъ сочиненій не придаютъ послѣднимъ такого значенія, какое приписываетъ имъ г. Нечаевъ.

Но, какъ сказано въ самомъ началѣ моего разбора, г. Нечаевъ

проситъ на стр. X, чтобы его книгу оцѣнивали преимущественно, какъ научно обоснованный *планъ* для новыхъ работъ въ этомъ направленіи. Если же оцѣнивать ее съ этой точки зрѣнія, то надо признать, что въ основу своего плана онъ, кромѣ только что описаннаго мной произвольнаго и явно ошибочнаго отожествленія разнородныхъ явленій, допускаемаго имъ безъ всякихъ доказательствъ, кладетъ еще столь же произвольное предположеніе. вполнѣ однородное съ этимъ отожествленіемъ. Именно: сами цитируемые г. Нечаевымъ авторы разсматриваютъ свои экспериментальныя работы не какъ назначенныя для непосредственнаго примѣненія къ развитію дидактики. Большинство изъ нихъ, предпринимая свои изслѣдованія, совсѣмъ и не думали о педагогикѣ.

Поэтому и употребляемые ими пріемы экспериментированія они не могли разсматривать, какъ уже пригодные для развитія педагогики; а если г. Нечаевъ, строя свой научно обоснованный планъ, хочетъ тѣмъ не менѣе поставить цитируемыя имъ работы въ связь съ положеніями дидактики, то онъ долженъ тщательно доказать, что методы, употребляемые въ этихъ работахъ, вопреки мнѣнію ихъ авторовъ, дѣйствительно примѣнимы къ развитію дидактики. Значитъ, онъ долженъ былъ бы описывать эти методы и анализовать ихъ съ точки зрѣнія ихъ пригодности для развитія дидактики. Но г. Нечаевъ не дѣлаетъ ничего подобнаго, а ограничивается сообщеніемъ однихъ лишь окончательныхъ выводовъ, полученныхъ цитируемыми авторами, и самыми общими указаніями, въ чемъ именно состояли ихъ опыты. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Нечаевъ нигдѣ не объясняетъ, почему онъ находитъ позволительнымъ для себя подобный пропускъ. Нельзя же считать такимъ объясненіемъ его упоминаніе въ предисловіи, что онъ не задавался цѣлью написать руководство по экспериментальной техникѣ (стр. X): вѣдь два совершенно различныхъ дѣла составленіе подобнаго руководства и вопросъ о примѣнимости того или другого экспериментальнаго пріема къ такимъ цѣлямъ, которыхъ не имѣлъ въ виду его изобрѣтатель.

IV.

Явныя несообразности въ постановкѣ, выводахъ и въ описаніи опытовъ г. Нечаева надъ памятью.

Теперь я перейду къ разбору самостоятельныхъ изслѣдованій г. Нечаева, къ его собственнымъ опытамъ и систематическимъ само-

наблюденіямъ, произведеннымъ имъ на благо педагогики. Они заслуживаютъ довольно подробнаго разбора; ибо на самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ гораздо легче и вѣрнѣе можно подмѣтить степень научной подготовки ихъ автора, чѣмъ на компилятивной работѣ. Да и посвящена имъ г. Нечаевымъ чуть не четверть книги. (Именно: изъ 224 стр. имъ удѣлены страницы 28—60, 68—84, 117—124 и 150—152). Эти изслѣдованія распадаются на три части: 1) опыты надъ памятью учениковъ и ученицъ; 2) опыты надъ внушеніемъ и 3) самонаблюденія надъ умственной работоспособностью. Въ этомъ порядкѣ я и разберу каждое изъ нихъ порознь.

Надъ памятью учениковъ и ученицъ въ возрастѣ отъ 9 до 18 лѣтъ трехъ мужскихъ и трехъ женскихъ школъ г. Нечаевъ производилъ слѣдующіе опыты: онъ или показывалъ имъ 12 предметовъ, по одному черезъ 5 секундъ, или черезъ такіе же промежутки производилъ передъ ними 12 звуковъ, или произносилъ 12 двузначныхъ чиселъ, или же 12 трехсложныхъ словъ, изъ которыхъ всѣ 12 имѣли бы однородныя значенія, напримѣръ, всѣ означали бы звуки, или предметы, воспринимаемые зрѣніемъ и т. д. Тотчасъ послѣ каждаго такого показыванія или произнесенія чиселъ или словъ ученики должны были записать на бумагѣ, что именно они запомнили изъ числа показанныхъ имъ предметовъ или изъ услышанныхъ звуковъ, чиселъ и словъ. Результаты же этихъ опытовъ сопоставлялись для полученія различныхъ обобщеній, какъ между собой, такъ и съ результатами опытовъ надъ внушеніями, съ письменными отвѣтами испытуемыхъ на разные вопросы, касающіеся того, какъ имъ легче учить уроки, какіе предметы для нихъ самые легкіе и самые трудные и т. п., а также съ измѣреніями емкости легкихъ и мускульной силы нѣкоторыхъ, именно 130 испытуемыхъ.

По существу своему, т.-е. по методу, произведенные г. Нечаевымъ опыты надъ памятью не представляютъ собой ничего новаго. Точно такіе же опыты надъ учениками производились уже многими психологами, начиная съ 1891 г. Г. Нечаевъ только придалъ имъ болѣе широкую форму, подвергнувъ испытанію не два-три, а цѣлыхъ восемь родовъ памяти — память на предметы, воспринимаемые зрѣніемъ, на звуки, числа и на пять родовъ словъ, отличающихся по своему значенію. Поэтому изслѣдованія г. Нечаева надъ памятью приходится оцѣнивать не по тѣмъ заслугамъ, за которыми въ настоящее время больше всего гонятся представители экспериментальной психологіи, т.-е. не по степени сдѣланнаго имъ усовершенствованія

методовъ изслѣдованія, но только по степени обнаруженнаго г. Нечаевымъ искусства пользоваться уже существующими методами изслѣдованія и по надежности полученныхъ имъ выводовъ.

Къ сожалѣнію, изслѣдованія г. Нечаева надъ памятью не имѣютъ для науки никакой цѣнности. Я не стану теперь говорить о томъ, что г. Нечаевъ свои опыты надъ умѣньемъ дѣтей давать письменный отчетъ въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ безъ всякаго анализа разсматриваетъ прямо, какъ опыты надъ памятью, между тѣмъ какъ наряду съ ней здѣсь обнаруживается цѣлый рядъ навыковъ. Чтобы стать на его точку зрѣнія, я тоже буду постоянно разсматривать ихъ, какъ опыты надъ одной лишь памятью, и покажу къ чему это приводитъ.

При своихъ экспериментахъ надъ памятью г. Нечаевъ имѣлъ въ виду прежде всего выяснить зависимость памяти у мальчиковъ и дѣвочекъ отъ возраста. По правиламъ логики (методъ сопутствующихъ измѣненій) онъ долженъ былъ бы или устранить вліяніе на память со стороны всѣхъ другихъ обстоятельствъ, кромѣ неотдѣлимыхъ отъ возраста, или сдѣлать это вліяніе повсюду одинаковымъ. Но г. Нечаевъ поступаетъ въ родѣ того, какъ если бы кто, желая узнать зависимость развитія ума отъ возраста, употребилъ для этого такой пріемъ: представителей младшаго возраста взялъ бы изъ училища для идіотовъ, средняго изъ гимназіи, а старшаго изъ университета. Дѣйствительно, дѣвочекъ 9 и 10 лѣтъ г. Нечаевъ беретъ изъ народнаго училища, 13 и 14 лѣтъ только изъ женской гимназіи, 11 и 12 лѣтъ изъ гимназіи и народнаго училища, а для возрастовъ, начиная съ 15 лѣтъ изъ гимназіи и пріюта принца Ольденбургскаго. Въ родѣ этого поступаетъ онъ и съ мальчиками: 9 и 10 лѣтніе взяты только изъ народнаго училища и реальной школы принца Ольденбургскаго, начиная съ 13 лѣтъ только изъ реальной школы и Александровскаго лицея, а 11 и 12 лѣтніе, т. е. средній возрастъ, изъ всѣхъ этихъ трехъ заведеній.

Такимъ образомъ то, что г. Нечаевъ приписываетъ одному лишь возрасту, можетъ оказаться въ зависимости отъ неодинаковаго характера школъ, въ которыхъ находятся дѣти разнаго возраста, сравниваемые между собою. Г. Нечаевъ ни разу не задумался, чтобы свести счеты съ этимъ крупнымъ и фундаментальнымъ недостаткомъ въ постановкѣ своихъ экспериментовъ, хотя, разсматривая приведенные имъ самимъ первоначальные результаты испытанія, онъ могъ бы тот-

часъ же убѣдиться наглядно (если бы даже раньше забылъ объ этомъ фактѣ), что принадлежность къ той или другой школѣ несомнѣнно вліяетъ по своему на результаты его опытовъ надъ учениками этихъ школъ. Именно: если бы не было вліянія на память со стороны отличительныхъ особенностей школы, то память даннаго рода у мальчиковъ одного и того же возраста была бы въ разныхъ школахъ одинаковой, также какъ, въ свою очередь, и у дѣвочекъ одного возраста, но разныхъ школъ. Между тѣмъ изъ таблицъ, приведенныхъ на стр. 36—38, видно, что память всякаго рода у лицеистовъ значительно ниже, чѣмъ у реалистовъ того же возраста. Напримѣръ, запоминаніе предметовъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ, для лицеистовъ всѣхъ возрастовъ отъ 11 до 18 лѣтъ включительно и для реалистовъ тѣхъ же возрастовъ выражается слѣдующими двумя рядами чиселъ, расположенными по мѣрѣ увеличенія числа лѣтъ, начиная съ 11 и кончая 18-ю (см. эти числа на стр. 36).

Лицеисты: 7—7—7,6—8,7—8,8—8.9—8,9—9,1.

Реалисты: 8,4—9,1—8,7—9,4—9,5—10,5—9.8—9,6.

Эти числа представляютъ собой для каждаго возраста средній выводъ изъ числа впечатлѣній, правильно записанныхъ дѣтьми этого возраста.

Разница, доказываемая этими двумя рядами, кидается въ глаза еще сильнѣе, если мы возьмемъ суммы этихъ чиселъ. Для лицеистовъ получается 66, а для реалистовъ 75; а эти суммы должны бы выходить равными, если бы характеръ школы не вліялъ на развитіе того, что г. Нечаевъ произвольно называетъ памятью. И эта разница между лицеистами и реалистами не случайная: она систематически повторяется во всѣхъ родахъ памяти. Если читатель, пользуясь таблицей X г. Нечаева (на стр. 36—38), сложитъ числа, характеризующія память лицеистовъ и реалистовъ одинаковаго возраста, то получитъ такія суммы: память на звуки у лицеистовъ 51, у реалистовъ 54,8. Память на числа: у лицеистовъ 38,6, у реалистовъ 42,1. Память на слова, обозначающія зрительные образы: у лицеистовъ 54.7, у реалистовъ 58,1. Память на слова, обозначающія звуки: у лицеистовъ 45,7, у реалистовъ 54. Память на названія осязательныхъ образовъ: у лицеистовъ 43,8, у реалистовъ 52,5. На названія эмоціональныхъ представленій у лицеистовъ 40,1, у реалистовъ 45,2. На названія отвлеченныхъ представленій у лицеистовъ 41,7, у реалистовъ 44,6. Для *всѣхъ* же родовъ памяти, взятыхъ вмѣстѣ, получаются такія числа: у лицеистовъ—381,6; у реалистовъ—421,4.

Словомъ: *если бы г. Нечаевъ внимательно разсматривалъ самые первоначальные результаты своихъ опытовъ, то онъ долженъ былъ бы тотчасъ же измѣнить всю постановку опытовъ надъ памятью или же обойтись безъ нихъ въ своей книгѣ, а не заниматься попусту построеніемъ дальнѣйшихъ таблицъ и чертежей, изъ которыхъ многія вообще ни къ чему не нужны въ его книгѣ.*

При допущенной же имъ неправильной постановкѣ, и всѣ обобщенія, полученныя имъ на основаніи этихъ опытовъ, должны быть хуже, чѣмъ ненадежными. И дѣйствительно, г. Нечаевъ утверждаетъ, напримѣръ, будто бы у мальчиковъ память на реальныя впечатлѣнія (на предметы и звуки) сильнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ. Но такъ выходитъ только въ томъ случаѣ, если мы вмѣстѣ съ г. Нечаевымъ упускаемъ изъ виду вліяніе особаго характера каждой школы на результаты опытовъ. Если же мы будемъ сравнивать мальчиковъ и дѣвочекъ одинаковыхъ возрастовъ по отдѣльнымъ школамъ, то оказывается, что у лицеистовъ, вопреки выводу г. Нечаева, память на реальныя впечатлѣнія вообще ниже, чѣмъ у гимназистокъ той гимназіи, въ которой онъ производилъ свои опыты. Это особенно ясно видно, если мы сложимъ вмѣстѣ числа, посредствомъ которыхъ г. Нечаевъ характеризуетъ память на реальныя впечатлѣнія каждаго отдѣльно взятаго возраста у лицеистовъ и гимназистокъ. (См. стр. 36 табл. X, № 1 и № 2). Для памяти на предметы у лицеистовъ съ 11 до 18 лѣтъ сумма равняется 66, а у гимназистокъ тѣхъ же возрастовъ—74,1, число почти равное тому, которое получается для реалистовъ, т.-е. 75. Для памяти же на звуки у лицеистовъ 51, а у гимназистокъ все-таки больше, именно—51,4. Какъ же послѣ этого утверждать въ видѣ общаго закона, будто бы у учениковъ память на предметы и звуки сильнѣе, чѣмъ у учениць? Выводъ же г. Нечаева получился только оттого, что при своихъ сравненіяхъ онъ сваливаетъ въ кучу *случайно* набранныхъ представителей совершенно разнородныхъ школъ—трехъ разнородныхъ мужскихъ и трехъ женскихъ, при чемъ на реалистовъ изъ общаго числа мальчиковъ пришлась огромнѣйшая доля—почти $^3/_4$ (335 изъ 494 всѣхъ мальчиковъ), а лицеистовъ было даже меньше, чѣмъ гимназистокъ (первыхъ 112, а вторыхъ 129). Реалисты при этомъ сравненіи и заставили въ среднемъ выводѣ мальчиковъ взять верхъ надъ дѣвочками. Этотъ примѣръ, наглядно показывая, на какомъ плохомъ фундаментѣ строитъ г. Нечаевъ свои обобщенія и какъ они легко разрушаются, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно свидѣтельствуетъ, что и

всѣ дальнѣйшіе выводы, сдѣланные имъ на основаніи изслѣдованій памяти, не могутъ имѣть никакого научнаго значенія.

Приведу теперь примѣры, которые вмѣстѣ съ тѣмъ покажутъ, какъ опасно полагаться на изслѣдованія г. Нечаева, именно въ дидактикѣ, для усовершенствованія которой онъ и предпринялъ составленіе всей своей книги.

Если вмѣстѣ съ нимъ придавать его изслѣдованіямъ надъ памятью педагогическое значеніе (чего однако не слѣдуетъ дѣлать), то они обязываютъ признать такой чудовищный выводъ: преподавая дѣвочкамъ отъ 8 до $11^1/_2$ лѣтъ включительно, гораздо полезнѣе описывать словами направленія рѣкъ и другіе предметы, воспринимаемые зрѣніемъ, чѣмъ показывать ихъ на картѣ или въ натурѣ; ибо по изслѣдованіямъ г. Нечаева въ эти годы у дѣвочекъ запоминаніе *словъ*, обозначающихъ зрительныя представленія, развито гораздо сильнѣе, чѣмъ запоминаніе самихъ *предметовъ*, воспринимаемыхъ зрѣніемъ. (См. двѣ верхнихъ кривыхъ въ таблицѣ XXXII на стр. 48, а также числа, характеризующія память дѣвочекъ на стр. 36 и 37 подъ № 1 и 3). Впрочемъ тотъ же выводъ получается на основаніи таблицы X (№№ 1 и 4) и для мальчиковъ народныхъ школъ. Г. Нечаевъ самъ не высказываетъ этого чудовищнаго дидактическаго вывода, но одно изъ двухъ: или онъ, придавая педагогическое значеніе своимъ опытамъ, совсѣмъ не замѣчаетъ его, такъ что очевиднымъ образомъ составляетъ массы таблицъ и вычерчиваетъ кривыя, не обращая надлежащаго вниманія на то, что выражается ими, или же, замѣтивъ этотъ выводъ, г. Нечаевъ старается ускользнуть отъ него посредствомъ объясненія, которое ввергаетъ его изъ огня въ полымя. Дѣло въ томъ, что г. Нечаевъ объ отмѣченномъ въ его таблицахъ преобладаніи у мальчиковъ народныхъ школъ памяти на слова надъ памятью на предметы, воспринимаемые зрѣніемъ, совсѣмъ не говоритъ ни слова, а относительно этого факта у дѣвочекъ говоритъ только одинъ разъ и именно въ слѣдующей фразѣ на стр. 47: „насколько трудно, говорится тамъ, для учащихся младшаго возраста ассоціировать съ извѣстнымъ зрительнымъ впечатлѣніемъ опредѣленное названіе, видно изъ того, что ученицы 9—11 лѣтъ гораздо легче воспроизводятъ данныя имъ *слова*, обозначающія зрительные образы, чѣмъ имена данныхъ *предметовъ*“. Этотъ курсивъ, принадлежащій самому г. Нечаеву, и контекстъ, въ которомъ попадается эта фраза, могутъ, пожалуй, внушить мысль, что здѣсь г. Нечаевъ устраняетъ указанный мною дидактическій выводъ (о безполезности нагляднаго обученія въ

нѣкоторыхъ случаяхъ) посредствомъ такого разсужденія: только кажется, будто бы дѣвочки 9—11 лѣтъ запоминаютъ видѣнные ими предметы хуже, чѣмъ услышанныя ими слова; въ дѣйствительности же онѣ съ такимъ трудомъ ассоціируютъ съ видимыми предметами ихъ названія, т.-е. съ такимъ трудомъ припоминаютъ ихъ имена, что не успѣваютъ сдѣлать это въ короткій срокъ; поэтому, когда онѣ записываютъ услышанныя ими слова и имена показанныхъ имъ предметовъ, то и кажется, будто бы онѣ предметы запоминаютъ хуже. чѣмъ слова. Но г. Нечаевъ показывалъ дѣтямъ самые заурядные предметы: стаканъ, бутылку, перо, книгу, газету и т. п. Каждый оставался на виду 2 секунды, а появлялись они другъ за другомъ черезъ 5 секундъ (см. стр. 30). Для припоминанія же названія подобныхъ предметовъ не нужно даже и полной секунды.

Изъ всего этого ясно одно: замѣтилъ ли г. Нечаевъ дидактическій выводъ, къ которому обязываютъ его опыты, или не замѣтилъ, старается ли онъ, не высказывая его явнымъ образомъ, объяснить его, какъ кажущійся. или же у него нѣтъ такого желанія, и въ томъ и въ другомъ случаѣ получится одинаковый результатъ — составляя свои таблицы и чертежи, г. Нечаевъ не пользуется ихъ указаніями для усовершенствованія своей работы въ такомъ направленіи, чтобы ея выводамъ придать надлежащую прочность, т. е. онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе не столько на содержаніи таблицъ и чертежей, сколько на самомъ *процессѣ ихъ составленія*. Это—черта, или свойственная ученическому возрасту, а не ученому, или же свидѣтельствующая, что авторъ работы недостаточно обдумалъ ее. И нельзя объяснить появленія этой черты намѣреніемъ дать читателямъ руководство по экспериментальной техникѣ: на стр. X предисловія онъ самъ проситъ не приписывать ему этого намѣренія. Взамѣнъ того на стр. XI онъ обѣщаетъ до извѣстной степени руководить въ *постановкѣ* основныхъ задачъ школьной экспериментаціи. Но, къ сожалѣнію, онъ во всей своей книгѣ нигдѣ не доказалъ, чтобы самъ-то онъ умѣлъ придавать опытамъ правильную постановку.

Но какъ же объяснить чудовищный дидактическій выводъ, вытекающій изъ опытовъ г. Нечаева? Очень просто. Для дѣвочекъ *вообще* онъ не долженъ получаться; и г. Нечаевъ напрасно вычертилъ подобную кривую на таблицѣ XXXII. У гимназистокъ по его таблицамъ первоначальныхъ результатовъ *совсѣмъ нѣтъ* преобладанія памяти на слова, обозначающія зрительныя впечатлѣнія, передъ па-

мятью на эти впечатлѣнія. Подобное преобладаніе по его первоначальнымъ таблицамъ замѣчается *только* и въ мужской и въ женской *народной* школѣ. Для дѣвочекъ же *вообще* до $11^1/_2$ лѣтъ оно только оттого вышло у г. Нечаева въ общихъ итогахъ, что представительницъ младшаго возраста онъ беретъ изъ одной лишь народной школы, а средняго изъ женской гимназіи. Для мальчиковъ же подобнаго результата не вышло отъ того, что уже съ самаго младшаго возраста на ряду съ народной школой у него взяты еще и реалисты и притомъ втрое больше, чѣмъ учениковъ младшаго возраста народной школы (послѣднихъ 47, а реалистовъ *тою же* возраста 155, см. стр. 28), такъ что реалисты въ общемъ итогѣ замаскировали чудовищную особенность народныхъ школъ. Что же касается послѣднихъ, то, *вѣроятно*, въ нихъ опыты надъ памятью на предметы производились раньше другихъ; и дѣти, учащіяся въ народныхъ школахъ, не привыкшія вообще къ посѣщенію важныхъ господъ, да еще дѣлающихъ такія диковинныя вещи, какъ опыты г. Нечаева, нѣсколько растерялись и *сначала* были крайне невнимательны къ опытамъ.

Это объясненіе подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ: чтобы людей подивить и себя показать, г. Нечаевъ отрывокъ изъ своей книги, посвященный опытамъ надъ памятью, послалъ въ журналъ Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Тамъ, конечно, напечатали эту статью; ибо какой же научный журналъ захочетъ быть невѣжливымъ передъ Петербургскимъ университетомъ, къ составу котораго принадлежитъ г. Нечаевъ. Но нѣмцы, по обыкновенію, не стали тратить времени на детальный разборъ. Взамѣнъ того Лобзинъ (Marx Lobsien) повторилъ опыты г. Нечаева, но поставивъ ихъ вполнѣ правильно: кромѣ разныхъ мелкихъ перемѣнъ онъ ограничился *лишь* нѣсколькими мужскими и женскими *народными* школами въ Килѣ, такъ что испытанію подверглись только дѣти *однородныхъ* школъ. Свои результаты онъ обнародовалъ въ послѣдней книжкѣ того же самаго журнала (Zeitschr. für. Psych. und Phys. d. Sinnesorg. Band 27 Heft 1 u. 2). И что же? Оказывается, что въ Килѣ, по крайней мѣрѣ, въ народныхъ школахъ, ни въ мужскихъ ни въ женскихъ, нѣтъ никакого преобладанія памяти на слова, обозначающія зрительныя впечатлѣнія, надъ памятью на эти впечатлѣнія: такое преобладаніе составляетъ лишь особенность тѣхъ двухъ народныхъ школъ, въ которыхъ производилъ свои опыты г. Нечаевъ!

Отмѣчу кстати, что у Лобзина не вышло также, чтобы память на реальныя впечатлѣнія у мальчиковъ была сильнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ, хотя онъ производилъ свои опыты надъ дѣтьми (238 мальчиками и 224 дѣвочками) отъ 9 до $14^1/_2$ лѣтъ, т.-е. такихъ возрастовъ, когда, по словамъ и чертежамъ г. Нечаева, эта разница очень сильна (см. его кривыя на стр. 44 табл. XXVIII). У Лобзина получились результаты, какихъ и надо было заранѣе ожидать: при *всякихъ* испытаніяхъ дѣвочки записывали только что воспринятыя впечатлѣнія нѣсколько лучше, чѣмъ мальчики. Такъ и должно быть; ибо дѣвочки ко всему относятся нѣсколько аккуратнѣй и внимательнѣй мальчиковъ.

Наконецъ, приведу еще примѣръ столь же важнаго, съ педагогической точки зрѣнія, но на столько же явно-несообразнаго, вывода, неизбѣжно вытекающаго изъ опытовъ г. Нечаева. Именно: если комментировать опыты г. Нечаева такъ же, какъ это дѣлаетъ и онъ самъ, т.-е. если вмѣстѣ съ нимъ думать, будто бы онъ производилъ опыты дѣйствительно надъ памятью, а не надъ цѣлымъ комплексомъ факторовъ, въ числѣ которыхъ, *между прочимъ*, попадается и память, то *лицеисты оказываются какими-то слабоумными сравнительно съ другими дѣтьми того же возраста, какъ мальчиками, такъ и дѣвочками.* Это явно кидается въ глаза на таблицѣ, приведенной г. Нечаевымъ на стр. 36 — 38. Я даже не понимаю, какъ могъ не замѣтить г. Нечаевъ этого обстоятельства: память всякаго рода у лицеистовъ по этимъ таблицамъ обязательно выходитъ хуже, чѣмъ у реалистовъ и гимназистокъ, поставленныхъ въ таблицахъ *рядомъ* съ лицеистами. Сравненіе ея съ реалистами я уже приводилъ въ началѣ этого отдѣла. Теперь же прибавлю, что если мы сложимъ всѣ числа, которыми г. Нечаевъ характеризуетъ память разныхъ родовъ у лицеистовъ, реалистовъ и гимназистокъ одинаковыхъ возрастовъ (см. стр. 36—38), то получимъ слѣдующія суммы: для лицеистовъ 381,6; для реалистовъ принца Ольденбургскаго 426,4; для гимназистокъ—441,4, т.-е. *разница между памятью лицеистовъ и памятью реалистовъ* (*44,8*) *даже втрое больше, чѣмъ разницы между реалистами и гимназистками* (15). Столь слабоумными выходятъ лицеисты, если вмѣстѣ съ г. Нечаевымъ думать, будто бы онъ изучалъ у нихъ память, а не комплексъ разнообразныхъ факторовъ, на основаніи котораго никоимъ образомъ нельзя судить, какая память у мальчиковъ лучше или хуже, чѣмъ у дѣвочекъ и какъ она измѣняется съ увеличеніемъ возраста.

Чѣмъ же объяснить такой диковинный результатъ у г. Нечаева?

Неужели дурной постановкой *образованія* въ лицеѣ? Я не поклонникъ послѣдняго; но надо умѣть во всемъ разбираться. При описаніи опытовъ у г. Нечаева, повидимому, есть объясненіе; но только — повидимому. Именно: на стр. 29 у него говорится: „въ старшихъ классахъ лицея (14 — 18 л.) временемъ опытовъ были *вечернія* занятія" (курсивъ мой). Примемъ это за объясненіе; пусть старшіе лицеисты, начиная съ 14 лѣтняго возраста, были утомлены во время опытовъ. Но въ младшихъ-то классахъ опыты производились, по словамъ г. Нечаева, въ такое же время, какъ и въ другихъ школахъ (см. ibid.). А при нихъ получился такой же диковинный результатъ. Болѣе того: по таблицамъ г. Нечаева онъ выходитъ даже для двухъ самыхъ младшихъ возрастовъ, т.-е. для такихъ лицеистовъ, которые только что поступили въ лицей и еще не могли подвергнуться вліянію со стороны постановки *образованія* въ лицеѣ: *они выходятъ у г. Нечаева даже слабоумнѣе учениковъ народной школы*. Въ самомъ дѣлѣ, если сложить числа, характеризующія у г. Нечаева память всѣхъ родовъ (кромѣ памяти на предметы) для лицеистовъ, реалистовъ и учениковъ народной школы 11 и 12 лѣтъ, то получаются такія суммы: для лицеистовъ—60,9: для реалистовъ — 76,7, т.-е. на 25% болѣе, чѣмъ у лицеистовъ; для учениковъ народной школы — 75,8, т.-е. почти точь въ точь, какъ у реалистовъ. Память на предметы я оттого исключаю изъ этого сравненія, что, какъ сейчасъ было показано, она для народныхъ школъ охарактеризована у г. Нечаева явно ошибочно. А ограничиваюсь я потому 11 и 12 лѣтнимъ возрастомъ, что въ таблицахъ г. Нечаева нѣтъ лицеистовъ моложе 11 лѣтъ и нѣтъ учениковъ народной школы старше 12 лѣтъ. Чѣмъ же объяснить, что лицеисты кажутся въ опытахъ г. Нечаева гораздо слабоумнѣе всѣхъ другихъ дѣтей? Можетъ быть, тѣмъ, что туда принимаются только дѣти потомственныхъ дворянъ, а они уже съ дѣтства отличаются слабоуміемъ? Нѣтъ, я скоро укажу еще другое объясненіе, которое выйдетъ гораздо вѣроятнѣе: вѣдь никто еще не наблюдалъ ни того, чтобы русскіе потомственные дворяне отличались *прирожденнымъ* слабоуміемъ, ни того, чтобы они получали такое дурное домашнее воспитаніе, вредныхъ результатовъ котораго не можетъ уже исправить школа.

Но если бы выводы г. Нечаева относительно памяти и не разрушались такъ легко, все-таки ни въ одной научной работѣ нельзя было бы ссылаться на его опыты, не повторивъ ихъ цѣликомъ заново. При описаніи психологическихъ экспериментовъ нужно самымъ точ-

нымъ образомъ указывать всю обстановку, при которой они происходили, чтобы всякій читатель могъ разсудить, не скрываются ли въ этой обстановкѣ такія обстоятельства, которыя могли бы повліять на результатъ испытанія и какъ именно. Между тѣмъ г. Нечаевъ при описаніи своихъ опытовъ совершенно умалчиваетъ о многихъ важныхъ обстоятельствахъ какъ будто бы онъ не придаетъ имъ никакого значенія. Этимъ онъ обнаруживаетъ или грубость своего психологическаго анализа вообще, безъ различія наблюдательной и экспериментальной психологіи, или же чрезвычайную торопливость, съ какой онъ составлялъ свою книгу. Напримѣръ, онъ молчитъ, производились ли опыты въ разныхъ классахъ и школахъ въ одинаковые часы или же то на первыхъ урокахъ, на свѣжую память, то на послѣднихъ, на утомленную память? Сказано только, что опыты были въ началѣ каждаго урока и при томъ въ утренніе уроки кромѣ старшихъ классовъ лицея, гдѣ они производились во время вечернихъ занятій. (Стр. 29). Далѣе, не сказано, производились ли опыты въ одинаковые дни недѣли, или въ какіе попало—и тотчасъ послѣ воскреснаго отдыха и прямо передъ нимъ? Кто присутствовалъ при опытахъ кромѣ самого г. Нечаева? Помогалъ ли ему поддерживать дисциплину въ классѣ начальникъ школы, или другое лицо, или это дѣло, и въ какихъ именно школахъ, приходилось исполнять самому экспериментатору. А все это очень важно.

Впрочемъ, я еще не выдаю своего объясненія за окончательное. Я еще вернусь къ нему, а пока укажу на слѣдующее обстоятельство: изъ книги г. Нечаева совсѣмъ не видно, умѣетъ ли онъ понимать значеніе цифръ, доставленныхъ его же *собственными* опытами. Съ чужими опытами онъ, очевидно, плохо управляется, какъ я это показалъ уже во II отдѣлѣ на нѣсколькихъ примѣрахъ. А изъ своихъ опытовъ въ лицеѣ, которые, конечно, самъ онъ считаетъ правильными, не сомнѣваясь въ полученныхъ имъ цифрахъ, онъ могъ бы извлечь два крайне важныхъ заключенія: одно чисто научнаго характера—методологическое, а другое практическое, при помощи котораго онъ могъ бы кстати показать, что даже и теперь экспериментально-психологическіе пріемы въ состояніи оказывать кое-какія важныя услуги, если и не для дидактики, то для родителей и для учебнаго начальства разныхъ школъ.

Именно изъ своихъ опытовъ онъ *могъ бы* вывесть прежде всего такое заключеніе: *одно изъ двухъ—или русскіе потомственные дворяне отличаются еще до поступленія въ школы, до 11-ти лѣтняго воз-*

раста, такимъ слабоуміемъ сравнительно съ другими дѣтьми, что лицейское воспитаніе не въ состояніи исправить ихъ; или же взамѣнъ того въ 1899 г. (когда г. Нечаевъ производилъ свои опыты) классная дисциплина лицея была такова, что память лицеистовъ должна была показаться при опытахъ надъ ними гораздо слабѣе, чѣмъ у реалистовъ, гимназистокъ и даже въ народныхъ школахъ. Во-вторыхъ, исходя изъ этого, онъ *могъ бы* получить еще такой *методологическій* выводъ: *для научныхъ изслѣдованій нельзя производить психологическіе опыты въ лицеѣ, если и теперь классная дисциплина въ немъ такая же, какой была въ 1899 г.: по одной изъ только что указанныхъ причинъ лицеисты непремѣнно будутъ казаться слабоумнѣе, чѣмъ другія дѣти.*

Вотъ *такіе* выводы г. Нечаевъ, довѣряя своимъ цифрамъ, *могъ бы* сдѣлать изъ своихъ опытовъ, *если бы* онъ внимательно вникалъ въ вопросъ, надъ чѣмъ именно онъ экспериментируетъ, а не торопился примѣнять подобные опыты къ разработкѣ дидактики, къ чему они пока еще не пригодны. Что же касается меня лично, то я думаю, что цифры, собранныя г. Нечаевымъ въ лицеѣ, отчасти прямо-таки ошибочны: вѣдь если вполнѣ вѣрить цифрамъ г. Нечаева, то придется усомниться въ пользѣ нагляднаго обученія для народныхъ школъ.

V.

Явныя несообразности въ опытахъ г. Нечаева надъ внушеніемъ.

Настолько же мало научнаго значенія имѣютъ опыты г. Нечаева надъ внушеніемъ. Ихъ сущность такова: взявъ изъ 687 учениковъ и ученицъ, уже испытанныхъ имъ со стороны памяти, сотню, г. Нечаевъ давалъ имъ нюхать 7 пузырьковъ, сказавъ сперва, будто бы тамъ прежде находились разныя знакомыя имъ пахучія вещества (объявивъ, какія именно), и будто бы запахъ какого-нибудь изъ этихъ веществъ еще сохраняется въ каждомъ пузырькѣ. Въ дѣйствительности же всѣ пузырьки, кромѣ одного, были вполнѣ свободны отъ всякаго запаха. Ученики должны были угадывать, какое именно пахучее вещество находилось въ томъ или въ другомъ пузырькѣ, дабы можно было судить по числу подобныхъ мнимыхъ угадываній о степени ихъ податливости внушеніямъ.

Цѣль этихъ опытовъ установить нѣкоторыя количественныя, а не чисто качественныя, обобщенія, какъ это ясно видно изъ примѣненія результатовъ этихъ опытовъ на стр. 123 и 150. Но употребленный г. Нечаевымъ методъ пригоденъ, и то не всегда, только для констатированія существованія внушенія ощущеній запаха, а отнюдь не для количественныхъ обобщеній, не для измѣренія степени внушаемости, Его непригодность для этой цѣли зависитъ отъ того, что какъ ни производить эти опыты, для каждаго испытуемаго неизбѣжнымъ образомъ создаются новыя условія опыта, которыя уже не повторяются для другихъ испытуемыхъ. Дѣйствительно:

1) Если опыты производятся передъ цѣлымъ классомъ, то каждый испытуемый видитъ все, что происходитъ съ тѣми, кто подвергается испытанію раньше его, такъ что кромѣ внушенія экспериментатора каждый испытуемый, пока дойдетъ до него очередь, заранѣе подвергается еще разнообразнымъ внушающимъ вліяніямъ, характеръ которыхъ зависитъ отъ исхода предшествующихъ опытовъ. Кромѣ того, въ ожиданіи очереди каждый испытуемый успѣваетъ обмѣняться впечатлѣніями съ своими сосѣдями по партѣ, что тоже измѣняетъ различнымъ образомъ условія, при которыхъ онъ самъ подвергается испытанію.

2) Если же г. Нечаевъ призывалъ учениковъ порознь (или даже маленькими группами) въ особую комнату, то ученики, подвергавшіеся испытанію раньше другихъ, выходя изъ нея, успѣвали разсказывать съ различными прикрасами все, что тамъ дѣлается, ученикамъ, ожидающимъ своей очереди, и этимъ путемъ измѣняли условія, при которыхъ подвергались испытанію другіе ученики. Кромѣ того, физически невозможно, чтобы г. Нечаевъ велъ себя совершенно одинаково со всей сотней испытуемыхъ, если онъ подвергалъ ихъ испытанію порознь; разница въ его обращеніи съ ними тѣмъ неизбѣжнѣе, что всѣ они принадлежатъ къ четыремъ школамъ (см. стр. 118), такъ что опыты могли производиться не иначе, какъ въ разные дни, при разномъ настроеніи духа г. Нечаева. А отъ его обращенія съ испытуемыми зависитъ и степень дѣйствія его внушеній на испытуемыхъ. Словомъ, изъ всѣхъ существующихъ методовъ г. Нечаевъ избралъ совершенно негодный для сравнительнаго измѣренія степеней внушаемости.

Что же касается описанія его опытовъ надъ внушеніемъ, то оно страдаетъ еще большими недостатками, чѣмъ его описаніе опытовъ надъ памятью. Не сказано, какъ производились опыты—передъ цѣлымъ ли классомъ, или порознь. Не сказано, чѣмъ руководствовался г. Не-

чаевъ въ своемъ выборѣ, когда для опытовъ съ внушеніемъ отбиралъ 100 человѣкъ изъ 687 учениковъ и учениць, испытанныхъ имъ со стороны памяти. Нѣтъ указанія, какъ распредѣлялась вся сотня испытуемыхъ по возрастамъ и школамъ, и каковы были непосредственные результаты испытаній. А все это тѣмъ необходимѣе, что въ приведенной имъ таблицѣ, перечисляющей тѣхъ, кто оказался наиболѣе или наименѣе поддающимися внушенію, попадаются два очень странныхъ обстоятельства, которыя г. Нечаевъ обходитъ полнымъ молчаніемъ. Во-первыхъ, лица, указавшія мнимый запахъ въ четырехъ пузырькахъ изъ семи, причисляются *то къ наиболѣе поддающимся внушенію, то къ наименѣе поддающимся*. (См. стр. 122 сильно поддающихся гимназистокъ и стр. 123 слабо поддающихся лицеистовъ). Во-вторыхъ, у всѣхъ психологовъ постоянно выходитъ, что поддатливость внушеніямъ у старшихъ дѣтей въ среднемъ слабѣе, чѣмъ у младшихъ. Опыты же г. Нечаева для народныхъ школъ обнаруживаютъ, повидимому, обратное правило: если вычислить для этихъ школъ средній возрастъ наиболѣе поддающихся внушенію, то онъ выходитъ у г. Нечаева для мальчиковъ 10,4, для дѣвочекъ 10 лѣтъ; а средній возрастъ наименѣе поддающихся выходитъ у мальчиковъ 9,5, а у дѣвочекъ—9,4. (См. стр. 122). Можетъ быть, это и случайность, обусловленная небольшимъ числомъ лицъ, находящихся въ этихъ четырехъ группахъ. Но оба отмѣченныхъ мною недоумѣнія разъяснились бы только въ томъ случаѣ, если бы г. Нечаевъ указалъ распредѣленіе самыхъ первоначальныхъ результатовъ его опытовъ по возрастамъ испытуемыхъ. Теперь же мы можемъ объяснить оба недоумѣнія только тѣмъ, что передъ нами торопливо составленный черновой набросокъ работы: никакимъ слабымъ знаніемъ предмета нельзя объяснить, что *одно и то же* число *безъ всякихъ поясненій* разсматривается то какъ показатель наибольшей внушаемости, то какъ показатель наименьшей внушаемости.

По всему этому и выводы, полученные г. Нечаевымъ на основаніи его опытовъ съ внушеніемъ, не могутъ считаться надежными, тѣмъ болѣе, что ихъ научное значеніе сильно понижается еще однимъ обстоятельствомъ. Именно—хотя и въ подстрочномъ замѣчаніи, у г. Нечаева все-таки поставленъ вопросъ: внушая ощущеніе запаха, могъ ли онъ довѣрять испытуемымъ, что они не обманываютъ его въ своихъ показаніяхъ? Но съ этимъ сомнѣніемъ г. Нечаевъ сводитъ счеты самымъ поверхностнымъ образомъ. Единственной причиной, которая

могла бы побудить учениковъ къ обману, самъ онъ считаетъ ложный стыдъ, вызванный тѣмъ, что при своихъ опытахъ онъ дѣлалъ видъ, будто бы хочетъ узнать тонкость обонянія испытуемыхъ. На мой взглядъ возможны и другія причины обмана, но я не стану настаивать на этомъ. Гораздо важнѣе—какъ же при своихъ обобщеніяхъ г. Нечаевъ отличаетъ тѣхъ, кто подъ вліяніемъ внушенія дѣйствительно испытывалъ ощущеніе запаха безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ, отъ тѣхъ, кто подъ вліяніемъ ложнаго стыда обманывалъ его? Но г. Нечаевъ прямо заявляетъ, что находитъ это различіе неимѣющимъ ровно никакого значенія: по его мнѣнію, обманъ подъ вліяніемъ ложнаго стыда тоже служитъ показателемъ внушаемости; ибо, думаетъ онъ, испытуемый въ этихъ случаяхъ довѣряетъ внушенному *представленію* существованія запаха больше, чѣмъ собственному носу. (См. стр. 121). Конечно, слову внушаемость можно по произволу придавать какой угодно смыслъ; но слишкомъ очевидно, что дѣйствительное переживаніе *ощущенія* запаха подъ вліяніемъ однихъ лишь внушеній экспериментатора, и обманъ, вызванный, съ одной стороны, довѣріемъ къ внушенному *представленію*, а съ другой—ложнымъ стыдомъ, два вполнѣ разнородныхъ явленія, которыя нельзя смѣшивать между собой на томъ только основаніи, что мы произвольно станемъ *называть* ихъ однимъ и тѣмъ же именемъ внушенія. И всякій психологъ, очевидно, обязанъ помнить о разнородности этихъ явленій.

VI.

Явныя несообразности въ методѣ г. Нечаева для опредѣленія нормальнаго количества умственной работы.

Что касается четырехмѣсячныхъ самонаблюденій г. Нечаева надъ ежедневнымъ количествомъ умственной работы въ связи съ количествомъ сна и движеній, то на основаніи его собственныхъ словъ надо разсматривать ихъ *только*, какъ образецъ метода, рекомендуемаго имъ для выясненія нормальнаго количества ежедневной умственной работы, которая происходила бы при наиболѣе благопріятномъ количествѣ ежедневнаго сна и движенія. Иначе никакъ нельзя объяснить, зачѣмъ г. Нечаевъ посвятилъ 20 стр., т.-е. почти десятую часть своей книги, этимъ самонаблюденіямъ. Въ своихъ

дальнѣйшихъ разсужденіяхъ онъ не опирается на нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дѣлаетъ изъ нихъ никакихъ общихъ выводовъ и даже самъ признаетъ невозможность разграничить въ нихъ индивидуальныя и общія стороны (стр. 80). Далѣе, мотивируетъ онъ сообщеніе этихъ самонаблюденій въ своей книгѣ тѣмъ, что нѣтъ ни точныхъ наблюденій для рѣшенія вопроса о среднемъ количествѣ умственной работы, которую при разныхъ условіяхъ обыкновенно исполняетъ или можетъ исполнить *ученикъ*, ни даже работъ, которыя можно было бы разсматривать, *какъ пробу методовъ, пригодныхъ для подобнаго рода наблюденій* (стр. 66). Наконецъ, онъ прибавляетъ, что въ его самонаблюденіяхъ можно было бы со всей точностью провесть пограничную линію между общимъ и индивидуальнымъ, если бы имѣть подъ руками цѣлый рядъ работъ, произведенныхъ *по такому же методу*, какъ употребляемый имъ (стр. 80). Все это вмѣстѣ взятое даетъ право думать, что г. Нечаевъ излагаетъ свои самонаблюденія и ихъ обработку въ видѣ различныхъ таблицъ, какъ образецъ рекомендуемаго имъ метода.

Разсматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, надо признать, что методъ, рекомендуемый г. Нечаевымъ, совершенно произвольный и объясненъ имъ въ высшей степени туманно, такъ что его нельзя примѣнять къ дѣлу плодотворнымъ образомъ.

Я уже не стану распространяться о томъ, что этотъ методъ требуетъ *точнаго самонаблюденія*, не только надъ продолжительностью трудной и легкой умственной работы, но даже и надъ колебаніями вниманія и надъ степенью своего интереса къ работѣ (ср. стр. 67, 68 и 83); а ученики совершенно неспособны къ подобному самонаблюденію; между тѣмъ этотъ методъ рекомендуется г. Нечаевымъ для рѣшенія вопроса о нормальномъ количествѣ умственной работы *учениковъ*. Этотъ методъ непримѣнимъ даже при опредѣленіи нормальнаго количества работы взрослаго человѣка. Такъ, г. Нечаевъ совершенно произвольно, безъ всякихъ доказательствъ, считаетъ границей *нормальнаго* количества умственной работы наступленіе „пресыщенія" трудомъ (стр. 67 и 100). При этомъ подобное „пресыщеніе" описано у него крайне сбивчиво: въ одномъ мѣстѣ оно характеризуется, какъ всего только потеря интереса къ работѣ, и сообразно съ этимъ подъ нормальнымъ количествомъ работы подразумѣвается такое, „которое при наиболѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ можетъ быть исполнено съ *интересомъ*" (стр. 83, курсивъ г. Нечаева), а въ другомъ—какъ вялость *мысли*, неодолимая *лѣнь*, полное паденіе инте-

реса къ дѣлу, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ наступаетъ *сонливость, тяжесть въ головѣ и даже подергиваніе личныхъ мускуловъ* (стр. 67. Курсивъ мой). Что же въ такомъ случаѣ считать границей *нормальной* работы—крайнія, даже болѣзненныя, степени утомленія или только потерю интереса? Далѣе г. Нечаевъ дѣлитъ свою умственную работу на легкую и трудную, относя къ послѣдней научныя занятія (психологіей и педагогикой), какъ требующія, по его мнѣнію, большого напряженія вниманія, а къ первой—чтеніе беллетристическихъ произведеній, газетъ, писаніе писемъ и т. п. (стр. 68). Но нѣкоторыя психологическія и педагогическія сочиненія читаются съ такой же легкостью, какъ романы. Особенно справедливо это должно быть для г. Нечаева; ибо онъ находитъ, что педагогическія сочиненія, по большей части, страдаютъ пустословіемъ. (См. стр. 7). Писаніе же писемъ часто требуетъ такого же напряженія вниманія, какъ и научныя занятія. Наконецъ, г. Нечаевъ говоритъ, что, опредѣляя своими самонаблюденіями свое нормальное количество работы, онъ подвергалъ вычисленію продолжительность *отклоненій* вниманія; а они иногда, по его словамъ, были настолько велики, что дѣйствительная умственная работа занимаетъ лишь половину того времени, которое, повидимому, было на нее потрачено (стр. 82 и 83). Но какъ онъ выслѣживалъ и производилъ учетъ отклоненій вниманія, и что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ выраженіемъ, г. Нечаевъ нигдѣ не объясняетъ. Такимъ образомъ изо всѣхъ его словъ никоимъ образомъ нельзя извлечь руководство къ правильному методу, пригодному для опредѣленія нормальнаго количества умственной работы, а можно только усомниться, выяснилъ ли онъ самъ себѣ то, о чемъ говоритъ на протяженіи 22 страницъ, посвященныхъ имъ изложенію его самонаблюденій и основанныхъ на нихъ таблицъ и чертежей.

И къ удивительнымъ выводамъ привелъ методъ г. Нечаева относительно его собственной умственной работоспособности. Вотъ что онъ говоритъ на стр. 68: „среднее количество *всей* умственной работы въ обыкновенный недѣльный день составляетъ для меня около *шести съ половиной* часовъ, при чемъ на трудную умственную работу приходится *четыре часа съ четвертью*“. Это что-то маловато: неужели г. Нечаевъ можетъ съ интересомъ заниматься *своими спеціальными* предметами (психологіей и педагогикой) всего только $4^1/_4$ часа въ день, а сверхъ этого съ интересомъ читать романы и газеты только $1^1/_4$ часъ? Ужь не собиралъ ли г. Нечаевъ свои цифры въ то самое время, когда *торопливымъ* образомъ составлялъ разбираемую мной

книгу? Во всякомъ случаѣ нельзя относиться съ довѣріемъ къ этимъ цифрамъ: слишкомъ ужь онѣ малы, особенно для молодого ученаго, составляющаго свою *первую* книгу.

Заключеніе.

Подводя итогъ всему сказанному по поводу самостоятельныхъ изслѣдованій г. Нечаева, приходится вывесть такое заключеніе: основываясь на этихъ изслѣдованіяхъ, нельзя никому доказать, что г. Нечаевъ удовлетворительно знаетъ экспериментальную психологію. Я не ограничиваю своего заключенія одной лишь технической стороной этой дисциплины; ибо опыты и самонаблюденія г. Нечаева, какъ я уже говорилъ, очень просты. Чтобы правильно вести и правильно комментировать ихъ, достаточно вдумчиво вчитаться въ психологическую литературу и общую и экспериментальную. Вотъ этого-то вдумчиваго отношенія къ дѣлу и незамѣтно въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ г. Нечаева. Конечно, онъ не мало читалъ; но ни своими опытами, ни самонаблюденіями, ни даже компилированіемъ чужихъ изслѣдованій (о чемъ много говорилось во II и III отдѣлѣ этого разбора) нигдѣ не доказалъ, чтобы онъ достаточно размышлялъ надъ прочитаннымъ.

Проф. А. Введенскій.

Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Историко-литературное изслѣдованіе. *В. Малинина.* Кіевъ, 1901.

Скромному Филоѳею проф. В. Н. Малининъ посвятилъ огромный трудъ: 768 страницъ изслѣдованія, 105 страницъ примѣчаній къ изслѣдованію (мелкимъ шрифтомъ) и 144 страницы приложеній. Можетъ быть, сдѣлано все, что нужно для знакомства съ Филоѳеемъ?

Посмотримъ на сочиненія Филоѳея и ихъ списки.

В. Н. Малининъ открылъ кое что новое, принадлежащее Филоѳею, удачно связалъ съ Филоѳеемъ кое что старое, воспользовался такими списками трудовъ Филоѳея, которые представляютъ особыя редакціи, вообще сдѣлалъ много для знакомства съ Филоѳеемъ. Но это многое — отнюдь не все, что можно сдѣлать. В. Н. Малининъ знакомъ главнымъ ѳбразомъ съ тѣми рукописными собраніями, кото-

рыя имѣютъ печатныя описанія, то-есть приблизительно съ половиною общедоступнаго рукописнаго матеріала; прочія рукописныя собранія, даже имѣющія приличные рукописные каталоги, остались ему почти совсѣмъ неизвѣстными. Мы никогда особенно не интересовались Филоѳеемъ, но можемъ указать на списки его сочиненій, не бывшіе въ рукахъ В. Н. Малинина.

Прежде всего посмотримъ на то, что находится въ отличномъ скорописномъ сборникѣ половины XVII вѣка, хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ (F. I. 263). Въ немъ на л. 419 находится списокъ того посланія къ Мунехину, которое издано В. Н. Малининымъ подъ № IX (редакція 1-я); на л. 422—списокъ другого посланія къ Мунехину, которое у В. Н. Малинина помѣчено № VII (сходенъ съ Погодинскимъ спискомъ и имѣетъ имя Мунехина); на л. 430 — списокъ того произведенія Филоѳея, которое у г. Малинина значится подъ № IV (безъ конца; редакція 1-я).

Затѣмъ передъ нами два сборника Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, оба XVII вѣка. Въ одномъ, № 288—667, на л. 461 находится „Посланіе о злыхъ днехъ и часѣхъ“, съ такимъ началомъ: „Государя православнаго царя богомольцу государю Іоанну Киндѣевичу“, то-есть списокъ съ посланія къ Мунехину, помѣщеннаго у В. Н. Малинина подъ № VII (сходно со спискомъ Ундольскаго). Въ другомъ, № 509 — 990, на л. 173 — „Посланіе старца Филоѳея Елизарова монастыря отъ божественныхъ писаній“, съ начальными словами: „Государя великаго князя діаку Михаилу Григорьевичу“ (у В. Н. Малинина № VII).

Наконецъ В. Н. Малининъ не воспользовался и тѣмъ сборникомъ XVI вѣка (до 1612 года) бывшей библіотеки Чудова монастыря (нынѣ въ Московской Синодальной библіотекѣ) № 236, который описанъ П. Н. Петровымъ въ его статьѣ объ рукописяхъ этой библіотеки („Памятники древней письменности“ 1879 года, выпускъ IV, стр. 166) и въ которомъ, лл. 255, 263 об., читаются два посланія Филоѳея, одно — „къ нѣкоему вельможѣ въ мірѣ живущему“, другое — къ „господаря великаго князя діаку господину Михаилу *Ченчину*“, повидимому тѣ, которыя помѣщены у В. Н. Малинина подъ №№ VI и VII.

Вообще, какъ можно заключить даже изъ нашихъ указаній, новые поиски въ нашихъ общедоступныхъ библіотекахъ *легко* могутъ дать не только новые интересные списки извѣстныхъ уже сочиненій Филоѳея, но и новыя произведенія этого писателя.

Если мы возьмемъ произведенія, не принадлежащія Филоѳею, но болѣе или менѣе важныя для объясненія его отношеній къ разнымъ дѣятелямъ того времени, то и здѣсь у В. Н. Малинина не найдемъ ничего похожаго на полноту.

Онъ издалъ, подъ №№ XII и XIII, любопытное описаніе Царьграда и Египта очевидцемъ русскимъ, личность котораго опредѣлена такъ: „великаго князя казначей Михайло Гирѣевъ". Его текстъ взятъ изъ рукописи С.-Петербургской духовной академіи, Софійское собраніе, № 1464; варіанты къ нему (и то лишь ко второй половинѣ) взяты изъ рукописи Императорской Публичной библіотеки. Между тѣмъ списковъ этого описанія довольно много; описанію посвящена недавно А. А. Шахматовымъ спеціальная статья (*Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Императорской Академіи Наукъ*, 1899 года, кн. 1-я, стр. 200 — 222), гдѣ указанъ рядъ списковъ, издано нѣсколько изъ нихъ и сдѣланы важные для В. Н. Малинина выводы, съ которыми ему необходимо было считаться: что великокняжескій казначей Михаилъ Гирѣевъ не кто иной, какъ Мунехинъ (сравни у В. Н. Малинина стр. 162), что составленное съ его словъ описаніе Царьграда и Египта послѣ 1510 года „подверглось нѣкоторымъ редакціоннымъ поправкамъ и дополненіямъ *со стороны старца Филоѳея*"; что *Филоѳей составилъ редакцію Хронографа 1512 года*, при которой, между прочимъ, помѣщается описаніе. Сверхъ того, текстъ рукописи С.-Петербургской духовной академіи № 1464, изданный В. Н. Малининымъ, давно уже изданъ покойнымъ Купріяновымъ въ „Вѣстникѣ Импер. Русскаго Географическаго Общества", 1853 года, часть VII, смѣсь, стр. 42. Позволимъ кстати указать еще на одинъ списокъ описанія Царьграда, оставшійся неизвѣстнымъ и А. А. Шахматову, — въ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки O. XVII. 4, л. 17, начала XVII вѣка, изъ собранія Богданова (съ датою: 7032).

Огромное изслѣдованіе В. Н. Малинина, наполненное разнообразными данными и соображеніями, несомнѣнно даетъ иногда нѣчто новое и цѣнное, но это нѣчто чрезвычайно трудно находить въ массѣ общеизвѣстнаго и маловажнаго (μέγα βιβλίον — μέγα κακόν!), даже при наличности указателей (ихъ въ книгѣ В. Н. Малинина нѣтъ). Авторъ говоритъ обо всемъ *по поводу* Филоѳея, дѣлаетъ большія выписки изъ доступныхъ для всѣхъ книгъ, разсуждаетъ о томъ, что къ предмету его изслѣдованія въ сущности не имѣетъ никакого отношенія и что выходитъ далеко за рамки историко-литературнаго

изысканія. И вмѣстѣ съ тѣмъ у него сплошь и рядомъ изъяны, и мелкіе, и крупные.

Напримѣръ, онъ посвящаетъ рядъ страницъ извѣстной повѣсти о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. На стр. 493 подробно пересказывается содержаніе ея по *печатнымъ* изданіямъ. Въ примѣчапіи (стр. 79) указывается литература предмета. На стр. 535 дѣлается выводъ: повѣсть вліяла на произведенія Филоѳея, а не наоборотъ. Между тѣмъ новѣйшій трудъ, говорящій о повѣсти, остался неизвѣстнымъ В. Н. Малинину. Это—статья покойнаго А. С. Павлова о „вѣнѣ Константиновомъ", помѣщенная въ „Византійскомъ Временникѣ", томъ III, 1893 года. Имя А. С. Павлова таково, что игнорировать ее никто не имѣетъ права. Выводъ ея прямо противоположенъ выводу В. Н. Малинина: по А. С. Павлову (стр. 52), изданная повѣсть о бѣломъ клобукѣ — новая редакція, сфабрикованная уже по утвержденіи въ Россіи патріаршества, когда теорія о трехъ Римахъ была въ особенно сильномъ ходу и даже казалась вполнѣ уже осуществившеюся, и относящаяся къ концу XVI или началу XVII вѣка [1]).

Не ознакомившись со статьею Павлова, В. Н. Малининъ оставилъ безъ вниманія и статью Н. И. Петрова въ „Трудахъ" Кіевской духовной академіи 1872 года, томъ II, стр. 60—61, гдѣ съ повѣстью о бѣломъ клобукѣ связывается такъ называемое „Завѣщаніе" препод. Лазаря Муромскаго (списокъ котораго есть въ библіотекѣ Кіевской духовной академіи; онъ упоминается въ статьѣ Н. И. Петрова). Препод. Лазарь, по этому памятнику, — то лицо, которое привезло бѣлый клобукъ Василію новгородскому отъ Василія епископа кесарійскаго. Значитъ, авторъ „Завѣщанія" зналъ повѣсть о бѣломъ клобукѣ совершенно въ другой версіи, чѣмъ общеизвѣстная нынѣ. А такъ какъ онъ жилъ уже въ XVII вѣкѣ (въ чемъ мы соглашаемся съ А. П. Вороновымъ; смотри изложеніе его реферата объ „Завѣщаніи" въ „Памятникахъ древней письменности", № CXI, 1895 года,

---

[1]) Соглашаясь вполнѣ съ выводомъ Павлова, мы представляемъ себѣ дѣло такъ. Посланіе Димитрія къ Геннадію изъ Рима заключало въ себѣ разсказъ, со словъ какого-то римлянина, о похищеніи изъ папской казны въ 1485 году драгоцѣнной тіары, принадлежавшей, по преданію, папѣ Сильвестру и исчезнувшей безслѣдно (*Археологич. Извѣстія и Замѣтки* 18:5 года, стр. 277). Этотъ мало интересный разсказъ былъ лѣтъ сто послѣ написанія замѣненъ другимъ, русскаго сочиненія, но первая часть посланія Димитрія осталась безъ измѣненій.

стр. 31—32), то и появленіе повѣсти о бѣломъ клобукѣ нѣтъ основанія отодвигать къ концу XV вѣка [1]).

Или В. Н. Малининъ останавливается на Шестокрылѣ жидовствующихъ. Это произведеніе изучалъ Филоѳей, о немъ онъ упоминаетъ, и В. Н. Малининъ считаетъ необходимымъ сказать о немъ все, что знаетъ (стр. 282—284), въ сущности только цѣликомъ то, что сообщено Горскимъ и Невоструевымъ. При этомъ онъ дѣлаетъ предположенія о томъ, что содержитъ въ себѣ Шестокрылъ: „Кромѣ исчисленія движенія луны, отъ котораго зависѣло опредѣленіе праздника Пасхи и связанныхъ съ нею праздниковъ, въ составъ Шестокрыла входила *общая хронологія іудейской исторіи* отъ сотворенія міра; здѣсь *видимо* находились и *общія астрологическія* исчисленія...“; „необходимо повидимому предположить, что въ Шестокрылъ вносились и *разнаго рода астрологическія вычисленія и предсказанія*“. Статья Прозоровскаго о Шестокрылѣ (въ „Древностяхъ“ Московскаго археологическаго общества, 1887 года) осталась нашему автору неизвѣстна; тѣ страницы „Отреченныхъ книгъ древней Россіи“ Тихонравова, которыя говорятъ о Шестокрылѣ („Сочиненія“, томъ I, стр. 242—244; примѣчанія, стр. 73),—также; изъ труда Тихонравова онъ узналъ бы, что въ одной русской рукописи (Троицкой Лавры № 326, XVI вѣка) [2]) до насъ дошелъ отрывокъ изъ Шестокрыла (таблица съ объяснительнымъ текстомъ). Разъ В. Н. Малининъ зналъ о существованіи списковъ греческаго перевода Шестокрыла, Хрисококка, онъ долженъ былъ справиться въ знаменитой Bibliotheca Graeca Фабриція и въ не менѣе знаменитой Bibliotheca Hebraea Вольфа; въ первой (томъ IV, стр. 153, 611, томъ XII, стр. 54, ed. Harles) онъ нашелъ бы свѣдѣнія о содержаніи этого произведенія и объ извѣстныхъ въ XVIII вѣкѣ спискахъ греческаго текста; во второй (томъ IV, стр. 940—944, изданіе 1733 года) онъ прочелъ бы о содержаніи, авторѣ, спискахъ. Онъ узналъ бы, что Шестокрылъ—не что иное, какъ ученыя астрономическія таблицы, въ которыхъ нѣтъ ничего относящагося ни къ хронологіи (кромѣ необходимаго), ни къ астрологіи, ни тѣмъ болѣе—предсказаній.

Еще примѣръ. Нашъ авторъ разсматриваетъ, откуда Филоѳей по-

[1]) Еще о Лазарѣ Муромскомъ см. въ статьѣ Е. В. Барсова въ *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1867 года, № 43; текстъ „Завѣщанія“ — въ „Исторіи россійской іерархіи“, томъ V; изложеніе—въ „Олонецкомъ Сборникѣ“, вып. 2-й, 1886 года.

[2]) Въ рукописи Императорской Публичной библіотеки Погод. № 1287, XVI в., на л. 98 находится „Ученье лупнику, приведено отъ жидовскихъ книгъ“.

лучилъ свѣдѣніе о звѣздочетной наукѣ, и дѣлаетъ извлеченія изъ нѣсколькихъ Азбуковниковъ разнаго состава, XVII вѣка. „Трудно утвердительно сказать, былъ ли знакомъ съ *Азбуковниками* нашъ старецъ. *Ничего невѣроятнаго въ этомъ знакомствѣ нѣтъ*, если особенно принять во вниманіе ту сложную терминологію, которую онъ употребляетъ для выраженія своего пренебреженія къ астрологическому ученію“ (стр. 254). Итакъ, по В. Н. Малинину, Азбуковникъ уже въ началѣ XVI вѣка существовалъ. Повидимому, работа г. Карпова: „Азбуковники, или Алфавиты иностранныхъ рѣчей“, Казань, 1877, осталась В. Н. Малинину неизвѣстна и выводъ, въ ней сдѣланный, что Азбуковникъ появился лишь во второй половинѣ XVI вѣка, не могъ быть имъ принятъ во вниманіе. То же можно сказать объ изданіи: „Библіотека Московской синодальной типографіи. Выпускъ II. Сборники и Лексиконы“, М. 1899, гдѣ авторъ (В. А. Погорѣловъ) говоритъ: „Сколько намъ извѣстно, во всѣ списки Азбуковника вошла извѣстнаго рода переработка Лексиса Лавр. Зизанія (изд. въ 1596 г.)... Надо повидимому отнести составленіе Азбуковника къ началу XVII вѣка“ (стр. II).

Еще примѣръ. Нашъ авторъ обстоятельно комментируетъ слова Филоѳея: „учусь *буквамъ* благодатнаго закона“, и между прочимъ говоритъ: „Невѣроятно, чтобы старецъ Филоѳей не прошелъ грамматики, какъ она понималась въ то время, потому что составъ ея приспособлялся не столько къ познанію языка, сколько къ правописанію. Въ какомъ видѣ и размѣрахъ прошелъ грамматику Филоѳей, опредѣлить трудно, потому что *составъ рукописныхъ грамматикъ былъ различенъ*. Въ настоящемъ случаѣ не можемъ не отмѣтить одной грамматики, извѣстной намъ впрочемъ въ рукописяхъ XVII вѣка. Одинъ списокъ ея находится въ Алфавитѣ Румянцевскаго Музея и описанъ Востоковымъ подъ № 1. Заглавіе грамматики здѣсь такое: „Книга глаголемая *Буквы*, иже въ началѣ отъ грамматикія...“ (стр. 53). „Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что названіе этой редакціи грамматики: *Буквы*, находится въ связи съ выраженіемъ Филоѳея“ (стр. 54). В. Н. Малининъ подробно знакомитъ съ этою книгой (стр. 54—57). И здѣсь у него непріятный изъянъ. „Буквы“ давно уже изданы И. В. Ягичемъ и при томъ какъ разъ по бывшему въ рукахъ у В. Н. Малинина Румянцевскому списку № 1, вмѣстѣ съ другими грамматическими статьями, обращавшимися въ старой русской литературѣ („Изслѣдованія по русскому языку“, томъ I, стр. 730 сл.). Два списка Московской типографской библіотеки (по Погорѣлову,

о. с., №№ 27 и 28; сравни у И. В. Ягича стр. 1018) называютъ авторомъ этой статьи старца *Ниловой пустыни* Герасима Щербака, время жизни котораго намъ неизвѣстно, но который могъ быть развѣ немногимъ старше Филоѳея (Нилова пустынь основана между 1473—1489 гг., а Филоѳей родился, по В. Н. Малинину, около времени паденія Царьграда).

Мы не желаемъ продолжать перечень досадныхъ изъяновъ нашего автора; ихъ много, преимущественно мелкихъ, и они производятъ непріятное впечатлѣніе на маломальски свѣдущаго читателя. Мы на нихъ остановились лишь потому, что они при чтеніи особенно бросаются въ глаза.

Рядомъ съ ними, книга В. Н. Малинина представляетъ рядъ несомнѣнно цѣнныхъ мѣстъ. Тѣ ея страницы, которыя посвящены Елизарову монастырю и его основателю Евфросину, полны интереса и заслуживаютъ высокихъ похвалъ; все, что говорится о личности Филоѳея, мы также считаемъ цѣннымъ; многое изъ того, что сдѣлано относительно сочиненій Филоѳея и Памфила,—также. Вообще тотъ, кто сможетъ прочесть книгу В. Н. Малинина и сумѣетъ провѣрить ея выводы, не потеряетъ труда понапрасну.

Кстати объ одномъ словѣ въ посланіи Филоѳея (у В. Н. Малинина, стр. 44). Его выраженіе: „*еллинскихъ* борзостей не текохъ", уже давно обратившее на себя вниманіе ученыхъ, есть плодъ недоразумѣнія. Въ одной старой записи (рукопись Троицкой Лавры, № 165, 1414 года), представляющей какъ будто переводъ греческаго четверостишія, мы читаемъ: „Аще небеса, человѣче, и облакы достигнеши, аще земныа преидеши конца и вся мѣста, аще *еленьскыа* борзости претечеши, камень гробу трилакотнаго не убѣжиши". Здѣсь прилагательное—*еленьскъ*, производное отъ *елень*. Филоѳей, взявъ это слово изъ этой или подобной записи, придалъ ему совсѣмъ невѣрное значеніе.

А. Соболевскій.

Законовѣдѣніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

(По поводу рецензіи г-на Воронова на учебники законовѣдѣнія, принятые въ этихъ заведеніяхъ).

Въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за этотъ годъ г-мъ А. Вороновымъ была помѣщена рецензія на учебники законовѣдѣнія, составленные мною по порученію главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. По поводу этой рецензіи

мнѣ приходится прежде всего выразить благодарность г-ну Воронову уже за то, что, по истеченіи цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени введенія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ преподаванія по этимъ учебникамъ, онъ первый удостоилъ ихъ своимъ вниманіемъ; въ теченіе же всего этого времени въ педагогической печати не появлялось ни одного критическаго о нихъ отзыва. Въ общемъ г-нъ Вороновъ отзывается вполнѣ благопріятно о моихъ учебникахъ, признавая за ними многія достоинства и называя ихъ „трудами незаурядными" и „цѣнными вкладами въ мало разработанную область педагогической литературы". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, г-нъ Вороновъ находитъ въ нихъ и недостатки, по поводу которыхъ дѣлаетъ много частныхъ замѣчаній на отдѣльныя мѣста учебниковъ, имѣя при этомъ въ виду, какъ онъ говоритъ, не только читателей, но и самого автора, который „при слѣдующихъ изданіяхъ вѣроятно пожелаетъ улучшить свои произведенія". Замѣчанія г-на Воронова показываютъ, до какой степени всякая вообще книга, даже такая, изложеніе которой „почти всегда просто и ясно, иногда увлекательно" (такія качества г-нъ Вороновъ признаетъ за моими трудами), можетъ возбуждать недоразумѣнія и давать поводъ къ неясному пониманію отдѣльныхъ выраженій даже у людей взрослыхъ и развитыхъ, не говоря уже объ ученикахъ. Хотя г-нъ Вороновъ и указываетъ нѣсколько разъ, какъ на главное достоинство моихъ учебниковъ, на ясность ихъ изложенія,—это, по его словамъ, „необходимое и въ то же время далеко не часто встрѣчающееся качество хорошаго учебника",—но, судя по дѣлаемымъ имъ замѣчаніямъ, такая ясность далеко еще не достигнута, и дѣйствительно надъ учебниками еще „поработать стоитъ", чтобы сообщить ихъ изложенію большую ясность. Въ этомъ отношеніи замѣчанія г-на Воронова представляются для меня весьма цѣнными, такъ какъ указываютъ, какія именно мѣста учебниковъ могутъ возбуждать недоразумѣнія и потому нуждаются въ болѣе ясномъ изложеніи; тѣмъ не менѣе я позволю себѣ сдѣлать въ настоящей замѣткѣ нѣкоторыя возраженія противъ этихъ замѣчаній, не всегда достаточно основательныхъ. Но, чтобы читатель могъ оріентироваться въ моихъ возраженіяхъ, необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ о существующемъ планѣ преподаванія законовѣдѣнія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и о тѣхъ соображеніяхъ, которыя послужили основаніемъ для установленія этого плана [1]).

[1]) См. мою статью въ № 203 *Русскаго Инвалида* за 1891 годъ: „Новыя руководства для преподаванія законовѣдѣнія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ".

Преподаваніе законовѣдѣнія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ началось съ 1830 года, съ изданіемъ перваго общаго для нихъ положенія, и съ тѣхъ поръ не прекращалось до настоящаго времени, хотя до конца восьмидесятыхъ годовъ система и планъ преподаванія не были вполнѣ установлены и подвергались частымъ измѣненіямъ. Такъ, въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ, до преобразованія ихъ въ военныя гимназіи, законовѣдѣніе сливалось съ военно-административными законами и преподавалось въ двухъ спеціальныхъ классахъ этихъ корпусовъ по руководству Добровольскаго, составленному на основаніи „Наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній". При этомъ курсъ I-го спеціальнаго класса, вмѣстѣ съ краткими общими понятіями о положительныхъ законахъ, заключалъ въ себѣ изложеніе русскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, а курсъ II-го спеціальнаго класса—изложеніе русскихъ военныхъ законовъ, какъ уголовныхъ, такъ и административныхъ. Затѣмъ, съ преобразованіемъ въ 1863 году корпусовъ въ военныя гимназіи и учрежденіемъ изъ прежнихъ спеціальныхъ классовъ этихъ корпусовъ отдѣльныхъ военныхъ училищъ, военно-административные законы были выдѣлены изъ состава законовѣдѣнія и начали преподаваться въ военныхъ училищахъ въ видѣ особаго предмета подъ именемъ военной администраціи, что и сохранилось до настоящаго времени. Такимъ образомъ, къ области законовѣдѣнія, какъ предмета преподаванія, стали съ тѣхъ поръ относить только общее законодательство, а изъ законодательства военнаго—лишь военно уголовные законы. Въ такомъ видѣ преподаваніе законовѣдѣнія и велось въ военныхъ училищахъ до конца восьмидесятыхъ годовъ, съ распредѣленіемъ всего курса между двумя классами этихъ училищъ, при чемъ въ младшемъ классѣ, вмѣстѣ съ общими теоретическими началами, сообщались свѣдѣнія изъ законовъ государственныхъ, гражданскихъ, полицейскихъ и финансовыхъ, а также изъ международнаго права, а въ старшемъ классѣ—свѣдѣнія изъ общеуголовныхъ и военно-уголовныхъ законовъ, а также изъ судопроизводства уголовнаго, военно-уголовнаго и гражданскаго.

Въ восьмидесятыхъ годахъ къ законовѣдѣнію, какъ предмету преподаванія, начали предъявляться новыя требованія. Съ одной стороны, было признано необходимымъ сообщить этому предмету такой характеръ, при которомъ преподаваніе его содѣйствовало бы достиженію общей цѣли воспитанія, указанной въ Положеніи о кадетскихъ корпусахъ (изд. 1886 г.). На основаніи этого Положенія:

„Воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, живо проникнутое духомъ христіанскаго вѣроученія и строго согласованное съ общими началами русскаго государственнаго устройства, имѣетъ главною цѣлью подготовленіе воспитывающихся къ будущей службѣ государю и отечеству—посредствомъ постепенной выработки въ кадетахъ тѣхъ вѣрныхъ понятій и стремленій, кои служатъ прочною основою искренней преданности престолу, сознательнаго повиновенія власти и закону и чувствъ чести, добра и правды. Соотвѣтственно такой цѣли, корпусное воспитаніе должно въ каждомъ изъ кадетъ правильно образовать характеръ, глубоко укоренить благочестіе и вѣрноподданническій долгъ и твердо упрочить задатки тѣхъ нравственныхъ качествъ, кои имѣютъ первенствующее значеніе въ воспитаніи". Съ другой же стороны, повсемѣстное осуществленіе военно-судебной реформы, призвавшей строевыхъ офицеровъ къ самостоятельной дѣятельности по отправленію военнаго правосудія, вызвало настоятельную необходимость въ сообщеніи имъ основательной практической подготовки по военно-уголовному законодательству и судопроизводству.

Въ виду такихъ требованій, въ 1887 году, при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Лалаева, которой было поручено выработать новый планъ для преподаванія законовѣдѣнія, принявъ во вниманіе, какъ общую цѣль воспитанія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, такъ и важность практической подготовки будущихъ офицеровъ для предстоящей имъ служебной дѣятельности по отправленію правосудія. Комиссія остановилась прежде всего на мысли о необходимости отдѣлить преподаваніе общихъ теоретическихъ началъ отъ дѣйствующаго русскаго законодательства, такъ какъ совмѣстное преподаваніе того и другого, какъ показалъ опытъ, лишаетъ возможности сообщить изложенію надлежащую цѣлостность и ясность, вызывая сбивчивость понятій у учащихся. Вслѣдствіе этого комиссія признала необходимымъ ограничить курсъ военныхъ училищъ обстоятельнымъ изученіемъ лишь отечественнаго положительнаго законодательства, выдѣливъ всѣ общія теоретическія начала въ особый подготовительный курсъ, который долженъ предшествовать изученію отечественныхъ законовъ и, сообщая въ цѣлостной системѣ основныя понятія изъ всей области правовѣдѣнія, давать отчетливое представленіе о важнѣйшихъ условіяхъ организованнаго общежитія. Такой подготовительный курсъ комиссія предположила ввести, какъ новый учебный предметъ, въ VII-мъ классѣ кадетскихъ корпусовъ, при

чемъ свѣдѣнія изъ русскаго законодательства должны входить въ этотъ курсъ лишь настолько, насколько это необходимо для лучшаго освѣщенія теоретическихъ началъ или для объясненія главныхъ особенностей государственнаго устройства нашего отечества, сравнительно съ другими государствами. Существеннѣйшею же особенностью вновь проектированнаго курса было включеніе въ его составъ особаго отдѣла о нравственности, ученіе о которой преподается въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Западной Европы, но у насъ не находило себѣ до тѣхъ поръ мѣста ни въ одномъ изъ прежнихъ курсовъ законовѣдѣнія. Затѣмъ, изъ области собственно отечественнаго законодательства, комиссія предположила преподавать въ младшемъ классѣ военныхъ училищъ государственные и гражданскіе законы съ присоединеніемъ къ нимъ краткихъ свѣдѣній изъ международнаго права (преимущественно объ отношеніяхъ между государствами во время войны), исключивъ изъ этого курса входившіе прежде въ его составъ полицейскіе и финансовые законы въ виду того, что общее понятіе объ этихъ законахъ было включено въ новый курсъ для кадетскихъ корпусовъ. Курсъ же старшаго класса военныхъ училищъ долженъ заключать въ себѣ обстоятельное изложеніе матеріальныхъ военно-уголовныхъ и находящихся съ ними въ тѣсной связи обще-уголовныхъ законовъ, а также военнаго судопроизводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія, въ составленныхъ ею руководящихъ указаніяхъ къ общему плану распредѣленія по классамъ курса законовѣдѣнія, выразила свой взглядъ на основныя цѣли преподаванія этого предмета въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, въ кадетскихъ корпусахъ главная цѣль преподаванія законовѣдѣнія должна, по мнѣнію комиссіи, заключаться въ томъ, чтобы своевременно сообщить учащимся, оканчивающимъ общее образованіе, правильныя и ясныя понятія о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія каждый человѣкъ неизбѣжно бываетъ поставленъ въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, какъ равно и о томъ, что власть и законъ представляютъ собой существеннѣйшіе элементы всякаго благоустроеннаго общежитія. Затѣмъ, преподаваніе законовѣдѣнія въ младшемъ классѣ военныхъ училищъ должно быть главнѣйше направлено къ тому, чтобы развить и упрочить въ учащихся основательное убѣжденіе въ цѣлесообразности и исторической необходимости тѣхъ основъ государственнаго строя Россіи, которыя составляютъ залогъ ея цѣлости и единства, источникъ ея благоденствія и могущества; такъ какъ самодержавіе есть основной принципъ нашего государственнаго права, то въ свѣтѣ этого принципа, по мнѣнію комиссіи, русское

законовѣдѣніе и должно разсматривать и осмысливать всѣ учрежденія имперіи. Наконецъ, въ старшемъ классѣ военныхъ училищъ, при изложеніи уголовныхъ и военно-уголовныхъ законовъ, слѣдуетъ имѣть въ виду преимущественно практическую цѣль, т.-е., сообщеніе свѣдѣній, необходимыхъ для служебной дѣятельности по отправленію правосудія.

По предварительномъ одобреніи въ апрѣлѣ 1887 года бывшимъ военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ проектированнаго комиссіею общаго плана преподаванія законовѣдѣнія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а также подробной программы курса для кадетскихъ корпусовъ, тогда же было приступлено и къ составленію новыхъ руководствъ по этому предмету на точномъ основаніи одобреннаго плана. Составленіе курса для кадетскихъ корпусовъ, въ виду особенной его важности и новизны предмета, велось подъ личнымъ наблюденіемъ военнаго министра, при чемъ составленный курсъ былъ разсмотрѣнъ имъ въ рукописи и исправленъ по сдѣланнымъ имъ указаніямъ.

Въ началѣ 1889 года новое руководство для кадетскихъ корпусовъ было издано подъ заглавіемъ: „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи“, и съ 1889 — 1890 учебнаго года преподаваніе законовѣдѣнія по этому руководству введено въ составъ учебнаго курса корпусовъ. Затѣмъ, въ 1894 году вышло второе исправленное изданіе этого руководства, и въ томъ же году было издано особое сокращенное изложеніе курса для кадетскихъ корпусовъ подъ заглавіемъ: „Общія начала законовѣдѣнія“; это послѣднее изданіе было предназначено для поступающихъ въ военныя училища и въ особыя военно-училищныя отдѣленія—со стороны, по окончаніи курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, въ которыхъ законовѣдѣніе не преподается. Къ началу 1890—1891 учебнаго года былъ изданъ курсъ для младшаго класса военныхъ училищъ, подъ заглавіемъ: „Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права“, а въ 1898 году вышло второе исправленное изданіе этого курса. Наконецъ, къ началу 1891—1892 учебнаго года былъ изданъ и курсъ для старшаго класса военныхъ училищъ, подъ заглавіемъ: „Русскіе военно-уголовные законы въ связи съ законами обще-уголовными“; этотъ курсъ выдержалъ три изданія, изъ которыхъ послѣднее вышло въ настоящемъ году.

Такимъ образомъ, изученіе законовѣдѣнія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ распредѣляется между VII-мъ классомъ кадетскихъ корпу-

совъ и двумя классами военныхъ училищъ, при чемъ въ кадетскихъ корпусахъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю, проходятся общія теоретическія начала предмета, въ младшемъ классѣ военныхъ училищъ (одинъ урокъ сверхъ репетицій)—русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права, а въ старшемъ классѣ этихъ училищъ (два урока сверхъ репетицій)—русскіе уголовные и военно-уголовные законы и военное судопроизводство.

Послѣдній изъ указанныхъ учебниковъ (Русскіе военно-уголовные законы въ связи съ законами обще-уголовными), какъ назначенный исключительно для военно-учебныхъ заведеній, совсѣмъ не разсматривается въ рецензіи г. Воронова; рецензія касается только первыхъ трехъ учебниковъ, содержаніе которыхъ составляетъ общее законовѣдѣніе; по словамъ г. рецензента, эти учебники, какъ одобренные министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, нашли себѣ доступъ и въ невоенныя учебныя заведенія и „получили весьма обширную сферу вліянія"; но изъ этихъ трехъ учебниковъ рецензія имѣетъ въ виду преимущественно первый, назначенный для кадетскихъ корпусовъ (Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи). Къ разсмотрѣнію рецензіи г. Воронова теперь и слѣдуетъ обратиться.

Какъ уже сказано выше, замѣчанія г. Воронова, хотя и представляются для меня весьма цѣнными, но нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній не отличаются достаточною основательностью. Для примѣра приведу прежде всего замѣчаніе рецензента о томъ, что въ курсѣ для кадетскихъ корпусовъ взаимное страхованіе отъ огня названо „*почему то*" мѣрою, предупреждающею пожары. Такимъ образомъ для рецензента осталось непонятнымъ, почему взаимное страхованіе содѣйствуетъ предупрежденію пожаровъ. Между тѣмъ, объясненіе этого опущено въ учебникѣ просто въ томъ предположеніи, что это и такъ должно быть для всякаго понятно: при взаимномъ страхованіи, при которомъ страхователи являются сами и страховщиками, они взаимно наблюдаютъ за соблюденіемъ каждымъ изъ нихъ мѣръ предосторожности противъ пожаровъ, чтобы уменьшить собственные убытки. Какъ эту, такъ и другія подобныя же неясности, рецензентъ объясняетъ вообще тѣмъ, что „авторъ, въ похвальной заботѣ о сокращеніи книги исключеніемъ изъ нея всего лишняго, весьма часто преступаетъ мѣру", хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, рецензентъ видитъ достоинство всѣхъ разсматриваемыхъ имъ учебниковъ въ томъ, что они „не обременяютъ читателя излишними подробностями". Дѣйстви-

тельно, краткость изложенія имѣлась прежде всего въ виду при составленіи разсматриваемыхъ учебниковъ, и эта краткость есть необходимое условіе всякаго руководства, назначеннаго для среднихъ учебныхъ заведеній. Объемъ учебника долженъ быть соображенъ съ количествомъ времени, назначеннымъ для преподаванія даннаго предмета такъ, чтобы ученикъ успѣвалъ прочитывать по книгѣ задаваемый ему каждый разъ урокъ, а какой величины можетъ быть этотъ урокъ, можно судить по тому, что въ старшихъ классахъ кадетскихъ корпусовъ ученикъ долженъ приготовить къ каждому дню по крайней мѣрѣ четыре обязательныхъ урока по разнымъ предметамъ, имѣя для этого въ своемъ распоряженіи лишь самое незначительное количество времени. Затѣмъ, объемъ учебника долженъ быть соображенъ и съ денежными средствами учебныхъ заведеній, чтобы дать имъ возможность пріобрѣтать его въ достаточномъ числѣ экземпляровъ. Такимъ образомъ, краткость и сжатость изложенія есть первое условіе, которое ставится каждому составителю учебника, и онъ поневолѣ долженъ подчиниться этому условію. Такая краткость можетъ быть достигнута только тогда, когда учебникъ ограничивается изложеніемъ однихъ лишь главныхъ положеній съ исключеніемъ всего, имѣющаго пояснительный характеръ, т.-е., разъясняющаго смыслъ этихъ положеній; стоящій же на высотѣ своей задачи преподаватель и самъ съумѣетъ сдѣлать подобныя дополнительныя разъясненія. Вотъ причина, по которой въ учебникѣ и оказалось, между прочимъ, опущеннымъ разъясненіе того, почему взаимное страхованіе есть не только средство для вознагражденія за убытки, но и мѣра, предупреждающая пожары.

Далѣе, какъ на послѣдствіе того же стремленія къ краткости изложенія, рецензентъ указываетъ еще и на слѣдующія неясности (вѣрнѣе недомолвки) въ учебникѣ для кадетскихъ корпусовъ:

1) Во введеніи къ этому учебнику отличіе положительныхъ законовъ отъ нравственныхъ опредѣляется тѣмъ, что соблюденіе первыхъ требуется подъ угрозою наказанія, между тѣмъ какъ существуютъ и такіе положительные законы, исполненіе которыхъ, по замѣчанію рецензента, „отнюдь не предписывается подъ угрозою наказанія“; сюда относится вся область права гражданскаго. Не только въ области права гражданскаго, но и въ области всякаго другого права, кромѣ законовъ, *предписывающихъ*, существуютъ, конечно, и законы, *разрѣшающіе* что-либо совершать, какъ это и объяснено нѣсколькими строками далѣе въ томъ же введеніи, а также въ § 44 учебника. Само

собою разумѣется, что угроза наказаніемъ относится только къ первымъ изъ этихъ законовъ; несовершеніе же того, что закономъ разрѣшается, наказанію не подлежитъ. Включеніе въ учебникъ подобныхъ разъясненій было бы не болѣе, какъ „обремененіемъ читателя излишними подробностями".

2) Въ томъ же учебникѣ право собственности разсматривается не какъ видъ права вещнаго, а какъ самостоятельное право, и не говорится о другомъ видѣ вещнаго права, т.-е. правѣ въ чужой вещи; при этомъ, однако, рецензентъ соглашается на такой пропускъ въ краткомъ энциклопедическомъ курсѣ. Но если допустить такой пропускъ, то представляется излишнимъ говорить въ подобномъ курсѣ и о томъ, что право собственности есть видъ вещнаго права, такъ какъ, назвавъ одинъ видъ этого послѣдняго права, т.-е. право собственности, пришлось бы въ такомъ случаѣ, для цѣлостности изложенія, назвать и другой его видъ, т.-е. право въ чужой вещи и ввести такимъ образомъ въ изложеніе излишнія подробности.

3) Въ томъ же учебникѣ сказано, что многоженство, какъ противорѣчащее христіанскому воззрѣнію на женщину, не допускается положительными законами христіанскихъ государствъ. Рецензентъ находитъ, что здѣсь опущено указаніе на то, что запрещеніе это имѣетъ силу только для подданныхъ, исповѣдывающихъ христіанскую религію или другія религіи, не допускающія многоженства; магометанамъ, напримѣръ, въ Россіи многоженство дозволяется. Основная мысль заключающагося въ учебникѣ общаго положенія о воспрещеніи многоженства состоитъ въ томъ, что законодательства христіанскихъ государствъ, даже тѣ, которыя, при заключеніи брака, устраняютъ обязательное участіе церкви, устанавливая гражданскую форму его заключенія, все-таки не могутъ отрѣшиться отъ христіанскаго воззрѣнія на бракъ и потому не допускаютъ многоженства (имѣя въ виду, конечно, только христіанъ), хотя послѣдовательное проведеніе начала отдѣленія церкви отъ государства должно, казалось бы, имѣть своимъ послѣдствіемъ совершенное невмѣшательство послѣдняго въ вопросы о формѣ брачнаго союза и предоставленіе каждому полной въ этомъ отношеніи свободы. Для поясненія же этой основной мысли упоминать о разрѣшеніи многоженства магометанамъ не представлялось надобности и такое упоминаніе было бы опять-таки только излишнею подробностью.

4) При изложеніи понятія о промышленности добывающей, опущены, по замѣчанію рецензента, многіе весьма важные ея виды,

напримѣръ, рыболовство, горное дѣло. Но учебникъ и не имѣетъ въ виду исчислять подробно всѣ виды этой промышленности, какъ онъ не исчисляетъ и видовъ промышленности обрабатывающей и торговой, ограничиваясь сообщеніемъ лишь общаго понятія о каждой изъ этихъ промышленностей. Такъ, все, что сказано въ учебникѣ о промышленности добывающей, ограничивается нѣсколькими словами: „добывающая промышленность, главными отраслями которой являются земледѣліе и скотоводство, имѣетъ цѣлью добыть изъ природы сырые продукты“. Подобныя краткія опредѣленія даны также промышленности обрабатывающей и торговой.

Затѣмъ, рецензентъ ставитъ въ упрекъ автору употребленіе выраженій „слишкомъ опредѣленныхъ, безусловныхъ: совершенно, всегда, только, лишь, тогда лишь и т. п.“, тогда какъ, „согласно дѣйствительности“, такія слова слѣдовало бы, по мнѣнію рецензента, употреблять съ ограничительными прибавками: „почти, бóльшею частью“, а иногда слѣдовало бы выражаться и „значительно мягче“. Не говоря уже о томъ, что употребленіе выраженій опредѣленныхъ вообще болѣе соотвѣтствуетъ характеру изложенія учебника, назначеннаго для среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ выраженій „съ ограничительными прибавками“, нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобы приводимые рецензентомъ изъ разсматриваемыхъ учебниковъ примѣры такихъ „слишкомъ опредѣленныхъ“ выраженій заключали въ себѣ что-либо, несогласное съ дѣйствительностью. Для примѣра подобныхъ выраженій, рецензентъ указываетъ прежде всего то мѣсто учебника (для кадетскихъ корпусовъ), гдѣ говорится о самоубійствѣ, которое, по опредѣленію учебника, „находится въ такомъ противорѣчіи съ человѣческою природой, что рѣшиться на него способенъ *только* человѣкъ, умственно разстроенный, или дошедшій до самыхъ низкихъ ступеней нравственнаго паденія“. Рецензентъ находитъ употребленное здѣсь выраженіе „только“ слишкомъ опредѣленнымъ, такъ какъ самоубійство можетъ быть иногда совершено и по побужденіямъ „отнюдь не преступнаго свойства“, и не далѣе, какъ въ ст. 1474 нашего Уложенія о наказаніяхъ, указываются такіе случаи, какъ лишеніе себя жизни изъ патріотизма и изъ желанія женщины сохранить свою честь. Что касается лишенія себя жизни изъ патріотизма, то въ ст. 1474 Уложенія говорится не о прямомъ самоубійствѣ, а о томъ случаѣ, когда кто-либо „подвергнетъ себя очевидной опасности или вѣрной смерти для сохраненія государственной тайны“, что̀ совсѣмъ не одно и то же. Въ учебникѣ вопросъ о самоубійствѣ отнесенъ къ отдѣлу о нравственности,

а потому и обсуждается онъ лишь съ христіанско-нравственной точки зрѣнія; съ этой же точки зрѣнія, прямое самоубійство, какъ дѣйствіе, само по себѣ безнравственное, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ оправдано быть не можетъ, такъ какъ то, что безнравственно само по себѣ, не можетъ получить нравственнаго характера въ зависимости отъ цѣли, для которой оно совершается; иначе, чтобы быть послѣдовательнымъ, въ ученіи о нравственности слѣдовало бы выдвинуть то положеніе, что благая цѣль оправдываетъ употребленіе безнравственныхъ средствъ, необходимыхъ для ея достиженія.

Какъ другой примѣръ употребленія не согласно съ дѣйствительностью „слишкомъ опредѣленныхъ" выраженій, рецензентъ приводитъ заключающееся въ учебникѣ опредѣленіе права собственности. Въ этомъ опредѣленіи сказано, что „предметы внѣшняго міра *тогда лишь* могутъ служить человѣку для удовлетворенія его потребностей, когда онъ имѣетъ надъ ними полное господство; такое полное господство лица надъ вещью, охраняемое положительнымъ закономъ, называется правомъ собственности". Находя и здѣсь выраженіе „тогда лишь" слишкомъ опредѣленнымъ, рецензентъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: неужели, не имѣя собственнаго дома, нельзя жить иначе, какъ подъ открытымъ небомъ или, не имѣя собственныхъ лошадей, нужно всегда ходить пѣшкомъ? Но при этомъ рецензентъ не замѣчаетъ, что въ приведенномъ опредѣленіи слово „человѣкъ" употреблено не въ смыслѣ индивидуальнаго человѣка, который не можетъ, конечно, обойтись безъ предметовъ, принадлежащихъ другимъ людямъ, а въ отвлеченномъ смыслѣ человѣка *вообще*, который, чтобы существовать на земномъ шарѣ и пользоваться предметами внѣшняго міра для удовлетворенія своихъ потребностей, долженъ прежде всего подчинить ихъ полному своему господству, а затѣмъ уже условія совмѣстной жизни людей побуждаютъ ихъ уступать другъ другу право пользованія принадлежащею имъ собственностью, откуда и возникаетъ право на чужую вещь, о чемъ и говорится нѣсколькими страницами далѣе въ §§ 65—68 того же учебника. Всякая вещь, служащая для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, всегда принадлежитъ на правѣ собственности *человѣку же* (или совокупности людей, образующихъ лицо юридическое), хотя и не всегда тому, кто ею въ данномъ случаѣ пользуется, и такимъ образомъ все-таки остается вѣрнымъ то общее положеніе, что предметы внѣшняго міра *тогда лишь* могутъ служить для удовлетворенія потребностей человѣка, когда они подчинены полному его господству.

Еще одинъ примѣръ „слишкомъ рѣшительныхъ" выраженій рецензентъ приводитъ и изъ курса „Русскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ", указывая на то мѣсто, гдѣ говорится, что. при разсмотрѣніи болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ, присутствіе окружного суда, составленное изъ трехъ или болѣе членовъ, разрѣшаетъ *лишь* вопросъ о присужденіи виновнаго къ наказанію, а вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго разрѣшается отдѣльнымъ присутствіемъ, составленнымъ изъ двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей. Рецензентъ возражаетъ, что присутствіе окружного суда разрѣшаетъ не только вопросъ о наказаніи, но и вопросы судопроизводственные. Здѣсь рецензентъ упускаетъ изъ виду, что въ курсѣ говорится только о раздѣленіи *главной* судебной функціи между судомъ и присяжными засѣдателями, а не о функціяхъ второстепенныхъ. Главная же судебная функція, какъ это объяснено на стр. 77 того же курса, слагается изъ разрѣшенія *двухъ* вопросовъ: во-первыхъ—о томъ, *виновенъ ли* подсудимый въ совершеніи того преступнаго дѣйствія, за которое преданъ суду (вопросъ о фактѣ), и во-вторыхъ—о томъ, *какому наказанію* подлежитъ онъ по закону за дѣйствіе, въ совершеніи котораго признанъ виновнымъ (вопросъ о правѣ); первый изъ этихъ вопросовъ разрѣшается присяжными, а второй — судомъ. Кромѣ вопроса о правѣ, составляющаго часть главной судебной функціи, присутствіе окружного суда разрѣшаетъ не только вопросы судопроизводственные, относящіеся къ порядку разсмотрѣнія дѣла, на которые указываетъ рецензентъ, но и разные другіе вопросы, какъ-то: о присужденіи виновнаго къ вознагражденію за вредъ и убытки, о вещественныхъ доказательствахъ, о судебныхъ издержкахъ, о мѣрахъ пресѣченія и пр. Включеніе подобныхъ детальныхъ свѣдѣній въ курсъ, имѣющій цѣлью сообщить лишь общее понятіе о дѣятельности судебныхъ установленій, представляется не только излишнимъ. но и вреднымъ, такъ какъ оно загромождало бы напрасно память учащихся, а въ массѣ подобныхъ подробностей стушевались бы положенія болѣе существенныя. Подобныя свѣдѣнія, имѣющія лишь практическое значеніе, представляются умѣстными только въ курсѣ. назначенномъ для подготовки къ практической дѣятельности по отправленію правосудія, и потому нѣкоторыя изъ такихъ свѣдѣній дѣйствительно включены въ курсъ „Русскихъ военно-уголовныхъ законовъ въ связи съ законами обще-уголовными", назначенный именно для такой цѣли и не входящій въ кругъ разсмотрѣнія настоящей рецензіи.

Затѣмъ, рецензентъ находитъ ошибочнымъ указаніе учебника (для кадетскихъ корпусовъ) на то, что воспрещеніе браковъ между близкими свойственниками основывается на ветхозавѣтныхъ правилахъ, но при этомъ тутъ же самъ говоритъ, что и въ Ветхомъ Завѣтѣ (Левитъ и Второзаконіе) существовали подобныя запрещенія, хотя и не въ такой степени, какъ это развилось впослѣдствіи въ церкви новозавѣтной и въ особенности въ православной. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, рецензентъ возражаетъ не противъ главной мысли изложеннаго, а противъ обстоятельства второстепеннаго, не имѣющаго значенія для поясненія главной мысли. Главная же мысль изложеннаго состоитъ совсѣмъ не въ томъ, основывается ли запрещеніе браковъ между свойственниками на ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ правилахъ, а въ томъ, что такое запрещеніе имѣло и имѣетъ, кромѣ религіознаго, и раціональное основаніе. Съ матеріалистической точки зрѣнія, разумное основаніе имѣетъ только воспрещеніе браковъ между кровными родственниками,—основаніе, заключающееся въ самой физической природѣ человѣка; воспрещеніе же браковъ между свойственниками, какъ не находящее себѣ оправданія съ этой точки зрѣнія, должно получить другое объясненіе. Вслѣдствіе этого, въ учебникѣ и объяснено, что недозволеніе браковъ между близкими свойственниками имѣетъ цѣлью сдѣлать болѣе частыми случаи сближенія между чуждыми другъ другу людьми: бракъ содѣйствуетъ взаимному сближенію родственниковъ обоихъ супруговъ, а для того, чтобы случаи такого сближенія повторялись чаще, необходимо воспретить браки между тѣми лицами, которыя успѣли уже сблизиться другъ съ другомъ вслѣдствіе состоявшагося прежде брака между ихъ родственниками.

Отдѣльно отъ изложенныхъ частныхъ замѣчаній рецензента должно быть поставлено замѣчаніе болѣе общаго характера, касающееся всего вообще отдѣла, посвященнаго „союзамъ, составляющимъ гражданское общество“. По словамъ рецензента, этотъ отдѣлъ можетъ вызвать много упрековъ составителю, а въ примѣненіи къ русской землѣ въ немъ даже „вышла путаница“, и рецензентъ недоумѣваетъ, что собственно послужило причиною этой путаницы: „желаніе ли автора быть краткимъ или подчиненіе его иностраннымъ авторамъ“. Путаница эта, по мнѣнію рецензента, состоитъ въ томъ, что въ русской землѣ еще сохранилось историческое дѣленіе на сословія, которое и существуетъ рядомъ съ дѣленіемъ общества на классы по роду занятій; между тѣмъ, въ учебникѣ современное общество пред-

ставлено разбитымъ исключительно на классы по роду занятій, въ видѣ безсословной массы, и отброшены старыя сословныя дѣленія по происхожденію и правамъ, вслѣдствіе чего многимъ группамъ населенія не нашлось вовсе мѣста въ представленной картинѣ. Но рецензентъ, повидимому, не потрудился сличить то, что изложено объ общественныхъ классахъ въ отдѣлѣ о гражданскомъ обществѣ (§§ 92—100), съ изложеннымъ объ отношеніи государственной власти къ этимъ классамъ въ отдѣлѣ о государствѣ, именно въ §§ 135 и 136. Въ отдѣлѣ о гражданскомъ обществѣ, какъ и въ отдѣлахъ о семействѣ и церкви, организація этихъ союзовъ представлена въ томъ видѣ, какъ она слагается подъ вліяніемъ естественныхъ условій жизни, независимо отъ распоряженій государственной власти; въ отдѣлѣ же о государствѣ изложено, въ какомъ видѣ эти союзы являются въ составѣ государства, какъ высшей формы человѣческаго общежитія, и въ какомъ отношеніи государственная власть находится къ этимъ союзамъ. Такое выдѣленіе ученія о семействѣ, гражданскомъ обществѣ и церкви изъ ученія о государствѣ, соотвѣтствуя господствующей въ настоящее время системѣ изложенія государственныхъ и общественныхъ наукъ (Лоренцъ Штейнъ, Аренсъ, Моль, Коркуновъ), сдѣлано въ учебникѣ и съ тою цѣлью, чтобы наглядно показать, что общественная организація не создается исключительно распоряженіями государственной власти и что, слѣдовательно, возможныя ея несовершенства не могутъ быть всегда приписываемы винѣ этой власти (къ чему бываетъ иногда склонно отрицательное направленіе). Распаденіе человѣческаго общества на отдѣльные классы происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе господствующаго въ обществѣ начала раздѣленія труда,—независимо отъ распоряженій государственной власти, какъ независимо отъ этихъ распоряженій возникаетъ союзъ семейный и возникла церковь, и это положеніе одинаково вѣрно, какъ относительно Западной Европы, такъ и Россіи. Различіе же въ этомъ отношеніи между Западною Европою и Россіею (какъ объяснено въ §§ 135 и 136 учебника) состоитъ лишь въ томъ, что на Западѣ Европы общественные классы сами выработали свою организацію и сохраняютъ ее до сихъ поръ (напримѣръ, ремесленные цехи), несмотря на то, что въ настоящее время государственная власть отказалась тамъ почти отъ всякаго вмѣшательства въ регламентацію этой организаціи; въ Россіи же общественные классы, хотя и возникли тоже независимо отъ государственной власти, но никакой собственной организаціи не выработали, вслѣдствіе чего государство принуждено

было само устанавливать такую организацію, сообщивъ этимъ классамъ характеръ *сословій* или *состояній*. Существующее въ Россіи сословное раздѣленіе въ учебникѣ не отброшено, какъ утверждаетъ рецензентъ, а изложено въ § 136 (стр. 86), при чемъ объяснено, что хотя въ основаніи этого раздѣленія и лежитъ главнымъ образомъ различіе между людьми по роду занятій, но сословное раздѣленіе не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ раздѣленіемъ общества, по роду занятій, на классы, какое изложено въ отдѣлѣ о гражданскомъ обществѣ (§§ 92—100); въ этомъ же послѣднемъ отдѣлѣ общество представлено въ видѣ „безсословной массы“ потому, что сословія создаются распоряженіями государственной власти, вслѣдствіе чего изложеніе ихъ и отнесено къ ученію о государствѣ.

Что касается указанія рецензента на то, что въ картинѣ раздѣленія общества на отдѣльные классы многимъ группамъ населенія не нашлось вовсе мѣста, то на это необходимо прежде всего замѣтить, что въ краткомъ элементарномъ учебникѣ и невозможно представить картину, исчерпывающую всѣ общественныя группы; составитель и не имѣлъ этого въ виду, что видно изъ §§ 82 и 89 учебника, въ которыхъ сказано, что къ союзамъ, составляющимъ гражданское общество, относятся „*между прочимъ*“ тѣ, которые указаны въ этихъ параграфахъ; въ сокращенномъ же изданіи этого учебника (Общія начала законовѣдѣнія) изъ числа такихъ союзовъ пришлось выпустить еще ассоціаціи и промышленныя товарищества. Къ тому же и указанія рецензента не отличаются въ этомъ отношеніи точностью. Такъ, онъ говоритъ что въ учебникѣ изъ числа людей, посвящающихъ свой трудъ промышленности, оказывается исключеннымъ весь многочисленный классъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, тогда какъ въ § 99 къ рабочему классу отнесены всѣ тѣ люди, которые, не имѣя самостоятельныхъ промышленныхъ занятій, добываютъ себѣ средства къ жизни, нанимаясь въ услуженіе или *на работы* къ людямъ другихъ классовъ, и далѣе объяснено что изобрѣтеніе паровыхъ машинъ и развитіе машиннаго производства въ значительной мѣрѣ содѣйствовали размноженію рабочаго класса; такимъ образомъ фабричные и заводскіе рабочіе въ учебникѣ изъ виду не упущены. О мѣщанахъ же, которымъ, по замѣчанію рецензента, тоже не нашлось мѣста въ представленной картинѣ, ничего не сказано въ отдѣлѣ о гражданскомъ обществѣ потому, что мѣщане, сами по себѣ, никакого общественнаго класса, въ смыслѣ разряда людей, посвящающихъ свой трудъ опредѣленной дѣятельности, не образуютъ, а каждый изъ нихъ относится

къ одному изъ указанныхъ въ учебникѣ классовъ, въ зависимости отъ того, какому виду труда онъ себя посвящаетъ; такъ, по общественному свою положенію, мѣщанинъ можетъ принадлежать къ классу художниковъ, литераторовъ, артистовъ, ученыхъ, купцовъ (въ смыслѣ класса людей, занимающихся торговлею), ремесленниковъ, рабочихъ и проч.; къ тому же изложенное въ отдѣлѣ о гражданскомъ обществѣ раздѣленіе на общественные классы имѣетъ въ виду не только Россію, но и всякое вообще человѣческое общество. Усвоенный нашимъ законодательствомъ терминъ „мѣщане" означаетъ лишь одно изъ подраздѣленій сословія городскихъ обывателей,—а потому о мѣщанахъ и упоминается только при изложеніи существующаго въ Россіи сословнаго раздѣленія (§ 136).

Не касаясь прочихъ, менѣе существенныхъ, замѣчаній г-на Воронова на мои учебники, я долженъ повторить, что всѣ вообще его замѣчанія считаю для себя весьма цѣнными и, конечно, постараюсь съ признательностью воспользоваться ими, если мнѣ придется дѣлать новыя изданія этихъ учебниковъ.

Проф. Мушниковъ.

Книжныя новости.

Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго (декабриста). Изданіе князя *М. С. Волконскаго*. С.-Пб. 1901. VII+547. Цѣна 4 р. 50 к.

Записки С. Г. Волконскаго, только что изданныя въ свѣтъ сыномъ его, кн. М. С. Волконскимъ, заслуживаютъ полнаго вниманія какъ со стороны изслѣдователей Александровской эпохи, такъ и болѣе широкаго круга читателей. Кн. С. Г. Волконскій родился въ 1788 г. и, послѣ домашняго воспитанія, началъ въ 1806 г. службу въ арміи, дѣйствовавшей противъ французовъ; послѣ Тильзитскаго мира онъ прожилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, въ кругу гвардейской молодежи, затѣмъ былъ адъютантомъ при графѣ Н. М. Каменскомъ за Дунаемъ, потомъ опять жилъ въ Петербургѣ, нося званіе флигель-адъютанта; съ началомъ Отечественной войны былъ въ арміи и вернулся въ Россію уже въ 1815 г., вскорѣ же былъ назначенъ командовать бригадой на Волыни и вступилъ въ тайное „Южное" общество, особенно сблизившись съ Пестелемъ. Записки прерываются на описаніи допроса, который началъ дѣлать автору самъ Государь Николай Павловичъ, немедленно же послѣ того, какъ Волконскій былъ привезенъ въ Петербургъ съ фельдъегеремъ, въ началѣ 1826 года. Дальнѣйшія событія его жизни изложены уже издателемъ, частью по офиціальнымъ документамъ, частью по семейнымъ воспоминаніямъ. Авторъ писалъ записки уже въ очень преклон-

номъ возрастѣ, по возвращеніи изъ ссылки; онъ не претендуетъ — подобно многимъ другимъ мемуаристамъ,—передавать точно событія случившіяся 30—40 лѣтъ назадъ; очень часто онъ самъ заявляетъ, что не ручается за точность, въ виду давности времени; тѣмъ болѣе получаютъ значенія его слова тогда, когда онъ свидѣтельствуетъ, что отлично помнитъ передаваемое. Фактическихъ ошибокъ—очень немного; двѣ-три, касающіяся подробностей военныхъ событій, оговорены въ примѣчаніяхъ; мы замѣтили еще одну или двѣ, но очень незначительныя; напримѣръ, авторъ дважды говоритъ объ несомнѣнно одномъ случаѣ въ парламентѣ въ Лондонѣ. Обыкновенно его разсказъ кратокъ, сжатъ; но авторъ отлично умѣетъ выдѣлить въ каждомъ описываемомъ случаѣ его существенно важныя черты; многія его сообщенія драгоцѣнны для характеристики лицъ, кружковъ и всего общественнаго настроенія. Очень характерно его сообщеніе, что при возвращеніи арміи послѣ Тильзитскаго мира немедленно начались дезертирства—онъ объясняетъ ихъ отвращеніемъ солдатъ отъ фрунтовой выправки, которою ихъ такъ донимали въ то время; по словамъ его, на бивуакахъ окружали лагери цѣпью часовыхъ, но и это не помогало; одинъ солдатъ повѣсился въ день возвращенія въ петербургскія казармы. Любопытно такъ же, что, по словамъ автора, вся тогдашняя молодежь была проникнута единодушнымъ стремленіемъ отплатить за позоръ Аустерлица и Фридланда; такое же живое чувство любви къ родинѣ толкнуло автора и на путь участія въ тайныхъ обществахъ; это же чувство и сохранилъ онъ и въ ссылкѣ и послѣ ссылки. Весьма характерны несомнѣнные факты, свидѣтельствующіе, какъ широко во всѣхъ правительственныхъ кругахъ были распространены свѣдѣнія о существованіи заговоровъ; о нихъ знали чуть ли не все. Авторъ приводитъ не мало фактовъ мелкихъ, отрывочныхъ, но очень живо рисующихъ тогдашніе нравы высшаго общества и въ описаніяхъ петербургской своей жизни. Самъ авторъ является личностью въ высокой степени симпатичною—съ удивительною незлобивостью, кротостью, съ дѣтски-чистою наивною вѣрою въ то, что люди лучшіе создаются—и легко создаются—лучшими учрежденіями. Повторяемъ, книга эта представляетъ выдающееся явленіе въ области русскихъ мемуаровъ. Издана она прекрасно, снабжена двумя портретами автора — въ молодости и по возвращеніи изъ ссылки и портретомъ его жены; портреты эти—отличные офорты Унгера.

Корниловъ, *И.* Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа преимущественно въ Муравьевскую эпоху. С.-Пб. 1901. XXVIII+420+VII. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ книгѣ этой составитель ея помѣстилъ главнымъ образомъ выдержки изъ переписки своей, по должности попечителя Виленскаго округа, съ графомъ Путятинымъ, Головнинымъ, графомъ Толстымъ, съ товарищемъ министра И. Д. Деляновымъ, съ генералъ-губернаторами виленскими, затѣмъ нѣсколько мнѣній, поданныхъ по разнымъ вопросамъ, связаннымъ съ народнымъ образованіемъ представителями польскаго общества и другіе подобные документы. Они въ высокой степени любопытны и проливаютъ яркій свѣтъ и на отношенія существовавшія въ Сѣверо-Западномъ краѣ предъ возстаніемъ и на дѣя-

ствія русской администраціи въ краѣ послѣ его замиренія. Въ высокой степени замѣчательны и симпатичны тѣ идеи, какія постоянно развивалъ въ своей перепискѣ и проводилъ въ своей дѣятельности И. П. Корниловъ—дѣйствовать мѣрами нравственнаго порядка, не военною силою, а дѣйствительнымъ подъемомъ и оживленіемъ русской культурной жизни въ краѣ. Эти документы являются интереснѣйшимъ матеріаломъ для исторіи русско-польскихъ отношеній; ее прочтетъ съ интересомъ и обыкновенный читатель и найдетъ въ книгѣ и не мало весьма рельефныхъ фактовъ и не мало чрезвычайно симпатичныхъ и замѣчательныхъ мыслей. Мы ограничиваемся этими немногими строками объ книгѣ очень любопытной, и отсылаемъ тѣхъ, кто пожелалъ бы узнать побольше о томъ, что можно изъ нея почерпнуть, къ некрологу И. П. Корнилова, напечатанному въ прошлой книжкѣ *Журнала*.

Сергѣй Мечъ. Географія какъ наука и какъ учебный предметъ. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Географическаго отдѣла общества любителей естествознанія въ Москвѣ. Второе изданіе. Москва. 1899. Стр. 28. Цѣна 20 коп.

Въ началѣ брошюры авторъ сопоставленіемъ нѣкоторыхъ географическихъ фактовъ старается доказать, что земля есть живой организмъ, находящійся въ движеніи и колебаніи, хотя и незамѣтномъ. Затѣмъ авторъ останавливается на функціяхъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ изслѣдованіе земли, именно: на географіи и геологіи, приписывая первой такое же значеніе, какое имѣетъ исторія развитія при изслѣдованіи растительнаго царства, а вторую—уподобляя физіологіи растенія. Для наибольшаго освѣщенія своихъ мнѣній о задачахъ географіи и геологіи, г. Мечъ представляетъ краткую программу курса географіи Россіи, которой онъ держался бы самъ, если бы пришлось ему заняться этимъ предметомъ. Къ этому онъ присоединяетъ упрекъ университетскимъ профессорамъ географіи въ томъ, что они свои университетскіе курсы вмѣсто географіи Россіи посвящаютъ или этнографіи, или общему землевѣдѣнію, т. е. тому, что, по его мнѣнію, наименѣе понадобится будущему учителю. Этимъ въ брошюрѣ исчерпывается вопросъ, поставленный во главѣ ея, именно: „Географія какъ наука".

Изложенная съ присущею автору картинностью, эта часть прочтется съ охотою, хотя вопросъ разрѣшается не широко, такъ какъ въ ней, напримѣръ, нѣтъ ни слова о томъ, какое мѣсто занимаетъ географія по отношенію къ наукамъ гуманитарнымъ.

Во второй и бо̀льшей половинѣ брошюры составитель касается географіи, какъ учебнаго предмета, разсуждаетъ о томъ, какъ стоитъ географія въ настоящее время въ нашей средней школѣ и какъ должна бы стоять по его воззрѣнію. Эта сторона, какъ техническая, конечно, можетъ имѣть интересъ только для преподавателей-спеціалистовъ или для руководителей обученія.

На ряду съ правильными теоретическими воззрѣніями, какъ на содержаніе курса географіи, такъ и на способъ преподаванія, въ брошюрѣ есть преувеличенія и даже неправильности. Представляемъ примѣры:

На стр. 13 составитель говоритъ: „Благодаря чрезвычайной трудности получить свѣдѣнія по частной географіи,—трудности, о которой я знаю по

собственному опыту, а также благодаря отсутствію хорошихъ методическихъ указаній, постановка географіи въ нашей школѣ поражаетъ своею неудовлетворительностью". Странное мнѣніе, будто неудовлетворительная постановка географіи зависитъ отъ какой-то трудности полученія свѣдѣній по частной географіи. По всеобщей географіи такихъ свѣдѣній черезчуръ много; менѣе ихъ, но, во всякомъ случаѣ, достаточно и для скромнаго курса по русской географіи. Къ тому же, составитель въ другихъ мѣстахъ брошюры говоритъ, что успѣшное обученіе состоитъ не въ количествѣ знаній, а главнымъ образомъ въ возбужденіи интереса къ знанію (стр. 28).

Не менѣе странно и другое утвержденіе, что будто въ нашей педагогической литературѣ нѣтъ хорошихъ методическихъ указаній. „Методы и принципы географіи" покойнаго проф. Петри, по разнообразію теоретическаго матеріала и по практичности наставленій, далеко оставляютъ за собой сочиненіе Оберлендера, переведенное на русскій языкъ и лучше котораго у нѣмцевъ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ. Еще болѣе провѣренныхъ практикою наставленій къ преподаванію географіи даетъ книга А. Ѳ. Соколова „Очеркъ методики и дидактики учебной географіи", которая первымъ изданіемъ вышла уже около 8-ми лѣтъ тому назадъ.

Далѣе существеннымъ недостаткомъ современнаго географическаго преподаванія составитель считаетъ обиліе номенклатуры въ существующихъ учебникахъ, при чемъ представляетъ примѣръ изъ какой-то неизвѣстной книги; между тѣмъ, какъ лучшія наши руководства, напримѣръ, Турчаковскаго, сообщаютъ географическихъ данныхъ во много разъ менѣе, чѣмъ распространенный въ Германіи учебникъ Зейдлица или во Франціи—учебникъ Foncin'а, имѣя въ виду то же число часовъ и приблизительно тѣ же классы.

Г. Мечъ выдаетъ за общее положеніе, что при преподаваніи географіи нужно избирать всюду только типическое, характерное и интересное. Такое мнѣніе за общее положеніе принято быть не можетъ прежде всего по отношенію къ отечественной географіи, гдѣ все должно быть изучаемо, затѣмъ по отношенію къ сосѣднимъ странамъ и государствамъ, съ которыми Россія находится въ постоянныхъ сношеніяхъ. Кромѣ того, оно невѣрно и по отношенію къ предмету, такъ какъ часто бываетъ, что мѣстность замѣчательная и характерная въ физическомъ отношеніи не замѣчательна по народной дѣятельности и наоборотъ. Словомъ, г. Мечъ въ данномъ случаѣ забываетъ, что географія есть предметъ столько же общеобразовательный, сколько и утилитарный.

Въ концѣ брошюры авторъ останавливается на значеніи географіи для умственнаго развитія учащихся, но не отмѣчаетъ этическаго значенія географіи и особенно вліянія ея на развитіе любви къ отечеству, если только не признавать такою оцѣнкою выраженій, въ родѣ слѣдующихъ: „Основать въ душѣ человѣка храмъ на подобіе міра, столь же разумный, логически стройный и столь же прекрасный" (стр. 13). Или же слова: „Живымъ и чистымъ родникомъ будетъ дѣятельность учителя, и струйки каждаго такого родника, можетъ быть, незамѣтнаго и незнаемаго, сливаясь одна съ другою, составятъ, наконецъ, одинъ широкій и мощный потокъ, который поведетъ

русское общество, а вслѣдъ за нимъ и русскій народъ къ просвѣщенію, къ счастію, къ прогрессу" (стр. 28).

А. и *Ф. Гербертсонъ*. Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Переводъ съ англійскаго *А. Александровой*. Съ 97 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе *М. Д. Орѣхова*. 1901. Стр. X+215. Цѣна 1 р.

Разсматриваемая книжка посвящена изложенію взаимныхъ отношеній или взаимной связи, существующей между природою и человѣкомъ. Послѣ введенія, въ которомъ разъясняются общія физическія условія для жизни человѣка, авторы въ первыхъ 6-ти главахъ даютъ примѣры жизни человѣческаго рода въ тундрѣ, или ледяной пустынѣ, въ лѣсахъ умѣреннаго пояса, въ степяхъ, въ жаркихъ пустыняхъ, въ экваторіальныхъ лѣсахъ, у горъ, равнинъ и побережій морей, и на основаніи этихъ картинъ объясняютъ, какимъ образомъ соотвѣтствующія „географическія условія, въ которыхъ живетъ извѣстное племя, заставляютъ его усвоивать особый родъ занятій, и какъ эти занятія, въ свою очередь, измѣняютъ въ различныхъ направленіяхъ образъ жизни племени".

Въ дальнѣйшихъ 2-хъ главахъ природа въ очеркахъ отступаетъ на второй планъ, и центральное мѣсто занимаетъ трудъ человѣка и обусловливаемая этимъ трудомъ его жизнь. Такимъ образомъ очерчиваются охотничьи и рыболовныя племена, затѣмъ пастушескія и, наконецъ, земледѣльческія. Послѣднему занятію дается въ книгѣ наибольшее мѣсто, такъ что земледѣліе разсматривается по степямъ, тундрамъ, подъ тропиками, въ пустыняхъ, въ умѣренномъ поясѣ и при томъ не подъ одними естественными вліяніями, но и подъ культурными, какъ, напримѣръ, употребленіе пара какъ движущей силы. Точно также въ главѣ о земледѣліи довольно обстоятельно описываются наиболѣе замѣчательныя растенія, свойственныя разнымъ странамъ, какъ, напримѣръ: бананъ, пальма, маніокъ, рисъ и т. п.

Глава 9-я подъ названіемъ „Развитіе искусствъ" посвящается обозрѣнію въ послѣдовательномъ или хронологическомъ порядкѣ оружія, инструментовъ, утвари и разныхъ предметовъ, необходимыхъ въ обыденной жизни дикихъ и полудикихъ народовъ, при этомъ техническая часть въ книгѣ не имѣется въ виду, а обращается главное вниманіе на матеріалы и пріемы, которые употреблялись при введеніи какого-либо новаго предмета искусства.

Дальнѣйшія 2 главы: „Развитіе промышленности" и „Торговля и транспортъ. Торговые пути и города"—имѣютъ уже въ виду главнымъ образомъ современное культурное общество и дикарей касаются изрѣдка.

Небольшая 12-я глава „Населеніе, его распредѣленіе и передвиженіе" имѣетъ экономическій характеръ и снова касается уже всѣхъ дикихъ, полудикихъ и культурныхъ народовъ. Въ ней разсматривается вопросъ о плотности населенія въ зависимости отъ занятій и образа жизни, о ростѣ населенія и о причинѣ передвиженія или переселенія народовъ.

Предпослѣдняя глава „Правительство" имѣетъ характеръ обобщающій и даетъ только выводы изъ предшествующаго. Заканчивается книжка перечнемъ племенъ, заселяющихъ земной шаръ.

Указавъ въ краткихъ очеркахъ на содержаніе книги, мы естественно

должны поставить вопросъ, какое она имѣетъ дидактическое значеніе для учащихся. Сопоставляя мысли и факты, заключающіеся въ книгѣ, мы должны сказать, что въ ней очень мало содержится такихъ свѣдѣній, географическихъ истинъ, которыхъ не могъ бы почерпнуть учащійся въ средней школѣ изъ общаго курса географіи, коль скоро этотъ предметъ изучается по правильной методѣ, когда ученики, по мѣрѣ накопленія учебно-географическаго матеріала при помощи учителя дѣлаютъ сопоставленія, сравненія, выводы, т. е. происходятъ такія занятія, при которыхъ работаютъ не только память, но и воображеніе и мышленіе. Для такихъ учениковъ эта книга, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, будетъ казаться скучною, такъ какъ они будутъ встрѣчать въ ней все извѣстное имъ и только изложенное въ другой комбинаціи; да и не всякій преподаватель дастъ такую книгу въ руки ученикамъ, такъ какъ она отниметъ у него случай для упражненія мыслительныхъ способностей учениковъ. Если признать справедливымъ, то положеніе, что каждый воспитатель и учитель долженъ считать своимъ жизненнымъ принципомъ знаніе, какъ приспособлять учащихся къ правильному самообученію, то мы должны сказать, что настоящая книжка по отношенію къ изучающему географію такъ же малополезна, какъ, напримѣръ, подробный комментарій для текста иностраннаго языка или же ключи къ разрѣшенію разнаго рода математическихъ задачъ. Но вопросъ измѣняется, если географія въ школѣ составляетъ только предметъ памяти и вообще изучается неосновательно и при небольшомъ числѣ уроковъ; въ такомъ случаѣ, конечно, книжку эту можно считать если не интересною, то во всякомъ случаѣ, небезполезною, но не иначе, какъ для учениковъ, прошедшихъ полный курсъ географіи и исторіи.

Географическіе примѣры всѣ удачны, характерны и сгруппированы вполнѣ цѣлесообразно. Нѣкоторыя неточности, впрочемъ, встрѣчаются. Для примѣра отмѣтимъ слѣдующія:

На стр. 68 при характеристикѣ карликовъ въ Африкѣ составитель говоритъ, что они „немногимъ лучше смышленыхъ животныхъ", что „у нихъ нѣтъ ни музыки, ни игръ, нѣтъ понятія о загробной жизни". Дѣйствительно, подъ вліяніемъ Линнея и дарвинизма долго считали ихъ близкими къ „homo ferus", но теперь они уже не признаются таковыми; по крайней мѣрѣ, Ратцель въ своемъ сочиненіи „Народовѣдѣніе", которое нашъ авторъ рекомендуетъ преподавателямъ въ пособіе разсматриваемой книги, говоритъ, что у пигмеевъ Африки есть идолы, что они заботливо хоронятъ мертвыхъ, есть музыка, и что они отличаются привязанностью къ животнымъ. Словомъ, Ратцель приходитъ къ совершенно другимъ выводамъ объ этомъ племени.

Далѣе, на стр. 120, о ячменѣ говорится, что „климатическая полоса его шире, чѣмъ какого-либо другого злака, потому что иногда онъ созрѣваетъ внутри полярнаго круга и къ югу произрастаетъ почти до экватора". Судя по предшествующему тексту, можно думать, что произрастаніе этого злака подъ полюсами зависитъ отъ влажности, но дѣйствительная причина заключается въ продолжительности свѣта.

Стр. 201. „Россія по Сибири достигла Тихаго океана и начинаетъ раздѣленіе Китая, въ которомъ горятъ желаніемъ принять участіе и другіе

европейскіе народы"? Въ книгѣ два раза говорится о Египтѣ, но ни слова не сказано о томъ, что Англія захватомъ Египта начала раздѣленіе Турціи. Словомъ, выписанное мѣсто свидѣтельствуетъ объ обычномъ способѣ англійской политической печати измѣрять успѣхи въ распространеніи Россіею своей территоріи мѣрою совершенно отличною отъ англійской.

Глава „Правительство" (стр. 203—207) наполнена общими мѣстами, неправильными или односторонними выводами, сдѣланными на основаніи исключительно исторіи Англіи. Такъ, на стр. 207 говорится: „Земледѣльческое общество переходитъ отъ общинной обработки земли къ феодальному строю, гдѣ власть находится въ рукахъ военной земельной аристократіи, въ рукахъ пэровъ, т. е. равныхъ другъ другу людей". Дѣйствительно, такъ было въ Англіи, но этого не было въ государствахъ Скандинавскихъ, не говоря уже о славянскихъ. Или: развитіе конституціоннаго правленія и республиканскаго ставится въ зависимость отъ значенія силы средняго класса. Хотя такое мнѣніе и составляетъ лозунгъ цѣлой исторической школы, но исторія даетъ много примѣровъ, совершенно противорѣчащихъ этому: Рѣчь Посполитая во все время своего существованія не имѣла средняго сословія; а у древнихъ грековъ было много земледѣльческихъ республикъ, подобно нынѣшней Трансваальской.

Подобно всѣмъ учебнымъ англійскимъ книгамъ, назначаемымъ для учащихся, настоящая книжка изложена самымъ простымъ языкомъ, безъ сложныхъ предложеній и, кромѣ того, подѣлена на мелкіе §§, облегчающіе чтеніе. Эта простота, ясность и дробленіе на части вполнѣ удержаны въ переводѣ, такъ что въ этомъ отношеніи переводъ надо назвать вполнѣ удовлетворительнымъ; хотя нельзя сказать, чтобы не было шероховатостей. Такъ, на стр. 81 читаемъ: „Воды морей, омывающихъ берега Китая и Малайскихъ острововъ, тоже заслуживали дурную славу, которою онѣ не перестали пользоваться и по сіи дни".

Стр. 83. Слова „but in complex societies, like our own" переведены: „въ разныхъ обществахъ, вродѣ нашего", и этотъ неправильный переводъ искажаетъ смыслъ или, по крайней мѣрѣ, даетъ неправильное понятіе.

Стр. 125. Слова „considerable extent" переведены „въ земледѣльческихъ размѣрахъ".

Подлинникъ безъ иллюстрацій, но издатель русскаго перевода снабдилъ книжку довольно большимъ числомъ картинокъ. Всѣ рисунки заимствованы изъ другихъ книгъ, но подобраны они довольно удачно, хотя воспроизведены въ большинствѣ случаевъ не особенно изящно.

Напечатана книжка хорошимъ четкимъ шрифтомъ и на порядочной бумагѣ.

И. П. Хрущовъ. Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. С.-Пб. 1901. Стр. 1+IV+507. Цѣна 2 р. 25 коп.

Содержаніе „Сборника" разнообразное, какъ можно, впрочемъ, видѣть уже изъ заглавія книги. Здѣсь мы встрѣчаемъ статьи по исторіи русской литературы древней, новой и новѣйшей: „О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву", „О просвѣтительной дѣятельности Екатерины Второй", „О литературныхъ заслугахъ графа А. К. Толстаго" и др.;—историческіе очерки, напримѣръ, „Ксенія Ивановна Романова (Великая старица-инокиня

Марөа)", „Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояти" и др.;— статьи по археологіи, библіографіи, этнографіи и, наконецъ, педагогикѣ. Изъ послѣдняго ряда статей мы бы обратили вниманіе педагоговъ на статью: „Что наши дѣти читаютъ"? Въ ней говорится о непригодности сочиненій Достоевскаго для чтенія подростковъ. Какъ разъ теперь этотъ вопросъ предстоитъ разрѣшить педагогамъ, ибо по проектированной новой программѣ Достоевскій входитъ въ курсъ русской литературы.

Статьи, помѣщенныя въ „Сборникѣ", почти всѣ были въ свое время напечатаны въ различныхъ изданіяхъ; новыхъ три: „О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи" (222—239), „О преосвященномъ Порфиріи Успенскомъ" (343—352), „Объ издательской дѣятельности комиссіи народныхъ чтеній" (475—501).

Библіографія—камень преткновенія при книжныхъ занятіяхъ всякаго рода. Обыкновенно самъ авторъ рѣдко составляетъ библіографическій списокъ своихъ работъ: его встрѣчаемъ лишь... въ некрологѣ и, конечно, не всегда въ полномъ видѣ. Позднѣе начинаются поиски и—сколько времени уходитъ *даромъ,* даже при сокровищахъ петербургскихъ библіотекъ...

Тѣмъ, конечно, отраднѣй появленіе настоящаго сборника статей и списка трудовъ автора.

Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ *А. В. Зеленинъ.* Съ рисунками и картами. С.-Пб. 2 тома.

Трудъ г. Зеленина весьма полезенъ и составленъ очень добросовѣстно. Лица, не имѣющія возможности читать и пріобрѣтать произведенія знаменитаго путешественника, найдутъ въ книгѣ г. Зеленина разсказъ о всѣхъ пяти путешествіяхъ Пржевальскаго, составленный по его сочиненіямъ, а частью прямо извлеченный изъ нихъ. Въ первомъ томѣ читатель найдетъ весьма обстоятельно составленную біографію Пржевальскаго и описаніе путешествія въ Уссурійскій край и первыхъ двухъ экспедицій его въ Центральную Азію. Во второмъ томѣ находится описаніе 3-го и 4-го путешествія по Центральной Азіи, разсказъ о приготовленіяхъ къ пятой экспедиціи и о смерти великаго путешественника. Общей характеристикой научныхъ результатовъ дѣятельности Пржевальскаго заканчивается книга г. Зеленина, которой мы желаемъ широкаго распространенія. Карты и рисунки выполнены удовлетворительно. Слѣдуетъ желать, чтобы то, что сдѣлалъ г. Зеленинъ для Пржевальскаго, было сдѣлано и для другихъ русскихъ путешественниковъ, какъ, напримѣръ, Миклухи-Маклая и др.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ 1901 г.

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1901. Т. VI, книжка 2-я. С.-Пб. 1901. 251+XVI+115 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Рѣдинъ, Е. К.* Икона „Недреманное око". Харьковъ 1901. 7 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Императорскаго Харьковскаго университета". 1901 г.).

— *Его же.* И. Е. Бецкій и музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета. (Къ исторіи университета). Харьковъ 1901. 23 стр.

— *Его же.* Значеніе дѣятельности археологическихъ съѣздовъ для науки русской археологіи. Къ XII-му археологическому съѣзду въ Харьковѣ. Харьковъ 1901. 22 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ № 246 „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей").

— *Луцкевичъ, А. А.* Сводъ законоположеній и распоряженій о частныхъ училищахъ и о домашнемъ обученіи. (Изданіе неофиціальное). Кіевъ 1901. III+350+XVIII стр.

— *Корниловъ, И.* Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа преимущественно въ Муравьевскую эпоху. С.-Пб. 1901. XXVIII+420+VII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— *Его же.* Очеркъ исторіи русской школы, ея современное состояніе и на какихъ незыблемыхъ началахъ она должна быть утверждена. С.-Пб. 1901. 23 стр.

— Отчетъ о состояніи Астраханской общественной библіотеки, состоящей подъ Августѣйшемъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, за 1899 годъ (съ основанія 62-й). Астрахань 1901. 39 стр.

— Сборникъ техническихъ статей. Изданіе экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. С.-Пб. 1901. № 1. 10+4 стр.

— *Викторовъ, П. П.* Живые вопросы современности. 1) Нравственное переутомленіе учащихся въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ. 2) Органическія основы эстетическаго воспитанія. 3) Къ психологіи возрождающихся литературныхъ направленій. Москва 1901. 44 стр. Цѣна 60 коп.

— *Его же.* Очерки эволюціи нашей художественной и публицистической критики въ связи съ перемѣнами во взглядахъ на искусство въ нашемъ обществѣ. Вступительныя замѣчанія о современныхъ направленіяхъ въ нашей критикѣ. Что дала намъ публицистическая критика литературы и искусства? Серія первая, очеркъ первый. Москва 1901. XVI+32 стр. Цѣна 60 к.

— *Его же.* Фаустъ и Мефистофель, какъ основные типы въ трагедіи общественныхъ настроеній. Очеркъ первый. Москва 1901. IV+59 стр. Цѣна 50 коп.

— *Пискорскій, В.* Крѣпостное право въ Каталоніи въ средніе вѣка. Кіевъ 1901. VIII+230+II стр. Цѣна 1 р. 75 коп.

— Уставъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Варшава 1901. 10 стр.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1900 г. по 1-е октября 1901 г., подъ редакціей директора Коллегіи *А. I. Степовича.* Годъ 6-й. Кіевъ 1901. 85+132+187+135 стр.

— *Ивановъ, И.* Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ. Москва 1901. VIII+734 стр.

— *Алавердянцъ, М. Я.* Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ. С.-Пб. 1901. 26 стр.

— *Тарле, Е. В.* Исторія Италіи въ новое время. Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ-Ефронъ". С.-Пб. 1901. 190 стр. Цѣна 1 р. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время. Изданіе подъ редакціей *Н. И. Карѣева* и *И. В. Лучицкаго*).

— *Фесенко, И. О.* Школьныя сберегательныя кассы. Пособіе и руководство къ веденію школьныхъ сберегательныхъ кассъ. Изданіе управленія государственныхъ сберегательныхъ кассъ. С.-Пб. 1901. 142 стр.

— Труды перваго русскаго съѣзда по попеченію о слѣпыхъ. Изданіе попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. С.-Пб. 1901. 3 стр. Цѣна 1 р.

— *Kałužniacki, E.* Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven. Wien 1901. 130 стр.

— *Kałužniacki, E.* Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymus (1375—1393) nach den besten Handschriften. Wien 1901. CXXVIII+450 стр.

— Дневникъ Отдѣла ихтіологіи. Вып. 1, 2, 3, 4 и 5. Москва 1901. 177 стр. Подъ редакціей *В. А. Погоржельскаго*. (Императорское Русское Общество акклиматизаціи животныхъ и растеній).

— *Попова, О. Н.* Естественно-историческая хрестоматія. Пособіе для изученія родного міра. Приложеніе къ „Родному Міру". Годъ первый. Изданіе 2-е, иллюстрированное. С.-Пб. 1902. VIII+352 стр. Цѣна 1 р.

— *Герцъ, К. К.* Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ. Выпускъ 8-й: Археологическая и художественная хроника. Часть II. (1866—1882). С.-Пб. 1901. 288 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIV. № 5. 1901. Май. С.-Пб. 1901. Отъ XXXVII—LXV+отъ 469—537 стр. Томъ XV. 1901. № 6. Іюнь XIX+119 стр.

— *Bendall, M. A.* Çikshâsamuccaya, A Compendium of buddhistic teaching compiled by çântidevo chiefly from earlier Mahâyânâ-Sûtras. III. (Bibliotheca buddhica). С.-Пб. 1901. Отъ 217—312 стр. Цѣна 1 р.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

М. Попруженко. Начала космографіи (Математическая географія), учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Москва. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою „Наслѣдники брат. Салаевыхъ". 1900. XIV+2+152 стр.+13 таблицъ чертежей и рисунковъ. Цѣна 1 рубль.

Одна изъ особенностей этого учебника есть краткость его; самъ авторъ въ предисловіи говоритъ, что имъ „руководила цѣль выработать учебникъ возможно краткій и возможно точный".

Примѣрами краткости могутъ служить слѣдующія мѣста:

Стр. 2, въ главѣ: Фигура земли (1-е приближеніе) въ § 3-мъ пунктъ а) „*Земля есть уединенное въ пространствѣ тѣло, ограниченное сомкнутою поверхностью.* Это слѣдуетъ изъ кругосвѣтныхъ путешествій".

Стр. 3 въ той же главѣ, § 4. „*Вертикальная линія всякаго мѣста земли проходитъ черезъ центръ ея.* Это извѣстно изъ физики".

Стр. 7. Въ главѣ: Обзоръ неба:

§ 13. „*Млечный путь.* По большому кругу небесной сферы проходитъ свѣтлая полоса, называемая млечнымъ путемъ. Помощью хорошихъ телескоповъ можно убѣдиться, что млечный путь есть собраніе огромнаго количества звѣздъ".

§ 15. „*Падающія звѣзды.* Часто приходится видѣть, что по небу движется блестящая точка и, описавъ прямую или кривую линію, быстро исчезаетъ. Это падающая звѣзда".

§ 16. „Только одна точка на небѣ остается (приблизительно)

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

неподвижной, это именно *Полярная звѣзда* въ созвѣздіи *Малой Медвѣдицы*".

Стр. 18, § 43. „Послѣдній родъ координатъ (склоненіе и прямое восхожденіе) не зависитъ ни отъ мѣста наблюдателя на земной поверхности, ни отъ времени наблюденія".

Стр. 19, § 49. „*Ось земли.* Осью земли называется часть оси міра, заключенная внутри земли. Оконечности оси земли называются *полюсами земли*, сѣвернымъ и южнымъ".

Стр. 23, въ главѣ „*Вращеніе земли около оси*".

§ 60. „Видимое движеніе свѣтилъ есть или дѣйствительное, или кажущееся, происходящее отъ движенія земли. Какая же гипотеза соотвѣтствуетъ дѣйствительности?"

Стр. 95, § 190. „*Достовѣрность гипотезы Коперника.* Существованіе фазъ планетъ служитъ подтвержденіемъ гипотезы Коперника. И, вообще, всѣ выводы и предсказанія, сдѣланныя на основаніи этой гипотезы, вполнѣ согласуются съ дѣйствительностью. Поэтому, гипотеза Коперника признается вполнѣ достовѣрной".

Стр. 131, § 241. „*Сжатіе луны* измѣреніями не обнаружено, но, по теоретическимъ соображеніямъ, должно существовать".

Вѣроятно, въ виду той же краткости описанію устройства теодолита удѣлено (на стр. 1-й) 11 строкъ и вмѣсто порядочнаго рисунка дѣйствительнаго прибора на чертежѣ 1-мъ изображена грубая схема; можетъ быть, это изображаетъ ту модель, которую авторъ рекомендуетъ имѣть въ кабинетахъ учебныхъ заведеній (Предисловіе, стр. IV).

Въ виду краткости не приложено картъ звѣзднаго неба. Даже и не объяснено, что такое „небесная карта", хотя на стр. 6 и 7 говорится: „Созвѣздія эти надо умѣть находить на небѣ. Это можно сдѣлать, сличая небо съ небесною картою". Что такое Большая Медвѣдица и какъ по отношенію къ ней расположена полярная звѣзда— тоже не сказано и никакого чертежа нѣтъ.

Авторъ претендуетъ на „возможную точность" своего учебника. Но если внимательно прочесть приведенные выше короткіе параграфы и нѣкоторые другіе, находящіеся въ его учебникѣ, то придется сильно разочароваться въ этой точности и признать, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются цѣлыя фразы, ничего не доказывающія.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы точно опредѣлить, что̀ такое вертикальная или отвѣсная линія въ каждомъ мѣстѣ земли, авторъ говоритъ, что эта линія проходитъ черезъ центръ земли и что это извѣстно изъ физики (§ 4). Далѣе онъ говоритъ, что будто бы млечный

путь проходитъ по большому кругу небесной сферы. Въ § 16 онъ говоритъ, что одна точка небесной сферы остается неподвижною, и прибавляетъ въ скобкахъ: „приблизительно“ и будто бы эта точка и есть именно Полярная звѣзда. Въ § 241-мъ: „Сжатіе луны по наблюденіямъ не обнаружено, а по теоретическимъ соображеніямъ должно существовать“. Чему же долженъ вѣрить ученикъ, точности ли наблюденій или вѣрности теоретическихъ соображеній? § 190. „Достовѣрность гипотезы Коперника“. Въ этомъ § положеніе, что существованіе фазъ планетъ подтверждаетъ гипотезу Коперника, не вѣрно, остальная же часть параграфа представляетъ примѣръ пустословія.

Въ предисловіи самъ авторъ указываетъ три мѣста въ своемъ учебникѣ, которыя представляютъ, какъ онъ выражается, „экскурсіи въ область неизвѣстнаго ученикамъ“. Нужно однако сказать, что на самомъ дѣлѣ въ учебникѣ есть много такого, что будетъ ученикамъ непонятно, либо вслѣдствіе краткости, либо вслѣдствіе неудачности изложенія.

Стр. 4, § 8. Получивъ выраженіе $\sqrt{2hR}$ для величины радіуса видимаго горизонта и положивъ R равнымъ 6371 километровъ, авторъ говоритъ: „и вводя подъ радикалъ *для поправки на рефракцію* множителя $\frac{8}{7}$, найдемъ окончательно...“. Ученикъ не пойметъ, почему сдѣлана такая поправка; не пойметъ даже и тогда, когда прочтетъ § 114, гдѣ говорится о рефракціи.

Стр. 5, въ § 9. Говоря о кажущейся по вертикальному направленію сплюснутости небеснаго свода, авторъ выражается такъ: „Поверхность эта однако не вполнѣ шаровая...“, а на стр. 12 въ § 27 вводитъ совершенно неумѣстную и сбивающую съ толку ученика выноску: „Мы здѣсь пренебрегаемъ сплюснутостью небеснаго свода“.

Стр. 8 и 9, § 19. Исходя изъ того, что „ошибка при измѣреніи угловъ наиболѣе точными приборами менѣе одной десятой доли секунды“, авторъ выводитъ, что разстоянія до неподвижныхъ звѣздъ болѣе четырехъ милліоновъ километровъ.

Стр. 11, § 24. „*Ось міра*. Оси міра различныхъ мѣстъ различны и, слѣдовательно, выходитъ, что небесныя свѣтила одновременно вращаются около безчисленнаго множества осей. Это невозможно: ось вращенія можетъ быть только одна. Поэтому необходимо допустить, что мѣстныя оси міра параллельны между собою, и тогда, въ виду малости земного радіуса въ сравненіи съ разстояніями отъ звѣздъ до

земли. ихъ можно считать сливающимися. Прямая, параллельная мѣстнымъ осямъ міра и проходящая черезъ центръ земли, называется осью міра. На основаніи объясненнаго можно сказать, что всѣ *небесныя свѣтила вращаются вокругъ оси міра*". Очень неловкое объясненіе, къ которому пришлось придти автору, идя по тому пути, которымъ онъ велъ изложеніе раньше.

Стр. 16, въ § 38. „Заходящія звѣзды имѣютъ очевидно только одну верхнюю кульминацію". Имѣютъ и нижнюю, но только она ниже горизонта.

Стр. 18. Неловкіе термины: „Наклонная сфера". „Прямая сфера". „Параллельная сфера".

Стр. 21—22. Описаніе способовъ опредѣленія долготъ изложено не хорошо, напримѣръ:

a) „*Перевозка хронометровъ*. Хронометръ даннаго мѣста перевозятъ на первый меридіанъ (или наоборотъ) и сличаютъ показанія перевезеннаго хронометра и мѣстнаго". (О ходѣ хронометра не упомянуто вовсе даже въ мелкомъ шрифтѣ).

c) „*Способъ телеграфовъ*. Сличаютъ показанія часовъ *на основаніи полученныхъ по телеграфу свѣдѣній о показаніи хронометра 1-го меридіана*. При этомъ пренебрегаютъ временемъ, необходимымъ для передачи *депеши*". Можно водумать, что авторъ совсѣмъ не имѣетъ понятія о томъ, о чемъ онъ пишетъ.

Стр. 27, въ § 67. „Понятно также, почему поѣзда чаще сходятъ съ рельсовъ по правую ихъ сторону, чѣмъ по лѣвую". Гдѣ авторъ почерпнулъ такое свѣдѣніе и имѣетъ ли онъ представленіе о величинѣ давленія на правую сторону, вслѣдствіе вращенія земли?

Стр. 32, § 78. „*Измѣреніе дуги меридіана*. Прежде всего надо обозначить направленіе меридіана на поверхности земли. Это дѣлается обозначеніемъ точекъ, имѣющихъ одну и ту же долготу. Затѣмъ означенную дугу измѣряютъ посредствомъ тріангуляціи". При чемъ же тутъ тріангуляція, если точки лежатъ вдоль меридіана?

Стр. 34, § 80. Выраженія величинъ радіусовъ кривизны эллипсовъ выводятся не въ аналитической геометріи; эксцентриситетъ равенъ корню квадратному изъ (a^2-b^2), дѣленному на a, но не на b; два уравненія, приведенныя авторомъ для опредѣленія a и b, суть уравненія довольно сложныя и довольно высокой степени, хотя бы e и было выражено черезъ a и b. Наконецъ измѣреніе дугъ меридіановъ, параллелей и величинъ полуосей земного сфероида есть дѣло сложное и деликатное, основанное на приближенныхъ расчетахъ, и

лучше не излагать его вовсе въ учебникахъ среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ излагать такъ, какъ въ разсматриваемой здѣсь книгѣ.

Стр. 43, § 101. „*Траэкторія солнца есть эллипсъ*“... „и оказывается, что найденная траэкторія есть эллипсъ, въ фокусѣ котораго находится земля. Въ этомъ можно убѣдится графически“, пишетъ авторъ. Если поступать подобнымъ образомъ, то очень трудно убѣдиться, что это эллипсъ, а не кругъ.

Стр. 45, § 106. Доказательство закона площадей совершенно неудовлетворительно, да и нельзя требовать, чтобы въ учебникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній могло быть приведено доказательство этого закона.

Стр. 74, § 150. Формулу для тангенса половины часового угла (хотя и вѣрную) безъ знанія сферической тригонометріи вывести нельзя, а если ученикъ даже и будетъ знать этотъ отдѣлъ тригонометріи, то съ помощью чертежа 75-го онъ формулы не выведетъ, потому что не пойметъ, какое значеніе имѣютъ изображенныя на чертежѣ линіи, такъ какъ о нихъ ничего не упоминается въ текстѣ, а одна изъ этихъ линій даже и буквами не обозначена.

Стр. 99—100, (въ § 194). Изложенное здѣсь объясненіе относительно доказательства перваго закона Кеплера на столько неубѣдительно, что лучше бы его не приводить. Вмѣсто этого полезнѣе было бы хотя привести § 78 изъ учебника математической географіи профессора генерала Шарнгорста, гдѣ ясно изложена идея Кеплера объ опредѣленіи орбиты планеты Марсъ по наблюденіямъ Тихо-Браге и описано, какія трудности пришлось преодолѣть Кеплеру для того, чтобы придти къ заключенію объ эллиптическомъ видѣ и о величинѣ эксцентриситета орбиты этой планеты.

Приведенныя въ учебникѣ г. Попруженко объясненія, относительно доказательствъ второго и третьяго законовъ Кеплера, тоже неудовлетворительны.

Стр. 103, § 203. Говоря о законѣ всеобщаго тяготѣнія, авторъ забываетъ сказать, что планета притягивается къ солнцу съ такою же силою, съ какою планета притягиваетъ солнце.

Стр. 117, въ § 220. Въ выноскѣ авторъ говоритъ, что будто бы можно видѣть солнечную атмосферу закрывая изображеніе солнца въ телескопѣ металлическимъ кружкомъ, однако онъ прибавляетъ, что наблюденія во время затменія удобнѣе.

Стр. 63, § 135. Говоря о сумеркахъ и зарѣ, онъ ничего не говоритъ о роли высоты атмосферы при этихъ явленіяхъ.

Стр. 64—69. Въ главѣ: „Времена года“ ничего не упоминается о различіи обоихъ полушарій земли, сѣвернаго и южнаго, въ климатическомъ отношеніи.

Стр. 111, § 213. Здѣсь говорится, что плотность Юпитера менѣе плотности воды; то же самое говорится на стр. 126 и 129.

Стр. 128. Сжатіе Марса равно $\frac{1}{220}$; въ выноскѣ ссылка на Фламмаріона. Вѣроятно, и авторъ учебника настолько сомнѣвается въ авторитетѣ этого лица, что послѣ приведенной имъ величины сжатія поставилъ вопросительный знакъ.

Стр. 133, въ § 246. „Ось хвоста кометы направлена по продолженію радіуса вектора“ (то же въ § 253, стр. 135). А если у кометы нѣсколько хвостовъ?

Стр. 136—137, § 256. „*Замѣчательныя кометы*“. О кометѣ Донати и объ особенностяхъ вида ея хвостовъ не упомянуто.

Стр. 143, § 267. „*Вещество во вселенной распредѣлено съ величайшей экономіей*“—не доказанная теорема, будто бы подтверждаемая цифрами на верхней части той же страницы.

Стр. 138, § 258. Здѣсь авторъ говоритъ, что будто бы въ періоды максимумовъ падающія звѣзды проносятся какъ хлопья снѣга.

Стр. 79, § 159. Здѣсь говорится, что уголъ между плоскостью лунной орбиты и плоскостью эклиптики равенъ 5°8′48″, а въ выноскѣ: „Измѣняется въ предѣлахъ отъ 5°0′1″ до 5°17′35″“. Эксцентриситетъ, говоритъ авторъ, равенъ $\frac{1}{20}$ (точнѣе 0,055), а въ выноскѣ: „тоже величина перемѣнная“.

Стр. 101, § 196: „*Эксцентриситеты* орбитъ всѣхъ планетъ, кромѣ Меркурія (0,2), очень малы и выражаются только сотыми или тысячными долями“; а на самомъ дѣлѣ: эксцентриситетъ Марса $\frac{1}{11}$, Юпитера $\frac{1}{21}$, Сатурна $\frac{1}{18}$. Нельзя признать эти дроби очень малыми.

Элементарный курсъ русской грамматики въ связи съ грамматическими упражненіями и приложеніемъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ. Составилъ учитель приготовительнаго класса С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища *А. Кусовниковъ*. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ *В. В. Думнова*, подъ фирмою наслѣдн. бр. Салаевыхъ. С.-Пб. 1901. Стр. IV+114+II. Цѣна 40 коп.

Книжка г. Кусовникова назначается имъ для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, народныхъ школъ и домаш-

няго обученія, но мы разсматриваемъ ее лишь съ точки зрѣнія пригодности ея для приготовительныхъ классовъ, состоящихъ нынѣ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Чтеніе „Элементарнаго курса" убѣждаетъ насъ прежде всего въ томъ, что это работа опытнаго преподавателя, который *умѣетъ говорить* и писать *сообразно съ дѣтскимъ пониманіемъ*. Затѣмъ отмѣчается *систематичность* изложенія: передъ нами не просто учебникъ, а *методическое руководство*, раздѣленное на 56 уроковъ.

Три отдѣла книги заключаютъ въ себѣ: первый — пропедевтику элементарнаго курса этимологіи, второй—краткій синтаксисъ, третій—краткую этимологію. Наименьшимъ отдѣломъ (20 стр.) является средній, посвященный предмету, выходящему собственно за предѣлъ курса приготовительнаго класса, т.-е. синтаксису.

Къ упомянутымъ общимъ внутреннимъ достоинствамъ книги слѣдуетъ прибавить внѣшнія ея преимущества передъ весьма многими учебниками, а именно четкій шрифтъ и исправность набора.

Недостатками книги являются нѣкоторая *загроможденность* изложенія и кое-гдѣ допущенныя авторомъ *неточности*. Подъ *загроможденностью* мы разумѣемъ помѣщеніе въ руководствѣ матеріала, заучиваніе котораго безполезно обременяетъ дѣтскую память. Такъ въ первомъ урокѣ г. Кусовниковъ почти страницу посвящаетъ разъясненію того, что такое *предметъ*, прибѣгая для этого къ психологическимъ обобщеніямъ, и въ концѣ концовъ все-таки не только не даетъ опредѣленія этого термина, но и далеко не исчерпываетъ объема самаго понятія „предметъ". На стр. 34—35 въ урокѣ 21 для чего-то выписано нѣсколько десятковъ словъ съ *ѳ*, и ученику предлагается ихъ выучить. Урокъ 23-й состоитъ изъ списка словъ, имѣющихъ въ корнѣ *ѣ*. Что надо дѣлать учителю на этомъ урокѣ? Неужто этотъ списокъ заучивается? Въ урокѣ 55-мъ дается длинный списокъ междометій, распредѣленныхъ довольно странно: *ахъ*! выражаетъ радость, *ай-ай* неожиданность и *у-у*! удивленіе. Неужто это дѣти также должны заучивать?

Въ урокѣ 43 (стр. 94) ученикамъ приготовительнаго класса вмѣняется въ обязанность для чего-то различать пять залоговъ. Любопытно, что въ языкахъ съ богатѣйшей вербальной системой, каковы санскритъ и латинскій, ученые различаютъ лишь два залога, основываясь на формальномъ признакѣ, а наши гимназисты должны до сихъ поръ, для языка съ бѣдными остатками глагольной системы, заучивать наименованія пяти, если не шести, залоговъ.

Относительно неточныхъ или неудачныхъ выраженій г. Кусовникова ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ.

На страницѣ 2 смѣшано понятіе о *живомъ* и *одушевленномъ*, что можетъ повлечь за собою недоразумѣніе при изученіи склоненій (винит. *мертвеца*, а не мертвецъ). Удобнѣе сказать дѣтямъ, что одушевленными предметами въ грамматикѣ принято называть *животныхъ* и *людей*.

На 4 стр. *глаголъ* смѣшанъ въ объясненіи съ *именемъ*.

На 9 стр. *буква* смѣшана съ *звукомъ*, на 11 стр. тоже.

На 13 стр. г. Кусовниковъ опускаетъ при перечисленіи слоговъ такіе, которые состоятъ изъ одной гласной.

На 18 стр. г. Кусовниковъ, по поводу перемѣны *з* на *с* въ приставкахъ, неправильно исключаетъ слова, имѣющія въ корнѣ *с*: надо было сказать „въ которыхъ послѣ приставки на *з* стоитъ *с*".

На стр. 24 читаемъ странное примѣчаніе: „Не слѣдуетъ смѣшивать *ш* съ буквою *щ*". Намъ кажется, что вообще въ грамматикѣ ничего не надо смѣшивать.

На стр. 25 неточно формулировано упражненіе „Выписать слова, состоящія изъ одинаковыхъ буквъ"....

На стр. 41 читаемъ въ спискѣ словъ съ кореннымъ *ѣ рѣдька* и въ скобкахъ „(исключается: редиска)". Слова эти едва ли общаго происхожденія.

Практическій курсъ нѣмецкаго языка по наглядному методу. Для домашняго обученія, низшихъ классовъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Составила *Е. Головачева* подъ редакцію *Р. Гретмана*. Съ 22-мя политипажами въ текстѣ. Часть 1. Изданіе книжнаго магазина *В. В. Думнова*, подъ фирмою „Наслѣдники Бр. Салаевыхъ". Москва. 1899. Стр. VIII+224. Цѣна 75 коп.

„Практическій курсъ нѣмецкаго языка по наглядному методу" составленъ не только весьма тщательно, но и съ немалымъ знаніемъ дѣла. Видно, что составительница книги хорошо знакома съ требованіями и пріемами новаго метода, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не отрицаетъ необходимости ознакомленія учащихся, и при примѣненіи этого метода, съ первыхъ же шаговъ, съ главнѣйшими грамматическими правилами и схемами изучаемаго языка.

Разбираемый учебникъ предназначается для низшихъ классовъ учебныхъ заведеній, а также и для домашняго обученія и даже для самообученія. Мы думаемъ, что онъ окажется пригоднымъ для всѣхъ этихъ цѣлей.

Какъ это необходимо для первыхъ курсовъ, лексическій матеріалъ, предлагаемый въ книгѣ, „заимствованъ исключительно изъ словъ обыденной рѣчи и тѣсно связанъ съ содержаніемъ помѣщенныхъ въ ней картинокъ". — Картинки эти, кстати сказать, исполнены довольно изящно, но, по нашему мнѣнію, слишкомъ мелки, что впрочемъ, по всей вѣроятности, находится въ связи съ дѣйствительно весьма умѣренной ея цѣной. Книга вездѣ сохраняетъ свой чисто-практическій характеръ; такъ, формы словъ и конструкцію предложеній ученики должны усвоить не посредствомъ отвлеченныхъ правилъ, а на примѣрахъ. При этомъ преподавателю представляется полная возможность поступать двоякимъ образомъ: сперва требовать, при своемъ же дѣятельномъ содѣйствіи, и, конечно, въ классѣ, на урокахъ, усвоенія учащимися формъ и схемъ измѣненій словъ по даннымъ образцамъ, и затѣмъ уже приступить къ упражненіямъ, разрабатывающимъ этотъ матеріалъ на основаніи картинокъ, или же, наоборотъ, изъ этихъ упражненій выводить данныя въ образцахъ формы. Мы думаемъ, что послѣдній способъ будетъ правильнѣе и болѣе соотвѣтствовать наглядному методу, при чемъ данныя схемы и формы будутъ служить для повторенія и приведенія въ систему уже практическимъ путемъ усвоеннаго матеріала. За упражненіями, состоящими изъ вопросовъ и отвѣтовъ, мы желали бы признать только значеніе примѣровъ и не требовать, чтобы вопросы эти были предлагаемы только устно и, какъ говоритъ авторъ книги въ предисловіи къ ней, „по возможности въ той формѣ, въ какой они помѣщены въ книгѣ". Мы желали бы предоставить преподавателю и вмѣстѣ съ нимъ и учащимся больше свободы, ожидая отъ этого и больше оживленія и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не меньше пользы отъ такихъ бесѣдъ преподавателя съ учениками на основаніи разсматриваемыхъ и разбираемыхъ картинокъ. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ еще прибавить, что, по нашему мнѣнію, большія, стѣнныя таблицы болѣе пригодны для нагляднаго обученія, чѣмъ эти мелкія картинки въ учебникѣ; впрочемъ мы послѣднихъ не исключаемъ, такъ какъ онѣ имѣютъ значеніе для повторенія учащимися дома пройденнаго классомъ во время урока, и въ особенности въ томъ случаѣ, если ученикъ не могъ присутствовать на одномъ или нѣсколькихъ урокахъ по данному предмету. Но большія таблицы, висящія передъ учениками, скажемъ на классной доскѣ, имѣютъ то громадное преимущество, что при помощи ихъ легко можно сосредоточить вниманіе всѣхъ учащихся на одномъ только пунктѣ данной картины, что гораздо труднѣе и вообще едва ли когда-либо

вполнѣ удастся безъ такихъ таблицъ, въ особенности, въ многолюдныхъ классахъ. Мы привѣтствуемъ разбираемую книгу, какъ одну изъ первыхъ попытокъ идти на встрѣчу требованіямъ новаго метода и убѣждены, что если на практикѣ, по всей вѣроятности, и скоро потребуются въ ней нѣкоторыя измѣненія и усовершенствованія, какъ, напримѣръ, по нашему мнѣнію,—выдѣленіе всего грамматическаго матеріала въ особый отдѣлъ книги для облегченія ученикамъ необходимаго, отъ времени до времени, повторенія грамматики въ систематическомъ порядкѣ; то все-таки она и въ настоящемъ своемъ видѣ принесетъ не мало пользы при изученіи нѣмецкаго языка.

Erstes Lesebuch zum naturgemässen Erlernen der deutschen Sprache von *J. Bauer*. — Руководство для начальнаго обученія нѣмецкому языку по естественному методу, составленное *Ю. Бауеръ*, преподавательницею нѣмецкаго языка при 2-й Московской женской гимназіи. Москва. 1901. Стр. VIII + 118. Цѣна 75 коп.

Вышепоименованная книжка вообще составлена весьма тщательно и не безъ пониманія требованій, предъявляемыхъ такъ называемымъ натуральнымъ методомъ, но тѣмъ не менѣе она не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, на которые мы находимъ нужнымъ здѣсь указать. Прежде всего мы находимъ, въ противоположность тому, какъ это дѣлаетъ г-жа Бауеръ, болѣе цѣлесообразнымъ, согласно указаніямъ, даннымъ въ новомъ „конспектѣ учебнаго плана для средней школы" (стр. 2, пунктъ 5), начинать обученіе дѣтей чужому имъ языку съ ознакомленія ихъ „съ названіями предметовъ, *окружающихъ ученика*", и потомъ только переходить къ названіямъ дѣйствій, отвлеченныхъ понятій и т. д.

Въ особенности это необходимо при школьномъ преподаваніи на урокахъ въ классѣ съ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ учениковъ.

Между тѣмъ въ разбираемой книгѣ съ самаго начала даются такія слова, какъ: Haus, Baum, Nest, Zaun, Vogel. Выборъ этихъ словъ едва ли можно признать вполнѣ удачнымъ, такъ какъ, стремясь къ возможно большей наглядности при преподаваніи иностраннаго языка, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что такая цѣль достигается легче и полнѣе, если учащимся предъявляются самые предметы, а не только ихъ изображенія, то-есть въ данномъ случаѣ, маленькія, безцвѣтныя картинки. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что, кромѣ большей наглядности при предъявленіи дѣтямъ са-

мыхъ предметовъ, преподавателю представляются еще другія удобства: онъ можетъ предметы эти перемѣщать съ одного мѣста на другое (напримѣръ, Die Feder liegt auf, unter, neben dem Buche), можетъ опредѣлить ихъ размѣры, ихъ цвѣтъ, ихъ форму, ихъ годность или негодность и т. д. Всѣмъ этимъ пріемамъ, крайне полезнымъ и въ высшей степени оживляющимъ преподаваніе, маленькія картинки, помѣщенныя въ текстѣ, конечно, не поддаются.

Впрочемъ г-жа Бауеръ, какъ мы читаемъ въ русскомъ предисловіи къ книгѣ (стр. VI), сама говоритъ: „книги въ руки дѣтямъ давать не слѣдуетъ прежде, чѣмъ они не узнаютъ изъ бесѣдъ преподавательницы (почему не преподавателя также?) содержаніе хотя бы восьми первыхъ уроковъ“.

Это было бы, конечно, вполнѣ возможно и даже весьма полезно, но, къ сожалѣнію, г-жа Бауеръ, не предоставляя преподавателю свободы выбора тѣхъ предметовъ, съ названіями которыхъ онъ хочетъ познакомить дѣтей, продолжаетъ такъ: „При выборѣ словъ для этихъ бесѣдъ, слѣдуетъ руководствоваться *нашею книгою*“ и потомъ прибавляетъ: „но лучше замѣнить изображенія предметовъ самими предметами въ натурѣ или въ моделяхъ“ (игрушки). Изъ приведеннаго мѣста предисловія, по нашему мнѣнію, легко усматривается, что составительница разбираемаго учебника едва ли вполнѣ себѣ выяснила то, чего она требуетъ: „на первыхъ восьми урокахъ дѣтямъ книги въ руки не давать“, а тѣмъ не менѣе при выборѣ словъ въ теченіе этихъ же восьми уроковъ руководствоваться тою же книгою, но при этомъ не пользоваться картинками, помѣщенными въ книгѣ, а „самыми предметами въ натурѣ или въ моделяхъ“. Все это не совсѣмъ ясно и не достаточно послѣдовательно. Если бы г-жа Бауеръ нашла возможнымъ замѣнить выше названныя нами слова (и картинки), помѣщенныя ею на первомъ мѣстѣ, Haus, Baum, Nest, Zaun, Vogel и другія, выражающія названія предметовъ, которыхъ въ классѣ нѣтъ и переноска которыхъ въ классы не совсѣмъ удобна, другими словами (и картинками), какъ, напримѣръ: Tafel, Feder, Griffel, Buch и т. д., то дѣло было бы гораздо проще; всѣ эти предметы имѣются у учениковъ и преподавателей подъ руками, и изображенія ихъ, помѣщенныя въ книгѣ, могли бы оказать прекрасныя услуги ученикамъ при повтореніи ими пройденнаго въ классѣ на урокѣ, въ особенности въ случаѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отсутствія дѣтей на урокахъ по болѣзни или другимъ причинамъ. Сказанное нами относительно вышеприведенныхъ словъ (и

картинокъ) относится также и ко многимъ другимъ словамъ (и картинкамъ), помѣщеннымъ на первыхъ же страницахъ книги. Вообще слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ въ выборѣ словъ, сообщаемыхъ ученикамъ на первыхъ же урокахъ, если мы не желаемъ совершенно нарушить самыя элементарныя требованія общей дидактики и методики даннаго предмета.

Не ознакомить дѣтей сперва въ достаточной мѣрѣ съ произношеніемъ простыхъ гласныхъ *a* и *u* (у) въ нѣмецкомъ языкѣ, что весьма легко могло бы быть достигнуто при помощи такихъ простыхъ словъ, какъ, напримѣръ, Tafel, Buch и подобныя, но сообщать имъ съ самаго начала слова съ *двухгласнымъ звукомъ* „au", совершенно несвойственнымъ русскому языку, и притомъ еще въ словѣ „*Haus*", правильное произношеніе котораго въ виду перваго въ немъ согласнаго звука — h — безъ того уже довольно трудно дается русскимъ дѣтямъ, — это значитъ совершенно пренебрегать выше указанными требованіями.

Еще менѣе можно одобрить: „слова и отдѣльные слоги, помѣщенные въ концѣ каждаго урока", которые по мнѣнію г-жи Бауэръ (см. предисловіе стр. VI, средина), „служатъ для закрѣпленія въ памяти особенностей начертанія даннаго звука".

Дѣти не должны ни читать, ни писать ни *единаго* слова (тѣмъ менѣе, конечно, слога), съ которыми они не въ состояніи связывать никакого представленія.

Это такое элементарное правило, столь ясно и опредѣленно высказанное въ объяснительныхъ запискахъ къ министерскимъ программамъ по новымъ языкамъ 1890 года и столь часто указывавшееся ученымъ комитетомъ въ рецензіяхъ о разныхъ нѣмецкихъ учебникахъ, что можно только удивляться тому, какъ эти правила, повидимому, все еще неизвѣстны составителямъ и составительницамъ названныхъ книгъ.

При этомъ въ указанныхъ словахъ многократно допущено и грубое нарушеніе требованій нѣмецкаго правописанія (имена существительные написаны маленькою буквою).

Эти „Leseübungen" вполнѣ противорѣчатъ тому, что сказано самой г-жей Бауэръ на первой же страницѣ нѣмецкаго предисловія (внизу), гдѣ мы читаемъ: „Der naturgemässe Sprachunterricht hat sich nicht an das Wort zu richten, sondern den Begriff zu erzeugen; er darf nicht an ein anderes Wort gebunden sein, welches denselben

Begriff ausspricht, also schon dem Bedürfnis der Mitteilung gedient hat. Mit anderen Worten: es giebt im naturgemässen Erlernen einer zweiten Sprache kein Uebersetzen mehr. Die zweite Sprache baut sich, ebenso wie die Muttersprache, *direct aus den Begriffen auf*".

Какіе спрашивается „direkte Begriffe" ученики могутъ имѣть, если они читаютъ на чужомъ языкѣ, и на первыхъ же урокахъ, такія слова, какъ „rau, hau, aus, kaum, vor, nie", или даже слоги— link, ling и т. п.

В. М. Весленевъ. Въ странѣ Фараоновъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Съ рисунками. Часть первая. Изданіе А. Д. Карчагина. Калуга. 1901. V+166. Цѣна 2 рубля.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ г. Весленевъ предпринялъ составленіе ряда отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ древнему Египту и расположенныхъ, повидимому, въ хронологическомъ порядкѣ; по крайней мѣрѣ его держится подлежащая нашему разсмотрѣнію первая часть, дающая пять очерковъ физическихъ условій Египта („Египетъ—даръ Нила", „Нилъ", „Годъ въ Египтѣ", „Растительный міръ Египта", „Животное царство Египта"); одинъ—по египетской религіи и легендарной исторіи („Озирисъ и Изида") и четыре—по исторіи древняго царства („Амтенъ", „Мемфисъ", „Мастаба Ти", „Карликъ Данга"). Не будучи спеціалистомъ, авторъ пользуется трудами египтологовъ и путешественниковъ, перечень которыхъ предпосылаетъ книгѣ. Послѣдняя написана съ любовью къ предмету, живымъ и хорошимъ, хотя нѣсколько многословнымъ языкомъ, издана прекрасно и снабжена удовлетворительными иллюстраціями, представляющими какъ виды современнаго Египта, такъ и снимки съ древнихъ памятниковъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что книга прочтется тѣми, для кого она предназначена, т.-е. учениками среднихъ учебныхъ заведеній (см. „Предисловіе"), съ интересомъ и пользой даже при существованія погрѣшностей, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ и которыя неизбѣжны въ компилятивной, популярной работѣ въ такой области, какъ египтологія.

Прежде всего остановимся на погрѣшностяхъ методологическаго характера. Историческіе очерки у автора ничѣмъ не связаны; это— отдѣльныя статьи, переплетенныя въ одну книгу, при чемъ одна изъ нихъ не предполагаетъ существованія другой. Такіе очерки могутъ

быть вполнѣ полезны тогда, если читающій ихъ знакомъ уже со связнымъ курсомъ исторіи Египта и, конечно, не такимъ, какіе даютъ наши учебники. Кромѣ того, выборъ изъ цѣлой эпохи того или другого очерка даетъ ей одностороннее освѣщеніе, а хронологическая связь, которую можно вывести изъ упоминанія авторомъ династій, къ которымъ относятся событія, упоминаемыя въ очеркахъ, не будетъ для читателей осязательной, особенно, если авторъ самъ допускаетъ анахронизмы. Такъ, въ миѳѣ Осириса (разсказанномъ, замѣтимъ, безъ соблюденія перспективы и по греческимъ толкованіямъ съ удержаніемъ неудачнаго сопоставленія съ Діонисомъ и Низейскихъ долинъ) упоминается богъ Амонъ-Ра и городъ Ни-Амонъ, между тѣмъ, какъ культъ бога Амона не древнѣе Средняго царства (стр. 87), равно какъ и Ѳивы, въ которыхъ авторъ хочетъ видѣть „феодальное княжество" еще при VI дин. (стр. 155). Точно также едва ли можно слѣдовать Масперо въ томъ, что „Данга напоминалъ египтянамъ Безу". Богъ Бесъ не былъ извѣстенъ египтянамъ раньше Новаго царства (стр. 164).—Крупны недоразумѣнія съ египетской литературой въ главѣ: „Мемфисъ". Во-первыхъ, не думаемъ, чтобы должность „управляющаго книжнымъ домомъ" имѣла какое-либо отношеніе къ „большимъ библіотекамъ" (стр. 120); ея носитель, вѣроятно, не шелъ дальше придворнаго архива съ его приходорасходными книгами и документами. Одинъ изъ такихъ счетовъ недавно изданъ Борхартомъ въ сборникѣ „Aegyptiaca" въ честь покойнаго Эберса, и пока можетъ претендовать на названіе древнѣйшей рукописи въ мірѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ papyrus Prisse, который авторъ все еще относитъ къ древнему царству и считаетъ произведеніемъ Пта-Хотпа. Текстъ этотъ вообще очень труденъ и мало понятенъ даже для египтологовъ, а потому обобщенія и выводы, которые высказываетъ авторъ на основаніи чужихъ переводовъ относительно „высоты нравственныхъ началъ" и „глубины мышленія" египтянъ, не могутъ считаться несомнѣнными. Напротивъ, болѣе понятныя мѣста papyrus Prisse скорѣе говорятъ въ пользу утилитарнаго, узко-практическаго характера его изреченій. Затѣмъ не вѣрно то, что говоритъ авторъ объ египетской литературѣ на стр. 120. И о какой литературѣ идетъ здѣсь дѣло? Объ египетской вообще, или о литературѣ мемфисскаго періода? Въ первомъ случаѣ нельзя сказать, будто „отъ этой обширной литературы у насъ уцѣлѣли только немногіе отрывки религіозныхъ и ученыхъ сочиненій..., да одинъ философскій трактатъ"... и

т. д. потому, что до насъ дошло не мало произведеній и въ цѣломъ видѣ, да при томъ не только религіозныхъ и научныхъ, а и сказокъ, и дѣловыхъ текстовъ, и юридическихъ актовъ; во второмъ случаѣ авторъ не правъ потому, что „ученыя сочиненія“, дошедшія до насъ, относятся уже къ среднему и новому царствамъ, а отъ Мемфисскаго періода дошло до насъ громадное религіозное произведеніе — тексты пирамидъ не въ „немногихъ отрывкахъ“, а въ цѣломъ видѣ и даже въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Не вѣрно и то, будто въ древнемъ царствѣ „наука и литература были общимъ достояніемъ и, только много вѣковъ спустя, замкнулись въ тѣсномъ кругу жреческихъ корпорацій“ (стр. 122). А чиновники?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ не договариваетъ. Напр., на стр. 121 онъ помѣщаетъ извѣстную классическую статую Нила и не говоритъ о ея происхожденіи; юные читатели могутъ счесть ее древне-египетскимъ произведеніемъ. Не мѣшало бы дать ей объясненіе и указать на ея мѣстонахожденіе въ настоящее время. Или на стр. 156 слѣдовало бы слова: „жители Кеми“ пояснить болѣе обстоятельно, чѣмъ „Египта“ въ скобкахъ и т. д.

Изъ болѣе мелкихъ погрѣшностей укажемъ на слѣдующія. На стр. 3 Солонъ названъ „греческимъ философомъ“. На стр. 53 дается египетское имя лотоса „зисбинъ“, надо — „сешенъ“; перечисляя роды этого растенія, авторъ забываетъ о голубомъ. Левъ не былъ ненавистенъ египтянамъ (стр. 63): это былъ символъ бога Шу, богини Сохметъ и любимый матеріалъ для орнамента; что его боялись, какъ хищника—это другое дѣло. „Реръ“ не значитъ „рѣчная свинья“, а просто „бегемотъ“ (стр. 65). Отрывокъ изъ „Книги дыханія“ взятъ эпиграфомъ къ очерку „Озирисъ и Изида“ не совсѣмъ удачно — въ немъ дѣло идетъ не о богѣ Осирисѣ, а объ отожествленномъ съ нимъ покойномъ. „Та-Махи“ (вѣрнѣе „Та-Мехитъ“) значитъ „сѣверная страна“, а не „страна льна“ (стр. 109). Абидосъ если и былъ столицей Египта, то въ доисторическое время. а не послѣ Мемфиса (стр. 125). Зависимость автора отъ пособій иногда доходитъ до крайности. Такъ, на стр. 31 онъ считаетъ по грегоріанскому календарю, на 73-й—ведетъ счетъ на зильбергроши, а на 85-й и др. бога Кеба все еще называетъ Себомъ. Транскрипціи собственныхъ именъ вообще рабски слѣдуютъ иностраннымъ авторитетамъ. Такія формы, какъ Озирисъ, Изида, Горусъ, Оксиряхусъ, Хинензу, Гермополисъ, Безу и т. д. непріятно дѣйствуютъ на русское ухо и неправильны

грамматически, равно какъ не хорошо и „Дитяти“ (стр. 131) вмѣсто „Младенца“ въ примѣненіи къ Спасителю.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, которыхъ искренно желаемъ автору избѣжать въ послѣдующихъ частяхъ его работы, послѣдняя можетъ быть признана удовлетворительной.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СОРОКЪ ЛѢТЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Ученые труды академика И. В. Ягича.

[1861—1901].

Въ настоящемъ году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, исполнилось сорокъ лѣтъ ученой дѣятельности наиболѣе выдающагося представителя современной славянской филологіи—академика И. В. Ягича. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1861 году, въ одномъ изъ незначительныхъ южно-славянскихъ ученыхъ изданій явился первый печатный трудъ только-что начинавшаго тогда свою научную дѣятельность, молодого преподавателя Загребской гимназіи И. В. Ягича,—нынѣ знаменитаго слависта: это были *Замѣчанія о сербской народной поэзіи* (Pabirci po cvieću našega norodnoga pjesničtva), напечатанныя въ программѣ Загребской гимназіи (Извѣстія Загребской гимназіи, 1861, 4°, 21 стр.). Пользуемся исполняющимся нынѣ сорокалѣтіемъ перваго научнаго труда академика Ягича,—чтобы припомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, важнѣйшія черты сорокалѣтней дѣятельности этого ученаго, стоящаго нынѣ въ рядахъ лучшихъ научныхъ дѣятелей Европы.

И. В. Ягичъ является дѣйствительно представителемъ не только русской, южно-славянской, но въ полномъ смыслѣ европейской науки,— не только по высокому научному достоинству и цѣнности своихъ работъ, но и по самымъ внѣшнимъ условіямъ своей жизни и дѣятельности. Родомъ хорватъ (род. въ Вараджинѣ, въ Хорватіи, въ 1838 г.), высшее образованіе свое И. В. Ягичъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ; начавши свою офиціальную дѣятельность пре-

подавателемъ въ Загребской гимназіи (въ 1860 г.), Ягичъ послѣдовательно является профессоромъ славянской филологіи въ Одессѣ, въ Берлинѣ, въ Петербургѣ, наконецъ въ Вѣнѣ,—гдѣ остается и до сихъ поръ; одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей С.-Петербургской Академіи Наукъ, И. В. Ягичъ въ то же время дѣйствительный членъ академій наукъ Вѣнской и Берлинской; славянинъ-хорватъ, бывшій русскій профессоръ, какъ природный русскій говорящій и пишущій по русски,—И. В. Ягичъ въ то же время основатель и редакторъ чисто европейскаго, по своимъ научнымъ достоинствамъ, нѣмецкаго журнала, — посвященнаго интересамъ славянской филологіи... Эта научная спеціальность понимается академикомъ Ягичемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Ученые труды его относятся поэтому къ весьма различнымъ областямъ славянскаго языка и литературы, древнимъ и позднѣйшимъ. И вообще научный характеръ, приданный славянской филологіи академикомъ Ягичемъ, весьма замѣтно отличался отъ того направленія научныхъ изслѣдованій, которое господствовало въ этой области сравнительно еще такъ недавно,—когда главнымъ представителемъ славистики на западѣ былъ извѣстный Миклошичъ († 1891), предшественникъ Ягича въ Вѣнскомъ университетѣ, оставившій каѳедру здѣсь въ 1885 г. и указавшій своимъ преемникомъ Ягича... Заслуги Миклошича въ славянской филологіи, конечно, неоспоримы. — „Ученые труды его еще надолго останутся необходимыми, иногда единственными пособіями для всякаго занимающагося или интересующагося вопросами славянскаго языкознанія". Но его ученые интересы были слишкомъ односторонни. Въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ онъ почти исключительное мѣсто отводилъ грамматикѣ; вопросы народной поэзіи, общей славянской культуры и литературнаго развитія и т. п. какъ-то мало го занимали... Направленіе ученыхъ трудовъ акад. Ягича несравненно шире, разнообразнѣе,—при полной научной объективности; да и область самой филологіи—непосредственно славянское языкознаніе—обязано ему также едва ли не болѣе важными и цѣнными пріобрѣтеніями... Задачи слависта Ягичъ понимаетъ вообще несравненно шире; по мѣткому выраженію акад. Веселовскаго—вмѣстѣ съ Як. Гриммомъ, Ягичъ хочетъ „не только строить дома, но и жить въ нихъ"... Область *языка* находитъ въ акад. Ягичѣ столь же ревностнаго изслѣдователя, какъ и область памятниковъ *собственно литературныхъ*, область произведеній *письменности*, произведенія *устной народной поэзіи*, народной славянской *миѳологіи*, изслѣдованія *археологическія* и т. д.

Подъ терминомъ „славянская филологія" акад. Ягичъ вообще понимаетъ такую же широкую совокупность цѣлаго ряда различныхъ дисциплинъ и спеціальностей, какая, въ нераздѣльной цѣльности и единствѣ этихъ, самихъ по себѣ отдѣльныхъ, спеціальностей, обнимается—„какъ нѣчто единое и цѣлостное (als ein Ganzes)"—и соотвѣтствующими терминами: „нѣмецкая филологія", „романская филологія"... Въ своей извѣстной вступительной лекціи въ 1886 году въ Вѣнскомъ университетѣ акад. Ягичъ со всею опредѣленностью высказалъ эти основные взгляды свои на характеръ, который должна носить въ себѣ славянская филологія, на ея задачи и цѣли.

Наиболѣе капитальные труды акад. Ягича сосредоточиваются въ области старославянскаго языка и дошедшихъ до насъ памятниковъ самой ранней общеславянской литературы, — памятниковъ той славянской письменности, которая непосредственно примыкала по своему возникновенію и развитію къ эпохѣ перевода на славянскій языкъ книгъ св. Писанія и ближайшихъ къ этому вѣковъ. Изученіе старославянскаго языка, этого „санскрита" славянской филологіи, полагается Ягичемъ въ основу всего,—и въ этомъ отношеніи онъ одинъ изъ первыхъ съ особой настойчивостью указывалъ на необыкновенную важность этого рода изученій для всѣхъ другихъ отдѣловъ и спеціальныхъ вопросовъ славянской филологіи. Онъ справедливо ставилъ на видъ, что чѣмъ больше отводится мѣста въ филологическихъ изслѣдованіяхъ изученію „славянскаго санскрита", тѣмъ шире и плодотворнѣе дѣлаются получаемые результаты изученій,—„чѣмъ дольше занимаются въ той или другой области славянства изученіемъ старославянскаго языка, тѣмъ глубже и содержательнѣе становится пониманіе и соотвѣтствующаго живого славянскаго нарѣчія"... „Матеріалъ старославянской рѣчи" вездѣ и всюду является для результатовъ изслѣдованія наиболѣе плодотворнымъ и цѣннымъ. Съ изученіемъ языка старославянскаго неразрывно соединяется затѣмъ изученіе живыхъ современныхъ славянскихъ нарѣчій и говоровъ,—славянская діалектологія и т. д.

Особенно важными являются труды Ягича по изданію памятниковъ. И. В. Ягичу принадлежатъ самыя капитальныя изданія въ области древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, славянскихъ текстовъ, библейскихъ и богослужебныхъ, выполненныя со всею научною строгостью и тщательностью,—наиболѣе цѣнныя изданія, какими только владѣетъ въ настоящее время славянская филологическая наука, и наряду съ которыми могутъ быть поставлены лишь очень немногіе

подобные труды другихъ ученыхъ. Какъ извѣстно,—рядомъ съ знаменитымъ *Остромировымъ Евангеліемъ*, изданнымъ Востоковымъ (весьма существенныя поправки къ этому изданію въ Archiv'ѣ Ягича), памятникомъ Кирилловской древне-русской письменности,—наиболѣе древними, извѣстными доселѣ, евангельскими текстами въ славянской письменности являются три глаголическіе кодекса: 1) такъ называемое *Ассеманіево Евангеліе*, 2) *Маріинское* и 3) *Зографское Евангеліе* (всѣ три кодекса относятся къ X—XI вѣкамъ): всѣ эти три наиболѣе драгоцѣнныя для изслѣдователя рукописи образцовымъ образомъ изданы или при ближайшемъ участіи академика Ягича,—какъ Евангеліе Ассеманіево (издано въ 1865 году Ягичемъ вмѣстѣ съ Rački: *Assemanov ili Vatikanski Evangelistar*. Zagreb, 1865), или непосредственно имъ самимъ,—какъ кодексы Зографскій и Маріинскій (*Quatuor Evangeliorum, codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.—Памятникъ глаголической письменности. Маріинское Четвероевангеліе. С.-Пб., 1883*). При всѣхъ трехъ памятникахъ къ изданнымъ текстамъ присоединены обширныя руководящія статьи—„введенія“ и примѣчанія, принадлежащія акад. Ягичу, гдѣ дѣлаются самыя тщательныя изученія издаваемаго памятника въ отношеніи языка и вообще лингвистическихъ особенностей. Въ обширномъ „введеніи“, приложенномъ къ *Ассеманіеву Евангелію* (str. XII—XCIX), Ягичемъ впервые бросался свѣтъ на взаимныя отношенія древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, текстовъ славянскаго Евангелія, кирилловскихъ и глаголическихъ,—насколько объ этомъ можно было судить въ то время, по имѣвшимся на лицо текстамъ, когда не были еще извѣстны ни *Зографское Евангеліе*, ни *Маріинское*. Между прочимъ акад. Ягичъ впервые намѣтилъ здѣсь отличія этого глаголическаго текста, со стороны лексикологіи, отъ древнѣйшихъ евангельскихъ текстовъ кирилловскихъ,—указалъ цѣлый рядъ словъ, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ болѣе или менѣе отличительные признаки глаголическаго евангельскаго текста, сравнительно съ евангельскимъ текстомъ кирилловскихъ рукописей, напримѣръ *Евангелія Остромирова*—и, вообще, наиболѣе ранняго славянскаго перевода Евангелія, сравнительно съ его болѣе поздними продолжателями,—точка зрѣнія, которая тщательно разрабатывается позднѣйшими изслѣдователями, при чемъ въ этихъ позднѣйшихъ изысканіяхъ новыми данными вполнѣ подтверждается многое изъ того, что̀ было высказано Ягичемъ въ его „введеніи“... Рядомъ съ тремя названными монументальными трудами акад. Ягича, нельзя не назвать четвер-

таго, тѣсно съ ними связаннаго—изданія древнѣйшаго славянскаго кодекса богослужебнаго, дошедшаго до насъ текста *древнерусскихъ служебныхъ Миней 1095--1097 г.* Трудъ изданъ нашей Академіей Наукъ (*Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, въ церковно-славянскомъ переводѣ, по русскимъ рукописямъ 1095—1096 г. С.-Пб., 1886*). Изъ болѣе позднихъ трудовъ этого рода акад. Ягича отмѣтимъ его ближайшее участіе въ изданіи извѣстнаго *Мирославова Евангелія*,—знаменитаго сербскаго памятника XII вѣка, имѣющаго значеніе не только въ исторіи старѣйшихъ текстовъ славянскаго Евангелія, но также и въ исторіи древнѣйшаго юго-славянскаго искусства [рукопись украшена множествомъ великолѣпныхъ миніатюръ],—и позднѣйшій трудъ по обслѣдованію рукописи такъ называемаго *Добромирова Евангелія*, также XII вѣка, пріобрѣтеннаго въ 1900 году нашей Императорской Публичной Библіотекой: *Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache XII Jahrhunderts. I—II. Wien, 1898* (Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Band CXL). Путемъ подробнаго сличенія этого памятника съ другими древнѣйшими славянскими изводами евангельскаго текста акад. Ягичъ приходитъ къ выводу, что *Добромирову Евангелію* принадлежитъ выдающееся мѣсто среди памятниковъ церковно-славянской письменности, какъ списку съ одного изъ наиболѣе древнихъ изводовъ церковно-славянскаго перевода Евангелія: оригиналъ *Добромирова Евангелія* находится въ ближайшемъ родствѣ съ текстами *Ассеманіева*, *Зографскаго* и *Маріинскаго Евангелій*,—отличаясь вмѣстѣ съ ними отъ южно-славянскаго оригинала нашего *Остромирова Евангелія*. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Ягича, указываетъ на болгарскій источникъ,—между тѣмъ какъ *Добромирово Евангеліе* и сходныя съ нимъ глаголическія евангелія восходятъ къ македонскому оригиналу; восточные или болгарскіе изводы легли въ основаніе русскихъ, а западные или македонскіе—въ основаніе сербскихъ и хорватскихъ евангельскихъ текстовъ. Этотъ позднѣйшій трудъ Ягича даетъ новыя подтвержденія для тѣхъ мнѣній и выводовъ, которые уже были высказаны нашимъ знаменитымъ изслѣдователемъ въ упомянутомъ нами выше его „введеніи" къ *Ассеманіеву Евангелію* (Загребъ, 1865). На выясненіе именно этого вопроса о редакціяхъ, которыя столь рано принимаются начальнымъ текстомъ славянскаго перевода св. Писанія, на выясненіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ онъ стоялъ къ начальной славянской письменности, глаголической и кирилловской,—по слѣдамъ старыхъ и новыхъ разысканій

акад. Ягича направлены въ настояще время изслѣдованія цѣлаго ряда позднѣйшихъ ученыхъ: Oblak'a, Waljavec'a, Wondrak'a, Михайлова.

Не упоминаемъ сдѣланныхъ акад. Ягичемъ изданій менѣе обширныхъ славянскихъ текстовъ, библейскихъ и богослужебныхъ, — такихъ его трудовъ, какъ изданіе отрывковъ изъ *Глаголической книги* апостольскихъ чтеній, сравнительно съ другими списками (1867), какъ чрезвычайно цѣнный провѣрочный трудъ его по изданной Срезневскимъ *Саввиной книгѣ* (Archiv, 1881, V), какъ извѣстные его „Образцы" церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ, глаголическимъ и кирилловскимъ (С.-Пб., 1871), столь важные особенно для начинающаго изслѣдователя, куда вошло много новыхъ, до того времени бывшихъ неизданными текстовъ, или цѣлаго ряда древнихъ текстовъ хорватскихъ, сербскихъ и болгарскихъ, изданныхъ и обслѣдованныхъ Ягичемъ въ Starine'хъ и т. д. и т. д. [1]).

Не можемъ не отмѣтить здѣсь однако одного изъ наиболѣе раннихъ трудовъ акад. Ягича общаго характера, до сихъ поръ сохраняющаго все свое значеніе,—извѣстной его *Исторіи сербско-хорватской литературы*, написанной авторомъ еще въ 1867 году (u Zagrebu, 1867) по-хорватски и въ 1871 году сполна переведенной на русскій языкъ проф. Петровскимъ (Казань, 1871). Въ трудѣ этомъ авторомъ между прочимъ сдѣлана была первая попытка возстановить по даннымъ языка древнѣйшую первобытную культуру славянъ, культуру ихъ общей, совмѣстной жизни въ Европѣ въ моментъ выдѣленія ихъ отъ другихъ общеарійскихъ племенъ, литовцевъ, германцевъ и т. д. Къ страницамъ, посвященнымъ въ „Исторіи" Ягича этому трудному вопросу, и теперь, спустя почти сорокъ лѣтъ, въ сущности, прибавлено не много...

Изъ спеціальныхъ изслѣдованій акад. Ягича въ области древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ отмѣтимъ извѣстныя его *Четыре палеографическія статьи* (С.-Пб., 1884), посвященныя разъясненію наиболѣе темныхъ вопросовъ въ исторіи начальной общеславянской письменности, — и превосходный, вышедшій въ прошломъ году, кри-

---

[1]) Библіографическіе перечни (не полные) трудовъ акад. Ягича см. въ „Протоколахъ засѣданій совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета" за вторую половину 1879—1880 акад. года. 1881, № 22, стр. 67—72; въ „Сборникѣ Отд. русскаго языка и слов. Имп. Ак. Наукъ", т. XXI, стр. 10—19; т. XXIX, стр. 10—12.

тическій трудъ о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія: *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache* (Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Classe, Bd. XLVII. Wien, 1900), гдѣ авторитетный изслѣдователь, въ виду наступленія новаго столѣтія, подводитъ итогъ всѣмъ, накопившимся въ славянской филологической наукѣ—за протяженіи истекшаго столѣтія — вопросамъ, болѣе или менѣе тѣсно связаннымъ съ дѣятельностью свв. братьевъ по переводу св. Писанія и, вообще, съ ихъ литературной дѣятельностью, подвергая добытые по этимъ вопросамъ результаты научныхъ изысканій вновь самому строгому критическому анализу.

Помимо изданій и изслѣдованій, относящихся къ памятникамъ древнѣйшимъ, цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ изданій и изслѣдованій акад. Ягича относится къ болѣе позднимъ, средневѣковымъ эпохамъ славянскихъ литературъ, къ памятникамъ славянской культуры и письменности XIV—XVI вѣка, — къ области средневѣковыхъ славянскихъ апокрифовъ, свѣтскихъ повѣстей и сказаній, къ такимъ памятникамъ славянской средневѣковой письменности, какъ *Физіологъ*, *Изреченія Менандра*, къ памятникамъ научно-грамматическаго содержанія, весьма значительно развивающимся въ юго-славянской и древне-русской литературахъ XIV—XVI вѣковъ и т. д. и т. д. Изысканія въ области памятниковъ *юго-славянскихъ* здѣсь уже ближайшимъ образомъ сливаются съ изученіемъ литературы *древне-русской*; въ то же время изданіе и научное обслѣдованіе памятниковъ, бывшихъ уже отчасти извѣстными,—здѣсь нерѣдко сопровождается обслѣдованіемъ и обнародованіемъ произведеній, совершенно неизвѣстныхъ, открытіемъ новаго цѣннаго матеріала. Изъ этого рода трудовъ акад. Ягича отмѣтимъ:

— Cirilski Zbornik XVI—XVII st. u bibliotеci Kukuljevicévoj. Opis s izvadcima. Knizevnik, III, u Zagrebu, 1866. Здѣсь, между прочимъ, помѣщенъ въ отрывкахъ сербскій текстъ *Физіолога*, позднѣе изданный сполна акад. Ягичемъ въ Starine'хъ, XI.

— Primeri starohèrvatskoga jezika iz glagolitskich i cirilskich knizevnih starinah (u Zagrebu, 1864—1866). Изданіе—до сихъ поръ остающееся въ высшей степени цѣннымъ. Рядомъ съ отрывками изъ древнѣйшихъ текстовъ глаголическихъ и кирилловскихъ, здѣсь помѣщено не мало памятниковъ болѣе поздней юго-славянской письменности XIII, XIV—XVI вѣковъ, характера законодательнаго, изъ литературы житійной, изъ хроникъ, изъ Александріи и т. п.

— Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, u Zagrebu, 1868 (рядъ памятниковъ юго-славянской апокрифической литературы, съ подробнымъ ихъ обслѣдованіемъ).

— Život Aleksandra Velikoga. Starine, кн. III, u Zagrebu, 1871 (сербско-хорватскій текстъ средне-вѣковаго перевода по разнымъ спискамъ).

— Opisi i izvodi iz nikoliko južnoslavinskih rukopisa. U Zagrebu, I—IV, 1873—1878. Рядъ новыхъ, до того времени или совершенно неизвѣстныхъ или мало обслѣдованныхъ памятниковъ, преимущественно апокрифическихъ, изъ юго-славянской письменности, съ подробнымъ ихъ изученіемъ.

— Die südslavischen Sagen von dem Grabançiaš djak und ihre Erklärung. Archiv für slav. Phil., II, 1876.

— Разборъ изслѣдованія проф. М. И. Соколова: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“ (М., 1888)., „Отчетъ о XXXIII-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“. С.-Пб. 1893. Къ обширному критическому разбору присоединено изданіе новыхъ текстовъ.

— Zur Apokryphen-Litteratur. Archiv für slav. Phil., V (по поводу изданія Попова: „Книга бытія небесе и земли“. М., 1881).

— Slavische Beiträge zu dem biblischen Apokryphen. I. Die altkirchenslavischen Texte des Adamsbuches Wien, 1893 (Denkschriften Вѣнской Академіи Наукъ).

— Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога. С.-Пб., 1894 (разборъ книги Карнѣева: „Физіологъ“. С.-Пб., 1890).

— Die Menandersentenzen in der altkirchenslavischen Uebersetzung. Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wissenschaften in Wien, Bd. CXXVI. 1892.

— Rasum i filosofia iz srpskih književnih starina. Споменикъ, т. XIII. Бѣлградъ, 1892.

Отдѣльно долженъ быть поставленъ давно начатый и сравнительно лишь недавно оконченный монументальный трудъ акад. Ягича, изданный II Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ, по изученію и изданію южно-славянскихъ и древнерусскихъ грамматическихъ текстовъ—*Разсужденія южно-славянской и русской старины о древне-славянскомъ языкѣ* (С.-Пб., 1885—1895 гг.). Огромный фоліантъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ юго-славянской и древне-русской письменности, содержаніемъ своимъ трактующихъ, съ современной имъ точки зрѣнія,

научные вопросы по древне-славянскому языку,—отчасти историческаго, отчасти грамматическаго характера, по исторіи славянскаго алфавита, по переводу на славянскій языкъ книгъ св. Писанія, особенно по ореографіи, съ изложеніемъ различныхъ современныхъ грамматическихъ системъ и т. д. Въ ряду этихъ текстовъ изданъ между прочимъ и извѣстный трудъ Димитрія Герасимова—„Мити Малаго, толмача латинскаго", какъ онъ называется въ одной рукописи—переводъ средневѣкового *Донотуса*. Къ изданнымъ текстамъ присоединены обширныя поясненія и примѣчанія.

Съ изученіемъ письменности старо-славянской и древне-русской тѣсно связываются изслѣдованія акад. Ягича въ области древне-славянской и русской поэзіи. Относящіеся сюда его труды не были многочисленны и обширны,—отчасти носили даже какъ бы случайный характеръ, такъ какъ стояли сравнительно слишкомъ далеко отъ спеціальныхъ интересовъ знаменитаго слависта. Передъ нами здѣсь—лишь двѣ-три болѣе обширныхъ работы, и затѣмъ лишь рядъ мелкихъ замѣтокъ, критическихъ рецензій и т. п.; но это нисколько не уменьшаетъ высокой научной важности этого рода экскурсовъ нашего изслѣдователя. Его какъ бы случайныя работы въ области памятниковъ славянской народной поэзіи, въ области русскихъ былинъ, духовныхъ стиховъ — были замѣчательны по той новой общей точкѣ зрѣнія, новому методу, пріемамъ изученія, которые были положены авторомъ въ ихъ основу, и которые ставили эти работы въ ближайшую связь съ начавшимися здѣсь уже гораздо ранѣе болѣе спеціальными трудами въ томъ же направленіи акад. А. Н. Веселовскаго. Частичныя, случайныя изысканія здѣсь Ягича какъ нельзя лучше усиливали и поддерживали это новое, уже съ конца 60-хъ гг. возникшее въ нашей наукѣ движеніе, вполнѣ обосновавшееся лишь къ 80-мъ гг., во главѣ котораго стоялъ акад. Веселовскій, — которое давало совершенно новую постановку въ изученіи устныхъ народныхъ произведеній, „совершало преобразованіе въ цѣломъ пониманіи древняго русскаго эпоса", выдвигая здѣсь совершенно новый критическій пріемъ—„реальной критики".

Вмѣстѣ съ спеціальными трудами Веселовскаго, экскурсы Ягича открывали собою здѣсь то направленіе науки, которое такъ блестяще оправдалось современнымъ состояніемъ изученій въ этой области.

Время, когда стали появляться въ наукѣ первые труды Веселовскаго, къ которымъ вскорѣ примкнули упомянутыя работы Ягича,—

было временемъ, когда молодой, сравнительно недавно передъ тѣмъ возникшей и развившейся, наукѣ „сравнительной миѳологіи“ и у насъ и на западѣ „не особенно счастливилось“... Это было время наиболѣе крайнихъ увлеченій миѳологической экзегезой. Изслѣдователи „самовольно накладывали на себя руки“, отказываясь отъ всякой попытки къ какимъ-либо самостоятельнымъ выводамъ, хоть сколько-нибудь выходившимъ изъ рамокъ миѳологическаго шаблона... „Заявивши свое пришествіе въ семью другихъ сродныхъ съ нею наукъ книгой Куна, блестящими этюдами Макса Мюллера, сравнительная миѳологія на этомъ и остановилась. Продолжатели Куна и Макса Мюллера мало подвигали дѣло впередъ; большинство ихъ, работники второй руки, увѣровавши закрывъ глаза въ два-три положенія, высказанныя учителями, спѣшили приложить ихъ къ какой-либо спеціальной задачѣ, не заботясь о провѣркѣ принциповъ“... „Слѣдуя за Куномъ или Максомъ Мюллеромъ, всѣ сравненія имѣли единственною цѣлью подтверждать либо солярную, либо метеорологическую теорію и, зная заранѣе взглядъ изслѣдователя, читатель могъ быть вполнѣ увѣренъ, что всѣ детали, какія представляютъ разбираемые миѳы, будутъ въ концѣ концовъ приведены къ одному знаменателю, войдутъ въ поэтическую картину или грозы (Кунъ), или восхода солнца (М. Мюллеръ)“... „Увлеченія теоріей были самыя крайнія. Всякую обыденную исторію норовили обратить въ миѳъ. Стоило только отыскать, что въ той или другой лѣтописи, былинѣ, сказаніи есть общія мѣста, встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, чтобы тотчасъ же заподозрить ихъ достовѣрность и выдвинуть ихъ изъ исторіи... Гипотеза миѳа такъ удобна! Общія мѣста, мотивы, положенія, повторяющіяся тамъ и здѣсь, иногда на такихъ разстояніяхъ и въ такихъ обстоятельствахъ, что между ними нѣтъ видимой, услѣдимой связи—что это такое, какъ не миѳъ, какъ не осколки одного какого-нибудь общаго миѳа?.. Стоило однажды стать на эту точку зрѣнія, и возсозданіе миѳа и объясненіе его дѣло легкое, при податливости матеріала, съ которымъ обращается миѳическая экзегеза!“. Такимъ образомъ и Роланда, сподвижника Карла Великаго, героя очень реальной chanson de geste, хотѣли обратить въ германскаго бога, потому что у того и другого нашлись родныя черты... Шварцъ не прочь былъ отыскивать миѳы въ пѣсняхъ Гейне, Де Губернатисъ отыскиваетъ ихъ у Рабле, у Гюго!.. Болѣе широкія изученія за позднѣйшее время области народной поэзіи въ связи съ памятниками письменности средневѣковой, европейской, и дру-

гихъ народовъ, особенно восточныхъ и славянскихъ, не могли не измѣнить характера научныхъ изслѣдованій, — какъ-то незамѣтно весьма значительно съузили область древней миѳологіи, значительно урѣзали выводы старыхъ миѳологическихъ изученій и вообще самыя изученія заставили обратить на другія стороны. Многое въ старыхъ изысканіяхъ разомъ получило совершенно другое освѣщеніе, иное толкованіе. Въ то же время въ обширномъ изслѣдуемомъ матеріалѣ выступили стороны, остававшіяся до того времени почти незамѣчаемыми. Изслѣдованіе средневѣковыхъ книжныхъ памятниковъ въ сравненіи ихъ между собой и съ живымъ современнымъ „фольклоромъ“ указало уже очень скоро внѣ всякаго сомнѣнія съ одной стороны обильные запасы *книжнаго* заимствованія въ средніе вѣка, факты *международной* передачи сказаній и продолжающееся существованіе этихъ сказаній въ *современной народной памяти*, съ другой въ отношеніи къ послѣднему „обнаружилось, что многое, чтó могло бы показаться чисто народнымъ миѳомъ, бывало не болѣе, какъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ вычитаннаго въ книгѣ“... Въ то же время, новая точка зрѣнія ставила на видъ, что область миѳологіи нельзя ограничивать лишь небесными, облачными миѳами. „Облачные миѳы, замѣчаетъ акад. Веселовскій, играютъ большую роль при началѣ разныхъ миѳологій; это одни изъ основныхъ миѳовъ, — *но не существенные*“... Рядомъ съ миѳами неба, грозы и молніи, восхода и захода солнца, были, напримѣръ, миѳы животныхъ и растеній. Разные миѳологическіе циклы возникали самостоятельно и существовали совмѣстно, хотя и развивались неровно. Животныя сказки даже вовсе не могутъ быть привязаны къ обычному миѳу, и акад. Веселовскій, напримѣръ, никакъ не допускаетъ, чтобы продѣлки нашей Лисы Патрикѣевны когда-либо имѣли мѣсто въ облакахъ, а не въ курятникѣ... Раньше миѳологической коровы или другого миѳологическаго животнаго, раньше борьбы небесной, происходившей въ облакахъ, человѣкъ зналъ простыхъ животныхъ, видѣлъ борьбу враговъ земныхъ, около себя. Если небесные, облачные миѳы и образовались по отношеніямъ земной жизни, то все же сначала человѣкомъ усмотрѣны были эти, земныя отношенія... „Миѳъ закрѣплялъ обыденныя отношенія въ болѣе широкіе образы; но эти отношенія могли спастись отъ забвенія и другимъ путемъ, кромѣ миѳа. Народная память сохраняла разсказъ о набѣгѣ одного племени на другое, о единоборствѣ двухъ витязей, о кровавой драмѣ въ семьѣ старшины — и готовъ былъ эпическій

разсказъ, зародышъ народнаго эпоса. Этотъ разсказъ могъ имѣть сходныя черты съ мотивами облачнаго миѳа, но это сходство могло состояться безъ всякой генетической связи между ними. И если миѳъ религіозный съ теченіемъ времени обезцвѣчивался и дѣлался сказкой, то могло то же самое случиться и съ реальнымъ эпическимъ разсказомъ: историческія имена забывались, мѣстныя черты отпадали—и точно также являлась *сказка*. Такимъ образомъ не все въ сказкѣ принадлежитъ миѳу, — многое возникло изъ реальныхъ житейскихъ отношеній"... Наконецъ, помимо всего,—и въ области самого миѳа, какъ таковаго, новая точка зрѣнія выдвигала на видъ новую сторону: необходимо имѣть въ виду, что миѳъ также имѣлъ и имѣетъ свою исторію. Въ настоящее время мы имѣемъ дѣло чаще всего съ миѳами, прошедшими уже длинный процессъ *разъединенія* (раздвоенія) и *осложненія*, вообще смѣшенія *старыхъ миѳовъ* и созданія *новыхъ*. Особенно важно имѣть въ виду процессъ *развитія миѳа* на почвѣ позднѣйшихъ христіанскихъ сказаній, вообще на почвѣ христіанства и книжности. Вопросъ научнаго обслѣдованія сводится здѣсь къ тому, чтобы отличить эти болѣе поздніе миѳологическіе сюжеты, болѣе позднія миѳологическія наслоенія и наросты, а нерѣдко даже и вполнѣ самостоятельные отпрыски — отъ того, что̀ можно считать коренным и не случайнымъ.

Такова была новая точка зрѣнія, на которую постепенно стали въ своихъ изслѣдованіяхъ представители новаго направленія въ изученіи памятниковъ народнаго творчества въ нашей и западной наукѣ—Бенфей, Маннгардтъ, акад. Веселовскій. На той же новой научной почвѣ стояли и этюды акад. Ягича въ области изученія памятниковъ славянской и русской народной поэзіи. При небольшомъ объемѣ его изслѣдованія этого рода навсегда сохранятъ выдающееся мѣсто въ общей исторіи нашихъ историко-литературныхъ изученій. Такова замѣчательная статья акад. Ягича, посвященная выдѣленію христіанскихъ наслоеній въ русскомъ эпосѣ — *Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik* (Archiv für slav. Philol., 1875); столь же цѣнно въ общемъ ходѣ историко-литературныхъ изученій его изслѣдованіе объ историческомъ развитіи славянской и русской народной поэзіи: *Gradja za historya slovinske narodne poesije* (Rad jugosl. Akademije znanosti i umjetnosti, t. XXXVII, 1876).

Новая точка зрѣнія открывала совершенно новый путь „для объясненія самой сущности развитія нашего эпоса". „Чѣмъ дальше шли изслѣдованія, говоритъ акад. Пыпинъ, тѣмъ обильнѣе были

открытія, и тѣмъ ярче выступало значеніе, во-первыхъ, того запаса восточно-эпическаго матеріала, который переходилъ черезъ Византію въ міръ южно-славянскій и русскій, съ другой въ западную Европу, — во-вторыхъ, христіанской легенды и апокрифическихъ сказаній"... Выдвинуть на видъ эту сторону изучаемаго матеріала было одной изъ важнѣйшихъ и существенныхъ заслугъ новаго направленія научныхъ изученій. Ставя научныя изысканія на почву болѣе поздней и близкой къ намъ исторической жизни народа и вообще временъ позднѣйшихъ,—новая теорія разомъ устраняла всю ту произвольность въ научныхъ толкованіяхъ, столь широкое поле для которыхъ давала старая миѳологическая теорія. „Произвольная миѳологія, продолжаетъ акад. Пыпинъ, надѣлила было насъ цѣлой разнообразной панорамой мнимо-національныхъ преданій; она успѣла проникнуть даже въ учебную литературу и обогатить ее фальшивой миѳологіей и фальшивой древностью... Надо было когда-нибудь кончить, напримѣръ, съ такими объясненіями, что Илья Муромецъ—молнія, а Соловей Разбойникъ—грозовая туча; что Добрыня Никитичъ—тоже молнія, а Тугаринъ Зміевичъ — тоже туча и т. д. и т. д. Сами изобрѣтатели этой миѳологіи не въ состояніи дать никакого осязательнаго доказательства, почему это такъ, а не иначе, почему для одного и того же явленія природы понадобилось столько тожественныхъ выраженій, и куда дѣвать все остальное содержаніе сказаній, не идущее ни къ молніи, ни къ тучѣ"... Въ виду всѣхъ этихъ крайностей, превращавшихъ научныя изслѣдованія въ арену всевозможныхъ фантазій и домысловъ, блестящія сопоставленія различныхъ чертъ народной поэзіи съ памятниками письменности, которыми полна первая изъ названныхъ сейчасъ статей акад. Ягича, цѣлый рядъ чисто фактическихъ сближеній русскихъ былинъ съ упоминаніями и указаніями лѣтописными, дѣлаемыхъ имъ во второй, были не только въ высшей степени важными научными пріобрѣтеніями, но имѣли и общее чисто методологическое значеніе: они разрѣжали слишкомъ спертую quasi-ученую атмосферу господствовавшаго направленія изученій... (См. *Веселовскаго*, Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868, ноябрь, стр. 281 — 359. *Его-же* — предисловіе къ изслѣдованію: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ". С.-Пб., 1872. *Его-же*, Сравнительная миѳологія и ея методъ. *Вѣстникъ Европы*, 1878, октябрь, стр. 637—680. Въ особенности же—извѣст-

ный трудъ акад. *Пыпина*, „Исторія русской этнографіи", которымъ мы главнымъ образомъ пользуемся.

Одною изъ важнѣйшихъ сторонъ въ ученой дѣятельности акад. И. В. Ягича является редактированіе извѣстнаго основаннаго имъ ученаго журнала *Archiv für slavische Philologie*, существующаго болѣе 25-ти лѣтъ. Основанный акад. Ягичемъ въ 1876 г., по широтѣ своей программы не имѣющій предшественниковъ, — „Archiv" и до сихъ поръ остается единственнымъ спеціальнымъ журналомъ по славянской филологіи, сосредоточивая вокругъ себя лучшія, наиболѣе выдающіяся силы и русской и западно-славянской филологической науки. Представляя въ каждомъ своемъ томѣ богатое и разнообразное содержаніе, постоянно обогащая разные отдѣлы славистики новыми капитальными изслѣдованіями, цѣнными матеріалами,—изданіе вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно слѣдитъ за научной разработкой предмета, отводя у себя значительное мѣсто обширнымъ библіографическимъ обзорамъ и критическимъ статьямъ. Являясь въ строгомъ смыслѣ „европейскимъ", спеціально-ученымъ журналомъ, — „Archiv für slavische Philologie", вмѣстѣ съ этимъ, своимъ возникновеніемъ составлялъ еще совершенно особую, весьма существенную и важную заслугу,—въ отношеніи ко всему славянству, къ научной постановкѣ всей вообще славянской филологіи въ ряду другихъ научныхъ дисциплинъ запада: благодаря именно этому нѣмецкому журналу акад. Ягича, за послѣднія десятилѣтія совершилась какъ бы общая реабилитація славянства, славянской филологіи въ глазахъ ученой Европы. Изученіе славянства заняло свое прочное мѣсто въ европейской наукѣ. Въ этомъ отношеніи для славяновѣдѣнія, для упроченія и развитія въ Европѣ славистики,—И. В. Ягичемъ сдѣлано было то же, что̀ нѣсколько позднѣе сдѣлано было извѣстнымъ К. Крумбахеромъ для византологіи, изученія литературы и культуры Византіи основаніемъ „*Byzantinische Zeitschrift*". Журналъ, основанный и редактируемый акад. Ягичемъ, болѣе, чѣмъ что другое, способствовалъ паденію и окончательному истребленію въ глазахъ ученой Европы того научнаго предразсудка, что старославянская письменность—и ничтожна и бѣдна, лишена всякаго самостоятельнаго значенія и не заслуживаетъ серьезнаго изученія. Предразсудокъ былъ въ западной наукѣ столь силенъ, держался столь упорно, что опроверженіе его съ каѳедры Вѣнскаго университета, еще въ 1886 году даже для многихъ профессоровъ,—было „откровеніемъ"... Въ этомъ отношеніи вступительная лекція академика Ягича, упомянутая

нами выше, прочитанная имъ въ 1886 году въ стѣнахъ Вѣнскаго университета, при открытіи здѣсь своихъ университетскихъ чтеній— въ которой открыто высказаны были знаменитымъ славистомъ эти взгляды — являлась какъ бы историческимъ событіемъ... (См. о ней акад. *Веселовскаго,—Вѣстникъ Европы*, 1886, ноябрь, стр. 412—445).

Въ своей статьѣ мы, конечно, далеко не могли сдѣлать полной и всесторонней характеристики сорокалѣтней дѣятельности на поприщѣ науки знаменитаго ученаго во всѣхъ ея деталяхъ, въ разнообразіи всѣхъ тѣхъ научныхъ отдѣловъ и вопросовъ, которыхъ она касается тѣми или другими отдѣльными своими статьями, изданіями, критическими и библіографическими замѣтками. Да это и не было нашей цѣлью; во многихъ случаяхъ это значило бы касаться исторіи всей славянской науки за послѣднія сорокъ лѣтъ... Въ безконечномъ рядѣ ученыхъ трудовъ акад. Ягича—передъ нами сорокъ лѣтъ самой кипучей, неустанной научной дѣятельности, необыкновенно широкой и разнообразной, съ подавляющей эрудиціей, съ той необычайной энергіей, всегда живымъ интересомъ къ дѣлу, яснымъ критическимъ взглядомъ, которые производятъ такое обаяніе при личныхъ сношеніяхъ съ Игнатіемъ Викентьевичемъ... Цѣлая эпоха совершилась въ области европейской науки за послѣднія 40 лѣтъ; громадный шагъ впередъ сдѣлала и славянская филологія за эти 40 лѣтъ, — и въ весьма многихъ и многихъ своихъ спеціальныхъ отдѣлахъ и вопросахъ наиболѣе цѣнными своими пріобрѣтеніями она обязана здѣсь трудамъ акад. И. В. Ягича!..

А. Архангельскій.

ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ ТРОИЦКІЙ.

(† 2-го августа 1901 г.).

(некрологъ).

Иванъ Егоровичъ Троицкій, докторъ богословія, заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи (по каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій) и университета (по каѳедрѣ исторіи церкви), родился въ селѣ Красномъ, на границѣ Пудожскаго и Каргопольскаго уѣздовъ Олонецкой губерніи, въ семьѣ причетника, въ 1834 году. Образованіе онъ получилъ сперва въ Каргопольскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Олонецкой семинаріи, откуда перешелъ въ С.-Петербургскую духовную академію. По окончаніи курса со степенью магистра богословія, онъ, 14-го ноября 1859 г., получилъ мѣсто преподавателя логики, психологіи, патристики и латинскаго языка въ той же Олонецкой семинаріи, откуда былъ выпущенъ четыре года назадъ. Но уже въ іюнѣ 1861 г. онъ былъ переведенъ оттуда опять въ Петербургъ, въ духовную академію, на должность баккалавра по греческому языку, а къ концу 1863 г. перешелъ на ту специальность, на которой былъ призванъ работать всю дальнѣйшую жизнь. 17-го октября 1866 г. онъ сталъ экстраординарнымъ профессоромъ общей новой церковной исторіи; 27-го апрѣля 1875 г. защитилъ диссертацію на степень доктора богословія, и въ іюнѣ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1884 г., со введеніемъ нынѣ дѣйствующаго устава духовныхъ академій, онъ перешелъ на каѳедру сравнительнаго богословія и читалъ съ этихъ поръ попеременно, черезъ годъ, исторію и разборъ западныхъ исповѣданій.

Уже до полученія Иваномъ Егоровичемъ степени доктора богословія его ученые труды доставили ему почетную извѣстность не только въ кругу дѣятелей русской богословской науки, но и въ—тѣсномъ еще тогда—кругу русскихъ византинистовъ. По смерти протоіерея Сидонскаго, временно совмѣщавшаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ

каѳедры богословія и церковной исторіи, совѣтъ университета, по предложенію нынѣ покойнаго, знаменитаго византиниста, Василія Григорьевича Васильевскаго, привлекъ Ивана Егоровича къ преподаванію исторіи церкви студентамъ-историкамъ филологическаго факультета. Съ этихъ поръ, въ теченіе свыше 20 лѣтъ, Иванъ Егоровичъ былъ однимъ изъ доселѣ немногихъ звеньевъ, связующихъ русскую духовную и свѣтскую науку; одинаково сильный и компетентный въ сферѣ какъ богословской, такъ и исторической науки, одинаково чуткій къ интересамъ обѣихъ, онъ объединялъ въ своихъ трудахъ, преподавательскихъ и литературныхъ, православнаго богослова и тонкаго, безупречно объективнаго критика-историка и, сколько могъ, содѣйствовалъ дѣлу взаимнаго ознакомленія и объединенія въ служеніи научной истинѣ своихъ академическихъ и университетскихъ товарищей и отчасти учениковъ.

Тяжкая, неумолимая болѣзнь—слѣдствіе непомѣрнаго умственнаго переутомленія—постигшая Ивана Егоровича въ половинѣ 90-хъ годовъ, заставляла его что далѣе, то чаще пропускать лекціи и наконецъ съ 1898 г. его тихій голосъ вовсе пересталъ раздаваться въ университетской аудиторіи. Неудивительно поэтому, что послѣднія университетскія поколѣнія почти не имѣли возможности узнать по личному опыту, что такое былъ покойный И. Е. Троицкій, знали имя его болѣе по наслышкѣ; и когда пришла давно уже ожиданная вѣсть о его кончинѣ, она не произвела въ университетскомъ мірѣ особаго впечатлѣнія. Тѣмъ настоятельнѣе долгъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность близко знать и оцѣнить покойнаго ученаго, попытаться возсоздать хотя въ главныхъ чертахъ научный и нравственный его обликъ, какъ для того, чтобы воздать должное его памяти, такъ и для того, чтобы не лежали втунѣ умственныя сокровища, которыя оставилъ онъ въ наслѣдіе наукѣ и обществу.

Покойный Иванъ Егоровичъ былъ въ значительной мѣрѣ ученый-самородокъ. Уже въ семинаріи онъ былъ извѣстенъ прекрасными способностями, и еще болѣе — трудолюбіемъ, ровнымъ, спокойнымъ, упорнымъ и совершенно безкорыстнымъ. По окончаніи всѣхъ ежедневныхъ работъ, когда товарищи его предавались отдыху, сну или играмъ, Иванъ Егоровичъ поставилъ себѣ за правило: посвящать по часу времени чтенію греческихъ или латинскихъ классиковъ. Слѣдствіемъ этого правила было прекрасное знаніе имъ древнихъ языковъ, особенно греческаго, послужившее солидной основой въ его дальнѣйшей научной работѣ. Въ послѣднихъ классахъ семинаріи онъ

былъ негласнымъ репетиторомъ товарищей чуть не по всѣмъ предметамъ, и кончилъ, какъ шелъ, первымъ ученикомъ. Его магистерское сочиненіе объ янсенизмѣ осталось, къ сожалѣнію, въ рукописи, и мы лишены возможности судить, насколько сильно успѣло проявиться въ немъ научное своеобразіе Ивана Егоровича; но его слушатели по олонецкой семинаріи 1861—1863 гг. до сихъ поръ помнятъ, какъ мѣтко, тонко и вмѣстѣ удобопонятно онъ характеризовалъ какъ личности св. отцовъ, такъ и ихъ воззрѣнія. Въ свои лекціи по психологіи Иванъ Егоровичъ ввелъ чтеніе и разборъ беллетристическихъ произведеній русской реальной школы писателей; пріемъ неслыханный въ семинарскомъ преподаваніи его времени. Какъ научный дѣятель и руководитель въ высшемъ учебномъ заведеніи, Иванъ Егоровичъ отличался, какъ намъ кажется, особенно слѣдующими свойствами: никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, выбрать и отграничить тему работы, чтобы она одновременно и пришлась по силамъ начинающему ученому, и расширяла бы въ самомъ своемъ теченіи его научные горизонты и вмѣстѣ съ тѣмъ носила бы характеръ не ученическаго упражненія, а настоящей научной работы, вносящей въ разработку вопроса хотя бы и частнаго и второстепеннаго, нѣчто безотносительно цѣнное. Другимъ свойствомъ, всю жизнь отличавшимъ Ивана Егоровича, было его рѣдкое знаніе человѣческой души, благодаря которому въ его трудахъ критикъ и изслѣдователь идетъ рука объ руку съ психологомъ и художникомъ; многія страницы его прямо блещутъ тонкимъ и поразительно вѣрнымъ анализомъ надеждъ, страстей, опасеній и побужденій, волновавшихъ его героевъ; нерѣдко, вслѣдъ за этимъ анализомъ, какъ бы въ наглядное подтвержденіе его, Иванъ Егоровичъ вмѣсто вывода просто выписываетъ показаніе источника; и мелкій фактъ, здѣсь сообщаемый, пріобрѣтаетъ неожиданную значимость, поступокъ, казавшійся загадочнымъ, непонятнымъ, является естественнымъ, даже психологически неизбѣжнымъ. Это же знаніе людей позволяло Ивану Егоровичу угадывать, къ какого рода работѣ наиболѣе способны его ученики, на какія темы ихъ слѣдуетъ направлять, и гдѣ и чѣмъ ихъ нужно поддерживать. Эти три качества: спокойное, сосредоточенное трудолюбіе, способность вѣрной оцѣнки силъ своихъ и чужихъ, и огромное знаніе людей—дѣлали Ивана Егоровича и первоклассным ученымъ изслѣдователемъ, и превосходнымъ руководителемъ; и дѣйствительно, Иванъ Егоровичъ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ учениковъ и постоянныхъ слушателей, создалъ вокругъ себя, по выраженію одного изъ нихъ, цѣлую академію въ академіи, и оста-

вался навсегда памятнымъ и для тѣхъ изъ нихъ, которые работали по очень далекой спеціальности или даже обстоятельствами жизни были вынуждены совсѣмъ оставить научную работу. Цѣлая плеяда современныхъ академическихъ дѣятелей, во главѣ съ геніальнымъ покойнымъ Болотовымъ, вышла изъ его аудиторіи. Назовемъ М. В. Чельцова, И. С. Пальмова, П. Н. Жуковича, Ю. И. Трусмана, Т. А. Налимова, П. С. Соколова, А. И. Бриллiантова, И. П. Соколова. Вплоть почти до послѣднихъ проблесковъ сознанія, постепенно ослабѣвавшаго отъ прогрессивнаго паралича мозга, покойный продолжалъ интересоваться какъ личной судьбой своихъ учениковъ, такъ и ихъ научными работами. Весной 1900 года недугъ его уже настолько развился, что удовлетворительную ясность сознанія Иванъ Егоровичъ сохранялъ всего $1^1/_2$—3 часа въ сутки; но при извѣстіи о безвременной кончинѣ Болотова, Иванъ Егоровичъ—сперва испуганно широко раскрылъ глаза, потомъ—понялъ и заплакалъ... Тогда же онъ просилъ оставить у себя привезенную ему пишущимъ эти строки кандидатскую диссертацію В. П. Сахарова о церковной политикѣ Юстиніана I; перемогаясь, нѣсколько дней подрядъ читалъ ее и написалъ трясущейся рукой на первомъ листѣ: „И. Троицкій. Читалъ съ интересомъ". Прекрасную характеристику отношеній Ивана Егоровича къ ученикамъ содержитъ надгробное ему слово, сказанное однимъ изъ нихъ, проф. о. іереемъ Т. А. Налимовымъ. „При своей изумительной учености ты (Иванъ Егоровичъ) умѣлъ проявлять ее передъ своими учениками такъ, что она не подавляла насъ, а привлекала, ободряла, вселяла увѣренность, что и каждый изъ насъ можетъ стремиться къ ней съ надеждой на успѣхъ... Сколько разъ случалось, въ минуты неудачъ въ работѣ, приходить въ твой кабинетъ съ тяжелымъ сознаніемъ, что, самъ не умѣя свое дѣло дѣлать, идешь нарушать и ходъ твоей непрерывной работы, и чрезъ 15—20 минутъ бесѣды съ тобою—ты зналъ цѣну времени и умѣлъ беречь его — уходишь обновленнымъ совершенно, съ увѣренностью, что работа не такъ ужъ плоха, есть и пути и силы и средства къ ея продолженію". Дѣйствительно, Иванъ Егоровичъ не былъ словоохотливъ, говорилъ всегда не только *лишь* о дѣлѣ, но именно о *данномъ* дѣлѣ, говорилъ то и столько, сколько было нужно. Увлекаться въ сторону, спорить, ораторствовать, сознательно или безсознательно щеголять своимъ умомъ и знаніями было противно природѣ Ивана Егоровича; кто приходилъ къ нему безъ опредѣленныхъ вопросовъ, *вообще* поговорить и „набраться учености", тотъ неизбѣжно разочаровывался. Но кто разъ замѣтилъ, какъ онъ умѣетъ примѣниться къ требо-

ваніямъ и къ уровню знаній всѣхъ, отъ новичка-студента до спеціалиста-академика, — тотъ скоро постигалъ, что этотъ тихій, неговорливый старичекъ самъ удовлетворяетъ умомъ и знаніями строжайшимъ требованіямъ, какія можно поставить ученому, и научался цѣнить его немногія слова на вѣсъ золота. Покойный Болотовъ говорилъ, что онъ радъ былъ бы обладать третьей частью знаній Ивана Егоровича. Разумѣется, это было преувеличеніе; но оно характеризуетъ впечатлѣніе, которое сохранилъ о Иванѣ Егоровичѣ его любимый ученикъ.

Какъ человѣкъ, Иванъ Егоровичъ былъ образцомъ скромности, честности, доброты и деликатности. Ученой зависти онъ былъ совершенно чуждъ; со всякимъ онъ былъ готовъ дѣлиться своими знаніями; его библіотекой пользовались всѣ его ученики почти какъ своей. Его добровольный переходъ въ 1884 г. на другую каѳедру, совершенный имъ уже въ 50 лѣтъ, когда нелегко даются такія перемѣны фронта, сохранилъ для С.-Петербургской духовной академіи ея красу и гордость — начинавшаго тогда молодого Болотова. Рѣдкій оппонентъ на диспутахъ хочетъ и умѣетъ такъ принять во вниманіе нервное состояніе диспутанта, высказать всю правду, не задѣвая и не обижая, какъ умѣлъ Иванъ Егоровичъ. Широкая, хотя совершенно негласная благотворительность Ивана Егоровича почти не знала предѣловъ. Нельзя и приблизительно опредѣлить, сколько студентовъ, особенно духовныхъ учебныхъ заведеній, получало отъ него пособія и стипендіи. Получая жалованье, онъ никогда не забывалъ спросить у казначея, нѣтъ ли у него подъ рукой *какой-нибудь* благотворительной подписки, и тутъ же оставлялъ свою лепту. Единственное, на что Иванъ Егоровичъ самъ истратилъ десятки тысячъ рублей, были книги; но его библіотека, какъ мы видѣли, уже при жизни его была въ пользованіи многихъ, а по завѣщанію вся, вмѣстѣ съ рукописями, перешла въ духовную академію.

До сихъ поръ мы говорили объ Иванѣ Егоровичѣ, какъ о учителѣ и человѣкѣ, и лишь слегка касались его собственно какъ ученаго. Ученая дѣятельность его отличалась свойствами его природы вообще: отсутствіемъ внѣшняго блеска, глубиной и своеобразіемъ. Stille Wasser sind tief, говоритъ нѣмецкая пословица. Главнымъ поприщемъ научныхъ работъ Ивана Егоровича былъ православный, особенно греческій, Востокъ въ эпоху отъ раздѣленія церквей и до настоящаго времени. Сюда относятся двѣ его главныя работы: „Арсеній, патріархъ никейскій и константинопольскій, и арсениты“ (въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1867—1872 г.) и диссертація на степень док-

тора богословія: „Изложеніе вѣры церкви армянскія, начертанное Нерсесомъ, каѳоликосомъ армянскимъ, по требованію боголюбиваго царя грековъ Мануила“ (1875 г.). Къ первому сочиненію примыкаютъ: редакція русскаго перевода лѣтописи Георгія Акрополита, съ превосходнымъ научнымъ введеніемъ (1863 г.), переводы автобіографіи патріарха Григорія кипрскаго, полемическихъ сочиненій Григорія противъ Іоанна Векка и Векка противъ Григорія (*Христ. Чт.* 1870 и 1889 г.) и наконецъ изданіе и переводъ открытой И. Е. Троицкимъ въ одной московской синодальной рукописи автобіографіи Михаила Палеолога съ частью типика имъ основаннаго монастыря [1]).

Изслѣдованіе Ивана Егоровича о арсеніанскомъ расколѣ печаталось въ *Христіанскомъ Чтеніи*, въ видѣ журнальныхъ статей, въ теченіе пяти лѣтъ; и въ отдѣльномъ изданіи—каковаго, къ сожалѣнію, не было — оно составило бы объемистую книгу въ 500 слишкомъ страницъ. При изложеніи сложной, богатой перипетіями, драматическими лицами и эпизодами, мрачной исторіи арсенитскаго движенія во всемъ блескѣ выразился талантъ Ивана Егоровича, и какъ историка, и какъ психолога-художника. Яркость бытовой и географической обстановки, воспроизводимой на основаніи внимательнѣйшаго изученія всѣхъ напечатанныхъ или хоть косвенно извѣстныхъ источниковъ, придаетъ дѣйствію полный жизненный рельефъ; а благодаря искусству психолога всѣ лица встаютъ какъ живыя передъ умственнымъ взоромъ читателя; удручающая атмосфера жестокости, вѣроломства, интригъ, продажности и малодушія, въ которой они дѣйствуютъ, мало по малу охватываетъ душу самого читателя, какъ болотный нездоровый туманъ, сквозь который здѣсь и тамъ мерцаютъ однако, какъ свѣтлыя звѣздочки, безупречные характеры правителя Музалона, самого патріарха Арсенія, несчастнаго царевича Іоанна Ласкариса. Но вотъ исторія раскола закончена—и въ послѣдней главѣ авторъ неожиданно выступаетъ передъ нами съ чрезвычайно своеобразнымъ и остроумнымъ анализомъ церковно-политической программы арсенитовъ, того ископпаго въ Византіи историческаго теченія, представителями котораго они явились; и подъ перомъ его этотъ анализъ незамѣтно расширяется въ цѣлую „философію исторіи“ византійской

[1]) Какъ тогда же указалъ самъ Иванъ Егоровичъ, эта „автобіографія“ есть обычное ктиторское предисловіе къ монастырскому типику Михаила VIII. Цѣнность ея отъ этого не меньше, и трудно понять, почему бы И. Е. Троицкій не долженъ былъ этой автобіографіи называть автобіографіей: однако его упрекали за это въ печати!

церкви. Періодическія столкновенія церкви и государства въ Византіи происходили потому, что области дѣятельности обѣихъ стихій не были правильно разграничены; государство матеріальнымъ путемъ хотѣло рѣшать церковные вопросы, церковь для удовлетворенія чисто матеріальныхъ нуждъ навязывали государству одни духовныя средства. Но въ этой печальной борьбѣ церковь слабѣла и слабѣла, такъ какъ сама она представляла изъ себя царство, раздѣльшееся на ся: въ ней боролись партія, угодничествующая въ дѣлахъ канона передъ свѣтской властью, и партія ригористовъ, стоящая за неотступное охраненіе и догмата и канона. Представителемъ первой является духовенство бѣлое, вербуемое нерѣдко изъ высшихъ свѣтскихъ слоевъ; ригористами—монахи. Такимъ образомъ борьба церкви за свой авторитетъ въ государствѣ мало по малу перешла въ Византіи въ борьбу бѣлаго и чернаго духовенства за высшую церковную власть—ибо монашество пріучилось надѣяться на осуществленіе своихъ идей не иначе, какъ чрезъ своихъ собственныхъ членовъ. Въ арсеніанскомъ расколѣ разыгрался послѣдній актъ этой борьбы; эпилогомъ явилась борьба аѳонцевъ съ патріархомъ Іоанномъ XIV; монашество одержало по внѣшности полную побѣду, но, одержавъ, само принуждено было стать къ свѣтской власти въ тѣ же отношенія подчиненности и угодничества, въ какихъ были ранѣе его противники. Плодами побѣды монашества воспользовалось государство: *рознь между духовенствомъ бѣлымъ и чернымъ въ Византіи повела къ преобладанію здѣсь государства надъ церковью, тогда какъ на Западѣ дружная работа бѣлаго и чернаго духовенства имѣла послѣдствіемъ преобладаніе церкви надъ государствомъ.* Таковъ глубоко-оригинальный взглядъ И. Е. Троицкаго, тѣмъ болѣе важный, что онъ былъ выработанъ имъ почти безъ предшественниковъ и сотрудниковъ; взглядъ, способный доселѣ освѣтить и осмыслить работу ученаго, дерзающаго пуститься за Иваномъ Егоровичемъ въ мрачное море византійской церковной исторіи.

Другой крупный трудъ Ивана Егоровича, о Изложеніи Вѣры каѳоликоса Нерсеса Благодатнаго (XII в.), важенъ болѣе съ богословской, чѣмъ съ исторической стороны. На его тему Иванъ Егоровичъ первоначально напалъ въ 1868 г., напечатавъ въ *Христіанскомъ Чтеніи* переводъ уніоннаго проекта церквей армянской и греко-православной хіосскаго митрополита Григорія Византіоса. Вслѣдъ за переводомъ явились въ томъ же журналѣ двѣ статьи Ивана Егоровича: „О мѣрахъ къ достиженію единенія армянской и православно-каѳо-

лической церкви" (1868—1870) и „Къ вопросу о сближеніи армянской церкви съ православною" (1869—1870). Захваченный глубоко своею темой, Иванъ Егоровичъ не удовлетворился этими статьями, и конечнымъ результатомъ его работъ явилась его докторская диссертація. Въ этомъ циклѣ трудовъ Иванъ Егоровичъ детально разъясняетъ суть монофизитства отъ самыхъ мягкихъ до самыхъ рѣзкихъ формъ этой ереси, съ цѣлью выяснить, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ отрицатели халкидонскаго собора, и въ ихъ числѣ армяне, могутъ считаться не-еретиками? Анализъ главнаго документа „Изложенія" Нерсеса, какъ внутренній, такъ и внѣшній (т.-е. по связи съ обстоятельствами, при которыхъ онъ явился), приводитъ Ивана Егоровича къ выводу, что онъ 1) не есть дѣйствительное вѣроизложеніе, а словесный компромиссъ съ православіемъ, сочиненный ad hoc, чтобы создать почву для напередъ рѣшенной по политическимъ причинамъ уніи, и 2) что несмотря на старанія автора создать видимость своего согласія и съ армянской и съ православной церковью, онъ есть изложеніе монофизитское по своей исходной точкѣ, задачѣ и основной тенденціи. Такимъ образомъ во главу угла истиннаго единенія это Изложеніе не годится. Однако тщательный разборъ армянскаго вѣроученія и обряда привелъ Ивана Егоровича къ выводу, что по существу единеніе еще возможно, такъ какъ армяне не монофизиты, а запутавшіеся въ догматическихъ неясностяхъ *антихалкидониты*: они держатся не ереси, а нѣкоторой внутренней непослѣдовательности ученія, доселѣ не сознанной ими вполнѣ. Когда (или *если*) это сознаніе наступитъ, армянской церкви предстанетъ задача устранить изъ своего вѣроученія либо слѣды православія, либо слѣды монофизитства; и тогда, смотря по обороту дѣла, единеніе или состоится, или станетъ окончательно невозможнымъ.

Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ историко-богословскихъ оригинальныхъ трудовъ, съ ихъ предваряющими и дополняющими статьями, Ивану Егоровичу принадлежитъ много статей переводныхъ, или болѣе или менѣе компилятивнаго характера, печатавшихся имъ въ первое десятилѣтіе его дѣятельности въ *Христіанскомъ Чтеніи*; содержанія онѣ—церковно-историческаго („Церковныя имущества до Юстиніана I"), географическаго („Чермное Море") и апологетическаго („Современный матеріализмъ и церковныя средства противъ него"; „О различіи между органическимъ и неорганическимъ" и пр.). Десять лѣтъ, съ половины 1884 до половины 1894 г., И. Е. Троицкій руководилъ изданіемъ *Христіанскаго Чтенія*. Чрезвычайно интересны

и важны его многочисленныя церковно-публицистическія статьи и отчеты о современныхъ церковныхъ движеніяхъ на Востокѣ и на Западѣ, печатавшіеся въ *Церковномъ Вѣстникѣ* съ 1875 по 1891 г. Много мѣсяцевъ Иванъ Егоровичъ провелъ въ залахъ московской синодальной библіотеки, съ неизданными рукописными сокровищами которой онъ былъ знакомъ, какъ никто; въ его портфеляхъ осталось множество извлеченныхъ имъ оттуда матеріаловъ по исторіи византійской и русской церквей. Иванъ Егоровичъ состоялъ членомъ совѣта Императорскаго Палестинскаго Общества и, какъ таковой, издалъ, между прочимъ, „Сказаніе вкратцѣ о городахъ отъ Антіохіи до Іерусалима" Іоанна Фоки (XII в.) въ *Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ*. т. VIII, вып. 2. Его трудами, наконецъ, создана въ Петербургской духовной академіи каѳедра исторіи славянскихъ церквей.

Прахъ И. Е. Троицкаго покоится на Никольскомъ кладбищѣ Александроневской Лавры, рядомъ съ прахомъ его незабвеннаго ученика, В. В. Болотова. Въ средѣ профессоровъ духовной академіи возникла симпатичная мысль — воздвигнуть надъ обѣими дорогими могилами одинъ общій памятникъ-часовню. Остается только пожелать, чтобы приняты были мѣры также и къ созданію другого памятника ему— чтобы были собраны и вновь изданы въ свѣтъ хотя важнѣйшіе труды Ивана Егоровича (особенно „Арсеній и арсениты"), не только ученые, но и публицистическіе, такъ какъ послѣдніе, по зоркости и проницательности сужденій и точности передачи фактовъ, должны стать историческими матеріалами; весьма желательно также опубликованіе нѣкоторыхъ его академическихъ курсовъ, особенно по исторіи Византіи, читанныхъ давно, но и доселѣ еще интересныхъ и важныхъ, и наконецъ, разборъ и изданіе собранныхъ имъ матеріаловъ. Работа благодарная и не очень трудная, потому что свои бумаги Иванъ Егоровичъ держалъ и оставилъ въ идеальномъ порядкѣ. Нашлись бы только работники!

Но, бывать этому или не бывать, память И. Е. Троицкаго, какъ ученаго, не изгладится изъ исторіи русской науки; и кто лично зналъ его, не забудетъ его никогда и какъ человѣка. Мы сказали выше, что Иванъ Егоровичъ былъ великимъ знатокомъ души человѣческой. Тѣмъ поучительнѣе, что, такъ понимая людей, онъ умѣлъ любить ихъ истинно христіанской любовью—любить, не идеализируя, не закрывая глазъ на людскія грѣхи и слабости, и не подъискивая для нихъ *фальшивыхъ* объясненій и извиненій — умѣлъ любить людей такими, каковы они суть. Вѣчная ему память!

Б. Меліоранскій.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1900 ГОДУ.

Настоящій отчетъ, составленный по образцу отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, бывшихъ въ 1894—1899 годахъ, подобно имъ распадается на двѣ главныя части: въ первой показаны результаты испытаній, произведенныхъ ученикамъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, при чемъ первыя отдѣлены отъ вторыхъ, а во второй — результаты испытаній, произведенныхъ постороннимъ лицамъ. Въ заключительной (третьей) части отчета сдѣланъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости отчетнаго года, и приведены данныя относительно возраста молодыхъ людей, признанныхъ зрѣлыми на этихъ испытаніяхъ, равно какъ и относительно того рода дальнѣйшей дѣятельности, который они избрали [1]).

I.

1. Въ 1900 году испытанія зрѣлости были произведены въ 187-и учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, въ которыхъ состояло учениковъ

---

[1]) Въ этой же части въ прежнихъ отчетахъ помѣщались свѣдѣнія о письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости, на основаніи тѣхъ отзывовъ о письменныхъ работахъ абитуріентовъ, которые были представлены рецензентами этихъ работъ. Такихъ свѣдѣній въ настоящемъ отчетѣ не помѣщено по той причинѣ, что въ распоряженіи составителя отчета были только свѣдѣнія о письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости, произведенныхъ въ отчетномъ году въ Кавказскомъ (только по математикѣ), Оренбургскомъ и Западно-Сибирскомъ округахъ и въ Туркестанскомъ краѣ; изъ остальныхъ округовъ свѣдѣній объ этихъ испытаніяхъ ко времени окончанія отчета (октябрь 1901 года) доставлено не было.

VIII класса 4.355 [1]). Распредѣленіе учебныхъ заведеній и учениковъ VIII класса по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округи.	Число учебныхъ заведеній.	Число учениковъ VIII класса.
Московскій	28 [2])	744
С.-Петербургскій	28 [3])	682
Кіевскій	20	576
Варшавскій	21	449
Одесскій	21	425
Харьковскій	17	398
Кавказскій	10	283
Виленскій	10	230
Казанскій	10	217
Рижскій	10	166
Оренбургскій	5	74
Западно-Сибирскій	3	41
Туркестанскій край	2	36
Восточная Сибирь	2	34
Всего . .	187	4.355

[1]) Въ отчетномъ году были произведены первые выпуски изъ Сергіево-Посадской гимназіи Московскаго учебнаго округа, изъ Одесской 5-ой гимназіи Одесскаго учебнаго округа и Саратовской 2-ой гимназіи Казанскаго учебнаго округа; первыя двѣ были преобразованы въ 1898 году изъ бывшихъ 6-ти классныхъ прогимназій, а третья учреждена въ 1896 году. Такимъ образомъ общее число учебныхъ заведеній, въ которыхъ были произведены въ отчетномъ году испытанія зрѣлости, увеличилось до 187, не считая трехъ гимназій (Читинской, Благовѣщенской и Владивостокской), находящихся въ вѣдѣніи окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края, отъ котораго не доставлено никакихъ свѣдѣній объ испытаніяхъ зрѣлости отчетнаго года.

[2]) Правительственныхъ гимназій — 21, считая въ этомъ числѣ и гимназію Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ; 4 училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій (св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и при реформатскихъ церквахъ) и 3 частныя гимназіи (Гуревича, Мая и Видемана) въ С.-Петербургѣ.

[3]) Правительственныхъ гимназій — 25, считая въ этомъ числѣ и гимназическое отдѣленіе Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ и Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, 1 училище при ев.-лют. церкви св. Петра и Павла и 2 частныя гимназіи Креймана и Поливанова въ Москвѣ.

Изъ общаго числа учениковъ VIII класса состояло:

въ 177 правительственныхъ гимназіяхъ . .	4.154	(95,4%)
„ 5 церковныхъ училищахъ	88	(2,0%)
„ 5 частныхъ гимназіяхъ	113	(2,6%)

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ VIII класса увеличилось: въ правительственныхъ гимназіяхъ на 150 чел., въ церковныхъ училищахъ на 25 чел. и въ частныхъ гимназіяхъ на 14 чел.; въ общемъ оно увеличилось на 189 человѣкъ.

Наибольшее число учениковъ VIII класса было въ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа: въ среднемъ 28,8 на одну гимназію, а наименьшее въ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа: въ среднемъ 13,6 на одну гимназію; остальные округи по среднему числу учениковъ VIII класса на одну гимназію слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Кавказскій (28,3), Московскій (26,6), С.-Петербургскій (24,4), Харьковскій (23,4), Виленскій (23), Казанскій (21,7), Варшавскій (21,4), Одесскій (20,2), Туркестанскій край (18), Восточная Сибирь (17), Рижскій (16,6), Оренбургскій (14,8).

2. Изъ 4.154 учениковъ, находившихся въ VIII классѣ правительственныхъ гимназій, къ испытаніямъ зрѣлости не были допущены 78 (1,9%) по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія въ гимназіи и 3 по нравственной незрѣлости. Сравнивая числовыя данныя, касающіяся не допущенныхъ по первой изъ этихъ причинъ къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ правительственныхъ гимназій, мы видимъ, что, не считая Кавказскаго учебнаго округа, въ которомъ, равно какъ въ гимназіяхъ Восточной Сибири и Туркестанскаго края, не было ни одного случая недопущенія къ испытаніямъ по малоуспѣшности, въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ былъ Харьковскій округъ, для котораго процентное отношеніе числа не допущенныхъ къ испытаніямъ по этой причинѣ къ общему числу учениковъ VIII класса выражается числомъ 0,7; за нимъ слѣдуютъ округи: Одесскій—0,9, Оренбургскій—1,4, Кіевскій—1,7, Варшавскій—2,0, Московскій—2,2, Западно-Сибирскій—2,4, С.-Петербургскій и Казанскій—2,8, Виленскій—3,5 и Рижскій—3,6. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ, не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности, уменьшилось на 25 чел., или на 0,7%. Кромѣ того, испытаніе зрѣлости отсрочено на одинъ годъ 20 ученикамъ по болѣзни. Всего былъ устраненъ отъ испытаній по разнымъ

причинамъ 101 ученикъ правительственныхъ гимназій, — что составляетъ 2,4% всего числа учениковъ, бывшихъ въ VIII классѣ (на 0,8 меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году).

Въ церковныхъ училищахъ не было ни одного случая устраненія отъ испытаній зрѣлости по малоуспѣшности въ ученіи; въ частныхъ же гимназіяхъ не были допущены по этой причинѣ къ испытаніямъ зрѣлости 12 учениковъ (10,6%); а двоимъ ученикамъ (1 изъ церковнаго училища въ С.-Петербургѣ и 1 изъ частной гимназіи въ Москвѣ) испытаніе было отсрочено на годъ по болѣзни. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ частныхъ гимназій, не допущенныхъ къ испытаніямъ по малоуспѣшности, увеличилось на 5 (или на 3,5%).

Сводя эти числовыя данныя вмѣстѣ, получимъ общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости въ отчетномъ году:

въ правительственныхъ гимназіяхъ.	101	(2,4%)
„ церковныхъ училищахъ	1	(1,1%)
„ частныхъ гимназіяхъ	13	(11,5%)
Всего	115	(2,6%) [1]

Исключая это число изъ общаго числа учениковъ VIII класса. получимъ слѣдующія данныя, показывающія число учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году и подвергавшихся имъ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ . . .	4.053	(97,6%)
„ церковныхъ училищахъ	87	(98,9%)
„ частныхъ гимназіяхъ	100	(88,5%)
Всего	4.240	(97,4%)

3. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали эти испытанія и получили аттестаты зрѣлости 3.932 (97%), считая въ этомъ числѣ и тѣхъ 4-хъ учениковъ (два въ С.-Петербургскомъ и по одному въ Харьковскомъ и Рижскомъ учебныхъ округахъ), которымъ, въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія, съ особаго разрѣшенія высшаго начальства, были выданы аттестаты зрѣлости безъ испытаній. Наилучшіе результаты

---

[1]) По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ учениковъ VIII класса, устраненныхъ отъ испытаній, нѣсколько увеличился: въ 1899 году такихъ учениковъ было 136 (3,8%).

дали испытанія, произведенныя въ гимназіяхъ Оренбургскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, Восточной Сибири и Туркестанскаго края, въ которыхъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ, выдержали ихъ успѣшно. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Рижскій (99,4), Кавказскій (99,3), Московскій (98,5), Варшавскій (98,2), Казанскій (97,6), Харьковскій (97,5), Кіевскій (95,4), Одесскій (94,8), С.-Петербургскій (93,5), Западно-Сибирскій (92,1).

Если же взять отношеніе числа учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія, къ общему числу правительственныхъ гимназій въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что наибольшее число аттестатовъ зрѣлости было выдано гимназіями Кавказскаго учебнаго округа—28,1 на одну гимназію; порядокъ остальныхъ округовъ слѣдующій: Кіевскій (26,8), Московскій (26,3), С.-Петербургскій (23,2), Харьковскій (22,5), Виленскій (22,1), Казанскій (20,6), Варшавскій (20,4), Одесскій (18,9), Туркестанскій край (18), Восточная Сибирь (17), Рижскій (15,7), Оренбургскій (14,4), Западно-Сибирскій (11,6), а въ общемъ, по отношенію ко всей Имперіи, приходится на одну гимназію 22,2 аттестата зрѣлости. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, въ которомъ изъ 3.875 учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ 3.788 или 97,8%, результаты испытаній отчетнаго года нѣсколько хуже, такъ какъ процентъ выдержавшихъ испытанія понизился на 0,8.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости: въ первыхъ 84 (96,5%), во вторыхъ 92 (92%). Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ процентъ выдержавшихъ испытанія учениковъ церковныхъ училищъ повысился на 2,8, а для частныхъ гимназій онъ понизился на 4,7.

Общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ . .	3.932
„ церковныхъ училищахъ	84
„ частныхъ гимназіяхъ	92
Всего . . .	4.108,

что составляетъ 96,9% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости. Въ предыдущемъ году этотъ процентъ былъ нѣсколько выше: изъ 4.030 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 3,936 или 97,7%.

4. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, были награждены медалями: золотыми—260, серебряными—217, всего 477 учениковъ (12,1%). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, слѣдующій: Туркестанскій край—27,8, Одесскій округъ—16,8, Казанскій—15,0, Виленскій—14,9, Кіевскій—13,4, Харьковскій—13,3, С.-Петербургскій—12,9, Московскій—12,5, Рижскій—12,1, Оренбургскій—11,2, Восточная Сибирь—8,8, Варшавскій—8,4, Западно-Сибирскій—5,7 [1]).

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій этого отличія были удостоены: въ первыхъ 10 (11,9%), во вторыхъ 4 (4,3%), всего 14 учениковъ, изъ которыхъ 6 получили золотыя, а 8—серебряныя медали.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ отчетномъ году учениковъ, награжденныхъ медалями, было:

	Золотыми.	Серебряными.	Всего.	
въ правительственныхъ гимназіяхъ .	260	217	477	
„ церковныхъ училищъ	5	5	10	
„ частныхъ гимназіяхъ	1	3	4	
Всего . .	266	225	491	(11,9%).

Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, понизился для правительственныхъ гимназій (былъ 12,4) и частныхъ гимназій (былъ 7,8). равно какъ въ общемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній (былъ 12,2); но для церковныхъ училищъ повысился (былъ 6,8).

5. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній 121 (3%). Наибольшій процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ приходится на Западно-Сибирскій учебный округъ (7,9%), а наименьшій — на Рижскій (0,6%), не считая гимназій Оренбургскаго и Ви-

---

[1]) Изъ Кавказскаго учебнаго округа не доставлено свѣдѣній о числѣ учениковъ, награжденныхъ медалями въ отчетномъ году.

ленскаго учебныхъ округовъ, Восточной Сибири и Туркестанскаго края, въ которыхъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ успѣшно. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ. опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся имъ, слѣдующій: С.-Петербургскій (6,5), Одесскій (5,2), Кіевскій (4,6), Харьковскій (2,5), Казанскій (2,4), Варшавскій (1,8), Московскій (1,5). Кавказскій (0,7). По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій повысился. какъ въ общемъ (3 вмѣсто 2,2), такъ и по отношенію къ округамъ: С.-Петербургскому, Казанскому, Одесскому и Кіевскому (наибольшее повышеніе произошло въ Одесскомъ округѣ—на 4,7); въ остальныхъ округахъ онъ понизился (наибольшее пониженіе произошло въ гимназіяхъ Восточной Сибири—на 4,0), за исключеніемъ Оренбургскаго округа и Туркестанскаго края, въ которыхъ, какъ и въ 1899 году, не было вовсе не выдержавшихъ испытаній учениковъ VIII класса.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми (121) учениками правительственныхъ гимназій, не выдержавшими испытаній зрѣлости, доходитъ до 458, изъ которыхъ 351 (76,6%) были получены на письменныхъ испытаніяхъ, а остальныя 107 (23,4%)—на устныхъ испытаніяхъ. Наибольшее число такихъ отмѣтокъ приходится на латинскій языкъ, по которому было получено неудовлетворительныхъ отмѣтокъ 139 (108 на письменныхъ и 31 на устныхъ испытаніяхъ): затѣмъ слѣдуютъ предметы: греческій языкъ—121 (94 на письменныхъ и 27 на устныхъ испытаніяхъ); математика—115 (84 на письменныхъ и 31 на устныхъ испытаніяхъ), русскій языкъ—67 (65 на письменныхъ и 2 на устныхъ испытаніяхъ), исторія—10, новые иностранные языки—5, Законъ Божій—1. По отношенію къ отдѣльнымъ округамъ наибольшее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ было получено учениками гимназій С.-Петербургскаго округа: 75 на письменныхъ и 51 на устныхъ испытаніяхъ, всего 126 отмѣтокъ,—что составляетъ 27,5% всего числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, или—въ среднемъ—3,7 на каждаго изъ 34 учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ этого округа. Порядокъ остальныхъ округовъ, расположенныхъ по степени уменьшенія числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, слѣдующій: Кіевскій—122 (26,6%), Одесскій—70 (15,3%), Харьковскій — 45 (9,8%), Московскій — 37 (8,1%), Западно-Сибирскій —

18, (3,9%), Варшавскій—17 (3,7%), Казанскій и Кавказскій—8 (1,8%), Рижскій—7 (1,5%). По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ увеличилось на 180, причемъ въ среднемъ на каждаго изъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій приходится нѣсколько больше, чѣмъ въ 1899 году: 3,8 вмѣсто 3,2. Что же касается отдѣльныхъ предметовъ, то число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ увеличилось по латинскому языку (на 61), по греческому языку (на 53), по математикѣ (на 45), по русскому языку (на 20) и по новымъ иностраннымъ языкамъ (на 1), а по исторіи и по Закону Божію осталось прежнее (10 и 1).

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній: въ первыхъ 3 (3,5%), получившіе 14 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ на письменныхъ испытаніяхъ по русскому (2), латинскому (4) и греческому (3) языкамъ и на устномъ испытаніи по русскому языку (1), греческому и новымъ языкамъ (по 2); во вторыхъ 8 (8%), получившіе въ общемъ 12 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ на письменныхъ испытаніяхъ по русскому (1), латинскому (2) и греческому (2) языкамъ и математикѣ (1) и на устныхъ испытаніяхъ по исторіи (4) и математикѣ (2). По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ церковныхъ училищъ уменьшился на 2,8, а въ частныхъ гимназіяхъ онъ увеличился на 4,7.

Общій итогъ не выдержавшихъ испытаній зрѣлости учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	121
„ церковныхъ училищахъ	3
„ частныхъ гимназіяхъ	8
Всего	132,

что составляетъ 3,1% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости [1]).

6. Если къ этому числу прибавить показанное выше число учениковъ VIII класса, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испы-

[1]) Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, нѣсколько увеличился сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ которомъ изъ 4.080 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, не выдержали ихъ 94 (2,3%).

таній зрѣлости, то получится сумма, показывающая общее число учениковъ, которые были лишены возможности поступить въ отчетномъ году въ высшія учебныя заведенія вслѣдствіе неполученія аттестатовъ зрѣлости. Такихъ учениковъ было:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	222	(5,3%)
„ церковныхъ училищахъ	4	(4,5%)
„ частныхъ гимназіяхъ	21	(18,6%)
Всего	247,	

что составляетъ 5,7% всего числа учениковъ, находившихся въ VIII классѣ предъ началомъ испытаній. Изъ этого числа выбыли со свидѣтельствами (на основаніи § 80 прав. объ испыт.):

ученики правительственныхъ гимназій	33	
„ церковныхъ училищъ	—	
„ частныхъ гимназій	—	
		33

остались на 2-й годъ въ VIII классѣ:

ученики правительственныхъ гимназій	189	
„ церковныхъ училищъ	4	
„ частныхъ гимназій	21	
		214
Всего		247

II.

Постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости, въ 1900 году, было 621 (сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 74 чел. болѣе). Распредѣленіе ихъ по учебнымъ округамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Одесскій	157	(25,3%)
Кіевскій	115	(18,5%)
С.-Петербургскій	84	(13,5%)
Харьковскій	51	(8,2%)

Московскій.	45	(7,3°/o)
Варшавскій	39	(6,3°/o)
Казанскій	36	(5,8°/o)
Кавказскій.	36	(5,8°/o)
Рижскій.	22	(3,5°/o)
Оренбургскій.	19	(3,1°/o)
Виленскій	9	(1,5°/o)
Западно-Сибирскій	4	(0,6°/o)
Восточная Сибирь.	2	(0,3°/o)
Туркестанскій край	2	(0,3°/o)
Всего. . . .	621	

Изъ нихъ не были допущены къ испытаніямъ: а) на основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ: по п. а—17, по п. б—6, по п. в—4, по п. г.—24, и б) вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ документовъ—1, всего 52 человѣка. Кромѣ того, не явились къ испытаніямъ: по болѣзни — 2 и по неизвѣстнымъ причинамъ — 33, всего 35 человѣкъ. Такимъ образомъ изъ всего числа постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться въ отчетномъ году испытаніямъ зрѣлости, были устранены или добровольно отказались отъ нихъ 87 человѣкъ (14°/o), а въ дѣйствительности подвергались имъ 534 (86°/o).

Изъ нихъ выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости 270 человѣкъ,—что составляетъ 50,6°/o всего числа постороннихъ абитуріентовъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 4,1 больше). Наибольшій процентъ ихъ приходится на Туркестанскій край (100°/o), остальные округи можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: Кавказскій (68,7°/o), Казанскій (55,6°/o), Виленскій (55,5°/o), Варшавскій (54,1°/o), Одесскій (54°/o), Московскій (51,2°/o), Западно-Сибирскій и Восточная Сибирь (50°/o), Кіевскій (49,5°/o), Харьковскій (48,9°/o), Рижскій (38,9°/o), С.-Петербургскій (38,3°/o), Оренбургскій (31,6°/o).

Не выдержали испытаній зрѣлости изъ числа постороннихъ абитуріентовъ 264 человѣка (49,4°/o — по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 4,1 меньше). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ не выдержавшихъ испытаній постороннихъ лицъ слѣдующій: Оренбургскій—68,4, С.-Петербургскій—61,7, Рижскій—61,1, Харьковскій — 51,1, Кіевскій — 50,5, Западно-Сибирскій и Во-

сточная Сибирь—50, Московскій—48,8, Одесскій—46, Варшавскій—45,9, Виленскій — 44,5, Казанскій — 44,4, Кавказскій—31,2, Туркестанскій край—0.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми 264 посторонними абитуріентами, не выдержавшими испытаній, было 639, изъ которыхъ большая часть — 76,8% (491 отм.) была получена на письменныхъ испытаніяхъ, остальныя—23,2% (148 отм.) — на устныхъ испытаніяхъ. Наиболѣе неудовлетворительно подготовленными оказались посторонніе абитуріенты по математикѣ, по которой было получено ими всего 152 неудовлетворительныхъ отмѣтки (122 на письменныхъ и 30 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: русскій языкъ — 150 такихъ отмѣтокъ (122 на письменныхъ и 28 на устныхъ испытаніяхъ), латинскій языкъ—141 (134 на письменныхъ и 7 на устныхъ испытаніяхъ), греческій языкъ — 121 (113 на письменныхъ и 8 на устныхъ испытаніяхъ), физика съ математическою географіею—22, логика—22, исторія—21, географія—6, новые иностранные языки — 3. Законъ Божій — 1. По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуріентами, уменьшилось какъ въ среднемъ выводѣ на каждаго изъ не выдержавшихъ испытаній (2,4 вмѣсто 2,6) и въ общемъ итогѣ (на 59), такъ и по отношенію ко всѣмъ предметамъ испытанія (по греческому языку на 41, по латинскому языку на 29, по физикѣ на 4, по математикѣ на 3, по географіи на 2), за исключеніемъ логики, русскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, по которымъ оно увеличилось (по первой на 15, по остальнымъ на 2), равно какъ и Закона Божія, по которому оно осталось безъ измѣненія (1). Если же взять среднее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуріентами въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что хуже остальныхъ были подготовлены къ испытаніямъ посторонніе абитуріенты въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ на каждаго изъ 10 лицъ, не выдержавшихъ испытаній, приходится въ среднемъ по 3,6 отмѣтки. Затѣмъ слѣдуютъ посторонніе абитуріенты Казанскаго округа (3,1 отм.), Оренбургскаго (2,8 отм.), Рижскаго (2,7 отм.), С.-Петербургскаго (2,6 отм.), Одесскаго (2,5 отм.), Виленскаго (2,3 отм.), Московскаго (2,2 отм.), Варшавскаго (2,2 отм.), Кіевскаго (2,1 отм.), Харьковскаго (1,9 отм.), Западно-Сибирскаго (1,5 отм.) и Восточной Сибири (1 отм.).

III.

Въ заключеніе представимъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости 1900 года.

1) Предъ началомъ испытаній состояло учениковъ VIII класса:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	4.154	
„ церковныхъ училищахъ	88	
„ частныхъ гимназіяхъ	113	
		4.355
Подано прошеній о допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости посторонними лицами		621
Всего было абитуріентовъ въ отчетномъ году		4.976

2) Къ испытаніямъ не были допущены или добровольно отказались отъ нихъ:

ученики правительственныхъ гимназій . .	101	
„ церковныхъ училищъ	1	
„ частныхъ гимназій	13	
		115
постороннія лица		87
Всего было устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ		202 (4,1%).

3) Подвергались испытаніямъ:

ученики правительственныхъ гимназій . .	4.053	
„ церковныхъ училищъ	87	
„ частныхъ гимназій	100	
		4.240
постороннія лица		543
Всего подвергалось испытаніямъ		4.774 (95,9%).

4) Не выдержали испытаній:

ученики правительственныхъ гимназій . .	121	
„ церковныхъ училищъ	3	
„ частныхъ гимназій	8	
		132
постороннія лица		264
Всего не выдержало испытаній . . .		396 (8,3%).

5) Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости:

ученики правительственныхъ гимназій . . .	3.932	
„ церковныхъ училищъ	84	
„ частныхъ гимназій	92	
		4.108
посторонніе лица		270
Всего выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости было		4.378 (91,7%)

Сопоставляя результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года съ результатами предшествовавшаго года, поскольку они выражаются числовыми данными, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ отчетномъ году число не выдержавшихъ испытаній нѣсколько увеличилось (8,3% вмѣсто 7,9%), а число выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости уменьшилось (91,7% вмѣсто 92,1%), то результаты испытаній зрѣлости 1900 года должны быть признаны менѣе благопріятными, чѣмъ въ 1899 году, не только въ общемъ, но и въ частности, по отношенію къ правительственнымъ и частнымъ гимназіямъ, и только въ церковныхъ училищахъ и по отношенію къ постороннимъ абитуріентамъ произошло нѣкоторое повышеніе процента успѣшно выдержавшихъ испытанія зрѣлости въ отчетномъ году.

Если же взять для сравненія не одинъ предшествующій годъ, а все предшествовавшее пятилѣтіе (1895—1899), то, какъ видно изъ приложенной къ отчету сводной вѣдомости (№ 5), отчетный годъ, превосходя своихъ предшественниковъ въ количественномъ отношеніи,—по общему числу абитуріентовъ (учениковъ VIII класса и постороннихъ лицъ [1]), и тѣхъ изъ нихъ, которые выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости [2]), въ качественномъ отношеніи, по конечнымъ результатамъ испытаній, занимаетъ среднее мѣсто, поскольку дѣло касается правительственныхъ гимна-

---

[1]) Въ 1895 г.—4.197, въ 1896 г.—4.236, въ 1897 г.—4.541, въ 1898 г.—4.657, въ 1899 г.—4.713, въ 1900 г.—4.976.

[2]) Въ 1895 г.—3.772, въ 1896 г.—3.803, въ 1897 г.—4.056, въ 1898 г.—4.162, въ 1899 г.—4.165, въ 1900 г.—4.378.

зій, такъ какъ процентъ учениковъ этихъ учебныхъ заведеній, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, будучи ниже, чѣмъ въ послѣдніе два года, только немногимъ превышаетъ средній процентъ за все предшествовавшее пятилѣтіе [1]), а для частныхъ гимназій отчетный годъ былъ особенно неблагопріятнымъ, давъ такой низкій процентъ выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости учениковъ этихъ учебныхъ заведеній, какого не было во все предшествовавшее пятилѣтіе [2]). Только для церковныхъ училищъ результаты испытаній отчетнаго года оказались благопріятнѣе, чѣмъ раньше, за исключеніемъ 1898 года, когда процентъ выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости учениковъ церковныхъ училищъ былъ выше, чѣмъ въ отчетномъ году [3]). И въ общемъ выводѣ для учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года не могутъ быть названы благопріятными, такъ какъ процентъ учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, будучи ниже, чѣмъ въ послѣдніе два года, только немногимъ превышаетъ средній процентъ такихъ учениковъ за предшествовавшее пятилѣтіе [4]). Что же касается постороннихъ лицъ, то степень подготовки ихъ въ отчетномъ году была нѣсколько лучше, чѣмъ въ послѣдніе три года, хотя все-таки процентъ тѣхъ изъ нихъ, которые успѣшно выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости, только немногимъ превышаетъ половину всего числа постороннихъ абитуріентовъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости [5]). Такимъ результатомъ испытаній зрѣлости, произведенныхъ постороннимъ абитуріентамъ, въ связи съ указанными выше неблагопріятными результатами этихъ испытаній для правительственныхъ и частныхъ гимназій, объясняется тотъ фактъ, что общій процентъ молодыхъ людей, удостоенныхъ въ отчетномъ году аттестатовъ и сви-

---

[1]) Въ 1895 г.—96,8%, въ 1896 г.—96,3%, въ 1897 г.—96,6%, въ 1898 г.—97,1%, въ 1899 г.—97,8%, въ 1900 г.—97%.

[2]) Въ 1895 г.—98,4%, въ 1896 г.—100%, въ 1897 г.—97,7%, въ 1898 г.—93,6%, въ 1899 г.—96,7%, въ 1900 г.—92%.

[3]) Въ 1895 г.—91,6%, въ 1896 г.—94%, въ 1897 г.—96,1%, въ 1898 г.—98,6%, въ 1899 г.—93,7%, въ 1900 г.—96,5%.

[4]) Въ 1895 г.—96,8%, въ 1896 г.—96,3%, въ 1897 г.—96,6%, въ 1898 г.—97%, въ 1899 г.—97,7%, въ 1900 г.—96,9%.

[5]) Въ 1895 г.—50,6%, въ 1896 г.—53,8%, въ 1897 г.—48,7%, въ 1898 г.—49,9%, въ 1899 г.—46,5%, въ 1900 г.—50,6%.

дѣтельствъ зрѣлости, нѣсколько понизился сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ былъ въ предшествовавшемъ году, и остается ниже, чѣмъ во всѣ остальные годы минувшаго пятилѣтія [1]).

Что касается возраста молодыхъ людей, удостоенныхъ въ отчетномъ году аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости, то, какъ видно изъ приложенной къ отчету вѣдомости № 3, наименьшее число тѣхъ изъ нихъ, которые обучались въ правительственныхъ и частныхъ гимназіяхъ, приходится на 17-ти лѣтній возрастъ: такихъ было въ правительственныхъ гимназіяхъ 209 (5,3%), въ частныхъ гимназіяхъ 6 (6,5%), а наибольшее число было: въ правительственныхъ гимназіяхъ 19-лѣтнихъ—1081 (27,5%), въ частныхъ гимназіяхъ въ возрастѣ 21 года и болѣе—29 (31,5%); въ церковныхъ же училищахъ наименьшее число изъ окончившихъ курсъ было въ возрастѣ 21 года и болѣе, а наибольшее—въ возрастѣ 18 и 19 лѣтъ: первыхъ было всего 7 (8,3%), вторыхъ—25 (29,8%). Изъ постороннихъ абитуріентовъ наибольшій процентъ приходится на молодыхъ людей, имѣвшихъ 21 и болѣе лѣтъ: такихъ было всего 185 (68,5%); а наименьшій—на имѣвшихъ 17 лѣтъ: такихъ было всего 3 (1,2%). Распредѣленіе по возрасту всѣхъ абитуріентовъ, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, показано въ слѣдующей таблицѣ:

Возрастъ.	Правительств. гимназіи.	Церковныя училища.	Частныя гимназіи.	Постороннія лица.	Всего.
17 лѣтъ . .	209(5,3%)	12(14,3%)	6(6,5%)	3(1,2%)	230(5,3%)
18 „ . .	893(22,7%)	25(29,8%)	16(17,4%)	12(4,4%)	946(21,6%)
19 „ . .	1.081(27,5%)	25(29,8%)	22(23,9%)	26(9,6%)	1.154(26,1%)
20 „ . .	913(23,2%)	15(17,8%)	19(20,7%)	44(16,3%)	991(22,6%)
21 и болѣе лѣтъ	836(21,3%)	7(8,3%)	29(31,5%)	185(68,5%)	1.057(24,4%)
Всего . .	3.932 —	84 —	92 —	270 —	4.378 —

Распредѣленіе абитуріентовъ 1900 года, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, по избранной ими спеціальности, показано въ приложенной къ отчету вѣдомости № 4.

Большинство ихъ выразило намѣреніе продолжать научное образованіе въ университетахъ 3.490 (79,72%)

Въ высшія спеціальныя заведенія желали поступить 808 (18,45%)

[1]) Въ 1895 г.—93,6%, въ 1896 г.—92,8%, въ 1897 г.—92,9%, въ 1898 г.—92,5%, въ 1899 г.—92,1%, въ 1900 г.—91,7%.

Предполагали посвятить себя практической дѣятельности	62 (1,42%)
Не дали свѣдѣній объ избранной специальности.	18 (0,41%)
Всего.	4.378

Въ 1-й группѣ большинство принадлежитъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые пожелали поступить на физико-математическіе факультеты университетовъ.

Такихъ было. 1.132 (32,4%)

Остальные выбрали факультеты:

Юридическій.	1.108 (31,6%)	
Медицинскій (считая вмѣстѣ и Военно-Медицинскую Академію).	885 (25,3%)	
Историко-филологическій	282 (8,1%)	
Восточныхъ языковъ.	72 (2,1%)	
Богословскій (при Юрьевскомъ университетѣ).	16 (0,5%)	
		3.490.

Во 2-й группѣ по числу заявленій учебныя заведенія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Технологическіе (и Политехническіе) институты	417 (51,6%)
Институтъ инженеровъ путей сообщенія (считая вмѣстѣ и Московское инженерное училище)	121 (15,0%)
Горный институтъ (считая вмѣстѣ и Екатеринославское Горнозаводское училище).	103 (12,7%)
Лѣсной институтъ	40 (5,0%)
Земледѣльческія академіи и сельскохозяйственные институты	27 (3,3%)
Институтъ гражданскихъ инженеровъ	27 (3,3%)
Военныя училища	26 (3,2%)
Академія Художествъ и Консерваторія	19 (2,4%)
Духовная Академія	7 (0,9%)

Электро-техническій институтъ . .	7 (0,9%)	
Заграничныя учебныя заведенія . .	7 (0,9%)	
Училище Правовѣдѣнія.	3 (0,4%)	
Александровскій Лицей	1 (0,1%)	
Константиновскій Межевой институтъ (въ Москвѣ)	1 (0,1%)	
Ветеринарные институты	1 (0,1%)	
Морское инженерное училище . . .	1 (0,1%)	
		808

Изъ молодыхъ людей 3-й группы пожелали поступить:

Въ военную службу.	41 (66,1%)	
Въ гражданскую службу	10 (16,1%)	

Избрали практическую дѣятельность:

Учебную	7 (11,3%)		
Сельско-хозяйственную	1 (1,7%)		
Коммерческую.	3 (4,8%)		
		62	
Не дали свѣдѣній объ избранной спеціальности . . .		18	
			4.378

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію и получив

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Ученики VIII класса.						
	Общее число предъ началомъ испытаній.	Устранены отъ испытаній.				Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости.
		Не допущены къ испытаніямъ.		Отсрочено испыт. по болѣзни.	Всего.		
		По малоуспѣшности.	По нравственной незрѣлости.				
С.-Петербургскій.							
21 правительств. гимн.	539	15 (2,8°/₀)	—	3	18 (3,3°/₀)	521 (96,7°/₀)	487 (93,5°/₀)
4 церковныхъ учил.	71	—	—	1	1 (1,4°/₀)	70 (98,6°/₀)	69 (98,6°/₀)
3 частныхъ гимназіи.	72	8 (11,2°/₀)	—	—	8(11,2°/₀)	64 (88,8°/₀)	56 (87,5°/₀)
Всего	682	23 (3,4°/₀)	—	4	27 (4,0°/₀)	655 (96,0°/₀)	612 (93,4°/₀)
Московскій.							
25 правительств. гимн.	686	15 (2,2°/₀)	—	4	19 (2,8°/₀)	667 (96,2°/₀)	657 (98,5°/₀)
1 церковное училище.	17	—	—	—	—	17 (100°/₀)	15 (88,2°/₀)
2 частныхъ гимназіи.	41	4 (9,8°/₀)	—	1	5(12,2°/₀)	36 (87,8°/₀)	36(100,0°/₀)
Всего	744	19 (2,6°/₀)	—	5	24 (3,2°/₀)	720 (96,8°/₀)	708 (98,3°/₀)
Казанскій.							
10 правительств. гимн.	217	6 (2,8°/₀)	—	—	6 (2,8°/₀)	211 (97,2°/₀)	206 (97,6°/₀)
Оренбургскій.							
5 правительств. гимн.	74	1 (1,4°/₀)	—	1	2 (2,7°/₀)	72 (97,3°/₀)	72 (100°/₀)
Харьковскій.							
17 правительств. гимн.	398	3 (0,7°/₀)	—	2	5 (1,3°/₀)	393 (98,7°/₀)	383 (97,5°/₀)
Одесскій.							
21 правительств. гимн.	425	4 (0,9°/₀)	1	—	5 (1,2°/₀)	420 (98,8°/₀)	398 (94,8°/₀)
Кіевскій.							
20 правительств. гимн.	576	10 (1,7°/₀)	—	4	14 (2,4°/₀)	562 (97,6°/₀)	536 (95,4°/₀)

шихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости въ 1900 году.

Среднее число на одно учебное заведеніе.	Награжд. медалями. Золотыми.	Серебряными.	Всего (и процент. отношеніе къ общему числу удостоен. аттест.).	Посторонніе лица. Подали прошенія.	Устранены отъ испытаній. Не допущены къ испытаніямъ. На основ. § 51 правилъ объ испытаніяхъ п. а	п. б	п. в	п. г	Вслѣдствіе отсутств. документовъ.	Отсрочено испытаніе по болѣзни.	Не явились къ испытаніямъ.	Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и получили свидѣт. зрѣлости.
23,2	38	25	63 (12,9%)	84	8	4	—	—	—	—	12	24 (28,6%)	60 (71,4%)	23 (38,3%)
17,8	4	5	9 (13,0%)											
18,6	1	3	4 (7,1%)											
21,9	43	33	76 (12,4%)											
26,3	42	40	82 (12,5%)	45	1	—	—	2	—	1	—	4 (8,9%)	41 (91,1%)	21 (51,2%)
15	1	—	1 (6,7%)											
18	—	—	—											
25,3	43	40	83 (11,7%)											
20,6	12	19	31 (15,0%)	36	—	—	—	—	—	—	—	—	36 (100%)	20 (55,6%)
14,4	2	6	8 (11,2%)	19	—	—	—	—	—	—	—	—	19 (100%)	6 (31,6%)
22,1	23	28	51 (13,3%)	51	—	—	—	—	1	—	3	4 (7,8%)	47 (92,2%)	23 (48,9%)
18,9	46	21	67 (16,8%)	157	4	1	4	10	—	1	11	31 (19,8%)	126 (80,2%)	68 (54,0%)
26,8	43	29	72 (18,4%)	115	1	1	—	9	—	—	3	14 (12,2%)	101 (87,8%)	50 (49,5%)

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Ученики VIII класса.						
	Общее число предъ началомъ испытаній.	Устранены отъ испытаній. Не допущены къ испытаніямъ. По малоуспѣшности.	Устранены отъ испытаній. Не допущены къ испытаніямъ. По нравственной незрѣлости.	Устранены отъ испытаній. Отсрочено испыт. по болѣзни.	Устранены отъ испытаній. Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости.
Виленскій.							
10 правительств. гимн.	230	8 (3,5°/₀)	—	1	9 (3,9°/₀)	221 (96,1°/₀)	221 (100°/₀)
Варшавскій.							
21 правительств. гимн.	449	9 (2,0°/₀)	—	3	12 (2,7°/₀)	437 (973,°/₀)	429 (98,2°/₀)
Рижскій.							
10 правительств. гимн.	166	6 (3,6°/₀)	1	1	8 (4,8°/₀)	158 (95,2°/₀)	157 (99,4°/₀)
Кавказскій.							
10 правительств. гимн.	283	—	—	—	—	283 (100°/₀)	281 (99,3°/₀)
Западно-Сибирскій.							
3 правительств. гимн.	41	1 (2,4°/₀)	1	1	3 (7,3°/₀)	38 (92,7°/₀)	35 (92,1°/₀)
Восточная Сибирь.							
2 правительств. гимн.	34	—	—	—	—	34 (100°/₀)	34 (100°/₀)
Туркестанскій край.							
2 правительств. гимн.	36	—	—	—	—	36 (100°/₀)	36 (100°/₀)
Итого:							
Во всѣхъ 177 прав. гимн.	4154	78(1,9°/₀)	3	20	101 (2,4°/₀)	4053 (97,6°/₀)	3932 (97,0°/₀)
„ „ 5 церк. уч.	88	—	—	1	1 (1,1°/₀)	87 (98,9°/₀)	84 (96,5°/₀)
„ „ 5 част. гимн.	113	12(10,6°/₀)	—	1	13(11,5°/₀)	100 (88,5°/₀)	92 (92,0°/₀)
Всего:							
Во всѣхъ 187-и учебн. заведеніяхъ.	4355	90(2,1°/₀)	3	22	115 (2,6°/₀)	4240 (97,4°/₀)	4108 (96,9°/₀)

	Награжд. медалями.			Посторонніе лица.										
					Устранены отъ испытаній.									
					Не допущены къ испытаніямъ. На основ. § 51 правилъ объ испытаніяхъ.									
Среднее число на одно учебное заведеніе.	Золотыми.	Серебряными.	Всего (и процент. отношеніе къ общему числу удостоен. аттест.).	Подали прошенія.	п. а	п. б	п. в	п. г	Вслѣдствіе отсутств. документовъ.	Отсрочено испытаніе по болѣзни.	Не явились къ испытаніямъ.	Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и получили свидѣт. зрѣлости.
22,1	16	17	33 (14,9%)	9	—	—	—	—	—	—	—	—	9 (100%)	5 (55,5%)
20,4	21	15	36 (8,4%)	39	2	—	—	—	—	—	—	2 (5,1%)	37 (94,9%)	20 (54,1%)
15,7	7	12	19 (12,1%)	22	—	—	—	—	—	—	4	4 (18,2%)	18 (81,8%)	7 (38,9%)
28,1	—	—	—	36	1	—	—	3	—	—	—	4 (11,2%)	32 (88,8%)	22 (68,7%)
11,6	1	1	2 (5,7%)	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4 (100%)	2 (50%)
17	3	—	3 (8,8%)	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2 (100%)	1 (50%)
18	6	4	10 (27,8%)	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2 (100%)	2 (100%)
22,2	260	217	477 (12,1%)	621	17	6	4	24	1	2	83	87 (14%)	534 (86%)	270 (50,6%)
16,6	5	5	10 (11,9%)											
18,4	1	3	4 (4,3%)											
21,9	266	225	491 (11,9%)											

№ 2. Вѣдомость о не выдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытаніямъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ						
				Закону Божію.	Русскому языку.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
С.-Петербургскій.										
Ученики правительств. гимназій . .	521	34	6,5	—	11	1	20	13	16	9
„ церковныхъ училищъ . . .	70	1	1,4	—	1	1	3	—	1	1
„ частныхъ гимназій	64	8	12,5	—	1	—	2	—	2	—
Всего . . .	655	43	6,6	—	13	2	25	13	19	10
Посторонніе лица	60	37	61,7	—	14	2	19	—	15	1
Московскій.										
Ученики правительств. гимназій . .	667	10	1,5	—	8	—	6	8	7	7
„ церковнаго училища . . .	17	2	11,8	—	1	—	1	—	2	1
„ частныхъ гимназій	36	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . . .	720	12	1,7	—	9	—	7	8	9	8
Посторонніе лица	41	20	48,8	—	9	—	12	2	11	1
Казанскій.										
Ученики правительств. гимназій . .	211	5	2,4	—	—	—	3	2	1	1
Посторонніе лица	36	16	44,4	—	12	2	11	—	7	1
Оренбургскій.										
Ученики правительств. гимназій . .	72	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посторонніе лица	19	13	68,4	—	10	—	9	—	4	—
Харьковскій.										
Ученики правительств. гимназій . .	393	10	2,5	—	8	—	8	6	14	1
Посторонніе лица	47	24	51,1	—	5	1	10	—	11	1
Одесскій.										
Ученики правительств. гимназій . .	420	22	5,2	1	19	—	13	4	14	5
Посторонніе лица	126	58	46,0	1	29	11	22	1	27	3
Кіевскій.										
Ученики правительств. гимназій . .	562	26	4,6	—	16	—	50	1	38	1
Посторонніе лица	101	51	50,5	—	16	4	28	1	22	—

испытаній зрѣлости въ 1900 году.

испытаній по отдѣльнымъ предметамъ:								Изъ числа не выдержавшихъ испытаній и устранен. отъ нихъ.	
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ.	Остались на другой годъ въ VIII кл.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ.
Письменно.	Устно.								
28	21	—	2	—	—	5	126	46	6
—	—	—	—	—	—	2	9	2	—
1	2	—	4	—	—	—	12	16	—
29	23	—	6	—	—	7	147	64	6
20	12	4	2	1	8	—	98	—	—
4	1	—	1	—	—	—	37	26	3
—	—	—	—	—	—	—	5	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	5	—
4	1	—	1	—	—	—	42	33	3
8	1	—	—	—	—	—	44	—	—
1	—	—	—	—	—	—	8	11	—
18	1	1	—	—	1	—	49	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
11	—	—	1	1	—	—	36	—	—
12	1	—	—	—	—	—	45	12	3
5	3	4	4	1	1	—	46	—	—
8	3	—	3	—	—	—	70	23	4
17	7	7	8	3	6	1	143	—	—
18	2	—	1	—	—	—	122	30	10
28	2	5	5	—	—	1	107	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытаніямъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ						
				Закону Божію.	Русскому языку.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
Виленскій.										
Ученики правительств. гимназій	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посторонніе лица	9	4	44,5	—	1	2	1	1	1	—
Варшавскій.										
Ученики правительств. гимназій	437	8	1,8	—	1	—	4	1	3	1
Посторонніе лица	37	17	45,9	—	12	—	8	—	6	—
Рижскій.										
Ученики правительств. гимназій	158	1	0,6	—	2	—	—	1	1	2
Посторонніе лица	18	11	61,1	—	7	—	10	1	6	1
Кавказскій.										
Ученики правительств. гимназій	283	2	0,7	—	2	—	—	—	2	—
Посторонніе лица	32	10	31,2	—	7	6	3	1	3	—
Западно-Сибирскій.										
Ученики правительств. гимназій	38	3	7,9	—	3	1	4	—	3	—
Посторонніе лица	4	2	50,0	—	—	—	1	—	—	—
Восточная Сибирь.										
Ученики правительств. гимназій	34	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посторонніе лица	2	1	50,0	—	—	—	—	—	—	—
Туркестанскій край.										
Ученики правительств. гимназій	36	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посторонніе лица	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ИТОГО:										
Ученики правительств. гимназій	4053	121	3,0	1	65	2	108	31	94	27
„ церковныхъ училищъ	87	3	3,5	—	2	1	4	—	3	2
„ частныхъ гимназій	100	8	8,0	—	1	—	2	—	2	—
Всего	4240	132	3,1	1	68	3	114	31	99	29
Посторонніе лица	534	624	49,4	1	122	28	134	7	113	8
Общій итогъ	4774	396	8,3	2	190	31	248	38	212	37

испытаній по отдѣльнымъ предметамъ:								Изъ числа не выдержавшихъ испытаній и устраненн. отъ нихъ.	
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ	Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ.	Остались на другой годъ въ VIII кл.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ.
Письменно.	Устно.								
—	—	—	—	—	—	—	—	9	—
2	—	—	—	—	1	—	9	—	—
5	—	—	2	—	—	—	17	16	4
10	1	—	—	—	—	—	37	—	—
—	1	—	—	—	—	—	7	8	1
5	—	—	—	—	—	—	30	—	—
1	2	—	1	—	—	—	8	2	—
6	3	—	1	—	5	1	36	—	—
7	—	—	—	—	—	—	18	4	2
2	—	—	—	—	—	—	3	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
84	31	—	10	—	—	5	458	189	33
—	—	—	—	—	—	2	14	4	—
1	2	—	4	—	—	—	12	21	—
85	33	—	14	—	—	7	484	214	33
122	30	22	21	6	22	3	639	—	—
207	68	22	35	6	22	10	1123	214	33

№ 3. Распредѣленіе признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
С.-Петербургскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназ.	487	41	8,4	144	29,6	120	24,6	102	21,0	80	16,4
„ церковн. училищъ	69	12	17,4	21	30,4	20	29,0	11	15,9	5	7,3
„ частныхъ гимназій.	56	5	8,9	12	21,4	11	19,7	10	17,9	18	32,1
Посторон. лица.	23	—	—	—	—	4	17,4	4	17,4	15	65,2
Всего . .	635	58	9,1	177	27,9	155	24,4	127	20,0	118	18,6
Московскій.											
Ученики правит. гимназ.	657	32	4,9	173	26,3	181	27,6	137	20,8	134	20,4
„ церковн. училищъ	15	—	—	4	26,7	5	33,3	4	26,7	2	13,3
„ частныхъ гимназій.	36	1	2,8	4	11,2	11	30,5	9	25,0	11	30,5
Посторон. лица	21	—	—	1	4,8	4	19,0	1	4,8	15	71,4
Всего . .	729	33	4,5	182	25,0	201	27,6	151	20,7	162	22,2
Казанскій.											
Ученики правит. гимназ.	206	17	8,3	32	15,5	71	34,5	61	29,6	25	12,1
Посторон. лица.	20	—	—	1	5,0	1	5,0	4	20,0	14	70,0
Всего . .	226	17	7,5	33	14,6	72	31,9	65	28,8	39	17,2

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ. 17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Оренбургскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназ.	72	3	4,2	18	25,0	20	27,7	19	26,4	12	16,7
Посторон. лица.	6	—	—	1	16,7	—	—	1	16,7	4	66,6
Всего . .	78	3	3,9	19	24,4	20	25,6	20	25,6	16	20,5
Харьковскій.											
Ученики правит. гимназ.	383	21	5,5	85	22,2	114	29,8	92	24,0	71	18,5
Посторон. лица.	23	—	—	—	—	2	8,7	5	21,7	16	69,6
Всего . .	406	21	5,2	85	20,9	116	28,6	97	23,9	87	21,4
Одесскій.											
Ученики правит. гимназ.	398	19	4,8	101	25,4	111	27,9	89	22,4	78	19,5
Посторон. лица.	68	—	—	4	5,9	12	17,6	13	19,1	39	57,4
Всего . .	466	19	4,1	105	22,5	123	26,4	102	21,9	117	25,1
Кіевскій.											
Ученики правит. гимназ.	536	32	6,0	112	20,9	150	28,0	125	23,3	117	21,8
Посторон. лица.	50	1	2,0	5	10,0	2	4,0	8	16,0	34	68,0
Всего . .	586	33	5,6	117	20,0	152	25,9	133	22,7	151	25,8

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Виленскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназ.	221	9	4,1	43	19,5	71	32,1	48	21,7	50	22,6
Посторон. лица.	5	—	—	—	—	1	20,0	1	20,0	3	60,0
Всего . .	226	9	4,0	43	19,0	72	31,8	49	21,7	53	23,5
Варшавскій.											
Ученики правит. гимназ.	429	8	1,9	92	21,4	107	24,9	103	24,0	119	27,8
Посторон. лица.	20	—	—	—	—	—	—	1	5,0	19	95,0
Всего . .	449	8	1,8	92	20,5	107	23,8	104	23,2	138	30,7
Рижскій.											
Ученики правит. гимназ.	157	7	4,5	28	17,8	44	28,0	35	22,3	43	27,4
Посторон. лица.	7	1	14,3	—	—	—	—	—	—	6	85,7
Всего . .	164	8	4,9	28	17,1	44	26,8	35	21,3	49	29,9
Кавказскій.											
Ученики правит. гимназ.	281	13	4,6	43	15,3	59	21,0	78	27,8	88	31,3
Посторон. лица.	22	1	4,6	—	—	—	—	5	22,7	16	72,7
Всего . .	303	14	4,6	43	14,2	59	19,5	83	27,4	104	34,3
Западн. Сибирь.											
Ученики правит. гимназ.	35	5	14,3	5	14,3	13	37,1	5	14,3	7	20,0
Посторон. лица.	2	—	—	—	—	—	—	1	50,0	1	50,0
Всего. .	37	5	13,5	5	13,5	13	35,2	6	16,2	8	21,6

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ. 17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Восточ. Сибирь.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназ.	34	2	5,9	8	23,5	10	29,4	12	35,3	2	5,9
Посторон. лица.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	100,0
Всего . .	35	2	5,7	8	22,8	10	28,6	12	34,3	3	8,6
Туркест. край.											
Ученики правит. гимназ.	36	—	—	9	25,0	10	27,8	7	19,4	10	27,8
Посторон. лица.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	100,0
Всего . .	38	—	—	9	23,7	10	26,3	7	18,4	12	31,6
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназ.	3932	209	5,3	893	22,7	1081	27,5	913	23,2	836	21,3
" церковн. училищъ.	84	12	14,3	25	29,8	25	29,8	15	17,8	7	8,3
" частныхъ гимназій.	92	6	6,5	16	17,4	22	23,9	19	20,7	29	31,5
Посторон. лица.	270	3	1,2	12	4,4	26	9,6	44	16,3	185	68,5
Всего . .	4378	230	5,3	946	21,6	1154	26,1	991	22,6	1057	24,4

№ 4. Распредѣленіе признанныхъ зрѣлыми п

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающі				
	Богословскій.	Историко-филологичес.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Технологическіе инстит.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Лѣсной институтъ.	Землед. акад. и Сельско-хоз. ин
С.-Петербургскій.												
Изъ правительст. гимназій	—	41	120	109	98	17	385	32	35	22	4	4
„ церковныхъ училищъ .	2	6	13	11	10	2	44	8	8	4	1	—
„ частныхъ гимназій . .	1	2	13	20	5	4	45	5	1	1	—	—
Изъ всѣхъ 28 учебн. заведеній	3	49	146	140	113	23	474	45	44	27	5	4
Московскій.												
Изъ правительст. гимназій	1	55	212	159	165	7	599	32	17	8	5	7
„ церковнаго училища .	—	—	5	2	3	—	10	5	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій . .	—	2	10	14	8	—	34	—	2	—	—	—
Изъ всѣхъ 28 учебн. заведеній	1	57	227	175	176	7	643	37	19	8	5	7
Казанскій.												
Изъ 10 правительств. гимн.	1	9	59	57	61	5	192	12	3	4	5	4
Оренбургскій.												
Изъ 5 правительств. гимн.	—	5	15	15	27	—	62	4	2	2	3	3
Харьковскій.												
Изъ 17 правительств. гимн.	—	24	104	118	89	6	341	33	9	6	—	2
Одесскій.												
Изъ 21 правительств. гимн.	—	31	149	129	84	12	405	19	10	7	9	3

занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали.

...ъ высшія спеціальныя училища:												Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						Не дали свѣдѣній объ избран. спец.
												Въ гос. слу.		Частной дѣятельн.				
Инстит. гражданск. инженер.	Военныя училища.	Академію худож. и консерваторію.	Духовную академію.	Электро-технич. инстит.	Заграничныя учебныя зав.	Училище правовѣдѣн.	Александровскій лицей.	Константиновскій межевой инстит.	Ветеринарн. институты.	Морское инженерное училище.	Всего.	Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельскохозяйств.	Коммерческой.	Всего.	
4	7	4	2	5	—	1	1	—	—	—	121	—	4	—	—	—	4	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—	1	—	—	2	3	—
1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	1	—	—	—	1	—
6	7	6	2	5	—	1	1	—	—	—	153	—	6	—	—	2	8	—
—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	72	2	5	—	—	—	7	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	79	2	5	—	—	—	7	—
—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32	2	—	—	—	—	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	15	—	—	1	—	—	1	—
—	3	—	3	—	3	—	—	—	—	1	60	—	—	1	1	—	2	3
3	5	1	1	—	1	—	—	—	—	—	59	1	1	—	—	—	2	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе				
	Богослов-скій.	Историко-филологичес.	Физико-математическій.	Юридиче-скій.	Медицин-скій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Технологиче-скіе инстит.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Лѣсной институтъ.	Землед. акад. и Сельско-хоз. ин.
Кіевскій.												
Изъ 20 правительств. гимн.	—	58	161	156	103	3	481	48	11	20	—	—
Виленскій.												
Изъ 10 правительств. гимн.	—	5	79	55	39	—	178	25	3	3	3	1
Варшавскій.												
Изъ 21 правительств. гимн.	1	10	72	137	75	6	301	100	1	8	9	2
Рижскій.												
Изъ 10 правительств. гимн.	10	4	12	32	31	1	90	57	5	3	—	—
Кавказскій.												
Изъ 10 правительств. гимн.	—	24	81	64	65	8	242	21	12	12	1	1
Западно-Сибирскій.												
Изъ 3 правительств. гимн.	—	—	8	8	7	1	24	12	—	1	—	—
Восточная Сибирь.												
Изъ 2 правительств. гимн.	—	5	11	4	9	—	29	5	—	1	—	—
Туркестанскій край.												
Изъ 2 правительств. гимн.	—	1	8	13	6	—	28	4	2	1	—	—
Итого:												
Изъ всѣхъ (187) учебн. заведеній.	16	282	1.132	1.103	885	72	3.490	417	121	103	40	27
Процентное отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ.	0,87	6,44	25,86	25,20	20,22	1,65	79,72	9,52	2,76	2,35	0,91	0,62

...въ высшія специальныя училища:												Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						Не дали свѣдѣній объ избран. спец.
												Въ гос. слу.		Частной дѣятельн.				
Инстит. гражданск. инженер.	Военныя училища.	Академію художеств. и консерваторію.	Духовную академію.	Электро-технич. инстит.	Заграничныя учебныя зав.	Училище правовѣдѣн.	Александровскій лицей.	Константиновскій межевой инстит.	Ветеринарн. институты.	Морское инженерное училище.	Всего.	Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Всего.	
9	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	90	3	9	3	—	—	15	—
—	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	40	1	6	1	—	—	8	—
9	—	2	1	—	3	—	—	1	—	—	136	—	8	1	—	—	9	3
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	66	1	4	—	—	1	6	2
—	3	—	—	2	—	—	—	—	—	—	52	—	—	—	—	—	—	9
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	2	—	—	—	2	1
27	26	19	7	7	7	3	1	1	1	1	808	10	41	7	1	3	62	18
0,62	0,59	0,43	0,16	0,16	0,16	0,07	0,02	0,02	0,02	0,02	18,45	0,23	0,94	0,16	0,02	0,07	1,42	0,41

№ 5. Сводная вѣдомость о результатахъ

ГОДЪ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуріентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены отъ: По малоуспѣшности.	Устранены отъ: По другимъ причинамъ.
1895	Въ 168 правит. гимназіяхъ	3.789	104 (2,7%)	27
	„ 5 церковн. училищахъ	76	5 (6,6%)	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	64	1 (1,6%)	1
	Всего въ 178 учебныхъ заведеніяхъ.	3.929	110 (2,8%)	28
	Постороннія лица	268	—	—
	Итого	4.197	—	—
1896	Въ 167 правит. гимназіяхъ	3.727	70 (1,9%)	29
	„ 5 церковн. училищахъ	86	3 (3,5%)	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	61	3 (4,9%)	2
	Всего въ 177 учебныхъ заведеніяхъ.	3.874	76 (2%)	31
	Постороннія лица:	362	—	—
	Итого	4.236	—	—
1897	Въ 167 правит. гимназіяхъ	3.988	95 (2,4%)	32
	„ 5 церковн. училищахъ	79	1 (1,3%)	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ.	90	3 (3,3%)	—
	Всего въ 177 учебныхъ заведеніяхъ.	4.157	99 (2,4%)	33
	Постороннія лица.	384	—	—
	Итого	4.541	—	—

испытаній зрѣлости съ 1895 по 1900 годъ.

испытаній. Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены медалями.
131 (3,5%)	3.658 (96,5%)	134 (3,7%)	3.524 (96,3%)	376 (10,7%)
5 (6,6%)	71 (93,4%)	6 (8,4%)	65 (91,6%)	—
2 (3,1%)	62 (96,9%)	1 (1,6%)	61 (98,4%)	4 (6,5%)
138 (3,5%)	3.791 (96,5%)	141 (3,7%)	3.650 (96,3%)	380 (10,6%)
27 (10,1%)	241 (89,9%)	119 (49,4%)	122 (50,6%)	—
165 (3,9%)	4.032 (96,1%)	260 (6,4%)	3.772 (93,6%)	—
99 (2,7%)	3.628 (97,3%)	136 (3,7%)	3.492 (96,3%)	347 (9,9%)
3 (3,5%)	83 (96.5%)	5 (6%)	78 (94%)	10 (12,8%)
5 (8,2%)	56 (91,8%)	—	56 (100%)	3 (5,3%)
107 (2,8%)	3.767 (97,2%)	141 (3,7%)	3.626 (96,3%)	360 (9,9%)
33 (9,1%)	329 (90,9%)	152 (46,2%)	177 (53,8%)	—
140 (3,3%)	4.096 (96,7%)	293 (7,2%)	3.803 (92,8%)	—
127 (3,2%)	3.861 (96,8%)	130 (3,4%)	3.731 (96,6%)	387 (10,4%)
2 (2,5%)	77 (97,5%)	3 (3,9%)	74 (96,1%)	5 (6,7%)
3 (3,3%)	87 (96,7%)	2 (2,3%)	85 (97,7%)	4 (4,7%)
132 (3,2%)	4.025 (96,8%)	135 (3,4%)	3.890 (96,6%)	396 (10,2%)
43 (11,2%)	341 (88,8%)	175 (51,3%)	166 (48,7%)	—
175 (3,9%)	4.366 (96,1%)	310 (7,1%)	4.056 (92,9%)	—

ГОДЪ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуріентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены отъ	
			По малоуспѣшности.	По другимъ причинамъ.
1898	Въ 171 правит. гимназіяхъ	3.997	77 (1,9%)	21
	„ 5 церковн. училищахъ.	77	3 (3,9%)	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	100	4 (4%)	2
	Всего въ 181 учебномъ заведеніи.	4.174	84 (2%)	24
	Постороннія лица	483	—	—
	Итого	4.657	—	—
1899	Въ 175 правит. гимназіяхъ	4.004	103 (2,6%)	26
	„ 5 церковн. училищахъ	63	—	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	99	7 (7,1%)	—
	Всего въ 185 учебныхъ заведеніяхъ.	4.166	110 (2,6%)	26
	Постороннія лица.	547	—	—
	Итого	4.713	—	—
1900	Въ 177 правит. гимназіяхъ	4.154	78 (1,9%)	28
	„ 5 церковн. училищахъ.	88	—	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	113	12 (10,6%)	1
	Всего въ 187 учебныхъ заведеніяхъ.	4.355	90 (2,1%)	25
	Постороннія лица.	621	—	—
	Итого . . .	4.976	—	—

испытаній. Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены медалями.
98 (2,5%)	3.899 (97,5%)	113 (2,9%)	3.786 (97,1%)	408 (10,8%)
4 (5,2%)	73 (94,8%)	1 (1,4%)	72 (98,6%)	6 (8,3%)
6 (6%)	94 (94%)	6 (6,4%)	88 (93,6%)	7 (7,9%)
108 (2,6%)	4.066 (27,4%)	120 (3%)	3.946 (97%)	421 (10,7%)
50 (10,3%)	433 (89,7%)	217 (50,1%)	216 (49,9%)	—
158 (3,4%)	4.499 (96,6%)	337 (7,5%)	4.162 (92,5%)	—
129 (3,2%)	3.875 (96,8%)	87 (2,2%)	3.788 (97,8%)	470 (12,4%)
—	63 (100%)	4 (6,3%)	59 (93,7%)	4 (6,8%)
7 (7,1%)	92 (92,9%)	3 (3,3%)	89 (96,7%)	7 (7,8%)
136 (3,3%)	4.030 (96,7%)	94 (2,3%)	3.936 (97,7%)	481 (12,2%)
54 (9,9%)	493 (90,1%)	264 (53,5%)	229 (46,5%)	—
190 (4%)	4.523 (96%)	358 (7,9%)	4.165 (92,1%)	—
101 (2,4%)	4.053 (97,6%)	121 (3,0%)	3.932 (97,0%)	477 (12,1%)
1 (1,1%)	87 (98,9%)	3 (3,5%)	84 (96,5%)	10 (11,9%)
13 (11,5%)	100 (88,5%)	8 (8,0%)	92 (92,0%)	4 (4,3%)
115 (2,6%)	4.240 (97,4%)	132 (3,1%)	4.108 (96,9%)	491 (11,9%)
87 (14,0%)	534 (86,0%)	264 (49,4%)	270 (50,6%)	—
202 (4,1%)	4.774 (95,9%)	396 (8,3%)	4.378 (91,7%)	—

ВЫСТАВКА ЭКСПОНАТОВЪ ФРАНЦУЗСКАГО И АМЕРИКАНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ОТДѢЛОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ 1900 ГОДУ.

Во Владимирскомъ городскомъ училищѣ (Владимирскій пр., д. № 21) на Рождественскихъ каникулахъ будутъ выставлены экспонаты изъ педагогическихъ отдѣловъ Франціи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, представленные на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1900 году. Экспонаты эти рисуютъ вполнѣ своеобразную постановку начальнаго и средняго образованія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи.

Экспонаты представляютъ изъ себя: ученическія работы, издѣлія по ручному труду, рукодѣлія, очень богатую коллекцію рисунковъ, фотографій изъ школьной жизни и различныя изданія. Особый интересъ представляетъ американская система рисованія съ натуры и пользованіе рисунками для иллюстрацій всякаго рода домашнихъ и классныхъ письменныхъ работъ, отличающихся вполнѣ самобытнымъ характеромъ. Пріемы рисованія въ американскихъ школахъ и удивительные результаты, достигаемые въ нихъ вызвали удивленіе международнаго жюри на выставкѣ и породили уже въ Западной Европѣ цѣлую литературу.

Очень интересна также французская система ручного труда по системѣ Жюлли, которая является новымъ словомъ въ дѣлѣ преподаванія, какъ самаго ручного труда, такъ и геометріи, черченія и рисованія.

Во время выставки въ извѣстные дни, которые будутъ въ свое время опредѣлены, въ 2 ч. дня предполагается дѣлать систематическія объясненія различныхъ экспонатовъ. Г-жа Е. Н. Янжулъ

дастъ объясненія по общей организаціи американской школы и по постановкѣ въ нихъ рисованія; инспекторъ промышленныхъ училищъ Б. П. Овсянниковъ — о новыхъ теченіяхъ въ ручномъ трудѣ; членъ ученаго комитета Е. П. Ковалевскій—о низшихъ французскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и А. Г. Готлибъ—о французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и др. Общее наблюденіе за устройствомъ выставки поручено преподавателю Владимирскаго городского училища В. А. Александрову. Кромѣ того при помощи живой фотографіи будутъ демонстрированы сцены изъ французской школьной жизни, преимущественно по отдѣламъ физическаго воспитанія (гимнастика и дѣтскія игры), школьной дисциплины (выходъ 600 дѣтей изъ школы по данному сигналу, извѣщающему о пожарѣ) и др.

Входъ на выставку будетъ безплатный.

О ДОЛЯХЪ ОВОЛА.

Оволъ и его доли представляются такими незначительными величинами, что нерѣдко не останавливаютъ на себѣ надлежащаго вниманія, а отсюда происходятъ ошибки вычисленій. Въ этомъ, вѣроятно, виноваты отчасти руководства и словари. *Ниссенъ* (Griech. u. röm. Metrologie въ Iw. Müller I² 847 и 869) отмѣчаетъ, что „обыкновенно" оволъ, какъ въ Аѳинахъ, дѣлился на 8 халковъ, и такому разсчету обыкновенно слѣдуютъ изслѣдователи. Старый *Pauly* въ свое время еще отчетливѣе указывалъ, что не вездѣ было такъ, какъ въ Аѳинахъ, а въ новомъ *Pauly-Wissowa* (III 2098 сл.) *Кубичекъ* ограничивается указаніемъ на аѳинское подраздѣленіе, прибавляя лишь, что у Фотія (ὀβολός) и Свиды (τάλαντον) упоминается еще сомнительное дѣленіе овола на 6 халковъ. А на дѣлѣ для документовъ каждой мѣстности, относительно которой вопросъ не рѣшенъ, необходимо предполагать *по крайней мѣрѣ* еще одну возможность, именно *распаденіе овола на двѣнадцать халковъ*.

Б. Кейль, которому мы въ послѣднее десятилѣтіе обязаны рядомъ обстоятельнѣйшихъ изслѣдованій относительно греческихъ счетныхъ надписей и числовыхъ знаковъ, совершенно справедливо говоритъ въ Hermes XXV (1890) 610: „На сколько халковъ распадался оволъ въ Оропѣ, я не могу сказать. Не обязательно, чтобы онъ содержалъ 8 халковъ, какъ въ Аѳинахъ. Въ Орхоменѣ (віотійскомъ) оволъ дробился на 12 халковъ, какъ видно изъ чиселъ въ BCH. IV 89 = *Collitz* I 502 (= CIGS. I 3193 = *Michel* 590), особенно изъ ὀκτὼ (δραχμάς) πέτταρας ὀβολώς, ἕνδεκα χαλκώς. Также было, какъ извѣстно, на Дилосѣ и въ другихъ мѣстахъ". О Дилосѣ ср. *Reinach* Epigr. grecque 217₃. Позднѣе, въ Athen. Mittheil. XX (1895) 64, тотъ же Кейль

выводитъ для Эпидавра заключеніе, что „оволъ дѣлился тамъ не на 8 и не на 10 халковъ, а на большее число, можетъ быть, на 12, какъ, напримѣръ, въ Орхоменѣ или на Дилосѣ, или даже на еще большее число, подобно тому какъ въ Аргосѣ, по *Imhoof-Blumer'y* (Griech Münzen стр. 9 = Abhandl. der bayerisch. Akademie XVIII, III стр. 533), на оволъ приходится по крайней мѣрѣ 16 халковъ".

Для интересующихся метрологіей и нумизматикой съ своей стороны укажу на двѣ мѣстности, въ которыхъ оволъ, повидимому, состоялъ изъ *двѣнадцати* халковъ.

Это, какъ я докладывалъ въ „Учено-литературномъ обществѣ при Юрьевскомъ университетѣ" 4-го марта 1900 г., можно положительно доказать для *Халкидона* на основаніи надписи, изданной сначала *В. В. Латышевымъ* (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, іюнь), потомъ *Бехтелемъ* (у *Collitz'a* III A, № 3052a, стр. 57), наконецъ *Мишелемъ* (Recueil 733) и *Диттенбергеромъ* (Syll.[2] 596) [1]). Доказательства вкратцѣ изложены мною теперь въ „Изслѣдованіяхъ въ области греческихъ надписей" (стр. XVII сл.). Здѣсь отмѣчу лишь, что именно признаніе 12-халковаго овола для Халкидона я считаю ключемъ къ правильному истолкованію и возстановленію всѣхъ числовыхъ данныхъ надписи и установленію точнаго соотвѣтствія между жреческими долями, которыя указываетъ декретъ о продажѣ жречества, и тѣми долями, которыя названы въ припискѣ къ декрету о состоявшейся куплѣ этого жречества.

Не съ такой же увѣренностью я могу доказать 12-халковый оволъ для *Аркесины* (на Аморгосѣ). Изъ BCH. VIII 26 = Recueil des inscr. juridiques gr., I série, стр. 322, мы между прочимъ узнаемъ, что однажды нѣсколько астипалейцевъ дали городу Аркесинѣ значительную сумму денегъ въ краткосрочную ссуду ἐπὶ τόκωι τὴν μνᾶν ἑκάστην ἑκάστου μηνὸς τεττάρων ὀβολῶν [καὶ] δύο χαλκῶν. *Ваксмутъ* въ 1885 г. (Rhein. Mus. XL 297) перелагаетъ этотъ мѣсячный τόκος въ $4^1/_4$ овола, т.-е., не долго думая выдаетъ халкъ за $^1/_8$ овола. Въ 1886 году *Санто* (Wiener Studien VIII 33), слѣдуя, очевидно, тому же дѣленію овола, ошибочно выражаетъ этотъ процентъ въ видѣ современныхъ $8^1/_2$% въ годъ. Филологи, повидимому, не долюбливаютъ ариѳметики, и въ 1888 г. самъ Санто повторяетъ свою ошибку (Arch.-epigr. Mittheil. aus Oest. XII стр. 76), въ 1892 г. та же ошибка—$8^1/_2$% — трижды

[1]) Изданіе Мишеля непригодно для повѣрки моей реконструкціи надписи, такъ какъ въ немъ халкидонское обозначеніе чиселъ замѣнено аттическимъ.

повторяется у издателей Recueil'я (стр. 329, 332, 340), а въ 1899—1900 гг. и у *Диттенбергера* (Sylloge² къ № 517 прим. 8), хотя послѣдній печаталъ уже послѣ Биллетера. *Биллетеръ* (Gesch. des Zinfusses in dem griech.-röm. Altert., 1898, стр. 62) уже отмѣтилъ ошибку Recueil'я (хотя ариѳметическое πρῶτον ψεῦδος, очевидно, принадлежало уже Санто) и правильно высчиталъ $8^1/_2$%, несомнѣнно считая по 8-халковому оволу и 100-драхмовой минѣ: 4 ов. + 2 халка = 34 халка въ мѣсяцъ на 100 драхмъ, въ годъ 408 халковъ = $8^1/_2$ драхмъ. Рѣшительно отрицать разсчетъ Биллетера я не рѣшаюсь. Смущаетъ нормировка τοῦ τόκου: и въ видѣ 4 оволовъ + 2 халковъ, и въ видѣ $4^1/_4$ оволовъ, и въ видѣ 34 халковъ не видно ни желательной округленности, ни простого отношенія къ минѣ или 100 драхмамъ. Но такой неокругленный процентъ могъ явиться въ результатѣ торга, т.-е., просьбъ со стороны Аркесины и постепенныхъ уступокъ со стороны заимодавцевъ. Тѣмъ не менѣе рядомъ съ этой возможностью есть пока не предусмотрѣнная другая, имѣющая, кажется, большее право на существованіе. При 12-халковомъ оволѣ мѣсячный τόκος, т.-е., $4 \times 12 + 2$, равняется 50 халкамъ на 100 драхмъ: здѣсь есть и округленность процента и простое отношеніе его къ минѣ. Въ виду этого для меня болѣе вѣроятно, что халкъ въ Аркесинѣ былъ $\frac{1}{12}$ овола. Указанный въ надписи процентъ при такомъ счетѣ равняется современному годовому $8^1/_3$% (въ годъ на 100 драхмъ $50 \times 12 = 600$ халковъ = 50 оволовъ = $8^1/_3$ драхмъ).

„Денежка счетъ любитъ". Если мы станемъ относиться съ пренебреженіемъ къ такимъ въ сущности крошечнымъ величинамъ, какъ халки и т. п., о которыхъ говорятъ документы, то можемъ загородить себѣ дорогу къ пониманію документовъ или, что еще опаснѣе, пойти по неправильной дорогѣ, которая приведетъ, разумѣется, къ ложнымъ выводамъ. А въ дѣйствительности такое пренебреженіе, встрѣчается, можетъ быть, чаще, чѣмъ мы предполагаемъ.

А. Никитскій.

СВАДЬБА ПЕЛЕЯ И ѲЕТИДЫ.

Поэма Катулла.

(Посвящается памяти А. А. Фета).

Нѣкогда сосны, Пелейской вершиной рожденныя, плыли,
Древность вѣщаетъ намъ, по волнамъ зыбучимъ Нептуна
Вплоть до Фазида струй и границъ Ээтейскихъ далекихъ,
Въ годъ, какъ отборные юноши, цвѣтъ молодежи Аргивской,
Твердо рѣшась изъ Колхиды похитить руно золотое,
Быстрой дерзнули кормой по соленой пучинѣ помчаться,
Взмахами веселъ еловыхъ лазурныя бездны волнуя.
Замки высокіе градовъ хранящая властно, богиня,
Въ легкомъ дыханьи летучее судно сама снарядила
Имъ, сочетая сосновый остовъ съ выгнутымъ килемъ:
Ширь Амфитриты онъ дѣвственной первый полетомъ разрѣзалъ.
Только что носъ корабля раздѣлилъ бурливую бездну,
Пѣною волны едва забѣлѣли подъ взмахами веселъ,
Лица приподняли вмигъ надъ бѣлѣющей моря пучиной,
Диву нежданному робко дивясь, Нереиды морскія.
День благодатный, когда увидали смертныя очи,
Какъ обнаженное тѣло изъ бездны сѣдой выставляли
Нимфы морскія, вставая безпечно по бѣлыя груди!
Тутъ, говорятъ, и Пелей воспылалъ любовью къ Ѳетидѣ,
Тутъ и Ѳетида людского Гимена утѣхъ не отвергла,
Тутъ самъ Отецъ порѣшилъ сочетать Пелея съ Ѳетидой.
О вы, рожденные въ вѣкъ благодатный и дивный, герои!
Вамъ привѣтъ мой, чада боговъ, матерей благородныхъ

Отрасль, привѣтъ мой вамъ: вы его благосклонно примите;
Часто къ вамъ пѣсней моей, къ вамъ пѣсней моей воззову я.
Славься и ты, безпримѣрно счастливымъ факеломъ брачнымъ
Встрѣченный, славься, Пелей, оплотъ Ѳессаліи: вѣчныхъ
Самъ повелитель боговъ для тебя поступился любовью.
Ты ли въ объятьяхъ не млѣлъ Нереиды прекрасной, Ѳетиды?
Внучку свою не Теѳида-ль тебѣ довѣрила въ жены
И Океанъ, весь міръ объемлющій темной пучиной?
Только что срокъ миновалъ и желанные дни наступили,
Сходятся, сходятся въ домъ: Ѳессалія цѣлая въ сборѣ.
Царскій дворецъ наполняетъ, шумя и ликуя, собранье.
Всѣ приносятъ дары, изъявляя веселье на лицахъ.
Весь опустѣлъ Кіеронъ, Фтіотійскія пусты равнины,
Пусты Краннона дома и безлюдны стѣны Лариссы:
Все къ Фарсалу стремится, течетъ подъ Фарсальскую кровлю.
Поля не пашетъ никто, у воловъ размягчаются выи,
Грабли кривыя не чистятъ нигдѣ виноградникъ ползучій,
Тѣни деревьевъ нигдѣ садовника серпъ не умалитъ,
Плугомъ понуристый волъ не ворочаетъ на полѣ глыбы,
Тусклая ржавчина густо садится на плугахъ забытыхъ.
Сами-жъ палаты, насколько ихъ кровомъ обширнымъ объемлетъ
Царскій чертогъ, серебромъ сверкаютъ и золотомъ краснымъ.
Троны изъ кости слоновой, столы бокалами блещутъ.
Въ царскихъ сокровищахъ пышно блистая, чертоги ликуютъ.
Брачное ложе богини дворца стоитъ по срединѣ,
Зубомъ индійскимъ лощеное, алымъ покровомъ одѣто.
Алый окрашенъ покровъ пурпурныхъ раковинъ сокомъ.
Ткань, картинами древнихъ вѣковъ изобильно пестрѣя,
Съ дивнымъ искусствомъ о доблестяхъ дивныхъ героевъ вѣщаетъ.
Ибо на ней Аріадна, съ прибоемъ гремящаго брега
Діи, на быстрыхъ судахъ Тезея бѣгущаго видитъ.
Страсти безумныя въ сердцѣ кипящемъ гнѣвно питая,
Вѣрить боится себѣ, что видитъ она то, что̀ видитъ:
Только что сонъ отряхнувъ отъ очей коварный и лживый,
Видитъ бѣдняжка себя на пустынномъ пескѣ позабытой,—
Онъ же, невѣрный, бѣжитъ и волны веслами гонитъ,
Лживые бросивъ обѣты въ жертву бушующей бурѣ!
Скорбными смотритъ очами, раздвинувъ камышъ, Миноида
Издали вслѣдъ бѣглецу, какъ вакханки мраморный образъ,

Смотритъ, увы, и великихъ заботъ предается волненьямъ.
Нѣтъ на ея золотой головкѣ прекрасной повязки,
Нѣжная грудь не закрыта летучею тканью одежды,
Поясъ красивый не держитъ округло полныя груди,—
Всѣми покровами, съ тѣла у ней соскользнувшими тайно,
Тѣшась, играютъ у ногъ бѣдняжки соленыя воды.
Что ей повязка и что ей летучія ткани одежды?
Всѣмъ она сердцемъ летитъ за тобою, Тезей, всей душою,
Всей беззавѣтною думой къ тебѣ одному прилѣпляясь.
Бѣдная, что за смятеньемъ жестокимъ тебя истерзала,
Сѣя тревоги терновыя въ нѣжной груди, Эрицина
Въ горькія тѣ мгновенья, когда Тезей безпощадный,
Выйдя въ открытое море извилистой бухтой Пирея,
Прибылъ подъ кровъ Гортинскій царя-нечестивца Миноса!
Ибо, судя по разсказамъ, чумою жестокой подвигнутъ,
Нѣкогда, смерть Андрогея ужасной цѣной искупая,
Избранныхъ юношей долженъ былъ и дѣвъ благородныхъ
Кекропса городъ на пищу обычно сдавать Минотавру.
Вотъ, какъ подобной бѣдой удрученъ былъ измученный городъ,
Юный Тезей предпочелъ за Аѳины милыя тѣло
Въ жертву отдать, чѣмъ терпѣть, чтобы поѣздъ такой погребальный
Трупы живые въ Критъ изъ Аѳинъ хоронить отправлялся.
Легкій направивъ корабль на крыльяхъ попутнаго вѣтра,
Прибылъ къ Миноса надменнаго онъ горделивымъ чертогамъ.
Только царевна его увидала взоромъ пытливымъ,
Та, что̀ лелѣяло прежде, дыша благовоніемъ сладкимъ,
Дѣвственно-чистое ложе въ объятіяхъ матери нѣжной,
Словно изъ водъ Еврота растущія нѣжныя мирты
Или дыханье весны, выводящее пестрыя краски,—
Взоры не прежде съ него пылавшіе дѣва свела, чѣмъ
Пламень жгучій всѣмъ тѣломъ юнымъ она воспріяла,
Прежде, чѣмъ все ея сердце до всей глубины разгорѣлось.
О ты, на горе внушающій страсти сердцемъ жестокимъ,
Мальчикъ-богъ, вливающій сладость въ людскія тревоги,
Ты, о владычица Голгъ, Идалія рощей зеленыхъ,
Что за волненьемъ исполнили душу вы пылкую дѣвы,
Часто вдыхавшей отнынѣ, о русомъ пришельцѣ мечтая!
Сколько пугливыхъ заботъ ей печальное сердце томило!

Блѣднаго золота часто блѣднѣе бѣдняжка бывала,
Если, съ чудовищемъ грознымъ желая вступить въ состязанье,
Смерти Тезей домогался иль славы гремящей награды.
Только не тщетно дары, не напрасно богамъ обѣщая,
Дѣва втайнѣ устами нѣмыми давала обѣты:
Словно какъ дубъ, на вершинѣ Тавра качающій вѣтви,
Или съ корою потливой сосну въ безчисленныхъ шишкахъ
Вихрь необузданный, вѣяньемъ бурнымъ вращая, свергаетъ,—
Вырванный съ корнемъ, далеко рухнувъ, гигантъ упадаетъ,
Все, что̀ въ паденьи ни встрѣтитъ широко кругомъ, сокрушая,—
Такъ, обуздавъ, распростеръ Тезей чудовища тѣло,
Дергаясь, тщетно рогами бодавшаго вѣтеръ летучій.
Цѣлъ, повернулъ онъ оттуда стопы съ великою славой,
Тонкою ниткою сбивчивый слѣдъ направляя, чтобъ послѣ,
Въ часъ, какъ обратно пойдутъ лабиринта извивами, не былъ
Сдѣланъ напраснымъ исканія трудъ незамѣтной ошибкой.
Впрочемъ, зачѣмъ, удаляясь отъ пѣсни начала, я стану
Дальше разсказывать, какъ отъ отцовскаго взора бѣжала,
Какъ изъ объятій сестры бѣдняжка и матери са́мой,
Столько погибшую дочь несчастнымъ сердцемъ любившей,
Все на жертву любви отдавая сладкой Тезея,
Какъ сошла съ корабля, привезенная къ пѣнному Діи
Брегу, и какъ ее тамъ, во снѣ смежившую очи,
Сердцемъ невѣрный супругъ покинулъ, вдаль убѣгая?
Часто потомъ, говорятъ, неистовымъ сердцемъ пылая,
Громкіе вопли она изъ глуби грудей изливала,
Послѣ на скалы крутыя въ горькой печали всходила,
Въ моря просторъ необъятный зоркія очи вперяя,
То вбѣгала въ соленые всплески морского прибоя,
Мягкій покровъ подобравъ, обнаживъ бѣлоснѣжныя ноги,
Въ жалобахъ горькихъ потомъ, въ жестокой тоскѣ восклицала,
Влажный ликъ искажая въ слезахъ безнадежнымъ рыданьемъ:
— „Такъ то, увезши меня съ береговъ родимыхъ, коварный,
Бросилъ коварно меня ты, Тезей, на взморьи пустынномъ?
Такъ то, невѣрный, бѣжишь, безсмертныхъ боговъ забывая?
Такъ то нарушенныхъ клятвъ уносишь домой преступленье?
Думы жестокой ужель ничто не смягчило рѣшенья?
Какъ же немедля въ тебѣ состраданье не подняло голосъ,
Сердцу жестокому жалость ко мнѣ, беззащитной, внушая?

Лживый, не тѣ мнѣ когда то, увы, ты давалъ обѣщанья,
Нѣтъ, не такія надежды во мнѣ пробуждалъ ты, несчастной:
Радостный бракъ ты сулилъ, желаннымъ плѣнялъ Гименеемъ...
Все развѣютъ теперь по воздуху тщетные вѣтры!
Нѣтъ, ни одна да не вѣритъ женщина клятвамъ мущины:
Бросьте надежду на вѣрность лукавыхъ мужскихъ обѣщаній!
Въ часъ, какъ ведетъ къ достиженью чего ихъ мощнымъ желаньемъ,
Клясться не страшно ни въ чемъ, никакихъ обѣщаній не жаль имъ;
Только, едва утолятъ они замысловъ алчныхъ желанье,
Словъ ужъ не помнятъ своихъ, беззаботно слова нарушаютъ.
Кто, какъ не я, тебя вырвалъ, когда ты въ пучинѣ кружился
Смерти, кто брата родного скорѣе рѣшился утратить,
Чѣмъ въ послѣдній часъ одного тебя бросить, коварный?
Вотъ я за что̀ на терзанье звѣрямъ достанусь и птицамъ,
Холмъ земли надо мной и по смерти за что̀ не насыплютъ!
Львица какая тебя родила подъ пустынной скалою,
Море какое, зачавъ, изъ волнъ опѣненныхъ извергло,—
Сиртскій бурунъ, иль хищная Сцилла, иль бездна Харибды,—
Жизни за сладостный даръ платящій такою цѣною?
Если отъ брака со мной ты втайнѣ душой отвращался,
Строгую волю нарушить старца-отца опасаясь,
Все же бы ты увезти меня могъ подъ родимую кровлю,
Гдѣ бы рабою тебѣ я служила работой веселой,
Бѣлыя ноги твои умывая водою прозрачной,
На ночь ложе твое постилая пурпурнымъ покровомъ!
Что же напрасно, увы, я жалуюсь вѣтрамъ бездумнымъ,
Ужасомъ горя томясь? Никакихъ они чувствъ не имѣя,
Гласу моленій печальныхъ ни внять, ни отвѣтить не могутъ;
Онъ же — почти у средины далекой волнъ безотрадныхъ;
Смертный никто въ камышахъ не мелькнетъ на взморьи пустынномъ...
Такъ то въ послѣдній часъ, безмѣрно-свирѣпо терзая,
Слуха жалобамъ даже моимъ судьба не послала!
О всемогущій Юпитеръ, о, еслибъ во вѣки вѣковъ до
Гносскихъ бреговъ не касалась корма кораблей Кекропійскихъ!
Еслибъ съ ужасною данью быку свирѣпому Крита
Къ берегу онъ, коварный, канатъ корабельный не чалилъ!

Если бы онъ, злосердечный, жестокіе замыслы кроя
Тѣломъ прекраснымъ, гостемъ не спалъ подъ нашею кровлей!
Нынѣ жъ — куда мнѣ бѣжать? За какую надежду схватиться?
Къ Иды ль горамъ идти? Но не ихъ ли широкою бездной
Моря угрюмая даль далеко отъ меня отдѣлила?
Помощи ждать ли отца? Не сама ль отъ него я бѣжала
Слѣдомъ за юношей, кровью запятнаннымъ падшаго брата?
Вѣрнаго ль я супруга утѣшусь любовью? Но кто же,
Медленно весла сгибая въ волнахъ, отъ меня убѣгаетъ?
Здѣсь же ни кровли, увы, на пустынномъ острова брегѣ,
Выхода нѣтъ изъ пояса волнъ бездоннаго моря,
Нѣтъ на бѣгство надежды, нѣтъ способа къ бѣгству, все нѣмо,
Все пустынно кругомъ, и смерть отовсюду взираетъ.
Нѣтъ, но не прежде мнѣ смерть жестокая очи погаситъ,
Чувства не прежде мое истомленное тѣло оставятъ,
Чѣмъ у боговъ испрошу предателю должную кару,
Въ часъ послѣдній къ богамъ о небесной правдѣ взывая.
Вы, Евмениды, людскія дѣянья казнящія карой
Праведной, вы, чье чело кудрявится грозно змѣями,
Гнѣвъ возвѣщая заранѣ, въ груди бушующій вашей, —
Мчитесь, мчитесь ко мнѣ, моихъ жалобъ внемлите вы гласу,
Тѣхъ, что̀, увы, я подъемлю, несчастная, въ крайнемъ томленьи,
Бѣдная, гнѣвомъ горя, ослѣпленная страстью безумной!
Жалобы эти правдиво изъ глуби сердца стремятся:
Тщетно не дайте же вы моимъ изливаться рыданьямъ, —
Нѣтъ, но какъ Тезей покинулъ меня одинокой,
Пусть онъ также себя и своихъ погубитъ, богини!"
Только моленья свои изъ груди излила она мрачной,
Казни тревожно прося у боговъ жестокимъ дѣяньямъ,
Знаменьемъ ей повелитель боговъ кивнулъ непреложнымъ.
Дрогнула въ томъ помаваньи земля и грозное море,
Сводъ содрогнулся небесъ, потрясая сверкавшія звѣзды.
Самъ же Тезей между тѣмъ, ослѣпленія мракомъ обвѣянъ,
Память утратилъ, совсѣмъ упустивъ изъ забывчивой груди
Всѣ наставленья, что̀ прежде въ умѣ неослабно держалъ онъ,
Знакъ отрадный поднять отцу печальному должный,
Знакъ, что портъ Эрехѳейскій живъ и здравъ онъ завидѣлъ.
Ибо, когда, говорятъ, цѣломудренной стѣны богини

Сына бросавшаго вѣтрамъ ввѣрялъ Эгей престарѣлый,
Юношѣ онъ, обнимая, такія давалъ наставленья:
„Сынъ ты единый мой, мнѣ долгой жизни милѣйшій,
Ты, возвращенный недавно къ концу мнѣ старости дряхлой,
Ты, кого отпустить я въ безвѣстность случая долженъ!
Такъ какъ доля моя и твоя горячая доблесть
Вновь отъ меня отнимаютъ насильно тебя, хоть усталый
Взоръ не успѣлъ еще всласть насытиться обликомъ сына:
Сердцемъ не радостнымъ я, не въ весельи тебя отпущу я,
Признаки доли удачной тебѣ я носить не позволю;
Нѣтъ, изъ души испущу сначала не мало я жалобъ,
Прахомъ сыпучимъ земли свои очерняя сѣдины,
Послѣ же темный повѣшу на мачтѣ скитальческой парусъ:
Скорбно пылающимъ думамъ моимъ и тщетнымъ рыданьямъ
Ткань, зачерненная ржавчиной темной Иберской, отвѣтитъ.
Если жъ дозволитъ тебѣ царица святого Итона,
Родъ нашъ и домъ Эрехѳея хранящая вѣрной защитой,
Черную кровь пролить чудовища грозной десницей,
Крѣпко ты въ мысляхъ держи, береги незабывчивымъ сердцемъ
Это мое наставленье, — да время его не изгладитъ!
Только что наши холмы твои зоркія очи завидятъ,
Тотчасъ всѣ реи пускай покровы печальные спустятъ,
Бѣлые вмигъ паруса канаты натянутъ витые,
Съ перваго взгляда чтобъ я угадалъ отрадную радость, —
Что возвращаешься ты сохраненнымъ счастливой судьбою".
Эти сперва наставленья державшій въ умѣ неослабно,
Вдругъ Тезей позабылъ: какъ тучи подъ вѣтра дыханьемъ
Съ горъ бѣлоснѣжной вершины, они умчалися въ воздухъ.
Только отецъ, ожидая, кремля съ вершины глядѣвшій,
Очи тревожныя горько томя въ слезахъ непрестанныхъ,
Черныя взвидѣлъ межъ тѣмъ полотнища паруса, въ горѣ
Скалъ съ вершины высокой стремглавъ низринулся старецъ,
Мысля, что отнятъ Тезей у него судьбою жестокой.
Такъ, вступивши подъ кровъ, унылый отъ смерти отцовской,
Самъ жестокій Тезей, какія сердцемъ невѣрнымъ
Слезы внушилъ Миноидѣ, такія же горестно пролилъ, —
Той, что, глядя съ тоскою вослѣдъ уходящему судну,
Много тревогъ уязвленной душой мятежно питала.
Къ ней же съ другой стороны Іакхъ цвѣтущій стремился,—

Велъ хороводъ онъ Сатировъ и Низой рожденныхъ Силеновъ,—
Мчался къ тебѣ, Аріадна, любовью къ тебѣ воспаленный,
. . . . [1])
Въ запуски яро онѣ опьяненной душой бушевали.
Мчался ихъ рой, эвоэ! эвоэ! головами качая.
Тирсами тѣ изъ нихъ съ увитымъ концомъ потрясали,
Тѣ на клочья терзали быка и мясомъ бросались,
Тѣ, изъ змѣй свивая жгуты, надѣвали на поясъ,
Тѣ потаенныя оргіи въ полыхъ ковчегахъ справляли, —
Оргіи тѣ, что̀ напрасно желали бы слышать профаны, —
Тѣ, подымая высоко длани, въ тимпанъ ударяли,
Тѣ извлекали яростный вой изъ мѣди округлой,
Многія жъ дико гремящимъ стономъ рога наполняли;
Страшнымъ напѣвомъ визжала межъ тѣмъ фригійская дудка.
Пышно такими картинами дивно украшенный пологъ
Всю, охвативши, постелю своимъ покрывалъ одѣяньемъ.
Послѣ того, какъ насытила взоръ Ѳессалійская юность
Этимъ, святымъ богамъ начала уступать она мѣсто.
Тутъ, какъ дыханіемъ утреннимъ, тихое море пугая,
Волны въ немъ косыя Зефиръ возбуждаетъ въ то время,
Какъ Аврора встаетъ у порога ходячаго Солнца—
Тихо вначалѣ онѣ, дыханьемъ нѣжнымъ гонимы,
Движутся, всплесками тихими смѣха слегка отзываясь,
Послѣ жъ подъ крѣпнущимъ вѣтромъ все болѣ крѣпчаютъ, сильнѣютъ,
Блескомъ пурпурной зари сверкаютъ вдали, колыхаясь, —
Такъ, покидая теперь преддверіе царскаго крова,
Порознь каждый къ себѣ проворной стопой расходились.
Послѣ ухода ихъ первымъ изъ всѣхъ съ вершинъ Пеліона
Прибылъ Хиронъ, принося дары лѣсные съ собою:
Все, что̀ приносятъ поля, что̀ брегъ Ѳессалійскій рождаетъ
Высями горными, всѣ цвѣты, что̀ выводитъ у края
Струй рѣчныхъ Фавонія теплаго вздохъ плодотворный,
Самъ онъ принесъ, перевивъ безъ разбору вмѣстѣ вѣнками,
Такъ что весь домъ, надушонъ, благовоньемъ живымъ разсмѣялся.

---

[1]) Здѣсь ученые предполагаютъ утрату нѣсколькихъ строкъ въ первоначальной рукописи, ибо дальше рѣчь идетъ уже о вакханкахъ.

Слѣдомъ прибылъ Пеней, въ цвѣтущей зелени Темпе,
Сверху лѣсами нависшими пышно вѣнчанную Темпе,
Нимфамъ оставивъ,—водить веселые въ ней хороводы.
Прибылъ Пеней не порожнимъ: съ корнями высокіе буки
Онъ приволокъ, со стволами прямыми высокіе лавры,
Съ ними платановъ кивающихъ взялъ и сестеръ Фаэтона
Гибкихъ сгорѣвшаго, взялъ кипарисовъ воздушныхъ и стройныхъ:
Ихъ онъ широко рядами вокругъ чертоговъ разставилъ,
Чтобъ осѣненное нѣжно листвой зеленѣло преддверье.
Слѣдомъ за нимъ Прометей съ измыслительнымъ сердцемъ явился,
Древней казни слѣды зажившіе блѣдно являя,
Казни, что̀ нѣкогда несъ онъ, по членамъ окованный цѣпью,
Къ Скиѳскимъ прикованъ вершинамъ, надъ бездной вися и качаясь.
Послѣ родитель боговъ съ дѣтьми и святою супругой
Прибылъ съ небесъ, на нихъ, о Фебъ, лишь тебя оставляя
Вмѣстѣ съ сестрой-близнецомъ, вершины хранящею Идра,
Ибо сестра какъ и ты равно презирала Пелея,
Факеловъ брачныхъ почтить Ѳетиды за то не желая.
Чуть бѣлоснѣжные члены они на сидѣньяхъ согнули,
Поданы были столы широкіе съ кушаньемъ разнымъ.
Дряхлое тѣло межъ тѣмъ сотрясая невѣрнымъ движеньемъ,
Подняли Парки свои гласящіе правду напѣвы.
Тѣло дрожащее имъ охвативъ отовсюду, одежда
Бѣлая краемъ пурпурнымъ до самыхъ ступней упадала,
Дряхлое темя старухъ бѣлоснѣжно вѣнчали повязки,
Руки же мѣрно и складно вели свой трудъ вѣковѣчный.
Лѣвая прялку держала, увитую мягкою шерстью,
Правая жъ—то, ихъ слегка поднявъ, выводила перстами
Нить, отводя, то, пальцемъ наклоннымъ большимъ закруживши,
Круглымъ кольцомъ, держа на вѣсу, свою прялку вращала.
Зубы равняли межъ тѣмъ постоянно работу щипками:
Шерсти окуски при этомъ къ изсохшимъ губамъ прилипали,
Тѣ, что̀ сначала комками на гладкой ниткѣ першились.
Волну же бѣлую мягкой шерсти у нихъ сохраняли
Около ногъ изъ прутьевъ плетенныя прочно корзины.
Такъ прядя свою пряжу, громкимъ голосомъ Парки
Въ дивной пѣснѣ своей такую судьбу предвѣщали, —

Въ пѣснѣ, которой во лжи уличить вѣкамъ не придется:
„О, безпримѣрную честь по доблестямъ дивнымъ пріявшій,
Царства оплотъ Эмаѳійскаго, сыномъ современемъ славный:
Вѣщимъ гаданьямъ внимай, что̀ сестры тебѣ открываютъ
Въ нынѣшній радостный день; а вы, о рока предтечи,
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Вотъ ужъ восходитъ тебѣ со всѣмъ, что̀ супругу желанно,
Гесперъ; приходитъ къ тебѣ подъ счастливой звѣздою супруга,
Душу твою напоить до дна всепобѣдной любовью,
Томные сны сочетать съ твоими снами готова,
Мощную шею твою обвивая нѣжно руками.
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Не было дома, въ которомъ такая бъ любовь сочеталась,
Нѣтъ любви, что̀ влюбленныхъ такимъ сочетала бъ союзомъ,
Какъ сочетаетъ сегодня согласье Пелея съ Ѳетидой.
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Долженъ родиться отъ васъ Ахиллесъ, не знающій страха,
Мощною грудью врагамъ, а не тыломъ постыднымъ знакомый:
Онъ, побѣдитель обычный на тяжбахъ летучаго бѣга,
Лани обгонитъ слѣды, что̀ быстрѣе молніи мчится.
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Въ битвѣ съ нимъ ни одной ни единый герой не сравнится,
Кровью Тевкровъ когда Фригійцевъ поля задымятся
И, осаждая долгой войной, Троянскія стѣны
Пелопса, клятвъ нарушителя, третій наслѣдникъ разрушитъ.
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Доблесть его безпримѣрную, громкіе подвиги часто
Матери, часто признаютъ, своихъ сыновей погребая,
Пряди сѣдыя волосъ терзая надъ пепломъ печальнымъ,
Въ дряхлую грудь ударяя руками дрожащими въ горѣ.
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Ибо какъ жнецъ, на желтѣющей нивѣ колосья густые
Солнца подъ пламеннымъ зноемъ срѣзая, хлѣбъ пожинаетъ,
Такъ онъ Троянцевъ тѣла желѣзомъ безжалостнымъ скоситъ.
Мчитесь, ведущія нити, вертась, веретена, жужжите.
Доблестямъ будутъ могучимъ свидѣтели воды Скамандра,
Устьями что̀ въ Геллеспонтъ вливается многими бурный,
Въ день, какъ, имъ путь заграждая грудами тѣлъ бездыханныхъ,
Рѣку согрѣетъ глубокую, кровью окрасивъ убитыхъ.

Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Будетъ свидѣтелемъ также врученная смерти добыча,
Какъ на возвышенной насыпи холмъ, у костра наваленный,
Дѣвы, пронзенной желѣзомъ, пріиметъ бѣлоснѣжные члены.
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Ибо, какъ только судьба усталымъ Ахейцамъ поможетъ
Стѣны Нептуна прорвать, обводящія городъ Дардана,
Кровь обагритъ Поликсены гробницы насыпь высокой,
Той, что̀ какъ жертва падетъ подъ двуостраго взмахомъ желѣза,
Тѣломъ безглавымъ падетъ, безсильно сгибая колѣна.
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите.
Жданныя сердцемъ утѣхи любви сочетайте же нынѣ!
Пусть принимаетъ супругъ союзъ счастливой богини:
Время невѣсту вручить желанную страстному мужу.
Мчитесь, ведущія нити, веретена, жужжите.
Пусть кормилица ей, при сіяньи востока встрѣчая,
Шею не сможетъ обвить вчера обвивавшею нитью;
Пусть и на внуковъ надеждъ не теряетъ отъ спавшихъ
отдѣльно
Мать, боязливо тревожась о дѣвы упорствѣ напрасномъ.
Мчитесь, ведущія нити, вертясь, веретена, жужжите".
Такъ, предвѣщая великое нѣкогда счастье Пелею,
Грудью божественной Парки пѣсни вѣщія пѣли.
Ибо и сами, бывало, героевъ дома навѣщали
Честные, смертныхъ собраньямъ являя себя зачастую,
Жители неба, когда благочестіе свято хранилось.
Часто отецъ боговъ предстоялъ въ сіяющемъ храмѣ,
Жертвамъ годичнымъ когда посвященные дни наступали,
Самъ взирая, какъ на землю сто быковъ упадало;
Часто бродящій Либеръ съ вершины самой Парнасса
Велъ Ѳіадъ, волоса распускавшихъ съ крикомъ „Эвоэ!"
Взапуски рвались когда изъ цѣлаго города Дельфовъ,
Радостно бога вблизи алтарей дымящихся встрѣтить;
Часто и Марсъ въ состязаньи войны смертоносномъ, Тритона
Быстраго часто владычица, часто Рамнунтская дѣва
Сами оружье носящихъ строи людей возбуждали.
Но съ той поры, какъ земля обагрилась безбожнымъ
злодѣйствомъ,
Всѣ изъ похотью пьяной души правосудье изгнали,

Руки свои запятнали кровью братнею братья,
Сынъ усопшихъ родителей смерть оплакивать бросилъ,
Началъ отецъ желать кончины юнаго сына,
Чтобы свободно владѣть новобрачной мачихи цвѣтомъ,
Мать, обучая безбожно соблазнамъ невиннаго сына,
Страхъ потеряла, скверня родимыхъ боговъ непотребствомъ,
Зло съ добромъ безумство преступное вмѣстѣ смѣшало, —
Духъ правосудный безсмертные боги отъ насъ отвратили:
Имъ подобныхъ собраній почтить неугодно явленьемъ,
Ясному взору противно дозволить къ нимъ прикоснуться.

Б. Никольскій.

О ДВУХЪ ТИРРИНСКИХЪ АМФОРАХЪ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ исторіи развитія греческаго искусства является, несомнѣнно, вліяніе іонійскаго искусства, т.-е. художественныхъ школъ Малой Азіи и острововъ Архипелага на искусство Европейской Греціи. Въ настоящее время въ области археологіи накопилось уже много фактовъ, прямо или косвенно подтверждающихъ іонійское вліяніе. Тронъ Ваѳикла, Коры Акрополя, Ника Пеонія, Парѳенонскія скульптуры, балюстрада храма Аѳины Побѣды— все это произведенія, въ которыхъ мы можемъ иногда безъ сомнѣній признавать, иногда угадывать яркое проявленіе этого вліянія. Въ важномъ значеніи его мы убѣждаемся хотя бы по поводу вопроса о стилѣ Парѳенонскихъ скульптуръ. Повидимому, только при помощи вліянія Іоніи возможно удовлетворительно объяснить происхожденіе стиля школы Фидія и связь ея съ стилемъ самого Фидія (Аѳины Лимніи, Аѳины Парѳеносъ). Изученіе вазъ, ихъ формъ, изображеній, орнамента и техники въ свою очередь подтверждаетъ фактъ сильнаго вліянія іонійскихъ образцовъ на художественное творчество Европейской Греціи. Въ этомъ случаѣ не лишена значенія и интереса группа такъ называемыхъ „тирринскихъ" вазъ, правильному пониманію которой особенно содѣйствовалъ проф. Г. Лёшке, выяснившій постепенно въ своихъ статьяхъ (см. ниже) художественно-историческій смыслъ этой группы. На двухъ образцахъ этого класса вазъ мы желали бы остановить вниманіе читателя. Оба они были въ свое время описаны и опубликованы, но при этомъ ихъ взаимная связь и эпическій сюжетъ, изображенный на одной изъ нихъ, были разъяснены не совсѣмъ правильно. Лёшке въ своей статьѣ „Vase aus Aegina" (Ath. Mitth. 1897, стр. 263) первый указалъ ошибку и предложилъ

иное толкованіе сюжета. Поправка была сдѣлана Лёшке въ видѣ краткаго попутнаго замѣчанія, безъ разъясненія мотивовъ и подробностей предложеннаго имъ толкованія. Принимая участіе въ практическихъ упражненіяхъ по классической археологіи, руководимыхъ проф. Лёшке въ Боннѣ, мы имѣли случай ближе ознакомиться въ описаніи и снимкахъ съ этими двумя вазами. Намъ казалось, что предлагаемыя ниже замѣчанія, въ дополненіе къ тому, что было уже сказано объ этихъ вазахъ, могутъ представить извѣстный интересъ: во первыхъ, потому, что мы не разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи пользуемся цѣнными разъясненіями самого руководителя упражненій; во вторыхъ, въ виду того, что въ изслѣдованіи Г. Тирша (H. Thiersch) „Tyrrhenische Amphoren" (1899 г.) находимъ развитіе выше упомянутаго толкованія, предложеннаго Лёшке, въ подробностяхъ однако не совсѣмъ удачное.

Обѣ упомянутыя вазы относятся къ разряду „тирринскихъ". Первоначально этимъ терминомъ [1]) обозначалась очень большая и разнородная группа вазъ, найденныхъ въ концѣ 20-хъ годовъ въ Этруріи, въ Вульчи. Постепенно, съ выдѣленіемъ разнообразныхъ элементовъ этой группы въ особые разряды, сообразно съ истиннымъ ихъ происхожденіемъ и стилемъ, кругъ „тирринскихъ" вазъ становился уже, и съ конца 30-хъ годовъ этотъ терминъ удержался лишь за небольшой, но характерной группой вазъ, типичные признаки которой мы указываемъ ниже. Однако и въ приложеніи къ послѣдней группѣ этотъ терминъ нельзя считать правильнымъ, такъ какъ давно доказано, что „тиррингскія" вазы изготовлялись въ Аттикѣ, а не въ Этруріи. Въ настоящее время въ этой группѣ считается болѣе 70 вазъ, относящихся къ разряду амфоръ. Всѣ онѣ найдены въ Италіи, за исключеніемъ одной, (изъ собр. Фонтана, теперь находящейся въ Боннѣ въ Kunstmuseum), можетъ быть, происходящей съ Эгины [2]). Тиррянскія амфоры не моложе середины VI вѣка. Слѣдующія особенности формы типичны для вазъ этого класса [3]). Ножка сосуда имѣетъ большей частью видъ обращеннаго внизъ эхина. Отъ ножки, рѣзко отдѣляясь, поднимается яйцеобразный корпусъ вазы. Его умѣренная въ общемъ выпуклость, чѣмъ выше, тѣмъ становится силь-

[1]) Для исторіи термина см. Г. Тирша „Tyrrhen. Amph.".

[2]) См. Лёшке, Ath. Mitth. XXII, стр. 203.

[3]) Каталогъ и описаніе этихъ вазъ даетъ Гольверда въ Jahrbuch B. V. и Тиршъ „Tyrrhen. Amph.".

нѣе. Съ двухъ третей высоты сосуда его стѣнки начинаютъ стягиваться въ плавномъ перегибѣ и образуютъ часть, извѣстную подъ именемъ „плеча“. Изъ послѣдняго, подъ угломъ, выростаетъ „горло“, не особенно высокое, отдѣленное отъ плеча пластическимъ кольцомъ. Горло завершается „устьемъ“ въ видѣ обращеннаго вверхъ эхина. Двѣ ручки, по большей части круглыя въ поперечномъ сѣченіи, поднимаются другъ противъ друга, связывая плечо сосуда съ горломъ. По техникѣ эти амфоры относятся къ разряду чернофигурныхъ вазъ. Широко примѣняется въ нихъ прокладка бѣлой и красной краской поверхъ чернаго лака. Бѣлой краской изображено тѣло женщинъ; та же краска употребляется для абрисовъ, одеждъ и украшеній на оружіи. Въ послѣднемъ, а также въ одеждахъ, встрѣчается и красная краска. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ рисунокъ часто гравированъ. Живописныя изображенія и орнаментъ распредѣляются по поверхности вазы слѣдующимъ образомъ. Корпусъ вазы расчлененъ на нѣсколько горизонтальныхъ фризовъ или полосъ, идущихъ кругомъ всей вазы. На лицевой сторонѣ амфоры, въ верхнемъ фризѣ, болѣе широкомъ, чѣмъ нижніе, представлена главная сцена, миѳологическаго или героическаго содержанія. Изображеніе, украшавшее другую половину этой полосы, носило общій жанровый характеръ; обычными сюжетами здѣсь были: битва, всадники или танцующіе демоны. Въ остальныхъ фризахъ встрѣчаемъ большей частью фигуры симметрично расположенныхъ звѣрей и фантастическихъ существъ. Часто, впрочемъ, и здѣсь изображались въ излюбленныхъ типическихъ чертахъ битвы, пиръ, состязаніе колесницъ. Эти сцены были очень удобны для живописца, такъ какъ въ нихъ обыкновенно повторялась одна и та же типичная фигура: стоило только лишній разъ нарисовать ее, чтобы заполнить свободное мѣсто фриза [1]). Если надо было украсить сосудъ болѣе роскошно, то количество фризовъ увеличивалось, и человѣческимъ фигурамъ въ нихъ отводилось больше мѣста. Въ болѣе простыхъ образцахъ уже на задней сторонѣ главнаго фриза встрѣчаются изображенія звѣрей. Горло тирринскихъ амфоръ украшено гирляндой изъ чередующихся пальметъ и цвѣтовъ лотоса; гирлянда

[1]) Лёшке, Arch. Zeit. 1881, стр. 48. Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній (возлежаніе за пиромъ, всадники) могли избираться предпочтительно и потому, что они играли роль въ погребальномъ культѣ, для котораго предназначались, вѣроятно, и нѣкоторыя изъ этихъ вазъ (Лёшке Jahrb. B. II, 275—76).

прерывается только въ мѣстахъ прикрѣпленія ручекъ. Плечо, по верхнему краю, подъ пластическимъ кольцомъ, окружено непрерывной лентой изъ черныхъ и красныхъ язычковъ или полосокъ (Stabornament). Фризы, украшающіе корпусъ вазы, разграничены другъ отъ друга посредствомъ одной, двухъ или нѣсколькихъ параллельныхъ линій. Часто верхній фризъ отдѣляется отъ нижнихъ еще узкой лентой, украшеніе которой состоитъ изъ точекъ. На самой нижней части корпуса, подъ послѣднимъ фризомъ изображался кругомъ вазы орнаментъ изъ такъ называемыхъ „лучей". Обыкновенно ножка и устье амфоры выкрашены въ черный цвѣтъ; иногда на нихъ проведены кругомъ горизонтально одна или двѣ красныхъ линіи.

Стиль изображеній на тирринскихъ амфорахъ оставляетъ въ большинствѣ случаевъ желать весьма многаго. Рисунокъ отличается ремесленнымъ характеромъ, сдѣланъ то безжизненно, то небрежно, грубо, и напоминаетъ иногда каррикатуру. По мнѣнію проф. Лёшке, эти свойства стиля тирринскихъ амфоръ объясняются недостаткомъ свѣжаго самостоятельнаго творчества и возникли въ большинствѣ случаевъ какъ результатъ рабскаго копированія чужихъ оригиналовъ. Характеръ надписей на тирринскихъ амфорахъ подтверждаетъ предположеніе о копированіи. Надписи часто представляютъ не имѣющій смысла наборъ отдѣльныхъ буквъ и значковъ, при чемъ иногда повторяется одна и та же группа буквъ (напримѣръ +EIO+EIO+EIO: Гаузеръ. Jahrb. B. VIII, стр. 97). Надписи съ опредѣленнымъ смысломъ даны въ аттическомъ алфавитѣ, но среди аттическихъ буквъ встрѣчаются коринѳскія и халкидскія буквы (халкидскія гамма), иногда однозвучныя съ рядомъ стоящими аттическими. Такъ напримѣръ, за коринѳской коппой слѣдуетъ аттическая каппа (въ словѣ ΚΥΛΛΗΝΙΟΣ M. d. Inst. VI, 56). за коринѳскимъ E аттическое (въ словѣ ΔΕΥΣ ibid.). Эти наблюденія позволяютъ считать тирринскія амфоры аттическими копіями съ чужихъ оригиналовъ. Очевидно, копистъ не понималъ нѣкоторыхъ буквъ своего оригинала; но догадкѣ вѣрно замѣняя ихъ аттическими буквами, онъ не рѣшился однако обойтись безъ этихъ непонятныхъ знаковъ и для большей вѣрности повторилъ и ихъ (Лёшке Arch. Zeit. 1876, стр. 108 сл.). Основываясь на присутствіи коринѳскихъ и халкидскихъ буквъ и фризовъ съ изображеніемъ звѣрей, типичныхъ для сосудовъ островитянъ и Коринѳа, Лёшке считалъ возможнымъ признать, что оригиналами для тирринскихъ амфоръ служили іонійскіе (особенно, халкидскіе) и коринѳскіе образцы. Ниже мы вернемся къ вопросу о вліяніи Халкиды

и Коринөа на искусство Аттики, теперь же отъ общей характеристики тирринскихъ амфоръ перейдемъ къ описанію изображеній на тѣхъ двухъ образцахъ этого класса, подробнѣе коснуться которыхъ имѣли мы въ виду выше.

Одна изъ этихъ амфоръ описана Walters'омъ въ Journal of Hellenic studies, Vol. XVIII, стр. 281, другая — Гаузеромъ въ Jahrb. d. k. d. arch. Inst. B. VIII, стр. 93 и позднѣе Г. Тиршемъ въ Tyrrhen. Amhor. стр. 55 и 160. На первой, въ главномъ фризѣ, на лицевой сторонѣ изображена сцена миөологическаго характера. На обратной сторонѣ этой полосы представлены между двухъ пѣтуховъ четверо голыхъ, нѣсколько комично и развязно танцующихъ мужчинъ. Въ каждомъ изъ двухъ нижнихъ фризовъ изображены группы изъ сиренъ, барановъ и пантеръ, то чередующихся, то раздѣленныхъ лебедемъ, нарисованнымъ по срединѣ фриза, то симметрично расположенныхъ по обѣ стороны креста, составленнаго изъ пальметъ, цвѣтовъ лотоса и завитковъ. Остановимся подробнѣе на лицевомъ рисункѣ главнаго фриза. Посреди его изображенъ предметъ, украшенный узоромъ изъ квадратовъ съ бѣлыми крестами и по очертаніямъ похожій на холмъ. Справа три воина держатъ надъ этимъ возвышеніемъ параллельно землѣ женщину, одѣтую въ узкій, прилегающій къ тѣлу хитонъ. Воины вооружены мечами, каждый изображенъ въ шлемѣ, панцырѣ и поножьяхъ. Всѣ трое держатъ свою ношу обѣими руками, одинъ обхвативъ торсъ, другой—колѣни, третій—ноги, около ступней.

Тѣло женщины вытянуто и обращено грудью внизъ. Съ лѣвой стороны отъ предмета, похожаго на холмъ, воинъ, въ полномъ вооруженіи, какъ бы съ разбѣгу вонзаетъ правой рукой мечъ въ горло женщины, которую, какъ только что описано, держатъ передъ нимъ три воина. Лѣвую руку онъ положилъ ей на затылокъ, чтобы вѣрнѣе нанести ударъ. Кровь струей брызжетъ изъ раны. Какъ видно изъ содержанія изображенія и надписей, его сопровождающихъ, въ этой сценѣ представлено принесеніе въ жертву Поликсены Неоптолемомъ, сыномъ Ахилла. Могилу послѣдняго, безъ сомнѣнія, обозначаетъ предметъ въ видѣ холма посреди картины. Этотъ надгробный холмъ Ахилла, очевидно, имѣетъ здѣсь значеніе алтаря [1]), какъ показы-

---

[1]) Ср. такъ же нарисованный и украшенный предметъ съ надписью βωμός на Мюнхенскій вазѣ Гергардъ AVB. 223 и Овербекъ Die Bildw. z. thebisch. u. troisch. Heldenkreis, T. XV, 12 и изображеніе могилы той же формы въ Jahrb.

ваетъ и горящій, сложенный на немъ костеръ. Все вмѣстѣ: и воины и способъ держать тѣло, напоминаетъ, по замѣчанію Walters'а, другую типичную сцену вазовой живописи, именно, спутниковъ Одиссея, собирающихся пронзить глазъ Полифима. Ихъ также трое, и они такъ же, въ тѣхъ же позахъ, держатъ наготовѣ колъ, какъ воины въ нашей вазѣ — женщину (Mon. d. Inst. IX, 4; I, 7). Налѣво отъ описанной средней группы, состоящей изъ активныхъ, дѣйствующихъ лицъ, стоятъ пассивные зрители событія, воинъ въ шлемѣ, панцырѣ и поножьяхъ, вооруженный мечемъ, щитомъ и двумя копьями, и за нимъ, на крайнемъ мѣстѣ слѣва, мужъ въ бѣломъ хитонѣ и красномъ гиматіи. Этотъ второй зритель, согнувъ правую руку, держитъ лѣвою верхній конецъ своего, поставленнаго на землю, копья. Въ соотвѣтствіи съ этой послѣдней фигурой, направо отъ средней группы, изображенъ другой мужъ. Онъ обращенъ спиной къ главной сценѣ и идетъ направо, къ внѣшнему краю картины. Въ позѣ, одеждѣ и вооруженіи эта фигура вполнѣ сходна съ фигурой слѣва. За спиной этого мужа, на предпослѣднемъ мѣстѣ справа, нарисованъ складной стулъ.

Эти три лица, въ присутствіи которыхъ совершается жертвоприношеніе, какъ видно изъ стоящихъ рядомъ надписей, представляютъ Нестора, Діомида и Финика. Всѣ надписи на описанномъ рисункѣ сдѣланы аттическимъ алфавитомъ. Среди нихъ особенно характерны надписи Αἴας Ἰλιάδης (вм. Ὀιλιάδης) и Νέστωρ Πύλιος. Употребленіе именъ, указывающихъ отчество или происхожденіе лица необычно въ вазовой живописи и только въ той же группѣ тирринскихъ амфоръ можно указать еще одинъ аналогичный случай, именно эпитетъ Κυλλήνιος при имени Эрмія на рисункѣ, изображающемъ рожденіе Аѳины (M. d. Inst. IX, 55). Въ послѣднемъ случаѣ эпитетъ, по мнѣнію Лёшке, точнѣе ограничиваетъ область, въ которой образовалась и развилась первоначальная живописная редакція сюжета, изображеннаго на вазѣ. Эпитетъ Κυλλήνιος въ сценѣ рожденія Аѳины на тирринской амфорѣ, фабрикованной въ Аттикѣ, по мнѣнію этого ученаго, позволяетъ заключить, что аттическій художникъ копировалъ оригиналъ, происходившій изъ Пелопонниса, что именно здѣсь была выработана первоначальная живописная редакція этого миѳа, такъ какъ только въ Пелопоннисѣ по-

---

B. VI T. 4 и Оверб. ib. T. XXVII, 17. Это, очевидно, особый видъ могильныхъ холмовъ, оштукатуренныхъ и украшенныхъ орнаментомъ.

нятенъ эпитетъ Κυλλήνιος для Эрмія, культъ котораго былъ извѣстенъ въ Аркадіи (въ Фенеѣ), близъ Киллины. Среди изображеній, украшающихъ нашу амфору, есть одно, которое также говоритъ о вліяніе пелопоннисскихъ оригиналовъ на этотъ классъ вазъ, — это группа развязныхъ, смѣшныхъ танцоровъ на задней сторонѣ главнаго фриза. Типъ этихъ танцоровъ часто встрѣчается на коринѳскихъ вазахъ и различныхъ подражаніяхъ коринѳскому товару. Лёшке, впрочемъ, отмѣтилъ его присутствіе и на одной изъ халкидскихъ вазъ (Athen. Mitth. XIX). Въ объясненіи этихъ фигуръ Лёшке примыкаетъ къ мнѣнію Дюммлера, признавшаго (Annali 1885, 129) въ нихъ древнѣйшихъ народныхъ эллинскихъ δαίμονες, особый разрядъ духовъ, настоящее имя которыхъ, по мнѣнію Лёшке, было σάτυροι. Типичные образы этихъ σάτυροι, какъ думаетъ Лёшке, оказали большое вліяніе на игру и костюмъ актеровъ древнѣйшихъ драмъ Пелопонниса.

Сюжетъ описаннаго нами рисунка, принесеніе въ жертву Поликсены, рѣдко изображался въ греческомъ искусствѣ. Онъ встрѣчается на нѣкоторыхъ вазахъ и геммахъ (Овербекъ, Die Bildw. z. thebisch. u. troisch. Heldenkr. T. XXVII, № 13, 14, 15, 17, 18, 19), но по большей части его изображеніе не отличается той ясностью и типичными чертами, какія свойственны ему во фризѣ интересующей насъ амфоры. Почти во всѣхъ случаяхъ представлены только два главныхъ дѣйствующихъ лица, Неоптолемъ и Поликсена. Если же изображеніе состоитъ изъ большаго числа лицъ, то обыкновенно моментъ, представленный художникомъ, предшествуетъ моменту, изображенному на нашей амфорѣ, и какъ разъ совпадаетъ съ сюжетомъ одной изъ картинъ въ Пинакотекѣ Пропилей, какъ опредѣляетъ его Павсаній. Описаніе этой картины у Павсанія (τοῦ δὲ Ἀχιλλέως τάφου πλησίον μέλλουσά ἐστι σφάζεσθαι Πολυξένη I, 22, 6) подходитъ и къ большинству извѣстныхъ намъ изображеній, приводимыхъ въ связь, иногда безъ особенныхъ основаній, съ сказаніемъ о Поликсенѣ. Нѣкоторымъ изъ этихъ изображеній приданъ спокойный и нѣсколько чувствительный характеръ, очевидно, въ соотвѣтствіи съ общимъ смысломъ сцены, представляющей не убійство, а жертвоприношеніе. (Оверб. ib. T. XXVII, № 17). Въ фризѣ нашей амфоры также есть черты, которыми художникъ хотѣлъ передать впечатлѣніе жертвы. Въ спокойномъ торжественномъ оцѣпенѣніи, умѣстномъ при священной церемоніи, держатъ Поликсену помощники Неоптолема; такъ же спокойны и торжественны видъ и позы остальныхъ присутствующихъ при жертвѣ. Въ Tabula Iliaca (см. Баумейстера Denkm. d. kl.

Alt. B. I. T. XIII),—въ сценѣ принесенія въ жертву Поликсены, представленъ и Калхасъ, по совѣту котораго, какъ разсказываетъ Сервій (къ Aen. III 322), происходитъ и самое жертвоприношеніе. Въ изображеніи, нами описанномъ, среди участниковъ жертвоприношенія, есть также vates, присутствіе котораго умѣстно при актѣ жертвы,—это Амфилохъ, одинъ изъ трехъ воиновъ, держащихъ Поликсену. Онъ былъ предсказателемъ и вмѣстѣ съ Калхасомъ оставался въ Троѣ послѣ отъѣзда грековъ (Кв. Смирн. XIV 366). Какъ выше было сказано, трудно указать въ греческомъ искусствѣ, среди дошедшихъ до насъ памятниковъ, другое изображеніе принесенія въ жертву Поликсены, которое было бы столь же типичнымъ и несомнѣннымъ по смыслу, какъ рисунокъ описанной нами амфоры Британскаго музея. Но Гаузеръ указалъ среди тирринскихъ амфоръ еще одну, на лицевомъ главномъ фризѣ котораго онъ думалъ видѣть изображеніе того же сюжета принесенія въ жертву Поликсены (ваза изъ коллекціи Bourguignon въ Неаполѣ: Jahrb. VIII, стр. 93). Это изображеніе, если принять обьясненіе Гаузера, отличается отъ рисунка британской амфоры выборомъ момента и своеобразной редакціей. Мы переходимъ теперь къ описанію рисунка этой второй тирринской амфоры. Это описаніе мы будемъ дѣлать независимо отъ объясненія Гаузера. Установивъ непосредственно изъ самаго рисунка, что собственно хотѣлъ изобразить художникъ, какія дѣйствія и явленія, мы будемъ въ состояніи судить, насколько подходитъ въ данномъ случаѣ толкованіе Гаузера.

Итакъ, что видимъ мы на рисункѣ этой амфоры? Посреди сцены, занимающей часть главнаго фриза, большая змѣя, высоко взвиваясь, готова броситься на воина, который спѣшитъ на колесницу. Онъ успѣлъ уже поставить на нее одну ногу, но другой ногой еще касается земли. Онъ въ шлемѣ, панцырѣ и поножьяхъ, съ мечемъ у пояса, щитомъ въ лѣвой рукѣ и копьемъ въ правой. Возница, правящій лошадьми, стоитъ на своемъ мѣстѣ въ колесницѣ. Запряженная въ нее четверка коней уже рванулась съ мѣста и быстро несется впередъ, вѣроятно, испуганная появленіемъ змѣи. Нижняя часть туловища змѣи скрыта за тѣломъ женщины, простертымъ надъ холмообразнымъ возвышеніемъ, напоминающимъ βωμός на предыдущей вазѣ. На шеѣ женщины рана, изъ которой брызжетъ кровь. Это обстоятельство, а также неудобное положеніе ея безпомощно перегнувшагося тѣла, закинутая назадъ голова, безсильно висящая правая рука и лѣвая, закинутая за голову и простертая по землѣ,

позволяютъ заключить, что въ этомъ тѣлѣ уже нѣтъ больше жизни. Очевидно, смертельный ударъ былъ нанесенъ ей воиномъ, на котораго бросается змѣя. Слѣва еще видны фрагментарные остатки четырехъ женскихъ фигуръ, вѣроятно, плачущихъ надъ погибшей. Справа также сохранились фрагменты широко и стремительно шагающей женской фигуры. Одной рукой она держитъ лукъ, а другая согнута такъ, какъ будто она хочетъ достать за спиной стрѣлу; рядомъ съ ней видны затылокъ (?) и нога, уцѣлѣвшіе отъ второй, очевидно, тоже быстро бѣгущей (по другую сторону лошадей) фигуры, повидимому, мужчины. Связавъ теперь всѣ эти отдѣльныя черты вмѣстѣ, мы, кажется, въ правѣ заключить, что вся сцена представляетъ отъѣздъ воина, убившаго женщину и принужденнаго теперь спасаться отъ змѣи, имѣющей здѣсь, вѣроятно, значеніе мстительницы за убитую. Стремительно бѣгущая, вооруженная лукомъ женщина и ея спутникъ, мужчина, спѣшатъ на помощь воину. Четыре женщины, изображенныя слѣва, были въ жизни, очевидно, близки къ убитой. Вся сцена имѣетъ чрезвычайно живой, драматическій характеръ; напрасно искали бы мы въ ней чертъ спокойнаго церемоніала, признаковъ религіознаго обряда. Основная мысль изображенія—преслѣдованіе убійцы, который ищетъ спастись отъ грозящей ему мести—говоритъ за то, что художникъ имѣлъ въ виду убійство, близкое скорѣе къ преступленію, чѣмъ къ принесенію въ жертву. И все же это преступленіе совершено было съ соизволенія боговъ! Именно боговъ приходится признать въ фигурахъ стремительно бѣгущихъ женщины и мужчины. Кто же кромѣ боговъ могъ появиться такъ внезапно и такъ во время и выступить такъ смѣло на помощь противъ страшнаго чудовища? Въ этой сценѣ нѣтъ ни одной черты, напоминающей сказаніе о принесеніи въ жертву Поликсены, какъ извѣстно оно намъ изъ позднѣйшихъ источниковъ (Ovid. Metam. XIII, 448; Q. Smyrn. XIV, 215; Hyg. fab. 110; Serv. ad Aen. III, 322; Philostr. Her. XIX, 11; Tzetz. ad Lyc. 323); нѣтъ также и элементовъ, родственныхъ съ изображеніемъ этого сюжета на описанной выше вазѣ Британскаго музея. По мнѣнію Гаузера, живописецъ, рисовавшій вазу изъ коллекціи Bourguignon, заимствовалъ отдѣльные мотивы изъ другихъ знакомыхъ ему образцовъ и механически сопоставилъ ихъ въ сценѣ принесенія въ жертву Поликсены. Разлагая весь рисунокъ на составныя части, Гаузеръ указываетъ образцы для каждой изъ нихъ. Такъ, изображеніе τύμβος'а съ гробовой змѣей можно встрѣтить и на многихъ другихъ вазахъ (Jahrb. VI, T. 4 и Оверб. D. B. z. th. u. tr.

Heldenkr. T. XV, 12). Для тѣла убитой женщины живописецъ, по мнѣнію Гаузера, могъ воспользоваться какъ образцомъ, изображеніемъ мертваго упавшаго на алтарь Пріама на аттическихъ вазахъ (Оверб. ib. T. XXV, 22). Воинъ, вступающій на колесницу (по Гаузеру, Неоптолемъ), и фигура возницы, безъ сомнѣнія, скопированы съ Амфіарая и Ватона, какъ изображались они обыкновенно на древне-коринескихъ вазахъ (рис. у Баумейстера Denkm. d. kl. Alterth. стр. 67 и Mon. d. Inst. X, T. 4, 5). Для четырехъ плачущихъ женскихъ фигуръ слѣва можно также указать образецъ въ женщинахъ, окружающихъ трупъ Пріама въ Ἰλίου πέρσις (Фуртв. Samml. Sabouroff, T. 49, 48). Наконецъ, два божества справа, которыхъ Гаузеръ признаетъ за Артемиду и Аполлона, очень сходны съ изображеніемъ тѣхъ же боговъ на амфорѣ изъ Корнето (Ant. Denkm. I, T. 22). Но если предположеніе Гаузера о заимствованіи отдѣльныхъ мотивовъ довольно вѣроятно, то все же самое изображеніе не могло быть безсмысленнымъ наборомъ случайныхъ чертъ и фигуръ. Художникъ, конечно, заимствовалъ то, что отвѣчало содержанію изображаемой имъ саги. Итакъ, намъ остается подыскать среди греческихъ сказаній сюжетъ, подходящій къ изображенію на вазѣ изъ коллекціи Bourguignon. Такой сюжетъ мы находимъ въ сагѣ объ Алкмеонѣ, сынѣ Амфіарая [1]). По одной изъ двухъ редакцій этого сказанія [2]), герой Алкмеонъ, сынъ Амфіарая, передъ тѣмъ какъ отправиться съ эпигонами въ походъ на Өивы, убиваетъ свою мать Эрифилу, чтобы отомстить ей за отца. Подкупленная нѣкогда ὅρμος'омъ Гармоніи, она убѣдила Амфіарая принять участіе въ походѣ Семи противъ Өивъ. Амфіарай, предвидя свою гибель, передъ отправленіемъ въ походъ завѣщалъ старшему сыну Алкмеону отмстить матери за ея измѣну. Исполнивъ этотъ завѣтъ отца, Алкмеонъ, гонимый эриніями, впадаетъ въ безуміе. Но боги даруютъ ему очищеніе, освобождаютъ отъ болѣзни, потому что онъ совершилъ священное убійство, по приказу отца, послѣ чего Алкмеонъ отправляется въ походъ съ эпигонами. Эта редакція сказанія объ

[1]) Впервые на этотъ сюжетъ для объясненія даннаго рисунка указалъ Лёшке въ Ath. Mitth. 1897, стр. 263; на сказаніи объ Алкмеонѣ остановились и мы въ нашихъ поискахъ, независимо отъ указанія Лёшке, которое тогда еще не было намъ извѣстно.

[2]) Той, которая по Бете (Thebanische Heldenlieder, Untersuch. üb. die Epen des thebanisch-argivischen Sagenkreises, 1891) восходитъ къ „Алкмеонидѣ“, эпосу, возникшему въ кругѣ коринеской культуры, по Виламовицу около 600 года.

Алкмеонѣ [1]), наиболѣе отвѣчаетъ сюжету изображенія на вазѣ изъ коллекціи Bourguignon. Изложеніе этой редакціи находимъ въ схоліи къ Од. XI, 326: .... 'Αμφιάραον.... μὲν ἐξορμῆσαι πρὸς τὴν στρατείαν 'Αλκμαίωνι δὲ προστάξαι μὴ πρότερον μετὰ τῶν ἐπιγόνων ἐπὶ Θήβας πορεύεσθαι, πρὶν ἀποκτεῖναι τὴν μητέρα· ταῦτα δὲ πάντα δρᾶσαι λέγεται τὸν 'Αλκμαίωνα καὶ διὰ τὴν μητροκτονίαν μανῆναι· τοὺς δὲ θεοὺς ἀπολῦσαι τῆς νόσου αὐτὸν διὰ τὸ ὁσίως ἐπαμύνοντα τῷ πατρὶ τὴν μητέρα κατακτεῖναι. Этотъ текстъ хорошо подходитъ къ тому пониманію рисунка вазы, которое было въ главныхъ общихъ чертахъ установлено нами выше. Редакція, изложенная въ схоліи, даетъ, такъ сказать, основныя черты для нашего рисунка. Но вмѣсто сухого пересказа схоліи на вазѣ мы находимъ рядъ яркихъ, сильныхъ образовъ, которые отчасти могутъ замѣнить намъ строки утраченной для насъ поэмы, даже въ томъ случаѣ, если художникъ творилъ независимо отъ поэта, на основѣ народныхъ сказаній, служившихъ общимъ источникомъ и для живописца, и для рапсода.

Итакъ, постараемся прочесть утраченную сагу въ наивномъ, но выразительномъ рисункѣ вазы. Все готово къ отъѣзду героя, колесница, запряженная четверкой, ожидаетъ Алкмеона; возница всталъ на свое мѣсто; домашніе Алкмеона собрались, чтобы проститься съ нимъ. Мѣсто дѣйствія обозначено изображеніемъ алтаря Это скорѣе всего алтарь Аполлона 'Αγυιεύς'а, который ставился обыкновенно передъ дверями дома, или Зевса 'Ερκεῖος'а, который почитался внутри двора; въ данномъ случаѣ βωμός замѣняетъ какъ бы двери дома, изъ которыхъ вышелъ герой и его семейные. Эта обстановка напоминаетъ Алкмеону давно минувшее..... Такъ же когда то у этихъ дверей ожидала колесница его отца Амфіарая, который, какъ и онъ теперь, отправлялся въ походъ противъ Θивъ; такъ же стояли на порогѣ дворца готовые проститься съ героемъ домашніе, дѣти и самъ Алкмеонъ, тогда еще ребенокъ; тутъ же, какъ и теперь была измѣнница Эрифила [2]). И вспомнилъ Алкмеонъ, какъ, прощаясь съ нимъ, отецъ оставилъ ему страшный завѣтъ: μὴ πρότερον.... ἐπὶ Θήβας πορεύεσθαι πρὶν ἀποκτεῖναι τὴν μητέρα".... Онъ и до сихъ поръ еще не выполнилъ его... Теперь пора!.. Ударъ

---

[1]) По другой редакціи, восходящей по Бете (ibid.) къ „Θиваидѣ", онъ убиваетъ мать только послѣ похода.

[2]) Ср. сцену отъѣзда Амфіарая на коринеской вазѣ въ Берлинѣ (M. d. Inst. X T. 4, 5), изъ которой, вѣроятно, вполнѣ сознательно заимствовалъ отдѣльныя черты авторъ рисунка на вазѣ изъ колл. Bourguignon.

меча поражаетъ Эрифилу, и она падаетъ на стоящій рядомъ βωμός, и въ то же мгновеніе громадная змѣя, взвившись надъ тѣломъ Эрифилы, злобно бросается на убійцу. Кони, испуганные видомъ чудовища, рванулись съ мѣста, и самъ герой спѣшитъ спастись отъ преслѣдованія страшнаго призрака на колесницу. Изображеніе змѣи на вазахъ часто обозначаетъ душу умершаго. Въ данномъ случаѣ въ змѣѣ, конечно, изображена жаждущая отмщенія душа Эрифилы. (Не душа Амфіарая, какъ думаетъ Тиршъ Tyrrh. Amphor.: зачѣмъ было Амфіараю такъ грозно нападать на Алкмеона, который, отмстивъ за него, исполнилъ его же волю?). Душа убитой матери, какъ грозная Эринія, преслѣдуетъ героя [1]). Такимъ образомъ въ змѣѣ художникъ выразилъ причину, побудившую μανῆναι Алкмеона, и далъ живое воплощеніе его „маніи". Но спасеніе близко. Внезапно являются на сцену два бога, очевидно, Аполлонъ, всегда спасающій тѣхъ, кого преслѣдуютъ Эриніи, и сестра его, вооруженная лукомъ Артемида. Они спѣшатъ освободить героя отъ мучительнаго призрака, τοὺς δὲ θεοὺς ἀπολῦσαι τῆς νόσου αὐτόν, и признать это убійство исполненіемъ священнаго долга: διὰ τὸ ὁσίως.... τὴν μητέρα κατακτεῖναι. Приблизительно къ такому толкованію даетъ поводъ живой драматическій характеръ рисунка нашей вазы.

Намъ остается привести соображенія въ пользу нашего объясненія двухъ порывисто бѣгущихъ фигуръ около коней. (Нельзя согласиться съ Тиршемъ [Tyrrh. Amph.], который въ фигурѣ бѣгущей женщины признаетъ Эринію, а предметъ въ ея рукахъ считаетъ не лукомъ, а змѣей, слѣды которой онъ различаетъ и на шеѣ 3-ей лошади, подъ ухомъ. Наблюдая внимательно рисунокъ, мы не нашли въ немъ какихъ либо характерныхъ чертъ, говорящихъ въ пользу объясненія Тирша. Въ этомъ предметѣ можно съ равнымъ правомъ видѣть и змѣю, аттрибутъ Эриніи, и лукъ, оружіе Артемиды. Едва ли вѣроятно также, что Эринія могла быть изображена на рисункѣ непосредственно *рядомъ* съ Аполлономъ, котораго Тиршъ

---

[1]) См. Роде, Psyche, стр. 270. „Если всмотрѣться внимательно, то сквозь туманъ преданій", говоритъ Роде, „еще просвѣчиваетъ слѣдъ того, что ἐρινύς убитаго была не что иное, какъ его собственная гнѣвная, сама за себя мстящая душа, и только въ позднѣйшей переработкѣ обратилась въ адскій духъ, заступающій гнѣвную душу"; ср. Rhein. Mus. 50 в. стр. сл. Въ случаѣ убійства матери, при отсутствіи другихъ мстителей, за нее мститъ ея душа, ея ἐρινύς. Роде указываетъ много примѣровъ родительнаго partit. и possess. при ἐρινύς у писателей.

признаетъ въ фигурѣ бѣгущей рядомъ. Аполлонъ всегда дѣйствуетъ противъ Эриній и стоитъ по отношенію къ нимъ какъ бы на другомъ полюсѣ греческой миѳологіи). Боговъ Аполлона и Артемиду призналъ въ этихъ двухъ фигурахъ и Гаузеръ. Онъ сравниваетъ съ ними сходныя изображенія Литоидовъ, внезапное появляющихся въ столь же порывистомъ движеніи на амфорѣ изъ Корнето (Ant. Denkm. I, 22), въ сценѣ гибели Ніобидовъ и на черепкѣ съ Акрополя съ изображеніемъ смерти Тиѳія ('Εφημερίς, 1883, T. 3. Оба эти сосуда относятся къ той же группѣ, что и амфора изъ коллекціи Bourguignon). Изображенія Литоидовъ и сказаній о Ніобидахъ и Тиѳіи въ данномъ случаѣ, по мнѣнію Гаузера, указываютъ на Віотію, гдѣ были популярны эти сказанія и культъ Литоидовъ. Присутствіе этихъ изображеній на тирринскихъ вазахъ приводитъ Гаузера къ предположенію, что образцы вазъ этого класса, прежде чѣмъ достигнуть Аттики, проходили черезъ Віотію. Віотійскіе художники, повторяя эти образцы, отводили въ нихъ почетное мѣсто Литоидамъ даже въ томъ случаѣ, когда присутствіе послѣднихъ не оправдывалось содержаніемъ миѳа. Въ доказательство этой мысли Гаузеръ ссылается на рисунокъ амфоры изъ коллекціи Bourguignon, въ которомъ онъ, какъ выше было сказано, видитъ принесеніе въ жертву Поликсены. Признавая въ двухъ бѣгущихъ фигурахъ справа Артемиду и Аполлона, онъ указываетъ на отсутствіе связи между послѣдними и сказаніемъ о Поликсенѣ. Объясняя иначе содержаніе рисунка на вазѣ изъ коллекціи Bourguignon, мы, разумѣется, не можемъ считать Литоидовъ въ этомъ рисункѣ случайнымъ элементомъ, не связаннымъ съ сюжетомъ всей сцены, Но вмѣстѣ съ этимъ теряетъ убѣдительность и мысль Гаузера о вліяніи Віотіи, какъ передаточнаго пути. Конечно, иногда выборъ боговъ на вазахъ обусловливался мѣстными симпатіями, но культъ Литоидовъ былъ извѣстенъ и въ Пелопоннисѣ; слѣдовательно, ихъ присутствіе на вазѣ еще не доказываетъ Віотійскаго происхожденія послѣдней. Наконецъ, оба бога на рисункѣ вазы изъ коллекціи Bourguignon введены въ общее дѣйствіе столь живымъ и непосредственнымъ образомъ, что правильнѣй признать въ данномъ случаѣ ихъ прямую, тѣсную связь съ содержаніемъ рисунка, чѣмъ вліяніе симпатій мѣстныхъ живописцевъ. Наше объясненіе сюжета позволяетъ, кажется, установить такую связь. Судя по дошедшимъ до насъ отдѣльнымъ чертамъ сказанія объ Алкмеонѣ, Аполлону была отведена въ немъ важная роль. По разсказу Діодора (IV, 66), Алкмеонъ, избранный эпигонами въ предводители, вопрошалъ дельфійскій

оракулъ относительно похода противъ Ѳивъ и отмщенія матери. Аполлонъ велѣлъ ему принять участіе въ походѣ и казнить Эрифилу (что онъ исполнилъ по этой редакціи послѣ похода: Apollod III, 7, 2), которая не только погубила его отца, подкупленная золотымъ ὅρμος'омъ, но согласилась и теперь за пеплосъ погубить сына. Когда Алкмеонъ, совершивъ убійство матери, впалъ въ безуміе, дельфійскій оракулъ даруетъ ему очищеніе и освобождаетъ отъ болѣзни своимъ совѣтомъ. По Эфору у Аѳинея 6, p. 2322 (восход. къ 1-ой редакціи саги, по Бете), Алкмеонъ, за свое исцѣленіе отъ безумія, посвятилъ дельфійскому оракулу, по его приказу, роковые подарки ὅρμος и πέπλος. Итакъ, Алкмеонъ тѣсно связанъ въ сказаніи съ Аполлономъ, какъ съ своимъ совѣтникомъ и защитникомъ отъ приводящихъ въ безуміе Эриній. Но вмѣстѣ съ Аполлономъ дѣйствуютъ часто заодно и сестра его Артемида. По аналогіи съ другими миѳами, она легко могла быть введена рядомъ съ Аполлономъ и въ сказаніе объ Алкмеонѣ, или въ живописную его редакцію. Конечно, это введеніе въ сагу Артемиды, можно также считать доказательствомъ въ пользу вліянія Віотіи, но эта новая черта могла быть внесена въ сказаніе еще на родинѣ его, въ Пелопоннисѣ, гдѣ, какъ уже сказано, культъ Литоидовъ былъ также очень популяренъ.

Чтобы заключить изложенныя выше замѣчанія, мы коснемся еще разъ вкратцѣ двухъ вопросовъ общаго характера: о происхожденіи тирринскихъ вазъ и о томъ пути, который проходили образцы этого класса, прежде чѣмъ достигнуть Аттики. Мы ограничимся при этомъ лишь изложеніемъ общаго состоянія этихъ вопросовъ въ современной наукѣ, еще далекой отъ возможности рѣшить ихъ въ окончательной формѣ. Наибольшій интересъ представляютъ въ этомъ случаѣ работы Лёшке. Въ своей статьѣ „Ueber Darstellungen der Athenageburt" (Arch. Zeit. 1876, стр. 108) Лёшке, какъ мы упоминали уже выше, указалъ рядъ пелопоннисскихъ элементовъ въ алфавитѣ, редакціи и сюжетахъ изображеній на тирринскихъ амфорахъ. Эти элементы и небрежный, ремесленный характеръ рисунка на тирринскихъ амфорахъ побудили Лёшке признать ихъ копіями съ пелопоннисскихъ образцовъ. Вліяніе этихъ образцовъ онъ распространилъ вообще на аттическую чернофигурную живопись. Въ ней онъ указалъ тѣ же темы, которыми украшенъ былъ ларь Кипсела и Амиклейскій тронъ, и притомъ, какъ видно изъ описанія послѣднихъ, въ одной и той же типической редакціи. Впослѣдствіи, когда Лёшке и въ самомъ пелопоннисскомъ искусствѣ призналъ сильное вліяніе Іоніи (Дерптская

програмна 1886 года: „Boreas und Oreithyia am Kypseloskasten"). видоизмѣнился его взглядъ и на вопросъ о тирринскихъ амфорахъ. Изслѣдуя сюжетъ ихъ изображеній и составные элементы украшающаго ихъ орнамента, онъ сталъ отъ Коринеа и Пелопонниса восходить къ вліянію Іонии (Jahrb. B. II, Archaische Niobidenvase). Такимъ образомъ Іонія получила значеніе первоначальной родины этихъ мотивовъ, а Коринеъ въ большинствѣ случаевъ являлся лишь посредникомъ въ ихъ передачѣ и распространеніи въ Европейской Греціи. Наряду съ Коринеомъ, по мнѣнію Лёшке, важнымъ посредникомъ въ передачѣ Іонійскаго вліянія была и Халкида на Еввіи (Jahrb. B. II ibid.). Въ самый Коринеъ элементы іонійской культуры достигали часто не прямымъ путемъ, но черезъ посредство Халкиды. Такимъ образомъ изслѣдуя памятники искусства, Лёшке приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, что и Э. Курціусъ относительно фактовъ общей культуры, Э. Бете — относительно развитія литературы. Онъ отмѣчаетъ важное вліяніе Іоніи и указываетъ пункты, игравшіе роль посредниковъ между Западомъ и Востокомъ. Но это вліяніе проявляется не только въ древнѣйшемъ періодѣ: на всемъ протяженіи исторіи греческаго искусства оно дѣйствуетъ въ немъ постоянно. Можетъ быть, со временемъ окажется, что каждый крупный успѣхъ въ развитіи греческаго искусства, каждый новый шагъ впередъ, стоялъ въ связи съ усиленіемъ притока благотворныхъ іонійскихъ вліяній. Такимъ образомъ, на ряду съ вліяніемъ Пелопонниса (въ частности, Коринеа), въ тирринскихъ амфорахъ необходимо отмѣтить и вліяніе Іоніи, часто даже выдвинуть послѣднее на первый планъ. Іонійское вліяніе, какъ показалъ Гаузеръ, проявляется и въ вазѣ изъ колл. Bourguignon, именно въ характерѣ и распредѣленія ея орнамента. Въ этомъ отношеніи эта амфора нѣсколько отступаетъ отъ описаннаго выше общаго типа тирринскихъ вазъ. Она украшена богаче, чѣмъ обыкновенно.—На задней сторонѣ ея главнаго фриза представлена битва, а въ остальныхъ фризахъ вмѣсто фигуръ звѣрей изображены сцены съ жанровымъ характеромъ: въ среднемъ фризѣ возлежаніе на пиру, въ нижнемъ состязанія мальчиковъ въ бѣгѣ (на послѣдней сценѣ изображены также трое судей состязанія и три треножника, очевидно, представляющихъ призъ). Устье вазы украшено гирляндой изъ бутоновъ лотоса, которая отсутствуетъ въ обычномъ типѣ, а главный фризъ отдѣленъ отъ средняго не только полосой изъ точекъ, но и лентой изъ перемежающихся пальметъ и цвѣтовъ лотоса. Эта лента окружаетъ сосудъ въ самой выпуклой его части, непосредственно

слѣдуя за полосой, украшенной точками. Богатство въ украшеніяхъ, лента изъ цвѣтовъ лотоса и пальметъ на самомъ выпукломъ мѣстѣ сосуда и гирлянда изъ бутоновъ лотоса [1]) встрѣчаются на нѣкоторыхъ вазахъ, которые, будучи родственны тирринскимъ, восходятъ однако не къ Коринѳу, а къ халкидскимъ образцамъ (Mon. Ined. XII, T. 9; 10). Но эти же особенности можно встрѣтить и на нѣкоторыхъ сосудахъ Іоніи (Massner, Vas. u. Terrak. T. III, № 216, Gerh. AVB. IV, 318). Эти наблюденія вполнѣ согласуются съ вышеприведеннымъ взглядомъ Лёшке на значеніе Халкиды и Іоніи въ развитіи греческаго искусства. Итакъ, согласно Лёшке, можно слѣдующимъ образомъ разрѣшить вопросъ о тирринскихъ амфорахъ. Образцы для тирринскихъ амфоръ, ихъ изображеній и орнамента не всегда приходили въ Аттику изъ Коринѳа. Послѣдній былъ лишь однимъ изъ пунктовъ той обширной области, которую слѣдуетъ считать ихъ родиной. Часто эти образцы шли изъ Іоніи и достигали Аттики или прямо, или черезъ Коринѳъ и Халкиду. Весьма вѣроятно, что они прежде. чѣмъ достигнуть Аттики, проходили черезъ Віотію, которая лежитъ непосредственно за Халкидой (Jahrb. B. II Лёшке „Arch. Niobidenv.“), Такимъ образомъ, вазы этого класса такъ же, какъ тронъ Ваѳикла и ларь Кипсела, свидѣтельствуютъ намъ о существованіи прямого или косвеннаго іонійскаго вліянія на искусство Европейской Греціи въ архаическую эпоху.

Съ этимъ развитіемъ вопроса о тирринскихъ вазахъ совершенно несогласенъ Г. Тиршъ, авторъ изслѣдованія „Tyrrhenische Amphoren“. Изучая детально стиль рисунка и орнамента на тирринскихъ амфорахъ, Тиршъ отмѣчаетъ рядъ мелкихъ особенностей, которыя отсутствуютъ въ вазахъ Халкиды, Іоніи и Коринѳа. На основаніи этихъ различій онъ отрицаетъ предположеніе о копированіи и заимствованіи чужеземныхъ образцовъ и особенно фактъ вліянія коринѳскихъ оригиналовъ, не обращая вниманія на то, что самъ авторъ этого предположенія, Лёшке, давно сильно видоизмѣнилъ свой прежній взглядъ и отдаетъ теперь іонійскому вліянію предпочтеніе передъ коринѳскимъ. Но тонкихъ отличій стиля, отмѣченныхъ Тиршемъ, едва ли достаточно, чтобы отвергать копированіе и заимствованія. Эти отличія могли быть мѣстной индивидуализаціей чужеземныхъ основныхъ типовъ и элементовъ, вошедшихъ въ составъ системы украшеній на тирринскихъ амфо-

[1]) Эта гирлянда, помѣщенная на устьѣ вазы изъ коллекціи Bourguignon, въ другихъ случаяхъ окружаетъ сосудъ въ его нижней части, надъ орнаментомъ изъ лучей.

рахъ. Самъ Тиршъ отмѣчаетъ иногда въ украшеніи тирринскихъ амфоръ сходство съ іонійскими вазами и не рѣшается совершенно отрицать сходства съ коринѳскими въ общихъ главныхъ чертахъ: въ распредѣленіи и характерѣ украшеній, въ типичныхъ особенностяхъ формы сосудовъ. Основную мысль своего изслѣдованія, богатаго детальными наблюденіями, Тиршъ выражаетъ не совсѣмъ ясно. „Эти (тирринскія) вазы", по его его мнѣнію, „одновременны и родственны съ произведеніями коринѳскихъ фабрикъ и все же онѣ чисто аттическаго происхожденія (только въ временномъ, не мѣстномъ смыслѣ можно называть ихъ коринѳскими)". Но *родство* съ коринѳскими произведеніями и *чисто* аттическое происхожденіе трудно помирить другъ съ другомъ. Это родство съ коринѳскими сосудами могло быть только результатомъ или заимствованія изъ Коринѳа, или вліянія какой-нибудь иной индустріи, къ которой одинаково восходятъ произведенія и Коринѳа, и Аттики. Въ этомъ смыслѣ какъ разъ и разрѣшаетъ вопросъ Лёшке, выдвигая на первый планъ вліяніе Іоніи, и самостоятельное, и черезъ посредство Халкиды и Коринѳа.

Изученіе тирринскихъ амфоръ, по мнѣнію Лёшке, отчасти разъясняетъ еще одну общую черту древней чернофигурной живописи въ Аттикѣ. Ремесленный, несовершенный характеръ послѣдней стоитъ въ связи какъ разъ съ фактомъ копированія, о которомъ свидѣтельствуютъ намъ тирринскія амфоры. Повидимому, аттическій художникъ склоненъ былъ скорѣе рабски повторять чужіе образцы, чѣмъ подражать свободно или творить самостоятельно. Въ этомъ отношеніи полную противоположность чернофигурнымъ вазамъ представляетъ краснофигурный стиль, который отличается большею свободой и изяществомъ и богатъ оригинальнымъ творчествомъ. Вѣроятно, и самый переходъ къ краснофигурному стилю совершился также подъ вліяніемъ Іоніи (іонійской многоцвѣтной живописи, по мнѣнію Лёшке), но уже въ то время, когда аттическій художникъ пріобрѣлъ твердые техническіе навыки и, въ связи съ общимъ культурнымъ расцвѣтомъ своей родины, достигъ ступени болѣе свободнаго и самостоятельнаго творчества. Дѣйствительно, образцы краснофигурныхъ вазъ, ихъ сравненіе съ прежнею керамикой, по мнѣнію Лёшке, позволяютъ заключить, что этотъ новый стиль былъ не просто перемѣной техники, но стоялъ въ связи съ освобожденіемъ аттическаго духа.

П. Романовъ.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Е. М. ПРИДИКА

„Гностическій амулетъ неизвѣстнаго происхожденія“ [1]).

Въ названной статьѣ Е. М. Придикъ издалъ и описалъ вновь амулетъ, изданный и описанный мною въ сочиненіи: „Эллинистическія основы византійскаго искусства“, С.-Пб. 1900, стр. 192—197.

Предлагая свое описаніе и въ общемъ присоединяясь къ тому, что сказано было мною по поводу этого амулета, уважаемый авторъ указанной статьи даетъ нѣкоторыя новыя объясненія фигурамъ и сюжетамъ, изображеннымъ на амулетѣ, отмѣчаетъ нѣкоторыя мелкія неточности моего текста, а въ иныхъ случаяхъ недоумѣваетъ по поводу данныхъ мною объясненій.

Я долженъ признать вѣрность слѣдующихъ указаній автора на существующія неточности моего текста: 1) источникъ Силоама я назвалъ неправильно источникомъ Виѳезды, 2) печать Соломона считалъ упомянутой въ надписи амулета ранѣе именъ архангеловъ, а не послѣ нихъ, 3) въ правописаніи имени *Сисаній* допустилъ несоотвѣтствіе съ надписью амулета. Благодаря за эти указанія Е. М. Придика, долженъ сказать, что со всѣми другими его указаніями и замѣчаніями я не согласенъ и считаю ихъ неправильными.

1) Неправильно, будто я „*не упоминаю*“ изображеній на нимбѣ генія. Эти изображенія упомянуты на стр. 194, гдѣ есть такая фраза: „придаточныхъ эмблемъ *по сторонамъ головы* генія на амулетѣ у него (т.-е. у генія на стеллѣ) нѣтъ“. Не описываю же подробно этихъ эмблемъ потому, что считаю болѣе предпочтительнымъ не трогать темной области гностическихъ знаковъ, а также потому, что разъ

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1901, августъ. Отд. класс. филол. 91—96.

начавши описывать ихъ, принужденъ бываешь говорить такія фразы: „восьмиугольная гностическая *звѣзда*, изображающая, *вѣроятно*, *солнце*, „левъ съ поднятой лапой“, между тѣмъ какъ рисунокъ представляетъ льва съ вѣткой во рту, затѣмъ птица, „похожая на ворона“, когда изображена птица, вообще похожая только на птицу. Если авторъ статьи думаетъ, что подобное описаніе ясно, то я прибавлю, что оно такъ же ясно, какъ и та „*неясная черта*“, которую онъ отмѣтилъ въ числѣ гностическихъ эмблемъ.

2) Е. М. Придику кажется „непонятнымъ“: „изъ чего я заключилъ, будто фигура генія шагаетъ влѣво“. Онъ описываетъ эту фигуру, какъ стоящую „en face“. Понять, однако, не трудно. Взглядъ, брошенный на мой рисунокъ показалъ бы, что описаніе сдѣлано согласно дѣйствительности. Происхожденіе моего рисунка таково. Онъ представляетъ фотографію съ гипсоваго оттиска, сдѣланнаго съ амулета. Послѣдній рѣзанъ вглубь, на подобіе геммы. Рисунокъ Е. М. Придика сдѣланъ по фотографіи не съ оттиска, а съ самаго амулета граверомъ. Общепринято въ наукѣ дѣлать описаніе рѣзныхъ вглубь печатей, камней по ихъ оттискамъ, такъ какъ изображенія на печатяхъ рѣжутся въ обратномъ видѣ. При изготовленіи оттиска съ такой печати, изображеніе получается нормальное. Фотографію съ такого нормальнаго оттиска я и положилъ въ основу своего описанія и оговорилъ это въ текстѣ. Фигура на фотографіи, а также на предложенномъ мною рисункѣ, шагаетъ, именно, влѣво, выступая правой ногой впередъ и отставляя лѣвую. Въ то же время композиція фигуры, или ея очеркъ, развернутъ передъ зрителемъ по законамъ античной пластики почти en face. Въ рисункѣ гравера эта особенность исчезла, но она есть, такъ какъ ее показываетъ фотографія и оттискъ.

Почему Е. М. Придикъ не оговорилъ въ своей статьѣ, что описаніе сдѣлано имъ по фотографіи съ самаго амулета, т.-е. слѣдовательно въ обратномъ порядкѣ, сравнительно съ тѣмъ, который получится при пользованіи амулетомъ въ качествѣ печати, я не знаю, но считаю ошибкой методологическаго характера.

3) Тотъ же оттискъ показываетъ такое удлиненіе подбородка, что является предположеніе о существованіи острой бороды. Этой черты опять не передаетъ гравюра Е. М. Придика, и если онъ „не видитъ“ этой черты, то все же она есть на оттискѣ, а съ этимъ ничего не подѣлаешь.

4) Противорѣчивымъ и невѣрнымъ считаю также объясненіе, данное авторомъ двумъ женскимъ и одной мужской фигурѣ, изображен-

нымъ по сторонамъ Христа. Онъ полагаетъ, что жена, павшая на колѣни и держащая конецъ гиматіона Христа не есть кровоточивая жена, а жена хананеянка, что другая жена, которая протягиваетъ руки къ ногамъ Христа, есть, именно, кровоточивая жена, а далѣе, признавши фигуру бѣсноватаго, изображеннаго рядомъ съ кровоточивой женой, *за мужскую фигуру*, высказываетъ желаніе считать эту фигуру за *женскую*, представляющую бѣсноватую дочь хананеянки. Выходитъ противорѣчіе въ смыслѣ логическомъ и фактическомъ. Въ иконографіи слишкомъ хорошо извѣстна композиція исцѣленія кровоточивой жены, чтобы необходимо было здѣсь много говорить объ этомъ. На амулетѣ ясно видно, что одна жена держитъ конецъ „воскрылія" отъ гиматіона Христа, а другая протягиваетъ руки къ ногамъ Его. Изъ Евангельскаго повѣствованія извѣстно, что, именно, кровоточивая жена коснулась одеждъ Христа, а не жена хананеянка. Извѣстно также, что въ христіанской иконографіи именно это касаніе составляетъ признакъ, по которому узнается самый сюжетъ. Поэтому и невозможно искать другихъ объясненій, да еще съ такими опасностями, чтобы мужскую фигуру признать за женскую.

5) Указывая на то, что жена, держащая воскрыліе гиматіона Христа, представляетъ кровоточивую жену, я старался привести нѣсколько примѣровъ существованія этой сцены на востокѣ. Такъ какъ ранѣе въ томъ же сочиненіи я указалъ на нѣкоторые примѣры (Панеадская группа, изображенія въ двухъ сирійскихъ Евангеліяхъ, на одной египетской ткани), то въ данномъ случаѣ дополнилъ эти указанія свѣдѣніемъ, сообщаемымъ Астеріемъ Амассійскимъ, который видѣлъ на одеждахъ христіанъ „имороиссу, берущую воскрыліе". Слова: „κρασπέδου λαμβανομένη" я обозначилъ какъ „выраженіе Астерія" (Patr. gr. XL, 168). Е. М. Придикъ видитъ въ моей цитатѣ странность и говоритъ: „цитируя слова κρασπέδου λαμβανομένη, Д. В. Айналовъ ссылается на Астерія Амассійскаго, а не на Евангеліе, откуда Астерій взялъ эти слова" (стр. 94, прим. 4). Наоборотъ, было бы крайне страннымъ ссылаться на Евангеліе въ тѣхъ случаяхъ, когда ищется подтвержденіе факта художественнаго порядка, т.-е. существованія образа, аналогичнаго тому, который представленъ на амулетѣ. Цѣль моей цитаты указать, именно, на такой образъ со словъ очевидца. Слова Астерія тѣмъ и интересны, что онъ видѣлъ жену, держащую (λαμβανομένη) воскрыліе, а такая жена и изображена на амулетѣ.

Далѣе, если бы Астерій *„взялъ эти слова"* изъ Евангелія, то онъ сказалъ бы: ἥψατο τοῦ κρασπέδου τοῦ ἱματίου αὐτοῦ (Матѳ. VIII, 20;

Лука VIII, 43), или же ἥψατο τοῦ ἱματίου αὐτοῦ (Маркъ V, 27). Изъ этого видно, что форма λαμβανομένη употреблена Астеріемъ не по Евангелію. Поставивъ впереди этого слова „κρασπέδου", Астерій образовалъ выраженіе, принадлежащее его рѣчи.

Авторъ статьи не вникъ ни въ смыслъ, ни въ значеніе моей цитаты. Онъ долженъ былъ это сдѣлать прежде, чѣмъ требовать ссылки на Евангеліе.

6) Не менѣе ошибочно видитъ авторъ въ холмикѣ, изъ котораго течетъ источникъ—„урну": „мнѣ кажется, говоритъ онъ, вода течетъ изъ урны, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы холмикъ былъ изображенъ такъ странно" (ibid.).

Амулетъ должно разсматривать, какъ произведеніе пластики. и если бы въ данномъ случаѣ дѣло шло о томъ, что кажется страннымъ или не страннымъ, то не стоило бы писать всего нижеслѣдующаго. Но вопросъ касается методологіи въ изученіи древнихъ христіанскихъ памятниковъ, а это важно. Въ пластикѣ же принятъ рядъ сокращеній (эллипсисъ) въ изображеніи фигуръ, предметовъ. Изображеніе холмика съ источникомъ, текущимъ изъ него внизъ, представляетъ обычное явленіе въ рельефной пластикѣ. Рельефъ высокій особенно богатъ эллипсисомъ, и гора, холмъ, скала, весьма часто изображаются въ видѣ выпуклости въ верхней части рельефа, а вода стелется внизъ по фону рельефа. Особенно рѣзки примѣры эллипсиса на христіанскихъ рельефахъ, въ области которыхъ я и разсматривалъ амулетъ. (Ср., напримѣръ, *Edm. Le Blant*, Etudes sur les sarcophages chrétiennes. Paris MDCCCLXXVIII, pl. VII, XV, XVII, XXXII и др. также саркофаги у Гарруччи Storia dell'arte cristiana, passim). Чтобы убѣдиться, что урны нѣтъ, надо сравнить выпуклость, которую я назвалъ „холмикомъ", съ урнами, изображенными въ нижней части амулета.

Руководствуясь этими данными пластики и самаго амулета, ничего „страннаго" въ изображеніи холмика съ ручьемъ Е. М. Придикъ не увидалъ бы.

Д. Айналовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1902 годъ

XIII г. НА ЖУРНАЛЪ XIII г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ имѣетъ **цѣлью** распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года, кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

ПРОГРАММА журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. п. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Н. Ф. Арепьевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, приватъ-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, приватъ-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина-врачъ Е. С. Дрентельнъ, В. Е. Ермиловъ, д-ръ Д. Н. Жбанковъ, д-ръ Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, приватъ-доц. А. А. Ивановскій, приватъ-доц. В. Н. Ивановскій, приватъ-доц. П. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, И. М. Красноперовъ, Е. Ловичъ, Е. I. Лозинскій, проф. И. И. Мечниковъ, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мировичъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Позняковъ, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Д. Сатуринъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, приватъ-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, В. С. Сѣрова, I. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, Г. А. Фальборкъ, приватъ-доц. А. Н. Филипповъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолусскій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевенъ, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ **допущенъ** Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Съ 1901 года журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки **5** р., съ доставкой и пересылкой **6** р., въ полгода **3** р.; съ пересылкой за границу **7** р. **50** к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (*Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова*) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

метода преподаванія новыхъ языковъ. **Л. Леше**; 31) Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ. **Я. И. Руднева**; 32) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи. **Н. И. Карѣева**; 33) Къ вопросу о методахъ классиаго повторенія по предмету исторіи. **К. А. Иванова**; 34) Первые уроки исторіи. **Его же**; 35) Историческіе романы и преподаваніе исторіи. **Н. Р.**; 36) Обученіе чтенію правильному, сознательному, выразительному. **М. А. Тростникова**; 37) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижской выставки 1900 года). **И. Е. Евсѣева** и мн. др.; 38) Критика и библіографія (болѣе ста рецензій на различныя сочиненія по педагогикѣ, методикѣ, руководства и учебныя пособія, а также на книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы", кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ. **Е. Р.**, хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ **Я. В. Абрамова**, хроника воскресныхъ школъ подъ ред. **Х. Д. Алчевской** и **М. Н. Салтыковой**, хроника профессіональнаго образованія **В. В. Бирюковича** и пр.

„РУССКАЯ ШКОЛА" **выходитъ ежемѣсячно** книжками, не менѣе **пятнадцати** печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**СЕМЬ** руб.; съ доставкою—7 р. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—**ВОСЕМЬ** руб.; заграницу—**ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **ШЕСТЬ** рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1).

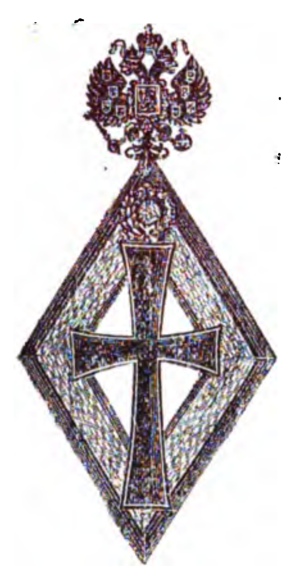
Редакторъ-издатель ***Я. Г. Гуревичъ.***

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ".

Условія подписки см. на послѣдней страницѣ обложки.

ЗНАКИ

нагрудн. — **Университ.; С.-Пбг.** и **Нѣжинск.** инст.-фил. инст.; **Лазаревск.** и **Вост.** инстит.; **ДЕМИДОВСК.** юрид. лицея (собран. Узакон. № 20—20-го фев. 1901 г.); Акад. художеств.; юбил. учрежден. **ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ**; Гл. физ. обсерват.; всѣхъ Сельско-хоз. инст.; Корреспонд. Мин. Земледѣлія; Народ. трезв.; *ветерин.*; С.-Пбг. Археолог. инст.; Духовн. вѣдом.; магистр. Унив.; *Инст.*: горн., пут. сообщ., технолог., лѣсн., гражд. инженер.; *Рижск.* политех. инст.; Александр. лицея; Миров. и город. суд.; Земск. нач.; Город. головъ; присяжн. повѣр.; Красн. Креста; Имп. Человѣколюбив. Общ.; Общ. спасан. на водахъ; Холмск. Братства; Удѣльн. вѣдом.; Воен. Конск. участ.— **бол. и мал.** (*петличн.*) и *всѣхъ друг. вѣдомствъ.*—**ОРДЕНА** *нормальн.* и *петличн.*—**МЕДАЛИ**: Имп. А—III, Н—I; *за усердіе*; *Коронаціон.*; народ. *переписи*—**бол.** и *петличн.*—**ЖЕТОНЫ**: университ.; благотвор. общ. судебн. вѣдом.; географ. общ.; Мин. Пут. Сообщ.; Воен. мед. Акад. и др.—

МЕДАЛЬОНЫ, ПОРТСИГАРЫ и т. п. здѣшн. работы и

ЗАГРАНИЧНОЙ

съ *художеств.* исполнен. рисунк., портретами и т. п. **НА ЭМАЛИ.** по присланнымъ рисункамъ и портрет.

МЕДАЛИ для ВЫСТАВОКЪ.

СОСТАВЛ. РИСУНКИ (проекты) на нов. жетоны и т. п.

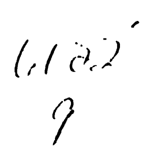
Подробн. иллюстр. пр.-кур. разн. зн. высыл. *безплатно*. *Адресъ* для заказ. *изъ провинціи*: С.-Петербургъ, **ЮРГЕНСЪ**, сел. Император. фарфоров. завода 27. Адресъ для покупающ. **лично** въ С.-Пбг.: Знаменск. ул., № 1, магаз. Новокшенова, близь Невскаго просп.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Радловъ.**

(Вышла 1-го декабря).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994